Сочиненія И. С. Аксакова

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ПО ЦЕРКОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ

СВОБОДА СЛОВА

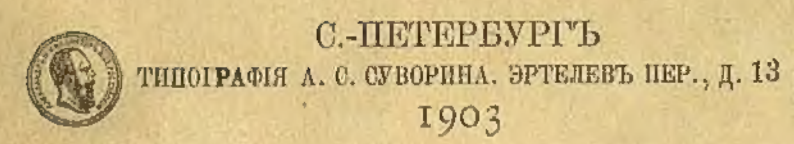
СУДЕБНЫЙ ВОПРОСЪ

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ

1860—1886

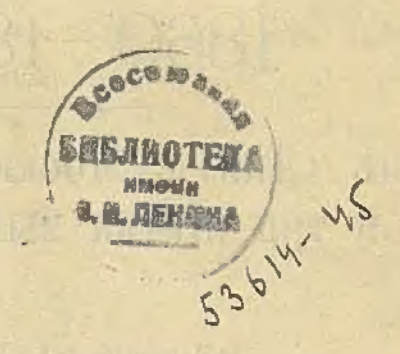
Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси», и три статьи вышедшія отдѣльно.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13
1903

Печатано по распоряженію Директора Императорской Публичной Библіотеки.



Нѣсколько словъ по поводу втораго изданія IV тома.

Печатая вторымъ изданіемъ II и III томы собранія передовыхъ статей Ив. С. Аксакова, помѣщенныхъ въ издававшихся имъ въ 1860 — 86 гг. журналахъ: «День», «Москва», «Москвичъ» и «Русь»—Императорская Публичная Библіотека не только исполняла обязательство, принятое съ передачей ей права собственности на письменное наслѣдіе Ив. С. Аксакова; Библіотека убѣждена, что она удовлетворяла въ то же время и настоятельной потребности русскаго образованнаго общества, столь умножившагося къ началу XX столѣтія и желавшаго непосредственно услышать все еще живое, все еще громкое слово умолкшаго въ гробу русскаго дѣятеля и писателя, ознакомиться съ его сужденіями по вопросамъ, остающимся и до сихъ поръ животрепещущими вопросами русской жизни. Въ этомъ отношеніи IV томъ собранія статей Ив. С. Аксакова представляетъ еще болѣе современный интересъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ СТАТЕЙ ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПО ЦЕРКОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

Статьи изъ газеты „День“.

Изъ газеты „Москвичъ“.

Изъ газеты „Москва“.

Изъ газеты „Русь".

II.

СВОБОДА СЛОВА.

Изъ газеты „День".

Изъ газетъ „Москва" и „Москвичъ".

Изъ газеты „Русь".

III.

СУДЕБНЫЙ ВОПРОСЪ.

Изъ газеты „День".

Изъ газеты „Москва".

Изъ газеты „Москвичъ".

Изъ газеты „Русь".

IV.

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

Изъ газетъ „День", „Москва" и „Русь".

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ

ПО ЦЕРКОВНЫМЪ ДѢЛАМЪ.

СТАТЬИ

ИЗЪ „ДНЯ“, „МОСКВЫ“ И „РУСИ“.

Письмо къ доктору Деллингеру.

Докладъ въ Миссіонерскомъ Обществѣ.

Отвѣтъ на статью:

„Христіанство и прогрессъ“.

По поводу циркуляра Смоленскаго Епископа Антонія объ усиленіи средствъ на содержаніе духовныхъ семинарій.

«День», 4 іюля 1864 г.

Не знаемъ, многіе ли наши читатели прочли *циркуляръ* преосвященнаго Антонія, епископа Смоленскаго, разосланный еще въ Январѣ мѣсяцѣ и перепечатанный въ «Сѣверной Почтѣ» только въ Іюнѣ. Преосвященный Антоній приглашаетъ все подвѣдомое ему духовенство и церковныхъ старостъ къ усиленію средствъ на содержаніе *духовной семинаріи* и *пяти подвѣдомыхъ ей училищъ*. Извѣстно, что семинаріи содержатся на сумму, составляющуюся изъ ежегодныхъ свѣчныхъ взносовъ отъ каждой приходской церкви. Этой суммы по Смоленской епархіи простирается до 22 т. р.; на содержаніе же Смоленской семинаріи и училищъ отпускалось доселѣ 28 тыс. руб.: 6 тыс. руб. были пополняемы Св. Синодомъ изъ процентовъ съ духовно-учебнаго капитала. Но и 28-ми тыс. руб., при настоящей дороговизнѣ на все, оказывается до такой степени недостаточно, что преосвященный, съ разрѣшенія Св. Синода, поручилъ семинарскому начальству, при участіи двухъ депутатовъ отъ градскаго духовенства, составить подробную смѣту на содержаніе семинаріи и училищъ. Составленная смѣта разослана при циркулярѣ: общій итогъ — 41 т. р. слишкомъ, — стало быть, почти вдвое. Поэтому Смоленскій епископъ предлагаетъ слѣдующую мѣру: «представить ему отъ каждой церкви добросовѣстно составленную вѣдомость, сколько ежегодно получается: а) кружечнаго, б) кошельковаго, в) свѣчного дохода, г) отъ продажи вѣнчиковъ и разрѣшительныхъ молитвъ, и другихъ доходовъ, и затѣмъ обозначить, сколько именно впередъ каждая церковь ежегодно въ состояніи взносить на содержаніе духовно-учебныхъ заведеній, сообразно съ современными ихъ требованіями и общею суммою своего дохода».. «Такъ какъ извѣстно — говорится далѣе въ циркулярѣ — что доселѣ свѣчной доходъ почти вездѣ показывался не *весь*, а только часть

его, другая же часть его или обращалась въ кошельковый сборъ, или, нигдѣ не записанная, составляла секретную сумму, — то преосвященный убѣждаетъ отнынѣ и всегда показывать въ отчетахъ весь свѣчной сборъ, какъ онъ есть, безъ всякой утайки, *святительскимъ словомъ завѣряя, что болѣе надлежащаго ни одной копѣйки отъ церкви не потребуется»*. Но особенно замѣчательны слова, изображающія ту горькую участь, которая готовится духовному просвѣщенію въ Смоленской епархіи, если просьбы и увѣщанія ея пастыря не будутъ уважены. «Если духовенство—такъ заканчиваетъ епископъ свое окружное посланіе—откажется удвоить денежный взносъ отъ церквей, то представится печальная необходимость *уменьшить* въ училищахъ, равно какъ и въ семинаріи, число учащихся, *уничтожить* параллельные классы и *лишить содержанія и пособія значительную часть воспитанниковъ»*.

Такъ вотъ что угрожаетъ Смоленской епархіи! Неужели этотъ откровенный призывъ останется безъ отзыва? Намъ бы очень хотѣлось знать, но, къ сожалѣнію, мы покуда не имѣемъ никакихъ свѣдѣній — какъ отвѣчало Смоленское приходское духовенство на циркуляръ преосвященнаго Антонія? Въ теченіе пяти мѣсяцевъ, съ Января по Іюнь, могли бы уже быть получены донесенія отъ всѣхъ церковныхъ причтовъ и старостъ,—и если признано нужнымъ дать этому циркуляру всеобщую гласность, то полезно было бы, кажется, огласить и послѣдствія этой мѣры... Впрочемъ, до насъ дошли слухи — но только слухи, за достовѣрность которыхъ мы не ручаемся—что девять профессоровъ Смоленской семинаріи подали просьбы объ отставкѣ, не находя никакой возможности существовать долѣе, съ своими семействами, при скудномъ профессорскомъ жалованьѣ.

Если дѣйствительно осуществится это условное предсказаніе, если въ самомъ дѣлѣ уменьшится число учащихся въ семинаріи, значительная часть воспитанниковъ лишится содержанія и пособія, и лучшіе профессора оставятъ свои каѳедры потому лишь, что не откуда достать въ годъ 19-ти тысячъ руб., —то такое явленіе нашей общественной и церковной жизни, безъ сомнѣнія, ляжетъ темною тѣнью не только на православную паству Смоленской епархіи, но и на всю православную Русскую церковь... Дѣло въ томъ, что въ подобномъ же положеніи находится, болѣе или менѣе, не одна Смоленская, но и значительная часть нашихъ семинарій. Плохое же свидѣтельство своего усердія къ церкви явимъ мы міру, если не найдемъ средствъ, если окажемся несостоятельными — приготовлять алтарю потребное число достойныхъ образованныхъ служителей,—если не въ силахъ ширить и двигать впередъ православное духовное просвѣщеніе. И когда же, въ какое время? Тогда, когда православію именно предстала встрѣча лицомъ къ лицу, въ открытой борьбѣ, съ могучимъ и злымъ противникомъ, — когда событія

такъ высоко возносятъ знамя православія въ Западномъ краѣ, являя въ немъ существеннѣйшую силу Русской народности и главнѣйшую основу связей, скрѣпляющихъ Украйну и Бѣлоруссію съ остальною Россіей, — когда для окончательнаго возвращенія этого древле-Русскаго края Русской народности мы призваны исхитить его не изъ-подъ матеріальнаго только гнета Поляковъ, но изъ-подъ нравственной власти, изъ-подъ обаянія латинской цивилизаціи,—и не вещественными только орудіями, не внѣшнею государственною силою, но силою духовною — преимуществомъ православнаго просвѣщенія!... «Чтò же несете вы нашему краю взамѣнъ многочисленныхъ школъ, коллегій и другихъ разсадниковъ католическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ общеевропейскаго просвѣщенія»—могутъ спросить насъ, какъ ополяченные и олатиненные, такъ даже и православные туземцы Западной Россіи: «невѣжество, плохую науку, —такое устройство церковнаго управленія, при которомъ недостаетъ доходовъ для содержанія необходимѣйшихъ училищъ,—бѣдность средствъ, бѣдность духа, равнодушіе, апатію»? Вопросъ поставленъ, конечно, слишкомъ рѣзко, — но дѣло въ томъ, что онъ дѣйствительно ставится въ этомъ видѣ нашими недругами, и что напечатанный циркуляръ епископа сосѣдней съ Бѣлоруссіею епархіи даетъ къ тому нѣкоторое основаніе. Въ самомъ дѣлѣ, чтò усматривается изъ этого любопытнаго документа, который было бы непозволительно оставить безъ вниманія Русскому обществу и за напечатаніе котораго нельзя не благодарить искренно нашего церковнаго правительства? Усматривается, во-1-хъ, — какъ мы уже сказали, — опасность, грядущая духовному просвѣщенію; во 2-хъ, бѣдность вообще матеріальныхъ средствъ православной церкви; въ 3-хъ, существованіе сборовъ не вполнѣ показываемыхъ и составляющихъ какую-то секретную сумму (чтò свидѣтельствуетъ, въ свою очередь, о существованіи бюрократической оффиціальной отчетности денежныхъ доходовъ каждаго прихода) и, въ 4-хъ — святительское завѣреніе, что «если сборъ будетъ показанъ безъ всякой *утайки*, то болѣе надлежащаго ни одной копѣйки отъ церкви не потребуется»: стало быть, необходимо подобное успокоительное завѣреніе; стало быть, у приходскихъ причтовъ существуетъ опасеніе, что если они покажутъ истинную правду о количествѣ сбора, то онъ можетъ быть у нихъ потребованъ въ полномъ количествѣ; стало быть, бывали или, по крайней мѣрѣ, возможны случаи, оправдывающіе опасеніе причтовъ,— тѣмъ болѣе, что слова преосвященнаго не выражаютъ ни упрека за утайку суммъ, ни осужденія за недовѣріе, а просто признаніе существующаго факта.

Дѣйствительно—причты не заслуживаютъ ни упрека, ни осужденія, чтò хорошо извѣстно преосвященному. Мы постараемся объяснить нашимъ читателямъ настоящіе существующіе порядки, въ которыхъ нельзя

вёпить ни причтовъ, ни высшей іерархіи, а причину которыхъ должно искать въ общемъ современномъ положеніи церкви въ государствѣ и въ общихъ началахъ церковнаго управленія, дѣйствующихъ со времени Петровскаго переворота, съ того времени, какъ вмѣсто патріаршества и помѣстныхъ соборовъ, учрежденъ Петромъ Св. Сунодъ, или *духовное коллегіумъ*, какъ сказано въ духовномъ регламентѣ.

Церковныя приходскія общины въ старину были довольно самостоятельны въ дѣлахъ церковно-приходскаго управленія, избирали священниковъ и причтъ, и сами контролировали, чрезъ избранныхъ ими довѣренныхъ лицъ, доходы и расходы приходской церкви. За уплатою извѣстнаго оклада по требованію высшихъ іерархическихъ властей, приходскія церкви сохраняли, кажется, полную автономію въ употребленіи церковныхъ денегъ, не отдавая никому въ немъ отчета, кромѣ самихъ прихожанъ. Духъ регламентаціи и внѣшняго порядка, характеризовавшій государственное управленіе въ XVIII вѣкѣ, скоро подчинилъ себѣ и церковное управленіе, охватилъ его кругомъ и проникъ во всѣ тайные его изгибы. Приходскія церкви съ духовенствомъ, дѣйствительно невѣжественнымъ и распущеннымъ въ то время, были — что называется нынче—подтянуты, но не посредствомъ обычной пастырской строгости и назиданія, а посредствомъ водворенія чиновнической дисциплины и субординаціи, и вообще оффиціальныхъ отношеній низшихъ мѣстъ къ высшимъ. Мы уже имѣли случай упомянуть, что разныя степени духовной іерархіи были приравнены къ табели о рангахъ какъ военной, такъ и гражданской... Можно не придавать такому приравненію въ классахъ особенной важности, но нельзя не видѣть въ немъ знаменіе новаго духа, повѣявшаго въ Русской церковной жизни вообще и въ церковномъ управленіи въ особенности. Стремленіе подвести это церковное управленіе подъ однообразный уровень съ гражданскимъ съ каждымъ днемъ получало болѣе силы и, наконецъ, увѣнчалось успѣхомъ. Отношенія приходскихъ церквей къ епархіальному начальству — стали похожими на отношенія низшихъ присутственныхъ мѣстъ къ начальнику губерніи,— отношенія приходскихъ священниковъ къ архіереямъ — на служебныя отношенія низшихъ чиновниковъ къ высшимъ, съ тою разницею, что въ гражданскомъ вѣдомствѣ эти отношенія ограничиваются областью службы, областью внѣшней дисциплины, — а въ духовномъ они, по самому существу духовной службы, распространяются на внутреннюю область духа, и—въ сочетаніи съ духовнымъ подчиненіемъ и духовною властью — далеко простираются за предѣлы и гражданской субординаціи и начальственнаго гражданскаго авторитета...

Съ отобраніемъ церковныхъ имѣній въ казну (по первоначальной мысли духовнаго регламента предназначавшихся, по преимуществу, на содержаніе духовныхъ училищъ, семинарій и академій), были посланы

изъ Петербурга чиновники и гвардіи офицеры, которые обязаны были составить инвентари матеріальному достоянію каждаго приходскаго храма, привести въ извѣстность доходы, завести отчетность, приходо-расходныя книги, контроль, и т. п. Все это было исполнено, и послѣ пораженія оппозиціонной партіи въ лицѣ знаменитаго Ростовскаго архіерея Арсенія Мацієвича (исторія его должна быть хорошо извѣстна нашимъ читателямъ изъ статей о немъ, помѣщенныхъ въ «Днѣ» 1862 года), насталъ для приходскихъ церквей и вообще для церковнаго управленія совершенно новый періодъ существованія... Въ 1808 году указъ Святѣйшему Синоду (17 Апрѣля), утвердившій докладъ Синода «о сохраненіи и приращеніи церковной суммы» и составленную имъ «инструкцію церковнымъ старостамъ», окончательно установилъ порядокъ — доднесь существующій. Сначала потребованы были подробныя свѣдѣнія о приходѣ и расходѣ и объ остаткахъ суммъ каждой приходской церкви въ Россіи, и, по назначенію мѣстнаго епископа, доставлена была изъ каждой церкви часть наличной денежной суммы въ центральное управленіе. Такимъ образомъ составился общій капиталъ (кажется, въ 15 милліоновъ), проценты съ котораго идутъ на удовлетвореніе нуждъ духовно-учебнаго управленія. Капиталъ этотъ состоитъ въ распоряженіи Св. Синода. Затѣмъ на содержаніе церквей оставленъ былъ сборъ такъ-называемый кружечный и кошельковый; а *свѣчной сборъ* (т. е. выручка за продажу восковыхъ свѣчъ въ церкви) предназначенъ былъ на содержаніе духовныхъ училищъ и семинарій. Всю сумму свѣчного сбора каждая приходская церковь обязана была представлять по начальству въ консисторію, и т. д., не оставляя у себя ни копѣйки. Но такъ какъ подобный сборъ, завися отъ усердія молящихся, подверженъ колебанію, то принято свыше за правило, чтобы этотъ сборъ не уменьшался, а ежегодно прибавлялся, хотя бы въ самомъ незначительномъ размѣрѣ. Мы не имѣемъ подъ рукою данныхъ для исторіи этого сбора въ Россіи, мы не знаемъ, въ какой степени возросла общая цифра сбора противъ первоначальной своей нормы; но достовѣрно то, что какъ ни велика сумма свѣчного сбора по всей Россіи, подлежащая отчетности, контролю и поступающая къ высшему церковному правительству на извѣстное назначеніе, она не даетъ никакого понятія о степени усердія прихожанъ къ церкви, проявляющагося въ затепливаніи свѣчей. Будучи однажды фиксирована, т. е. опредѣлена въ размѣрѣ (ниже котораго, по крайней мѣрѣ, она быть не можетъ), эта оффиціальная цифра вовсе не служитъ живымъ эластичнымъ выраженіемъ живого эластичнаго же обычая, т. е. видоизмѣняющагося безпрестанно въ степени напряженія, - обычая, такъ сказать, растяжимаго и сокращающагося — смотря по личнымъ обстоятельствамъ каждаго прихожанина, усиливающимъ или ослабляющимъ его ревность къ дому Божію и къ молитвѣ. По на-

печатанному въ «Духѣ христіанина» и «Православномъ Обозрѣніи» отчету духовно-учебнаго управленія, въ смѣтѣ на 1864 г. доходу отъ свѣчного сбора съ церквей въ Россіи показано всего 1,065,000 руб.

Можно положительно сказать, что многія церкви приходскія, особенно сельскія, не въ состояніи были бы и существовать помощью одного кошелькoваго и кружечнаго сбора. Это подтвердитъ не только причтъ, но и приходская община каждой не только сельской, но и городской церкви. Предоставленныя самимъ себѣ, съ тою лишь суммою денегъ, какая собирается, во время богослуженія, на блюда и въ кружки, многіе храмы Божіи въ Россіи, по общему увѣренію, едва ли не явили бы жалкій видъ упадка и обѣднѣнія, вмѣсто того благолѣпія, которымъ они красуются — въ Великорусскихъ губерніяхъ по преимуществу — и которое такъ тѣшитъ сердце Русскаго человѣка. Отдавая сполна всю выручку за восковыя свѣчи на распоряженіе начальства, церкви поставлены были бы, какъ утверждаютъ, въ самое трудное положеніе всякій разъ, какъ приходилось бы ремонтировать храмъ, чинить повреждeнія и т. д. При оффиціальномъ характерѣ отношеній, установившихся между высшимъ церковнымъ управленіемъ и низшимъ, между церковными единицами (приходами) и центральною властью, — при господствѣ внѣшняго порядка и формальности, съ отчетностью церковныхъ суммъ случилось то, что является дѣломъ обыкновеннымъ въ каждомъ гражданскомъ или военномъ вѣдомствѣ. Извѣстно, напримѣръ, что при ассигнованіи суммы на расходы по полку, опредѣляется статья расхода и срокъ службы каждой вещи, отъ мундира до чехолка на ружейную затравку. Но при самомъ горячемъ стремленіи начальства — все взвѣсить, измѣрить, предусмотрѣть и опредѣлить заранѣе, — проказница-жизнь никакъ не даетъ уловить и втѣснить себя въ тѣсныя рамки людской предусмотрительности и обыкновенно путаетъ всѣ разсчеты — иногда къ выгодѣ, иногда къ ущербу разсчитывающихъ. Такъ оказываются новыя, непредвидѣнныя и тѣмъ не менѣе неизбѣжныя статьи расхода, которыя должны быть удовлетворены непремѣнно, но на которыя не ассигновано денегъ; на иныя же ассигновано слишкомъ мало, — а на нѣкоторыя, наоборотъ, слишкомъ много, — и потому благоразумный командиръ-хозяинъ, составивши значительную «экономію» по всѣмъ статьямъ, на которыя отпущено денегъ много, употребляетъ ее на статьи, на которыя дано слишкомъ мало или ровно ничего. Эта экономія не показывается, однако же, нигдѣ въ книгахъ и не можетъ быть показана, потому что высшее контролирующее вѣдомство, усмотрѣвъ таковую экономію по какой-нибудь статьѣ, на будущій годъ имѣло бы основаніе и даже обязанность ассигновать на эту статью гораздо менѣе денегъ, — столько, сколько дѣйствительно требуется, — и лишило бы такимъ образомъ командира необходимыхъ средствъ для покрытія дру-

гихъ неизбѣжныхъ и непредвидѣнныхъ издержекъ. Поэтому самые честные люди, ведущіе приходо-расходныя книги въ полкахъ, пишутъ въ этихъ книгахъ, съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей, требуемыхъ порядкомъ, расходъ не дѣйствительный, а мнимый, — выставляютъ, напр., покупку овса не по настоящей дешевой цѣнѣ, по которой онъ купленъ, а по справочнымъ цѣнамъ, составленнымъ для извѣстной мѣстности мѣстными властями. Порядокъ соблюденъ, формы всѣ въ исправности, книги усердно пишутся и еще усерднѣе контролируются, хотя пишущіе и контролирующіе знаютъ очень хорошо, *какъ* онѣ составляются. Дѣло въ томъ, что иначе онѣ и составляться не могутъ по самому существу того начала, которое лежитъ въ ихъ основаніи... По строгимъ понятіямъ о честности, эта *экономія* должна идти на удовлетвореніе нуждъ полка и никакъ не обращаться въ личное достояніе командировъ; но такъ какъ она есть *секретная* и нигдѣ не записывается, то очень легко можетъ быть присвоена завѣдывающими ею лицами, какъ частная собственность.

Такого же рода невѣрностью въ показаніяхъ, вовсе, впрочемъ, не означающею какого-либо существеннаго злоупотребленія, полны и отчеты многихъ церквей о *свѣчномъ сборѣ*, какъ это видно и изъ циркуляра преосвященнаго Антонія, который говоритъ, что свѣчной сборъ показывается въ отчетахъ не весь, что остатокъ отъ него удерживается и составляетъ особую *секретную* сумму. Это дѣйствительно такъ и есть; но безъ этого, иногда *по необходимости* удерживаемаго остатка, безъ этой секретной суммы многія церкви лишены были бы всякихъ средствъ существованія, не могли бы не только устроять благолѣпіе внѣшнее и внутреннее храмовъ, но и дѣлать необходимыя поправки и починки для поддержки зданій. А чтобъ эта секретная сумма была когда-либо обращаема въ личное достояніе причта, — въ томъ, сколько намъ извѣстно, не возникало никогда никакого на причтъ подозрѣнія: эта сумма находится почти всегда въ распоряженіи церковнаго старосты, — но нельзя не пожалѣть, что причты вынуждены прибѣгать къ такимъ невѣрнымъ свидѣтельствамъ въ отчетахъ, не соотвѣтствующимъ нравственному характеру ихъ званія.

Оффиціально, по оффиціальнымъ даннымъ, православная церковь — бѣдна; церковное управленіе располагаетъ относительно средствами небольшими, но въ сущности церковь наша нисколько не бѣдна и дѣйствительныя средства ея велики! Безъ сомнѣнія, нигдѣ въ Россіи нѣтъ такого благолѣпія въ храмахъ Божіихъ, какъ въ Москвѣ, никто не рѣшится назвать Московскую епархію бѣдною, и однако жъ свѣчного сбора съ Москвы и со всей губерніи Московской поступаетъ оффиціально не болѣе 28 тыс. руб. сер., слѣдовательно — только на 9 тыс. руб. больше, чѣмъ въ Смоленской епархіи (несравненно бѣднѣйшей) и меньше, чѣмъ

во многихъ провинціальныхъ другихъ епархіяхъ, которыя даже и въ сравненіе съ Московскою идти не могутъ! Это то же, что и со многими городами—чрезвычайно богатыми и цвѣтущими, и оффиціально бѣдными. Мы уже разсказывали однажды читателямъ, какъ въ г. Мологѣ завелись два городскихъ управленія и двѣ общественныя суммы: одно оффиціальное—Дума, другое—изъ тѣхъ же лицъ состоящее, но неоффиціальное, а подчиненное обществу; одна сумма—показывавшаяся въ оффиціальныхъ отчетахъ, контролируемая начальствомъ и расходуемая только по казенной смѣтѣ, на статьи, назначенныя высшими властями; другая—въ десять разъ превышавшая первую, расходуемая по усмотрѣнію общества и имъ однимъ контролируемая: благодаря этому порядку или, лучше сказать, безпорядку, городокъ Молога обстроился и вообще пребывалъ въ довольно цвѣтущемъ видѣ, но въ 1847 году признано нужнымъ уничтожить этотъ порядокъ и городъ отъ того значительно пострадалъ. То же самое случилось бы неминуемо и со многими, если не со всѣми церквами, если бъ захотѣли отнять у нихъ остатки свѣчного сбора и всю такъ-называемую секретную сумму. Это очень хорошо знаютъ и самые начальники епархій, и вотъ почему преосвященный Антоній спѣшитъ успокоить Смоленскіе приходы своимъ святительскимъ завѣреніемъ, что ни одной *копѣйки* болѣе надлежащаго отъ нихъ не потребуется.

Однако жъ, разъясненіе дѣла еще не помогаетъ дѣлу. Положимъ, что церковь не такъ бѣдна, какъ кажется, но на содержаніе семинаріи церковное управленіе средствъ все-таки не имѣетъ; оно можетъ располагать только оффиціальными источниками, а эти источники скудны. Какъ же устроить такъ, чтобъ обезпечить существованіе семинаріи, не посягая начальственною властью на *секретныя* суммы приходскихъ церквей, но, однако же, при ихъ пособіи? и нельзя ли въ то же время избавить церкви отъ необходимости показывать *неправду* въ отчетахъ и *скрывать* самые законные и святые расходы отъ своего духовнаго начальства? Объ этомъ важномъ предметѣ мы побесѣдуемъ въ другой разъ; считаемъ нужнымъ, однако, оговорить, что, не будучи спеціально знакомы съ предметомъ, мы легко можемъ впасть и въ ошибку: мы съ благодарностію примемъ всякое замѣчаніе и сочтемъ свое дѣло исполненнымъ, если только намъ удастся возбудить вопросъ и освѣтить его свѣтомъ менѣе оффиціальнымъ, чѣмъ онъ освѣщается обыкновенно въ духовныхъ нашихъ журналахъ. Въ спеціалистахъ же въ этомъ дѣлѣ, кажется, недостатка не имѣется: каждый священникъ и каждый церковный староста—здѣсь вполнѣ компетентные судьи.

О расширеніи правъ приходскихъ общинъ.

«День», 11 іюля 1864 года.

Просимъ читателей припомнить нашу послѣднюю статью. Говоря о свѣчномъ сборѣ, по поводу *циркуляра* или, вѣрнѣе, окружнаго по епархіи посланія преосвященнаго Антонія, епископа Смоленскаго, мы сказали, что церковь не такъ бѣдна, какъ кажется,—но на содержаніе семинаріи церковное управленіе средствъ все-таки не имѣетъ, ибо можетъ располагать только оффиціальными источниками, а эти источники скудны. Поэтому мы и поставили вопросъ: какъ же устроить дѣло такъ, чтобы обезпечить существованіе семинарій—не посягая начальственною властью на *секретныя* суммы приходскихъ церквей, но, однако же, при ихъ пособіи? и нельзя-ли въ то же время избавить церкви отъ необходимости показывать *неправду* въ отчетахъ и *утаивать* самые законные и святые расходы отъ своего духовнаго начальства?

Мы объяснили въ послѣдній разъ, что многія церкви не могли бы и существовать въ подобающемъ храму Божію, не только благолѣпномъ, но даже просто приличномъ видѣ, если бы *всю* получаемую ими выручку отъ свѣчей отсылали *сполна* въ консисторіи. Но это еще не значитъ, чтобы приходскія церкви (разумѣется, не всѣ, но многія изъ нихъ) не могли изъ своихъ доходовъ удѣлять на содержаніе училищъ и семинаріи своей епархіи—сумму вдвое или, по крайней мѣрѣ, много болѣе той, которая представляется ими нынѣ. Не отдавая *всей* свѣчной выручки на начальственное распоряженіе, бо̀льшая часть приходскихъ церквей, конечно, была бы въ состояніи значительно увеличить оффиціальную цифру этого сбора, показываемую въ оффиціальныхъ отчетахъ и рапортахъ,—и затѣмъ все-таки удерживать часть сбора у себя, на церковныя нужды. Если *Херсонская* епархія съ ея рѣдкимъ, разноплеменнымъ и разновѣрнымъ населеніемъ и съ вдвое меньшимъ, сравнительно съ Московскою, количествомъ приходовъ (въ первой 600, во второй 1200 приходовъ) доставляетъ свѣчного сбора 58 тысячъ рублей, тогда какъ Московская только 28 т. р., то можно смѣло предположить, что свѣчной сборъ по Московской епархіи долженъ на дѣлѣ превышать втрое, если не болѣе, таковой же сборъ по Херсонской. Московскіе приходы, *въ общей совокупности*, могли бы, вѣроятно, безъ ущерба для себя, удѣлять изъ выручки за свѣчи, вмѣсто 28 т. р., тысячъ 100, и все-таки эта цифра не выражала бы еще общей суммы сбора.—Наконецъ, нѣтъ, кажется, никакой надобности (или, по крайней мѣрѣ, ея могло бы не быть при другой системѣ управленія) въ томъ, чтобы духовно-учебныя учрежденія содержались непремѣнно и исключительно на

свѣчной сборъ, именно на эту *статью* церковнаго бюджета. Бываютъ и другія статьи храмовыхъ доходовъ, превышающія даже выручку отъ продажи свѣчей: иконы, особенно чтимыя, капиталы, пожертвованные ревнителями вѣры и церковнаго благосостоянія, и пр. и пр. Дѣло духовнаго просвѣщенія, дѣло нравственнаго религіознаго воспитанія, дѣло приготовленія достойныхъ служителей алтарю и храму Божію — такое святое, нераздѣльное съ понятіемъ о Церкви дѣло, что всякая сортировка статей дохода, по нашему мнѣнію, здѣсь едва ли умѣстна. Эта сортировка едва ли не есть необходимое логическое послѣдствіе той системы, которая, казалось бы, такъ въ особенности должна быть чужда церковнаго управленія... Тотъ особенный элементъ оффиціальности и формализма, — неизбѣжный, вполнѣ законный и умѣстный въ сферѣ государственныхъ отправленій, — охарактеризовалъ собою у насъ, къ сожалѣнію, съ XVIII вѣка, и отношенія приходскихъ церквей (какъ церковныхъ административныхъ единицъ) къ своему церковному начальству. При существующемъ порядкѣ вещей, центральное церковное управленіе,—или, вѣрнѣе, государственное начало, управляющее Русскою Церковью отъ имени Святѣйшаго Синода, — въ достохвальныхъ заботахъ своихъ объ устроеніи духовно-учебной части въ Россіи, и не могло иначе распорядиться, какъ указавъ на статью дохода — непремѣнную и общую для всѣхъ приходскихъ церквей, и гарантировавъ оффиціальную вѣрность поступленія этой статьи на приходъ духовно-учебнаго вѣдомства — оффиціальною же отчетностью за оффиціальною скрѣпою причта и церковнаго старосты. Но сей оффиціальный порядокъ, какъ мы видѣли, не устранилъ неправды, а придалъ ей только видъ *легальности* и привелъ къ тому, что преосвященный Антоній, оставляя этотъ путь формальной легальности, предпочелъ воззвать прямо къ *совѣсти* приходскихъ причтовъ и старостъ... Но обратимся снова къ затронутому нами вопросу о средствахъ приходскихъ церквей. Средства эти, огромныя въ совокупности, распредѣлены, разумѣется, неравномѣрно: есть церкви необычайно богатыя и есть церкви поразительно бѣдныя. Этой неравномѣрности не знаетъ или не можетъ знать центральная власть—кромѣ того, что показывается ей въ оффиціальныхъ отчетахъ; между тѣмъ, при поступленіи суммъ въ пользу учебнаго вѣдомства, допускается, такимъ образомъ, постоянная несоразмѣрность: бѣдныя церкви платятъ, относительно своихъ средствъ, почти то же, что богатыя или немного меньше, тогда какъ было бы, кажется, справедливѣе — освободить нѣкоторыя церкви вполнѣ отъ обязательнаго взноса и разложить часть, приходящуюся на ихъ долю, на церкви болѣе состоятельныя. Но это, по нашему мнѣнію, не можетъ быть дѣломъ центральной церковной власти, не только высшей, но даже и епархіальной, такъ какъ *настоящія*, дѣйствительныя, а не оффиціальныя, въ

отчетахъ показываемыя, средства приходскихъ церквей не могутъ ей быть извѣстны въ той степени, въ какой они вѣдомы *самимъ* причтамъ и прихожанамъ.

Что изъ всего этого слѣдуетъ?

Слѣдуетъ прежде всего то, что полезно было бы освободить, по возможности, систему церковнаго управленія, хотя бы только въ данномъ случаѣ (т. е. въ отношеніи къ денежной отчетности и къ содержанію училищъ и семинарій па счетъ приходскихъ церквей) отъ казенности и вообще отъ формализма,—внести въ эту область какъ можно болѣе жизни, простора и свѣта, призвать къ непосредственному участію въ дѣлахъ каждаго прихода, вмѣстѣ съ причтомъ, кромѣ церковнаго старосты, и приходскую общину,—и въ дѣлѣ духовно-учебнаго управленія въ епархіи допустить также участіе того же приходскаго или вообще епархіальнаго духовенства и приходскихъ общинъ (мірянъ). Разовьемъ нашу мысль поподробнѣе, хотя и въ кратцѣ, и какъ можно ближе къ дѣлу:

По древнему обычаю и по смыслу каноническихъ правилъ, подъ воздѣйствіемъ которыхъ слагался и самый бытъ ново-просвѣщеннаго христіанскою вѣрою Русскаго народа, — «приходъ» имѣетъ не только церковно-административное, но и церковно-общественное, бытовое значеніе; онъ не есть только низшая, послѣдняя ступень въ общей лѣстницѣ іерархическаго *управленія*, но и первое средоточіе общества вѣрующихъ, собравшихся около своего мѣстнаго алтаря, первое выраженіе церковно-общественной *жизни*: онъ не только церковно-административная *единица*, но и церковная *община*—одинъ изъ тѣхъ малыхъ центровъ, въ которыхъ распредѣлилось общество всей церковной области, не утрачивая чрезъ это нисколько своего единства,—выраженіемъ котораго служатъ или служили прежде... какъ центральное высшее іерархическое управленіе, такъ и помѣстные соборы... Извѣстно, что не только въ первые вѣка христіанской церкви, но и въ самой Россіи, священнослужители приходскаго храма поставлялись не иначе, какъ по избранію прихожанъ, и слѣды этого обычая сохраняются и донынѣ, какъ это отчасти видно и изъ статьи г. С. Ш., помѣщенной въ 26 № «Дня». Постепенное ослабленіе этого обычая, равно и постепенное отчужденіе прихожанъ отъ участія въ мѣстномъ церковномъ управленіи, въ дѣлахъ своего приходскаго храма и округа, вслѣдствіе разныхъ историческихъ причинъ, о которыхъ здѣсь не время распространяться,—имѣли самое невыгодное дѣйствіе на весь строй церковной администраціи, на самую внутреннюю жизнь церкви, и дали мѣсто той административной системѣ, уступили господство тѣмъ началамъ, неудобства которыхъ обличены отчасти въ циркулярѣ преосвященнаго Антонія... Было бы, впрочемъ, несправедливо утверждать, что высшая духовная, а также и высшая

государственная власть имѣла задачею разрознить прихожанъ съ приходскою церковью, съ мѣстнымъ церковнымъ управленіемъ,—напротивъ; но общія начала церковной администраціи, принятыя со времени Петра, были въ противорѣчіи иногда съ ея собственными лучшими стремленіями, парализировали благія усилія самого церковнаго правительства. Такъ, напр., на основаніи указа Петра 1-го 1721 г., учреждены при церквахъ церковные старосты, сначала «для продажи свѣчъ», а впослѣдствіи, по опредѣленіямъ Синода 1723 и 47-го годовъ, имъ же поручены: «сборъ доброхотнаго подаянія, покупка церковныхъ потребностей, храненіе церковной суммы, записываніе прихода и расхода» и пр.; наконецъ, въ Высочайше утвержденной 17 апрѣля 1808 г. «Инструкціи церковнымъ старостамъ», обязанности послѣднихъ, равно какъ и церковная отчетность, опредѣлены точными правилами. Но эти правила не устраняютъ, повидимому, участія общества: старосты, какъ на основаніи указовъ, такъ и по Инструкціи, должны быть *избираемы* всѣмъ приходомъ,—они суть «повѣренные прихожанъ», назначаются по подписанному ими приговору; мало того, по §§ 9 и 10 Инструкціи, по прошествіи каждаго мѣсяца должно происходить свидѣтельствованіе прихода и расхода церковной суммы, завѣдываемой старостою, въ присутствіи всего причта *и прихожанъ*—«буде они отъ сего не отрекутся», прибавлено въ 9 § Инструкціи! Эта оговорка свидѣтельствуетъ какъ о предусмотрительности составителей инструкціи, такъ и объ ослабленіи церковной общинной жизни: прихожане не воспользовались своимъ правомъ или, вѣрнѣе сказать—обязанностью,—да, по правдѣ сказать, и священники никогда имъ о томъ не напоминали. Такимъ образомъ и сложился тотъ неудобный порядокъ, который мы видимъ нынче: церкви, вообще говоря, богаты, а благотворительныхъ учрежденій и школъ при церквахъ почти и не существуетъ,—содержать духовныя училища и семинаріи нечѣмъ, — въ отчетахъ показывается неправда, — водятся *секретныя* суммы и *секретные* расходы. Въ настоящее время приходскіе священники находятся почти въ совершенной зависимости отъ церковныхъ старостъ, которымъ, въ огражденіе себя отъ всякаго нареканія, они предоставляютъ полный просторъ въ распоряженіи церковными суммами. Нѣтъ достаточнаго основанія подвергать церковныхъ старостъ какому-либо общему обвиненію въ нестрогомъ «прохожденіи» ими своихъ должностей, выражаясь языкомъ канцелярскимъ. Случаи злоупотребленій хотя и бывали, но довольно рѣдко. Гораздо чаще случается то, что староста—*секретный* остатокъ отъ свѣчного сбора, или даже отъ другихъ статей доходныхъ, представляетъ въ церковь какъ *свое* личное приношеніе, или употребляетъ хотя и на церковь, но по *своему* личному усмотрѣнію, по своему личному вкусу и разумѣнію. Мы слышали множество разсказовъ о томъ, какъ церковные (изъ купечества)

старосты двухъ приходовъ въ Москвѣ, перенося личное тщеславіе на свои приходскія церкви, соперничали другъ съ другомъ въ наружномъ благолѣпіи храма, въ объемѣ, вѣсѣ, въ качествѣ и въ силѣ колокольнаго звона, и доводили это соревнованіе чуть не до сумасбродства: все это понятно, можетъ быть легко объяснено и даже оправдано,—но можно также навѣрное предположить, что на удовлетвореніе этого приходскаго тщеславія шли, невѣдомо для прихожанъ, а отчасти и для причтовъ, церковныя же «секретныя», какъ выражается Смоленскій циркуляръ, суммы,—и что вообще «благодарность начальства», сопровождаемая подчасъ медалью или другими знаками почета, была не однажды заслужена церковными старостами на счетъ церковныхъ денегъ, а не личнаго ихъ имущества... Такимъ образомъ, учрежденіе старостъ, прекрасное само по себѣ и вѣрное по мысли, не достигаетъ своей цѣли въ настоящее время—вслѣдствіе бездѣйствія общей приходской жизни, вслѣдствіе утраты приходомъ значенія, какъ церковно-общественнаго центра. Въ Западной Россіи учрежденіе церковныхъ старостъ введено только съ присоединеніемъ этого края къ имперіи или, вѣрнѣе, съ возсоединеніемъ уніи съ православною церковью. Церковныхъ старостъ тамъ замѣняло другое учрежденіе—церковныхъ братствъ, во многихъ отношеніяхъ несравненно болѣе сообразное съ цѣлью. У насъ же могло бы быть теперь совмѣщено и то и другое, т. е. и институтъ церковнаго старосты, и непосредственное участіе прихожанъ въ дѣлахъ прихода. Возбужденіе жизни въ приходскихъ центрахъ является до такой степени всѣми сознанною необходимостью, что въ нѣкоторыхъ приходахъ въ Москвѣ установились сами собою приходскіе совѣты съ цѣлью благотворительною, какъ попечительство о приходскихъ бѣдныхъ; мы слышали даже, что проектъ о «приходскихъ совѣтахъ» уже имѣется въ виду высшаго церковнаго и гражданскаго правительства. Нельзя этому не порадоваться, но въ то же время нельзя и не желать, чтобъ новое учрежденіе не получило той излишней регламентаціи, того оффиціальнаго характера, который даетъ только подобіе общественной жизни, а не самую жизнь. Не одно, однако же, попечительство о бѣдныхъ, но и контроль надъ церковными суммами должны бы взять на себя прихожане. Предположимъ, что обязательное доставленіе въ консисторію выручки за продажу свѣчей вмѣстѣ съ оффиціальной отчетностью—было бы отмѣнено, и что соображенія епархіальнаго начальства о нуждахъ епархіи по духовно-учебному вѣдомству—предоставлены были бы на усмотрѣніе всѣмъ епархіальнымъ приходамъ. Напр., для Смоленской епархіи необходимо 10 т. р. слишкомъ; для Московской 108 т. рублей. Всѣ Смоленскіе и Московскіе приходы, если бы не были связаны формальною отчетностью, если бы сознавали себя полными хозяевами въ экономическихъ дѣлахъ своей приходской церкви, сдѣлали бы, безъ

сомнѣнія, раскладку между собою, и изъ свѣчного ли, изъ другого ли сбора, непремѣнно удовлетворили бы нуждамъ епархіи. Если бы старосты отдавали главный отчетъ въ церковныхъ суммахъ не начальству собственно, но своимъ прихожанамъ, въ общемъ приходскомъ собраніи, и если бы приходскія общины знали, что безъ ихъ вѣдома и согласія не можетъ быть израсходована или взята у нихъ ни *одна копѣйка*, какъ выражается преосвященный Антоній, то всѣ статьи доходовъ и всѣ статьи расходовъ были бы явны и гласны, не было бы надобности ни въ *секретныхъ* суммахъ, ни въ неправильныхъ показаніяхъ суммъ въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ, ни вообще въ той тайнѣ и въ той неправдѣ, которыя такъ несовмѣстны съ значеніемъ Церкви... Итакъ, обновленіе значенія приходовъ—какъ приходскихъ общинъ и мѣстныхъ центровъ церковно-общественной жизни, по нашему мнѣнію, есть первое условіе для устраненія тѣхъ неудобствъ, на которыя жалуется Смоленскій епископъ.

Но это еще не все. Высказывая наше мнѣніе въ частномъ кругу, мы встрѣчали такого рода возраженіе: приходскія церкви, говорили намъ, охотно бы и теперь взносили болѣе той суммы, которую онѣ взносятъ, еслибъ были увѣрены, что представляемыя ими деньги идутъ именно на поддержаніе духовныхъ училищъ и семинаріи, и собственно на удовлетвореніе нуждъ мѣстной *своей* епархіи. Такъ какъ теперь сумма свѣчного сбора сосредоточивается вся въ Петербургѣ, въ вѣдомствѣ центральнаго «духовно-учебнаго управленія», то излишекъ, оставшійся отъ одной епархіи (за покрытіемъ смѣтныхъ расходовъ на училища и семинарію) передается иногда другой епархіи, въ сущности нисколько не бѣднѣйшей, а представляющей меньшую сумму сбора; напримѣръ—излишекъ отъ свѣчного сбора Пермской или Олонецкой епархіи (которыя взносятъ свѣчную выручку въ *высшемъ противъ всѣхъ епархій размѣрѣ!*) можетъ быть переведенъ въ епархію Тульскую, Курскую и другія (называемъ послѣднія ради примѣра). Кромѣ того, учрежденіе центральнаго духовно-учебнаго управленія, по необходимости, требуетъ издержекъ и содержанія значительнаго числа чиновниковъ... «Имѣя въ виду эти посторонніе для нашей епархіи расходы,—признавались намъ откровенно нѣкоторые священники,—мы и не показываемъ сполна всей суммы свѣчного сбора, но мы охотно платили бы вдвое и втрое, еслибъ знали, что наши деньги идутъ на содержаніе именно нашихъ епархіальныхъ училищъ, т. е. тѣхъ мѣстъ, гдѣ воспитываются наши дѣти; мы бы еще охотнѣе содѣйствовали всяческому усовершенствованію духовно-учебной части въ нашей епархіи, если бы могли видѣть собственными глазами, какъ и куда расходуются приходскія приношенія». —Нельзя, кажется, не признать этого возраженія вполнѣ справедливымъ,—и едва ли предоставленіе бо́льшей автономіи епархіямъ не соотвѣтствуетъ

пользамъ и даже можетъ быть видамъ самого высшаго церковнаго правительства... Въ самомъ дѣлѣ—усердіе прихожанъ и причтовъ усугубится въ значительнѣйшей мѣрѣ—это можно сказать навѣрное—если они будутъ имѣть право непосредственно содѣйствовать, въ своей епархіи, улучшенію мѣстъ спеціальнаго духовнаго воспитанія, столь необходимыхъ для приготовленія алтарю достойныхъ и образованныхъ служителей,—если они будутъ знать заранѣе, что сѣя, они и пожнутъ плоды, что ихъ пожертвованія употребляются согласно назначенію, на ихъ собственныхъ дѣтей, на ихъ одноземельцевъ, на членовъ ихъ же приходскихъ общинъ, для блага ихъ же мѣстной церкви. Это уже общій психическій законъ во всякомъ пожертвованіи и для всякаго добраго подвига: человѣку необходимо имѣть въ виду живую цѣль, непосредственное приложеніе его добрыхъ усилій къ дѣлу, къ дѣйствительной жизни,—непосредственное участіе въ дѣланіи; если же человѣкъ знаетъ, что жертвуемое имъ будетъ употреблено хотя и на доброе дѣло, но когда-то, кѣмъ-то, на что-то, безъ его вѣдома и участія, то, конечно, жертвованіе его будетъ несравненно меньшаго объема и не такъ плодотворно по нравственнымъ своимъ послѣдствіямъ. Всякое жертвованіе даетъ жертвователю и право интересоваться употребленіемъ жертвуемаго...

Затѣмъ, если вообще общественное воспитаніе требуетъ общественнаго контроля, то тѣмъ болѣе воспитаніе, имѣющее такую важную, высокую задачу, связанное съ такимъ близкимъ обществу вѣрующихъ интересомъ. Развѣ не важно, напр., для приходскихъ причтовъ и для всѣхъ приходскихъ общественныхъ центровъ, чтобы профессоръ семинаріи былъ вполнѣ обезпеченъ и могъ вполнѣ посвятить себя дѣлу учительства,—чего онъ не въ состояніи исполнить теперь съ 300 рублями жалованья? Развѣ Московская епархія не могла бы давать профессорамъ своихъ семинарій жалованья впятеро больше? Конечно, могла бы, но этого не дѣлается, во-первыхъ, потому, что увеличеніе окладовъ зависитъ не отъ нея, не отъ мѣстнаго епархіальнаго правителя, а отъ центральнаго «духовно-учебнаго управленія», отъ составленія послѣднимъ общихъ для всей Россіи однообразныхъ штатовъ, и т. п.; во-вторыхъ, потому, что оффиціальные источники скудны, а при существующихъ порядкахъ епархіальное духовенство не имѣетъ въ этомъ дѣлѣ оффиціальнаго голоса и значенія, епархіальное же общество мірянъ или, вѣрнѣе сказать, приходскіе общественные центры лишены жизни, не вѣдаютъ своихъ собственныхъ силъ и средствъ; въ-третьихъ, наконецъ, потому, что епархіальное духовенство и міряне, члены епархіальной церкви, будучи устранены отъ участія въ дѣлахъ общаго церковнаго по епархіи управленія, стали вообще равнодушны къ церковнымъ и къ своимъ собственнымъ духовнымъ интересамъ.

Если бы, напротивъ того, каждая епархія имѣла свое самостоятельное духовно-учебное управленіе,—подчиняясь, разумѣется, въ главныхъ основаніяхъ, и въ этомъ, какъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, общему церковному правительству—Святѣйшему Синоду—въ смыслѣ помѣстнаго собора всей Русской церкви,—то не только не пришлось бы сокращать число училищъ и учащихся въ семинаріи (какъ это предвидитъ по своей епархіи, при продолженіи существующихъ порядковъ, преосвященный Антоній), но училища и семинаріи пришлось бы скоро расширить и увеличить. Мы не раздѣляемъ высказанныхъ намъ нѣкоторыми опасеній, что, при такой епархіальной автономіи, личность иного епархіальнаго начальника можетъ иногда отразиться невыгодно на ходѣ самаго воспитанія, на преподаваніи наукъ и т. д. При сохраненіи власти епископа въ полномъ ея объемѣ, установленномъ Св. Церковью,—все же, мы увѣрены, мнѣніе цѣлаго мѣстнаго епархіальнаго церковнаго общества, безпрепятственно высказываемое, участіе въ духовно-учебныхъ дѣлахъ приходскихъ причтовъ и мірянъ (послѣднее необходимо, согласно вообще съ духомъ каноническихъ правилъ и есть самое лучшее врачевство противъ элемента сословной исключительности и замкнутости),—все это было бы, намъ кажется, достаточно благонадежнымъ, хотя и чисто-нравственнымъ огражденіемъ отъ личнаго произвола и вообще отъ вліянія личности неблагопріятной истинному духовному просвѣщенію. Въ то же время училища и семинаріи утратили бы тотъ однообразный, наложенный на нихъ типъ, который не служитъ, кажется, къ большой ихъ пользѣ,—тотъ оффиціальный, казенный характеръ, который душитъ свободное, благое развитіе мысли и сердца, и губитъ, нерѣдко въ самомъ началѣ, столько дарованій и прекрасныхъ наклонностей! Наконецъ, полагаемъ мы, и расходы на содержаніе духовно-учебнаго центральнаго управленія значительно бы сократились... Читатели понимаютъ, что мы пишемъ не проектъ во всѣхъ его подробностяхъ, а излагаемъ только общія начала той системы, при которыхъ, казалось бы намъ, можно устранить опасности, по свидѣтельству Смоленскаго преосвященнаго, угрожающія Русскому духовному просвѣщенію.

Далѣе. Какимъ же образомъ, однако,—пожалуй, возразятъ намъ,—могли бы приходскія общины (причтъ и міряне) дѣлать раскладку между собою тѣхъ денежныхъ тягостей, которыя необходимы для существованія училищъ и семинарій: т. е. освобождать отъ взноса бѣдную или случайно обѣднѣвшую церковь, и налагать ея долю на другія, болѣе состоятельныя? Какимъ же образомъ могли бы онѣ принимать непосредственное участіе въ дѣлахъ духовно-учебнаго управленія, содѣйствовать усиленію и усовершенствованію училищъ согласно своему желанію и проч.? Духовенства, какъ духовенства, ни строго, а тѣмъ менѣе съ

участіемъ мірянъ, въ епархіи не существуетъ: есть епархіальные начальники, есть консисторіи, соотвѣтствующія губернскимъ правленіямъ, есть благочинные и, наконецъ, приходскіе священники—низшая ступень іерархической лѣстницы, лица -лично и непосредственно подчиненныя личной же высшей іерархической власти и вполнѣ отъ нея зависящія. Таковы, положимъ, и должны быть личныя отношенія священниковъ къ епископу, но мы и не думаемъ разумѣть здѣсь духовенство въ смыслѣ корпоративномъ, — мы разумѣемъ здѣсь духовенство — какъ членовъ церкви *вмѣстѣ* съ мірянами. Съ этой точки зрѣнія вопросъ измѣняется и отношенія становятся возможны иныя. Мы не беремъ отдѣльно приходскаго духовенства и не противополагаемъ его правъ правамъ епископа: это было бы совершенно несогласно съ духомъ православной церкви, — но мы имѣемъ въ виду только приходскія *общины* (приходскіе ли совѣты, предположенные Общимъ Высочайше утвержденнымъ присутствіемъ по улучшенію быта духовенства, приходскія ли сходки или собранія), и, наконецъ, имѣемъ въ виду также *общее собраніе* приходскихъ общинъ, т. е. всего епархіальнаго духовенства, или избранныхъ отъ него, и таковыхъ же избранныхъ отъ каждаго приходскаго общества — мірянъ. Таковое собраніе, временно созываемое, нисколько не похожее на какое-нибудь присутственное мѣсто, ни даже на гражданское представительное учрежденіе, въ родѣ нашихъ вводимыхъ теперь земскихъ учрежденій, было бы чрезвычайно полезно для епархіальной власти уже тѣмъ, что дѣлало бы ей извѣстными всѣ желанія и нужды управляемой ею паствы. Такія частныя епархіальныя собранія могли бы быть великимъ подспорьемъ для помѣстнаго собора всей Русской церкви...

Итакъ, вотъ наши общія положенія:

1) Возстановленіе значенія приходскихъ общинъ, въ смыслѣ хозяйства и контроля церковныхъ суммъ, —съ уничтоженіемъ иной отчетности и съ упраздненіемъ того порядка содержанія семинарій, который далъ поводъ къ циркуляру преосвященнаго Антонія.

2) Епархіальная автономія въ дѣлѣ духовно-учебнаго управленія, т. е. предоставленіе каждой епархіи вѣдать, содержать и совершенствовать свои училища, семинаріи и пр., съ участіемъ мірянъ и епархіальнаго духовенства.

3) Установленіе приходскихъ собраній и общихъ собраній мірянъ и духовенства *всей* епархіи — въ лицѣ избранныхъ отъ приходскихъ общинъ.

Излагая наше мнѣніе, мы почти не видимъ надобности пояснять, что мы совершенно несогласны со взглядами тѣхъ господъ, которые бы желали отнести содержаніе духовныхъ училищъ на счетъ государства. Это воззрѣніе встрѣчается нерѣдко даже между духовенствомъ. Мы же

полагаемъ, что духовенство должно было бы именно дорожить этимъ дѣйствіемъ гражданскаго правительства, которое, предоставляя воспитаніе служителей алтаря исключительно средствамъ духовнаго вѣдомства, блюдетъ тѣмъ самымъ независимость церкви; но оно едва ли бы могло устранить себя отъ вмѣшательства въ дѣло духовно-учебнаго управленія, если бы тратило свои, т. е. государственныя деньги, на содержаніе духовныхъ училищъ... Существуетъ также мнѣніе о необходимости слить во едино гимназіи и семинаріи, мѣста гражданскаго и духовнаго воспитанія. Этотъ вопросъ заслуживаетъ особой статьи, но скажемъ только, что въ *настоящее время* мы объявляемъ себя рѣшительными противниками этой мѣры, и для объясненія нашихъ словъ ссылаемся на наши статьи въ 18 и 20 №№ «Дня» объ общественномъ оффиціальномъ, гражданскомъ воспитаніи въ Россіи.

Въ заключеніе позволимъ себѣ предложить тѣмъ читателямъ, которые согласны съ этою нашею статьею, попытаться привести немедленно въ исполненіе 9 и 10 §§ Инструкціи церковнымъ старостамъ. Не найдутъ ли они удобнымъ теперь же, въ урочные дни, назначенные этими параграфами, предложить священно-и церковно-служителямъ и церковнымъ старостамъ своихъ приходскихъ церквей (городскихъ или сельскихъ, здѣсь въ Москвѣ или въ провинціи) произвести освидѣтельствованіе суммъ, повѣрку книгъ, статей прихода и расхода, въ своемъ присутствіи, и затѣмъ не потрудятся ли они сообщить свѣдѣнія о результатахъ этой ихъ первой попытки—къ намъ въ редакцію, для напечатанія въ нашей газетѣ??...

Современное состояніе и задачи христіанства по поводу книги Гизо: Размышленія о сущности христіанской религіи.

«День», 15 августа 1864 года.

«Много нападеній выдержала и одолѣла христіанская религія въ теченіе девятнадцати вѣковъ: нѣкоторые изъ нихъ были яростнѣе—ни одно не представляло такой важности, какъ выдерживаемое ею въ наше время».

Такими словами начинается, помѣщенный въ іюльской книжкѣ Revue des Deux Mondes», отрывокъ изъ новаго сочиненія Гизо, которое если еще не вышло, то имѣетъ скоро явиться въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Размышленія о сущности христіанской религіи* (Méditations sur l'essence de la religion chrétienne)[1]. Судя по отрывку и по изложенной въ немъ

[1]) Оно уже появилось, и бо́льшая часть отрывка, помѣщеннаго въ Rev. des deux m., вошла въ него, какъ предисловіе.

программѣ сочиненія, оно исполнено самаго живаго, *современнаго* европейскаго интереса,—не потому только, что оно принадлежитъ благородной личности Гизо, едва ли не самой почтенной и симпатичной изъ всѣхъ французовъ —ученыхъ, мыслителей, публицистовъ, — но потому особенно, что вопросы религіозные снова выдвинуты исторіей на первый планъ — исторіей внѣшнихъ событій и исторіей внутренняго развитія человѣчества, — какъ въ живыхъ осязательныхъ историческихъ явленіяхъ, такъ и въ новѣйшихъ фактахъ положительной науки и отвлеченнаго мышленія. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ представляетъ намъ современная исторія Запада? Свѣтская власть папы виситъ, такъ сказать, на волоскѣ и поддерживается въ Римѣ однимъ или двумя десятками тысячъ французскихъ штыковъ, — а между тѣмъ съ вопросомъ о свѣтской власти папы связана судьба—не христіанской религіи, конечно, но всего латинскаго католичества, той церковной державы, которую воздвигъ Римъ на развалинахъ всемірной имперіи и на которую перенесъ онъ и свое стремленіе ко всемірному господству, и идею всемірнаго государства, и типъ выработанной имъ внѣшней государственной организаціи. Что̀ станетъ съ западнымъ міромъ, если рушится престолъ Римскаго папы? Что̀ смѣнитъ это связующее и организующее начало великой западной церкви, и вмѣстѣ съ тѣмъ историческое начало народовъ католическаго исповѣданія? Чѣмъ наполнится пустота, которая мгновенно водворится въ мірѣ съ паденіемъ папы? Ибо Римскій папа, внѣ свѣтской своей власти и притязаній на эту власть или даже добровольно отрекшійся отъ нихъ, немыслимъ, т. е. перестанетъ уже быть тѣмъ папою, какимъ создала его исторія и который есть жизненная сила латинской церкви. Мы видимъ, въ настоящее время, странное небывалое зрѣлище: цѣлыя королевства и области отлученныя папой отъ церкви; короля и цѣлый народъ—осужденныхъ церковною клятвою, а между тѣмъ и король и народъ, отвергшіе принципъ свѣтской власти папы, не только не отреклись отъ христіанскаго вѣрованія, но продолжаютъ называть и считать себя католиками и вѣрными сынами латинской церкви. Нельзя не сознаться, что подобное явленіе *папизма*—безъ *папы*, или *минусъ папа*, въ высшей степени не логично, а потому и уродливо. Такое двусмысленное, неопредѣленное положеніе не можетъ же, однако, быть очень продолжительно; такое самопроизвольное, внѣшнее отрицаніе главнѣйшихъ пунктовъ латинско-церковной догматики нуждается во внутреннемъ оправданіи, въ гласномъ одобреніи и освященіи народной совѣсти, въ точнѣйшемъ опредѣленіи своего собственнаго исповѣданія вѣры. Если же этого въ скоромъ времени совершено не будетъ (а совершиться ему трудно), то это противорѣчіе, эта непослѣдовательность, внесенная въ область католической вѣры, ляжетъ тяжкимъ гнетомъ на мысль и чувство итальянскаго народа, и неудержимая потребность логической правды

или произведетъ реакцію въ пользу папы, или же заставитъ итальянцевъ пріискать новую почву, новыя основанія—для *новаго* вѣроисповѣданія. Обратятся ли они къ готовой, хотя и устарѣвшей формулѣ германскаго протестантства (устарѣвшей потому, что протестантство въ своемъ развитіи далеко оставило за собой Лютерову догматику, а новыя его формулы почти неуловимы), — или же обратятся къ древнѣйшимъ неповрежденнымъ преданіямъ, сохранившимся на Востокѣ,—мы не знаемъ, но очевидно, что колеблющійся тронъ римскаго первосвященника колеблетъ, вмѣстѣ съ собою, и судьбу цѣлыхъ народовъ. Очевидно, что Италіи и всему міру, въ которомъ латинство явилось просвѣтительнымъ и организующимъ историческимъ началомъ, грозитъ такой переворотъ, котораго предѣловъ не можетъ усмотрѣть умственный взоръ человѣка, и отъ одной мысли о которомъ захватываетъ дыханіе...

Далѣе. Гордая твердыня Ислама дрогнула и потряслась въ своихъ основаніяхъ. Она уже не можетъ, какъ прежде, слыть неприступной. Мы разумѣемъ здѣсь недавно обнаружившіеся успѣхи протестантской проповѣди между мусульманами въ Турціи, изъ которыхъ болѣе трехъ тысячъ человѣкъ приняли христіанство по исповѣданію Англиканской церкви. Если бы даже это обращеніе было случайнымъ, отдѣльнымъ явленіемъ, то и тогда оно достойно полнаго вниманія и возбуждаетъ цѣлый рядъ невольныхъ вопросовъ: почему же не православію и не латинству досталась эта побѣда, какимъ образомъ раціонализмъ протестантства могъ придтись по сердцу «пламенному жителю Востока» и пр. и пр.?.. Странно, что въ нашей духовной журналистикѣ мы не встрѣчали до сихъ поръ статьи, посвященной обсужденію этихъ вопросовъ!.. Если же это обращеніе мусульманъ въ протестантство не есть, какъ говорится, «изолированный фактъ», а свидѣтельствуетъ о томъ, что духовный авторитетъ Ислама дѣйствительно поколебленъ въ своемъ основаніи, то это событіе пріобрѣтаетъ еще болѣе важности и также неизмѣримо по своимъ міровымъ послѣдствіямъ. Замѣтимъ кстати, что въ то время, какъ философскія школы Европы стараются создать или узаконить существованіе общечеловѣческой цивилизаціи внѣ христіанскаго и вообще внѣ всякаго религіознаго вѣрованія,—въ то самое время, та же самая Европа рукоплещетъ, съ искреннею и серьезною радостью, успѣхамъ христіанской проповѣди на Востокѣ, и хоромъ провозглашаетъ въ своихъ газетахъ и журналахъ, какъ старую извѣстную аксіому, — что истинное плодотворное просвѣщеніе возможно только на почвѣ христіанства и ни на какой другой... Вотъ два событія, принадлежащія къ области внѣшнихъ историческихъ фактовъ, которыя даютъ новую силу вопросамъ религіознымъ; нужно ли же говорить о томъ, что совершается въ средѣ самого христіанскаго общества, въ области его внутренней интеллектуальной жизни? Опустошеніе, производимое въ умахъ и душахъ человѣ-

тескихъ успѣхами матеріализма, духъ отрицанія, съ его страстными усиліями подрыться подъ самый корень вѣры,—подъ ту самую силу, которою *солится соль*,—нравственное разложеніе общества и ослабленіе тѣхъ бытовыхъ основъ, которыми оно доселѣ держалось, — все это придало новую жизнь старой борьбѣ между вѣрою и невѣріемъ,—борьбѣ на нѣкоторое время утихшей подъ господствомъ общаго индифферентизма. Настоящія нападенія—это уже не легкомысленное кощунство XVIII вѣка — не грубыя насилія революціоннаго фанатическаго атеизма, — это топоръ и пила научнаго факта и анализа, врубившіеся и впившіеся, повидимому, въ самую сердцевину христіанскаго дуба! Человѣкъ опять поставленъ лицомъ къ лицу съ коренными, основными, существенными задачами своего бытія,—и всѣ вопросы науки, мысли, знанія, политическіе и соціальные, примыкаютъ вновь неотвратимо къ вопросу религіозному. Его нельзя ни обойти, ни миновать, какъ бывало прежде,—да и не слѣдуетъ. Справедливо замѣчаетъ Гизо: «Эти верховныя задачи, нынѣ вновь возбуждаемыя, не суть вопросы науки для человѣка, но вопросы жизни: въ виду ихъ, приходится сказать, какъ Гамлетъ: «быть или не быть—вотъ вопросъ»?—Посмотримъ теперь, какъ обрисовываетъ самъ Гизо современное поле борьбы и, такъ сказать, военную позицію обоихъ становъ, и приведемъ нѣсколько подлинныхъ мѣстъ изъ упомянутаго нами отрывка... Дѣлаемъ это особенно потому, что намъ, Русскимъ, не мѣшало бы кое-что изъ приводимаго здѣсь— принять къ нашему особенному свѣдѣнію.

«Въ теченіе 18-ти вѣковъ,—говоритъ Гизо,—христіане были поочередно то гонимыми, то гонителями; гонимыми какъ христіане—и гонителями нехристіанъ, или даже другъ друга, между собою, внутри предѣловъ христіанскаго общества. Преслѣдованіе было, смотря по мѣсту и времени, болѣе или менѣе непреклонно, болѣе или менѣе дѣйствительно, —но несмотря на все различіе церквей, государственныхъ формъ и наказаній, на преобладаніе строгости или мягкости въ приложеніи,— принципъ, однако же, оставался одинъ и тотъ же. Претерпѣвъ мученичество и гоненіе подъ скипетромъ языческихъ императоровъ, христіанская религія жила, въ свою очередь, подъ стражею гражданскаго закона, защищаемая оружіемъ свѣтской власти.

«Она живетъ теперь передъ лицомъ и въ присутствіи свободы (en présence de la liberté). Она имѣетъ дѣло съ свободною мыслью, съ свободнымъ сужденіемъ. Ей приходится теперь защищаться уже самой, самой охранять себя, свидѣтельствовать непрестанно, и противъ всякаго встрѣчнаго, свою истину нравственную и историческую, свое право на разумъ и душу человѣческую. Католики, протестанты, жиды, христіане и философы, всѣ теперь, по крайней мѣрѣ, между нами (во Франціи), ограждены отъ всякаго преслѣдованія; наружное выраженіе вѣрованія

равно свободно для каждаго. Свобода религіозная, то есть свобода вѣрить, вѣрить различно или вовсе не вѣрить, еще не вполнѣ принята и обезпечена въ разныхъ государствахъ, но очевидно, что она болѣе и болѣе становится всеобщимъ фактомъ и станетъ отнынѣ обычнымъ правомъ просвѣщеннаго міра. Одна изъ причинъ, дающихъ такое могущественное значеніе этому факту—та именно, что онъ не одинокъ; онъ состоитъ въ связи съ великою умственною и соціальною революціею, которая, послѣ многовѣковаго броженія, разразилась и совершается въ наши дни. Духъ науки, преобладаніе демократическаго начала и политическая свобода—вотъ существенныя черты и неотвратимыя влеченія этой революціи. Эти новыя могучія власти могутъ впасть въ громадныя вины, совершить громадныя ошибки, за которыя имъ всякій разъ придется жестоко расплачиваться, но онѣ уже окончательно утвердились въ современномъ обществѣ. Это тѣ отнынѣ господствующія явленія, къ которымъ должны будутъ прилаживаться всѣ политическія учрежденія и съ которыми всѣмъ нравственнымъ властямъ (toutes les autorités morales) нужно будетъ жить въ мірѣ. Христіанская религія не избавлена отъ этого испытанія; она преодолѣетъ его, какъ преодолѣла множество другихъ».

Мы замѣтимъ здѣсь—что̀ намъ кажется не совсѣмъ вѣрнымъ или точнымъ въ словахъ Гизо. Онъ противополагаетъ христіанской религіи факты, по его выраженію, «интеллектуальной и соціальной революціи» какъ что-то отъ религіи совершенно отдѣльное, независимое, что-то ей чуждое и такое, съ чѣмъ ей, какъ бы *волей-неволей*, приходится считаться. Было бы еще понятно, еслибъ вмѣсто словъ «христіанская религія»—онъ сказалъ: «церковность» или «церковь въ ея историческомъ значеніи». Мы же думаемъ, что тѣ факты духовной и соціальной среды, которые разумѣетъ Гизо, не вполнѣ самостоятельныя явленія, а произошли сами отъ болѣе или менѣе сильнаго напора (импульса) христіанской идеи, живущей и дѣйствующей въ нравственномъ сознаніи человѣчества. Однажды явившись въ міръ, она не можетъ погибнуть и продолжаетъ жить и творить, бо̀льшею частью неузнаваемая, отрицаемая, но воплощаемая, отчасти, въ цѣломъ послѣдовательномъ ряду историческихъ явленій—обусловленныхъ законами мѣста, времени, конечности и человѣческаго несовершенства. Она какъ зерно, павшее въ землю, въ землѣ прозябающее, и туго, медленно подъемлющее свой стебель сквозь терніи, соръ и плевелы. Эта христіанская идея нерѣдко (особенно на Западѣ) была совершенно заслоняема внѣшнею церковью, нерѣдко состояла въ прямомъ съ нею противорѣчіи и потому-то нерѣдко прорывалась въ людяхъ къ жизни путемъ извращеннымъ, не христіанскимъ путемъ отрицанія, насилія и революціи. Вспомнимъ извѣстную революціонную формулу (*братство*, *равенство* и пр.), которая немы-

слима въ древнемъ мірѣ, которая дана міру Евангеліемъ и которую революціонеры выставили на своемъ знамени — разумѣется, исказивъ ея смыслъ и неистовствуя безумно противъ Евангелія же! Такимъ образомъ, всѣ тѣ «факты», о которыхъ говоритъ Гизо, едва ли могутъ быть противополагаемы христіанству, какъ явленія вполнѣ независимыя отъ христіанской идеи. Христіанской религіи не нужно дѣлать никакихъ уступокъ, чтобъ *жить въ мірѣ* съ свободою слова и мнѣнія, съ полноправностью всѣхъ гражданъ безъ различія, и пр. Ей нужно только быть въ согласіи съ самой собой. Все, что только способствуетъ освобожденію духа человѣческаго отъ внѣшняго гнета, ей не только не страшно и не *опасно*, но желанно и радостно... Впрочемъ, вѣроятно, Гизо имѣлъ здѣсь въ виду только очертить внѣшнимъ образомъ настоящее взаимное отношеніе явленій, какъ они существуютъ для ежедневнаго пониманія. И дѣйствительно—главнѣйшая опасность заключается въ невѣрномъ пониманіи христіанства со стороны оффиціальныхъ защитниковъ христіанства. Гизо вѣритъ, что христіанская религія выдержитъ всяческое испытаніе, но вотъ что говоритъ онъ далѣе: «Дѣло крайней важности и необходимости, чтобъ христіане не обольщались на счетъ предстоящей имъ борьбы, на счетъ ея опасностей и тѣхъ *орудій,* которыя имъ возможно будетъ употребить въ дѣло... Нападеніе, направленное теперь на христіанскую религію — нападеніе пламенное и совершаемое то съ грубымъ фанатизмомъ, то съ хитрымъ искусствомъ,—то во имя самыхъ низкихъ страстей, то во имя самыхъ искреннихъ убѣжденій; иные (на Западѣ) оспариваютъ ее, какъ лживую, другіе отвергаютъ ее, какъ слишкомъ требовательную и стѣснительную,—большая часть страшится ея, какъ тиранніи. Не скоро забываются неправедный судъ и страданія, не легко излечиваются отъ боязни! Воспоминанія о религіозныхъ гоненіяхъ еще живы и еще продолжаютъ питать во множествѣ умовъ злыя предубѣжденія и жгучія опасенія. Христіане, съ своей стороны, съ трудомъ допускаютъ новое соціальное положеніе и съ трудомъ прилаживаются къ нему; они на каждомъ шагу чувствуютъ себя оскорбленными, раздраженными, испуганными—отъ мыслей и рѣчей, раздающихся въ обществѣ. Не легко перейти отъ привилегіи къ общности права, и отъ господства къ свободѣ! нельзя, видно, безъ особенныхъ надъ собою усилій покориться свободѣ дерзкаго противорѣчія и необходимости постоянно защищаться, постоянно одолѣвать! Дѣйствіе свободы еще страстнѣе и чувствительнѣе въ области религіозной, чѣмъ въ политической; вѣрующимъ еще труднѣе сносить невѣрующихъ, чѣмъ правительствамъ оппозицію. И, однако же, они къ тому вынуждены обстоятельствами,—они уже нигдѣ, какъ только въ свободѣ сужденія и воспользовавшись всею полнотою своей собственной свободы, могутъ обрѣсти нужную имъ силу, чтобъ возвыситься надъ опасностями и сдѣ-

лать тщетными нападенія своихъ яростныхъ противниковъ». Если, вмѣсто выраженія: *христіанская религія*, мы поставимъ — церковь, въ смыслѣ іерархическаго правительственнаго института и въ смыслѣ внѣшняго авторитета,—или же наконецъ, и самую религію будемъ здѣсь разумѣть въ томъ видѣ и на той степени развитія, какъ она проявляется въ обиходномъ сознаніи большинства (какъ духовенства, такъ и мірянъ), то нельзя не признать, что Гизо съ поразительною вѣрностью опредѣлилъ настоящее положеніе дѣла, настоящія опасности, грозящія торжеству христіанской истины, и такъ сказать ткнулъ пальцемъ въ самыя болѣзненныя мѣста современнаго христіанскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, побѣда можетъ остаться за христіанской истиной только тогда, когда защитники этой истины будутъ вполнѣ ей вѣрны и будутъ защищать ее единымъ соотвѣтственнымъ ея достоинству орудіемъ, когда они убѣдятся, что только *въ свободѣ сужденія, въ свободѣ совѣсти, и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы*, они могутъ обрѣсти необходимую имъ силу для побѣды надъ могуществомъ лжи и мрака, для одолѣнія своихъ многочисленныхъ и искусныхъ враговъ.

Но это ли мы видимъ въ обществѣ вѣрующихъ, въ христіанской церкви нашихъ дней? спрашиваетъ Гизо. «Какъ смотритъ она сама на тѣ крупные вопросы, о которыхъ ей приходится препираться съ свободнымъ и смѣлымъ разумомъ человѣка? Вполнѣ ли ясно разумѣетъ она сама, вполнѣ ли добрымъ порядкомъ ведетъ она ту войну, въ которую вовлечена? Точно ли идетъ она къ возстановленію истиннаго мира и животворнаго согласія между собою и обществомъ, въ нѣдрахъ котораго она живетъ?».

Гизо признаетъ эти опасности общими для всей христіанской церкви независимо отъ различія вѣроисповѣданій, и приглашаетъ христіанъ всѣхъ исповѣданій соединить свои усилія для борьбы. «Когда отвергается свышеественное (le surnaturel), боговдохновенность Писанія и божество Іисуса Христа,—говоритъ онъ, — на всѣхъ христіанъ равно падаютъ удары, на католиковъ, протестантовъ, Грековъ»... «Но есть поводъ бояться,—продолжаетъ онъ,—что чувство общей опасности не одинаково живо и ясно для всѣхъ христіанскихъ церквей,—что христіане различныхъ исповѣданій не въ той мѣрѣ, какъ бы слѣдовало, сосредоточиваютъ всѣ свои силы на предстоящей имъ борьбѣ. Впрочемъ, этому нечего много удивляться. Хотя опасность одинакова для всѣхъ, — но преданія, привычки и вслѣдствіе того нынѣ дѣйствующія направленія различны. *Многіе католики убѣждены, что вѣра была бы спасена, еслибъ они были избавлены отъ свободы мысли* (!!!!!). Многіе протестанты воображаютъ, что они, покидая основанія и отдаляясь отъ источниковъ вѣры, только пользуются правомъ свободнаго разсмотрѣнія и остаются христіанами. Католицизмъ не имѣетъ достаточно довѣ-

рія къ своимъ корнямъ и слишкомъ держится за свои вѣтви. Протестанство забываетъ слишкомъ часто, что и у него есть корни, отъ которыхъ оно не можетъ оторваться, не погибнувъ. *Католики слишкомъ трусятъ свободы*, протестанты слишкомъ трусятъ авторитета», и проч. Но нѣтъ,—говоритъ дальше Гизо,—«такъ какъ христіанская религія живетъ нынѣ въ присутствіи свободы, то тѣ единственно и могутъ назваться въ наше время дѣйствительными, настоящими защитниками религіи, которые въ одно и то же время исповѣдуютъ во всей полнотѣ христіанскую вѣру и столь же искреннимъ сердцемъ пріемлютъ даръ и испытаніе свободы!»... Было бы, однако, неосновательно обольщаться скорымъ и легкимъ успѣхомъ. Въ царствѣ свободы по необходимости перемѣшаны зло и добро, истина и ложь; мысли и направленія противоположныя являются и развиваются внезапно и одновременно... «Не думайте, сказалъ Іисусъ Христосъ апостоламъ, что Я пришелъ принести миръ на землю: не миръ пришелъ Я принести, но мечъ». (Матѳ. X. 34). Этотъ мечъ — есть христіанская истина, вѣчно борющаяся съ несовершенствомъ и заблужденіемъ человѣческимъ... — Если же, думаетъ Гизо, христіанская современная церковь не пойметъ своего положенія, своего настоящаго отношенія къ свободѣ политической, умственной, религіозной,—если она сама не подниметъ знамя свободы и не откинетъ внѣшней силы,—если она не противопоставитъ свободѣ, которую завоевала себѣ ложь,—свободу правды и вообще не перенесетъ борьбы въ область полной свободы, то, хотя христіанство, конечно, и не погибнетъ, но страшная смута поразитъ человѣческія души, и надъ человѣчествомъ разразится одна изъ тѣхъ ужасныхъ революціонныхъ бурь, которой уроки только тогда послужатъ ему на пользу, когда напередъ переживутся имъ всѣ бѣдствія ею нанесенныя!..

Много вѣрныхъ и глубокихъ мыслей содержитъ въ себѣ книга Гизо, но нельзя не подивиться, что этотъ знаменитый и, повидимому, всесторонній ученый ни слова не говоритъ о православіи,—да и вообще, кажется, вся исторія христіанства заключается для него только въ предѣлахъ Запада, въ предѣлахъ католицизма (латинства) и протестантства! Ихъ взаимная борьба и отношенія исчерпываютъ, повидимому, для Гизо всю историческую жизнь христіанства. Только однажды и было приведено имъ названіе *Грековъ* (см. выше).

Что же Востокъ? Если, по свидѣтельству западнаго мыслителя, глубокій мракъ ложится на Западъ, то отчего же взоры его не обращаются на Востокъ, къ православію, отчего не свѣтитъ ему заря съ Востока?!.. Неужели же Востокъ и Россія, славянство и православіе являются совершеннымъ пробѣломъ въ его знаніи?! Или, быть можетъ, ничего и не ждетъ онъ отъ Востока, который представляется ему погруженнымъ въ ночь невѣжества и рабства, въ сонъ мертвенный и непробудный?..

Проснися, дремлющій Востокъ,

сказалъ тридцать лѣтъ тому назадъ нашъ поэтъ. . Что же, проснулся ли онъ? Что же дѣлается на Востокѣ? Не его ли теперь призываетъ къ жизни исторія, не его ли историческій чередъ теперь наступаетъ?

Посмотримъ же ближе, что дѣлается на Востокѣ...

О смѣшеніи церковнаго съ государственнымъ, по поводу слуховъ о новомъ проектѣ духовнаго цензурнаго устава.

«День», 18 сентября 1865 г.

Въ прошлый разъ мы говорили о томъ, какъ необходимо Россіи неограниченное *право правды*,—какъ только правда, одна лишь широкая правда, въ состояніи спасти насъ, уврачевать язвы нашего общественнаго организма и возстановить его нравственныя силы. Начало водворенію правды уже положено отчасти въ новомъ законодательствѣ о печати, но это законодательство нисколько не распространяется на книги и изданія духовнаго содержанія и на такъ-называемую «цензуру духовную». А между тѣмъ извѣстно, что не только нѣтъ ничего строже цензуры духовной, но что и вообще, къ прискорбію, нигдѣ такъ не боятся правды, какъ въ области нашего церковнаго управленія, нигдѣ младшіе такъ не *трусятъ* старшихъ, какъ въ духовной іерархіи, нигдѣ такъ не въ ходу «ложь во спасеніе», какъ тамъ, гдѣ ложь должна бы быть въ омерзеніи. Нигдѣ, подъ предлогомъ змѣиной мудрости, не допускается столько сдѣлокъ и компромиссовъ, унижающихъ достоинство церкви, ослабляющихъ уваженіе къ ея авторитету. Все это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка вѣры въ силу истины, а главное отъ смѣшенія понятій: церковнаго съ государственнымъ, *Кесарева* съ *Божьимъ*. Многіе смотрятъ у насъ на церковь, какъ на одну изъ государственныхъ функцій, какъ на часть государственнаго организма, которой отправленія не самостоятельны сами по себѣ и не сами для себя существуютъ, а подчинены общей цѣли этого организма, предназначены соображаться съ его задачею, съ его общимъ строемъ. Такое мнѣніе не только ложно, но и совершенно вредно въ практическомъ примѣненіи. Это значитъ смѣшивать царство не отъ міра сего съ царствомъ отъ міра, поставлять вѣчное въ зависимость отъ временнаго, непреложное отъ случайнаго, внутреннее отъ внѣшняго, безусловное отъ условнаго, свободу безсмертнаго духа отъ грубой плотской силы. Церковь не можетъ и не должна служить государственнымъ видамъ и со-

образованіямъ, и никакимъ посторониимъ цѣлямъ, кромѣ одной цѣли, указанной ей ея единымъ главою—Христомъ, и въ ней самой содержащейся. Отношенія церкви къ государству вполнѣ опредѣлены христіанскимъ ученіемъ. Оно учитъ выплачивать государству слѣдующій ему динарій, молиться за право-правящихъ, вообще *бояться* только Бога и *чтить* земную предержащую власть, повинуясь ей во всемъ, что относится до *ея* области. Если церковь настаиваетъ на исполненіи гражданами своихъ обязанностей, то не потому, что это выгодно для государства, а потому, что это требуется (и притомъ только въ той мѣрѣ, въ какой требуется) самимъ Христовымъ Завѣтомъ. Она имѣетъ въ виду не гражданъ, а членовъ церкви, общество не политическое, а общество вѣрующихъ. Она побуждаетъ послѣднихъ къ совершенію только своего *христіанскаго* долга, и только съ этой точки зрѣнія смотритъ на долгъ въ отношеніи къ государству, но во всякомъ случаѣ обязываетъ вѣрующихъ воздавать кесарю, что принадлежитъ кесарю. Церковь не можетъ снизойти на степень государства, не измѣнивъ своему основному характеру, не утративъ своей свободы и святости, съ одной стороны,—не стѣснивъ, съ другой стороны, свободы и правильности государственныхъ отправленій. Государство не должно себѣ присвоивать ни авторитета, ни аттрибутовъ церкви, ни дѣлать церковь подчиненнымъ себѣ орудіемъ: иначе оно внесетъ ложь и лицемѣріе, какъ въ свою сферу, такъ и въ сферу церковную, и подорветъ авторитетъ церкви. Исторія указываетъ намъ немало примѣровъ, какимъ зломъ вѣнчалось всегда вмѣшательство церкви въ дѣла государства, соединеніе власти духовной съ властью свѣтской, совмѣщеніе въ одной рукѣ меча духовнаго съ мечомъ государственнымъ,—однимъ словомъ, облеченіе церкви въ доспѣхи государственнаго могущества. Церковь въ такомъ случаѣ перестаетъ быть церковью и сама себя добровольно отрицаетъ, низводя себя на ступень «царства отъ міра сего». Точно также и государство, если бы вздумало присвоивать себѣ значеніе и власть церкви, если бы взялось быть судьею и рѣшителемъ вѣры, внесло бы въ церковь элементъ совершенно инородный, чуждый, ограничило бы безпредѣльную духовность вѣры, овнѣшнило бы, огрубило бы ее, однимъ словомъ, исказило бы самое существо церкви. Внося элементъ внѣшней силы туда, гдѣ все должно истекать изъ внутренняго свободнаго убѣжденія, государство, по необходимости, должно было бы ограничиться одною внѣшностью, ибо область внутренняя ему недоступна, ибо только за однимъ внѣшнимъ проявленіемъ способно слѣдить государство. Поэтому въ области вѣры, въ области чисто духовной, внѣшнему данъ былъ бы перевѣсъ надъ внутреннимъ и тѣмъ самымъ умерщвлялось бы внутреннее,—вѣчная, безусловная божественная истина была бы задушена условною правдой государственной, низведена на степень «казен-

наго интереса» и заклеймена штемпелемъ казенности. Такимъ образомъ результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ бы одинаковый, т. е. и тогда, когда бы государство вздумало исправлять должность церкви, и тогда, когда бы церковь захотѣла облечься въ доспѣхи государственные. Это послѣднее мы понимаемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, не только въ смыслѣ похищенія себѣ церковью власти государственной, но и въ смыслѣ заимствованія у государства его внѣшней силы для распространенія и охраненія истинъ вѣры,—въ смыслѣ внесенія въ область церкви, самою церковью, государственныхъ пріемовъ, мѣръ, способовъ — вообще элемента полицейско-государственнаго.

Предположимъ такой случай: народъ, признавая цѣну водки слишкомъ высокою и пьянство для себя разорительнымъ, составляетъ общественные приговоры, которыми обязуется хранить воздержаніе и которые, по его требованію, скрѣпляются священниками. Это воздержаніе убыточно для откупщика, слѣдовательно, и для доходовъ казны. Предположимъ, что администрація, желая сломить упорную воздержность народа, выгодную для его нравственности, но невыгодную для казны, прибѣгло бы, чрезъ посредство церковнаго управленія, къ авторитету священниковъ, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе препятствовали составленію подобныхъ общественныхъ приговоровъ—подъ тонкимъ и ухищреннымъ предлогомъ, будто они противны свободѣ личной совѣсти и т. п. И вотъ, во имя Бога и злоупотребляя кощунственно текстами Св. Писанія, стали бы священники препятствовать народному рѣшенію воздержаться отъ пьянства. Спрашиваемъ, чѣмъ должны были бы показаться народу такіе священники? Конечно, не болѣе, какъ подобострастными чиновниками, а не какъ служителями алтаря. Не явилась ли бы въ такомъ случаѣ церковь—раболѣпнымъ подчиненнымъ орудіемъ казны и не унизилась ли бы ея святость? Не сама ли она содѣйствовала бы къ подрыву вѣры въ народѣ? Читателямъ такой случай покажется невѣроятнымъ. Предположимъ другой случай: не государство церковь, а церковь призываетъ себѣ государство на помощь: напр., если бы церковь, помощью государственныхъ полицейскихъ средствъ, стала загонять людей въ храмы Божіи и заставлять ихъ насильно вѣровать въ Бога или исполнять обряды и постановленія церкви, говѣть, причащаться и т. д. Что породило бы такое примѣненіе государственнаго начала и пріемовъ къ дѣлу вѣры? Кажется, не нужно и объяснять: ложь, обманъ, лицемѣріе, неуваженіе къ церкви и охлажденіе къ вѣрѣ.

Еще худшее зло было бы порождено подобнымъ полицейскимъ требованіемъ церкви, распространеннымъ на область мысли и слова. Понятно, что государство, какъ выраженіе условной формальной правды, во внѣшнихъ формахъ почерпая силу, завися отъ нихъ своимъ бытіемъ,—понятно, что оно принимаетъ мѣры для своего огражденія даже

въ сферѣ внѣшняго выраженія мысли, т. е. публичнаго слова, что оно старается предупредить проступки, преступленія и въ этой сферѣ, какъ и во всякой другой, тѣми же полицейскими средствами, какія единственно, по самому существу его, ему доступны. Но отношеніе церкви къ слову должно быть совершенно иное. Если гдѣ-либо можетъ быть допущенъ полный просторъ слова (пока оно не выходитъ изъ предѣловъ слова), такъ именно въ области духа и его духовныхъ проявленій, въ области свободы по преимуществу. Христіанское ученіе есть ученіе Бога-*Слова*, его сила въ истинѣ, а сила истины въ ней самой: ея сыны —сыны свѣта и свободы, ея мечъ—свободное о Христѣ слово, которымъ она покоряетъ себѣ свободный духъ и свободную совѣсть. Отношеніе къ истинѣ можетъ быть только свободное, поэтому свобода истины уже сама по себѣ предполагаетъ свободу убѣжденія. А свобода убѣжденія предполагаетъ, въ свою очередь, и свободу заблужденія—съ его выраженіемъ въ словѣ, слѣдовательно, свободу слова. Государство требуетъ своего динарія, и динарій долженъ ему быть уплаченъ; кесарево должно быть воздано кесарю, но Божіе принадлежитъ Богу,—а Божія вся область духа, та область, гдѣ священнодѣйствуетъ духъ человѣка въ своемъ искреннемъ стремленіи къ истинѣ. Эта область должна быть совершенно изъята отъ полицейской опеки, — кѣмъ бы ни была налагаема эта опека: свѣтскимъ ли, или хоть бы даже самимъ церковнымъ правительствомъ.

Церковь унизила бы себя, уронила бы значеніе истины, наложила бы сама оковы на свободу Христову, еслибъ вздумала, чрезъ посредство государства, накладывать оковы на совѣсть людей, на ихъ убѣжденія, на дѣятельность разума и на его свободное выраженіе,—еслибъ, напримѣръ, подчинила своей цензурѣ литературу—хотя бы только такъ-называемую «духовную». Къ литературѣ вполнѣ прилагается то, что сказалъ Хомяковъ въ одной изъ своихъ статей, о свободѣ преподаванія наукъ и что было бы очень полезно запомнить разъ навсегда нашимъ оффиціальнымъ охранителямъ истины: «Ученіе православной церкви, говоритъ онъ, какъ высочайшее духовное благо, какъ завѣтъ высшей свободы въ отношеніи къ разуму, свободно принимающему свѣтъ откровенія, и въ отношеніи къ волѣ свободно подчиняющей себя законамъ безконечной любви, не только не противно свободѣ въ преподаваніи наукъ (разумѣется публичномъ), но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто безъ унизительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванія, которое къ тому же слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ сомнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ какъ геологія, фактическихъ, какъ исторія, или умозрительныхъ какъ философія, кажутся не вполнѣ согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія

или съ его догматическою системой. То же самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Св. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія *должны* являться; но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ вѣра показать свою твердость и неколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный». Таковъ взглядъ истинно-православный, вполнѣ примѣнимый и къ отношенію церкви къ свободѣ литературнаго слова; всякой иной взглядъ противорѣчитъ чистому духу православнаго ученія,—есть посторонняя примѣсь, плевелъ подлежащій исторженію. Всякое внѣшнее полицейское преслѣдованіе не только чуждо духу церкви по своему принципу, но и положительно вредно, потому что обличаетъ въ преслѣдующихъ робость и безвѣріе, которыя даютъ смѣлость злу и заражаютъ безвѣріемъ преслѣдуемыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не робость ли, не слабость ли вѣры въ истину, обнаруживаемая тѣми насильственными мѣрами огражденія истины, къ которымъ любятъ иногда прибѣгать оффиціальные представители церкви,—не полицейскій ли и вообще чуждый церкви элементъ казенности, не стѣсненіе ли «свободы мнѣнія и сомнѣнія»—поселяютъ въ большей части современнаго молодаго поколѣнія такое непріязненное и невѣжественное отношеніе къ православію, и служатъ главными доводами противъ церкви со стороны такъ-называемаго нигилизма? Не можемъ забыть, что только въ нынѣшнее царствованіе, и то весьма недавно, сдѣлалось возможнымъ перевесть и напечатать на Русскомъ языкѣ двѣ изъ брошюръ покойнаго Хомякова. Эти брошюры, содержащія въ себѣ самую могущественную защиту *православнаго* ученія отъ современныхъ нападеній латинской доктрины и протестантскаго раціонализма, составляющія драгоцѣннѣйшее достояніе богословской литературы, не могли быть въ свое время обнародованы въ *православной* Россіи: авторъ былъ вынужденъ издать ихъ въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Только теперь онѣ допущены—и то, кажется, не оффиціально—*къ привозу* въ Россію. Спрашивается: кто въ этомъ случаѣ оказался наиусерднѣйшимъ пособникомъ нигилизма? Кто какъ не маловѣрные блюстители вѣры, требующіе стѣснительныхъ полицейскихъ мѣръ и противъ свободы совѣсти въ дѣлѣ вѣры и противъ свободнаго слова!..

Всѣ эти соображенія невольно приходятъ намъ въ голову по поводу слуховъ о новомъ проектѣ устава духовной цензуры, которые дошли до насъ изъ Санктпетербурга. Въ то время, какъ государство, въ своей области, признало нужнымъ расширить просторъ мысли и слова,—духовное правительство, говорятъ намъ, изготовляетъ и свои предполо-

женія о томъ же предметѣ, однако же, на началахъ не только государственныхъ, слѣдовательно, чуждыхъ основаніямъ Христовой свободы, но и изъ государственныхъ началъ—на началахъ наименѣе либеральныхъ и даже несогласныхъ съ общимъ характеромъ новѣйшей дѣятельности государственной. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, церковь, даже при настоящемъ устройствѣ ея управленія, не нуждается ни въ какомъ цензурномъ уставѣ. Мы вполнѣ признаемъ, что собственное слово церкви, отъ нея какъ отъ церкви (а не отъ отдѣльныхъ лицъ) исходящее, носящее на себѣ характеръ каноническій, должно подлежать ея собственной, такъ сказать, соборной цензурѣ, носить на себѣ печать ея одобренія, дабы не быть смѣшиваемымъ съ словомъ не соборнымъ, словомъ личнымъ: никто не долженъ имѣть права говорить отъ лица церкви, кромѣ самой церкви. Затѣмъ — не стѣсняя ничью личную свободу внѣшними средствами, она всякому не церковному слову, какъ не *ея* слову, должна предоставить полный просторъ, ограждаясь отъ лжи не полицейскимъ способомъ, а способомъ проповѣди и обличенія. Она должна отвѣчать, какъ мы уже сказали, только за то слово, которое исходитъ отъ лица самой церкви, а также и за тѣ духовныя сочиненія, авторы которыхъ пожелаютъ напечатать на заглавномъ листѣ: «съ одобренія или съ благословенія Святѣйшаго Синода». Кто хочетъ снабдить свою книгу этимъ авторитетомъ, тому можетъ быть предоставлено право представить ее на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода; кто издаетъ безъ разсмотрѣнія и одобренія синодальнаго, тотъ, стало быть, добровольно относитъ ее къ разряду такихъ книгъ, за которыя представительство церкви не принимаетъ на себя отвѣтственности: книга, такимъ образомъ, въ глазахъ общества и всего народа лишена авторитета церковнаго, имѣетъ значеніе личнаго труда, личнаго мнѣнія. Но, къ сожалѣнію, до насъ доходятъ слухи о совершенно иномъ направленіи, которое стараются будто бы дать дѣлу о духовной цензурѣ...

Будемъ надѣяться, что слухи эти для блага святой истины православія, для блага церкви и всего нашего общества, окажутся ложными.

Какъ мы должны относиться къ недостаткамъ нашей церковной жизни и какъ начинаютъ относиться къ намъ на Западѣ?

«День», 16 октября 1865 г.

Нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ «Днѣ» о разныхъ злоупотребленіяхъ церковнаго управленія въ Россіи, о нравственныхъ недостаткахъ особеннаго типическаго свойства, нерѣдко, къ сожалѣнію, встрѣчаемыхъ въ лицахъ духовнаго сословія, о не совсѣмъ правильномъ отно-

шенія церкви къ государству и о различныхъ *лжахъ*, затемняющихъ иногда у насъ свѣтлый ликъ истины, явленной міру ученіемъ православнымъ—все это, т. е. всѣ эти статьи, какъ оказывается, смущали и еще продолжаютъ смущать многихъ нашихъ благочестивыхъ читателей. Мы не желали бы, однако жь, производить ни соблазна, ни смущенія; мы признали бы для себя истиннымъ несчастіемъ, еслибъ слова наши могли хоть на одинъ волосъ способствовать ослабленію въ комъ-либо религіознаго чувства. Отношеніе «Дня» къ ученію православной церкви было столько разъ и такъ открыто, такъ несомнѣнно заявлено, что мы въ правѣ были бы считать себя совершенно застрахованными отъ упрековъ въ неуваженіи къ вѣрѣ и къ церкви. Вся бѣда въ этомъ случаѣ отъ того, во-первыхъ, что у насъ, въ обществѣ, понятіе о «святой соборной и апостольской церкви» нерѣдко отождествляется съ понятіемъ о временномъ церковномъ управленіи, объ ея оффиціальномъ представительствѣ—пріурочивается, такъ сказать, къ личному, временному составу церковной іерархіи. Во-вторыхъ, отъ того, что общество, при всей искренности своей вѣры, до такой степени привыкло къ безгласности и потемкамъ, что дневной свѣтъ правды невольно его раздражаетъ, и свободы оно пугается. Вообще у насъ въ Россіи, въ дѣлѣ церкви, какъ и во всемъ, ревнивѣе всего охраняется благовидность, decorum,—и этимъ большею частью и удовлетворяется наша любовь къ церкви, наша лѣнивая любовь, наша лѣнивая вѣра! Мы охотно жмуримъ глаза, и въ своей дѣтской боязни «скандала» стараемся завѣсить для своихъ собственныхъ взоровъ и для взора міра—многое, многое зло, которое, подъ покровомъ внѣшняго «благолѣпія», «благоприличія», «благообразія», какъ ракъ, какъ ржавчина, точитъ и подъѣдаетъ самый основной нервъ нашего духовно-общественнаго организма. Конечно, преступенъ тотъ, кто, ради личной потѣхи кощунственно издѣваясь, выставляетъ міру на показъ срамоту матери; но едвали менѣе преступны и тѣ, которые, видя ея срамоту, видя ея страшныя язвы, не только не снѣдаются ревностью объ ея чистотѣ, чести и излеченіи, но изъ ложнаго опасенія нарушить благочестіе, а въ сущности, всего чаще, по лѣни и равнодушію, даютъ, почти завѣдомо, укорениться злу и недугамъ «мерзости запустѣнія на мѣстѣ святѣ». Думаемъ ли мы, устраняя тщательно обнаруженіе скандаловъ въ печати, что устраняемъ этимъ ихъ дѣйствительное оглашеніе? оглашеніе—въ той обширной средѣ, для которой вопросъ о правахъ печати не имѣетъ и смысла, гдѣ газеты и журналы замѣняются милліонноустною всесильною молвою, гдѣ нѣтъ нашего *бонтоннаго*, галантерейнаго обращенія съ интересами церкви и вѣры, гдѣ отношенія къ церкви и вѣрѣ еще вполнѣ наивны и грубы, т. е. гдѣ убѣжденія немедленно воплощаются въ живое, грубое дѣло любви или ненависти, преданности или вражды. Мы, образованное общество, постоянно забываемъ, что есть

среда народная, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, гдѣ постоянно совершается движеніе религіозной мысли, которое хотя и запечатлѣно клеймомъ грубости и невѣжества, но свидѣтельствуетъ по крайней мѣрѣ о живучести интересовъ вѣры; гдѣ есть расколы и ереси, есть учители и проповѣдники, которые не дремлютъ и, безъ помощи печати, неослабно обличаютъ передъ народомъ—во вредъ истинѣ и къ выгодѣ своей лжи—всякую ошибку, всякое зло нашего церковнаго устройства, такъ тщательно замазываемое нами сверху. Неужели кто думаетъ, что, напр., статья о монашествѣ, помѣщенная въ «Днѣ», заключаетъ въ себѣ что-либо такое новое, что было бы неизвѣстно народу, чего бы онъ не зналъ, къ несчастію, въ тысячу разъ подробнѣе, въ проявленіяхъ еще болѣе возмутительныхъ?—да не только народъ, чего бы не знали мы всѣ, съ самаго дѣтства, чего бы не знали всѣ оффиціальные блюстители вѣры? Но что толку въ этомъ знаніи, которое только знаетъ, а не переходитъ въ сознаніе и потому растлѣваетъ только тѣхъ, которые его въ себѣ носятъ; въ знаніи, которое не жжетъ и не колетъ, а служитъ только поводомъ къ безконечнымъ анекдотамъ, шуткамъ и шуточкамъ—тамъ, гдѣ есть мѣсто лишь скорби и негодованію, и развѣ только гнѣвной сатирѣ! Въ томъ-то и страшная бѣда наша, что все обнаруживаемое теперь въ печати и еще несравненно худшее,—все это мы знали и знаемъ, и со всѣмъ этимъ ужились и уживаемся, примирились и примиряемся. Но на такомъ постыдномъ мирѣ и постыдныхъ сдѣлкахъ не удержится миръ церкви, и они равняются, въ дѣлѣ истины—если не предательству, то пораженію. Заслуга же печати въ томъ и состоитъ, что она возводитъ знаніе въ предметъ сознанія, и то, что мы всѣ, повидимому, внутри себя знаемъ, ставитъ внѣ насъ, какъ въ зеркалѣ, для нашей сознательной оцѣнки и обсужденія. Она раскрываетъ намъ внутреннее отношеніе нашей совѣсти къ злу; она помогаетъ намъ оглядѣть нашъ недугъ со всѣхъ сторонъ и отъ верхушки до корня овладѣть имъ нашимъ сознаніемъ и вызвать, можетъ быть, въ насъ спасительное воздѣйствіе воли... Да, пусть благочестивые и благочестивѣйшіе изъ нашихъ читателей вполнѣ проникнутся убѣжденіемъ, что истина должна шествовать широкою царственною дорогой, а не прокрадываться какъ тать въ нощи, что общественная критика необходима для самого церковнаго общества, которое безъ нея лишается яснаго сознанія, и что выраженія лицемѣрія, въ смыслѣ религіозномъ, вынужденно наполняющія литературу, служатъ только удобною прикрышкою тайному яду, который такимъ образомъ можетъ дѣйствовать на просторѣ, не опасаясь противоядія. Мы можемъ ошибаться въ нашихъ статьяхъ о духовенствѣ; но самый фактъ свободной критики, особенно какъ скоро эта критика серьезна и искренна, не долженъ никому казаться предосудительнымъ. Наши заблужденія должны быть обличены, ошибочныя мнѣнія опроверг-

путы; но ни тѣ, ни другія не должны быть стѣсняемы полицейскими способами въ свободномъ своемъ выраженіи.

Почти забытые, пренебреженные, сильнѣе чѣмъ когда-либо, выступаютъ теперь въ своемъ вѣкожизненномъ значеніи—вопросы вѣры и церкви. И не только у насъ въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Западъ изживаетъ свое историческое содержаніе, данное ему латинствомъ; протестантизмъ, построенный на отрицаніи, развился до отрицанія самого себя, и никакія философскія системы не возмѣстятъ грозящаго оскудѣнія духа, не замѣнятъ издержаннаго органическаго начала жизни. Вопросы о возвышеніи и паденіи, жизни и смерти западноевропейскихъ обществъ сводятся постепенно къ вопросамъ о силѣ и безсиліи нравственныхъ двигателей, власти и безвластіи духовныхъ общественныхъ идеаловъ,—къ вопросамъ вѣры и безвѣрія. Болѣе чѣмъ когда-либо нужна свобода для внутренней жизни церкви, потому что только свобода можетъ оживить дѣйственность самой истины, упраздненную теперь тяжеловѣсною, грозною, но въ сущности безсильною въ сферѣ духа опекою государства. Зло растетъ; недугъ усиливается; враги умножаются; врубаются топоромъ въ самое основаніе христіанскаго общественнаго зданія,—и въ то время, когда, всѣ, повидимому, «образованные» умы согласились признавать отличительною чертою нашего времени индифферентизмъ въ дѣлѣ религіи,—въ это самое время живыя историческія явленія и новѣйшіе факты положительной науки и отвлеченнаго мышленія свидѣтельствуютъ о неистощимой живучести религіознаго интереса для человѣчества. Можно сказать, что всѣ задачи, волнующія теперь человѣчество, даже въ области внѣшней исторіи, вращаются, иногда незавѣдомо для самихъ дѣятелей, около вопросовъ религіи и церкви. Эти вопросы лежатъ въ основаніи отношеній Россіи къ Польшѣ, Сѣверной Германіи къ Южной, Славянскаго міра къ Западному, новаго Итальянскаго королевства, съ его притязаніями на Римъ, къ остальной католической Европѣ. Наконецъ, только въ нихъ, въ этихъ вопросахъ, и черпаетъ свое значеніе и силу новѣйшее ученіе матеріализма: вся живость его нападеній, вся значимость его отрицанія находятся въ зависимости отъ важности, живучести и силы—отрицаемаго. Человѣкъ, повторяемъ опять, поставленъ лицомъ къ лицу съ коренными, основными, существенными задачами своего бытія. Старая борьба между вѣрою и невѣріемъ вспыхнула съ новою ожесточенною силою. Но положеніе дѣлъ измѣнилось съ успѣхами гражданской свободы. Уже нельзя, какъ прежде, успокоиваться на компромиссахъ; нельзя, какъ прежде, истинѣ охраняться своимъ оффиціальнымъ чиномъ и саномъ, почивать подъ эгидою матеріальной силы и власти. Всѣ эти доспѣхи хрупки и ей несвойственны. Она должна явиться съ свойственнымъ ей оружіемъ—съ Божьимъ словомъ, съ свободою и свѣтомъ. Всякое другое оружіе окажется гнилымъ, не выдер-

жить ярыхъ нападеній враговъ, и чѣмъ больше истина будетъ прибѣгать къ силѣ и власти матеріальной, чѣмъ больше въ дѣлѣ вѣры и церкви будетъ преобладать неволи, мрака, внѣшности, буквы: тѣмъ скорѣе умертвится духъ, тѣмъ больше доставится торжества врагамъ. Положеніе дѣлъ, какъ мы уже сказали, измѣнилось: христіанская религія имѣетъ теперь дѣло съ граждански-свободными обществами. Она живетъ теперь, говоря словами Гизо, *предъ лицомъ и въ присутствіи свободы.* Но, какъ мы уже не разъ объясняли, христіанской религіи не можетъ быть страшна никакая свобода; ей не нужно дѣлать никакихъ уступокъ, чтобъ жить въ мирѣ съ гражданскою и религіозною свободою обществъ; ей нужно только изощрять свое оружіе—слово и совершенствовать свою свободу о Христѣ. Побѣда можетъ остаться за христіанской религіей только тогда, когда ея защитники и блюстители пребудутъ вполнѣ ей вѣрны, т. е. перестанутъ трусить свободы и убѣдятся, что только въ свободѣ совѣсти, въ свободѣ сужденія и воспользовавшись всею полнотою собственной свободы, они могутъ обрѣсти необходимую силу для побѣды и одолѣнія надъ врагами. Само собой разумѣется—истина никогда не погибнетъ, но извращенный путь ея развитія въ человѣчествѣ поведетъ къ страшнымъ бѣдамъ и потрясеніямъ, и человѣчеству придется пережить много тяжкихъ и напрасныхъ испытаній, прежде чѣмъ снова восторжествуетъ истина.

Но не только для борьбы съ врагами нужна свобода; она нужна для того, чтобы, очистивши истину отъ всѣхъ наростовъ, отъ пыли и сора людского, отъ всего, что нанесло на нее грѣшное человѣчество, явить истину міру во всемъ ея блескѣ и красотѣ. Свобода критики помогла Западу раскрыть ложь церковно-религіозныхъ основъ его исторической жизни, и, томимый жаждою истины, онъ начинаетъ напряженно оглядываться вокругъ: не видать ли гдѣ ея свѣта? Вѣдь свѣтитъ же гдѣ-нибудь она? Но такъ заслонили ее собою люди и людскія учрежденія, охраняющія эту истину, что нуженъ подвигъ неутомимой любви, чтобы добыть и собрать ея лучей. Гдѣ же искать ихъ, откуда ждать свѣта? восклицаетъ бѣдствующій и скорбящій духомъ человѣкъ на Западѣ, видя, какъ мракъ кругомъ его становится гуще и гуще...

Съ Востока! отвѣчаетъ ему вѣковое слово, и правдою этого слова начинаетъ озаряться Западъ,—какъ будто новая жизнь занимается для него. «Съ Востока свѣтъ. Ex Oriente lux!» повторяютъ теперь и въ Англіи и въ Америкѣ тѣ неутомимые добычники истины, которыхъ число растетъ съ каждымъ годомъ и которые ищутъ возстановить порванную связь церковнаго преданія съ православнымъ Востокомъ «Ex Oriente lux!» читаемъ мы и на заглавіи одной нѣмецкой брошюры, изданной въ нынѣшнемъ году въ Галле (въ Пруской Саксоніи) и написанной протестантомъ, профессоромъ и докторомъ богословскихъ и философскихъ наукъ,

Овербекомъ. Полное заглавіе брошюры слѣдующее: «Православно-каѳолическое воззрѣніе въ противоположность папству и іезуитизму, равно какъ и протестантству (Die orthodox-katholische Anschauung im Gegensatz zum Papsthum und Jesuitismus so wie zum Protestantismus)». Свободное слово Германіи выступило честно и смѣло и такъ горячо, такъ неожиданно для насъ, прирожденныхъ православныхъ, на защиту православнаго ученія и православной восточной церкви—не только Греческой, но и Русской! Свобода критики привела Нѣмца путемъ добросовѣстнаго историческаго труда къ признанію правды христіанскаго Востока,—и онъ не устыдился, не струсилъ исповѣдать ее во всеуслышаніе и мужественно вступить въ борьбу,—одинъ въ цѣлой Германіи,—съ протестантами и латинянами. Явленіе въ высшей степени замѣчательное, свидѣтельствующее о духовной энергіи Германской науки. «Братья-протестанты! восклицаетъ Овербекъ въ концѣ одной изъ главъ своей книги: взгляните на церковь, которую основалъ Христосъ, которую онъ въ совершенной истинѣ доведетъ до окончанія міра. Эта церковь была обезображена въ Римѣ. Вы захотѣли ее очистить, преобразовать,—но въ вашемъ дѣланіи исчезла сама церковь. Взгляните на Востокъ—ex Oriente lux! Тамъ не было надобности предпринимать опасный процессъ очищенія, ибо эта церковь осталась такою, какъ была, неизмѣнною въ православной вѣрѣ. Каѳолическое, но не Римское—пусть будетъ нашимъ кличемъ!»

Понятно, что какъ скоро дѣло идетъ о восточномъ православіи, то трудно довольствоваться однимъ отвлеченнымъ догматическимъ ученіемъ церкви, дѣйствительно оставшимся неизмѣненнымъ (въ чемъ и заключается громадная заслуга ея предстоятелей); а является необходимость узнать ближе историческое развитіе этого ученія и его воплощеніе въ церковной жизни православныхъ странъ. Однимъ словомъ—если рѣчь касается православія, она касается и положенія церкви въ Россіи; какъ главной представительницѣ православнаго міра. На Россію, на Русскую церковь, Русское церковное управленіе, устремлены теперь взоры всѣхъ на Западѣ, томимыхъ религіозною жаждой. Призваніе Россіи выясняется такимъ образомъ само собой,— но сама Россія стоитъ ли въ уровень съ этимъ призваніемъ, вполнѣ ли оказывается достойною своего призванія? Тѣмъ не менѣе, она призвана, и потому пусть вѣдаетъ каждый изъ насъ, что если мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ была прежде дѣломъ домашнимъ и почти безвреднымъ, какъ думаютъ нѣкоторые, для совѣсти истинно вѣрующихъ, то теперь она становится уже соблазномъ, способнымъ отвратить отъ истины—ищущихъ истины. Но соблазнъ состоитъ не въ томъ именно, что существуютъ злоупотребленія, присущія всякому человѣческому дѣланію,—а въ нашихъ нравственныхъ отношеніяхъ къ злоупотребленіямъ, въ бытовыхъ привычкахъ и воззрѣніяхъ церковнаго общества. Не скрывая существующихъ злоупотребленій, но

обличая и осуждая ихъ, можемъ мы ослабить силу соблазна и внушить довѣріе къ хранимой нами истинѣ.

Посмотримъ теперь, какъ старается Овербекъ защитить «Русскую церковь» отъ нападеній на нее католиковъ и протестантовъ. Поблагодаримъ его за защиту, порадуемся и тому, что защита эта—еще недавно, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, не мыслимая—стала теперь, или уже становится, возможною.

Вотъ какъ возражаетъ Овербекъ (опираясь, между прочимъ, на свѣдѣнія, сообщенныя ему однимъ изъ нашихъ заграничныхъ священниковъ), католическому писателю Деллингеру на его обвиненія. «Русскія Духовныя консисторіи, говоритъ послѣдній, знамениты своей продажностью и симоніею». Неправда, отвѣчаетъ Овербекъ: «низшіе чиновники въ прежнее время получали плохое жалованье и потому дѣйствительно искали вознагражденія во мздѣ и наводочныхъ деньгахъ. *Но теперь все дѣло совершенно измѣнено до самаго основанія»* (курсивъ въ подлинникѣ). «Бѣлое духовенство борется съ нуждой и бѣдностью», утверждаетъ Деллингеръ. «Въ новѣйшее время—возражаетъ Нѣмецкій профессоръ—большинство бѣлаго духовенства получаетъ прибавочное содержаніе отъ правительства, такъ что его положеніе значительно улучшено».—«Русская церковь нѣма, нѣтъ проповѣди»—восклицаетъ нападающій на насъ католикъ. «Русское богослуженіе, конечно, не проповѣдническое богослуженіе, какъ въ протестантствѣ. Но богатая символами литургія есть сама краснорѣчивая проповѣдь. Къ тому же каждый священникъ обязанъ (?), по крайней мѣрѣ, десять разъ въ году говорить проповѣдь, въ присутствіи епископа...» таковъ отвѣтъ защищающаго насъ протестанта. Далѣе, на слова Деллингера, что епископъ и остальное епархіальное духовенство раздѣлены между собою широкою непроходимою пропастью, читаемъ у Овербека увѣреніе, что «отношенія между епископомъ и священниками въ Россіи такъ, во всякомъ случаѣ, тѣсны, что не оставляютъ ничего болѣе желать». Деллингеръ ставитъ намъ въ обвиненіе, что у насъ нѣтъ «никакихъ совѣщательныхъ собраній (Conferenzen) духовенства». «Неправда! съ живостью отвѣчаетъ Овербекъ: Русское духовенство собирается въ дружескія конференціи, т. е. добровольно, не оффиціально, особенно, въ настоящее время. Кто утверждаетъ противное, тотъ *ровно ничего не знаетъ* о современномъ состояніи Русскаго духовенства...» Съ какою радостью (и какъ мы порадовались вмѣстѣ съ нимъ!) противопоставляетъ Овербекъ Деллингеру, сказавшему, что «въ Русской церкви нѣтъ обмѣна воззрѣній посредствомъ литературныхъ органовъ»—цѣлый добытый имъ, Овербекомъ, списокъ современныхъ духовныхъ Русскихъ журналовъ, которые всѣ и поименовываетъ, не упоминая, конечно, о времени возникновенія этой литературы. Онъ указываетъ также на епархіальныя вѣдомости и, го-

воря о церковной словесности, ссылается на словарь митрополита Евгенія и на богословскую хрестоматію Певскаго. «Разумѣется, Русскіе пишутъ по-русски, и не по-латыни же, французски или нѣмецки писать имъ въ угоду Деллингеру!» восклицаетъ онъ; «пусть Деллингеръ выучится сначала по-русски, если хочетъ имѣть право произнести судъ надъ Русскою церковною литературой...»

Наконецъ, Деллингеръ, утверждая, что «Русская церковь лишена всякаго внутренняго движенія, всякой живой свободной органической дѣятельности», указываетъ на отсутствіе у насъ соборовъ. Овербекъ удостовѣряетъ напротивъ, что сохраненіе и утвержденіе чистаго каѳолическаго вѣрованія (что̀ въ отношеніи догматическомъ вполнѣ справедливо) и стремленіе устроить жизнь по вѣрѣ—суть двѣ ясно сознанныя цѣли Русскаго духовенства. «Развѣ это не органическая жизнь?» спрашиваетъ онъ. Что же касается до соборовъ, продолжаетъ Овербекъ, то вселенскіе соборы, по случаю раздѣленія церквей, теперь невозможны, «а въ частныхъ соборахъ Русская церковь не нуждается, имѣя *Святѣйшій Синодъ*—постоянно пребывающій, на которомъ епископы являются поочередно». Въ какой степени Святѣйшій Сунодъ замѣняетъ у насъ помѣстный соборъ, мы не считаемъ себя въ правѣ касаться здѣсь слегка этого вопроса, — и переходимъ затѣмъ къ другимъ замѣчательнымъ страницамъ—защитника нашего православія въ Нѣмецкомъ городѣ Галле. Отлагаемъ это до слѣдующаго №.

Объ отношеніи православія къ русской народности и западныхъ исповѣданій къ православію, по поводу книги Овербека: «Съ Востока свѣтъ».

«День», 23 октября 1865 г.

Постоянные читатели «Дня» помнятъ, конечно, какъ часто приходилось намъ объяснять и доказывать, что Русская народность немыслима внѣ православія; что православіе есть тотъ духовный историческій элементъ, подъ воздѣйствіемъ котораго сложилась и образовалась Русская народность, что тщетны всѣ попытки выдѣлить изъ идеи Русской народности идею православія, выкачать, такъ сказать, изъ нея разными насосами самый воздухъ и создать изъ этого обездушеннаго матеріала какую-то новую политическую Русскую *народность*... Мы подверглись тогда ожесточеннымъ нападеніямъ со стороны многихъ Русскихъ газетъ, особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ любопытное въ психологическомъ отношеніи свойство любить Петербургъ. Имъ было совѣстно за такое варварское мнѣніе передъ цивилизованной Европой, и онѣ спѣшили отречься отъ всякой солидарности съ нами. Имъ было стыдно за эпи-

тетъ «святая», данный Русскимъ народомъ Руси, и онѣ старались доказать, что этого эпитета вовсе не существуетъ!!! Немало же будутъ онѣ удивлены, встрѣчая тамъ и здѣсь—пока еще рѣдкое, но имѣющее непремѣнно усиливаться и распространяться—мнѣніе просвѣщенныхъ иностранцевъ, поставляющихъ Россіи въ заслугу то, чего наши цивилизованные «націоналы» такъ стыдились. Мы уже указывали на слова Германца-профессора, не признающаго никакой надобности Русскимъ людямъ писать иначе, какъ по-русски, и предлагающаго своимъ собратамъ по наукѣ воздержаться отъ всякихъ сужденій о Россіи, пока они не научатся сперва Русскому языку. Въ той же книгѣ Овербека,—этого самостоятельнаго мыслителя, этого новаго свободнаго борца за ученіе православной церкви,—о которой мы говорили въ послѣднемъ №[1]), мы читаемъ слѣдующія строки:

«Упрекъ, дѣлаемый Россіи въ томъ, что у Русскихъ *народность* и *церковь* сливаются вмѣстѣ—утвержденіе довольно правильное; но это вовсе не можетъ быть поставлено ей въ упрекъ, а въ *преимущество*. Что именно безотрадно для насъ, бѣдныхъ Германцевъ, это то, что наше народное чувство пристегнуто къ какому-то отвлеченному, безжизненному понятію (wesenlos): «Германія». И этотъ конгломератъ раздѣльныхъ составныхъ частей еще раздвоенъ сердцемъ—въ религіи! Первое условіе для единства Германіи—есть единство вѣры... Мы охотно готовы допустить, что въ Россіи много недостатковъ, что она нуждается еще во многихъ преобразованіяхъ,—но она—съ религіей тѣсно связанное государство, и это ея превосходство. Государство чтитъ религію, религія чтитъ государство, и ихъ интересы взаимно сливаются. Франція обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но она зиждется не на религіи, а на gloire (славѣ)! Англія обладаетъ сильнымъ чувствомъ національности, но и она зиждется не на религіи, а на идеѣ свободы! Россія же зиждется на вѣрѣ,—оттого и великою будетъ ея будущность»...

И это говоритъ Нѣмецъ, профессоръ, протестантъ, и напечатано это по-нѣмецки, въ Галле! Не то ли же это самое, что высказывается во всѣхъ сочиненіяхъ Хомякова, К. Аксакова, Кирѣевскаго, какъ голосъ народнаго самосознанія, и что подавало и еще подаетъ такой обильный поводъ къ глумленію въ нашей цивилизованной публикѣ? Вспомнимъ слова К. С. Аксакова, что Русскія историческія лѣтописи имѣютъ характеръ *житія* Русскаго народа; вспомнимъ стихи Хомякова: «Мечта», «Островъ», «Къ Россіи», «Ключъ», гдѣ онъ, 30 лѣтъ тому назадъ, пророчески рисуетъ картину будущаго Россіи. Смотрите, говоритъ онъ, какъ широко разлились воды этого, покуда еще безвѣстнаго, но могучаго ключа, сокрытаго въ груди Россіи, смотрите:

---

[1]) См. предыдущую статью.

«Какъ къ брегу чуждые народы,
Съ *духовной жаждой* собрались»!..

Пророчество сбывается; чаще и чаще стекаются къ намъ, томимые духовной жаждой, представители чуждыхъ народностей, — допрошая духа жизни, сокрытаго въ святой Русской землѣ... Но сама Россія,—поняла ли она свое призваніе? вспомнила ли, говоря словами поэта, свой высокій удѣлъ? воскресила ли въ сердцѣ былое и «въ немъ сокрытаго глубоко»—допросила ли духа жизни? Проснулся ли дремлющій Востокъ?.. Пришли будить его Западные народы... Неужели и теперь Востокъ не проснется, и не добудясь его, возьмутъ они, по праву, у спящаго его дарованіе и призваніе, и лишатъ его сужденной ему, но не заслуженной имъ славы?

До какой степени православная вѣра есть общественное и бытовое начало Русскаго народа и проникаетъ собою его историческое бытіе; до какой степени ясное разумѣніе Россіи и ея, повидимому, чисто внѣшнихъ, даже политическихъ обстоятельствъ, невозможно безъ разумѣнія ея духовно-историческаго элемента, — это всего лучше доказывается тѣмъ, что едва Нѣмецкій ученый усвоилъ себѣ истину православнаго ученія, какъ самый взглядъ его на многія событія внѣшней исторіи сталъ совершенно отличенъ отъ общаго европейскаго взгляда. Такъ онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ, что «постыдная исторія пятаго крестоваго похода бросаетъ объяснительный свѣтъ на столь загадочную войну Россіи съ Европой въ 1854—55 году». Такъ и въ его замѣткахъ объ исторіи Византіи, разсѣянныхъ въ книгѣ, видна уже совершенно иная, не общая рутинная въ Западной Европѣ (и даже черезъ Европу и у насъ) точка зрѣнія.

Познакомимъ, однако же, читателей поближе съ содержаніемъ самой брошюры. Вотъ заглавіе четырехъ главъ, изъ котораго виденъ логическій ходъ мысли автора. 1-ая глава: «папство и іезуитизмъ»; 2-ая: «отъ романизма чрезъ протестантизмъ къ православному каѳоличеству (orthodoxer Katholicismus)», 3-я: «православная каѳолическая церковь Востока»; 4-ая: «православная каѳолическая церковь Запада». Кромѣ того—5-ая глава, посвященная разбору знаменитой папской энциклики 8-го Декабря1864 г. Въ предисловіи своемъ онъ вкратцѣ очерчиваетъ цѣль и задачу своего труда. Сказавши, что духъ папства есть іезуитизмъ, а его основаніе—ложь, Овербекъ продолжаетъ: «Когда папа отторгнулъ Западъ отъ Востока, Востокъ сберегъ, по свидѣтельству исторіи, досселѣ единое каѳолическое (вселенское) ученіе неизмѣненнымъ даже до сего дня и ждетъ, съ томленіемъ, возсоединенія всей христіанской церкви. Еслибъ Лютеръ принадлежалъ къ церкви Восточной, то онъ не имѣлъ бы причины оставлять ее, потому что первоначальныя обвиненія, справед-

ливо возведенныя имъ на Римскую церковь, не нашли бы себѣ мѣста по отношенію къ Восточной церкви. Но что Лютеръ, съ своей пылкой головою, напалъ на самыя божественныя основы зданія вселенской церкви и отложился отъ нихъ—въ этомъ роковое зло протестантства, въ которомъ (т. е. въ протестантствѣ) объективная христіанская истина разрѣшилась въ чистую субъективность и которое тѣмъ самымъ отреклось отъ исторической почвы, тогда какъ она лишь одна можетъ выдерживать явленіе историческое, каково христіанство. Превратите христіанство въ философскую систему: какъ бы она тамъ ни казалась красива и удобна, она все-таки будетъ всего менѣе христіанствомъ, т. е. Христомъ созданною церковью. Хотимъ ли мы обратиться назадъ къ первоначальной церкви (Urkirche), то должны напередъ допустить, что она непремѣнно гдѣ-нибудь да существуетъ; ибо никакой историческій фактъ не можетъ быть возсозданъ вновь—силою одной отвлеченной мысли». Далѣе, слѣдя, шагъ за шагомъ, нить историческаго преданія, Овербекъ постепенно переходитъ отъ Іерусалима къ Риму и отъ Рима, употребившаго во зло свое случайное, историческое, но лишенное всякой божественной основы, преимущество—къ Константинополю, который онъ и называетъ столицей христіанскаго міра. «Вся Восточная православная церковь, говоритъ онъ, состоитъ съ Константинополемъ въ союзѣ вѣры; но патріарху и на умъ не приходитъ домогаться для себя, jure divino, высшаго мѣста противъ самаго малаго изъ епископовъ». «Но если Востокъ (оставаясь Востокомъ) сохранилъ притомъ и чистую вселенскую (каѳолическую) вѣру, то и Западная церковь, возвращаясь къ чистотѣ вѣры, можетъ удержать свой мѣстный особенный отпечатокъ. Она имѣетъ свою собственную, древле-апостольскую литургію, свой западный обрядъ богослуженія, свою дисциплину и церемоніи, которыя возникли на почвѣ и въ духѣ Запада, и настолько отличаются отъ восточной символики, насколько и характеры народовъ той и другой стороны. Задача же наша теперь въ томъ и состоитъ, чтобы возсоздать вновь чистую, не папскую (unpäpstlich) Западную церковь на основѣ общаго вселенскаго (каѳолическаго) ученія, какъ сохранилъ его неповрежденнымъ Востокъ».

Но какъ приступить къ исполненію этой высокой задачи? «Длина пути отъ слова къ дѣлу, продолжаетъ Овербекъ, соразмѣряется съ упругостью нашей воли. Это не тотъ — долгій, затруднительный и ошибочный путь прежнихъ попытокъ возсоединенія, которыя ставили себѣ задачей соединить разомъ оба великія тѣла, вопреки папству, и оставляя совсѣмъ въ сторонѣ протестантовъ. Нѣтъ, мы обращаемся къ отдѣльному лицу, индивидууму; Римскій католицизмъ и протестантизмъ доставятъ намъ камни для зданія, и *мы знаемъ*, что православная церковь приметъ насъ въ свое церковное общеніе...» Это мѣсто предисловія поясняется

подробнѣе въ самой книгѣ, въ главахъ: «отъ романизма къ православію черезъ протестантизмъ», и «православно-каѳолическая церковь Востока». Очевидно, что Нѣмецкій профессоръ близко знакомъ со всѣми недавними попытками къ сближенію съ нами Англиканской церкви. «Римъ самъ виноватъ», — говоритъ Овербекъ, своимъ довольно оригинальнымъ способомъ выраженія,—«что никто его терпѣть не можетъ, кромѣ его собственныхъ домочадцевъ. Но и этихъ домочадцевъ бьетъ онъ по головѣ, какъ скоро въ этой головѣ пытается что-либо возникнуть похожее на «собственныя мысли». Православная же церковь искони состояла въ иныхъ отношеніяхъ къ протестантству. Ея единственное сердечное желаніе: возсоединить вновь расколотую христіанскую церковь. Она никогда не отталкивала отъ себя никакого протестантскаго сближенія, какъ ни держится она твердо за перешедшую къ ней по наслѣдству чистоту ученія. Еще и сію минуту дѣлаются попытки и въ Англіи и въ Америкѣ ввести въ общеніе Англиканскую церковь съ православной. И хотя послѣдняя очень хорошо знаетъ, что на томъ основаніи, на которомъ зиждутся обѣ епископальныя церкви (Англійская и Американская), противополагая его основанію вселенской церкви, немыслимо никакое соединеніе; но, тѣмъ не менѣе, она принимаетъ протянутую къ ней руку, дабы черезъ ближайшее вникаціе въ дѣло распространился свѣтъ, любовь и познаніе. Православная церковь могла бы сказать: «отложите сперва ваше протестантство, а остальное уже само обрящется». Но она знаетъ, что такія надменныя повелительныя слова имѣютъ свойство оскорблять съ перваго же раза; она терпѣливо ведетъ къ вразумленію. Она знаетъ, что даже заблуждающійся братъ все-таки братъ и требуетъ пощады. Она предпочитаетъ руководить его и дать ему возможность самому доискаться своей ошибки, вмѣсто того, чтобъ выступать противъ него съ анаѳемой и ожесточать брата, еще не успѣвшаго сдѣлать и шага на пути къ соглашенію. Англиканская церковь въ особенности всегда чувствовала сильную склонность къ православной. Причина этой склонности лежитъ, конечно, въ томъ, что въ Англиканской церкви больше, чѣмъ въ какой-либо протестантской, сохранилось *церковное сознаніе*». Впрочемъ, Овербекъ, разбирая подробнѣе сущность англиканизма, признаетъ его явленіемъ еще менѣе законнымъ и логичнымъ, чѣмъ чистое протестантство. Онъ прямо выражаетъ мнѣніе, что притязанія Англиканской церкви на преемственность рукоположенія, на священство и епископство совершенно ложны, и что православная церковь не можетъ признать званія англиканскихъ бишофовъ и священниковъ. «Былъ ли когда-либо царь въ православной церкви тѣмъ, чѣмъ хоть теперь королева въ Англиканской?!» восклицаетъ онъ. Что же касается до протестантства,—то, конечно, это путь ошибочный— говоритъ Овербекъ, но и онъ не безъ блага. Путь усложненный, конечно; взоръ—

постоянно обращенный во всѣ стороны. Все испытуемо и взвѣшиваемо. Протестантизмъ похожъ на ту воспитательную систему, которая даетъ дѣтямъ свободно развиваться, не полагаетъ никакой преграды имъ на пути, но и не даетъ никакого пособія въ руки, не предостерегаетъ, не удерживаетъ, не ограждаетъ, дабы собственнымъ злымъ опытомъ дошелъ человѣкъ до разумности. Многому научаются при этомъ, многому ненужному, но и многому полезному. Полезнѣйшее же изъ всего полезнаго, чему пріучаетъ протестантизмъ, это безоглядочному безразсчетному выраженію своего мнѣнія и свободной рѣшимости—идти во слѣдъ тому, что признаешь истиннымъ. Поэтому (и Овербекъ особенно налегаетъ на эти слова) *ни одинъ протестантъ не можетъ порицать того, кто переходитъ, по убѣжденію, къ православной церкви, ибо, порицая, онъ столкнулся бы враждебно съ своимъ собственнымъ принципомъ.* Но и въ томъ заслуживаетъ протестантство нашей признательности, что оно раскрываетъ взору совершенно свободный видъ на всѣ стороны христіанскаго міра, такъ какъ оно стремится обнять всемірно-христіанское и стать выше вѣроисповѣданія. Конечно, эта задача призрачна, ибо христіанство и церковь одно; но это заблужденіе имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то доброе послѣдствіе — что все подвергается пытанію». Главная же заслуга протестантства въ томъ, что оно обличило всю ложь папства и іезуитизма, и величайшимъ благомъ для него—то, что «оно разрушаетъ въ Западномъ мірѣ предубѣжденіе противъ православной церкви, научаетъ познавать ее ближе и, какъ бы сказать, вводитъ въ нее».

Едва Овербекъ касается православной восточной церкви, рѣчь его становится поистинѣ восторженною. Ея ученіе,—говоритъ онъ,—то же самое, что и въ то время, когда отдѣлился отъ нея Римъ. «Ее называютъ умершею, окаменѣвшею за то, что она не собирала потомъ никакихъ вселенскихъ соборовъ, не предпринимала никакого новаго развитія и опредѣленія догматовъ, въ противоположность Риму, который можетъ выставить цѣлый рядъ новыхъ вселенскихъ соборовъ и развился такъ мощно. Нѣтъ — разрывъ, дотолѣ единой, вселенской церкви причинилъ православной церкви такую глубокую и вполнѣ праведную скорбь, что она все еще уповаетъ на исцѣленіе и на возвращеніе каѳолическаго Запада, — тогда какъ Римъ выставляетъ впередъ достойное смѣха и жалости зрѣлище вселенскихъ соборовъ — исключая изъ нихъ цѣлую половину каѳолическаго міра! Гдѣ же, затѣмъ, истинный христіанскій способъ дѣйствій? Гордый Римъ скоро утѣшился послѣ разрыва и продолжаетъ хозяйничать, какъ будто тѣло вселенской церкви было всецѣлостно и здорово. Но что же это такое, что православная церковь сохранила неповрежденно-чистымъ свое ученіе, несмотря ни на реформацію, ни на расколы? Возможно ли это безъ особеннаго Божьяго содѣйствія? Что называютъ въ ней Римляне жестокосердіемъ—есть вѣрность

вѣрѣ, — въ теченіе восьми и до десяти вѣковъ. Эта вѣрность вѣрѣ въ православной церкви есть истинная загадка. Назовите мнѣ чудо—большее, чѣмъ воскрешеніе мертвыхъ! Есть такое чудо, это именно тысячелѣтнее *сохраненіе въ живыхъ* чистаго неизмѣннаго вѣрованія. Пусть пораздумаютъ надъ этимъ изумительнымъ фактомъ и пріищутъ ему какое-либо подобіе въ исторіи человѣчества»... Далѣе Овербекъ бросаетъ бѣглый взглядъ на тѣ печальныя историческія обстоятельства, которыя приходилось переживать православной церкви, на тѣ невыгодныя условія, въ которыхъ она находилась для своего развитія... «Востокъ,—продолжаетъ онъ,—палъ, по неисповѣдимой волѣ Провидѣнія въ руки варваровъ (хотя и не безъ вины папскаго Запада!), и обратился въ духовную пустыню подъ владычествомъ полумѣсяца. Но брошено въ него сѣмя церковью православною, которое скоро покроетъ все поле жатвою и не въ дальнемъ будущемъ увидитъ торжество христіанства»! «Притязанія Рима выжгли клеймо—возвращаемся опять къ предисловію автора — на великомъ имени «каѳолическая (вселенская) церковь»; онъ похитилъ, присвоилъ его себѣ, но мы должны вновь возстановить его въ прежней чести. *„Духъ православнаго каѳоличества есть вѣра, любовь, убѣжденіе, свобода, благочестіе, движеніе впередъ!»*—«Иди же въ міръ мое слово и благослови его Богъ»! такъ заканчиваетъ Овербекъ свое предисловіе.

Не нуждается, конечно, ни православная церковь, ни православная Русь—въ одобреніи и въ ободреніи со стороны Запада; но не можетъ не радоваться церковь, а съ нею и Русь, распространенію свѣта, торжеству истины, возвращенію въ ея лоно отпавшихъ, спасенію заблуждавшихся.

Затѣмъ обратимся уже не къ церкви, а къ самимъ себѣ, какъ членамъ церковнаго общества. Усилимъ же, наконецъ, наше вниманіе; вникнемъ же и и уразумѣемъ, что мы стоимъ теперь предъ лицомъ Запада, томимаго, въ лицѣ лучшихъ людей своихъ, духовною жаждою истины,— что Провидѣніе черезъ нихъ напоминаетъ намъ о пренебреженныхъ нами дарахъ, — и что мы должны быть готовы къ предстоящему намъ служенію, дабы не явиться недостойными нашего призванія. Испытуемъ же сами себя.

О взглядахъ общества и мѣрахъ правительства, несогласныхъ съ здравымъ пониманіемъ православія.

«День», 28 октября 1865 г.

Изъ послѣднихъ двухъ №№ нашей газеты читатели могли видѣть, какъ постепенно лучи свѣта начинаютъ проникать въ сплошную тьму невѣжества, въ которой пребываютъ иностранцы въ своихъ понятіяхъ

о нашей церкви и нашей народности. Книга Овербека представляетъ образецъ тѣхъ идеальныхъ воззрѣній на православіе и на Россію, къ которымъ, безъ всякихъ стараній съ нашей стороны, доходитъ пытливый умъ добросовѣстныхъ мыслителей Запада въ своемъ неутомимомъ исканіи истины. Нельзя не сознаться, что подвигъ этихъ мыслителей въ высшей степени усложняется тѣми явленіями нашей современной дѣйствительности, которыя находятся въ такомъ разладѣ съ коренными началами и духовною сущностью нашей народности. Какого труда должно стоить человѣку Запада выработать изъ противорѣчій, опутавшихъ Русскую жизнь, понятіе объ ея истинномъ идеалѣ, или примирить этотъ, путемъ отвлеченныхъ изслѣдованій постигнутый имъ идеалъ съ нѣкоторыми явленіями нашей общественной и административной жизни. Въ какое смущеніе пришелъ бы, напр., Овербекъ, проповѣдывающій и въ Англіи и въ Германіи, что «Русская народность и церковь сливаются вмѣстѣ», что «Россія зиждется на вѣрѣ — оттого и великою будетъ ея будущность»,— въ какое смущеніе пришелъ бы онъ, еслибъ зналъ, что въ самой Россіи люди, называющіе себя представителями Русской интеллигенціи—утверждаютъ противное; что *всѣ* Русскіе свѣтскіе журналы, за исключеніемъ «*Дня*», всѣми мѣрами усиливаются доказать, что въ Россіи православіе есть только *количественная*, а не *качественная* сила, что оно есть только религія *большинства*, что необходимо выдѣлить совсѣмъ идею православія изъ идеи Русской народности и положить въ основаніе Русской народности безразличное отношеніе къ вѣрѣ. Въ то самое время, какъ передовые люди на Западѣ, замѣчая постепенное кругомъ себя истощеніе духовно-органическихъ началъ въ западныхъ обществахъ, обращаютъ съ упованіемъ взоры свои на Россію и видятъ въ ней — развившійся подъ духовнымъ воздѣйствіемъ религіи на народность — политическій организмъ, — или, выражаясь словами Овербека, «тѣсно - связанное съ религіей, съ православнымъ вѣроисповѣданіемъ государство», въ это самое время мы стремимся создать у себя Русскихъ на закваскѣ Моисеева и Магометова закона и Русскихъ-папистовъ. Русское государство заботится съ необыкновеннымъ усердіемъ, издерживаетъ государственныя деньги, употребляетъ въ дѣло свои могучія средства—все для того, чтобы на Русскомъ языкѣ проповѣдывалась ложь папства, славился по-русски Магометъ, и по-русски же отрицалась Евреями истина христіанства. Съ нашей точки зрѣнія,—признавая принципъ полнѣйшей свободы совѣсти необходимымъ условіемъ внутренней политики государства,—мы никакъ не видимъ надобности для Русскаго правительства выходить изъ предѣловъ простой вѣротерпимости и самому хлопотать о томъ, чтобы дѣти римско-католическаго вѣроисповѣданія были обезпечиваемы на казенный счетъ въ средствахъ пребывать въ римско-католическомъ законѣ, или чтобъ Киргизы были истинно пра-

вовѣрными магометанами, а Евреи непремѣнно утверждались въ сознаніи своей правоты предъ распятымъ ими Христомъ. Въ послѣднее время наши патріотическіе журналы съ восторгомъ привѣтствовали мѣру, принятую администраціей въ Сѣверо-Западномъ и Юго-Западномъ краѣ Россіи: именно веденіе, въ казенно - учебныхъ заведеніяхъ, преподаванія римско-католическаго закона на Русскомъ, а не на Польскомъ языкѣ, съ тою цѣлью, чтобъ въ понятіяхъ мѣстнаго народонаселенія католицизмъ не отождествлялся съ понятіемъ о Польской народности и чтобъ жители-католики могли удобно оставаться католиками, не становясь отъ того Поляками. Мѣра, повидимому, вполнѣ благоразумная, внушенная дальновидною государственною мудростью; но, по нашему мнѣнію, она не только ошибочна въ своемъ принципѣ, но и положительно не достигаетъ цѣли. Разумѣется, если до сихъ поръ преподаваніе римско-католическаго закона въ казенно-учебныхъ заведеніяхъ совершалось, на счетъ государственныхъ суммъ, по-польски, то, конечно, вполнѣ справедливо замѣнить Польскій языкъ Русскимъ,—но, какъ намъ кажется, Русскому государству вовсе нѣтъ ни дѣла, ни обязанности заботиться объ обученіи кого бы то ни было папизму—на казенный счетъ, какъ бы ни происходило обученіе — по-русски ли, по-польски или по-латыни. Пусть себѣ обучается этой лжи какъ кто хочетъ и какъ знаетъ. Можно этому не мѣшать, но не способствовать. Затѣмъ, мы не видимъ никакой надобности отнимать у римско-католической лжи клеймо полонизма; если кто не хочетъ нести на себѣ этого клейма, пусть, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ полонизма, отречется и отъ латинства, и пусть не думаетъ, что, поставляя себѣ духовнымъ отечествомъ Римъ, онъ можетъ считать своимъ духовнымъ отечествомъ и Россію, — ибо только тотъ можетъ назваться Русскимъ, кто связанъ съ Русской народностью не только физіологически, но и духовно. Русская жизнь сложилась такъ, что православіе есть самый могущественнѣйшій рычагъ *обрусѣнія*. Послѣ недавняго мятежа была минута,—она отчасти продолжается и теперь,—когда горячая проповѣдь православія, предпринятая вовсе даже не въ интересахъ государственныхъ, а въ интересѣ истины, могла бы извлечь значительную часть западнорусскаго населенія изъ сѣтей латинства. Но вмѣсто того, чтобы воспользоваться той минутой, когда латинство было такъ скомпрометтировано полонизмомъ въ глазахъ самихъ католиковъ, и дать какъ можно болѣе простора для живой, дѣятельной пропаганды православія, государство изыскиваетъ для католическихъ жителей Западнаго края способы оставаться въ мирѣ съ латинствомъ, посредствомъ компромисса съ идеей Русской народности, т. е. опорожниваетъ эту идею отъ идеи православія и дѣлаетъ ее какимъ то безразличнымъ сосудомъ, способнымъ принять всякое содержаніе. Но, какъ мы сказали, православіе есть главная духовно-органическая сила Русской народности, внѣ

которой у нея остается весьма мало другихъ притягательныхъ свойствъ, могущихъ ассимилировать себѣ другія народности; такъ напр., у нея нѣтъ того обаянія высшей культуры, которое такъ сильно подчиняетъ Нѣмецкому элементу элементъ Польскій въ Познани.—Намъ случилось просматривать догматическое изложеніе римско-католическаго богословія на Русскомъ языкѣ, изготовленное для казенныхъ училищъ Западнорусскаго края. Ученіе о папѣ выражено самымъ безцвѣтнымъ образомъ и всѣ яркія особенности католицизма стушеваны. Весь этотъ трудъ до такой степени лишенъ искренности, что нѣтъ возможности предположить, чтобы какой-либо ксендзъ могъ преподавать латинское законоученіе по этому Русскому руководству иначе какъ для формы,—и нѣтъ сомнѣнія этотъ ксендзъ на тайной исповѣди, въ бесѣдѣ съ своими учениками, вознаградитъ себя съ избыткомъ за свою вынужденную ложь и лицемѣріе.

Но, возразятъ намъ, если допустить, что Русская народность немыслима внѣ православія, что только тотъ можетъ назваться вполнѣ Русскимъ, кто принадлежитъ къ одной церкви съ Русскимъ народомъ, то не будетъ ли это вопіющей несправедливостью по отношенію къ иновѣрнымъ подданнымъ Россіи, столько разъ доказавшимъ ей свою преданность? Неужели потому отторгать ихъ отъ братства, что они не находятся съ нами въ общеніи церковномъ? Мы вовсе и не думаемъ отторгать ихъ отъ гражданскаго братства, насколько таковое возможно при отсутствіи единства духовнаго. Пусть будутъ они, съ нами наравнѣ, Русскими подданными, пусть пользуются въ равной мѣрѣ полнотою гражданскихъ правъ—пусть государство не дѣлаетъ между нами и ими никакой разницы, если въ равной степени признаетъ ихъ полезными государству,—но затѣмъ, при внѣшнемъ безразличіи гражданскаго положенія,—пусть живетъ—мы въ этомъ не видимъ никакого худа—въ общественномъ сознаніи то внутреннее различіе народностей, которое и теперь, несмотря на всевозможные успѣхи цивилизаціи, зиждется на различіи вѣры. Вопреки всѣмъ видамъ прогресса и теперь, когда мы говоримъ про человѣка, что онъ наш ъ, Русскій —мы хотимъ сказать, что онъ православный; когда же человѣкъ съ нѣмецкой фамиліей желаетъ доказать, что онъ Русскій, онъ главнымъ образомъ напираетъ на то, что онъ православный. Съ особенною гордостью любятъ указывать на этотъ признакъ своей *русскости*—наши Русскіе нѣмецкихъ фамилій, наши Фонфизины, Фонменгдены, Розены, Ригельманы и проч. и пр. и пр. И дѣйствительно, нѣтъ такого мужика, который бы не призналъ ихъ за вполнѣ Русскихъ, какъ скоро онъ знаетъ, что они православные, какъ бы чужестранно ни звучало ихъ имя. Онъ *нашъ*—православный, скажетъ про всякаго изъ нихъ Русскій народъ. Онъ не *нашъ*—скажетъ онъ про всякаго Голицына, Гагарина, Мартынова, Шувалова,

Печерина, отторгшагося съ нимъ отъ единства церковнаго. До какой степени религія есть не только субъективное, личное, но и *общественное* начало въ жизни Русскаго народа, это доказывается тѣмъ, что связь народности съ вѣроисповѣданіемъ оказываетъ свое могучее дѣйствіе, даже иногда не зависитъ отъ степени личнаго чувства вѣры. Иной православный можетъ быть въ душѣ своей человѣкомъ и не вполнѣ вѣрующимъ, но это уже дѣло его внутренней совѣсти, въ изслѣдованіе которой никто входить не въ правѣ. Все-таки между имъ и народомъ нѣтъ стѣны, нѣтъ внѣшней преграды, онъ стоитъ съ нимъ подъ однимъ духовнымъ знаменемъ,—признаетъ открыто и оффиціально одно вѣроисповѣданіе. Эта неловкость, ощущаемая каждымъ Русскимъ подданнымъ—неправославнымъ, въ его отношеніяхъ къ Русскимъ-православнымъ,—эта необходимость оговорокъ въ извиненіе своего несогласія въ дѣлѣ вѣры, желаніе обойти это различіе,— все это составляетъ неотъемлемую качественную особенность чувства и идеи Русской народности и могущественнѣйшимъ образомъ содѣйствовало и содѣйствуетъ обрусѣнію Русскихъ иновѣрцевъ, сліянію ихъ воедино съ Русскимъ народомъ—путемъ единенія въ вѣроисповѣданіи.

Съ нѣкотораго времени до насъ стали доходить изъ Остзейскаго края горькія сѣтованія православныхъ Латышей и православныхъ священниковъ на то положеніе, въ которое поставило ихъ, въ отношеніи къ Нѣмецкому мѣстному населенію лютеранскаго исповѣданія, распоряженіе насчетъ браковъ. Извѣстно, что по правиламъ православной церкви бракъ съ иновѣрцами допускается лишь въ чаяніи, что «мужъ невѣрный святится о женѣ вѣрнѣй» и наоборотъ, и что дѣти отъ этого брака будутъ воспитываться въ православной вѣрѣ. Гражданскими законами установлена была и подписка, которая давалась иновѣрною брачившеюся стороною въ томъ, что «дѣти отъ сего брака будутъ, согласно съ законами государства Россійскаго, крещены и воспитаны въ православіи» (Т. X., ст. 67). Въ нынѣшнемъ году это правило было отмѣнено исключительно для Остзейскаго края и для браковъ православныхъ съ лицами евангелическаго исповѣданія; такая отмѣна равносильна разрѣшенію крестить и воспитывать дѣтей отъ браковъ, въ которыхъ одна сторона православная -не въ православной вѣрѣ,—и подаетъ поводъ мѣстнымъ протестантскимъ газетамъ къ несовсѣмъ приличнымъ и даже обиднымъ для православныхъ ликованіямъ.—Не касаясь покуда самаго вопроса, въ какой мѣрѣ право было государство отмѣнить имъ же узаконенное отобраніе подписки при бракахъ, не можемъ не замѣтить, что оно, во всякомъ случаѣ, таковою отмѣною, упускаетъ теперь изъ своихъ рукъ могучее средство обрусѣнія, создавшееся, такъ сказать, органически изъ самаго строя Русской жизни;— наконецъ, поступая логически, оно должно точно также поступить и въ

отношеніи къ бракамъ съ лицами католическаго исповѣданія, —а это едвали можно было бы ему присовѣтовать, въ настоящее время, въ виду тождества Польской народности съ латинствомъ въ Западномъ краѣ.

Въ нашемъ уголовномъ кодексѣ, въ числѣ преступленій, находится и уклоненіе православнаго въ иновѣріе, и совращеніе иновѣрнымъ православнаго въ свою вѣру; послѣднее подвергаетъ виновнаго положительному наказанію со стороны гражданской власти. Мы нисколько не сочувствуемъ этимъ законамъ и желали бы ихъ видѣть исключенными изъ нашего кодекса: совѣсть въ дѣлѣ вѣры должна быть совершенно свободна и удерживать кого-либо въ вѣроисповѣданіи полицейскимъ способомъ противно духу Христова ученія. Но нельзя не обратить вниманія на это странное противорѣчіе: съ одной стороны, взрослому воспрещается отступать отъ православія, и иновѣрцу поставляется въ вину, если онъ совратитъ взрослаго; съ другой стороны—разрѣшается родителямъ обращать въ иновѣріе своихъ дѣтей, лишать ихъ блага православія и стало быть Русской народности—безъ вѣдома самихъ дѣтей, такъ сказать насильственнно, прежде чѣмъ они могутъ заявить свою волю. Если стараться ввести въ это противорѣчіе логику, то слѣдовало бы поступить совершенно наоборотъ: воспретить совращеніе въ иновѣріе малолѣтныхъ и предоставить каждому взрослому поступать въ отношеніи къ вѣрѣ съ полной свободой, по своей совѣсти.

Затѣмъ, обращаясь къ самому вопросу о правѣ государства отбирать подписки, установленныя 67-ю статьею X тома, мы полагаемъ, что само государство имѣетъ на это право только въ такомъ случаѣ, если это требуется правилами церкви. Сколько намъ извѣстно, церковь въ этомъ случаѣ не налагаетъ никакихъ формальныхъ обязательствъ, а кладетъ это на совѣсть православной стороны въ бракѣ и въ этомъ *чаяніи* разрѣшаетъ вѣнчаніе. Слѣдовательно, государство, отмѣняя гражданское постановленіе, не требуемое церковными правилами, повидимому не становится въ противорѣчіе съ церковью, по крайней мѣрѣ формально. Но нельзя не признать, что въ настоящемъ случаѣ такая мѣра, не истекая изъ общаго духа законодательства, является какой-то исключительною привилегіею для Нѣмцевъ Остзейскаго края и какъ бы поощреніемъ со стороны православной Русской государственной власти— пропагандѣ протестантства и нѣмецкой національности. Если бы былъ вообще провозглашенъ принципъ свободы въ дѣлѣ вѣры и пропагандѣ Русской народности и православія былъ бы данъ повсюду свободный ходъ, то эта мѣра—отмѣна 67 статьи—исходила бы оттуда сама собою. Теперь же, въ виду стѣснительныхъ гражданскихъ постановленій Остзейскаго края, задерживающихъ тамъ всякое распространеніе Русскаго элемента и дѣлающихъ изъ Русскихъ —неполноправныхъ гражданъ среди полноправныхъ туземцевъ нѣмецкаго происхожденія,—такая мѣра

едвали вполнѣ своевременна и логична и едвали была вызываема какою-либо настоятельною необходимостью. Не забудемъ также, что въ Финляндіи существуетъ мѣстный гражданскій законъ (внесенный и въ нашъ гражданскій кодексъ, ст. 68 X т.), въ силу котораго дѣти, рождающіяся отъ браковъ православныхъ съ иновѣрцами, должны быть воспитываемы въ той вѣрѣ, къ которой принадлежитъ отецъ: «не допускается на этотъ счетъ никакихъ особенныхъ договоровъ». Если Русское государство дѣлаетъ съ своей стороны уступку Нѣмцамъ-протестантамъ, отмѣняя свой коренной законъ и предоставляя вѣроисповѣданіе дѣтей свободному усмотрѣнію родителей,—то странно и непонятно, почему же оно терпитъ въ отношеніи къ себѣ, въ одной изъ своихъ областей, существованіе такого стѣснительнаго для православія обязательства?.. Нельзя не видѣть во всемъ этомъ,— независимо отъ весьма понятнаго и сочувственнаго духа либерализма,—нѣкотораго безразличнаго отношенія къ жизненнѣйшему принципу Русской народности.

Нѣкоторыя безобразія русской жизни — а въ частности причины распространенія штунды.

«Москвичъ», 25-го января 1868 г.

Многими безобразіями, какъ колючей травою, обросла наша Русь: есть безобразія, скажемъ пожалуй аномаліи, если это слово кажется болѣе учтивымъ,—административныя, общественныя, народныя... Къ большей части изъ нихъ мы уже такъ приглядѣлись, что они и глазъ намъ не колютъ; отъ большей части изъ нихъ привыкли мы отдѣлываться пожиманіемъ плечъ и почти аксіоматическимъ объясненіемъ. Такъ для администраціи существуетъ у насъ обычное оправданіе или упрекъ — въ «незнаніи Россіи», причемъ никому не приходитъ въ голову растолковать себѣ, откуда же берется такое роковое незнаніе, и почему тотъ, кто укоряетъ нынѣ администрацію въ незнаніи, самъ въ свою очередь подвергается тому же укору, какъ только дѣлается ея членомъ,—да и дѣйствительно обнаруживаетъ какъ бы незнаніе, хотя еще наканунѣ считался практикомъ-знатокомъ русской жизни. Относительно же общества вся вина его аномалій сваливается обыкновенно на «предразсудки»,—а что касается до народа, то ключъ къ объясненію всѣхъ уродливыхъ явленій его быта и жизни заключается для насъ, какъ извѣстно, въ словѣ: «невѣжество». Но что̀ именно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «невѣжество», чѣмъ оно обусловливается, при какой степени знанія оно прекращается и упрекъ въ невѣжествѣ стано-

вится уже неумѣстенъ, — въ этомъ едвали кто изъ укоряющихъ потрудился отдать себѣ ясный отчетъ.

А между тѣмъ, русскія безобразія — это цѣлый міръ, заслуживающій особаго специальнаго изученія. Въ нихъ есть своя внутренняя логика, они доступны системѣ, имѣютъ свою теорію. Краснорѣчивъ и поучителенъ языкъ этихъ безобразій. Всматриваясь ближе, напримѣръ, въ безобразія народной или простонародной жизни, мы увидимъ въ нихъ своего рода красоту, т. е. не собственно въ нихъ самихъ, а въ томъ свойствѣ народной почвы, которое заглушило сорной травой брошенное нами сѣмя, и посаженные нами цвѣты переродило въ бурьянъ. Мы должны будемъ, во многихъ случаяхъ, признать за народомъ нравственную заслугу въ томъ, что онъ обезобразился, а не облагообразился по предложенному ему образу и подобію. Мы должны будемъ убѣдиться, что во многихъ уродствахъ, представляемыхъ народною жизнью, сказался протестъ самой жизни, которая не сумѣла съежиться въ тѣсныя, наложенныя на нее извнѣ рамки, — и треснули и раскололись эти рамки, нерѣдко отличной заграничной работы, самаго лучшаго нѣмецкаго дѣла. Народъ нашъ дитя покорное, это правда, но натура его не настолько благонравна, чтобы изъ Русскаго напримѣръ такъ-таки и переродиться въ отличнаго Нѣмца: выходитъ лишь изуродованный Русскій, но все же Русскій. Остается только съ признательностью отнестись къ такому русскому безобразію, избавившему насъ отъ нѣмецкаго благообразія. Для примѣра приведемъ хоть ремесленный уставъ, красующійся и доселѣ въ Сводѣ Законовъ и скопированный буквально съ нѣмецкаго цеховаго устройства до такой степени, что безъ помощи нѣмецкаго лексикона его и понять невозможно: укажемъ хоть на одно слово: *герберги*. Нѣмецкое насажденіе поросло на русской почвѣ истиннымъ чертополохомъ. И мы должны быть благодарны Русскому народу, что не излюбилъ онъ этой нѣмецкой средневѣковой формы (теперь уже и въ Европѣ отброшенной) ремесленнаго труда и общежитія, что не вмѣстилась она ему ни въ умъ, ни въ сердце, не впустила корней въ его сознаніе, не развратила его душу, и потому легко можетъ быть выкинута вонъ, какъ ненужная ветошь. Лучше ли было бы для насъ, еслибъ не было этого безобразія, еслибъ народъ примирился съ этимъ похмѣльемъ въ чужомъ пиру, еслибъ свой русскій бытъ съузилъ въ нѣмецкій, принялъ бы нѣмецкое устройство въ плоть и кровь, отказался бы отъ русскихъ запросовъ на свободу труда, ограничилъ бы свое болѣе широкое міросозерцаніе? И мало ли такихъ примѣровъ, и даже въ жизни не однихъ низшихъ классовъ!..

Если не ко всѣмъ, разумѣется, аномаліямъ народной русской жизни прилагается такое объясненіе ихъ, какъ протеста самой жизни противъ навязываемыхъ ей искусственныхъ, насильственныхъ формъ и путей

развитія,— то едвали не во всѣхъ найдемъ мы для себя поучительныя, многознаменательныя указанія. Многое, что̀ объясняется народнымъ невѣжествомъ, свидѣтельствуетъ дѣйствительно о невѣжествѣ, только не всегда одного простаго народа, а и другихъ наслоившихся надъ нимъ классовъ общества, до самыхъ высшихъ, и даже до нѣкоторыхъ административныхъ сферъ... Вообще, повторяемъ, не слѣдуетъ къ уродствамъ нашего общественнаго и народнаго быта относиться слишкомъ пренебрежительно, легкомысленно, мимоходомъ, а слѣдуетъ останавливаться надъ ними, вникать въ нихъ внимательно и подвергать тщательному изслѣдованію: едвали не изъ всякаго изъ нихъ придется извлечь для себя урокъ.

Къ разряду такихъ поучительныхъ безобразій причисляемъ мы и появленіе въ Херсонской губерніи *штундовцевъ*. Открытіе ихъ принадлежитъ «Голосу». По крайней мѣрѣ онъ первый объявилъ объ нихъ печатно. Сущность сообщеннаго имъ извѣстія заключается въ слѣдующемъ: въ уѣздахъ Одесскомъ и Ананьевскомъ существуетъ религіозная секта *штундовцевъ, штундовыхъ* или *штундъ* (отъ нѣмецкаго Stunde), къ которой принадлежитъ до 100 семей. Начало получила она въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Богослуженіе ея, по собраннымъ свѣдѣніямъ, состоитъ въ чтеніи Новаго Завѣта; многіе говорятъ проповѣди, поютъ *нѣмецкіе* псалмы; если случится при богослуженіи толковый Нѣмецъ, то ему поручаютъ читать *нѣмецкую* библію съ тѣмъ, чтобъ онъ читаемое переводилъ и объяснялъ; славянской Библіи не читаютъ, такъ какъ ее не понимаютъ. Иконъ, праздниковъ и постовъ не признаютъ. На церковные обряды смотрятъ съ пренебреженіемъ, считая ихъ «поповскимъ изобрѣтеніемъ»; но всѣ требованія церкви наружно исполняютъ. Пьяницъ между ними почти нѣтъ. Другъ другу охотно помогаютъ. Объ этомъ производится слѣдствіе, и нѣсколько человѣкъ штундовцевъ, по словамъ «Голоса», уже посажено въ острогъ. «Одесскій Вѣстникъ» сначала, по поводу этого извѣстія, пришелъ въ негодованіе. «Мы были поражены, восклицаетъ онъ, дикостью подобнаго сообщенія и увѣрились, что южный корреспондентъ газеты «Голосъ» знаетъ даже то, чего и нѣтъ на самомъ дѣлѣ». Но черезъ нѣсколько времени тотъ же самый «Одесскій Вѣстникъ», смирясь, объявилъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, такая секта въ самомъ дѣлѣ существуетъ. По его словамъ, «начало этому обществу, точно, положено тѣми рабочими, которые живали у колонистовъ. Привыкнувъ не наблюдать ни праздниковъ, ни постовъ, освященныхъ православною церковью, они сохранили этотъ обычай и при возвращеніи въ родныя села. Усвоивъ себѣ однажды такія убѣжденія, они распространили ихъ и въ кругу своихъ ближнихъ, такъ что дѣйствительно число всѣхъ семействъ, усвоившихъ себѣ упрощенное богослуженіе, не почитающихъ св. иконъ, не наблюдающихъ ни празд-

никовъ, ни постовъ, простирается уже теперь до ста. Слѣдствіе по этому поводу началось уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ» («Одесскій Вѣстникъ» № 277 1867 г.).

Что можетъ быть противоестественнѣе, безобразнѣе, уродливѣе, скажемъ даже, оскорбительнѣе этого явленія, что русскіе люди, русскіе крестьяне распѣваютъ *нѣмецкіе* псалмы, держатъ у себя *нѣмецкія Библіи,* прибѣгаютъ къ *Нѣмцу* за ея истолкованіемъ? «Голосъ» не затруднился придать этому явленію оттѣнокъ нѣсколько политическій, что-то въ родѣ нѣмецкой пропаганды, «характерный признакъ онѣмечиванія Новороссійскаго края». Мы видимъ здѣсь совершенно иное. Причина такого безобразія лежитъ несравненно глубже. Разберемъ ее подробно, насколько позволяютъ вышеизложенныя краткія данныя и объемъ газетной статьи.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что основателями штундовскаго толка были рабочіе, проживавшіе у колонистовъ; слѣдовательно причину этого явленія надо искать во вліяніи чужихъ ученій и чужаго примѣра. При этомъ мы не можемъ не вспомнить, что точно такому же вліянію и въ томъ же краѣ подчинялись русскіе работники, жившіе у хозяевъ-Евреевъ, такъ что законъ наконецъ положительно воспретилъ Евреямъ держать у себя въ дому русскую прислугу; этотъ законъ измѣненъ только въ прошломъ году. Чтожъ это значитъ? Откуда такая духовная податливость русскаго православнаго человѣка?.. Не оттого ли, что этотъ русскій человѣкъ лишенъ положительно всякаго религіознаго воспитанія? что его отношеніе къ православію чисто-бытовое и разъ вырванный изъ своей бытовой среды, не вооруженный ни знаніемъ, ни сознаніемъ, онъ не въ состояніи выдерживать борьбы съ цѣльною и сознательною, упорною и крѣпкою вѣрою не только протестантовъ пуританскаго закона, но даже Евреевъ? Дома онъ блюдется и держится обычаемъ всей своей общины; уменъ общимъ умомъ, нравственен общею нравственностью, силенъ міромъ,— но, къ сожалѣнію, не самъ собою лично. Ему недостаетъ, недостаетъ и всему нашему народу — именно развитія и воспитанія *личности,* въ смыслѣ *христіанскомъ* разумѣется, а не въ смыслѣ западнаго индивидуализма, тождественнаго съ эгоизмомъ. Кто же въ этомъ виноватъ? Въ этомъ-то и вопросъ.

«Одесскій Вѣстникъ» разсказываетъ, что о штундовцахъ уже нѣсколько лѣтъ производится *слѣдствіе.* Слѣдствіе необходимо, только не полицейское и не надъ штундовцами. Здѣсь нужно изслѣдованіе въ родѣ enquête parlementaire, способное просвѣтить правительство и общество на счетъ причины и объема зла. Отчего бы не произвести слѣдствіе инаго рода? отчего бы не развѣдать — изъ какихъ приходовъ эти рабочіе, заразившіеся ученіемъ колонистовъ? существуютъ ли въ

этихъ приходахъ какія-нибудь школы? каковы священники въ нихъ и каковы ихъ отношенія къ паствѣ? поучали ли они когда-нибудь народъ? Мало того — зналъ ли кто изъ этихъ несчастныхъ рабочихъ, до поступленія своего къ колонистамъ, хоть бы молитву «Отче нашъ»? Мы убѣждены заранѣе, что отвѣтъ на всѣ эти вопросы будетъ *отрицательный*. Да не только въ Новороссійскомъ краѣ, гдѣ населеніе вообще сбродное, создавшееся изъ бѣглыхъ, но у насъ, въ срединной Россіи, мы предлагаемъ сельскимъ священникамъ сдѣлать у себя по приходамъ только одну провѣрку: сколько у нихъ прихожанъ знающихъ безошибочно, не коверкая, «Отче нашъ»?.. Результатъ испытанія будетъ такой постыдный, что сельскіе пастыри, коротко знакомые съ своей паствой, врядъ ли на такую провѣрку и согласятся. Мы уже слышали возраженіе: да развѣ въ церкви не читается, да и сколько же разъ, молитва Господня? Читается, но, во-первыхъ, небрежнѣе всякой иной молитвы, во-вторыхъ—лучше уже и не упоминать о томъ, *какъ* читаютъ и поютъ наши дьячки въ Божіемъ храмѣ. Конечно, никто изъ неграмотныхъ, никто, самъ не читавшій церковныхъ книгъ, ничему не выучится отъ дьячковской скороговорки и бормотанья. Народъ идетъ въ церковь съ теплымъ чувствомъ вѣры, жаждетъ свѣта своей тьмѣ, благодатнаго, освѣжающаго душу слова, какъ жаждетъ почва росы и дождя, изсушенная вѣтромъ и зноемъ. Но не утоляется духовная жажда народа, не дается ему пить отъ самаго источника, пьющій отъ котораго не возжаждетъ во вѣки; про мужиковъ—разсуждаютъ наши пастыри—довольно церковнаго обычая, обряда, преданій, даже не осмысленныхъ для нихъ никакимъ поясненіемъ,—пусть тѣмъ и пробавляются... Вотъ и сказывается теперь это пренебреженіе къ народной духовной нуждѣ: онъ ищетъ утолить у другихъ свой голодъ и жажду. Но этотъ голодъ, эта жажда—развѣ могутъ они быть поставлены ему въ вину? Не должны ли они быть вмѣнены напротивъ въ заслугу, даже въ высокое нравственное достоинство нашего народа? Не должны ли мы радоваться тому, что не одебелѣло его религіозное чувство, не заснула религіозная мысль? Не штундовцевъ надо винить и судить за то, что они алчутъ и жаждутъ, а тѣхъ, которые отказываютъ имъ въ питіи и пищѣ.

Затѣмъ, что̀ собственно поражаетъ насъ въ штундовцахъ—это грубое подражаніе самой внѣшней формѣ протестантизма. Поселяясь у Нѣмцевъ-колонистовъ, русскій неграмотный, ничему не учившійся рабочій бываетъ прежде всего пораженъ ихъ внѣшнимъ пуританскимъ благочестіемъ, порядкомъ доможительства, чистотою нравовъ (напр. у гернгутеровъ и другихъ подобныхъ сектаторовъ). Онъ невольно сравниваетъ безчинство православнаго житья-бытья, при православныхъ пастыряхъ, съ благочиніемъ общественной жизни при протестантскихъ пасторахъ, и на основаніи этой посылки строитъ свой логическій выводъ.

Причину такого духовнаго и житейскаго преимущества Нѣмцевъ онъ естественно приписываетъ вѣроученію, — не только внутреннему его духу, но, будучи воспитанъ самъ на одномъ обрядѣ, и самой внѣшней формѣ нѣмецкаго вѣроученія. Одинъ обрядъ онъ замѣняетъ другимъ обрядомъ, облекая въ обрядъ самое отрицаніе обрядности. Отсюда пристрастіе къ нѣмецкому языку, къ нѣмецкимъ псалмамъ, нѣмецкимъ книгамъ, къ истолкователямъ Св. Писанія—непремѣнно изъ Нѣмцевъ. Все это безобразно, доказываетъ «невѣжество»,—не споримъ. Но не лучше ли, что протестантизмъ явился на русской почвѣ въ такомъ безобразномъ, легко разоблачаемомъ видѣ, нежели въ благообразномъ, въ которомъ онъ легче бы сроднился съ народомъ?..

Штундовцы держатъ у себя нѣмецкую Библію, заставляютъ Нѣмца переводить ее себѣ на русскій языкъ, отзываясь, что славянская Библія имъ не понятна. Не есть ли это прямое указаніе на потребность въ Библіи русской? А гдѣ она? гдѣ переводы Библіи на русскій языкъ? Кому изъ насъ не извѣстны судьбы русской Библіи! На комъ же вина, спрашивается? Теперь, конечно, стали появляться при разныхъ періодическихъ духовныхъ изданіяхъ безобразныя приложенія переводовъ изъ Библіи, на манеръ прилагаемыхъ къ свѣтскимъ журналамъ англійскихъ романовъ,—приложенія, въ которыхъ листъ оканчивается иногда на слогѣ *Из-*, а другой листъ, появляющійся черезъ мѣсяцъ, начинается слогами: *раиль*. Но эти переводы и журналы въ счетъ идти не могутъ. Гдѣ изданія, освященныя авторитетомъ церковнаго правительства? гдѣ дешевыя изданія для народа? Мы имѣемъ Новый Завѣтъ на русскомъ языкѣ, изданный дешево, - но едвали достаточно распространенный. Пусть предлагаемое нами слѣдствіе разъяснитъ, имѣется ли хоть одинъ экземпляръ его въ сельскихъ приходахъ, откуда вышли штундовцы?... Въ прошломъ году было перепечатано въ русскихъ газетахъ изъ какой-то иностранной газеты заявленіе г. Казаринова о пожертвованіи имъ 50 т. рублей Св. Синоду на изданіе духовныхъ книгъ для русскаго народа. Мы искали въ отчетѣ за 1866 годъ г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода какихъ-либо свѣдѣній объ этомъ пожертвованіи и объ употребленіи его согласно назначенію, но ничего не нашли.

Штундовцы, увѣряетъ «Голосъ», сидятъ въ *острогѣ*. Это краснорѣчивѣе всего. Если извѣстіе «Голоса» справедливо, то это вѣнецъ всѣхъ тѣхъ порядковъ, которые создали секту штундовцевъ. Мы кажется уже достаточно показали—они ли виноваты. Отучать острогомъ отъ алканія духовной пищи, не предлагая взамѣнъ ничего; отвѣчать острогомъ на искреннюю потребность вѣры, на запросы недремлющей религіозной мысли; острогомъ доказывать правоту православія,—это значитъ посягать на самое существенное основаніе святой вѣры—основаніе искренности и свободы, подкапываться подъ самое вѣроученіе

православной церкви и давать въ руки своему противнику, протестантизму, побѣдоносное оружіе. При такихъ средствахъ защиты, при такихъ способахъ утвержденія въ истинѣ православія, само собою оскудѣваетъ и упраздняется, становясь излишнею, ревность пастырей, меркнетъ и гаснетъ въ духовныхъ дѣятеляхъ священный огонь, и никакія строгія предписанія епархіальнаго *начальства*, подъ угрозами штрафа, о заведеніи школъ, не создадутъ дѣйствительной школы народной,—и даже,—но не слишкомъ ли уже далеко простираемъ мы нашу мнительность?... и даже самъ указъ Святѣйшаго Синода, напечатанный нами вчера, о предоставленіи священникамъ права на полученіе ордена Св. Анны 3-й степени и званія кавалера за «труды по народному образованію», едвали въ силахъ будетъ сотворить изъ нихъ новыхъ апостоловъ... Иного оживленія нужно для прозябающаго въ насъ сѣмени православія,—не иссушительныхъ дуновеній насилія и корысти, а вѣяній истиннаго духа Христова—любви и *свободы*...

По поводу отчета оберъ-прокурора Св. Синода за 1866 г.

«Москвичъ», 1-го февраля 1868 г.

Вотъ уже второй годъ, какъ свѣтомъ гласности начинаетъ понемногу озаряться и тотъ темный уголъ высшаго управленія, которому всего бы менѣе слѣдовало быть темнымъ и угломъ, и который связанъ самыми жизненными узами со всѣмъ духовнымъ и нравственнымъ строемъ Русской земли. Подъ этимъ угломъ мы разумѣемъ область нашего церковно-государственнаго или государственно-церковнаго правительства, а подъ брезжущимъ свѣтомъ гласности обнародованіе отчетовъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Нельзя не быть благодарнымъ за сообщеніе во всеобщее свѣдѣніе членамъ Русской православной Церкви хоть краткихъ извѣстій о состояніи и дѣятельности этой Церкви,—такъ какъ нельзя не признать, что члены Церкви въ нѣкоторомъ родѣ къ ней близки и имѣютъ даже, до нѣкоторой степени, право ею интересоваться. Честь такого признанія принадлежитъ просвѣщенному уму нынѣшняго оберъ-прокурора, гр. Д. А. Толстаго, который уже обнародовалъ два отчета «по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія», со времени вступленія своего въ должность: за 1865 годъ (съ 1 іюня) и за весь 1866 годъ. Въ самомъ дѣлѣ, если въ наше время всѣ отчеты, представляемые министрами верховной власти, предаются публичности посредствомъ газетъ и журналовъ,—начиная отъ отчета по Министерству внутреннихъ дѣлъ и кончая отчетомъ по раз-

нымъ главнымъ управленіямъ, то тѣмъ болѣе основаній допустить подобную гласность для отчетовъ «по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія». И ничѣмъ инымъ не могутъ лица православнаго вѣроисповѣданія доказать графу Толстому свою признательность, какъ внимательно-строгимъ отношеніемъ къ тѣмъ даннымъ, которыя онъ передаетъ въ ихъ общее достояніе.

Богатый самыми разнообразными извѣстіями, «Отчетъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода за 1866 годъ» представляетъ обильный матеріалъ для церковно-исторической и статистической критики. Но оставляя до другаго раза подробное и спеціальное разсмотрѣніе самого матеріала, мы обратимъ теперь вниманіе нашихъ читателей на общій характеръ и форму отчета.

Прежде всего возникаетъ вопросъ: о чемъ и отъ кого этотъ «Отчетъ»? Отчетъ ли это самого высшаго церковнаго представительства и правительства о состояніи Русской православной Церкви? Но какъ бы ни желательно было, чтобы Святѣйшій Синодъ отдавалъ отчетъ въ своей дѣятельности, мы полагаемъ, что если онъ кому обязанъ таковымъ отчетомъ, такъ не государству, а самой Церкви. Отчетъ ли это только самого оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, назначаемаго верховною гражданскою властью и потому обязаннаго ей отчетомъ,—и притомъ отчетъ не о *Церкви* собственно, а какъ значится и въ надписаніи «Отчетъ»: «*по вѣдомству* православнаго вѣроисповѣданія»? Мы по необходимости должны принять это послѣднее объясненіе, согласное и съ оффиціальнымъ заглавіемъ. Но въ такомъ случаѣ для насъ не совсѣмъ понятно, почему этотъ «Отчетъ» говоритъ отъ имени Церкви, за Церковь и о Церкви, не только о внѣшнемъ ея состояніи и административной дѣятельности, но и о внутренней сторонѣ ея жизни? Намъ это потому особенно кажется непонятнымъ, что оберъ-прокуроръ Синода, при всемъ своемъ вліяніи на ходъ церковныхъ дѣлъ, не есть *ни представитель,* ни тѣмъ менѣе *предстоятель* Церкви; напротивъ, онъ есть представитель *государства* при церковномъ высшемъ правительствѣ. Но въ качествѣ такого представителя, по нашему разумѣнію и по смыслу «Духовнаго Регламента», оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода не участвуетъ самъ въ управленіи Церковью, не составляетъ части церковнаго правительства, а только блюдетъ интересы государства въ ихъ соприкосновеніи съ интересами Церкви. Онъ, такъ сказать, приставленъ отъ государства надзирать за благопотребностью постановленій Святѣйшаго Синода *съ точки зрѣнія государственной,* и быть посредникомъ между верховною властью въ государствѣ и высшимъ правительствомъ и представительствомъ Церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что для верховной государственной власти необходимо имѣть вѣрное и подробное изложеніе всѣхъ дѣйствій Святѣйшаго Синода, проходящихъ, такъ

сказать, подъ глазами оберъ-прокурора, но такое изложеніе едвали можетъ усвоивать себѣ характеръ отчета отъ лица самой Церкви о себѣ и о своей дѣятельности: это скорѣе отчетъ о дѣятельности оберъ-прокурорскаго надзора. Между тѣмъ, читая «Отчетъ за 1866 годъ», всякій въ правѣ подумать, что г. оберъ-прокуроръ въ нѣкоторомъ родѣ *отвѣтственъ* за Церковь, —не только за благопотребность ея распоряженій съ государственной точки зрѣнія и за соглашеніе ихъ съ интересами государства, но даже за ихъ внутреннее достоинство и правильность, за преуспѣяніе или непреуспѣяніе православной Церкви, за процвѣтаніе или упадокъ святой вѣры; за надлежащее отношеніе къ Господу Богу всей «русской православной пятидесятимилліонной паствы», какъ выражается «Отчетъ». Выписки, приведенныя нами ниже, оправдываютъ наше недоумѣніе. Правда, «Отчетъ» графа Толстаго называется «Отчетомъ по *вѣдомству* православнаго исповѣданія», но въ самомъ «Отчетѣ» понятіе о *Церкви* и понятіе о *вѣдомствѣ* до такой степени сливаются, что въ окончательномъ результатѣ православная Русская Церковь представляется не болѣе какъ «вѣдомствомъ православнаго вѣроисповѣданія».

Но что̀ такое *вѣдомство?* Это установившійся административный терминъ для означенія всей совокупности административнаго управленія извѣстною частью государственнаго механизма, во всемъ ея объемѣ. Такъ говорится, напримѣръ, вѣдомство военное, морское, горное, вѣдомство Министерства внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія, почтъ и телеграфовъ, государственнаго коннозаводства. Съ какою цѣлью составляются ежегодные отчеты по всѣмъ этимъ вѣдомствамъ? Съ цѣлью выставить на видъ ту успѣшность или малоуспѣшность въ положеніи извѣстной отрасли государственнаго управленія, ту степень благосостоянія или упадка, которая состоитъ въ прямой зависимости отъ усердія или нерадѣнія должностныхъ лицъ, и вызываетъ, поэтому, со стороны государственной власти одобреніе или порицаніе, награжденіе или взысканіе, какъ относительно *главы* вѣдомства, такъ и подвѣдомственныхъ ему чиновниковъ. Нерѣдко въ подобныхъ отчетахъ указывается на непригодность какихъ-либо государственныхъ распоряженій для подлежащаго вѣдомства и разъясняется необходимость новыхъ государственныхъ мѣропріятій. Если мы сравнимъ «Отчетъ по вѣдомству православнаго вѣроисповѣданія» съ отчетомъ, напримѣръ, хоть по вѣдомству путей сообщенія, то по внѣшней своей формѣ они не представляютъ большаго различія; тѣ же раздѣлы и подраздѣленія, съ тою лишь разницею, что вмѣсто рубрикъ: «шоссе», «желѣзныя дороги», «судоходныя рѣки», въ «Отчетѣ» г. оберъ-прокурора стоятъ рубрики: «утвержденіе и распространеніе вѣры»; «миссіонерства»; «пастырская дѣятельность»; «проявленія религіознаго чувства по движенію вѣро-

подданнической преданности» и пр. Но если исправное состояніе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ и судоходныхъ рѣкъ можетъ быть отнесено къ заслугѣ главноуправляющаго Путями Сообщенія и его сослуживцевъ, — то ни утвержденіе православной вѣры, ни апостольская ревность миссіонеровъ, ни святая дѣятельность служителей алтаря, ни даже «религіозное чувство», по какому бы случаю оно ни проявлялось, не могутъ быть вмѣнены ни въ достоинство, ни въ укоръ, ниже въ какую бы то ни было отвѣтственность оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Между нимъ и служителями Церкви нѣтъ никакихъ дисциплинарныхъ отношеній; онъ имъ не начальникъ, не командиръ, и они ему не подчиненные; ихъ способности и заслуги не обязываютъ государство ни къ какому возмездію. Если въ отчетѣ по какому-либо вѣдомству, составитель отчета, какъ начальникъ и отвѣтственное предъ государствомъ лицо, въ правѣ рекомендовать вниманію верховной власти дѣятельность этого своего вѣдомства, то въ отношеніи къ Церкви такая рекомендація была бы едвали умѣстна... Намъ пріятно, конечно, узнать изъ «Отчета» графа Толстаго, что заботы Церкви «были сосредоточены на выполненіи важнѣйшей ея обязанности—*служить высшимъ интересамъ православія»*, и что она эту обязанность, какъ видно изъ «Отчета», выполняла удовлетворительно. Не можетъ, конечно, не возбуждать нашего интереса и свѣдѣніе, передаваемое «Отчетомъ», что «отъ Церкви требовалось постоянныхъ трудовъ къ возвышенію духа благочестія въ русской, каждый годъ возростающей паствѣ»... Мы съ удовольствіемъ читаемъ, что «Церковь не могла оставаться безучастною къ дѣлу спасенія тѣхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, кои доселѣ еще чужды великихъ благъ единой спасительной вѣры». Намъ утѣшительно видѣть, что и г. оберъ-прокуроръ свидѣтельствуетъ съ своей стороны передъ властью о «всепокоряющей внутренней силѣ содержимой Церковью вселенской истины ученія, каноновъ и учрежденій». Но какъ ни благопріятны, какъ ни лестны, хотя и вполнѣ справедливы, эти отзывы о нашей православной Церкви и ея дѣятельности, мы все же остаемся въ недоумѣніи: на какомъ основаніи находятъ они себѣ мѣсто въ «Отчетѣ» г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода? Если даже и предположить, что оберъ-прокуроръ стоитъ во главѣ «духовнаго вѣдомства», и поэтому аттестація духовнаго вѣдомства лежитъ на его обязанности, то наше недоумѣніе все же не разрѣшается, такъ какъ вышеприведенные отзывы говорятъ именно о Церкви, а не о вѣдомствѣ... Остается допустить только одно: что въ понятіяхъ «Отчета» *Церковь* и *вѣдомство* тождественны... Но едвали такой логическій выводъ не оскорбитъ религіознаго сознанія самихъ вѣдающихъ вѣдомство?

Еще большее недоразумѣніе производитъ заключеніе «Отчета», гдѣ г. оберъ-прокуроръ уже прямо отъ имени Церкви, какъ бы ея

уполномоченный или представитель, свидѣтельствуетъ, что «безгранично обязанная Державному вниманію, Русская Церковь вступила въ новый годъ своего существованія *съ обновленными силами* и съ *большими задатками на дальнѣйшее преуспѣяніе* въ будущемъ». Церковь стоитъ и зиждется внутреннимъ духомъ жизни, и духъ самъ о себѣ свидѣтельствуетъ. Можно молиться о томъ, чтобы благодать Господня осѣнила Русскую церковь, обновила ей силы, ниспослала ей преуспѣяніе, вразумила правящихъ—да право правятъ они слово Божія истины, да различаютъ «царство не отъ міра сего» съ «царствомъ отъ міра», да не явится запустѣніе на мѣстѣ святѣ, да воздавая «кесарево кесареви», воздадутъ «Божія Богови»... Но объявлять силы обновленными и ручаться въ достоинствѣ задатковъ... такая аттестація не удивила бы насъ въ отчетѣ министра Путей Сообщенія, когда дѣло идетъ о будущности желѣзныхъ и иныхъ дорогъ, - но едвали, относясь къ Церкви, она вполнѣ согласна съ смиреніемъ Церкви и умѣстна въ «Отчетѣ» оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Что же касается до выраженія: «Русская Церковь, *обязанная вниманію* Русскаго Государя», то это выраженіе кажется намъ не совсѣмъ точнымъ. Отношеніе Русскаго Государя къ православной Церкви болѣе чѣмъ «вниманіе». Онъ сынъ православной Церкви.

Мы увѣрены, что составитель «Отчета» не посѣтуетъ на насъ за откровенность нашихъ замѣчаній. Все замѣченное нами никакъ не можетъ умалить заслугъ, уже оказанныхъ нѣкоторыми распоряженіями нынѣшняго оберъ-прокурора, во сколько онѣ зависѣли отъ государственной власти, которой онъ представитель. Мы готовы признать, что указанныя нами въ «Отчетѣ» невѣрныя, по нашему мнѣнію, сочетанія понятій, едвали вполнѣ умѣстныя выраженія и неправильныя, съ нашей точки зрѣнія, отношенія къ Церкви—только дань той старинѣ (недавней впрочемъ), отъ которой трудно отдѣлаться сразу. Отъ просвѣщенной дѣятельности графа Толстаго мы многаго ожидаемъ и, кажется, въ правѣ ожидать. Мы ожидаемъ прежде всего, что онъ съ точностью опредѣлитъ настоящее значеніе, объемъ и границы власти оберъ-прокурора по отношенію къ Святѣйшему Синоду, къ церкви и вообще къ такъ называемому «духовному вѣдомству»; что онъ не только покажетъ себя далекимъ отъ притязанія нѣкоторыхъ своихъ предшественниковъ быть если не главой, то *командиромъ* Церкви,—хотя бы и *отцомъ*-командиромъ,—но, напротивъ, употребитъ всѣ усилія къ ограниченію излишняго вліянія государства на ходъ церковныхъ дѣлъ. Отъ просвѣщенной дѣятельности уважаемаго автора «Исторіи католицизма въ Россіи» мы надѣемся постепеннаго освобожденія Русской Церкви отъ того элемента государственности, который проникъ весь ея организмъ, мертвитъ ея собственную самодѣятельность, гаситъ въ ней

тотъ святой пламень, то «горѣніе духомъ», по выраженію Апостола, безъ котораго не возможна никакая «работа Господеви». Отъ просвѣщенной дѣятельности министра народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода мы и надѣемся и ожидаемъ, что онъ, во сколько это отъ него зависитъ, дастъ полный просторъ свѣту науки и вѣры и постарается, хоть мало-по-малу, распутать тѣ узы, которыми государственная попечительность опутала церковную жизнь, движеніе и выраженіе религіозной мысли и свободу совѣсти. Всѣ законы о гражданскомъ преслѣдованіи раскола и иныхъ религіозныхъ заблужденій, всѣ стѣсненія цензурныя въ области слова по вопросамъ вѣры и церкви, всѣ постановленія, дѣлающія изъ служителей алтаря замкнутое сословіе, всѣ огражденія вѣрности духовнымъ обѣтамъ гражданскими наказаніями,—однимъ словомъ, всѣ проявленія государственнаго содѣйствія истинѣ православія и вмѣшательства въ сферу церковную, выразившіяся въ законодательствѣ, должны бы быть, по нашему мнѣнію, подвергнуты строгому пересмотру, измѣненію и частью даже отмѣнѣ. Иниціатива, или лучше сказать, починъ такого прекраснаго дѣла, такого высокаго подвига на благо Русской Церкви можетъ и долженъ принадлежать по праву оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, какъ представителю и какъ орудію государственной опеки надъ Церковью. Вотъ чего мы ожидаемъ отъ просвѣщенной дѣятельности графа Толстаго, и вотъ въ чемъ онъ найдетъ,—мы не сомнѣваемся,—отъ всѣхъ русскихъ людей, сыновъ православной Церкви, самое ревностное себѣ содѣйствіе.

Почему въ православной Россіи не допускается свобода совѣсти?

«Москва», 16-го апрѣля 1868 г.

Въ Лондонѣ появился въ прошломъ году журналъ подъ названіемъ The Orthodox Review» (по-русски: «Православное Обозрѣніе»)—органъ Англичанъ, присоединившихся или чающихъ присоединенія къ православной церкви.—Въ Парижѣ уже болѣе 10 лѣтъ сряду выходитъ періодическое изданіе «Union Chrétienne», основанное Русскими и на русскія деньги, съ цѣлью содѣйствовать тому «соединенію церквей», о которомъ возносится ежедневная молитва въ нашихъ храмахъ, и разъяснять европейскому, преимущественно французскому, обществу истину восточнаго православія. Въ послѣднее время редакторомъ этого русскаго православнаго органа сдѣлался Французъ, бывшій католическій аббатъ, нынѣ православный священникъ, отецъ Владиміръ Гетте;

онъ открыто и рѣзко, въ самомъ Парижѣ, въ столицѣ католической Франціи, какъ на столбцахъ своей газеты, такъ и въ своихъ многочисленныхъ сочиненіяхъ обличаетъ ложь и недуги римскаго церковнаго строя,— и не только открыто и рѣзко, но, главное, *нестѣсненно*... Во Франціи же въ прошломъ году протестантскій пасторъ Бонаръ издалъ свой замѣчательный трудъ, посвященный изслѣдованіямъ о русской церкви,— трудъ добросовѣстный, съ которымъ мы въ свое время познакомили нашихъ читателей. Въ Германіи невозбранно появляются статьи и книги въ защиту православнаго вѣроученія, изъ которыхъ особенно стало извѣстнымъ въ Россіи горячее слово Овербека въ его брошюрѣ, носившей на заглавіи надпись: «Ex Oriente lux!» (Съ Востока свѣтъ!)... Наконецъ за границей же, въ Парижѣ и Лейпцигѣ, увидѣли впервые свѣтъ и знаменитыя три брошюры Хомякова, такъ расширившія кругозоръ православнаго сознанія и православной богословской науки... Каждый годъ пріобрѣтаетъ православная церковь новыхъ чадъ и новыхъ приверженцевъ, и въ Западной Европѣ, и за Океаномъ,—тамъ, въ свободныхъ Американскихъ Штатахъ, гдѣ основались и общества и періодическія изданія въ видахъ изученія восточнаго христіанскаго вѣроисповѣданія и сближенія съ Грекороссійскою церковью.

Не мало утѣшеній доставляли и доставляютъ эти мирныя побѣды слова—всей нашей церкви, отъ высшихъ іерарховъ, отъ Синода и до послѣдняго мірянина. Церковь радовалась и благословляла Бога за эти духовныя стяжанія, за это торжество истины,—за то, что дается, наконецъ, свѣту свободно проникать лучами въ доселѣ неприступную мглу чужаго, иноплеменнаго, отрѣшеннаго отъ непосредственнаго общенія съ нами міра. По какимъ путемъ могли совершиться эти стяжанія? Благодаря чему одержаны эти побѣды? Привѣтствуя съ ликованіемъ дерзновеніе душъ, алкавшихъ правды и познавшихъ путь къ правдѣ,— съ любовью воспринимая на свое лоно всѣхъ новообращенныхъ, внявшихъ ея мирному зову,—что̀ этимъ самымъ освящаетъ и признаетъ церковь?

Не благодѣяніе ли свободы? Не благодаря ли началу «свободы совѣсти», этому существенному условію вѣры, безъ котораго вѣра не есть вѣра,—началу, ставшему краеугольнымъ камнемъ гражданскихъ законодательствъ Европы,—стала возможною въ католическихъ и протестантскихъ земляхъ вольная проповѣдь православія, и вмѣстѣ съ тѣмъ, это стяжаніе душъ? Не въ силу ли этого начала, всѣ заблуждавшіеся, сознавшіе свое заблужденіе, могутъ безпрепятственно придти къ свѣту? Не на это ли право опираясь, подданные Французскаго, Англійскаго, Прусскаго государства дерзаютъ, не подлежа никакимъ преслѣдованіямъ со стороны своихъ правительствъ, громко исповѣдывать, въ средѣ иновѣрнаго міра, обрѣтенную ими истину православія? Не плодами ли

религіозной свободы, допущенной въ иноплеменныхъ и иновѣрныхъ государствахъ, насаждается въ этихъ случаяхъ наша русская церковь и не должна ли поэтому русская церковь возблагодарить и возславить плодотворную силу религіозной свободы?

Но если такъ, то почему же начало свободы, которое оказывается до того плодотворнымъ, что иновѣрцевъ обращаетъ къ истинной вѣрѣ,—признается вреднымъ въ «вертоградѣ» истинной вѣры? Если, благодаря «свободѣ совѣсти», допущенной иностранными законами, свѣтъ истинной церкви сталъ свѣтить и во тьмѣ,—то почему же думають, что эта же свобода, допущенная у насъ, въ Россіи, въ царствѣ свѣта, среди «сыновъ свѣта», обратитъ свѣтъ во тьму, угаситъ свѣтильникъ? Почему же та самая свобода, которою не находитъ предосудительнымъ православная іерархія пользоваться въ чужихъ земляхъ для своихъ мирныхъ пріобрѣтеній, почитается у насъ дома—злымъ, вредоноснымъ началомъ? Почему же, опираясь на начало «свободы совѣсти» для стяжанія иновѣрческой совѣсти, мы сами, дома, не вѣримъ въ русскую совѣсть, не признаемъ за нею права свободы, не требуемъ отъ нея искренняго отношенія къ вѣрѣ, а какъ бы отдаемъ ее въ крѣпостную кабалу «господствующей» церкви? Есть ли во всемъ этомъ логическій смыслъ? Не имѣютъ ли полнаго права иностранныя правительства сказать намъ: если у васъ самихъ нѣтъ религіозной свободы, то и мы не допустимъ у себя свободы по отношенію къ вашей вѣрѣ?

Совращеніе членовъ господствующей церкви въ иновѣрное ученіе—не путемъ насилія, а свободнаго убѣжденія, есть ли само по себѣ, въ существѣ своемъ, дѣяніе преступное? Совершила ли преступленіе русская церковь, когда посягнула на совращеніе католическаго аббата и французскаго подданнаго Гетте въ православіе? Скажутъ ли: нѣтъ, потому только, что французскіе законы не считаютъ этого дѣянія преступнымъ? Однако же такое совращеніе признано преступленіемъ въ Россіи и по государственнымъ законамъ подлежитъ тяжкому наказанію. По этимъ законамъ, отецъ Васильевъ, русскій священникъ при посольствѣ въ Парижѣ, совратившій аббата Гетте, долженъ бы быть подвергнутъ французскимъ судомъ заключенію въ тюрьмѣ или ссылкѣ. (Улож. о нак. ст. 187 и 188). Если же это дѣяніе само по себѣ не преступно, ибо было дѣломъ не насилія, а мирнаго проповѣдыванія со стороны совратителя и искренняго согласія совѣсти со стороны совращеннаго,—то почему же, при тѣхъ же условіяхъ, такое дѣяніе преступно въ Россіи, почему допущены разныя ему оцѣнки и мѣрки? Потому ли, что *наша* вѣра истинная, а всякая другая вѣра—ложная? Но потому именно, что наша вѣра истинная—она и должна быть истинной вѣрой, т. е. свободнымъ изволеніемъ духа, какъ и учитъ православная церковь: она не можетъ требовать отъ своихъ чадъ иного убѣжденія, какъ искренняго,

т. е. вполнѣ свободнаго, а не лицемѣрнаго... Или же въ Россіи отрицаніе религіозной свободы есть требованіе не церкви, а государства, которое не имѣетъ призванія пещись о совѣсти, но для котораго нуженъ прежде всего «порядокъ», и которое считаетъ полезнымъ поддерживать интересы такъ называемой имъ «господствующей церкви» средствами—государству доступными, т. е. тюрьмой, крѣпостью, ссылкой и т. д.? Но если церковь не можетъ отвергнуть принципъ религіозной свободы, или правильнѣе свободы совѣсти, не отрекшись отъ самой себя, ибо все зданіе церкви стоитъ на томъ свободномъ дѣйствіи духа, которое называется вѣрою,—то какимъ же образомъ допускаетъ она, безъ протеста, такое искаженіе этого основнаго, жизненнаго ея принципа—государственными законами? Или же понятіе о церкви Христовой—одно, а о церкви господствующей—другое? Первое есть царство не отъ міра сего, учрежденіе самого Господа, а второе есть учрежденіе чисто земное, политическое, одинъ изъ органовъ отправленія государственной власти? Какъ первое требуетъ свободы для вѣры, зиждется на началѣ любви, а не на страхѣ, не терпитъ ни насилія, ни лицемѣрія—этого непремѣннаго дѣтища всякаго насилія,—такъ второе, напротивъ того, допускаетъ и страхъ и насиліе и не брезгаетъ лицемѣріемъ, лишь бы внѣшняя благовидность вѣры и подчиненность соблюдались во всей полнотѣ, сообразно съ государственными, политическими законами?

Вотъ въ какое безвыходное противорѣчіе мы запутываемся и уже запутались, отступивши разъ отъ начала свободы совѣсти! Кто виноватъ въ этомъ пагубномъ смѣшеніи понятій? Государство ли одно ревниво возстаетъ у насъ противъ свободы совѣсти, или же власть церковная,—то, что̀ въ тѣсномъ смыслѣ слова называютъ у насъ церковью, разумѣя всю совокупность церковнаго правительства, или церковную іерархію? Въ статьѣ о старообрядцѣ Петрѣ Ѳедоровѣ, судившемся за постройку каменнаго молитвеннаго храма,(см. «Москвичъ», 18 №), мы высказали предположеніе, что требованію свободы совѣсти, согласному не только съ закономъ Христовымъ, но и съ сознаніемъ православнаго русскаго народа, не противится и гражданская власть, уже упразднившая многія мѣры преслѣдованія,—но всего болѣе противится духовенство или, правильнѣе,—духовное вѣдомство. Какъ бы въ подтвержденіе нашихъ словъ, два духовныя лица, одинъ игуменъ, другой священникъ, выступили съ протестами противъ нашей статьи,—не противъ приписываемаго нами духовенству нерасположенія къ религіозной свободѣ, а именно противъ заявленнаго нами требованія религіозной свободы! Оба эти обличительные документа напечатаны въ газетѣ «Современныя Извѣстія» съ отвѣтомъ редактора, исполненнымъ жесткой правды...

Понятія, высказанныя сими двумя духовными лицами—господствующія ли въ цѣлой средѣ нашего духовенства? Что они господствуютъ въ

нашемъ законодательствѣ, какъ отраженіе понятій церковной православной среды прежняго времени, въ томъ нѣтъ и спора,—но не наступила ли уже пора къ пересмотру этого законодательства, не должна ли современная пора отразить въ себѣ понятія болѣе просвѣтленныя: ибо человѣчество не стоитъ на мѣстѣ, а, по словамъ апостола, ростетъ «въ мѣру возраста исполненія Христова»?...

«Благо вамъ, что вы первый сказали въ своей газетѣ теплое слово въ защиту русской совѣсти», писали намъ неизвѣстные люди, по прочтеніи № 18 «Москвича»... Русской!... Да именно такъ,—въ Россіи не свободна *только* русская совѣсть... Оттого и коснѣетъ религіозная мысль, оттого и водворяется мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ, и мертвенность духа заступаетъ жизнь духа, и мечъ духовный—слово—ржавѣетъ, упраздненный мечомъ государственнымъ, и у ограды церковной стоятъ не грозные ангелы Божіи, охраняющіе ея входы и выходы, а жандармы и квартальные надзиратели, какъ орудія государственной власти,—эти стражи нашего русскаго душеспасенія, охранители догматовъ русской православной церкви, блюстители и руководители русской совѣсти!...

Нужны ли примѣры? Развертываемъ Сводъ Законовъ и находимъ... Но до другаго раза.

Государственные законы, полицейскій надзоръ и уголовныя кары по дѣламъ религіознымъ.

«Москва», 19-го апрѣля 1868 г.

Въ послѣдній разъ, говоря о свободѣ совѣсти у насъ въ Россіи, мы пришли къ заключенію, что для русской совѣсти еще не наступила свобода. На стражѣ русскаго православія стоитъ государственная власть, съ обнаженнымъ, подъятымъ мечомъ,—«хранительница догматовъ господствующей вѣры и блюстительница всякаго въ святой церкви благочинія»,—готовая покарать малѣйшее отступленіе отъ того церковнаго, ею оберегаемаго «правовѣрія», которое установлено не только изволеніемъ Святаго Духа, вселенскими и помѣстными соборами, святыми отцами и всею жизнью церкви,—но, для большей крѣпости и съ значительными добавленіями, также и Сводомъ Законовъ Россійской имперіи. Приведенныя нами выше подлинныя выраженія заимствованы изъ этого Свода. Возложивъ на себя высокое призваніе ограждать душеспасеніе и руководить самую совѣсть, государственная власть въ Россіи возвела правила соборовъ и святыхъ отецъ на степень гражданскихъ узаконеній и полицейскихъ правилъ, а грѣховныя уклоненія воли отъ послушанія требованіямъ церковнымъ—на степень уголовныхъ преступленій

и проступковъ, предупрежденіе которыхъ и предоставлено ею полиціи во всѣхъ ея видахъ... Болѣе тысячи статей находимъ мы въ Сводѣ Законовъ, опредѣляющихъ покровительство государства церкви и отношеніе полиціи къ вѣрѣ и вѣрующимъ. Онѣ по преимуществу сосредоточены въ XIV томѣ, Сводѣ Уставовъ Полицейскихъ, и именно въ Уставѣ «о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій»—этой полицейской Книгѣ Завѣта. Нельзя не дивиться, читая эту книгу, до какой степени всякое мельчайшее религіозное проявленіе духа уловлено, предусмотрѣно, формулировано въ полицейское правило, расписано по статьямъ, пунктамъ и параграфамъ! Духъ захватываетъ при одной мысли о томъ, до какой тонкости правовѣрія имѣетъ простираться забота полиціи,—до такой степени и до такой тонкости, что многое, по необходимости, ускользаетъ отъ ея бдительности,—чего на сей разъ мы ей, конечно, въ упрекъ не поставимъ... Что̀ бы это было, еслибы все исполнялось!..

Государственная попечительность о правовѣріи воспринимаетъ Русскаго почти отъ рожденія, не покидаетъ его въ теченіи всей жизни и сопровождаетъ до самой могилы. Полицейскій Уставъ, требуя вообще наблюденія за крещеніемъ дѣтей, постановляетъ относительно новокрещенныхъ изъ нехристіанъ особыя подробныя правила, повелѣвая: «внушать имъ, чтобы ходили въ церковь *неотлучно*, а особливо въ воскресные и торжественные, церковные и гражданскіе дни», и проч. (т. XIV, Уст. о пред. и пресѣч. прест., ст. 55). Едва достигнувъ семи лѣтъ, ребенокъ вновь становится предметомъ правовѣрной заботливости государственной власти. XIV томъ Свода Законовъ обязываетъ родителей: «дѣтей обоего пола приводить на исповѣдь, начиная съ семилѣтняго ихъ возраста, ежегодно»,—подъ страхомъ наказанія по закону и возлагая наблюденіе за исполненіемъ «сего священнаго долга» родителями на ихъ гражданскія и военныя начальства (Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, ст. 232, и Уст. о пред. и пресѣч. прест. т. XIV, ст. 24 и 25). Затѣмъ XIV томъ въ томъ же уставѣ распространяетъ то же правило и на взрослыхъ. «Всякій православный,—гласитъ онъ,—долженъ хотя однажды въ годъ исповѣдаться и пріобщаться Святыхъ Таинъ, по обряду христіанскому, въ постъ, или,—прибавляетъ снисходительно полицейскій уставъ, въ иное время». Гражданскимъ и военнымъ начальствамъ также вмѣнено въ обязанность наблюдать за исполненіемъ священнаго долга лицами, имъ подчиненными. Если же кто окажется два или три года небывшимъ на исповѣди и у св. причастія, несмотря на напоминанія начальства и священника, то на сей случай гражданскій законъ опредѣляетъ разныя степени увѣщанія и вразумленія, которымъ имѣетъ подлежать виновный со стороны священника и епархіальнаго архіерея. Не справляясь о томъ, дозволяетъ или нѣтъ уклоняющемуся его совѣсть приступить къ совершенію свя-

таго обряда, государственная власть неумолимо настаиваетъ на исполненіи «священнаго долга». «Кто,—грозитъ она,—не вразумится увѣщаніями, не придетъ *въ раскаяніе* и не исполнитъ долга христіанскаго, о томъ сообщается гражданскому начальству на его усмотрѣніе» (т. XIV, Уст. о пр. и пресѣч. прест., ст. 23 и 27, и Улож. о наказаніяхъ ст. 231). Такимъ образомъ и дома и на службѣ совѣсть русскаго человѣка постоянно ограждается правительственнымъ попеченіемъ о его правовѣріи. Конечно, государственная власть вовсе не требуетъ, чтобъ исполненіе «священнаго долга» было совершено съ надлежащею искренностью: искренно или неискренно,—для нея важно то, чтобъ въ господствующей или государственной церкви соблюдалась такая же внѣшняя дисциплина, какъ и въ сферѣ жизни гражданской. Правда, въ этой послѣдней сферѣ соблюденіемъ внѣшней дисциплины исчерпывается вся задача государственнаго благоустройства,—тогда какъ въ области церкви задача совершенно противоположная, и вся сосредоточена на внутреннемъ содержаніи, а не на внѣшнемъ благоустройствѣ церковной жизни: въ церкви животворитъ только духъ, а буква или внѣшность мертвитъ,—но у насъ обѣ задачи, какъ видно, перемѣшались. Замѣтимъ только, что случаевъ объ отсылкѣ лицъ, открыто отказывающихся отъ *лицемѣрнаго* пріобщенія Св. Таинъ, къ гражданскому начальству или къ суду, почти не встрѣчается.

По не одно это великое дѣло христіанина—причащеніе—нашло себѣ мѣсто въ полицейскомъ уставѣ и въ Уложеніи о наказаніяхъ. Сводъ Законовъ формулируетъ правила и для религіознаго настроенія людей въ домѣ молитвы. «Всѣ должны,—повелѣваетъ онъ,—въ церкви Божіей быть почтительными и входить въ храмъ Божій *съ благоговѣніемъ*, безъ *усилія*» (Уст. о пр. и прес. прест., т. XIV, ст. 3); «предъ иконами стоять такъ, какъ благопристойность и святость мѣста требуетъ» (тамъ же, ст. 6); «во время совершенія службы никакихъ разговоровъ ни чинить, съ мѣста на мѣсто не переходить, и вообще не отвращать вниманія православныхъ отъ службы ни словомъ, ни дѣяніемъ или *движеніемъ*, но пребывать со страхомъ, въ молчаніи, тишинѣ и всякомъ почтеніи» (ст. 7); и далѣе: «во время совершенія божественной службы запрещается прикладываться къ чудотворнымъ мѣстамъ и иконамъ, но исполнять сіе предъ начатіемъ или по окончаніи службы» (ст. 8). Наблюденіе за симъ, какъ и вообще за «миромъ и тишиной въ церкви», полицейскій уставъ возлагаетъ на мѣстную полицію,—однако же, не ограничиваясь симъ, и вѣроятно не считая этого одного достаточнымъ, тутъ же постановляетъ, что «священнослужители съ своей стороны также внушаютъ приличное христіанамъ къ службѣ Божіей благоговѣніе и, сохраняя всю *благопристойность*, наблюдаютъ, чтобы тишина и порядокъ не были нарушаемы приходящими въ храмъ Божій» (ст. 11). Та-

кимъ образомъ видно, что полицейскій уставъ излагаетъ правила не для одной полиціи и мірянъ, но также и для служителей алтаря,—и такимъ образомъ составляетъ нѣкій кодексъ православной нравственности и благочинія, способный замѣнить, во многихъ случаяхъ, и для церковной іерархіи особые законы церкви.

Это отчасти доказывается и слѣдующими статьями XIV тома Свода Законовъ, которыя выражаютъ заботу и о православномъ характерѣ церковнаго благолѣпія. Воспрещаются (сказано въ статьѣ 123) «въ церквахъ православныхъ украшенія излишнія и несвойственныя святости мѣста, нарушающія достодолжное къ дому Господню уваженіе и пристойнѣйшее для онаго благолѣпіе». Равномѣрно воспрещено гражданскимъ закономъ: «изображать на иконахъ одни символическіе (образовательные) знаки, какъ напримѣръ, агнца вмѣсто Христа Спасителя, символическихъ животныхъ вмѣсто Евангелистовъ, а также употреблять въ церквахъ иконы рѣзныя и отливныя, кромѣ Распятія *искусной рѣзьбы* и нѣкоторыхъ другихъ лѣпныхъ изображеній, на высокихъ мѣстахъ поставленныхъ» (Уст. о пред. и прес. прест., ст. 126). Но этого мало: въ радѣніи своемъ о вѣрности не только православію, но даже православному обычаю, государственная власть постановляетъ даже слѣдующій запретъ:

«Въ *домахъ*, кромѣ малыхъ крестовъ и панагій *искусной* рѣзьбы, также отнюдь никакихъ рѣзныхъ и отливныхъ иконъ не держать» (тамъ же, ст. 124).

Какимъ образомъ полагаетъ власть наблюдать за православностью домашняго быта, и на кого возлагаетъ обязанность опредѣлять степень искусства или неискусства рѣзьбы,—Сводъ Законовъ не объясняетъ: если на полицію, то нельзя въ такомъ случаѣ не упомянуть съ признательностью объ ея небрежности въ соблюденіи этихъ правилъ устава, въ противномъ случаѣ «миру и тишинѣ» частныхъ жилищъ грозила бы серьезная опасность. Впрочемъ, ст. 130-я обращается прямо къ священникамъ и вмѣняетъ имъ въ долгъ: «въ селеніяхъ и деревняхъ» наблюдать, чтобы «въ домахъ прихожанъ святыя иконы были содержимы во всякой чистотѣ».

Тотъ же томъ Свода Законовъ опредѣляетъ порядокъ перенесенія иконъ: «Святыя иконы дозволяется, по желанію, приносить изъ церквей въ домы, но не иначе, какъ на рукахъ или *въ карстахъ*» (ст. 22).

Опуская, по необходимости, множество статей, касающихся внѣшняго православнаго благоприличія, замѣтимъ опять, что не всегда не исполняющіе подвергаются полицейскимъ преслѣдованіямъ. Тѣмъ не менѣе возможность преслѣдованія существуетъ и зависитъ лишь отъ произвола полиціи. Впрочемъ, дѣло не въ исполненіи статей, а въ самихъ статьяхъ, выражающихъ, безспорно, покровительство государства

православію, но въ то же время едвали не стѣсняющихъ живую жизнь обычаевъ церкви и народа...

Отъ церковнаго благочинія перейдемъ къ «свободѣ совѣсти» и прослѣдимъ дальнѣйшее развитіе этого начала по нашимъ государственнымъ законамъ.

«Какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ», гласитъ 47 статья XIV тома Устава о пред. и прес. прест., «такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ—запрещается отступать отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую»... «Кто уклонится въ иную вѣру (хотя бы и христіанскую), того отсылать къ суду», говоритъ далѣе статья 49-я. «Обнаруженіе совратившихся отъ православія дѣлается на основаніи общихъ уголовныхъ законовъ объ открытіи преступленій» (ст. 52-я). «За совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе виновный приговаривается» (даже если при этомъ не было ни «принужденія, ни насилія») къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, или же къ отдачѣ въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства до двухъ лѣтъ.

Скорбь, скорбь великая для всякаго православнаго христіанина и для всей церкви—отпаденіе отъ нея одного изъ братьевъ. Ибо это отпаденіе есть въ то же время истинное нравственное паденіе человѣка. Разрывая свое общеніе съ нею, онъ лишаетъ самъ себя ея благодати. Его грѣхъ тутъ же и наказуется. Но не желая смерти грѣшника, церковь, какъ и Христосъ къ грѣшникамъ, приходитъ (по крайней мѣрѣ обязана придти) на помощь къ отпадающему—но не съ грозою гражданской казни, а какъ Христосъ, съ милосердіемъ и любовью. Обличая съ кротостью его заблужденіе, разъясняя ему правду вѣры, церковь не перестаетъ молиться о немъ, да не оскудѣетъ надъ грѣшникомъ долготерпѣніе благости Божіей, въ которой, по словамъ Евангелія, грѣшникъ нуждается еще болѣе чѣмъ праведный,—да озаритъ его снова единый истинный свѣтъ, свѣтъ православія... Но отпаденіе отъ единства церкви есть ли только грѣхъ, или же и гражданское преступленіе? При всей боли, причиняемой намъ вѣроотступничествомъ, гражданскаго преступленія мы здѣсь не усматриваемъ. Какъ ни скорбно отпаденіе отъ церкви, но не менѣе, если не болѣе, прискорбно, когда внутри самой церкви разрывается у сыновъ ея духовное общеніе съ нею—а между тѣмъ разрывъ этотъ скрывается, страха ради меча государственнаго. Грѣхъ гнѣздится въ самой оградѣ церковной, но не вызываетъ даже и врачеванія, а заслоняясь личиной внѣшняго благочестія и преданности вѣрѣ, вноситъ обманъ и ложь въ область правды и «мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ». Что лучше для церкви? Малое, но вѣрное стадо, или же стадо многочисленное, исполненное «волковъ въ одеждѣ овчей»? Но не умалилось бы и стадо,—а пріумно-

жалось бы непрерывно,—еслибъ связь общенія церковнаго зиждилась на живомъ и живительномъ началѣ любви, а не ограждалась страхомъ и содѣйствіемъ внѣшней силы: ибо гдѣ страхъ, тамъ нѣтъ любви, а гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и духа Господня. Можно сказать положительно, что въ настоящее время каждый день совершаетъ церковь множество самыхъ прискорбныхъ, ей неизвѣстныхъ утратъ благодаря именно своей грозной *земной* опорѣ,—ей неизвѣстныхъ, говоримъ мы, ибо измѣнившіе ей продолжаютъ *лицемѣрно* принадлежать къ сонму вѣрныхъ,—и лицемѣріе это плодится не чѣмъ инымъ, какъ боязнью государственной кары. Такимъ образомъ законъ гражданскій невольно, вмѣсто охраненія церкви, только растлѣваетъ ея духовную цѣлость. Если церковь вѣруетъ въ свою внутреннюю духовную силу, то не нуждается она въ содѣйствіи земной силы. А если нуждается, то не свидѣтельствуется ли симъ недостатокъ дерзновенія вѣры?... А если проявляется недовольное дерзновеніе вѣры со стороны оффиціальныхъ охранителей вѣры, то какъ же остановить и въ обществѣ тотъ духъ невѣрія, которымъ обуреваются совѣсти—оскорбленныя въ своемъ святомъ правѣ свободы?...

Мы могли бы, для болѣе полной характеристики отношенія государства къ православной господствующей вѣрѣ, привести и еще нѣсколько статей изъ того же Свода полицейскихъ уставовъ, но отлагаемъ это до другаго раза.

Отвѣтъ М. П. Погодину по вопросу государственнаго огражденія Церкви.

«Москва», 27-го апрѣля 1868 г.

«Объявите вашу свободу совѣсти,—ну половина православныхъ крестьянъ и отойдетъ, пожалуй, въ расколъ, потому что не понимаетъ православія и увлечется выгодами, которыя имъ предложатъ раскольники, также не понимающіе сущности вѣры. Объявите вашу свободу совѣсти,—ну половина нашихъ барынь, вслѣдъ за живущими въ чужихъ краяхъ Голицыными, Трубецкими, Гагариными, Бутурлиными, Воронцовыми и прочими, и бросятся въ объятія прелестныхъ аббатовъ»... Такъ говоритъ, обращаясь къ намъ многоуважаемый издатель газеты «Русскій», и мы искренно признательны ему за его замѣтку. Мнѣніе или недоумѣніе, выраженное М. П. Погодинымъ, принадлежитъ не ему одному, а едвали не большинству русскаго общества, и мы рады, что, высказанное въ печати, оно даетъ намъ поводъ и даже обязываетъ насъ разъяснить нашу собственную мысль полнѣе и убѣдительнѣе.

Надо признаться, что не слишкомъ лестнаго мнѣнія почтенный редакторъ «Русскаго» о русскихъ барыняхъ, о русскомъ народѣ, да и о самой внутренней притягательной силѣ православія, оказывающейся несостоятельною безъ помощи полицейской. Не высокаго мнѣнія русское общество, гласящее устами нашего историка, о самомъ себѣ! Какую картину рисуетъ намъ М. П. Погодинъ, какое положеніе церкви? Что свидѣтельствуется его словами? То, что цѣлая половина ея членовъ, половина русскихъ крестьянъ, половина женщинъ русскаго образованнаго общества только по наружности принадлежатъ православной церкви и удерживаются въ ней только страхомъ государственнаго наказанія... Такъ это положеніе нашей церкви? Таково, стало-быть, ея современное состояніе? Недостойное состояніе, не только прискорбное, но и страшное! Какой преизбытокъ кощунства въ оградѣ святыни, лицемѣрія вмѣсто правды, страха вмѣсто любви, растлѣнія при внѣшнемъ порядкѣ, безсовѣстности при насильственномъ огражденіи совѣсти,—какое отрицаніе въ самой церкви всѣхъ жизненныхъ основъ церкви, всѣхъ причинъ ея бытія, ложь и безвѣріе тамъ, гдѣ все живетъ, есть и движется истиною и вѣрою, безъ нихъ же въ церкви «ничтоже бысть»!.. Однакожъ не въ томъ главная опасность, что закралось зло въ среду вѣрующихъ, а въ томъ, что оно получило въ ней *право гражданства*, что такое положеніе церкви истекаетъ изъ положенія, созданнаго ей государственнымъ закономъ, и такая аномалія есть прямое порожденіе нормы, излюбленной для нея и государствомъ, и самимъ нашимъ обществомъ. Если судить по замѣткѣ «Русскаго», то это уже не «малое, но вѣрное стадо», а стадо великое, но невѣрное, котораго «пастыремъ добрымъ»—полиція насильно, дубьемъ, загоняющая овецъ въ стадо!.. Соотвѣтствуетъ ли такой образъ церкви образу церкви Христовой?

Если же не соотвѣтствуетъ, то она уже не есть Христова,—а если не Христова, то что же она? Ужь не государственное ли только учрежденіе, полезное для видовъ государственныхъ,—какъ и смотрѣлъ на нее Наполеонъ, признававшій, что религія—вещь для дисциплины нравовъ весьма пригодная? Но отъ такого воззрѣнія на церковь конечно отпрянетъ всякій православный, и первый же «Русскій». А между тѣмъ такое воззрѣніе есть необходимый логическій выводъ изъ его же основнаго положенія, изъ предъявленныхъ «Русскимъ» же требованій. Дѣло въ томъ, что церковь есть такая область, гдѣ никакое искаженіе нравственной основы допущено быть не можетъ, и тѣмъ болѣе въ принципѣ, гдѣ никакое отступленіе отъ жизненнаго начала не остается и не можетъ остаться безнаказаннымъ,—гдѣ, если солгано, то солгано уже «не человѣкамъ, а Духу». Если церковь не вѣрна завѣту Христову, то она есть самое безплодное, самое анормальное явленіе на землѣ,

заранѣе осужденное словомъ Христовымъ. Только вѣрная завѣту, только о Христѣ даетъ она живой плодъ,—и гнилъ всякій плодъ церкви—невѣрной завѣту. «Яко розга не можетъ сотворити плода о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете», сказалъ Христосъ своимъ ученикамъ, т. е. новонасажденной имъ церкви. А чему обрекаетъ себя розга, не творящая плода, не пребывающая на лозѣ—доказывать нечего...

Пребывать во Христѣ значитъ пребывать вѣрнымъ его завѣту, а не сказалъ ли Христосъ, что «царство Мое не отъ міра сего»? Если не отъ міра сего, то не можетъ оно быть обращено въ царство отъ міра—въ царство земное, въ учрежденіе государственное. Не сказалъ ли Христосъ: «Божіе Богови и кесарево кесареви»? Спрашивается: вѣра есть дѣло «кесарево» или «Божіе»? А такъ какъ вѣра есть свободное дѣйствіе духа,—самое свободное, какое существуетъ, безъ котораго и вѣра не есть вѣра, а нѣчто подобное «розгѣ», на лозѣ не пребывающей и изсыхающей; такъ какъ, однимъ словомъ, вѣра есть движеніе къ Богу самой совѣсти человѣка,—то опять спрашиваемъ: совѣсть, какъ основаніе вѣры, есть ли «Божіе» или «кесарево»? Далѣе церковь,—это тѣло Христа, по выраженію апостола,—есть ли «Божіе» или «кесарево»? Отвѣтъ на это, несомнѣнно, одинъ: все это Божіе, а не кесарево, а подъ словомъ «кесарево» разумѣется здѣсь вся область государственная. Если таковъ прямой завѣтъ Христа, то какимъ же образомъ М. П. Погодинъ настаиваетъ на томъ, чтобы несомнѣнно «Божіе» было не Богови, а «кесареви»,—чтобы за правильностью вѣры забота принадлежала «кесареви», т. е. государству? Если «кесареви» или государству поручена будетъ опека надъ вѣрою, религіозною совѣстью и тѣломъ Христа—церковью, однимъ словомъ, надъ «Божіимъ», то вѣдь Божіе будетъ уже не Богови, а «кесареви», или, выражаясь знакомымъ М. П. Погодину языкомъ старыхъ грамотъ, *тянутъ* уже не къ Богу, а къ государству. А если такъ, то не искажается ли симъ въ церкви завѣтъ Христовъ? А если искажается, если церковь измѣняетъ въ самомъ основномъ своемъ принципѣ Христову завѣту,—то не отрекается ли она симъ отъ самой себя, отъ собственной причины бытія, не осуждаетъ ли она сама себя на мертвенность и безплодіе?

И въ самомъ дѣлѣ, даже не приводя, какъ выражаются наши старообрядцы, «доказательствъ отъ Писанія», ясно и несомнѣнно, что государственная опека ослабляетъ и искажаетъ, въ самомъ ея характерѣ, внутреннюю самодѣятельность церкви, -что, при защитѣ правовѣрія и цѣлости Христова стада мечомъ государственнымъ, упраздняется мечъ церковный. Церковь немыслима препоясанная мечомъ государственнымъ—символомъ принужденія и насилія; ея един-

ственный мечъ—слово Божіе, предполагающее свободное убѣжденіе и свободную совѣсть.

Не налагай на правду Божью
Гнилую тяжесть латъ земныхъ,

сказалъ нашъ поэтъ,—а что же такое эта опека надъ церковью, какъ не тяжесть латъ земныхъ,—гнилая потому, что все земное, конечное, ограниченное пространствомъ и временемъ—условно, преходяще и гнило. Государственная опека вводитъ начало внѣшней, наружной, формальной правды, государству единственно доступной, въ такую область, которая, какъ мы сказали, можетъ быть жива только правдою внутреннею, нравственною, слѣдовательно началомъ совершенно противоположнымъ. Государственная опека по необходимости стремится замѣнить организмъ механизмомъ и живыя отправленія органическія—механическою правильностью. Государственная опека усыпляетъ бодрствованіе и бдительность церкви. Опираясь на полицію, церковь какъ бы признаетъ недостаточность, неблагонадежность своей опоры—опоры Божіей,—другими словами, отрицаетъ ее. Опираясь на полицію, она уже перестаетъ, тѣмъ самымъ, опираться на опору Божію, ибо эта послѣдняя такого свойства, что только тогда и служитъ опорой, когда на ней одной зиждется зданіе,—подобно тому, какъ не можетъ быть иного кумира развѣ Бога, нельзя ставить кумира рядомъ съ Богомъ: это значило бы или кумира возводить въ Бога, или Бога низводить на степень кумира...

Взглянемъ на дѣло и съ другой стороны. Требованіе свободы совѣсти въ церкви признается у насъ, какъ видятъ читатели, чуть ли не посягательствомъ на цѣлость церкви, нарушеніемъ ея правъ на государственную защиту. Но не полнѣйшая ли свобода совѣсти лежала въ основаніи церкви апостольской и первыхъ трехъ вѣковъ христіанства? Не росла ли и разцвѣтала пышнымъ цвѣтомъ эта церковь, не только не подъ защитою кесаревой, но при гоненіяхъ кесаревыхъ? Могло ли даже вмѣститься въ понятія истинно-вѣрующихъ, въ тѣ первые три вѣка, что для церкви необходима внѣшняя принудительная власть, которая бы загоняла овецъ въ стадо Христово и держала ихъ въ овчемъ дворѣ, какъ въ тюрьмѣ?.. Многоуважаемый редакторъ «Русскаго» говоритъ: «На *извѣстной* высотѣ сознанія, развитія,—о, кто будетъ оспаривать святость правила о свободѣ совѣсти!» Сталобыть, въ первые три вѣка христіанства, когда святость правила о свободѣ совѣсти находила полное себѣ примѣненіе, и никто этой святости и не оспаривалъ,—христіанское человѣчество стояло на высшей степени сознанія и развитія, чѣмъ въ наше время? Выходитъ такъ. Когда же это христіанское человѣчество, или когда же церковь спусти-

лась съ высоты той степени «сознанія и развитія», при которой, въ теченіи первыхъ трехъ вѣковъ, была умѣстна свобода совѣсти? Не съ того ли самаго времени, какъ «Божіе» отдало себя подъ покровительство кесарево, стало «кесареви», а не «Богови»? Не съ того ли самаго времени, какъ церковь получила «права» и внесла въ свою жизнь начало государственное, мѣру государственную, и на правду Божью, по выраженію Хомякова, налегла «Тяжесть латъ земныхъ»? Не съ того ли времени, какъ вѣра стала повѣряться вѣрностью вѣсовъ государственныхъ? Не съ того ли времени, какъ въ сферу церкви, въ сферу духа вторглось преобладаніе «буквы», «письма», т. е. формализма—внѣшняго, государственнаго закона? и не долженъ ли былъ этимъ преобладаніемъ убиваться духъ—тамъ, въ той области, для которой именно сказано слово, что буква мертвитъ, а духъ животворитъ?

Но требованіемъ «свободы совѣсти», возражаютъ намъ, вы отворяете настежь дверь всякимъ соблазнамъ;—всякимъ волкамъ въ одеждѣ овчей, которые придутъ и расхитятъ стадо. Нѣтъ, мы только будимъ спящихъ пастырей стада, призываемъ ихъ стать самимъ на стражѣ, смѣнивъ полицейскую стражу,—призываемъ на борьбу съ соблазнами, на ту борьбу, которая одна и въ силахъ ихъ побѣдить. Никакая полиція не оградитъ церковь отъ соблазна; ее можетъ оградить только ея собственный мечъ—слово Божіе,—и требованіе свободы совѣсти есть не что̀ иное какъ требованіе, чтобы вынутъ былъ изъ ноженъ, обнажился и снова изощрился сей мечъ—заброшенный, заржавленный и притупленный. Взявъ на себя огражденіе церкви отъ натиска видимыхъ соблазновъ, государственная власть безсильна однако же оградить ее отъ внутренняго растлѣнія, которое не отъ чего другаго и происходитъ, какъ отъ вторженія въ «царство не отъ міра сего», въ область Божію, начала мірскаго, внѣшняго,—мертвящей буквы, вмѣсто животворящей силы духа. Этой силы животворящей не дастъ никакая сила государственная, и безъ этой силы животворящей церковь безсильна,—хотя бы всѣ силы земныя стеклись на ея защиту... Соблазны! Но 15 милліоновъ нашихъ старообрядцевъ, сектантовъ раскольниковъ, не краснорѣчиво ли свидѣтельствуютъ о несостоятельности всякой полицейской опеки въ дѣлѣ совѣсти и въ вопросахъ вѣры! Не старая ли истина, что гоненія на вѣру только усиливаютъ ея притягательную власть, раздуваютъ религіозную искру до лютаго пламени и религіозное убѣжденіе до фанатизма? Слѣдовательно, гдѣ же практическая польза отъ полицейскаго стѣсненія совѣсти? Даже съ внѣшней, утилитарной, даже съ государственной точки зрѣнія не оказывается никакой выгоды въ полицейской опекѣ. Соблазны!.. Не читали ли мы всѣ, недавно, объясненіе пастора одной изъ нашихъ южныхъ нѣмецкихъ колоній по поводу секты *штундовцевъ*, въ которую обратилось

уже нѣсколько сотъ русскихъ крестьянскихъ семействъ, и которой особенность для насъ, Русскихъ, заключается преимущественно въ томъ, что русскіе мужики, не понимая славянской, читаютъ нѣмецкую Библію, заставляя ее себѣ переводить, поютъ нѣмецкіе псалмы и отличаются безукоризненно-чистою жизнью? Какъ извѣстно, русская полиція, ограждая правовѣріе, засадила этихъ «штундовцевъ» въ острогъ, въ качествѣ гражданскихъ преступниковъ (вполнѣ ли это согласно съ теоріей «Русскаго»?), и производитъ надъ ними слѣдствіе. Пасторъ,— объясняя, что «штунда» не есть особая секта, а только выраженіе потребности вѣрующихъ стать въ болѣе непосредственное, живое и живительное общеніе съ Христомъ независимо отъ оффиціальной церкви,— доказываетъ, что для совращенія православныхъ въ союзъ штундовцовъ никогда не употреблялось никакихъ соблазновъ, ни даже проповѣдей. Въ нее соблазнялись люди только *житіемъ* самихъ штундовцевъ, примѣромъ ихъ чистыхъ нравовъ, рядомъ съ безнравственностью православныхъ прихожанъ, которымъ православные священники, полагаясь на силу полицейской опеки, не позаботились даже ни разу преподать знаніе молитвы Господней... Ужь не нужно ли, для предупрежденія соблазновъ, воспретить иновѣрцамъ честное и чистое житіе и заставить ихъ не отличаться нравственностью отъ послѣдователей господствующей и покровительствуемой государствомъ «кесаревой» церкви? А между тѣмъ для насъ несомнѣнно, что истина только въ православномъ ученіи,—и потому-то такъ и нужно для нашей церкви обновленіе и возрожденіе въ духѣ Христа и въ свободѣ Христа! Но никакая внѣшняя сила въ мірѣ не можетъ исправить запустѣнія на мѣстѣ святѣ,—напротивъ, она и производитъ это запустѣніе, ибо мертвитъ, глушитъ, сушитъ и душитъ всякую духовную производительность. Для этой производительности единое есть на потребу—свобода, которая для нея то же, что̀ воздухъ и свѣтъ для всякой земной растительности.

Что̀ выражается требованіемъ свободы совѣсти? Для кого и для чего оно нужно? Для торжества ли лживыхъ и суевѣрныхъ ученій? Выражается ли этимъ требованіемъ сострадание къ расколу или простое увлеченіе современными либеральными требованіями цивилизаціи, прогресса и проч.? Ничуть не бывало. До цивилизаціи и прогресса намъ и дѣла нѣтъ, ибо превыше всякой цивилизаціи и прогресса идеалъ препоставленный человѣчеству Христомъ, и требованіе свободы совѣсти опирается лишь на самомъ словѣ Божіемъ. Требованіе свободы совѣсти— есть требованіе свободы для самой церкви,—эта свобода необходима для ея собственной жизни духа, для ея торжества, для ея побѣдъ. Свобода совѣсти—значитъ возвращеніе «Божіяго Богови» и «кесарева кесареви»,—значитъ свобода отъ опеки государственной. А свобода отъ

опеки государственной есть свобода отъ «гнилой тяжести латъ земныхъ»—другими словами, отъ удушливыхъ объятій земнаго, полицейскаго покровительства. Въ какой степени свобода совѣсти, слѣдовательно и свобода самой нашей русской православной церкви стѣснена полицейской опекой,—въ какой степени проникла въ нее стихія государственная,—это мы уже отчасти показали въ нашихъ статьяхъ и полагаемъ посвятить этому вопросу не одну статью, равно какъ и вопросу о государствѣ—какъ внѣшнемъ выраженіи народнаго духа и православнаго общества. Теперь же въ заключеніе скажемъ только, что мы вполнѣ понимаемъ, какъ важны и святы предметы, о которыхъ мы позволили себѣ разсужденіе,—какъ должна казаться дерзновенною наша рѣшимость толковать въ журнальныхъ статьяхъ о вопросахъ, касающихся нашей святой церкви. Но развѣ не столь же дерзновенно (а по нашему мнѣнію, еще дерзновеннѣе) требовать государственнаго вмѣшательства въ церковь и полицейской опеки надъ совѣстью и вѣрой, требовать хоть бы церковной цензуры для частныхъ религіозныхъ мнѣній, какъ и требовать свободы совѣсти и ограждать свободу церкви отъ узъ и путъ полицейскаго покровительства?

«Идѣже духъ Господень—ту свобода», и. гдѣ нѣтъ свободы, тамъ нѣтъ и духа Господня. Позволительно ли желать, чтобы пребылъ съ церковью духъ Господень?...

О томъ, что церковь должна дѣйствовать на совѣсть и убѣжденіе не матеріальнымъ, а духовнымъ орудіемъ.

«Москва», 1-го августа 1868 г.

Насиліе въ дѣлѣ вѣры нашло себѣ защитниковъ въ средѣ служителей вѣры... Можно было предполагать, что практика насилія существуетъ у насъ безъ участія церкви или по крайней мѣрѣ вопреки церкви; что если она и терпится нашими духовными властями, какъ требованіе государственнаго закона, то уже никакъ не пользуется ихъ сочувствіемъ. Но ни въ какомъ случаѣ нельзя было ожидать, чтобы практика насилія могла быть оправдываема теоретически, возводима въ церковное начало и даже предъявляема, какъ справедливое требованіе церкви—со стороны предстоятелей церкви и алтаря Христова. А между тѣмъ, это-то именно и случилось, едва лишь былъ поставленъ въ нашей періодической литературѣ вопросъ о «свободѣ совѣсти», или, что̀ одно и то же, о насиліи въ дѣлѣ вѣры: насиліе есть только обратная сторона вопроса, и враждующій противъ начала свободы совѣсти защищаетъ насиліе. Нѣтъ ничего знаменательнѣе и въ то же время при-

скорбнѣе отношенія нашего духовенства къ этому вопросу. Безъ всякаго сомнѣнія, не всѣ въ средѣ духовенства судятъ о немъ такъ, какъ тѣ духовныя лица, которыя удостоили наши статьи печатнаго возраженія, но едвали,—говоримъ съ глубокимъ сожалѣніемъ,—не большинство нашихъ пастырей, на всѣхъ степеняхъ служенія, относится къ самой мысли о правахъ совѣсти съ такою же враждебностью и съ такимъ же раздраженіемъ, какъ и наши почтенные возражатели. Очевидно, что такое явленіе не есть случайное, и что воззрѣніе, противопоставленное намъ духовными противниками свободы духа, принадлежитъ не только каждому изъ нихъ лично, а духовному сословію вообще, исходитъ не изъ личнаго только образа мыслей, а изъ общаго строя понятій о церкви и объ отношеніи ея къ государству, привитыхъ исторіей нашей церковно-іерархической средѣ. Дѣйствительно, такое воззрѣніе коренится въ глубинѣ вѣковъ. Не принимая на себя обязанности изслѣдовать его генеалогію и предоставляя такую задачу нашимъ молодымъ ученымъ писателямъ, мы коснемся ходячихъ у насъ понятій о церкви и государствѣ—въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Но обращаясь къ самому понятію о свободѣ совѣсти, скажемъ предварительно, что воззрѣніе, отметающее эту свободу, какъ бы ни коренилось оно въ исторической жизни, ни въ какомъ случаѣ не коренится ни въ духѣ, ни въ ученіи нашей православной церкви.

Да и можетъ ли быть иначе? Духъ православной церкви—духъ Св. Евангелія; ученіе церкви есть только раскрытіе сторонъ этого духа, а совмѣстны ли съ этимъ духомъ—лицемѣріе, ложь, грубое внѣшнее насиліе? Что-жъ такое заключаетъ въ себѣ понятіе о свободѣ совѣсти, какъ не понятіе объ искренности вмѣсто лицемѣрія и, въ этомъ смыслѣ, о правдѣ вмѣсто лжи? Что же выражаетъ требованіе свободы совѣсти, какъ не призывъ, обращенный къ церкви, чтобы въ дѣлѣ вѣры дѣйствовала она на совѣсть не посредствомъ насилія, а убѣжденія, не посредствомъ орудій вещественныхъ, а духовныхъ. Церковь есть «собраніе вѣрующихъ», — вѣрующихъ *искренно*: вѣдь такъ, конечно, а не иначе понимаетъ и духовенство? Вѣдь не позволитъ же оно сказать: церковь есть собраніе вѣрующихъ *лицемѣрно?* Вѣра лицемѣрная не есть вѣра,—съ этимъ не станутъ спорить и наши оппоненты: эти два понятія взаимно себя исключаютъ, ибо понятіе о вѣрѣ есть понятіе о самомъ искреннемъ дѣйствіи человѣческаго духа. Но можетъ ли быть искренность безъ свободы? Не вмѣщаетъ ли уже въ себѣ понятіе объ искренности понятія о свободѣ?... Не всякое, конечно, свободное вѣрованіе и правильно и истинно по своему содержанію. Но если человѣкъ способенъ и заблуждаться вполнѣ чистосердечно и искренно,—то истинное вѣрованіе тѣмъ не менѣе немыслимо безъ искренности и чистосердечія, или иначе—безъ свободы. Гдѣ нѣтъ свободной совѣсти, тамъ

нѣтъ и искренности; гдѣ нѣтъ искренности, тамъ нѣтъ и *вѣры*—ни правой, ни неправой... Итакъ, если вѣра есть самое искреннее, слѣдовательно самое свободное дѣйствіе человѣческаго духа,—съ чѣмъ, надѣемся, согласятся и всѣ полемизирующія съ нами духовныя особы, то стало быть, наоборотъ, *не*искренность или *не*свобода не можетъ служить истиннымъ основаніемъ «вѣры»,—той вѣры, на которой зиждется, ради которой существуетъ и церковь,—а можетъ служить основаніемъ лишь безвѣрію, лицемѣрію и лжи. Если такъ, то какимъ же образомъ церковь можетъ желать для себя именно послѣдняго основанія? А не это ли именно желаніе, и даже въ видѣ требованія, предъявляютъ теперь, отъ имени церкви, наши противники изъ духовной среды, когда настаиваютъ на томъ, чтобы всякое разномысліе съ церковью было наказываемо гражданскимъ закономъ, чтобы отпадающіе отъ церкви были возвращаемы въ ея лоно насиліемъ полицейской власти, чтобы принадлежность къ церкви—«собранію *вѣрующихъ*»—основывалась не на свободной, искренней и чистосердечной вѣрѣ въ истину, а на страхѣ уголовной кары? Не за лицемѣріе ли и ложь стоятъ, въ непонятномъ ослѣпленіи, наши противники, когда добиваются для церкви права дѣйствовать на свободную совѣсть человѣка не только мечомъ духовнымъ, т. е. убѣжденіемъ и словомъ, но и «мечомъ гражданскимъ», или, выражаясь попросту, палкой и кулакомъ? Но вѣдь въ такомъ случаѣ церковь уже не будетъ «собраніемъ вѣрующихъ», но невѣрующихъ, загнанныхъ въ ея среду насильственно и пребывающихъ въ ней лицемѣрно?... И замѣтьте: это не то лицемѣріе, которое само вкрадывается въ область церкви, безъ вѣдома пастырей, какъ тайная измѣна,—это будетъ уже вынужденное лицемѣріе, признанное, вызванное и созданное въ средѣ церкви самимъ духовенствомъ, или лучше—тѣми, которые добровольно отвергаютъ необходимость свободы, т. е. искренности и чистосердечія, для вѣры.

Ради чего же вносится такое противорѣчіе въ жизнь церкви съ тѣмъ, что̀ составляетъ въ ней самую основу жизни, безъ чего она немыслима, въ чемъ заключается причина ея бытія? Ради чего это искаженіе ея духовной природы? «Ради огражденія единства и цѣлости церкви»—вотъ что̀ слышится обыкновенно въ отвѣтъ. Но не есть ли это огражденіе чисто мнимое? Тамъ, гдѣ нѣтъ живаго внутренняго единства и цѣлости, тамъ внѣшность единства и цѣлости церкви можетъ держаться только насиліемъ и обманомъ. Какую же выгоду приноситъ церкви такое насильственное и обманное соблюденіе внѣшности? Не только не ограждаетъ оно дѣйствительнаго единства и цѣлости, но, напротивъ, губитъ единство и цѣлость, подтачивая самый корень церкви внутреннимъ противорѣчіемъ съ ея жизненными, нравственными основами. Такое внутреннее разъѣдающее противорѣчіе, при всемъ соблю-

денія наружнаго единства и цѣлости, скажутся наконецъ полнѣйшимъ оскудѣніемъ нравственной силы и духовной жизни въ церкви. Не должно забывать, что въ святой области церкви ни малѣйшее отступленіе отъ внутренней нравственной правды не остается безнаказаннымъ, т. е. всякое такое отступленіе неминуемо и непреложно сопровождается разрушительными для церкви послѣдствіями, ибо посягаетъ на самое ея духовное основаніе. Здѣсь, въ церкви, въ противоположность съ областью государственною, все дѣло въ содержаніи, а не въ формѣ, т. е. въ правдѣ внутренней, а не формальной или внѣшней, которой выраженіемъ служитъ государство. Государство, напримѣръ, требуетъ и имѣетъ право требовать отъ своихъ подданныхъ строгаго формальнаго соблюденія государственнаго закона,—соблюденія и только,—какъ бы они тамъ о законѣ ни думали, какъ бы ни отрицали его пригодность или правильность. Но что̀ пользуетъ церкви, напримѣръ, формальное наружное соблюденіе церковныхъ обрядовъ людьми отрицающимися ихъ въ глубинѣ своей совѣсти и исполняющими ихъ только изъ страха государственныхъ уголовныхъ наказаній? Составляютъ ли силу церкви такіе ея члены? Ограждается или разрушается здѣсь, въ дѣйствительности, единство и цѣлость?

Странное дѣло! Едвали не во всѣхъ полемическихъ противъ латинской церкви сочиненіяхъ, исходящихъ изъ-подъ пера нашихъ духовныхъ писателей, въ ихъ статьяхъ и ученыхъ трактатахъ, встрѣчаются краснорѣчивыя выходки противъ «ужасовъ испанской св. Германдады», противъ «костровъ инквизиціи» и т. д. Но начало, лежавшее въ основаніи инквизиціи, не то ли же самое, за которое ратуютъ теперь наши возражатели? Не во имя ли «соблюденія единства и цѣлости церкви» подвизалось это средневѣковое учрежденіе? Не свободѣ ли совѣсти объявляло оно войну? Мы желали бы знать: что̀ же въ инквизиціи подвергается осужденію со стороны нашихъ духовныхъ литераторовъ: жестокость ли наказаній и грубость пріемовъ, или самое основное начало, т. е. начало, допускающее насиліе въ дѣлѣ вѣры? Если только жестокость и грубость, то, стало-быть, замѣнивъ костры, висѣлицы, пытки болѣе мягкими наказаніями, а пріемы инквизиціи болѣе гуманными цивилизованными формами открытаго розыска и суда, сообразно условіямъ нашего времени,—они съ самимъ основнымъ принципомъ римско-католической инквизиціи примириться готовы??... Такъ ли это? Пусть отвѣтятъ на нашъ вопросъ откровенно и прямо... Если же они отвергаютъ не только средневѣковую жестокость и грубость наказаній и пріемовъ (которые были только проявленіемъ средневѣковыхъ понятій и нравовъ), но и самый принципъ въ его основаніи, то не впадаютъ ли они въ противорѣчіе сами съ собою, отстаивая противъ насъ, во имя церкви, начало внѣшняго насилія въ дѣлѣ вѣры и отметая свободу совѣсти? Ибо

не то же ли самое начало, лежащее въ основаніи латинской инквизиціи и ими осуждаемое, является и у насъ, въ практическомъ примѣненіи къ русской церкви, съ замѣною костровъ и прочихъ ужасовъ—Сибирью, арестантскими ротами или тюрьмою, и съ замѣною пріемовъ инквизиціи — какимъ-нибудь «сообщеніемъ духовнаго начальства» свѣтской власти о томъ, что «такой-то Петръ Ѳедоровъ уклонился въ старообрядческій расколъ и построилъ молельню, почему-де и благоволитъ свѣтская власть подвергнуть его «законному уголовному наказанію, для блага церкви».

«Церковь свята и едина», «церковь есть истина!» — восклицаетъ, возражая намъ, одна духовная особа. Да; но именно потому, что церковь (въ высшемъ значеніи этого слова) свята, она и должна чуждаться всего, что съ святостью несовмѣстно; именно потому-то, что она едина, она и не можетъ терпѣть, въ своей средѣ, совѣсти съ нею разъединенной и лишь насильственно удерживаемой; потому-то, что она есть истина, она и требуетъ истины въ отношеніяхъ къ себѣ и дѣйствуетъ истиною.... Церковь есть истина, а насиліе—ложь.

Свобода совѣсти—самая стихія и условіе жизни Православной Церкви.

«Москва», 2-го августа 1868 г.

Нельзя не сожалѣть, что статьи о свободѣ совѣсти, появившіяся въ нынѣшнемъ году въ нашей журналистикѣ, не подверглись, со стороны нашей духовной среды, никакому серьезному обсужденію. Мы не можемъ назвать серьезными тѣ замѣтки, которыя, по поводу ихъ, были помѣщены въ нѣкоторыхъ духовныхъ и недуховныхъ періодическихъ изданіяхъ. Конечно, эти замѣтки важны для насъ тѣмъ, что обличаютъ точку зрѣнія на свободу совѣсти, если не всего духовенства, то по крайней мѣрѣ самихъ авторовъ—духовныхъ лицъ. Мы въ первый разъ встрѣтились въ нашей печати съ защитой насилія въ дѣлѣ вѣры— отъ имени и во имя церкви. Но, къ сожалѣнію, защитники, вмѣсто опроверженія доводовъ, вмѣсто отвѣта на вопросы, поставленные довольно ясно и точно, обрушиваются на своихъ противниковъ съ запальчивыми и безцеремонными обвиненіями въ безвѣріи, въ религіозномъ индифферентизмѣ, въ умышленномъ оскорбленіи достоинства служителей церкви. Такъ г. Н. П. въ статьѣ г. редактора «Современныхъ Извѣстій» (по поводу писемъ игумена Парѳенія и священника І. В.) нашелъ только глумленіе надъ духовенствомъ и «сочувствіе къ расколу»! (см. 12 № «Русскаго» за іюль сего года). Таковой же силы его возра-

женія и нашимъ статьямъ. Во всѣхъ этихъ выходкахъ, въ этомъ гнѣвѣ и раздраженіи, мы не можемъ не признать значительной доли недоразумѣнія; поэтому-то такъ и нужно было бы объясниться. Очевидно, что вопросъ о свободѣ совѣсти не былъ даже и постановленъ въ нашемъ общественномъ сознаніи; не было даже и надлежащихъ попытокъ къ его теоретическому разрѣшенію, такъ что, поднятый теперь въ литературѣ и въ жизни, онъ засталъ почти всѣхъ насъ врасплохъ. Между тѣмъ вопросы толпятся одинъ за другимъ. Невозможно долѣе, съ прежнею безпечностью, пробавляться господствующею у насъ неопредѣленностью и путаницею ходячихъ понятій,—и такъ какъ вопросъ о свободѣ совѣсти стоитъ на очереди, то разработка его и оказывается настоятельно нужною. Потому-то мы рады и тѣмъ скуднымъ возраженіямъ на наши статьи, какія появились въ печати. Самымъ краснорѣчивымъ образцомъ упомянутаго нами недоразумѣнія является, по нашему мнѣнію, письмо одной «почтенной духовной особы», какъ выражается многоуважаемый редакторъ «Русскаго», помѣщенное въ томъ же 12 № этой газеты. Сказавши, что «разсуждать о свободѣ совѣсти такъ, какъ разсуждаетъ «Москва», болѣе чѣмъ странно», авторъ письма говоритъ далѣе... Но это мѣсто стóитъ того, чтобы выписать его подлинникомъ, а потомъ, для отвѣта, мы разнимемъ его на части:

«Объявить свободу совѣсти! Да кому же поручить сдѣлать это дѣло? Сама православная вселенская церковь этого сдѣлать не можетъ; въ противномъ случаѣ уже не будетъ единой вселенской церкви. Ибо что это за церковь будетъ, когда пастыри ея будутъ говорить съ каѳедры: возлюбленные о Христѣ братіе и сестры! доселѣ мы васъ учили блюсти единство вѣры, какъ мы сами научены апостолами, пророками» и пр., «а теперь мы вамъ говоримъ: поступайте въ дѣлахъ вѣры, какъ кому угодно, пусть ваша совѣсть руководитъ васъ, какъ она знаетъ, и если она васъ заведетъ въ дебри, мы, во-первыхъ, умываемъ руки, а во-вторыхъ, можемъ успокоить васъ тѣмъ, что при свободѣ совѣсти и дебрей вовсѣ нѣтъ. Ужъ то, что вы дѣлаете свои дѣла по совѣсти, это и значитъ, что вы поступаете именно такъ, какъ Богъ повелѣваетъ»...

Поистинѣ удивительныя строки, въ которыхъ всѣ понятія точно сдвинулись съ своихъ основъ, точно соскочили съ рельсовъ, и не легкій трудъ возстановлять каждое изъ нихъ на свое мѣсто. Но для насъ важно именно то обстоятельство, что авторъ говоритъ здѣсь отъ имени церкви. Дѣйствительно, чтобы разрѣшить недоразумѣніе, надо подвергнуть обсужденію вопросъ о свободѣ совѣсти съ двухъ сторонъ: со стороны отношенія къ нему самой церкви и со стороны отношенія къ нему государства. Въ томъ-то и бѣда, что наши духовные оппоненты становились, въ своихъ возраженіяхъ, на точку зрѣнія государственную, думая держаться точки зрѣнія церковной; или наоборотъ: отно-

шеніе къ свободѣ совѣсти со стороны государства обсуждали съ точки зрѣнія церкви. Между тѣмъ обѣ эти точки зрѣнія, какъ и самыя области церкви и государства, никакъ не должны быть смѣшиваемы. Напротивъ, только при строгомъ ихъ раздѣленіи и возможно правильное разрѣшеніе вопроса. Пусть наши оппоненты отложатъ покуда заботу о послѣдствіяхъ свободы совѣсти для государства (о чемъ будетъ у насъ рѣчь впереди) и ограничатся теперь, вмѣстѣ съ нами и нашимъ авторомъ «духовною особой», одной сферой церковной.

«Объявить свободу совѣсти! Сама православная церковь этого сдѣлать не можетъ»... Да нечего церкви и объявлять о свободѣ совѣсти (къ чему ее никто и не приглашаетъ), потому что свобода совѣсти отъ нея неотъемлема, потому что свобода совѣсти, свобода воли, вообще дарованная Богомъ человѣку свобода духа есть ея *стихія*,—потому наконецъ, что самое понятіе о церкви предполагаетъ уже свободную совѣсть. Развѣ можетъ быть церковь Божія понята внѣ вѣры въ Бога? Конечно нѣтъ, отвѣтятъ намъ,—это безсмыслица. А можетъ ли быть вѣра не по совѣсти, вѣра *внѣ* совѣсти? Немыслимо, ибо вѣра есть союзъ человѣческой совѣсти съ Богомъ. Если такъ, то, говоря «совѣсть», разумѣемъ ли мы здѣсь совѣсть *свободную* или несвободную? Конечно только свободную, ибо несвободная совѣсть не есть уже совѣсть, а отрицаніе совѣсти. Подойдемъ къ дѣлу съ другой стороны. Если спрашивается отъ людей вѣра, то какая: искренняя ли и чистосердечная, или же фальшивая и лицемѣрная? Отвѣтъ несомнѣненъ. Возможно ли же совмѣстить искренность вѣры съ неискреннею совѣстью? Это опять безсмыслица. Стало-быть, когда спрашивается отъ людей вѣра, то этимъ самымъ спрашивается отъ нихъ искренняя совѣсть? Не такъ ли? А можетъ ли быть искреннею совѣсть *насилованная*, т. е. *не* свободная совѣсть? Вопросъ, кажется, излишенъ. Поэтому, если церковь не можетъ быть понята внѣ *вѣры*, то, стало-быть, она не можетъ быть понята и внѣ свободной совѣсти. Не «объявлять о свободѣ совѣсти» требуется отъ церкви, потому что эти понятія неразлучны, а требуется только *не насиловать* совѣсти внѣшнимъ, вещественнымъ способомъ, иначе: блюсти во всей чистотѣ существенную стихію вѣры, слѣдовательно и стихію самой церкви, т. е. искренность и чистосердечіе вѣры, другими словами—свободу совѣсти.

Далѣе. Авторъ—духовная особа—очевидно *смѣшалъ* «свободу совѣсти», безъ которой немыслима никакая вѣра, съ самимъ содержаніемъ вѣры. Это доказывается его словами, что если совѣсть заведетъ христіанъ въ дебри, то они, въ силу, будто бы, теоріи газеты «Москва», могутъ «успокоиться тѣмъ, что при свободѣ совѣсти и дебрей-то вовсе нѣтъ: уже то, что они дѣлаютъ дѣла по своей совѣсти,—это уже-де и значитъ, что они поступаютъ именно такъ, какъ Богъ повелѣваетъ».

въ нашемъ требованіи «свободы совѣсти» автору мерещится *требованіе* разновѣрія въ *единой* вселенской церкви, и онъ справедливо приходитъ отъ такого противорѣчія въ ужасъ. Но откуда же пришла автору подобная мысль, будто мы отождествляемъ понятіе о свободѣ совѣсти съ понятіемъ объ истинѣ? Свобода совѣсти сама по себѣ не есть ни вѣра, ни истина, точно такъ, какъ и сама вѣра не есть еще истина. Можетъ быть вѣра истинная и ошибочная, вѣра правая и неправая: слѣдуетъ ли изъ этого, что самое понятіе о томъ дѣйствіи человѣческаго духа, которое называется вѣрою, должно быть исключено изъ понятія о церкви? Свободная совѣсть можетъ быть направлена и къ вѣрѣ и безвѣрію, и къ истинѣ и ко лжи, именно потому, что она свободна,—но она составляетъ необходимое условіе, духовный матеріалъ (а не содержаніе) всякой вѣры, и правой и неправой, такъ что никакая—ни самая правая, самая истинная вѣра немыслима безъ свободной совѣсти. Авторъ очевидно пугается слова «свобода», и мы поможемъ ему разсѣять его недоразумѣніе, замѣнивъ это слово. Почтенная духовная особа, безъ сомнѣнія, требуетъ искренности и чистосердечія вѣры. Она вѣроятно допустила бы даже, чтобъ и сама церковь единая, вселенская, объявила такое требованіе своимъ чадамъ. Но развѣ искренность и чистосердечіе ограждаютъ человѣка отъ «дебрей»? Развѣ поступать искренно и чистосердечно значитъ поступать непремѣнно «такъ, какъ Богъ повелѣваетъ»? Развѣ не можетъ быть искренней ереси, чистосердечнаго заблужденія? Правильно ли однакожъ будетъ заключеніе, что вслѣдствіе этого не нужно для истинной вѣры ни искренности, ни чистосердечія? Не отвернется ли авторъ самъ съ негодованіемъ отъ такого вывода? А между тѣмъ не точно ли такой же выводъ сдѣлалъ онъ изъ понятія о свободѣ совѣсти, которое однако заключается въ понятіи объ искренности и чистосердечіи!

Именно потому, что свободная совѣсть можетъ направиться и ко лжи и къ истинѣ, и ко злу и къ добру, и къ неправой и къ правой вѣрѣ, на обязаности церкви и лежитъ направлять совѣсть къ истинѣ, къ добру, къ вѣрѣ правой,—къ душеспасенію. Но какъ направлять? Такъ, чтобы при этомъ удержалось необходимое свойство вѣры—искренность и чистосердечіе: другими словами, чтобы совѣсть сохранила свою свободу. Ибо гдѣ нѣтъ свободной совѣсти, тамъ нѣтъ и вмѣненія, въ богословскомъ смыслѣ слова, а гдѣ нѣтъ вмѣненія немыслимы ни заслуги, ни награды, ни душеспасеніе, точно такъ же, какъ съ другой стороны немыслимы ни грѣхъ, ни паденіе, ни погибель. Безъ свободы совѣсти немыслима и церковь, ибо въ духовной свободѣ человѣка лежитъ причина бытія (raison d'être) самой церкви, весь смыслъ ея призванія. Свобода человѣческаго духа составляетъ такимъ образомъ не только стихію церкви, но и самый, такъ сказать, объектъ ея дѣйствія, —

не только единственное поле ея дѣятельности, но и тотъ необходимый, единственный матеріалъ, на разработку котораго устремлена вся ея дѣятельность. Понятно послѣ того, что въ этой стихіи свободнаго духа самая дѣятельность, направляющая этотъ духъ, можетъ быть только духовная и дѣйствовать орудіями только сообразными съ природою свободнаго духа, т. е. чисто-духовными. Другими словами: церковь, раскрывая человѣку единую истину, указуя ему единый истинный путь, просвѣщаетъ, учитъ, убѣждаетъ, наставляетъ, руководитъ, т. е. приводитъ свободную совѣсть человѣка къ свободному союзу съ Богомъ, къ свободному соглашенію съ единою истиной, къ *свободному послушанію* Богу и истинѣ въ церкви. Свободное же послушаніе есть то, которое можно опредѣлить выраженіемъ Апостола: «не за страхъ, а *за совѣсть*», т. е. иначе: не за страхъ человѣческій, не за страхъ уголовныхъ наказаній, а за страхъ Божій. Между тѣмъ изъ словъ почтенной духовной особы и вообще всѣхъ нашихъ возражателей, возстающихъ, во имя церкви, на свободу совѣсти и отстаивающихъ, во имя же церкви, грубое физическое насиліе въ дѣлѣ вѣры, въ формѣ различныхъ взысканій гражданской власти,—изъ словъ ихъ мы имѣли бы право заключить, что они домогаются союза съ Богомъ, соглашенія съ истиной, послушанія церкви—*не* свободнаго, не *за совѣсть*, какъ выражается Апостолъ, а именно за *страхъ*, т. е. не за страхъ Божій, а за страхъ жандармскій и полицейскій...

Нужно ли еще послѣ этого опровергать намъ мысль автора письма, будто свобода совѣсти разрушаетъ единство вѣры и церкви? Мы, кажется, достаточно показали, что если свобода совѣсти сама по себѣ не есть истина, то *только* свободою совѣсти можно придти къ истинѣ. Истина едина, слѣдовательно и истинная вѣра едина. Единствомъ свободно, т. е. не лицемѣрно, а искренно исповѣдуемой истины вѣры обусловливается и единство церкви. Стало-быть, истинное единство церкви предполагаетъ искреннее, на свободной совѣсти основанное, единомысліе членовъ въ исповѣданіи единой вѣры. Если же такого искренняго, на совѣсти основаннаго единомыслія нѣтъ, а есть единомысліе только *наружное, внѣшнее,* соблюдаемое невѣрующими или уклонившимися отъ истины, только изъ страха уголовной кары, кулака, палки, тюрьмы, только вслѣдствіе внѣшняго насилованія ихъ совѣсти,—то будетъ ли это *единство?* Безъ единства внутренняго въ церкви, единство наружное, искусственное, *насильственное*—есть ложь, есть грѣхъ.

Нѣтъ, не тѣ слова должны раздаваться съ каѳедры церковной, которыя, не понявши нашихъ статей, влагаетъ авторъ въ уста пастырей церкви. Иное всегда вѣщала и вѣщаетъ церковь. «Возлюбленные о Христѣ братія и сестры»—такъ должны сказать и скажутъ истинные

пастыри (позволимъ и мы себѣ употребить пріемъ автора и строй его рѣчи): «досолѣ мы васъ учили блюсти единство вѣры, какъ мы сами научены апостолами, пророками и пр., и теперь васъ учимъ, и повторяемъ, что нѣтъ иной истинной вѣры, нѣтъ инаго истиннаго пути ко спасенію, кромѣ указуемаго вамъ церковью. По потому и говоримъ вамъ: просвѣщайте неослабно вашу совѣсть тѣмъ свѣтомъ, который обильно изливаетъ вамъ церковь, да будетъ ваша вѣра не лжива, не лицемѣрна, не по имени только, не по наружности только исповѣдуема, изъ страха земной кары, изъ желанія земныхъ благъ, но да будетъ она искрения и правдива, свободнымъ дѣйствіемъ вашей свободной, просвѣтленной истиною совѣсти. Совѣсть свободную, чуждую внѣшнихъ, вещественныхъ, мірскихъ разсчетовъ выгоды и страха, несите въ даръ Богу. Свободные, будьте рабами свободы Христа, примите плѣнъ истины. Ибо знайте, потому именно, что вы созданы отъ Бога свободными, подлежите вы и отвѣту предъ Богомъ за злоупотребленіе свободы. Знайте, что свобода ваша можетъ равно привести васъ и въ рай и въ адъ, и въ рабство Христу, идѣ же истина, свобода и жизнь, и въ рабство грѣху—неволи, лжи, смерти. Поэтому, наложите на вашу свободу иго Христово, которое легко есть, и послушайте церкви ревнующей о спасеніи душъ вашихъ и единой способной руководить во благихъ путяхъ свободу вашу. Вы не можете ея не послушать, вы должны ее послушать, ибо внѣ церкви нѣтъ истины, ибо непослушные готовятъ гибель душамъ своимъ. Вѣдайте же всѣ уклоняющіеся истины, въ церкви пребывающей: церковь молитъ и не перестанетъ молить Бога о вразумленіи вашемъ, о возвращеніи васъ въ ея лоно; она не оскудѣетъ ни проповѣдью истины, ни словомъ любви и убѣжденія, никакими орудіями духовными, обращенными къ вашему омраченному духу; но если и затѣмъ вы не отречетесь отъ лжи, то постигнетъ васъ мечъ духовный: подобно апостоламъ, отрясавшимъ, по завѣту Христову, прахъ съ ногъ своихъ на порогѣ непринявшаго ихъ дома, такъ поступитъ съ вами и церковь, отрекшись отъ васъ, предавъ невѣрующихъ отлученію отъ среды вѣрующихъ». Вотъ, какъ намъ кажется, рѣчи свойственныя пастырямъ церкви, съ которыми ни въ чемъ не противорѣчатъ и наши статьи о свободѣ совѣсти,—а не тѣ рѣчи, которыя измышлены «почтенной духовной особой», на основаніи будто бы ученія «Москвы».

Ясно ли теперь то отношеніе, въ какомъ, по нашему разумѣнію, должна стоять и стоитъ церковь въ свободѣ совѣсти? Гдѣ же тутъ «индифферентизмъ», «равнодушіе», «безразличное отношеніе къ вѣрѣ», которое видитъ въ нашихъ статьяхъ г. Н. П. въ томъ же 12 № «Русскаго»? Не индифферентизмъ, а ревность о чистотѣ вѣры, о внутренней правдѣ и объ истинномъ единствѣ церкви выражается требовані-

емъ свободы совѣсти, съ точки зрѣнія церковной. Въ этомъ же требованіи выражается и другое требованіе: чтобы церковь, имѣя въ виду и почитая свободу человѣческаго духа, неослабно подвизалась въ ученіи, проповѣди, наставленіи, просвѣщеніи, руководствѣ, неослабно дѣйствовала, едиными ей приличествующими и свойственными, орудіями духовными, и не давала ржавѣть имъ въ пыли и забвеніи, призывая на смѣну имъ мечъ гражданскій. Вотъ въ этой-то духовной дѣятельности и не выражаютъ сочувствія г. Н. П. и большинство нашихъ возражателей, предпочитая вразумлять заблуждающихся въ истинѣ—посредствомъ полиціи, помощью тюрьмы, арестантскихъ ротъ, Сибири. Оно, разумѣется, для духовенства покойнѣе. «Духовенство,—говоритъ простодушно г. Н. П., въ своей статьѣ «Оправданіе для духовенства» (?),—тѣмъ менѣе можетъ дѣйствовать на народъ (относительно пьянства), что онъ, народъ, находится въ большомъ невѣжествѣ». Конечно, просвѣщенныхъ просвѣщать легче, да ихъ ужъ и просвѣщать нечего. Но какъ же апостолы-то просвѣщали немудрыхъ и низкихъ??

Надобно не терять изъ виду одного:

Упраздняя необходимость свободной совѣсти и духовныхъ орудій для церкви, духовныя особы, намъ возражающія, упраздняютъ тѣмъ самымъ призваніе, причину бытія, необходимость самого духовенства...

Посмотримъ теперь на вопросъ о свободѣ совѣсти съ точки зрѣнія государственной.

О свободѣ совѣсти и вѣротерпимости съ точки зрѣнія государственной.

«Москва», 9-го августа 1868 г.

Мы постарались опредѣлить, въ передовыхъ статьяхъ 98 и 99 №№, то отношеніе церкви къ вопросу о свободной совѣсти, которое представляется намъ единственно правильнымъ. Мы сказали, что церковь немыслима внѣ свободной совѣсти, свободно воспріявшей свѣтъ вѣры, свободно связавшейся союзомъ вѣры съ Богомъ, свободно приведенной къ послушанію церкви, въ свободный плѣнъ истины и любви. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы кажется достаточно развили ту мысль, что свобода совѣсти, будучи непремѣннымъ условіемъ и основаніемъ истинной вѣры, не есть еще, однако, сама по себѣ ни истина, ни непремѣнный признакъ истины, какъ вообразилось, повидимому, нашимъ возражателямъ. Это есть тотъ духовный матеріалъ, изъ котораго,—и только изъ него одного,—можетъ быть воздвигнута храмина истинной вѣры, но изъ котораго же можетъ построиться и зданіе лжи. Человѣкъ способенъ и заблуждаться и падать, вполнѣ искренно и чистосердечно: это несомнѣнно. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что искренность и чистосердечіе

никуда не годятся, что можно для пребыванія въ истинѣ обойтись безъ искренности и чистосердечія? А между тѣмъ не такъ ли точно разсуждаютъ наши противники свободы совѣсти, отвергая эту свободу на томъ основаніи, что она можетъ заводить человѣка въ разныя «дебри»?.. Наконецъ мы закончили наши статьи тѣмъ логическимъ выводомъ, что такъ какъ въ свободѣ совѣсти именно и находится причина бытія самой церкви, такъ какъ свобода совѣсти есть ея неотъемлемая стихія,—то именно потому на церкви и лежитъ обязанность просвѣщать, убѣждать, направлять человѣческую совѣсть такими орудіями, которыя соотвѣтствуютъ самой природѣ этой стихіи. Другими словами: орудія церкви могутъ быть только духовныя, способныя соблюсти свободу совѣсти человѣка въ самомъ послушаніи вѣры, въ самомъ плѣну истины. Если же церковь въ дѣлѣ вѣры прибѣгаетъ къ орудіямъ недуховнымъ, къ грубому вещественному насилію, то это значитъ, что она отрекается отъ своей собственной духовной стихіи, сама себя отрицаетъ, перестаетъ быть «церковью»,— становится государственнымъ учрежденіемъ, т. е. государствомъ, «царствомъ отъ міра сего»,—сама обрекаетъ себя *на судьбу мірскихъ царствъ...* Разумѣется, такому предположенію относительно *всей* церкви, въ высшемъ опредѣленіи этого слова, нѣтъ мѣста, но оно возможно и оправдано исторіей относительно частныхъ церковныхъ обществъ, именующихся церквами. Мы съ своей стороны только разоблачаемъ опасности того пути, на который, сами того не вѣдая, желали бы двинуть церковь неразумные защитники насилія въ дѣлѣ вѣры—во имя и отъ имени церкви.

Раскрывши отношеніе къ свободѣ совѣсти со стороны церкви, посмотримъ—въ какомъ отношеніи стоитъ къ свободѣ совѣсти государство. Собственно говоря—ни въ какомъ, или иначе—въ отрицательномъ. Тогда какъ церковь имѣетъ дѣло съ совѣстью, вѣдаетъ только совѣсть,—государству до совѣсти нѣтъ никакого дѣла: его вѣдѣнію подлежитъ только внѣшняя жизнь, внѣшнія дѣйствія человѣка, безъ всякаго отношенія къ тому, по совѣсти или не по совѣсти совершены эти дѣйствія. Церковь признаетъ начало свободы совѣсти потому, что этою свободою обусловливается ея собственное бытіе, потому что безъ свободы совѣсти немыслимы ни вѣра, ни совершенствованіе, ни паденіе, ни спасеніе человѣка, ни рай, ни адъ, ни сама церковь: для церкви свобода совѣсти есть необходимость, поэтому и отношеніе ея къ этой свободѣ—*положительное*. Государство (принимая это понятіе въ самомъ строгомъ его опредѣленіи) признаетъ свободу совѣсти потому, что не признаетъ міра души человѣческой себѣ доступнымъ: изъ этого отрицательнаго отношенія государства къ міру совѣсти истекаетъ, какъ логическое послѣдствіе, признаніе ея свободы. *Божіе Богови, кесарево кесареви*, Церковь говоритъ про совѣсть: она свободна потому, что она—*моє*,

Божіе; государство же говоритъ: она свободна потому, что она—*не мое, не кесарево*. Государство есть царство отъ міра сего и поэтому назначеніе его не есть «спасеніе душъ», а благоустройство гражданъ, обезпеченіе внѣшнихъ условій жизни. Его задача — не истина, а польза или благо. Оно требуетъ отъ подданныхъ не вѣры, не убѣжденія, а повиновенія,—все равно, свободно ли оно или не свободно. Оно опирается не на страхъ Божій, а на страхъ земной кары, которымъ смиряетъ одинаково и христіанъ и язычниковъ. Его сила не въ авторитетѣ истины, а во внѣшней необходимости, облекающей его властью. Государство не можетъ переступать границу, отдѣляющую его отъ церкви и вообще отъ области духа, ибо въ такомъ случаѣ оно измѣнило бы своей природѣ, дѣйствовало бы вопреки ей, а всякая подобная измѣна своей природѣ ведетъ за собою и вредъ и гибель. Поэтому не въ его призваніи посягать ни на вѣру, ни даже вообще на мысль. Все это принадлежитъ къ области духа, въ которой дѣйствіе можетъ быть только духовное, посредствомъ духовныхъ орудій. Государство же лишено возможности орудовать въ этой области, потому что орудія его, сообразно его природѣ, только вещественныя, способныя дѣйствовать только на внѣшній міръ, а не на внутренній. Съ областью духа государство соприкасается лишь черезъ внѣшнія ея проявленія, которыя *одни* и подлежатъ его контролю, его юрисдикціи. Единственное мѣрило его оцѣнки—вредъ и безвредность, не для душъ, не для загробной жизни (о чемъ заботиться оно, будучи отъ міра сего, и не обязано), а для земной жизни, земныхъ интересовъ гражданъ или всего государства. Церковь не можетъ терпѣть *внутри себя* никакого мрака, никакой лжи, слѣдовательно никакой иной вѣры, кромѣ той, которую она несомнѣнно признаетъ за единую истинную: тутъ не можетъ быть никакихъ сдѣлокъ, и понятіе о вѣротерпимости къ церкви неприложимо. Но церковь противъ всякаго заблужденія, всякой лжи, всякой иной вѣры, можетъ и обязана дѣйствовать *только* духовнымъ оружіемъ (проповѣдью и отлученіемъ)—не прибѣгая никогда и ни въ какомъ случаѣ къ стѣсненію свободы человѣческой совѣсти внѣшнимъ насильственнымъ способомъ—мечомъ государственнымъ. Государство же и можетъ и должно, по самой природѣ своей и по своей задачѣ, быть вѣротерпимо. Не призванное и неспособное дѣйствовать на міръ человѣческой совѣсти, находящійся за предѣлами того внѣшняго міра, который лишь одинъ подлежитъ вѣдѣнію государства,—оно допускаетъ и обязано допускать полную свободу проявленія совѣсти—до тѣхъ поръ, пока эти проявленія съ своей стороны не переходятъ во внѣшнее дѣйствіе грозящее внѣшнему, земному существованію государства и его подданныхъ.

Такимъ образомъ государство терпитъ и обязано терпѣть у себя

всякую религію: во-первыхъ, пока она ограничивается вѣроисповѣдными отправленіями: во-вторыхъ, если самыя вѣроисповѣдныя отправленія такого свойства, что не угрожаютъ опасностью ни лицамъ, ни государству. Впрочемъ, въ такой практической области, какова по преимуществу область государства, всякое дѣло всего лучше поясняется практическими примѣрами. Нѣтъ никакихъ разумныхъ основаній для государства не только преслѣдовать, но и стѣснять свободу иновѣрческихъ христіанскихъ исповѣданій, старообрядческаго раскола и иныхъ уклоненій отъ православія, не противорѣчащихъ вышеуказаннымъ условіямъ. Но если, напримѣръ, римско-католическое вѣроисповѣданіе должно пользоваться и пользуется у насъ полною свободою въ своихъ внѣшнихъ отправленіяхъ, то понятно однако, что не въ той же мѣрѣ можетъ быть предоставлена ему отъ государства свобода въ Сѣверо-Западномъ краѣ, какъ здѣсь въ Москвѣ или въ Саратовѣ. Почему? потому что въ Сѣверо-Западномъ краѣ это вѣроисповѣданіе выходитъ за предѣлы религіозной области въ область политическую, стало символомъ *политической* идеи, враждебной государству и огромному большинству мѣстнаго, еще недостаточно юридически и экономически окрѣпшаго населенія. Отсюда ясно, что иная католическая религіозная процессія, вполнѣ дозволительная внутри Россіи, но въ этомъ краѣ имѣющая значеніе революціонной демонстраціи или сигнала къ мятежу, можетъ быть и не допущена правительствомъ—безъ всякаго противорѣчія съ принципомъ свободы совѣсти. Само собою разумѣется, что отъ прозорливости и благоразумія власти зависитъ опредѣлить съ должною точностью, на самомъ мѣстѣ и въ данномъ случаѣ, ту черту, за которую не должны переступать—ни государственная власть въ сферу религіозныхъ отправленій, ни религіозныя отправленія въ сферу политическую. Само собою разумѣется также, что отношеніе гражданской власти къ вѣроисповѣданію, въ такихъ случаяхъ, должно быть чисто отрицательное или оборонительное: она только воспрещаетъ всѣ тѣ внѣшнія его проявленія, которыя признаетъ несомнѣнно вредными для внѣшней общественной безопасности, но не принимаетъ, не должна и не можетъ принимать на себя задачи благоустроять самое вѣроисповѣданіе внутри его, распоряжаться, хозяйничать въ предѣлахъ самой области религіозной. Поэтому всякая попытка завѣдывать катихизисами, блюсти правовѣріе или ортодоксію римско-католическую, еврейскую, мусульманскую,—какъ этому образцы видали мы и видимъ въ Россіи,—ложна въ самомъ принципѣ. Возвращаясь къ Сѣверо-Западному краю, приведемъ еще примѣръ: если государственная власть не можетъ дозволить себѣ насильственнаго отторженія отъ латинства его исповѣдниковъ, ни вообще преслѣдованія католической совѣсти, то поступаетъ однакоже вполнѣ право, когда воспрещаетъ *въ настоящее время туземцамъ*-католикамъ (иначе Поля-

камъ) занимать правительственныя должности въ краѣ: что здѣсь нѣтъ гоненія собственно на совѣсть католическую, доказывается допущеніемъ ихъ къ службѣ въ остальной Россіи и допущеніемъ къ должностямъ, даже въ самомъ краѣ, католиковъ французскаго и нѣмецкаго происхожденія.

Пояснимъ примѣрами и другія условія государственной вѣротерпимости. Бываютъ такія секты, которыхъ религіозныя мнѣнія могутъ быть терпимы, пока они остаются въ предѣлахъ мнѣнія, но которыхъ всякое внѣшнее проявленіе есть уже вредное посягательство на частное и общественное благополучіе. Таковы, напримѣръ, нѣкоторые виды христовщины, еслибъ они вздумали отправленіе «свальнаго грѣха» дѣлать открытымъ и явнымъ. Таково и скопчество, въ которомъ со стороны государства можетъ быть, конечно, терпимъ скопецъ, и скопцу можетъ быть предоставлено право даже защищать свое ученіе, не опасаясь преслѣдованія (какъ и сдѣлалъ нѣкто Ф. М. въ «Современныхъ Извѣстіяхъ»—фактъ свободы слова, который мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ); но къ скопителю отношеніе должно быть уже иное. Въ той же газетѣ разсказывалось недавно о фанатикѣ, оскопившемъ помощью обмана, соблазна и сонныхъ капель, цѣлые десятки человѣкъ: такого рода фанатической дѣятельности правительство, безъ сомнѣнія, въ правѣ и обязано положить предѣлъ, точно такъ же, какъ и фанатизму того старообрядца, который, ради спасенія души своего младенца-сына, закололъ его ножомъ, или еще другаго, съ той же цѣлью убившаго топоромъ нѣсколько человѣкъ своихъ односельцевъ, хотя бы и съ ихъ согласія. Правительственное вмѣшательство здѣсь совершенно законно и не нарушаетъ начала свободы совѣсти: поступки виновныхъ могутъ быть основаны на искреннемъ убѣжденіи, но правительству дѣло не до совѣсти, а до практическихъ послѣдствій ложнаго убѣжденія. Такъ ставитъ вопросъ и редакторъ «Современныхъ Извѣстій», и мы съ нимъ въ этомъ отношеніи вполнѣ согласны, обращая въ то же время вниманіе нашихъ читателей на его статьи по поводу скопческой секты. Наконецъ можетъ быть такое вѣроученіе, противъ котораго государство имѣетъ полное право принимать мѣры предупрежденія,—которое есть ни болѣе ни менѣе какъ религіозный, а иногда только прикрывающійся маской религіи, заговоръ противъ жизни, чести, достоянія частныхъ лицъ и общественной безопасности. Здѣсь само вѣроученіе является уже какъ знамя. Достаточно явно признавать то знамя своимъ, чтобы не быть терпимымъ. Такова, напримѣръ, секта индійскихъ *Туговъ* (убійцъ),—вообще тѣ секты, которыхъ предметъ дѣйствія и цѣль чисто внѣшніе и задача чисто практическая, и гдѣ религія является только, такъ сказать, подкладкой или же освященіемъ организованнаго внѣшняго зла—освященіемъ иногда искреннимъ, иногда лицемѣрнымъ. Если, напри-

мѣръ, религіозное изувѣрство создастъ секту воровъ, секту дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій, то государство, принимая въ соображеніе практическую сторону вѣроученія и ея неотдѣлимость отъ существа ученія, обязано, конечно, не терпѣть въ своихъ предѣлахъ лицъ, открыто исповѣдующихъ такое ученіе. Отчасти на подобномъ же основаніи, а главное, имѣя въ виду неблагопріятныя современныя условія для свободной дѣятельности *нашего* духовенства, мы считали себя въ правѣ подать голосъ въ «Днѣ» противъ допущенія нашимъ правительствомъ, въ настоящую пору, ордена іезуитовъ въ Россію; мы нисколько не становились чрезъ это (какъ увѣряетъ «Русскій») въ противорѣчіе съ нашей теоріей свободы совѣсти, — такъ какъ сфера вредной дѣятельности этого ордена чисто практическая, уже вполнѣ извѣданная Россіею на опытѣ и обличенная новѣйшими трудами г. Самарина и о. Морошкина.

Впрочемъ, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что государство вообще не можетъ подчиняться чисто отвлеченнымъ принципамъ и проводить ихъ въ жизни во всей ихъ отвлеченной строгости. Оно необходимо подчиняется практическимъ соображеніямъ, условіямъ мѣста и времени, — данной минуты, даннаго случая, имѣя въ виду лишь одно: внѣшнее благо и безопасность гражданъ. Такъ, напримѣръ, есть у насъ и въ старообрядчествѣ секты, которыхъ вѣроученіе, будучи послѣдовательно проведено въ жизни, могло бы сдѣлать ихъ недозволительными въ государствѣ, но онѣ могутъ и должны быть допущены, потому что этой послѣдовательности не существуетъ въ дѣйствительности, потому что общій духъ самого вѣроученія призываетъ сектаторовъ не столько къ положительному противодѣйствію гражданской власти, сколько къ страдательному отношенію къ ней, т. е. предлагаетъ терпѣть, не уклоняться отъ гоненія и ни въ какомъ случаѣ не проповѣдуетъ *бунта*. Однимъ словомъ, хотя по содержанію своему вѣроученіе кажется и опаснымъ, но если никакихъ практически-злыхъ послѣдствій для государства отъ этой секты не замѣчается, — то нѣтъ ни малѣйшаго повода и преслѣдовать ее, кромѣ какихъ-нибудь отдѣльныхъ случаевъ особенно вреднаго проявленія. Напримѣръ, еслибъ извѣстное ученіе объ антихристѣ, воплотившемся будто бы въ русскомъ правительствѣ, вело иногда на практикѣ, положимъ, хоть къ отказу въ уплатѣ податей, то государственная власть въ правѣ подвергнуть отказчика наказанію на общемъ основаніи законовъ, — и этимъ можетъ и ограничиться всякое ея отношеніе къ существу самой секты. Есть и другія соображенія, которыми не можетъ не руководиться государство. Конечно, нельзя сдѣлать старообрядца ни оберъ-прокуроромъ Синода, ни членомъ коммиссіи объ устройствѣ быта православнаго духовенства, — но было бы совершенно ошибочно (а это у насъ еще водится) лишать его, напримѣръ, права быть не только членомъ, но даже и председателемъ какого-нибудь фабрикантскаго со-

вѣта или вообще оффиціальнаго учрежденія, завѣдывающаго такими интересами, которые къ религіи состоятъ въ отношеніи совершенно безразличномъ.

Но вотъ и еще примѣръ. Кому неизвѣстно ученіе Талмуда о гояхъ (т. е. христіанахъ) и о религіозной обязанности для Евреевъ—вредить всячески христіанамъ, причемъ, въ иныхъ случаяхъ, даже убивать послѣднихъ не вмѣняется въ грѣхъ? (см. объ этомъ пространныя статьи въ «Днѣ» 1862 г.). На основаніи этого ученія можно было бы совершенно логически,—конечно a priori,—построить выводъ, что Евреи не могутъ быть терпимы въ христіанской странѣ ни одного дня, ни часу. Но если на практикѣ не оказывается со стороны Евреевъ такой вѣрности Талмуду, если они поставлены въ условія неблагопріятныя для ихъ религіозной послѣдовательности, если вредныя внѣшнія проявленія ихъ религіозности могутъ быть устранены мѣрами чисто административными, то государство въ правѣ допускать (и допускаетъ) совмѣстное сожительство христіанъ и Евреевъ,—можетъ даже не отказывать имъ въ равноправности, сообразно условіямъ мѣста и времени. Такъ Еврей, кончившій курсъ въ университетѣ, представляетъ болѣе чѣмъ невѣжественный фанатикъ ручательствъ своей внѣшней безвредности, особенно же въ сферахъ внѣшней, формальной и опредѣленной дѣятельности. Съ другой стороны тамъ, гдѣ призывается къ участію въ дѣлѣ государственномъ именно *совѣсть* какъ совѣсть, напримѣръ, въ судѣ присяжныхъ, мы, съ своей стороны, затруднились бы дозволить Евреямъ произносить приговоры надъ участью христіанъ по ихъ еврейской совѣсти. Конечно, и въ средѣ присяжныхъ-христіанъ могутъ быть люди безсовѣстные; но государство лишено возможности проникать въ тайну личной совѣсти каждаго, а по необходимости, въ подобныхъ случаяхъ, должно сообразоваться съ тѣмъ, что̀ каждый явно исповѣдуетъ за законъ и руководство для своей совѣсти. Въ этомъ случаѣ явное исповѣданіе Талмуда не должно бы, кажется, давать Евреямъ права судить по своей еврейской совѣсти христіанъ.

Впрочемъ, мы не имѣемъ притязанія исчислять здѣсь всѣ разнообразные оттѣнки и виды практической вѣротерпимости государства. Говоря о «вѣротерпимости», мы должны пояснить, что это слово, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, приложимо только къ иновѣрнымъ религіямъ. Само собой разумѣется, что отношеніе, напримѣръ, русскаго государства къ православію не можетъ быть названо вѣротерпимостью уже и потому, что государство не властно ни терпѣть, ни не терпѣть религіи того народа, который его создалъ, ради котораго оно существуетъ, котораго интересы обязано по преимуществу ограждать, который есть хозяинъ у себя дома. Но все это нисколько не измѣняетъ законовъ самого государственнаго естества, самой природы государства, въ строгомъ опредѣ-

ленія этого понятія. Вообще вопросъ объ отношеніи государства къ вѣроисповѣданію подданныхъ можетъ быть разсматриваемъ еще и съ другихъ сторонъ—и со стороны значенія религіи, какъ бытоваго элемента, и съ точки зрѣнія на государство, какъ на выраженіе національнаго духа; когда-нибудь мы поговоримъ и объ этомъ, но съ какой стороны мы бы ни разсматривали отношеніе къ свободѣ совѣсти церкви и государства, основныя положенія, высказанныя нами, остаются, какъ намъ кажется, неизмѣнными.

Сохраняя въ чистотѣ свое духовное призваніе, оставаясь вѣрною своему духовному завѣту, оберегая себя отъ всякой примѣси государственнаго характера, твердо держась начала свободы совѣсти, церковь сохраняетъ свою собственную свободу и свою независимость отъ государства.

Отказываясь отъ посягательства на внутреннюю свободу и на права церкви, отъ притязаній руководить совѣсть внѣшнимъ насиліемъ, государство ограждаетъ и свою область отъ вторженія такъ называемаго клерикальнаго начала, удерживаетъ за собою полную свободу дѣйствій въ видахъ охраненія внѣшняго мира и безопасности, и упраздняя многое зло и лицемѣріе, порождаемое государственнымъ стѣсненіемъ совѣсти, упрочиваетъ тѣмъ самымъ свою собственную крѣпость.

Въ отдѣленіи области церкви отъ области государства, Божія отъ кесарева, заключается сила и свобода и церкви и государства. Такъ ли у насъ?... На этотъ вопросъ мы постараемся отвѣтить въ другой статьѣ.

Къ чему ведетъ взглядъ на Церковь какъ на государственное учрежденіе.

«Москва», 13-го августа 1868 г.

Генералъ-адъютантскій аксельбантъ «для ношенія на рясѣ», пожалованный въ самыхъ послѣднихъ годахъ прошлаго столѣтія архіепископу псковскому и члену Святѣйшаго Синода Иринею (см. портретъ Иринея, приложенный къ «Пантеону россійскихъ писателей» и «Русскій Вѣстникъ» апрѣля 1868 г. стр. 163), довольно знаменательно—смѣемъ думать—прообразуетъ взаимное отношеніе церкви и государства въ Россіи и достаточно отвѣчаетъ на вопросъ, поставленный нами въ передовой статьѣ 101 №: разграничены ли у насъ и въ какой степени обѣ эти области? Такое свѣтское и въ нѣкоторомъ родѣ даже военное отличіе, осѣнившее рясу архіепископа, не должно казаться намъ страннымъ; напротивъ, оно совершенно въ порядкѣ вещей и свидѣтельствуетъ только объ успѣшномъ логическомъ развитіи того начала, которое положено Петромъ Великимъ въ основу отношеній государства и

церкви, и выражено довольно символически его знаменитою табелью о рангахъ. Извѣстно, что въ этой табели указано мѣсто и для церковной іерархіи, къ духовному достоинству примѣнено было общее государственное мѣрило, и различіе даровъ Св. Духа принято было за основаніе для государственной разцѣнки. Высшая епископская благодать признана соотвѣтствующею генеральскому достоинству и образовала такъ называемый духовный генералитетъ: митрополиты приравнены къ полнымъ генераламъ, архіепископы къ генералъ-лейтенантамъ, епископы къ генералъ-маіорамъ. Низшая степень благодати, принадлежащая іереямъ, оцѣнена, разумѣется, ниже—отъ полковничьяго и до маіорскаго чина. Отсюда прямой путь и къ учрежденію духовныхъ «кавалеровъ» или къ награжденію кавалерскими орденами... Митрополиты Платонъ и Гавріилъ, такъ энергически протестовавшіе противъ орденовъ, едва ли были правы, сопротивляясь тому, что̀ вытекало только какъ необходимое послѣдствіе изъ начала однажды введеннаго въ жизнь церкви и ими не опротестованнаго.

«Все это пустяки, случайность, мелочь, внѣшность»—будетъ непремѣнно сказано намъ въ отвѣтъ... «Внѣшность»! Но прослѣдимъ хоть слегка развитіе этой внѣшности во внѣшней жизни церковной, и тогда намъ станетъ ясно, осталось ли это развитіе безъ отраженія и на внутренней ея сторонѣ. Во внесеніи духовныхъ пастырей въ табель о рангахъ несомнѣнно сказался, можетъ-быть даже и неумышленно, новый слагавшійся взглядъ государства на церковь. Служители церкви причислены, хотя бы только въ *понятіи* къ *сонму служителей государства* или чиновниковъ государственныхъ. Это понятіе не могло тотчасъ же не перейти изъ теоріи въ практику и потомъ, незамѣтно, усвоилось и самой церковной средѣ; прошло нѣсколько лѣтъ, и служители церкви стали и сами смотрѣть на себя какъ на слугъ или чиновниковъ государственныхъ. Отсюда понятно, почему, съ теченіемъ времени, правительство же возложило на себя обязанность награждать «за ревностную службу церкви въ званіи пастыря», какъ за ревностную службу въ какомъ-нибудь гражданскомъ или военномъ званіи; отсюда понятно, повторяемъ, съ одной стороны дарованіе, а съ другой, со стороны церковно-іерархической, и запросъ—государственныхъ наградъ, орденовъ, отличій. Чиновникамъ полагаются формулярные списки: естественно, что таковые же формулярные списки, въ силу того же воззрѣнія, установились и для пастырей христіанскихъ душъ. Всѣ чиновники въ Россіи вмѣстѣ со всѣмъ кругомъ, объемомъ и задачей своей дѣятельности, вѣдаются какими-нибудь вѣдомствами: подъ воздѣйствіемъ того же начала, всѣ служители церкви,—уподобившись государственнымъ чиновникамъ,—вмѣстѣ съ своею дѣятельностью, т. е. пасеніемъ стада Христова, вошли въ составъ особаго «духовнаго пра-

вославнаго вѣдомства», съ главнымъ центральнымъ органомъ управленія, Святѣйшимъ Синодомъ, и съ главою вѣдомства—оберъ-прокуроромъ Синода. Нигдѣ, впрочемъ, такъ не выразилось явно государственное воззрѣніе на церковь, какъ въ организаціи церковнаго управленія.

Благоустрояя русскую державу по современному ему нѣмецкому государственному фасону, великій благоустроитель подвелъ и русскую православную церковь къ одному знаменателю со всѣми своими преобразованіями,—благоустроилъ и ее по образу и подобію своихъ новыхъ государственныхъ учрежденій. Главное управленіе церкви было поручено Петромъ особому духовному учрежденію, подъ именемъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, основанному не на соборномъ, а на коллегіальномъ началѣ, даже названному въ духовномъ регламентѣ «духовною коллегіей»,—съ членами, назначаемыми отъ правительства, съ канцеляріей и начальникомъ канцеляріи, оберъ-прокуроромъ. Канцелярія была устроена по всѣмъ правиламъ нѣмецкаго канцеляризма; порядокъ и формы дѣлопроизводства для управленія церковью указаны тѣ же, что и для прочихъ двѣнадцати коллегій и вообще россійскихъ присутственныхъ мѣстъ, съ нѣкоторыми отличіями, присвоенными Сенату. Оберъ-прокуроръ соединялъ, вмѣстѣ съ правами сенатскаго оберъ-прокурора, значеніе представителя государственной власти... Изъ недавно появившагося въ свѣтъ перваго тома «Описанія документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Синода», можно извлечь не мало любопытныхъ извѣстій, вполнѣ подтверждающихъ нашъ взглядъ на церковное преобразованіе. Очевидно, что іерархи, содѣйствовавшіе созданію Синода, не отдавали себѣ сами яснаго отчета въ свойствахъ и неминуемыхъ послѣдствіяхъ того элемента, который они съ такою гордостью вводили въ новое учрежденіе. Съ одной стороны Синодъ въ своихъ указахъ и вѣдѣніяхъ, въ первые годы своего существованія, называлъ себя имѣющимъ «силу и власть патріаршескую, или едва и не бо́льшую, понеже есть соборъ», съ другой стороны, въ то же время и въ тѣхъ же указахъ и вѣдѣніяхъ, самъ уподоблялъ себя *Сенату*, и источникомъ своей власти признавалъ государственную власть. Вся первая пора его дѣятельности занята безпрестаннымъ разъясненіемъ, что «его, Синодъ, *повелѣно* всѣмъ, всякаго чина духовнымъ и мірскимъ персонамъ за важное и сильное правительство имѣть», и что не слѣдуетъ уменьшать «данную ему *отъ царскаго величества* честь». Вся первоначальная его переписка наполнена прекаеніями съ Сенатомъ о мѣстѣ и почетѣ, подобающемъ Синоду въ ряду правительственныхъ установленій. Само собой разумѣется, что та стихія, въ которой думалъ почерпать Синодъ свою силу, взяла перевѣсъ надъ прочими его элементами. Считая себя патріархомъ и даже соборомъ, и въ то же время главнымъ государственнымъ учрежденіемъ, устроеннымъ по общему

образцу,—Синодъ долженъ былъ испытать и общую судьбу государственныхъ учрежденій. Нѣмецкій канцелярскій порядокъ имѣетъ свою внутреннюю логику, въ силу которой во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ введенъ этотъ порядокъ, преобладаніе канцеляріи становится необходимымъ явленіемъ. Такъ случилось и съ новымъ присутственнымъ мѣстомъ —Синодомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ строго-логическихъ начальниковъ канцеляріи, Яковлевъ, замѣтивъ, что нѣкоторыя духовныя лица сносятся непосредственно съ первоприсутствовавшимъ митрополитомъ и нѣкоторые члены Синода позволяютъ себѣ даже распечатывать и разсматривать бумаги прежде канцеляріи—испросилъ повелѣніе, чтобы «никакая бумага, поступающая въ Святѣйшій Синодъ, не проходила мимо оберъ-прокурора» (см. ст. «Изъ прошлаго», «Рус. Вѣстн.», апр. 1868 г.). Но если преобладаніе канцеляріи уже само по себѣ вело къ преобладанію начальника канцеляріи, т. е. оберъ-прокурора, надъ членами коллегіи, называемой Синодомъ,—то оно усиливалось еще болѣе значеніемъ оберъ-прокурора—какъ представителя государственной власти, — той власти, которой, въ то же время, по порядку, принятому для Сената, принадлежало верховное рѣшеніе по всѣмъ дѣламъ, гдѣ происходило разногласіе между Синодомъ и оберъ-прокуроромъ. Естественнымъ результатомъ такого двойнаго преобладанія (представителя государственной власти надъ представителями церкви и канцеляріи надъ присутствіемъ) вышло то, что представитель государства и глава канцеляріи сталъ, если не совсѣмъ de jure, то de facto, на дѣлѣ, во главѣ духовнаго или церковнаго вѣдомства. Хотя этого, кажется, первоначально и не имѣлось въ виду; хотя оно не выражено прямо и теперь въ нашемъ законодательствѣ,—тѣмъ не менѣе оно существуетъ на практикѣ и совершилось само собою, естественнымъ ходомъ дѣлъ и развитіемъ основнаго принципа. Въ настоящее время оберъ-прокуроръ Синода состоитъ въ правахъ и положеніи министра или главноуправляющаго отдѣльною частью и такъ же, какъ они, ходатайствуетъ о наградахъ отличившимся пастырямъ, такъ же представляетъ по своему «вѣдомству» отчеты о состояніи православной церкви, совершенно сходные по формѣ и по духу съ отчетами прочихъ министерствъ и управленій...

Все это, повторяемъ, вполнѣ нормально. Какъ скоро организація церковнаго управленія приняла на себя типъ государственный, то она должна была и *совершенствоваться* въ этомъ же смыслѣ. Соединеніе коллегіальнаго устройства, въ лицѣ Синода, съ бюрократическимъ элементомъ въ лицѣ оберъ-прокурора заключало въ себѣ, дѣйствительно, нѣкоторое неудобство; къ тому же государственная практика вѣдь давно указала, что коллегіальное начало плохо совмѣщается съ администраціей, что послѣдняя, чтобъ быть успѣшной, требуетъ по преимуществу

распорядительности единоличной: съ точки зрѣнія государства — это совершенно вѣрно. Понятно, что инниціатива въ управленіи церковью перешла и должна была перейти, такимъ образомъ, къ лицу оберъ-прокурора Синода... Думаемъ, однако, что истинно благонамѣренный и просвѣщенный оберъ-прокуроръ (а такимъ мы несомнѣнно считаемъ нынѣшняго оберъ-прокурора) не можетъ не тяготиться бременемъ подобной отвѣтственности и власти, и не ощущать, хоть по временамъ, необходимости нѣкотораго содѣйствія тѣхъ живыхъ, органически-творческихъ силъ самой церкви, которыхъ не дастъ никакой самый послушный, наиблагоустроенный административный механизмъ,— которыхъ не замѣнитъ никакое дисциплинарное усердіе чиновниковъ ввѣреннаго ему «духовнаго вѣдомства».

Однажды внесенное въ область центральнаго церковнаго управленія, государственное начало не могло остановиться, перешло въ низшіе органы и охватило такимъ образомъ, вмѣстѣ съ нѣмецкими канцелярскими формами, все управленіе церкви сверху до низу: все управленіе — значитъ всѣ степени пастырства стада Христова. Параллель съ государственными порядками была проведена съ замѣчательною послѣдовательностью. Епархія, получивъ значеніе крупной церковной административной единицы, была приравнена къ значенію таковой же административной единицы гражданской и даже опредѣлилась, — мѣстами обрѣзалась, —по границамъ губерніи. Въ соотвѣтствіе «начальнику губерніи», епископъ получилъ названіе и смыслъ «начальника епархіи», также съ своего рода «губернскимъ правленіемъ»—«консисторіею». Точно также, какъ и его превосходительство начальникъ губерніи въ своемъ вѣдомствѣ,—дѣйствуетъ и его преосвященство, начальникъ епархіи, въ своемъ: утверждаетъ «журналы» консисторіи, кладетъ «резолюціи» на «рапортахъ» благочинныхъ, производитъ «ревизію» съ одинаковымъ же результатомъ, очищаетъ нумера бумагъ, пишетъ донесенія, сообщенія, отношенія, представленія, посылаетъ срочныя вѣдомости, таблицы, отчеты, по извѣстной формѣ, своему высшему духовному начальству,—т. е. Святѣйшему Синоду, призванному, съ своей стороны, дѣйствовать на тѣхъ же началахъ централизаціи и формализма, которыя господствуютъ во всей русской государственной жизни...

Такимъ образомъ церковь, со стороны своего управленія, представляется теперь у насъ какою-то колоссальною канцеляріей, прилагающей,—съ неизбѣжною, увы, канцелярскою оффиціальною ложью,— порядки нѣмецкаго канцеляризма къ пасенію стада Христова... Не смѣемъ и думать, чтобъ разумнѣйшіе изъ нашихъ епархіальныхъ начальниковъ, и мудрѣйшіе изъ членовъ Святѣйшаго Синода не сознавали подчасъ, до какой степени ихъ дѣятельность на благо церкви морт-

вится тѣмъ «письмомъ», про которое недаромъ заповѣдано церкви слово: «письмо убиваетъ—духъ животворитъ»...

Мы не станемъ теперь касаться внутренней исторіи церковнаго управленія, ни даже такого факта, какъ отобраніе въ казну церковныхъ имуществъ и тому подобныхъ. Объ этомъ распространяться было бы теперь и долго и неудобно. Для насъ достаточно указать на логическія послѣдствія начала, внесеннаго въ жизнь нашей церкви...

Что же, спрашиваемъ, внѣшняя ли только сторона церкви преобразована,—передѣлано лишь одно ея управленіе—безъ всякаго соотношенія съ ея внутреннею жизнью? Но съ организаціею самого управленія, т. е. съ организаціей пастырства душъ, на началѣ государственнаго формализма, по образу и подобію государства, съ причисленіемъ служителей церкви къ сонму слугъ государственныхъ,—не превращается ли и сама церковь въ одно изъ отправленій государственной власти, не становится ли она одною изъ функцій государственнаго организма—говоря отвлеченнымъ языкомъ, или говоря проще—не поступаетъ ли она и сама на службу къ государству? Повидимому, преобразованіе придало церкви только еще бо́льшую силу чрезъ возведеніе ея едва не на степень государственнаго учрежденія, чрезъ распространеніе на церковь «правъ и преимуществъ *казны*» (см. Сводъ Законовъ); но вмѣстѣ съ тѣмъ не проникаетъ ли во внутреннюю жизнь церкви и та стихія *казенности*, которая даже въ области государства признается малопроизводительною? Повидимому, церкви дано лишь правильное благоустройство,—введенъ, наконецъ, необходимый порядокъ... Повидимому такъ; но случилась только одна бездѣлица: убыла душа; *подмѣненъ идеалъ*, т. е. на мѣстѣ идеала церкви очутился идеалъ государственный и правда внутренняя замѣщена правдою формальною, внѣшнею; *подсунуто другое мѣрило*, взамѣнъ прежняго, духовнаго и нравственнаго; все пошло взвѣшиваться и измѣряться на вѣсъ и аршинъ правительственный, клеймёный... Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ государственнымъ элементомъ и государственное міросозерцаніе, какъ тонкій воздухъ, почти нечувствительно прокралось въ умъ и душу едва ли не всей, за немногими исключеніями, нашей церковной среды, и стѣснило разумѣніе до такой степени, что живой смыслъ настоящаго призванія церкви становится уже ей теперь малодоступенъ. Большинство нашего духовенства, хотя и недовольное настоящимъ порядкомъ вещей, тѣмъ не менѣе не можетъ отрѣшиться отъ крѣпко усвоенной ему внѣшней, государственной точки зрѣнія при разрѣшеніи самыхъ животрепещущихъ церковныхъ вопросовъ; и даже искренніе прогрессисты, въ своихъ помыслахъ о преобразованіи, продолжаютъ вращаться въ томъ же заколдованномъ кругу понятій, только еще болѣе уподобляютъ церковь государству, только еще

глубже и глубже внѣдряютъ въ церковь стихію внѣшности и формализма. Ничто такъ краснорѣчиво не доказываетъ прискорбной справедливости нашихъ словъ, какъ то множество статей трактатовъ и проектовъ, которое прислано намъ въ редакцію отъ разныхъ духовныхъ лицъ по вопросамъ жизненной важности для русской церкви. Такъ одинъ, напримѣръ, разсуждая превосходно о значеніи проповѣди для народа, предлагаетъ поощрять хорошихъ сельскихъ проповѣдниковъ орденами и иными отличіями. Другой, искренно горюющій о недостаточно благоустроенномъ состояніи церкви, требуетъ отъ правительства изданія Свода Законовъ Церковныхъ,—вѣроятно такого, въ которомъ по параграфамъ было бы опредѣлено слѣдующее, напримѣръ: «предметы вѣдѣнія церкви суть: «1) правильность вѣры; 2) душеспасеніе» и т. д. Третій распространяется о необходимости гарантіи или огражденія бѣлаго духовенства отъ произвола архіерейскаго, на «точномъ *юридическомъ основаніи»*... Юридическое основаніе—*въ церкви!* Четвертый—объ организаціи при церквахъ для усиленія доходовъ, въ видѣ церковныхъ монополій, разныхъ отраслей промышленности. Пятый, шестой, десятый, сотый—объ улучшеніи матеріальнаго быта духовенства, причемъ почти никому изъ нихъ даже и въ голову не приходитъ взглянуть на вопросъ о духовенствѣ не съ точки зрѣнія касты и ремесла... Впрочемъ всѣ они по-своему правы. Если однажды допущенъ взглядъ на церковь, какъ на вѣдомство, какъ на своего рода государственное учрежденіе, то никакихъ другихъ основаній, кромѣ юридическихъ, формальныхъ и матеріальныхъ, для благоустроенія ея и для рѣшенія церковныхъ вопросовъ, хотя бы и духовнаго, нравственнаго свойства, и быть не можетъ. Параллельное развитіе, по одному и тому же пути, церкви и государства должно продолжаться все дальше и дальше,—причемъ государство будетъ, изъ угожденія церкви, преслѣдовать совѣсть, контролировать соблюденіе чиновниками обрядовъ исповѣди и причастія, карать за несоблюденіе монашескихъ обѣтовъ и пр., а церковь, съ своей стороны, приметъ еще глубже въ себя образъ и подобіе государства и откажется отъ своей свободы... Но гдѣ же, повелѣнное Христомъ, отдѣленіе Божія отъ кесарева, «царства не отъ міра сего» отъ «царства отъ міра», и не обрекаетъ ли себя въ такомъ случаѣ церковь, становясь царствомъ отъ міра,—на судьбу всѣхъ мірскихъ царствъ?..

Духъ истины, духъ любви, духъ жизни, духъ свободы... въ его спасительномъ вѣяніи нуждается русская церковь! Духъ этотъ живетъ въ ея православномъ ученіи; средство обновленія и возрожденія находится въ ней самой...

Чтобы еще нагляднѣе показать читателямъ, до какой степени государственная стихія, объявшая всю нашу церковно-іерархическую среду

и церковную жизнь, затрудняетъ въ настоящее время разрѣшеніе существенныхъ для церкви вопросовъ, мы коснемся, въ одной изъ слѣдующихъ нашихъ статей, именно вопроса «объ улучшеніи быта приходскаго духовенства».

Ремесленный взглядъ въ вопросѣ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства.

«Москва», 22-го августа 1868 г.

«За крещенье 10 коп., за исповѣдь и причастіе умирающаго 5 коп., за литургію по усопшемъ 25—30 коп.» и т. д., и т. д. Дешевизна необыкновенная! Такую дешевую *таксу* за совершеніе требъ и святыхъ таинствъ, существующую въ селахъ нѣкоторыхъ епархій, противополагаетъ авторъ помѣщаемой ниже замѣтки, отецъ N. N., таксѣ, принятой въ Харьковской епархіи и напечатанной въ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», въ статьѣ г. Твердохлѣбова (см. 71 № «Москвы»). Но если харьковскія цѣны очень высоки, то нельзя не согласиться съ упомянутою нами духовною особой, что вышеприсанныя цифры другихъ епархій, наоборотъ, слишкомъ низки и не соотвѣтствуютъ цѣнности самаго труда. И въ самомъ дѣлѣ, чтобы причастить инаго умирающаго, приходится священнику ѣхать иногда за нѣсколько верстъ, «въ морозъ, дождь, или хорошую погоду, но въ такое время, говоритъ отецъ N. N., когда для самого крестьянина *часъ стоитъ не 5 коп., а 25 коп.*»! Справедливо,—жаль только, что отецъ N. N. не переложилъ на деньги: чего стоитъ предсмертный часъ для самого умирающаго?.. Еще справедливѣе доказываетъ авторъ, что литургія по усопшемъ должна цѣниться дороже 25—30 коп.,—это вѣдь не просто придти да произнести молитву или совершить какую-нибудь несложную требу; «вѣдь къ литургіи надо приготовиться и служить ее съ утреней» и все это за 25—30 копѣекъ!

Разсужденія основательныя; точка зрѣнія практическая, утилитарная (какъ теперь любятъ выражаться), вполнѣ соотвѣтствующая тому общему, чисто внѣшнему воззрѣнію на церковь и духовенство, которое утвердилось въ нашей церковной средѣ, благодаря воздѣйствію бытовыхъ и государственныхъ началъ, внесенныхъ въ жизнь и управленіе церкви. Стòитъ только усвоить себѣ этотъ взглядъ на церковь, и служители алтаря Христова представятся намъ какъ сословіе, промышляющее своего рода ремесломъ, отъ котораго оно и кормится. Далѣе, стòитъ только приложить къ этому сословному занятію общіе вѣсы и мѣры (а такое приложеніе есть необходимое логическое послѣдствіе основнаго

принятаго взгляда)—и мы непремѣнно придемъ къ заключенію, что дѣйствительно нѣтъ тягостнѣе ремесла приходскаго священника, и что онъ въ правѣ, какъ и всякій живущій своимъ ремесломъ, соображать плату за свой трудъ со всѣми тѣми живыми условіями, которыя поднимаютъ и убавляютъ,—однимъ словомъ, строютъ цѣны на ремесленное дѣло или товаръ. Но, съ другой стороны, мы должны признать правыми и тѣхъ, которые, руководясь точкой зрѣнія государственной и имѣя въ виду, что съ ремесломъ этимъ для православнаго общества связано удовлетвореніе его необходимѣйшихъ потребностей, стремятся обезпечить это удовлетвореніе наиболѣе правильнымъ образомъ и оградить общество отъ корыстнаго ремесленнаго произвола. Съ этой точки зрѣнія установленіе нормальной таксы за совершеніе требъ и святыхъ таинствъ представляется вполнѣ естественнымъ, точно такъ же, какъ и установленіе таксъ на предметы необходимыхъ жизненныхъ потребностей: хлѣбъ, воду и прочее. Мы слышали даже, будто наше главное духовное начальство, въ попеченіи своемъ о благоустроеніи духовнаго вѣдомства и объ удешевленіи и регламентаціи способовъ душеспасенія, предполагаетъ издать, въ видѣ таксы, общую разцѣнку всѣхъ тѣхъ священнодѣйствій и требъ, къ которымъ отчасти обязаны, отчасти любятъ прибѣгать русскіе православные люди: такъ что всякій, имѣя въ рукахъ своихъ эту утвержденную начальствомъ табель, можетъ видѣть и разсчитать—во что̀ ему обойдется смерть, во что̀ поновленіе духа, бракъ, крещеніе, и чего сто̀итъ то или другое духовное утѣшеніе—акаѳистъ, молебны и пр. Практическое удобство такой таксы очевидно; кромѣ того, ограждая интересы прихожанъ, она освобождаетъ и духовенство отъ всякихъ неприличныхъ нареканій за излишнюю корыстную притязательность. Если слухъ о таксѣ, дошедшій до насъ, еще не болѣе какъ слухъ, то во всякомъ случаѣ такое предположеніе возможно и не противорѣчитъ нисколько господствующему у насъ характеру церковнаго управленія.

Все это очень просто и естественно,—разумѣется если смотрѣть со стороны внѣшняго гражданскаго благоустройства. Но попробуемъ хоть на минуту сдвинуться съ этой точки зрѣнія, оглянемся кругомъ себя... Куда это, въ какую трущобу мы зашли этимъ «естественнымъ» путемъ, съ руководствомъ практическихъ соображеній? О чемъ идетъ рѣчь? Не о величайшихъ ли и страшныхъ тайнахъ—возрожденія, обновленія и спасенія человѣка? Не о возсоединеніи ли людей союзомъ любви и вѣры въ тѣло Христово, какъ называетъ апостолъ церковь,—не о пріобщеніи ли вѣрующихъ къ благодати Христовой въ церкви и черезъ церковь, посредствомъ молитвенныхъ подвиговъ духа и таинствъ, видимо знаменуемыхъ церковнымъ священнодѣйствіемъ? Развѣ есть здѣсь мѣсто куплѣ и продажѣ? Развѣ молитвенные подвиги церкви могутъ быть

низведены до значенія ремесла или промысла, и молитва можетъ быть оцѣниваема какъ товаръ? Развѣ служитель церкви, освященный дарами Св. Духа, можетъ торговать своимъ святымъ полномочіемъ?.. Мы говоримъ не о злоупотребленіяхъ, не объ обычаѣ, который есть слѣдствіе невѣжества и другихъ условій и можетъ измѣниться вмѣстѣ съ ними, а объ отверждении и регламентаціи обычая закономъ, о возведеніи его въ руководящее начало—ради государственнаго и общественнаго благоустройства. Едва ли кто-либо, отрезвившись на минуту отъ угара житейской премудрости, не содрогнется отъ ужаса при одной мысли о таксахъ на священнодѣйствія, и вообще объ этомъ низведеніи святаго, неизглаголаннаго, таинственнаго, духовнаго—до уровня вещественныхъ земныхъ интересовъ, до разсчетовъ корысти, до размѣровъ осязательной пользы, до разцѣнки на рубли и копѣйки. Такое упраздненіе святости въ святомъ, духа въ области духа, несмотря на всевозможнѣйшія видимыя практическія удобства, производитъ только мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ и упраздняетъ необходимость и причину бытія *всего учрежденія*. Вотъ она, та подмѣна идеала церковнаго на мірской, государственный, о которомъ мы говорили недавно; вотъ она, та правда внѣшняя, которая такъ ловко подвернулась на мѣсто правды внутренней,—вотъ дѣйствіе того внѣшняго мѣрила, которымъ стало измѣряться внутреннее и духовное въ нашей церковной жизни. Но вѣдь церковь, какъ мы уже не разъ повторяли,—такая область, въ которой форма, внѣшность, лишенная своего святаго содержанія,—въ противоположность сферѣ государственнаго формализма,—мертвитъ, а не живитъ, вредитъ, а не благодѣйствуетъ. Еслибы утверждалась точка зрѣнія на священнодѣйствіе какъ на ремесло, а на служителя алтаря какъ на ремесленника, продающаго свой трудъ, то со временемъ такое воззрѣніе, внося въ область церкви внутреннее противорѣчіе, подточило бы основаніе самой вѣры, привело бы къ признанію самого ремесла безполезнымъ... Впрочемъ, такъ какъ трудно вѣрующимъ душамъ мириться съ подобнымъ противорѣчіемъ и упразднить въ себѣ хотя и не всегда отчетливо сознаваемую, но тѣмъ не менѣе искреннюю потребность внутренней правды, то такая неупразднившаяся вѣра и потребность правды можетъ удалить людей отъ того церковнаго союза, гдѣ упразднился духъ и осталась одна форма, одно мертвящее «письмо»,—внѣшній распорядокъ, а не живая жизнь. Вообще, — скажемъ здѣсь къ слову, — если, съ одной стороны, все обильнѣе и обильнѣе обнаруживаются у насъ попытки (какъ логическое послѣдствіе государственнаго начала, внесеннаго въ церковь) поупразднить духъ жизни и свободы въ церкви,—то, съ другой, едва ли можно утверждать, чтобы въ массѣ православнаго общества такія попытки происходили безслѣдно и не ощущалась въ ней смутная неудовлетворенность религіознаго чув-

ства. Эта-то неудовлетворенность и выражается въ разныхъ поискахъ за болѣе совершеннымъ, по мнѣнію ищущихъ, проявленіемъ вѣры и истины, т. е. въ разныхъ блужданіяхъ, въ усиленіи старыхъ и въ созданіи новыхъ церковныхъ расколовъ, религіозныхъ союзовъ, толковъ и сектъ... Такимъ образомъ, то самое вторженіе государственной стихіи въ церковь, которое выражается содѣйствіемъ внѣшней силы для охраненія единства и цѣлости церкви отъ сектъ и расколовъ,—оно же, внося въ церковь начало формализма, преобладаніе внѣшняго надъ внутреннимъ, ослабляя, подрывая, такъ сказать матеріализуя жизнь духа, всего болѣе содѣйствуетъ печальному отчужденію отъ церкви многихъ ея сыновъ, размноженію лживыхъ вѣроученій и пропагандѣ матеріалистовъ. Есть надъ чѣмъ задуматься...

Но обратимся къ прямой задачѣ нашей статьи. Мы вовсе не желаемъ подвергать личному нареканію наше духовенство; мы готовы утверждать, что ихъ личной винѣ здѣсь мало мѣста, или по крайней мѣрѣ эта личная вина оправдывается въ значительной степени всѣми условіями нашего историческаго и бытоваго развитія. Мы, напримѣръ, хорошо знаемъ, что авторъ печатаемой ниже замѣтки—во всѣхъ отношеніяхъ почтенное духовное лицо, извѣстное своимъ безкорыстіемъ и строгостью жизни,—но тѣмъ-то и замѣчательнѣе кажется намъ самое простодушіе, съ которымъ онъ могъ помѣстить въ своей статьѣ такія выраженія и обороты рѣчи, говоря о священнической дѣятельности, отъ которыхъ покоробитъ едва-ли не бо̀льшую часть читателей свѣтскаго званія. Вообще ни о чемъ такъ много не было получено нами, въ редакціи «Дня», а потомъ и «Москвы», статей, какъ объ улучшеніи быта бѣлаго духовенства. Писанныя большою частью лицами духовнаго сословія, онѣ показали намъ,—что̀ мы уже и упоминали однажды,—какъ трудно даже и лучшимъ изъ церковно-іерархической среды выбиться изъ этого заколдованнаго круга внѣшнихъ, экономическихъ и юридическихъ соображеній, бытоваго матеріализма и государственнаго міросозерцанія. Разоблачая отношенія приходскихъ священниковъ къ прихожанамъ съ откровенностью, доходившею до цинизма,—большинство статей склонялось въ пользу назначенія постояннаго жалованья, сообразно съ существующей обычной таксой и тому подобными системами обезпеченія... Но почти ни въ одной статьѣ—обнаруживаемъ это съ искреннимъ прискорбіемъ—не было даже затронуто и вопроса о высшемъ назначеніи духовенства, не было даже и помину объ общей задачѣ церкви, о какой-либо потребности духовной, которая бы возносилась надъ заботою о потребностяхъ житейскихъ! Мы, конечно, въ правѣ были ожидать отъ служителей духа болѣе ревности къ духу; мы было надѣялись, что вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи будетъ подчиненъ высшему вопросу о нравственномъ призваніи духовенства,—вопросъ о средствахъ

вопросу о цѣли; мы думали, что, разсматриваемый именно съ этой точки зрѣнія, онъ и представитъ намъ настоящія данныя для своего разрѣшенія. Матеріальное обезпеченіе необходимо, въ томъ нѣтъ и спора, но иначе, кажется, разрѣшается вопросъ для людей «духомъ горящихъ и Господеви работающихъ»—нуждающихся въ обезпеченіи только для свободнаго и всецѣлаго служенія своей задачѣ,—и иначе для людей, для которыхъ служеніе алтарю есть только одинъ изъ способовъ существованія, общественное положеніе, сословное ремесло. Одно матеріальное обезпеченіе, при скудномъ «горѣніи духа», какъ свидѣтельствуютъ исторія и дѣйствительность, не заключаютъ въ себѣ непремѣннаго ручательства въ нравственномъ подъемѣ духовенства, въ вѣрнѣйшемъ достиженіи имъ цѣли своего высокаго призванія. Въ богатыхъ приходахъ дѣло идетъ не лучше, чѣмъ въ бѣдныхъ. На что обильнѣе обезпечены у насъ вообще монахи? И что̀ же? чѣмъ богаче монастырь, тѣмъ ограниченнѣе, нерѣдко, объемъ его духовной дѣятельности, тѣмъ менѣе назидательности представляетъ онъ для окружающаго его населенія...

Какъ бы то ни было,—а все же приходское духовенство наше бѣдствуетъ, особенно сельское! Какъ бы то ни было, а порядокъ существующихъ отношеній между приходскимъ духовенствомъ и приходомъ долѣе терпимъ быть не можетъ, и настоящіе способы обезпеченія церковныхъ причтовъ становятся невыносимы для нравственнаго чувства какъ причтовъ, такъ и прихожанъ. Никто изъ нихъ, ни та ни другая сторона, не виноваты въ унаслѣдованномъ историческомъ порядкѣ дѣлъ,—въ томъ, что духовенство сложилось у насъ въ касту, а служеніе алтарю—въ наслѣдственное сословное ремесло; не виноваты они, положимъ, и въ томъ омертвѣніи, которое замѣчается въ нашей церковной жизни: по крайней мѣрѣ оживленіе не отъ нихъ однихъ лично зависитъ. Преобразованія, которыхъ, въ этомъ отношеніи, требуетъ русская церковь, не могутъ совершиться скоро и состоятъ въ связи съ общимъ ходомъ нашей бытовой и государственной жизни. Мы можемъ желать, но не имѣемъ права требовать отъ священниковъ высшихъ подвиговъ самоотверженія и мученичества, или вѣрнѣе—мы не въ правѣ самовольно и насильственно налагать на нихъ бремя подобныхъ подвиговъ. Послужитъ ли обезпеченіе къ улучшенію нравственности и къ подъему духа въ духовномъ сословіи — этотъ вопросъ мы не имѣемъ права предрѣшать, пока не поставимъ духовное сословіе въ независимость отъ вещественной нужды,—въ такія условія, однимъ словомъ, при которыхъ забота объ обезпеченіи не могла бы ужъ служить оправданіемъ бездѣйствію духовенства. Въ настоящее же время, какъ бы высоко ни понималъ иной бѣдный сельскій священникъ свое призваніе, все же у него на рукахъ человѣкъ пять-шесть дѣтей, кото-

рыхъ надобно кормить, воспитать и пристроить. Все же надобно ему вести свое хозяйство, вовремя скосить, вспахать и засѣять, вслѣдствіе чего и приходится ему поневолѣ оцѣнивать каждый часъ удобной лѣтней поры копѣекъ въ 25 или 30, какъ разсуждаетъ отецъ N. N.; все же наконецъ источникомъ доходовъ служатъ для него только требы, а отсюда и возникаетъ притязательность къ платѣ, возвышеніе цѣнъ, позорные поборы съ крестомъ по домамъ въ праздничные дни, налоги на раскольниковъ и т. д.

Читатель видитъ, что мы стараемся отнестись къ вопросу съ полнымъ безпристрастіемъ. Мы и не можемъ не признать его требующимъ неотложнаго разрѣшенія,—но какъ разрѣшить его—въ этомъ-то и задача.

Мы возвратимся къ ней въ слѣдующей статьѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и къ помѣщаемой нами ниже замѣткѣ подъ заглавіемъ: «Къ вопросу объ улучшеніи быта духовенства».

О томъ, какъ при обезпеченіи матеріальнаго быта духовенства надо имѣть въ виду и духовное обезпеченіе прихожанъ.

«Москва», 23-го августа 1868 г.

Возвращаемся къ вопросу объ обезпеченіи православнаго приходскаго духовенства. Вопросъ этотъ важенъ, настоятельно требуетъ отвѣта, но не менѣе важно отдать себѣ ясный отчетъ въ томъ, чего собственно желаютъ у насъ достигнуть его разрѣшеніемъ? что именно имѣютъ въ виду, учреждая, для его разработки, коммиссіи, комитеты, разныя «соединенныя», но кажется никогда не соединяющіяся, присутствія въ столицахъ и по губерніямъ? Имѣется ли въ виду прежде всего выгода извѣстнаго сословія, занимающаго значительное мѣсто въ общемъ государственномъ строѣ, —или же благо церкви? Въ томъ ли главная задача, чтобы облагообразить и привести въ порядокъ настоящіе безобразные и безпорядочные способы обезпеченія, несовмѣстные съ достоинствомъ благоустроеннаго государства,—или же поднять нравственный уровень духовенства? Что стоитъ на первомъ планѣ: забота ли объ улучшеніи и утвержденіи на прочныхъ основахъ благосостоянія церковнаго приходскаго причта, или же забота о томъ, чтобы этотъ причтъ соотвѣтствовалъ своему высокому назначенію въ приходѣ? Кого собственно слѣдуетъ обезпечить: приходское ли духовенство въ полученіи доходовъ, или прихожанъ въ исправномъ, со стороны мѣстнаго духовенства, исполненіи обязанностей? Спрашивается: духовенство ли для прихода, или приходъ для духовенства?

Какіе странные и праздные спросы, — непремѣнно скажутъ намъ нѣкоторые, — на нихъ и отвѣчать не стоитъ: само собою понимается, что когда говорятъ объ улучшеніи быта приходскаго духовенства, то желаютъ и подразумѣваютъ одно—общее благо церкви. Не станемъ спорить. Но именно для того, чтобъ могло осуществиться такое желаніе, и необходимо, чтобы благо церкви не только подразумѣвалось само собою, но было поставлено на виду, какъ главная цѣль; далѣе, чтобы эта главная цѣль не заслонялась другими, ближайшими цѣлями,—личнымъ благомъ духовнаго сословія, напримѣръ,—и чтобы при разрѣшеніи задачи обезпеченія духовенства былъ избранъ именно тотъ путь, который прямѣе всѣхъ приводетъ къ главной цѣли. А такъ ли оно у насъ, на дѣлѣ? Посмотримъ.

Что̀ послужило поводомъ къ возбужденію общаго вопроса, занимающаго теперь и свѣтское и церковное правительство, и нашу періодическую литературу—объ улучшеніи матеріальнаго быта приходскаго духовенства? Та скудость средствъ существованія,—объясняютъ обыкновенно,—которая нудитъ священника заботиться прежде всего о насущномъ хлѣбѣ и роняетъ достоинство его сана. Такъ. Слѣдуетъ ли однако изъ этого, что, выводя духовенство изъ бѣдности, мы возвысимъ достоинство его сана, поднимемъ значеніе приходскаго причта? Не видимъ ли мы развѣ богатыхъ приходовъ, гдѣ средства къ существованію съ избыткомъ обезпечены, гдѣ священники самымъ непритязательнымъ образомъ могутъ составить и составляютъ себѣ состояніе, но гдѣ нравственность причта стоитъ тѣмъ не менѣе на степени очень низкой, духовное значеніе его ничтожно, дѣятельность ограничивается однимъ формальнымъ, небрежнымъ богослуженіемъ и машинальнымъ отправленіемъ требъ: нѣтъ ни проповѣди, ни поученій, — народъ не назидается, но развращается, глядя на пастырей, и охладѣваетъ къ Божіей церкви? Что не въ матеріальномъ благосостояніи лежитъ истинный залогъ вѣрности духовенства своему призванію—это доказывается, какъ мы упомянули въ прошлый разъ, примѣромъ нашихъ богатыхъ монастырей. Стало быть однимъ устраненіемъ «скудости средствъ» еще не упрочивается достиженіе *главной* цѣли: нужно что-то другое еще,—но что̀ же?

Конечно, возразятъ намъ, «задача не только въ томъ, чтобы приходскіе священники не терпѣли никакихъ нуждъ, но преимущественно въ томъ, чтобы измѣнились самые способы, которыми обезпечиваются ихъ нужды; чтобы средства существованія для приходскаго духовенства заключались не въ однѣхъ требахъ и поборахъ съ прихода, — чтобы священники выведены были изъ того положенія, которое, помимо ихъ воли, ставитъ ихъ въ унизительную зависимость отъ прихожанъ, часто невѣжественныхъ и грубыхъ»... Мы совершенно согласны, что всѣ эти поборы и требованія платы за требы унижаютъ достоинство священ-

наго сана, что всего этого желательно было бы избѣгнуть, — но какъ? Отвѣтъ на вопросъ и служитъ пробнымъ камнемъ для всѣхъ отвѣчающихъ; въ отвѣтѣ сказывается настоящее, внутреннее отношеніе каждаго къ задачѣ, и его сокровенная мысль и цѣль: смотря по тому, какъ кто смотритъ на мѣсто и на значеніе духовенства въ общественномъ строѣ, разнообразится и отвѣтъ. Одни предлагаютъ регламентировать или, какъ выражается отецъ N. N., «упорядочить», денежную зависимость духовенства отъ прихода точными правилами, именно установить таксу на богослуженіе и требы, выше которой прихожанинъ не обязанъ платить, а священникъ не смѣетъ требовать: такимъ образомъ думаютъ оградить прихожанъ отъ корыстной притязательности причта, а причтъ отъ чрезмѣрной скупости прихожанъ и отъ несправедливаго обвиненія въ притязательности. Другіе считаютъ необходимымъ поставить приходское духовенство въ совершенную независимость отъ прихожанъ и для этого назначить причту жалованье отъ казны — государственной, духовной или земской. Наконецъ, третьи полагаютъ возможнымъ: вычисливъ, съ помощью таксы, среднюю сложность доходовъ, получаемыхъ причтомъ съ прихожанъ, обратить ее въ постоянное жалованье, которое бы и выплачивалось приходомъ: *обязать* же къ тому прихожанъ приглашается земство. Таково, между прочимъ, мнѣніе гласнаго рязанскаго земскаго собранія, священника Молчанова, читанное имъ въ собраніи и напечатанное въ «Рязанскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ». Первые, предлагающіе жалованье сверху, отъ казны, при полной независимости причта отъ прихода, смотрятъ, очевидно, на священниковъ какъ на чиновниковъ, пожалуй—«духовныхъ», а на духовенство какъ на своего рода служилое сословіе по части церковной. Вторые въ своихъ мечтаніяхъ о таксѣ отправляются очевидно съ точки зрѣнія на священническое служеніе какъ на ремесло, а на отношенія между приходскими священниками и прихожанами, какъ на отношенія между *производителями и потребителями*; при такомъ взглядѣ, разумѣется, и основанія для опредѣленія этихъ взаимныхъ отношеній должны быть одинаковы. Что же касается до третьихъ, то они, смѣшивая обѣ указанныя системы, отличаются существенно отъ обѣихъ тѣмъ, что не только освобождаютъ духовенство отъ произвола прихожанъ въ размѣрѣ вознагражденія (какъ защитники таксы), или отъ какой бы то ни было зависимости отъ прихода (какъ сторонники казеннаго жалованья), но, напротивъ, ставятъ приходъ въ зависимость отъ причта, дѣлаютъ для прихожанъ платежъ жалованья и даже размѣръ жалованья обязательными.

О таксѣ мы теперь распространяться не станемъ; о ней уже достаточно сказано нами въ прошлой статьѣ. Въ самомъ ея практическомъ удобствѣ лежитъ уже нѣчто вредное, грубо матеріализующее, искажаю-

щее духовный смыслъ пастырства, духовную связь паствы съ пастыремъ. На практикѣ, въ нѣкоторыхъ приходахъ дѣйствительно существуетъ что-то въ родѣ таксы, обычаемъ установленной: но этотъ обычай, коренясь въ самой жизни, видоизмѣняется свободно вмѣстѣ съ жизнью, подлежа всѣмъ условіямъ мѣста и времени. Совсѣмъ иное дѣло—возвести случайное, мѣстное, временное явленіе въ принципъ, въ начало, которымъ должно опредѣлиться разъ навсегда дальнѣйшее теченіе церковно-приходской жизни,—отвердить, кристаллизировать, сдѣлать формально обязательнымъ живой обычай,—обратить то, что есть только *послѣдствіе* извѣстнаго порядка вещей, въ незыблемое *основаніе*, во главу угла случайному порядку. Даянія прихожанъ, при совершеніи священнымъ причтомъ требъ и богослуженія, имѣютъ смыслъ добровольнаго жертвованія, удовлетворяющаго чувству усердія и любви къ Божіей церкви: поэтому эти даянія должны быть непремѣнно свободны даже и въ такомъ случаѣ, когда они, какъ теперь, силою обычая, обратились въ плату и получили названіе платы за требы. Возникшія здѣсь злоупотребленія не могутъ измѣнить существеннаго смысла такихъ даяній, и, уничтожая злоупотребленія, должно пуще всего остерегаться исказить самое начало. Или ужъ не должно быть никакихъ даяній, или даяніямъ должна быть предоставлена совершенная свобода. Но такса рѣзко противорѣчитъ такому требованію и, лишая даяніе его основнаго высокаго нравственнаго смысла, признаетъ и узаконяетъ только одинъ смыслъ—низшій, житейскій, закрѣпляетъ за даяніемъ одно значеніе «платы», — слѣдовательно понижаетъ нравственный и духовный уровень самихъ понятій объ отношеніяхъ пастыря и пасомыхъ. Однимъ словомъ, здѣсь незамѣтно, подъ воздѣйствіемъ государственныхъ началъ порядка и благоустройства, совершается та *подмѣна* идеала, о которой мы уже однажды говорили... Но взглянемъ на дѣло съ другой стороны. Если такса и ограждаетъ прихожанъ отъ корыстной притязательности священника, то чѣмъ же она обезпечиваетъ ихъ въ томъ, что этотъ священникъ будетъ имъ истиннымъ пастыремъ, достойнымъ своего сана? Развѣ изданіе таксы, отнимающей у священника внѣшнюю возможность требовать себѣ за требы больше назначеннаго, способно тѣмъ самымъ очистить сердца церковнаго причта отъ всякихъ корыстныхъ вожделѣній? Стало быть «такса» не только не обезпечиваетъ приходъ добрымъ пастыремъ, но, наоборотъ, представляетъ почти вѣрное ручательство въ противномъ. Давая перевѣсъ вещественному надъ духовнымъ, установляя отношенія между священникомъ и прихожаниномъ какъ между ремесленникомъ-производителемъ и потребителемъ, она приведетъ лишь къ тому результату, что только эти послѣднія отношенія и останутся: значеніе *производителя и потребителя* естественно возобладаетъ надъ значеніемъ пастыря и пасомаго... Спра-

шиваемъ: гдѣ же тутъ благо церкви? Гдѣ же тутъ союзъ любви? Гонясь за пользою вещественною, не упускаютъ ли здѣсь изъ виду пользу духовную, какъ прихожанъ, такъ и самого причта? Вотъ и выходитъ, что вопросы, поставленные нами въ началѣ статьи, — вовсе не праздные и не лишніе.

Перейдемъ теперь къ другому предположенію—о жалованьѣ. Здѣсь высказывается явное желаніе освободить причтъ отъ всякой матеріальной зависимости отъ прихода, т. е. поставить пастыря внѣ всякой жизненной связи съ паствой. Другими словами: поставить священника въ положеніе чиновника на казенномъ содержаніи, такъ что обѣднѣлъ ли приходъ, пораженъ ли неурожаемъ, моромъ,—пастырь на своей вещественной обстановкѣ не испытываетъ никакихъ послѣдствій бѣды, удручающей его паству. Такимъ образомъ первый, непосредственный результатъ этой мѣры для причта есть отчужденіе внѣшнее, бытовое, жизненное — отъ прихода. За симъ естественно идетъ слѣдомъ и отчужденіе болѣе глубокое — внутреннее. Поставленный въ положеніе чиновника, священникъ и самъ на себя начинаетъ, и прихожане привыкаютъ смотрѣть на него — какъ на чиновника, отъ казны назначеннаго, казной оплачиваемаго, казной награждаемаго, казнѣ служащаго, по казенному вѣрующаго, въ интересахъ казны проповѣдующаго,—словомъ, какъ на человѣка *казеннаго*. А что̀ значитъ это понятіе у насъ въ народѣ и обществѣ, и совмѣстно ли оно съ понятіемъ «пастыря добраго» этого, кажется, мы можемъ и не объяснять. Здѣсь, — подобно тому какъ и въ первомъ случаѣ, относительно значенія ремесленника-производителя,— окончательный исходъ одинъ: значеніе слуги государственнаго имѣетъ постепенно возобладать надъ значеніемъ служителя алтаря. Но, скажутъ намъ, жалованье можетъ быть назначаемо и не отъ государства, а изъ общихъ суммъ церковныхъ. Это совершенно все равно; все же оно дается *сверху*, а при современномъ устройствѣ нашего церковнаго управленія, все, что̀ въ немъ *сверху* и *наверху*, тождественно въ мысли народа съ государственною властью. Съ понятіемъ о Синодѣ народъ не связываетъ никакого живого представленія о церкви; къ тому же, послѣ отобранія въ казну и капитализаціи церковныхъ имуществъ, капиталы вѣдаются свѣтскимъ правительствомъ и выдаются Синоду въ извѣстной мѣрѣ уже изъ главнаго казначейства... Однакожъ, замѣтятъ намъ, въ римско-католической церкви священники на жалованьи? Не входя въ подробный разборъ экономическаго положенія латинскаго духовенства, отвѣтимъ только, что римско-католическіе священники не могутъ и не должны служить намъ образцомъ, что всѣ они *слуги* своего государя-папы, всѣ они—солдаты папской арміи, вербующіе мірянъ въ подданство своему государю, не пасущіе, а «эксплуатирующіе» духовно паству въ интересахъ папства и папской власти; поэтому-то они и безбрачны, и ни въ какой «зависимости» отъ прихода не состоятъ...

Но, возразятъ намъ опять, «почему же не можетъ быть хорошимъ священникомъ тотъ, который получаетъ жалованье?» Мы и не утверждаемъ, чтобъ изъ среды получающихъ жалованье не нашлось ни одного такого, который сумѣлъ бы не поддаться воздѣйствію на себя государственнаго начала, и своимъ образомъ жизни заставилъ бы прихожанъ забыть о своей чиновничьей обстановкѣ. Но мы положительно утверждаемъ, что одно содержаніе священниковъ на жалованьи, само по себѣ, еще не дѣлаетъ ихъ, да и не способно дѣлать—хорошими или добрыми пастырями. Во многихъ губерніяхъ Россіи уже введена система жалованья, и если она обезпечила бытъ духовенства нѣсколькими десятками и сотнями рублей, то нисколько не улучшила, не подняла его нравственно и ни на грошъ не прибавила къ нему уваженія въ народѣ. Жалованье жалованьемъ, а полученіе платы и требованіе платы за требы продолжается своимъ порядкомъ; къ тому же жалованье это можетъ служить только подспорьемъ, но не замѣняетъ и не можетъ замѣнить всей суммы доходовъ причта отъ прихожанъ. Мы говоримъ это по личному опыту; мы можемъ указать имѣнія, гдѣ содержаніе причта достаточно обезпечено самимъ помѣщикомъ, но гдѣ священники нисколько отъ того не сдѣлались достойнѣе своего назначенія и ни на волосъ не расширили своего круга дѣйствій. Стало-быть, въ подобномъ обезпеченіи матеріальнаго положенія нашего приходскаго духовенства посредствомъ жалованья не заключается никакого обезпеченія для прихожанъ, что священники будутъ для нихъ истинными пастырями по слову Христову и апостольскому; напротивъ, эта мѣра, направленная къ уничтоженію «зависимости», можетъ лишь разрознить духовнаго пастыря съ паствой. Спрашиваемъ опять: гдѣ же тутъ благо церкви? гдѣ обезпеченіе прихожанъ? что же стоитъ здѣсь на первомъ планѣ?..

Говорить ли подробнѣе о предложеніи гласнаго земскаго собранія, священника Молчанова, и не его одного, а многихъ другихъ,—предложеніи земству: обязать приходъ, чтобы онъ, единовременно или въ сроки, выплачивалъ приходскому причту ежегодно круглую сумму, равняющуюся, по разсчету, общему итогу всѣхъ прежнихъ доходовъ причта за требы, славленія и т. п.? Нѣкоторые идутъ далѣе и желаютъ, чтобъ эта сумма выплачивалась причту земствомъ, которое пусть бы и сбирало само, что слѣдуетъ, съ прихожанъ. Но спрашивается, по какому праву могутъ быть *обязываемы* прихожане выплачивать приходскому духовенству именно такое, а не другое количество денегъ, смотря по ихъ средствамъ, которыя, какъ извѣстно, годъ на годъ не приходятся? Крестьянъ постигнетъ голодъ, пожаръ, сибирская язва, а они—плати непремѣнно то же, что платили и прежде, во дни довольства и избытка? Это во сто разъ хуже, чѣмъ при системѣ жалованья отъ казны. Да и вообще, могутъ ли быть *обязываемы* прихожане содержать при-

ходское духовенство безразлично, какое бы оно ни было—дурно ли, хорошо, рачительно или нерадиво? Почему должны они священника, который не снискалъ ихъ уваженія и любви, вознаграждать одинаково, какъ священника ими любимаго и уважаемаго? Вотъ тутъ-то кстати повторить вопросъ: приходъ ли для причта, или причтъ для прихода? Такой принудительный способъ обезпеченія, конечно, очень удобенъ для причта: чего же лучше получать тѣ же, что и прежде, доходы съ прихожанъ—не кланяясь прихожанамъ и не съ большимъ усердіемъ исполняя свои обязанности, какъ и прежде! *Обязываются* прихожане въ отношеніи къ духовенству... Но чѣмъ же *обязывается* духовенство въ отношеніи къ прихожанамъ, порвавши всякія узы зависимости и, наоборотъ, поставивъ въ зависимость къ себѣ прихожанъ? Обезпечивается матеріальный бытъ духовенства, — но чѣмъ же обезпечивается приходъ въ удовлетвореніи своихъ духовныхъ нуждъ, въ точномъ, живомъ, а не формальномъ исполненіи со стороны причта его святыхъ обязанностей? Другими словами: чѣмъ же здѣсь обезпечивается главная цѣль—благо церкви?

Конечно, — начинаютъ соглашаться съ нами ревнители таксы, жалованья и обязательнаго налога, — одно матеріальное улучшеніе быта еще не служитъ порукою, что священники сдѣлаются вполнѣ достойными своего сана: это даетъ образованіе. Образованіе? Но нельзя пожаловаться на то, чтобъ священники наши были люди необразованные: всѣ они учились въ семинаріяхъ и всѣ знаютъ настолько, что могли бы удовлетворить духовныя нужды прихожанъ, въ особенности сельскихъ, еслибы дѣло стояло только за образованіемъ. Образованными людьми можно назвать и матеріалистовъ и нигилистовъ. Слѣдуетъ ли изъ этого, что они годятся въ священники? Разумѣется нѣтъ, отвѣтятъ намъ, — «прихожане могутъ быть только тогда обезпечены въ истинномъ удовлетвореніи ихъ духовныхъ потребностей, когда приходскіе ихъ священники будутъ люди искренно убѣжденные въ истинѣ православія, люди вѣрующіе, сознающіе свое высокое призваніе»...

Призваніе? Вотъ мы и договорились. Выходитъ, стало быть, что на первый планъ, при разрѣшеніи задачи о матеріальномъ обезпеченіи приходскаго духовенства, выступаетъ вопросъ о *духовномъ обезпеченіи прихожанъ*, а такое обезпеченіе немыслимо, если приходскіе священники не будутъ сами людьми *по призванію*. Отъ этого положенія мы и отправимся далѣе, для разрѣшенія задачи о вещественномъ улучшеніи быта приходскихъ причтовъ, и можетъ быть найдемъ способы разрѣшенія нѣсколько болѣе вѣрные, чѣмъ всѣ вышеописанные проекты. Но отлагаемъ это до другаго раза.

Правильное развитіе церковно-приходской общины есть единственно вѣрный путь къ улучшенію матеріальнаго быта и нравственныхъ качествъ духовенства.

«Москва», 3-го сентября 1868 г.

Возвращаемся къ вопросу объ обезпеченіи приходскаго духовенства. Въ первыхъ двухъ нашихъ статьяхъ (114 и 115 №№ «Москвы») мы старались раскрыть до очевидности несостоятельность всѣхъ предположенныхъ, по крайней мѣрѣ доселѣ извѣстныхъ, способовъ разрѣшенія этого вопроса; мы желали показать, и кажется показали, что эта несостоятельность состоитъ въ тѣсной логической связи съ извѣстнымъ воззрѣніемъ на церковь и духовенство, господствующимъ въ нашей церковной средѣ; мы пришли къ такому заключенію, что вопросъ объ обезпеченіи не только разрѣшается во вредъ церкви, но даже и вовсе не находитъ себѣ удобнаго практическаго разрѣшенія, если будетъ поставленъ на первомъ планѣ, впереди существенныхъ вопросовъ,— вопросовъ, разрѣшеніе которыхъ должно ему предшествовать, а не послѣдовать. Другими словами: для правильнаго разрѣшенія вопроса объ обезпеченіи духовенства, надо напередъ поставить и рѣшить вопросъ: какъ обезпечить — не духовенство въ матеріальномъ отношеніи, а прихожанъ въ отношеніи духовномъ, т. е. въ томъ, что церковный причтъ будетъ соотвѣтствовать ихъ духовнымъ потребностямъ. Разрѣшеніе этого послѣдняго вопроса само собою приведетъ и къ разрѣшенію перваго. Попытаемся развить наши положенія.

Дѣло идетъ о приходскомъ духовенствѣ и прихожанахъ,—о церковномъ причтѣ и о приходѣ. Что̀ такое приходъ? Это есть та малая церковная община, которой центромъ служитъ храмъ,— т. е. община, сложившаяся или сгруппировавшаяся около храма, соединенная въ одно цѣлое храмомъ. Люди,— нерѣдко самыхъ разнообразныхъ общественныхъ положеній, принадлежащіе даже къ различнымъ гражданскимъ союзамъ,—связуются между собою единствомъ отношеній къ извѣстному храму, близъ котораго живутъ, и сознавая себя въ храмѣ и черезъ посредство храма одною духовной семьей, одною паствой, образуютъ новый союзъ, который и называется приходомъ. Конечно, эти малые церковные центры, созданные бытовыми и историческими элементами жизни церковной, не имѣютъ ни полноты, ни значенія такъ называемыхъ частныхъ церквей или даже епархіальныхъ церковныхъ союзовъ. Всѣ отправленія приходскихъ союзовъ вращаются около храма, въ тѣсныхъ предѣлахъ приходской общины и имѣютъ въ виду одну цѣль: удовлетвореніе духовныхъ нуждъ прихожанъ и — чрезъ участіе въ богослуженіи и таинствахъ, совершаемыхъ въ мѣстномъ храмѣ, — общеніе со всею церковью. Само собою разумѣется, что храмъ немыслимъ безъ

священно-служителей. Такимъ образомъ, говоря: «приходъ», мы разумѣемъ общину, храмъ и духовенство, состоящихъ между собою въ неразрывной связи, образующихъ одно органическое цѣлое. Но если приходъ долженъ быть и дѣйствительно представляется такого рода цѣльнымъ живымъ организмомъ, то онъ долженъ обладать и всею необходимою свободою для совершенія своихъ органическихъ отправленій, всѣми условіями жизни.

Этихъ-то условій органической жизни нашему русскому приходу и недостаетъ. Они существовали прежде, но частію отняты, частію упразднились сами собою вслѣдствіе измѣненій всего бытоваго и гражданскаго строя. Сохраняются только нѣкоторыя внѣшнія формы,—но больше въ видахъ внѣшняго порядка и благоустройства и фискальныхъ интересовъ церкви. Есть прихожане, но нѣтъ прихода въ настоящемъ смыслѣ слова; люди росписаны по церквамъ, но церковной общины въ ея истинномъ, первоначальномъ значеніи эти люди не составляютъ. Приходъ лишенъ всякой самостоятельности, и связь между приходомъ и приходскимъ духовенствомъ ослабла. Конечно, не порвались духовныя узы, связующія духовнаго отца съ его духовными дѣтьми, — не порвались, хотя уже и гораздо менѣе искренни, особенно въ селахъ, чѣмъ бывали въ старое время, когда еще не была порушена органическая цѣльность прихода и вообще крѣпко было въ русскомъ государствѣ то духовное народное единство, котораго не замѣнитъ никакое внѣшнее и формальное единство государственное, какъ воображаютъ себѣ нѣкоторые патріоты нашихъ дней. Во всякомъ случаѣ, отношенія мѣстнаго приходскаго священника къ своимъ духовнымъ дѣтямъ суть отношенія чисто личныя, единичныя, къ каждому изъ нихъ порознь, но не ко всѣмъ вмѣстѣ, но не выражаютъ собой отношенія пастыря къ *паствѣ*. А между тѣмъ, повторяемъ, приходъ (въ смыслѣ *паствы*) не значитъ только извѣстное количество отдѣльныхъ единицъ или прихожанъ (какъ мы это видимъ теперь), а означаетъ именно ту живую ихъ совокупность, которая является сама цѣльнымъ нравственнымъ лицомъ или единицею въ мірѣ земско-церковной жизни. Въ старину нашимъ приходамъ принадлежало именно такое значеніе: они избирали священниковъ и вообще церковный причтъ, даже заключали съ ними договоры, вѣдали церковно-приходское имущество и принимали на себя всѣ обязанности и заботы обезпеченія. Въ настоящее время, при господствѣ въ церковномъ высшемъ управленіи понятій совершенно инаго строя, при стремленіи напечатлѣть на церковь образъ и подобіе государства, при вторженіи въ область церковную государственныхъ началъ централизаціи, формализма, внѣшняго благоустройства, механической правильности и административной дисциплины, съ ущербомъ внутренней правдѣ,—въ настоящее время прежнее земское значеніе прихода замѣнено значеніемъ

церковно-административной единицы и церковно-финансовой цѣнности или доходной статьи. Поэтому, съ отмѣною принадлежавшаго прихожанамъ права избранія приходскаго причта, явилось поползновеніе уничтожить и послѣдніе остатки приходской самостоятельности устраненіемъ всякой «зависимости» причта отъ прихожанъ. Поэтому только и могъ возникнуть современный вопросъ объ обезпеченіи быта приходскаго духовенства. Въ сущности задача, такъ какъ она поставлена теперь нашимъ церковнымъ правительствомъ, состоитъ въ томъ: какъ обезпечить бытъ приходскаго духовенства *безъ* признанія за приходомъ его прежнихъ правъ и значенія? Другими словами: какъ обезпечить матеріальный бытъ приходскаго духовенства въ его новомъ не церковно-*земскомъ*, а церковно-*государственномъ* значеніи? Аномалія породила аномалію; неправильное положеніе нашихъ приходовъ вызвало и задачу неправильную и неразрѣшимую. Между тѣмъ вопросъ объ обезпеченіи можетъ быть разрѣшенъ или просто самъ собой упразднится, какъ скоро упразднится первоначальная его причина, т. е. какъ скоро приходы будутъ выведены изъ своего ненормальнаго положенія.

Мы уже говорили о попыткахъ освободить духовенство отъ всякой «унизительной зависимости» отъ прихожанъ и обезпечить его матеріальный бытъ: или посредствомъ назначенія духовенству постояннаго опредѣленнаго жалованья отъ государственной или даже общей церковной казны, — или же посредствомъ обращенія случайныхъ доходовъ духовенства (поступающихъ теперь въ видѣ платы за требы и пр.) въ постоянный опредѣленный доходъ, котораго уплата была бы наложена на прихожанъ по распоряженію правительства, какъ обязательная повинность. И въ томъ, и другомъ случаѣ извращеніе прежнихъ отношеній прихода къ духовенству и естественной, требуемой самою истиною, живой связи между ними—полное. Если, какъ мы уже сказали однажды, отношеніе римско-католическихъ священниковъ къ паствѣ представляетъ, со стороны этихъ вѣрныхъ слугъ своего государя-папы, не что иное, какъ духовную эксплуатацію христіанскихъ душъ въ интересахъ папства, въ пользу римско-католическаго духовнаго могущества,— то у насъ, при устраненіи земской стихіи въ церковномъ общественномъ строѣ, вышеупомянутые два проекта обезпеченія духовенства являются также своего рода эксплуатаціей. Въ первомъ случаѣ, т. е. при назначеніи священникамъ жалованья отъ казны, при возведеніи (или въ сущности низведеніи) ихъ на степень чиновниковъ, они эксплуатируютъ паству въ интересѣ чисто-политическомъ, въ пользу могущества государственной власти. Во второмъ случаѣ, т. е. при замѣнѣ случайныхъ доходовъ духовенства постояннымъ опредѣленнымъ доходомъ въ видѣ принудительной повинности прихожанъ,— отношеніе духовенства къ приходу можетъ быть по справедливости названо эксплуатаціей де-

нежной. Понятіе о такой эксплуатаціи присуще и предположенію—установить таксу за требы: это не болѣе, какъ попытка ввести правильный порядокъ въ эксплуатацію. Да и вообще говоря, что же иное представляютъ всѣ эти безчисленные проекты обезпеченія? Какъ скоро живая связь между пастыремъ и паствой, между приходомъ и приходскимъ причтомъ ослаблена, и духовенство не удовлетворяетъ духовныхъ нуждъ своей паствы или прихода,—то ихъ взаимныя отношенія являются не инымъ чѣмъ, какъ своего рода политическою или денежною эксплуатаціей одной стороны другою.

Мы должны по справедливости сказать, что статья отца N. N., помѣщенная нами въ № 114, представляетъ нѣкоторое отличіе отъ прежнихъ проектовъ. Хотя онъ и не противникъ мысли о назначеніи жалованья и отказывается отъ нея только ради ея практической, финансовой невозможности,—однакоже въ разрѣшеніи самаго вопроса объ обезпеченіи онъ ступаетъ уже шагъ впередъ. Для него задача состоитъ не въ изобрѣтеніи новой системы обезпеченія, а въ «упорядоченіи» существующей, именно въ томъ: «какъ бы приблизительно тѣ же самые доходы, какими пользуется теперь отъ прихожанъ духовенство, *собирать съ нихъ* иначе, чтобы духовенство могло стать къ нимъ въ правильныя отношенія и возвыситься нравственно, не выходя совершенно изъ зависимости отъ прихожанъ и въ то же время не унижаясь предъ каждымъ изъ нихъ въ частности». Точка зрѣнія отца N. N. и самая постановка вопроса почти тѣ же, что и въ предположеніяхъ о содержаніи причта способомъ обязательной повинности, но отецъ N. N. по крайней мѣрѣ не старается выводить духовенство совершенно изъ зависимости отъ прихожанъ, а главное,—видитъ возможность разрѣшенія поставленнаго имъ вопроса только въ *добровольномъ соглашеніи* причта съ прихожанами. Приходъ здѣсь не просто безгласный предметъ эксплуатаціи: за нимъ признается уже въ нѣкоторой степени нравственная личность и свободная воля, и выражается потребность стать къ этой личности въ «правильныя отношенія». Но вѣдь это еще не все. Если приходъ нравственная личность, то ее слѣдуетъ признавать не только со стороны приходскаго кармана, такъ сказать, — не только по отношенію къ матеріальному обезпеченію духовенства, но и по отношенію къ нравственнымъ нуждамъ самого прихода. Возлагая на приходъ обезпеченіе духовенства, нельзя же отказать ему въ правѣ обезпечивать и самого себя относительно достоинства лицъ, которыхъ приходъ призванъ или приглашается содержать: другими словами, приходится необходимо возстановить прежнее значеніе самой приходской общины, возвратить ей право избранія и утраченную самостоятельность. Въ самомъ дѣлѣ, не трудно понять,—особенно же имѣя за собою свидѣтельство прежнихъ временъ,—что излюбленный, избранный самимъ приходомъ священникъ будетъ имъ не-

премѣнно и обезпеченъ. Въ этомъ одномъ состоитъ единственно-возможное ручательство обезпеченія, слѣдовательно единственно-возможное разрѣшеніе того вопроса, который такъ озабочиваетъ теперь духовенство и церковное управленіе.

Въ послѣдніе годы, подъ вліяніемъ ли общей идеи *децентрализаціи*, вслѣдствіе ли внутренняго сознанія несостоятельности административной, слишкомъ широко растянувшейся, опеки, или по какимъ-либо другимъ побужденіямъ—изданъ указъ о такъ называемыхъ «приходскихъ попечительствахъ». Несмотря на странность этого названія, очевидно не жизнью даннаго, а придуманнаго, отвлеченнаго,— предлагаемая этимъ указомъ форма «попечительствъ» все же представляетъ организацію способную въ нѣкоторой степени поднять значеніе приходскихъ общинъ. Не знаемъ, въ какой степени сознательна и искренна была эта попытка вдохнуть въ приходскія общины снова духъ жизни; можетъ быть духа жизни понадобилось лишь настолько, насколько нужно облегчить слишкомъ уже тяжелое бремя высшей церковной администраціи; можетъ быть духа жизни понадобилось только для того, чтобъ эксплуатировать этотъ духъ для интересовъ и цѣлей административныхъ... Какъ бы то ни было, но несомнѣнно одно, что вслѣдъ за изданіемъ этого указа, едва лишь общество захотѣло воспользоваться новою формою приходской организаціи во всей ея полнотѣ, какъ появилось разнообразное противодѣйствіе. Будто спохватившись, что развитіе этого учрежденія можетъ повести къ возстановленію прежней самостоятельности приходовъ и испугавшись такого явленія, совершенно несогласнаго съ тѣмъ государственнымъ типомъ, который налагается у насъ на церковь, и съ господствомъ въ современной нашей церкви стихіи государственной, а не *земской*,—наши церковныя власти поспѣшили ограничить права и значеніе приходскихъ попечительствъ. Воспрещено попечительствамъ имѣть свои печати; предсѣдателемъ утверждается по преимуществу священникъ, вопреки желанію прихожанъ и смыслу самого учрежденія; отнимается право контроля надъ церковнымъ приходскимъ имуществомъ, устанавляются между попечительствомъ и епархіальнымъ начальникомъ отношенія на началахъ гражданской административной подчиненности и т.п. Впрочемъ о приходскихъ попечительствахъ, о посягательствѣ на ихъ свободу и права, какъ и вообще о приходѣ, гораздо пространнѣе и обстоятельнѣе излагается въ превосходныхъ статьяхъ Дмитрія Ѳедоровича Самарина, помѣщенныхъ разновременно въ нашей газетѣ. Считаемъ нужнымъ вновь обратить на нихъ вниманіе какъ читателей «Москвы», такъ и всего нашего духовенства, и вмѣстѣ выразить желаніе, чтобъ авторъ доводилъ скорѣе до окончанія свой замѣчательный и въ высшей степени важный трудъ.

Намъ могутъ возразить, что правомъ избранія, принадлежавшимъ

старину приходскимъ общинамъ, не обезпечивалось однакоже нисколько нравственное достоинство священниковъ, такъ какъ есть несомнѣнныя свидѣтельства ихъ невѣжества, грубости, неприличнаго поведенія. Этого отрицать мы не станемъ, но замѣтимъ только, что здѣсь вина лежала не въ правѣ избранія, а въ отсутствіи строгаго запроса со стороны самихъ прихожанъ на знаніе и святость приходскихъ притчтовъ, въ низости общаго нравственнаго и умственнаго уровня, въ грубости быта на всѣхъ ступеняхъ общественныхъ, и т. д. Не высоко стояло приходское духовенство, это правда, почти на одномъ уровнѣ съ народомъ; но за то они были близки другъ другу и ближе чѣмъ теперь; за то ихъ судьбы были неразрознены; они были связаны живою органическою связью; пребывали въ духовномъ и земскомъ единствѣ другъ съ другомъ и со всею Русской землею. Такая связь не исключала возможности развитія, просвѣщенія, умственнаго и нравственнаго подъема ни для духовенства, ни для народа; но этотъ подъемъ могъ бы совершиться одновременно для обоихъ, въ извѣстной постепенности и пропорціональности, безъ того нарушенія внутренняго единства, котороe мы видимъ теперь. Нѣтъ сомнѣнія, что такой органическій процессъ просвѣщенія былъ бы несравненно плодотворнѣе, чѣмъ та операція, которой подверглась Русская земля, когда верхніе ея классы, отчасти и духовенство, были оторваны отъ нижнихъ классовъ и отданы въ выучку мастерамъ европейской науки. Произошелъ разрывъ, произошло отчужденіе простаго народа отъ его естественныхъ руководителей,— и плодомъ всего этого — духовная непроизводительность европейскаго просвѣщенія въ выученныхъ,— коснѣніе невѣжества въ темныхъ массахъ народныхъ. Какъ бы ни былъ низокъ уровень приходскаго духовенства въ XVI, XVII вѣкѣ,— слово его было дѣйственнѣе, вліяніе пастыря на паству могущественнѣе и плодотворнѣе. Во всякомъ случаѣ, важенъ путь, на который становится общество, направляясь къ извѣстной цѣли,—а право избранія прихожанами священниковъ, освященное вѣковымъ обычаемъ церкви и даже каноническими постановленіями,— это право, вмѣстѣ съ самостоятельностью приходскихъ общинъ, представляетъ самый вѣрный путь къ истинному обезпеченію приходовъ достойными пастырями, во благо церкви. Само собою разумѣется, что это право, будучи непремѣннымъ условіемъ такого обезпеченія, не есть единственное условіе. Какъ мы сказали и въ прошлый разъ, приходамъ нужны пастыри, а не просто орудія для механическаго отправленія требъ,—нужны священники, одушевленные личнымъ призваніемъ, «духомъ горящіе и Господеви работающіе», а не священники по ремеслу, по сословной профессіи. Но здѣсь мы переходимъ уже въ область инаго вопроса -вопроса о духовномъ *сословіи*. Мы когда-нибудь коснемся и этого предмета,— но теперь намъ достаточно только указать на него въ перспективѣ: мы желаемъ только убѣ-

дить нашихъ читателей въ томъ, что вопросъ о матеріальномъ обезпеченіи духовенства, самъ по себѣ, отдѣльно взятый, есть вопросъ совершенно праздный и не допускающій никакого *правильнаго* и благаго разрѣшенія прежде разрѣшенія вопроса о правахъ приходскихъ общинъ и о нашемъ духовно-сословномъ институтѣ,—прежде возрожденія въ церкви духа жизни и свободы, прежде очищенія ея отъ наплыва государственной внѣшней стихіи...

Что можетъ отвѣтить наша Церковь на духовные запросы западнаго человѣчества (по поводу Пражскаго изданія богословскихъ сочиненій Хомякова)?

«Москва», 22-го октября 1868 г.

Одинъ за другимъ ломятся своды, падаютъ столбы, разрываются основы и связи древняго, пышнаго, величаваго храма... Неудержимо, со всѣхъ сторонъ, рушится твердыня латинской церкви,—свалился наконецъ и послѣдній, самый надежный, коренной столбъ: грохнула на земь испанская, пятнадцативѣковая католическая монархія. На обломкахъ католическаго міра почти одиноко высится Ватиканъ, вознося надъ ревомъ бушующихъ стихій свое роковое non possumus. Въ ослѣпленіи гордыни, презирая явныя знаменія исторіи, онъ мещетъ въ ангела-разрушителя безсильные, стародавніе громы своихъ заклинаній,—онъ скликаетъ, со всѣхъ концовъ вселенной, всѣхъ разсѣянныхъ сыновъ своихъ, всѣхъ исповѣдующихъ его божеское свойство и власть—на вселенскую духовную трапезу, на вселенскій новый соборъ... Не на предсмертный ли пиръ? Не на новый ли, послѣдній заговоръ противъ свободы человѣческаго духа?..

Но пріобщимся ли къ кликамъ торжества, раздающимся на Западѣ, въ станѣ побѣдителей? Не невѣріе ли побѣдитель? Не топоръ ли матеріализма подрубаетъ зданіе Римской церкви? Паденіе папства—не есть ли въ то же время и паденіе вѣры Христовой?.. Прислушаемся къ возгласамъ революціи, объявшей Испанію, къ прокламаціямъ любимыхъ вождей Италіи, къ рѣчамъ и протестамъ всѣхъ народныхъ представительствъ, свергающихъ съ себя иго конкордатовъ, всѣхъ ратующихъ за права человѣческой мысли и совѣсти. Сочувственъ ихъ кличъ свободы—духовной и гражданской,—но одновременно съ нимъ, изъ тѣхъ же устъ, поднимаются вопли: долой христіанство! долой вѣра и церковь!.. Это не нашъ кличъ: знамя безвѣрія не наше знамя.

Но не наше знамя,—ибо не знамя истинной вѣры,—и знамя Рима, главенства свѣтской власти и непогрѣшимости папы,—знамя духовной тираніи и рабства. Намъ, православнымъ, до очевидности ясно, что не

однимъ напоромъ враговъ сокрушается владычество Ватикана: его не держатъ болѣе его собственныя, историческія основы. Сооруженіе времени осуждается временемъ; царство отъ міра отслужило міру. Не столько отъ безвѣрія извнѣ, сколько отъ собственнаго невѣрія извнутри падаетъ Латинская церковь; вѣрнѣе сказать: обожествленіе папы породило безбожіе;—*не*вѣріе смѣнилось *без*вѣріемъ, и Римъ казнится собственнымъ дѣтищемъ...

Печальное и поучительное зрѣлище представляетъ намъ европейскій Западъ,—зрѣлище лютой брани между христіанскою *церковью* и *человѣчествомъ!* Понятіе *вѣры* (въ томъ ея видѣ, въ какомъ она повѣдана тамъ массамъ народа) отождествляется съ понятіемъ *тиранніи*,—понятіе *свободы* съ *отрицаніемъ вѣры:* бунтомъ и насиліемъ добывается признаніе самыхъ святыхъ прирожденныхъ человѣческихъ правъ...

А между тѣмъ на Востокѣ развѣвается иное церковное знамя, и цѣлая половина христіанскаго человѣчества остается непричастною судьбамъ латинскаго церковнаго міра —пребывая въ то же время неизмѣнно вѣрною девятнадцативѣковому преданію вѣры и исповѣдуя единую святую соборную и апостольскую церковь съ единымъ главою—Іисусомъ Христомъ... Что же безмолвствуетъ міръ православный? Отчего остается онъ попрежнему невѣдомъ Западу, теперь, когда уже сдвинулся Западъ съ своихъ историческихъ вѣроисповѣдныхъ основъ и, не обрѣтая кругомъ себя истины вѣры, приходитъ по необходимости къ отрицанію истины, къ вѣрѣ въ безвѣріе?.. Ожидаютъ ли, чтобъ сама Западная Европа обратилась къ намъ, православнымъ, съ формальнымъ запросомъ? Но развѣ этотъ запросъ не поставленъ для православнаго міра самой современной исторіей? Развѣ не вразумителенъ вѣщій языкъ событій? Гласъ исторіи—гласъ Божій, и горе намъ, если не внемемъ Божьему гласу. Къ тому же въ настоящую пору есть и формальный поводъ для отвѣта. Какъ извѣстно, Пій IX обратился къ православнымъ патріархамъ и русскому Синоду съ приглашеніемъ принять участіе въ созываемомъ имъ соборѣ. Вѣруя, что истина вѣры только въ православіи, что въ ней одной разрѣшеніе всѣхъ сомнѣній и недоумѣній, волнующихъ западно-европейское человѣчество, не обязанъ ли православный Востокъ, пользуясь настоящимъ случаемъ, повѣдать ему эту истину,—раскрыть ему сокровище истинной вѣры?..

Но кто повѣдаетъ? кто раскроетъ? Мы разумѣемъ не догматическій только отвѣтъ, который вѣроятно и послѣдуетъ, вполнѣ согласный съ православными догматами, на посланіе римскаго папы. Не изъ-за отвлеченныхъ только догматовъ, мало доступныхъ постиженію народныхъ массъ, отрѣшается Западъ отъ церкви, а изъ-за тѣхъ жизненныхъ послѣдствій, къ которымъ приводитъ и привело латинскій міръ латинское вѣроученіе. А потому, говоря объ отвѣтѣ, мы разумѣемъ —живой отвѣтъ

духу жизни, такой отвѣтъ, который бы опредѣлялъ отношеніе православія къ латинству не на основаніи только различія догматовъ выясняемаго катехизисомъ, но на основаніи невыясняемаго катехизисомъ (хотя конечно состоящаго съ нимъ въ логической, неразрывной связи) различія внутренняго духа и идеаловъ. Отъ кого же услышимъ мы этотъ отвѣтъ—хоть бы у насъ въ Россіи,—этой первенствующей православной странѣ, стоящей во главѣ православнаго міра? Отъ оффиціальныхъ ли представителей богословскаго знанія, которымъ присвоивается не только *обязанность*, но и исключительное *право* учить? Мы не сомнѣваемся въ искренности ихъ вѣры, но невольно спрашиваемъ себя: довольно ли у нихъ елея, чтобъ возжечь свѣтильникъ православія тѣмъ яркимъ свѣтомъ, который бы озарилъ путь къ истинѣ всѣмъ блуждающимъ и ищущимъ во тьмѣ, тамъ на Западѣ? Вѣрующіе, —достаточно ли вооружены они сами знаніемъ о вѣрѣ и разумѣніемъ истины, для того чтобы не уклониться отъ боя, но сразиться побѣдоносно съ пытливостью западнаго раціонализма; чтобъ освободить изъ его плѣна души, алчущія живой вѣры; чтобы указать исходъ изъ того повидимому безъисходнаго противорѣчія, въ которомъ вращается западно-европейское христіанство,—противорѣчія между религіей, съ одной стороны, съ ея тѣснотой, неволей, мракомъ, съ ея насиліемъ и рабствомъ, съ ея отрицаніемъ самыхъ священныхъ правъ человѣка, съ ея неудовлетворенными, или, вѣрнѣе сказать, непризнанными и отвергнутыми запросами духа,—между извѣстной Западу религіей, однимъ словомъ, и между безвѣріемъ, съ его свободой мысли и совѣсти, съ его просторомъ духовнымъ и жизненнымъ, съ неограниченностью науки и знанія, съ его прогрессомъ, съ его возстановленіемъ попранныхъ правъ человѣка—и также съ его отрицаніемъ и бунтомъ, съ его неудовлетворенными запросами духа.

Этотъ миръ, этотъ вожделѣнный и невѣдомый Европѣ миръ между свободой личнаго духа и церковью, между разумомъ и вѣрой, между движущимся и тѣмъ, что̀ пребываетъ непреложнымъ,—въ состояніи ли повѣдать его наши оффиціальные представители богословскаго знанія? Что̀ отвѣтятъ они на запросъ всей западной половины человѣчества—хоть бы, напримѣръ, о свободѣ совѣсти? Не проповѣдують ли они и устно и дѣломъ угнетеніе совѣсти? не прибѣгаютъ ли они, за помощью въ дѣлахъ вѣры, къ внѣшней вещественной силѣ, къ мечу государственному, обличая тѣмъ самымъ невѣріе въ дѣйственность единаго орудія, свойственнаго церкви, орудія духовнаго,—слова? Не помощью ли полиціи, не страхомъ ли уголовныхъ каръ загоняютъ они свое словесное стадо въ церковную ограду, завѣдомо удерживая невѣрующихъ подъ видомъ вѣрующихъ? Какъ приняты были большинствомъ духовенства наши посильные призывы къ расширенію свободы совѣсти, зна-

комые нашимъ читателямъ? Не такъ же ли, какъ принимаетъ подобные призывы и латинское духовенство, т. е. какъ оскорбленіе правъ церкви, какъ посягательство на ея цѣлость,—хотя мы призывали къ свободѣ не во имя безвѣрія, какъ на Западѣ, а во имя вѣры. Не точно ли такъ же, какъ римскій клиръ, думаетъ и большинство русскаго клира (или заставляетъ думать своими рѣчами, статьями и поступками), что вѣра есть какое-то внѣшнее состояніе, а не явленіе внутренняго міра, что церковь—есть чисто-внѣшнее учрежденіе, оффиціальное вѣдомство, надѣленное внѣшнею властью надъ подчиненными ему и числящимися въ его штатѣ человѣческими душами?.. Догадываются ли они, наши оффиціальные богословы, что уголовныя преслѣдованія за отпаденіе отъ истинной вѣры, «гораздо по существу своему противнѣе духу церкви, чѣмъ даже такъ называемому гуманизму или либерализму», какъ выражается одна книга, которую мы назовемъ ниже? Или же скажутъ вмѣстѣ съ папой, что свобода совѣсти несовмѣстна съ Христовой вѣрой? Въ чемъ же будетъ тогда ихъ отличіе отъ папскаго вѣроученія? и не обрекаютъ ли они сами себя и церковь логическимъ послѣдствіямъ этого вѣроученія, явленнымъ намъ исторіей Латинскаго міра?

Что отвѣтятъ они на запросъ о свободѣ мысли—они, преграждающіе всякое движеніе религіозной мысли помощью извѣстнаго учрежденія, называемаго духовной цензурой, —они, налагающіе на личную мысль и ея выраженіе старый оффиціальный штемпель установленнаго ими разъ навсегда богословскаго школьнаго правомыслія и *православія* (если можно такъ выразиться), — они, лишающіе православіе тѣхъ средствъ защиты, которыхъ требуетъ новое время, противъ натиска новыхъ враговъ, выставленныхъ современною наукою и философіей? Гдѣ найдемъ мы у нихъ, въ ихъ книгахъ и «Догматическихъ богословіяхъ» хоть бы даже то понятіе о церкви, совершенно противоположное римско-католическому пониманію, какое повѣдано намъ въ отвѣтѣ восточныхъ патріарховъ на посланіе Пія IX въ 1848 году? Въ этомъ посланіи, какъ извѣстно, сказано, что «если бы даже и всѣ патріархи и весь клиръ согласились принять римскіе догматы, то и тогда бы это не было согласіемъ всей церкви, ибо *тѣло церкви не въ клирѣ только, но и въ народѣ*». И не былъ ли этотъ отвѣтъ оффиціальными представителями нашей церкви долго прикрываемъ отъ вѣдѣнія всей Россіи, какъ заключающій въ себѣ понятіе невполнѣ совмѣстное съ общимъ строемъ нашего оффиціальнаго церковнаго управленія и учительства? Что возразятъ они, наконецъ, на упрекъ въ зависимости православной церкви отъ государства, — въ виду высшаго церковнаго правительственнаго учрежденія, вполнѣ зависимаго отъ свѣтской власти,—учрежденія центральнаго, обратившаго епархіи въ административныя единицы и построившаго все управленіе церкви на началахъ бюрократіи и нѣмец-

каго канцеляризма? Чѣмъ опровергнуть они,—не на основаніи теоріи, а на основаніи очевидной практики,—чѣмъ опровергнуть они обвиненіе, будто церковь у насъ въ Россіи есть только одна изъ функцій государственной власти, и имѣетъ своею преимущественною задачею—служить цѣлямъ и видамъ государственнымъ? Кто виноватъ въ томъ, что «невѣріе (выписываемъ нѣсколько строкъ изъ упомянутой нами книги), принявъ риторику за ученіе, лесть за исповѣданіе, успѣло убѣдить многихъ, что церковь не только благословляетъ *идею государства*, то есть народный союзъ подъ общепризнанною властью, но освящаетъ будто бы именно одну изъ формъ государственнаго союза за исключеніемъ всѣхъ другихъ; опредѣляетъ будто бы эту власть какъ непосредственный даръ Божій, какъ частную собственность лица или рода, и тѣмъ становится поперекъ всякому политическому прогрессу, заранѣе осуждая его какъ посягательство на божественную заповѣдь»?.. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, отличаются отъ римской богословской школы мнѣнія нашихъ оффиціальныхъ богослововъ по всѣмъ важнѣйшимъ, *жизненнымъ* вопросамъ, подъявшимъ бунтъ въ средѣ западнаго христіанства и уготовившимъ гибель римскому престолу, а вмѣстѣ съ тѣмъ и путь къ безвѣрію? Если можно по аналогіи послѣдствій заключать объ аналогіи причинъ, то чѣмъ инымъ можемъ мы объяснить,—при той противоположности, какую привыкли мы предполагать (и какая дѣйствительно существуетъ) между вѣроученіемъ православнымъ и латинскимъ,—такія общія Западу и намъ завоеванія матеріализма или нигилизма въ сферѣ сознанія, и особенно въ средѣ молодежи? Что торжество матеріализма въ мірѣ латинскомъ есть неизбѣжно-логическій выводъ изъ всей сущности латинской вѣроисповѣдной доктрины и изъ ея исторической практики, эта истина ясна до осязательности и почти не подлежитъ спору; мы безъ труда можемъ прослѣдить въ исторіи христіанскаго Запада всю довольно короткую генеалогію матеріализма. Если точно также будемъ мы отъ нашего нигилизма подниматься вверхъ по восходящей линіи, то мы точно также упремся, но не въ вѣроученіе нашей церкви, а въ ученіе и въ практику господствующей у насъ богословской школы. По крайней мѣрѣ относительно большей части нигилистическихъ явленій нашей современной эпохи въ Россіи, можно по справедливости утверждать, что они не болѣе какъ протесты, выраженные, такъ же какъ и на Западѣ, въ формѣ безвѣрія, протесты, вызванные маловѣріемъ и грубымъ насиліемъ оффиціальныхъ представителей и наставниковъ церковныхъ, посягательствами на свободу человѣческаго духа, неподвижностью мысли, презрѣніемъ къ новѣйшимъ запросамъ человѣческаго разума...

Такимъ образомъ, принимая ученіе богословской школы за самое содержаніе православія, не мало развелось у насъ на Руси людей или со-

вершенно отрицающихъ вѣру, или же «сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою». Кто же явится для нихъ «своего рода эмансипаторомъ, выведетъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій, возвратитъ имъ цѣльность религіознаго сознанія» и, съ другой стороны, дастъ отвѣтъ и отпоръ западному раціонализму, «выяснитъ идею православной церкви?»...

Мѣсяца два тому назадъ вышелъ въ Прагѣ, изданный подъ редакціею Ю. О. Самарина, II томъ полнаго собранія сочиненій Хомякова, заключающій въ себѣ «Сочиненія богословскія». Приведенныя нами строки, поставленныя въ значкахъ, относятся къ Хомякову и взяты изъ предисловія къ этому тому, написаннаго г. Самаринымъ. На эту-то книгу ссылались мы выше, и на этой-то книгѣ должно обозначиться—на какой степени истиннаго богословскаго развитія и уваженія къ свободѣ человѣческой мысли стоятъ оффиціальные представители нашего богословія. Было бы чрезвычайно интересно и важно знать, допуститъ ли духовная цензура свободную продажу въ Россіи этого тома,..

Въ своемъ предисловіи, которое само по себѣ представляется самостоятельнымъ богословскимъ трудомъ, разъясняетъ Ю. Ѳ. Самаринъ все богатство содержанія богословскихъ сочиненій Хомякова, все значеніе «новой эры, которую Хомяковъ открылъ собою въ исторіи православной школы» и то мѣсто, которое онъ занимаетъ среди «учителей церкви». Мы впрочемъ нисколько не удивимся, если эти сочиненія Хомякова, несмотря на разъясненіе его достойнаго ученика, не найдутъ себѣ надлежащей оцѣнки между нашими современниками. Эти сочиненія—свѣточъ, обращенный къ будущему поприщу богословской мысли, озаряющій даль новыхъ предлежащихъ ей путей...

Изъ сближенія съ Хомяковымъ—говоритъ г. Самаринъ, характеризуя его проповѣдническую личную дѣятельность, тему и смыслъ его полемическихъ бесѣдъ (и изъ знакомства съ его сочиненіями, прибавимъ мы)—всякій выносилъ (и вынесетъ) то убѣжденіе, что «нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истиною повѣданною, что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться, вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ церкви,—словомъ: что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что иначе, какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ, и слову своему онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали его эманципато-

ромъ людей расположенныхъ вѣрить, но запуганныхъ и смущенныхъ встрѣчею съ противорѣчіями повидимому неразрѣшимыми. Узнавъ его, они начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи и какъ бы оправданными въ своемъ внутреннемъ протестѣ противъ всѣхъ двуличныхъ и незаконныхъ, хотя подчасъ и соблазнительныхъ, сдѣлокъ съ тою примѣсью лжи, неправды и условности, которою застилается въ нашихъ понятіяхъ образъ церкви»... Мы могли бы съ своей стороны подтвердить всѣ эти слова собственными личными воспоминаніями, но дѣло не въ личныхъ нашихъ отношеніяхъ къ Хомякову и не въ личныхъ впечатлѣніяхъ, которыя когда-то производила его бесѣда, а въ томъ содержаніи его сочиненій, которое теперь предлежитъ всѣмъ и каждому. «Хомяковъ выяснилъ идею церкви»—говоритъ въ другомъ мѣстѣ г. Самаринъ—выяснилъ ея атмосферу и на ней само-собою выступило лжеученіе, какъ «отрицаніе свѣта, какъ темное пятно на небѣ. Границы лжеученія стали явны, оно опредѣлилось. Мы говоримъ о лжеученіи въ единственномъ, а не во множественномъ числѣ, хотя подразумѣваемъ латинство и протестантство, именно потому, что отнынѣ оба вѣроисповѣданія представляются намъ какъ одно, единое заблужденіе, и что это единство могло быть высмотрѣно только съ той точки зрѣнія, на которую поставилъ насъ Хомяковъ, то есть *изъ* церкви. До него, въ нашей православной школѣ, латинство и протестантство всегда принимались за двѣ взаимно исключающіяся противоположности, за два полюса», какими они дѣйствительно представляются на Западѣ. Но Хомяковъ поставилъ вопросъ между церковью и западными вѣроисповѣданіями на новую почву; онъ повелъ борьбу не съ ними, а съ раціонализмомъ, т. е. «съ логическимъ знаніемъ, отрѣшеннымъ отъ нравственнаго начала», который онъ «первый опозналъ въ начальныхъ его формахъ, латинской и протестантской». Обличивъ всю негодность оружія доселѣ употреблявшагося православною школою въ борьбѣ съ западными вѣроученіями, оружія отъ нихъ же заимствованнаго и съ успѣхомъ обращаемаго раціонализмомъ противъ самой же школы,—Хомяковъ выковалъ для борьбы съ раціонализмомъ «оружіе единственно годное для этой борьбы; для нея же указалъ онъ и почву, на которой борьба возможна, а успѣхъ несомнѣненъ, потому несомнѣненъ, что эта почва не досчатый помостъ, поставленный на козлахъ, а твердый материкъ церкви... И не новая эта почва, не чужая для васъ»—продолжаетъ далѣе г. Самаринъ, обращаясь къ нашему ученому духовенству,—«это та самая почва, на которой и вы, наставники, и мы, ученики, стоимъ теперь, стояли всегда какъ *члены церкви*, но съ которой, къ сожалѣнію, вы дали сманить себя *какъ ученые, какъ школа*. Пора уразумѣть это. Когда крѣпость готовится встрѣтить осаду, гарнизонъ начинаетъ съ того, что самъ налагаетъ руку на пред-

мѣстья: не задумываясь и не давая мѣста неразумной пощадѣ, онъ сносить и выжигаетъ всѣ деревянныя хижины, всю соломенную гниль, все ненадежное и неустойчивое, все, что снаружи пристроилось къ кремлевской стѣнѣ и чѣмъ бы непремѣнно воспользовался непріятель для подступа. Пора и намъ, такою же добровольною жертвою, очистить и спасти на поприщѣ духовнаго боя ввѣренную намъ твердыню»...

Впрочемъ мы считаемъ своею обязанностью познакомить ближе нашихъ читателей съ предисловіемъ г. Самарина. Тогда самая мысль, содержащаяся въ приведенныхъ нами строкахъ, станетъ для нихъ яснѣе и явится имъ во всей силѣ своего логическаго развитія. За пространныя выписки—мы знаемъ заранѣе—они на насъ не посѣтуютъ.

По поводу предисловія Ю. Ѳ. Самарина къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова.

«Москва», 23-го октября 1868 г.

Въ послѣдній разъ, указавъ на вышедшее за границей изданіе богословскихъ сочиненій Хомякова и на важность появленія этой книги въ современную пору, когда сама исторія призываетъ православный Востокъ къ отвѣту, когда ставшій на распутьѣ Западъ недоумѣваетъ— покончить ли ему, разъ навсегда, прямо и откровенно, съ христіанствомъ, или же вступить въ новыя лицемѣрныя и недобросовѣстныя сдѣлки разума и совѣсти съ религіей, въ ея знакомой Западу формѣ—латинской идеи?—мы обѣщали нашимъ читателямъ познакомить ихъ ближе съ предисловіемъ къ изданію г. Самарина. Ничто лучше не ознакомитъ ихъ въ то же время съ значеніемъ Хомякова и съ его заслугою передъ церковью, и ничто не разъяснитъ имъ до такой очевидности ту живую связь, которая существуетъ между трудомъ Хомякова и всѣми живыми религіозными недоумѣніями и сомнѣніями, волнующими современное русское общество. Раскрывая картину общественныхъ отношеній къ вѣрѣ какъ ученію, г. Самаринъ своимъ точнымъ словомъ дотрогивается, будто пальцемъ, до всѣхъ больныхъ мѣстъ нашей общественной мысли и совѣсти, и заставляетъ каждаго читателя пережить вновь въ своемъ сознаніи всю исторію его личныхъ отношеній къ вопросамъ религіи и церкви, повѣрить вновь тѣ окончательные выводы, къ которымъ каждый изъ нихъ пришелъ, и оцѣнить, такимъ образомъ, благотворность той помощи, которая является нашему мышленію и чувству въ богословскомъ подвигѣ Хомякова.

Г. Самаринъ (мы будемъ держаться въ изложеніи послѣдовательнаго хода мысли самого автора) начинаетъ свое предисловіе, прежде

всего, очеркомъ той среды, въ которой жилъ и дѣйствовалъ Хомяковъ, и именно въ ту пору, когда въ первый разъ появились за границей, одна за другой, на французскомъ языкѣ, три его полемическія брошюры. Онѣ были писаны по поводу разныхъ сочиненій латинскихъ и протестантскихъ о Русской церкви и о предметахъ вѣры, и хотя, изданныя за границей, не были дозволены къ свободной продажѣ въ Россіи, однакоже тотчасъ же стали извѣстны значительной части русскаго общества [1]). Каково было настроеніе тогда, у насъ господствовавшее, подъ воздѣйствіемъ науки и внѣшнихъ обстоятельствъ? Какъ относилась къ вѣрѣ эта наука, отражавшая направленіе заграничной школы? «Наука — говоритъ г. Самаринъ—глядѣла на вѣру свысока, какъ на пережитую форму самосознанія, изъ которой человѣчество торжественно выбивалось на просторъ. Временная необходимость вѣры, ея условная законность, какъ *одного* изъ моментовъ безначальнаго и безконечнаго развитія чего-то саморазвивающагося, не оспаривалась, но этимъ же признаніемъ за нею *нѣкотораго* значенія заявлялась и ея ограниченность, какъ преходящей формы, которою это нѣчто не могло удовлетворяться навсегда. Несостоятельность притязаній вѣры на непреложность, неизмѣнность и вѣчность казалась окончательно выясненною; оставалось отрѣшиться отъ нея и искать лучшаго. Это лучшее виднѣлось въ *идеализмѣ* самоопредѣляющагося духа. Затѣмъ окончательно ли должна исчезнуть вѣра съ лица земли и нужно ли спѣшить уборкою символовъ ея развѣнчаннаго державства, какъ думали мыслители рѣшительные и послѣдовательные,—или отвести ей въ новомъ мірѣ, въ сторонѣ отъ царскаго пути, которымъ пойдетъ развитіе, скромный пріютъ,—къ чему склонялись какъ люди практическіе, такъ и натуры мягкія,—эти вопросы особенной важности не представляли».

Очевидно, что при такой замѣнѣ положительной религіи неопредѣленною вѣрою въ нѣчто саморазвивающееся, или же «вѣрою въ науку»,— православію тутъ мѣста не оказывалось даже въ смыслѣ историческомъ. Наука подразумѣвалась «европейская» (о самостоятельности и объ участіи русской народности въ наукѣ тогда наши цехи ученые не смѣли

---

[1]) Вотъ заглавіе этихъ брошюръ: «Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ по поводу брошюры г. Лоренси». Изд. въ Парижѣ 1853 г.—«Нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ по поводу одного посланія парижскаго архіепископа». Изд. въ Лейпцигѣ 1855 г.—«Еще нѣсколько словъ православнаго христіанина о западныхъ вѣроисповѣданіяхъ по поводу разныхъ сочиненій латинскихъ и протестантскихъ о предметахъ вѣры». Лейпцигъ 1858 г. Переводъ этихъ брошюръ на русскій языкъ былъ дозволенъ только въ 1863 г. и появился въ «Православномъ Обозрѣніи». Въ настоящемъ изданіи богословскихъ сочиненій Хомякова онѣ являются въ совершенно новомъ, строго-провѣренномъ переводѣ.

и думать), а европейская наука связывалась генеалогически не съ православіемъ, а съ латинствомъ и протестантствомъ, но съ протестантствомъ непосредственно, ибо оно, «провозгласивъ самодержавіе личнаго разума, подготовило царство наукѣ, уже вступавшей во владѣніе человѣческою совѣстью и судьбами человѣчества». Православіе, такимъ образомъ, не имѣя правъ ни на какую долю исторической заслуги, оказанной наукѣ вѣроисповѣданіями западными, оставалось совершенно въ сторонѣ. . . . .

Но такъ какъ на этомъ *ничто* держаться было не совсѣмъ удобно, то вслѣдъ за идеализмомъ возникло у насъ другое ученіе, повидимому совершенно противоположное, но только повидимому. *Матеріализмъ* и *идеализмъ* хотя и представляются какъ бы двумя полюсами, но въ сущности матеріализмъ, по выраженію г. Самарина, относился къ идеализму даже не какъ реакція, а какъ прямой изъ него выводъ, какъ законное его чадо. Но предоставимъ слово самому г. Самарину:

«Матеріализмъ выросъ подъ крыломъ идеализма, потомъ, оперившись очень скоро, онъ заклевалъ своего родителя и, оставшись безъ роду и племени, присосѣдился почти насильно къ естественнымъ наукамъ, въ сущности вовсе въ немъ непричастнымъ. Какъ совершился въ области мысли этотъ оборотъ? Объ этомъ говорить здѣсь не мѣсто, а на практикѣ переходъ былъ очевиденъ: матеріалисты были прямыми учениками идеалистовъ. Въ результатѣ, матеріализмъ, въ мнѣніи своемъ о вѣрѣ, сходился съ идеализмомъ; онъ также отвергалъ ее, только на другихъ основаніяхъ, и потому не могъ оказать ей даже той снисходительной терпимости, къ которой склонялись идеалисты изъ мягкихъ... Для матеріализма послѣдовательнаго насиліе, какъ орудіе прогресса, вовсе не страшно; поэтому нельзя и требовать отъ него снисхожденія къ вѣрѣ; онъ смотритъ на нее даже не какъ на необходимый моментъ въ самовоспитаніи человѣчества, а какъ на простую помѣху, съ которою онъ не можетъ ужиться и не имѣетъ причины церемониться. Отсюда особенная ожесточенность его нападокъ и грубость его глумленія, столь рѣзко противоположная рыцарскимъ пріемамъ покойнаго идеализма, который тоже выпроваживалъ вѣру, но выпроваживалъ учтиво. Поставьте съ одной стороны Грановскаго, съ другой Бѣлинскаго (въ послѣдніе годы его дѣятельности) или Добролюбова съ его учениками, и около этихъ двухъ типовъ сгруппируется почти все, что у насъ шевелилось въ области научной»...

Справедливость этихъ замѣчаній, скажемъ мы съ своей стороны, можетъ быть подтверждена личнымъ опытомъ, личными, еще очень и очень свѣжими, воспоминаніями каждаго, кто не былъ чуждъ умственной общественной жизни въ послѣднія двадцать лѣтъ. Строгая послѣ-

довательность матеріализма скоро вышибла нашихъ идеалистовъ изъ ихъ *прекрасной неопредѣленности*,—какъ можно назвать ту духовную среду, въ которой они витали, толкуя о человѣчествѣ и не уважая, въ то же время, даже не признавая правъ русской народности, преклоняясь предъ европейскою наукой и не обрѣтая въ себѣ достаточно мужества, чтобы идти за нею до конца и принять не морщась ея послѣдніе логическіе результаты. Въ этомъ отношеніи молодые ученики идеалистовъ были рѣшительнѣе, послѣдовательнѣе, честнѣе своихъ учителей, оставшихся на полдорогѣ и съ недоумѣніемъ смотрѣвшихъ на «молодое поколѣніе» (вѣра въ которое, какъ извѣстно, составляетъ одинъ изъ догматовъ идеалистическаго катихизиса). Но когда это «молодое поколѣніе», въ своемъ быстромъ стремленіи, съ размаху пустилось во вся тяжкая матеріализма, то въ средѣ идеалистовъ, вышибленныхъ изъ своей позиціи, произошла реакція. Не многіе пошли вслѣдъ за учениками, постоянно оговариваясь, ёжась, тормозя, но все же увлекаемые ихъ стремительнымъ бѣгомъ; другіе же очутились консерваторами (чему конечно способствовали и года, и пріобрѣтенное ими общественное положеніе). Въ качествѣ таковыхъ, консерваторы, не заботясь даже о разрѣшеніи противорѣчій, о подведеніи итога прежнимъ своимъ убѣжденіямъ, даже не вступили въ сдѣлку, а просто признали statu quo господствующей религіи и церкви, махнувъ рукой на все, что претило и отчасти *должно* претить всякому здравому уму и честному сердцу. Они стали въ положеніе генерала, который, какъ подобаетъ его чину и званію, относительно прапорщиковъ—всегда моралистъ, хотя бы въ немъ самомъ никогда и не происходило какого-либо духовнаго сознательнаго процесса, который бы давалъ ему право на отрицаніе прапорщичьей морали (нѣкогда его собственной) и который бы выработалъ въ немъ новыя, искреннія основы для высшей нравственной доктрины. Такъ было у насъ и съ ученіемъ о народности. Послѣ долгаго отрицанія самобытнаго призванія и правъ русской народности на самостоятельное развитіе во всѣхъ сферахъ духа и жизни, послѣ упорнаго *западничанья*, общество, благодаря разнымъ внѣшнимъ, вразумившимъ его обстоятельствамъ, освободилось изъ-подъ плѣна отвлеченныхъ космополитическихъ теорій, перекинулось вдругъ въ такой патріотизмъ, который также, не разсуждая много и признавъ statu quo государства съ его *принадлежностями*, религіей и церковью, обнялся и разцѣловался со многимъ, отъ чего въ былое время общество бы отпрянуло,—да отъ чего и слѣдовало бы отпрянуть... Подобно тому, какъ этотъ патріотизмъ еще не свидѣтельствуетъ ни о разумѣніи, ни объ искреннемъ признаніи самыхъ *началъ* народности, такъ и это новое отношеніе къ вѣрѣ и церкви старыхъ идеалистовъ и новыхъ консерваторовъ-патріотовъ—не есть еще вѣра, не придаетъ силы церкви и не движетъ впередъ нашего религіоз-

наго сознанія... Просимъ извиненія у читателей за это невольное отступленіе и возвращаемся къ предисловію г. Самарина.

Объяснивъ взглядъ на вѣру въ области научной, населенной у насъ довольно рѣдко, г. Самаринъ переходитъ къ той средѣ, которую обыкновенно называютъ обществомъ и которая только отчасти испытывала вліяніе науки, «получая отъ нея не начало, даже не выводы, а общее настроеніе или тонъ». На эту среду, говоритъ г. Самаринъ, дѣйствовали гораздо сильнѣе обстоятельства иного рода, и дѣйствовали хотя безсознательно, но заодно съ наукой, а именно:

«Во главѣ этихъ обстоятельствъ стоялъ крупный, всѣмъ бросавшійся въ глаза фактъ церковной казенщины, иначе—подчиненія вѣры внѣшнимъ для нея цѣлямъ узкаго, оффиціальнаго консерватизма; одинъ этотъ фактъ, въ его безчисленныхъ проявленіяхъ, имѣлъ огромное вліяніе на умы. Причина понятна. Когда пускается въ оборотъ мысль подъ явнымъ клеймомъ невѣрія, она возбуждаетъ въ совѣсти если не противодѣйствіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторую къ себѣ недовѣрчивость, какъ выраженіе нескрываемой вражды. Но когда оффиціальный консерватизмъ, подъ предлогомъ охраненія вѣры, благоволенія къ ней и благочестивой заботливости о ея нуждахъ, мнетъ и душитъ ее въ своихъ безцеремонныхъ объятіяхъ, давая чувствовать всѣмъ и каждому, что онъ дорожитъ ею ради той службы, которую она несетъ на него,—тогда, очень естественно, въ обществѣ зарождается мнѣніе, что такъ тому и слѣдуетъ быть, что иного отъ вѣры и ожидать нельзя, и что дѣйствительно таково ея назначеніе. Это убиваетъ всякое уваженіе къ вѣрѣ.

«Въ государственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ, въ законахъ и пріемахъ правительства,—словомъ, въ томъ, что̀ обыкновенно подразумѣвается подъ существующимъ порядкомъ вещей, всегда и вездѣ есть мѣсто для честной критики и законнаго осужденія. Пока люди, подъ этимъ порядкомъ живущіе, дѣйствительно живутъ, развиваются и идутъ впередъ, лучшіе, передовые люди никогда не находятъ въ немъ полнаго удовлетворенія всѣхъ, разумѣется разумныхъ, своихъ потребностей; въ этомъ неудовлетвореніи и въ исканіи лучшаго—начало политическаго, правильнаго прогресса. Вѣра, какъ выраженіе безусловнаго, вѣчнаго и неизмѣняющагося, не можетъ и не должна имѣть къ этой области никакихъ прямыхъ отношеній; у нея нѣтъ готовыхъ формулъ, которыми бы она могла подслуживаться правительству или обществу въ разрѣшеніи вопросовъ государственнаго или гражданскаго права; область ея творчества—личная совѣсть и только *черезъ* эту область, просвѣтлѣніемъ совѣсти и укрѣпленіемъ въ ней свободныхъ побужденій, участвуетъ она хотя рѣшительно, но всегда косвенно, въ развитіи юридическихъ отношеній. *Но когда существующій порядокъ вещей, весь*

цѣликомъ, ставится подъ непосредственную охрану вѣры; когда ей такъ-сказать навязывается одобреніе, благословеніе и освященіе всего, что есть въ данную минуту, но чего не было вчера и чего можетъ не быть завтра, тогда, естественно, всѣ самыя разумныя потребности, неудовлетворяемыя настоящимъ, всѣ самыя мирныя и скромныя надежды на лучшее, наконецъ самая вѣра въ народную будущность, —все это пріучается смотрѣть на вѣру какъ на преграду, через которую рано или поздно нужно будетъ перешагнуть и, мало-по-малу, склоняется къ невѣрію.

«Вѣра, по существу своему, не сговорчива и въ сдѣлки съ нею входить нельзя. Нельзя признавать ее условно, въ той мѣрѣ, въ какой она намъ нужна для нашихъ цѣлей, хотя бы и законныхъ. Вѣра воспитываетъ терпѣніе, самопожертвованіе и обуздываетъ личныя страсти,— это такъ; но нельзя прибѣгать къ ней только тогда, когда страсти разыгрываются, и только для того, чтобы кого-нибудь урезонить или пристращать расправою на томъ свѣтѣ. Вѣра не палка, и въ рукахъ того, кто держитъ ее какъ палку, чтобы защищать себя и пугать другихъ, она разбивается въ щепы. Вѣра служитъ только тому, кто искренно вѣритъ, а кто вѣритъ, тотъ уважаетъ вѣру; а кто уважаетъ ее, тотъ не можетъ смотрѣть на нее какъ на средство. Требованіе отъ вѣры какой бы то ни было полицейской службы есть не что иное какъ своего рода проповѣдь невѣрія, можетъ быть опаснѣйшая изъ всѣхъ, по ея общепонятности. У насъ и эта проповѣдь дѣлала свое дѣло...»

Къ этимъ двумъ видамъ невѣрія—научному и казенному, г. Самаринъ присоединяетъ еще третій—невѣріе или точнѣе безвѣріе, но не въ смыслѣ сознательнаго отрицанія вѣры, а какъ «свойство общественнаго темперамента, какъ результатъ безмыслія, безволія» и недостатка, какъ у отдѣльныхъ лицъ, такъ и у цѣлаго общества, какихъ бы то ни было сознанныхъ идеаловъ, «служащихъ въ одно время и побужденіями къ дѣятельности, и общепризнанными мѣрилами всякой дѣятельности». Отчего же происходитъ этотъ недостатокъ? Оттого, говоритъ г. Самаринъ, что общественные идеалы

«...не выдумываются и не навязываются; они слагаются сами собою, вырабатываясь постепенно, исторической жизнью цѣлаго народа, и передаются отъ одного поколѣнія другому безчисленными, незримыми нитями живаго преданія. Гдѣ историческое преданіе порвано, тамъ идеалы теряютъ свою жизненность, тускнѣютъ въ сознаніи и въ совѣсти; гдѣ каждое поколѣніе обзаводится для своего обихода новыми, всякаго рода идеалами, политическими, художественными, религіозными, тамъ они остаются на степени мнѣній или увлеченій, но не переходятъ въ убѣжденія и не пріобрѣтаютъ разумной силы надъ волей. Гдѣ съ каждымъ десятилѣтіемъ мѣняются основы и системы воспитанія общественнаго и

частнаго, тамъ не бываетъ ни зрѣлости умственной, ни крѣпкаго закала характеровъ, ни строгости нравственныхъ требованій. Самая почва общественная мало-по-малу вывѣтривается; она, повидимому, не теряетъ своей воспріимчивости; она даже слишкомъ воспріимчива и неприхотлива; повидимому на ней можетъ рости все, но все обращается въ пустоцвѣтъ, и ничто не вызрѣваетъ въ плодъ. Такая почва неблагопріятна для вѣры, не потому конечно, чтобъ она отвергала ее систематически, а просто потому, что въ ней нѣтъ на нее запроса»...

Но само собой разумѣется, что общественная среда должна была заключать въ себѣ не мало и такихъ, которые не успокоивались на научномъ невѣріи, не мирились съ бытовымъ безвѣріемъ и болѣли душой, не умѣя ни оправдать свою внутреннюю потребность вѣры предъ строгимъ судомъ науки, ни согласить эту потребность съ тѣмъ, что по обиходнымъ понятіямъ и оффиціально выдавалось за неотъемлемую принадлежность вѣры. Вотъ какъ опредѣляетъ ихъ положеніе г. Самаринъ. «Вѣра сама по себѣ»—говоритъ онъ—

«.... едина, непреложна и неизмѣнна; но въ каждомъ обществѣ, и при каждой исторической обстановкѣ, она вызываетъ своеобразныя явленія, по существу своему измѣняющіяся, во всѣхъ отрасляхъ человѣческаго развитія, въ наукѣ, въ художествѣ, въ практическихъ примѣненіяхъ. Догматъ не измѣняется, но логическое формулированіе догмата и опредѣленіе отношеній его къ другимъ ученіямъ—задача церковной науки—развивается съ наукою рука объ руку; законъ любви не измѣняется, но примѣненіе его къ практикѣ, въ жизни семейной, общественной и государственной, постепенно совершенствуется и расширяется; наконецъ, внѣшняя сторона церкви, обрядъ, обычай, правила дисциплинарныя и административныя—также измѣняются, приспособляясь къ обстоятельствамъ. Пока общество ясно сознаетъ и горячо принимаетъ къ сердцу свой религіозный идеалъ, вся эта историческая, измѣняющаяся обстановка его, развиваясь и совершенствуясь безостановочно, всегда сохраняетъ свою современность, свою свѣжесть. Но, по мѣрѣ того какъ идеалъ начинаетъ тускнѣть и терять свою власть надъ умами и совѣстями, изсякаетъ и общественная производительность въ этой, такъ сказать, при-церковной области. Историческія ея формы, въ наукѣ, въ обрядѣ, въ жизни, со всѣми ихъ случайностями, съ присущею имъ ограниченностью и неполнотою, остываютъ и твердѣютъ въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ захватилъ параличъ, отнявшій у религіознаго органа его творческую силу. Черезъ это самое эти формы какъ будто прирастаютъ къ вѣрѣ, получаютъ въ общественныхъ понятіяхъ одинаковую съ нею силу и обязательность, становятся чѣмъ-то непреложнымъ и неприкосновеннымъ какъ сама вѣра,—словомъ, отождествляются съ нею. Между тѣмъ, кто же не понимаетъ, что историческія,

окаменѣлыя формаціи XVII-го вѣка, въ свое время живыя, понятныя, удовлетворявшія потребностямъ своей эпохи и соотвѣтствовавшія степени ея развитія умственнаго, нравственнаго и политическаго, во многихъ отношеніяхъ становятся въ прямое противорѣчіе съ понятіями, запросами и нуждами XIX-го вѣка? Послѣдствіе этого противорѣчія, всѣми болѣе или менѣе ощущаемаго, у насъ передъ глазами. Это та болѣзнь, которою страждутъ честныя, воспріимчивыя, по природѣ своей религіозныя души, которыхъ привлекаетъ къ вѣрѣ чутье истины и которыхъ отталкиваетъ отъ нея сознанная невозможность согласить самыя безукоризненныя требованія ума и сердца съ обиходными представленіями, съ особеннаго рода узкостью и пошлостью—стереотипныхъ понятій и опредѣленій, съ условленнымъ формализмомъ на практикѣ, съ тѣмъ хламомъ и соромъ, которымъ, благодаря отсутствію честной и правдивой критики, загромождено у насъ преддверіе церкви и маскируется отъ взоровъ внѣ стоящихъ величавая стройность ея очертаній. Отсюда: это вѣчное шатаніе и колебаніе между двумя полюсами суевѣрія и сомнѣнія; отсюда: четвертый, самый прискорбный видъ невѣрія—невѣріе взывающее къ помощи, невольное, добросовѣстное невѣріе – отъ *недоразумѣній....*»

Такова въ общихъ чертахъ была среда, въ которой жилъ и умеръ Хомяковъ. Онъ былъ извѣстенъ ей какъ поэтъ, писатель, блистательный діалектикъ, талантливый мыслитель, способный вдумываться во все, но, за исключеніемъ очень не многихъ, онъ почти остался непонятъ своими современниками и подвергался самымъ противоположнымъ оцѣнкамъ. Его называли «дилеттантомъ», «парадоксальнымъ умомъ», обращающимся къ предметамъ самымъ разнообразнымъ, — и менѣе всего предполагали въ немъ внутренней сосредоточенности, тогда какъ именно цѣльность и сосредоточенность и составляли его отличительное характерное свойство,—не только въ смыслѣ логической связности воззрѣнія во всѣхъ его частяхъ, но въ смыслѣ полнаго подчиненія воли сознанному закону, полнаго согласія жизни съ убѣжденіемъ. Въ чемъ же именно объединились у него умъ и воля, и какъ ближе опредѣлить эту отличительную черту Хомякова — спрашиваетъ г. Самаринъ и самъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ тремя словами: «*Хомяковъ жилъ въ церкви*» (разумѣется въ церкви православной, ибо двухъ церквей нѣтъ)... «Но мы чувствуемъ,—прибавляетъ онъ, — что такое опредѣленіе большинству читателей покажется черезчуръ широкимъ и скуднымъ», и поясняетъ такъ свою мысль:

«Все дѣло въ томъ, что̀ разумѣть подъ словами: жить въ церкви. Въ томъ смыслѣ, въ какомъ они употреблены нами, это значитъ: во-первыхъ, имѣть въ себѣ несомнѣнное убѣжденіе въ томъ, что церковь есть не только что-нибудь, не только нѣчто полезное или даже необхо-

димое, а именно и дѣйствительно то самое и все то, за чтò она себя выдаетъ, то есть: явленіе на землѣ безпримѣсной истины и несокрушимой правды; далѣе, это значитъ: всецѣло и совершенно свободно подчинить свою волю тому закону, который правитъ церковью; наконецъ, это значитъ: чувствовать себя живою частицею живаго цѣлаго, называющаго себя церковью, и ставить свое духовное общеніе съ этимъ цѣлымъ превыше всего въ мірѣ.

«Если насъ спросятъ: да развѣ не всѣ православные живутъ въ церкви? то мы, не задумываясь, отвѣтимъ: далеко не всѣ. Мы живемъ въ своей семьѣ, въ своемъ обществѣ, даже, до извѣстной степени, въ современномъ намъ человѣчествѣ; живемъ также, хотя еще въ меньшей степени, въ своемъ народѣ; въ церкви же мы *числимся*, но не *живемъ*. Мы иногда заглядываемъ въ нее, иногда справляемся съ нею, потому что такъ принято, и потому что иногда это бываетъ нужно; напримѣръ, подъ вліяніемъ заботы о какой-нибудь нашей выгодѣ, положимъ хоть о сбереженіи нашихъ полей отъ потравъ или нашихъ лѣсовъ отъ порубокъ, мы вспомнимъ, что церковь учитъ нуждающихся терпѣнію и запрещаетъ посягать на чужую собственность. Учитъ — дѣйствительно, но вѣдь не одному этому, а еще и другому, и многому другому. Или, напримѣръ, въ одно прекрасное утро, узнавъ, что на Руси расплодились нигилисты, мы начинаемъ бросать въ нихъ и сводомъ законовъ, и политическою экономіею, и общественнымъ мнѣніемъ Европы, да ужъ заразъ и религіею — благо она подвернулась намъ подъ руку. И здѣсь опять несомнѣнно, что нигилизмъ осуждается вѣрою; жаль только, что мы вспомнили объ ней поздно, съ перепугу, и что она намъ понадобилась только какъ камень»...

«Вообще можно сказать, — продолжаетъ далѣе авторъ предисловія,—что мы относимся къ церкви по обязанности, по чувству долга, какъ къ тѣмъ нѣжнымъ, престарѣлымъ родственникамъ, къ которымъ мы забѣгаемъ раза два или три въ годъ или какъ къ добрымъ пріятелямъ, съ которыми мы не имѣемъ ничего общаго, но у которыхъ въ случаѣ крайности иногда занимаемъ деньги. Хомяковъ вовсе не *относился* къ церкви, именно потому, что онъ въ ней *жилъ*, и не по временамъ, не урывками, а всегда и постоянно, отъ ранняго дѣтства» и до смерти... «Церковь была для него живымъ средоточіемъ, изъ котораго исходили и къ которому возвращались всѣ его помыслы; онъ стоялъ передъ ея лицомъ и по ея закону творилъ надъ самимъ собою внутренній судъ; всѣмъ, что было для него дорого, онъ дорожилъ по отношенію къ ней; ей служилъ, ее оборонялъ, къ ней прочищалъ дорогу отъ заблужденій и предубѣжденій, всѣмъ ея радостямъ радовался, всѣми ея страданіями болѣлъ внутренно, глубоко, всею душою. Да, онъ въ ней *жилъ*», повторяетъ г. Самаринъ и подкрѣпляетъ затѣмъ свое слово нѣ-

которыми примѣрами и біографическими данными о Хомяковѣ... Но *живя* такимъ образомъ въ церкви, Хомяковъ, говоритъ г. Самаринъ, представлялъ въ то же время «оригинальное, почти небывалое у насъ явленіе: полнѣйшей свободы въ религіозномъ сознаніи».

Этимъ онъ поражалъ всѣхъ, даже своихъ заклятыхъ противниковъ. Знакомый со всѣми доводами, открытіями и результатами критической науки, онъ смѣло, по выраженію о немъ Англичанина Станлея, опускался въ такую глубь скепсиса, въ которую обыкновенно не смѣютъ и заглядывать у насъ люди «вѣрующіе», боясь, чтобы не закружилась у нихъ голова, — и выносилъ оттуда свои убѣжденія вполнѣ цѣлыми и неповрежденными. Сближавшіеся съ нимъ не могли не поражаться другой его чертою: Хомяковъ... Но уступаемъ опять слово самому г. Самарину:

«...Хомяковъ не только *дорожилъ* вѣрою, но вмѣстѣ съ тѣмъ питалъ несомнѣнную увѣренность въ *ея прочности;* оттого онъ ничего не боялся за нее, а оттого что не боялся, онъ всегда и на все смотрѣлъ во всѣ глаза, никогда ни передъ чѣмъ не жмурилъ ихъ, ни отъ чего не отмахивался и не кривилъ душою передъ своимъ сознаніемъ; вполнѣ свободный, то есть вполнѣ правдивый въ своемъ убѣжденіи, онъ требовалъ той же свободы, того же права быть правдивымъ и для другихъ. Въ то время, когда у насъ, въ виду распространявшагося въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ невѣрія, зарождались предположенія въ родѣ того, что не худо бы положить въ основаніе преподаванія геологіи книгу Бытія, онъ прямо и рѣшительно высказалъ въ одной запискѣ, что многіе изъ тѣхъ результатовъ, къ которымъ науки естественныя и историческая критика пришли своимъ законнымъ путемъ, противорѣчатъ принятымъ преданіямъ: что этого скрывать не должно, и что было бы не только не разумно, но и оскорбительно для вѣры стѣснять свободное развитіе науки [1]), такъ какъ, съ одной стороны, сама наука еще далеко не высказала своего послѣдняго слова, а съ другой, никто сказать не можетъ: все ли мы поняли, что̀ намъ повѣдано, и вѣрно ли поняли. Всѣ сколько-нибудь всматривавшіеся въ обыкновенный типъ человѣка набожнаго, встрѣчающійся у насъ и вездѣ въ образованномъ кругу, вѣроятно замѣчали, что набожный человѣкъ очень часто дорожитъ своею вѣрою, не столько какъ несомнѣнною истиною, сколько ради того личнаго успокоенія, которое онъ въ ней обрѣтаетъ [2]). Онъ бережетъ и хо-

[1]) «Наукѣ нужна не только свобода мнѣнія, но и сомнѣнія», говоритъ въ этой запискѣ (писанной, кажется, въ 1850 году) Хомяковъ. Она была напечатана нами въ «Днѣ» въ 1 № (1 окт. 1861 г.).

[2]) Въ этомъ смыслѣ кто-то сказалъ, и многіе повторяютъ, какъ мудрое изреченіе, что еслибы не было Бога, то слѣдовало бы выдумать его, не подозрѣвая, что это слово есть полнѣйшая исповѣдь невѣрія, дошедшаго до цинизма.

Прим. г. Самарина.

лить ее, какъ вещь цѣнную, но, въ то же время, *хрупкую* и не совсѣмъ надежную. Это отношеніе къ вѣрѣ подбито, съ одной стороны, затаеннымъ, часто безсознательнымъ для самого вѣрующаго, но очень замѣтнымъ для другихъ невѣріемъ, съ другой стороны оно не чуждо и нѣкоторой доли особеннаго рода эгоизма—эгоизма *самоспасенія*. Отъ этого, именно отъ того, что вкралось въ душу сомнѣніе въ несокрушимость вѣры, набожный человѣкъ такъ часто обнаруживаетъ крайнее снисхожденіе и малодушную терпимость къ тѣмъ болѣзненнымъ наростамъ, которые, всегда и вездѣ, встрѣчаются на исторической оболочкѣ церкви; онъ внутренно сознаетъ въ томъ и другомъ проявленіи мнимой церковности суевѣріе, натяжку, обманъ или ложь; но у него не поворачивается языкъ назвать вещь по имени; онъ видитъ злоупотребленіе, а рука не поднимается устранить его — ему страшно. Все это какъ будто освящено церковностью, все обкурено ладаномъ, все окроплено. — «Какъ бы—думаетъ онъ—снимая наростъ, не поранить живаго тѣла, и выдержитъ ли оно операцію? Вотъ кругомъ стоятъ врачи, давно приговорившіе его къ смерти, ну, какъ они правы!» И набожный человѣкъ,—забывая, что это тѣло, за которое онъ дрожитъ, есть тѣло Христово, а не тѣло духовенства, или Россіи, или Греціи,—притворяется, будто ничего не видитъ и не слышитъ, отмалчивается, отписывается, лукавитъ душою передъ собою и другими, оправдывая на словахъ то, что самъ про себя осуждаетъ. Совершенную противоположность къ этому, всѣмъ намъ хорошо знакомому, типу представлялъ Хомяковъ. Онъ дорожилъ вѣрою какъ *истиною*, а не какъ удовлетвореніемъ для себя, помимо и независимо отъ ея истинности. Самая мысль, что какая-нибудь подмѣсь лжи или неправды можетъ такъ крѣпко прирости къ истинѣ, что нужно, въ интересахъ истины, щадить эту ложь и неправду, возмущала и оскорбляла его сильнѣе чѣмъ что-либо, и этотъ видъ безсознательнаго малодушія, или сознательнаго фарисейства онъ преслѣдовалъ во всѣхъ его проявленіяхъ самою безпощадною ироніей. Онъ имѣлъ въ себѣ дерзновеніе вѣры. Оттого и случалось, что люди набожные отъ него открещивались и говорили, что для него нѣтъ ничего святаго, въ то время какъ озадаченные встрѣчею съ нимъ нигилисты говорили: «какъ жаль, что такой человѣкъ погрязъ въ византійствѣ!» Для людей безразлично равнодушныхъ къ вѣрѣ, Хомяковъ былъ страненъ и смѣшонъ: для людей, оказывающихъ вѣрѣ свое высокое покровительство, онъ былъ невыносимъ, онъ безпокоилъ ихъ; для людей сознательно и, по-своему, добросовѣстно отвергающихъ вѣру, онъ былъ живымъ возраженіемъ, передъ которымъ они становились втупикъ; наконецъ для людей, сохранившихъ въ себѣ чуткость неповрежденнаго религіознаго смысла, но запутавшихся въ противорѣчіяхъ и раздвоившихся душою, онъ былъ своего

рода эмансипаторомъ, онъ выводилъ ихъ на просторъ, на свѣтъ Божій, и возвращалъ имъ цѣльность религіознаго сознанія...»

Чтобы вполнѣ уяснить, какого рода эмансипаторомъ являлся Хомяковъ для людей, томившихся мнимою несовмѣстностью вѣры съ свободой сознанія, г. Самаринъ вновь возвращается къ характеристикѣ недоразумѣній, застилающихъ для большинства образъ церкви. Этихъ недоразумѣній такъ много, говоритъ онъ,—

«...такъ много, что нѣтъ возможности ихъ перечислить; но мы едва ли ошибемся, сказавъ, что они сводятся окончательно къ одному, а именно: къ предположенію мнимой невозможности согласить то, чему учитъ и что предписываетъ церковь, съ живою, законною, прирожденною человѣку потребностью свободы. Мы употребили слово самое неопредѣленное—*свобода* и не считаемъ нужнымъ опредѣлять его ближе; ибо у него нѣтъ такого значенія, въ которомъ бы оно не противопоставлялось церкви: такія у насъ теперь сложились понятія»...

«Возьмите свободу гражданскую, въ смыслѣ отсутствія внѣшняго принужденія въ дѣлахъ совѣсти, и вы услышите, что она несовмѣстна съ церковью. Почему же такъ думаютъ? А потому, что на практикѣ эта свобода сталкивается съ такими законами и порядками, изъ которыхъ невѣріе выводитъ, что вѣра и фанатизмъ одно и то же, а фанатизмъ требуетъ гоненій, и церковь непремѣнно бы ихъ потребовала, еслибы свѣтская власть, выбившись изъ-подъ ея опеки, до нѣкоторой степени не обуздывала прирожденныхъ ей поползновеній [1]).

«Возьмите свободу политическую, въ смыслѣ проявленнаго и узаконеннаго участія гражданъ въ дѣлахъ государственныхъ, и здѣсь вы натолкнетесь на кажущееся противорѣчіе; ибо, принявъ комплименты, произносимые въ табельные дни, за догматы, риторику за ученіе, лесть за исповѣданіе, невѣріе успѣло убѣдить многихъ, что церковь не только благословляетъ *идею государства*, т. е. народный союзъ подъ общепризнанною властью, но освѣщаетъ будто бы именно одну изъ формъ государственнаго союза за исключеніемъ всѣхъ другихъ, опредѣляетъ будто бы эту власть какъ непосредственный даръ Божій, какъ частную собственность лица или рода, и тѣмъ становится поперекъ всякому политическому прогрессу, заранѣе осуждая его какъ посягательство на Божественную заповѣдь.

«Наконецъ, возьмите свободу мысли, самую дорогую, самую святую, самую нужную изъ всѣхъ, и здѣсь уже вы услышите не одинокіе го-

---

[1]) Многіе ли, напримѣръ, догадываются, что уголовныя преслѣдованія за отпаденіе отъ истинной вѣры гораздо, по существу своему, противнѣе духу церкви, чѣмъ такъ называемому гуманизму или либерализму?

Прим. г. Самарина.

лоса, а цѣлый хоръ, который возвѣститъ вамъ, что вѣра и свобода мысли—два взаимно-исключающіяся понятія, что не даромъ *вѣрующій* (croyant) и *свободно-мыслящій* (libre penseur) всегда противопоставляются одинъ другому; что, кто дорожитъ свободою своей мысли, тотъ долженъ распроститься съ церковью, а кто не можетъ обойтись безъ вѣры, тотъ долженъ непремѣнно обрѣзать крылья своей мысли, запереть ее въ клѣтку, наложить на нее запретъ и сдержать прирожденное ей стремленіе къ истинѣ, и только къ истинѣ»...

Разъясненіе этихъ недоразумѣній составляло главную тему и характеръ полемическихъ бесѣдъ Хомякова. Повторимъ здѣсь снова то, что приводили мы изъ предисловія г. Самарина въ прошлый разъ: живые умы и воспріимчивыя души выносили изъ этихъ бесѣдъ то убѣжденіе, или положимъ, хоть то ощущеніе, что

«...нѣтъ такой истины научной, которая бы не согласовалась или не должна была окончательно совпасть съ истиною повѣданною; что нѣтъ такого чувства или стремленія, въ нравственномъ отношеніи безукоризненнаго, нѣтъ такой разумной потребности, какого бы рода она ни была, отъ которыхъ бы мы должны были отказаться, вопреки нашему сознанію и нашей совѣсти, чтобы купить успокоеніе въ лонѣ церкви,—словомъ, что можно вѣрить честно, добросовѣстно и свободно, что иначе какъ честно, добросовѣстно и свободно нельзя и вѣрить. Вотъ что̀ уяснялъ, развивалъ, доказывалъ Хомяковъ своимъ могучимъ, неотразимымъ словомъ и слову своему онъ самъ, всѣмъ существомъ своимъ, служилъ живымъ подтвержденіемъ и свидѣтельствомъ. Вотъ въ какомъ смыслѣ мы назвали его эмансипаторомъ людей расположенныхъ вѣрить, но запуганныхъ и смущенныхъ встрѣчею съ противорѣчіями, повидимому неразрѣшимыми. Узнавъ его, они начинали дышать полною грудью, чувствуя себя какъ бы освобожденными въ своемъ религіозномъ сознаніи и какъ бы оправданными въ своемъ внутреннемъ протестѣ противъ всѣхъ двуличныхъ и незаконныхъ, хотя подчасъ и соблазнительныхъ, сдѣлокъ съ тою примѣсью лжи, неправды и условности, которою застилается въ нашихъ понятіяхъ образъ церкви»...

Въ слѣдующій разъ мы обратимся, слѣдуя предисловію г. Самарина, къ значенію Хомякова въ области церковной науки [1]).

---

[1]) Обѣщанная статья не была написана, потому что «Москва» была запрещена.

По поводу опредѣленія Св. Синода о дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ въ правилахъ единовѣрія.

«Русь», 26-го сентября 1881 г.

Православный архіерей совершаетъ божественную литургію въ единовѣрческомъ храмѣ, по богослужебнымъ книгамъ, изданнымъ при первыхъ пяти патріархахъ до Никона и нынѣ вновь, *съ благословенія Святѣйшаго Синода*, напечатаннымъ въ Московской единовѣрческой типографіи; онъ сбивается иногда; скажетъ по привычкѣ «во вѣки вѣковъ»» вмѣсто «во̀ вѣки вѣ*комъ*», но вообще старается добросовѣстно соблюсти всѣ особенности, заключающіяся въ «неисправленныхъ книгахъ», столь дорогія милліонамъ старообрядцевъ. Служба вообще идетъ стройно, благочестиво, *истово:* въ храмѣ не публика, не безгласный, мало знакомый съ церковнымъ молитвословнымъ чиномъ народъ, а народъ строгій, взыскательный, изъ котораго каждый сознаетъ себя членомъ церкви, а дѣло богослуженія—дѣломъ не только общей, но и личной каждаго совѣсти. На «литургіи вѣрныхъ» архіерей совершаетъ святую безкровную жертву, возноситъ Честные Дары, и чрезъ діакона призываетъ молящихся къ пріобщенію: «со страхомъ Божіимъ и вѣрою приступите»... И вотъ вы, православный (предположимъ—исповѣдавшись накапунѣ у своего духовника), случайно, именно архіерейскою службою привлеченный въ храмъ,—подходите къ причастію со страхомъ Божіимъ и вѣрою... назадъ, нельзя!.. Почему? почему нельзя вамъ, православному, причаститься Св. Таинъ у вашего православнаго архипастыря? Развѣ вознесенные имъ Св. Дары не во истину Тѣло и Кровь Христовы?.. «Во истину-то во истину, отвѣчаютъ вамъ, да все-таки нельзя... Развѣ не видѣли, какъ преосвященный крестился *«двьма персты»*, развѣ не слышали, какъ онъ произносилъ «во̀ вѣки вѣкомъ» и двоилъ, а не троилъ аллилуіа»?..—Да вѣдь самъ архіерей пріобщился? Такъ почему-жъ ему можно, а мнѣ воспрещается?—«Ему можно, а вамъ нельзя,—потому что вы—православный».—Такъ вѣдь и архіерей—православный?.. «Архіерей православный, а вы, чтобъ у православнаго вашего архіерея «пріобщиться Св. Таинъ (если во время литургіи православный архіерей двоилъ, а не троилъ *«аллилуіа»* и употреблялъ тому подобныя обрядовыя особенности)—вы должны доказать, что вы неправославный»...

Все это кажется до того неудобопонятнымъ, что и не вѣрится въ возможность такого порядка. А между тѣмъ онъ держался и ревниво оберегался нашею высшею іерархіею и высшимъ церковнымъ управленіемъ цѣлыя 80 лѣтъ и только на дняхъ отмѣненъ или точнѣе видоизмѣненъ Святѣйшимъ Синодомъ послѣ настоятельныхъ, неоднократныхъ, упор-

ныхъ ходатайствъ единовѣрцевъ. Только на дняхъ обнародовано опредѣленіе Св. Синода «о дополненіи нѣкоторыхъ пунктовъ правилъ единовѣрія». Оно и само гласитъ въ первыхъ же строкахъ своихъ, что служитъ отвѣтомъ на прошенія московскихъ и изъ разныхъ мѣстъ Россіи единовѣрцевъ, собиравшихся на Нижегородской ярмаркѣ въ 1877 и 1878 годахъ и жаловавшихся въ своихъ прошеніяхъ на «тѣсноту рамокъ» для единовѣрія, опредѣленныхъ Высочайше утвержденными 27 октября 1800 года правилами: такъ называются пункты или вѣрнѣе отвѣты митрополита Платона на условія, предложенныя ему искавшими единовѣрія старообрядцами,—отвѣты, утвержденные Императоромъ Павломъ. Св. Синодъ, «разсмотрѣвъ всесторонне упомянутыя прошенія, нашелъ необходимымъ выразить вновь, какъ было изъяснено и въ отвѣтахъ митрополита Платона», что «единовѣріе исповѣдуетъ догматы христіанской вѣры въ духѣ и истинѣ вселенскаго *православія»*, и что все отличіе его въ томъ, что оно «отправляетъ богослуженіе и церковныя требы по книгамъ не чуждымъ въ словахъ и обрядностяхъ нѣкоторыхъ *погрѣшностей*, съ отступленіемъ отъ общепринятаго на всемъ православномъ Востокѣ церковнаго чина». Казалось бы, послѣ такого опредѣленія, странно отказывать единовѣрцамъ въ имени «православныхъ», выдѣлять ихъ изъ «православія» и обособлять въ какую-то особую *церковь*, ибо они, единовѣрцы, не только, по свидѣтельству Синода, *единыя съ нами вѣры*, но и единыя *церкви*, т. е. признаютъ силу таинствъ, церковью совершаемыхъ, ея благодать, хиротонію и власть іерарховъ. Это послѣднее подтверждается прошеніемъ самихъ единовѣрцевъ объ измѣненіи прежняго 11 п. правилъ. По этому пункту разрѣшалось до сихъ поръ «православному» принимать причастіе у единовѣрческаго (православнымъ же архіереемъ рукоположеннаго!) священника «лишь въ крайней нуждѣ, *въ смертномъ случаѣ»*, гдѣ нельзя найти православнаго священника. Единовѣрцы же теперь предлагаютъ, а Синодъ *принимаетъ*, хотя и съ оговоркою, замѣну этого пункта такою формулой:

«Если кто изъ *единовѣрцевъ* пожелаетъ исповѣдываться и пріобщаться Св. Таинъ *въ православной церкви*, равнымъ образомъ, если кто изъ *православныхъ* пожелаетъ быть на исповѣди и у Св. Причастія въ *единовѣрческой* церкви и у единовѣрческаго священника, тѣмъ и другимъ дозволять сіе безвозбранно».

Въ этихъ словахъ, какъ мы сказали, заключается, со стороны единовѣрцевъ признаніе не только единства вѣры, но и единства церкви, т. е. полнаго церковнаго общенія единовѣрцевъ и православныхъ. Какъ же отвѣчаетъ Синодъ на это ходатайство единовѣрцевъ? «Препятствій къ удовлетворенію таковой просьбѣ Св. Синодъ не встрѣчаетъ» (просьбѣ, между тѣмъ существенно важной, разрѣшающей вопросъ въ его *осно-*

ваніи), но,—оговаривается далѣе Синодъ, — «съ присовокупленіемъ однако, что православные могутъ обращаться къ единовѣрческимъ священникамъ для исповѣди и св. причащенія *лишь въ особо уважительныхъ случаяхъ*, съ тѣмъ притомъ, чтобы подобное обращеніе отнюдь не служило поводомъ къ *перечисленію* православнаго въ единовѣріе». Для этого повелѣвается такому православному, причастившемуся въ единовѣрческой церкви, представить о томъ свидѣтельство своему приходскому православному священнику, для записки о семъ въ книгу приходской церкви.

Невольно спрашиваешь себя: если и вѣра одна «въ духѣ и истинѣ вселенскаго *православія*», если единовѣрцы безвозбранно допущены и къ общенію въ таинствахъ православной церкви, то въ чемъ же еще, кромѣ догматовъ вѣры и церковныхъ таинствъ, заключается *православіе?* Что же можетъ быть важнѣе *общенія?* Но мы видѣли выше изъ синодальной оговорки, что заботы Синода устремляются главнымъ образомъ на *зачисленіе* и *перечисленіе*, такъ что иное дѣло *общеніе*, иное дѣло *зачисленіе*; иное дѣло—*православіе*, иное — православное «*вѣдомство*»... Но полезно ли, ради сохраненія неприкосновенности «вѣдомства», создавать какую-то церковь въ церкви, держать единовѣріе въ какомъ-то обособленіи, *питать* въ немъ такое, вовсе нежелательное обособленіе, путаться въ противорѣчіяхъ и установлять цѣлый рядъ отношеній странныхъ, сложныхъ, исполненныхъ недовѣрія и неискренности?...

Такой же характеръ *уступки*, а не свободнаго, властнаго, на широкомъ разумномъ основаніи поставленнаго рѣшенія, носитъ и измѣненіе, допущенное Синодомъ въ 5 пунктѣ правилъ 1800 года. По этому пункту, раскольники *незаписные*, т. е. незаписанные «раскольниками» въ оффиціальныхъ вѣдомостяхъ, могли присоединяться къ единовѣрію «не иначе, какъ по изслѣдованіи отъ епископа, что *присоединяющійся никогда дотолѣ въ церковь православную не ходилъ и таинствъ ея не принималъ*». Какъ ни странно было подобное воспрещеніе, какъ ни противорѣчило оно съ правомъ, предоставленнымъ самимъ православнымъ архіереямъ совершать таинства въ церквахъ единовѣрческихъ и «по старымъ книгамъ»,—таинства, должно полагать, такой же самой благодатной силы, какъ и совершаемыя ими въ храмахъ православныхъ—«по новымъ книгамъ»,—однакожъ оно продержалось, дѣйствуетъ съ небольшимъ измѣненіемъ и нынѣ, въ теченіе цѣлыхъ восьмидесяти лѣтъ, подавая поводъ къ соблазну не только для раскольниковъ, но и для всѣхъ истинныхъ чадъ православной церкви. Въ немъ, въ этомъ воспрещеніи, высказалось тайное сознаніе церковной власти, что изъ массы *числящихся* православными—значительная часть принадлежитъ къ расколу и таковая же часть, даже безъ прямой при-

надлежности къ расколу, питаетъ въ душѣ приверженность къ «старымъ книгамъ», къ формамъ «древляго благочестія». Что этотъ фактъ справедливъ, что оффиціальныя вѣдомости о числѣ православныхъ и раскольниковъ, представляемыя консисторіями Синоду, не что̀ иное, какъ оффиціальная ложь, объ этомъ Синоду лучше чѣмъ кому-либо извѣстно,—но, казалось бы, менѣе чѣмъ кому-либо прилично именно предстоятелямъ церкви мириться съ такою оффиціальною, *завѣдомо* оффиціальною ложью! Но иное дѣло церковь, иное дѣло—«вѣдомство». Иное дѣло—истина, иное дѣло—бюрократическая, формальная, хотя бы и лживая сама по себѣ, юридическая правда. Иное дѣло: принадлежать *къ церкви*, т. е. вѣрить въ нее и въ данную ей свыше благодать, состоять ея живымъ членомъ, пребывать съ ней въ единствѣ вѣры и любви: иное дѣло—принадлежать къ вѣдомству, т. е. *числиться «по списочному»*, какъ въ арміи, *«состоянію»*: здѣсь, конечно, рѣчь можетъ идти только о «зачисленіи» и «перечисленіи», да о бюрократическомъ: «все обстоитъ благополучно».

Въ нашей памяти живы тѣ, по истинѣ, скандалезныя сцены, которыхъ мы бывали свидѣтелями и скандалезныя дѣла, которыхъ не одинъ десятокъ случилось намъ, во время о̀но, по обязанностямъ службы, просмотрѣть въ Ярославской и частью Костромской консисторіяхъ. Приходитъ раскольникъ Нѣтовщины или Спасова согласія, изъ *лютыхъ*, къ архіерею или въ консисторію и проситъ присоединенія къ православной церкви на началахъ единовѣрія... «Нельзя, ты православный!»—Видитъ Богъ, я не православный, всегда отметалъ благодать православной церкви, не признавалъ доселѣ ея іерарховъ...—«Все равно, ты православный!.. Ты записанъ въ православныхъ».—Да увѣряю васъ, свидѣтельствуюсь предъ Богомъ, исповѣдуюсь вамъ какъ на исповѣди: никогда ни я, ни отецъ, ни дѣдъ мой православными не были...—«Былъ ли, не былъ,—намъ до этого дѣла нѣтъ: ты зачисленъ по православію, и дѣлу конецъ! Крещенъ-то ты вѣдь въ православной церкви!»—И крещенъ, и вѣнчанъ, точно, какъ сотни тысячъ въ нашей губерніи, потому что иначе нельзя: поповъ у насъ нѣтъ, а намъ нужно и паспорты получать, и званіе имѣть. За то надъ всѣми нами, послѣ крещенія и вѣнчанія, вычитанъ былъ потомъ «чинъ отъ ереси приходящимъ»...—«Въ вѣдомостяхъ значится, что ты и Св. Таинъ пріобщался не разъ»...—Никогда! отвергалъ ихъ по невѣдѣнію своему, а православному священнику за записку вѣдь платится, по обычаю, чтобъ покрывалъ насъ, чтобъ ни консисторія, ни полиція къ намъ не приставали. Теперь же самъ объявляю вамъ свои вины, признаю благодать епископскую, пріемлю благословеннаго православнымъ епископомъ единовѣрческаго священника и желаю, до смерти желаю, пріобщиться отъ него Св. Таинъ и возсоединиться съ церковью на правилахъ

единовѣрія...—«Толковать нечего,—ты православный! не будетъ тебѣ возсоединенія съ церковью, не будетъ тебѣ перечисленія въ единовѣріе! Ступай!..»—Я пойду въ расколъ... «А мы тебя тогда уголовнымъ порядкомъ!»... Мы ничего не преувеличили; лишней краски не наложили. И идетъ онъ, оскорбленный, искать себѣ поповъ «австрійскаго поставленія» или ударяется въ самую крайнюю безпоповщину. Цѣлыя селенія, цѣлыя волости, нѣсколько сотъ тысячъ людей были такимъ образомъ отвергнуты и попали подъ власть самочинной австрійской іерархіи. Въ прошеніяхъ единовѣрцевъ, упоминаемыхъ синодальнымъ «опредѣленіемъ», приводится множество подобныхъ примѣровъ: неизвѣстно только, потрудился ли Синодъ удостовѣриться фактически въ ихъ печальной правдѣ?...

Въ промышленныхъ и торговыхъ губерніяхъ Россіи такое лицемѣріе, или, пожалуй, двуличность раскола, конечно, вынужденная, оправдываемая страхомъ уголовнаго преслѣдованія за вѣру, достигла по истинѣ удивительнаго развитія. Знаменитое село *Сопелки*, Ярославскаго уѣзда, давшее свое названіе цѣлому «согласію», главный центральный пунктъ секты странниковъ или бѣгуновъ, въ которомъ чуть ли не через домъ находились двойныя крыши, двойныя стѣны, скрытыя подполья и иные «тайники» для укрывательства бѣглыхъ,—это село никогда въ оффиціальныхъ спискахъ раскольничьимъ не показывалось и числилось православнымъ! Покойный архіепископъ Ярославскій Евгеній разсказывалъ намъ лично, что, пріѣхавъ однажды въ одинъ изъ уѣздныхъ городовъ своей епархіи и остановившись въ домѣ соборнаго церковнаго старосты, онъ, послѣ обычнаго, съ неизбѣжною стерлядью, обѣда, прилегши отдохнуть, услышалъ надъ собою глухое жужжаніе. Осмотрясь и не отыскавъ объясненія этому несносному для него тихому шуму, онъ всталъ и, замѣтивъ около своей комнаты лѣстницу на верхъ, поднялся и увидѣлъ... кого же? раскольничьяго начетчика, приглашеннаго хозяиномъ (соборнымъ старостой) «вычитывать—по выраженію преосвященнаго—изъ дома архіерейскую благодать!».. И при всемъ томъ этотъ умный, высокообразованный святитель былъ самымъ заклятымъ противникомъ успѣховъ единовѣрія въ епархіи: «половина числящихся у меня православными—убудетъ!» негодуя, говаривалъ онъ намъ. Но какъ тогда, такъ и теперь мы упрямо держимся мысли, что дѣло церкви не терпитъ никакой неправды и что съ отмѣною запрещенія никакой *убыли* для православія не произойдетъ, а для іерархіи австрійскаго поставленія или для безпоповщины убыль будетъ не малая; убудутъ изъ списковъ только тѣ, которые *числятся* въ нихъ лишь по имени,—за то прибудетъ столько же людей съ церковью примиренныхъ, хотя и съ сохраненіемъ нѣкоторой особенности въ обрядахъ: убудетъ лжи, прибудетъ правды!

Настоящее опредѣленіе Синода мало способствуетъ прибыли правды. Единовѣрцы просятъ, чтобы лицамъ, записаннымъ въ православныхъ церковныхъ метрикахъ, но *на дѣлѣ* къ церкви не принадлежащимъ, было дозволено приписываться къ единовѣрческимъ приходамъ безъ препятствія. Синодъ, съ своей стороны, признаетъ *достаточнымъ* дополнить этотъ пунктъ правилъ разъясненіемъ (которое онъ уже и прежде давалъ по епархіямъ въ послѣднее время), именно въ такихъ выраженіяхъ: «разрѣшается присоединяться къ единовѣрію тѣмъ изъ записанныхъ православными, кои, *по надлежащемъ разслѣдованіи*, окажутся *не менѣе пяти лѣтъ* уклонявшимися отъ исполненія таинствъ православной церкви, но не иначе, какъ съ особаго, относительно каждаго изъ таковыхъ лицъ, разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго». Конечно, такое правило, замѣняющее слово «никогда» пятилѣтнимъ срокомъ, нѣсколько облегчитъ положеніе желающихъ присоединиться къ единовѣрію. Но не равняется ли оно, для всѣхъ этихъ желающихъ, *оповѣщенію* нѣсколько страннаго смысла, а именно: всякій числящійся теперь въ спискахъ православнымъ, желающій достигнуть безпрепятственнаго, дѣйствительнаго возсоединенія съ православною церковью на началахъ единовѣрія долженъ для сего въ теченіе пяти лѣтъ уклоняться отъ исполненія таинствъ православной церкви, съ тѣмъ чтобъ, по отчисленіи въ единовѣріе, пользоваться, по новой редакціи пункта 11-го, безпрепятственнымъ правомъ исполнять таинства въ православной же церкви!.. Едвали такое условіе мирится съ требованіями правды, едвали оно не оскорбляетъ христіанскую совѣсть!.. Что значитъ формальное исполненіе таинствъ, если оно не сопровождается искреннимъ благочестіемъ и вѣрою? Да и почему свидѣтельство самого человѣка о себѣ, очевидно вызванное требованіемъ его совѣсти (иначе и хлопотать о перемѣнѣ не было бы для него повода), — свидѣтельство о томъ, что онъ принадлежалъ только *внѣшнимъ* образомъ къ церкви, что сердце влечетъ его къ формамъ древняго благочестія, т. е. къ богослуженію по книгамъ, напечатаннымъ съ благословенія того же Синода, совершаемому священникомъ, рукоположеннымъ православнымъ же архіереемъ, почему же такая прямодушная исповѣдь не можетъ, не должна быть уважена, и человѣкъ осуждается пять лѣтъ обходиться безъ таинствъ какъ въ православной, такъ и въ единовѣрческой церкви?! И почему это раздѣленіе таинствъ: на «таинства православной церкви» и на «таинства единовѣрческой церкви?» Развѣ православный архіерей, служа литургію въ единовѣрческомъ храмѣ, точно такъ же какъ и рукоположенный имъ же единовѣрческій священникъ, совершаютъ на этой литургіи какое-то иное, не настоящее, не дѣйствительное таинство православной же церкви? Развѣ самъ Синодъ не говоритъ въ настоящемъ своемъ актѣ, что единовѣріе исповѣдуетъ догматы христіанской вѣры

въ духѣ и истинѣ вселенскаго православія, что оно только отправляетъ богослуженіе по книгамъ не чуждымъ въ словахъ и обрядахъ нѣкоторыхъ «погрѣшностей»? Послѣднія должны быть очень неважны, если самъ Синодъ благословляетъ печатать и, стало-быть, извѣстнымъ образомъ пропагандировать эти погрѣшности въ книгахъ, благословляетъ и православныхъ архіереевъ погрѣшать этими погрѣшностями при богослуженіи въ единовѣрческихъ храмахъ!

Единственнымъ выходомъ изъ этого лабиринта недостойныхъ нашей Св. Церкви и ея управленія противорѣчій кажется намъ: упраздненіе «единовѣрія», какъ чего-то обособленнаго, отдѣленнаго отъ «православія»,—признаніе и двуперстниковъ и триперстниковъ чадами единой Православной Церкви, съ допущеніемъ лишь для тѣхъ приходовъ, гдѣ населеніе или большинство *населенія* дорожитъ извѣстными формами древляго благочестія, употребленія этихъ формъ, хотя и представляющихъ нѣкоторое отступленіе отъ принятаго на Востокѣ чина, но безъ сомнѣнія по существу своему также священныхъ, общихъ старообрядцамъ и со многими изъ причисленныхъ къ лику русскихъ Святыхъ. Въ Малороссіи или Сѣверо-Западномъ краѣ еще недавно встрѣчались, а можетъ быть и теперь встрѣчаются, нѣкоторыя особенности (даже въ обрядѣ крещенія), ради которыхъ, однако, не усмотрѣно было надобности зачислять православныхъ Малоруссовъ или Бѣлоруссовъ въ особую церковь. Да и въ православной Русской церкви развѣ все до послѣдняго согласно съ чиномъ богослуженія на Востокѣ? Символъ вѣры, напримѣръ, у насъ поется клиромъ, а не исповѣдуется вслухъ старшимъ, находящимся въ храмѣ членомъ церкви; Евангеліе читается іереемъ или діакономъ не спиною къ народу, а лицомъ къ народу, и т. д. Въ исправленныя при Никонѣ и непосредственно послѣ него книги также, по мнѣнію лицъ знающихъ, вкралось нѣсколько погрѣшностей, а въ переводахъ съ греческаго — неточностей, — и было бы желательно предпринять пересмотръ этихъ книгъ вновь, сообща, соборно, при участіи самихъ старообрядцевъ. Конечно, единство *обрядовое* при единствѣ вѣры вполнѣ желательно,—требуется, налагается братскою любовью,—оно и будетъ достигнуто само собою, если преизбудетъ любовь...

Намъ возразятъ можетъ быть, что отношенія обѣихъ сторонъ не равны, что если церковь стоитъ на той высотѣ воззрѣнія, которая отводитъ *обряду* подобающее ему мѣсто и ставитъ, по слову евангельскому, выше формы содержаніе и выше *мертвящей* буквы—духъ *животворящій*,—то старообрядцы и самые единовѣрцы все-таки удерживаются на своей, нѣсколько узкой точкѣ зрѣнія, все-таки относятся къ обряду, къ внѣшности, къ наружной формѣ и буквѣ слишкомъ раболѣпно и пристрастно,—въ ущербъ для «духа и истины»... Если совѣсть православнаго способна и не смущаться двоеніемъ или троеніемъ «аллилуіа», или

начертаніемъ имени Спасителя «Іисусъ» или «Исусъ» (такъ какъ вѣдь ни то, ни другое и никакое начертаніе на европейскомъ языкѣ не передаетъ въ точности еврейскаго произношенія),—то для единовѣрцевъ, напротивъ, соблюденіе извѣстныхъ обрядовыхъ формальностей тѣсно связано съ совѣстью, есть необходимое условіе душевнаго мира... Но церковь едвали можетъ стѣсняться подобнаго рода соображеніями, имѣя предъ собою примѣръ апостола Павла: «вся ми лѣть суть» и пр., т. е. «все мнѣ можно, я свободенъ, но свободно отказываюсь отъ свободы, дабы не соблазнять слабаго брата моего»... Со стороны православной церкви такое отношеніе къ ревнителямъ стараго обряда есть дѣло *любви*... И любовь эта должна быть искренна и нескудна, чужда мелочной заботы о достоинствѣ, авторитетѣ и «престижѣ» церковной власти...

Но вотъ этотъ-то недостатокъ любви видится намъ, къ истинному нашему прискорбію, и въ вопросѣ о *клятвахъ*. Извѣстно, что Московскій Соборъ 1667 г., составленный изъ Россійскихъ іерарховъ, при участіи Вселенскихъ патріарховъ Александрійскаго и Антіохійскаго, низложивъ патріарха Никона, въ то же время одобрилъ дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ, породившее расколъ, и наложилъ клятвы на сопротивляющихся. Эти клятвы произвели страшный соблазнъ во всемъ Русскомъ православномъ мірѣ и не ослабили, а только усилили протестъ, погнали массы народа вонъ изъ ограды церковной. Онѣ, эти клятвы, были поняты, понимаются и досслѣ старообрядцами, какъ проклятіе, произнесенное *самимъ обрядамъ*, а такъ какъ, несомнѣнно, нѣкоторыхъ, если не всѣхъ, отмѣненныхъ Соборомъ 1667 г. обрядовъ держались не только предки наши, но и многіе, причисленные церковью къ лику Святыхъ,—то поводъ къ смущенію, къ негодованію былъ свойства весьма возбудительнаго. Противъ этихъ клятвъ гремѣли проповѣди и рѣчи всѣхъ знаменитыхъ вождей старообрядчества,—обличеніемъ такого «святотатства» (съ ихъ точки зрѣнія) полны всѣ ихъ многочисленныя писанія. Черезъ 133 года по изданіи сихъ клятвъ, когда церковное управленіе въ лицѣ митрополита Платона допустило и *благословило* употребленіе стараго обряда для раскольниковъ, ищущихъ возсоединенія съ церковью, клятвы эти, безъ сомнѣнія, не могли не представить для церковныхъ властей нѣкотораго затрудненія. Приходилось дать имъ такое истолкованіе, которое бы устраняло кажущееся противорѣчіе. Митрополитъ Платонъ, на просьбу искавшихъ возсоединенія—упразднить клятвы, какъ неправильно наложенныя, отвѣчалъ, что церковь погрѣшать не можетъ, и что̀ учинено ею, то учинено правильно, что она и нынѣ не измѣнила своей мысли, — но какъ любвеобильная мать, по снисхожденію своему, она имѣетъ право облегчать возвращеніе заблудшимъ чадамъ своимъ, и т. д.—Но ни старообрядцы, ни сами единовѣрцы не довольствовались такимъ отвѣтомъ и неотступно домогались болѣе

категорическаго истолкованія. Послѣдніе, въ прошеніяхъ своихъ, о которыхъ упоминаетъ и синодское, разсматриваемое нами постановленіе, умоляли Св. Синодъ снестись съ патріархами Александрійскимъ и Антіохійскимъ и съ ихъ соизволенія, «нарочитымъ актомъ», «въ ясныхъ и точныхъ выраженіяхъ, раскрыть смыслъ клятвъ, положенныхъ Московскимъ Соборомъ 1667 г., и тѣмъ успокоить совѣсть какъ всѣхъ единовѣрцевъ, такъ и прочихъ раскольниковъ, ищущихъ соединенія съ Церковью на правилахъ единовѣрія».

Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что такого рода «нарочитый актъ», подкрѣпленный авторитетомъ двухъ вселенскихъ православныхъ іерарховъ, возымѣлъ бы величайшее нравственное дѣйствіе и могущественно способствовалъ бы умиренію Русской православной церкви. 214 лѣтъ не могли ослабить оскорбленной памяти милліоновъ Русскаго народа. 214 лѣтъ, несмотря на всевозможные виды преслѣдованія и гоненія, несмотря на соблазны матеріальныхъ выгодъ, на обольщенія цивилизаціи,—съ изумительною цѣпкостью, твердостью, настойчивостью, мужествомъ, удерживаются эти массы на историческомъ своемъ основаніи... И едвали сойдутъ онѣ съ него, пока мы сами не станемъ вновь на историческую же церковную, *соборную* почву, и тогда, заодно съ народомъ, двинемся сообща *впередъ*, путемъ истинной церковной жизни... Но Синодъ не уважилъ просьбы единовѣрцевъ, не вошелъ въ сношеніе съ патріархами (въ «переписку», надъ которою такъ забавно, по невѣдѣнію, издѣвалась газета «Порядокъ», считая всякую «переписку» за принадлежность бюрократіи и потому полагая ее излишнею!) и удовлетворился въ своемъ «опредѣленіи» такого рода отвѣтомъ:

«Единовѣрцамъ должно быть извѣстно, что клятвы Московскаго собора 1667 г. положены не на обряды, содержимые пріемлющими единовѣріе, а на тѣхъ, которые по неразумному пристрастію къ симъ обрядамъ, вопреки любви христіанской и послушанію, отдѣлились и отдѣляются отъ православной церкви, почитая оную еретичествующею. А по сему въ особомъ подтвержденіи того, что̀ явствуетъ изъ подлиннаго смысла соборнаго постановленія и неоднократно было въ томъ же смыслѣ подтверждаемо церковною властью, не представляется надобности».

Замѣтимъ, во-первыхъ, что если даже со стороны единовѣрцевъ сомнѣніе въ смыслѣ соборныхъ клятвъ есть не болѣе какъ недоразумѣніе, то вѣдь это недоразумѣніе смущаетъ ихъ совѣсть, равно какъ и совѣсть всѣхъ старообрядцевъ безъ различія, чего Св. Синодъ не можетъ не знать: странно же не усматривать *надобности* въ успокоеніи смущенной совѣсти вѣрующихъ! Не только въ виду настойчивыхъ моленій, но даже предупреждая ихъ, даже по одному слуху о недоразумѣніи, долженъ бы, кажется, пастырь идти этому недоразумѣнію на встрѣчу,

дабы разсѣять его, дабы утвердить колеблющихся и упрочить миръ и согласіе.

«Единовѣрцы должны знать»... «Это явствуетъ изъ подлиннаго смысла соборнаго постановленія»... «Это было неоднократно подтверждаемо церковною властью»... Въ томъ-то и дѣло, что изъ подлиннаго текста *вовсе не явствуетъ*, и что сама церковная власть, почти въ теченіе 133 лѣтъ, почти вплоть до введенія единовѣрія, *ни разу* не толковала соборнаго постановленія въ томъ смыслѣ, который даетъ *теперь* ему Синодъ и которое *отъ имени Синода* является, если не ошибаемся, только теперь, въ первый разъ! Даже при установленіи единовѣрія, митрополитъ Платонъ воздержался отъ толкованія изложеннаго Синодомъ: оно возникло уже гораздо позднѣе, чуть ли не при митрополитѣ Филаретѣ.

Соборное постановленіе 1667 г. во всякомъ случаѣ отличается редакціей слишкомъ неточной и страстной. «Если кто—гласитъ это постановленіе—не послушаетъ повелѣнія его (Собора) и завѣщанія во всемъ томъ, что онъ постановилъ и о новоисправленныхъ книгахъ, и о крестномъ знаменіи, и объ аллилуіа, и о прочемъ...—мы таковаго противника отлучаемъ и чужда совершаемъ отъ Отца и Сына, и Св. Духа, и проклятію и анаѳемѣ предаемъ яко еретика и непокорника... Аще кто не вразумится и не возвратится въ правду покаяніемъ... да будетъ и по смерти отлученъ, и часть его и душа съ Іудою предателемъ... Желѣзо, каменіе и древеса да разрушатся и да растлятся, а тотъ да будетъ неразрѣшенъ и неразрушенъ, яко тимпанъ, во вѣки вѣковъ»... Если изъ этихъ словъ нельзя вывести анаѳемы самому обряду, то во всякомъ случаѣ непослушаніе соборному повелѣнію относительно обряда, *только обряда* (напр. крестнаго знаменія и аллилуіа) накликаетъ на виновнаго названіе *еретика* и анаѳему наравнѣ съ Аріемъ, Іудой и т. п. Однимъ словомъ, въ этомъ постановленіи *помѣстнаго* Московскаго собора, который, безъ сомнѣнія, не можетъ имѣть притязаній на значеніе собора Вселенскаго и на непогрѣшимость, присущую всей церкви въ ея вселенской цѣлости и единствѣ,—кто же, по совѣсти, въ этомъ постановленіи не усмотритъ такого же *пристрастія* къ новоисправленному обряду, въ каковомъ упрекаетъ Синодъ приверженцевъ обряда стараго, неисправленнаго? Кто не пожелаетъ замѣны этого постановленія новымъ, соборнымъ же постановленіемъ, болѣе согласнымъ съ тѣмъ духомъ христіанской любви и «матерняскаго снисхожденія», которымъ оправдываетъ митрополитъ Платонъ учрежденіе «единовѣрія»?

Если Св. Синодъ ссылается на церковную власть, неоднократно будто бы подтверждавшую то же истолкованіе клятвамъ, которое дается имъ нынѣ, то мы укажемъ и съ своей стороны хоть бы на «Пращицу» извѣстнаго Нижегородскаго архіепископа Питирима, неудачнаго сподвижника Петра Великаго въ его борьбѣ съ расколомъ. Эта «Пращица»,

неоднократно изданная *съ благословенія* Святѣйшаго Синода, на вопросъ объ іереѣ, который дерзнетъ отслужить литургію по старопечатнымъ книгамъ, на седьми просфорахъ, отвѣчаетъ:

«Аще которые попы нынѣ дерзнуть тако служити, противящеся Восточной и Великороссійской церкви и вышеположенной соборной клятвѣ, таковіи суть прокляти и отлучены, и изврежены»...

Можно, пожалуй, и изъ этихъ словъ вывести, что здѣсь проклинается служеніе по старопечатнымъ книгамъ, совершаемое *въ сопротивленіе* церкви и соборной клятвѣ,—но вѣдь церковь до самаго 1800 г. не допускала *возможности* таковаго, несогласнаго съ соборнымъ постановленіемъ служенія иначе, какъ въ смыслѣ сопротивленія, а ужъ не то что «съ благословенія» самой же церкви! Вѣдь о послѣднемъ въ теченіе 133 лѣтъ и рѣчи не было; напротивъ, всѣ усилія представителей церкви клонились къ доказательству неправильности, незаконности и *грѣховности* старыхъ обрядовъ: не мало было потрачено на это, совершенно безплодно, и учености, и полемическаго остроумія, переходившаго не разъ въ кощунственное глумленіе.

Если бы Соборъ 1667 г. съ самаго начала постановилъ: «тѣмъ, которые, желая пребыть въ соединеніи съ церковью, въ то же время смущаются въ своей совѣсти употребленіемъ въ богослуженіи исправленныхъ книгъ, церковь въ своемъ материнскомъ снисхожденіи разрѣшаетъ пока остаться при старыхъ книгахъ»,— вѣроятно раскола бы не было или онъ не получилъ бы того остраго характера, который причинилъ Русской Землѣ столько горя и бѣдъ. Этого не было сказано; такой мысли не возникало въ то время, да и возникнуть не могло, и никакія мудрованія не заслонятъ теперь противорѣчія, въ которомъ пребываетъ нынѣ церковная власть, стараясь согласить благословляемое ею единовѣріе съ постановленіемъ Московскаго собора 1667 года.

«Малъ квасъ квасить все смѣшеніе». Нигдѣ не облпчается правда этихъ словъ такъ ярко, какъ въ дѣлахъ и судьбахъ церкви въ ея земномъ, историческомъ бытіи, ибо ея назначеніе — служить самой Божественной Истинѣ; всякая примѣсь нечистоты и неправды выступаетъ въ ней противорѣчіемъ болѣе рѣзкимъ, болѣе опаснымъ, съ болѣе злыми послѣдствіями, чѣмъ въ какомъ бы то ни было мірскомъ, человѣческомъ дѣлѣ. *Всѣ,* думается намъ, погрѣшили равно: и церковныя власти 1667 г., такимъ насильственнымъ, грубымъ способомъ исправлявшія формы древняго благочестія, съ такою неразумною строгостью отнесшіяся къ заблуждавшимся и съ такимъ неразумнымъ пристрастіемъ къ исправленному обряду; погрѣшили и ревнители стараго благочестія, поставившіе суемудро обрядъ не только наравнѣ съ догматомъ, форму съ содержаніемъ, букву, которая, по слову Христа, *мертвитъ,* съ духомъ, который *живитъ,* не только, повторяемъ, наравнѣ, но чуть ли не

выше ихъ,—поправшіе братство, разорвавшіе цѣлость церкви, обманомъ и плутней восхищавшіе таинство, благодать рукоположенія!!.. Выходъ, казалось бы, одинъ, по крайней мѣрѣ для тѣхъ, кто разумнѣе и сильнѣе духомъ: это искреннее исповѣданіе своихъ ошибокъ и прегрѣшеній, соборное покаяніе, соборная молитва о ниспосланіи духа премудрости и любви, и соборное вновь разсмотрѣніе дѣяній Московскаго Собора 1667 г. въ смыслѣ умиротворенія и объединенія. Пуще же всего нужно оставить преувеличенную заботу о соблюденіи достоинства, авторитета,—«престижа» власти, ибо такая жалкая забота обличаетъ лишь невѣріе въ самую истину и въ зиждительную мощь христіанской любви,—ибо нѣтъ другаго престижа и авторитета для церкви, кромѣ истины, и другаго орудія, кромѣ слова любви,—ибо только въ истинѣ власть, и только въ любви сила.

Къ вопросу о старообрядцахъ и о расколѣ мы еще не разъ вернемся.

Объ отношеніи современнаго прогресса къ христіанству (по поводу статьи В. С. Соловьева «О духовной власти въ Россіи»).

«Русь», 5-го декабря 1881 г.

Помѣщая ниже статью нашего молодаго ученаго, уже достаточно извѣстнаго своими философско-богословскими изслѣдованіями, В. С. Соловьева: «По поводу послѣдняго пастырскаго посланія Св. Синода»,—находимъ неизлишнимъ предпослать ей нѣсколько словъ.

Трудныя времена переживаетъ христіанская церковь, болѣе трудныя чѣмъ когда-либо: не внѣшняя опасность грозитъ ей, не новое нашествіе варваровъ, даже не новый великій вѣроисповѣдный расколъ, опасность внутри ея самой, опасность не отъ невѣрія только, даже не отъ равнодушія или индифферентизма, а отъ внутренняго противорѣчія собственнымъ своимъ началамъ, ослабляющаго ея силы для борьбы съ врагомъ, котораго могущество, во всеоружіи науки и знанія, стало особенно грознымъ въ XIX вѣкѣ, которому ходячее имя: «современный прогрессъ»... Весь христіанскій міръ на Западѣ охваченъ теперь этою борьбою; это бой на жизнь и смерть съ церковью, прозванный Нѣмцами Kulturkampf,—бой во имя культуры, цивилизаціи, всяческой свободы и общественныхъ благъ, добытыхъ пытливымъ умомъ, расчетомъ и непрестанно воинствующей совѣстью человѣческой. Этотъ бой зачинается и у насъ, каждый день умножая противниковъ церкви, каждый день увлекая подъ знамя «прогресса» множество молодыхъ, не легкомысленныхъ только или порочныхъ, — напротивъ, великодушныхъ, благород-

ныхъ сердецъ. Ибо это знамя «равенства и братства», «свободы знанія, мысли и совѣсти», «гуманности», «просвѣщенія», «воздаянія обиженнымъ, сверженія оковъ съ меньшей братіи, равномѣрнаго распредѣленія средствъ къ жизни и безъ различія между всѣми», и т. д. и т. д. Такова программа лучшихъ, искреннихъ приверженцевъ «современнаго прогресса». «Я опередилъ церковь — говоритъ ихъ устами этотъ «прогрессъ». «Я овладѣлъ, я воспользовался всѣми ея лучшими нравственными началами. Вѣра безъ дѣлъ мертва, говорите вы: она и оказалась мертвою въ вашей церкви; тѣ дѣла, которыхъ она не умѣла творить,—я творю ихъ внѣ церкви и безъ вѣры: подъ моимъ знаменемъ, а не подъ знаменемъ вашей церкви смягчаются нравы, уничтожаются пытки, освобождаются рабы, водворяется правосудіе, утверждается уваженіе къ человѣческому достоинству, на какой бы низкой общественной ступени ни стоялъ человѣкъ; истребляется соціальная неправда, вносится свѣтъ науки, дается просторъ всякимъ дарованіямъ духа», и проч. И если кто, тамъ на Западѣ (о Россіи рѣчь впереди), обратитъ свои взоры на церковь, и вспомнитъ въ прошломъ инквизицію съ ея кострами, деспотизмъ и властолюбіе папъ, дѣянія и ученіе іезуитовъ, а въ настоящіе дни увидитъ непогрѣшимаго папу, замѣнившаго Христа, съ тѣми же средневѣковыми, только поневолѣ сдержанными вожделѣніями и съ тою же іезуитскою дружиною, составляющею главную духовную силу церкви, — развѣ не смутится онъ духомъ, развѣ легко ему оградить себя отъ сомнѣнія въ жизненной силѣ самой истины Христовой!..

Но «прогрессъ» не ограничился протестомъ противъ мерзости запустѣнія, водворившейся на мѣстѣ святѣ,—онъ отвергъ самое начало, самую идею церкви и логически пришелъ къ отрицанію самой вѣры во Христа, а затѣмъ и въ Бога, т. е. къ отрицанію собственной своей правды, той, которая лежитъ въ его основѣ. Въ гордости своей онъ поклонился самъ себѣ—или «человѣческому разуму» и возмнилъ себя Богомъ. Въ сущности же ничего самъ о себѣ не сотворилъ пресловутый «европейскій прогрессъ», никакого самостоятельнаго, зиждущаго начала не выдвинулъ, а все, чѣмъ онъ хвалился и хвалится, все это—твореніе христіанскаго откровенія міру. «Подобно царствіе Божіе—квасу»—сказалъ Спаситель, и данный Имъ Новый Завѣтъ, это — въ смыслѣ всемірно-историческомъ — тѣ дрожжи, на которыхъ Христосъ заквасилъ всю дальнѣйшую судьбу человѣчества. Вся исторія человѣчества—есть исторія этого броженія брошенной въ міръ истины Христовой, и не изниметъ оно изъ себя этого кваса, пока онъ не перебродитъ! Завѣтъ же Христовъ—не только любовь, но и *нравственное совершенство:* «будьте совершенни яко Отецъ вашъ небесный совершенъ есть». Идеалъ вѣчный и недостижимый, *отчасти* лишь достигаемый. Процессъ этого *до-*

стианія и составляетъ теперь основу и содержаніе земнаго историческаго бытія христіанскихъ обществъ, носителей европейской цивилизаціи,—даже помимо ихъ собственнаго сознанія, даже когда они повидимому отвращаются Христа. Нельзя не поражаться узкостью и ограниченностью понимапія сторонниками «современнаго прогресса» міровой задачи христіанства: то взваливаютъ на него отвѣтственность -зачѣмъ въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ оно не водворило на землѣ всеобщаго благополучія,—то обвиняютъ его въ непрактичности, въ томъ, что христіанскій идеалъ стоитъ *внѣ* дѣйствительной исторической жизни человѣчества. Но какой же бы это былъ идеалъ, еслибъ онъ приходился въ мѣрку даннаго историческаго момента, исчерпывался бы имъ весь, весь въ него воплотился!.. Въ томъ-то и дѣло, что идеалъ христіанскій вѣченъ, внѣ условій мѣста и времени, внѣ преходящихъ формъ бытія, предносится предъ всѣмъ человѣчествомъ, не укладывается въ жизнь, всегда выше ея, но мирится съ нею, вѣчно будитъ и нудитъ человѣческое общество и стремитъ его впередъ и впередъ. Въ томъ-то и благо, что одновременно, напримѣръ, съ кипящею враждою народовъ, сквозь бранные клики и шумъ оружія, не перестаетъ раздаваться въ христіанскихъ храмахъ этотъ «непрактическій» вѣчный зовъ къ братской любви и миру. И этого властнаго зова не заглушить ни земнымъ громамъ, ни болѣе мощному, чѣмъ громы, суесловію человѣческому.

Онъ и не заглушается. Такъ называемый «прогрессъ», какъ мы сказали, отражаетъ въ себѣ дѣйствіе тѣхъ же евангельскихъ истинъ, божественный источникъ которыхъ онъ отрицаетъ; но зло именно въ томъ, что отраженіе истины искажено ложью отрицанія. Безспорно, не безъ благоволенія относится современный «прогрессъ», особенно въ лицѣ лучшихъ своихъ ревнителей, къ нѣкоторымъ сторонамъ нравственнаго христіанскаго ученія и даже прямо воспользовался ими, тщательно вылущивая, отскабливая въ нихъ всякую догму, опорожняя ихъ отъ внутренней божественной сущности. Онъ высоко вскинулъ знамя «любви къ человѣчеству» и при этомъ отрекся отъ Бога. Но не одно и то же «любовь къ человѣчеству», или «гуманность»—и «любовь къ ближнему» Христа. Ибо христіанская заповѣдь о любви къ ближнему нераздѣльна съ заповѣдью о любви къ Богу, а любовь къ Богу — это не то, что исповѣданіе Бога и вѣра въ него, — это выше вѣры, или точнѣе — это сама ея *плоть*, это живое сочувствіе и сближеніе, до уподобленія, всего существа души человѣческой съ самимъ существомъ Божіимъ, *нравственно совершеннымъ*, и которое само есть любовь. Требованіе уподобленія Богу или личнаго нравственнаго совершенства лежитъ въ основѣ всего христіанскаго вѣроученія и притомъ не какъ правило отвлеченной доктрины, а какъ живая сила самой любви къ Богу и ближнимъ. Какъ любовь къ Богу, понятая внѣ любви къ ближнимъ, есть ложь и

логически приводитъ къ безвѣрію, къ отрицанію Божественной истины (за примѣрами ходить недалеко: стоитъ только вспомнить инквизицію съ ея кострами *во имя Христово);* такъ и любовь къ ближнимъ внѣ любви къ Богу, т. е. внѣ божественно-нравственной основы, въ концѣ концовъ ведетъ къ отрицанію ближнихъ, къ человѣконенавидѣнію. Ибо за отреченіемъ отъ Бога идетъ неизбѣжно вслѣдъ цѣлая логическая цѣпь отреченій: и отъ всякой абсолютной истины, и отъ всякаго нравственно-обязательнаго закона, и отъ нравственной отвѣтственности, и отъ понятій добра и зла, съ замѣною ихъ понятіями вреда и пользы. Отрицая Бога, человѣкъ неминуемо кончаетъ отрицаніемъ свободнаго духа въ себѣ самомъ; отметая въ себѣ «подобіе Божіе», онъ неотвратимо устремится уподобить себя животному... Все это и совершается на нашихъ глазахъ. На чемъ же, спрашивается, утвердиться тутъ «гуманности» или «человѣколюбію», этому явленію и понятію *нравственнаго* порядка? Основанія для «гуманности» на такой почвѣ отрицанія нѣтъ, разумѣется, никакого, и она низводится на степень случайнаго, личнаго, естественнаго, чуть не животнаго побужденія (Triebe). Очевидно, что на такомъ фундаментѣ невозможно укрѣпить никакого общественнаго строя, тѣмъ болѣе, что побужденіе *гуманности* не исключаетъ правомѣрности иныхъ, столь же естественныхъ, но совершенно противоположныхъ побужденій (хоть бы, напримѣръ, *мести*, вожделѣнія страстей, и т. д.): послѣднія, при огульномъ отрицаніи нравственно-обязательнаго закона, имѣютъ несомнѣнно полное логическое право на существованіе.

Къ счастію, душа человѣческая плохо способна къ строгой логической послѣдовательности отрицанія. Человѣкъ, отвергающій, напримѣръ, теоретически идею Бога, не вдругъ спускается по всей логической лѣстницѣ нравственнаго паденія, но часто невольно задерживается на какой-либо изъ первыхъ же ея ступеней, пробавляясь въ жизни безотчетнымъ противорѣчіемъ собственныхъ дѣйствій съ исповѣдуемыми имъ принципами, — совершая даже иногда высокіе подвиги христіанской любви и самоотверженія! Да и кромѣ того, современнымъ радикальнымъ отрицателямъ — вольно предаваться своему отрицанію въ той средѣ, гдѣ ихъ внѣшняя свобода и существованіе вполнѣ еще обезпечены господствомъ *христіанскихъ нравственныхъ предразсудковъ*, гдѣ все общество и они сами еще живутъ, такъ сказать, на счетъ капитала христіанской нравственности. Но нельзя же ни обольщаться и довольствоваться такою благородною непослѣдовательностью человѣческой духовной природы, ни полагаться на неистощимость нравственнаго христіанскаго капитала, обращающагося въ обществѣ въ данную минуту и въ данной мѣстности. Развѣ мы не видимъ, какъ подъ знаменемъ прогресса проповѣдь гуманности, отрекшейся Бога, становится постепенно проповѣдью разрушенія

и человѣкоубійства, и проповѣдь эта съ каждымъ днемъ расширяетъ кругъ своего дѣйствія?

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что девизъ первой французской революціи: «свобода, равенство, братство» — евангельскаго происхожденія. Мы не станемъ оспаривать ни высокую искренность первыхъ энтузіастовъ этой революціи, ни даже наивность ихъ вѣры въ быстрое осуществленіе провозглашенныхъ ими началъ. Но именно отъ того, что они эти принципы пообчистили отъ ихъ божественной сущности и низвели ихъ на степень юридическихъ понятій, въ ихъ девизъ и на ихъ знамя не попало то слово, въ которомъ одномъ — основа и жизненная сила всѣхъ вышеисчисленныхъ христіанскихъ началъ: это слово — «любовь». Отъ того и вышло на дѣлѣ самое вопіющее противорѣчіе: провозглашенныя революціей начала стали девизомъ террора! Послѣднее же слово революціоннаго логическаго прогресса—анархія, тираннія, и вмѣсто судебнаго террористскаго топора — петролей, ядъ, динамитъ. Да и развѣ идея *братства*, идея христіанствомъ впервые внесенная въ міръ, существенно христіанская,—развѣ не представляется она безсмыслицей на знамени революціоннаго раціонализма, такъ какъ для нея нѣтъ никакихъ *логическихъ*, раціональныхъ основаній? Развѣ идея *братства* мыслима внѣ идеи *сыновства*, внѣ христіанскаго понятія о *единомъ отцѣ*, т. е. о Творцѣ-Богѣ, который же есть и Любовь? Не во имя же общаго родоначальника орангъутанга, какъ учитъ современный научный прогрессъ, величаться намъ братьями и выставлять на своемъ знамени девизъ: Fraternité, въ то же время объявляя ярую войну самому принципу *семьи!!* Да и можетъ ли быть обязательнымъ чувство братства тамъ, гдѣ отвергается обязательность всякаго нравственнаго закона и даже самое понятіе объ абсолютной нравственной правдѣ? Самыя начала «свободы» и «равенства»,—понятыя внѣ ихъ нравственной христіанской основы, съ одной внѣшней формальной стороны,—ведутъ логически: первое — къ разнузданности, къ своеволію; второе — къ безумному, вооруженному насиліемъ протесту противъ самой природы, противъ неравномѣрности свойствъ пола, возраста, даже даровъ духа, отъ воли человѣка независящихъ. Истощаясь въ усиліяхъ уравнить человѣчество по своей внѣшней логической мѣркѣ, ревнители-«прогрессисты» безотчетно стремятся понизить его, хотя бы способомъ самой тираннической нивеллировки, до самаго низменнаго, дѣйствительно общаго уровня, и убить наконецъ самую свободу и разнообразіе жизни... Однимъ словомъ, всѣ эти либеральные принципы, сдвинутые съ основы христіанскаго міросозерцанія, логически приводятъ къ абсурду: *прогрессъ*, отрицающійся Бога и Христа, въ концѣ концовъ становится *регрессомъ; цивилизація* завершается *одичаніемъ;* свобода—деспотизмомъ и рабствомъ. Совлекши съ себя образъ Божій, человѣкъ

неминуемо совлечетъ,— уже совлекаетъ съ себя и образъ человѣческій, и возревнуетъ объ образѣ звѣрномъ.

Тѣмъ не менѣе въ основаніи большей части требованій «прогресса» лежатъ начала истинно-христіанскія, только искажаемыя отрицаніемъ ихъ божественной сущности, а потому и приводящія въ концѣ концовъ логически къ результатамъ совершенно противоположнаго свойства. Почему же эти христіанскія начала сопровождаются такимъ отрицаніемъ? Потому что они проникаютъ въ общественную жизнь и завоевываютъ въ ней себѣ подобающее право гражданства не путемъ открытымъ, свободнымъ, законнымъ, а путемъ *революціоннымъ*, насильственнымъ, какъ бы наперекоръ тѣмъ, кому ввѣрено соблюденіе въ мірѣ чистоты и святости завѣта Христова, *наперекоръ церкви*. Да, вина безъ сомнѣнія, главнымъ образомъ, на церкви, если понимать это слово въ обыкновенномъ, ходячемъ смыслѣ — какъ внѣшнее учрежденіе съ извѣстною организаціей, или точнѣе, какъ представительство церковнаго общества, въ данной мѣстности и въ данное время, сосредоточивающее въ себѣ духовную власть. Вина на пастыряхъ неправо правящихъ слово Божіей истины. Исторія церкви на Западѣ вполнѣ объясняетъ законность стремленія государствъ и обществъ свергнуть съ себя ея иго. Справедливо говоритъ г. Соловьевъ, что въ латинствѣ она какъ бы отреклась отъ Христа въ пользу папы, а въ протестантствѣ отреклась отъ себя самой. Истинно трагическое положеніе западно-европейскаго христіанина! Онъ поставленъ между папствомъ, исказившимъ догматическую истину, измѣнившимъ самому существенному основанію христіанства, обратившимъ церковь въ царство отъ міра сего, въ деспотическое государство со внѣшнею правдою и внѣшнимъ насиліемъ, — между папствомъ, котораго притязанія на непогрѣшимость и свѣтскую власть его чувство и умъ отрицаютъ, и между культурой съ ея наукой и знаніемъ, культурой, къ которой, разумѣется, онъ не можетъ не чувствовать сильнѣйшаго искренняго влеченія, но которая отрицаетъ самую жизненную основу истиннаго прогресса, вѣру во Христа. Ему приходится самому отыскивать себѣ точку внутренняго равновѣсія, самому сочинять, вырабатывать себѣ религіозное міросозерцаніе, измышлять себѣ единолично точки опоры, полагаться на авторитетъ собственнаго разума, упраздняя такимъ образомъ то единство любви и вѣры, которому Христосъ ввѣрилъ храненіе истины и которому имя — церковь. Въ такомъ же, болѣе или менѣе, положеніи и современный протестантъ, отрекшійся не только отъ злоупотребленій и искаженій, явленныхъ латинскою церковію, но и отъ самой идеи церкви. Ужасы французской революціи были законнорожденнымъ дѣтищемъ костровъ инквизиціи, и едвали не виновнѣе предъ Богомъ тѣ, которымъ поручено было блюсти церковь Христову.

По милости Божіей, Восточная православная церковь, къ которой принадлежитъ наша Россія, не въ такомъ положеніи, какъ церковь на Западѣ. Она сохранила нерушимо догматы христіанскіе, не исказила истины вѣры, не отреклась *въ ученіи и сознаніи* ни отъ одного начала, заповѣданнаго Христомъ. Поэтому и все, что привнесено въ нее ложнаго извнѣ, что въ настоящее время мертвитъ ея жизнь, поражаетъ безсиліемъ все православное церковное общество и заставляетъ столь многихъ устремляться вонъ изъ ея ограды, вслѣдствіе ли требованій вѣрующей совѣсти, или вслѣдствіе жажды простора и свѣта, мечтающей найти себѣ утоленіе въ такъ называемомъ современномъ прогрессѣ,— все это ложное, темное, злое, можетъ быть устранено изъ нея безъ нарушенія ея внутренней цѣльности и силы, какъ чуждое ея существу. Ибо нѣтъ ничего прогрессивнѣе прогресса общечеловѣческаго развитія въ духѣ истины Христовой; нѣтъ большаго простора, какъ во Христѣ, нѣтъ свободы дѣйствительнѣй, какъ «идѣже духъ Божій»,— и этотъ христіанскій прогрессъ въ жизни человѣческихъ обществъ, этотъ просторъ, эту свободу исповѣдуетъ и даетъ о Христѣ православная церковь, если только ея верховные пастыри, носители власти духовной, право правятъ слово исповѣдуемой ими истины. Прекрасно и вѣрно говоритъ г. Соловьевъ, что «на нашихъ богословахъ лежала прямая обязанность, въ виду великаго умственнаго развитія Запада, показать, что христіанская истина не боится мысли и знанія человѣческаго; что, не отрекаясь отъ себя, она можетъ воспользоваться всѣми произведеніями ума, можетъ сочетать вѣру религіозную съ свободною философскою мыслію и откровенія божественной истины съ открытіями человѣческаго знанія».

Не ученіе нашей церкви виновато въ томъ, что внѣшняя современная организація ея не отвѣчаетъ его требованіямъ и часто находится въ противорѣчіи съ основными началами христіанства; не ученіе церкви виновато въ томъ, что сотни тысячъ Русскаго народа устремились въ *штунду*, не довольствуясь однимъ внѣшнимъ богослужебнымъ культомъ и ища живаго, практическаго примѣненія къ строю общественной жизни заповѣди Христа о любви; не православное вѣроисповѣданіе причиною тѣхъ внѣшнихъ матеріальныхъ насилій надъ совѣстью, той религіозной нетерпимости, тѣхъ уголовныхъ каръ, которымъ подвергаются даже доселѣ наши раскольники... Именно на эту практическую сторону дѣла и обращаетъ вниманіе нашихъ правящихъ іерарховъ авторъ упомянутой нами статьи.

Въ послѣднее время наши раскольники, которые считаются милліонами, взяты подъ особенное покровительство нашею «либеральною» прессою и вообще всѣми поборниками «европейскаго прогресса»... Они, безъ сомнѣнія, вполнѣ правы, когда ратуютъ за принципъ вѣротерпимости, за свободу вѣрующей совѣсти, но побужденіемъ къ такому рато-

борству лежитъ, къ сожалѣнію, начало исключительно «либеральное», т. е. лишенное той религіозной основы, безъ которой, какъ мы показали выше, всякій либерализмъ логически, въ концѣ-концовъ, обращается въ тиранію. Это мы и видимъ, напримѣръ, во Франціи, гдѣ государство, совершенно правое въ своей борьбѣ съ клерикализмомъ, въ то же время подъ предлогомъ свободы совѣсти, принудительною властью создаетъ въ христіанской странѣ, для массъ христіанскаго народа, новую обязательную школу безъ всякой идеи о Богѣ, замѣняя въ учебникахъ самое слово *Богъ* словомъ *натура;* т. е. *навязываетъ* насильно, согласно съ «послѣднимъ словомъ прогресса», своего рода *сектантство,* какъ выразился о подобныхъ затѣяхъ одинъ изъ государственныхъ секретарей Сѣверо-Американской республики Спенсеръ (см. 50 № «Руси», разборъ книги г. Лопухина). Наши раскольники, впрочемъ, въ громаднѣйшемъ большинствѣ своемъ, отдѣлившіеся отъ церкви изъ-за излишней ревности къ обряду, а не изъ-за догматическаго разногласія, слишкомъ ревностные приверженцы принципа ученія церковнаго и не очень льстятся сочувствіемъ современнаго «либерализма». Тѣмъ не менѣе требованіе свободы совѣсти или искренности въ дѣлѣ вѣрованія, свободы богослуженія или культа и прекращеніе всякаго внѣшняго насилія, особенно же уголовныхъ преслѣдованій за религіозныя убѣжденія—вполнѣ согласно съ духомъ евангельскимъ, вполнѣ истинно, вполнѣ право, кѣмъ бы и гдѣ бы оно возглашено ни было. Тѣмъ печальнѣе, что иниціатива подобнаго требованія идетъ не отъ лица нашей церкви, предъявляется не ею, не нашими правящими іерархами, а государствомъ и обществомъ, какъ бы наперекоръ имъ, какъ бы въ видѣ побѣды «современнаго прогресса» надъ церковью!

Тяжело сознаться, но, благодаря косности, благодаря ложному положенію Русской церкви, надѣвшей, по горькому выраженію г. Соловьева, *государственный мундиръ*, голосъ ея почти не слышенъ, но авторитетенъ, повидимому не властвуетъ надъ душами. Вотъ гдѣ наше современное зло и гдѣ корень разъѣдающаго насъ общественнаго недуга! «Не вѣсте коего вы духа есте», сказалъ Христосъ ученикамъ своимъ, просившимъ его низвести огнь на землю для истребленія жителей веси Самарянской, не пріявшихъ Его. «Не вѣсте коего вы духа» — гласитъ и намъ неумолчно, во всемъ пространномъ смыслѣ своемъ, это божественное слово, намъ, всей Русской церкви—безъ различія пастырей отъ пасомыхъ... Благовременно ли молчаніе, подлежитъ ли осужденію искренняя, горячая рѣчь вѣрующаго сына церкви, обращенная къ пастырямъ, носителямъ власти духовной, взывающая о томъ, что̀ такъ на потребу въ данную пору всей скорбящей и недоумѣвающей русской паствѣ?

Время не терпитъ. Зло быстро растетъ, проповѣдь невѣрія и отрицанія, подъ знаменемъ «либерализма» и «прогресса», разлагаетъ нрав-

ственныя основы нашего общества. Русская земля позорится неслыханными преступленіями, духъ въ ней скудѣетъ, духа жизни ей недостаетъ, потому что недостаетъ жизни самаго *духа*... «Не угашайте же духа», звучитъ изъ глуби вѣковъ другое вѣщее, святое слово!

По поводу статей Ив.-Н. и Д. Х. о церковномъ управленіи.

«Русь», 1-го мая 1882 г.

Въ 16 № «Руси» окончили мы печатаніе цѣлаго ряда статей (ихъ всѣхъ 12), которыя подъ общимъ негромкимъ заглавіемъ: «О русскомъ церковномъ управленіи» представили не только полную, обстоятельную картину всѣхъ «недостатковъ» или точнѣе — всей мертвенности современнаго управленія, но и полную же картину внѣшняго преобразованнаго церковнаго строя во всѣхъ его частностяхъ и подробностяхъ, какъ этотъ строй рисуется въ мысли достопочтеннаго автора. Помѣщая въ своей газетѣ этотъ добросовѣстный, *дѣльный* трудъ, мы напередъ знали, что большинство читающей публики пройдетъ его мимо; намъ даже дѣлались заявленія въ такомъ родѣ, что это-де предметъ слишкомъ *спеціальный*, интересный только для *спеціалистовъ*, а для «публики» мало *занятный*. Въ этихъ заявленіяхъ (нисколько насъ не удивившихъ) самымъ наивнѣйшимъ образомъ высказалась, къ несчастію слишкомъ намъ знакомая, характеристическая черта нашей современной, такъ называемой «интеллигенціи»: это—отсутствіе всякой искренней серьезности въ отношеніи къ самымъ существеннымъ вопросамъ и задачамъ нашей поры, всякаго напряженія мысли и всякаго труда при разрѣшеніи ихъ, всякаго честнаго исканія правды. Имъ и искать ее не зачѣмъ: они самодовольно увѣрены, что правда у нихъ въ карманѣ; они истинно счастливы, потому что всѣ мучительнѣйшіе вопросы и задачи для нихъ дѣло рѣшенное, цѣль опредѣлена, да и способы достиженія цѣли вполнѣ извѣстны: «наука», по новѣйшимъ иностраннымъ авторитетнымъ учебничкамъ (далѣе учебничковъ ихъ знаніе не идетъ), а орудіе достиженія—сама «интеллигенція», лишь бы ей дали волю и власть,—«интеллигенція», которая, по послѣднему опредѣленію нашихъ газетныхъ и журнальныхъ мудрецовъ, состоитъ чуть ли не изъ однихъ только адвокатовъ, учителей, фельетонистовъ и литераторовъ особаго разряда, фальшиво именующаго себя «либеральнымъ лагеремъ». Оставимъ ихъ блаженствовать и самоуслаждаться словами, формочками и самими собою: это явленіе, мы въ томъ увѣрены, преходящее, безпочвенное, предназначенное исчезнуть при первомъ дыханіи проснувшейся общенарод-

ной жизни. Не ихъ мы и имѣли въ виду, печатая статьи о церковномъ управленіи, а всѣхъ прикосновенныхъ къ этому управленію изъ свѣтскихъ и духовныхъ «чиновъ»,—въ особенности же тѣхъ, сравнительно немногихъ высокообразованныхъ серьезныхъ мыслителей, въ которыхъ по истинѣ совершается работа русской интеллигенціи, хотя они и не наклеиваютъ на себя ярлыкъ съ этимъ титуломъ и не присвоиваютъ себѣ, въ силу такого титула, никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Мы имѣли въ виду также огромное множество тѣхъ, въ средѣ которыхъ хотя и не распространено чтеніе газетъ, но до вѣдома которыхъ, однако, доходятъ порой, чрезъ посредство нѣкоторыхъ грамотѣевъ, мысли и взгляды о предметахъ наиболѣе ихъ интересующихъ; то несмѣтное множество молчащихъ, въ молчаніи страждущихъ, ждущихъ и уповающихъ, для которыхъ вопросы вѣры и церкви суть вопросы жизни — не только личной, но и общественной, не только для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, но и для всѣхъ ихъ вмѣстѣ, какъ Русскаго народа и даже какъ государства. Мы не отдѣляемъ здѣсь, а напротивъ, причисляемъ сюда и милліоны нашихъ старообрядцевъ, въ которыхъ православное церковное сознаніе особенно живо и дѣйственно, несмотря на тяжкія недоразумѣнія, отторгшія ихъ отъ внѣшняго церковнаго единства,—недоразумѣнія, въ которыхъ не они одни виноваты.

Справедливо замѣчаетъ г. Д. Х. въ письмѣ своемъ къ намъ, при которомъ присланы имъ, помѣщаемыя въ этомъ же №, его «нѣсколько словъ» по поводу статей г. Ив.-Н.,—что наша свѣтская печать вообще неохотно открываетъ свои столбцы для вопросовъ церковныхъ, считая ихъ какъ бы исключительнымъ достояніемъ церковныхъ печатныхъ органовъ и признавая вѣроятно, что для Русскаго народа *церковность* и *гражданственность* — такія двѣ различныя области, которыя между собою и связи-то никакой не имѣютъ! Дѣйствительно, по ходячимъ въ нашемъ обществѣ воззрѣніямъ — гражданская печать должна служить лишь общегражданскимъ цѣлямъ, «между которыми церковнымъ интересамъ нѣтъ-де мѣста». Извѣстно, что по новѣйшимъ западнымъ теоріямъ,—затверженнымъ и повторяемымъ слово въ слово и нашими попугаями либерализма, «религія есть только личное, субъективное чувство», до котораго не только государству, но и обществу никакого нѣтъ дѣла, такъ какъ государство по существу своему безвѣрно (l'état est athée), а общество-де, какъ общество, не должно имѣть никакого вѣроисповѣданія: религіозные интересы касаются лишь отдѣльныхъ лицъ, которыя пожалуй могутъ, ради ихъ, слагаться въ нѣкоторыя группы,—но все же эти интересы принадлежатъ къ категоріи частныхъ, а не государственныхъ и не общественныхъ интересовъ. Мы не станемъ входить здѣсь въ подробный разборъ этой теоріи, которая и на Западѣ далеко не можетъ быть названа господствующею и вызываетъ протесты

не одни лишь литературные и теоретическіе, но и жизненные. Замѣтимъ только, что именно на Западѣ-то государство и не *безвѣрно*. Какъ ни бьется оно, — все же оно не въ силахъ вполнѣ освободить себя отъ стихіи религіозной, хотя бы *въ отрицательномъ* смыслѣ. Оно—вѣроисповѣдное государство, но исповѣдуетъ — вѣру *въ атеизмъ*, но творитъ себѣ кумиромъ *себя самого* и *себѣ* поклоняется. Въ языческомъ мірѣ не существовало, внѣ государства, высшаго идеала общежитія; государство было для него выраженіемъ высшей истины. Само въ себѣ имѣющее цѣль, само для себя существующее, само олицетворенное божество, такое государство (каковымъ былъ Римъ) стало уже немыслимо въ мірѣ христіанскомъ. Христіанство, открывъ человѣку и человѣчеству высшее призваніе *внѣ* государства и высшій идеалъ вселенскаго единства—въ церкви, отвело государству настоящее, подобающее ему мѣсто, ограничило его значеніе значеніемъ «царства отъ міра», указало предѣлъ воздаянія «Кесарю»,—однимъ словомъ, поставило надъ Кесаремъ Бога и провозгласило то высшее, божественное начало, которому подчинена личная совѣсть и правящихъ и управляемыхъ, а слѣдовательно подчинено нравственно и государство, и всякій иной видъ человѣческаго общежитія. Въ наши дни, именно на Западѣ, мы видимъ попытку «Кесаря» (этотъ образъ лишь олицетвореніе идеи государства) раздвинуть предѣлы того, что̀ ему отведено, и захватить то, что̀ принадлежитъ «Богови». Онъ не мирится съ мыслью, что надъ нимъ есть Богъ—Царь царствующихъ; онъ не терпитъ надъ собою никакого высшаго начала и стремится поэтому вытѣснить Бога, церковь, а съ ними и душу, и совѣсть, замѣнить ихъ исключительно «правовымъ порядкомъ», не оставляя неприкосновенною ни одной области для свободнаго дѣйствія нравственной истины, ни даже области отношеній семейныхъ: однимъ словомъ, внести правовое, юридическое, государственное начало всюду,—всюду втѣснить, даже въ семью, судью и квартальнаго. Но послѣ Откровенія Христова, такъ высоко вознесшаго человѣческую личность, освободившаго ее отъ поглощенія государствомъ, отъ духовнаго порабощенія земной власти,—въ нашемъ христіанскомъ мірѣ уже невозможно безнаказанно сдвинуть гражданскій порядокъ съ христіанской основы. Христіанинъ, какъ выразились мы однажды, не можетъ просто перестать быть христіаниномъ и на томъ и покончить: онъ то-и-дѣло будетъ бороться съ своимъ бывшимъ Богомъ и въ себѣ самомъ и вокругъ себя; онъ не перестанетъ вѣчно бунтовать противъ начала, которымъ, какъ воздухомъ, проникнуто все существо и все бытіе человѣческихъ обществъ,—бунтовать непремѣнно озлобленно, вездѣ и всюду, въ тайникахъ души своей, на площадяхъ и на улицахъ... Это и видимъ мы теперь въ нѣкоторыхъ западныхъ государствахъ, особенно во Франціи. Вовсе не безразлично относятся они къ вѣрѣ и церкви; ихъ безвѣ-

ріе—воинственное; они—въ состояніи непрерывнаго бунта, ведутъ постоянную брань и постоянную проповѣдь—проповѣдь вѣры въ безвѣріе!

Такого же рода отношеніе государства къ церкви (какъ высшее выраженіе либерализма, какъ самый лучшій плодъ современной «культуры!») усердно рекомендуется и у насъ нашими забавными «либералами». Они, впрочемъ, даже и не отдаютъ себѣ полнаго отчета въ значеніи этого явленія на Западѣ, а такъ, просто, какъ истинные попугаи, твердятъ чужое съ голосу, ad usum русской публики, для ея назиданія. Имъ кажется даже, что почва у насъ для проповѣди вполнѣ благопріятная: они не замѣчаютъ въ русской народной жизни бездѣлицы—стихіи церковной, т. е. основной существенной стихіи народнаго бытія! Они не разумѣютъ, что вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ церкви и государства стоитъ у насъ совершенно иначе, именно такъ, какъ онъ поставленъ и въ статьяхъ г. Ив.-П., и въ статьѣ г. Д. Х. Поэтому нельзя сказать, будто наши свѣтскіе именно «либеральные» журналы такъ-таки совсѣмъ чуждаются церковныхъ вопросовъ. Многіе занимаются ими, но бо̀льшая часть — съ цѣлію отрицательной, усердно подбирая каждую сплетню, каждый анекдотъ, представляющій положеніе церкви у насъ не въ благопріятномъ видѣ (работа очень благодарная, потому что, къ несчастію, такихъ анекдотовъ цѣлое море). Они даже взяли теперь подъ свое особенное покровительство не только старообрядцевъ, но и секты всѣхъ видовъ, и не во имя только принципа свободы вѣрующей совѣсти, но во имя чего-то такого, что̀ отрицаетъ самое существо и старообрядчества и прочаго сектантства, которыхъ основа, какъ ни толкуй, все же «трансцендентальная» и «мистическая», т. е. вѣра въ невидимаго Бога. Съ этой—отрицательной—стороны, вопросы церковные не лишены и для нихъ интереса,—и даже статьи, напечатанныя въ нашей газетѣ, обличавшія искаженіе чистоты церковнаго идеала въ современныхъ нашихъ церковныхъ порядкахъ, встрѣчены были ими съ живымъ, хотя и одностороннимъ сочувствіемъ,—одностороннимъ потому, что оно относилось не къ положительной сторонѣ нашего протеста, а только къ одной отрицательной. Вопросъ же о внутреннемъ строеніи самой церкви ихъ нисколько не интересуетъ, да и не можетъ интересовать, какъ скоро отвергается самое начало церковное, а значеніе религіи въ русской народной жизни ограничивается предѣлами «личнаго, субъективнаго чувства», не имѣющаго никакого отношенія къ общественному строю народнаго бытія. Вотъ почему и статьи Ив.-П. не удостоились ихъ вниманія. Его обличеніе недостатковъ нашего церковнаго управленія выражено не въ той рѣзкой, картинной и общей формѣ, которую можно было бы вырвать изъ статьи и пустить въ дѣло для цѣлей совсѣмъ нецерковныхъ,—какъ учинилъ, напримѣръ, г. Григорій Градовскій со статьею, напечатанною въ 57 № нашей газеты прошлаго года.

Между тѣмъ, едвали какіе иные трактаты о нашей церкви сильнѣе, тверже, неотразимѣе разоблачаютъ современное запустѣніе на мѣстѣ святѣ, какъ именно статьи г. Ив.-П., и притомъ спокойно, безъ страсти, безъ злорадства, а съ достоинствомъ и прямотой скорбящаго, вѣрующаго духа. Это скромное, но твердое и мужественное, правое слово. Авторъ не довольствуется общею обвинительною формулою, въ родѣ «бюрократизмъ», «безжизненность», но проводитъ это обвиненіе сквозь весь строй церковнаго управленія, раскрываетъ его во всѣхъ отправленіяхъ церковнаго правительственнаго организма, не упуская ни одной частности и подробности. Можетъ быть въ самомъ дѣлѣ такая система обличенія ослабляетъ дѣйствіе этихъ замѣчательныхъ статей на большинство свѣтскихъ читателей, для которыхъ достаточно было бы однѣхъ крупныхъ характеристическихъ чертъ,—но и авторъ статей, и мы, печатая ихъ въ «Руси», повторяемъ, имѣли въ виду не однихъ свѣтскихъ читателей, а по преимуществу читателей духовнаго званія, ближайшихъ, непосредственныхъ, вольныхъ и невольныхъ пособниковъ существующаго порядка. Намъ казалось полезнымъ перебрать, такъ-сказать, всѣ клавиши инструмента, призвать всѣхъ, въ мѣру участія каждаго по своему званію и положенію въ строѣ церковнаго управленія, къ общей работѣ разоблаченія и сознанія. По крайней мѣрѣ не представляется уже никакой возможности обвинить нашего автора въ незнаніи предмета и въ голословности!

Тѣмъ большій интересъ представляютъ нѣкоторыя замѣчанія не на обличительную, а на положительную сторону добросовѣстнаго труда г. Ив.-П.,—замѣчанія серьезныя и со стороны нѣкоторыхъ лицъ, въ равной степени съ нимъ преданныхъ церкви, желающихъ обновленія, оживленія присущаго, но сдавленнаго въ ней духа. Таковы, между прочимъ, и замѣчанія г. Д. Х., въ статьѣ, помѣщаемой въ сегодняшней «Руси»... Г. Ив.-П., какъ извѣстно всѣмъ прочитавшимъ его двѣнадцать статей, съ тою же самою подробностью, съ какою обличаетъ и такъ-сказать разрушаетъ строй существующій, возсозидаетъ строй новый, не упуская никакой частности, даже самой некрупной, напередъ предусматривая и улаживая могущія встрѣтиться неудобства. Не отрицая высокаго достоинства предлагаемыхъ авторомъ новыхъ формъ управленія, г. Д. Х. выражаетъ мнѣніе, что такая работа представляется преждевременною; что пока церкви не будетъ возвращена свобода жизни, свобода самоопредѣленія, до тѣхъ поръ всякіе проекты реформъ осуждены стать ни чѣмъ инымъ, какъ «благонамѣреннымъ бюрократическимъ же измышленіемъ». По его мнѣнію, достоуважаемый авторъ статей,—осуждая господствующій теперь въ церкви бюрократизмъ, замѣнившій самодѣятельность церкви канцелярскимъ сочинительствомъ,—самъ невольно впадаетъ въ ту же ошибку и самъ, увлекаясь сочинительствомъ, зара-

нѣе предопредѣляетъ съ канцелярскою точностью, до самыхъ мелочей, тѣ видимыя формы, которыя должна принять возрожденная церковь. Но, говоритъ г. Д. Х., формы—дѣло второстепенное, пока та же путаница, то же смѣшеніе началъ государственнаго и церковнаго продолжаетъ жить въ самомъ сознаніи представителей церковнаго управленія. «Существующіе порядки только симптомъ болѣзни, которую исправить могутъ не внѣшнія реформы, а возвращеніе церкви права самоопредѣленія, т. е. свободы внутренней жизни, той дѣйствительной свободы, которая не нуждается въ составленіи для нея готовыхъ формъ, а сама имѣетъ выработать живыя формы, вполнѣ соотвѣтствующія живому содержанію ея внутренней свободы». Нельзя не сочувствовать въ основаніи съ выраженными г. Д. Х. требованіями. Съ ними сочувствуетъ, безъ сомнѣнія, вполнѣ и самъ г. Ив.-П. Онъ нигдѣ и не придаетъ предположеннымъ имъ формамъ значенія магической, самостоятельной, творческой силы, но, не останавливаясь на одномъ, нѣсколько *абстрактномъ* требованіи «возрожденія самодѣятельности», «свободной внутренней жизни духа» и т. д., онъ только рисуетъ тотъ конкретный образъ, въ которомъ ему представляется обновленная церковь...

Мы вполнѣ понимаемъ ту недовѣрчивость, которую питаетъ г. Д. Х., вмѣстѣ со всѣмъ нашимъ обществомъ, къ формамъ, регламентаціямъ, ко всѣмъ этимъ суррогатамъ органической жизни, которыми, вмѣсто жизни, чуть уже не два вѣка сряду угощаетъ Россію петербургская канцелярія. Онъ справедливо замѣчаетъ, что, убѣждаясь въ безжизненности дѣйствующихъ порядковъ, мы то-и-дѣло мѣняемъ внѣшнія формы—въ полной увѣренности каждый разъ, что данная форма сама *наберетъ* въ себя извнѣ жизненное содержаніе и внутреннее творчество! Опытъ не оправдалъ этой увѣренности, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда реформа предварительно созрѣла въ самомъ общественномъ сознаніи. Это замѣчаніе вполнѣ вѣрно, съ этимъ согласенъ и г. Ив.-П., указывающій, между прочимъ, на одного оберъ-прокурора Св. Синода, который начальственно понуждалъ епископовъ къ духовной самостоятельности! Но это еще вовсе не значитъ, что не слѣдуетъ даже и предугадывать тѣ формы, въ которыхъ выразился бы во внѣшней жизни новый притокъ жизни внутренней. Мало этого. Если съ одной стороны мы слишкомъ нянчились съ мертвящею буквой, забывая о духѣ животворящемъ, болѣе налегали на форму, чѣмъ на содержаніе, и владѣя формой воображали, что владѣемъ всѣмъ, то съ другой стороны не склонны ли мы впасть и въ противоположную крайность? Обманувшая насъ дѣйствительность до того, большею частью, опостыла намъ своимъ формализмомъ, что мы, страха ради формализма, готовы удариться въ безформенность, и, переходя отъ критическаго анализа къ положительнымъ преобразовательнымъ требованіямъ, выражаемъ послѣднія въ обра-

захъ весьма неопредѣленныхъ. «Необходимо воспрянуть духу жизни», «если повѣетъ духъ жизни», «предоставьте жизни самой создать себѣ формы», и пр. Но «духъ жизни», какъ таковой, невидимъ и неуловимъ, не замыкается въ какой-либо данный моментъ и въ событіе. Его нельзя взять за руку и пригласить: «вѣй!» «воспрянь!» Нельзя про него сказать, что съ такого-то числа и часа имѣетъ начаться его дѣятельность. Можетъ быть онъ уже вѣетъ и дѣйствуетъ? И развѣ не онъ выразился и въ статьѣ г. Д. Х., и въ самой попыткѣ г. Ив.-П. обрѣсти, хотя бы только въ мысли, соотвѣтственныя церковному истинному духу формы? Чтобы жизнь сама могла создать себѣ формы, нужно по меньшей мѣрѣ, чтобъ она была освобождена отъ тѣхъ негодныхъ формъ, которыя сковываютъ теперь ея самобытность. Стало-быть нужно уничтожить, прежде всего, формы существующія, а на это-то уничтоженіе формъ, безъ всякой замѣны ихъ какими-нибудь иными, и не могутъ, конечно, идти власть имущіе. Да и трудно это исполнить, не водворивъ, хоть на нѣкоторое время, полнаго хаоса. Такое уничтоженіе совершается иногда въ исторіи насильственными переворотами, вихремъ и бурею революцій, но это процессъ всегда болѣзненный и—главное—не произвольный. Съ другой стороны, въ нашей жизни и въ наше время, именно въ данную пору, нѣтъ болѣе досуга ни мѣста тому органическому, медленному, долгому, такъ-сказать безсознательному, историческому процессу творческой самодѣятельности извѣстнаго начала, которымъ мы любуемся ретроспективно, хоть бы въ исторіи церкви, въ далекой перспективѣ вѣковъ: намъ и ждать некогда, и работа анализа и вообще сознанія слишкомъ возбуждена; волей-неволей приходится сразу опредѣлять формы—и въ то же время недовѣрять имъ! Вотъ что вообще и останавливаетъ большею частью у насъ ходъ преобразованій, необходимость которыхъ всѣми чувствуется: именно историческое недовѣріе къ формѣ, съ одной стороны, съ другой—слишкомъ отвлеченное, идеальное представленіе о началахъ и силахъ, водвореніе которыхъ желательно, вслѣдствіе чего всякая попытка воплотить ихъ въ конкретныхъ явленіяхъ подвергается придирчивой и, скажемъ прямо, дешевой критикѣ. Дешевой потому, что нѣтъ вѣдь на землѣ никакой такой совершенной формы, хотя бы и самою жизнью созданной, гдѣ бы критика не нашла ни сучка, ни задоринки, которая бы не допускала возможности злоупотребленій и искаженій! Намъ кажется, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ органическій процессъ сокращенъ, гдѣ непосредственность постепеннаго развитія упразднена историческими судьбами и гдѣ люди, утративъ истину, возвращаются къ ней процессомъ сознанія, — въ этихъ случаяхъ относительно *формъ*, которыми поневолѣ приходится смѣнять существующія, оказавшіяся негодными, нужно держаться только трехъ главныхъ условій: во 1-хъ, чтобъ эти формы не противорѣчили основнымъ началамъ,

идеалу преобразованія; во 2-хъ, были бы настолько широки, чтобъ не стѣснять самодѣятельность жизни, которая уже и исправитъ ихъ потомъ сама, раздвинетъ, видоизмѣнитъ, свободно сама народитъ новыя; въ 3-хъ, чтобъ отношеніе къ формѣ было *свободное*, не суевѣрное, не переходило *въ формализмъ*.

Вотъ съ этой именно точки зрѣнія и слѣдуетъ смотрѣть на ту схему новаго церковнаго внѣшняго строя, которую выработалъ, можетъ быть даже съ излишними подробностями, авторъ статей о реформѣ церковнаго управленія,—подробностями, которыя онъ и самъ не думаетъ отстаивать во всей ихъ полнотѣ, безусловно. Впрочемъ, такъ какъ въ вопросѣ о реформѣ современной церкви мысль по необходимости обращается къ тѣмъ вѣкамъ христіанства, когда жизнь церковная была такъ цѣльна, плодотворна и могущественна, то естественно, что и г. Ив.-П. къ нимъ же устремилъ свои взоры и въ канонахъ самой церкви почерпнулъ большую часть своихъ формъ, только нѣсколько пріурочивъ ихъ къ условіямъ нашего мѣста и времени. Объ отношеніи нашей современности, ея правъ и потребностей къ древнимъ канонамъ мы когда-нибудь поговоримъ особо; во всякомъ случаѣ проектъ г. Ив.-П. представляетъ богатую и благодарную тему для ученой критики, для практическихъ замѣчаній, для тщательной, совокупными усиліями, разработки вопроса о необходимыхъ преобразованіяхъ церковнаго управленія и его правильнаго разрѣшенія. Иначе вѣдь мы вѣчно останемся при одномъ желаніи, при одномъ непреложномъ тезисѣ: «необходима самодѣятельность духа въ самой церкви», не двигаясь ни взадъ, ни впередъ! Мы, напротивъ, склонны видѣть въ трудѣ г. Ив.-П. не только духовную заслугу предъ церковью, но и практическую услугу дѣлу ея преобразованія. Да наконецъ самая эта его попытка, — не есть ли уже она— плодъ дѣятельности пробудившагося церковнаго сознанія, возрождающагося духа въ нѣдрахъ самой церкви?

И г. Д. Х. и г. Ив.-П., оба согласны въ одномъ, что нужно прежде всего снять съ церкви давленіе государственной стихіи, возвратить церкви свободу внутренней жизни, какъ самоопредѣляющемуся организму. Дѣйствительно, это преобладаніе государственнаго начала мертвитъ самый жизненный нервъ церковнаго организма. Но г. Ив.-П. указываетъ при этомъ самое гнѣздилище зла, вкладываетъ, такъ-сказать, палецъ въ самыя раны, а вмѣстѣ съ этимъ (и тѣмъ самымъ) опредѣляетъ простой, практическій способъ врачеванія. Изложимъ его воззрѣніе на эту сторону вопроса вкратцѣ, его же словами.

«Исходнымъ пунктомъ церковнаго преобразованія или—лучше сказать—возвращенія къ древнимъ и правильнымъ церковнымъ порядкамъ, говоритъ г. Ив.-П. въ 16 № «Руси», должно быть признаніе, твердое и общее признаніе, того основнаго положенія, что *церковь въ государствѣ*

есть самостоятельный духовный организмъ, который не можетъ управляться подобно другимъ отраслямъ государственнаго управленія (вѣдомствамъ или министерствамъ), но который можетъ жить и развиваться лишь по своимъ внутреннимъ началамъ и законамъ». Это признаніе необходимо даже съ точки зрѣнія государства, «ибо церковь тогда можетъ быть нравственною опорою государства, *когда живетъ своею самостоятельною жизнью,* когда ея силы не покажаются давленіемъ другихъ внѣшнихъ силъ». Изъ этого конечно не слѣдуетъ, чтобы между государствомъ и церковью не было никакой связи, никакого взаимообщенія,— взглядъ, который пытаются, хотя и не успѣшно (какъ мы это уже выше разъяснили) установить на Западѣ. Справедливо замѣчаетъ г. Ив.-П., что «фактически никакъ нельзя провести рѣшительнаго разобщенія между церковью и государствомъ, когда церковь и государство имѣютъ своими членами *однихъ и тѣхъ же живыхъ людей.* Напротивъ, желательно — говоритъ авторъ — чтобы между церковью и государствомъ существовало возможно близкое взаимообщеніе, чтобъ церковь и государство помогали другъ другу въ осуществленіи задачъ и въ достиженіи цѣлей того и другаго» (разумѣется, когда нѣтъ въ этихъ задачахъ и цѣляхъ прямаго противорѣчія). «Задача церкви, продолжаетъ г. Ив.-П., религіозно-нравственное воспитаніе людей по идеаламъ вѣчной жизни; задача государства — внѣшняя охрана людей и устройство общественнаго быта въ его временномъ земномъ состояніи». Но взаимодѣйствіе тотчасъ уничтожается, какъ скоро одна сила вторгается насильственно въ область другой силы. Это и случилось у насъ, при вторженія свѣтской власти въ область церковную. Г. Ив.-П. признаетъ за государствомъ полное право имѣть особенный органъ (напримѣръ, въ лицѣ оберъ-прокурора Св. Синода), наблюдающій за тѣмъ, чтобы стремленія представителей церкви не нарушали интересовъ государства, но—оговаривается онъ — «*этимъ и должно ограничиваться отправленіе этого органа, этой власти*». «Въ управленіе внутреннею жизнью церкви: въ завѣдываніе духовнымъ образованіемъ, духовнымъ судомъ, въ назначеніе должностныхъ лицъ, а тѣмъ болѣе самихъ правителей церкви, и еще менѣе въ установленіе самыхъ основъ церковной жизни, въ опредѣленіе ученія и каноновъ церкви, въ учрежденіе обрядовъ, а также и въ духовно-религіозныя отношенія—*эта власть* (поясняетъ г. Ив.-П.) *не должна мѣшаться»,* т. е. во все то, во что теперь именно и вмѣшивается государственная власть въ лицѣ оберъ-прокурора... Въ XI письмѣ (№ 15 «Руси») авторъ подробно разсматриваетъ отношеніе этого свѣтскаго сановника къ Синоду и къ церкви. «Онъ,—говоритъ г. Ив.-П.,— несомнѣнно имѣетъ въ Русской церкви такую власть, какой не можетъ имѣть въ своемъ вѣдомствѣ ни одинъ министръ, *какой не можетъ имѣть никакой патріархъ*». Ибо всякій патріархъ въ своемъ округѣ ограничи-

вается мнѣніемъ своего синода и собирающихся въ церкви *соборовъ*, а этого ограниченія со стороны церковной въ Россіи для оберъ-прокурора не имѣется: онъ зависитъ исключительно отъ одной верховной государственной власти.

Вовсе не нужно, чтобъ эта послѣдняя отстранялась отъ церкви и была къ ней совершенно индифферентна. Было бы желательно, по мнѣнію г. Ив.-П., чтобъ государи наши имѣли какъ можно болѣе личныхъ отношеній къ церкви, но при посредствѣ *духовныхъ* пастырей, а не *свѣтскихъ* чиновниковъ... «Православная церковь — говоритъ онъ — всегда готова была признавать христіанскихъ государей своими защитниками, своими первыми сынами, *но не главами.* Ученіе о человѣческомъ главенствѣ надъ церковью опровергается православною церковью, какъ *ересь*». Поэтому авторъ выражаетъ желаніе, чтобъ отмѣнено было и то выраженіе, находящееся въ формѣ епископской присяги, приложенной къ Духовному Регламенту, по которому Государь признается *«главою Святѣйшаго Синода»*. «Церковь, продолжаетъ авторъ, всегда готова принимать отъ Государя и по своимъ церковнымъ дѣламъ всякія изъявленія мнѣній и желаній, и исполнять ихъ, если то не противорѣчитъ божественнымъ канонамъ, *но повелѣній церкви не можетъ давать православный Государь*». Желательно, дополняетъ г. Ив.-П., чтобъ соотвѣтственно сему въ письменныхъ сношеніяхъ власти съ церковью отмѣнены были формулы, выражающія этотъ характеръ повелѣнія, напримѣръ: «по указу Его Императорскаго Величества Святѣйшій Синодъ слушали», «быть по сему» и т. д.

Строгой критикѣ подвергается авторомъ учрежденіе Святѣйшаго Синода въ томъ видѣ, какъ онъ созданъ былъ Петромъ, да существуетъ и до сихъ поръ, т. е. не въ видѣ собора епископовъ, избранныхъ церковью, а въ видѣ именно Духовной Коллегіи (какъ онъ и былъ первоначально названъ), члены которой не избираются церковью, а назначаются каждый годъ высочайшею властью, по докладамъ оберъ-прокурора. «Внутреннее управленіе церкви, говоритъ г. Ив.-П., въ заключеніи своей послѣдней, XII статьи, должно быть безусловно предоставлено ей самой; а характеръ этого внутренняго самостоятельнаго церковнаго управленія опредѣляется ясно какъ исторіей церкви, такъ и ея внутреннимъ существомъ, выраженнымъ самымъ названіемъ ея, которое даетъ себѣ церковь, въ своемъ исповѣданіи вѣры. Церковь называетъ себя *соборною*, а потому и характеръ церковнаго управленія долженъ быть—*соборный*». Вотъ это-то соборное начало и проведено авторомъ, въ его предположеніяхъ о преобразованіи церковнаго управленія, отъ самыхъ мелкихъ ячеекъ церковнаго организма до самыхъ крупныхъ дѣленій и во всеобщности Русской церкви. Это-то и составляетъ *главное* содержаніе, *главную* задачу его труда, причемъ забота автора выражается осо-

бенно въ томъ, чтобъ показать возможность водворенія этого священнаго вѣчнаго начала и въ нашей современной жизни,—съ нѣкоторымъ лишь примѣненіемъ къ условіямъ текущей дѣйствительности.

«Никакія историческія обстоятельства, никакія формы народнаго и церковнаго управленія, говоритъ г. Ив.-И., не могутъ устранить въ жизни церковной надобности собирать соборы. Въ древней церкви митрополиты, не исполняющіе правилъ о созваніи соборовъ (въ своемъ округѣ), подвергались эпитеміи, а властители (архонты), препятствующіе созыванію соборовъ, даже и отлученію отъ церкви». Выразивъ еще разъ мнѣніе о необходимости возобновленія правильнаго періодическаго созыванія соборовъ въ Русской церкви,—«вотъ при такихъ порядкахъ,—заканчиваетъ этими словами авторъ свою послѣднюю статью,—мы полагаемъ, и могло бы возстановиться у насъ правильное теченіе и самостоятельное развитіе церковной жизни».

Если можно спорить съ частностями предположеній автора, или осуждать излишество мелочныхъ подробностей, то нельзя не признать, что въ основу всего труда положенъ истинный, православный, широкій взглядъ на значеніе и призваніе церкви въ мірѣ и что въ русской литературѣ до сихъ поръ не было такого систематическаго, полнаго и въ то же время сжатаго изложенія недостатковъ, нуждъ и потребностей русскаго церковнаго управленія. Предлагаемыя же авторомъ внѣшнія формы должны *прежде всего* разсматриваться какъ *внѣшніе способы* того «возвращенія Русской церкви свободы отъ государственнаго давленія, свободы внутренней жизни и самоопредѣленія», котораго такъ горячо желаетъ и г. Д. Х., да и мы всѣ вмѣстѣ съ нимъ. Остальное будетъ зависѣть отъ насъ самихъ, отъ силы и жизненности въ насъ церковнаго духа.

По поводу статьи В. С. Соловьева «О церкви и расколѣ».

«Русь», 2-го октября 1882 г.

Въ сегодняшнемъ № «Руси» мы заканчиваемъ печатаніе статей В. С. Соловьева «О церкви и расколѣ». Эта статья состоитъ въ неразрывной связи со статьей того же автора въ 56 № 1881 г.,—съ такою горячностью сыновней къ церкви любви обличавшей темныя стороны нашего церковнаго управленія и по истинѣ недостойную церкви систему дѣйствій нашихъ церковныхъ чиновниковъ и сановниковъ по отношенію къ расколу. Статья эта, вѣроятно, памятна читателямъ: она надѣлала въ свое время не мало шуму и подала даже поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. У насъ не мало охотниковъ относиться къ церкви только

отрицательно, видѣть одну мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Такъ взглянули на статью, можетъ-быть, и сами раскольники, довольные тѣмъ, что трудъ обличенія принялъ на себя не послѣдователь какой-либо секты и не нигилистъ какой-нибудь, въ безпристрастіи которыхъ можно было бы усомниться, а человѣкъ православный, уже достаточно извѣстный своими богословскими трудами. Они только не досмотрѣли при этомъ—въ избыткѣ своего удовольствія—разницы между обличеніемъ нечестивымъ и тою ревностью о чистотѣ идеала, которая негодуетъ о всякомъ пятнѣ, помрачающемъ его внѣшній образъ. Какъ бы ни была велика мерзость запустѣнія на *мѣстѣ святѣ*, самое мѣсто оттого не менѣе свято и не перестаетъ быть святымъ. И вотъ, указавъ съ искреннею болью сердца на плѣсень и пятна, г. Соловьевъ раскрываетъ въ настоящихъ статьяхъ тѣмъ, которые кромѣ плѣсени и пятенъ ничего и не видятъ, значеніе святости самаго мѣста, паче котораго нѣтъ инаго въ мірѣ, внѣ котораго нѣтъ для человѣчества истиннаго союза съ Богомъ.

Однимъ словомъ, настоящія три статьи разсматриваютъ другую сторону вопроса: не отношеніе нашего церковнаго управленія къ расколу, а отношеніе раскола къ церкви. Разъясняя самое существо церкви, какъ богочеловѣческаго учрежденія, —послѣдовательно, шагъ за шагомъ провѣряетъ авторъ всѣ основанія, которыми старается расколъ оправдать свое разъединеніе съ церковью, неопровержимо доказываетъ ихъ несостоятельность, равно и всю внутреннюю неправду раскола. Эта неправда не въ приверженности къ старому обряду; не въ крѣпкой связи старообрядцевъ съ національною *историческою* почвой (что̀ съ нѣкотораго времени съ особенною гордостью стали они выставлять на видъ и что̀, конечно, заслуживаетъ только похвалы); не въ протестѣ противъ жестокихъ гоненій, воздвигнутыхъ противъ нихъ не по разуму Христову усердными радѣтелями «господствующей» церкви. Неправда въ томъ, что не духу животворящему, а буквѣ мертвящей воздали они божескія почести; что превыше вселенскости, каѳоличности церкви, — единой во времени и пространствѣ, въ которой нѣтъ ни стараго, ни новаго, ни мѣстнаго, но лишь вѣчное и истинное,—превознесли они начало *старины* и *племенное* начало, и отъ сихъ человѣческихъ началъ поставили въ зависимость дѣйствіе божественной благодати; что самозванно, само вольно учинили себя судьями надъ всецѣлостью святой церкви; что во имя вышеупомянутыхъ человѣческихъ началъ они — или какъ безпоповцы, признавъ лживымъ обѣтованіе Христа: «Азъ съ вами пребуду до скончанія вѣка» и «созижду церковь Мою и врата адовы не одолѣютъ ю», исповѣдуютъ, что, напротивъ, врата адовы ее одолѣли и Христосъ, хотя бы временно, прервалъ свое таинодѣйственное пребываніе съ нею! Или же, какъ поповцы, перенося лишь на себя однихъ понятіе о всецѣлости церковной, явили изъ себя, вопреки божественному завѣту

и самому разуму понятій, церковь якобы соборную и апостольскую, но лишенную богоустановленной іерархіи, а съ нею и благодати таинствъ,— которую и возмнили замѣстить благодатью краденой! и у кого же краденой? у церкви, которой непрерывная истинность и божественность ими отрицается!.. Впрочемъ, мы не имѣемъ намѣренія воспроизводить здѣсь ни аргументацію В. С. Соловьева, ни даже полное очертаніе его новаго труда; мы оставляемъ вовсе въ сторонѣ и его критику основаній, на которыхъ зиждется ученіе сектъ мистическихъ, а также и раціоналистическихъ, поклоняющихся не божественному, а собственному разуму, именно *его* сотворившихъ себѣ кумиромъ. Очередь пока не за ними, а за нашими старообрядцами.

Мы думаемъ, что не ошибемся, если скажемъ, что еще никогда въ нашей литературѣ вопросъ о расколѣ, и преимущественно о расколѣ старообрядческомъ и его отношеніи къ церкви, не былъ поставленъ такъ вѣрно и правильно, и на той высотѣ созерцанія, откуда обнимаются взоромъ всѣ его стороны и широко раздвигаются облегающіе этотъ вопросъ такъ тѣсно внизу горизонты времени и мѣста. Это не препирательство о правости или неправости, о старинѣ или новшествѣ, о большей или меньшей давности того или другаго, вовсе даже не существеннаго обряда; не состязаніе о правописаніи, не попрекъ въ противозаконномъ или оскорбительномъ образѣ дѣйствій, и не оправданіе, во что бы ни стало, таковыхъ же обидъ со стороны оффиціальныхъ представителей и служителей церкви; даже не новое изслѣдованіе относительно-новой темы о сравнительномъ значеніи догмата и обряда. Здѣсь споръ (если есть о чемъ спорить) касается наисущественнѣйшаго, жизненнаго основанія, — той оси, на которой держится все бытіе старообрядческихъ сектъ, именно самаго понятія о церкви. Ибо всѣ старообрядцы, какихъ бы именованій ни были, несомнѣнно признаютъ самое начало церкви, хотя и разумѣютъ его невѣрно и фактически его отметаютъ; всѣ они отъ этого начала отправляются, всѣ связаны съ нимъ историческимъ происхожденіемъ, всѣ его исповѣдуютъ, хотя и *заднимъ числомъ*. Г. Соловьевъ своими доводами рушитъ самую почву, на которой они утверждаются, обличаетъ ихъ въ отрицаніи самой *сущности* церкви, ея всецѣлости или каѳоличности, въ отрицаніи не внѣшнимъ дѣйствіемъ только, но мыслью и духомъ — заблудшеюся мыслью, отуманившимся духомъ! Намъ кажется, что эти статьи не могутъ пройти безслѣдно для самосознанія старообрядцевъ. Ихъ отношеніе къ этимъ статьямъ должно явить, живъ ли еще въ нихъ духъ испытующій истину, или уже омертвѣли они въ своемъ самомнѣніи, закоснѣли въ тѣснотѣ духа? Едва ли. Во всякомъ случаѣ вопросъ поставленъ, — поставленъ гласно и настоятельно стучится къ нимъ въ двери, требуя отвѣта,—отъ котораго совѣсть ихъ уклониться не можетъ: уклоненіе въ настоящемъ случаѣ равнялось бы

пораженію, свидѣтельству о безсиліи духовномъ, о мнимости исповѣдуемой ими истины.

Не можетъ совѣсть ихъ уклониться отъ отвѣта и потому, что предлагаемыя ихъ вниманію статьи не просто вызовъ на споръ или на борьбу во всеоружіи логики и знанія. Кромѣ всесторонности и ученаго безпристрастія, которыми отличается изложеніе автора, онъ очевидно поддерживается на той высотѣ созерцанія, на которую поставилъ вопросъ, еще и искреннимъ нравственнымъ, теплымъ одушевленіемъ — правды, братскаго участія и любви. Это особенно выражается въ заключительныхъ словахъ его послѣдней, т. е. нынѣшней статьи. Онъ не взываетъ къ нимъ, какъ нѣкоторые: «вы не правы, а мы правы, мы обладаемъ божественной истиной, а потому извольте признать, что всѣ клятвы, гоненія, преслѣдованія, темницы, топоры, ссылки, казни — все это вамъ было и есть по дѣломъ; такъ сему быть надлежало, надлежитъ быть и впредь, и вы, если хотите вступить въ ограду церкви, распишитесь сначала въ признаніи правомѣрности и непогрѣшимости всѣхъ поступковъ нашего церковнаго правленія»... Нѣтъ, прежде чѣмъ обращаться къ вамъ, онъ осудилъ въ своемъ сознаніи и въ своемъ чувствѣ (и не таилъ своего осужденія) всѣ эти внѣшнія насилованія совѣсти въ дѣлѣ вѣры, всѣ эти дѣянія — не святости, а страстности человѣческой, не церкви самой, а лишь во имя церкви людей церковныхъ — въ ослѣпленіи благочестивой ревности препоясавшихъ себя не мечемъ духовнымъ, единственно церкви приличнымъ, но мечемъ государственнымъ. Но, не признавая правыми ни вашихъ дѣлъ, ни вашихъ измышленій и самочиній, онъ говоритъ вамъ: мы и сами немощны, мы погрѣшили, по человѣчеству, противъ завѣта Христовой любви, но мы, при всемъ нашемъ недостоинствѣ, стоимъ въ оградѣ истины, у живаго, неизсякаемаго, обѣтованнаго источника Божіей благодати, и, призывая васъ къ общему подвигу покаянія, къ забвенію и прощенію взаимныхъ обидъ, увѣщеваемъ и молимъ соединиться вмѣстѣ съ нами въ исповѣданіи вѣры — преподанномъ и хранимомъ всецѣлостью православной, т. е. святой, соборной и апостольской церкви!

И въ самомъ дѣлѣ — не настала ли уже пора? Не знаменуетъ ли самъ Господь ниспосылаемыми нашей землѣ испытаніями время благопотребно для упраздненія нашей братской розни, для возстановленія нашего единства церковнаго,— того единомыслія въ исповѣданіи, въ основаніи котораго, какъ ежедневно напоминаютъ намъ слова божественной литургіи, стоитъ святое: «возлюбимъ другъ друга»! Всѣ мы жалуемся на оскудѣніе въ насъ церковнаго духа, всѣ толкуемъ о необходимости оживленія его, о подъемѣ... Но возможно ли это, когда столько милліоновъ нашихъ братьевъ, и едвали не изъ лучшихъ сыновъ Русскаго народа по благочестію и строгости нравовъ, по крѣпости духа, по

вѣрности отеческимъ, народнымъ, историческимъ преданіямъ — разъединены съ нами?.. Можетъ быть только немножко любви, да хоть бы и излишекъ любви, со стороны нашего церковнаго управленія, и совершилось бы великое дѣйство любви, великое торжество братскаго возсоединенія!.. Не воровскимъ путемъ, какъ теперь, не прелазя инудѣ, какъ разбойникъ, добудете вы, старообрядцы, миръ и утоленіе вашимъ душамъ и благодать спасительныхъ таинствъ: царскимъ широкимъ путемъ грядите въ церковь и въ единовѣріи съ нею обрѣтете вы и истину, и миръ, и благодать. Намъ же дадите вы, быть-можетъ, отъ крѣпости своего духа, отъ своего уваженія къ родной старинѣ, своей вѣрности отеческимъ преданіямъ, своей ревности о благочестіи общественныхъ нравовъ,— да вмѣстѣ, путеводимые свѣтомъ истинной вѣры, движемся впередъ къ свѣту науки и знаній, и талантъ, данный отъ Бога, между прочими народами, и нашему Русскому народу, не оставимъ зарытымъ въ землю, а съ помощью Божіей умножимъ,— пустимъ въ міровое обращеніе!.. Будемъ же стремиться къ тому высшему заповѣданному Христомъ единству, котораго вѣчный на землѣ образъ есть церковь, и въ этомъ стремленіи отыщемъ по пути цѣлительное единеніе и для нашей, разрозненной, обуреваемой разномысліемъ, разновѣріемъ, злыми вѣяніями отовсюду, угрожаемой врагами внутри и извнѣ, великой народной семьи... И не къ вамъ однимъ, а и къ самимъ себѣ, ко всѣмъ, и безвластнымъ и власть имѣющимъ, обращаемъ мы это слово...

Одинъ изъ вдохновенныхъ русскихъ поэтовъ, озаренный свѣтомъ вѣры, Хомяковъ, напоминалъ въ своихъ стихахъ,— и не худо всѣмъ намъ это помнить,—что не съ тѣми Богъ,

кто говоритъ:
«Мы — соль земли, мы — столпъ святыни,
Мы — Божій мечъ, мы — Божій щитъ!»

Не съ тѣми Онъ, кто звуки слова
Лепечетъ рабскимъ языкомъ
И, мертвенный сосудъ живаго,
Душою мертвъ и спитъ умомъ.

Но съ тѣми Богъ, въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ изгибахъ бытія...

Онъ съ тѣмъ, кто духа и свободы
Ему возноситъ онміамъ:
Онъ съ тѣмъ, кто всѣ зоветъ народы
Въ духовный миръ, въ Господень храмъ!

Противъ національнаго самоотреченія и пантеистическихъ тенденцій, высказавшихся въ статьяхъ В. С. Соловьева.

«Русь», 15-го марта 1884 г.

Туго подвигается впередъ процессъ народнаго самосознанія въ русскомъ образованномъ обществѣ! Жить мыслью на всемъ готовомъ, хотя бы и за чужой счетъ, витать въ отвлеченности поверхъ дѣйствительно сущаго, поверхъ *своего,* притомъ же не очень приглядного, и въ этой просторной пустотѣ изобрѣтать (опять-таки подъ наитіемъ чуждаго духа) разные «широкіе», «возвышенные» идеалы, которые и навязывать потомъ съ высокомѣрнымъ соболѣзнованіемъ народной жизни — непонимаемой, незнаемой и въ сущности презираемой,— все это куда какъ удобнѣе и заманчивѣе, чѣмъ расходоваться умомъ и сердцемъ на опознаніе ея собственной внутренней правды! Мы сказали: *и сердцемъ,* потому что безъ любви вообще невозможна никакая полнота знанія въ области жизненныхъ проявленій народнаго духа; русская же жизнь, бѣдная внѣшнею привлекательностью, лишенная яркихъ красокъ и рѣзко очерченныхъ, а потому и легко опредѣляемыхъ формъ, болѣе чѣмъ всякая иная европейская требуетъ настойчиваго любовнаго терпѣнія и умственныхъ усилій для уразумѣнія ея истинныхъ нуждъ, стремленій и правъ. Что-жъ? Казалось бы, такой подвигъ любви и не особенно труденъ по отношенію къ родному народу?.. Казалось бы, но у русскаго интеллигента (принадлежащаго къ охарактеризованному нами типу) не только мысль, но и душа — вольный казакъ! Для нея узы живой любви къ братьямъ по крови и по духу — это ужъ тяжкія цѣпи, это — ярмо, которое она, отвыкшая отъ общаго съ народной душою, реальнаго бытія, всѣми мѣрами ухищряется сбросить. И сбрасываетъ! Мало того: ей удается опрастывать себя отъ этихъ повидимому самыхъ несомнѣнныхъ и естественныхъ обязанностей не только безъ угрызеній, но еще съ немалымъ для совѣсти комфортомъ,— даже съ самодовольствомъ. Способъ для этого измышленъ самый подходящій. Стоитъ только обозвать любовь къ своему народу и народности — «національнымъ эгоизмомъ»,— и правъ! Отъ «эгоизма» не только позволительно, но и обязательно отрѣшиться. «Тѣсны-де эти національныя рамки для моей могучей безпредѣльной любви. Что мнѣ до моихъ ближайшихъ ближнихъ, когда я обьемлю своимъ участіемъ весь міръ, когда всѣ мнѣ равно ближніе, и Ирокезцы, и Ачкоусы, и Папуасы! Что вы суете мнѣ тутъ братьевъ по крови, когда для меня существуетъ братство всечеловѣческое! Станетъ мое сердце биться для какихъ-либо русскихъ національныхъ интересовъ, хотя бы не матеріальныхъ только, но и духов-

ныхъ,—для какихъ-либо русскихъ національныхъ идеаловъ, когда оно бьется для интересовъ и идеаловъ вселенскихъ!»

Даже благородно выходитъ, красиво и — *дешево*. Красиво — потому что «широко», что попралъ, значитъ, въ себѣ всѣ національныя пристрастія, побѣдилъ прирожденное народное «самомнѣніе и самолюбіе!» *Дешево* — потому что побѣда въ сущности очень и очень легка: ни съ какою сильною привязанностью разставаться не приходится, нечего и закалывать на алтарѣ высшей правды! Приносится въ жертву лишь та жалкая русская народность, которая у горделиваго западнаго просвѣщенія состоитъ (вѣрнѣе сказать: состояла,— въ этомъ отношеніи происходитъ уже перемѣна, еще не замѣчаемая нашими западниками) въ черномъ тѣлѣ, на положеніи animae vilis. Отреченіе отъ такой плебейской народности можетъ быть только выгодно; оно даетъ завидную возможность пристегнуться къ аристократіи мысли, знанія и нравовъ во всемірномъ человѣчествѣ, т. е. числиться по западно-европейской «высшей культурѣ»,— хотя Западъ и не перестаетъ смотрѣть на такихъ русскихъ прихвостней свысока, какъ на parvenus, какъ на мѣщанъ во дворянствѣ, или какъ древній Грекъ на варвара... Не всегда конечно подобное отступничество совершается у насъ сознательно, по прямому разсчету выгодъ; напротивъ, оно происходитъ большею частью совсѣмъ безотчетно, невольно, вслѣдствіе давнишняго ослабленія непосредственной нравственной связи нашей интеллигенціи съ народомъ, вслѣдствіе давнишней привычки души — раболѣпствовать предъ чуждымъ авторитетомъ: такое раболѣпствованіе, какъ извѣстно, легло изначала въ самую основу русскаго образованія. Если иногда и вздумаетъ протестовать совѣсть, или же слишкомъ громко раздадутся голоса, впрочемъ еще немногочисленные, въ пользу защитниковъ независимости народнаго развитія, то имѣется наготовѣ цѣлый арсеналъ возвышенныхъ словъ о презрѣнности народнаго эгоизма, о преимуществѣ общечеловѣческаго надъ національнымъ и тому подобныхъ *словесъ лукавствія*, благодаря которымъ можно смѣло презрѣть всякіе протесты, и прославивъ паки и паки «національное самоотреченіе», удержаться и въ собственномъ и въ общемъ сознаніи — изъ передовыхъ «передовымъ», «человѣкомъ прогресса». Къ чему же однако сводится эта высокая проповѣдь о «вселенскихъ» или «общечеловѣческихъ началахъ» русскаго интеллигента? Да ни къ чему другому, какъ къ проповѣди о томъ, что Русскій народъ долженъ совсѣмъ отречься отъ своей національной сущности, разрушивъ конкретную цѣльность своего бытія; а такъ какъ, по собственному выраженію одного такого проповѣдника, «общечеловѣческое образовательное начало въ отвлеченности не существуетъ, а всегда in concreto, въ той или другой національной оболочкѣ», то долженъ онъ, Русскій народъ, подъ видомъ «общечеловѣческаго» принять въ себя *чужое*

національное естество, облечься въ «чужую національную оболочку» или чужое національно-конкретное выраженіе общечеловѣческаго начала! При этомъ прибавляется иногда снисходительная оговорка, что Русскому народу предоставляется выростить, подъ чужою конкретностью и свою конкретность... Не вѣрите, читатель? Все это напечатано. Это почти все равно, еслибъ кто-либо вамъ великодушно посовѣтовалъ не то что промыть глаза, если они засорились, а выколоть ихъ у себя совсѣмъ и вставить чужіе, да и смотрѣть на Божій міръ чужими глазами, въ надеждѣ, что подъ ними свои вновь выростутъ... Отъ многаго своего завѣтнаго вынужденъ былъ Русскій народъ отрекаться, но на предложенія подобнаго рода, чего добраго, можетъ быть и не согласится... Неужели однако онъ такъ грубо упрямъ?!. «Неужели» — слышится восклицаніе — «станемъ мы на явно негодную почву народнаго самолюбія и самомнѣнія, и измѣнимъ плодотворному пути національнаго самоотреченія»!..

Да, такое именно восклицаніе недавно раздалось въ нашей литературѣ! И принадлежитъ оно не кому другому, какъ г. Соловьеву, нашему, уже довольно извѣстному, философу-богослову — въ его статьѣ: «О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи», помѣщенной въ февральскомъ № «Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества». Изъ этой-то статьи и заимствованы нами приведенныя выше въ ковычкахъ выраженія, послужившія намъ для характеристики русскихъ противниковъ народной самобытности или «западниковъ». Неужели однако, спросятъ насъ читатели въ свою очередь, слѣдуетъ и г. Соловьева сопричислить къ этому типу? Бывало, существенною чертою западничества, какъ доктрины, признавалось именно то отношеніе къ религіи, какое опредѣляется «послѣднимъ словомъ западной науки»; но вѣдь г. Соловьевъ открыто и мужественно исповѣдуетъ и христіанство какъ положительную религію, и ученіе Св. Церкви, внѣ которой даже и не мыслится наша русская историческая народность? Все это несомнѣнно, и однако же съ истиннымъ огорченіемъ приходится сказать, что послѣдніе труды г. Соловьева заставляютъ признать въ немъ лишь новое оригинальное явленіе русской умственной и нравственной *отвлеченности*. Его отрицательное отношеніе къ русской народности или народной духовной самобытности имѣетъ конечно другую основу, чѣмъ у нашей такъ называемой либеральной интеллигенціи, и его западничество совсѣмъ иного рода. Въ сущности это то же отрицаніе, только еще болѣе глубокое, потому что подпирается не какими-либо истасканными доводами объ авторитетѣ высшей культуры и цивилизаціи, а ссылками на авторитетъ будто бы самой божественной Истины... Въ сущности это то же западничество, только горшее,— не въ видѣ какого-нибудь «правоваго порядка» или иныхъ формъ и началъ западно-

европейскаго общежитія,—а въ видѣ... самой *Западной церкви* или *католицизма!* До такого крайняго, радикальнаго отрицанія, до такого крайняго, радикальнаго западничества не доходилъ доселѣ никто изъ русскихъ мыслителей. Правда, полвѣка тому назадъ нѣчто подобное проповѣдывалъ и Чаадаевъ, но ходъ его мысли былъ иной; для него католицизмъ былъ тѣмъ историческимъ факторомъ, подъ воздѣйствіемъ котораго просвѣтился и сложился плѣнявшій его Западъ. Г. Соловьевъ, наоборотъ, въ своей защитѣ и прославленіи папскихъ притязаній становится на религіозно-богословскую почву. Мы сочли нужнымъ указать теперь же, напередъ, эту точку зрѣнія г. Соловьева, потому что только въ виду ея и можетъ представить какой-либо интересъ статья его, помѣщенная въ «Извѣстіяхъ», разборомъ которой мы предполагаемъ заняться. Дѣло въ томъ, что основная мысль нашего публициста-богослова высказывается въ «Извѣстіяхъ» не вполнѣ; онъ только осторожно подводитъ къ ней путемъ болѣе или менѣе невѣрнаго истолкованія фактовъ и мнимо-логической аргументаціи. Цѣль послѣдней—заставить читателя признать не только пользу и въ то же время недостаточность двухъ, по его счету, уже пережитыхъ будто бы Россіею историческихъ моментовъ «національнаго самоотреченія», но и необходимость подвергнуть Русскій народъ еще *новому*, болѣе полному самоотреченію въ самыхъ глубочайшихъ глубинахъ народнаго духа, въ его области религіозной или точнѣе—*церковной!* Такому тяжкому выводу однакоже, вопреки ожиданью читателя, вовсе не соотвѣтствуетъ самое заключеніе статьи. Заключеніе ограничивается требованіемъ: отъ русскаго общества — лишь «болѣе христіанскаго настроенія» по отношенію къ церковному Западу, а отъ правительства—только снятія внѣшнихъ полицейскихъ заставъ, «загораживающихъ нашу церковь» и «возвращенія свободы религіозной истинѣ»... Съ такимъ въ сущности скромнымъ и справедливымъ требованіемъ читатель не прочь бы, пожалуй, и согласиться; однакоже не можетъ не тяготиться недоумѣніемъ: зачѣмъ же для подобнаго умѣреннаго заключенія понадобилась автору вся эта предшествовавшая сложная, хитросплетенная логомахія о «національномъ самоотреченіи»?.. О свободѣ вѣрующей совѣсти писали и «День», и «Москва», и «Русь», но отступничества отъ народности не требовали!.. Разгадка недоумѣнія—le fin mot de la chose—находится въ рядѣ статей г. Соловьева, напечатанныхъ въ прошломъ году въ «Руси», подъ заглавіемъ: «Великій споръ и христіанская политика»: тамъ выясняется вполнѣ мысль—повторенная, но не домолвленная въ «Извѣстіяхъ».

Появленіе этихъ статей въ «Руси», столь противорѣчащихъ всѣмъ ея основнымъ убѣжденіямъ, объясняется очень просто. Мы съ искреннимъ радостнымъ сочувствіемъ встрѣтили первое выступленіе В. С. Соловьева на учено-литературномъ поприщѣ и слѣдили за его дальнѣйшею

дѣятельностью. Одно уже то, что среди русскаго общества появился молодой человѣкъ, дерзающій открыто, безбоязненно исповѣдывать и проповѣдывать вѣру въ Бога, Христа, Церковь и всѣ христіанскіе догматы согласно съ православнымъ ученіемъ,—одно уже это было своего рода «феноменомъ» и не могло не привлекать къ нему участія. Но еще болѣе значенія придавали мы тому обстоятельству, что вѣра эта являлась не внушеніемъ только непосредственнаго чувства, съ которымъ у науки и философіи нѣтъ общей почвы для состязанія,—почему обыкновенно и оставляется за ними свободнымъ все поле научныхъ данныхъ и логическаго мышленія; нѣтъ—проповѣдь эта выступила во всеоружіи знанія, строгой философской подготовки и блестящаго діалектическаго таланта. Казалось, г. Соловьеву суждено было имѣть благотворное воздѣйствіе на нашу философствующую молодежь, которая всегда, разумѣется, наклонна къ нѣкоторой, вполнѣ впрочемъ понятной, кичливости ума, пробующаго и расправляющаго свои подрастающія силы, а потому и непремѣнно требуетъ себѣ доводовъ отъ разума или науки, прежде чѣмъ раскрыть свои юныя сердца истинамъ и идеаламъ Вѣры. Не лишенъ былъ этой кичливости и самъ В. С. Соловьевъ. Мало, конечно, вѣской мудрости заключалось въ первоначальныхъ публичныхъ проявленіяхъ его идеализма, преисполненнаго молодаго деспотическаго неуваженія къ правамъ исторической жизни, гордо отвергавшаго всякую сдѣлку съ естественно-медленнымъ процессомъ развитія человѣческихъ обществъ! Мало симпатіи внушалъ намъ подчасъ и его діалектическій методъ, переносимый въ самыя нѣдра чисто-мистическихъ, неподдающихся анализу истинъ,—но все это вполнѣ извинялось его лѣтами и не ослабляло вызваннаго имъ къ себѣ сочувствія. Его литературная рѣчь становилась годъ отъ году яснѣе и проще, мысль повидимому—зрѣлѣе, и при первомъ заявленномъ имъ желаніи — мы охотно открыли ему столбцы нашей газеты. Двѣ статьи его въ «Руси» 1882 г., о старообрядцахъ и о положеніи въ Русскомъ государствѣ высшаго церковнаго управленія, не расходились съ общимъ направленіемъ нашего изданія. Соглашаясь на помѣщеніе, съ начала 1883 года, предположеннаго имъ изслѣдованія подъ общимъ заглавіемъ «Великій споръ и христіанская политика», мы имѣли въ виду только первыя двѣ, уже написанныя имъ главы или статьи, которыя нисколько не давали повода предполагать какой-либо рѣзкой перемѣны въ религіозно-церковныхъ воззрѣніяхъ г. Соловьева. Намъ конечно было извѣстно, въ общихъ идеальныхъ очертаніяхъ, про его мечты о всеобщемъ мирѣ и о возстановленіи вселенскаго церковнаго единства; но «о мирѣ всего міра и о благостояніи святыхъ Божіихъ церквей и о соединеніи всѣхъ» молится и Православная церковь; извѣстно было также и его намѣреніе изслѣдовать: въ какой степени единая святая, вѣчная, неизмѣнная христіанская истина, въ своемъ земномъ исто-

рическомъ выраженіи во образѣ церквей Восточной и Западной, сочеталась и переплелась съ временнымъ и случайнымъ, съ духовными индивидуальностями и Востока и Запада. Такой трудъ могъ быть только полезенъ. Дѣйствительно, г. Соловьевъ положилъ, повидимому, своему изслѣдованію самую широкую основу, начавъ съ отношенія къ Божеству, выразившагося въ древнихъ религіяхъ Индусовъ, Иранцевъ, Египтянъ, Грековъ, Римлянъ и пр. Но когда дѣло дошло до IV статьи, т. е до взаимныхъ отношеній Рима и Византіи и уже явно обнаружилось несчастное тяготѣніе автора къ папству, къ противо-христіанской фикціи о Римскомъ Папѣ, какъ *«объ единомъ центральномъ непререкаемомъ авторитетѣ,* вождѣ и главѣ *всей* вселенской церкви», мы отказали въ помѣщеніи этой статьи, и упорствовали въ своемъ отказѣ долѣе пяти мѣсяцевъ.

Но статья г. Соловьева возбудила общій интересъ; къ намъ неоднократно обращались съ запросами о причинѣ такого перерыва; отказъ въ допущеніи на страницахъ «Руси» окончанія начатаго уже въ ней серьезнаго труда, вслѣдствіе обнаружившагося несогласія мнѣній съ направленіемъ редакціи и господствующимъ въ Россіи религіознымъ воззрѣніемъ, казался какимъ-то неуваженіемъ къ серьезно-мыслящему кругу читателей; положеніе автора, котораго рѣчь оставалась недоговоренною и которому и досказать ее было бы негдѣ, кромѣ нашего изданія, представлялось болѣе чѣмъ неудобнымъ; опасаться же, что новое ученіе его совратитъ съ праваго пути вѣрующихъ и пріобрѣтетъ адептовъ въ православной средѣ—было бы обиднымъ для русскаго общества малодушіемъ... Какъ ни непріятно было намъ видѣть въ нашей газетѣ защиту римскихъ властолюбивыхъ притязаній на православную церковь, мы согласились наконецъ уступить желаніямъ г. Соловьева и допустили напечатаніе остальныхъ 4 главъ его труда, снабдивъ ихъ болѣе или менѣе рѣзкими оговорками о нашемъ съ нимъ несогласіи, полемическими замѣтками протоіерея Иванцова-Платонова, возраженіемъ г. Кирѣева и другими статьями въ томъ же духѣ. Впрочемъ *противодѣйствовать* успѣху антиправославныхъ домогательствъ г. Соловьева, по правдѣ говоря, не предстояло никакой надобности. Мы знали напередъ, что на русскую публику они могутъ произвести только удручающее впечатлѣніе: симпатія къ папизму претитъ—самой духовной природѣ русскаго человѣка, какъ нѣчто противоестественное, какъ чудовищная аномалія, относительно которой даже мѣръ огражденія не нужно. Но нашимъ долгимъ воздержаніемъ отъ дальнѣйшаго помѣщенія статей В. С. Соловьева руководило и другое побужденіе. Русская пословица: «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ», въ наши дни должна быть перенесена на печать. Въ печатномъ словѣ мысль автора кристаллизуется, получаетъ отвержденіе, иногда преждевременное; разно-

сится по міру и налагаетъ на автора чуть не вѣчную отвѣтственность, какъ бы ни отказывался онъ отъ этой мысли впослѣдствіи. Печатное слово связываетъ и обязываетъ. Искренно желалось намъ, чтобы молодой еще мыслитель не спѣшилъ всенароднымъ оглашеніемъ своихъ превратныхъ фантазій, которымъ можетъ быть суждено служить лишь однимъ изъ стадіевъ его умственнаго развитія,—чтобъ онъ подвергъ ихъ новой повѣркѣ, прежде чѣмъ оповѣщать міру... Но убѣдить г. Соловьева намъ не удалось, и случилось то, чего мы ожидали. Измышленія его вызвали сочувствіе только въ фанатическихъ ненавистникахъ Россіи—польскихъ ксендзахъ, а въ русской средѣ—печальное удивленіе, а мѣстами—и негодованіе. Наши надежды на благотворное значеніе г. Соловьева для русской учащейся молодежи рушились разомъ. Въ самомъ дѣлѣ: какого же дѣйствія можно ожидать на русскіе молодые умы отъ краснорѣчивой рѣчи о вѣрѣ въ Бога и о христіанствѣ какъ положительной религіи, когда извѣстно, что весь этотъ «широкій», «вселенскій идеалъ» сводится—на самый узкій изъ узкихъ, и что искусный діалектикъ прячетъ за спиной папскую туфлю, которую въ концѣ-концовъ и преподнесетъ слушателямъ для цѣлованія!

Все это однакоже не заставило г. Соловьева отступиться отъ своихъ мнѣній. Такое упорство, безъ сомнѣнія, свидѣтельствуетъ объ его искренности, и мы вполнѣ признаемъ за нимъ это достоинство. Не можемъ однакоже не повторить и по его поводу сказаннаго нами выше замѣчанія о *дешевизнѣ* идеаловъ нашихъ западниковъ и отрицателей. Какъ ни почтенна искренность г. Соловьева, но она не той высокой пробы, какой бываетъ у людей, приносящихъ въ жертву своимъ убѣжденіямъ самыя завѣтныя сокровища своего духа, самыя дорогія свои привязанности. Это—искренность человѣка *отвлеченнаго* и *діалектика*, которому дороже всего діалектическій выводъ и мало заботы до его мучительныхъ для жизни результатовъ, — для котораго: fiat logica et pereat mundus! Душа, смыслъ явленій выпадаютъ изъ діалектической схемы такого мыслителя, — онъ имѣетъ дѣло лишь съ абстрактнымъ матеріаломъ, гдѣ самые радикальные силлогизмы строятся и выводятся очень удобно и смѣло, такъ какъ непосредственное чувство слабо или заглушено, и не безпокоитъ автора крикомъ боли или обиды. Это въ особенности доказывается статьею г. Соловьева, помѣщенною въ «Извѣстіяхъ».

Потерпѣвъ неудачу со своими статьями въ «Руси», онъ съ ловкостью стратегика задумалъ подойти къ своей цѣли другимъ путемъ. Г. Соловьевъ сообразилъ, что главное препятствіе къ признанію Русскою церковью обязательности папскаго авторитета заключается въ русскомъ народномъ чувствѣ, ревнивомъ къ сохраненію народной духовной самостоятельности, слѣдовательно... выводъ ясенъ: необходимо прежде всего подточить въ корнѣ самое это препятствіе, самое это притязаніе

на національную самобытность, для чего, благовидности ради, повести атаку противъ «національной исключительности», противъ «національнаго самолюбія и самомнѣнія»... О папѣ во всей этой статьѣ г. Соловьева—ни полслова, какъ будто не о немъ и рѣчь, хотя для знакомыхъ со статьями «Великій споръ» папа выглядываетъ и тутъ изъ каждой строчки; толкуется же повидимому только о томъ, чтобъ мы, какъ народъ, отреклись отъ своей національной личности «ради служенія всемірно-исторической задачѣ, ради вселенской религіозной истины и общечеловѣческаго блага». Г. Соловьевъ убѣдился на опытѣ, что если прямо предъ глаза русской публики сунуть католицизмъ, то имъ не обольстишь никого; другое дѣло, если выдвинуть напередъ осужденіе «національнаго эгоизма», отреченіе отъ своей русской народной самобытности во имя высшаго «общечеловѣческаго идеала» и т. п.,—о, на эту удочку клюнуть найдется много охотниковъ! Оно и грандіозно и—главное—ни къ чему не обязываетъ, напротивъ развязываетъ отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ родному народу! А обязанности ко *всему* человѣчеству... ну, это бремя не болѣе тяжкое, чѣмъ Станиславъ въ петлицѣ!.. Г. Соловьевъ мечтаетъ съ своей стороны, что если только удастся внѣдрить въ душу народа чувство сомнѣнія въ себѣ самомъ или самоотрицанія, то на этой нравственно-разрыхленной почвѣ удобно могутъ потомъ приняться и сѣмена проповѣди о подчиненіи церкви Восточной авторитету Римскаго папы. Но наша такъ называемая либеральная или западничествующая интеллигенція дальновиднѣе г. Соловьева и сочувственно привѣтствовала его статью—догадавшись, что онъ сыгралъ ей въ руку. Сколько уже времени проповѣдуютъ она отреченіе отъ русской народной самобытности, и ее за это стыдятъ недостаткомъ патріотизма! Но вотъ нашелся человѣкъ, который это самое отреченіе возводитъ въ патріотизмъ и освящаетъ именемъ высшей религіозной истины... До послѣдней нашимъ западникамъ въ сущности не много заботы, и въ успѣхъ ея они мало вѣрятъ, — главное что имъ нужно: это —сдвинуть народъ съ его духовно-нравственныхъ національныхъ основъ, а въ этомъ-то они и нашли себѣ союзника и пособника въ г. Соловьевѣ!

Понятно теперь, почему г. Соловьевъ вынужденъ былъ придать своей статьѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ», полемическій характеръ, какъ будто воюетъ онъ съ какою-то, до уродства выросшею «національною исключительностью въ Россіи, будто силится сломить «русское національное самомнѣніе»! Это мы-то, Русскіе, болѣемъ излишествомъ самомнѣнія, это мы-то исключительны! Мы, которыхъ вся историческая въ настоящую пору задача въ томъ только и состоитъ, чтобъ отыскать, опознать *себя,* стать *самими собою,* не оставлять въ презрѣніи и пренебреженіи талантовъ отъ Бога намъ данныхъ, перестать пробавляться чужимъ умомъ, отрѣшиться отъ безличности, на которую временно осу-

дило насъ, за грѣхи наши, Провидѣніе, и вызвать въ себѣ дѣятельность національнаго духа! Положимъ, призрачныя пугала были г. Соловьеву нужны, —иначе не было бы и повода для его аргументаціи, но нельзя же не считаться съ реальностью, да и зачѣмъ морочить читателей? Гдѣ, спрашивается, подмѣтилъ г. Соловьевъ въ Россіи національное самомнѣніе? Въ дипломатіи, что ли? Въ средѣ ли правительственной? Въ русскомъ ли образованномъ обществѣ? Да тогда не выдѣлялось бы особнякомъ въ обществѣ направленіе *русское*, или національное, не было бы той борьбы между «западничествомъ» и такъ называемымъ «славянофильствомъ», которая наполняетъ собою исторію нашей литературы чуть не за полвѣка. Если же, какъ по нѣкоторымъ намекамъ можно предположить, г. Соловьевъ имѣетъ въ виду именно то направленіе, которому дана была во время оно въ насмѣшку кличка «славянофильскаго», такъ это едва ли даже и добросовѣстно. Какъ богословъ новѣйшаго времени, онъ не могъ не изучать сочиненій Хомякова, за которымъ уже признано мѣсто въ русской богословской наукѣ, а всякій, кто только изучалъ Хомякова, знаетъ — какъ понималъ и опредѣлялъ этотъ христіанскій мыслитель значеніе народности еще сорокъ лѣтъ назадъ, а съ нимъ и всѣ его ученики и послѣдователи. Вселенская христіанская истина, которой Хомяковъ служилъ не отвлеченною только мыслью, но всею цѣльностью своего существа, не мѣшала ему ратовать именно за самобытную дѣятельность народнаго духа; напротивъ, именно потому что онъ ей служилъ, служилъ онъ и своему народу, и никогда не проповѣдывалъ отреченія отъ народной личности! На кого же направляетъ свои стрѣлы г. Соловьевъ, толкуя о «народномъ эгоизмѣ», о «національномъ самомнѣніи»? Ужъ не на самый ли Русскій *народъ* въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. простой народъ,—тотъ, который, усыновившись, при Св. Владимірѣ, Христу, иначе себя и не называетъ, какъ *христіанами* (крестьянами) и устами своего лѣтописца еще въ XI вѣкѣ изрекъ: «Мы же, христіане, законъ имамы единъ» (т. е. Христовъ)? На тотъ народъ, для котораго узы единовѣрія святѣе даже узъ племенныхъ — при разновѣріи?! Его ли достанетъ у г. Соловьева духу обвинить въ національной исключительности, его ли, про котораго К. С. Аксаковъ такъ вѣрно выразился, что въ немъ опредѣленіе національности почти совпадаетъ съ опредѣленіемъ общечеловѣческимъ (христіанскимъ)? Да и не только христіане, но и басурмане въ его глазахъ — *люди*, и его отношеніе къ нимъ вполнѣ человѣчно, на что указываютъ даже и иностранцы, проводя параллель между Русскими и Англичанами въ Азіи!

Но приведемъ и подлинныя слова г. Соловьева. Статья его начинается вопросомъ о томъ: какой смыслъ можетъ имѣть «повсемѣстное пробужденіе національныхъ чувствъ и стремленій въ XIX вѣкѣ, — это, повидимому, возвращеніе къ началу языческому, разобщающему?»

Авторъ мирится съ этимъ явленіемъ и допускаетъ, что оно можетъ послужить не ко вреду, а къ пользѣ для міра, *только при условіи,* что народы будутъ служить высшей общечеловѣческой или христіанской истинѣ. Мысль конечно справедливая, но сопровождается-то она комментаріями двусмысленнаго свойства, обусловленными присутствіемъ тайной руководящей и лишь въ концѣ статьи просвѣчивающей идеи автора. «Ставя въ силу національнаго принципа, говоритъ онъ:

«*служеніе своей* народности, какъ *высшую цѣль*, каждый народъ тѣмъ самымъ обрекаетъ себя на нравственное одиночество, ибо эта цѣль не можетъ быть у него *общею* съ другими народами; служеніе полонизму, напримѣръ, не можетъ быть никогда цѣлью для Нѣмца или Русскаго, и наоборотъ...»

Странный примѣръ! Полонизмъ есть для Поляковъ цѣль *временная*, историческая и съ высшею *вѣчною* цѣлью сравниваемъ быть не можетъ. Вопросъ не въ томъ: можетъ ли эта цѣль быть цѣлью для чужаго народа, но въ томъ: справедлива ли она сама по себѣ. Русскіе подъ игомъ Татаръ имѣли конечно высшею для себя цѣлью *историческою* — избавиться отъ ига: осуждать ли ихъ за то, что эта цѣль «не общая у нихъ съ другими народами?» Вопервыхъ, de facto, они послужили и другимъ народамъ, задержавъ собою монгольскую волну; вовторыхъ, для того, чтобы быть въ состояніи *послужить* высшей обще-народной цѣли, нужно послужить прежде всего *своей* народности, всѣми мѣрами посодѣйствовать развитію *ея* силъ, данныхъ именно *ей* отъ Бога талантовъ. Нечего поэтому и ослаблять эту идею *служенія*. Освободивъ крестьянъ *у себя,* развѣ не послужили мы этимъ *національнымъ* нашимъ дѣломъ Богу и человѣчеству болѣе, нежели заботливо отыскивая себѣ какія-то цѣли, *общія* съ другими народами? Вслѣдъ затѣмъ г. Соловьевъ продолжаетъ:

«Если при этомъ возбужденіе національнаго чувства сопровождается безпредѣльнымъ самомнѣніемъ и самодовольствомъ, тупымъ презрѣніемъ и слѣпою враждою къ чужому, если каждый народъ смотритъ на другіе или какъ на вѣчныхъ враговъ и соперниковъ...»

вѣроятно авторъ разумѣетъ здѣсь Германцевъ и Англичанъ... Къ Россіи все это никакъ относиться не можетъ. Однакожъ далѣе читаемъ слѣдующее:

« . . . . . или же (т. е. народъ смотритъ на другіе) какъ на *ручьи, которые должны слиться въ его морь,*—если однимъ словомъ національное чувство является только въ образѣ національнаго *эгоизма*,—то оно есть отреченіе отъ вселенскаго христіанства и возвращеніе къ языческому ветхозавѣтному партикуляризму».

Приведенный авторомъ стихъ Пушкина («Славянскіе-ль ручьи сольются въ Русскомъ морѣ, оно-ль изсякнетъ — вотъ вопросъ») указы-

ваетъ, что здѣсь слѣдуетъ разумѣть и Русскій народъ, признать и его повиннымъ въ національномъ эгоизмѣ. На неумѣстность этой цитаты и вообще этого намека уже указалъ г. Кирѣевъ въ примѣчаніяхъ къ статьѣ г. Соловьева, въ томъ же № «Извѣстій». Въ самомъ дѣлѣ, какъ хватило смѣлости у этого поборника «вселенской истины» бросать подобный упрекъ народу, только-что принесшему такія кровавыя и безкорыстныя жертвы ради освобожденія отъ пятивѣковой неволи милліоновъ Болгаръ! Изъ *эгоизма* ли, изъ желанія поглотить Сербію, тысячи русскихъ людей *добровольно* шли умирать за нее въ 1876 г., въ неравной борьбѣ? Шли умирать за *братьевъ-христіанъ,* пострадать за имя Христово!.. Служеніе «вселенскому христіанству» не избавляетъ же г. Соловьева отъ служенія *правдѣ* относительно своего народа!.. Не Россіи ли обязана своимъ независимымъ бытіемъ и Румынія, отчасти и Греція? Не она ли является *юродивою* среди мудрецовъ вѣка сего,—именно по своему политическому безкорыстію? Что же касается въ частности Пушкинскаго стиха, то вѣдь этотъ стихъ сказанъ поэтомъ именно въ отвѣтъ на гремѣвшія тогда въ Европѣ польскія и французскія діатрибы о томъ, что Россію слѣдуетъ выключить изъ міра Славянскаго, оттѣснить въ Азію и т. д. Да и теперь не такія ли же раздаются подчасъ, за нашимъ рубежомъ, рѣчи—съ тою разницею, что славянскіе ручьи хотятъ направить въ *Австрійское море,* подъ видомъ федераціи съ Нѣмцемъ во главѣ, съ нѣмецкимъ объединяющимъ языкомъ и съ Римскимъ папой—во главѣ церкви!.. Никогда Пушкинъ не имѣлъ въ виду уничтоженія славянскихъ племенныхъ индивидуальностей, а только совокупленіе ихъ силъ для міроваго значенія Славянства—черезъ Россію. Въ Черное море, напримѣръ, впадаютъ рѣки—Дунай, Днѣстръ, Днѣпръ, Бугъ, Донъ, протекающія каждая свыше тысячи, а нѣкоторыя и по нѣскольку тысячъ верстъ. Уничтожается ли, чрезъ впаденіе въ море, ихъ рѣчная жизнь, самостоятельность и значеніе, со всѣмъ ихъ долгимъ, долгимъ побережьемъ? Не черезъ море ли, напротивъ, входятъ они въ общеніе со вселенной и достигаютъ міроваго значенія? Вотъ что̀, вѣроятно, представлялось поэту.

Послѣ разныхъ подобныхъ тенденціозныхъ оговорокъ, г. Соловьевъ доходитъ наконецъ до опредѣленія, что «народность не есть высшая идея, которой мы должны служить, а живая сила, природная и историческая, которая сама должна служить высшей идеѣ», т. е. христіанской вселенской истинѣ, «для общаго блага всѣхъ народовъ». Съ этой точки зрѣнія оправдываетъ г. Соловьевъ и патріотизмъ или считаетъ возможнымъ примирить съ нимъ «вселенское христіанство». Тутъ не было бы и мѣста для спора, еслибъ затѣмъ не слѣдовало разсужденія относительно предъявляемаго будто бы прежде всего требованія: чтобы мы «вѣрили въ свой народъ, служили своему народу».

«Для того,—говоритъ авторъ,—чтобы народъ былъ «*достойнымъ* предметомъ вѣры и служенія, долженъ онъ самъ вѣрить и служить чему-нибудь высшему и безусловному; иначе бы это значило вѣрить въ *толпу* людей, а это противно не только религіи, но и простому чувству человѣческаго достоинства»...

Все это *повидимому* такъ, но всѣмъ этимъ не исчерпывается ни значеніе народности, ни наше къ народу отношеніе. Прежде всего, выраженіе: «вѣрить *въ народъ*» не имѣетъ смысла, да никогда никѣмъ такое требованіе и не предъявляется иначе какъ въ смыслѣ приглашенія *довѣрять* народу, или въ смыслѣ вѣры въ *призваніе* народное, въ его силы для совершенія какого-либо подвига, для высшаго развитія или преуспѣянія. Но не въ неточности выраженій тутъ дѣло. Въ высшей степени замѣчательно, что г. Соловьевъ, опредѣляя отношеніе къ народу словами «вѣрить» и «служить», опустилъ одно слово... бездѣлицу: *любить!* А это—едва ли не самое существенное! Любовь не есть только дѣло вкуса или произвольнаго побужденія, это—и естественное чувство, и нравственный долгъ, вообще главнѣйшій нервъ народнаго общежитія, опредѣляющій отношеніе членовъ народа къ другъ другу, къ народу и къ народности. Святы ли узы семейныя, Богомъ уставленныя,—отношенія къ отцу и матери, и къ братьямъ? *Онѣ святы* и по закону, Богомъ на сердцахъ написанному,—онѣ не отрицаются, онѣ признаются и христіанствомъ, несмотря на то, что любовь къ Богу и ко Христу поставлена выше. Разсужденіе г. Соловьева объ отношеніи къ своему *народу* можно съ полнымъ правомъ перенести и на *семью*. Если мы кого *любимъ*, тому и *служимъ*. Слѣдуетъ ли требовать, чтобъ мы любили и служили своей семьѣ не иначе какъ по предварительной справкѣ и надлежащемъ разсмотрѣніи: «достойный ли еще она предметъ моей любви и служенія? вѣритъ ли и служитъ ли еще она, да и какъ, высшей истинѣ и благу чужихъ семей?» Отвѣтъ одинъ: если—«недостойный предметъ», усугуби свою любовь и напряги силы для служенія, чтобы привести свою семью къ истинѣ. Было бы еще понятно,—замѣтимъ кстати,—если бы г. Соловьевъ поставилъ вопросъ о томъ: какъ быть человѣку въ случаѣ, если его христіанская *совѣсть* приходитъ въ столкновеніе съ требованіями семьи или народа? Но г. Соловьевъ вовсе и не ставитъ нравственнаго вопроса о такихъ трагическихъ коллизіяхъ; онъ сочиняетъ общую теорію объ отношеніяхъ къ народу и народности, и кладетъ въ основу не любовь, а какой-то розыскъ и резонерство.

Народъ — та же семья, только въ большемъ размѣрѣ и во второй формаціи. Люди между собою въ народѣ — это *братья* по крови и по духу. Очевидно, что съ этой, вполнѣ вѣрной точки зрѣнія, *самый вопросъ* о томъ—можно ли вообще или не можно служить своему народу—является совершенно неумѣстнымъ. Эти узы *любви*, узы *реальныя*,

сперва семейныя, самыя тѣсныя и дѣйствительныя, затѣмъ народныя,— даны Богомъ человѣку именно съ тѣмъ, чтобы поглощать эгоизмъ личный, а также и семейный. Не отрицая святости этихъ узъ, и не разрушая ихъ, христіанство вознесло надъ народами идеалъ всемірнаго братства; но этотъ идеалъ, благотворно воспитывая душу и смиряя эгоизмъ народный, не имѣетъ еще на землѣ вполнѣ конкретнаго бытія, не отрицаетъ, не уничтожаетъ ни личной, ни семейной, ни національной индивидуальности, но признаетъ всѣ эти три конкретныя формы, ими только и обусловливается и чрезъ нихъ только можетъ достигнуть своего осуществленія. Лжетъ, нагло лжетъ или совсѣмъ бездушенъ тотъ, кто предъявляетъ притязаніе перескочить прямо во «всемірное братство» чрезъ головы своихъ *ближайшихъ братьевъ*—семьи или народа, или же служить всему *человѣчеству*, не исполнивъ долга службы, во всемъ его объемѣ, своимъ *ближайшимъ ближнимъ!*

«Не вѣрю я любви къ народу того, кто чуждъ своей семьѣ, и нѣтъ любви къ человѣчеству въ томъ, кто чуждъ своему народу»,—говоритъ Хомяковъ въ одной изъ своихъ статей. «Что бы вы подумали, продолжаетъ онъ, если бы кто сталъ утверждать, что любитъ всѣхъ жителей планетарной системы, если бы кто горевалъ, что тифусъ свирѣпствуетъ въ Калифорніи, а не заботился: не мрутъ ли дѣти корью въ его деревнѣ?.. Любовь не довольствуется отвлеченностями, призраками: она жива и любитъ все сущее. Не говорите ей о *будущемъ* селянинѣ, усовершенствованномъ по послѣднему рецепту заморскаго мыслителя: это былъ бы только вкусъ, и не болѣе. Говорите о мужикѣ въ его курной избѣ... Вотъ тутъ она себя узнаетъ, тутъ любовь... Любовь не гуляетъ иностранкою въ своемъ собственномъ народѣ; до человѣческаго же братства доходитъ посредствомъ тѣсной связи съ ближайшимъ братствомъ... Душа не мозаика и не дорожный ящикъ съ перегородками. Въ ней всѣ силы находятся въ связи и зависимости другъ отъ друга. Только въ любви жизнь, огонь, энергія самого ума. Любовь требуетъ для себя сочувствія, общенія, и слѣдовательно — *погруженія въ жизнь своего народа;* любовь даетъ уму побужденія къ дѣятельности и труду, проницательность и объемъ его взглядамъ, она *созидаетъ* человѣка, а только человѣкъ и понимаетъ все человѣческое».

Думается, что читатели не посѣтуютъ на насъ за эту выписку изъ Хомякова, одного изъ тѣхъ, которыхъ привыкли обвинять въ излишнемъ патріотизмѣ, въ національной исключительности и т. д. Какъ схоластичны являются съ этимъ живымъ и глубокимъ словомъ всѣ разсужденія г. Соловьева о народности! Приведемъ и еще нѣсколько цитатъ изъ покойнаго нашего, до сихъ поръ еще не вполнѣ оцѣненнаго мыслителя, лучше всего оттѣняющихъ различіе между его воззрѣніемъ и воззрѣніемъ автора разбираемой нами статьи.

«Служеніе народности, — читаемъ въ той же статьѣ Хомякова, — есть въ высшей степени служеніе дѣлу общечеловѣческому. Конечно, были особенные случаи, въ которыхъ человѣкъ возвышался до служенія общечеловѣческой Божественной правдѣ, *помимо* народа своего. Но къ чему о нихъ говорить? Или лучше имѣемъ ли мы право о нихъ говорить?» (Хомяковъ разумѣетъ здѣсь Апостоловъ и продолжаетъ): «Гдѣ та общечеловѣческая мысль, которой мы служимъ? Гдѣ это высокое поприще? *побережемте великія слова для великихъ дѣлъ*, и особенно не забудемъ одного обстоятельства: *чѣмъ болѣе человѣкъ становится слугою общечеловѣческой истины, тѣмъ дороже ему народъ.* Тотъ, кто себя всего посвятилъ высочайшему изъ всѣхъ служеній, кто болѣе всѣхъ отвергъ отъ себя тѣсноту своего народа, сказалъ: «я хотѣлъ бы самъ лишиться Христа, только бы *братья мои по крови* къ нему пришли». Никто не произносилъ никогда слова любви пламеннѣе этого слова»...[1])

Но послѣдуемъ далѣе за г. Соловьевымъ. «Достойнымъ предметомъ нашей вѣры и служенія,—говоритъ онъ, —можетъ быть только то, что̀ причастно безконечному совершенству»... Но вѣдь этому совершенствованію именно и причастенъ духъ человѣческій, духъ каждаго народа, и горе ему, если онъ не совершенствуется! Божество не *причастно* совершенству, оно есть само совершенство, а между тѣмъ г. Соловьевъ, вслѣдъ за вышеприведенными строками, прибавляетъ: «не унижая и не обманывая себя, мы можемъ вѣрить и служить *только* Богу». Но развѣ служа духовному совершенствованію своего народа мы не Богу служимъ? «Не унижая себя мы можемъ служить только Богу!»... Ну, а *любить* — можно? И не есть ли дѣло *любви* — дѣло и *служенія* вмѣстѣ?! Далѣе: «Божество, — продолжаетъ г. Соловьевъ, — какъ *дѣйствительность*, дано намъ въ христіанствѣ, и это выше народности», — несомнѣнно! — «получивъ это высшее, мы можемъ преклониться (?) предъ своимъ народомъ *только въ такомъ случаѣ*, если самъ этотъ народъ является служителемъ религіозной истины»... Вотъ преклоняться-то, замѣтимъ мы г. Соловьеву, слѣдуетъ *только* передъ Богомъ, — своему же народу мы можемъ служить — да и обязаны, не преклоняясь; можемъ и обязаны даже не *только тогда*, когда онъ является «служителемъ религіозной истины», а *всегда*, съ однимъ лишь условіемъ, чтобъ это служеніе не противорѣчило нашимъ христіанскимъ обязанностямъ. Если Японецъ принялъ христіанство, такъ развѣ онъ ужъ не можетъ служить своему народу, своему ближайшему братству, напримѣръ въ защитѣ отъ нашествія иноплеменныхъ враговъ? Спросимъ опять: разрѣ-

---

[1]) Къ Римлян. гл. 9. «Яко скорбь ми есть велія и непрестающая болѣзнь сердцу моему: моліхбыхся бо самъ азъ отлученъ быти отъ Христа по братіи моей, сродницѣхъ моихъ по плоти».

шилъ ли бы г. Соловьевъ «положить душу за други своя», хотя бы эти други и не были «служителями религіозной истины»? Думаетъ ли онъ, что человѣкъ, способный на такое служеніе, на дѣйствіе такой любви, больше которой «никто же имать», непремѣнно напередъ станетъ соображать — служитъ ли религіи это его движеніе? да и вообще успѣваетъ ли такой человѣкъ, въ своемъ сердечномъ порывѣ, отдать себѣ отчетъ, что вотъ де я своимъ поступкомъ послужу Богу и получу награду на небесахъ?!.. Но пойдемъ далѣе: «Тогда служа ей, т. е. религіозной истинѣ, говоритъ г. Соловьевъ,—мы тѣмъ самымъ будемъ служить и своему народу (т. е. въ томъ случаѣ, когда нашъ народъ является ея служителемъ), или, говоря точнѣе, будемъ дѣятельно участвовать въ его всемірно-историческомъ служеніи»... Можно вѣдь сказать и наоборотъ: исполняя долгъ служенія относительно своего народа, своихъ ближайшихъ ближнихъ, мы тѣмъ самымъ служимъ и высшей религіозной истинѣ; да иначе и не можемъ конкретно послужить ей или участвовать во всемірно-историческомъ служеніи своего народа, какъ служа ему, народу, какъ погружаясь любовью въ свой народъ, какъ возревновавъ всѣмъ сердцемъ и всею душою своею о самобытномъ развитіи народнаго духа...

Покончивъ съ этимъ первоначальнымъ этапомъ мысли г. Соловьева или съ первымъ осторожнымъ его подходомъ къ главной и существенной цѣли его статьи,— мы должны послѣдовать за нимъ и на второй и на третій этапы, но наша статья и безъ того уже велика. Оставляемъ это до другаго раза, тѣмъ болѣе, что предметъ, котораго касается г. Соловьевъ, и самый способъ его аргументаціи заслуживаютъ и требуютъ внимательнаго разсмотрѣнія. Его положенія не могутъ быть отрицаемы огульно,—ихъ приходится просѣвать сквозь рѣшето: до такой степени истина перемѣшана въ нихъ со всякою посторонneю примѣсью. Другими словами: есть въ нихъ несомнѣнно и истина, но съ ложною и преднамѣренною окраскою, для невнимательнаго читателя не всегда и замѣтною; или же съ тѣмъ изъяномъ, на который осуждается роковымъ образомъ всякій человѣкъ, трактующій о народности, о высшихъ нравственныхъ и религіозныхъ истинахъ — чисто-діалектическимъ способомъ, на основаніи отвлеченныхъ, формально-логическихъ выводовъ. Но истины такого рода раскрываются вполнѣ лишь при свѣтѣ *любви*, и въ данномъ случаѣ—любви къ родному народу, о которой такъ хорошо и искренно вышеприведенное слово Хомякова. Какъ мы уже сказали, во всемъ діалектическомъ мудрованіи г. Соловьева объ отношеніяхъ индивидуума къ своему народу, слово: «любовь» вовсе и не встрѣчается. Это не случайность: отсутствуетъ не только слово, но и самое *понятіе*. Отсутствуя какъ понятіе, *любовь*, во всемъ его умствованіи о русской народности и о народѣ, отсутствуетъ и какъ орудіе *познаванія* истины,

и какъ *живое* руководящее, непосредственное чувство. Этимъ и объясняется—почему съ такимъ жестокосердымъ легкомысліемъ, съ такою развязностью предлагаетъ онъ, въ концѣ-концовъ, Русскому народу отречься отъ своей личности (ибо ничего другаго и не значитъ выраженіе, столь любимое и часто употребляемое г. Соловьевымъ: «національное самоотреченіе») и «*порвать съ прошедшимъ* народа», т. е. съ тысячелѣтнимъ его бытіемъ, ради лучшей, указываемой ему г. Соловьевымъ, «народной будущности»... подъ сѣнію папскаго авторитета!

Продолженіе того же.

«Русь», 1-го апрѣля 1884 г.

Нельзя отрицать, что все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ чувствоваться въ нашемъ обществѣ своего рода *тоска по родинѣ,* т. е. тоска по корню, по своему истинному народному *типу*, который все еще невполнѣ дается нашему разумѣнію, воспитанному исключительно на явленіяхъ чуждой жизни,—для котораго нѣтъ еще у насъ и надлежащихъ орудій познаванія, такъ какъ, благодаря чуть не двухвѣковому упражненію въ ученическихъ чувствахъ, непосредственное чувство народности въ нашей образованной средѣ болѣе или менѣе заглушено, а мысль постоянно дробится и преломляется сквозь призму иностранныхъ понятій. Безплодность или скудная плодотворность нашего «просвѣщенія», видимая несостоятельность всякаго нашего общественнаго дѣланія во всѣхъ сферахъ дѣятельности, не исключая и государственнаго управленія, — безвыходность тѣхъ путей, которыми мы до сихъ поръ брели,—все это повидимому заставляетъ догадываться, что мы дѣйствительно сбились съ дороги и понапрасну толчемся въ какомъ-то лабиринтѣ, что мы *не настоящее* дѣло дѣлаемъ, а все только что-то усердно плетемъ и путаемъ, да и все какъ-то мимо, все невпопадъ; что должно-быть не совсѣмъ-то правильно наше отношеніе къ просвѣщенію, если мы и до сихъ поръ состоимъ на положеніи школьниковъ-малолѣтокъ; что есть какая-нибудь органическая фальшь въ нашемъ развитіи, которая осуждаетъ на безсиліе исполинскія силы нашего организма. Нельзя, видно, эти силы отрицать безнаказанно. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предположить, что вся эта громадина, называемая Россіей, этотъ многомилліонный народъ съ своимъ тысячелѣтнимъ историческимъ бытіемъ, лишенъ всякой *самости,* всякой индивидуальности,—только матеріалъ, изъ котораго можно лѣпить фигуру по чужому образу и подобію,—однимъ словомъ, безсмыслица, *дымъ,* по выраженію несчастнаго нашего Тургенева, для котораго только одинъ русскій языкъ

не представлялся дымомъ, только въ языкѣ одномъ, предсмертно тоскуя, усматривалъ онъ залогъ величія своего народа! Нельзя довольствоваться и уподобленіемъ Россіи *сфинксу*, предлагающему неразрѣшимыя загадки, для которыхъ не нашлось еще и Эдипа: это, конечно, почетнѣе *дыма*, но не намъ же отмахиваться отъ сфинкса съ ужасомъ и тоскою,— мы ему немножко *свои*, и наша вина — если языкъ его намъ не понятенъ.

Всякій народъ, по выраженію Хомякова, есть живое невысказанное слово. Какого же добра ожидать, если народу какъ-либо зажимаютъ ротъ и не даютъ этого своего всемірно-историческаго слова высказать или же заставляютъ его ломать и коверкать слово чуженародное? Если мы пренебрегли сокровища роднаго ума, роднаго духа, родной жизни, то нечего и удивляться, почему родной нашей странѣ такъ не по себѣ, такъ неможется. Короче сказать: съ каждымъ часомъ становится очевиднѣе—что̀ собственно намъ теперь на потребу, въ чемъ злоба нашего настоящаго дня. Она въ томъ именно, чтобъ сокрушить плѣнъ народнаго духа и разума, чтобъ возстановить духовную цѣльность нашего національнаго бытія, чтобъ устремить всѣ силы къ распознанію нашего народнаго типа, къ свободному его развитію и возведенію въ общечеловѣческое значеніе, другими словами: къ служенію высшей общечеловѣческой истинѣ нашею національною правдою. Что̀ нужно русской молодежи, въ чемъ одномъ заключается для нея спасеніе и чего не даютъ ей наши педагоги, за исключеніемъ лишь нѣкоторыхъ, это—замѣны отрицательнаго отношенія къ русской народности—отношеніемъ положительнымъ, любовнымъ; это—упраздненія той искусственной безпочвенности и безродности мысли и чувства, той отвлеченности, которая признается у насъ за высшій цвѣтъ воспитанія. Иную пищу, иныя цѣли надобно дать юному духу: не идеалы, не задачи, не нормы чуждой жизни, выдаваемыя за вселенскія, а потому пригодныя и для навязыванія Русской землѣ,— въ сущности только понапрасну распаляющія, истощающія молодое воображеніе и волю,—а идеалы и задачи родной страны, раскрывая ихъ глубокое, всемірно-историческое содержаніе. Подвигъ самостоятельнаго мышленія, подвигъ національнаго самосознанія,—вотъ къ чему должны быть непрестанно призываемы, устремляемы наши молодыя русскія силы.

Но тутъ, словно бы съ цѣлію заранѣе охладить рвеніе, необходимое для подъятія этого подвига и, разумѣется, ужъ непремѣнно во имя общечеловѣчества, раздается имъ на встрѣчу такое слово: оно, конечно, «національное самосознаніе—великое дѣло, но когда самосознаніе народа переходитъ въ самодовольство, а самодовольство доходитъ до самообожанія, тогда естественный конецъ его есть самоуничтоженіе: басня о Нарцисѣ поучительна и для цѣлыхъ народовъ». Эти строки, къ при-

скорбію—изъ статьи г. Соловьева: «О народности и народныхъ дѣлахъ *Россіи*». Нельзя не признать, что по отношенію къ *русскому* обществу, щеголяющему преимущественно національнымъ самооплеваніемъ и само-заушеніемъ, подобное предостереженіе является совершенно несвоевременнымъ и неумѣстнымъ. Но оно, увы! необходимо для автора, имѣющаго въ виду расположить русскихъ читателей къ новому, болѣе полному и глубокому народному самоотреченію въ области религіозной или церковной.

Исполняя обѣщаніе, данное нами въ 6 №, продолжаемъ разборъ статьи г. Соловьева, помѣщенной во 2 № «Извѣстій С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества». Было бы гораздо легче, оставляя въ сторонѣ изложеніе, обратиться прямо къ окончательному выводу и повести споръ съ авторомъ на почвѣ принципіальной. Но съ практической точки зрѣнія споръ о превосходствѣ католическаго церковнаго строя представляется намъ менѣе нужнымъ въ данную минуту, чѣмъ о разныхъ отдѣльныхъ тезисахъ, которые г. Соловьевъ предпосылаетъ своему выводу и которые уже вызвали нежелательное сочувствіе во многихъ,—къ вопросу собственно о католицизмѣ вполнѣ равнодушныхъ. Да и самый выводъ автора выраженъ такъ неопредѣленно, что точнѣйшаго опредѣленія приходится искать въ отдѣльныхъ реченіяхъ, разсѣянныхъ въ предшествующемъ изложеніи.

Какъ мы уже сказали, истина у г. Соловьева всегда съ нѣкоторою подмѣсью, а потому и требуетъ внимательнаго осмотра. Такъ, послѣ всего того, что́ имъ было высказано и нами въ 6 № оспорено, онъ, не совсѣмъ ожиданно, приходитъ въ срединѣ статьи къ положенію, которое нельзя не признать вѣрнымъ. Онъ утверждаетъ и самъ, что «народности суть органы всечеловѣческаго организма, а потому національное чувство и патріотизмъ, старающіеся сохранить и развить народную самостоятельность и въ жизни и въ мысли, *имѣютъ оправданіе* съ точки зрѣнія всечеловѣческой», такъ какъ требуется, чтобъ эти органы были не безжизненны и не безформенны. Далѣе, онъ говоритъ, что народность и стремленіе къ развитію ея самостоятельности имѣетъ оправданіе и съ точки зрѣнія христіанской», ибо народы суть «органы въ *организмѣ богочеловѣчества*» (такъ опредѣляетъ г. Соловьевъ задачу христіанской религіи и значеніе Церкви) и представляютъ или должны представлять, каждый въ себѣ, «богоносную силу, необходимую для пришествія Царствія Божія и для совершенія воли Божіей на землѣ». Поэтому, продолжаетъ онъ далѣе, «можно и должно дорожить различными особенностями народнаго характера и быта, какъ украшеніями (?) или служебными аттрибутами въ законномъ воплощеніи религіозной истины».. Все это повидимому не должно бы вызывать и спора, но...

Но умыселъ другой тутъ былъ,

и этотъ умыселъ почтеннаго автора выдается именно въ тѣхъ «украшеніяхъ» и оговоркахъ, которыми онъ сопровождаетъ свои основныя положенія. Замѣтимъ прежде всего, что слово «оправданіе» тутъ не у мѣста. Нечего, напримѣръ, Петру *оправдываться* въ томъ, что онъ Петръ, Павлу, что онъ Павелъ, Іоанну, что онъ Іоаннъ, Французу, что онъ Французъ, Русскому, что онъ Русскій. Даже любовь къ самому себѣ поставлена внѣ оправданія, а признается какъ естественный, данный самою природою фактъ. «Люби ближняго *какъ самого себя*»... «Никто же когда плоть *свою* возненавидѣ» и проч. Христіанство осуждаетъ и обуздываетъ *эгоизмъ*, укрощая его закономъ любви брачной, любви семейной, любви племенной, ставя надъ ними надъ всѣми любовь къ Богу; расширяетъ предѣлы братства до всечеловѣчества, но не осуждаетъ и не уничтожаетъ значенія узъ ближайшихъ, которыя и оправданія не требуютъ. Само собою разумѣется, что высшее призваніе народа христіанскаго—водвореніе на землѣ правды Божіей. Но эта правда, вѣчная и безусловная сама въ себѣ, допускаетъ, въ своемъ историческомъ на землѣ воплощеніи и вовсе не въ видѣ *украшеній*, а въ видѣ закона, ею же установленнаго, во всей полнотѣ живое разнообразіе конкретныхъ своихъ частныхъ проявленій сообразно съ особенностями времени и племени, но въ то же время пребываетъ общею и единою для всѣхъ временъ и для всѣхъ народовъ, сочетая разнообразіе съ единствомъ и единство съ разнообразіемъ, свободу личную и племенную съ плѣненіемъ всѣхъ въ любви и вѣрѣ. Справедливо утверждаетъ г. Соловьевъ, что «религіозная и церковная идея должна первенствовать надъ племенными и народными стремленіями», но эта справедливость дѣлается сомнительною благодаря ссылкѣ при этомъ на книгу г. Леонтьева «Византизмъ и Славянство», заключающую будто бы «наиболѣе рѣзкое выраженіе этой истины». Книга эта, какъ извѣстно, написана въ защиту Греческой церкви въ ея отношеніяхъ къ Болгарамъ. Не вполнѣ оправдывая Болгаръ, мы не можемъ признать вполнѣ правыми и Грековъ—во имя церковнаго единства воспрещавшихъ Болгарамъ службу въ храмахъ на болгарскомъ языкѣ, назначавшихъ къ нимъ пастырей греческихъ и всячески подавлявшихъ возникновеніе болгарской народной самобытности.

Послѣдуемъ далѣе. «Во всякомъ случаѣ», вновь поучаетъ г. Соловьевъ, «если мы хотимъ, чтобы народъ былъ крѣпокъ и силенъ (для себя ли самого или для Царства Божія), то незачѣмъ разслаблять его, охмѣляя его самомнѣніемъ»... Эта оговорка *относительно Русскаго народа* (а статья г. Соловьева носитъ заглавіе: «О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи») не имѣетъ въ настоящее время ровно никакого «оправданія». Если мы страдаемъ чѣмъ, — такъ не самомнѣніемъ, а *сомнѣніемъ* въ самихъ себѣ, въ своемъ призваніи, въ своихъ силахъ;

если что̀ намъ нужно теперь, такъ именно укрѣпленіе вѣры въ себя и свои силы, усиленіе чувства собственнаго національнаго достоинства. Къ чему бы, кажется, вновь и вновь выступать съ такимъ напраснымъ увѣщаніемъ. Но оно стоитъ тутъ *не даромъ* и нужно для послѣдующаго. «Если народъ—говоритъ далѣе авторъ—занятъ самимъ собою, то онъ не свободенъ для всемірныхъ подвиговъ... Ни отдѣльныя лица, ни народъ не могутъ проявить великихъ силъ, не могутъ совершить великихъ дѣлъ, если *не забываютъ о себѣ*, если не *жертвуютъ* собою»... Слова все такія хорошія, великодушныя, что не хотѣлось бы, и даже какъ-то неловко становиться къ нимъ въ противорѣчіе, но сто̀итъ только попытаться проникнуть въ ихъ смыслъ, и обаяніе улетучивается. Спрашивается: когда же, какой народъ въ исторіи забывалъ о себѣ и жертвовалъ собою? Забывали ли о себѣ и жертвовали ли собою Англичане, напримѣръ? Какой такой моментъ въ ихъ исторіи укажетъ намъ В. С. Соловьевъ? Что̀ же, признать ли, что Англія не совершила никакихъ великихъ дѣлъ, Англія, обогатившая человѣчество Ньютономъ, Бекономъ, Шекспиромъ, примѣромъ свободы и порядка въ своемъ государственномъ строѣ, и пр. и пр.? Когда же Нѣмцы, совершившіе также кое-что для общечеловѣческой культуры, забывали о себѣ и жертвовали собою *какъ народомъ?* Развѣ тогда, когда часть Германскаго народа отдѣлилась отъ Римской церкви и, поднявъ знамя протестантства, вела религіозныя войны? Если г. Соловьевъ и согласится признать протестантство «великимъ дѣломъ», то все же тутъ не было жертвы собою *какъ народомъ;* совершенно наоборотъ: жертвовало своею жизнью поколѣніе данной эпохи для лучшей будущности Нѣмецкаго же народа; да и протестантство было не только религіознымъ, но и національнымъ движеніемъ, освобожденіемъ, возрожденіемъ къ жизни германскаго національнаго духа, угнетеннаго римскимъ духовнымъ игомъ. Однимъ словомъ выходитъ, что такъ какъ ни одинъ народъ на Западѣ Европы не жертвовалъ *собою*, то ни одинъ великихъ дѣлъ и не совершилъ!.. Но странное требованіе г. Соловьева получаетъ весьма опредѣленный смыслъ *въ виду той цѣли*, которую онъ себѣ предпоставилъ; ему нужна *жертва отъ Русскаго народа,* — не кровью и не жизнью одного-двухъ поколѣній,—а жертва *народностью:* для этого-то и понадобились ему всѣ эти предварительныя общія, хотя бы и не выдерживающія критики, положенія. И дѣйствительно, за вышеприведенными строками идутъ у нашего автора слѣдующія: «Истинный патріотизмъ требуетъ не только личнаго, но и національнаго самоотверженія. Крупные примѣры такого національнаго самоотверженія находимъ мы въ русской исторіи»... Это — «два великіе истинно-патріотическіе подвига: призваніе Варяговъ и реформа Петра Великаго». Ихъ-то онъ и чествуетъ, нѣсколько ниже, названіемъ уже не «самоотверженія»

(слово, имѣющее опредѣленный смыслъ великодушнаго дѣйствія), а «національнаго «*самоотреченія*», ставя послѣднее слово для большей вразумительности—курсивомъ.

Видѣть въ призваніи Варяговъ актъ *національнаго* самоотреченія—можетъ только человѣкъ одержимый предвзятою мыслью. Даже понятіе о *націи* и о *національномъ* неудобоприложимо къ племенамъ, призвавшимъ Рюрика съ братьями. Призвали ихъ: Новгородцы, Кривичи, *Чудь* — племя, какъ извѣстно, даже не Славянское. Ни отъ какой національности они не думали отрекаться; совершенно напротивъ: именно черезъ этотъ призывъ они и захотѣли сложиться въ одну «національность», т. е. въ цѣльный государственный организмъ. Поэтому вовсе и не къ мѣсту слова г. Соловьева, будто въ этомъ призваніи выразился «истинный *патріотизмъ*, безстрашно вѣрующій *въ свой народъ*» и т. д. Дѣйствительно, исторія не представляетъ другаго примѣра такого *сознательнаго*, свободнаго и произвольнаго водворенія государственнаго начала; оно принадлежитъ исключительно Россіи. Эта сознательность въ отношеніяхъ народа къ власти и проходитъ потомъ сквозь всю нашу исторію до самыхъ послѣднихъ дней; не на суевѣрномъ, слѣпомъ, не на рабскомъ чувствѣ покоится и нынѣ преданность и покорность Русскаго народа Царю, а на сознанномъ и душою усвоенномъ принципѣ... Но возвратимся къ подвигу нашихъ предковъ. Племя возставало на племя, родъ на родъ; были вѣроятно попытки племенныхъ союзовъ и федераціи, но онѣ оказывались безуспѣшными. Свободная мирная жизнь становилась невозможною; мудрые предки поняли, что для прекращенія и рѣшенія ихъ раздоровъ и споровъ нуженъ — *третья* — посредникъ, взятый *извнѣ*, не причастный ни къ одной сторонѣ, нужна власть, но та, которая бы вознесла одно *племя* надъ *другимъ*, но которая бы сама надъ всѣми вознеслась, всѣмъ одинаково *чуждая*, а потому и всѣмъ *своя*, свободная отъ всякихъ племенныхъ и родовыхъ пристрастій. Въ 859 г. Варяги брали дань на Чуди, на Кривичахъ, на Новгородскихъ Славянахъ. Въ 862 г. Новгородцы, Кривичи и Чудь поднялись и *прогнали Варяговъ* за море. Отринувъ *насильственное* подчиненіе, поколотивъ, предварительно, Варяговъ, сознавая необходимость государственнаго «наряда» (не *порядка*, какъ г. Соловьевъ выражается), они въ томъ же году уже добровольно, какъ люди свободные, *отстоявшіе свою* «національную» (допустимъ это выраженіе) *самобытность*, пошли за море къ Варягамъ же, — хотя, по мнѣнію К. С. Аксакова, кажется вполнѣ справедливому, и не къ тѣмъ, которые ими владѣли и которыхъ они прогнали, а къ Варягамъ-*Руси*. По крайней мѣрѣ Несторъ, при упоминаніи о первыхъ Варягахъ, не придаетъ имъ этого *видоваго* названія, а разсказывая о посылкѣ упомянутыхъ племенъ *по князя* къ Варягамъ, прямо указываетъ,

что въ этомъ случаѣ дѣло шло о Варягахъ-*Руси*, причемъ добавляетъ, что есть другіе Варяги Свевы, Готы, Англяне и Урмане. Нѣсколько далѣе лѣтописецъ поясняетъ, что отъ нихъ, отъ Варяговъ-Руси, прозвались Русскою землею Новгородцы, — Новгородцы же... «ти суть людье Новгородьци отъ рода Варяжска, прежа бо бѣша Словени», — а это, по толкованію К. С. Аксакова, значитъ, что Варяги-*Русь* были *соплеменны* Новгородскимъ Славянамъ. Во всякомъ случаѣ не отъ національности отрекались наши предки, а отъ *похоти* властвованія и командованія другъ надъ другомъ; отрекались отъ вражды и раздора, обуздывая себя всеобщимъ послушаніемъ единой, общей для всѣхъ, *призванной* со стороны власти. Они, объясняетъ покойный писатель, призывали государство — какъ *защиту земской свободы и земскаго мира,* какъ огражденіе внутренней бытовой жизни и ея развитія. Крѣпко держался и держится Русскій народъ за Русское государство, многое множество, ради его упроченія, «перебылъ онъ и перемогъ» жертвъ; любитъ и охраняетъ Верховную власть, — но и до сихъ поръ чуть не 80⁰/₀ русскаго населенія устраиваютъ свою жизнь во многихъ отношеніяхъ не по Своду Законовъ, а по *обычаю,* существующему чуть не со временъ Варяговъ. Но и до сихъ поръ не смѣшалъ Русскій народъ начала внѣшней юридической правды съ началомъ правды нравственной, Божіей; не далъ своей совѣсти въ плѣнъ «правовому порядку», котораго конечный идеалъ — огосударствленіе самую душу гражданина, внѣдривъ въ нее функціи чиновника, квартальнаго и шпіона. То же самое отреченіе отъ властолюбивой похоти, отъ принципа «народнаго верховенства» (la souveraineté du peuple) проявилось и послѣ Варяговъ нѣсколько разъ въ русской исторіи, а въ 1613 г., когда государство разбилось вдребезги, народъ возстановилъ его снова, ходилъ по самодержавнаго царя за Волгу, нѣсколько лѣтъ упрочивалъ его власть авторитетомъ и надзоромъ своихъ земскихъ соборовъ, а потомъ съ полнымъ довѣріемъ (мало, впрочемъ, оцѣненнымъ), не заручившись никакими гарантіями, «пошелъ въ отставку», по выраженію Хомякова, — возвратился къ своей земской жизни.

Неудаченъ первый указанный г. Соловьевымъ примѣръ «національнаго самоотреченія»; перейдемъ ко второму. Но о реформѣ Петра такъ уже много и часто было говорено въ «Руси», что пускаться, ради полемики съ авторомъ, въ новую ея оцѣнку было бы, полагаемъ, совершенно излишне; тѣмъ болѣе, что и этотъ второй моментъ «національнаго самоотреченія» приплетенъ сюда только ради подготовленія мысли читателя къ третьему, болѣе глубокому и полному. Г. Соловьевъ ошибся въ разсчетѣ; онъ воображаетъ, что Россія вошла *во вкусъ* самоотреченія, или что картина Петровской реформы только придастъ намъ *аппетита* къ новой, проектируемой авторомъ реформѣ! Отмѣтимъ однако выдаю-

щіяся въ статьѣ мѣста. Слово нашего почтеннаго автора о Петровскомъ переворотѣ — восторженный панегирикъ. Мы, какъ извѣстно, признаемъ въ намѣреніяхъ Петра искреннее желаніе блага для Россіи, а въ дѣлѣ его—значительную часть правды о-бокъ съ великой *неправдой,* не перестающей громко вопіять и доселѣ... Правый въ своихъ стремленіяхъ, Петръ былъ неправъ въ своемъ торжествѣ, говоритъ Хомяковъ. Г. Соловьевъ, какъ и понятно, никакой неправды въ Петровской реформѣ и ея плодахъ не усматриваетъ. «Желая помочь Россіи цивилизаціей и просвѣщеніемъ, — восклицаетъ онъ, — великій реформаторъ не сталъ ждать, чтобы Россія» (такая-сякая, слѣдуютъ разные нелестные эпитеты) «вдругъ сама собою, изъ нѣдръ своего духа породила новую самобытную культуру, свое особое просвѣщеніе!».. *Вдругъ!* зачѣмъ же вдругъ? Въ томъ-то и бѣда, что Петръ презрѣлъ всѣ законы органическаго развитія и вмѣсто того, чтобъ ограничиться тѣмъ благотворнымъ *воздѣйствіемъ,* которое общеніе съ Западомъ должно было оказать на русскую почву, вызвавъ растительную дѣятельность сидящихъ въ ней корней,— съ неразумнымъ нетерпѣніемъ захотѣлъ разжиться культурою *вдругъ,*— т. е. засорилъ эту почву чужимъ наземомъ, заглушилъ ростъ корней и сѣмянъ, и устроивъ какъ бы нѣкую теплицу, пересадилъ въ нее чужія, отчасти даже несвойственныя нашему климату растенія, завелъ *тепличное,* мало плодотворное просвѣщеніе. Дѣло идетъ конечно не о какихъ-либо чисто внѣшнихъ заимствованіяхъ, совершенно безразличныхъ для духовнаго существа нашей страны. Но не Петръ ли, на протестантскій манеръ, превратилъ высшее іерархическое управленіе въ духовную коллегію, въ присутственное мѣсто, смялъ, уронилъ авторитетъ церкви и надѣлъ на нее «государственный мундиръ»? Приводимъ этотъ примѣръ какъ наиболѣе вразумительный для г. Соловьева, которому вѣдь принадлежитъ (въ одной изъ прежнихъ статей) и самое выраженіе о «мундирѣ»... Допуская, что «цѣль Петра была не въ порабощеніи насъ чужой культурѣ, а въ усвоеніи нами ея общечеловѣческихъ началъ», г. Соловьевъ утверждаетъ однако, что «прежде чѣмъ мы могли усвоить себѣ европейское образованіе, мы *должны* были принять его въ тѣхъ *чужихъ* для насъ формахъ, въ которыхъ оно уже существовало въ Европѣ»,—принять какъ общечеловѣческую образованность—«образованность чужую, нѣмецкую или голландскую». Дѣло въ томъ — поясняетъ авторъ, что «образовательныя начала не существуютъ въ отвлеченности, а всегда in concreto въ той или другой національной оболочкѣ, и прежде чѣмъ выработать для нихъ *свою,* намъ приходилось принять ихъ въ той или другой изъ существовавшихъ уже чужихъ оболочекъ». Г. Соловьевъ находитъ это «и естественнымъ и необходимымъ». Что образовательныя начала существуютъ всегда in concreto,—это несомнѣнно, но нужно бы точнѣе опредѣлить, о какихъ началахъ идетъ рѣчь. Вѣдь

но одно и то же—заимствовать изъ Швеціи военскій строй, кораблестроеніе изъ Голландіи, перевести съ нѣмецкаго курсъ математики,—или же усвоить себѣ «образовательное *начало*»? Всегда ли образовательное *начало* можетъ быть взято отдѣльно отъ нравственной своей подкладки? Если, напримѣръ, это начало проникнуто духомъ антихристіанскимъ или антицерковнымъ, или хотя просто протестантскимъ, такъ и слѣдуетъ его принять во всей его полнотѣ? Такъ и слѣдуетъ стать на время протестантами, или переломать свою родную жизнь согласно съ антихристіанскою точкою зрѣнія—въ ожиданіи, пока выработается свое національное образованіе?.. Г. Соловьевъ этого не говоритъ, вѣроятно и не думаетъ, но вѣдь таковъ логическій выводъ изъ его положенія. Очевидно, что принимать изъ чужи нужно съ *разборомъ*. Вотъ этого-то именно разбора и недоставало Петровской реформѣ.

Истинное знаніе, говоритъ Хомяковъ, дается только жизни *не отдѣляющей себя отъ народности*—«жизни, а не ученой наблюдательности... Съ одной стороны народность, какъ начало общечеловѣческое, богатитъ собою все человѣчество, выражаясь то въ Платонѣ, то въ Рафаэлѣ, то въ Беконѣ, Гёте и т. д.; съ другой, какъ живое, а не отвлеченное проявленіе человѣчества, она *живитъ и строитъ умъ человѣка*» (къ народу принадлежащаго). «Въ то же время она въ свою очередь принимаетъ въ себя все человѣческое, *отстраняя чуженародное своею неподкупною критикою*», т. е. процѣживая его сквозь сито своей народности. Но этой именно критикѣ и не было дано мѣста при системѣ заимствованія, введенной въ жизнь Россіи Петромъ; для такой критики было необходимо, чтобы самый духъ народный былъ свободенъ вполнѣ, не сомнѣвался въ своемъ правѣ на самостоятельное бытіе, а мы знаемъ, въ авантажѣ ли обрѣталась «народность» при Петрѣ и послѣ? Она была презрѣна, оплевана, затоптана, забита; даже за народную одежду, за обычай—полагался кнутъ и Сибирь; благоговѣйное чувство народа къ святынѣ попиралось умышленно Петровскими маскарадами въ Успенскомъ Кремлевскомъ соборѣ и иными кощунственными скоморошествами... Разумѣется Русскій народъ не пересталъ быть Русскимъ народомъ, но онъ ушелъ въ себя; тогда-то и начался разрывъ между крещаемымъ во «образованіе» верхнимъ слоемъ и народною массою. Но, замѣчаетъ Хомяковъ, отдѣльнымъ людямъ, *отчужденнымъ отъ своей народности*, «нельзя не поддаваться самымъ формамъ чуженародности и не смѣшивать ихъ съ тою общечеловѣческою стихіей, которая въ нихъ таится... Думаніе требуетъ нѣкоторой *цѣльности* въ мыслящемъ существѣ, которая невозможна въ человѣкѣ оторванномъ отъ народности... Для такого человѣка своя народность замѣняется не общечеловѣческимъ началомъ, а многонародностью Вавилонскою, и онъ, не добившись невозможной чести быть человѣкомъ безусловно, дѣлается только *иностранцемъ*

вообще, не только въ отношеніи къ своему народу, но и ко всякому другому и даже къ самому себѣ. Каждый отдѣлъ его мозга иностраненъ другому... Оттого и выходитъ, что мы воображаемъ, будто находимся въ области общечеловѣческаго знанія, но ничего въ ней не производимъ. Мы отреклись, чтобы знать, да притомъ и не знаемъ. Положеніе не завидное!»...

Вотъ каковы результаты той системы пересаживанія чужой культуры, которую такъ восхваляетъ г. Соловьевъ и даже рекомендуетъ для подражанія.

Продолжать далѣе споръ о Петрѣ съ авторомъ статьи «О народныхъ дѣлахъ Россіи» мы не будемъ. Очевидно, что именно *народныя дѣла Россіи* ему и невѣдомы или мало вѣдомы, какъ въ ея прошломъ, такъ и въ настоящемъ. Непонятна ему *та злоба дня*, о которой мы говорили въ началѣ. Не чувствуетъ, не слышитъ онъ тѣхъ страданій, той муки, которую испытываетъ до сихъ поръ весь нашъ государственный и національный организмъ подъ гнетомъ препрославленнаго имъ, продолжающагося и доселѣ «національнаго самоотреченія» въ руководящихъ классахъ русскаго общества! Не видитъ онъ, что мы все еще тяжело больны, что если Петръ лѣчилъ насъ отъ болѣзни косности и невѣжества, то теперь приходится намъ лѣчиться отъ самыхъ его лѣкарствъ и системы врачеванія,—и этотъ нашъ недугъ едвали не горше перваго. И не выздоровѣемъ мы, пока та частная правда, которая пребывала въ дѣлѣ Петра, не переможетъ пребывавшей въ немъ неправды, пока дѣятельность народнаго сомосознанія не освободитъ насъ отъ пресловутаго «національнаго самоотреченія», пока не завершится петербургскій періодъ русской исторіи.

Не представляется ли послѣ этого,—да проститъ намъ г. Соловьевъ это выраженіе—нѣсколько наивнымъ его восклицаніе: «Неужели мы должны *измѣнить* этому *плодотворному пути національнаго самоотреченія* и стать на явно негодную, явно безплодную почву народнаго самолюбія и самомнѣнія?» Далѣе слѣдуетъ уже не наивное, а просто не хорошее слово: «явно негодную и безплодную»,—одушевленно повторяетъ онъ,—«ибо гдѣ же въ самомъ дѣлѣ плоды нашего національнзма, кромѣ развѣ церковнаго раскола съ русскимъ «Исусомъ» и осьмиконечнымъ крестомъ»!.. Вотъ она, та гордость просвѣщенія, то высокомѣрное презрѣніе къ своей народности, которыя лучше всего характеризуютъ злую сторону Петровской реформы! Для г. Соловьева русская исторія, въ самомъ дѣлѣ, должно-быть бѣлая бумага или только 900-лѣтній ростъ будущей обезьяны, — по выраженію Хомякова! Онъ и не догадывается, что если Россія не погибла духовно послѣ Петра, если сохранила и сохраняетъ въ себѣ вѣру въ свое призваніе, въ свое будущее, то единственно благодаря этому «національзму»!..

Покончивъ съ мірскимъ просвѣщеніемъ, г. Соловьевъ продолжаетъ: «Если такой подвигъ народнаго самоотреченія нуженъ былъ для развитія государственности и мірскаго просвѣщенія, тѣмъ болѣе подвигъ *національнаго* самоотреченія нуженъ для нашего окончательнаго *духовнаго* дѣла». Другими словами,—иного логическаго вывода вѣдь и вывесть нельзя,—это значитъ: мы должны продѣлать Петровскую же реформу—въ области религіозно-церковной, и съ перспективою, конечно, той же «плодотворности» и «разрыва съ прошедшимъ» (выраженіе г. Соловьева), т. е. такихъ же результатовъ—страданій и мукъ...

Ну, а затѣмъ мы опять готовы сочувствовать рѣчамъ нашего философа-богослова, что «государственность и мірское просвѣщеніе суть только средства для болѣе прямой и всеобъемлющей службы христіанскому дѣлу, въ чемъ собственно и состоитъ *цѣль* Россіи»... «Мы вѣримъ,—продолжаетъ онъ,—что Россія имѣетъ въ мірѣ религіозную задачу». Прекрасно, но какое же, однако, право имѣете вы въ это вѣровать, если эта страна въ теченіи девятисотъ лѣтъ неспособна была произвесть ничего годнаго? Да и какъ же *Россія* исполнитъ въ мірѣ свою задачу, если она должна отречься отъ себя, отъ того, что составляетъ ея сущность, какъ *Россіи?* Намъ вспоминаются слѣдующія слова также философа-богослова, но вмѣстѣ съ тѣмъ и горячаго поборника народной самобытности, Хомякова, изъ его статьи «Объ юридическихъ вопросахъ»: «Для Россіи возможна одна только задача: сдѣлаться самымъ христіанскимъ изъ человѣческихъ обществъ. Отъ этого, къ мелкому, условному, случайному она была и будетъ всегда равнодушною: годно оно,—она приметъ; не годно,—поболитъ да перебудетъ, а все-таки къ цѣли пойдетъ. *Эта цѣль ею сознана и высказана съ начала»* (Хомяковъ разумѣетъ здѣсь вѣроятно страницы лѣтописи по поводу крещенія Руси). «Эта цѣль,—продолжаетъ Хомяковъ,—высказывалась всегда, даже въ самыя дикія эпохи ея историческихъ смутъ. Если когда-нибудь послѣ и переставали ее выражать, внутренній духъ народа никогда не переставалъ ее сознавать. Отчего дана намъ такая задача? Можетъ быть отчасти вслѣдствіе особаго характера нашего племени; но безъ сомнѣнія оттого, что намъ, по милости Божіей, дано было христіанство во всей чистотѣ, въ его *братолюбивой сущности»*,—т. е. въ ученіи Православной Церкви. Если такимъ образомъ христіанское начало связалось органически, неразрывно съ началомъ русской народности, то какой же смыслъ требовать для «духовнаго дѣла» отреченія, хотя бы даже и временнаго, отъ нашей народности? Замѣтимъ при этомъ особенность, которой, кажется, не усматриваетъ г. Соловьевъ. На Западѣ, напримѣръ, церковный строй не только внѣшній, но и внутренній, запечатлѣнъ характеромъ мѣстности и національности—*Рима* и латинскаго племени. У насъ же наоборотъ: у насъ сама народность носитъ на себѣ напеча-

тлѣніе Церкви. Мы приняли ея строй изъ Византіи и даже блюдемъ ее со всѣмъ внѣшнимъ характеромъ византизма,—даже въ ущербъ нашему національному развитію! Тѣмъ менѣе поводовъ предлагать намъ, ради духовнаго дѣла, «національное самоотреченіе»!

Но послѣдуемъ за г. Соловьевымъ:

«Нынѣ главная настоятельная нужда нашего народа—это недостатокъ высшаго духовнаго вліянія и руководительства, недостаточная *дѣйственность* христіанскаго начала въ *жизни*. Но можетъ ли христіанское начало быть дѣйственнымъ, когда сама его носительница въ мірѣ—христіанская церковь лишена внутренняго единства и согласія? *Возстановленіе этого единства и согласія*, положительная духовная реформа—вотъ наша главная нужда».

Недостаточная дѣйственность христіанскаго начала въ жизни? Не станемъ спорить. Сколько бы ни трудились люди и народы, никогда не будутъ они имѣть право признать, что *дѣйственность* эта въ ихъ жизни *достаточна*! Чѣмъ выше и чище идеалъ (а намъ заповѣдано: «будьте совершенни яко же Отецъ вашъ Небесный совершенъ есть»), тѣмъ онъ труднѣе для достиженія, чѣмъ выше и строже требованіе, обращенное къ человѣкамъ и народамъ, тѣмъ ярче, тѣмъ болѣзненнѣе сказывается, выступаетъ самое малѣйшее отъ него уклоненіе. Сохрани Богъ похвалиться намъ, какъ народу, достаточною дѣйственностью у насъ христіанскаго начала,—да и не хвалится онъ, нашъ Русскій народъ, —о духовномъ смиреніи котораго вѣроятно слыхалъ кое-что и г. Соловьевъ. Но когда эта «недостаточность» возводится въ нашу спеціальную вину и признается поводомъ къ разнымъ сомнительнымъ и жестокимъ экспериментамъ надъ *нашею* народностью, то позволительно спросить: да гдѣ же усмотрѣлъ г. Соловьевъ *болѣе достаточную дѣйственность* христіанскаго начала? Во Франціи вѣрно? Въ Голландіи, въ Пруссіи? въ мірѣ католическомъ или протестантскомъ? Дѣйственнѣе ли оно тамъ, чѣмъ у того народа, котораго самый бытовой, общинный строй такъ близокъ къ «братолюбивой сущности христіанства», у котораго могла сложиться пословица: «на Святой Руси съ голода не умираютъ»,—для котораго преступники *осужденные*—уже «несчастные»,—который даже не хранитъ въ памяти своихъ славныхъ дѣлъ и въ своей исторіи видитъ лишь дѣйствіе Промысла Божія, милующаго и карающаго за народные грѣхи, —который... Но довольно, насъ обвинятъ пожалуй въ самовосхваленіи. Если нужда въ призваніи Варяговъ и въ реформѣ Петра была исключительно *мѣстнаго* свойства, то нужда въ новомъ подвигѣ «національнаго самоотреченія» для духовной реформы не можетъ быть объясняема такимъ повсемѣстнымъ явленіемъ, какъ «недостаточная дѣйственность христіанскаго начала». Да и самъ г. Соловьевъ свидѣтельствуетъ о томъ словами, что «не можетъ христіанское начало быть дѣйственнымъ, ко-

гда сама христіанская церковь лишена внутренняго единства и согласія»... Дѣло идетъ стало-быть не собственно о Русской, а *обо всей* христіанской церкви; не о какомъ-либо нашемъ *національномъ* вопросѣ, а о раздѣленіи церкви Вселенской; не о какой-либо нашей *національной задачѣ*, а о возстановленіи согласія *во всемъ* христіанскомъ мірѣ, раздѣлившемся на міры: православный, католическій и протестантскій. Если причина *недѣйственности* христіанскаго начала лежитъ въ раздѣленіи, такъ она и *послѣдствія ея—одинаковы* и для Россіи, и для *Рима*, и для Германіи, и для Франціи, не только для странъ православныхъ, но въ такой же мѣрѣ и для странъ латинскаго и протестантскаго исповѣданія. Но вѣдь если такъ, то «возстановленіе церковнаго единства» является нуждою не для одной Россіи, и не для одной православной церкви, но столько же и для церкви латинской и протестантства... Во всякомъ случаѣ это вопросъ Вселенской церкви, а не частной церкви, какова церковь Русская. Русская церковь не можетъ его рѣшать сама для себя, безъ нарушенія своихъ братскихъ отношеній съ прочими православными церквами...

Наконецъ, если, по мнѣнію нашего автора, «недостаточная дѣйственность христіанскаго начала въ жизни» свидѣтельствуетъ о «недостаткѣ высшаго духовнаго вліянія и руководительства», то стало-быть, при *всеобщей* «недостаточной дѣйственности»,—на Западѣ еще большей и во всякомъ случаѣ *не меньшей* чѣмъ въ Россіи (вспомнимъ хоть безвѣріе, ставшее офиціально обязательнымъ во Франціи),—высшее духовное руководительство неудовлетворительно *повсюду*, и на Западѣ никакъ *не меньше*, чѣмъ въ Россіи. Это не мѣшаетъ однакоже г. Соловьеву вслѣдъ за симъ излагать слѣдующія свои pia desideria:

«Призваніе Варяговъ дало намъ государственную дружину. Реформа Петра, выдѣлившая изъ народа такъ-называемую интеллигенцію, дала намъ культурную дружину учителей и руководителей. Та великая духовная реформа, которую мы желаемъ и предвидимъ (возсоединеніе церквей), должна дать намъ *церковную* дружину, должна превратить наше, во многихъ отношеніяхъ почтенное, но къ сожалѣнію недостаточно авторитетное духовенство въ дѣятельный, подвижный и властный союзъ духовныхъ учителей и руководителей народной жизни, истинныхъ «показателей пути», и пр.

Варяги... Оставимъ ихъ въ покоѣ! Если и признать, что реформа Петра уже выдѣлила изъ народа интеллигенцію, *культурную дружину* учителей и руководителей, то процессъ этого выдѣленія продолжался чуть не *полтора вѣка;* до того времени Россія была наводнена *иностранною* культурною дружиною педагоговъ обоего пола. Вотъ что̀ предшествовало «выдѣленію»!.. Для чего ссылается г. Соловьевъ на реформу Петра? Если какъ на поощрительный примѣръ, какъ на образецъ для подражанія (а иначе ссылка не имѣетъ и основанія), то выводъ возмо-

женъ только одинъ: желательно, чтобъ по возсоединеніи церквей произошло подобное же «плодотворное», хотя, положимъ, и временное наводненіе Россіи *церковною иностранною*, т. е. католическою *дружиной*, пока наше духовенство не превратится само въ подвижный и властный союзъ духовныхъ учителей и пр. Г. Соловьевъ недавно въ «Православномъ Обозрѣніи» опровергъ такой выводъ, сдѣланный кѣмъ-то въ «Новомъ Времени», какъ ошибочный, и даетъ другое истолкованіе вышеприведенной цитатѣ; вотъ это истолкованіе: «Ясно, что здѣсь говорится о возвышеніи значенія и власти нашего духовенства вслѣдствіе желаемаго соединенія церквей. *О призваніи же изъ Рима* какой-то церковной дружины на смѣну нашего духовенства у меня нѣтъ ни слова. Приписавшій мнѣ эту нелѣпость вѣроятно былъ введенъ въ заблужденіе аналогіей съ призваніемъ Варяговъ. Если это такъ, то мнѣ приходится объяснить, что аналогія не есть тожество, и что, сравнивая два явленія въ извѣстномъ общемъ отношеніи (напр. въ отношеніи нравственномъ), мы нисколько не предполагаемъ, что они должны быть одинаковы во всѣхъ частностяхъ».

Принимаемъ это къ свѣдѣнію; но къ чему же было ему ссылаться не только на призваніе Варяговъ, но и на примѣръ Петровской реформы, на *процессъ* образованія ею «культурной дружины учителей»? Во всякомъ случаѣ нельзя не признать, что В. С. Соловьевъ выражается очень неточно. Вотъ и еще новое тому доказательство.

Вслѣдъ за вышеприведенною нами цитатой изъ статьи «О народности и народныхъ дѣлахъ Россіи», онъ говоритъ: «Какъ введеніе государственнаго порядка (при Рюрикѣ) и введеніе образованности (при Петрѣ) могли совершиться только чрезъ отреченіе отъ національной исключительности и замкнутости, *только чрезъ свободное и открытое призваніе чужихъ силъ*» (замѣтимъ это выраженіе: призваніе *чужихъ* силъ),

«такъ и теперь для духовнаго обновленія Россіи необходимо отреченіе отъ церковной исключительности и замкнутости, необходимо *свободное и открытое общеніе съ духовными силами церковнаго Запада*» (курсивъ автора).

Читатель совсѣмъ сбивается съ толку, мысль его двоится,—посылка не вяжется съ заключеніемъ. Великая разница: *призваніе чужихъ* силъ (на подобіе призванія Варяжской дружины) или же *общеніе* съ ними. Тутъ нѣтъ не только тожества, но и аналогіи: свободное, открытое общеніе исключаетъ всякую мысль о подчиненіи, въ какомъ бы то ни было смыслѣ.

Далѣе слѣдуетъ разсужденіе, трактующее о «нашей совершенной безплодности въ области духовной или религіозной культуры».

«Несмотря на личную святость отдѣльныхъ людей, несмотря на религіозное настроеніе всего народа, въ общей жизни Церкви *самое крупное и заметное, что мы произвели, есть церковный расколъ*» (курсивъ нашъ).

Развязность, съ которою кладетъ хулу г. Соловьевъ на русскую народность, на все прошлое бытіе Русской земли и прошлое нашей церкви— по-истинѣ изумительна! Чая для насъ спасенія съ Запада, онъ забываетъ, что нашъ расколъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ расколомъ, который породила Римская церковь, о которомъ свидѣтельствуетъ 60 милліоновъ протестантовъ, т. е. весь этотъ протестантскій міръ, въ исторіи общечеловѣческой культуры за послѣдніе четыре вѣка имѣющій несомнѣнно преобладающее надъ католицизмомъ значеніе! А настоящій Kulturkampf, раздирающій Срединную Европу? А торжествующее безвѣріе въ католической Франціи и Италіи?!.. Мало также придаетъ значенія г. Соловьевъ и «святости отдѣльныхъ лицъ», и слишкомъ уже выдѣляетъ ее изъ «общей жизни Церкви»... Думаетъ ли онъ, что безъ святости отдѣльныхъ лицъ состроится Царствіе Божіе на землѣ и плодотворна будетъ общая жизнь Церкви?! Но этотъ предметъ такъ важенъ, что его вскользь касаться нельзя. Поспѣшимъ къ концу.

Причину нашей (относительной, прибавимъ мы) безплодности въ области религіозной культуры г. Соловьевъ видитъ, и совершенно справедливо, собственно «во внѣшнихъ условіяхъ, въ неправильномъ положеніи нашей церкви»... затѣмъ онъ прибавляетъ: «и прежде всего въ ея *обособленности и замкнутости,* не допускающей благотворнаго воздѣйствія чужихъ религіозныхъ силъ». Мы должны, говоритъ авторъ, «открыть имъ къ себѣ доступъ, вступить съ ними въ свободное общеніе и взаимодѣйствіе, чтобъ проявить и свою религіозную силу, чтобы исполнить и свою религіозную задачу»... Пока мы «не откажемся отъ своей религіозной исключительности», «будемъ оставаться въ самодовольномъ отчужденіи отъ *церковнаго* міра Запада, мы не увидимъ обильной жатвы и на своей церковной нивѣ», и не будемъ «въ состояніи явиться какъ всеміpно-религіозная сила для служенія вселенскому христіанскому дѣлу».

Не мы, конечно, станемъ признавать положеніе нашей церкви въ государствѣ и внѣшнія условія, въ которыя она поставлена, правильными, но причину неправильности видимъ вовсе не въ *недостаткѣ общенія* съ церковнымъ Западомъ, и цѣленіе усматриваемъ никакъ не въ «возбуждающихъ *вліяніяхъ* латинской церкви», какъ выражается далѣе г. Соловьевъ. Подумаешь, право, что мы отъ церковнаго Запада отдѣлены китайской стѣной! Огромная Западная окраина Россіи кишитъ дѣятельностію Римской церкви и, рядомъ съ православными епархіями, преизобилуетъ католическими епископами и патерами, поставленными настолько независимо, что эта независимость вредитъ нашимъ государственнымъ и національнымъ интересамъ. Наша богословская школа еще съ конца XVII вѣка испытывала на себѣ воздѣйствіе латинской, а въ XVIII вѣкѣ и протестантской религіозной культуры,—борьба обоихъ

направленій отразилась и въ русской духовной литературѣ, къ нѣкоторой даже невыгодѣ, къ затемненію чистой идеи Православія и Церкви (см. предисловіе Ю. Ѳ. Самарина ко II т. сочиненій Хомякова). Въ Россіи нашелъ себѣ пріютъ отовсюду выгнанный орденъ іезуитовъ и пребывалъ въ ней почти *50 лѣтъ*,—цѣлыя поколѣнія русскихъ людей воспитались въ іезуитскихъ пансіонахъ и коллегіяхъ.... Кажется общенія съ религіозными силами Запада и простора для воздѣйствія было довольно; во всякомъ случаѣ неизмѣримо болѣе, чѣмъ на Римскую церковь съ православной стороны: папскій Римъ не допустилъ бы въ подчиненной ему области ни русскаго монашескаго ордена, ни русской школы... Замѣтимъ кстати: если выраженіе г. Соловьева, что «Россія, не отрѣшившись отъ своей религіозной исключительности и предубѣжденія, не будетъ въ состояніи явиться какъ всемірно-религіозная сила для служенія вселенскому христіанскому дѣлу»,—если это выраженіе вѣрно относительно Россіи, то оно точно также вѣрно и относительно Рима: развѣ онъ отрѣшился отъ своей религіозной исключительности, отъ своего предубѣжденія относительно православнаго Востока? Не отрѣшился нисколько, а потому выходитъ, что и онъ не составляетъ всемірно-религіозной силы и не можетъ служить вселенскому христіанскому дѣлу. Таковъ, повторяемъ, логическій выводъ изъ словъ г. Соловьева.

Статья г. Соловьева сводится, какъ уже знаютъ читатели изъ статьи нашей 6 №, къ тому, чтобъ «мы перемѣнили наше настроеніе на болѣе христіанское и наши взгляды на болѣе справедливые по отношенію къ церковному Западу», и чтобъ «правительство сняло рѣшительно и окончательно тѣ заборы и заставы, которыми оно загородило нашу церковь отъ возбуждающихъ вліяній церкви Западной», — «*чтобъ оно возвратило религіозной истинѣ свободу, безъ которой невозможна религіозная жизнь*». Эти послѣднія слова, поставленныя нами курсивомъ, достойны всякаго сочувствія. За эту свободу ратовали и мы не разъ, причемъ не испытывали ни малѣйшей надобности вдохновляться призваніемъ Варяговъ или Петровскою реформою и взывать къ національному самоотреченію; напротивъ, мы дѣйствовали въ духѣ именно нашей *народной* вѣротерпимости. Но г. Соловьевъ очевидно заботится не столько о свободѣ совѣсти вообще, сколько объ обезпеченіи успѣха главному своему домогательству: «возбуждающимъ вліяніямъ *церкви* Западной» (не протестантства). «Боятся католической пропаганды»—восклицаетъ онъ, предвидя возможность именно этого возраженія (какъ будто только о ней и можетъ быть рѣчь при возвращеніи свободы религіозной истинѣ!). Допуская появленіе католической пропаганды, авторъ доказываетъ, и конечно безъ труда, что «бояться ея значило бы не вѣрить во внутреннюю силу самой нашей церкви»... Пожалуй, пусть себѣ она и

явится, но не въ этомъ дѣло. Что̀ такое католическая пропаганда въ Россіи? Какая можетъ быть ея у насъ задача? Это не есть пропаганда *вѣры:* мы христіане и въ миссіонерахъ для обращенія ко Христу не нуждаемся; мало того: символъ вѣры, установленный Вселенскими Соборами, у насъ почти одинъ. Что̀ же можетъ она у насъ пропагандировать? Ничего болѣе какъ *папизмъ*, какъ признаніе *главенства* Папы надъ всею Вселенскою, слѣдовательно и Русскою церковью, какъ подчиненіе Русской церкви Римскому первосвященнику. Г. Соловьеву не безъизвѣстно, что желанное имъ «возсоединеніе Церквей» допускается Римомъ *не иначе*, какъ подъ условіемъ такого подчиненія. Ему не безъизвѣстно—что̀ такое тѣ образцы *возсоединенія* православныхъ церквей съ Западной Церковью, которые уже преподаны въ исторіи Римомъ; другими словами—что̀ такое всѣ эти *уніи*, которыя истерзали Малороссію и Бѣлоруссію, которыя терзаютъ Галицію и Угорскую Русь: это не болѣе какъ мостъ для окончательнаго перехода въ латинство. Но ни историческій опытъ, ни страданія народовъ, прельстившихся идеей «возсоединенія» по указаніямъ римской пропаганды, не останавливаютъ г. Соловьева. Выражая желаніе возсоединенія, призывая католическую пропаганду, онъ не нашелъ умѣстнымъ сдѣлать какую-либо оговорку или подать надежду на какую-либо уступку со стороны Рима... Правда и то, что надежды мало...

По написаніи этихъ строкъ мы прочли «новое письмо въ редакцію» г. Соловьева, помѣщенное въ 3 № «Извѣстій», по поводу замѣчанія А. А. Кирѣева на статью его во 2 № и содержащее въ себѣ слѣдующія строки:

«Говоря въ моей статьѣ о допущеніи католической пропаганды, я разумѣлъ прежде всего обоюдную свободу церковной полемики, чтобы можно было не только нападать на католичество, но и защищать его отъ нападеній. Пока эта свобода не дана намъ, мы не можемъ справедливо рѣшать вопросъ объ истинѣ или лжи папства, и всякое рѣшеніе этого вопроса въ отрицательномъ смыслѣ, т. е. всякое осужденіе папства должно естественно внушать недовѣріе».

Принимаемъ къ свѣдѣнію и это объясненіе почтеннаго автора, но не можемъ не замѣтить, что если вся задача его статьи — установить свободу церковной *полемики*, такъ онъ могъ бы смѣло изъ 17 столбцовъ статьи выкинуть 15; жаль напрасно потраченнаго труда, да и не было бы надобности поминать Варяговъ, Петра и класть хулы на націонализмъ и прошлое Русскаго народа!.. Пусть однако самъ г. Соловьевъ разсудитъ: одно ли и то же свобода *полемики*, т. е. свобода *«защищать* католичество отъ нападеній», и *свобода религіозной пропаганды?* Послѣднее всегда и исключительно понимается какъ свобода обращенія или совращенія... Немного странно и то, что ни тысячелѣтняя исторія папства

по раздѣленіи церквей, ни громадные фоліанты папскихъ буллъ, ни сравнительно недавнее посланіе Пія IX къ восточнымъ патріархамъ, ни акты недавняго Ватиканскаго собора, ни масса апологетическихъ сочиненій католическаго духовенства—не представляютъ, по мнѣнію г. Соловьева, данныхъ для «справедливаго рѣшенія вопроса объ истинѣ или лжи папства», и что возможность справедливаго рѣшенія явится лишь по допущеніи внутри Россіи свободы католической пропаганды или обращенія въ духовное подданство Папѣ!

Неточность въ выраженіяхъ г. Соловьева, засвидѣтельствованная его же двумя письмами къ двумъ редакціямъ, обличаетъ неточность его собственной мысли, неудобную для вопросовъ такой величайшей важности. Эта неточность насъ не удивляетъ. Похвально для Русскаго желать возсоединенія церквей, но для правильнаго сужденія объ этомъ необходимо предварительно тѣснѣйшее возсоединеніе съ духомъ собственнаго народа. Г. Соловьевъ не обще-человѣкъ, а потому и напоминаемъ ему мнѣніе Хомякова: «*истинное* знаніе дается только *жизни* не отдѣляющей себя отъ народа, и не можетъ быть *цѣлости* мысли въ умѣ человѣка—при отчужденіи отъ родной народности»!..

О возстановленіи истиннаго добраго пастырства (по поводу проекта о церковныхъ приходскихъ школахъ).

«Русь», 1-го іюля 1884 г.

По свѣдѣніямъ газетъ, состоялось недавно Высочайшее утвержденіе проекта о церковно-приходскихъ школахъ, въ силу котораго православному духовенству предоставляется право открывать приходскія школы съ двухлѣтнимъ и четырехлѣтнимъ курсомъ... Нельзя, разумѣется, не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ этому проекту, особенно если *не предписывается* духовенству, а именно лишь «*предоставляется* право» открывать при приходахъ свои народныя училища, хотя бы даже и не на свой, и не на приходскій только счетъ, но и съ пособіемъ отъ высшаго духовнаго вѣдомства. Всякаго подобнаго общаго «предписанія» мы, къ сожалѣнію, научены бояться пуще огня, зная по опыту, какъ силенъ тотъ *духъ бездушія*, которымъ запечатлѣвается у насъ даже самое живое дѣло, проходящее сквозь канцелярскія сферы, распинаемое бюрократическими благообразными формами,—и который такъ глубоко проникъ во внутренній строй церковнаго управленія, со времени учрежденія «Духовнаго Коллегіума» при Петрѣ. «Предписаніе», хотя бы и въ видѣ указа Святѣйшаго Синода или «резолюціи» епархіальнаго архіерея, «циркулярно» разосланной Духовными Консисторіями, это вѣдь

не патріаршая грамота или архипастырское посланіе, какъ бывало встарину, проникнутое искренностью личныхъ убѣжденій и несокрушимою вѣрою въ свое призваніе и авторитетъ; это, прежде всего, — казенная бумага за №, требующая формальной очистки, внѣшняго исполненія... А именно такой формальной постановки школьнаго дѣла и нужно наиболѣе опасаться. Пожалуй и теперь, одна епархія передъ другой станутъ щеголять въ отчетахъ количествомъ вновь открытыхъ приходскихъ школъ, принуждая приходскихъ священниковъ заводить ихъ во что бы ни стало, забывая, что здѣсь на первомъ мѣстѣ должно стоять не количество, а *качество*, не усердіе подчиненныхъ къ исполненію начальственныхъ велѣній, а личное свободное изволеніе къ доброму совершенію учительскаго подвига... Вотъ почему мы съ особеннымъ сочувствіемъ прочли это выраженіе: «предоставить», а не заставить, и остается только желать, чтобы епархіальныя начальства дѣйствовали въ *разумѣ* этого слова и не обращали тотчасъ же заведеніе школы въ обязательную для приходскаго священника повинность или въ особаго рода способъ домогательства лестныхъ для «духовнаго» тщеславія и свойственныхъ духовному сану разныхъ наградъ...

Но не странно ли, по поводу этого обращеннаго къ духовенству призыва просвѣщать простонародныя массы въ приходскихъ школахъ, толковать о принудительныхъ и поощрительныхъ средствахъ? Вѣдь, казалось бы, пастырство и учительство такъ тѣсно связаны между собою, что всякій приходскій священникъ — естественный, такъ-сказать прирожденный учитель своей паствы. Пастырствовать — вѣдь это и значитъ проповѣдывать Евангеліе своей паствѣ, руководить, назидать, просвѣщать ее истинами Вѣры и ученіемъ Св. Церкви, и если паства продолжаетъ, въ этомъ отношеніи, упорно пребывать невѣжественною, то едвали ея пастырь можетъ быть причисленъ къ разряду «добрыхъ». Таковъ выводъ самый простой и самый логическій, отъ котораго нельзя отдѣлаться никакими софизмами. Невѣжество русской церковной паствы въ низшихъ слояхъ народа (несмотря на христіанскій строй ея духа и приверженность къ Церкви) не можетъ подлежать и сомнѣнію; при всемъ томъ, было бы однакоже ошибочно, основываясь на вышеупомянутомъ выводѣ, обвинять *лично* нашихъ приходскихъ священниковъ. Выводъ тѣмъ не менѣе остается совершенно вѣренъ и правиленъ: если наши священники *лично* не виноваты или могутъ быть извинены, то все же кто-нибудь или что-нибудь да виновато; все же есть стало-быть какой-либо порокъ въ самой нашей организаціи церковной, который, независимо отъ лицъ и ихъ частной воли, направляетъ весь ходъ дѣла къ печальному результату: къ невѣдѣнію паствою истинъ Вѣры и ученія Церкви, въ надлежащей полнотѣ и точности, и къ недоброму, въ сущности, пастырству.

Мы вовсе не желаемъ бросать укоръ въ лицо русскому смиренному духовенству, особенно сельскому; намъ противно это, слишкомъ ужъ немудреное осужденіе, которымъ, въ средѣ русскихъ интеллигентовъ, не клеймитъ его развѣ только лѣнивый,—благо «пройтись по попамъ», перомъ или кистью, можно у насъ не только вполнѣ безнаказанно, но и съ выгодой: сей гривенничный «либеральный протестъ», дешевое благородство чувствъ, низкопробное остроуміе и таковой же «реализмъ» въ повѣстяхъ или картинахъ—оплачиваются у насъ очень щедро. Тѣмъ не менѣе жмурить глаза на отношеніе у насъ сельскихъ пастырей къ пасомымъ и мириться съ настоящимъ церковнымъ строемъ едвали позволительно. Наши приходскіе священники лично, конечно, «наемниками» быть названы не могутъ,—но порядокъ, не ими созданный, а ими только унаслѣдованный, привелъ къ тому, что священнослужительство или пастырство обратилось въ *сословную профессію*, въ одинъ изъ бытовыхъ видовъ «кормленія», въ хлѣбное *ремесло*,—въ своего рода еврейское «левитство». Охотно допускаемъ множество исключеній, но никто не станетъ отрицать, что таковъ *общій* типъ и что исключенія возможны лишь въ видѣ труднаго и тѣмъ болѣе славнаго подвига, въ видѣ тяжкой личной борьбы съ общеустановленными формами жизни. Ремесленная сторона беретъ верхъ надъ стороной духовной, *профессія*—надъ *миссіей*,—а вслѣдствіе этого и внѣшнее отправленіе богослужебныхъ обязанностей — надъ пастырствомъ. Наши сельскіе священники большею частью—совершители таинствъ и требъ, но не пастыри, а потому и не учители: таковы неумолимыя условія сложившагося быта и еще больше—неумолимый законъ *нужды*, ставящій на первомъ планѣ для каждаго рекомаго пастыря—заботу объ охраненіи себя и своего семейства отъ голода и холода, и объ обезпеченіи будущности своихъ дѣтей: хлѣбною (въ старыя времена большею частью «духовною же») профессіею—сыновей, и замужествомъ (съ приходомъ вмѣсто приданаго, какъ водилось прежде, да водится отчасти и понынѣ)—дочерей... Прочтите въ майской книжкѣ «Русскаго Вѣстника» воспоминанія или записки Н. П. Гилярова, подъ заглавіемъ: «Изъ пережитаго». Это драгоцѣннѣйшій матеріалъ для бытовой исторіи Россіи. Разсказъ, написанный живо и, разумѣется, со свойственнымъ автору умомъ и талантомъ, съ правдивою, но такъ сказать теплою объективностью, безъ всякой предумышленной отрицательной закваски, досягаетъ до прадѣдовъ, и читатель имѣетъ такимъ образомъ предъ собою очеркъ домашней жизни и быта четырехъ священническихъ поколѣній, составленный по семейнымъ преданіямъ и личнымъ дѣтскимъ впечатлѣніямъ и воспоминаніямъ автора. Ничего особенно выдающагося худаго, грязнаго, безнравственнаго не заронилось изъ этой отдаленной старины въ дѣтской памяти повѣствующаго (исторія его собственныхъ школьныхъ годовъ еще впереди и пока еще

не появилась): бѣдная, мелочная, будничная жизнь плетется себѣ потихоньку, съ своими обычными радостями и невзгодами, бокъ-о-бокъ съ крупными историческими событіями и крупными общественными преобразованіями, подчасъ словно придавливаемая ими, но вообще туго и больше по внѣшности поддающаяся ихъ воздѣйствію. Но если вспомнить, что предъ вами развернута картина преемственнаго, чуть не въ теченіи столѣтія, *пастырства и учительства церковнаго*, т. е., что дѣло идетъ о четырехъ поколѣніяхъ приходскихъ *священниковъ*, —если къ заглавію: «Изъ прожитаго» прибавить заглавіе: «Около алтаря», то вы поразитесь отсутствіемъ въ этой картинѣ всякаго *идеализма*, всякаго намека на высшія внутреннія задачи своего званія: до такой степени мало отражалась въ ихъ домашнемъ обиходѣ духовная сторона ихъ великой священнослужительской профессіи! А между тѣмъ лица, выставленныя авторомъ, большею частью достопочтенныя и умомъ необиженныя, да и вообще нельзя не признать за ними и за всѣмъ ихъ жизненнымъ строемъ достоинства бытовой крѣпости, вѣрности церковному преданію и обычаю и полной искренней близости къ народу, почти нераздѣльности съ нимъ. Несравненно выше они, во всякомъ случаѣ, священниковъ новѣйшой формаціи,—модной «либеральной» окраски, весьма развязныхъ по части церковнаго преданія, чуждыхъ душой и сердцемъ народу, даже презирающихъ его съ высоты своего семинарскаго образованія, почитывающихъ Писарева—и цинически «эксплуатирующихъ» народное «суевѣріе» и «невѣжество».

Но какъ и прежде, такъ и теперь нельзя не признать типъ приходскаго священнослужительства какъ сословной профессіи и хлѣбнаго ремесла—общимъ или, по крайней мѣрѣ, преобладающимъ, преимущественно въ селахъ. Священникъ отправляетъ по праздникамъ богослуженіе, совершаетъ таинства, обряды и требы, разъ въ году выслушиваетъ, болѣе или менѣе торопливо, исповѣдь своихъ прихожанъ,—но этимъ большею частью и ограничиваются ихъ къ нему отношенія: онъ не назидаетъ ихъ съ церковнаго амвона своей приходской каѳедры живымъ, не затверженнымъ словомъ,—ничего онъ не толкуетъ имъ, ничего не объясняетъ. Едвали даже кому изъ этихъ сельскихъ пастырей (хотя конечно, на необъятномъ пространствѣ Россіи, всегда найдутся и исключенія) приходитъ даже и въ голову справиться: вѣдомы ли его духовнымъ дѣтямъ, и если вѣдомы, то кому именно—ну хоть Отче Нашъ и Символъ Вѣры... Народъ растетъ около своего пастыря какъ трава; никто его не учитъ, никто не наставляетъ; ему предоставлено обучаться и просвѣщаться вѣрою самому, чрезъ присутствіе въ храмѣ при богослуженіи. И во сколько возможно—онъ и обучается и просвѣщается, но воистину въ христіанскомъ строѣ русской народной души и быта слѣдуетъ видѣть скорѣе непосредственное дѣйствіе благодати Божіей,

чѣмъ заслугу его приходскихъ наставниковъ! Безъ сомнѣнія, въ силѣ вѣры народной сказывается таинственная божественная сила церковнаго союза—независимо отъ пастырей, подчасъ и *вопреки* имъ. По крайней мѣрѣ мы не знаемъ случая, чтобы недостойный служитель алтаря погубилъ въ крестьянахъ вѣру и нравственность; онъ можетъ охладить ихъ усердіе къ приходскому храму, расположить ихъ къ переходу въ расколъ, въ сектантство (какъ это мы и видимъ, къ несчастію), но ужъ никакъ не къ отрицанію вѣры и нравственнаго христіанскаго завѣта, и даже не къ религіозному индифферентизму. Однако кто же станетъ отрицать, что при подобномъ пастырѣ духовное бремя, возлагаемое на паству, становится неудобоносимымъ?...

Церковное богослуженіе православной Церкви уже само по себѣ, при своей священной художественной красотѣ, не только безъ школы, но даже и безъ каѳедры, даже безъ особливаго разъясненія и истолкованія священника, способно воспитывать и просвѣщать народъ; но зайдите въ любой сельскій храмъ (конечно и тутъ бываютъ счастливыя, хотя и очень рѣдкія исключенія), и сердце стѣснится при видѣ, какъ напряженно и напрасно внимаютъ эти бѣдные люди шибкому, машинальному, небрежному бормотанью дьячковъ (а иногда и самихъ священнослужителей—при чтеніи длинныхъ молитвъ!), какъ жадно ловятъ они знакомые возгласы и понятныя выраженія, какъ мало прилагается заботы, чтобы дошло до слуха и разумѣнія предстоящихъ, непремѣнно дошло, если не хоть шестопсалміе и иное молитвословіе, то хоть слово Апостольское или Евангельское во всей его членораздѣльности! Поневолѣ приходится говорить народу—вмѣсто: *прослушать* обѣдню—«*отстоять*» обѣдню и т. п.

Всю эту рѣчь нашу ведемъ мы къ тому, чтобы пояснить—на какой почвѣ предстоитъ у насъ учредиться церковно-приходскимъ школамъ. Невольно возникаетъ вопросъ: не слѣдовало ли бы прежде всего привести въ лучшее состояніе школу *уже существующую*, уже готовую и данную, но пребывающую почти въ запустѣніи? Храмъ — вотъ она, первая, основная народная школа, не для ребятъ только, но и для взрослыхъ. Если бы священники наши проповѣдывали въ храмахъ, учили народъ съ амвона Слову Божію, изъясняли, толковали имъ смыслъ читаемыхъ при богослуженіи молитвъ, стиховъ, посланій Апостольскихъ и Евангелія, то главная существенная задача вновь учреждаемыхъ церковно-приходскихъ училищъ была бы уже исполнена. Для школы-храма не нужно и заводить особыхъ помѣщеній, набирать учениковъ, отыскивать «источники» для расходовъ на содержаніе и т. д. Въ проектѣ церковно-приходскихъ училищъ на непремѣнную обязанность священника возлагается «преподаваніе Закона Божія»... Да вѣдь это же самое лежитъ на его обязанности какъ пастыря! Чему же иному долженъ на-

ставлять пастырь свою паству, какъ по Закону Божію? Почему же предположить, что, усѣвшись на учительскій стулъ въ классной комнатѣ, взявъ катихизисъ въ руки, онъ усерднѣе и успѣшнѣе (въ смыслѣ добрыхъ нравственныхъ результатовъ) исполнитъ пастырскій долгъ учительства, чѣмъ въ самомъ Дому Божіемъ, гдѣ онъ — предстоятель, гдѣ сердца слушателей уже возбуждены и растворены къ воспріятію благаго словеснаго сѣмени — и совершившимся или ожидаемымъ богослуженіемъ, и всею обстановкою храма? Наконецъ, если такое требованіе храмоваго учительства отъ приходскаго священнослужителя почему-либо представляется невыполнимымъ или неудобнымъ, то вѣдь даже и безъ приходско-каѳедральнаго учительства — церковное богослуженіе само по себѣ, чинно, отчетливо, вразумительно совершаемое, развѣ не школа? Это и есть настоящая, существенная народная школа, воспитывающая и просвѣщающая народъ. Кругъ *учительской* дѣятельности священника въ храмѣ,—не только въ видѣ проповѣдыванія Слова Божія, но и во образѣ благочестиваго и вразумительнаго богослуженія,—несравненно обширнѣе, чѣмъ въ классной горницѣ приходскаго училища, да и ученики—не одни малолѣтные...

Поэтому не благоразумнѣе ли, не правильнѣе ли было бы озаботиться напередъ возстановленіемъ, по возможности, самого пастырства въ его истинномъ видѣ и образѣ, прежде чѣмъ накладывать на приходскаго священника новыя хлопотливыя обязанности? Не основательнѣе ли порадѣть сначала о томъ, чтобы прямыя-то его обязанности какъ пастыря и учителя своей паствы исполнялись имъ рачительно, добросовѣстно, какъ повелѣваетъ долгъ его высокаго званія; чтобы, короче сказать, прежде чѣмъ учить ребятъ въ школахъ съ указкой, училъ онъ своихъ дѣтей духовныхъ въ храмѣ благоговѣйнымъ богослуженіемъ и собственнымъ пастырскимъ словомъ? Думается также, что едвали можетъ быть великъ успѣхъ отъ преподаванія Закона Божія по книжкѣ въ стѣнахъ училища у таковаго священника, который не умѣетъ назидательно вѣщать Слово Божіе въ храмѣ, или же вообще нерадивъ въ дѣлѣ пастырства... Замѣтимъ кстати, что и вообще преподаваніе Закона Божія, какъ одного изъ «предметовъ» образовательной програмы не только народныхъ училищъ, но и среднихъ нашихъ учебныхъ заведеній, гимназій, институтовъ и т. п., производится у насъ болѣе или менѣе неудовлетворительно (опять-таки — кромѣ рѣдкихъ исключеній), можетъ быть вслѣдствіе рутинной, формальной, безжизненной методы преподаванія, усвоенной себѣ законоучителями еще въ семинаріяхъ. Да, къ несчастію, «Законъ Божій», это, по выраженію школьниковъ, одинъ изъ самыхъ *скучныхъ* предметовъ; знаніе катихизиса передается большею частью лишь внѣшнимъ образомъ, механически, безъ всякаго воздѣйствія на душу. У насъ въ обычаѣ упрекать людей изъ

такъ называемаго «образованнаго» класса, особенно высшаго, въ совершенномъ незнакомствѣ съ ученіемъ Православной вѣры, — но вѣдь всѣ подвергающіеся такому упреку непремѣнно да перебывали въ какомъ-либо изъ правительственныхъ учебныхъ, штатскихъ или военныхъ заведеній (иначе вѣдь и на службу нельзя попасть) и слушали уроки «Закона Божія»... Конечно, люди общественныхъ слоевъ имѣютъ всегда возможность пополнить свое школьное образованіе и впослѣдствіи, сами, по окончаніи учебныхъ годовъ; но этой возможности, въ большинствѣ случаевъ, лишены крестьянскія дѣти, обучающіяся въ народныхъ училищахъ. Было ли бы желательно, чтобы Законъ Божій преподавался и въ церковно-приходскихъ школахъ такимъ же способомъ, какъ принято преподавать его теперь, за нѣкоторыми исключеніями, въ вышеупомянутыхъ заведеніяхъ? Много ли будетъ толку отъ подобнаго преподаванія? Намъ лично извѣстны многія изъ земскихъ народныхъ школъ, гдѣ Закону Божію, какъ извѣстно, обучаютъ священники, но гдѣ это обученіе было бы едвали не совсѣмъ безплодно въ смыслѣ нравственнаго и религіознаго воспитанія, еслибъ, независимо отъ священниковъ, сами попечители и попечительницы, или учителя и учительницы не заботились всѣми мѣрами о поддержаніи и развитіи въ дѣтяхъ живаго религіознаго духа, дополняя уроки катихизиса собственными потомъ поученіями, разсказами, чтеніемъ Евангелія, Житій и т. п. Но не всѣмъ земскимъ школамъ удается имѣть такихъ попечителей и учителей... Нельзя не замѣтить при этомъ, что вообще при преподаваніи Закона Божія въ школѣ, въ видѣ *уроковъ*, несравненно удобнѣе и легче знанію, усвояемому дѣтьми, остаться голымъ и внѣшнимъ, чѣмъ при преподаваніи нешкольномъ, въ храмѣ, гдѣ все способствуетъ религіозному настроенію, гдѣ мысль и чувство слушателя взаимно восполняютъ другъ друга, и знаніе воспринимается всею цѣльностью возбужденнаго нравственнаго существа.

И такъ что̀ нужнѣе? Церковно-приходская школа съ «уроками Закона Божія», или церковно-приходская каѳедра? Священникъ-педагогъ, учительствующій въ дѣтской школѣ, или священникъ-пастырь и учитель своей паствы? Этотъ вопросъ, разумѣется, и отвѣта не требуетъ. Учрежденіе церковно-приходскихъ школъ не упразднитъ настоятельной вопіющей нужды въ приходскихъ каѳедрахъ и въ истинно-добромъ, учительномъ пастырствѣ. Мало того: безъ послѣдняго едвали мыслимы благіе результаты отъ перваго. Но и въ виду опасностей, угрожающихъ православной паствѣ со всѣхъ сторонъ, отъ штунды, отъ разныхъ духовно-нравственныхъ сектантскихъ ученій, отъ старообрядческаго раскола, отъ растлѣвающаго вѣянія цивилизаціи самаго низкаго качества,—церковная ли каѳедра, обращающаяся къ взрослымъ, призвана и въ силахъ преподать оружіе для борьбы, «броню» и «шлемъ спасе-

пія», или же зубреніе «Закона Божія» по «Краткому катихизису» дѣтьми отъ 7 до 12 лѣтъ, даже безъ повторительнаго впослѣдствіи курса?

Такъ, по вашему, школы не нужны?—спросятъ, пожалуй, насъ. Нѣтъ, церковно-приходскія школы все же полезны, а потому и нужны, но приходскія каѳедры полезнѣе и нужнѣе, и безъ нихъ едвали школы, завѣдываемыя приходскими священниками, принесутъ надлежащую пользу. Школы—необходимое дополненіе церковной приходской каѳедры, и можно съ увѣренностью сказать: гдѣ церковно-приходская каѳедра станетъ оглашаться живымъ словомъ учительства, тамъ тотчасъ же, сама собою, создастся и школа, такъ какъ она сообщаетъ внѣшнія орудія для лучшаго уразумѣнія и усвоенія того, что дается или должно бы даваться каѳедрой. Но не подлежитъ сомнѣнію, что и независимо отъ этихъ соображеній—знаніе грамоты, письма, счета, сообщаемое школою, само по себѣ полезно крестьянину въ практическомъ отношеніи, особенно въ наши дни, а потому и желательно. Наконецъ, нельзя не признать, что настоящимъ разрѣшеніемъ духовенству открывать таковыя школы упраздняется тотъ перевѣсъ, который искуственно и принудительно, въ силу правительственныхъ же распоряженій, данъ былъ школамъ такъ сказать *сельскимъ*, съ предвзятою мыслью—устранить духовенство отъ того первенствующаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія, къ которому оно призвано по смыслу своего служенія. Правда и то, къ сожалѣнію, что не многіе приходскіе настоятели восчувствовали обиду такого устраненія, да и пользовались-то въ прежнее время правомъ открытія приходскихъ школъ (теперь только возстановляемымъ, но еще весьма недавно духовенству всецѣло принадлежавшимъ) также очень не многіе. Во всякомъ случаѣ, отъ церковно-приходской школы если и нельзя, при настоящемъ положеніи дѣла, непремѣнно ожидать особеннаго блага, то ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать того вреда, который способенъ подчасъ натворить ученикамъ иной прокравшійся въ учителя «развиватель»—въ училищахъ нецерковнаго вѣдомства. Но, сочувствуя возстановленію стариннаго, неотъемлемаго права духовенства, мы не можемъ не привѣтствовать и тѣ условія, при которыхъ правительствомъ совершено это возстановленіе. Вопервыхъ, какъ мы уже сказали, открытіе школъ *не обязательно* для приходскихъ священниковъ, а только *предоставляется*. Это выраженіе заключаетъ въ себѣ нѣкоторое ручательство въ томъ, что школы будутъ учреждаться лишь тѣми, кто чувствуетъ въ себѣ призваніе къ такой дѣятельности, а не во исполненіе, чисто-формальное, начальническаго повелѣнія; говоримъ, впрочемъ: *нѣкоторое* ручательство, такъ какъ есть основаніе думать, что епархіальныя власти будутъ производить нѣчто въ родѣ нравственнаго насилія надъ приходскими священниками ради угожденія высшему духовному начальству, или же вызывать появленіе школъ всякаго рода

наградами. Вовторыхъ, вопреки ходившимъ слухамъ, возстановленіе этого права за духовенствомъ не сопровождается отмѣною чьихъ-либо постороннихъ правъ или упраздненіемъ школъ земскихъ, министерскихъ и иныхъ частныхъ. Тѣмъ лучше: будетъ больше соревнованія, и такъ какъ посѣщеніе школъ, слава Богу, для народа не обязательно, то ему предоставляется свободный выборъ отправлять дѣтей въ ту или другую школу...

Нѣтъ ничего, разумѣется, естественнѣе, приличнѣе, законнѣе и болѣе согласнаго съ желаніемъ народнымъ, какъ завѣдываніе первоначальною народною школою лицомъ *духовнаго* званія. Съ точки зрѣнія народной—грамота должна прежде всего вводить учащагося въ область познанія высшей религіозной истины; ученіе —свѣтъ, отблескъ свѣта божественнаго; ученіе вообще—не забава, не шутка, а душезиждительное, важное дѣло, укрѣпляющее, просвѣтленіемъ разума, связь человѣка съ Богомъ и Церковью. Извѣстный типъ *школьника* и то, что̀ называется *школьничествомъ* -между крестьянскими мальчиками, тамъ гдѣ школа идетъ хорошо, вообще неизвѣстны; напротивъ того, вы тотчасъ же отличите въ такой деревнѣ, въ толпѣ мальчишекъ -учениковъ школы: при всей рѣзвости, эти маленькіе мужики держатъ себя уже иначе, сквернословіе, напримѣръ, почитаютъ для себя уже неприличнымъ, въ храмѣ стоятъ съ особенною чинностью... Сначала всегда съ нѣкоторымъ недовѣріемъ относится крестьянинъ къ школѣ земской или частной, управляемой малоизвѣстнымъ ему свѣтскимъ лицомъ—до тѣхъ поръ, пока не убѣдится вполнѣ въ ея церковно-православномъ направленіи. Но если во главѣ школы, хотя бы и не приходской, случайно поставленъ *священникъ* (мы знаемъ одну школу городскую и другую частную въ имѣніи помѣщика, завѣдываемыя исключительно безприходными священниками, страстными педагогами),—то отъ желающихъ попасть именно въ такую школу, минуя даже ближайшія, *отбоя нѣтъ*... Къ несчастію, такихъ священниковъ—педагоговъ по призванію—болѣе чѣмъ мало...

Повторяемъ: доброе дѣло—открытіе церковно-приходскихъ школъ, поручаемыхъ собственно духовенству, но если желать, чтобъ онѣ принесли народу воистину благой, осязательный плодъ,—возобновите напередъ спасительное дѣйствіе главной, основной школы—приходской церковной каѳедры; другими словами: хотите учить и воспитывать народъ посредствомъ приходскихъ священниковъ,—перевоспитайте пастырей. Не педагогическая подготовка нужна для нихъ въ духовныхъ семинаріяхъ,—а подготовка къ пастырству,—и не внѣшняя лишь, а внутренняя,—не знаніемъ только, а духомъ. Если возразятъ, что подвигъ истиннаго пастырства не возможенъ при настоящей необезпеченности бѣлаго духовенства въ средствахъ жизни, что священникъ поне-

волѣ отвлекается отъ прямаго своего призванія—заботами о совершеніи требъ, приносящемъ ему доходъ, безъ котораго ему и существовать нельзя, и т. п., то не говоря уже о томъ, что такое же возраженіе можетъ быть предъявлено и къ проектируемому учительству въ приходской школѣ (конечно малодоходному),—спрашивается: не настоитъ ли прежде всего необходимость измѣнить матеріальныя условія жизни, въ которыя поставлено наше приходское сельское духовенство, и безъ устраненія которыхъ едвали возможенъ нравственный подъемъ нашего церковнаго клира? Совмѣстно ли приходское священнослужительство, иначе пастырство и учительство, съ понятіемъ о сословной *профессіи*, о сословномъ хлѣбномъ ремеслѣ,—съ своего рода *левитствомъ*?.. Не ощущается ли все болѣе и болѣе надобность разрѣдить духовное сословіе привлеченіемъ въ него лицъ иныхъ сословій (и прежде всего изъ самихъ же крестьянъ),—не выдвигается ли все рѣзче и настоятельнѣе вопросъ, постоянно доселѣ устраняемый, объ организаціи или вѣрнѣе о призваніи къ жизни *приходскихъ общинъ*—этихъ основныхъ готовыхъ ячеекъ церковнаго организма?..

По поводу резолюціи Преосвященнаго Волынскаго—о несовмѣстимости пастырскаго служенія съ матеріалистическимъ взглядомъ на жизнь.

«Русь», 2-го ноября 1885 г.

«Кіевлянинъ» разсказываетъ объ очень характерномъ случаѣ, по поводу котораго считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ:

Нѣкто Ос—скій 25 іюля сего года опредѣленъ былъ во священники въ село Бабино, Ровенскаго уѣзда. Но прежде чѣмъ рукоположиться въ духовный санъ, Ос—скій отправился въ помянутое село навести справку объ условіяхъ жизни священника. Прибывъ на мѣсто, Ос—скій получилъ неутѣшительныя свѣдѣнія: прихожане села Бабина отрекомендованы были ему за воровъ, пьяницъ, а предмѣстникъ его ничего не предпринималъ къ ихъ исправленію. Разгорячившись, Ос—скій подалъ Волынскому архіепископу прошеніе объ увольненіи его отъ мѣста, на которое онъ уже былъ опредѣленъ. «Кромѣ пастырскихъ обязанностей»,—объясняетъ онъ въ прошеніи,—

«на священникѣ лежатъ еще другія нравственныя обязанности какъ семьянина. Между тѣмъ матеріальное положеніе Бабинскаго прихода безотрадное: прихожане почти всѣ занимаются воровствомъ. А такъ какъ священникъ находится въ полной зависимости отъ прихожанъ, то это заставляетъ священника снисходительно относиться къ поведенію своихъ прихожанъ. При проявленіи же имъ пастырской рев-

ности онъ можетъ лишиться своего достоянія и оставить семейство безо всякихъ средствъ къ жизни».

Преосвященный Палладій написалъ на прошеніи такую резолюцію:

«Приходъ села Бабина объявить вакантнымъ за отказомъ отъ него Ос—скаго. Ос—скій ищетъ большихъ выгодъ отъ прихода. Но чтобы пользоваться выгодами и удобствами жизни, нужно потрудиться не мало и заслужить ихъ. Съ матеріалистическими взглядами на жизнь трудно совмѣстить пастырское служеніе. Поэтому не лучше ли поступитъ Ос—скій, если поищетъ выгодъ житейскихъ внѣ пастырства, которое ему, какъ видно, не по душѣ. Объявить ему объ этомъ. А между тѣмъ не признаетъ ли консисторія нужнымъ для вразумленія другихъ напечатать въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» и прошеніе Ос—скаго и мою резолюцію».

Преосвященный Палладій совершенно правъ: «съ матеріалистическими взглядами на жизнь трудно совмѣстить пастырское служеніе». Остается лишь радоваться, что со стороны высшей духовной власти предъявляются наконецъ низшему духовенству подобныя, необычайныя доселѣ требованія, противорѣчащія сложившейся вѣками рутинѣ назначенія и поставленія пастырей. Но едвали однако можно ограничиться однимъ предъявленіемъ требованія тамъ, гдѣ необходимы коренныя измѣненія самихъ условій жизни и самаго семинарскаго, да и общественнаго воспитанія. Ос—скій можетъ быть и не годится въ пастыри, но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, похвалы за то именно, что честно, съ полною откровенностью уклонился отъ положенія, которое признавалъ несовмѣстнымъ съ нравственнымъ достоинствомъ пастыря и въ которомъ не представлялось никакой возможности согласить необходимое для семейнаго человѣка матеріальное обезпеченіе со строгимъ исполненіемъ пастырскаго долга. За эту откровенность онъ подвергся гласному осужденію. А вотъ еслибъ онъ безпрекословно принялъ этотъ приходъ и сталъ поступать какъ поступалъ его предшественникъ, ни мало не заботившійся объ исправленіи своихъ прихожанъ,—сталъ бы потакать ворамъ и пьяницамъ, и за потачку собирать съ нихъ исправный доходъ, да вносилъ бы аккуратно денежную контрибуцію секретарю Духовной Консисторіи,—онъ вѣдь непремѣнно бы числился на отличномъ счету у своего епархіальнаго начальства и навѣрное современемъ щеголялъ бы въ скуфьѣ! Сотни священниковъ идутъ такою торною дорожкой, да и нисколько не болѣютъ душою отъ такого вопіющаго хроническаго противорѣчія святости мѣста съ мерзостью запустѣнія.

Мы знавали лично, во время оно, не мало селъ въ Ярославской губерніи, гдѣ всѣ поголовно были закоренѣлые раскольники, но всѣ, изъ житейскихъ разсчетовъ, числились православными, а мѣста приход-

скихъ священниковъ считались наиболѣе прибыльными! Таково было между прочимъ знаменитое село Сопелки, — главный центръ и разсадникъ секты странниковъ или бѣгуновъ, со всѣми затѣйливыми приспособленіями для укрывательства бѣглыхъ, военныхъ дезертировъ и выключающихъ себя изъ наличнаго списка гражданъ сего грѣшнаго міра. По церковнымъ книгамъ все значилось въ порядкѣ, выдавались даже метрическія свидѣтельства о смерти и похоронахъ *живымъ*, которые формально обрекали себя странствію... Священникъ въ оправданіе свое пояснилъ намъ, что такъ повелось издавна, что, поступая иначе, онъ лишился бы насущнаго хлѣба, да и не можетъ поступать инымъ образомъ безъ поддержки своего начальства. Однажды, побуждаемый совѣстью, онъ вздумалъ было часть прихода записать уклонившеюся въ расколъ, но епархіальная власть повелѣла ему не умничать, такъ какъ всякое уклоненіе въ расколъ, да еще въ большомъ количествѣ, потребуетъ вмѣшательства свѣтской власти, слѣдствія и суда, и набросить пятно на мѣстное церковное управленіе; если же и прочіе священники заразятся такою правдивостью, такъ чуть не треть губерніи окажется совратившеюся изъ православія, а это произведетъ большой скандалъ и нареканіе на духовныя власти: отчего-де, спросятъ пожалуй въ Синодѣ, при прежнихъ попахъ и архіереяхъ этого не было, всѣ въ православіи пребывали, а при васъ такой позоръ церкви учинился!.. Подобныя тому рѣчи слышали мы тогда и отъ самихъ представителей епархіальной власти въ отвѣтъ на оффиціальное предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ о поощреніи единовѣрію. Не то ли же самое, можетъ быть, чинится и теперь — и именно въ мѣстахъ, гдѣ распространяется штунда? Печальное положеніе дѣлъ, когда сама церковь гонитъ искренность и боится правды!

Конечно, случай съ Ос—скимъ не подходилъ къ разряду вышеупомянутыхъ примѣровъ: въ назначавшемся ему приходѣ дѣло шло не о совратившихся изъ православія, но о закоренѣлыхъ ворахъ и развратникахъ. Тѣмъ не менѣе, вопросъ о средствахъ къ жизни, даже и при искреннемъ призваніи къ пастырству, имѣетъ полную законность тамъ, гдѣ пастыремъ нельзя и стать — не женившись; а жениться — значитъ обзавестись семьей, а обзаведясь семьей нельзя не думать, напротивъ обязательно думать о средствахъ прокормленія и воспитанія своихъ дѣтей. Пастырь могъ бы пожалуй и примириться со всякой нуждой, могъ бы лично о себѣ и не заботиться, — но участь и положеніе зависящихъ отъ него, *его ближайшихъ ближнихъ* должна его заботить: отъ этой заботы уклониться онъ права не имѣетъ. Естественно пастырю, по слову Апостола, кормиться отъ алтаря. Но если алтарь не кормитъ, и если на алтарь возлагается обязанность кормить не только пастыря, но и жену его, и чадъ его — нерѣдко многочисленныхъ, такъ прилично

церкви (не только церковнымъ властямъ, но и всему обществу пасомыхъ) о томъ позаботиться. С. А. Рачинскій въ своей статьѣ «Sursum corda», помѣщенной въ «Руси», приглашаетъ къ высокому подвигу священства въ сельскихъ приходахъ — молодыхъ людей не изъ духовнаго сословія и *съ достаткомъ*. Всею душою желаемъ, чтобы этотъ призывъ не остался безъ отзыва,—но въ лучшемъ случаѣ на такой призывъ можетъ отозваться лишь десятокъ-другой ищущихъ священства дѣйствительно по призванію и вполнѣ обезпеченныхъ въ жизни. А приходовъ въ Россіи вѣдь не менѣе полусотни тысячъ!

Удовлетворить соотвѣтственнымъ важности священническаго сана образомъ — потребности въ приходскихъ пастыряхъ при такомъ громадномъ ея размѣрѣ, конечно, не легко; силою историческихъ обстоятельствъ и самымъ складомъ русскаго общественнаго быта—не столько de jure, сколько de facto,—священническое званіе обратилось у насъ въ профессію, и притомъ въ профессію сословную, т. е. предназначенную почти исключительно для лицъ такъ называемаго духовнаго сословія, или для дѣтей бѣлаго духовенства и церковнаго причта. Этотъ сложившійся вѣками строй не лишенъ и добрыхъ сторонъ, сослужилъ многоцѣнную историческую службу Русской землѣ, былъ и остается еще главнымъ хранителемъ русскаго церковнаго преданія, наконецъ сроднился и съ жизнью народа, и съ условіями простаго, сѣраго сельскаго быта. Нѣтъ сомнѣнія, что въ настоящее время духовенство болѣе чѣмъ когда-либо требуетъ притока новыхъ свѣжихъ нравственныхъ силъ и вообще обновленія духовнаго. Но рѣшеніе этой великой задачи осложняется и задачей «матеріалистическаго» характера; нужны священники по призванію, это безспорно; то такъ какъ, по правиламъ нашей церкви, они могутъ быть только оженившіеся, то нужно и обезпечить имъ средства къ жизни.

При разрѣшеніи послѣдней задачи самъ собою возникаетъ вопросъ о церковно-приходскихъ общинахъ, которыя по самой природѣ своей, а не искусственно, *всесословны*,—гдѣ и баринъ и крестьянинъ, и богатый и бѣдный, ученый и неграмотный естественно образуютъ одно цѣлое въ духѣ вѣры и взаимно восполняютъ другъ друга. Но этого вопроса даже не желаетъ и поднимать наше высшее духовное вѣдомство, или же старается замять — если кто со стороны его подниметъ!.. Мы однакоже предполагаемъ вскорѣ заняться имъ снова.

Что же касается «призванія», то здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе — подготовленіе пастырей въ нашихъ семинаріяхъ. Да бывала ли въ нихъ когда-нибудь и рѣчь о «призваніи»?! Возникаетъ ли въ воспитывающихся семинаристахъ самый вопросъ о призваніи, о пастырскомъ идеалѣ? Ссылаемся на извѣстныя воспоминанія бывшаго профессора Духовной Академіи, Н. П. Гилярова-Платонова, подъ общимъ

названіемъ: «Изъ прожитаго». «Духовное» воспитаніе, по его свидѣтельству, менѣе всего воспитываетъ въ молодежи духовность (въ смыслѣ религіознамъ), тотъ идеализмъ, безъ котораго не мыслится добрый пастырь; молодые люди, въ своихъ мечтахъ о будущемъ, останавливаются лишь на внѣшней, матеріальной или бытовой сторонѣ жизни, но никогда на святынѣ ожидающаго ихъ сана... Разумѣется между ними есть и такіе, которые увлекаются аскетическими идеалами или проникнуты искреннею религіозною ревностью къ предстоящей имъ пастырской дѣятельности, но не семинарское воспитаніе способствуетъ такому ихъ духовному направленію; напротивъ: благо имъ, если *вопреки* семинаріи они останутся вѣрными своему направленію! Вотъ надъ чѣмъ слѣдуетъ серіозно подумать...»

ПИСЬМО

къ доктору богословія и профессору

ДЕЛЛИНГЕРУ,

по поводу программы, разсмотрѣнной и утвержденной конгрессомъ старокатоликовъ въ Мюнхенѣ 9 (21) сентября 1871 г.

Съ напряженнымъ вниманіемъ и въ то же время съ искреннимъ участіемъ братской любви всматривается и вслушивается Россія въ современное религіозное движеніе на Западѣ. Пребывая, по милости Божіей, внѣ борьбы, раздирающей теперь религіозный миръ романо-германскихъ народовъ (если только достойно названія *мира* то состояніе совѣстей, которое было или безмолвною сдѣлкою, или невымолвленнымъ недоразумѣніемъ), — мы, русскіе, удобнѣе и яснѣе, чѣмъ наши западные братья, могли прозрѣвать въ дали временъ, загроможденной всякаго рода политическими задачами и вопросами—неотвратимый чередъ вопросовъ о вѣрѣ, неминуемость настоящихъ событій. Съ той высоты церковно-историческаго созерцанія, на которую послѣдователи восточнаго вѣроисповѣданія поставлены самою непрерывностью вселенскаго преданія, сохраняемаго православною церковію, — намъ, ея недостойнымъ чадамъ, былъ, — безъ всякаго усилія и заслуги съ нашей стороны, а лишь *ходя въ ея свѣтѣ*, — до прозрачности видимъ весь постепенный историческій ростъ романизма и роковой назрѣвъ его внутренней лжи, объявившейся наконецъ, воочію всему міру, въ догматѣ папской непогрѣшимости. Въ смущеніи и недоумѣніи стоитъ теперь римско-церковное общество предъ итогомъ, подведеннымъ исторіей десяти вѣкамъ его отдѣльной отъ Востока церковной жизни... А между тѣмъ еще задолго до вразумительной постановки вопроса самими событіями раздавались, со стороны Россіи, дружескія предостереженія Западу и указывался край бездны, до котораго непреложно должна

была дойти римская церковь, до котораго она дошла и дальше котораго идти уже некуда. Въ трехъ брошюрахъ Хомякова, изданныхъ имъ для западныхъ христіанъ на общедоступномъ европейскомъ языкѣ[1]), какъ въ зеркалѣ отраженъ весь логическій ходъ церковныхъ судебъ Запада, — но гордость западной науки пренебрегла указаніями православнаго русскаго богослова. Да будетъ же теперь иначе, — теперь, когда такъ сильно подвиглось религіозное самосознаніе западно-католическаго общества. Да упразднятся же гордость и высокомѣріе, застилающія отъ глазъ истину, и да приклонитъ любовь, -безъ которой неполно и односторонне всякое внѣшнее знаніе,—благосклонный слухъ западныхъ христіанъ къ братскому увѣщанію съ Востока.

Пишущій эти строки не предъявляетъ притязаній ни на богословскую ученость, ни на званіе представителя восточной церкви. Онъ не занимаетъ никакого мѣста въ церковной іерархіи; онъ лишь одинъ изъ православныхъ мірянъ, Русскій по происхожденію, и въ его словахъ западно-европейскій читатель можетъ признать только выраженіе мыслей и чувствъ, присущихъ большинству русскаго православнаго общества. Если въ этихъ словахъ, въ то же время, читатель опознаетъ присутствіе истины (какъ мы несомнѣнно надѣемся), то да не вмѣнитъ онъ сего въ заслугу ни автору письма, ни самому русскому обществу. Пусть уразумѣетъ онъ, что эта истина есть только отраженіе свѣта, неизмѣнно пребывающаго въ ученіи Православной Церкви и озаряющаго мысленный кругозоръ всѣхъ, даже послѣднихъ ея исповѣдниковъ, каково бы ни было ихъ личное недостоинство.

Религіозное состояніе Запада представлялось намъ до сихъ поръ поистинѣ безотраднымъ и ужасающимъ. Вмѣсто церкви Христовой, которая не есть «царство отъ міра сего», мы видѣли именно «царство отъ міра», обреченное суду міра и времени, — какое-то самодержавное духовное государство, съ самодержцемъ-папою, деспотически повелѣвающимъ совѣсти,—слѣдовательно разрушающимъ самое внутреннее существо вѣры — свободу. Съ другой стороны, вмѣсто вѣры, восполняемой, утверждаемой и живимой единомысліемъ, любовью,—всею общею жизнію вселенской церкви, мы видѣли самочинную, разрозненную вѣру протестантскаго міра, постоянно сгоняемую съ шаткихъ основъ единичной мысли и совѣсти возбужденною дѣятельностью раціонализма. Когда Пій IX скликалъ отовсюду сыновъ своихъ на мнимо-вселенскій

---

[1]) Вотъ заглавіе этихъ брошюръ: Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales, à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie. Paris. 1853.—Quelques mots sur les communions occidentales, à l'occasion d'un mandement de Mgr. l'Archevêque de Paris. Leipzig. 1855.—Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales, à l'occasion de plusieurs publications religieuses latines et protestantes. Leipzig. 1858.

соборъ, мы встрѣтили созваніе этого собора какъ наступленіе Божьяго суда надъ римскою церковью. Мы вѣрили, что этотъ соборъ — лебединая пѣснь романизма, его крайнее выраженіе, его логическое развитіе до абсурда, до безсмыслицы столь вопіющей и явной, что съ ужасомъ отпрянетъ отъ нея всякая мысль и совѣсть. Но одновременно доносились до нашего слуха неистовые клики: «долой вѣру и церковь!» И чьи же то были клики? Не любимѣйшихъ ли вождей народныхъ, не представителей ли науки, не борцовъ ли за политическую свободу, за свободу мысли и совѣсти, за самые дорогіе для человѣчества интересы? Между христіанскою *церковью* (какъ она разумѣлась на Западѣ) и *человѣчествомъ* воздвигалась, очевидно, лютая брань. Понятіе вѣры (въ томъ видѣ, какъ она повѣдана современному римско-католическому міру) отождествилось съ понятіемъ *тиранніи*, а отрицаніе вѣры съ понятіемъ *свободы*. Римъ казнился собственнымъ дѣтищемъ: обожествленіе папы породило безбожіе, лживая вѣра смѣнилась безвѣріемъ, и западный міръ раздѣлился на два враждебные стана. Съ одной стороны положительная религія, съ ея величавымъ церковнымъ строемъ, — и рядомъ съ ней и въ ней: тѣснота, мракъ, неволя, насиліе, рабство, отрицаніе самыхъ священныхъ правъ человѣка, непризнанные и отвергнутые запросы духа. Съ другой стороны: безвѣріе, съ его знаменемъ свободы и прогресса, простора жизненнаго и нравственнаго, и въ то же время съ его озлобленнымъ, мертвящимъ отрицаніемъ, съ его насиліемъ и бунтомъ, и также съ неудовлетворенными запросами человѣческаго духа.

Гдѣ же исходъ, спрашивали мы съ горечью и страхомъ, не потому, чтобы мы, православные христіане, не знали: гдѣ истина,—но потому, что недоумѣвали: какимъ образомъ и откуда пробьется лучъ вѣры и истины въ эту духовную мглу. Слабые протесты нѣкоторыхъ латинскихъ епископовъ, предшествовавшіе собору, а отчасти сказанные и на самомъ соборѣ, не удовлетворили насъ: то были жалкія попытки примирить противорѣчія сдѣлкой и прежнюю ложь усугубить новой ложью.

Но когда раздалось ваше слово, мужественное и твердое, стало явно, что не оскудѣло еще силами духа и вѣры западно-католическое христіанство. Робкія совѣсти ободрились; православный міръ съ сочувствіемъ и надеждой привѣтствовалъ имя Деллингера, вмѣстѣ съ именами его доблестныхъ сподвижниковъ. Вы ступили на историческую почву, на почву церковнаго преданія, и на этомъ пути встрѣча наша съ вами была неминуема. Если, до изданія программы мюнхенскаго конгресса, мы еще не имѣли права вѣрить въ освобожденіе ваше отъ тѣхъ предубѣжденій противъ восточной церкви, которыя внѣдряются въ каждаго римскаго католика съ самаго дѣтства, то мы несомнѣнно повѣрили въ вашу добросовѣстность какъ ученаго, какъ служителя науки, всегда готоваго

признать и исповѣдать ея конечные выводы. Въ этомъ добросовѣстномъ отношеніи къ наукѣ сказывается величіе германскаго духа и лежитъ для Германіи залогъ спасенія, — конечно въ томъ только случаѣ, если это отношеніе къ наукѣ не перейдетъ въ своего рода научное суевѣріе, отвергающее, во имя внѣшняго, никогда не полнаго знанія, полнѣйшее знаніе — *внутреннее*, воспринимаемое лишь вѣрою и всею духовною цѣльностью человѣка.

Состоялся римскій соборъ, провозглашенъ догматъ о непогрѣшимости, о божественномъ авторитетѣ, о безапелляціонной власти римскаго папы. Казалось бы, что предъ совѣстью каждаго западнаго католика предстанетъ безотвязный, неумолимый вопросъ: можетъ ли онъ отнынѣ считать себя членомъ римско-католической церкви? ибо если можетъ—значитъ *вѣруетъ* въ ея догматы; если же не вѣруетъ, то стало-быть исключаетъ себя изъ церкви. Казалось бы, что епископы, протестовавшіе противъ сихъ догматовъ на соборѣ, явятся вождями и руководителями совѣстей и выведутъ ввѣренныя имъ души изъ римскаго плѣна... Но исторія, очевидно, ставитъ свои логическія дилеммы не съ тою спѣшною настойчивостью и неотразимою ясностью, какъ того желала бы отвлеченная мысль человѣка. Оказывается, что самый вопросъ еще не дошелъ до темнаго сознанія массъ, которое теперь еще усильнѣе затемняется усердіемъ низшаго римскаго клира. Оказывается, что цѣлые милліоны католиковъ только по имени числятся католиками, — равнодушные къ вѣрѣ и церкви. Оказывается, что епископы, протестовавшіе на соборѣ, на другой же день послѣ собора, солгали себѣ и истинѣ, явившись слугами и орудіемъ, ими же наканунѣ отвергнутой, лжи.

Вы не побоялись грозной анаѳемы Рима и — благодареніе Богу — вашъ примѣръ не остался безплоденъ. Если епископы предпочли жребію гонимыхъ за вѣру — благоразумный и выгодный образъ дѣйствій государственныхъ сановниковъ, связанныхъ клятвою вѣрности къ своему монарху (такъ и подобаетъ «князьямъ церкви»),—если ни одного епископа нѣтъ съ вами, а народныя массы еще спокойны, — то ваше имя сдѣлалось сборнымъ кличемъ для всѣхъ, кто не погрязъ въ равнодушіи къ вѣрѣ и не способенъ лукавить съ совѣстью. Какъ ни малолюденъ мюнхенскій конгрессъ въ сравненіи съ численностью римско-католическаго міра, но онъ безспорно событіе всемірно-историческаго значенія и предвѣстникъ многихъ великихъ событій.

Со времени мюнхенскаго конгресса религіозное самосознаніе Запада вступаетъ въ новый, важный фазисъ. Его программа провозглашаетъ во всеуслышаніе надежду на «возсоединеніе съ греко-восточною и русскою церковью». Съ любовью принимаемъ мы такое выраженіе надежды. Оно налагаетъ на каждаго изъ насъ, членовъ этой церкви, нравственную обязанность содѣйствовать, по мѣрѣ силъ, устраненію преградъ, насъ

раздѣляющихъ. Въ сознаніи этой обязанности, спѣшимъ мы передать на ваше добросовѣстное разсмотрѣніе тѣ недоумѣнія и вопросы, которые возбудили въ русскомъ обществѣ многіе пункты вашей програмы.

Прежде всего обращаетъ на себя наше вниманіе самое названіе, принятое людьми, собравшимися на конгрессъ. Они именуютъ себя *старо-католиками*, въ отличіе отъ католиковъ, признавшихъ догматъ о папской непогрѣшимости. Такимъ образомъ, моментомъ раздѣленія католиковъ на старыхъ и новыхъ служитъ провозглашеніе этого догмата на римскомъ соборѣ 1870 года: католикъ вчерашній, католикъ до собора, — есть старый; католикъ на другой день собора, подчинившійся его рѣшенію, — есть новый. Но здѣсь невольно рождается вопросъ: точно ли «новое» ново и «старое» старо? Есть ли что-нибудь новаго въ исповѣданіи *ново*-католика? и дѣйствительно ли старо то, что *старо*-католикамъ кажется старымъ? Лѣтъ семнадцать тому назадъ былъ установленъ Піемъ IX догматъ, обожествляющій Дѣву Марію, — о ея непорочномъ зачатіи. Не былъ ли этотъ догматъ, въ свое время, оставленъ почти безъ протеста въ римско-католическомъ мірѣ, и именно со стороны тѣхъ, которые теперь приняли имя *старо-католиковъ*? Между тѣмъ, самый фактъ признанія римско-католическою церковію догмата — что̀ же онъ былъ, какъ не молчаливое исповѣданіе догмата о папской непогрѣшимости? Что̀ же онъ былъ, какъ не торжественное признаніе *на практикѣ* за папскимъ авторитетомъ права: присоединять единоличною своею властью, не испрашивая согласія всей полноты церкви, новые догматы вѣры къ однажды утвержденному церковью символу вѣры? Выходитъ, что въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ старо-католики исповѣдывали въ жизни, de facto, то же самое, что̀ продолжаютъ и теперь исповѣдывать такъ называемые ново-католики, и что̀ старо-католики отказываются признать теперь de jure. Очевидно, что, для избѣжанія противорѣчія, необходимо старо-католикамъ отодвинуть грань своей *старины* дальше назадъ, и настоящему своему отреченію придать значеніе не на текущій только историческій моментъ, но обратное или ретроспективное. И дѣйствительно, мюнхенская программа гласитъ, что она отвергаетъ всѣ догматы (въ томъ числѣ и догматъ о Дѣвѣ Маріи), провозглашенные во время первосвященства Пія IX. Отверженіе сихъ догматовъ вполнѣ, конечно, согласно съ истиной; но не заключается ли въ этомъ отверженіи догматовъ, кромѣ осужденія папѣ, ихъ провозгласившему, нѣкотораго *самоосужденія* и для самихъ старо-католиковъ, которыми эти догматы, такъ или иначе, были приняты и исповѣдуемы? Мы позволяемъ себѣ напомнить объ этомъ самоосужденіи только потому, что оно не выражено въ программѣ, и что мы особенно дорожимъ ясностью сознанія въ вопросахъ вѣры. Одного отреченія отъ лжи, опирающагося на логическіе доводы и на данныя исторической науки, едвали

достаточно для усвоенія истинъ религіи, безъ внутренняго обновленія и очищенія духа путемъ христіанскаго самоосужденія... Такъ какъ мы имѣемъ дѣло съ вѣрующими христіанами, то нашъ языкъ имъ понятенъ.

Но пойдемъ далѣе. И такъ, старо-католики считаютъ свою старину старѣе всего царствованія Пія IX. Ища опоры позади себя во времени, они отодвигаются до XVI вѣка, до тридентинскаго собора и объявляютъ, что «остаются на точкѣ зрѣнія того исповѣданія, которое содержится въ такъ называемомъ тридентинскомъ символѣ (symbolum) вѣры». Такимъ образомъ, они одною чертою вычеркиваютъ изъ жизни римско-католической церкви цѣлыя триста лѣтъ и обрываютъ ея преданіе на три послѣдніе вѣка. Это и понятно. Въ теченіе этихъ трехъ столѣтій, до папы Пія IX включительно, преданіе римской церкви пребывало неизмѣннымъ, и на всемъ пространствѣ этого времени не могутъ старо-католики указать ни на одно явленіе, которое состояло бы въ противорѣчіи съ исповѣданіемъ римскаго собора 1870 года и отъ котораго приходилось бы отречься *ново*-католической партіи. Эта трехвѣковая старина принадлежитъ, по собственному сознанію старо-католиковъ, не имъ, а ново-католикамъ; но нельзя не замѣтить, что, отлучаясь отъ нея, вы, старо-католики, вмѣстѣ съ тѣмъ отлучаете себя и отъ своихъ предковъ.

Какъ бы то ни было, вы «остаетесь на точкѣ зрѣнія того исповѣданія, которое содержится въ такъ называемомъ тридентинскомъ символѣ вѣры». Но тридентинскій соборъ представляетъ шаткое основаніе для тѣхъ, кто, подобно вамъ, ищетъ въ то же время опоры для своего протеста — *въ единствѣ древней нераздѣльной церкви*, *въ ея прошедшемъ*, *въ ученіи ея отцовъ и соборовъ до временъ раздѣленія*[1]). Ибо тридентинскій соборъ есть воплощенное отрицаніе и ученія, и преданія этой самой древней нераздѣльной церкви. Состоявшись безъ участія церквей Востока, не признаваемый и отвергаемый ими какъ *вселенскій*, тридентинскій соборъ противорѣчитъ существеннымъ нравственнымъ основаніямъ, воспоминаемаго вами же, вселенскаго церковнаго единства — самымъ своимъ притязаніемъ на *вселенскость*. Развѣ, повторяя латинское Credo, этотъ соборъ не подтвердилъ и не освятилъ *точно такое же* дѣйствіе римской церкви, выразившееся въ самовольной надбавкѣ догмата

---

[1]) Въ программѣ между прочимъ сказано: «Мы признаемъ первенство римскаго епископа въ томъ смыслѣ, въ какомъ, на основаніи Св. Писанія, оно было признано *отцами и соборами въ древней нераздѣльной церкви*». Далѣе: «даже соборъ, который бы поставилъ себя въ противорѣчіе съ основными положеніями и съ *прошедшимъ* (Vergangenheit) *церкви*, не могъ бы издать какія-либо постановленія внутренно-обязательныя для членовъ церкви». Далѣе: «догматическія рѣшенія собора въ непосредственномъ вѣросознаніи католическаго народа и въ богословской наукѣ должны оказываться согласными съ изначальною и преданною вѣрою церкви».

о происхожденіи Св. Духа къ Никео-Константинопольскому символу, какое дозволила себѣ та же церковь въ 1870 году, присочинивъ къ тому же символу еще новые догматы? Если послѣдній римскій соборъ подлежитъ осужденію за его самовольную вставку догматовъ, несогласныхъ съ сознаніемъ и ученіемъ древней нераздѣльной церкви, то нельзя, безъ оскорбленія законовъ логики, не признать подлежащею таковому же осужденію и самовольную вставку догмата Filioque, учиненную римскою церковью безъ вѣдома и согласія цѣлой восточной половины христіанскаго міра, и также — вопреки сознанію *древней нераздѣльной церкви*, выраженному на всѣхъ ея вселенскихъ соборахъ. Но тридентинскій соборъ не произнесъ этого осужденія и не могъ произнесть, потому что своимъ подтвержденіемъ римскаго Credo и собственнымъ притязаніемъ на вселенскость, онъ самъ снова заклеймилъ латинскую церковь грѣхомъ гордости и властолюбія, признавъ въ ней одной все единство, всю святость, всю полноту церкви вселенской, — слѣдовательно самъ снова впалъ въ противорѣчіе съ ученіемъ древнихъ отцовъ и соборовъ, на свидѣтельство которыхъ вы, однако, ссылаетесь.

Если съ одной стороны тридентинское исповѣданіе и излагаетъ правильно ученіе церкви о составѣ іерархіи (на что̀ вы именно въ программѣ указываете)[1]), то, съ другой стороны (это вамъ также должно быть извѣстно), тридентинское исповѣданіе не содержитъ въ себѣ никакого положительнаго отверженія или отрицанія папскихъ притязаній или папской практики: оно совершенно объ нихъ умалчиваетъ. Но если бы даже и признать за тридентинскимъ канономъ намѣреніе ослабить папскій авторитетъ, то можно ли придавать этой попыткѣ какое-нибудь значеніе послѣ той оговорки, которую удалось папскимъ легатамъ вставить въ концѣ декретовъ, при послѣднемъ ихъ чтеніи и безъ сопротивленія со стороны собора, и которая гласитъ, что постановленія соборныя ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть истолкованы *въ ущербъ власти св. престола*[2])? Что̀ же это значитъ, какъ не сохраненіе за властью римскаго папы ея тогдашняго status quo, какъ не сознаніе собора, что авторитетъ папы стоитъ внѣ его юрисдикціи? И могло ли быть иначе, когда съ одной стороны соборъ не предалъ уничтоженію, ни даже осужденію актовъ флорентійскаго собора, заключающихъ въ себѣ, какъ въ зернѣ, новѣйшій догматъ о папской непогрѣшимости; съ другой стороны при-

---

[1]) «Мы отвергаемъ ученіе, заключающееся въ ватиканскихъ декретахъ» (о папѣ), «какъ противорѣчащее тридентинскому канону, по которому божественное учрежденіе іерархіи состоитъ изъ епископовъ, священниковъ и діаконовъ». Программа п. II.

[2]) Histoire du Concile de Trente, par F. Bungener. t. II, l. VI. p. 396: Omnia et singula sub quibuscumque clausulis et verbis... ita decreta fuisse, ut in his *salva semper auctoritas Sedis apostolicae et sit, et esse intelligatur.*

зналъ необходимымъ для авторитета своихъ декретовъ санкцію папскаго авторитета, и какъ низшій къ высшему препроводилъ ихъ къ нему на конфирмацію? О томъ же, что исповѣданіе тридентинскаго собора, въ смыслѣ ослабленія папской власти, не выражало собою сознанія всего римско-церковнаго міра и не имѣло никакого практическаго примѣненія, едвали нужно и говорить послѣ того, какъ вы сами выключили цѣликомъ всѣ три послѣдніе вѣка изъ жизни и преданія римско-католической церкви.

Вы видите, милостивый государь, что «точка зрѣнія» тридентинскаго собора представляетъ для старо-католиковъ ненадежную точку опоры, потому что и самъ онъ стоитъ на основаніи ложномъ. Эта старина не выводитъ ихъ на путь вселенскаго непрерывнаго преданія, не возстановляетъ полноты единства съ «ученіемъ отцовъ и соборовъ древней нераздѣльной христіанской церкви», не очищаетъ старо-католиковъ отъ грѣха гордости и властолюбія, заразившаго римскую церковь. Приходится снова уйти въ глубь временъ, поискать старины иной, древнѣйшей. Но гдѣ же остановиться? Не на флорентійскомъ ли соборѣ, провозгласившемъ римскаго первосвященника «главою всей церкви и учителемъ всѣхъ христіанъ» (totius Ecclesiae caput et omnium christianorum doctorem)? Не на Иннокентіи ли III? не на Григоріи ли VII? не на Адріанѣ ли II, или Николаѣ I, своими притязаніями на главенство и господство возмутившими нравственныя основы вселенскаго единства и положившими начало раздѣленію Востока и Запада? Еслибы старо-католикъ нашихъ дней вздумалъ признать свое исповѣданіе (относительно авторитета римскаго престола) тождественнымъ съ тѣмъ, которое возвѣщалось съ римской каѳедры уже во второй половинѣ IX вѣка, то онъ не имѣлъ бы никакого права отрицаться догматовъ Пія IX. Не была ли развѣ вся исторія римской церкви, въ теченіе цѣлой тысячи лѣтъ ея раздѣльнаго съ Востокомъ существованія, постепеннымъ, но за то послѣдовательнымъ, неуклоннымъ развитіемъ одной и той же доктрины въ жизни и дѣйствіяхъ? Не она ли, эта доктрина, составляетъ жизненное начало того безспорно величаваго, всемірно-историческаго явленія, которое объемлетъ собою болѣе десяти столѣтій и именуется папствомъ? Развѣ все это не доказано безконечное число разъ самими историками Запада, и еще недавно, такъ убѣдительно и блистательно, знаменитою книгою «Януса» [1])? Не Янусъ ли, проводя послѣдовательно, съ безпощадной силой, свой аналитическій ножъ по всей исторической жизни латинской церкви, обличаетъ въ ней всюду, на всемъ пространствѣ вѣковъ со времени раздѣленія церквей, присутствіе того остраго яда, который онъ называетъ *папизмомъ?*

---

[1]) Der Papst und das Concil, von Janus. Leipzig. 1869.

Итакъ папизмъ въ IX вѣкѣ, папизмъ въ XIX, папизмъ въ Средніе вѣка, непрерывное преданіе папизма въ теченіе тысячелѣтія, смѣнившее непрерывное преданіе вселенской церкви! Не оказывается ли поэтому, что ново-католики не исповѣдуютъ ничего новаго, чего бы явно или тайно, словомъ или дѣломъ, сознательно или несознательно, отдѣльно или implicite, не исповѣдывала латинская церковь—изъ глубокой старины десяти столѣтій? И наоборотъ: не очевидно ли, что старо-католики, если хотятъ отдѣлиться отъ ново-католиковъ, должны отдѣлиться отъ самого этого десяти-вѣковаго исповѣданія, должны отступить еще глубже назадъ, за предѣлы роковаго тысячелѣтія, къ вѣкамъ истиннаго вселенскаго единства?

Пій IX не сказалъ ничего новаго, что бы не было очень старо. Вообще намъ непонятно то ожесточеніе, съ которымъ относится къ этому несчастному папѣ старо-католическая партія. Что такое Пій IX въ сравненіи съ Иннокентіями, Григоріями и прочими великанами папства, основателями его могущества? Не сама ли воплощенная кротость? Намъ видится даже особенное дѣйствіе Промысла именно въ томъ, что догматъ о непогрѣшимости,—это чудовищное исчадіе чудовищной сатанинской гордости, — провозглашенъ папою едвали не самымъ добродѣтельнымъ, смиреннымъ и простодушнымъ изо всѣхъ папъ, занимавшихъ римскій престолъ въ теченіе десяти столѣтій. Нѣтъ никакой возможности приписать это провозглашеніе его личному горделивому похотѣнію, его личной жаждѣ владычества, мощи и славы. Онъ, какъ хрустальный, безукоризненно прозрачный сосудъ, есть носитель не своей, а исторической идеи папства, во всей ея безпримѣсной чистотѣ, отрѣшенной отъ случайностей личнаго характера и даже времени,—въ ея *абстрактѣ*. Въ Средніе вѣка, воплощаемая въ жизнь и дѣло, она не очень нуждалась въ теоретическомъ опредѣленіи: она *жила*, и потому можетъ быть и не была всегда ясна для отвлеченнаго религіознаго сознанія,—но тѣмъ-то и была опасна для совѣсти. Теперь же, когда она перестала быть живою дѣйствительностью, ея выраженіе въ формулѣ догмата являетъ, съ ясностью зеркала, всю полноту лжи, которой такъ долго служилъ и поклонялся и которою такъ долго отравлялся человѣческій духъ на Западѣ. Можетъ ли Пій IX отказаться отъ этого догмата, не отрекшись, въ то же время, отъ самого себя, какъ папы—преемника длиннаго ряда папъ,—отъ тысячелѣтняго преданія, отъ всего завѣщаннаго ему историческаго наслѣдства? Допустивъ иной исходъ для собора 1870 года, онъ подписалъ бы самъ себѣ смертный приговоръ, онъ произнесъ бы осужденіе своимъ предшественникамъ и всѣмъ десяти вѣкамъ исторической жизни папства. Онъ не могъ этого сдѣлать, и когда, тѣснимый отовсюду натискомъ внѣшней грубой силы, а также и силы духовной—науки, раціонализма, цивилизаціи,—онъ, дряхлый немощный старецъ,

противопоставляетъ этому натиску свое non possumus, онъ логически правъ: въ этомъ его отказѣ идти на сдѣлку есть своего рода нравственное величіе,—и въ то же время залогъ спасенія для западнаго міра. Нѣтъ ничего вреднѣе и губительнѣе *сдѣлки*, а какъ охотно пошли бы на сдѣлку съ Піемъ IX и государи, и князья церкви, и милліоны людей, только бы обмануть свою совѣсть и успокоиться вещественно и духовно!

Слѣдовательно вина не въ папѣ Піѣ IX, а въ папизмѣ. Но что̀ такое папизмъ по отношенію къ римскому католичеству? Есть ли это явленіе только случайное, чужеродное, которое легко выдѣляется изъ общей жизни латинской церкви,—наростъ удобоотсѣкаемый? Не есть ли, напротивъ того, папизмъ духовно-органическое начало, проникшее собою все существо римско-католической церкви,—ядъ, отравившій плоть и кровь? Казалось бы излишнимъ предлагать этотъ вопросъ людямъ, закаленнымъ въ знаніи исторической науки, и которые, въ теченіе всей тысячелѣтней исторіи римско-католической церкви послѣ раздѣленія церквей, могли отыскать, въ оправданіе своего протеста противъ римской доктрины о папствѣ, только одинъ единственный фактъ, одно церковное свидѣтельство, именно тридентинское исповѣданіе—да и то, какъ разъяснено выше, лишенное всякаго значенія. Однакоже, судя по программѣ мюнхенскаго конгресса, есть, къ сожалѣнію, поводъ полагать, что старо-католики не отдаютъ себѣ до сихъ поръ точнаго отчета въ историческомъ и нравственномъ *объемѣ* своего протеста. Такъ въ 3-мъ пунктѣ программы говорится: «мы стремимся, при содѣйствіи богословской науки, къ церковной реформѣ, которая, въ духѣ древней церкви, должна уничтожить нынѣшніе недостатки и злоупотребленія».

Уничтожить *нынѣшніе недостатки*... Но развѣ они нынѣшніе, а не давнишніе, не постоянно присущіе римско-католической церкви въ теченіе десяти вѣковъ! Ссылаемся опять на книгу Януса, какъ на авторитетъ, конечно, полновѣсный въ глазахъ членовъ мюнхенскаго конгресса, на первые два пункта самой программы и на указанные нами выше предѣлы *старины*, искомой старо-католиками. Недостатки! Развѣ доктрина о папской непогрѣшимости, извращающая основную истину христіанской вѣры, противорѣчащая, по словамъ самой же программы, и Св. Писанію, и ученію древней вселенской церкви—только *недостатокъ*, который римская церковь можетъ легко исправить, а не органическій порокъ, называемый папизмомъ, отъ котораго надлежитъ ей очиститься не наружно только, но и внутренно? Развѣ догматъ о папской божественности есть только *злоупотребленіе*, то-есть практическое уклоненіе отъ чистоты начала, а не ложь самого начала? Не подумайте, что мы только привязываемся къ выраженіямъ. Намъ слишкомъ близко лежитъ на сердцѣ довести затронутые вами вопросы до возможно полной ясности и разсѣять раздѣляющія насъ съ вами недоразумѣнія. Поз-

вольте же васъ спросить: отрекаясь отъ догматовъ, провозглашенныхъ римскимъ соборомъ 1870 года, продолжаете ли вы, напримѣръ, вмѣстѣ съ католиками, исповѣдующими эти догматы, признавать папу распорядителемъ какого-то излишка благодати, образуемаго сверхтребуемыми заслугами святыхъ и дающаго ему возможность раздавать эту излишнюю благодать грѣшникамъ, въ видѣ индульгенцій? Мы не сомнѣваемся въ вашемъ отвѣтѣ, потому что не сомнѣваемся въ вашемъ искреннемъ уваженіи къ логикѣ: вашъ отвѣтъ будетъ отрицательный, и инымъ быть не можетъ уже потому, что чудовищное ученіе о резервномъ фондѣ благодати (по выраженію Хомякова), состоящемъ въ исключительномъ распоряженіи папы, связано неразрывно съ отвергаемой вами римской доктриной о божественной власти папы, какъ главы церкви и намѣстника Христа. Но если прослѣдить въ подробности все вѣроученіе римско-католической церкви, ея церковные обряды, обычаи и самое богослуженіе, то не найдется ли отраженія отвергаемой вами римской доктрины и въ другихъ отдѣлахъ ея вѣроученія, и въ обычаяхъ, и въ богослуженіи? Не обличится ли отрава папизма во всемъ, такъ сказать, тѣлѣ церковномъ? Безъ сомнѣнія да, и вы поэтому уже не можете не признать *органическаго* свойства за тѣмъ зломъ, которое называется папизмомъ, а признавая это свойство, вы уже не можете считать его только «нынѣшнимъ недостаткомъ», съ которымъ легко раздѣлаться однимъ логическимъ умозаключеніемъ; *вы не можете, отрекаясь отъ догматовъ римскаго собора 1870 года, не отречься въ то же время и отъ всего того, что ученіе, выраженное теперь въ догматахъ, внесло когда-либо въ духъ и жизнь римской церкви, еще до облеченія своего въ догматическую форму.*

И вы дѣйствительно отрекаетесь. По крайней мѣрѣ всякое сомнѣніе въ томъ непозволительно, и неопредѣленность выраженій въ 3-мъ пунктѣ программы теряетъ все свое значеніе въ виду торжественныхъ вашихъ словъ въ той же программѣ, въ 1-мъ и 2-мъ пунктахъ, гдѣ вы говорите: «мы твердо держимся древняго устройства церкви и отвергаемъ поэтому всякую попытку отнять у епископовъ право непосредственнаго и самостоятельнаго управленія помѣстными церквами. Мы отвергаемъ ученіе, содержащееся въ ватиканскихъ декретахъ» (слѣдовательно не одного 1870 г., а безъ различія времени), «по которому папа есть единственный, Богомъ поставленный представитель церковнаго авторитета и іерархической власти. Мы признаемъ первенство римскаго епископа въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно, *на основаніи Св. Писанія*, было признано *отцами и соборами въ древней нераздѣльной христіанской церкви*». Можетъ ли отреченіе быть полнѣе?

Такъ казалось бы, такъ должно бы быть. Но вотъ чтò читаемъ мы въ первыхъ строкахъ вашей программы: «сознавая свои религіозныя

обязанности, мы остаемся вѣрными древней католической вѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ она засвидѣтельствована Св. Писаніемъ и преданіемъ, и остаемся вѣрными древнему католическому богослуженію. *Мы считаемъ себя поэтому полноправными членами католической церкви и не позволяемъ лишать насъ церковнаго общенія*, ни проистекающихъ изъ этого общенія церковныхъ и гражданскихъ правъ. «*Мы объявляемъ ни на чемъ не основаннымъ и совершенно произвольнымъ то церковное отлученіе, которому насъ подвергли* изъ-за нашей вѣрности вѣрѣ (Glaubenstreue), и потому *это отлученіе нисколько не препятствуетъ добровольному участію нашему въ церковномъ общеніи*».

Какъ? Вы не признаете папу тѣмъ, чѣмъ онъ самъ себя признаетъ, и негодуете—зачѣмъ онъ лишаетъ васъ общенія съ собою и съ тѣми, кто съ нимъ одной мысли и вѣры? Вы отрицаете папизмъ и хотите, чтобы церковь, папизмъ исповѣдующая (а другой католической церкви на Западѣ не существуетъ), съ своей стороны не отрекалась отъ васъ? Вы недовольны, что папа отлучилъ васъ, послѣ того, какъ вы сами отъ него отлучились или вѣрнѣе отлучили его отъ себя? Но вѣдь это—contradictio in adjecto. Но вѣдь церковное *общеніе* предполагаетъ *единеніе въ вѣрѣ;* иначе оно немыслимо, иначе нѣтъ церкви, ибо въ единствѣ вѣры заключается самое основаніе церкви. А между вами и римскою церковью развѣ существуетъ это единеніе въ вѣрѣ? Вѣруете вы развѣ въ тѣ догматы, въ которые она вѣруетъ, и не отвергаете ли вы ихъ, напротивъ, какъ несогласные съ вашею вѣрою? Если не вѣруете и отвергаете, то отлученіе, которому римская церковь васъ подвергла, не только не произвольное, но совершенно правильное, логически неизбѣжное и, скажемъ прямо, для васъ желанное, ибо свидѣтельствуетъ предъ всѣмъ міромъ о вашей правдѣ. Если вы считаете себя сохранившими вѣрность древней вселенской вѣрѣ, то хотя бы римская церковь сама приглашала васъ къ общенію съ собою, вы должны были бы отказаться отъ общенія съ нею, какъ съ измѣнившею этой вѣрѣ. Но если вы полагаете, что ваше вѣроисповѣданіе не препятствуетъ вашему «добровольному общенію» съ римскою церковью, то стало-быть между вами и ею нѣтъ существеннаго разномыслія. Однакожъ такъ ли это? Развѣ ваше разномысліе съ нею касается какого-нибудь обряда, дисциплинарнаго правила, или другаго случайнаго явленія? Развѣ вопросъ о папской непогрѣшимости и власти не есть вопросъ вѣроученія? А при разномысліи въ вѣроученіи могутъ ли разномыслящіе составлять одну церковь?

Нѣтъ, вы находитесь *внѣ* церкви, той церкви, которая именуется римско-католическою, имѣетъ во главѣ своего римскаго первосвященника и полное внѣшнее устройство. Вы *внѣ ея*, какъ и она *внѣ васъ*. Это вы должны признать гласно и неукоснительно, въ этомъ одномъ заключается ваша правда и ваше право на *надежду* общенія съ другими

церквами, которыя, съ своей стороны, пребываютъ *внѣ* общенія съ Римомъ. Въ противномъ случаѣ да позволено будетъ усомниться въ чистосердечіи вашего отреченія отъ римской лжи и въ ясности вашего религіознаго сознанія.

Итакъ, вы уже не въ римской церкви, но и сами не составляете церковь. Правда, вы объявляете, въ своей программѣ, что «не позволяете себя лишать ни церковнаго общенія, ни проистекающихъ изъ этого общенія церковныхъ и гражданскихъ правъ», потому что, «оставаясь вѣрными древней католической вѣрѣ и древнему католическому богослуженію», вы «считаете себя полноправными членами католической церкви». Но какой же церкви вы члены? Что̀ разумѣете вы подъ словомъ «католическая» (то-есть по-русски вселенская) церковь? Ту ли мѣстную церковь, или западно-христіанскую церковную общину, которая, въ теченіе вѣковъ, носитъ названіе римско-католической и входитъ въ составъ римскаго патріаршества? Или же ту «единую, святую, соборную (каѳолическую) и апостольскую церковь», о вѣрѣ въ которую говоритъ Никео-Константинопольскій символъ, которой глава Христосъ (а не папа), которая хранитъ и блюдетъ неизмѣннымъ, во всей чистотѣ, ученіе Спасителя и апостоловъ? Но если вы принадлежите къ исповѣданію сей единой истинной церкви, то вы не можете признавать себя членомъ современной римско-католической церкви, ибо, по вашему собственному сознанію, ученіе послѣдней несогласно ни «съ Св. Писаніемъ, ни съ преданіемъ, ни съ ученіемъ древней церкви вселенской». Нельзя же, въ одно и то же время, принадлежать къ вселенскому церковному единству и считаться членомъ церкви, оторвавшейся отъ церковнаго единства, какъ нельзя въ одно и то же время исповѣдывать два разные символа вѣры и два ученія, взаимно себя исключающія.

Вы скажете: мы конечно стоимъ внѣ *современной* римской церкви, принявшей догматъ о папской божественности, но мы одно съ *тою* римско-католическою церковью, которая имѣетъ исповѣданіе общее со всею древнею вселенскою церковью: мы *ея* члены. Но такой римско-католической церкви не существуетъ уже со времени раздѣленія церквей, кототорое потому и послѣдовало, что церковная римская община учредила у себя исповѣданіе не общее съ древнею вселенскою церковью. Та западная христіанская церковь, которая состояла въ полномъ единствѣ вѣры и ученія съ древнею вселенскою церковью и *которой членами вы себя считаете*, прекратила свое земное бытіе уже около тысячи лѣтъ. Слѣдовательно, вы члены церкви не живущей и не дѣйствующей на землѣ, не сообщающейся съ вами благодатью таинствъ? Слѣдовательно, церковь истинная, вопреки обѣщанію Спасителя, уже не пребываетъ въ мірѣ, во образѣ видимой земной церкви? Такъ вытекаетъ изъ вашихъ словъ, потому что вы не указываете: *гдѣ* именно, въ *какой* мѣстной

церковной общинѣ, кромѣ римско-католической, продолжаетъ еще жить, въ наше время, истина «древней» церкви,—а что ея, этой истины, уже не обрѣтается болѣе въ современной церкви римско-католической, исповѣдующей папскую непогрѣшимость,—это вы уже сами выразили неоднократно.

Мы, православные, знаемъ: *гдѣ* продолжаетъ пребывать истинная церковь; но вамъ, при недостаткѣ этого знанія, или при желаніи разрѣшить вопросъ *помимо Востока, въ предѣлахъ одного Запада*, приходится путаться,—извините насъ за рѣзкость выраженія,—въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ. Вы вынуждены искать себѣ опоры въ одномъ историческомъ воспоминаніи о вселенской церкви, когда-то, за десять вѣковъ, существовавшей и на Западѣ, но теперь уже не существующей. Слѣдовательно вы вынуждены: съ одной стороны—допустить противное христіанской вѣрѣ предположеніе, что преданіе церкви вселенской и дѣйствіе въ ней Божіей благодати могли подвергнуться десятивѣковому перерыву; съ другой стороны — довольствоваться какимъ-то мысленнымъ и духовнымъ общеніемъ съ сею когда-то бывшею церковью. Но такого предположенія вы, конечно, допустить не можете, не можете и довольствоваться такимъ абстрактнымъ общеніемъ. Потому-то, удовольствовавшись одной оговоркой о принадлежности вашей къ истинной, *древней* католической церкви, вы въ то же время настаиваете на принадлежности вашей къ церкви *ново*-католической, исповѣдующей лживые догматы. Да, милостивый государь, вы хотите принадлежать (и стало быть считаете для себя возможнымъ принадлежать) именно *къ этой* римской, а не къ другой церкви—именно къ *современной*, потому, что вы требуете для себя современныхъ, связанныхъ съ принадлежностью къ этой церкви, церковныхъ и гражданскихъ правъ. Понятно, что вы можете сказать государству: «мы отдѣляемся отъ римской церкви въ исповѣданіи вѣры, а потому разрываемъ общеніе съ нею и образуемъ отдѣльную христіанскую общину: признайте наше право на гражданское существованіе, оградите намъ свободу совѣсти и богослуженія». Но требовать для себя правъ *во имя* принадлежности къ церкви, къ которой вы не принадлежите единствомъ вѣроисповѣданія и отъ которой вы сами себя отлучили—это понять нѣсколько затруднительно.

Что-нибудь одно:

Или вы не придаете особеннаго значенія догматамъ о папскомъ авторитетѣ и не считаете ихъ достаточно важнымъ поводомъ къ разрыву съ римскою церковью... Но допустить такое заключеніе трудно, въ виду вашихъ же отзывовъ о совершенномъ противорѣчіи сихъ догматовъ съ ученіемъ «древней *нераздѣльной* христіанской церкви»—противорѣчіи до того явномъ, что еще до облеченія этой римской доктрины въ форму догматовъ, выражаясь еще только въ притязаніяхъ и въ дѣйствіяхъ

Рима, она уже съ IX вѣка стала подготовлять распаденіе древней, такъ часто вспоминаемой вами, нераздѣльной вселенской церкви.

Или же—и это кажется вѣроятнѣе—вы имѣете свое особенное понятіе объ основаніяхъ того божественнаго установленія, которое называется церковью. Ваши настойчивыя требованія участвовать въ общеніи съ папою и съ общиной, исповѣдующей его божественность, а также и нѣкоторыя другія выраженія программы даютъ, повидимому, нѣкоторое право заключать, будто церковь, по вашему мнѣнію, есть союзъ по преимуществу *внѣшній*, а не внутренній,—что-то въ родѣ общества, принадлежность къ которому познается по какимъ-то наружнымъ условнымъ признакамъ... Такое мнѣніе, впрочемъ, весьма возможно между западными католиками и имѣетъ свое историческое оправданіе, свой raison d'être въ ученіи и практикѣ римско-католической церкви. Послѣ того, какъ Римъ, чрезъ самовольное измѣненіе символа вѣры безъ вѣдома и согласія церквей Востока, призналъ въ себѣ одномъ святость и власть, принадлежащія лишь всей полнотѣ церковной, онъ естественно долженъ былъ исказить въ себѣ самую идею церкви. Вмѣсто истины, любви и свободы, составляющихъ ея внутреннюю органическую сущность, Римъ поставилъ и не могъ не поставить: господство внѣшняго авторитета, подвластность совѣстей, условное соглашеніе. Для Рима лишь тотъ въ церкви, кто покоряется папѣ, а потому «съ той поры, какъ римскій міръ отдѣлился отъ общаго исповѣданія церкви,—говоритъ русскій упомянутый нами богословъ,—церковная жизнь (въ ея истинномъ, вышеобъясненномъ смыслѣ) прекратилась для цѣлой половины христіанскаго міра: мѣсто церкви на Западѣ заняла духовная римская имперія, «впослѣдствіи раздробленная протестантскою республикою». Эти слова, писанныя пятнадцать лѣтъ назадъ, можетъ быть оскорбятъ религіозное чувство не только *ново-*, но и *старо-*католиковъ, покажутся имъ или клеветою, или парадоксомъ. Но вотъ что *недавно* напечаталъ въ своей книгѣ епископъ Маре (Maret), одинъ изъ противниковъ догмата о папской непогрѣшимости, въ книгѣ изданной имъ наканунѣ собора 1870 года, именно съ цѣлью возстановить въ религіозномъ сознаніи западныхъ христіанъ истинное понятіе о церкви. Вотъ къ какому опредѣленію приходитъ онъ послѣ долгихъ изслѣдованій и размышленій: «церковь есть первосвященническая монархія, ограничиваемая епископской аристократіей»[1]).

Не заключается ли, въ самой возможности подобнаго опредѣленія, полнѣйшаго самоосужденія западно-католическому ученію и практикѣ—полнѣйшаго оправданія мнѣнію русскаго богослова? Если церковь есть

---

[1]) L'église est une monarchie pontificale, temperée par l'aristocratie episcopale. Maret. Du Concile général. T. I, p. XXII. 113, 117, 129 etc. Paris. 1869.

монархія или иная государственная форма бытія, тогда конечно нечего много и разсуждать объ единствѣ совѣстей, о согласіи въ вѣрѣ и тому подобныхъ нравственныхъ основаніяхъ церковныхъ, признаваемыхъ православнымъ ученіемъ. Западные католики могутъ лишь спорить о томъ: удержать ли форму монархическую, замѣнить ли ее республикой, удовольствоваться ли конституціей на аристократическомъ или демократическомъ началѣ. И въ самомъ дѣлѣ, въ преніяхъ, послѣдовавшихъ на мюнхенскомъ конгрессѣ, почти нѣтъ и рѣчи о внутренней идеѣ церкви, объ ея духовно-органической сущности, а на первый планъ выступаетъ забота о внѣшней церковной организаціи, на основаніи «демократическаго принципа».

«Монархія,» «аристократія,» «демократія»! Какъ чуждо звучатъ эти слова въ примѣненіи къ Христовой церкви, царству не отъ міра сего, о которомъ сказано, что въ немъ «нѣсть ни рабъ, ни свободь, но вси едино о Христѣ»!

Какъ странно слышать всѣ эти пренія намъ, членамъ православной церкви, по ученію которой, недавно вновь всенародно засвидѣтельствованному восточными патріархами, «хранителемъ благочестія въ церкви не одна іерархія, но самое тѣло церкви, т. е. самый народъ». Они же свидѣтельствуютъ, что іерархія и мірскіе члены церкви связаны между собою *не отношеніями власти и подчиненія*, но *«союзомъ любви и усердія къ общей матери церкви въ единствѣ вѣры»* [1]).

Но не таково ученіе и не такова была тысячелѣтняя жизнь римско-католическаго церковнаго міра. Не удивительно поэтому, что чистота понятія о церкви является поврежденною и затемненною, даже въ тѣхъ западныхъ христіанахъ, которые отрекаются нынѣ отъ римскихъ новѣйшихъ догматовъ. Понятно поэтому и притязаніе старо-католиковъ на безпрепятственное общеніе съ римскою церковью, съ которой они разобщены въ существенныхъ основаніяхъ вѣры; понятно и то, что *одновременно* съ выраженіемъ надежды на возсоединеніе съ восточною церковью, они заявляютъ о своемъ вѣроисповѣдномъ единствѣ съ утрехтскою церковью, и о своемъ ожиданіи «постепеннаго соглашенія съ прочими христіанскими вѣроисповѣданіями, *въ особенности съ протестантскими церквами»* и проч.

Относительно утрехтской церкви, старо-католики, конечно, правы: между ними и ею нѣтъ никакихъ противорѣчій, и именно потому, что утрехтская церковь находится въ такомъ же противорѣчіи сама съ собою, въ какомъ и старо-католики. Она также и отвергается и держится папы, и разобщаясь съ римскою церковью въ ученіи и догматахъ, ищетъ

---

[1]) Отвѣтъ восточныхъ патріарховъ на окружное посланіе папы Пія IX, 6 мая 1848 г., изданный въ русскомъ переводѣ въ С.-Петербургѣ въ 1850 г.

съ нею общенія. «Безглавая церковь», писалъ еще въ 1858 году Хомяковъ къ утрехтскому епископу Лоосу (Loos)[1]), «безглавая церковь, вы обращаетесь къ схизматической главѣ съ мольбою, чтобы она благоволила пристать къ вашему тѣлу и дать вамъ ту полноту бытія, которой вы не имѣете. Нѣтъ, не такъ бы стало дѣйствовать общество увѣренное въ себѣ и въ своихъ правахъ, еслибы оно сознавало, что эти права идутъ отъ Бога, а не отъ людей».

Что же касается до протестантскихъ *церквей*, сближенія съ которыми старо-католики «ожидаютъ подъ условіемъ необходимыхъ реформъ, при помощи науки и развитія христіанской культуры», то не странно ли это названіе протестантскихъ общинъ *церквами*, рядомъ съ упоминаніемъ о *церкви* вселенской, о *церкви* грековосточной, даже о церкви *римско-католической?* Ибо протестантизмъ не искажаетъ только, подобно Риму, понятіе о церкви, но отрицаетъ самое начало, какъ въ ученіи, такъ и въ жизни. Возмущенный, и справедливо, тою подвластностью папѣ, которую Римъ выдавалъ за единство церковное, протестантизмъ не возсоздалъ истиннаго единства и не понялъ его, а только выступилъ на волю и разсѣялъ церковное римское стадо. Если вы уже однажды признали истиннымъ основаніемъ вашей вѣры—«св. непрерывное преданіе и ученіе соборовъ древней нераздѣльной христіанской церкви», то въ силу какого логическаго скачка можете вы искать соединенія съ протестантскими, какъ вы выражаетесь, церквами, отвергающими именно св. преданіе и соборы? Какимъ образомъ вы, старо-католики, можете призывать къ себѣ въ союзники тѣхъ, которыхъ особенность заключается именно въ отрицаніи этой, священной для васъ старины? Не потому ли можетъ быть, что вамъ нужны не столько единомысленники въ вѣроученіи, сколько именно *союзники* въ вашемъ новомъ церковно-политическомъ положеніи?... Нельзя также оставить безъ замѣчанія, хотя бы и мимоходомъ, надежду, возлагаемую на науку и культуру. Мы высоко цѣнимъ и то, и другое. Но вѣдь не наукѣ и культурѣ только открывается божественная истина, и открывалась, ну хоть бы въ первыя времена христіанства,—чему имѣется «цѣлый облакъ свидѣтелей» по выраженію апостола Павла. И неужели масса людей, не облагодѣтельствованныхъ ни наукой, ни культурой (составляющими еще, такъ сказать, аристократическое достояніе), остается непризванною въ церковь Божію?

Къ какому же окончательному выводу должны мы придти послѣ внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія основныхъ положеній старокатолической программы? Она не дала намъ отвѣта на самый главный, самый существенный вопросъ: что же такое старо-католики? гдѣ они и

---

[1]) Мы постараемся вскорѣ обнародовать это письмо въ Германіи.

съ кѣмъ они? Тѣ внутреннія противорѣчія, которыя достаточно обнаружены нами въ вашей программѣ и въ которыхъ мы нисколько не думаемъ винить васъ лично, свидѣтельствуютъ, что вы, старо-католики, лишены всякой твердой почвы, всякой логической опоры для того положенія въ церковномъ мірѣ, которое вы теперь занимаете или хотите занимать. Вы даже не стоите, а колеблетесь; вы не на пути, а на распутьѣ. Иначе и быть не можетъ послѣ римскаго тысячелѣтняго духовнаго плѣна, въ которомъ пребывалъ христіанскій Западъ; но именно для полноты вашего духовнаго освобожденія и необходимо вамъ вооружиться рѣшимостью—безъ малодушія и высокомѣрія, безъ пристрастія и предубѣжденій, покориться честно и добросовѣстно всѣмъ логическимъ послѣдствіямъ вашего протеста.

Вы на распутьѣ и вы колеблетесь, а между тѣмъ, *не выступая изъ предѣловъ вашей же собственной программы*, можно указать вамъ на тотъ спасительный свѣточъ, который одинъ озаряетъ путь къ истинѣ. Вы и сами на него указываете, но еще не вошли въ область его свѣта. Имѣйте же мужество слѣдовать за нимъ неуклонно.

Этотъ свѣточъ свѣтитъ въ тѣхъ вашихъ словахъ, въ которыхъ вы излагаете основаніе вашего протеста. Вы протестуете противъ римско-католическаго ученія, облеченнаго недавно въ форму догматовъ, на томъ основаніи, что это ученіе *«несогласно ни съ Св. Писаніемъ, ни съ преданіемъ, ни съ первоначальною вѣрою, ни съ сознаніемъ древней христіанской вселенской церкви, выразившимся въ ученіи отцовъ и соборовъ еще во времена ея нераздѣльности»*. Будьте же послѣдовательны: въ недостаткѣ послѣдовательности вся ваша слабость.

Что же такое старо-католики? Какую старину они разумѣютъ? Конечно только ту, которая согласна *«съ Св. Писаніемъ, преданіемъ, вѣрою и ученіемъ древней нераздѣльной вселенской церкви»*. Инаго отвѣта и быть не можетъ послѣ вышеприведеннаго основанія вашего протеста. Къ какому же времени слѣдуетъ отнести эту старину въ жизни римско-католическаго міра? Конечно, только ко временамъ *«церковной нераздѣльности»*, такъ какъ самое раздѣленіе церкви произошло вслѣдствіе самовольнаго *измѣненія латинскою церковью вѣроисповѣднаго символа древней вселенской церкви*, т.-е. вслѣдствіе отступленія латинской церкви отъ той вѣры и того ученія, которыя ваша же программа признаетъ *единственно истинными.*

Слѣдовательно, чтобы не быть въ противорѣчіи съ основаніемъ вашего же собственнаго протеста, вы должны отречься отъ всего ученія и всей жизни римско-католическаго міра со времени раздѣленія церквей. Однакоже этого отреченія вы не произносите, да и на дѣлѣ не отрекаетесь, требуя для себя права продолжать общеніе съ настоящею римскою церковью.

Гдѣ же вы и съ кѣмъ вы?

Гдѣ вы и съ кѣмъ вамъ быть *должно* —это также разрѣшается основаніемъ вашего протеста: въ той церкви и съ тѣми, которыхъ исповѣданіе согласно *«съ первоначальною вѣрою, съ преданіемъ и съ ученіемъ отцовъ и соборовъ древней нераздѣльной христіанской церкви»*. Изъ этого силлогизма вы выдти не можете. Тѣмъ не менѣе вы обращаетесь къ той церковной общинѣ или мѣстной церкви, которую вы только что сами обличили въ несогласіи съ древнимъ церковнымъ вселенскимъ ученіемъ, и объявляете, что не смотря даже на отлученіе, которому она васъ подвергла, вы сами себя отъ нея не отлучаете. Такъ какъ церковное общеніе есть выраженіе единства въ вѣрѣ и духѣ, то стало-быть вы вѣруете одинаково съ римскою церковью, т. е. *несогласно съ ученіемъ древней вселенской церкви*. Но это бы противорѣчило основанію вашего протеста, а потому, не смотря на ваше желаніе общенія съ Римомъ, вы, въ силу вашего протеста и въ силу фактическаго отлученія васъ римскою церковью, пребываете теперь *внѣ* римской церкви.

Въ какой же вы церкви?

Та западная христіанская церковь, которая вѣрила и исповѣдывала *«согласно съ Св. Писаніемъ, вѣрою и ученіемъ древней вселенской, еще нераздѣленной церкви»*, прекратила свое бытіе на Западѣ уже тысячу лѣтъ назадъ. Другой церкви, вѣрующей и исповѣдующей съ ней согласно, на Западѣ въ наше время не существуетъ. Но если вы вѣруете въ истину древней вселенской церкви, то вы вѣруете и должны вѣрить, что обѣтованіе Спасителя о Своей церкви непреложно; что явленіе истины на землѣ, дарованное Христомъ во образѣ единой, святой, апостольской церкви, не могло прекратиться; что не можетъ, даже на короткое время, исказиться ея ученіе, ни прерваться непрерывность св. преданія. Однимъ словомъ, что должны же гдѣ-нибудь, въ какой-нибудь видимой частной церкви, сохраниться во всей неприкосновенности и чистотѣ: *«святая первоначальная вѣра, св. вселенское преданіе, ученіе отцовъ и соборовъ древней нераздѣльной христіанской церкви»*.

Только съ такою частною, мѣстною церковью быть принятыми въ единство и общеніе и можете вы желать, если провозглашенное вами основаніе протеста не ложь и не ошибка. Но этого, разумѣется, допустить невозможно. Только съ такою церковью вступивъ въ единство вѣры, въ согласіе духа и ученія и въ общеніе таинствъ, пріобщитесь вы къ истинному вселенскому церковному единству, къ древней и вѣчной церкви Христовой. Только *тогда* станете вы на твердое основаніе. Только *тогда* и можете образовать свою особую частную церковь. Такая частная церковь, будучи членомъ церкви вселенской, пребывая съ прочими мѣстными церквами въ постоянномъ живомъ союзѣ любви и вѣры, не вынуждается чрезъ то, конечно, держаться съ ними внѣшняго единства

обрядовъ, но можетъ, если желаетъ, и измѣнять ихъ по особенностямъ своей мѣстности, дорожа этимъ обрядовымъ единствомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой выражается въ нихъ единство ученія и духа.

Другаго исхода, другаго пути вамъ нѣтъ. Мы говоримъ о пути логически ведущемъ отъ точки вашего отправленія, отъ основанія вашего же собственнаго протеста. Есть, конечно, и другіе пути. Можно возвратиться въ лоно римско-католической церкви,—но тогда принесите повинную папѣ и признайте вашъ протестъ безразсуднымъ. Можно превратиться въ лютеранскую или иную протестантскую общину, то есть отречься отъ образа и ученія древней вселенской церкви и пойти по покатой дорогѣ протестантизма, поставивъ вѣру подъ охрану единичной совѣсти и единичнаго разума. Но тогда откажитесь отъ основанія вашего протеста. Можно, пожалуй, не домогаясь принятія въ общеніе и единство церквей, исповѣдующихъ вѣру и ученіе древней, нераздѣльной вселенской церкви, организовать, безъ ихъ согласія и благословенія свою особую мѣстную церковь, со всѣмъ надлежащимъ аппаратомъ, даже съ особымъ епископомъ, рукоположеннымъ папою и хотя имъ же потомъ и отлученнымъ, но все же, чрезъ наложеніе рукъ, снабдившимся даромъ епископской благодати. Нельзя, конечно, при этомъ не замѣтить нѣкоторой матеріальности такого пониманія таинства рукоположенія: какъ будто оно есть только механическій способъ передачи даровъ Св. Духа и не требуетъ полнаго единства вѣры и взаимной искренности рукополагающей церкви и рукополагаемаго! Къ тому же епископъ, вслѣдствіе своего несогласія въ вѣрѣ отлученный рукоположившею его частною церковью, едвали сохраняетъ право на совершеніе таинствъ, пока его вѣроисповѣданіе не будетъ признано правильнымъ всею совокупностью церкви вселенской, или по крайней мѣрѣ тою частною церковью, которая состоитъ со вселенскою въ полномъ единствѣ вѣры и ученія: только съ принятіемъ его въ общеніе такой частной церкви и чрезъ ея посредство въ общеніе церкви вселенской, можетъ быть возобновлено дѣйствіе благодати, дарованной ему первоначальнымъ рукоположеніемъ. Наконецъ, самое учрежденіе такой отдѣльной, одиноко стоящей мѣстной церковной общины не будетъ ли явнымъ пренебреженіемъ къ единству и другимъ нравственнымъ основаніямъ церкви, слѣдовательно опять же противорѣчіемъ *«Св. Писанію и преданію, и ученію древнихъ отцовъ и соборовъ»*?

Вы видите, что, не впадая въ вопіющее противорѣчіе съ логикой и съ основаніемъ вашего протеста, вы не можете найти другаго пути, кромѣ указаннаго нами выше. Вашъ единственный выходъ: искать единства и общенія съ церковью, сохранившею *неизмѣнность «вѣры и ученія древней нераздѣльной вселенской церкви»*, т. е. съ церковью православною, или, вашими словами, «грековосточною или русскою».

Вы и выражаете надежду на возсоединеніе съ нею, но не болѣе, какъ надежду и при этомъ такую, исполненію которой вы, повидимому, не придаете особенной важности, — тогда какъ въ этомъ возсоединеніи заключается для васъ вопросъ жизни и спасенія. Не надѣяться должны вы, а неотступно домогаться возсоединенія. Но что же мѣшаетъ,—можетъ быть возразите вы, — что же мѣшаетъ старо-католикамъ быть немедленно принятыми въ единство и общеніе православной церкви, послѣ всенародно заявленнаго ими осужденія римскимъ догматамъ, и всенародно же выраженнаго желанія пребывать въ согласіи вѣры съ древнею вселенскою церковью?

Препятствія не отъ православной церкви, а отъ васъ. Церковь, постоянно скорбящая объ отдѣленіи мѣстныхъ церквей Запада, съ любовью простираетъ къ вамъ свои объятія и радостно готова подвигнуться къ вамъ на встрѣчу, но при всемъ своемъ снисхожденіи къ заблудившимся сынамъ своимъ, она не можетъ въ дѣлѣ вѣры и истины допустить ни уступки, ни сдѣлки. Она есть истина, знаетъ себя только какъ истину и отступилась бы отъ себя самой, перестала бы быть, еслибы, сознательно или несознательно, допустила малѣйшую примѣсь лжи въ свое исповѣданіе. Бытіе истины на землѣ, во образѣ церкви, обусловливается полнѣйшимъ единствомъ вѣры, духа и жизни всѣхъ ея членовъ; въ этомъ и состоитъ ея сущность, и потому, безъ поврежденія самой сущности, не можетъ быть въ церкви единства *неполнаго*; единства только *внѣшняго*, а не внутренняго, — *вынужденнаго*, а не свободнаго,—*искусственнаго*, а не искренняго. Готовая признать за вами свободу мѣстныхъ обычаевъ и обрядовъ, церковь не можетъ принять васъ въ свое общеніе, не удостовѣрившись въ вашемъ полнѣйшемъ согласіи съ нею въ исповѣданіи вѣры и въ безусловной искренности вашего желанія пребывать съ нею въ единствѣ духа и въ любви.

Но вполнѣ ли искренно это ваше желаніе, и такъ ли ясно ваше религіозное сознаніе, чтобы, даже при тождествѣ вѣроисповѣднаго символа, церковь имѣла право признать васъ едиными съ нею въ *духѣ?* Можетъ ли она считать вполнѣ искреннимъ такое ваше желаніе, которое выражается вами рядомъ съ желаніемъ общенія съ римскою церковью и съ протестантскими общинами? Можетъ ли она считать вполнѣ яснымъ такое вѣросознаніе, которое допускаетъ противорѣчія, подобныя противорѣчіямъ вашей программы? До сихъ поръ мы требовали отъ васъ только логической послѣдовательности, которой нѣтъ въ вашей программѣ. Но даже и такая внѣшняя вынужденная послѣдовательность не устраняетъ сама по себѣ противорѣчія *воли* съ логикой. Путемъ только формальныхъ силлогизмовъ можно, конечно, дойти *до* истины, но не войти въ обладаніе ею. Истина не воспринимается однимъ внѣшнимъ логическимъ разумомъ, какъ уже столько разъ было сказано въ

этомъ письмѣ, но и вѣрою, и любовью, и всею нравственною цѣльностью духа. Убѣдитесь же въ томъ, — такова наша братская къ вамъ мольба,—что недостаточно только отказаться отъ римскихъ догматовъ, но необходимо отказаться и отъ ученія, духа и жизни — всей тысячелѣтней жизни папизма, заступившаго на Западѣ мѣсто вселенской церкви. Недостаточно даже и отказаться, но необходимо произнесть полное отреченіе (abjuratio). Недостаточно и отреченія, ибо какъ бывшіе члены римской церкви, вы и ваши предки грѣшили вмѣстѣ съ нею и отравлялись ея грѣхомъ; но необходимо полное, всецѣлое христіанское очищеніе и обновленіе вашего духа. Необходимо всею душой, всѣми помыслами своими возжелать и поискать истины, безъ надменности наукою и культурою, безъ гордой самоувѣренности, что вы уже обладаете ею, а въ смиреніи сердца и разума. Необходимо, вмѣсто преждевременныхъ попеченій о внѣшней вашей *организаціи*, позаботиться о самомъ *органическомъ* началѣ, — вмѣсто преждевременныхъ преній о подробностяхъ будущаго вашего церковнаго строя, утвердить краеугольный камень зданія—правоту вѣры. Необходимо наконецъ, для полнаго возсоединенія вашего съ истинною церковью, усвоить себѣ не одинъ вѣроисповѣдный символъ, но самый духъ церкви, духъ ученія и жизни. Поэтому-то мы и считаемъ обязанностью указать вамъ на богословскія сочиненія Хомякова, изъ которыхъ нѣкоторыя, писанныя на французскомъ языкѣ для западныхъ христіанъ, мы къ вамъ и препровождаемъ. Никогда, ни одинъ богословъ древнихъ и новѣйшихъ временъ не раскрывалъ съ такой ясностью и глубиною мысли ученіе церкви о себѣ самой, о своей сущности, а также и внутреннія духовныя свойства разномыслія между православною и римскою церковью[1]).

Не подумайте, что, признавая истину вселенской церкви только въ мѣстныхъ церквахъ, греческой или греко-славянской и русской, мы тѣмъ самымъ отрицаемъ недостатки и злоупотребленія, допущенныя во внѣшней жизни сихъ мѣстныхъ церквей ихъ недостойными членами. О, еслибы они были свободны отъ упрека, еслибы не были причастны лѣни, малодушію, человѣкоугодничеству! Но *никогда, ни разу* не грѣшили онѣ въ исповѣданіи вѣры, сохраняя его, во всей преданной имъ чистотѣ, неизмѣннымъ. *Никогда, ни разу* не отклонились въ своемъ

---

[1]) Кромѣ названныхъ прежде и посылаемыхъ брошюръ Хомякова, укажемъ еще на его катихизисъ, извѣстный подъ названіемъ *Церковь одна*, а также и на статью издателя его богословскихъ сочиненій, нашего извѣстнаго писателя Ю. Ѳ. Самарина; оба эти произведенія переведены на нѣмецкій языкъ и напечатаны въ Германіи: «A. S. Chomäkoff. Versuch einer katechetischen Darstellung der Lehre von der Kirche. Berlin. 1870». «Juri Samarin über Chomäkoff. Ein Beitrag zur Kenntniss der neuesten theologischen Bestrebungen in Russland. Berlin. 1870».

ученіи отъ ученія церкви вселенской. Никогда не провинились гордостью въ отношеніи къ отпадшимъ своимъ западнымъ братьямъ, такъ что, при всемъ сознаніи своей истины и присущей истинѣ власти, онѣ тѣмъ не менѣе, — постоянно скорбя объ отпаденіи цѣлой половины христіанскаго міра,—ни разу послѣ раздѣленія церквей, вопреки обычаю Рима, не называли своихъ соборовъ *вселенскими.* Рабы лукавіи и лѣнивіи, мы зарыли врученные намъ таланты въ землю, но не утратили и не промѣняли ихъ на поддѣльные. Мы сберегли сокровище, потерянное вами: придите же, раздѣлимъ его вмѣстѣ и вмѣстѣ пріумножимъ его.

У насъ истина, у насъ начало жизни, но бѣдна жизнь духа; у васъ опытъ, наука, трудъ и силы, въ трудѣ закаленныя, но нѣтъ духа жизни, нѣтъ истины: только въ возсоединеніи обрѣтемъ мы полную жизнь духа и полное творчество истины, ко славѣ Вѣчнаго Бога и Господа Іисуса Христа.

Москва.
Октябрь 1871 г.

Изъ газеты „День“.

1865 года.

Папская энциклика.

Латинскій міръ мятется. Папское вселенское посланіе, съ приложеннымъ къ нему перечнемъ или каталогомъ господствующихъ вредныхъ и опасныхъ *заблужденій*, есть безспорно самое важное событіе послѣдняго времени, важное не только для религіознаго сознанія, не только какъ историческій моментъ въ духовномъ развитіи человѣчества,—но и въ политическомъ отношеніи. На папскую энциклику, потрясающую самыя основы, на которыхъ зиждутся государственныя системы Европы, Наполеонъ III отвѣчалъ запрещеніемъ обнародовать ее въ предѣлахъ Франціи и назначеніемъ въ вице-президенты Тайнаго Совѣта своего двоюроднаго брата, личнаго врага папы, принца Наполеона, знаменитаго plon-plon, состоящаго при императорѣ Французовъ въ должности тромбоны или пугала крайняго либерализма, демократизма, всесвѣтной революціи и тому подобныхъ силъ, числящихся на службѣ или въ резервѣ у Бонапартистской династіи. Римскій престолъ отъ обороны перешелъ къ наступленію и, отвергая всякія сдѣлки, соглашенія и переторжки, досталъ изъ темныхъ подваловъ Ватикана свои древніе заржавленные доспѣхи, облекся ими снова и во всеоружіи папской власти явился снова воителемъ предъ лицомъ изумленнаго западнаго міра. Этотъ міръ давно уже успокоился на компромиссѣ религіи и современной цивилизаціи, давно уже пробавляется разными сдѣлками совѣсти и сознанія, и вотъ Пій IX, этотъ своего рода enfant terrible католицизма, чуждый лукавой мудрости и политическихъ разсчетовъ, срываетъ маску съ папства и съ цивилизаціи, ставитъ вопросъ съ рѣзкостью, достойною Среднихъ вѣковъ и въ наше время почти немыслимою, и будитъ латинство къ отвѣту. Какъ отвѣтитъ западный міръ? Подниметъ

ли онъ, говоря языкомъ средневѣковыхъ европейскихъ обычаевъ, перчатку, брошенную папой, и схватится съ нимъ въ послѣдней отчаянной борьбѣ? поищетъ ли серьезно и добросовѣстно, въ самомъ сознаніи своемъ, выхода изъ того духовнаго противорѣчія, въ которое онъ погруженъ, или же, не найдя выхода, а можетъ быть и устрашась того громаднаго подвига, который предлежитъ его сознанію и который ему не по силамъ,—просто замажетъ внутренній разрывъ религіи и цивилизаціи новымъ слоемъ лжи, и на нѣкоторое время успокоится снова?.. Но это нѣкоторое время во всякомъ случаѣ продолжится не долго; разрывъ слишкомъ глубокъ, противорѣчіе слишкомъ вопіюще, и если бы Наполеону III-му и удалось, полицейскими приказами, трубами, литаврами, торжественными военными маршами, заглушить теперь крики боли, стоны недуга и вопли запальчивой схватки, то ему не удастся ни разрѣшить вопроса, ни устранить антагонизма, ни ослабить взаимной ненависти, ни предотвратить окончательнаго взрыва. Противники познали другъ друга, мѣряютъ глазами другъ друга и, негодуя на внѣшнюю силу, сдерживающую ихъ порывы, ждутъ каждый только удобнаго времени, чтобъ схватившись въ окончательной борьбѣ—или погибнуть въ ней или выдти изъ нея побѣдителями.

Очевидно, что вопросъ, волнующій теперь западно-европейское общество и возбужденный папскимъ посланіемъ— несравненно важнѣе всѣхъ тѣхъ мелкихъ внѣшнихъ фактовъ, которые охотники до рубрикъ и всякихъ подраздѣленій относятъ къ области политики въ тѣсномъ смыслѣ. Политическое бытіе западнаго міра, какъ и восточнаго, есть только внѣшнее воплощеніе и развитіе тѣхъ духовныхъ началъ, которыя лежатъ въ ихъ основѣ, — и если въ суетѣ историческаго дня и теряется иногда память объ этихъ началахъ, то сокрытая живучесть ихъ, время отъ времени, напоминаетъ о себѣ гордымъ политикамъ вѣка, грозно обличая всю тщету легкомысленнаго отрицанія и грозно призывая міръ къ самосознанію...

Впрочемъ мы забываемъ, что не всѣ же наши читатели знакомы съ подробностями этого папскаго «дѣянія», а потому и передадимъ имъ, по возможности вкратцѣ, въ чемъ дѣло.

Папа выдалъ 8-го декабря *энциклику* (encyclica), т. е. нѣчто въ родѣ вселенскаго циркуляра, къ которому приложены: особая грамота о мѣсячномъ *юбилеѣ*, т. е. о полной индульгенціи, или о прощеніи грѣховъ срокомъ на одинъ мѣсяцъ; во 2-хъ, syllabus complectens praecipuos nostrae aetatis errores, т. е. каталогъ или списокъ главнѣйшихъ заблужденій нашего вѣка.

Относительно юбилея, т. е. льготы отъ грѣховъ, которые имѣютъ быть совершены вѣрными католиками въ теченіе мѣсяца, любопытны, по своей наивности, слѣдующія слова Папы: призывая всѣхъ къ мо-

литвѣ, онъ говоритъ: «такъ какъ безъ сомнѣнія молитвы людей пріятнѣе Богу, когда они приближаются къ Нему съ душами очищенными отъ всякаго пятна, то мы положили *раскрыть щедро для христіанъ небесныя сокровища церкви, ввѣренныя въ наше распоряженіе*» (т. е. накопившійся излишекъ Христовой благодати) «и потому даруемъ всѣмъ и каждому изъ вѣрныхъ того и другаго пола, во всей католической вселенной, полную индульгенцію въ формѣ юбилея, которою можно воспользоваться только въ теченіе одного мѣсяца въ 1865 году, по ближайшему назначенію епископальной власти». Намъ, православнымъ, къ счастію, нечего доказывать всю возмутительность такого присвоенія себѣ Папою «сокровищъ небесныхъ» и такого безцеремоннаго хозяйничанья ими,—но трудно повѣрить, чтобъ при современномъ уровнѣ европейскаго образованія могли найтись въ Европѣ люди просвѣщенные, способные еще умиляться такими монаршими щедротами своего духовнаго государя. Еще прежде, чѣмъ самое посланіе Папы стало извѣстнымъ, эти щедроты были возвѣщены міру особою телеграммой,—и какимъ диссонансомъ, какою невыносимо фальшивою нотою прозвучала эта телеграмма въ хорѣ европейской современной цивилизаціи! Покраснѣть и сгорѣть со стыда слѣдовало бы Западу предъ Востокомъ, еслибъ только Западъ всякую ложь свою не считалъ превыше всякой истины Востока, — покраснѣть отъ того лицемѣрія, съ которымъ онъ, безъ протеста, обязанъ былъ дать мѣсто въ своей публичной жизни этой пронзительно-фальшивой нотѣ;—но такъ какъ подобныя проявленія папской воли въ сущности довольно невинны и не выходятъ изъ предѣловъ власти принадлежащей «благоустроенной религіи», то французское правительство (котораго глава, впрочемъ, считается старшимъ сыномъ католической церкви) поспѣшило приложить къ этой индульгенціи свою правительственную санкцію,—т. е. *разрѣшило* оффиціально, декретомъ, всѣмъ *вѣрнымъ,* если не вѣрующимъ, католикамъ воспользоваться милостью Папы, а именно считать свою *совѣсть* свободною отъ грѣха отъ 1 числа до 30 числа (а можетъ быть и 31-го) включительно, въ теченіе года... Но интересъ всего дѣла заключается не въ юбилеѣ, а въ энцикликѣ и въ каталогѣ восьмидесяти заблужденій. Въ этихъ знаменитыхъ документахъ Папа исчисляетъ всѣ общіе выводы, къ которымъ пришла западная наука, всѣ результаты историческаго и соціальнаго развитія христіанскихъ обществъ по отношенію къ католическому вѣроученію и латинской церкви, — всѣ завоеванія, сдѣланныя будто бы надъ церковью — гражданскою жизнью и цивилизаціей, — ничего не прощаетъ, ничего не уступаетъ, ни въ чемъ не сдается, — ни къ чему не снисходитъ, и говоритъ XIX вѣку языкомъ Григорія VII и Иннокентія III. Онъ, силою своей апостольской власти, «порицаетъ, отвергаетъ и осуждаетъ и предписываетъ чадамъ католи-

ческой церкви считать отвергнутыми, осужденными и заклейменными порицаніемъ — всѣ извращенныя гибельныя мнѣнія, исчисляемыя въ посланіи и каталогѣ», т. е. осуждаетъ и отвергаетъ ученіе о несовмѣстности съ духовнымъ значеніемъ Римскаго апостольскаго престола—государственнаго начала; осуждаетъ и отвергаетъ отдѣленіе свѣтской власти отъ духовной, церковнаго суда отъ гражданскаго, независимость государственной власти отъ папской—даже въ области чисто-государственныхъ отправленій; онъ клеймитъ порицаніемъ, онъ называетъ злымъ безуміемъ и опаснымъ бредомъ свободу совѣсти, свободу вѣроисповѣданія, свободу мысли, свободу слова, свободу печати, свободу воспитанія и всяческую свободу, которая наноситъ какой-либо ущербъ —не Божьей правдѣ, а правамъ и власти апостольскаго престола...

Впечатлѣніе, произведенное папскою энцикликою въ католическихъ земляхъ и въ особенности во Франціи, было громадное. Современный гражданскій строй исповѣдывающихъ латинство обществъ подвергся разомъ осужденію въ существеннѣйшихъ своихъ основахъ; современная цивилизація отлучена, такъ сказать, отъ церкви. Спорные вопросы, благодаря папскому неразумію или, вѣрнѣе, папской искренности и послѣдовательности, были явно, публично, торжественно постановлены—какъ тяжба католицизма съ цивилизаціей, тяжба непримиримая, не признающая никакихъ сдѣлокъ. Клерикальная партія смутилась, ультрамонтанскіе журналы съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ старались было смягчить дѣйствіе папской энциклики, но большинство журналовъ во Франціи, либеральныя партіи всѣхъ оттѣнковъ разразились негодованіемъ и ударили въ набатъ, требуя, чтобы этой тяжбѣ было наконецъ дано разрѣшеніе. Французское правительство, дозволивъ напечатаніе папскихъ документовъ въ журналахъ, наложило запрещеніе на энциклику и каталогъ въ области церковной, т. е. предписало епископамъ—не обнародывать этихъ актовъ въ церквахъ, не дѣлать ихъ предметомъ ни проповѣдей, ни пастырскихъ посланій. Это вмѣшательство свѣтской власти придало нѣкоторую рѣшимость колебавшемуся духовенству. Восемь епископовъ уже протестовали противъ распоряженія министерства, защищая не сущность посланія (до него еще не доходило рѣчи), но права свои на одинаковую со всѣми свободу слова, на равенство съ прочими терпимыми во Франціи вѣроисповѣданіями. Двое епископовъ отданы были подъ судъ. Нашлись и такіе, которые, вмѣстѣ съ пріободрившимися католическими газетами, явились запальчивыми адвокатами самой римской церковно-соціальной доктрины. Полемика завязалась горячая, жгучая...

По особенной милости Божіей, мы, Русскіе, да и всѣ, принадлежащіе къ православному вѣроисповѣданію, поставлены внѣ этой борьбы

и можемъ смотрѣть на нее, какъ на любопытное и поучительное зрѣлище, хладнокровно и безпристрастно, — хладнокровнѣе и безпристрастнѣе, чѣмъ протестанты—эти борцы вчерашняго дня. Собственно насъ папская энциклика нисколько не поразила какъ что-то неожиданно новое; напротивъ, нельзя не подивиться, какъ и почему, по какому праву могъ латинскій міръ ожидать отъ папства чего-либо инаго?! Наблюдая со стороны, мы не можемъ не любоваться, такъ сказать, непреложностью той внутренней логики, сокрытой въ событіяхъ, которая, черезъ длинный рядъ вѣковъ, неумолимо приводитъ ложное основаніе къ его законному выводу, и фальшивый принципъ развиваетъ до его крайнихъ послѣдствій. Невѣріе въ свободу Христа, въ свободу внутренняго духа, заставившее папство опереться на свѣтскую власть; государственное начало, съ типомъ Римскаго вселенскаго земнаго владычества — должны были неминуемо обратить церковь въ государство, царство не отъ міра сего въ царство отъ міра, и создать то чудовище духовнаго деспотизма, которое, владѣя «мечемъ князей міра», какъ своимъ собственнымъ, столько вѣковъ тяготѣло надъ человѣчествомъ. Элементъ принужденія, насилія,—неотъемлемый аттрибутъ земной государственной власти и формальнаго закона, и столь чуждый ученію Христа, смѣнившаго, для области духа, власть и рабство закона—свободою отъ закона и благодатью,—этотъ элементъ насилія и принужденія духовнаго и вещественнаго, не могъ не произвести реакціи духа. Бунтъ, борьба мятежнаго духа противъ духовнаго деспотизма знаменуютъ собою весь ходъ европейской цивилизаціи: какъ и исторія западныхъ государствъ, она есть рядъ насильственныхъ завоеваній... Насиліе возмѣщается насиліемъ; невѣріе въ свободу Христа вѣрою въ государство, и во сколько духовная власть думала опереться на власть свѣтскую и на внѣшнюю силу, во столько свѣтская власть и внѣшняя сила тяготѣютъ въ свою очередь надъ свободою церкви. Латинская церковь, ставъ царствомъ отъ міра, занявъ мѣсто на землѣ, среди прочихъ сферъ земной общественной жизни, или сама тѣснила ихъ и дѣлала государство функціей церкви, или же въ свою очередь была ими тѣснима и становилась функціей государства. Однимъ словомъ — исторія отношеній латинской церкви и западно-европейскихъ государствъ и обществъ есть постоянное размежеваніе внѣшнихъ границъ власти духовной и свѣтской, постоянная борьба за обоюдныя права, на время прекращавшаяся, но еще не разрѣшенная въ общемъ сознаніи западно-европейскаго человѣчества (хотя почти уже разрѣшенная на фактѣ, въ жизни)— постоянное взаимное *отрицаніе*. Въ дѣлахъ вѣры, говоритъ Хомяковъ, насилованное единство есть ложь и насилованное послушаніе есть смерть. Насилованная вѣра, прибавимъ мы, порождаетъ безвѣріе, и самая сво-

бода латинскаго Запада есть только отрицанiе рабства, произведенiе бунта, а не положительное начало духовной свободы.

Энциклика доказываетъ, что папство внутри себя нисколько не измѣнилось, да и не могло измѣниться, не переставши быть папствомъ, не отрекшись отъ того, что вошло въ его жизнь и кровь, что живетъ въ немъ, какъ основной принципъ, что дало ему историческое блестящее бытiе,—не подвергнувъ осужденiю какихъ-нибудь пятнадцать вѣковъ своего существованiя! И въ то время, какъ народы римскаго происхожденiя (народы германскаго происхожденiя, съ большими требованiями духа, давно уже разорвали мятежно всякую связь съ Римомъ) готовы были помощью разныхъ комбинацiй и компромиссовъ удовлетвориться какою-нибудь сдѣлкою съ папскою властью и съ католической религiею вообще, поставивъ политическiй принципъ выше начала вѣры и обративъ церковь въ благоустроенную и послушно организованную функцiю государства,—въ это самое время Римъ, отвергая такiя несовмѣстимыя съ его сущностью, невозможныя для него соглашенiя, обнажилъ предъ ними всю истину своей лжи и всю ложь ихъ сдѣлокъ... Папская энциклика Пiя IX есть, можетъ быть, самое честнѣйшее дѣло Рима, во всю его исторiю, и образованный Западъ долженъ благодарить Небо за то, что ложь папства не прикрылась никакимъ новымъ подобiемъ правды, не обманула взоровъ никакимъ маревомъ, а явилась во всей своей наготѣ. Въ самомъ дѣлѣ, устами Пiя IX сказывается само внутреннее многовѣчное содержанiе католическаго вѣроученiя, а не личное, временное или случайное притязанiе. Это послѣднее слово того историческаго силлогизма, который охватилъ собою 15 вѣковъ западно-европейской жизни, пространнѣйшiя области земли и миллiоны преемственно слѣдовавшихъ другъ за другомъ человѣческихъ поколѣнiй. Папство только вѣрно само себѣ, и въ этомъ есть даже нѣкоторая нравственная заслуга. Еслибъ Пiй IX похожъ былъ на Григорiя VII, на Бонифацiя VIII-го и т. д., то энциклику можно было бы еще, пожалуй, назвать произведенiемъ личнаго безпокойнаго властолюбiя и гордыни,—но Пiй IX-й есть безспорно прекрасный христiанинъ сердцемъ, человѣкъ не властолюбивый и смиренный,—и потому образованному мiру нѣтъ никакой возможности сваливать вину этого разрыва съ цивилизацiй на личность Папы, а приходится имѣть дѣло съ болѣе труднымъ, съ болѣе строгимъ и грознымъ вопросомъ,—съ вопросомъ о самыхъ началахъ, съ вопросомъ о сущности католицизма и религiи вообще и о значенiи церкви въ особенности! Если бы папство не было ложью въ самомъ себѣ, то теперешнее его положенiе въ мiрѣ можно было бы по истинѣ назвать величественнымъ зрѣлищемъ. Слабый старикъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ могучими государствами Европы, нетерпѣливо порывающимися сорвать съ себя послѣднiе остатки духовнаго ига,—осаждаемый отвсюду гордою надмен-

ною цивилизаціею, противополагаетъ и духовнымъ и вещественнымъ враждебнымъ силамъ свое non possumus, безоружнымъ словомъ отражаетъ народы, запутавшіеся въ собственной лжи! Эта собственная ложь народовъ въ томъ и состоитъ, что почти утративъ всякую вѣру, они однакоже не имѣютъ смѣлости духа отречься отъ всякой религіи; считая невозможнымъ безъ нея обойтись, они стараются уладиться съ нею—съ наибольшимъ комфортомъ для совѣсти и государства! Они можетъ быть и не хотѣли бы долѣе рабствовать предъ ложью католицизма,—они можетъ быть и испытываютъ потребность истинной вѣры, но едвали они не слишкомъ подорваны нравственно для того, чтобъ поискать истины, чтобъ совершить подвигъ духовнаго перерожденія и принять ее сердцемъ. Эту борьбу лжи съ ложью молчаливо наблюдаетъ православный Востокъ, хранящій истину, сберегшій чистыми преданія и христіанскій идеалъ духовной свободы, но коснѣющій въ бездѣйствіи и зарывающій свое сокровище въ землю!

Въ высшей степени интересно то, что противники папской энциклики, вытѣсняемые наступательнымъ движеніемъ католической лжи изъ позицій, созданныхъ имъ житейскою дешевою философіей, и не рѣшающіеся быть вполнѣ послѣдовательными въ своемъ легкомысленномъ отрицаніи, т. е. не дерзающіе довести свое обычное отрицательное отношеніе къ вѣрѣ до заявленія необходимости совершеннаго упраздненія религіи въ государствѣ,—напротивъ пугающіеся такого выхода изъ грозной дилеммы,—въ высшей степени, говоримъ мы, замѣчательно, что эти противники, отступая, и сами того почти не сознавая, доходятъ почти механическимъ ходомъ мысли до границъ истины православія. «Странно, восклицаетъ Парижская газета l'Opinion Nationale, издаваемая приверженцемъ принца Наполеона и Пале-рояля, Адольфомъ Геру, отъявленнымъ врагомъ Россіи и другомъ Польши — странно, пишетъ она, что цивилизованныя государства въ Европѣ до сихъ поръ не могутъ сладить съ своею независимостью, не могутъ добыть себѣ свободы, когда Сербія, Греція, Молдавія, по примѣру Россіи, давно освободились отъ власти патріарха Константинопольскаго, который въ сущности есть папа восточной церкви (!!)»... «Надо созвать соборъ, продолжаетъ эта газета, соборъ мѣстный, народный (un concile national)». «Папа, конечно, въ своей энцикликѣ объявляетъ недѣйствительными всѣ постановленія подобныхъ соборовъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ: что же такое, однакоже, Папа? L'église — c'est moi, церковь — я, — такъ можно, примѣняясь къ знаменитому l'état c'est moi (государство — это я) Людовика XIV-го, выразить въ трехъ словахъ сущность всего папскаго посланія. Но такое опредѣленіе понятія о церкви, спрашиваетъ та же газета, не противорѣчитъ ли древнему и забытому опредѣленію, которое гласитъ, что церковь есть собраніе вѣрующихъ, включая сюда *даже*

народъ,—а не замыкается вся въ лицѣ Папы, что въ ней всѣ равны, всѣ имѣютъ голосъ и что только общее согласіе даетъ силу постановленіямъ такихъ собраній церкви?...» Вотъ что начинаютъ вспоминать передовые люди латинскаго Запада,—что-то давно ими забытое, не подозрѣвая, что это понятіе о церкви составляетъ одинъ изъ главныхъ догматовъ православнаго вѣроученія, наиболѣе разъединившій восточную церковь съ западной, и что оно продолжаетъ жить и дѣйствовать въ православномъ мірѣ. Мы могли бы указать имъ на отвѣтное посланіе восточныхъ патріарховъ тому же Пію IX-му, который, взойдя на свой Римскій престолъ, обратился къ нимъ съ предложеніемъ возсоединенія. «Мы не составляемъ церковь, мы только іерархія – отвѣчали патріархи— тѣло церкви есть народъ...» Мы могли бы посовѣтовать французскимъ публицистамъ прочесть три извѣстныя брошюры Хомякова, напечатанныя на французскомъ же языкѣ[1]), въ которыхъ раскрыто православное ученіе о церкви, и предсказана судьба папства съ изумительною вѣрностью. Но не можемъ утаить нашего внутренняго сознанія, что французскіе мыслители, какъ говорятъ Французы, font de nécessité vertu, наталкиваются на истину по необходимости, именно потому, что папское чистосердечіе мѣшаетъ имъ вступить съ нимъ въ какой-либо новый торгъ, и что вообще вопросъ о религіи составляетъ для нихъ теперь важный интересъ только потому, что on ne peut pas s'en passer, т. е. мудрено безъ нея обойтись, особенно для простаго народа!! Поэтому, заходя въ домъ истины, такъ сказать, съ задняго крыльца, они едвали способны признать ее во всемъ ея обличіи, а расположены скорѣе выкрасть что-либо оттуда «для примѣненія къ современнымъ потребностямъ государства и общества». Такъ и упомянутая нами Парижская демократическая газета, говоря о древнемъ понятіи о церкви, тотчасъ налагаетъ на него штемпель своихъ современныхъ узкихъ воззрѣній, пробу достоинства съ своей исключительной точки зрѣнія, называя церковь отлично организованнымъ *демократическимъ* учрежденіемъ...

Какъ бы то ни было, духовная несостоятельность Запада, его внутреннее раздвоеніе, его безъисходное противорѣчіе даютъ себя чувствовать западному міру все сильнѣе и сильнѣе, а съ изданіемъ папской энциклики еще рѣзче, чѣмъ когда-либо. Положеніе западнаго католика—образованнаго— вполнѣ трагическое. Чѣмъ можетъ онъ отвѣтить подобнымъ вѣщаніямъ главы своей церкви: свобода совѣсти, свобода мысли

---

[1]) Quelques mots par un chrétien orthodoxe sur les communions occidentales, à l'occasion d'une brochure de M. Laurentie. Paris. 1853. Quelques mots sur les communions occidentales à l'occasion d'un mandemant de Mgr. l'archevêque de Paris, Leipzig. 1855; Encore quelques mots d'un chrétien orthodoxe sur les confessions occidentales, à l'occasion de plusieurs publications religieuses latines et protestantes. Leipzig. 1858.

есть бредъ, безуміе, преступное требованіе?! Ничѣмъ инымъ, какъ полнѣйшимъ отрицаніемъ папской непогрѣшимости. Но внѣ Папы—гдѣ точка опоры для вѣры? Гибнетъ папство—гибнетъ, повидимому, и вѣра, ибо одно отрицаніе лжи не созидаетъ вѣры, а гдѣ ее взять, положительную вѣру? Опереться на личное чувство и личное разумѣніе? но это значитъ разрушить церковь и идти по путямъ протестантизма... Откуда же создать новую церковь, съ ея характеромъ вселенскости, а не какъ частную конгрегацію? Тутъ только слѣдующіе выходы: или обратиться къ Востоку и тамъ поискать и вѣры и истины;—но для этого необходимо познаніе восточной церкви и ея вѣроученія, чего недостаетъ Западу; необходимо смиреніе, также недостающее горделивой цивилизаціи Запада,—смиреніе, при которомъ единственно возможно уразумѣть истину; необходимо, какъ мы сказали, почти совершенное перерожденіе духа... Или—другой выходъ—быть вполнѣ послѣдовательнымъ, вести цивилизацію отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ отрицанія къ отрицанію. Это былъ бы путь самый послѣдовательный; но самъ Западъ содрогается отъ ужаса при мысли о такомъ разрушеніи, о той пустотѣ, которая водворится въ мірѣ съ паденіемъ религіи. Да наконецъ, онъ смутно сознаетъ, что это отрицаніе безсильно предъ положительною проповѣдью католическаго ученія, и что вся мощь папства заключается именно въ томъ безвѣріи, которое проникаетъ въ міръ, въ томъ страхѣ, который внушаетъ міру это безвѣріе. Наконецъ остается третій путь—путь сдѣлокъ съ совѣстью, сдѣлокъ государства съ церковью, полюбовное размежеваніе небеснаго съ земнымъ, вещественнаго съ невещественнымъ, внѣшняго съ внутреннимъ, и т. д., однимъ словомъ, лицемѣріе вмѣсто вѣры,—«благоустроенная религія, приспособленная къ потребностямъ государства, къ удобствамъ жизни и развитію цивилизаціи»! Но эта сдѣлка, повторяемъ, не есть разрѣшеніе вопроса, но только отсрочка его, не излѣченіе недуга, а палліативъ,—временно ослабляющее и смягчающее врачеваніе, только усиливающее болѣзнь и готовящее ей страшный кризисъ.

Нѣкоторыя робкія души, смущенныя сначала папскою энцикликой, но не нашедшія никакого выхода изъ внутренняго противорѣчія, рѣшились кажется покончить съ нимъ тѣмъ, что закрывъ глаза, заткнувъ уши, заглушивъ внутренній голосъ, бросились въ раскрывшійся омутъ лжи съ усугубленною, фанатическою вѣрою, отреклись отъ личнаго разума, совѣсти и воли. Такъ епископъ Тюльскій Берто, въ новомъ приливѣ паѳоса послѣ полученія энциклики, дошелъ до того, что сталъ проповѣдывать съ каѳедры такое ученіе о непогрѣшимости Папы, которое у насъ кажется богохульствомъ, а для западныхъ публицистовъ служитъ предметомъ посмѣянія. «Папа, говоритъ онъ, находится въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Отцомъ: тайны безконечности—тайны между ними двумя (les secrets de l'infini sont des secrets à eux deux). Папа

есть повѣренный Божества. Онъ обладаетъ слухомъ Отца Небеснаго (il a l'oreille du Père qui est dans les cieux).

И такъ папское апостольское посланіе воздвигаетъ вновь тяжбу между католицизмомъ и цивилизаціей, тяжбу готовую обратиться въ борьбу между цивилизаціей и религіей вообще. Латинская ли церковь побѣдитъ государство или государство побѣдитъ церковь—и то и другое разрѣшеніе ложь, равно какъ ложь и въ папствѣ и въ атеизмѣ. Папство еще сильно вѣрою въ себя, и малѣйшая сдѣлка есть для него приговоръ смерти. Западная цивилизація также могуча, на ея сторонѣ внѣшняя сила. Покровы съ язвъ сорваны, и внутреннему противорѣчію Запада нѣтъ примиренія и не видать разрѣшенія...

Мы будемъ отъ времени до времени сообщать читателямъ всѣ важнѣйшія явленія этой борьбы.

ДОКЛАДЪ

Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества Общему Собранію Членовъ сего Общества, 12 Мая 1874 года, по дѣлу о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ при соблюденіи Высочайше утвержденныхъ 4 Декабря 1861 года Правилъ о порядкѣ совершенія надъ иновѣрцами-нехристіанами таинства Св. Крещенія.

Настоящее дѣлопроизводство возникло первоначально вслѣдствіе представленія Святѣйшему Правительствующему Синоду Архіепископа Камчатскаго, нынѣ Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго, Иннокентія, о необходимости допустить для Камчатской епархіи нѣкоторыя измѣненія въ 1-мъ и 5-мъ пунктахъ Высочайше утвержденныхъ 4 Декабря 1861 года Правилъ относительно совершенія надъ иновѣрцами-нехристіанами таинства Св. Крещенія. Святѣйшій Синодъ, соглашаясь съ мнѣніемъ Камчатскаго Преосвященнаго, входилъ по сему поводу, чрезъ Оберъ-Прокурора Св. Синода, въ сношеніе съ Главноуправляющимъ II Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи, который при своемъ заключеніи доставилъ и тождественное съ нимъ заключеніе бывшаго Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Но вслѣдъ за тѣмъ поступили въ Святѣйшій Синодъ новыя представленія, а также переданы были при предложеніи г. Оберъ-Прокурора письма и записки, имъ полученныя: отъ Преосвященнаго Пароенія Архіепископа Иркутскаго, отъ Начальника Забайкальской миссіи, Епископа Селенгинскаго Веніамина, и отъ Начальника Алтайской миссіи, Протоіерея Стефана Ландышева, — равномѣрно о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ ими при крещеніи инородцевъ, и не только по 1-му и 5-му, но и по всѣмъ шести пунктамъ вышеупомянутыхъ Правилъ въ совокупности.

Не постановляя по симъ бумагамъ окончательнаго опредѣленія, Святѣйшій Синодъ всю переписку по сему предмету препроводилъ къ Его Высокопреосвященству, Предсѣдателю Православнаго Миссіонерскаго Общества, при указѣ отъ 11 Января 1871 года за № 29, съ тѣмъ,

чтобъ она была предложена, какъ сказано въ указѣ, «Общему Собранію Членовъ Общества для соображенія при опредѣленіи мѣръ, какія признаны будутъ необходимыми для содѣйствія миссіямъ, согласно уставу Общества, къ устраненію препятствій успѣху миссіонерской дѣятельности, и чтобъ о послѣдующемъ донесено было Святѣйшему Синоду».

Переданная Его Высокопреосвященствомъ въ Совѣтъ Миссіонерскаго Общества настоящая переписка, по распоряженію Совѣта, дополнена новыми свѣдѣніями и отзывами, доставленными отъ семи епархіальныхъ Архіереевъ Восточной Россіи.

Сущность дѣла состоитъ въ слѣдующемъ:

Правилами 1 Декабря 1861 года постановлено:

Пунктъ 1-й. Надъ малолѣтними Евреями, магометанами и язычниками, не достигшими 14-лѣтняго возраста, совершается таинство Св. Крещенія по обряду Православной вѣры не иначе, какъ съ согласія ихъ родителей, или опекуновъ, изъявленнаго письменно. Изъятія изъ сего правила могутъ быть допускаемы лишь по усмотрѣнію важныхъ къ тому причинъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода.

Этотъ пунктъ возбудилъ на практикѣ нѣкоторыя недоразумѣнія и затрудненія.

Если еще возможно, пишутъ мѣстные Преосвященные и Начальники Миссій, требовать письменнаго заявленія о согласіи отъ Евреевъ и даже отъ магометанъ, то въ отношеніи къ милліонамъ инородцевъ Восточной Россіи такое требованіе представляется неудобнымъ уже потому, что почти всѣ инородцы безграмотны, а у многихъ племенъ даже никакихъ письменъ еще и не изобрѣтено. Изъ доставленныхъ свѣдѣній оказывается, что тамъ, гдѣ приходится нашимъ миссіонерамъ проповѣдывать Евангеліе, иногда на сотню верстъ кругомъ нѣтъ никого грамотнаго, кромѣ самого миссіонера и его причетника; слѣдовательно все письменное обезпеченіе относительно согласія родителей или опекуновъ сводится, по необходимости, къ тѣмъ же двумъ лицамъ, которыя совершаютъ и обращеніе инородцевъ въ Православную вѣру. Можно было бы, замѣчаютъ миссіонеры, довольствоваться только занесеніемъ въ метрику именъ двухъ или трехъ лицъ, бывшихъ свидѣтелями даннаго согласія; но какъ быть, спрашивается, съ сиротами, у которыхъ родителей нѣтъ? Правила указываютъ на опекуновъ, предполагая конечно въ Сибирскихъ инородцахъ уже достаточное развитіе гражданственности. Между тѣмъ у большей части кочевниковъ не только не существуетъ сколько-нибудь организованной опеки, но на языкѣ ихъ не имѣется даже и слова для выраженія этого понятія. Правда, прибавляютъ въ объясненіяхъ своихъ Начальники миссій, родственники иногда забираютъ этихъ сиротъ къ себѣ: но именно съ тѣмъ,

чтобъ овладѣть ихъ имуществомъ, а не для того, чтобъ согласіемъ на принятіе ими Православія выпускать ихъ изъ своихъ рукъ и давать имъ покровителей въ лицѣ миссіонеровъ. Да гдѣ, чрезъ кого и когда разбирать права этихъ «самозванныхъ опекуновъ»? Наконецъ, какъ быть, когда изъ родственниковъ одинъ согласенъ допустить Крещеніе, а другой нѣтъ?

Затѣмъ, вообще такое требованіе согласія со стороны родителей язычниковъ на принятіе ихъ дѣтьми Святаго Крещенія, по выраженію Начальниковъ миссій, «равносильно безусловному запрещенію крестить инородческихъ дѣтей моложе 14-лѣтняго возраста». Можно ли ожидать, спрашиваютъ они, таковаго согласія отъ людей, признающихъ Христіанство вѣрою ложною, погруженныхъ въ мракъ самаго грубаго идолопоклонства и нерѣдко преисполненныхъ враждебнаго фанатизма? Безъ всякаго сомнѣнія, объясняютъ они, насильственное крещеніе дѣтей было бы еще большимъ преступленіемъ нежели насильственное крещеніе взрослыхъ, если бы послѣднее было возможно. Но подобное насиліе воспрещается самою Православною Церковію, и о крещеніи младенцевъ противъ воли родителей въ русской миссіонерской практикѣ нѣтъ и вопроса. Если же не у младенцевъ, а у дѣтей, хотя бы и недостигшихъ 14 лѣтъ, является вполнѣ искреннее, вполнѣ свободное влеченіе ко вступленію въ число Христіанъ, то ставить удовлетвореніе этого влеченія въ зависимость отъ согласія, требуемаго 1-мъ пунктомъ правилъ,—значитъ подчинять благое, праведное желаніе дѣтей слѣпому произволу полудикихъ изувѣровъ—родителей и опекуновъ, и даже оказывать этому произволу явное предпочтеніе. Миссіонеръ не располагаетъ никакою внѣшнею принудительною властію; къ тому же случаи крещенія несовершеннолѣтнихъ безъ воли родителей, по свидѣтельству нашихъ миссіонеровъ, вообще очень рѣдки уже потому, что миссіонеру приходилось бы тогда брать крещаемаго на свое содержаніе. Но если эти случаи рѣдки, то тѣмъ болѣе, по словамъ Селенгинскаго Преосвященнаго, они заслуживаютъ вниманія и требуютъ полной свободы дѣйствій для миссіонера. Такъ въ Алтайской миссіи бывали примѣры, что дѣти, убѣгая отъ родителей, преодолѣвая всякія препятствія, являлись въ миссіонерскій станъ изъ-за 200 верстъ съ неотступною просьбою о крещеніи, вслѣдствіе пропаганды такихъ же инородческихъ дѣтей, но уже окрещенныхъ. Такъ почившій Иркутскій Архіепископъ Парѳеній разсказываетъ о мальчикѣ, прибѣжавшемъ къ нему въ домъ ночью, тайкомъ отъ родственниковъ, съ слезной мольбой принять его въ христіанство; такъ Епископъ Селенгинскій сообщаетъ два подобные случая. Одинъ 13-лѣтній инородецъ, находившійся съ дѣтства въ услуженіи въ русскомъ купеческомъ домѣ, ознакомился тамъ съ Православною вѣрою и настойчиво, горячо умолялъ Преосвященнаго о присоединеніи его къ

Православію: обращаться къ его отцу за согласіемъ значило бы не только лишить мальчика благодати Крещенія, но подвергнуть его гоненію и истязанію; просить разрѣшенія у Святѣйшаго Сунода, на основаніи новыхъ правилъ, т. е. писать за 6000 верстъ, когда на оборотъ почты требуется иногда 14 мѣсяцевъ, а съ канцелярскимъ промедленіемъ нерѣдко и болѣе,—было невозможно уже потому, что мальчикъ могъ во всякую минуту быть истребованъ отцомъ и навѣки остаться некрещеннымъ; вопреки правиламъ, мальчикъ былъ окрещенъ. Но другой случай окончился иначе: 12-лѣтній мальчикъ изъ Бурятъ, обучавшійся въ бурятскомъ училищѣ и тамъ получившій понятіе о святой вѣрѣ, несмотря на всѣ свои моленія и слезы, не былъ допущенъ къ Крещенію мѣстнымъ миссіонеромъ, именно за силою 1-го пункта новоизданныхъ правилъ; на другой же день отказа, родители, провѣдавъ о желаніи сына, поспѣшили взять его изъ училища и угнать какъ можно дальше отъ всякаго миссіонерскаго стана. Новыя правила даютъ, конечно, родителямъ на то полное право; но въ такомъ случаѣ самое учрежденіе училищъ, гдѣ инородческія дѣти, обучаясь вмѣстѣ съ окрещенными, невольно узнаютъ о Христѣ, представляется не совсѣмъ удобнымъ; ибо, поясняетъ тотъ же Преосвященный, испрашивать въ подобныхъ обстоятельствахъ согласія родителей, все равно, что налагать на дѣтей, пожелавшихъ креститься, вмѣсто благодати Крещенія и безъ благодати Крещенія, жребій «мученичества»;—все равно, что приглашать родителей-изувѣровъ, облеченныхъ безусловною надъ дѣтьми властью, къ принятію надлежащихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ искорененію въ дѣтяхъ всякаго поползновенія обратиться въ число послѣдователей Христовыхъ. «Новый законъ» — пишетъ одинъ изъ Преосвященныхъ въ запискѣ, представленной Святѣйшему Синоду—«охраняя суевѣріе (и свободу суевѣрія) въ лицѣ родителей, забываетъ о вѣрѣ (и о свободѣ вѣры) въ лицѣ дѣтей, защищаетъ ложь противъ истины и полагаетъ преграду Христіанскому просвѣщенію».

Въ самомъ дѣлѣ,—такъ недоумѣваетъ почившій Архіепископъ Парѳеній и нѣкоторые Начальники миссій—по какому праву можетъ служитель Православной вѣры отказать вѣрующему въ Крещеніи, въ виду словъ Евангелія: «Иже вѣру иметъ и крестится»? На какомъ основаніи первымъ пунктомъ Правилъ 1861 года полагается для вѣры предѣлъ въ 14-лѣтнемъ возрастѣ, котораго не указываетъ Православная Церковь? Вѣра, пишутъ они, не философское убѣжденіе,—«она есть плодъ благодати Божіей, которая дѣйствуетъ не ограничиваясь ни возрастомъ, ни степенью образованія; къ вѣрѣ способенъ такъ же дикарь, какъ образованный Европеецъ, и дитя, какъ и совершеннолѣтній мужъ»... «Оставите дѣти приходити ко мнѣ», сказалъ Спаситель... «Православная Церковь, основываясь на глубокомъ знаніи природы человѣ-

ческой, вѣдаетъ лишь семилѣтній возрастъ, по наступленіи котораго признаетъ дѣтей обязанными очищать свою совѣсть таинствомъ Покаянія», слѣдовательно признаетъ ихъ имѣющими совѣсть, имѣющими волю и подлежащими въ своей мѣрѣ нравственной отвѣтственности. Искренное, сознательное желаніе дѣтей, хотя и не достигшихъ 14 лѣтъ, быть Христіанами, желаніе, которое можетъ быть засвидѣтельствовано кромѣ священника и еще нѣкоторыми лицами христіанскаго общества, развѣ не составляетъ для нихъ, какъ выражается Преосвященный Веніаминъ, уже права совѣсти, права на присоединеніе къ Христіанству, тѣмъ болѣе, что принятіе Святаго Крещенія не измѣняетъ внѣшняго, гражданскаго состоянія крещаемаго и не отмѣняетъ никакихъ законныхъ правъ у родителей. «Если», замѣчаетъ записка Начальника Алтайской миссіи, переданная Оберъ-Прокуроромъ на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода,—«по 169 ст. X тома Свода Законовъ, дѣти освобождаются отъ обязанности повиноваться противъ совѣсти не только опекунамъ, но и самимъ родителямъ, то почему же они обязаны противъ совѣсти покланяться языческимъ идоламъ по требованію родителей? Почему же не позволяется новыми Правилами ограждать свободу совѣсти дѣтей въ дѣлѣ совѣсти по преимуществу, не выходящему изъ предѣловъ чисто-нравственнаго дѣянія? Почему же, продолжаетъ та же записка, въ ущербъ свободѣ совѣсти увѣровавшей, дается могущественный перевѣсъ произволу совѣсти невѣрующей, или вѣрнѣе: дается полный законный просторъ грубому насилію язычника надъ совѣстью, возжелавшей Христова свѣта? Напротивъ,— утверждаютъ какъ Начальники миссій, такъ и мѣстные Преосвященные,—если въ чемъ ощущается особенная потребность, такъ именно въ законѣ, который бы, напротивъ, ограждалъ свободу совѣсти инородцевъ-Христіанъ и ищущихъ Христіанства, среди инородцевъ-язычниковъ; который бы оказывалъ крещающимся защиту и покровительство отъ утѣсненій всякаго рода, нынѣ ими претерпѣваемыхъ; который бы, въ христіанскомъ государствѣ, облегчалъ, а не затруднялъ пріобщеніе къ обществу христіанскому и къ началамъ общей гражданственности, и не допускалъ бы, чтобы такое благое дѣло сопровождалось для нашихъ новыхъ единовѣрцевъ и согражданъ послѣдствіями, равносильными наказанію»...

Таково почти буквально воспроизведенное мнѣніе о 1-мъ пунктѣ Правилъ 1861 года лицъ, примѣнявшихъ этотъ пунктъ на практикѣ въ отношеніи къ инородцамъ.

Далѣе, Правилами 1861 года повелѣно:

Пунктъ 2-й. Надъ иновѣрцами, достигшими уже 14-лѣтняго возраста, таинство Святаго Крещенія можетъ быть совершено и безъ согласія ихъ родителей и опекуновъ, если будетъ съ совершенной досто-

вѣрностью приведено въ извѣстность, что сами обращающіеся желаютъ и требуютъ присоединенія къ Церкви Православной и что они имѣютъ достаточныя свѣдѣнія въ ея догматахъ и ученіи.

Пунктъ 3-й. Недостигшіе совершеннолѣтія, то есть двадцати лѣтъ съ годомъ, иновѣрцы, до совершенія обряда Святаго Крещенія, наставляются во всѣхъ существенныхъ основаніяхъ вѣры въ теченіе шести мѣсяцевъ; для наставленія же иновѣрцевъ совершеннолѣтнихъ оставляется въ своей силѣ древній сорокадневный срокъ, съ допущеніемъ впрочемъ, какъ прежде, и теперь, и болѣе краткаго срока, по нуждѣ и смотря по успѣхамъ наставляемаго.

Примѣчаніе. Установленный въ сей статьѣ шестимѣсячный для несовершеннолѣтнихъ иновѣрцевъ срокъ не долженъ быть принимаемъ въ смыслѣ срока непреложнаго; при семъ должны быть принимаемы въ соображеніе какъ понятіе, такъ и степень убѣжденія обращающагося.

Пунктъ 4-й. Опасно больные иновѣрцы всякаго возраста могутъ, по желанію ихъ, быть крещены безъ промедленія, съ соблюденіемъ установленныхъ Церковію правилъ и съ тѣмъ, 1) чтобъ къ крещенію такихъ лицъ было приступлено не прежде, какъ по надлежащемъ, совершенно надежномъ удостовѣреніи, что они находятся не въ состояніи безпамятства, лишающаго ихъ возможности выразить съ сознаніемъ и разумѣніемъ свою волю; 2) чтобъ о совершеніи такого крещенія по нуждѣ было безотлагательно донесено епархіальному Начальству и 3) чтобъ новокрещеннаго въ такихъ обстоятельствахъ, буде онъ выздоровѣетъ, епархіальное Начальство поручало особому благонадежному духовному лицу для назиданія и утвержденія въ Христіанствѣ.

Относительно выраженнаго въ сихъ пунктахъ требованія, чтобы пріемлющіе Святое Крещеніе были достаточно наставляемы въ основаніяхъ вѣры, а больные допускались къ Крещенію въ состояніи не безпамятства, а сознанія, бывшіе Начальники миссій Забайкальской и Алтайской замѣчаютъ, что «требовать всего этого есть право и обязанность самой Церкви,—и она всегда этого требовала на основаніи Слова Божія и Соборныхъ Правилъ, не только отъ несовершеннолѣтнихъ и опасно больныхъ, но и отъ всѣхъ крещаемыхъ, взрослыхъ и несовершеннолѣтнихъ, больныхъ и здоровыхъ». Въ такомъ, какъ они выражаются, «подтвержденіи гражданскимъ закономъ повелѣній Господа Іисуса Христа и Святой Церкви и въ виду существующихъ издавна каноническихъ правилъ оглашенія и приготовленія оглашенныхъ къ принятію вѣры и Крещенія» не представляется особенной надобности. Что касается шестимѣсячнаго и сорокадневнаго срока для наставленія, то оговорка, помѣщенная въ примѣчаніи къ 3-му пункту, уничтожаетъ въ дѣйствительности все ограничительное значеніе сего пункта и не сообщаетъ миссіонерамъ никакого новаго права, ибо изъятія изъ ка-

ноническаго правила объ оглашеніи дозволены по нуждѣ, ранѣе гражданскаго закона, самою Церковію, и миссіонеры давно ими пользовались и пользуются. Миссіонерское дѣло только и держится сими изъятіями. Преосвященный Парѳеній и Начальники миссій открыто свидѣтельствуютъ, что не только шестимѣсячный, но и сорокадневный срокъ никогда ими не соблюдался и соблюдаться не можетъ. Немыслимо, пишутъ они, инородцевъ, явившихся въ миссіонерскій станъ, чтобы принять Святое Крещеніе, и улучившихъ для сего досужее время, удерживать при станѣ шесть мѣсяцевъ, или даже шесть недѣль, когда имъ необходимо торопиться домой, чтобы поспѣть на звѣриный ловъ, или откочевать съ оленями дальше на лучшій кормъ,—когда отъ сихъ условій зависитъ самое ихъ существованіе. Точно также немыслимо и для миссіонера, встрѣтившаго гдѣ-либо въ своемъ странствованіи стойбище кочевыхъ Калмыковъ или Бурятъ, и тутъ же въ открытомъ полѣ начавшаго свою проповѣдь, требовать отъ инородцевъ, выразившихъ сочувствіе къ проповѣди, чтобъ они, покинувъ семьи и племя, странствовали вмѣстѣ съ нимъ въ теченіе установленныхъ сроковъ, такъ какъ нельзя же миссіонеру оставаться на мѣстѣ для назиданія не только шесть мѣсяцевъ, но и сорокъ дней, каждый разъ, какъ онъ найдетъ людей расположенныхъ принять Христіанство. Предъявлять инородцамъ требованіе подобнаго рода—равнозначительно положительному отказу въ совершеніи надъ ними таинства Святаго Крещенія; это было бы то же, что возлагать на нихъ бремя неудобоносимое, отталкивать ихъ отъ свѣта въ тьму и опускать спасеніе душъ всегда благовременное. Такимъ образомъ, объясняетъ записка Начальника Алтайской миссіи, во сколько новый гражданскій законъ повторяетъ повелѣнія Церкви, во столько онъ излишенъ; во сколько бы онъ уклонился отъ сихъ повелѣній, еслибы не допустилъ изъятія относительно сроковъ, во столько бы онъ былъ вреденъ и неисполнимъ. Не гражданскимъ закономъ руководясь, а единственно священническою совѣстью и сообразно съ разрѣшеніемъ, даруемымъ самою Церковію, судитъ миссіонеръ, по мнѣнію Преосвященнаго Селенгинскаго, о срокѣ, достаточномъ для приготовленія крещаемаго къ принятію Православія. Полное, основательное разумѣніе догматовъ едвали кто изъ инородцевъ въ состояніи пріобрѣсть и послѣ 6 мѣсяцевъ назиданія, а «что нужно знать вѣрующему для спасенія, пишетъ тотъ же Преосвященный, то можно преподать и въ одинъ или нѣсколько дней, по примѣру Апостольскому; подробности же Вѣры удобнѣе сообщать послѣ просвѣщенія благодатью Крещенія», когда окрещенный инородецъ чувствуетъ себя уже болѣе своимъ Христіанскому обществу, становится воспріимчивѣе и довѣрчивѣе.

Что касается до постановляемаго 4 пунктомъ условія, чтобы о крещеніи опасно больныхъ было безотлагательно доносимо епархіальному Начальству, то оно не всегда удобоисполнимо, въ особенности для миссіонера, нерѣдко заѣзжающаго верхомъ за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣстопребыванія сего Начальства, въ такія дебри и тундры, гдѣ нѣтъ ни путей, ни средствъ сообщенія. Другое условіе того же пункта о томъ, чтобы въ случаѣ выздоровленія такого опасно больнаго, епархіальное Начальство назначало для дальнѣйшаго его назиданія особое благонадежное духовное лицо,— это условіе, по отзыву Начальниковъ миссій, не представляя, конечно, никакого вреда, не представляетъ и никакой нужды, а только умножаетъ и безъ того обременительную для миссій переписку. Почему же, спрашиваютъ они, только такимъ образомъ крещенные нуждаются въ особомъ благонадежномъ духовномъ лицѣ для своего назиданія, особо назначаемомъ епархіальнымъ Начальствомъ? Почему же этимъ лицомъ не можетъ быть тотъ же, крестившій ихъ приходскій священникъ, или же миссіонеръ, признанный тѣмъ же Начальствомъ за достаточно благонадежнаго для наставленія здоровыхъ крещающихся инородцевъ, безъ особаго всякій разъ разрѣшенія?

5 пунктъ Правилъ 1861 года повелѣваетъ слѣдующее:

«Обрядъ таинства Святаго Крещенія долженъ быть совершаемъ надъ иновѣрцами въ церкви (за исключеніемъ случаевъ болѣзни иновѣрца) и всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей или ближайшаго мѣстнаго начальства. Прежде начатія сего священнаго обряда, какъ священнослужители, долженствующіе совершать оный, такъ и мѣстное начальство, обязанное присутствовать при ономъ, должны тщательно удостовѣриться, что иновѣрецъ принимаетъ Святое Крещеніе добровольно и съ должнымъ разумѣніемъ, и безъ сего убѣжденія ни въ какомъ случаѣ не совершается и не допускается Крещеніе. По совершеніи сего церковнаго обряда, присутствовавшій при ономъ ближайшій мѣстный начальникъ обязанъ засвидѣтельствовать собственноручно совершеніе обряда Крещенія въ метрической книгѣ».

Этотъ пунктъ, по общему свидѣтельству всѣхъ мѣстныхъ епархіальныхъ Архіереевъ и Начальниковъ миссій, оказался, въ отношеніи къ инородцамъ, совершенно непримѣнимымъ.

Во 1-хъ, требованіе, чтобы обрядъ Крещенія совершаемъ былъ непремѣнно въ церкви, встрѣчаетъ въ Восточной Россіи то неудобство, что церквей въ ней мало, а пространство довольно значительно, и что инородцы—населеніе не осѣдлое, а большею частію кочевое. Такъ изъ дѣла видно, что во всей Иркутской губерніи и Забайкальской области (то есть на пространствѣ 22,843 кв. верстъ), всего 4 миссіонерскихъ

церкви [1]). По мнѣнію бывшаго Архіепископа Камчатскаго, нынѣ Московскаго Митрополита, Высокопреосвященнаго Иннокентія, такое требованіе не приложимо къ практикѣ миссіонерскаго дѣла. Въ представленіи Его Высокопреосвященства Святѣйшему Синоду эта практика описывается слѣдующимъ образомъ: «проповѣдникъ отправляется съ причетникомъ или толмачемъ въ стойбища туземцевъ, иногда верстъ за 200 и болѣе отъ церкви; по пріѣздѣ, приглашаетъ туземцевъ послушать его проповѣди и, когда соберутся, начинаетъ съ ними духовную бесѣду, разсказывая Священную Исторію, паденіе человѣка» и проч. «Послѣ одной или двухъ бесѣдъ спрашиваетъ тутъ же, при народѣ: не желаетъ ли кто вступить въ число вѣрующихъ во Іисуса Христа? Когда таковые окажутся, онъ поучаетъ ихъ особо, сколько нужно и можно, и когда признаетъ ихъ достаточно подготовленными, приступаетъ къ самому Крещенію, которое совершается большею частію въ рѣкѣ. Ибо, прибавляетъ Высокопреосвященный, почти нигдѣ нельзя достать и посуды, удобной для погруженія взрослыхъ» — да наконецъ и желающихъ креститься можетъ быть довольно много. Требовать же сихъ желающихъ въ церковь, значитъ, по мнѣнію того же Архипастыря, «требовать отъ нихъ невозможнаго»: ибо имъ въ такомъ случаѣ пришлось бы путешествовать съ семействами иногда за нѣсколько сотъ верстъ, или же пропустить удобное время запасенія пищи на весь годъ. То же подтверждаютъ и всѣ прочіе Преосвященные и Начальники миссій, единогласно удостовѣряющіе, что настойчивостію на исполненіи подобнаго правила можно не только охладить въ инородцахъ всякое расположеніе къ принятію Святой Вѣры, но и окончательно разстроить всѣ долголѣтнія усилія миссій, съ такимъ упорствомъ, лишеніями и терпѣніемъ прокладывающихъ себѣ, по выраженію Иркутскаго Архіепископа Парѳенія, «дорогу во тьмѣ и сѣни смертной».

Во 2-хъ, касательно требованія, чтобы обрядъ Крещенія совершаемъ былъ всегда въ присутствіи благонадежныхъ свидѣтелей, бывшій Преосвященный Камчатскій замѣчаетъ, въ томъ же своемъ представленіи Святѣйшему Синоду, что «крещеніе миссіонерами инородцевъ-язычниковъ происходитъ всегда днемъ и при стеченіи всѣхъ, кто только случится; стало-быть, всегда при многочисленныхъ свидѣтеляхъ и вполнѣ благонадежныхъ, такъ какъ инородцы никогда не отрицаютъ того, что видѣли». Къ тому же, какъ поясняютъ прочіе Преосвященные и Начальники миссій, требованіе присутствія двухъ свидѣтелей въ лицѣ воспріемниковъ есть основное требованіе самой Святой Церкви, такъ

---

[1]) Такъ было въ 1861 году. Въ настоящее время, въ Иркутской епархіи число миссіонерскихъ церквей умножилось до 25. Но и это количество весьма не велико сравнительно съ пространствами, на которыхъ кочуютъ инородцы.

что въ этомъ отношеніи едвали, по мнѣнію ихъ, представляется надобность въ особомъ гражданскомъ законѣ; напротивъ, полагаютъ они, такой законъ можетъ дать только поводъ къ неизвѣстнымъ доселѣ юридическимъ сомнѣніямъ и спорамъ, напримѣръ, о степени и объ условіяхъ благонадежности свидѣтелей съ точки зрѣнія гражданской власти и т. п. Эти условія могутъ оказаться не вполнѣ примѣнимыми къ сибирскимъ тундрамъ и вообще къ обстановкѣ миссіонернаго дѣла въ Сибири, а вслѣдствіе того могутъ возникнуть новыя затрудненія и новая переписка—неблагопріятныя для успѣха Евангельской проповѣди.

Въ 3-хъ, пятымъ пунктомъ Правилъ требуется, чтобы прежде начатія обряда Крещенія, не только священнослужители, совершающіе оный, но и обязанное присутствовать приономъ мѣстное ближайшее начальство непремѣнно удостовѣрялось, что иновѣрецъ принимаетъ Крещеніе добровольно и съ должнымъ разумѣніемъ: безъ сего же убѣжденія (со стороны начальства), ни въ какомъ случаѣ Крещенія не допускать.

Здѣсь мѣстными Преосвященными и Начальниками миссій прежде всего возбуждается вопросъ: кого разумѣть подъ мѣстнымъ ближайшимъ начальствомъ, присутствіе котораго, при совершеніи таинства Крещенія, обязательно, и безъ котораго, слѣдовательно, по смыслу новаго Правила, не дозволяется священнослужителю совершать надъ язычникомъ сіе таинство? Если разумѣть ближайшую полицейскую власть, т. е. исправниковъ, становыхъ, засѣдателей и т. п., то, по разсужденію бывшаго Камчатскаго Архіепископа, исполненіе этого требованія положительно невозможно, потому что крещеніе инородцевъ происходитъ иногда за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣстопребыванія этого начальства: не можетъ же миссіонеръ откладывать Крещеніе, пока будетъ дано знать начальству и пока начальство, занятое быть можетъ розыскомъ убійцъ или бѣглыхъ, или другими подобными полицейскими и нужными дѣлами на противоположномъ краю округа, удосужится наѣхать въ степь, чтобы, по выраженію Преосвященнаго Селенгинскаго, «контролировать священнодѣйствіе служителя Церкви». Дѣятельность миссіонера не знаетъ перерыва; окончивъ въ одномъ стойбищѣ, онъ отправляется въ другое, снова проповѣдуетъ, поучаетъ и креститъ: какимъ же образомъ, спрашиваютъ Начальники миссій, будетъ полицейское начальство за нимъ слѣдовать? Удобно ли вызывать сихъ чиновниковъ для каждаго случая крещенія?—И наоборотъ, возможно ли пригонять совершеніе Святаго обряда къ одному общему сроку, когда туземцы разбросаны на огромномъ пространствѣ, а кочующіе инородцы могутъ и откочевать куда-нибудь въ сторону, не дождавшись прибытія начальства? Соблюденіе такого требованія гражданскаго закона, по словамъ бывшаго Камчатскаго Преосвященнаго, въ его представленіи Святѣй-

шему Синоду, «можетъ быть только препятствіемъ къ просвѣщенію дикарей».

Но если и предположить присутствіе ближайшаго полицейскаго начальства возможнымъ (какъ оно и дѣйствительно возможно въ городахъ, или на степныхъ ярмаркахъ), то какимъ образомъ, — ставятъ новый вопросъ мѣстные Преосвященные и Начальники миссій, — будетъ полиція удостовѣряться въ томъ, что инородецъ приступаетъ къ принятію святой Вѣры не только добровольно, но и съ должнымъ разумѣніемъ? Что священнослужителю, разсуждаютъ они, предъ начатіемъ совершенія святаго таинства необходимо надлежитъ въ томъ удостовѣриться—это его обязанность, равно какъ и право, налагаемыя на него не гражданскимъ закономъ, а Святою Церковію: онъ судитъ о степени должнаго разумѣнія точно такъ же, и по той же власти, какъ судитъ, безъ участія и надзора полиціи, о степени покаянія и готовности людей къ принятію таинства Евхаристіи; онъ и отвѣчаетъ за это предъ Церковію и Богомъ. «Но какъ же,—замѣчаетъ бывшій Камчатскій Преосвященный, — станетъ судить о должномъ разумѣніи Православной вѣры гражданское начальство—нерѣдко инославное?» По свидѣтельству бывшаго Начальника Алтайской миссіи, исправники и становые въ той мѣстности бываютъ нерѣдко польскаго происхожденія, католики и даже воспитанники іезуитскихъ школъ. Законъ въ Россіи и не налагаетъ на гражданскихъ чиновниковъ обязанности исповѣдывать непремѣнно Православную вѣру; они могутъ быть даже и не христіане; но если это безразличіе въ вѣрѣ не имѣетъ особой важности при исполненіи внѣшнихъ, формальныхъ требованій гражданскаго закона, то едвали, по мнѣнію Начальника миссіи, не пріобрѣтаетъ оно слишкомъ великаго значенія, когда полицейскому чиновнику-иновѣрцу присвояется право провѣрять сужденіе православнаго священника о степени дѣйствительнаго разумѣнія Православной вѣры въ пріемлющемъ Святое Крещеніе: когда дѣло православной миссіонерской проповѣди, дѣло обращенія въ Православіе «отдается» — по выраженію Епископа Селенгинскаго въ запискѣ, представленной Синоду — «подъ полицейскій надзоръ» чиновнику католическаго, иногда магометанскаго, можетъ случиться даже еврейскаго исповѣданія, — и не только подъ надзоръ, но въ полную зависимость отъ одобренія и согласія такой гражданской власти?

Да и что̀ называть, какъ опредѣлить внѣшнимъ непререкаемымъ образомъ «должное разумѣніе» святой Вѣры и таинства Крещенія, если бы даже ближайшіе начальники были изъ православныхъ,—спрашиваютъ и бывшій Камчатскій Архіепископъ и почившій Архіепископъ Иркутскій и прочіе преосвященные и миссіонеры. «Мы требуемъ, пишетъ Преосвященный Парѳеній, отъ желающихъ принять крещеніе

инородцевъ, что существенно нужно: покаянія и вѣры. Покаянія — въ томъ смыслѣ, чтобы крещающійся выразилъ по своему усмотрѣнію и въ самыхъ простыхъ словахъ, что онъ обѣщается оставить шаманство, или ламайство, измѣнить жизнь, какую проводилъ въ язычествѣ, и жить такъ, какъ учатъ миссіонеры.—Если это обѣщаніе искреннее, то мы и считаемъ его достаточнымъ, въ той увѣренности, что послѣ крещенія есть другое покаяніе, покаяніе какъ таинство, которымъ будетъ очищаться то, что въ жизни окрещенныхъ допущено будетъ несообразнаго съ христіанствомъ. Вѣры требуемъ не на словахъ, а стараемся возбуждать ее въ сердцѣ, и притомъ въ самомъ существенномъ для спасенія. По дѣлу молитвы указываемъ о чемъ нужно молиться, а какъ выражать молитву передъ Отцемъ Небеснымъ, предоставляемъ имъ самимъ. И если обучаемъ молитвѣ, то такой, которая выражается въ двухъ-трехъ словахъ: «Господи помилуй! Господи прости! Господи помоги!»—не обременяя неразвитой памяти инородца ученіемъ наизусть Сѵмвола Вѣры, и не требуя отъ него сразу того, чего онъ, выражаясь словами Спасителя, «еще не можетъ носити нынѣ»... Но что, если такое отношеніе къ вѣрѣ будетъ становымъ приставомъ признано недостаточнымъ? Если онъ предъявитъ такую свою мѣрку «должнаго разумѣнія», которую совершающій таинство Крещенія священникъ съ своей стороны найдетъ не совсѣмъ правильною? Если бы,— замѣчаетъ далѣе Иркутскій, а также и другіе Преосвященные—подвергнуть строгому испытанію не только инородцевъ, которыхъ можно назвать еще младенчествующими, но даже и многихъ православныхъ, то всѣ ли они могли бы похвалиться вполнѣ должнымъ разумѣніемъ вѣры? И какъ быть въ случаѣ пререканія о правомъ разумѣніи вѣры между исправникомъ, или становымъ и священнослужителемъ? На это въ правилахъ нѣтъ указанія,— а между тѣмъ, споръ у полиціи можетъ возникнуть не только съ священникомъ, но и съ архіереемъ, потому что въ Сибирскихъ епархіяхъ таинство Крещенія и присоединенія инородцевъ очень часто совершается архіереями. «При такомъ законѣ»,— таковы подлинныя слова бывшаго Камчатскаго Архіепископа въ письмѣ къ Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода,— «при такомъ законѣ можетъ такъ случиться, что не только священникъ, но даже и самъ архіерей не можетъ приступить къ совершенію таинства Святаго Крещенія надъ язычникомъ, если мѣстное начальство объявитъ, что приступающій къ Крещенію худо знаетъ ученіе вѣры; и дѣлать нечего, надо будетъ повиноваться, иначе оно можетъ силою не допустить», такъ какъ въ 5 пунктѣ Правилъ сказано, что «безъ убѣжденія» со стороны начальства въ должномъ разумѣніи вѣры, «ни въ какомъ случаѣ Крещеніе не допускается». На этомъ основаніи, Высокопреосвященный Иннокентій и ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ

Синодомъ о точнѣйшемъ указаніи тѣхъ предметовъ Вѣры, «въ знаніи которыхъ предоставляется исправнику и становому производить испытаніе».

Неудобство, а иногда и фактическая невозможность, для ближайшаго мѣстнаго начальства, присутствовать при каждомъ миссіонерскомъ крещеніи инородцевъ, совершаемомъ нерѣдко за нѣсколько сотъ верстъ отъ мѣстопребыванія полиціи, признаны были и высшею административною властью. Бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, Статсъ-Секретарь Валуевъ, на разсмотрѣніи котораго находилось вышеупомянутое представленіе Синоду Преосвященнаго Камчатскаго, въ заключеніи своемъ, къ дѣлу приложенномъ, выражаетъ мнѣніе, что «крещеніе язычниковъ при бытности гражданскаго начальства служитъ для Правительства ручательствомъ въ томъ, что принятіе Православія язычникомъ совершено добровольно и съ должнымъ разумѣніемъ». Тѣмъ не менѣе, въ виду обширности разстоянія Камчатской епархіи, Министръ полагаетъ возможнымъ допустить замѣну полицейской власти мѣстнымъ старостою, съ тѣмъ однако, чтобы присутствіе сего послѣдняго считалось условіемъ непремѣннымъ. Такое разъясненіе, безъ всякаго сомнѣнія, значительно устраняетъ промедленіе, неизбѣжное съ приглашеніемъ гражданскаго начальства; но какъ оказывается изъ дѣла, старосты или старшины, которымъ Статсъ-Секретарь Валуевъ предложилъ передать обязанность тщательно удостовѣряться въ доброй волѣ и искренности новообращеннаго и въ согласіи его родителей, и допускать или не допускать священника до совершенія таинства Крещенія надъ язычникомъ, — эти мѣстные старосты и старшины между инородцами большею частію сами язычники. Изъ представленій Святѣйшему Синоду епархіальныхъ властей и изъ переданныхъ въ оный писемъ и записокъ начальствъ миссій усматривается, что всѣ вышеописанныя ими неудобства отъ участія въ дѣлѣ крещенія гражданской полиціи усиливаются въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ обязанность надзирать за правильностію дѣйствій іереевъ и архіереевъ при совершеніи таинства Крещенія надъ инородцами и судить о степени искренности и разумѣнія святой вѣры крещаемыми язычниками перешла къ послѣдователямъ шаманства и ламайства и прочимъ идолопоклонникамъ — старшинамъ, т. е. къ зайсанамъ, тайшамъ, шуленгамъ, башлыкамъ, димичамъ. Начальникъ Алтайской миссіи сообщаетъ даже оффиціальный фактъ, какъ «зайсанъ второй дючины (волости) прислалъ нарочнаго къ нему и обществу села Улалы объявить, что онъ, зайсанъ, не дозволяетъ крестить Калмыка его вѣдомства, живущаго въ Селѣ Алтайскомъ, уже объявившаго желаніе быть христіаниномъ, и чтобы миссіонеры не смѣли крестить никого, кромѣ тѣхъ, кого крестить прикажетъ онъ, зайсанъ». Начальнику миссіи оставалось только повиноваться, ибо безъ разрѣше-

нія зайсана, безъ свидѣтельства зайсана въ правомъ разумѣніи вышеозначеннымъ Калмыкомъ Православной вѣры, по смыслу 5 пункта Правилъ, таинство Крещенія совершено быть не могло. Всѣ же эти тайши и зайсаны, какъ удостовѣряютъ начальники миссій, находятся подъ неограниченнымъ вліяніемъ фанатиковъ шамановъ, и въ особенности ламъ, имѣющихъ, благодаря русскому гражданскому закону, крѣпкую, сильную организацію и зорко преслѣдующихъ каждаго ламанта, оказывающаго наклонность къ христіанству.

Если, пишутъ Начальники миссій, цѣль 5 пункта Правилъ — предупредить крещеніе недобровольное, принудительное, насильственное, въ чемъ, по словамъ ихъ, русское духовенство никогда повинно и не было, то 5 пунктомъ эта цѣль достигается въ смыслѣ совершенно обратномъ, т. е. предупреждается не недобровольное, а именно добровольное, свободное крещеніе инородцевъ; потому что,—свидѣтельствуютъ миссіонеры,—инородецъ никого такъ не боится, какъ начальства, и въ присутствіи его, особенно подвергнутый публичному начальническому допросу, робѣетъ, теряется, даетъ отвѣты, лишь внушенные страхомъ къ начальству, и готовъ отъ всего отказаться, лишь бы избавиться такого «мучительнаго состоянія». Въ Русской Церкви,—замѣчаетъ записка одного изъ Начальниковъ миссій, пріобщенная Святѣйшимъ Синодомъ къ дѣлу, — извѣстны лишь случаи принудительнаго обращенія въ Православіе Евреевъ-кантонистовъ и вообще тѣ только случаи, гдѣ это обращеніе совершалось именно при участіи военнаго и гражданскаго начальства. Православное же русское духовенство никогда не подвергалось нареканію въ расположеніи къ насильственному обращенію и въ фанатическомъ духѣ прозелитизма. Да и возможно ли—поясняетъ Селенгинскій Преосвященный—«допустить насильственное крещеніе инородцевъ, особенно взрослыхъ, при православномъ обрядѣ Крещенія чрезъ погруженіе»? Для этого священнослужителю, или архіерею, совершающему таинство, надобно было бы согласить на преступное дѣяніе не одного, а нѣсколько человѣкъ, и притомъ обладающихъ достаточною физическою силою.

6 пунктъ Правилъ 1861 года опредѣляетъ выдачу денежнаго пособія пріемлющимъ святое Крещеніе иновѣрцамъ-нехристіанамъ изъ Евреевъ и Калмыковъ, при водвореніи ихъ между христіанами. При семъ оговорено, что сіе пособіе выдается равномѣрно пріемлющимъ и всякую другую, терпимую и признаваемую закономъ въ Имперіи христіанскую вѣру. Статья эта выражена въ слѣдующихъ словахъ: въ тѣхъ случаяхъ, когда иновѣрцы нехристіанскаго исповѣданія, принявшіе христіанскую вѣру семьями или отдѣльно, должны оставить прежнюю свою осѣдлость среди бывшихъ ихъ единовѣрцевъ и водвориться въ городахъ или селеніяхъ между христіанами, имъ опредѣляется изъ казны въ пособіе при переселеніи и новомъ во-

дворенiи: Евреемъ, каждому безъ различiя пола, отъ 15 до 30 рублей серебромъ, а дѣтямъ въ половину, Калмыкамъ же простолюдинамъ, имѣющимъ семейства,—по пятнадцати, а холостымъ—по восьми рублей.

По этому пункту возникли въ миссiяхъ слѣдующiе вопросы: а) Почему же въ этомъ пособiи отказано Бурятамъ, Остякамъ, Тунгусамъ и прочимъ инородцамъ, не менѣе Калмыковъ нуждающимся въ денежномъ вспомоществованiи,—такъ какъ, по принятiи Крещенiя, они часто становятся между язычниками какъ бы отверженными, подвергаются гоненiямъ и матерiальнымъ лишенiямъ, а водвориться въ христiанскихъ селенiяхъ не имѣютъ средствъ? б) Отмѣняется ли этимъ пунктомъ трехлѣтняя льгота отъ платежа податей, установленная 998—1002 статьями V тома Свода Законовъ? По свидѣтельству Начальника Алтайской миссiи, Томская Казенная Палата уже стала отказывать въ перечисленiи принявшихъ Крещенiе на трехлѣтнюю льготу, на томъ основанiи, что ими не исполнено условiе 6 пункта о водворенiи между христiанами.

Таковы отзывы и замѣчанiя епархiальныхъ Архiереевъ и Начальниковъ миссiй Восточной Россiи о каждомъ пунктѣ Правилъ 4 Декабря 1861 года въ отдѣльности, послѣ примѣненiя сихъ Правилъ на опытѣ къ дѣлу обращенiя въ Православiе язычниковъ-инородцевъ. Сужденiе ихъ объ общемъ характерѣ сихъ Правилъ не менѣе единодушно, какъ единодушно и свидѣтельство, что Правила сiи на практикѣ въ миссiяхъ ими почти вовсе не соблюдаются. «Заявляя о покровительствѣ со стороны Русскаго православнаго Государства, въ такомъ смыслѣ разсуждаетъ бывшiй Начальникъ Алтайской миссiи, обращенiю нехристiанъ во всякую христiанскую вѣру, наравнѣ съ Православiемъ, установляя выдачу денежнаго пособiя изъ средствъ Государства въ одинаковой степени при переходѣ нехристiанъ какъ въ Православное, такъ и въ Католическое и Протестантское исповѣданiя, Правила 1861 года, въ окончательномъ практическомъ результатѣ, именно успѣху распространенiя Православiя не только не содѣйствуютъ, но еще воздвигаютъ новыя, не малыя затрудненiя»... «Въ виду трудностей, созданныхъ новыми положенiями обращенiю нехристiанъ въ Православiе,—пишетъ почившiй Преосвященный Парѳенiй въ своемъ представленiи Святѣйшему Синоду,—въ виду препятствiй, встрѣчаемыхъ миссiонерами въ своемъ святомъ дѣлѣ, необходимы новыя дѣйствительныя мѣры, болѣе ограждающiя свободу проповѣди Евангельской»... «Сличая прежде бывшiя въ Сводѣ Законовъ подлежащiя статьи по сему предмету,—пишетъ въ своей запискѣ Преосвященный Селенгинскiй,—нельзя не замѣтить, что затрудненiя, какiя дѣлались христiанской миссiи прежними законами, настоящими законами еще болѣе увеличены. Ограждая невѣрующихъ отъ мнимаго, чтобы не сказать невозможнаго, насилiя со стороны православныхъ проповѣдниковъ, они полагаютъ дѣйствительныя преграды

распространенію Христіанства, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямо равносильны запрещенію принимать Христіанство»... «Полицейскій надзоръ,—продолжаетъ онъ,—за всѣми обращеніями миссіонеровъ долженъ убить послѣднюю дѣятельность нашихъ миссій, и безъ того слишкомъ связанныхъ въ своей дѣятельности, въ сравненіи съ иностранными миссіями»...

Заключеніе.

По внимательномъ соображеніи Правилъ 4 Декабря 1861 года со всѣми вышеизложенными отзывами и замѣчаніями, съ данными, собранными въ самомъ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ, наконецъ, съ условіями и цѣлью миссіонерской дѣятельности,—Совѣтъ общества признаетъ своею обязанностью объяснить, что вполнѣ раздѣляетъ мнѣніе о сихъ правилахъ Преосвященныхъ Архипастырей и Начальниковъ миссій Восточной Россіи и, согласно съ ними, находитъ сіи Правила не только неприменимыми и уже потому безполезными, но и способными остановить успѣхи Евангельской проповѣди въ средѣ язычниковъ-инородцевъ, столь еще многочисленныхъ въ нашемъ отечествѣ.

Имѣя въ виду:

что Правила 1861 года, по свидѣтельству самихъ епархіальныхъ Начальствъ, на дѣлѣ не исполняются;

что порядокъ совершенія Святыхъ таинствъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и таинство Крещенія, достаточно опредѣленъ каноническими положеніями и вообще постановленіями Святой Православной Церкви и, по существу своему, никакому иному надзору, кромѣ надзора Церкви, не подлежитъ;

что судить о степени духовной готовности къ принятію таинства Святаго Крещенія предоставлено Святою Церковію только ея служителямъ, коимъ преподаны ею дары Святаго Духа для духовнаго пастырства и совершенія таинствъ;

что постановленіями Церкви строго охраняется свободная воля и искренность въ пріемлющихъ Святое Крещеніе;

что постановленіями Церкви нисколько не упраздняется право и обязанность гражданской власти преслѣдовать всякое дѣяніе уголовнаго характера, допущенное служителями Церкви въ кругу ихъ служенія,—если таковое дѣяніе будетъ обнаружено надлежащимъ порядкомъ, на общемъ основаніи законовъ;

что всякія иныя недоразумѣнія или жалобы на уклоненіе священно-служителей отъ правильности дѣйствій, предписанной постановленіями Церкви, могутъ и должны быть разрѣшаемы мѣстными епар-

хіальными Архіереями, въ силу предоставленной имъ каноничеcкой власти:—

Совѣтъ Православнаго Миссіонернаго Общества:

1) Первою и необходимѣйшею мѣрою къ устраненію препятствій успѣху миссіонерской дѣятельности признаетъ отмѣну пяти первыхъ пунктовъ Правилъ 1861 года.

2) Въ видахъ содѣйствія миссіямъ ходатайствуетъ на первый случай о томъ, чтобы опредѣленное шестымъ пунктомъ Правилъ денежное пособіе пріемлющимъ Св. Крещеніе было распространено, кромѣ Евреевъ и Калмыковъ, и на всѣхъ прочихъ инородцевъ-нехристіанъ, вступающихъ въ Православную Церковь, и притомъ въ томъ размѣрѣ, въ какомъ опредѣлено оно для Евреевъ, и съ выдачею онаго не только при водвореніи инородцевъ между христіанами, но во всякомъ случаѣ, немедленно по присоединеніи ихъ къ Православной Церкви; причемъ слѣдовало бы пояснить, что симъ пунктомъ нисколько не отмѣняется дѣйствіе 998—1002 ст. V тома Свода Законовъ о трехлѣтней льготѣ отъ податей и повинностей, установленной для всѣхъ вообще инородцевъ, пріемлющихъ Православіе.

3) Записку изъ дѣла и заключеніе сіе Совѣтъ полагаетъ, согласно съ Указомъ Святѣйшаго Синода отъ 11 Января 1871 г. за № 29, предложить Общему Собранію Членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества на утвержденіе онаго и для донесенія въ свое время Святѣйшему Синоду.

4) Записку сію напечатать, въ количествѣ 300 экземпляровъ, для раздачи членамъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ предстоящемъ Общемъ Собраніи.

ИЗЪ БУМАГЪ,

ОСТАВШИХСЯ ПОСЛѢ И. С. АКСАКОВА.

Отвѣтъ на рукописную статью: «Христіанство и прогрессъ», присланную въ редакцію газеты «Русь».

Я прочелъ внимательно вашу рукопись, многоуважаемый NN. Она—замѣчательный симптомъ времени сама по себѣ, отражая какъ въ зеркалѣ движеніе мысли, вопросы, задачи, насущныя потребности и мучительныя боли нашей поры. Она замѣчательна и тѣмъ, что ищетъ разрѣшенія и выхода изъ современнаго состоянія не на отрицательномъ только, но и на положительномъ пути, пытается на встрѣчу потоку разрушительныхъ ученій противопоставить живую силу зиждительнаго ученія Христа,—помирить, отождествить христіанство со столь привлекательными для современнаго общества «прогрессомъ» и «либерализмомъ».

Всякая работа мысли въ этомъ направленіи почтенна, особенно же такая работа, которая сопряжена съ нѣкоторымъ самопожертвованіемъ для мыслителя, т. е. представляетъ, въ случаѣ оглашенія его мнѣній, опасность для его матеріальнаго благополучія. Но именно вслѣдствіе такого высокаго нравственнаго значенія вашего труда и тѣмъ болѣе вслѣдствіе важности самаго содержанія, самой задачи, я чувствую себя обязаннымъ высказать вамъ свои замѣчанія и возраженія съ полною откровенностью. Но тутъ-то и затрудненіе. Если бы мы вели устную бесѣду, то я разобралъ бы ваше сочиненіе постранично, отмѣтилъ бы каждый вашъ штрихъ, по моему мнѣнію невѣрный. Этого нельзя сдѣлать на письмѣ, и мнѣ приходится указать вамъ только главные пункты нашего разногласія и сообщить нѣсколько общихъ замѣчаній.

Прежде всего о заглавіи: «Христіанство и прогрессъ». Слово *прогрессъ* само по себѣ ничего не выражаетъ; вѣдь мы говоримъ: «прогрессъ добра и прогрессъ *зла*, прогрессъ *болѣзни*». Положимъ, вы принимаете его въ общеупотребительномъ смыслѣ, какъ *движеніе человѣческаго сознанія впередъ*. Но въ томъ-то и дѣло, что это только *движеніе* и движеніе *неостанавливающееся*. Если даже признать, что это движеніе къ истинѣ, то вѣдь оно въ человѣческомъ сознаніи совершается, какъ извѣстно, чрезъ всевозможные темные закоулки, горькимъ опытомъ лжи и заблужденій, такъ что захваченный въ данный моментъ на пути своемъ прогрессъ вовсе не служитъ выраженіемъ истины. Напр. современный прогрессъ въ наукѣ доказываетъ, что человѣкъ произошелъ отъ обезьяны; завтра та же наука, двигаясь впередъ, докажетъ, что это «послѣднее слово науки» вздоръ и выскажетъ новое «послѣднее слово», и т. д. Между тѣмъ, противопоставляя современный *прогрессъ* настоящему состоянію церкви и христіанства, представляя прогрессъ какою-то благою самостоятельною силою, далеко опередившею современное христіанство, силою, съ которой приходится считаться и за которой приходится бѣжать въ догонку, отводя такое высокое и почетное мѣсто прогрессу, вы, мнѣ кажется, не довольно оттѣняете существенную сторону современнаго «прогресса», *безвѣріе* въ Бога рядомъ съ проповѣдью о *гуманности*.

Слово *прогрессъ* въ нашей либеральной печати иначе и не понимается, какъ въ смыслѣ противоположенія *вѣрѣ*. Но понятый въ *этомъ* смыслѣ прогрессъ въ сущности ведетъ только къ *регрессу*. Въ истинный прогрессъ, по моему мнѣнію, отдѣляется *лишь то, что согласно съ истиною христіанства*. Цивилизація, отвергающая вѣру въ Бога и Христа, ведетъ къ *одичанію*, какія бы тамъ либеральныя и прогрессивныя знамена ни выкидывала. Полагаю, что это и ваше мнѣніе, но такъ какъ оно не выражено довольно отчетливо и рѣзко, то впечатлѣніе выходитъ смутное. Правда, основная мысль вашей статьи въ томъ, что для отнятія у прогресса его революціоннаго, разрушительнаго характера, нужно поспѣшить возвратомъ церкви къ истиннымъ началамъ христіанства, которыя всѣ вы сосредоточиваете въ одной заповѣди Христовой *о любви къ ближнимъ*. Вы поэтому требуете, чтобы церковь, оставя отвлеченную догматику, ученія, наставленія и проповѣди, перешла поскорѣе къ практическому осуществленію заповѣди о любви, посредствомъ устройства на новыхъ началахъ семьи и общины и такъ сказать *приспособила* (ваше выраженіе) свой *механизмъ* (?) къ общему механизму государствъ и обществъ, принявшихъ въ основу начала, выставленныя прогрессомъ (равенства, свободы, братства). Поневолѣ возникаетъ сомнѣніе: не слишкомъ ли тѣсно понимаете вы значеніе заповѣди о *любви къ ближнимъ*, которую Христосъ ставитъ нераздѣльно отъ *любви къ Богу*. Безъ этой

послѣдней мы получимъ только «гуманность», выдвинутую прогрессомъ, а гуманность прогресса и Христова любовь къ ближнимъ—не одно и то же и конечные результаты ихъ совершенно противоположны. Впрочемъ я еще возвращусь къ этому предмету ниже, о немъ слѣдуетъ потолковать попространнѣе. Я нѣсколько забѣжалъ впередъ и хотѣлъ лишь предложить вамъ, въ вашемъ собственномъ интересѣ, перемѣнить заглавіе, тѣмъ болѣе, что слово *прогрессъ*, безъ точнаго опредѣленія его смысла, отдѣльно взятое, очень опошлено и затаскано нашей литературой и обиходною рѣчью. Въ нашемъ обществѣ существуетъ даже своего рода «страхъ ради прогресса» и желательно, чтобы съ первыхъ же строкъ вашей статьи никто не могъ заподозрить васъ въ такомъ страхѣ. Если вы согласны разумѣть подъ прогрессомъ только движеніе христіанскаго сознанія и развитіе въ жизни человѣчества христіанскихъ началъ, то не правильнѣе ли было бы поставить въ заглавіи: «Церковь и христіанскій прогрессъ»? Тутъ заключалась бы цѣлая постановка вопроса о внѣшней *неподвижности* церкви параллельно съ движеніемъ христіанскаго сознанія, съ развитіемъ христіанскаго міросозерцанія въ людяхъ. Правда, такое заглавіе потребовало бы соотвѣтственной перестройки цѣлой статьи. А перестроить ее необходимо, по моему убѣжденію; не знаю, удастся ли мнѣ это вамъ доказать, но постараюсь, насколько сумѣю. Повторяю опять: было бы конечно въ высшей степени полезно вразумить всѣхъ группирующихся подъ знамя прогресса и либерализма, что христіанство не только не враждебно работѣ искренней науки и возвышеннымъ стремленіямъ либеральнымъ, но только оно одно заключаетъ въ себѣ таинство свободы, оно одно роститъ сѣмя истиннаго равенства и братства. Нужно вырвать у либеральнаго невѣрія это знамя, знамя свободы, равенства и братства, и водрузить его на почвѣ *вѣры* и *любви* Христовой, на почвѣ нравственности христіанской. Это было бы большой заслугой въ литературѣ и самой дѣйствительной защитою религіи. Но необходимо устранить всякое недоразумѣніе, провести рѣзкую черту между христіанскимъ идеаломъ и идеаломъ современныхъ либераловъ и прогрессистовъ. Всякое смѣшеніе тутъ, всякое недоразумѣніе тутъ *вредно*. И ваша статья не довольно рѣзко установляетъ это различіе. Вы напр. безпрестанно упоминаете девизъ французской революціи: liberté, égalité, fraternité, называя ихъ евангельскими принципами, церковью пренебреженными и усвоенными себѣ современнымъ прогрессомъ и современными правительствами. Безъ сомнѣнія эти принципы евангельскіе, Евангеліемъ внесенные въ сознаніе человѣческое, особенно же идея *братства*, которой вовсе не вѣдалъ языческій міръ. Но цѣлая бездна лежитъ между этими принципами, въ связи съ вѣрою во Христа и ими же оголенными отъ всякой вѣры, понятыми *внѣ* христіанскаго міросозерцанія. Если извлечь изъ этихъ прин-

циповъ вѣру въ Бога, очистить отъ всякой догмы или «отвлеченной теоріи», какъ вы выражаетесь, то эти принципы логически приведутъ къ абсурду. Такъ идея *равенства*, понятая чисто внѣшнимъ образомъ, логически развиваемая внѣ идеи Бога, не можетъ остановиться на равноправности передъ закономъ, на уничтоженіи привилегій: она выставитъ знамя бунта противъ неравенства состояній и Божьихъ даровъ, потребуетъ уравненія лѣниваго съ прилежнымъ, бездарнаго съ даровитымъ, невѣжды съ ученымъ и въ вѣчномъ протестѣ противъ природы и Бога—убьетъ самую жизнь, ни къ чему не приведетъ кромѣ смерти и разрушенія. А знаменитое fraternité, выставленное на знамени французской революціи, запретившей декретомъ исповѣданіе бытія Божія, не есть ли само по себѣ логическая нелѣпость? Ибо *братство* предполагаетъ *сыновство*, и безъ *сыновства*, безъ понятія объ общемъ Отцѣ, немыслимо. Люди только потому и братья, что дѣти одного Отца, и если мы не сыны Божіи, то нѣтъ и братства. Евангеліе не употребляетъ слова *равенство*, да и нѣтъ въ томъ надобности, потому что идея братства не только заключаетъ ее въ себѣ, но и *выше ея*, ибо восполняетъ любовью всякую неравномѣрность какъ искусственную, такъ и естественную. Все это конечно вамъ извѣстно, но не довольно звучно звучитъ въ вашей статьѣ, въ которой вообще все вниманіе обращено на внѣшнюю, практическую сторону христіанства, гдѣ грань между христіанствомъ и прогрессомъ переступить очень легко.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вашихъ мнѣній въ ихъ существѣ, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ замѣчаніе относительно *тона*. Пусть ваши мнѣнія расходятся съ ученіемъ церкви, если таковы ваши искреннія убѣжденія и вы, любя истину выше всего, рѣшаетесь высказать ихъ,—я могу только съ уваженіемъ преклониться предъ такою рѣшимостію, хотя бы и не раздѣлялъ вашихъ убѣжденій. Вѣроятно такъ отнеслись бы къ вамъ и прочіе читатели. Но вы не ограничиваетесь критикой, не ограничиваетесь даже ироніей и пренебреженіемъ. Вы насмѣхаетесь и издѣваетесь надъ тѣмъ, что̀ въ теченіе 15-ти вѣковъ составляло, составляетъ и теперь предметъ искренняго почитанія сотенъ милліоновъ людей: я разумѣю учителей церкви, составившихъ на вселенскихъ соборахъ каноническіе уставы и положившихъ въ основаніе церкви, по вашимъ словамъ, монашеское міросозерцаніе. Не на злоупотребленія только, допущенныя въ церковное управленіе, не на злоупотребленія въ монашествѣ нападаете вы, но на самый принципъ, руководившій церковью съ IV вѣка и до нашихъ дней, на «Святыхъ отцовъ», участвовавшихъ въ соборахъ, какъ величаетъ ихъ церковь и которыхъ вы обзываете въ насмѣшку: *геніальными инженерами, поставившими церковь въ нѣсколько странное положеніе: внѣ дѣйствительной жизни своей паствы.* Выходитъ, по вашимъ словамъ,

что слона-то они и не примѣтили! Не говоря уже о томъ, что прежде чѣмъ бросать укоръ въ память ихъ и въ лицо всей современной церковной паствѣ, слѣдовало бы, кажется, немножко призадуматься надъ фактомъ, поразмыслить—точно ли они, люди все же неглупые, не примѣтили того, что̀ вами такъ легко примѣчено, да не мѣшало бы кстати и вамъ самимъ справиться *съ дѣйствительною жизнію вашей паствы* и не оскорблять ея чувство, безъ всякой надобности, подобными выраженіями. Не говоря уже объ этомъ, полагаю, что ни къ какому крупному историческому явленію не слѣдуетъ относиться съ насмѣшкою; по крайней мѣрѣ такое отношеніе недостойно серьезнаго мыслителя. Еслибы ваша статья была напечатана, то многое, что̀ въ ней есть прекраснаго, полезнаго и дѣльнаго — было бы заслонено, затерто впечатлѣніемъ, производимымъ тономъ вашей полемики. Но она и не можетъ быть напечатана. Въ этомъ видѣ не только не пропуститъ ее никакая церковная власть, но и сама церковная паства, еслибы отъ нея зависѣла цензура. Вся ваша статья есть проповѣдь о необходимости практическаго осуществленія заповѣди Христовой о любви къ ближнимъ и о примѣненіи ея къ соціальному быту, и вы сами начинаете тѣмъ, что оскорбляете чувство ближнихъ глумленіемъ надъ тѣмъ, что̀ для нихъ всего дороже и святѣе! Къ тому же въ этомъ тонѣ, въ этихъ выраженіяхъ нѣтъ ни малѣйшей надобности. Вы возразите мнѣ, что все равно, ваша статья и по существу своему расходится съ существующимъ церковнымъ воззрѣніемъ, а потому не миновала бы запрещенія. Но она бы выиграла во внутреннемъ достоинствѣ, въ приличіи, не подвергла бы васъ упреку въ легкомысліи или раздраженіи. Простите, что выражаюсь такъ рѣзко. Я очень хорошо понимаю, что совѣтовать со стороны очень нетрудно, что ваше положеніе иное, что много накипѣло у васъ справедливаго негодованія на ту вошедшую въ церковь мерзость запустѣнія, которая вамъ виднѣе, чѣмъ мнѣ, но въ интересахъ вашихъ личныхъ, въ интересахъ самаго дѣла, которое вы защищаете, вы должны встать выше всякаго раздраженія, всякой страсти.

Постараюсь теперь резюмировать, во сколько можно кратче и вашими же выраженіями, схему и содержаніе вашего объемистаго труда (150 стр. мелкаго письма).

Ученіе Христа сводится главнымъ образомъ къ одной заповѣди—о любви къ ближнимъ. Онъ самъ «исполнялъ свою заповѣдь *практически*», «вездѣ училъ, ободрялъ несчастныхъ, исцѣлялъ больныхъ», пожертвовалъ для ближнихъ жизнью и такимъ образомъ оставилъ намъ *образъ*, какъ поступать. Апостолы, принявъ новый завѣтъ, *практически стали его осуществлять*. Этотъ завѣтъ есть «идеалъ благоустройства общины, способный возвратить людямъ утраченный ими земной рай». Апостолы всюду устраивали общины, въ которыхъ вѣрую-

щіе, собираясь вмѣстѣ для молитвы, рѣшали и дѣла, «касающіяся общественнаго благоустройства», въ которыхъ царствовало «равенство, братство, солидарность интересовъ, взаимная поддержка». «По основной идеѣ христіанства—священнѣйшая, главная задача церкви устраивать общины на этихъ началахъ». Этимъ практическимъ примѣненіемъ къ жизни Новаго Завѣта Христова, по образцу Христа и апостоловъ, объясняется успѣхъ христіанства. Ибо «христіанскіе догматы слишкомъ мало могли быть понятны язычникамъ, какъ мало понятны и теперь современнымъ христіанамъ, но каждый видѣлъ и хорошо понималъ, что христіанство вноситъ съ собою начала новаго лучшаго устройства *соціальнаго* быта». Язычество вынуждено было уступить.

Но съ торжествомъ христіанства совершается «необыкновенное явленіе». «Христіанство теряетъ свою жизненную силу». Причина зла въ томъ, что «выработалось убѣжденіе, что спасеніе возможно и безъ *практическаго* примѣненія къ жизни новой заповѣди Спасителя». Религіозныя формы и обрядность замѣнили собою миссіонерство и благотворительность. «Этотъ коренной переворотъ совершенъ монашествомъ». «Изъ него вышли пастыри и учители церкви; оно создало всѣ церковные уставы, кодексы нравственныхъ правилъ и каноническихъ постановленій». «Мы и въ настоящее время обязаны смотрѣть на религію исключительно съ монашеской точки зрѣнія, которая считается безусловно-совершенною и непогрѣшимою, ибо такъ признано лучшими церковными авторитетами и утверждено *канонически*». Взглядъ же этотъ или «принципъ — слѣдующій: провались хотя весь міръ, только бы я былъ спасенъ». «Монашество есть отрицаніе ближнихъ». Для исполненія заповѣди Христа о любви — необходимо жить въ мірѣ, въ обществѣ людей; иначе она не болѣе какъ «прекрасная фраза». «Монашество ушло въ пустыни и монастыри для исключительной заботливости о собственномъ *я*». Вмѣсто борьбы со зломъ, для полученія вѣчнаго спасенія, монашество отвергло необходимость и пользу борьбы и предпочло удаляться отъ зла и поставило необходимымъ условіемъ вѣчнаго спасенія: забвеніе о ближнихъ, исключительную заботу о себѣ, молитву, изможденіе плоти, что для послѣдователей первыхъ отшельниковъ, въ виду удобства, было регламентировано точными правилами Эти два пути—путь указанный Спасителемъ и апостолами и путь выработанный монашествомъ взаимно исключаютъ другъ друга. Восторжествовалъ послѣдній, ибо «геніальные инженеры церковнаго званія поставили церковь *внѣ дѣйствительной жизни своей паствы*».

«Монашество, возвеличивъ безбрачное состояніе, расшатало семейное начало въ самомъ основаніи». Какъ скоро идея солидарности членовъ христіанской апостольской общины была замѣнена монашескимъ принципомъ «заботы каждаго о себѣ», очистился просторъ для племенной

розни, для національнаго различія въ самой церкви. Послѣдовало раздѣленіе церкви на восточную и западную,—раздѣленіе, поддерживаемое эгоизмомъ церковныхъ властей. Самое «магометанство всего естественнѣе разсматривать какъ протестъ противъ злоупотребленія монашескими доктринами, выразившагося въ ненормальномъ устройствѣ соціальнаго быта христіанскихъ общинъ и безпорядковъ церковной іерархіи». Церкви на Востокѣ погибли не по допущенію Божію, а за прегрѣшенія іерархіи,— «*отъ принциповъ, выработанныхъ отшельниками*».

Монашество «бѣднымъ, взамѣнъ земныхъ благъ, обѣщаетъ небесныя радости», практику замѣнило теоріей, дѣла — прекрасными нравоученіями и краснорѣчивыми проповѣдями.

Оно «сняло съ эгоизма людскаго религіозную узду». «Церковь положила въ свое основаніе деспотизмъ». Подъ вліяніемъ монашескихъ принциповъ, «смиренія и послушанія», рабство процвѣло въ болѣе суровой формѣ, чѣмъ въ языческія времена, и систематически проведено во всѣ отправленія организма, въ общину и семью; такъ «бракъ былъ устроенъ на началахъ смиренія и послушанія, или, что то же—признавалось право сильнаго».

Я опускаю страницы объ инквизиціи, средневѣковомъ варварствѣ и о различныхъ злоупотребленіяхъ іерархіи, также и то мѣсто, гдѣ выражается мысль, что, если въ XIX вѣкѣ папа и константинопольскій патріархъ по внушенію якобы Св. Духа издали нелѣпые догматы и постановленія, то почему же не предположить того же и о тѣхъ отдаленныхъ временахъ, когда опредѣлялись догматы христіанской религіи и утверждались дѣйствующія и нынѣ каноническія постановленія.

Современное соціальное броженіе, говорите вы, есть протестъ противъ монашескихъ доктринъ. «Прогрессъ» мало-по-малу «разсѣялъ туманъ». Идеалы гражданскаго благоустройства на началахъ, возвѣщенныхъ міру Спасителемъ и апостолами, «остались запечатлѣнными въ умахъ и сердцахъ людей». «Не видя нигдѣ практическаго примѣненія этихъ идеаловъ, а только однѣ проповѣди и добрыя намѣренія, народы утратили вѣру въ церковь, пришли въ ярость и евангельскими же принципами (свобода, равенство, братство), какъ таранами, нанесли церкви безпощадные удары. Эти протесты выражаются въ формѣ революціонныхъ стремленій, ересей, въ научныхъ работахъ, вносящихъ индифферентизмъ или безвѣріе. Правительства, вслѣдъ за прогрессомъ, стали примѣнять выдвинутые впередъ прогрессомъ либеральные принципы (свобода, равенство, братство) къ дѣлу, приняли ихъ себѣ за основу, но семья и община оставлены на прежней дорогѣ, руководятся до сихъ поръ монашескими началами, представляющими лишь замаскированное христіанскими фразами рабство. Суровый деспотизмъ, усвоенный себѣ церковью за основу, проникъ въ религіозный и соціальный быть и

остается въ полной еще силѣ. Правительства преобразовать этотъ бытъ или семью и общину сами собою, безъ содѣйствія церкви, не могутъ, оттого либеральныя реформы правительствъ оказываются преждевременными; нѣтъ равновѣсія въ механизмѣ между частями: либерально-правительственною и церковно-деспотическою, объемлющею общину и семью. Выходъ одинъ: полная реорганизація церкви на началахъ, возвѣщенныхъ міру Спасителемъ». Такъ какъ внезапная реорганизація неудобоисполнима и грозитъ опасностію, то вы излагаете рядъ проектируемыхъ вами реформъ, требующихъ немедленнаго введенія. Церковь должна пріобрѣсти возможность «обсуждать и рѣшать, сообразно нуждамъ современнаго общества, вопросы существенно важные не въ одной религіозной жизни, но и въ *соціальномъ быту*. Для этого ей слѣдуетъ имѣть соотвѣтствующій органъ, а ея центральное управленіе, «вмѣсто теперешняго *усмотрѣнія,* должно руководиться *положительнымъ* закономъ»[1]). «Преобразованія по учебной и воспитательной части. Главное же—реформы въ семьѣ и въ общинѣ. Для семьи указывается такая реформа: признаніе равноправности женщины и облегченіе развода, не ограничивая его однимъ условіемъ явнаго прелюбодѣйства, для всѣхъ желающихъ. Право разводить предоставить суду приходскаго священника съ приходской общиной, въ ея присутствіи, въ церкви, при нотаріусѣ и мировомъ судьѣ для составленія акта и рѣшенія вопроса объ имущественныхъ правахъ. Затѣмъ главная и капитальная реформа—это созданіе на новыхъ началахъ приходской общины подъ руководствомъ священника, приданіе самостоятельнаго значенія во всѣхъ мѣстныхъ вопросахъ религіозно-соціальныхъ. При приходской общинѣ непремѣнно—школа, больница и сельская ссудо-сберегательная касса; во главѣ всего этого священникъ съ помощниками. Священникъ долженъ получать жалованья—minimum 1200 р. и вообще быть поставленъ въ положеніе довольно независимое отъ епархіальной власти. Онъ находится подъ контролемъ церковной общины. *Онъ есть общественный дѣятель.* По «*для успѣха дѣла,* говорите вы, необходимо измѣнить систему *наградъ*». Кромѣ наградъ извѣстныхъ, по усмотрѣнію духовнаго начальства, его должно награждать и правительство, ибо «служба пастырей труднѣе и важнѣе переписыванія бумагъ *чиновниками*». При опредѣленіи пастыря на мѣсто, ему вручается «инструкція» съ точнымъ исчисленіемъ обязанностей и тѣхъ «*дѣлъ*, за кои пастырь имѣетъ право *требовать* себѣ награды». За успѣшное устройство кассы — наперсный *крестъ;* за удовлетворительное устройство школы, больницы, богадѣльни — священникъ имѣетъ право просить

---

[1]) Уничтоженіе епископскаго самовластія и монашескаго господства въ управленіи. *Примѣчаніе автора внизу страницы.*

себѣ орденъ; за уменьшеніе преступленій и подъемъ благосостоянія его трудомъ—*болѣе высокая награда*» (стр. 47).

Дальнѣйшія подробности опускаю.

«Такъ какъ эти реформы», заключаете вы свою статью, «не выгоды для высшаго церковнаго клира, то онъ будетъ протестовать всѣми силами. Одно правительство въ состояніи сломить его сопротивленіе и дать всему механизму церковному и государственному надлежащую стройность и направленіе. При такомъ преобразованіи семьи и общины, и вообще религіозно-соціальнаго быта на началахъ, возвѣщенныхъ Христомъ и апостолами, при такомъ практическомъ примѣненіи къ жизни новой заповѣди Христовой о любви къ ближнимъ, революціи станутъ невозможны, по крайней мѣрѣ потеряютъ всякую почву, на землѣ водворится миръ, благоденствіе, порядокъ,—истинная церковь».

Кажется, я вполнѣ вѣрно передалъ главныя черты вашего труда. Я не защитникъ монашества, врагъ формализма и господства мертвящей буквы,—всегда стоялъ и стою за свободу вѣрующей совѣсти,—свободу слова, свободу науки, – призываю всѣмъ сердцемъ обновленіе жизни духа въ видимой, исторической церкви, — всегда ратовалъ въ своихъ изданіяхъ за возсозданіе у насъ приходской самостоятельной общины, этой церковно-соціальной единицы, — и при всемъ томъ и ваша точка отправленія, и путь вашей мысли, и предлагаемые вами пути для выхода изъ современнаго положенія мнѣ кажутся,—можетъ быть я и обманываюсь,—ошибочными. Мнѣ представляется, что вы часто переходите грань, отдѣляющую истину отъ ея подобія, отчего происходитъ такъ сказать подтасовка идеаловъ, почти незамѣтная, однакожъ идеаловъ совершенно противоположныхъ, дающихъ совершенно противоположные результаты. Доказательствомъ служитъ то, что, возставая противъ монаховъ и церкви во имя Спасителя и апостоловъ, отправляясь повидимому отъ образа, преподаннаго апостолами въ устройствѣ общины,—вы кончаете тѣмъ, что проектируете общину, гдѣ апостолы превращаются въ чиновниковъ съ орденами на шеѣ за практическое исполненіе заповѣди Христовой о любви,—той заповѣди, въ отреченіи отъ которой вы обвиняете Св. отцовъ и учителей церкви и вселенскіе соборы!

Признаюсь вамъ, что меня пуще всего поражаетъ въ мысляхъ и мечтаніяхъ большей части церковныхъ критиковъ и реформаторовъ,—это ограниченность міровой задачи христіанства въ ихъ представленіи. То взваливаютъ на христіанство отвѣтственность за то, что оно въ теченіе почти двухъ тысячъ лѣтъ не водворило на землѣ благополучія, и потому считаютъ его уже отжившимъ историческимъ факторомъ; то воображаютъ, что стòитъ только произвести нѣсколько реформъ — и воцарится въ свѣтѣ миръ и благоденствіе, а человѣчеству останется только жить да поживать. Вспомните слова Христа: «подобно царство

Божіе квасу» и пр. Новый Завѣтъ —это тѣ дрожжи, на которыхъ Христосъ заквасилъ всю историческую судьбу человѣчества до скончанія міра, — дондеже перебродитъ и вскиснетъ. Вся пучина человѣческаго духа, во всемъ его безпредѣльномъ разнообразіи, съ его святыней и со всѣми его *«сатаниными глубинами»* должна, въ послѣдовательномъ историческомъ ходѣ жизни человѣчества, воплотиться въ безпредѣльномъ разнообразіи явленій, вся исчерпаться до дна и вся пройти чрезъ эти дрожжи, перебродить въ этомъ квасѣ, — пока, какъ выражается апостолъ Павелъ, *пріидетъ въ мѣру возраста исполненія Христа.*

Задача или идеалъ христіанства вовсе не *благоденствіе земное,* — такого обѣтованія и не было, а *совершенство:* «будьте совершенни яко Отецъ вашъ небесный совершенъ есть». Идеалъ на землѣ недостижимый, но въ достиженіи котораго, т. е. въ стремленіи къ его достиженію—весь смыслъ или, какъ любятъ нынче выражаться, весь мотивъ земнаго бытія. Ищите не земнаго благополучія,—*ищите прежде всего царствія Божія и правды его, а остальное приложится.* Какихъ бы ни измышляли пружинъ для человѣческаго счастія—мечтатели и философы, начиная съ Платона и кончая соціалистами, — какое же внѣшнее матеріальное благополучіе тамъ, гдѣ царствуетъ болѣзнь, смерть,— холеры, дифтериты, свирѣпствующіе пуще царя Ирода, избивавшаго младенцевъ?

Ищите прежде всего царствія Божія. Царствіе же Божіе *не отъ міра сего.* — Не отъ міра сего и въ то же время *внутрь насъ.* Царствіе Божіе не можетъ явиться во образѣ міра сего, ни воплотиться міровымъ бытіемъ человѣчества, но можетъ водвориться во внутреннемъ мірѣ души человѣческой. Другими словами: подвигъ совершенствованія, внутренняго освященія, душеспасенія *открытъ лично* каждому, независимо ни отъ какихъ внѣшнихъ условій, во всѣ вѣка, всюду, рабу и свободному, ученому и невѣждѣ, умному и нищему умомъ, бѣдному и имущему. Въ то же время, параллельно съ этою открытою каждому *лично* возможностью совершенствованія и спасенія, совершается воздѣйствіе христіанской истины на историческую судьбу и бытовое развитіе всего человѣчества, медленный процессъ броженія, перерожденія, переобразованія на дрожжахъ, брошенныхъ въ міръ Христомъ. Благодать Божія творитъ такое равенство, до котораго пресловутый «прогрессъ» въ самыхъ дерзкихъ своихъ усиліяхъ не могъ досягнуть даже мечтою: личное равенство всѣхъ вѣрующихъ и исполняющихъ заповѣдь Христову — отъ перваго до послѣдняго вѣка при неравенствѣ историческихъ условій общественнаго бытія, съ его прогрессомъ и цивилизаціей. Такимъ образомъ — христіанство проявляется на землѣ *двумя* путями; эти пути: личный, *индивидуальный* и *общеміровой, историческій.* Каждый отдѣльный человѣкъ—духъ безконечный и въ то же время, въ

своемъ конечномъ бытіи на землѣ, подлежитъ закону мѣста и времени, —другими словами: принадлежитъ въ одно и то же время—и вѣчности, и своему вѣку, и вселенной и своему мѣсту и племени. Это извѣстная до пошлости истина, но ее всегда выпускаютъ изъ виду при сужденіи, напр., объ отцахъ и учителяхъ церкви. Нельзя, напр., ставить въ вину Василію Великому, хотя онъ по справедливости почитается святымъ, его ошибочныхъ научныхъ мнѣній въ области космографіи въ его Шестодневѣ. Не напрасно, а провиденціально указывается намъ въ Св. Писаніи даже на временную ошибочность сужденій апостола Петра объ обрѣзаніи. Вспомнимъ слова Христа: «не можете носити нынѣ» всей полноты истины, потому говорю вамъ притчами, но придетъ время и пр.—Всякому всегда, во всѣ времена дана возможность настолько носить, насколько нужно для личнаго спасенія, — и въ этомъ благодать равенства,—но затѣмъ свѣтъ Христовъ продолжаетъ все болѣе и болѣе освѣщать дебри человѣческаго сознанія и расширять силу ношенія. Возьмите младенца, юношу, мужа,—вы безъ спора признаете здѣсь постепенное развитіе способности ношенія, по мѣрѣ возраста. Не то же ли самое и при историческомъ возрастѣ цѣлыхъ народовъ, всего человѣчества? Церковь, сопутствуя человѣчеству въ его исторіи, не могла не помнить, какъ это мы и видимъ въ ея духовномъ руководствѣ народными массами, словъ Христа: «не можете пока нынѣ носити», не принимать въ соображеніе возраста народныхъ массъ. Мало того: во всемъ, что не касается существа истины, откровенной Христомъ и которую церковь хранитъ свято, нерушимо, непогрѣшимо,—церковь, насколько она связана съ самой исторіей человѣчества, не могла въ своемъ земномъ, внѣшнемъ бытіи, въ вопросахъ, касающихся дисциплины, управленія, внѣшняго строя, не отразить въ своихъ уставахъ и службахъ связь съ мѣстомъ и временемъ. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго, ничего посягающаго на значеніе христіанства и принципъ самой церкви. Ни одинъ вселенскій и помѣстный соборъ, кромѣ установленія догматовъ, никогда не имѣлъ притязаній создавать дисциплинарные и т. п. уставы на вѣки вѣчные, для всѣхъ племенъ и народовъ. Церковь безъ соборовъ немыслима, и все горе въ томъ, что уже 1000 лѣтъ она не имѣла собора,—въ чемъ виноваты грѣхи людскіе, чего причины подлежатъ особому изслѣдованію. Безъ всякаго сомнѣнія, рано или поздно—послѣдуетъ обновленіе этихъ уставовъ, сообразно съ нуждами времени и съ ростомъ человѣческаго сознанія. Но внутреннее бытіе церкви не прекращается и понынѣ,—Евангеліе проповѣдуется, тайная вечеря совершается, и путь къ личному совершенствованію и спасенію открытъ каждому невозбранно.

Ибо проповѣдь Христа и апостоловъ, на которыхъ вы такъ часто ссылаетесь, обращена была не къ народамъ, не къ государствамъ, не

къ обществамъ, а къ душѣ человѣческой, къ индивидууму. Христосъ не касался задачъ *соціальнаго быта* и *общественнаго устройства*, заботу о которыхъ вы возлагаете на церковь, указывая на примѣръ Христа и апостоловъ. На предложеніе: раздѣлить наслѣдство между двумя братьями, Онъ отвѣчалъ отказомъ. «Кто мя поставилъ судьею въ дѣлахъ этого рода?» Весь соціальный вопросъ исчерпывается Имъ въ заповѣди: «Возлюби ближняго», «да любите другъ друга», «будьте едино». Эта любовь нераздѣльна отъ любви къ Богу; — вообще любовь такъ сказать есть *плоть самой вѣры*. Вѣра безъ *дѣлъ* мертва, это несомнѣнно. Но и дѣла безъ любви также мертвы и не пользуютъ душѣ даже облаготворяемаго человѣка. Вопросъ въ томъ, что̀ такое *дѣло?* Вы упрекаете церковь въ томъ, что она оставила *практическое* исполненіе заповѣди Христа о любви, отрицаетъ ближнихъ, только проповѣдуетъ, а не дѣлаетъ дѣла, не устраиваетъ соціальнаго быта и пр. Но развѣ посѣять словомъ въ сердцахъ прихожанъ сѣмя любви не есть уже дѣло, ибо посѣянное сѣмя само принесетъ практическій плодъ? Развѣ учительство не есть дѣятельность? Мало того: не только учитель церковный, но всякій поэтъ, писатель, художникъ, благотворно дѣйствующій на человѣческую душу и возвышающій ее, развѣ не есть благодѣтель, *практическій благодѣтель человѣчества*, хотя бы онъ и не занимался соціально-благотворительными дѣлами? Всякое слово, воспитывающее и согрѣвающее душу ближняго, стоитъ сотни вашихъ сберегательныхъ кассъ. Пользы ихъ я не отрицаю, желаю ихъ повсемѣстнаго введенія; но вотъ Лассаль завелъ эти кассы въ Германіи между рабочими и вытравилъ вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное чувство: что̀ же вышло?

Странно, по моему мнѣнію, называть Христа и апостоловъ «практическими дѣятелями—благотворителями, какъ вы это дѣлаете, причемъ указывали ихъ добрыя дѣла: исцѣленіе больныхъ, утоленіе голода, самопожертвованіе. Эти добрыя дѣла (кромѣ чудесныхъ) творили добрые люди и Ветхаго Завѣта, и Самаряне и язычники,—и нѣтъ такого человѣческаго заблужденія, которое бы не имѣло своихъ мучениковъ.

Развѣ въ этихъ «практическихъ дѣлахъ» сила, преобразившая міръ? Величайшее благотвореніе — неосязаемое, невѣсомое слово, ими изглаголанное. Никакого практическаго благополучія они не обѣщали, никакихъ практическихъ залоговъ не давали. Что̀ можетъ быть непрактичнѣе *вѣры* съ точки зрѣнія практика, и всѣхъ обѣтованій о загробной жизни? «Прекрасная теорія, употреблю я ваше выраженіе. Слова и слова, а дѣлъ никакихъ!» Хоть вы и говорите, что догматы христіанскіе были непонятны язычникамъ, какъ и современнымъ христіанамъ, и потому успѣхи христіанства объясняете тѣмъ, будто каждый смекалъ, что оно вноситъ начала лучшаго устройства *соціальнаго быта*,—но такимъ утилитарнымъ соображеніемъ трудно объясняются

эти успѣхи. Плохое практическое утѣшеніе для раба, что ему проповѣдуютъ повиновеніе, оставляютъ рабомъ въ земной жизни, суля равноправность только за гробомъ, а здѣсь, на землѣ, еще мученичество за исповѣданіе Христа Сыномъ Божіимъ!

Не могу удержаться, чтобъ не напомнить вамъ евангельскаго сказанія о женѣ, излившей драгоцѣнное мvро на ноги Спасителя и отершей ихъ своими волосами. Іуда осудилъ ее и выразилъ мнѣніе вполнѣ повидимому *основательное, практическое,* которое выразили бы и всѣ мудрецы вѣка сего,—что полезнѣе было бы продать это мvро и выручкою оказать пособіе множеству нищихъ. Но Господь не одобрилъ узкаго взгляда практика-Іуды. Онъ въ лицѣ этой жены призналъ и освятилъ *свободу дѣйствія и любви* и простилъ ей грѣхи за то, что она *возлюбила много,* а вѣдь эта любовь вовсе не имѣла того *практическаго* выраженія, того примѣненія къ жизни, которое вы ставите выше всего. Вспомните еще сказаніе о Маріи, избравшей благую часть и отказавшейся помогать сестрѣ Маѳѣ въ ея хлопотахъ по хозяйству, и вспомните ваше жестокое слово осужденія людямъ, которые вслѣдствіе даже *искренняго* влеченія оставляютъ семью и уходятъ въ пустыню или монастырь! Не стѣсняйте же свободу человѣческаго духа въ искреннихъ проявленіяхъ любви и вѣры, въ мѣру личнаго разумѣнія каждаго,—не ограничивайте его узкою внѣшнею практическою мѣркой, не забывайте, что христіанство, что Слово Божіе, возвѣщенное Христомъ, не какая-либо соціальная доктрина, пересоздающая міръ *независимо отъ личной воли человѣка,* а сила дѣйствующая въ исторіи человѣчества—именно *чрезъ каждаго человѣка въ отдѣльности,* воспитывая въ *каждомъ* историческомъ человѣкѣ, т. е. принадлежащемъ мѣсту и своему вѣку,—*внутренняго человѣка.* Поэтому—прямая задача церкви вовсе не есть задача практическаго соціальнаго переустройства въ данную минуту и такъ сказать практическое общественное воплощеніе на землѣ въ конечныхъ явленіяхъ абсолютной, безконечной истины. Такое воплощеніе возможно лишь тогда, когда бы *всѣ люди* стали *святыми.* Но въ этомъ-то весь ключъ задачи; потому и призваніе церкви, вопервыхъ, сохранить для человѣчества переданное ей Слово Божіе—во всей его цѣлости и неприкосновенности, вовторыхъ, *воспитаніе внутренняго человѣка* къ святости въ духѣ заповѣди вѣры въ Бога и любви къ ближнимъ. Требованіе, чтобъ служители алтаря обратились непремѣнно въ *общественныхъ дѣятелей-практиковъ* мнѣ кажется совершенно неумѣстнымъ. Пусть будетъ и дѣятелемъ-практикомъ, если имѣетъ къ тому призваніе: но первая и главная миссія служителя алтаря *пасти души,* учить, проповѣдывать, воспитывать. Тѣмъ менѣе умѣстно обращать служителя алтаря въ чиновника, соблазняемаго на благотворительную дѣятель-

ность приманками тщеславія, орденами и т. п. «Не знаете вы—вспомните слова Христа,—какого вы духа есте»?

Вы постоянно указываете на примѣръ апостоловъ, на общины, ими создаваемыя, гдѣ будто бы рѣшались дѣла общественнаго благоустройства, и все рѣзкое отличіе первыхъ трехъ вѣковъ христіанства отъ послѣдующихъ объясняете исключительно возникновеніемъ и торжествомъ монашескаго принципа. Не стану входить подробно въ разсмотрѣніе апостольской дѣятельности и церковныхъ общинъ въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ. Въ нашемъ представленіи о нихъ много идеализаціи: вспомнимъ хоть грозныя слова апокалипсиса Іоаннова, обращенныя къ ангеламъ тѣхъ церквей, которыя были уже учреждены къ концу 1-го вѣка. «Ангелу такой-то церкви скажи, имамъ тя изблевати» и пр. Но все же несомнѣнно—эти общины христіанъ горѣли инымъ духомъ, чѣмъ въ послѣдующія времена. Противоположность язычества съ христіанствомъ была слишкомъ ярка,—вѣра Христова была сознаваемымъ пріобрѣтеніемъ, а не достояніемъ, получаемымъ помимо воли и сознанія человѣка,—переходъ отъ тьмы къ свѣту былъ такъ рѣзокъ, что воспламенялъ сердца. Это было утро восходящаго солнца, или первыя мгновенія утра, возбуждающія радостный трепетъ въ душѣ человѣческой: за утромъ настаетъ рабочій, трудовой *день*,—требуется развитіе и приложеніе *всей рабочей силы* для человѣка. Апостольскія и вообще церковныя общины въ первые три вѣка были *оазисами* въ языческомъ государствѣ. Вся забота о внѣшней безопасности, о правильномъ и точномъ ходѣ государственнаго механизма, весь этотъ odium государственнаго бытія лежалъ всею своею тяжестью не на христіанскихъ общинахъ, а на языческомъ мірѣ. Члены христіанской общины не шли на судъ между собою къ *внѣшнимъ*,—представляли какую-то свою замкнутую автономію. Съ воцареніемъ же христіанъ на тронѣ Кесарей, общины естественно разомкнулись: не отъ кого было ограждаться. Приходилось слиться со всѣмъ обществомъ бывшихъ язычниковъ,—христіанамъ пришлось понести на раменахъ своихъ бремя государственнаго существованія. Государство—это царство отъ міра сего, съ мечомъ и кровью, съ политикой, войнами, тайной полиціей и *внѣшнею*, буквенною, формальною правдою. Идеалъ христіанства—царство не отъ міра сего. Нужно было установить modus vivendi между церковью и государствомъ,—а это такая задача, которую даже теоретически разрѣшить не могло человѣчество и до сихъ поръ. То церковь сама становилась государствомъ, то государство признавало церковь какъ одну изъ функцій своего организма. Повторяю вамъ опять: надо постоянно помнить, что каждый человѣкъ принадлежитъ и вѣчности и въ то же время и своему вѣку; что рядомъ съ путомъ личнаго духовнаго освященія и спасенія, открытымъ каждому человѣку отдѣльно, совершается міровой процессъ броженія и переро-

жденія міра на дрожжахъ, брошенныхъ въ міръ Христомъ. Благодать Божія открыла намъ всѣмъ возможность освободиться отъ рабства мѣсту и времени, упразднить зависимость нашего духа отъ племенной ограниченности, отъ данной исторической поры, но только лично каждому въ сферѣ отношеній нашей души къ Богу, даже не въ сферѣ мысли, логическаго разумѣнія и знанія. Внѣ отношеній личныхъ къ Богу, человѣкъ всѣми своими сторонами духа находится въ зависимости отъ условій конечнаго своего бытія. Точно также и церковь, взятая и понимаемая со стороны, обращенной къ исторіи человѣчества. Рядомъ съ этою историческою церковью, въ ней же самой, пребываетъ, *не опознаваемая внѣшними признаками,* но сама о себѣ, какъ истина свидѣтельствующая, вѣчная церковь Христова, сохраняющая для міра, для всѣхъ вѣковъ и народовъ и возносящая надъ нимъ идеалъ христіанскій во всей его чистотѣ и неумолимой строгости. Это главная миссія церкви: храненіе догмы и проповѣдь Евангелія, призывъ индивидуумовъ къ подвигу личнаго совершенствованія и спасенія. Съ этой точки зрѣнія—благо тѣмъ осмѣяннымъ вами авторитетамъ, которые поставили ее, по вашимъ словамъ, внѣ дѣйствительной жизни.— Но церковь историческая напротивъ—не стояла внѣ дѣйствительной жизни, и упрекъ, котораго она заслуживаетъ, развѣ въ томъ, что она слишкомъ смѣшалась съ дѣйствительною жизнью и вздумала регулировать ее внѣшнимъ образомъ, буквою своихъ каноновъ. Съ этой стороны она отразила въ себѣ вліяніе времени, мѣста, національности, возраста духовнаго и умственнаго народовъ, ихъ религіозныхъ потребностей: тутъ вамъ объясненіе и монашества, и инквизиціи, средневѣковаго варварства и пр. и пр.

Вспомните еще: церкви пришлось считаться не только съ государствомъ, котораго существо языческое и инымъ и быть не можетъ, но и съ народными массами, которыхъ не знавали апостольскія общины. Народныя *массы*—все равно, что крещеные *младенцы.* Не выгонять же эти массы изъ ограды церковной,—а онѣ не могутъ носить болѣе, чѣмъ младенцы. Единство обрядовъ, постовъ и пр. содержитъ ихъ въ союзѣ духовнаго братства,—дондеже наступитъ возрастъ сознанія. Все мнѣ можно, но не все на пользу, говоритъ Павелъ: я свободенъ, но если мясная пища соблазняетъ моего брата, не имамъ ясти мяса во вѣки! Вотъ вамъ практическое выраженіе высокой любви къ ближнему.

Все это обыкновенно упускаютъ изъ виду историческіе критики, сравнивая времена апостольскія съ послѣдующими вѣками.

Аскетизмъ есть прирожденная человѣческому духу потребность—освободить духъ отъ рабства тѣлу. Безъ сомнѣнія онъ ложенъ, когда переходитъ въ гордость духа и въ презрѣніе къ тѣлу или признаетъ себя *единственнымъ* путемъ спасенія. Но никогда никакими соборными уставами церковь не выражала такого мнѣнія. Даже на Западѣ цели-

батъ установленъ для служителей церкви не какъ условіе спасенія, а какъ такое состояніе, при которомъ человѣкъ удобнѣе можетъ отдаться весь своему служенію. Стремленіе къ созданію монастырскихъ общинъ понятно съ прекращеніемъ апостольскихъ замкнутыхъ общинъ. Въ апостольской общинѣ члены состояли *внѣ* остальнаго, языческаго міра. Когда общины разомкнулись и слились съ міромъ полухристіанскимъ, полуязыческимъ,—потребность замкнутости, ухода изъ міра выразилась въ учрежденіи монастырей. Это явленіе временное—и уже пережившее или переживающее себя. Главное зло здѣсь, какъ и въ большей части явленій, съ церковью связанныхъ, это вмѣшательство государственнаго закона, который возвелъ, напр. у насъ, монаховъ въ сословіе, преслѣдуетъ за нарушеніе обѣта и проч. и проч.

Не церковь, не церковную іерархію и пр. должны мы винить въ томъ, что мораль христіанъ, какъ вы выражаетесь, стоитъ такъ низко, и что идеалъ христіанскій такъ далекъ отъ осуществленія, — а себя самихъ и грѣховность человѣческую. Всего труднѣе для людей *даръ свободы,* всего мудренѣе удержаться *въ свободѣ,* и человѣкъ хватается за букву, за правила, какъ за перила, и становится самъ, добровольно, рабомъ буквы. Сочинители разныхъ соціальныхъ доктринъ и ожесточенные критики христіанства забываютъ, что христіанство прежде всего требуетъ *личнаго* совершествованія, *личной* святости. Мораль христіанская такъ неумолимо чиста, идеалъ христіанскій такъ безусловно высокъ, что малѣйшее уклоненіе отъ него, малѣйшая ему измѣна, отражается въ дѣлѣ, какъ самый малый квасъ квасить всю жидкость. Милость Божія можетъ спасти грѣшниковъ, но не упраздняетъ послѣдствій грѣха. — Пуще всего надобно беречься въ наше время *подобія* истины, безъ духа самой истины. Апостолъ Іоаннъ опредѣляетъ антихриста именно какъ лжеподобіе Христа. Такое лжеподобіе преподносится теперь міру современнымъ *прогрессомъ* и разными гуманными и либеральными теоріями.

Положеніе современной Россіи тяжело и мрачно. *Сочинить* выходъ изъ него, посредствомъ нѣсколькихъ реформъ, невозможно. Реформы нужны и въ соціальномъ устройствѣ, и въ политическомъ, и въ области церковной,—станемъ работать мыслью надъ ними,—но независимо отъ общихъ реформъ предстоитъ каждому подвигъ личный, собственнаго совершенствованія и воспитанія ближайшихъ ближнихъ въ духѣ Христовомъ. Въ какія бы печальныя условія ни былъ поставленъ, напр. священникъ,—поприще предстоитъ ему обширное, если только горитъ въ немъ священное пламя. Главное—да не соблазнимся практическою пользой и не отречемся, въ нашихъ заботахъ объ общей пользѣ, отъ требованій высшихъ нравственныхъ началъ.

Я вполнѣ раздѣляю мнѣніе о необходимости придать жизнь и силу

церковной приходской общинѣ,—и полагаю, что можно было бы вамъ заняться разработкою этого вопроса, во 1-хъ, безъ всего этого исторически ческаго и, какъ мнѣ кажется, не вполнѣ вѣрнаго изложенія; во 2-хъ, въ духѣ заповѣди Христовой о любви къ ближнимъ, т. е. безъ издѣвательства, глумленія и брани, направленныхъ на церковь послѣднихъ 15-ти вѣковъ, въ 3-хъ, безъ противорѣчія высшимъ нравственнымъ требованіямъ евангельскимъ,—на почвѣ вѣры,—главное—*не угашая духа*. «Духа не угашайте», вотъ слово, которое должны помнить всѣ реформаторы церковные; не подмѣнивайте же законъ истины внутренней, нравственной закономъ внѣшней, юридической правды (а вы требуете въ области церкви всякое даже архипастырское *усмотрѣніе* замѣнить положительнымъ закономъ); не обольщайтесь наружною практическою пользою, строго блюдите, чтобъ она не служила въ ущербъ тому, что̀ одно на потребу, въ чемъ одномъ сила жизни и спасеніе.

Что же касается до вопроса о разводахъ, то онъ можетъ быть рѣшенъ только соборомъ всего православнаго христіанства. Церковь не можетъ ничего уступить изъ преподаннаго ей идеала чистоты и нравственности; она не можетъ, не должна ничего возбранять силою, но не можетъ освящать своимъ благословеніемъ прямо нарушеніе заповѣди.

Итакъ, многоуважаемый NN, примите благодушно мое маранье и отнеситесь къ нему, какъ къ доказательству моего искренняго къ вамъ уваженія и серьознаго отношенія къ вашему труду. Написалъ семь листовъ, но большая часть вопросовъ осталась недоговоренной, и вѣроятно многое приведетъ васъ въ недоумѣніе. Не подумайте, что я вздумалъ учить васъ. Я самъ училъ, наставлялъ и провѣрялъ себя — читая вашу статью, и, излагая свои мнѣнія и замѣчанія, писалъ столько же для себя, какъ и для васъ.

СВОБОДА СЛОВА.

СТАТЬИ

ИЗЪ «ДНЯ», «МОСКВЫ», «МОСКВИЧА» И «РУСИ».

О Коммиссіи для пересмотра постановленій по дѣламъ книгопечатанія.

«День», 12-го мая 1862 года.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что въ Санктпетербургѣ учреждена «Коммиссія для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія». Вмѣстѣ съ краткимъ отчетомъ о первомъ засѣданіи, помѣщеннымъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», Коммиссія напечатала тамъ же и призывъ къ литераторамъ и редакторамъ періодическихъ изданій—сообщить ей, разумѣется путемъ печати, мысли и соображенія по предмету ея занятій. На приглашеніе это отозвались уже многіе журналы, въ томъ числѣ «Русскій Міръ» (№ 15) и «Сынъ Отечества» (№ 103). Послѣдній, съ горячностью обличая все зло предупредительной цензуры, рѣшаетъ вопросъ въ пользу цензуры карательной.

Распространяться о пользѣ свободы слова и о вредѣ цензуры мы считаемъ излишнимъ. Благодареніе Богу—наше общество убѣждать въ этомъ нечего! Нѣтъ ни одного разумнаго человѣка изъ публики неправительственной, изъ міра неоффиціальнаго, который бы заявилъ себя врагомъ этой свободы и защитникомъ цензуры. Но такъ какъ мы въ настоящемъ случаѣ имѣемъ дѣло съ міромъ оффиціальнымъ, то да позволено будетъ намъ повторить здѣсь то, что сказано нами въ передовыхъ статьяхъ 22 и 23 №№ нашей газеты [1]).

«Какъ дерево можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока въ немъ есть жизнь сердцевины; какъ съ прекращеніемъ этой жизни, сохнетъ и каменѣетъ кора, такъ и государство—когда уже разъ возникло общество—можетъ существовать *только* до тѣхъ поръ, пока живетъ общество. Зерно способно долго сохраняться какъ зерно, но если оно разъ начало жить, какъ дерево, въ корняхъ, стволѣ и листьяхъ,—дерево уже не можетъ быть остановлено въ своемъ развитіи, въ своей дѣя-

---

[1]) См. Славянофильство и Западничество.

тельности, не можетъ быть лишено воздуха, свѣта, тепла,—иначе оно *погибнетъ.* Орудіе дѣятельности общества—есть слово, по преимуществу печатное. Поэтому стѣсненіе печатнаго слова, когда явилась въ немъ потребность, когда, стало быть, въ народѣ возникло общество—есть нарушеніе правильныхъ отправленій общественнаго организма, есть умерщвленіе жизни общества, и слѣдовательно опасно для самого государства, допускающаго такое стѣсненіе. Напрасно воображаютъ нѣкоторые, что свобода слова, устнаго или печатнаго, есть политическая свобода. Послѣ этого, и свобода ѣсть, пить, спать, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами, есть также политическая «прерогатива»! Свобода слова относится точно такъ же къ сторонѣ нравственной человѣка, какъ свобода спать, ѣсть—къ сторонѣ физической. Злоупотребленіе слова точно такъ же возможно, какъ и злоупотребленіе рукъ, но если бы въ предупрежденіе золъ, которыя можно учинить руками, связать всѣмъ людямъ руки за спину, то уничтожилась бы всякая возможность дѣятельности, слѣдовательно и существованія, какъ связываемыхъ, такъ и вяжущихъ. Никакія въ мірѣ либеральныя учрежденія не замѣнятъ свободы общественнаго слова, никакія консервативныя охраны не замѣнятъ охранительной силы свободнаго слова (если только есть что достойное охраненія), никакіе законы не имѣютъ прочности и живительнаго дѣйствія безъ свободнаго слова. Какъ противъ отолщенія кожи нѣтъ другихъ лѣкарствъ, кромѣ возбужденія дѣятельности прочихъ органовъ, такъ и государство, противъ его болѣзненнаго роста *внутрь,* можетъ спасти—только общество съ своею свободою дѣятельности, свободою критики, свободою слова».

Слѣдовательно—стѣсненіе печати гибельно для самого государства, и государство, въ видахъ собственнаго сохраненія, должно предоставить полнѣйшую свободу дѣятельности общественнаго сознанія, выражающейся преимущественно въ литературѣ. Однимъ словомъ, если государство желаетъ *жить,* то должно соблюдать непремѣнныя *условія жизни,* внѣ которыхъ—*смерть* и *разрушеніе;* условіе жизни государства—есть жизнь общества; *условіе жизни* общества—*есть свобода слова,* какъ орудія общественнаго сознанія. Поэтому цензура, какъ орудіе стѣсненія слова, есть *опасное* для государства учрежденіе, ибо не будучи въ силахъ остановить дѣятельность мысли, сообщаетъ ея развитію характеръ раздраженнаго противодѣйствія и вноситъ въ область печатнаго слова начало лжи и лицемѣрія.

Мы хотимъ думать, что эти очевидныя истины признаются и оффиціальнымъ міромъ. Но оффиціальный міръ—великій практикъ и пожалуй назоветъ наши слова теоріей, къ которой онъ вообще относится неуважительно. «Это хорошо такъ разсуждать, а пусть попробуютъ облечь все это въ форму положительнаго закона!» вотъ что обыкновенно слы-

нимъ мы отъ нашихъ государственныхъ мужей, большихъ и малыхъ. Мы позволимъ имъ замѣтить, что самое сочиненіе положительныхъ законовъ зависитъ отъ уясненія себѣ основного принципа, облекаемаго въ форму законодательную; что точка отправленія, принятая законодателями, или просто составителями законодательнаго проекта,—обусловливаетъ большую или меньшую трудность работы...

Такъ и въ настоящемъ случаѣ: намъ всего важнѣе знать—точку отправленія, принятую «Коммиссіею для пересмотра, измѣненія и дополненія постановленій по дѣламъ книгопечатанія»,—тотъ взглядъ, съ которымъ Коммиссія приступила къ своимъ занятіямъ. Если взглядъ правительства согласенъ съ нашимъ, если правительство точно также признаетъ свободу мысли, слова и печати необходимымъ условіемъ развитія и преуспѣянія общества и государства, если искренно убѣждено въ томъ и любитъ эту свободу такъ же, какъ любятъ пользу, благо отечества, всякое добро и всякую истину,—то работа Коммиссіи не трудна и не многосложна. Ея задачею будетъ—провозглашеніе принципа и устройство этой свободы, т. е. огражденіе ея твердыми постановленіями отъ всякаго посягательства частнаго произвола, и точное опредѣленіе тѣхъ немногихъ случаевъ, когда слово, переходя въ область положительнаго дѣйствія, можетъ вызвать вмѣшательство власти.

Если же правительство, приступая къ реформѣ законовъ о книгопечатаніи, вынуждено къ этому единственно «*безсиліемъ цензурныхъ постановленій* удержать (какъ любятъ выражаться) литературу въ *законныхъ* предѣлахъ»,—то Коммиссія будетъ только изыскивать новыя, строжайшія мѣры къ удержанію литературы въ этихъ предѣлахъ, и упрочитъ антагонизмъ, существующій теперь между литературою и оффиціальнымъ міромъ. Если, вмѣсто того, чтобы вызывать къ жизни дѣятельность слова, Коммиссія будетъ заботиться только о томъ, чтобы создать всевозможныя плотины этой *досадной*, самовластной силѣ,—то ей предстоитъ огромный, тяжкій и неблагодарный трудъ! Такъ какъ мы сами еще не очень богаты опытомъ общественной жизни, то пришлось бы прибѣгнуть къ опытности чужихъ странъ, и примѣнять къ Россіи все, что законодательства иноземныя умѣли сочинить по части стѣсненій человѣческаго слова! Что нужды до того, что иностранные законы вызваны мѣстною исторіею, особенными домашними обстоятельствами, условіями общественнаго развитія: благо есть готовые законы... Благонадежнѣе будетъ внести и ихъ въ нашъ кодексъ! Можетъ быть въ Липпе-Детмольдскомъ княжествѣ есть... хорошенькая мѣра: отчего же ею и не воспользоваться!

Мы готовы вѣрить, что Коммиссія нисколько не одушевлена такимъ печальнымъ усердіемъ, но хотѣли только указать на опасность, неразлучную съ направленіемъ такъ называемымъ репрессивнымъ. Скольз-

кая дорога сочинительства карательныхъ законовъ увлекаетъ невольно въ область такихъ казуистическихъ подробностей,—имъ же нѣсть числа, ни мѣры, въ которыхъ самые отважные законосочинители потеряются какъ въ лабиринтѣ. Такъ напримѣръ, мы слышали, что Коммиссія, распредѣляя занятія между членами, поручила одному изъ нихъ составленіе правилъ о типографіяхъ и книжной торговлѣ во всѣхъ ея видахъ. Правила о книжной торговлѣ, да еще во всѣхъ видахъ! Признаемся откровенно, мы не безъ содроганія услышали о такомъ предпріятіи,—предпріятіи очень смѣломъ, потому что приходится творить изъ ничего и сочинять регламентацію книжной торговлѣ у насъ почти вовсе несуществующей или, если и существующей, то находящейся на самой первой ступени развитія! Подобнаго рода преждевременная опека могла бы заглушить нашу торговлю въ самомъ ея началѣ! Если бы при измѣненіи законовъ о книгопечатаніи и оказалась необходимость въ какихъ-нибудь новыхъ постановленіяхъ о продажѣ книгъ, то достаточно было бы для этого прибавки двухъ-трехъ параграфовъ къ существующимъ уже правиламъ, а не создавать цѣлый кодексъ новыхъ. Писаніе правилъ соблазнительно, и потому опасно. Точно такъ же, какъ наши книгопродавцы нисколько не похожи на Французскихъ libraires-éditeurs, такъ и наши типографщики не нуждаются въ той полицейской опекѣ, которая создана полицейскою изобрѣтательностью Французскаго правительства. Пожалуй, такимъ образомъ, путемъ тѣхъ же неправильныхъ сравненій и умозаключеній, можно дойти и до убѣжденія, что и у насъ слѣдуетъ заставить издателей журналовъ и газетъ *вносить денежные залоги* правительству, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы,—но намъ кажется, что даже и предположить такую несообразность было бы слишкомъ оскорбительно для лицъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ міромъ нашей литературы! Впрочемъ, мы еще будемъ имѣть случай говорить о залогахъ.

Намъ могутъ замѣтить, что дѣло правительства есть дѣло чисто отрицательное, что, признавая силу печатнаго слова и его свободу, какъ существующій фактъ, какъ неизбѣжное явленіе, оно можетъ имѣть только одну задачу: положить предѣлы этой свободѣ. Нѣтъ: тамъ, гдѣ сочиненіе законовъ совершается *внѣ* участія общества (хотя бы они непосредственно касались жизни общественной), тамъ многое зависитъ отъ того, какъ относится самъ законодатель къ узаконяемому принципу. Если онъ относится къ свободѣ слова *непріязненно*, его законы будутъ имѣть характеръ притязательнаго контроля и не только не помогутъ общественному развитію, но нарушатъ миръ и правильность отправленій общественнаго организма, и приведутъ общество и всю страну— по крайней мѣрѣ къ упадку. Если же законодатель относится къ свободѣ слова вполнѣ сочувственно, и искренно желаетъ ея водворенія въ

своемъ отечествѣ,—его законы напишутся въ духѣ покровительствованія свободѣ, и дадутъ обществу надежную ограду противъ злоупотребленій печати.

Мы постараемся, въ слѣдующій разъ, начертить проектъ постановленій о книгопечатаніи —такъ, какъ мы понимаемъ это дѣло, съ той точки зрѣнія, которая уже извѣстна читателямъ.

По поводу проектируемыхъ законовъ о печати.

«День», 19-го мая 1862 г.

Можетъ быть и не безъ основанія сѣтуютъ на литературу дѣловые люди оффиціальнаго міра за то, что она, витая въ заоблачныхъ высотахъ мечты и мысли, рѣдко спускается на землю и не оказываетъ добросовѣстнымъ оффиціальнымъ труженикамъ той помощи, которой они были бы въ правѣ отъ нея ожидать. «Всѣ эти толки о принципахъ, разсужденія и совѣты, все это не болѣе, какъ общія мѣста, уже сильно намъ надоѣвшія;—при первомъ же опытѣ примѣненія къ жизни ваши теоріи разваливаются, какъ карточные домики»! Въ послѣднее время намъ въ особенности часто доводилось слышать подобные упреки,—и не желая ихъ заслуживать, по крайней мѣрѣ по отношенію къ вопросу о свободѣ слова, мы рѣшаемся вывести наши воззрѣнія и требованія—заколдованнаго круга отвлеченной теоріи—въ сферу положительнаго закона, на практическое поле дѣйствительности. Предлагая на судъ читателямъ этотъ скромный опытъ, мы предваряемъ ихъ, что если, съ одной стороны, наше «мнѣніе» и чуждо той отдѣлки, которая требуется Русскою законодательною техникою, за то, съ другой, оно вполнѣ, кажется намъ, примѣнимо къ современнымъ условіямъ нашей общественной и политической жизни.

Мы считаемъ не лишнимъ объяснить вкратцѣ, какими главными основаніями мы руководствовались.

Во 1-хъ, признавая за каждымъ безусловное право на свободу рѣчи изустной и печатной, мы полагаемъ необходимымъ, чтобы каждый несъ и отвѣтственность за свое слово, такъ же какъ онъ несетъ отвѣтственность и за всякое общественное дѣйствіе. Такое требованіе общественной честности должно быть неуклонно выполняемо, и вотъ почему мы предположили въ своемъ «мнѣніи» строгія взысканія за всякую попытку—пускать въ обращеніе печатное слово потаенно, изъ-за угла, съ избѣжаніемъ отвѣтственности: это такъ же подло, какъ и писаніе анонимныхъ писемъ.

Во 2-хъ, мы думаемъ, что преступныя дѣйствія въ области публичнаго слова должны подлежать единственно вѣдѣнію (юрисдикціи) тѣхъ же судебныхъ учрежденій, которымъ подлежатъ и всякія другія преступныя дѣйствія.

Въ 3-хъ, такъ какъ, однакоже, по особеннымъ условіямъ нашего общественнаго развитія, не всякое судебное мѣсто можетъ быть компетентно, т. е. можетъ вполнѣ соотвѣтствовать тѣмъ условіямъ, которыхъ требуетъ судъ надъ преступными дѣйствіями въ области слова, и такъ какъ существующій у насъ покуда порядокъ судопроизводства неудобенъ для рѣшенія дѣлъ этого рода,—то является необходимымъ допустить, въ этомъ отношеніи, нѣкоторыя отступленія отъ общаго порядка, тѣмъ болѣе, что въ XV томѣ Св. Угол. Законовъ уже допущены 15 видовъ «особеннаго уголовнаго судопроизводства». По самому свойству этихъ преступленій, принадлежащихъ преимущественно къ сферѣ нравственной и духовной, по невозможности съ точностью опредѣлить положительными законами—все разнообразіе неправды и вреда, допускаемое дѣятельностью слова,—судъ надъ преступными дѣяніями въ предѣлахъ свободы слова немыслимъ безъ суда присяжныхъ. Такого учрежденія у насъ вовсе не существуетъ, и потому приходится его *создать вновь,* довольствуясь, по необходимости, тѣмъ готовымъ матеріаломъ, который представляетъ современная дѣйствительность. Какихъ бы несовершенствъ ни было исполнено это нововведеніе, оно все же представляетъ нѣкоторыя преимущества предъ существующимъ нынѣ порядкомъ судопроизводства.

Въ 4-хъ, допуская въ нѣкоторомъ смыслѣ форму обвинительнаго процесса, мы въ то же время считаемъ совершенно излишнимъ создавать особенное званіе оффиціальнаго обвинителя, или же возлагать эту обязанность на прокурора, министра юстиціи и вообще на лица, принадлежащія къ судебному вѣдомству. Дѣло послѣднихъ — только наблюдать за вѣрностью вѣсовъ, которые держитъ въ рукахъ своихъ Өемида, а не натягивать вѣсы изо всѣхъ силъ, ex officio, во вредъ обвиняемому, хотя бы ложь обвиненія была очевидна! Въ этомъ отношеніи мы нисколько не сочувствуемъ Французскому уголовному процессу. Но не распространяясь объ этомъ, скажемъ, что, по нашему мнѣнію, въ отношеніи къ преступленіямъ въ области слова, обвиненіе должно принадлежать полиціи, или Министерству внутреннихъ дѣлъ, какъ министерству полиціи: полиція, обязанная предупреждать и преслѣдовать преступленія,—являясь предъ судомъ въ качествѣ обвинителя,—является въ такомъ случаѣ истцомъ въ собственномъ дѣлѣ, адвокатомъ собственныхъ дѣйствій и интересовъ. Но приступимъ къ изложенію нашего «мнѣнія».

Прежде всего необходимымъ кажется намъ постановить твердое

правило, которое и внести въ 1 томъ Св. Зак. Разд. 1, главу 1,—слѣдующаго содержанія:

«Свобода печатнаго слова есть неотъемлемое право каждаго подданнаго Россійской Имперіи, безъ различія званія и состоянія».

Затѣмъ, постановленія, утверждающія это право на незыблемомъ основаніи и въ то же время предохраняющія частныя лица и государство отъ злоупотребленій сего права,—постановленія, какъ *полицейскія,* такъ и *судебныя,*—должны быть изложены слѣдующимъ образомъ:

«Каждый Русскій подданный имѣетъ полное право печатать или инымъ способомъ воспроизводить во множествѣ экземпляровъ свои собственныя или же издавать чужія сочиненія, равно и заводить типографіи, безъ всякаго разрѣшенія, но съ непремѣннымъ соблюденіемъ слѣдующихъ условій:

«Каждый, желающій открыть типографію, обязанъ получить на оную свидѣтельство отъ мѣстной Градской Думы въ городѣ или Волостнаго Правленія въ волости, съ платою установленной пошлины (не свыше однако же 100 руб.) въ пользу волости или города. За открытіе типографіи безъ полученія свидѣтельства виновный подвергается, по приговору суда, сверхъ закрытія типографіи, заключенію въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, или же взысканію штрафа въ пять тысячъ рублей[1]).

«Типографія обязана выставлять свою фирму на каждомъ нумерѣ выпускаемаго ею журнала, газеты или инаго періодическаго изданія, на каждой брошюрѣ, книгѣ, объявленіи, афишѣ, вообще на всемъ, что̀ предназначается для всенароднаго чтенія. За нарушеніе сего правила, содержатель типографіи подвергается, по приговору суда, сверхъ закрытія типографіи, тюремному заключенію отъ 6 мѣсяцевъ до трехъ лѣтъ, или же взысканію штрафа въ пять тысячъ рублей.

«Типографія не отвѣчаетъ за содержаніе печатаемыхъ ею сочиненій, если, на требованіе полиціи, она можетъ объявить ей настоящее имя издателя. Если же имя издателя ей неизвѣстно, или она полиціи его не объявитъ, или же она сама издаетъ сочиненіе на свой счетъ, то содержатель типографіи долженъ подлежать въ такомъ случаѣ полной отвѣтственности за содержаніе печатаемаго, какъ издатель.

«Типографія обязана одновременно съ выпускомъ нумера журнала,

---

[1]) Никакихъ залоговъ и другихъ свидѣтельствъ, по нашему мнѣнію, требовать не слѣдуетъ. Строгое наказаніе назначено здѣсь для предупрежденія устройства потаенныхъ, неизвѣстныхъ власти и мѣстному обществу, типографій.

газеты или иного періодическаго изданія, и не позднѣе, какъ на другой день, отсылать, на счетъ издателя, одинъ экземпляръ въ мѣстную полицію (къ оберъ-полицеймейстеру въ столицахъ, къ городничимъ въ городахъ и къ земскому исправнику въ уѣздѣ) и одинъ экземпляръ къ Министру Внутреннихъ Дѣлъ, какъ къ Министру Полиціи. То же самое правило соблюдается и относительно книгъ и брошюръ, но срокъ отсылки, для удобства, назначается десятидневный. За нарушеніе сего содержатель типографіи подвергается, по приговору суда, за каждый разъ штрафу въ 50 руб. сер.

—

«Каждый, желающій издавать журналъ, газету или въ какой бы то ни было формѣ періодическое изданіе, сообщаетъ мѣстной полиціи къ *свѣдѣнію:* имя *отвѣтственнаго редактора,* названіе, условія и вообще назначенную для обнародованія программу предполагаемаго изданія, и затѣмъ ни въ какомъ уже разрѣшеніи не нуждается. За нарушеніе сего правила, виновный, по приговору суда, подвергается штрафу въ 500 руб. сер. или же заключенію въ тюрьмѣ отъ 3 до 6 мѣсяцевъ.

«Вся отвѣтственность за періодическое изданіе лежитъ на *отвѣтственномъ редакторѣ.*

«Отвѣтственный редакторъ выставляетъ свое имя на каждомъ № періодическаго изданія. За нарушеніе сего правила, онъ, по приговору суда, подвергается, сверхъ запрещенія изданія, заключенію въ тюрьмѣ отъ 6 мѣсяцевъ до 6 лѣтъ[1]).

«Ни полиція, ни Министерство Внутреннихъ Дѣлъ не должны *бы* имѣть права, без ъ приговора суда, останавливать выходъ и обращеніе въ публикѣ какого бы то ни было періодическаго изданія, если на немъ есть подпись редактора и фирма типографіи: имъ предоставляется право преслѣдовать злоупотребленіе печати передъ судомъ, уже по выходѣ въ свѣтъ нумера періодическаго изданія.

«Для изданія книгъ и брошюръ не требуется никакихъ разрѣшеній, и вся отвѣтственность за содержаніе оныхъ лежитъ на издателѣ.

«Авторъ ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ отвѣтственности какъ авторъ, но отвѣчаетъ только, какъ издатель, если самъ издалъ свое сочиненіе.

«Имя издателя можетъ и не быть выставлено на брошюрѣ или книгѣ, но оно должно быть извѣстно типографіи, гдѣ печаталось изданіе; въ противномъ случаѣ вся отвѣтственность за содержаніе падаетъ

[1]) Если редакторъ употребляетъ въ литературѣ вымышленное имя, то во всякомъ случаѣ, сообщая въ полицію о предполагаемомъ изданіи, онъ обязанъ объявить ей, сверхъ вымышленнаго (псевдонима), и настоящее свое имя.

на типографію, обязанную, какъ сказано выше, означать на всякомъ изданіи свою фирму.

«Всякій, желающій разсылать по почтѣ или какимъ бы то ни было способомъ, равно и приклеивать на уличныхъ стѣнахъ и столбахъ и выставлять въ публичныхъ мѣстахъ печатныя, для всенароднаго свѣдѣнія, объявленія и афиши, представляетъ оныя предварительно въ мѣстную полицію съ уплатою пошлины по 1 руб. съ каждой полной или неполной тысячи экземпляровъ. Полиція, приложивъ къ каждому экземпляру особую печать или штемпель, удостовѣряющій о взысканіи пошлины, возвращаетъ оныя немедленно предъявителю, и во всякомъ случаѣ не далѣе, какъ черезъ шесть часовъ по предъявленіи.

«За разсылку или выставку объявленій и афишъ, безъ клейма полиціи, виновный, по приговору суда, подвергается штрафу 100 рублей, *независимо отъ содержанія*, а полиція имѣетъ право остановить обращеніе въ публикѣ таковыхъ афишъ и объявленій.

«Если представленное въ полицію къ наложенію клейма объявленіе окажется, по мнѣнію полиціи, содержанія предосудительнаго, то она имѣетъ право немедленно, остановившись наложеніемъ клейма, представить объявленіе на усмотрѣніе высшаго своего начальства, которое,—если признаетъ распоряженіе полиціи правильнымъ,—вноситъ все это обстоятельство на разрѣшеніе суда, въ противномъ же случаѣ предписываетъ полиціи наложить на объявленія штемпель и выдать оныя предъявителю. За всякую напрасную задержку, предъявитель имѣетъ право требовать отъ полиціи въ свою пользу штрафа по 5 рублей въ день».

Перейдемъ теперь къ изложенію нашего мнѣнія о *судебной* сторонѣ дѣла[1]):

«Личность царствующаго Императора, членовъ Императорской фамиліи, равно и домашняя жизнь и честь семейства каждаго частнаго человѣка поставляются подъ особенную охрану законовъ.

«Къ преступнымъ дѣяніямъ въ области печатнаго слова, съ подраздѣленіемъ на роды и виды, относятся слѣдующія:

Относительно верховной власти и правительства.

а) Оскорбительные, дерзкіе и неуважительные отзывы про личныя качества и про личное управленіе царствующаго Государя, равно и про особъ Императорской фамиліи.

---

[1]) Въ этотъ же отдѣлъ могутъ быть отнесены и всѣ вышеизложенныя нарушенія полицейскихъ постановленій.

б) Всякое явное возбужденіе къ возстанію и мятежу противъ Правительства, и къ ослушанію законамъ.

в) Оскорбительные отзывы о настоящемъ высшемъ правительствѣ, высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ и высшихъ правительственныхъ лицахъ, покуда они состоятъ въ должности. Всѣ правительственныя мѣры и дѣйствія подлежатъ свободному обсужденію и могутъ быть безпрепятственно порицаемы, но безъ употребленія дерзкихъ и оскорбительныхъ выраженій и безъ личныхъ обвиненій[1]).

г) Оскорбительные отзывы о служебныхъ дѣйствіяхъ должностныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшему управленію,—если напечатавшій отзывъ не представитъ доказательствъ, которыя будутъ признаны судомъ неопровержимыми[2]).

«По первымъ тремъ пунктамъ, правительство имѣетъ право, если признаетъ нужнымъ, подвергать поступокъ виновнаго разсмотрѣнію суда, не останавливая обращенія въ публикѣ напечатаннаго произведенія. По послѣднему пункту дѣло можетъ начаться въ судѣ не иначе, какъ по жалобѣ оскорбленныхъ лицъ.

Относительно общественной безопасности.

а) Возбужденіе къ безпорядкамъ, преступленіямъ и къ нарушенію общественнаго спокойствія.

б) Умышленное распространеніе ложныхъ извѣстій, способныхъ нарушить общественное спокойствіе, равно и кредитъ частныхъ лицъ.

Относительно общественной нравственности и вѣроисповѣданія.

а) Всякое печатное явное глумленіе и оскорбленіе народнаго чувства вѣры, безъ различія вѣроисповѣданія. Догматы и обряды всякаго вѣроисповѣданія, равно и управленіе церковное подлежатъ свободному обсужденію, и могутъ быть отрицаемы и порицаемы, но безъ употребленія неприличныхъ оскорбительныхъ выраженій, глумленія и кощунства.

---

[1]) Степень дѣйствительной оскорбительности и дерзости выраженій опредѣляется лишь судомъ, имѣющимъ право признать обвиненіе, предъявленное въ судъ правительствомъ, неосновательнымъ. Но дознанія о справедливости или несправедливости печатнаго отзыва въ настоящемъ случаѣ не допускается.

[2]) Различіе высшихъ правительственныхъ и не высшихъ должностныхъ лицъ должно быть допущено потому, что при оскорбленіи послѣднихъ самый принципъ государственный можетъ и не подвергаться оскорбленію, а также и потому, что чѣмъ выше лицо по своему оффиціальному положенію, тѣмъ болѣе открыто оно для всѣхъ порицаній и нападеній, со всѣхъ сторонъ, и тѣмъ труднѣе для него защита противъ личныхъ обидъ и оскорбленій.

Если подобное оскорбленіе касается православнаго вѣроисповѣданія, право предавать поступокъ виновнаго суду—принадлежитъ Правительству; если оно касается прочихъ вѣроисповѣданій,—представителямъ оскорбленнаго вѣроисповѣданія.

б) Оскорбительныя выраженія про личныя и служебныя дѣйствія лица, принадлежащаго къ духовенству христіанскихъ исповѣданій. По такимъ отзывамъ не производится дознанія. Такъ какъ санъ духовныхъ лицъ не дозволяетъ имъ искать удовлетворенія въ обидѣ,— то обвинителемъ виновныхъ въ напечатаніи подобныхъ отзывовъ является предъ судомъ само Правительство.

в) Оскорбленіе чувства общественной нравственности напечатаніемъ грубо непристойныхъ и неупотребляемыхъ въ печати словъ, выраженій и разсказовъ—въ статьѣ или книгѣ не историческаго и вообще не ученаго содержанія [1]).

Относительно семейной и личной чести частныхъ лицъ.

а) Всякое, хотя бы и не предосудительное оглашеніе событій домашней и личной жизни частнаго человѣка, безъ его дозволенія.

б) Неприличная, грубая брань и оскорбительные отзывы, касающіеся личности частнаго человѣка, даже при обсужденіи его литературныхъ трудовъ, или общественныхъ дѣйствій, или же поступковъ, совершаемыхъ въ публичныхъ мѣстахъ.

в) Обвиненіе частнаго лица въ предосудительномъ общественномъ, т. е. касающемся интересовъ всего общества, или же публичномъ дѣйствіи, если обвиняющій не можетъ представить суду, въ случаѣ жалобы на него со стороны обиженнаго, несомнѣнныхъ доказательствъ, или же обвиненіе, по сдѣланномъ дознаніи, окажется ложнымъ.

«Всѣ дѣла о личной обидѣ начинаются въ судѣ не иначе, какъ по жалобѣ самихъ обиженныхъ, личной или по довѣренности,—или же за смертію ихъ—ближайшихъ ихъ родственниковъ.

«При обсужденіи всѣхъ вышеисчисленныхъ преступныхъ дѣяній, судъ руководствуется слѣдующими соображеніями:

1) Онъ обращаетъ особенное вниманіе на обстоятельства, усиливающія и смягчающія вину, на степень умышленности и сознательности поступка, на степень вреда или предосудительной огласки, произве-

---

[1]) Что именно въ данномъ случаѣ признавать оскорбительнымъ для чувства общественной нравственности и въ какой мѣрѣ, опредѣляется каждый разъ судомъ.

денныхъ печатью, и т. д., и уже по симъ обстоятельствамъ назначаетъ и самую мѣру взысканія.

2) Политическія преступленія, совершаемыя печатнымъ словомъ, подлежатъ меньшей мѣрѣ наказанія противъ таковыхъ же преступленій, совершаемыхъ *дѣломъ*[1]).

3) Напротивъ того, всякія оскорбленія, наносимыя печатно, подлежатъ усиленному наказанію противъ оскорбленій, наносимыхъ словомъ непечатнымъ, — ибо первыя сопровождаются всенародной оглаской, вредныя послѣдствія которой не всегда могутъ быть исправлены.

4) Во всѣхъ случаяхъ, относящихся до домашней жизни и личности частнаго человѣка, если оглашеніе, оскорбительный отзывъ или обвиненіе касаются женской чести, — вина усиливается и наказаніе *утроивается* въ мѣрѣ противъ наказанія за подобное же оскорбленіе чести мужчины[2]).

— —

«Право обвиненія предъ судомъ, т. е. представленіе на разсмотрѣніе суда дѣйствія, почитаемаго преступнымъ, принадлежитъ:

а) Во всѣхъ случаяхъ, не касающихся личной чести частныхъ лицъ, или оскорбленій должностныхъ лицъ и учрежденій правительственныхъ, не принадлежащихъ къ разряду государственныхъ, — Министерству Полиціи, а именно:

Въ столицахъ — оберъ-полицеймейстеру, въ прочихъ городахъ — полицеймейстерамъ или городничимъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ совершено преступное дѣйствіе, или же, въ случаяхъ болѣе важныхъ, по усмотрѣнію Министра Внутреннихъ дѣлъ, уполномоченному отъ него лицу. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ имѣетъ право назначать, по своему усмотрѣнію, особаго чиновника для обвиненія преступника предъ судомъ, или же предоставить дѣйствіе мѣстной полиціи.

---

[1]) Въ политическихъ преступленіяхъ, совершаемыхъ печатнымъ словомъ (напр. хоть бы въ воззваніяхъ къ ослушанію законамъ), — разстояніе между *намѣреніемъ*, проявленнымъ въ словѣ, и между *исполненіемъ* возвѣщеннаго намѣренія, между *словомъ* и *дѣломъ* — такъ велико, что не можетъ не быть принято въ соображеніе, — вмѣстѣ съ большею или меньшею вѣроятностью успѣха въ осуществленіи намѣренія, выраженнаго печатно.

[2]) Мы указали только общія главныя категоріи преступленій, и вовсе не означили наказаній. Это сдѣлано потому, что подробное опредѣленіе преступленій и наказаній переходитъ уже въ область положительнаго общаго уголовнаго законодательства. Главная задача новыхъ законовъ о печати состоитъ не столько въ составленіи новаго уголовнаго кодекса по преступленіямъ въ области печати, сколько въ обезпеченіи обвиняемыхъ правильнымъ устройствомъ суда и предоставленіемъ опредѣленія виновности или невинности обвиняемыхъ — суду присяжныхъ.

б) Во всѣхъ случаяхъ, касающихся оскорбленій не высшихъ правительственныхъ учрежденій, равно и должностныхъ лицъ, право обвиненія принадлежитъ самимъ учрежденіямъ, чрезъ особо уполномочиваемыхъ чиновниковъ, и оскорбленнымъ должностнымъ лицамъ.

в) Во всѣхъ случаяхъ, касающихся личной чести, — обиженнымъ частнымъ лицамъ.

«Жалобы представляются не иначе, какъ письменныя, прямо въ судъ, въ слѣдующіе сроки: а) для Правительства, на газеты и журналы—два мѣсяца, по выходѣ №; на брошюры и книги—четыре мѣсяца; б) для частныхъ—два года по выходѣ нумера газеты, журнала, или же книги.

«Судъ надъ преступленіями противъ законовъ о печати совершается въ Уголовныхъ Палатахъ Москвы, С.-Петербурга, Казани, Харькова, Кіева и въ Уѣздномъ судѣ г. Одессы[1]).

«Для сужденій по дѣламъ о подобнаго рода преступленіяхъ можетъ быть назначенъ одинъ день въ недѣлю.

«Засѣданіе должно бы происходить публично; для постороннихъ посѣтителей отводится столько пространства, сколько позволяетъ помѣщеніе.

«Дозволяется газетамъ и журналамъ отдавать отчетъ о засѣданіяхъ суда, съ отвѣтственностію, за невѣрное сообщеніе, передъ судомъ, который имѣетъ право, по рѣшенію присяжныхъ, подвергнуть таковаго редактора денежному штрафу до 50 р. сер.

«Для разбирательства дѣлъ о преступленіяхъ противъ законовъ о печати употребляется порядокъ судоговоренія.

«По прочтеніи письменной жалобы, по приглашенію предсѣдателя, обвинитель (лично или чрезъ повѣреннаго) подтверждаетъ свою жалобу словесно и подкрѣпляетъ новыми доводами, если таковые имѣются. Затѣмъ обвиняемый (лично или чрезъ повѣреннаго) словесно возражаетъ обвинителю и представляетъ съ своей стороны всѣ доводы, какіе имѣетъ, для своего оправданія. Обвиненіе и оправданіе могутъ возобновляться до трехъ разъ, и даже больше, по усмотрѣнію предсѣдателя. Затѣмъ предсѣдатель допрашиваетъ подсудимаго и свидѣтелей, прикосновенныхъ къ дѣлу. Потомъ предсѣдатель и члены удаляются въ другую комнату для составленія вопросовъ присяжнымъ, которые все время присутствуютъ въ залѣ засѣданія. Присяжные въ свою очередь

---

[1]) Такое судоустройство предполагается временно, до преобразованія судовъ въ Россіи. Распредѣленіе округовъ между судами предоставляется ближайшему усмотрѣнію начальства.

удаляются изъ залы для совѣщанія и по окончаніи засѣданія, возвратившись въ залу, объявляютъ громко свое рѣшеніе предсѣдателю, который тотчасъ же, вмѣстѣ съ членами, составляетъ краткій приговоръ и прочитываетъ его подсудимому[1]).

«Присяжныхъ въ засѣданіи должно быть не менѣе и не болѣе 12-ти.

«Они избираются ежегодно, изъ лицъ, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи курса въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, не исключая и Духовныхъ Академій, — безъ различія званія и состоянія, извѣстныхъ своею нравственностью, не опороченныхъ судомъ и не моложе 25 лѣтъ.

«Изъ нихъ четыре человѣка избираются сословіемъ дворянъ той губерніи, четыре сословіемъ купцовъ и 4 человѣка бѣлымъ духовенствомъ того города, гдѣ производится судъ.

«Кромѣ вышеназванныхъ 12 присяжныхъ, избирается еще такимъ же образомъ и столько же *запасныхъ* присяжныхъ, которые приглашаются замѣнять тѣхъ изъ первыхъ присяжныхъ, которые будутъ отведены обвиняемымъ. Отводъ запасныхъ присяжныхъ не допускается.

«Присяжные за время служенія не получаютъ никакого вознагражденія и никакихъ отличій; служба присяжныхъ не считается государственною службою.

«Никакой отвѣтственности за свое мнѣніе присяжные подлежать не могутъ.

«Присяжные, въ отвѣтахъ на вопросы суда, не входятъ ни въ какія подробности, ограничиваясь однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ[2]).

«Приговоръ присяжныхъ можетъ быть дѣйствителенъ только при *единогласіи* всѣхъ 12 присяжныхъ.

«Присяжные обязаны постановить единогласный приговоръ въ то же засѣданіе, не выходя изъ присутственнаго мѣста; самый долгій срокъ, допускаемый для соглашенія присяжныхъ между собою, 12 часовъ. Если же единогласія не состоится, — то приглашаются на другой день *запасные* присяжные, которымъ предсѣдатель, въ присутствіи обвинителя и обвиняемаго, передаетъ содержаніе дѣла и всѣхъ доводовъ,

---

[1]) Разумѣется, порядокъ судопроизводства, описанный здѣсь вкратцѣ, требуетъ болѣе подробнаго изложенія и особой инструкціи для руководства судамъ—отъ Министерства Юстиціи.

[2]) Вопросы, предлагаемые судомъ на разрѣшеніе совѣсти присяжныхъ, могутъ быть только слѣдующіе: 1) виновенъ или не виновенъ подсудимый въ взводимомъ на него обвиненіи? 2) не слѣдуетъ ли также признать его виновнымъ въ томъ-то и томъ-то? (здѣсь исчисляются тѣ виды преступленія, въ которыхъ онъ оказывается виновнымъ по соображенію самого суда); 3) въ случаѣ положительнаго обвиненія, слѣдуетъ ли признать обстоятельства, сопровождающія преступное дѣйствіе, усиливающими или ослабляющими вину, и въ какой мѣрѣ, въ высшей, въ низшей или только отчасти?

представленныхъ обѣими сторонами. Если же и они не придутъ къ единогласному рѣшенію, то судъ признается несостоявшимся и подсудимый освобождается отъ преслѣдованія,—но обвинителю предоставляется право начать новое преслѣдованіе предъ судомъ съ болѣе ясными доказательствами.

«На рѣшенія суда не допускается жалобы или аппеляціи; но когда обвиненіе исходитъ отъ Правительства, смягченіе наказанія или помилованіе обвиненнаго, послѣ постановленія о немъ судебнаго приговора, составляетъ неотъемлемое право Императорскаго Величества.

«Рѣшенія суда публикуются во всеобщее свѣдѣніе и немедленно приводятся въ исполненіе полиціей».

Безъ всякаго сомнѣнія предлагаемое «мнѣніе» исполнено всякаго рода недостатковъ и недомолвокъ. Просимъ однакоже читателей не забывать, что мы постоянно имѣли въ виду существующій порядокъ и необходимость неотложнаго введенія въ дѣйствіе новаго законоположенія о печати, не дожидаясь окончанія прочихъ реформъ, предпринятыхъ Правительствомъ. Когда мнѣніе уже формулировано, тогда его достоинства и несовершенства обозначаются яснѣе, становятся осязательными,—и самое дѣло значительно упрощается. Мы во всякомъ случаѣ думаемъ, что исполнили съ своей стороны тотъ нравственный долгъ, который наложило на насъ, какъ и на всѣхъ литераторовъ и редакторовъ, приглашеніе «Коммиссіи для пересмотра, измѣненія и дополненія законовъ о книгопечатаніи». Если же наше мнѣніе подвергнется добросовѣстному критическому разбору газетъ и журналовъ, то цѣль наша будетъ вполнѣ достигнута: тогда, по крайней мѣрѣ, можно будетъ видѣть общее мнѣніе литературы по этому государственному общественному вопросу,—самому жизненному, самому важному для Россіи, послѣ освобожденія крестьянъ.

О преувеличенномъ значеніи, придаваемомъ у насъ дѣйствію литературы.

«День», 15-го сентября 1862 года.

Едва ли когда положеніе публициста въ Россіи было такъ затруднительно, какъ въ настоящее время: мы разумѣемъ публициста искренняго, служащаго своему убѣжденію, а не чужому—подсказанному или рекомендованному. Затрудненіе не въ недостаткѣ матеріала для письменной бесѣды, не въ большемъ или меньшемъ нерасположеніи автора къ срочной работѣ (хотя и это бываетъ); нѣтъ. Вы и хотите, вамъ и

есть что̀ сказать,—оно даже как будто и можно сказать (по крайней мѣрѣ нѣкоторыя Санктпетербургскія газеты щеголяютъ такими развязно-либеральными манерами, какъ будто и дѣйствительно въ Россіи настало царство свободомыслія),—а между тѣмъ перо ваше постоянно запинается, вы усиливаетесь писать, пробуете, перебираете разныя темы и бросаете одну за другою... Вотъ эта тема вамъ по сердцу и возбуждаетъ въ васъ цѣлую вереницу мыслей, но... но она не годится, потому что производитъ грустное впечатлѣніе, когда желательно, чтобъ публикою испытывалось если не веселіе, такъ по крайней мѣрѣ мирное, ясное, нѣсколько идиллическое состояніе духа... Эту, другую, тему развить было бы и полезно и кстати,—но вы уже предчувствуете отзывъ, начинающійся словами: «при современныхъ обстоятельствахъ», и спѣшите отложить вашу тему, какъ неудобную и неумѣстную... Есть у васъ задушевная мысль, взлелѣянная законнымъ, какъ кажется, негодованіемъ; вы готовы всею силою слова напасть на нравственное безсиліе, дряблость, сонливость нашего общества, но и тутъ разсудокъ вашъ, или чужой, командуетъ вамъ: «отставь!» Отставь, потому что твой голосъ могъ бы, пожалуй, произвести диссонансъ въ томъ концертѣ голосовъ, гдѣ il primo basso принадлежитъ или будетъ принадлежать «Голосу» старѣйшаго изъ Русскихъ журналистовъ. А цѣль этого концерта, какъ извѣстно, услаждать слухъ общества такими симфоніями, послѣ которыхъ на сердцѣ становилось бы утѣшительно и въ обществѣ ощущалось бы чувство нѣкоего блаженнаго самодовольства... Вы убѣждаетесь наконецъ въ совершенной вашей неспособности согласовать вашу рѣчь съ руководствами къ правильному либерализму, составляемыми преимущественно въ Санктпетербургѣ, и принадлежащими къ литературѣ особаго порядка,—и невольно задаетесь вопросомъ—тѣмъ же вѣроятно, какимъ задаются въ эту самую минуту многіе изъ нашихъ читателей—что̀ за надобность публицисту приравнивать свой голосъ къ общему тону журналистики и стѣснять искреннее выраженіе мысли, если оно не нарушаетъ общепринятыхъ литературныхъ приличій? Какое дѣло ему до нравственнаго настроенія общества? Не вымышляетъ ли онъ самъ для себя небывалыя затрудненія, увлекаясь ложнымъ мнѣніемъ о вліяніи на общество своей литературной бесѣды? Да ужъ не воображаетъ ли онъ, что и въ самомъ дѣлѣ отъ всякаго его лишняго, неловкаго слова, какъ-нибудь прорвавшагося на свѣтъ Божій, нарушится чинъ міра Божьяго, или по крайней мѣрѣ Россіи,—всколыхаются народныя стихіи, поколеблется градъ Москва?!!

Конечно, очень естественъ подобный вопросъ, предложенный, со стороны, въ виду недоумѣній писателя, человѣкомъ, вполнѣ незнакомымъ съ внѣшнею обстановкою литературнаго дѣла въ Россіи. Мы и сами всѐ очень хорошо знаемъ, что ни отъ одного нашего слова, какъ

бы ни было сильно оно сказано, не подвигнется не только Москва, или Петербургъ, но ни Шестилавочная, ни Пески, ни Спиридоновка, ни пол-Спиридоновки, ни даже Гранатный переулокъ. Но тѣмъ не менѣе мы готовы признать, вмѣстѣ съ вопрошающимъ читателемъ, что такое странное богатство затрудненій для дѣятельности искренняго публициста происходитъ въ самомъ дѣлѣ—отъ слишкомъ высокаго мнѣнія о положеніи литературы въ Россіи, и вслѣдствіе того—отъ *излишняго вниманія*, ее окружающаго, отъ излишней чести, ей оказываемой...

Дѣйствительно, вслѣдствіе нашего ненормальнаго общественнаго развитія, литературѣ у насъ присвоивается вовсе неподобающее ей значеніе,—она вынуждена обстоятельствами играть нерѣдко роль ей несвойственную, и вообще незаконную. Во всѣхъ другихъ образованныхъ странахъ литература есть одинъ изъ многихъ органовъ, которыми совершаются отправленія общественнаго организма. При общей равномѣрной дѣятельности органовъ, ни одинъ не мѣшаетъ другому, ни одинъ не усиливается на счетъ другаго, и свобода развитія даетъ каждому изъ нихъ значеніе благотворной силы, полагая въ то же время этому значенію естественныя нравственныя границы. Литература не стѣсняетъ свободы дѣйствія власти, и власть, не стѣсняя литературы, не стѣсняется и литературой, т. е. печатными возгласами нѣсколькихъ отдѣльныхъ личностей, какъ скоро убѣждена въ законности своихъ дѣйствій. Литература тамъ не есть что-то замкнутое, само для себя существующее и недосягаемое для непосвященныхъ. Литература тамъ, въ общемъ своемъ опредѣленіи, есть средство, а не цѣль, средство доступное каждому образованному человѣку для выраженія своихъ мнѣній,—и въ этомъ смыслѣ она тамъ вовсе не корпорація, литераторы вовсе не цеховые и не составляютъ сословія. Вообще то понятіе, какое у насъ, въ Россіи, придается слову «литераторъ», вовсе непримѣнимо къ быту образованныхъ обществъ въ Европѣ. У насъ оно еще недавно звучало уху, какъ какой-то чинъ, и званіе литератора пользовалось долго особымъ почетомъ. Всякій, напечатавшій нѣсколько строкъ и выставившій свою фамилію, выросталъ во мнѣніи своей среды, какъ человѣкъ, переступившій черту заколдованнаго круга литературы. Всѣ пишущіе были на перечетѣ, и къ большинству публики вполнѣ прилагался стихъ, что ему

Печатный каждый листъ быть кажется святымъ...

Но въ томъ-то и дѣло, что если въ массахъ нашего общества печатный каждый листъ и до сихъ поръ кажется быть святымъ, то простому народу, наоборотъ, каждый листъ гражданской печати быть кажется уже не только не святымъ, а совершенно подозрительнымъ въ смыслѣ противоположномъ. Литература наша не имѣетъ ни малѣйшаго непосред-

ственнаго дѣйствія на семидесятимилліонное множество нашего народа, и ограничиваетъ свое значеніе только средою нашего общества, ничтожнаго по численности въ отношеніи къ пространству края и къ объему населенія, и еще болѣе ничтожнаго по своему вліянію на народъ. Крохотная литература въ крохотной общественной средѣ, она дѣйствительно въ этой средѣ, по неправильности отправленій, по бездѣйствію прочихъ органовъ, получила такое значеніе, которое въ свою очередь мѣшаетъ иногда правильности органическихъ отправленій, и удостоивается съ одной стороны неподобающимъ ей почетомъ и подобострастіемъ,—а съ другой— страхомъ, чуть-чуть не суевѣрнымъ. При плохомъ устройствѣ судовъ, при безгласности административныхъ распоряженій, она у насъ составляетъ и судебную инстанцію, и полицейскую расправу, предваряетъ судебныя рѣшенія, вмѣшивается въ дѣла семейныя, вторгается въ кабинетъ мирнаго чиновника, залѣзаетъ къ нему въ служебный портфель, ревизуетъ, переворачиваетъ его бумаги, сплетничаетъ, доноситъ публикѣ и непубликѣ, диктаторски направляетъ такъ называемое общественное мнѣніе, прибѣгаетъ нерѣдко къ системѣ интимидаціи или устрашенія, держитъ публику, особенно въ отдаленныхъ провинціяхъ, подъ какимъ-то духовнымъ гнетомъ и въ какомъ-то унизительномъ раболѣпствѣ,—вообще дѣлаетъ изъ всякой мухи слона, или гоняется за мухой съ обухомъ, сама себѣ поклоняется и поетъ хвалебные гимны. Все это очень понятно и исторически законно, при печальномъ ходѣ нашего общественнаго развитія со временъ Петровскаго переворота, но все это уродливо само по себѣ, представляетъ дикую аномалію. Нерѣдко дерзкій, недоучившійся юноша, бросившій трудную науку для болѣе легкаго и болѣе прибыльнаго подвижничества въ качествѣ фельетониста, бойко и хлестко пишущій «объ Излерѣ и о матерьяхъ важныхъ», является у насъ настоящимъ тираномъ, предъ которымъ трепещутъ почтенные люди, не освоившіеся съ малоцѣнностью публичнаго слова. Въ другихъ странахъ, гдѣ издавна существуетъ гласность и свобода печати, литература вовсе не стоитъ на такомъ возвышенномъ пьедесталѣ, не кадитъ сама себѣ ѳиміама и не окружается придворнымъ штатомъ крикливыхъ льстецовъ и трусливыхъ холоповъ. И тамъ, какъ у насъ, предаются печати разныя обличенія и скандалы,— но все это не составляетъ «литературы», не пользуется авторитетомъ «литературы» (принимая это слово въ его высшемъ тѣсномъ опредѣленіи, какъ выраженіе общественнаго развитія въ искусствѣ слова), не переступаетъ предѣлы своего значенія въ общественномъ сознаніи; все это вѣситъ легко, и, наконецъ, просто тонетъ въ непрерывно текущихъ волнахъ печатнаго слова, исчезаетъ въ массѣ журналовъ, или уединяется въ какихъ-нибудь спеціальныхъ изданіяхъ.

Разумѣется, вся эта «сила» литературы есть мнимая сила, и все

это могущество не въ состояніи не только поколебать, но даже возмутить крѣпкій устой народной стихіи; но мы готовы согласиться, что подобная тиранническая власть литературы и разливъ ея нелитературной дѣятельности, при всей ничтожности нашей общественной среды и миніатюрности ея размѣровъ, могутъ быть очень неудобны для правильныхъ спокойныхъ отправленій администраціи, и наконецъ вредны для самой литературы, потому что роняютъ ея достоинство, притупляютъ ея дѣйствіе на общество, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно могло бы быть благотворно, развращаютъ самихъ дѣятелей, доставляя легкій успѣхъ и скорое вліяніе, и отклоняютъ литературу отъ ея настоящаго серьезнаго призванія.

Но для того, чтобъ возвратить возмутившійся потокъ въ свои берега для того, чтобы отнять у литературы ея самозванный характеръ, чтобы ослабить ея силу въ обществѣ, чтобы устранить ея вредъ, нѣтъ другаго исхода (независимо отъ реформъ административныхъ), какъ растворить настежъ двери литературнаго двора всѣмъ и каждому, разбить очарованный кругъ, удешевить печатное слово, сдѣлать его доступнымъ для каждаго, и предоставить труду и таланту трудомъ и талантомъ завоевывать себѣ мѣсто и законное вліяніе въ литературѣ,—а не одною силою публичности! Однимъ словомъ—слѣдуетъ предоставить печатной рѣчи тотъ объемъ свободы, которымъ она, къ несчастію для себя, для правительства и для общества, еще не пользуется. Вообразимъ себѣ населеніе, въ которомъ имѣется только десять людей развитыхъ на десять тысячъ неразвитыхъ: эти десять естественно поработятъ духовно десять тысячъ, и въ своемъ диктаторскомъ отношеніи къ массѣ, непремѣнно отуманятся чадомъ своего успѣха и власти—ко вреду массы. Но дайте возможность, вмѣсто десяти, явиться сотнямъ развитыхъ людей, и деспотизмъ первыхъ мигомъ понизится до законнаго уровня. Все это ясно, ясно... до пошлости!

Но это вредное значеніе у насъ литературы, какъ силы, безразлично угнетающей наше неразвитое общество, во многомъ одолжено своимъ происхожденіемъ тому страху, который высказывается предъ нею со стороны не одного общества, тому пристальному вниманію, которое на него устремлено, тѣмъ крупнымъ аппаратамъ, спарядамъ и вооруженіямъ, которыми думаютъ оградить себя и общество отъ внушеній литературы. Она, въ сущности безсильная по отношенію къ прочности и устойчивости государственнаго организма, противопоставляется, и не въ шутку, силѣ правительственной, силѣ громадной и реальной, игрушка—дѣлается мишенью для армстронговой пушки, огонь сѣрной спички заливается колоссальной пожарной трубой! Если съ одной стороны такое вниманіе давитъ и душитъ смирнаго дѣятеля на литературной аренѣ, то съ другой стороны въ душу самаго скромнѣйшаго публи-

циста невольно закрадывается высокое мнѣніе о самомъ себѣ, о своихъ дарованіяхъ, о своемъ общественномъ авторитетѣ,—и онъ не безъ гордаго смущенія озирается на толпу бдительныхъ и зоркихъ менторовъ, сознаетъ себя цѣлью, point de mire грозныхъ направленныхъ противъ него перуновъ. Согласитесь, читатели, что есть отъ чего закружиться головѣ, въ чаду самообольщенія, даже самому малому въ литературной іерархіи, самому тихому, самому мелкому обитателю Зацѣпа или Зарядья: слова, которыя онъ куетъ въ своей тишинѣ, удостоиваютъ страхомъ сильные міра; рѣчи его волнуютъ слухъ исполиновъ земли,—онъ, смиренный труженикъ, становится вровень съ титанами земнаго могущества! Его статья можетъ быть прошла бы и незамѣченною и была бы навѣрное исполнена самаго миролюбиваго духа,—но, какъ птица, вырвавшаяся изъ рукъ ловца, такъ и печатное слово, выбравшись на свѣтъ Божій, послѣ всевозможныхъ препятствій, сквозь темные и узкіе ходы,—это несчастное печатное слово, взъерошенное, растрепанное, помятое, невольно отражаетъ на собѣ тревогу и смятеніе, а потому, благодаря этимъ внѣшнимъ заботамъ и мѣрамъ, вноситъ тревогу и смятеніе и въ сердца читателей, выростаетъ нерѣдко до комической громадности значенія.

Бѣдное Русское слово! Чего мы желаемъ тебѣ въ настоящую минуту, это—избавиться отъ подавляющаго тебя извнѣ преизбытка чести и вниманія, котораго ты и не желаешь—и не заслуживаешь!...

Хвала и лесть.

«День», 24-го ноября 1862 г.

На этотъ разъ, читатель, займемся синонимами. Кажется, занятіе скромное и видамъ правительства не противное;—едвали и самъ Санктпетербургскій чиновный и сановный либерализмъ осудитъ насъ за такое занятіе. Точное опредѣленіе синонимовъ очень полезно при современномъ развитіи нашего общества; едвали не самый главный нашъ общественный недугъ — сбивчивость и путаница въ понятіяхъ,— отчего происходитъ таковая же сбивчивость и путаница въ дѣйствіяхъ. Да и вообще теперь трудно добраться (конечно, только у насъ въ Россіи) положительнаго смысла во многихъ словахъ, имѣвшихъ еще недавно опредѣленное значеніе. Просимъ, напримѣръ, разъяснить намъ,— что должно разумѣть подъ словомъ: *либералъ* и *консерваторъ*? Гдѣ теперь тутъ брань, гдѣ похвала?! Какъ растолковать себѣ, напримѣръ, это сочетаніе повидимому противорѣчащихъ понятій: «благонамѣренное насиліе»,

«просвѣщенный деспотизмъ», «либеральный деспотизмъ» и т. д.? Какъ объяснить пристрастіе къ Мадзини одной Санктпетербургской оффиціальной газеты? Какой вѣсъ придавать выраженіямъ: «современно», «гуманно», «либерально», «благородно», «низко», когда они произносятся устами Санктпетербургскаго сановника въ модномъ вицмундирѣ, шитомъ у перваго Французскаго портнаго, и съ хорошенькой *маленькой* звѣздой на груди, а не аляповатой, какъ носили старики-нелибералы? Что считать храбростью, въ наше время, въ дѣлѣ литературномъ? Напр. что мужественнѣе: нападать ли на г. Герцена, или же молчать объ немъ, хотя бы васъ и заподозрили тупоумно въ солидарности съ нимъ?..

Мы дожидаемся благопріятнаго времени, чтобы когда-нибудь полнѣе, подробнѣе и живѣе представить нашимъ читателямъ картину современнаго хаоса нашихъ гражданскихъ понятій и общественныхъ отношеній,—а теперь воротимся къ нашей задачѣ. Предъ нами два слова, которыя скорѣе антитезы, чѣмъ синонимы, но которыя однако постоянно смѣшиваются въ умахъ публики—преимущественно высшаго разряда; эти слова—*лесть* и *хвала*. Что такое *лесть?* и что такое *хвала?*

Хвала есть одобреніе качествъ дѣйствія или лица, основанное на логическомъ умозаключеніи. Она есть дѣло внутренней правды, внѣ всякихъ стороннихъ побужденій, и предполагаетъ непремѣнно свободную оцѣнку, критику, судъ. *Хвала* сама по себѣ, какъ свободное выраженіе свободнаго искренняго мнѣнія, какъ нравственный силлогизмъ — есть явленіе нравственное и чистое; поэтому, когда произнесенная *хвала* не соотвѣтствуетъ смыслу правды, заключающемуся въ этомъ понятіи, необходимо извѣстное отрицательное прилагательное, указывающее, что въ данномъ случаѣ именно не слѣдуетъ придавать дѣлу хвалы — нравственнаго значенія. Мы говоримъ тогда: *ложная* хвала, *не искренняя* хвала. Въ подобномъ прилагательномъ не нуждается слово *лесть,*—уже само по себѣ предполагающее неискренность и неправду. *Лесть* есть именно внѣшнее выраженіе хвалы, лишенное внутренняго оправданія, т. е. внутренняго дѣйствія правды въ человѣкѣ, оцѣнки, критики, суда и вообще всякой логической и нравственной основы. *Лесть* въ церковно-славянскомъ языкѣ и въ народномъ употребленіи означаетъ просто ложь—ложь соблазнительную, производящую въ человѣкѣ, къ которому обращена, пріятное ощущеніе. *Лесть* имѣетъ въ виду не внутреннее значеніе поступка, или явленія, которое хвалитъ, а непремѣнно самое лицо, прикосновенное къ явленію, или правильнѣе: возбужденіе въ этомъ лицѣ такихъ пріятныхъ ощущеній, которыя соотвѣтствуютъ цѣлямъ и намѣреніямъ льстящаго. *Хвала*—предполагаетъ внутреннее духовное равенство хвалящаго съ хвалимымъ; *лесть* — отношеніе подчиненное льстящаго къ льстимому,—болѣе чѣмъ подчиненное — раболѣпное, подобострастное отношеніе низ-

шаго къ высшему, слабаго къ сильному. *Лесть,* какъ обманчивый видъ хвалы, съ внѣшними мнимыми признаками искренности и критики, есть явленіе самое безнравственное, основанное на корыстныхъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова) побужденіяхъ. Если и встрѣчается въ Русскомъ обществѣ *лесть безкорыстная,* то это выраженіе означаетъ только, что привычка и желаніе доставлять пріятность самолюбію сильнаго—такъ въѣлись въ жизнь льстящихъ, что они льстятъ даже безъ видимаго корыстнаго побужденія, безъ прямой непосредственной выгоды. Такая черта есть признакъ того нравственнаго упадка въ обществѣ, когда подлость и низость уже не производятъ болѣзненнаго разлада съ нравственными, еще недавно жившими, требованіями, перестаютъ быть болью въ организмѣ, а сжились, стерпѣлись, слюбились съ нимъ, стали сами стихіей общественной.

Слѣдовательно — дѣйствіе хвалы предполагаетъ дѣйствіе свободной воли, свободнаго суда въ человѣкѣ; дѣйствіе лести—предполагаетъ рабство, отсутствіе всякой свободы суда и критики. Никто лучше Державина не выразилъ этого различія въ слѣдующихъ стихахъ:

Рабъ и *похвалить* не можетъ:
Онъ лишь можетъ только *льстить:*

И дѣйствительно — рабъ не можетъ хвалить, потому именно, что можетъ *только* хвалить, а порицать не можетъ; потому что онъ не свободенъ въ своей критикѣ, и къ какому бы логическому выводу ни пришелъ онъ въ своихъ умозаключеніяхъ, хотя бы къ самому отрицательному,—внѣшнимъ выраженіемъ его мнѣнія—можетъ быть *только* похвала.

Это такая нравственная очевидность, при которой, кажется, не должно быть и мѣста для спора. Какъ скоро мнѣніе можетъ быть выражено *только* въ извѣстномъ смыслѣ и направленіи, какъ скоро похвала *выгодна* и *одна* похвала дозволена, а порицаніе *опасно* и возбранено,— *похвала* окрашивается колоритомъ *лести,* получаетъ ея значеніе и характеръ. Бываетъ иногда, что человѣкъ, незнакомый съ внѣшнею обстановкой, или просто на томъ основаніи, что въ данномъ случаѣ его похвала дѣйствительно совпадаетъ съ его искреннимъ убѣжденіемъ,—позволяетъ себѣ выразить эту похвалу свободно, и даже, повидимому, съ нѣкоторымъ мужествомъ. Нельзя не пожалѣть такого писателя (мы собственно о писателяхъ-то и говоримъ): онъ поступаетъ въ высшей степени неосторожно. И не потому является поступокъ его неосторожнымъ, что его заподозрятъ въ лести и онъ подвергнется охужденіямъ толпы (примѣняться къ ея требованіямъ есть опять своего рода лесть), — а потому онъ неостороженъ, что похвала, высказанная при отсутствіи полной свободы критики и суда, никогда не будетъ оцѣ-

нена въ своемъ нравственномъ значеніи, и не произведетъ нравственнаго дѣйствія даже на тѣхъ, къ кому относится. Кто, выслушивая похвалу охотно, въ то же время не допускаетъ до своего слуха критики, тотъ унижаетъ самый нравственный характеръ похвалы, къ нему обращенной, и уже оскорбляетъ хвалящаго этимъ самымъ предпочтительнымъ своимъ вниманіемъ: похвала является тогда не какъ свободное *право* хвалящаго, а какъ пріятное и должное приношеніе. — Будучи искреннею и честною сама по себѣ, она—при такой обстановкѣ—тѣмъ становится вреднѣе и безнравственнѣе въ своихъ послѣдствіяхъ, что сообщаетъ ложный видъ независимости такому внѣшнему дѣйствію, которое именно лишено независимости, — придаетъ цвѣтъ и запахъ свободы мнѣнія—отсутствію свободы.

Намъ безпрестанно приходится слышать въ послѣднее время упреки нашей литературѣ въ безучастіи, даже въ умышленной холодности отзывовъ. «Отчего вы не похвалите такого-то и такого распоряженія? вѣдь вы его одобряете? для чего же вы этого не выразите?» говорятъ одни. «Тяжело положеніе дѣятелей, говорятъ другіе, когда самыя либеральныя мѣры принимаются съ такимъ убійственнымъ равнодушіемъ». На это мы отвѣтимъ во-1-хъ, что сказанное нами довольно ярко, по нашему мнѣнію, освѣщаетъ смыслъ нашей литературной воздержности; во-2-хъ, что упреки эти никакъ не могутъ относиться ко *всей* литературѣ. Спрашивающіе могутъ быть утѣшены мужественной программой будущей газеты «Голосъ» и статьями того восторженнаго публициста въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», который, въ Санкт-Петербургѣ, продолжаетъ себя воображать среди конституціонной Италіи, Санктпетербургское небо принимаетъ за Неаполитанское, вездѣ и всюду видить своихъ Кавуровъ и Рикасоли! Неужели этого мало? и зачѣмъ же тревожить другихъ, менѣе восторженныхъ и наивныхъ публицистовъ? Понятно—зачѣмъ. Затѣмъ, конечно, чтобы похвала раздалась изъ устъ людей, слывущихъ независимыми, чтобъ она имѣла всю цѣнность, достоинство, нравственный характеръ независимаго убѣжденія, — съ отстраненіемъ однако тѣхъ неудобствъ, которыя влечетъ за собою независимость!! Но такая задача неразрѣшима! Желать независимой похвалы, не допуская независимой критики, все равно, что̀ искать квадратуры круга или даже чего-нибудь еще невозможнѣе. Впрочемъ, еще въ 1 № нашей газеты мы помѣстили слова Хомякова, дающія ясный, полный, опредѣлительный отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Мы считаемъ полезнымъ перепечатать опять эти замѣчательныя слова; потому что наша публика — особенно извѣстнаго разряда — отличается необыкновенно слабою памятью, изъ которой все серьезное и строгое скоро вывѣтривается, или даже просто изумительнымъ неумѣньемъ читать, т. е. способностью —не понимать того, что̀ читаетъ, читать глазами, пропуская

мимо глазъ смыслъ читаемаго. Вотъ что говорилъ пророчески Хомяковъ: «Общественная критика необходима для самого общества, ибо безъ нея общество лишается сознанія, а правительство лишается всего общественнаго ума. *Честное перо требуетъ свободы для своихъ честныхъ мнѣній, даже для своихъ честныхъ ошибокъ.* Когда по милости слишкомъ строгой цензуры, вся словесность бываетъ наводнена выраженіемъ лести и явнаго лицемѣрія въ отношеніи политическомъ и религіозномъ, *честное слово молчитъ,* чтобы не мѣшаться въ этотъ отвратительный хоръ или не сдѣлаться предметомъ подозрѣнія по своей прямодушной рѣзкости; лучшіе дѣятели отходятъ отъ дѣла, все поле дѣйствія предоставляется продажнымъ и низкимъ душамъ; душевный развратъ, явный или кое-какъ прикрытый, проникаетъ во всѣ произведенія словесности; умственная жизнь изсякаетъ въ своихъ благороднѣйшихъ источникахъ, и мало-по-малу въ обществѣ растетъ то равнодушіе къ правдѣ и нравственному добру, котораго достаточно, чтобъ отравить цѣлое поколѣніе и погубить многія, за нимъ слѣдующія. Такіе примѣры бывали въ исторіи и ихъ должно избѣгать».

Къ этимъ словамъ прибавлять нечего, — или, лучше сказать, къ этимъ словамъ намъ остается прибавить, въ заключеніе, только то, чѣмъ обыкновенно заканчивались наши старинные паспорты, — именно, что мы просимъ принять эти слова къ свѣдѣнію «всѣхъ господъ, на заставахъ и шлагбаумахъ команду имѣющихъ, до кого сіе надлежитъ».

Литература должна подлежать закону, а не административному произволу.

«День», 22-го декабря 1862 г.

Всѣмъ нашимъ читателямъ, безъ сомнѣнія, извѣстно, что въ ряду преобразованій, предпринятыхъ нашимъ правительствомъ, не послѣднее мѣсто занимаетъ—пересмотръ старыхъ и сочиненіе новыхъ законовъ о книгопечатаніи. Правительство, освободившее 20 милліоновъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, не можетъ не желать освобожденія Русской печати отъ зависимости, стѣснявшей до сихъ поръ ея правильное, спокойное развитіе, — а Русское общество въ правѣ ожидать, что вслѣдъ за улучшеніемъ матеріальнаго быта значительной части Русскаго народа, неминуемо произойдетъ и улучшеніе общественнаго положенія мысли и слова въ Россіи. Впрочемъ, по нашему личному убѣжденію, реформѣ законовъ о книгопечатаніи приличнѣе было бы стать не только не на послѣднемъ, но на первомъ мѣстѣ въ ряду реформъ, непосредственно слѣдовавшихъ за уничтоженіемъ крѣ-

постнаго права, и предшествовать всѣмъ правительственнымъ преобразованіямъ, не исключая даже и судебнаго: освобожденная печать приготовила бы для нихъ надежную опору въ общественномъ сознаніи, вспахала бы и разрыхлила почву для всякаго добраго правительственнаго насажденія. Нельзя ни провѣтрить, ни очистить, и тѣмъ менѣе убрать дома—въ темнотѣ, съ заколоченными наглухо окнами: необходимо растворить настежъ двери и ставни, впустить воздуха и свѣта, какъ можно болѣе воздуха, какъ можно болѣе свѣта!.. А что̀ же такое свобода мысли и слова, какъ не воздухъ и свѣтъ,—необходимыя условія общественнаго бытія, внѣ которыхъ нѣтъ ни развитія, ни жизни,—а только плѣсень и смерть!

Наше правительство, понимая всю необходимость реформы, еще весною нынѣшняго года, составило особую коммиссію, для пересмотра старыхъ и сочиненія новыхъ постановленій о печати,—и коммиссія тогда же обратилась къ литературѣ съ приглашеніемъ—оказать ей, коммиссіи, свое, вполнѣ опытное, содѣйствіе. Наша журналистика не осталась безгласною на этотъ вызовъ, и многіе, въ томъ числѣ и «День» (въ 31 и 32 №№), занялись публичнымъ обсужденіемъ вопроса о цензурѣ—этого вопроса жизни и смерти, to be or not to be для Русской литературы. Затѣмъ всякіе печатные толки объ этомъ предметѣ прекратились, и наконецъ, послѣ 8-мѣсячныхъ усердныхъ занятій, коммиссія сочинила проектъ, который въ скоромъ времени поступитъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта и—говоря словами «Русскаго Вѣстника», «съ будущаго года, въ положеніи литературы должны произойти весьма важныя перемѣны».

Будутъ ли эти перемѣны къ худшему или къ лучшему? вотъ тревожная забота въ настоящую минуту всѣхъ мыслящихъ и пишущихъ, всѣхъ литературныхъ дѣятелей, всѣхъ тѣхъ, кому дорого Русское просвѣщеніе. Отвѣчаетъ ли проектъ коммиссіи всѣмъ тѣмъ ожиданіямъ, которыя такъ законно возбуждены были въ обществѣ ея учрежденіемъ и самымъ личнымъ составомъ? Признана ли гражданская полноправность слова, или же оно (какъ бывало во время оно) является въ Русской жизни какимъ-то незваннымъ, непрошеннымъ, докучнымъ гостемъ, отъ котораго пріятно было бы избавиться, и которому только по необходимости или изъ состраданія отводится мѣсто?...

Новое преобразованіе, такъ, какъ оно задумано коммиссіей, принесетъ съ собою значительныя льготы для литературы: достаточно упомянуть, что книги, превышающія объемомъ своимъ 20 листовъ (отчего же не 10, какъ было первоначально предположено коммиссіей?), совершенно освобождаются отъ всякой цензуры; благодѣтельная важность этой мѣры будетъ, разумѣется, оцѣнена всею Россіей,—но, вообще говоря, проектъ едвали удовлетворитъ общественнымъ требованіямъ и ожиданіямъ.

Было бы, конечно, несправедливо обвинять въ этомъ коммиссію, которая, вѣроятно, сдѣлала съ своей стороны все, что могла—въ тѣхъ предѣлахъ и условіяхъ, въ которыя она была поставлена. Ей приходилось соглашать и примирять разныя радикально-противоположныя воззрѣнія и, кромѣ того, въ теченіе 8-мѣсячнаго своего существованія, подвергаться вліянію извнѣ—многихъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что весеннія «прокламаціи» (да проститъ Богъ ихъ авторамъ все то зло, котораго они виною) были значительною помѣхою либеральнымъ стремленіямъ коммиссіи,—и подвиги подпольной, потаенной литературы отразились грустными послѣдствіями на судьбахъ литературы—явной и честной.

Главныя основанія новаго проекта слѣдующія: предварительная или предупредительная цензура сохраняется, попрежнему, для книгъ менѣе 20 листовъ въ объемѣ, и для всѣхъ періодическихъ изданій, но редакторы послѣднихъ могутъ, по своему желанію, съ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, переходить въ состояніе безцензурное—со взносомъ залоговъ, довольно значительныхъ, и съ обязательствомъ подчиниться особому административному контролю министра. Министръ внутреннихъ дѣлъ подвергаетъ редакторовъ, по своему соображенію, разнымъ административнымъ взысканіямъ; министръ внутреннихъ дѣлъ предаетъ ихъ суду; отъ него же, министра, единственно зависитъ и разрѣшеніе всякихъ новыхъ изданій. Вообще цензура, какъ предупредительная, такъ и административный контроль надъ печатью, цензурные комитеты, однимъ словомъ все литературное дѣло въ Россіи поступаетъ въ исключительное и безраздѣльное завѣдываніе Министерства внутреннихъ дѣлъ. Особое управленіе, предполагаемое при министрѣ, по дѣламъ книгопечатанія, имѣетъ только значеніе совѣщательное, и—какъ выражается «Русскій Вѣстникъ», «вся *отвѣтственность* по этому управленію должна сосредоточиться въ лицѣ министра». «Одно изъ самыхъ важныхъ началъ, принятыхъ въ основаніе новаго проекта», говоритъ почтенная редакція этого журнала въ своей замѣткѣ, помѣщенной въ Октябрьской книжкѣ, «состоитъ въ томъ, чтобы управленіе по дѣламъ печати не прикрывалось Высочайшимъ именемъ и не вовлекало въ свои распоряженія верховную власть. Нельзя не оцѣнить великой важности этого правила, которое еще не такъ ново у насъ и безъ котораго администрація никогда не можетъ развить въ себѣ чувства полной отвѣтственности... Всѣ распоряженія министра внутреннихъ дѣлъ по дѣламъ печати будутъ производиться имъ подъ своею собственною отвѣтственностью, и *въ этомъ одномъ будетъ уже не малое обезпеченіе для печати...*»

Мы бы охотно согласились съ мнѣніемъ почтенной Редакціи, еслибы могли понять, *въ чемъ* и *передъ кѣмъ* будетъ нести отвѣтственность бу-

дущій распорядитель судебъ Русской литературы. Изъ проекта этого не видно, а «Русскій Вѣстникъ» поясняетъ далѣе, что эта отвѣтственность чисто нравственная и предъ *судомъ потомства*... Мы не думаемъ, чтобъ этотъ отдаленный судъ заключалъ въ себѣ какое-либо обезпеченіе. Въ такомъ случаѣ отчего же и намъ всѣмъ, литераторамъ и редакторамъ, не нести за свои дѣйствія отвѣтственности, хотя бы и самой строгой, предъ потомствомъ? это было бы и удобно, и дешево, не нужно было бы никакихъ судовъ и контролей, и *въ этомъ одномъ заключалось бы не малое обезпеченіе* для правительства и для общества!! Очевидно, что про отвѣтственность предъ судомъ потомства говорить серьезно нельзя,—она равняется совершенной безотвѣтственности предъ живыми; такая безотвѣтственность можетъ принадлежать только верховной власти одного лица, и ни съ кѣмъ другимъ раздѣлена быть не можетъ. При самодержавной формѣ правленія личный судъ царевъ есть единственное прибѣжище всякаго подданнаго, поэтому никто и не долженъ быть его лишаемъ: онъ одинъ можетъ быть вполнѣ безпристрастенъ, потому что одинъ не причастенъ ни къ какимъ партіямъ, одинъ вполнѣ свободенъ и независимъ, одинъ, предъ которымъ всѣ равны: дальше этого суда идти некуда, и вотъ почему Русскій народъ до тѣхъ поръ не удовлетворяется никакими административными распоряженіями, покуда не удостовѣрится, что они исходятъ изъ самаго источника власти. Одинъ царь несетъ отвѣтственность нравственную предъ судомъ исторіи, но всѣ остальныя власти, слѣдовательно, и министръ внутреннихъ дѣлъ, не могутъ быть безотвѣтственными, или, что все равно, подлежать отвѣтственности только *потомства*.—Что значатъ эти слова, что «всѣ распоряженія министра по дѣламъ печати будутъ производиться имъ подъ собственною своею отвѣтственностью», когда на эти распоряженія нельзя приносить жалобы никому и никуда, когда министръ, по проекту коммиссіи, освобождается отъ всякой обязанности мотивировать или оправдывать свои распоряженія законными основаніями, когда онъ, въ своихъ дѣйствіяхъ, имѣетъ право ссылаться на свое *личное усмотрѣніе*, которое, по самому существу, ускользаетъ отъ всякаго законнаго опредѣленія? Разрѣшить изданіе, или же разрѣшить редактору освободиться отъ предварительной цензуры зависитъ, на основаніи проекта, единственно и исключительно отъ личныхъ соображеній министра, которыя онъ можетъ даже и не объяснять просителю. Такимъ образомъ вся литература и все ея развитіе поставлены въ полную зависимость не отъ высшей верховной власти, восполняющей формализмъ внѣшней правды элементомъ живой, нравственной личности, вознесенной надъ остальнымъ міромъ, и потому самому способной явиться вполнѣ свободной и безпристрастной; не отъ закона, являющаго каждому, какъ въ зеркалѣ, его права и обязанности, а отъ личнаго усмотрѣнія, личнаго разумѣнія,

личныхъ способностей и качествъ министра, или, выражаясь словами «Русскаго Вѣстника», отъ степени его распорядительности, проницательности и умѣренности.... Нѣтъ, мы не видимъ здѣсь обезпеченія для печати... «Отвѣтственный министръ... вѣдь это значитъ—un ministre responsable, точь-въ-точь, какъ тамъ, на Западѣ», скажутъ, можетъ быть, многіе, и порадуются, потому что у насъ очень многіе радуются и утѣшаются громкими фразами. Но вѣдь на Западѣ министры отвѣчаютъ палатамъ или общественному мнѣнію, котораго палаты служатъ выраженіемъ: у насъ же кому они будутъ отвѣтствовать, если отнимется законный поводъ приносить на ихъ распоряженія жалобы сенату или верховной власти? Намъ возразятъ, вѣроятно, что это право жалобы нисколько не уничтожается... Нѣтъ, оно вполнѣ уничтожается, какъ скоро министръ освобожденъ отъ обязанности подкрѣплять свои распоряженія закономъ, объяснять причину своихъ распоряженій, и опирается въ своихъ дѣйствіяхъ на свое личное усмотрѣніе.

Самое стѣснительное и тягостное, по нашему мнѣнію, для литературы нововведеніе, предполагаемое проектомъ,—это административный контроль, образецъ котораго заимствованъ изъ Франціи,—впрочемъ съ значительными смягченіями. Не можемъ не замѣтить при этомъ случаѣ, что современное Французское высшее управленіе едвали можетъ служить для Россіи примѣромъ, или источникомъ заимствованій. Оно создалось при условіяхъ совершенно исключительныхъ, небывалыхъ и невозможныхъ въ Россіи, оно есть порожденіе цѣлаго ряда послѣдовательныхъ внутреннихъ политическихъ переворотовъ,—оно поддерживается искусственными подпорками, и постоянно ограждаетъ себя стѣнами, шанцами, палисадниками и всѣми средствами военной обороны. Подражаніе этимъ оборонительнымъ мѣрамъ Французскаго правительства—не можетъ быть и мыслимо въ Россіи, гдѣ верховная власть и народъ связаны между собою естественнымъ, свободнымъ, органическимъ союзомъ, скрѣпленнымъ цѣлыми вѣками исторіи. Заимствовать у Французскаго правительства его способы самосохраненія, его систему непрерывной тайной аттаки противъ нравственной силы образованнаго общества, руководствоваться, напримѣръ, образомъ дѣйствій Французскаго министра Персиньи относительно литературы,—значило бы признать, что власть въ Россіи утверждается на такихъ же основахъ, какъ и во Франціи,—а съ этимъ мы, съ своей стороны, по крайней мѣрѣ, согласиться не можемъ,—да и Русскій народъ, сколько намъ кажется, не очень-то похожъ на Французовъ.

Мы, напротивъ того, держимся такого мнѣнія, что именно въ Россіи, именно при ея формѣ правленія, можетъ и должна существовать такая свобода печати, какая немыслима во Франціи и въ другихъ государствахъ Европейскаго материка. Русскій народъ, образуя Русское госу-

дарство, призналъ за послѣднимъ, въ лицѣ царя, полнѣйшую свободу *дѣйствія*, неограниченную свободу *власти*, а самъ, отказавшись отъ всякихъ властолюбивыхъ притязаній, отъ всякаго вмѣшательства въ правительственное дѣйствіе, признаетъ за землею мысленно—полную свободу *жизни*, неограниченную свободу *мнѣнія* (мнѣнія, а не дѣйствія). И тѣмъ крѣпче долженъ бы быть этотъ союзъ свободной власти и свободнаго мнѣнія (какъ разумѣется онъ Русскимъ народомъ), что онъ утверждается не на контрактѣ, гдѣ контрагенты стараются каждый оттягать что-либо другъ у друга и обманываютъ себя взаимно,—какъ въ Западныхъ конституціяхъ,—а на отчетливомъ народномъ сознаніи, создавшемъ Русское государство. Для того, чтобы власть не перешла въ неразумную вещественную силу, необходимо, чтобы граничила съ нею полнота и свобода цѣлаго міра нравственной жизни, самостоятельно развивающейся и самоопредѣляющейся, полнота и свобода духовнаго и бытоваго народнаго существованія въ государствѣ. Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти—ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства. Всякое стѣсненіе области духа внѣшнею властью, всякое ограниченіе свободы нравственнаго развитія подрываетъ нравственные основы государства, нарушаетъ взаимное довѣріе и то равновѣсіе, ту взаимную равномѣрность обѣихъ силъ, которыхъ дружное, согласное дѣйствіе составляетъ необходимое условіе правильнаго и успѣшнаго развитія Русской народной и государственной жизни. Однимъ словомъ, мы убѣждены, что свобода слова, свобода мнѣнія и критики не только не несовмѣстна съ существующею у насъ формою правленія, какъ полагаютъ люди, наблюдающіе Россію сквозь Европейскіе очки, но должна быть ея неотъемлемою принадлежностью. Безъ спасительнаго свѣта общественной критики легко заблудиться. Безъ свободной критики не можетъ выработаться общественное сознаніе,—а поддержка общественнаго сознанія составляетъ необходимое условіе успѣха всякихъ правительственныхъ предпріятій.

Безъ всякаго сомнѣнія—полная свобода слова не исключаетъ возможности злоупотребленія этой свободы,—именно тогда, когда слово, не ограничиваясь нравственною областью мнѣнія, переходитъ въ область дѣйствія, становится уже само дѣйствіемъ противозаконнымъ. Сильному правительству, крѣпкому сознаніемъ своего права, не страшны такія злоупотребленія: оно можетъ подавить ихъ въ самомъ началѣ и возвратить слово въ свои предѣлы,—но такъ какъ съ точностью опредѣлить общимъ правиломъ ту черту, за которую переступая, слово становится дѣйствіемъ,—невозможно, то всякій подобный случай долженъ бы, по нашему мнѣнію, подлежать разрѣшенію и обсужденію суда, а не усмотрѣнію административнаго контроля, основаннаго на началѣ личнаго

произвола. Можетъ быть мы ошибаемся, но мы думаемъ, что административный контроль, предположенный проектомъ, совершенно излишенъ, даже какъ переходная мѣра. Какая цѣль этого учрежденія? Остановить распространеніе преступныхъ идей и мнѣній? Но неужели еще нужно доказывать, что мысль, если она вредна, можетъ быть побѣждена только мыслью, слово—словомъ, мнѣніе —мнѣніемъ, доводы разума—таковыми же доводами; что внѣшняя матеріальная власть не въ состояніи бороться съ силою чисто духовнаго качества, которая требуетъ, для своего одолѣнія, такой же духовной силы; что, наконецъ, опытомъ всѣхъ народовъ и нашимъ собственнымъ несомнѣнно дознано, что никакія внѣшнія вещественныя преграды не могутъ остановить распространенія преслѣдуемой мысли и только роняютъ достоинство преслѣдующей власти? Если правительство предаетъ виновнаго суду,—тутъ нѣтъ гоненія, потому что судъ,—и именно судъ съ присяжными,—является самъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и слѣдовательно нравственною силою: судъ можетъ наконецъ и не признать вины за обвиняемымъ; если правительство преслѣдуетъ мысль одною административною властью, оно, какъ мы сказали, не разрушаетъ вреда мысли, а надѣляетъ ложь обаятельнымъ колоритомъ *гонимаго* убѣжденія. Спрашивается опять: къ чему же контроль съ административными взысканіями, къ чему такое стѣсненіе въ разрѣшеніи новыхъ изданій,—которое, по проекту, зависитъ только отъ личнаго усмотрѣнія министра? Давать—направленіе литературѣ, вообще умственному и нравственному развитію Русскаго народа? Но это значило бы подчинить милліоны умовъ единичному уму индивидуума, —и поставить директора общественной мысли и совѣсти—въ лицѣ министра, нынче одного, завтра другаго, сдѣлать духовную жизнь народа зависимою отъ личныхъ качествъ одного человѣка... Впрочемъ, повторяемъ,—такого страннаго намѣренія со стороны правительства мы даже и предположить не смѣемъ.

Можно, конечно, ожидать, что на первое время, обрадовавшись свободѣ, потокъ литературы, долго задерживаемый, хлынетъ съ необыкновенною силою, и помчитъ, въ своихъ мутныхъ волнахъ, много илу и грязи... И пусть себѣ помчитъ, скажемъ мы; было бы въ высшей степени неблагоразумно ставить плотину этому двинувшемуся потоку: онъ выступилъ бы изъ береговъ и завалилъ бы дно цѣлой горой илу и грязи. Но не ставьте плотины, дайте потоку пронестись свободно, и вѣрьте: исчезнетъ и муть и грязь, и потокъ побѣжитъ снова ровно и величаво, мирными, прозрачными, многоводными струями.

Ошибочность взгляда, будто свобода слова несовмѣстна съ существующею у насъ политическою формою правленія.

«День», 23-го января 1863 г.

Въ послѣдній разъ мы изобразили—кажется въ картинѣ довольно яркой—печальное, жалкое положеніе нашего современнаго Русскаго общества, пришедшаго къ сознанію своей совершенной несостоятельности, своего полнѣйшаго нравственнаго и духовнаго безсилія. Ничто такъ не гнететъ душу, нѣтъ въ мірѣ ощущенія болѣе тягостнаго и мучительнаго, какъ это сознаніе своего безсилія, какъ это внутреннее безвѣріе въ свои силы! Оно умерщвляетъ въ самомъ зародышѣ всякое начинаніе, поражаетъ слабостью всякую дѣятельность, разъѣдаетъ, подтачиваетъ своимъ тайнымъ ядомъ все, что еще остается живаго и цѣльнаго въ общественной жизни. Такая неспособность, такая импотенція нашего общества парализуетъ въ свою очередь добрыя начинанія и самого правительства,—истощающагося, какъ мы сказали, въ безплодныхъ, хотя не рѣдко и благородныхъ усиліяхъ. Едвали позволительно надѣяться, что внѣшнія и извнѣ налагаемыя на общество либеральныя учрежденія воскресятъ и оживятъ общество, когда для жизни самихъ этихъ учрежденій—нужно присутствіе *жизни духа* и *духа жизни* (по выраженію поэта), которыхъ именно недостаетъ нашему обществу! Никакія реформы—ни преобразованіе судовъ, ни земскія учрежденія, ни новое городское «самоуправленіе» не принесутъ даже и той пользы, которую бы онѣ могли дать (независимо отъ своихъ собственныхъ внутреннихъ недостатковъ), при такомъ нравственномъ, или—лучше—безнравственномъ состояніи общества! Впрочемъ—болѣе подробный отвѣтъ на вопросъ: въ какой степени *такъ называемое* у насъ, проектированное «общественное самоуправленіе» можетъ усилить и укрѣпить наше общество, мы находимся въ необходимости отложить до другаго раза,—но уже и изъ того, что выражено нами, кажется ясно, что дѣло не во внѣшнихъ учрежденіяхъ требующихъ для своего дѣйствованія—участія готовыхъ силъ общественнаго духа,—а въ томъ, что можетъ оживить самый духъ, возродить самыя силы. Примѣры всего лучше пояснятъ нашу мысль. Если человѣкъ пораженъ слѣпотой, боленъ катарактомъ на глазахъ, то напрасно будете вы вооружать его доспѣхами и давать палицу въ руки, чтобы онъ могъ защищаться отъ враговъ, когда прежде всего нужно бы снять съ него катарактъ и возвратить ему зрѣніе! Если узникъ чахнетъ отъ недостатка свѣжаго чистаго воздуха, то никакое благодѣтельное разрѣшеніе самоуправляться *внутри* своего смраднаго жилища не дастъ ему здоровья, ни силъ для ходьбы и движенія, пока онъ не дохнетъ свѣжимъ и чистымъ воздухомъ!

Какъ ни благодѣтельны многія реформы, но для успѣха самихъ реформъ необходимы были бы, по нашему мнѣнію, такія мѣры и средства, которыя бы непосредственно дѣйствовали—не на ту или другую внѣшнюю часть общественнаго организма, а на весь его внутренній строй, въ его цѣлости, на общее начало органической жизни. Дѣйствіе этихъ мѣръ и средствъ чисто нравственное, и похоже, по выраженію одного писателя, на такъ называемыя *тоническія* средства въ медицинѣ,—то есть дающія общій тонъ физическимъ отправленіямъ больнаго человѣческаго организма. Къ таковымъ мѣрамъ относимъ мы: свободу мнѣнія и выраженія его въ словѣ.

Мысль, слово! это та неотъемлемая принадлежность человѣка, безъ которой онъ не человѣкъ, а животное. Безсмыслены и безсловесны только скоты,—и только разумъ, иначе слово—уподобляетъ человѣка Богу. Мы, христіане, называемъ самого Бога—Словомъ. Посягать на жизнь разума и слова въ человѣкѣ—значитъ не только совершать святотатство Божьихъ даровъ, но посягать на божественную сторону человѣка, на самый Духъ Божій, пребывающій въ человѣкѣ, на то, чѣмъ человѣкъ—человѣкъ! Свобода жизни разума и слова—такая свобода, которую, по настоящему, даже смѣшно и странно формулировать юридически, или называть правомъ: это такое же право, какъ право быть человѣкомъ, дышать воздухомъ, двигать руками и ногами. Эта свобода вовсе не какая-либо политическая, а есть необходимое условіе самаго человѣческаго бытія; при нарушеніи этой свободы нельзя и требовать отъ человѣка никакихъ правильныхъ отправленій человѣческаго духа, ни вмѣнять что-либо ему въ преступленіе; умерщвленіе жизни мысли и слова—самое страшнѣйшее изъ всѣхъ душегубствъ! Человѣкъ, стѣсненный въ свободѣ мыслить и выражать свою мысль словомъ, чувствуетъ себя стѣсненнымъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ, требующихъ участія мысли и воли,—не годится ни для какаго общественнаго дѣла, плохой гражданинъ, плохой слуга обществу и государству.

Все это считается старыми, избитыми истинами, а между тѣмъ—странная судьба Русскаго человѣчества—у насъ именно потому и не обращаютъ вниманія на эти истины, что эти истины—стары! Но безъ воплощенія въ нашу жизнь этихъ старыхъ,—никакія новыя истины не способны оплодотворить насъ, какъ бы усердно ни хлопотало о томъ правительство. Если вы требуете отъ человѣка содѣйствія, помощи, услуги, разумной покорности и исполнительности, дайте ему, прежде всего, возможность быть человѣкомъ, т. е. право мыслить и говорить, а не превращайте его въ скотоподобное, безсловесное и безсмысленное существо. Убѣдитесь сначала въ этой истинѣ, а потомъ уже и налагайте ваши требованія на человѣка.

Все, что мы говоримъ здѣсь про человѣка, относится точно такъ же,

неще болѣе, къ человѣческому обществу, котораго живой естественный голосъ въ наше время есть *печать*. Стѣсненіе печати есть стѣсненіе жизни общественнаго разума,—оно парализуетъ всѣ духовныя отправленія общества, осуждаетъ всѣ его дѣйствія на безсиліе, удерживаетъ общество въ вѣчной незрѣлости, обрекаетъ мертворожденности всѣ исчадія его духовной производительности. Государство не въ правѣ требовать отъ общества никакой гражданской доблести, никакой помощи и содѣйствія, если духовная жизнь общества поражена такимъ духовнымъ гнетомъ. Повторяемъ, никакія самоуправленія, никакія реформы, никакіе благодѣтельные законы не только не принесутъ добра, но даже и не привьются къ общественной жизни, если общество будетъ лишено существенныхъ условій жизни—свободы мысли и слова. Поэтому во всякой странѣ общество остается совершенно безучастнымъ ко всѣмъ либеральнымъ нововведеніямъ, и встрѣчаетъ ихъ съ убійственнымъ равнодушіемъ,—пока продолжаетъ чувствовать, ощущать и слышать свою мысль и слово придавленными, угнетенными и скованными. Нововводимыя учрежденія нуждаются, для своей жизни, въ полномъ искреннемъ сочувствіи, любви, преданности, участіи всѣхъ силъ общественнаго разума и воли,—но возможны ли такія приношенія духа со стороны общества, когда оно не имѣетъ права высказать объ этихъ учрежденіяхъ свое нестѣсненное мнѣніе; возможно ли, чтобъ оно повѣрило въ свою гражданскую и политическую свободу, когда оно не свободно въ мысли и словѣ!

Есть мнѣніе, ни на чемъ не основанное и повторяемое у насъ съ вѣтру людьми, пробавляющимися весь свой вѣкъ готовыми чужими афоризмами, что свобода печати не совмѣстна съ существующею у насъ политическою формою правленія. Это мнѣніе совершенно ложно. Во 1-хъ, какъ мы уже сказали, свобода слова не есть свобода политическая, и защитники мнѣнія о несогласіи принципа свободной печати съ нашимъ политическимъ принципомъ могутъ точно такъ же, съ неменьшимъ основаніемъ, утверждать, что эта форма правленія несовмѣстна и съ свободою жизни, свободою—пить, ѣсть, дышать, ходить и двигаться. Если же признается возможнымъ и жить, и дышать, и совершать прочія отправленія подъ защитою неограниченной монархической власти, то нѣтъ причины унижать значеніе самодержавія до такой степени, чтобы считать немыслимою жизнь духа и разума подъ его верховной эгидой. Напротивъ, мы думаемъ, что настоящее, именно Русское, самодержавіе предполагаетъ полную свободу нравственной общественной жизни, и безъ этой свободы перестаетъ быть Русскимъ, перейдетъ или въ Нѣмецкій абсолютизмъ, или въ Азіатскій деспотизмъ, но въ наше время намъ нечего опасаться такого искаженія Русскаго народнаго политическаго устройства. Мы полагаемъ, что именно въ Россіи, именно при ея

формѣ правленія, можетъ и должна существовать такая свобода печати, какая немыслима во Франціи и въ другихъ государствахъ Европейскаго материка.

Свободное мнѣніе въ Россіи есть надежнѣйшая опора свободной власти—ибо въ союзѣ этихъ двухъ свободъ заключается обоюдная крѣпость земли и государства. Всякое стѣсненіе области духа внѣшнею властью, всякое ограниченіе свободы нравственнаго развитія подрываетъ нравственныя основы государства, нарушаетъ взаимное довѣріе и то равновѣсіе, ту взаимную равномѣрность обѣихъ силъ, которыхъ дружное, согласное дѣйствіе составляетъ необходимое условіе благаго и правильнаго хода Русской народной и государственной жизни.

Недугъ нашего общественнаго безсилія, инерція нашего общественнаго организма происходитъ отъ причинъ чисто нравственнаго свойства и требуетъ для своего излѣченія—мѣръ и средствъ таковаго же качества,—тоническихъ, какъ выражаются медики. Для жизни и производительности общественной необходимы извѣстныя условія, которыхъ недостатокъ и составляетъ главный источникъ нашей болѣзни. Эти условія жизни—свобода развитія общественнаго разума, свобода мнѣнія и выраженія его въ словѣ устномъ и печатномъ. Пока эти условія не удовлетворены, пока общество будетъ чувствовать въ самыхъ первыхъ отправленіяхъ своего духа стѣсненіе и задержку, то—подобно отдѣльному человѣческому организму, ощущающему постоянное стѣсненіе въ легкихъ и постоянную несвободу въ дыханіи и выдыханіи воздуха,—общество можетъ только чахнуть и не въ состояніи ни пользоваться либерально даруемыми ему правительствомъ правами, ни оказывать правительству то дружное содѣйствіе, безъ котораго безсильно всякое благое правительственное начинаніе. Безъ внутренняго духа жизни самые мудрые законы останутся мертвою буквою, а жизнь духа немыслима безъ свободы мнѣнія и слова. Съ другой стороны—только неограниченная свобода мнѣнія обусловливаетъ разумность неограниченной свободы правительственнаго дѣйствія.

Просторъ мысли и слова—необходимое условіе для развитія общества.

«День», 6-го января 1864 года.

Съ новымъ годомъ, съ новымъ... Съ чѣмъ бы такимъ поздравить васъ, читатель?... Что бы такое изъ стараго года, особенно счастливое, желательно было видѣть возобновленнымъ, воспроизведеннымъ *вновь?* Чѣмъ, прежде всего, помянемъ мы старый годъ, добромъ или худомъ? Было и добро, не мало было и худа... Истекшій годъ былъ богатъ содер-

жаніемъ, былъ шуменъ и живъ, расшевелилъ, пробудилъ, посердилъ нашего сонваго сидня-исполина, посердилъ не на шутку,—и это добро, сбилъ съ позиціи нашихъ либераловъ и консерваторовъ, аристократовъ и демократовъ, красныхъ и синихъ, перемѣшалъ ихъ вмѣстѣ, встряхнулъ, взболталъ, такъ что къ концу года многіе изъ нихъ очутились не тамъ, гдѣ стояли въ началѣ,—мелодическіе, гуманные тенора заголосили густымъ героическимъ басомъ, а шибкая басистая скороговорка запѣла сладкою фистулою. Впрочемъ, героическіе звуки преобладаютъ, и вообще общее настроеніе духа къ Январю 1864 г. бодрѣе, мужественнѣе, возбужденнѣе и самодовольнѣе, чѣмъ въ Декабрѣ 1862 года. Если нѣтъ добра въ происшедшей путаницѣ понятій, то много добра въ томъ, что въ виду серьезной внѣшней опасности, грозившей Россіи, правда Русскаго чувства взяла свое и показала и обществу и правительству (дай Богъ, чтобъ они въ этомъ убѣдились), какъ не опасно, какъ не серьезно, какъ безпочвенно и безкорненно то революціонное направленіе, которымъ старались запугать у насъ Русскую публику литературные и не литературные... алярмисты (т. е. люди, склонные при одномъ призракѣ опасности кричать караулъ и бить въ набатъ). Нѣтъ худа и въ героическомъ настроеніи духа, преобладающемъ въ обществѣ: напротивъ, живое ощущеніе своей государственной мощи, своей шири, своего простора, своего народнаго единства и многолюдства, въ Русскомъ человѣкѣ такъ же законно, правильно, благотворно, какъ и чувство физическаго здоровья въ здоровомъ человѣческомъ организмѣ. Обезпеченный на этотъ счетъ, не удручаемый сознаніемъ своей немощи, человѣкъ, какъ и народъ, тѣмъ ревностнѣе, тѣмъ свободнѣе можетъ предаться дѣятельности духа... Но тутъ-то и является иногда такое худо, что духовные запросы глохнутъ подчасъ отъ преизбытка силъ физическихъ, или что могущество физическое ставится выше дѣятельности духа, понимается само какъ цѣль бытія, а не какъ средство, дѣлается предметомъ, средоточіемъ всѣхъ заботъ, единственнымъ источникомъ наслажденій, и, радуя чувство гордости, грозитъ человѣку горшею опасностью, чѣмъ сама физическая немощь—духовнымъ безсиліемъ. До этого, конечно, мы никогда не дойдемъ, но чѣмъ выше наше героическое настроеніе, особенно же когда современная дѣйствительность не представляетъ для него достаточнаго повода, тѣмъ болѣе нуждается оно въ предостереженіяхъ и напоминаніяхъ.

Да, 1863 годъ ознаменованъ многими событіями громадной исторической важности,—между прочимъ, новымъ взрывомъ вражды и ненависти между двумя родственными племенами, кровавой, еще неоконченной борьбою, внѣшними опасностями, угрожавшими Русскому государству,—блистательными дипломатическими побѣдами,—наконецъ адресами,—патріотическимъ восторгомъ, объявшими всѣ классы народона-

селенія, проявленіемъ жизни въ обществѣ,—его необыкновеннымъ ростомъ и возмужаніемъ—какъ говорятъ по крайней мѣрѣ и чему большинство общества давно уже и охотно повѣрило. Борьбу, вражду, кровавую распрю и расправу—63 годъ передалъ въ наслѣдіе 64-му году, и ему же сдалъ неразрѣшенными великіе историческіе вопросы, надъ которыми такъ усердно ломали головы всѣ наши публицисты безъ исключенія. Дипломатическія побѣды наши были дѣйствительно блистательны и придали новый блескъ нашему, нѣсколько померкшему послѣ Крымской войны, государственному величію. Такихъ побѣдъ мы, конечно, желаемъ Россіи и на будущее время, въ случаѣ новыхъ политическихъ затрудненій, но мы не можемъ желать повторенія ни этихъ затрудненій, ни повода къ нимъ. Къ тому же дипломатическую кампанію по Польскому вопросу можно считать совершенно поконченною. Польское дѣло оказалось непригодною почвою для Европейской коалиціи противъ Россіи, и важнѣйшая наша дипломатическая добыча именно и состоитъ въ томъ, что разрѣшеніе Польскаго вопроса отнынѣ предлежитъ уже намъ самимъ, а не Европѣ. Мы ждемъ другихъ услугъ отъ Русской дипломатіи, не только въ оборону Россіи, но и въ огражденіе прочихъ Славянскихъ племенъ отъ невыносимаго гнета,—не только въ области Польскаго, но и въ области Восточнаго вопроса, не на основаніи только буквы Вѣнскаго трактата, но на основаніи высшихъ требованій нашего народнаго духа. Мы не думаемъ однакожъ, чтобъ именно 64-му году суждено было осуществить эти ожиданія: кажется, мы еще не готовы для такого подвига, не доросли до него нашимъ сознаніемъ, нашими нравственными силами.—Что же касается—патріотизма, то, говоря откровенно, патріотизмъ 63-го года не представилъ намъ ничего особенно новаго; мы, съ своей стороны, никогда не сомнѣвались, не сомнѣваемся, да и врядъ ли когда усомнимся въ томъ, что при всякой внѣшней опасности, угрожающей единству и цѣлости Россіи,—Русская земля встанетъ вся, какъ единъ человѣкъ; она встала бы, и она вставала, при обстоятельствахъ гораздо менѣе благопріятныхъ для ея внутренней жизни,—тѣмъ легче было бы ей подняться теперь, послѣ 19 Февраля 1861 года. Конечно, не худо было напомнить о присутствіи этой исторической силы—и тѣмъ изъ насъ, которые о ней забыли, и Европѣ;—конечно, единство воли, стремленій, порывовъ пятидесяти-милліоннаго населенія, какъ и вообще единство Русской земли—этого океана-народа, представляетъ зрѣлище не только величавое, подобное виду океана-моря, но и благотворно дѣйствующее на душу, подъемлющее духъ, освобождающее его отъ заботъ узкаго партикуляризма,—мы рады, что пережили вновь всѣ эти ощущенія... Но читателямъ нашимъ уже извѣстно, что мы въ теченіе цѣлаго года осмѣливались простирать наши требованія выше,—что мы желали видѣть не одно исторически-инстинктивное или натураль-

ное, но и такое разумнѣйшее и сознательнѣйшее движеніе, которое было бы пригодно не для одного матеріальнаго отпора матеріальнымъ опасностямъ, не для подкрѣпленія только внѣшнихъ государственныхъ силъ,—но и для борьбы съ опасностями нравственными,—для разрѣшенія вопросовъ—силами общественными. Именно этихъ-то послѣднихъ силъ и требовало свойство такъ называемаго Польскаго вопроса;—можно даже сказать, что не вмѣшайся въ это дѣло Европа съ своими оскорбительными для насъ угрозами, и не обнадеживай она своею помощью Поляковъ,—сфера Польской задачи по существу своему была бы по преимуществу общественная, а не государственная. Мы благодарны 63 году по крайней мѣрѣ за то, что онъ въ этомъ отношеніи уяснилъ многое для нашего общественнаго сознанія, что онъ поставилъ довольно опредѣлительно вопросы и назвалъ многія вещи по имени,—что, однимъ словомъ, ощутилась крайняя и необходимая потребность въ такомъ элементѣ нашего общаго политическаго организма, на который до сихъ поръ почти не обращалось вниманія, безъ котораго долго думали даже обойтись или же замѣнить его чѣмъ-нибудь искусственнымъ. Этотъ органическій элементъ—*общество,*—не то «общество», которое разумѣется въ городовомъ положеніи и въ новѣйшихъ уставахъ о городскихъ думахъ, и которое какъ будто разумѣется въ словѣ такъ часто у насъ злоупотребляемомъ: «общественное самоуправленіе»,—а общество, какъ среда, въ которой народъ является не какъ сплошная масса, не стороною своей стихійной природы, не въ непосредственности народнаго быта, а стороною высшей сознательной дѣятельности народнаго духа; среда, въ которой народъ, чрезъ личное просвѣщеніе своихъ единицъ, образуетъ новое сознательное народное единство, новую духовную силу общественности. Этой силой мы не богаты,—а на нее-то и предъявляетъ запросъ наша современная исторія. Какъ ни прискорбно сознаніе нашей несостоятельности въ этомъ отношеніи, но важно уже и то, что явилось это требованіе и что право этого органическаго элемента начинаетъ наконецъ признаваться. За неимѣніемъ въ готовности наличныхъ общественныхъ силъ,—необходимость заставила прибѣгнуть къ созданію особаго рода общественной дѣятельности и общественнаго мнѣнія, какъ это ясно можно уразумѣть изъ полемики между «Русскимъ Инвалидомъ» и «Московскими Вѣдомостями» о причинахъ размноженія у насъ не только казенныхъ, но и разныхъ *совсѣмъ почти* неоффиціальныхъ изданій... Впрочемъ, какія бы тамъ необщественнаго характера изданія ни выдавались за общественныя, дѣло не въ этомъ, а въ томъ, чтобъ точно такъ же свободно могли выходить въ свѣтъ изданія неоффиціальныя, какъ и оффиціальныя, и чтобы общество,—на первыхъ же порахъ своего сознательнаго бытія какъ общество,—не приняло своего общественнаго мундира за самую сущность,—своего ложнаго отраженія

въ льстивомъ увеличивающемъ зеркалѣ за самого себя,—и проч. и проч.,—чтобы вообще не упокоилось самодовольно въ своемъ, только что начинающемся развитіи, или не приняло съ самаго начала, въ порывѣ восторговъ и ликованій, фальшиваго направленія...

Изъ сказаннаго нами читатель можетъ, кажется, догадаться и самъ, что, по нашему мнѣнію, всего дороже, всего желаннѣе для Россіи въ новомъ году... То, въ чемъ мы больше всего нуждаемся. 1863 годъ передалъ 1864-му году неразрѣшенными тяжелые историческіе вопросы. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, какъ мы уже столько разъ объясняли, принадлежитъ преимущественно общественной сферѣ, требуетъ участія общественныхъ силъ, полноты развитія общественной жизни. Это развитіе у насъ туго, эти силы у насъ тощи,—и, несмотря на всю свою внѣшность, наша общественная жизнь бѣдна, скудна, малосочна, неживотворяща. Слѣдовательно мы должны прежде всего желать себѣ усиленія нашей общественности, укрѣпленія нашей общественной почвы! Но однимъ изъ необходимыхъ условій достиженія этого блага есть духовная и нравственная свобода общественнаго развитія, а такая свобода, въ свою очередь, немыслима безъ полной искренности слова устнаго и печатнаго,—которая опять возможна только при устраненіи всѣхъ внѣшнихъ стѣсненій. Слѣдовательно, въ концѣ-концовъ выходитъ одно: просторъ мысли и слова является намъ теперь самымъ желаннымъ даромъ, самою крайнею необходимостью; условіемъ sine qua non истиннаго развитія и возмужанія нашего общества, пробужденія, оживленія и направленія къ благой дѣятельности нашихъ общественныхъ силъ. Безъ этого простора нѣтъ ни общества, ни общественнаго мнѣнія, и потому-то наше правительство, признавая необходимость общественнаго мнѣнія, какъ новаго агента въ нашей внутренней жизни, озабочено соображеніями объ измѣненіи существующихъ законовъ о печати. Скоро ли будутъ отмѣнены эти законы и замѣнены новыми, и каковы будутъ эти новые, мы не знаемъ,—мы вѣримъ, что во всякомъ случаѣ они будутъ лучше старыхъ и дадутъ больщій просторъ человѣческой мысли и слову, чѣмъ прежній порядокъ. Мѣра простора, предоставленнаго мысли и выраженію ея въ словѣ, будетъ служить въ то же время мѣрою нашего общественнаго роста и развитія, а также и нашей пригодности или способности къ разрѣшенію великихъ общественныхъ задачъ, выдвинутыхъ Польско-Русскимъ вопросомъ. Просторъ слова—нужнѣе всѣхъ реформъ, послѣ освобожденія двадцати милліоновъ Русскихъ крестьянъ, нужнѣе и земскихъ и другихъ учрежденій, ибо въ немъ, въ этомъ просторѣ, заключается условіе жизненности для всѣхъ этихъ учрежденій, и безъ него—они едва ли взойдутъ.

Поэтому, читатель, поздравляя васъ съ новымъ годомъ, мы желаемъ вамъ самаго лучшаго и нужнѣйшаго—простора мысли и слова. Мы же-

лали вамъ этого же и на 62 и на 63 годъ, но надѣемся, что хоть въ 64 году это желаніе не останется тщетнымъ. И не слушайте, читатель, тѣхъ, кто будетъ увѣрять васъ въ вашей зрѣлости и ублажать ваше самолюбіе, не слушайте ихъ до тѣхъ поръ, пока не будете вы имѣть простора для выраженія вашихъ чувствъ и мыслей,—простора хотя въ тѣхъ размѣрахъ, какіе, говорятъ, предположены и самимъ правительствомъ.

О необходимости свободы для русской печати, какъ условія воздѣйствія ея на общественное мнѣніе Европы.

«День», 12-го декабря 1864 г.

Не знаемъ, до всѣхъ ли нашихъ читателей дошло извѣстіе, напечатанное въ газетѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ, «Сѣверной Почтѣ», что проектъ новаго устава о печати уже внесенъ г. министромъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта. Это извѣстіе подтверждено было и другою оффиціальною газетою, «Биржевыми Вѣдомостями», которая добавила къ тому, что проектъ этотъ значительно измѣненъ и дополненъ противъ того, который еще въ 1862 г., какъ вѣроятно помнятъ читатели, былъ предоставленъ правительствомъ на общее литературное обсужденіе. Этотъ послѣдній проектъ, выработанный особой коммиссіей подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря князя Оболенскаго, былъ въ свое время подробно разобранъ нами. Большинство публики находило его стѣснительнымъ. Но съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось. Много тучъ, черныхъ и грозныхъ, заволакивало нашъ небосклонъ, но всѣ онѣ, одна за другою, сошли съ неба, такъ что теперь, казалось бы, ничто уже не должно мѣшать—быть воздуху чистымъ и яснымъ, и солнцу свѣтить и грѣть всѣмъ своимъ животворнымъ свѣтомъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не все обстоитъ благополучно? Развѣ не одержали мы въ прошломъ году блистательную дипломатическую побѣду, разомъ выдвинувшую Россію изъ того положенія, которое она занимала послѣ Восточной войны, вновь на подобающее ей мѣсто въ сонмѣ Европейскихъ державъ? Развѣ не усмиренъ мятежъ, не раздавлена «стоглавая гидра крамолы», и—самое дорогое стяжаніе—развѣ не разъяснены вполнѣ тѣ темныя интриги, сѣти, ковы, которыми подкопался подъ насъ тайный непримиримый врагъ? Развѣ не всюду побѣдоносно и сильно правительство, на Кавказѣ, какъ и въ Польшѣ, на войнѣ, какъ и въ мирѣ, храбростью войскъ, какъ и признательностью и преданностью народа? Развѣ, наконецъ, не приводится самымъ счастливымъ образомъ къ концу величайшій и труднѣйшій изъ переворотовъ—уничтоженіе крѣпостной зависимости

20 милліоновъ крестьянъ,—развѣ милліонноустная слава, всемірно привѣтствовавшая нашу верховную власть именемъ «либеральнѣйшей» въ Европѣ власти и «освободительницы», не упрочилась еще прочнѣе, пространнѣе и долговѣчнѣе цѣлымъ рядомъ новыхъ либеральныхъ реформъ и самыхъ разнообразныхъ предположенныхъ улучшеній?... Конечно, многаго еще остается желать, но мы говоримъ здѣсь не о томъ, что можетъ представляться намъ съ нашей личной, частной точки зрѣнія, до которой нѣтъ никому дѣла, а о томъ, что представляется съ точки зрѣнія государственной. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ какой же самый злѣйшій врагъ нашъ въ Европѣ рѣшится сказать, что мы идемъ не впередъ, а назадъ? Стоитъ только оглянуться назадъ, за два года, чтобы убѣдиться, какъ несравненно выше, блистательнѣе стала Русская государственная власть, какъ несравненно крѣпче и выгоднѣе для нея занимаемая ею теперь политическая позиція. Гдѣ враги? они разсѣяны,—теперь почти некого и нечего опасаться, и правительство рѣшительнѣе, чѣмъ когда-либо, можетъ приступить къ осуществленію своихъ «благихъ и либеральныхъ» предначертаній. Понятно послѣ этого, что измѣненія въ проектѣ князя Оболенскаго, составленномъ при иныхъ, самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, оказываются необходимыми...

Новый проектъ, по всей вѣроятности, будетъ скоро разсмотрѣнъ. Нужно ли говорить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ мы, редакторы, обнародованія этого новаго устава, отъ котораго зависитъ все будущее нашей журналистики? Да и одни ли редакторы? Всякій, кому сколько-нибудь дорога судьба Русской мысли и Русскаго слова, съ такимъ же лихорадочнымъ вниманіемъ прислушивается ко всякимъ извѣстіямъ и слухамъ о содержаніи проекта и о ходѣ преній; да и кто же, сколько-нибудь грамотный и не пошлый человѣкъ, не понимаетъ той связи, какая существуетъ между литературою и законами о печати,—той важности, которую имѣетъ литература для развитія и преуспѣянія народнаго во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ. Мы не читали проекта и не обращаемъ вниманія на слухи; еслибъ не было надобности улучшить нынѣ дѣйствующее законодательство, равно какъ и положеніе нашей печати, не было бы, вѣроятно, и приступлено къ измѣненіямъ... Мы убѣждены,— по крайней мѣрѣ позволено надѣяться,—что новый уставъ поставитъ литературу и журналистику въ самыя благопріятныя условія для ихъ правильнаго развитія и будетъ вполнѣ согласенъ съ тѣмъ общимъ духомъ, которымъ запечатлѣны всѣ главныя реформы нынѣшняго царствованія, стяжавшія ему такую лестную славу—во всемъ образованномъ мірѣ...

Нельзя не замѣтить, что въ послѣднее время Россія стала предметомъ особеннаго вниманія со стороны Европейской «прессы». Эта послѣдняя зорко слѣдитъ теперь не только за событіями внѣшними, не

только за государственными мѣропріятіями, но и за происшествіями нашей общественной жизни. Почти всѣ главнѣйшія европейскія періодическія изданія обзавелись корреспондентами изъ Россіи, которые, въ угоду ли своимъ патронамъ и принципаламъ,—или же по собственной близорукости, сообщаютъ не столько невѣрныя извѣстія, сколько невѣрную и неправильную оцѣнку явленій нашего внутренняго Русскаго міра. Такія корреспонденціи избавляютъ, повидимому, Западныхъ публицистовъ отъ упрека въ невѣжествѣ, въ незнаніи Россіи и ея домашнихъ обстоятельствъ; отъ подозрѣній въ умышленномъ искаженіи истины,—но въ нихъ-то и заключается самая ядовитая ложь, требующая энергическаго противоядія со стороны Русскаго публичнаго, конечно не оффиціальнаго только, а именно общественнаго слова. Оффиціальныя обличенія не внушаютъ большаго кредита нашимъ заграничнымъ упрямымъ недругамъ. Поэтому, для успѣшнаго опроверженія всяческихъ клеветъ, распространяемыхъ на нашъ счетъ въ Европѣ и почерпаемыхъ будто бы изъ достовѣрныхъ источниковъ, необходимо, чтобъ Русская журналистика сумѣла занять почетное мѣсто въ Европейской прессѣ, чтобъ она снискала къ себѣ уваженіе и—главное—довѣріе, какъ къ самостоятельному органу общественнаго мнѣнія, чуждому всякихъ внѣшнихъ разсчетовъ и соображеній. Только поставленная въ выгодныя условія у себя дома, можетъ она, Русская журналистика, пріобрѣсть къ себѣ довѣріе за границей, и только пріобрѣтя это необходимое довѣріе, можетъ она оказать требуемую отъ нея услугу и государству, и обществу.

Едва ли еще кому нужно объяснять и доказывать—какое значеніе имѣетъ теперь, въ наше время, общественное мнѣніе въ Западной Европѣ. Еще не очень давно, еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, оно едва принималось въ разсчетъ,—по крайней мѣрѣ еще не признавалось, какъ самостоятельная сила. Но съ тѣхъ поръ оно сложилось въ настоящую историческую силу, и лѣтописецъ позднѣйшихъ временъ необходимо долженъ отмѣтить общественное мнѣніе какъ главнѣйшаго двигателя новѣйшей исторической жизни Европейскихъ народовъ. Перечисляя своихъ сосѣдей, своихъ могучихъ союзниковъ или недруговъ, Россія, кромѣ четырехъ великихъ державъ Западной Европы, кромѣ Франціи, Англіи, Пруссіи и Австріи,—должна признавать, по отношенію къ себѣ, еще пятую великую державу—именно общественное мнѣніе Европы, державу могущественную и наиболѣе намъ враждебную. Наши дипломатическія и политическія связи съ Европейскими кабинетами могутъ находиться въ наилучшемъ видѣ, но мы не можемъ и не должны забывать про существованіе этой новой непріязненной силы, на время усыпающей, но всегда готовой возстать противъ насъ съ новою яростью. И именно только по отношенію къ Россіи это общественное мнѣніе

является общественнымъ мнѣніемъ *всей* Европы, или пятою великою державою, какъ мы выразились, — потому что для себя и у себя дома оно разбивается на общественное мнѣніе Франціи, Англіи, Германіи и т. д. Только противъ Россіи оно сплачивается въ единодушную враждебную силу и является — какъ міръ Латино-Германскій противъ ненавистнаго ему православнаго Славянскаго міра. Такимъ образомъ Россіи приходится имѣть дѣло не только съ военнымъ и политическимъ могуществомъ Европы, но и съ могуществомъ ея общественнаго враждебнаго Россіи мнѣнія. Но какъ бороться съ этимъ могуществомъ? Противъ него нельзя выслать ни конницы, ни пѣхоты, ни артиллеріи, его не достанешь ни штыками, ни ядрами, его не уловишь въ дипломатическія сѣти, — его не побѣдишь никакою государственною мощью, потому что область его дѣйствованія нисколько не государственная, и орудія его невещественныя. Съ нимъ, съ этимъ могуществомъ, можно бороться только такою же невещественною силою, и на его полѣ, т. е. на полѣ общественномъ, полѣ мысли и слова, короче — на полѣ печати. Печать — хотя и состоящая подъ закономъ, но не стѣсненная имъ, не лишенная свободы и самостоятельности, составляетъ главное орудіе этой новой пятой державы, — печатью же только и можетъ бороться съ нею Россія — печатью, разумѣется, поставленною въ равносильныя условія для борьбы... Неравенство этихъ условій съ нашей стороны упрочиваетъ побѣду за противною стороною. Европейской печати, служащей органомъ общественнаго мнѣнія, невозможно противополагать печать оффиціальную, потому что оффиціальные журнальные органы не могутъ служить выраженіемъ Русскаго общественнаго мнѣнія, да и не имѣютъ этого притязанія. Они не болѣе и не менѣе какъ органы правительственной власти, и не съ ними ищетъ имѣть дѣло Европейская публицистика. Они лишены въ ея глазахъ того нравственнаго авторитета, который принадлежитъ только общественному свободному искреннему мнѣнію, — и какъ бы ни были убѣдительны доводы, приводимые оффиціальными Русскими журналами, Европейская журналистика умѣетъ всегда отъ нихъ уклониться подъ тѣмъ благовиднымъ, хотя и не всегда справедливымъ предлогомъ, что это говоритъ не искренній голосъ общества или народа, а голосъ власти... Въ томъ-то и состоитъ особенность нашего времени, что враждующія между собою державы въ Европѣ выставляютъ теперь, другъ противъ друга, непремѣнно знамя какой-либо *идеи* (искренно или неискренно это иной вопросъ), справляются не столько о количествѣ, сколько о качествѣ войскъ, не столько о крѣпостяхъ, фортеціяхъ и цитаделяхъ, сколько о крѣпости духа и твердости убѣжденій, — стараются, наконецъ, цѣлить преимущественно не въ амбразуры или бреши каменныхъ твердынь, а въ слабыя стороны соціальнаго устройства, народной нравственности и общественнаго раз-

вития. Поэтому и для отраженія враговъ теперь уже недостаточны ни огромныя войска, ни неприступныя укрѣпленія, ни мониторы, ни стальныя ядра (хотя все это, конечно, необходимо), но необходимы въ особенности крѣпкія убѣжденія, свободно горящій и свободно творящій духъ жизни, щитъ нравственной идеи, орудія духовныя — мысль, слово, печать.

Кто не помнитъ, какая доля участія въ Восточной войнѣ принадлежала общественному мнѣнію Европы? Привыкнувъ не обращать вниманія на силы невещественныя, мы были поражены тѣмъ единодушіемъ вражды, которое высказалось къ намъ со стороны Европейскихъ обществъ; намъ трудно было понять и повѣрить, что честолюбивые замыслы Наполеона нашли себѣ въ общественномъ мнѣніи такого могущественнаго союзника! Мы и не подозрѣвали этого могущества, а между тѣмъ ему, этому могущественному союзнику враждебныхъ намъ правительствъ, должна быть преимущественно приписана главная причина нашего неуспѣха. Съ этимъ могуществомъ мы тогда не умѣли еще бороться. Нужно ли также разсказывать про то, что̀ еще у всѣхъ на свѣжей памяти, — именно про участіе общественнаго мнѣнія Европы въ событіяхъ послѣднихъ лѣтъ, въ такъ называемомъ Польскомъ вопросѣ, въ дипломатическомъ походѣ Европы на Россію, въ самомъ Польскомъ возстаніи, котораго оно было главною силою? Кто не помнитъ тѣхъ ироническихъ отзывовъ о нашей внутренней духовной цѣльности и крѣпости самого императора Наполеона, тѣхъ толковъ иностранныхъ газетъ, которыя, не имѣя возможности знать настоящаго общественнаго мнѣнія въ Россіи, не видя его и поэтому отрицая его самостоятельное существованіе, составляли свое сужденіе о нашемъ духовномъ настроеніи по тѣмъ Русскимъ изданіямъ, которыя выходили за границей и въ которыхъ онѣ думали видѣть выраженіе настоящей, свободной, Русской народной мысли? И только тогда, когда самая сила обстоятельствъ выдвинула впередъ силу печатнаго слова и у насъ въ Россіи, когда Европейская журналистика волей-неволей повѣрила, хоть на сей разъ, искренности этого слова, Европа увидѣла предъ собою такой грозный призракъ народнаго Русскаго мнѣнія, что отступила предъ нимъ, а Польскій вопросъ взошелъ въ совершенно новый, небывалый фазисъ. Очевидно, что эта вѣра Европы въ искренность нашего печатнаго общественнаго слова много способствовала нашей государственной побѣдѣ, — и для пользы самого государства остается желать, чтобъ эта вѣра не колебалась, чтобъ не было никакого мѣста сомнѣнію Европы въ искренности и самостоятельности выраженія нашей *настоящей общественной* мысли... Всякое ослабленіе этой вѣры или тѣхъ выгодныхъ условій, въ которыя поставлена Русская печать относительно своего дѣйствія на общественное мнѣніе Европы, было бы торжествомъ для враговъ Рос-

сіи и сказалось бы самыми невыгодными для насъ послѣдствіями. Напротивъ, для пользы Россіи, въ видахъ даже чисто-государственныхъ, необходимо, чтобы авторитетъ Русскаго печатнаго слова за границею возрасталъ все сильнѣе и сильнѣе, чтобы оно заняло видное мѣсто въ Европейской публицистикѣ — какъ самостоятельное выраженіе Русской общественной и народной мысли.

Но одну ли эту услугу оказала правительству Русская журналистика, — за границею ли только проявилось ея значеніе? Какого бы ни были лично мы сами мнѣнія о Русской періодической печати за послѣднее время, и о тѣхъ результатахъ, которыхъ она достигла, — но, разсматривая дѣло съ точки зрѣнія чисто-государственной, нельзя не признать, что и здѣсь ея услуги правительству не менѣе важны. Кто, какъ не литература, являлся всегда самымъ усерднымъ поборникомъ правительственныхъ либеральныхъ реформъ, начиная съ освобожденія крестьянъ? Кто всего старательнѣе содѣйствовалъ ихъ осуществленію, кто всего ревностнѣе проводилъ ихъ въ общественное сознаніе и проводилъ успѣшно — силою искренняго свободнаго сочувствія? Кто наиболѣе способствовалъ возрожденію Русской народности въ Западномъ краѣ и оживилъ его значеніе въ памяти нашего общества? Кто настойчивѣе, упорнѣе и единодушнѣе предъявлялъ требованіе гражданской честности и доблести, кто служилъ и служитъ нравственною грозою и карою на всякихъ нарушителей закона, на тѣхъ нарушителей, до которыхъ не можетъ иной разъ досягнуть законное правосудіе и которыхъ обуздать способно только одно общественное мнѣніе съ его органомъ — журналистикою? Развѣ ослабѣлъ «патріотизмъ» при дѣятельности Русской періодической печати за послѣднее время, или преданность или усердіе къ службѣ? Развѣ затруднены отправленія органовъ, или парализированы какія-либо благія дѣйствія правительства? Развѣ вліяніемъ литературы разстроены какія-либо коренныя основанія нашего общественнаго благоустройства? Этого не скажетъ и самый отъявленный врагъ Русскаго просвѣщенія, а напротивъ признаетъ, что чѣмъ самостоятельнѣе стала Русская журналистика, тѣмъ искреннѣе, свободнѣе, самостоятельнѣе, а слѣдовательно и плодотворнѣе стало ея содѣйствіе либеральнымъ правительственнымъ реформамъ и начинаніямъ. Дѣятельность нашей журналистики, повторяемъ, можетъ иногда не нравиться намъ съ нашей личной, положимъ хоть такъ называемой славянофильской точки зрѣнія («День» смиренно сознаетъ, что онъ, въ отношеніи нѣкоторыхъ услугъ, никакъ не можетъ равнять себя съ прочими органами печати); но во всякомъ случаѣ, въ общемъ результатѣ, дѣйствительность заслугъ Русской журналистики предъ Русскимъ правительствомъ не можетъ, кажется, подлежать для него сомнѣнію, — а степень заслугъ этихъ находится въ прямомъ соотношеніи со степенью искрен-

ности убѣжденій и слова, предоставленною нашей періодической печати внѣшними условіями.

Такимъ образомъ развитіе литературы и журналистики въ Россіи является важнымъ условіемъ нашего государственнаго и общественнаго развитія, — и современная жизнь сложилась такъ, что она немыслима безъ дѣятельности общественнаго печатнаго слова. Само собою разумѣется, что эта дѣятельность подлежитъ такимъ же необходимымъ ограниченіямъ, какъ и всякая личная дѣятельность въ обществѣ, но въ томъ и состоитъ мудрость законодателя, чтобы этими необходимыми ограниченіями не стѣснить свободы роста и развитія такой полезной общественной силы, какова литература. Конечно, вездѣ и всегда были и будутъ неправильности, уклоненія отъ нормы, но это неизбѣжное зло всегда можетъ быть побѣждено избыткомъ добра. Свойство этого зла такого рода, что оно менѣе всего боится внѣшнихъ стѣсненій печати. Тогда какъ истина любитъ шествовать только прямымъ, честнымъ путемъ, ложь свободнѣе въ выборѣ путей, и находя прямой путь прегражденнымъ, свободно прокрадывается окольными, тайными, несослѣдимыми тропинками. Эту свободу зла и лжи можно побороть только свободою добра и истины... Если гдѣ особенно вредна монополія, такъ именно въ литературѣ, ибо всякое направленіе, какъ бы ни было оно истинно или похвально, можетъ впасть въ односторонность, а слѣдовательно и въ ложь. Противодѣйствіемъ такой монополіи можетъ быть только одинаковость условій печати для всѣхъ, по возможности, мнѣній и направленій, и изъ столкновенія ихъ—общество уже само безъ труда выразумѣетъ истину. Чѣмъ шире кругъ печатнаго слова, тѣмъ менѣе удобствъ для монополіи и всякихъ неправильностей. Такъ, напримѣръ, мы отъ всей души желали бы развитія провинціальной литературы, чтобы освободить наши провинціальныя общества изъ-подъ деспотизма литературы столичной, часто вовсе не знающей мѣстной провинціальной правды. Было бы напрасно, кажется намъ, опасаться, что журнализмъ въ Россіи можетъ достичь той степени развитія и силы, какъ на Западѣ. Дѣйствіе журналовъ въ Россіи ограничивается однимъ обществомъ, весьма не великимъ по своему количественному, а еще болѣе по своему качественному объему, и нисколько не простирается на 60-ти-милліонную массу русскаго народа. Къ тому же, чѣмъ сильнѣе станетъ общество проникаться своею народностью, чѣмъ доступнѣе будетъ оно воздѣйствію народныхъ элементовъ, тѣмъ выше, нравственнѣе и благотворнѣе будетъ и дѣятельность нашей журналистики. По нашему мнѣнію, опасно не широкое развитіе, а именно стѣсненное и неправильное развитіе литературы, опасна не то что искренность и самостоятельность убѣжденія, а именно неискренность и несамостоятельность, — опасно не то что правдивое, хотя бы и рѣзкое слово, но слово двусмысленное. Поэтому

нельзя не пожелать въ заключеніе, чтобы наша печатная рѣчь была вполнѣ честна и чистосердечна, т. е. чтобы она была поставлена въ условія, при которыхъ могла бы достичь этихъ необходимыхъ для ея нравственнаго авторитета качествъ,—чтобы наша журналистика пріобрѣла полное довѣріе къ себѣ въ Европѣ и была способна побѣдоносно состязаться съ враждебною намъ силою Европейскаго общественнаго мнѣнія, не навлекая на себя подозрѣнія въ неискренности... Процвѣтаніе наукъ, искусствъ и литературы составляетъ истинную славу царствъ — учатъ насъ съ дѣтства; а кому же неизвѣстны условія, при которыхъ единственно это процвѣтаніе возможно?!.

Объ основаніяхъ для освобожденія изданій отъ предварительной цензуры.

«День», 23-го января 1865 года.

Въ одной изъ Московскихъ газетъ сообщается—вѣроятно по слуху—будто проектъ новаго устава о книгопечатаніи допускаетъ существованіе изданій безъ предварительной цензуры, но не какъ общее для всѣхъ право, а по особенному разрѣшенію правительства (разумѣется, если о томъ будетъ просить сама редакція). Почтенная газета задается вопросомъ—«чѣмъ же будетъ руководствоваться правительство при разрѣшеніи однимъ изданіямъ выходить безъ цензуры, въ то время какъ другія будутъ оставаться подъ цензурой»? и повидимому совершенно удовлетворяется тѣмъ отвѣтомъ на этотъ вопросъ, который она сама выводитъ изъ своихъ соображеній. «По всему вѣроятію, говоритъ она, правительство будетъ освобождать отъ цензуры тѣ лица, которыхъ образъ мыслей извѣстенъ, и тѣ изданія, которыя успѣли пріобрѣсти общее (?) довѣріе предпочтительно передъ тѣми, которыя этого довѣрія не пріобрѣли или которыя еще не успѣли обозначиться въ своемъ направленіи». Почему же, думаетъ та же почтенная газета, правительству—если оно предполагаетъ нужнымъ удержать цензуру и на будущее время — «не оказывать и теперь довѣріе однимъ предпочтительно предъ другими», т. е. освобождать отъ предварительной цензуры только тѣхъ, кого оно считаетъ «заслуживающими довѣрія» и удерживать подъ предварительною цензурою тѣхъ, которые не заслужили этого довѣрія?

Оставляя совершенно въ сторонѣ личныя отношенія редакціи упомянутой газеты къ цензурному вопросу, мы рѣшительно возстаемъ противъ самаго принципа предпочтенія, какъ будто оправдываемаго и признаваемаго этою газетою. Конечно—это еще только «вѣроятіе», какъ она и сама выражается; самый уставъ существуетъ еще только въ формѣ

проекта, который можетъ подлежать еще значительнымъ измѣненіямъ, да и самый проектъ извѣстенъ намъ и публикѣ только по слуху. Мы не понимаемъ, какимъ образомъ можно мириться съ такимъ страннымъ предположеніемъ—что разрѣшеніе выходить безъ цензуры будетъ даруемо правительствомъ лишь тѣмъ, «которыхъ образъ мыслей извѣстенъ»: стало быть, эта важная, великая льгота, которую такъ высоко цѣнитъ, которой такъ желаетъ для себя упомянутая Московская газета, въ понятіяхъ ея есть не болѣе, какъ награда, выдаваемая—за хорошій образъ мыслей. Любопытно было бы знать, какой это такой хорошій, или «заслуживающій довѣрія» образъ мыслей? Будетъ ли онъ опредѣленъ разъ навсегда и носить особый штемпель, или же оцѣнка его будетъ измѣняться, смотря по усмотрѣнію правительства, сообразно съ временемъ и разными обстоятельствами? Желательно, чтобъ этотъ требуемый «образъ мыслей» былъ положительно обозначенъ: всякій редакторъ или чающій быть редакторомъ могъ бы заранѣе видѣть, въ какой мѣрѣ способенъ онъ усвоить его себѣ... Да наконецъ, почтенная газета конечно согласится съ нами, что и «извѣстный» образъ мыслей у самой редакціи способенъ мѣняться: человѣкъ не стоитъ же на одномъ мѣстѣ: мысля и чувствуя, онъ можетъ продолжать развивать свою мысль, очищать понятія, наконецъ совершенствоваться нравственно, и нерѣдко вполнѣ перерождается умственно и духовно. Нынче его «извѣстный образъ мыслей»—демократическій; черезъ нѣсколько времени онъ можетъ пожалуй стать аристократическимъ; нынче онъ истый «западникъ»,—завтра онъ съ полною искренностью убѣжденія способенъ стать «руссоманомъ», «руссофиломъ», «ультра-руссомъ» и пожалуй — чего добраго — какимъ-то «славянофиломъ». Можетъ, пожалуй, случиться и наоборотъ. Или ужъ разъ заявивъ «извѣстный образъ мыслей», редакторъ такъ-таки и обязанъ его держаться однажды навсегда и устраняться отъ его развитія? обязанъ не выходить изъ того кругозора понятій, который состоялъ въ минуту дарованнаго редактору «разрѣшенія», хотя бы на другой же день открылись новыя обстоятельства, и съ ними цѣлый новый порядокъ понятій, которыя не вошли, не успѣли войти въ тотъ, однажды опредѣленный, «извѣстный образъ мыслей»—«заслужившій довѣріе правительства»?? Если допустить предположеніе почтенной газеты, то, развивая его логически, придется допустить и такой выводъ, что при всякомъ подобномъ новомъ обстоятельствѣ—правительство обязано снова повѣрять образъ мыслей редакторовъ, освобожденныхъ отъ предварительной цензуры, дабы имѣть полную возможность и право числить оный въ категоріи «извѣстныхъ»! Къ тому же это едвали исполнимо... Мы убѣждены, что этого не желаетъ,— не способна желать и сама Московская газета, но вотъ къ какимъ страннымъ и невыгоднымъ послѣдствіямъ могло бы привести на практикѣ

такое воззрѣніе, если бы оно было усвоено правительствомъ... «Освобождать отъ цензуры лица, которыхъ образъ мыслей извѣстенъ»!... да что̀ такое образъ мыслей того или другаго лица; и что̀ за дѣло до лицъ? Публикѣ, да и правительству важно не то, что̀ и какъ думаетъ такое-то лицо, а что̀ говоритъ и печатаетъ такая-то газета, такой-то журналъ: слѣдовательно сила въ самомъ печатномъ словѣ, — и публика и правительство имѣютъ дѣло не съ лицомъ, а съ печатнымъ его о̀рганомъ. Слѣдовательно—о направленіи и о достоинствѣ печатнаго о̀ргана можно судить не по тому, хорошій ли человѣкъ редакторъ и хорошъ ли его образъ мыслей, а по тому, что̀ высказано и выражено печатно въ его газетѣ. Объ этомъ же послѣднемъ — само собою разумѣется — правильно судить можно только послѣ напечатанія, а не до напечатанія, и никакой судъ—спросите любаго юриста, — не въ правѣ былъ бы въ сужденіи о періодическомъ изданіи опираться на личный извѣстный образъ мыслей редактора, а обязанъ былъ бы основать свое заключеніе на буквѣ печатнаго текста. При этомъ всякая необходимость вѣдать заранѣе образъ мыслей редактора упраздняется сама собою.

Еслибы подъ образомъ мыслей разумѣть извѣстное отношеніе редакціи къ существеннѣйшимъ основамъ нашего политическаго и гражданскаго быта, то эти основы такъ строго опредѣлены и защищены закономъ, что оскорбившій ихъ—нарушаетъ и самый законъ и подвергается, за такое «преступленіе» или «проступокъ» сло́ва, установленному наказанію. Наши законы не судятъ за образъ мыслей, а за образъ дѣйствій; въ области же печати это дѣйствіе—есть само печатное слово; слѣдовательно, повторяемъ, нѣтъ никакой надобности знать «личный извѣстный образъ мыслей редактора», а имѣетъ значеніе только самое его дѣйствіе — т. е. печатная его рѣчь, которая можетъ иногда быть даже въ противорѣчіи съ его личнымъ извѣстнымъ образомъ мыслей.

Этотъ принципъ (обращать вниманіе на личный извѣстный образъ мыслей), не только не оспариваемый, но какъ бы признаваемый и даже рекомендуемый почтенною газетою — кажется намъ очень опасенъ. Смѣемъ думать, что онъ не будетъ принятъ правительствомъ,—таково, по крайней мѣрѣ, наше убѣжденіе—но если мы предположимъ только, хоть въ теоріи, возможность его приложенія къ нашей литературной жизни, то въ перспективѣ окажется—цѣлый рядъ испытаній, экзаменовъ, спросовъ и разныхъ другихъ способовъ оцѣнки образа мыслей. Требоваться будетъ, конечно, образъ мыслей «благонамѣренный»; «благонамѣренные»—если допустить предположеніе упомянутой газеты—обрѣтутъ всѣ освобожденіе отъ цензуры; «неблагонамѣренные» будутъ подвергаться всѣмъ тяготамъ предварительной цензуры. Такимъ образомъ вся журналистика станетъ дѣлиться на двѣ категоріи: на «благонамѣренныхъ» и «неблагонамѣренныхъ». Самое освобожденіе

отъ цензуры будетъ прилагать штемпель «благонамѣренности» ко всякому освобождаемому отъ цензуры изданію,—штемпель, мы не споримъ, очень лестный, —но не всѣ однакоже изданія, думаемъ мы, пожелали бы въ равной степени воспользоваться такой отличкой... Этому помѣшало бы... ну хоть скромность! Наоборотъ, для несчастныхъ, попавшихъ въ категорію «неблагонамѣренныхъ», такой штемпель, иногда вѣроятно и незаслуженный, можетъ оказаться крайне невыгоднымъ во многихъ отношеніяхъ... Говоримъ: иногда вѣроятно и незаслуженный— потому что подобная оцѣнка годности или негодности «образа мыслей» едвали всегда можетъ быть безусловно вѣрною, особенно же при неизбѣжномъ отсутствіи гласности и недостаткѣ всякаго строгаго критеріума въ дѣлахъ подобнаго рода: тутъ всегда найдется мѣсто недоразумѣнію; наконецъ, образъ мыслей можетъ быть иногда просто не понятъ... Мы помнимъ время, когда желать освобожденія крестьянъ, нынѣ благополучно совершеннаго самимъ правительствомъ, почиталось образомъ мыслей весьма неблагонадежнымъ!.. Нельзя не признать также, что въ случаѣ, еслибъ воззрѣніе Московской газеты было принято за основной принципъ новаго устава,—полемика между двумя категоріями журналовъ: «благонамѣренными» и «неблагонамѣренными»; или привилегированными и непривилегированными, была бы въ высшей степени неудобна: одинъ печатаетъ безъ цензуры, другой обязанъ проводить не только мысль, но каждое свое выраженіе сквозь цензуру, составленную, какъ справедливо выражается почтенная газета, изъ двухъ элементовъ: изъ дѣйствія цензурныхъ правилъ и личнаго цензорскаго усмотрѣнія! Какая же тутъ борьба при такомъ неравенствѣ средствъ, и неужели такое неравенство можетъ быть желанно для почтенной Московской газеты?

Другое основаніе (кромѣ извѣстности образа мыслей), которымъ, по предположенію упомянутой газеты, станетъ будто бы руководиться правительство при освобожденіи того или другаго изданія отъ цензуры,—это «общее довѣріе, которое успѣло пріобрѣсть изданіе, предпочтительно предъ прочими». Что̀ значитъ общее довѣріе, чѣмъ оно опредѣляется и измѣряется? Числомъ подписчиковъ? успѣхомъ изданія? Но такое основаніе привело бы насъ къ очень страннымъ и неожиданнымъ выводамъ. «Современникъ», съ которымъ постоянно боролись «заслужившія общее довѣріе» «Московскія Вѣдомости», во время о́но пользовался громаднымъ успѣхомъ. Не знаемъ, сколько у него было подписчиковъ, но число читателей и почитателей его было очень велико: безъ всякаго сомнѣнія, онъ владѣлъ полнымъ довѣріемъ своей многочисленной публики. По какимъ же признакамъ можно различить «общее» довѣріе отъ необщаго? Сочувствіе къ «Современнику» было особенно сильно, между прочимъ, въ Петербургѣ, такъ сильно, что могло ка-

заться тамъ общимъ и повсемѣстнымъ, заслоняя несочувствіе Петербургскаго англійскаго клуба и нѣкоторыхъ частныхъ кружковъ. Наоборотъ, пріобрѣтенное инымъ Московскимъ изданіемъ «общее довѣріе» можетъ не имѣть мѣста въ Петербургѣ и казаться ему вовсе не «общимъ». Нерѣдко то, что̀ не пользуется никакимъ довѣріемъ въ англійскихъ клубахъ, можетъ пользоваться общимъ довѣріемъ въ другихъ кругахъ общества, и обратно. Мы желали бы знать—ка̀къ почтенная газета, признающая «общее довѣріе» раціональнымъ основаніемъ для освобожденія отъ цензуры и предлагающая это основаніе правительству въ руководство, опредѣляетъ сама внѣшніе признаки этого «общаго довѣрія»? Въ дѣлѣ законодательномъ, въ сферѣ государственной не слѣдуетъ довольствоваться какими-нибудь общими отвлеченными выраженіями, не слѣдуетъ ссылаться на неуловимое нравственное основаніе; тутъ все должно быть опредѣлено и обозначено самымъ точнымъ, самымъ внѣшнимъ образомъ: въ противномъ случаѣ произвола не оберешься! Есть въ Петербургѣ газеты, которыя, по нашему мнѣнію, не заслуживаютъ никакого нравственнаго довѣрія, которыя мы даже и называть въ своемъ изданіи избѣгаемъ: знаемъ навѣрное, что такого мнѣнія объ нихъ держимся не мы одни, а и многіе, по крайней мѣрѣ въ Москвѣ. А между тѣмъ эти газеты, какъ мы слышали, имѣютъ очень и очень значительное число подписчиковъ и свою долю вліянія на нѣкоторыя высшія общественныя сферы. Да и мало ли въ Петербургѣ газетъ, постоянно упражняющихся въ своихъ фельетонахъ, подобно напримѣръ «Голосу», по части канкана и гуманности, по части скандаловъ и любви къ «меньшей братіи»! Всѣ онѣ имѣютъ успѣхъ и всѣ, поэтому, считаютъ себя обладающими общимъ довѣріемъ. И этого притязанія ихъ—нѣтъ возможности, нѣтъ юридическаго основанія оспорить. Развѣ предположить, что «общимъ довѣріемъ» называется то, которое пріобрѣтается отъ лицъ извѣстнаго возраста, чина, сословія, или же отъ лицъ, занимающихъ «извѣстное общественное положеніе», приглашаемыхъ на рауты туда-то, посѣщающихъ такой-то клубъ? однимъ словомъ установить на сей случай особый цензъ?.. Конечно, авторитетъ сихъ лицъ дѣло великой важности,—кто дерзнетъ въ этомъ сомнѣваться?—особенно въ области мало имъ извѣстной и еще менѣе ими разумѣемой Русской литературы, но подобный авторитетъ было бы весьма трудно возвести въ законъ и облечь въ форму параграфа такой-то статьи такого-то тома Свода Законовъ. Мы думаемъ, что противъ этого возстала бы даже и сама Московская газета; но въ такомъ случаѣ не слѣдовало бы и предлагать правительству подобное шаткое и странное основаніе...

Повторяемъ: мы не знаемъ проекта новаго устава, но мы отказываемся вѣрить, чтобъ было въ самомъ дѣлѣ «вѣроятно» предположеніе

извѣстнаго органа нашей журналистики, будто освобождаться правительствомъ отъ цензуры будутъ лишь лица «извѣстнаго образа мыслей» и снискавшія «общее довѣріе». Мы бы желали, чтобъ намъ пояснили: что̀ это за привилегированный образъ мыслей и по какимъ признакамъ познается, измѣривается и оцѣнивается общее довѣріе?! Мы съ своей стороны полагаемъ, что было бы полезно и справедливо предоставить освобожденіе отъ предварительной цензуры всѣмъ, безъ различія, редакціямъ, которыя сами этого пожелаютъ, которыя предпочтутъ нести личную отвѣтственность за свои поступки въ области печатнаго слова—мнимому огражденію отъ отвѣтственности, по системѣ цензуры предварительной! Даже съ точки зрѣнія исключительно правительственной, дѣлать различіе между образомъ мыслей тѣхъ или другихъ редакторовъ — было бы совершенно неразсчетливо. Привилегія, дарованная одной редакціи помимо другихъ, все же привилегія, и установляетъ монополію мнѣній; а всякая монополія ведетъ къ односторонности и имѣетъ свойство раздражать и производить страстную реакцію въ обществѣ,—что̀ для истины вообще очень невыгодно. Подобная оффиціальная оцѣнка «достоинства» легко можетъ ослабить, въ общемъ мнѣніи, авторитетъ такого сочувственнаго правительству привилегированнаго образа мыслей, хотя бы даже этотъ образъ мыслей былъ и совершенно справедливъ самъ по себѣ, разсматриваемый безъ всякаго отношенія къ правительственному сочувствію или несочувствію. Это значило бы установить родъ контроля надъ совѣстью, надъ мыслью и надъ внутреннею жизнью мысли писателя, водворить неподвижность, ложь, лицемѣріе,—посягательство на свободу внутренняго духа. Государству доступна только область внѣшняго, а не внутренняго, область дѣйствія, а не мысли,—строго опредѣленная положительнымъ закономъ. Неправильное дѣйствіе подлежитъ законному суду и законному наказанію, но не мысль—пока она не перешла въ дѣйствіе,—и заводить таксацію «образу мыслей» или цензъ—довѣрію, для освобожденія періодическаго изданія отъ цензуры, вести протоколы внутреннему, духовному развитію человѣка и на этомъ основаніи внѣшнихъ фактовъ налагать на него печать «неблагонамѣренности» или «благонамѣренности»—это противорѣчило бы началамъ истинной правды и всему либеральному характеру новѣйшихъ правительственныхъ реформъ...

О новыхъ правилахъ цензуры по указу Правит. Сенату 6-го апрѣля 1865 года.

«День», 24-го апрѣля 1865 г.

Наконецъ преобразовательная дѣятельность правительства коснулась и «отечественной печати». 6-го апрѣля состоялся Высочайшій указъ Правительствующему Сенату, при которомъ приложено Высочайше утвержденное того же числа мнѣніе Государственнаго Совѣта «о перемѣнахъ и дополненіяхъ въ нынѣ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ». Указъ начинается многознаменательными словами: «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства...». Въ этихъ словахъ, за которыя каждый, кому дороги судьбы Русской литературы, не можетъ не проникнуться чувствомъ искренней благодарности,—мы видимъ, съ одной стороны, признаніе настоящаго положенія цензуры—для печати стѣснительнымъ и неудобнымъ,—съ другой: опредѣленно выраженное намѣреніе правительства даровать печати дѣйствительныя облегченія и удобства до предѣловъ возможности. Такова цѣль, предположенная себѣ правительствомъ, и, сопоставляя эту цѣль съ издаваемыми нынѣ правилами, мы можемъ, кажется, придти къ заключенію, что правила эти должны быть разсматриваемы только какъ переходныя мѣры: это не болѣе какъ первый пробный шагъ къ уничтоженію предварительной цензуры... Утѣшительно думать, что самый указъ устанавливаетъ эту точку зрѣнія, поясняя далѣе, что «перемѣны и дополненія въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ» сдѣланы «при настоящемъ переходномъ положеніи судебной у насъ части и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта». И въ самомъ дѣлѣ, прочитавъ внимательно эти «перемѣны и дополненія», мы не можемъ не выразить правительству нашей радостной признательности за то, что оно не придало вновь изданнымъ правиламъ значенія органическаго закона, а удержало за ними характеръ временныхъ распоряженій, такъ какъ собственно этими правилами еще покуда не вполнѣ достигается та общая, высокая цѣль, которую назначило себѣ теперь правительство: доставить печати дѣйствительныя облегченія и удобства... Указъ даетъ намъ полное право надѣяться, что законодательство о печати пойдетъ отнынѣ ходомъ уже не иначе, какъ прогрессивнымъ... Поэтому, въ ожиданіи будущаго, редакторы періодическихъ изданій не могутъ не заявить также своей глубокой благодарности правительству и за то, что даруемыя теперь новыя правила не налагаются на нихъ насильственно и всенепремѣнно: т. е. что пользоваться ими не обязательно для редакторовъ, но что, напротивъ, отъ нихъ, редакторовъ, зависитъ—сохранить за собою прежнее положеніе, или, другими словами: отказаться отъ освобожденія отъ цензуры при тѣхъ условіяхъ, какія

опредѣлены новыми правилами, и остаться по прежнему—подъ предварительною цензурой... Всѣ издаваемыя нынѣ измѣненія и дополненія существующихъ цензурныхъ постановленій имѣютъ силу въ томъ только случаѣ, когда періодическое изданіе или книга печатается безъ предварительной цензуры, и легко можетъ статься, что новыя правила будутъ имѣть самый тѣсный кругъ примѣненія, т. е. что бо̀льшая часть редакторовъ и издателей воспользуется Высочайше предоставленнымъ имъ правомъ уклониться отъ дѣйствія 29 параграфа отдѣла II-го и 13 и 14 §§ отдѣла III-го новаго Положенія, и предпочтетъ имъ старый порядокъ предварительной цензуры... Что̀ же говорятъ эти параграфы и какая же причина можетъ побудить редакторовъ и издателей къ такому повидимому странному поступку? Первый изъ нихъ, 29 параграфъ, говоритъ, что «министру внутреннихъ дѣлъ предоставляется право дѣлать повременнымъ изданіямъ (освобожденнымъ отъ цензуры) предостереженія и что третье предостереженіе п р і о с т а н а в л и в а е т ъ изданіе на с р о к ъ, который министромъ, при объявленіи предостереженія, будетъ назначенъ—«не свыше однакоже 6-ти м ѣ с я ц е в ъ». Правда, § 30 поясняетъ далѣе, что если затѣмъ министръ признаетъ нужнымъ вовсе прекратить изданіе, то онъ входитъ о семъ съ представленіемъ въ 1-ый департаментъ Сената: слѣдовательно окончательное п р е к р а щ е н і е или з а п р е щ е н і е журнала или газеты зависитъ собственно не отъ г. министра, а отъ Правительствующаго Сената,—но возобновлять п р і о с т а н о в л е н н у ю газету послѣ 6-ти-мѣсячнаго молчанія и отсутствія съ журнальной арены—это для редактора в с е р а в н о, что начать издавать газету,—только при условіяхъ еще менѣе благопріятныхъ, потому что подвергшаяся подобному в р е м е н н о м у п р е к р а щ е н і ю газета, не внушая довѣрія къ своей прочности, едвали вызоветъ достаточную подписку. Все значеніе періодическихъ изданій заключается въ ихъ непрерывномъ п о с л ѣ д о в а т е л ь н о м ъ на публику дѣйствіи, и потому всякій перерывъ, упраздняющій это дѣйствіе, для нихъ вреденъ, особенно же такой долгій перерывъ, какъ напр. 6-ти-мѣсячный, въ теченіе котораго публика, лишенная привычнаго чтенія, должна по необходимости обратиться къ другой газетѣ или журналу и такимъ образомъ поневолѣ отвыкнуть отъ «пріостановленнаго» изданія!...

Къ сожалѣнію, сжатость изложенія 29-го § оставляетъ многіе вопросы неразрѣшенными. Такъ, напримѣръ, любопытно было бы знать: во 1-хъ, какой срокъ полагается для с ч е т а предостереженій? Напримѣръ: если въ 1865 году газета получила два предостереженія, то предостереженіе, данное въ Январѣ 66-го года, будетъ ли считаться, по числу предостереженій, т р е т ь и м ъ, дающимъ право на пріостановленіе,—или же п е р в ы м ъ—полагая въ основаніе счета г о д о в о й срокъ? По нашему мнѣнію, послѣднее основаніе самое справедливое. Во 2-хъ,

обязанъ ли г. министръ, дѣлая предостереженіе, не только указывать на статью журнала или газеты, подавшую къ тому поводъ (какъ это требуется новѣйшими правилами), но вмѣстѣ съ тѣмъ и присоединять подробное изложеніе основаній—exposé des motifs—по которымъ дѣлается предостереженіе? Такое подробное изложеніе основаній было бы, намъ кажется, необходимо, хотя бы только для руководства редакторамъ и для устраненія всякихъ недоразумѣній на будущее время. Въ противномъ случаѣ редакторъ, предоставленный собственнымъ догадкамъ о причинахъ, руководившихъ г. министромъ, можетъ легко въ слѣдующемъ же № впасть въ ту же ошибку и подвергнуться вторичному предостереженію. Къ сожалѣнію, въ 29 § эти подробности не разъяснены, хотя въ немъ повидимому нѣтъ и ничего противорѣчащаго такому справедливому требованію. Очень можетъ быть, что «указанія опыта», которыхъ, какъ сказано въ указѣ, ожидаетъ и само правительство для новыхъ поправокъ и дополненій въ законодательствѣ о печати,— потребуютъ со временемъ значительныхъ измѣненій § 29-го, — но во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что въ настоящее время законодатель нашелъ нужнымъ, вмѣстѣ съ освобожденіемъ періодической литературы отъ цензуры, поставить ее, литературу, въ прямую зависимость отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ. Таковъ очевидный смыслъ § 29-го; но въ то же время законодатель предоставляетъ редакторамъ право устраниться отъ дѣйствія этого параграфа...

Какимъ же правомъ воспользуется редакція «Дня»?... Мы должны сознаться откровенно, что освобожденіе «Дня» отъ цензуры съ подчиненіемъ новымъ правиламъ—представляется для насъ теперь еще нерѣшеннымъ вопросомъ... Впрочемъ дѣйствіе ихъ начнется не ранѣе, какъ съ 1-го сентября, а къ тому времени и положеніе дѣлъ можетъ обозначиться яснѣе и опредѣлительнѣе.

Несравненно болѣе выгодъ представляютъ новыя правила для изданія книгъ. Право предостереженій, даруемое г. министру параграфомъ 29-мъ, распространяется только на журналы и газеты и вообще на такъ называемыя повременныя изданія, а не на книги; но есть и относительно книгъ нѣкоторыя правила такого рода, которыя могутъ инаго автора или издателя заставить предпочесть порядокъ цензуры предварительной. Эти правила заключаются въ 13 и 14 §§ III-го отдѣла. На основаніи ихъ, книга, печатаемая безъ цензуры, по отпечатаніи посылается изъ типографіи, въ узаконенномъ числѣ экземпляровъ, въ цензурный комитетъ и не иначе можетъ быть выпущена въ свѣтъ, какъ по истеченіи трехдневнаго срока съ полученія росписки цензурнаго комитета въ принятіи экземпляровъ. Въ теченіе этихъ трехъ дней цензурный комитетъ разсматриваетъ книгу и имѣетъ право остановить выпускъ ея въ свѣтъ и наложить арестъ на все изданіе—не иначе впрочемъ

какъ начавъ въ то же самое время судебное преслѣдованіе противъ виновнаго. Снятіе ареста будетъ тогда зависѣть или отъ окончательнаго судебнаго приговора или же отъ совѣта Главнаго Управленія при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Конечно подобное наложеніе ареста производится только въ такомъ случаѣ, когда оно, по мнѣнію цензурнаго комитета, не можетъ быть отложено до судебнаго о семъ приговора, «по значительности вреда, предусматриваемаго отъ распространенія противозаконнаго сочиненія»,—но что считать значительнымъ вредомъ—на это никакихъ указаній въ законѣ нѣтъ... Мы полагаемъ, что не всѣ издатели книгъ найдутъ это правило для себя удобнымъ, и потому многіе, вѣроятно, будутъ держаться стараго порядка предварительнаго цензированія, избавляющаго ихъ отъ напрасныхъ убытковъ.—Это право ареста, предоставленное комитету, распространяется не только на книги, но и на газеты и журналы, экземпляры которыхъ доставляются комитету или за два дня (для изданій, выходящихъ болѣе одного раза въ недѣлю), или «одновременно съ приступомъ къ окончательному печатанію того нумера» (для изданій, выходящихъ разъ въ недѣлю и чаще).

Познакомивъ читателей съ главными характеристическими чертами новаго Положенія, изложимъ вкратцѣ сущность остальныхъ правилъ:

Въ указѣ сказано, что освобождаются отъ предварительной цензуры въ обѣихъ столицахъ (слѣдовательно не въ провинціяхъ) всѣ выходящія донынѣ въ свѣтъ повременныя изданія, коихъ издатели сами заявятъ на то желаніе. Что же касается до всѣхъ могущихъ вновь возникнуть журналовъ и газетъ, то кромѣ необходимости для нихъ испрашивать у г. министра внутреннихъ дѣлъ разрѣшенія на изданіе—отъ министра же «зависитъ дозволить изданіе безъ цензуры или подъ условіемъ предварительной цензуры».—Затѣмъ далѣе сказано, что освобождаются отъ цензуры, но только въ столицахъ, всѣ оригинальныя сочиненія объемомъ не менѣе 10 печатныхъ листовъ и переводы не менѣе 20 печатныхъ листовъ. Здѣсь не пояснено, необходимо ли для этого освобожденія—собственное желаніе самихъ издателей книгъ? Но это очевидно по смыслу всего новаго Положенія и по тому наконецъ, что учрежденіе предварительной цензуры остается во всей силѣ и въ полномъ составѣ. Такому же освобожденію отъ цензуры, но уже повсемѣстному, подлежатъ всѣ изданія правительственныя, ученыхъ обществъ и установленій, на древнихъ классическихъ языкахъ и переводы съ оныхъ... Желательно было бы знать, въ какой степени распространяется это правило и на неоффиціальные отдѣлы правительственныхъ періодическихъ изданій?

Завѣдываніе дѣлами цензуры и печати вообще сосредоточивается при Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, подъ высшимъ наблюденіемъ ми-

нистра, во вновь учреждаемомъ Главномъ по симъ дѣламъ Управленіи, которое состоитъ изъ начальника Главнаго Управленія, назначаемаго и увольняемаго Высочайшимъ указомъ Сенату по представленію министра внутреннихъ дѣлъ, и изъ Совѣта, состоящаго изъ членовъ, назначаемыхъ тѣмъ же порядкомъ, и изъ находящихся налицо въ С.-Петербургѣ предсѣдателей цензурныхъ комитетовъ. Въ этотъ же совѣтъ поступаютъ жалобы на цензурные комитеты, дѣла по наблюденію какъ за дѣйствіями цензурныхъ комитетовъ, такъ и за произведеніями печати, выходящими безъ цензуры, дѣла о «предостереженіяхъ», о «возбужденіи судебнаго преслѣдованія» и пр. Впрочемъ возбужденіе судебнаго преслѣдованія лежитъ прежде всего на обязанности самихъ цензурныхъ комитетовъ.

На перемѣну редактора въ періодическомъ изданіи испрашивается каждый разъ особое разрѣшеніе г. министра внутреннихъ дѣлъ, съ соблюденіемъ довольно сложныхъ формальностей. Издатели періодическихъ изданій, изъятыхъ отъ дѣйствія предварительной цензуры, обязываются внести въ Главное Управленіе залогъ въ слѣдующемъ размѣрѣ: выходящія не менѣе шести разъ въ недѣлю 5000 рублей, а всѣ остальныя—2500 руб. Изданія академіи и университетовъ отъ залога избавлены. Залогъ употребляется на удовлетвореніе денежныхъ штрафовъ, и послѣ каждаго штрафа долженъ быть пополненъ не менѣе какъ въ 14-ти-дневный срокъ (для изданій, выходящихъ болѣе двухъ разъ въ мѣсяцъ). Въ случаѣ прекращенія газеты или журнала, залогъ выдается издателю обратно не прежде, какъ по истеченіи года со дня выхода послѣдняго нумера.

Право, предоставленное министру: дѣлать періодическимъ изданіямъ три предостереженія, изъ которыхъ третье пріостанавливаетъ выходъ изданія срокомъ до 6-ти мѣсяцевъ,—«распространяется въ одинаковой силѣ и на изданія, арендуемыя у правительственныхъ или ученыхъ учрежденій».—Прекращенное изданіе можетъ быть возобновлено не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія г. министра внутреннихъ дѣлъ.

Отвѣтственность за содержаніе помѣщенныхъ въ періодическихъ изданіяхъ статей обращается во всякомъ случаѣ, какъ на главнаго виновника, на редактора изданія. Дѣла по нарушенію постановленій о печати вѣдаются въ качествѣ суда первой степени въ особыхъ присутствіяхъ уголовной палаты, образуемыхъ для сего въ С.-Петербургѣ и Москвѣ. Срокъ для возбужденія судебнаго преслѣдованія назначается, «со дня совершенія нарушенія», годовой. При назначеніи наказанія за преступленія и проступки печати, опредѣленные въ 1-й части Уголовнаго Уложенія, суду предоставляется право смягчать наказанія одною или нѣсколькими степенями и даже переходить къ высшей степени ближайшаго низшаго рода наказаній...

Независимо отъ преступленій и проступковъ, судимыхъ по Уголовному Уложенію, исчислено еще шесть случаевъ судебнаго преслѣдованія. Между ними замѣчательны слѣдующіе:

1) «За прямое оспариваніе или порицаніе началъ собственности и семейнаго союза съ намѣреніемъ разрушить или ослабить ихъ основы, хотя бы при томъ не было возбужденія къ совершенію преступленія», налагается штрафъ не свыше 300 руб. или арестъ не свыше 6 недѣль... Если бы насъ судили гг. Заочные, Наличные всѣ сотрудники бывшей газеты «Вѣсть», то нѣтъ никакого сомнѣнія, они бы подвергли насъ не одинъ разъ аресту и штрафу, равно какъ и всѣхъ защищающихъ, по смыслу Положенія 19 Февраля, права крестьянъ на поземельный надѣлъ,—права, совершенно несогласныя съ понятіемъ вышеупомянутыхъ господъ, да и многихъ иностранныхъ экономистовъ — о началахъ собственности!!

2) «За всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ или обществѣ или установленіи такого обстоятельства, которое можетъ повредить ихъ чести, достоинству или доброму имени», виновный подвергается денежному взысканію не свыше пятисотъ рублей или же заключенію въ тюрьмѣ отъ трехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ, или обоимъ наказаніямъ вмѣстѣ; а «за всякій оскорбительный отзывъ, выражающій въ себѣ злословіе или брань, но безъ указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства»,— штрафу не свыше 300 руб. и заключенію въ тюрьмѣ не свыше 6 мѣсяцевъ или аресту въ соотвѣтственномъ размѣрѣ. Если перваго рода оскорбленіе, т. е. съ указаніемъ позорящаго обстоятельства, «касается служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію правительства или по выборамъ», то редактору предоставляется право представлять въ судъ имѣющіяся въ его рукахъ письменныя доказательства. Если же оскорбленіе какого бы то ни было рода касается частныхъ лицъ, то этого права обвиняемому въ оскорбленіи — ни въ какомъ случаѣ не предоставляется...

Мы признаемъ необходимость огражденія личности,—уваженіе къ которой такъ мало развито въ нашей литературѣ,—но вновь изданныя правила, при строгомъ ихъ примѣненіи, могутъ, какъ намъ кажется, совершенно уничтожить возможность такъ называемой обличительной гласности, которая все же принесла нѣкоторую пользу нашему обществу...

Для дальнѣйшихъ подробностей отсылаемъ читателей къ самому новому Положенію, ниже нами перепечатываемому.

По поводу перваго выхода «Дня» безъ цензуры.

«День», 11-го сентября 1865 г.

Наконецъ-то!.. Сегодняшній № выходитъ безъ предварительной цензуры. Сегодня, принимаясь за передовую статью, мы знаемъ, что прочтемъ ее въ печати въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ мы ее напишемъ. Сегодня мы не обязаны соображаться съ вкусомъ, доблестью и міросозерцаніемъ «господъ, команду на заставахъ и шлагбаумахъ имѣющихъ» (какъ писалось въ старинныхъ паспортахъ). Сегодня кошемаръ, во образѣ цензора, не станетъ мѣшать нашей работѣ, спирать духъ, давить умъ и задерживать перо,—и мы получаемъ неслыханное и невиданное право: не лгать, не кривить словомъ, говорить не фистулой, а своимъ собственнымъ, природнымъ голосомъ...

Не благоразумнѣе ли было бы, однако, — этого требовалъ бы, можетъ быть, и политическій тактъ, — вступить въ пользованіе новыми правами горделиво и важно, не поминая стараго ниже однимъ словомъ, не показывая и виду особенной радости, прикинувшись даже, достоинства ради, нѣсколько равнодушнымъ или хладнокровнымъ?..

Можетъ быть оно и благоразумно, но намъ кажется, что таковая, впрочемъ довольно дешевая, мудрость едвали была бы умѣстна уже потому, что она грѣшитъ противъ искренности. А именно искренности, благодаря предварительной цензурѣ, и недоставало до сихъ поръ нашему печатному слову,—именно правомъ на искренность мы и должны дорожить выше всего въ новомъ цензурномъ порядкѣ! Намъ нечего таить, нечего стыдиться сознать открыто и прямо, что положеніе, въ которое вступаетъ теперь Русское печатное слово, есть положеніе для него совершенно новое и небывалое; намъ не только нечего скрывать и стыдиться своей радости, или опасаться, чрезъ выраженіе радости, уронить свое достоинство, но было бы даже стыдно не порадоваться освобожденію слова, хотя еще и далеко не полному, изъ долгаго, долгаго, тягостнаго плѣна. Но не было ли бы, однако, дѣломъ великодушія пощадить отъ упрековъ прежній порядокъ и предать забвенію старое?..

Мы не будемъ великодушны. Мы считаемъ такое великодушіе неумѣстнымъ. Мы поминаемъ лихомъ,—мы не можемъ, мы не должны не помянуть лихомъ того страшнаго стѣсненія, которому такъ долго подвергалась Русская печать,—равно какъ не можемъ и не должны оставлять безъ рѣшительнаго осужденія всякій положительный существенный вредъ, наносимый духовному развитію Русскаго общества, всякое посягательство на истину и извращеніе правды. Къ тому же это «старое» еще вовсе не есть что-либо окончательно отжившее и схороненное, чему бы можно было пожелать — почивать съ миромъ; напротивъ, оно

еще живетъ, обнаруживаетъ и обнаружитъ еще не разъ живучесть своего принципа, хотя и подъ другими формами. Такимъ образомъ этотъ принципъ продолжаетъ еще заслуживать полной и строгой оцѣнки... Прежній цензурный порядокъ внесъ *кривду* въ область самого печатнаго слова. Мало было намъ кривды во всемъ строѣ нашего общественнаго развитія,—мы добились до того, что самыя слова искривились у насъ въ своемъ значеніи и получили иносказательный смыслъ, что писатель искусился и успѣвалъ проводить свою мысль въ публику—такъ сказать воровски, между строкъ; что между читателемъ и авторомъ установился условный языкъ обиняковъ, намековъ, вразумительный только имъ обоимъ и недоступный даже для цензуры. Авторъ, садясь за работу, думалъ уже не о томъ, чтобы какъ можно яснѣе выразить свое искреннее убѣжденіе, или чтобъ какъ можно полнѣе и отчетливѣе передать на общій судъ свою доктрину, а только о томъ, чтобы какъ-нибудь протащить свою мысль контрабандой сквозь цензурную стражу,—и мысль тихонько прокрадывалась, закутанная въ двусмысленные обороты рѣчи! Понятно, что чѣмъ благонамѣреннѣе была мысль, чѣмъ сильнѣе сознавалъ писатель ея правоту, чѣмъ выше ставилъ достоинство истины, которой служилъ, тѣмъ невыносимѣе былъ для него этотъ унизительный путь—годный и приличный только для лжи, для кривды, для ночнаго вора. Весь пріемъ сочинительства носилъ на себѣ отраженіе существующаго порядка; мысль была запугана, умъ сталъ робокъ, и его полетъ невольно соразмѣрялся короткому размѣру той привязи, на которой держала его своенравная прихоть цензора. Нравственныя пытки, которымъ при предварительной цензурѣ подвергался писатель, могутъ быть сравнены развѣ только съ пыткой художника кисти или карандаша, когда непрошенный цѣнитель мазнетъ толстымъ пальцемъ по его свѣжему рисунку и невысохшимъ краскамъ. Писатель зависѣлъ не отъ какихъ-либо общихъ, однажды установленныхъ правилъ,—которыя и установить для живой, какъ міръ разнообразной, какъ море волнующейся человѣческой мысли, нѣтъ никакой возможности,—а зависѣлъ отъ чужаго ума, чужаго вкуса, на казенномъ жалованьи приставленнаго къ нему въ опекуны и судьи. Языкъ, слогъ, внѣшняя форма выраженія—все систематически стушевывалось, обезцвѣчивалось, изувѣчивалось, теряло, такъ сказать, свою мужескую силу подъ операціей, производимой надъ сочиненіемъ усердною рукою чиновника!.. Слово, изъ-подъ цензорскихъ рукъ, послѣ долгой и упорной изъ-за него борьбы автора съ цензоромъ, вырывалось на свѣтъ Божій взъерошенное, растрепанное, искалѣченное, помятое,—и привѣтствовалось публикою какъ тріумфъ побѣды, вкушалось съ жадностью какъ запрещенный, тайный, заманчивый плодъ... Всякій намекъ отыскивался читателями внимательно, всякое неясное выраженіе освѣщалось двусмыслен-

нымъ свѣтомъ, нерѣдко совершенно не тѣмъ, который придавалъ ему самъ авторъ. Вкусъ публики былъ совершенно извращенъ: ей уже не нравилась трезвая спокойная рѣчь, она казалась ей слишкомъ прѣсною,—ей нужна была пряность. Весь тонъ литературы повихнулся, сошелъ на фальшь, которую не могли заглушить для чуткаго слуха ни мажорный тонъ, ни барабанный торжественный маршъ нашихъ оффиціальныхъ, или, вѣрнѣе сказать, нашихъ странныхъ — въ два цвѣта, оффиціальный и неоффиціальный—издающихся газетъ! Писатели тѣмъ не менѣе, какъ мы уже сказали, успѣвали все-таки проводить свои убѣжденія, но они являлись передъ публикой какъ бы въ кривомъ зеркалѣ или на выворотъ: полнота истины искажалась, ея красота обезображивалась, ея прямизна изламывалась; безобразіе лжи, напротивъ того, охорашивалось, выглаживалось—стараніями самой литературной полиціи: уродливые размѣры скрадывались,—кривизна выпрямлялась. Цензура великодушно спасала ложь отъ самоубійства, къ которому несомнѣнно пришла бы она при свободномъ ея изложеніи; цензура слѣпо убивала сама—всякое открытое противодѣйствіе лжи со стороны истины, полагая преграды свободѣ честнаго пера, или лишая послѣднее возможности бороться съ ложью равнымъ оружіемъ одинаково свободной рѣчи...

Стѣсненіе слова имѣло необъятныя послѣдствія для нашего общественнаго развитія. Нуженъ теперь уже не мерцающій, не мигающій, а прочный свѣтъ свободы для того, чтобъ излѣчить весь тотъ вредъ, который проникъ, благодаря этому стѣсненію, въ самый духовный составъ Русскаго общества. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ представляетъ даже до сихъ поръ наша періодическая литература,—на которой, какъ извѣстно, воспиталась преимущественно наши молодыя поколѣнія за послѣднія 15—20 лѣтъ? Какіе-то лоскутья, обрѣзки знаній и мнѣній, предлагавшіеся въ видѣ журнальныхъ статей, при чемъ цензурная строгость служила для журналовъ постояннымъ оправданіемъ, иногда даже и несправедливымъ,—какіе-то намеки, полу-слова̀, которыми питалась и питается молодежь, не узнавая въ полнотѣ ни истины, ни лжи. Цензура поддерживала въ обществѣ чувство раздраженія и сама по себѣ уже побуждала къ оппозиціи. Впрочемъ въ этой оппозиціи не было ничего политическаго, потому что желать свободы слова—не значитъ еще посягать на принципъ власти; потому что свобода слова, вопреки ходячему мнѣнію, не есть какое-либо политическое право, а такое же право, какъ свобода ходить, двигаться, владѣть руками, и подлежитъ равнымъ съ нею ограниченіямъ. Вообще нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ смотрѣть на наши внутренніе общественные и земскіе вопросы сквозь призму западно-европейскихъ теорій и наводить на нихъ политическій колоритъ, котораго въ сущности въ нихъ нѣтъ вовсе,—хотя этого не

видятъ ни наши высшіе административные дѣятели, ни тѣ, которые пытаются взлѣзть на пьедесталъ оппозиціи! Русской землѣ предстоитъ доказать, что свобода мнѣнія и выраженія его въ словѣ совмѣстна съ полною свободою дѣйствій, предоставленной народомъ верховной государственной власти, что идеалъ Русской земли не допускаетъ никакихъ лживыхъ компромиссовъ, никакихъ условныхъ сдѣлокъ и ограниченій, кромѣ того взаимнаго нравственнаго самоограниченія, которое естественно возникаетъ изъ взаимодѣйствія области нравственной духовной свободы и области внѣшней условной правды,—сферы свободной мысли и слова, чуждыхъ всякаго принудительнаго значенія, и сферы свободнаго внѣшняго дѣйствія, сферы политической власти—не стѣсненной ничѣмъ въ своихъ отправленіяхъ. Но мы не станемъ говорить теперь вскользь объ этомъ важномъ предметѣ. Скажемъ только, что необходимо, по нашему мнѣнію, чтобы сознаніе вреда, происходившаго до сихъ поръ отъ стѣсненія слова, вполнѣ проникло въ нашу правительственную среду. Будемъ надѣяться, что возвратъ къ этому вреду сталъ уже невозможенъ, что все шире и шире будутъ раздвигаться предѣлы искренности въ Русскомъ печатномъ и устномъ словѣ. Будемъ надѣяться, что самая свобода, даруемая теперь печати, станетъ дѣйствительной правдой, а не *подобіемъ*...

Подобіе правды! Неужели намъ еще не надоѣло подобіе? Всмотритесь пристальнѣе кругомъ себя,—что вы увидите? Толпу призраковъ, тѣней, или, вѣрнѣе сказать, *подобій;* вы окружены *подобіемъ* всего—живаго, дѣйствительнаго, реальнаго, но только подобіемъ,—а вовсе не самымъ этимъ живымъ, дѣйствительнымъ, реальнымъ. Все у насъ существуетъ *будто бы;* ничто не кажется серьознымъ, настоящимъ, а имѣетъ видъ чего-то временнаго, поддѣльнаго, показнаго, и все это отъ самыхъ мелкихъ явленій до крупныхъ. У насъ *будто бы* есть и законы, и даже пятнадцать томовъ Свода Законовъ, обнимающихъ всѣ отрасли управленія, регламентирующихъ всѣ отправленія государственной и общественной жизни, а между тѣмъ половина этихъ управленій въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, а законы не уважаются. У насъ есть очень либеральныя учрежденія, такія либеральныя, что либеральнѣе ихъ нѣтъ въ цѣлой Европѣ, но и это все *будто бы*, всѣ эти либеральныя права не вносятъ въ общественную жизнь, и просто даже въ душу отдѣльныхъ людей, никакой животворной свободы,—все исполняется по наружности, все либеральничаетъ по формѣ и данному образцу, а плоды порождаетъ, какъ изведано опытомъ, самые непригодные!—Мы чуть не восторженно привѣтствовали отмѣну тѣлесныхъ наказаній, но однакоже лишены права сказать, что тѣлеснаго наказанія въ Россіи не существуетъ:—его *будто бы* нѣтъ, и дѣйствительно нѣтъ по суду, но оно есть, да и въ какомъ еще широкомъ размѣрѣ, налагаемое по усмо-

тренію полицейской власти! Правительство истощается въ благородныхъ усиліяхъ, желая создать какую-нибудь живую деятельную силу въ обществе, но и тутъ успеваетъ создать только—видимость... Подобіе правосудія, подобіе муниципалитетовъ (на самомъ деле признающихъ свои муниципальныя права за повинность, отъ которой муниципалы спешатъ уклоняться), подобіе самоуправленія (примеръ городскихъ думъ въ столицахъ, не смеющихъ израсходовать двухъ рублей съ полтиной безъ разрешенія начальства); подобіе просвещенія, подобіе науки, подобіе классическаго образованія, подобіе университетовъ,—подобіе либерализма, прогресса, независимости церкви, порядка, общественной силы, общественныхъ действительныхъ интересовъ, общественнаго мненія,—подобіе самостоятельности у публицистовъ, подобіе правды въ отчетахъ, подобіе жизни!.. Пожалуй, явится скоро у насъ подобіе народности и подобіе «политической» свободы! Въ древней Руси не было никакого *подобія*,—все было правдой, хотя бы и самою некрасивой; въ крестьянской Руси также нетъ покуда «подобія», нетъ желанія казаться не темъ, чтò она есть; но очень можетъ быть, что, съ успехами нашей цивилизаціи, и въ крестьянскія общества, въ крестьянскіе суды и управы также заберется эта страсть къ подобіямъ... Намъ часто приходитъ на память одно волостное правленіе, которое во время оно пришлось намъ *ревизовать*, по службе, въ одномъ изъ самыхъ отдаленныхъ концовъ нашего отечества: въ избе волостнаго правленія стоялъ шкапъ съ 24 ящиками, изъ которыхъ на каждомъ приклеенъ былъ ярлычокъ съ надписью: «народное продовольствіе», «народное просвещеніе», «народное хозяйство», и т. д.—всего 24 надписи; каждый ящикъ былъ пустъ и въ немъ лежалъ листъ белой бумаги. Конечно это сравненіе во многомъ преувеличено, и ужъ въ особенности насчетъ белаго листа: у насъ исписанной бумаги, напротивъ, столько, что ею можно было бы устлать всю поверхность Россійской имперіи,—но въ некоторыхъ отношеніяхъ это сравненіе, къ несчастію, довольно верно.

Но нигде это подобіе такъ не оскорбительно, какъ въ области печати—въ области публицистики и журналистики. Между темъ есть некоторыя газеты, которыя, съ надутымъ самодовольствомъ, въ последнее время безпрестанно восклицали: «наша *пресса*», «Русская пресса», «отечественная пресса», и при этомъ расшаркивались и раскланивались съ видимымъ чувствомъ достоинства, съ развязностью *почти* свободнаго человека! Действительно, некоторыя наши газеты, всего более толкующія о прессе, усвоили себе аллюры такіе либеральные, что ихъ можно было и впрямь счесть за вполне независимыя, и даже совсемъ забыть про существованіе XIV тома Свода Законовъ... Но какое это было печальное и даже вредное заблужденіе! Все это похоже на детскія игры, где дети представляютъ изъ себя большихъ, нападающихъ

и защищающихся. Такъ и кажется, что кто-то сказалъ имъ, этимъ газетамъ,—или что онѣ сами себѣ распредѣлили роли: ты будь оппозиція, лѣвой стороною, а я будто бы независимою, самостоятельною, правою стороною, а ты будь центромъ, и всѣ хоромъ возопіемъ: «наша пресса, наша отечественная пресса»!—Какая тутъ пресса, и можно ли серьезно толковать о нашей прессѣ, когда (мы знаемъ это по опыту) никто не излагалъ правды вполнѣ такъ, какъ ее понимаетъ, не выражалъ всего того, что̀ хотѣлъ бы сказать,—когда у насъ въ такомъ ходу темныя иносказанія и запутыванія смысла... Конечно, прежде не было даже и *подобія* прессы,—авось хоть теперь явится *настоящая* журнальная дѣятельность! Но дѣло идетъ не объ одной журналистикѣ. Съ совершаемой нашимъ правительствомъ перемѣною въ законахъ о печати придется чуть ли не всѣхъ Русскихъ авторовъ издавать вновь въ ихъ *настоящемъ* видѣ, а иностранныхъ переводить снова въ надлежащей полнотѣ... Неужели же и теперь, повторяемъ, будетъ у насъ только *подобіе* свободы слова, а не ея дѣйствительная, истая *правда?*

Правды, правды!—вотъ чего намъ недостаетъ, вотъ что̀ намъ особенно нужно! Пусть міръ подобій замѣнится міромъ правды! Правда необходима намъ въ самомъ широкомъ смыслѣ, не только правда на судѣ, а правда слова, чувства,—правда развитія, правда взаимныхъ отношеній земли и государства, общества и правительства. И это не значитъ, чтобъ люди перестали лгать и чтобъ мы мечтали о такой золотой эпохѣ, гдѣ бы и лгуновъ не было. Совсѣмъ нѣтъ. Мы говоримъ о такомъ состояніи общества, гдѣ каждый можетъ и имѣетъ право *быть правдивымъ*, если захочетъ; гдѣ не стѣснена мысль, гдѣ она развивается и выражается безбоязненно, гдѣ мнѣніе искренно и не робко, гдѣ, однимъ словомъ, не трусятъ правды. Этотъ недостатокъ правдивости въ Русскомъ обществѣ и вообще въ Русской жизни, эта непривычка высказывать свою мысль со всею откровенностью, во всей ея полнотѣ, безъ унизительныхъ для нея двусмысленностей, оговорокъ и иносказаній, затрудняетъ не только развитіе нашей общественности, но и ходъ государственныхъ отправленій.

Теперь изъ этого, повидимому, безвыходнаго круга открываетъ выходъ само правительство — предоставляя свободу печатному слову. Благодарность же ему! При свободѣ критики дѣлается возможною и хвала—не опасаясь быть смѣшанною съ лестью, и мы рѣшаемся напечатать здѣсь стихи покойнаго К. С. Аксакова, найденные нами въ его бумагахъ, никогда не предназначавшіеся для печати и потому не отдѣланные, и написанные, кажется, въ самомъ началѣ дѣла освобожденія крестьянъ, предпринятаго Государемъ. Теперь, думаемъ, приспѣло время, когда можетъ смѣло раздаться этотъ замогильный искренній голосъ искреннѣйшаго изъ людей, видѣвшаго только зарю свободы и не

дождавшагося ея солнца!.. Но точно ли, точно ли уже дождались мы солнца? точно ли исчезли и послѣднія тѣни ночи и насталъ честный бѣлый день?..

Вотъ эти стихи:

«Въ Россію вѣруя, на бой съ лукавой ложью,
Въ честь правды и добра, безъ страха Ты идешь;
Вѣрь въ истину и свѣтъ, люби свободу Божью:
Свѣтъ нуженъ истинѣ, мракъ—прикрываетъ ложь.
Любовь и истину дать Русь Тебѣ готова;
Любовь и истина надежнѣй всякихъ узъ;
Ты возвратишь, о Царь, землѣ свободу слова,
И Богъ благословитъ съ народомъ Твой союзъ!..

Слухи объ усиленіи строгости духовной цензуры.

«День», 18-го сентября 1865 г.

Въ прошлый разъ мы говорили о томъ, какъ необходимо Россіи неограниченное *право правды*,—какъ только правда, одна лишь широкая правда, въ состояніи спасти насъ, уврачевать язвы нашего общественнаго организма и возстановить его нравственныя силы. Начало водворенія правды уже положено отчасти въ новомъ законодательствѣ о печати, но это законодательство нисколько не распространяется на книги и изданія духовнаго содержанія и на такъ называемую «цензуру духовную». А между тѣмъ извѣстно, что не только нѣтъ ничего строже цензуры духовной, но что и вообще, къ прискорбію, нигдѣ такъ не боятся правды, какъ въ области нашего церковнаго управленія, нигдѣ младшіе такъ не *трусятъ* старшихъ, какъ въ духовной іерархіи, нигдѣ такъ не въ ходу «ложь во спасеніе», какъ тамъ, гдѣ ложь должна бы быть въ омерзѣніи. Нигдѣ, подъ предлогомъ змѣиной мудрости, не допускается столько сдѣлокъ и компромиссовъ, унижающихъ достоинство церкви, ослабляющихъ уваженіе къ ея авторитету. Все это происходитъ, главнымъ образомъ, отъ недостатка вѣры въ силу истины, а главное отъ смѣшенія понятій: церковнаго съ государственнымъ, *кесарева* съ *Божьимъ*. Многіе смотрятъ у насъ на церковь, какъ на одну изъ государственныхъ функцій, какъ на часть государственнаго организма, которой отправленія не самостоятельны сами по себѣ и не сами для себя существуютъ, а подчинены общей цѣли этого организма, предназначены соображаться съ его задачею, съ его общимъ строемъ. Такое мнѣніе не только ложно, но и совершенно вредно въ практическомъ примѣненіи. Это значитъ смѣшивать царство не отъ міра сего

съ царствомъ отъ міра, поставлять вѣчное въ зависимость отъ временнаго, непреложное отъ случайнаго, внутреннее отъ внѣшняго, безусловное отъ условнаго, свободу безсмертнаго духа отъ грубой плотской силы. Церковь не можетъ и не должна служить государственнымъ видамъ и соображеніямъ, и никакимъ постороннимъ цѣлямъ, кромѣ одной цѣли, указанной ей ея единымъ главою—Христомъ, и въ ней самой содержащейся. Отношенія церкви къ государству вполнѣ опредѣлены христіанскимъ ученіемъ. Оно учитъ выплачивать государству слѣдующій ему динарій, молиться за право-правящихъ, вообще *бояться* только Бога и *чтить* земную предержащую власть, повинуясь ей во всемъ, что̀ относится до *ея* области. Если церковь настаиваетъ на исполненіи гражданами своихъ обязанностей, то не потому, что это выгодно для государства, а потому, что это требуется (и притомъ только въ той мѣрѣ, въ какой требуется) самимъ Христовымъ Завѣтомъ. Она имѣетъ въ виду не гражданъ, а членовъ церкви, общество не политическое, а общество вѣрующихъ. Она побуждаетъ послѣднихъ къ совершенію только своего *христіанскаго* долга, и только съ этой точки зрѣнія смотритъ на долгъ въ отношеніи къ государству, но во всякомъ случаѣ обязываетъ вѣрующихъ воздавать кесарю что̀ принадлежитъ кесарю. Церковь не можетъ снизойти на степень государства, не измѣнивъ своему основному характеру, не утративъ своей свободы и святости, съ одной стороны,—не стѣснивъ, съ другой стороны, свободы и правильности государственныхъ отправленій. Государство не должно себѣ присвоивать ни авторитета, ни аттрибутовъ церкви, ни дѣлать церковь подчиненнымъ себѣ орудіемъ: иначе оно внесетъ ложь и лицемѣріе, какъ въ свою сферу, такъ и въ сферу церковную, и подорветъ авторитетъ церкви. Исторія указываетъ намъ не мало примѣровъ — какимъ зломъ вѣнчалось всегда вмѣшательство церкви въ дѣла государства, соединеніе власти духовной съ властью свѣтской, совмѣщеніе въ одной рукѣ меча духовнаго съ мечомъ государственнымъ,—однимъ словомъ, облеченіе церкви въ доспѣхи государственнаго могущества. Церковь въ такомъ случаѣ перестаетъ быть церковью и сама себя добровольно отрицаетъ, низводя себя на ступень «царства отъ міра сего». Точно также и государство, если бы вздумало присвоивать себѣ значеніе и власть церкви, если бы взялось быть судьею и рѣшителемъ вѣры, внесло бы въ церковь элементъ совершенно инородный, чуждый, ограничило бы безпредѣльную духовность вѣры, овнѣшнило бы, огрубило бы ее, однимъ словомъ, исказило бы самое существо церкви. Внося элементъ внѣшней силы туда, гдѣ все должно истекать изъ внутренняго свободнаго убѣжденія, государство по необходимости должно было бы ограничиться одною внѣшностью, ибо область внутренняя ему недоступна, ибо только за однимъ внѣшнимъ проявленіемъ способно слѣдить государство. Поэтому въ

области вѣры, въ области чисто духовной, внѣшнему данъ былъ бы перевѣсъ надъ внутреннимъ и тѣмъ самымъ умерщвлялось бы внутреннее,—вѣчная, безусловная божественная истина была бы задушена условною правдой государственной, низведена на степень «казеннаго интереса» и заклеймена штемпелемъ казенности. Такимъ образомъ результатъ въ обоихъ случаяхъ былъ бы одинаковый, т. е. и тогда, когда бы государство вздумало исправлять должность церкви, и тогда, когда бы церковь захотѣла облечься въ доспѣхи государственные. Это послѣднее мы понимаемъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, не только въ смыслѣ похищенія себѣ церковью власти государственной, но и въ смыслѣ заимствованія у государства его внѣшней силы для распространенія и охраненія истинъ вѣры,—въ смыслѣ внесенія въ область церкви, самою церковью, государственныхъ пріемовъ, мѣръ, способовъ—вообще элемента полицейско-государственнаго.

Предположимъ такой случай: народъ, признавая цѣну водки слишкомъ высокою и пьянство для себя разорительнымъ, составляетъ общественные приговоры, которыми обязуется хранить воздержаніе и которые, по его требованію, скрѣпляются священниками. Это воздержаніе убыточно для откупщика, слѣдовательно и для доходовъ казны. Предположимъ, что администрація, желая сломить упорную воздержность народа, выгодную для его нравственности, но невыгодную для казны, прибѣгла бы, чрезъ посредство церковнаго управленія, къ авторитету священниковъ, съ тѣмъ чтобы послѣдніе препятствовали составленію подобныхъ общественныхъ приговоровъ — подъ тонкимъ и ухищреннымъ предлогомъ, будто они противны свободѣ личной совѣсти и т. п. И вотъ, во имя Бога и злоупотребляя кощунственно текстами Св. Писанія, стали бы священники препятствовать народному рѣшенію воздержаться отъ пьянства. Спрашиваемъ, чѣмъ должны были бы показаться народу такіе священники? Конечно, не болѣе, какъ подобострастными чиновниками, а не какъ служителями алтаря. Не явилась ли бы въ такомъ случаѣ церковь—раболѣпнымъ подчиненнымъ орудіемъ казны и не унизилась ли бы ея святость? Не сама ли она содѣйствовала бы къ подрыву вѣры въ народѣ? Читателямъ такой случай покажется невѣроятнымъ. Предположимъ другой случай: не государство церковь, а церковь призываетъ себѣ государство на помощь: напр. если бы церковь, помощью государственныхъ полицейскихъ средствъ, стала загонять людей въ храмы Божіи и заставлять ихъ насильно вѣровать въ Бога или исполнять обряды и постановленія церкви, говѣть, причащаться и т. д. Что̀ породило бы такое примѣненіе государственнаго начала и пріемовъ къ дѣлу вѣры? Кажется, не нужно и объяснять: ложь, обманъ, лицемѣріе, неуваженіе къ церкви и охлажденіе къ вѣрѣ.

Еще худшее зло было бы порождено подобнымъ полицейскимъ тре-

бованіемъ церкви, распространеннымъ на область мысли и слова. Понятно, что государство, какъ выраженіе условной формальной правды, во внѣшнихъ формахъ почерпая силу, завися отъ нихъ своимъ бытіемъ,—понятно, что оно принимаетъ мѣры для своего огражденія даже въ сферѣ внѣшняго выраженія мысли, т. е. публичнаго слова, что оно старается предупредить проступки, преступленія и въ этой сферѣ, какъ и во всякой другой, тѣми же полицейскими средствами, какія единственно, по самому существу его, ему доступны. Но отношеніе церкви къ слову должно быть совершенно иное. Если гдѣ-либо можетъ быть допущенъ полный просторъ слова (пока оно не выходитъ изъ предѣловъ слова), такъ именно въ области духа и его духовныхъ проявленій, въ области свободы по преимуществу. Христіанское ученіе есть ученіе Бога-*Слова*, его сила въ истинѣ, а сила истины въ ней самой: ея сыны—сыны свѣта и свободы, ея мечъ—свободное о Христѣ слово, которымъ она покоряетъ себѣ свободный духъ и свободную совѣсть. Отношеніе къ истинѣ можетъ быть только свободное, поэтому свобода истины уже сама по себѣ предполагаетъ свободу убѣжденія. А свобода убѣжденія предполагаетъ въ свою очередь и свободу заблужденія—съ его выраженіемъ въ словѣ, слѣдовательно свободу слова. Государство требуетъ своего динарія, и динарій долженъ ему быть уплаченъ; кесарево должно быть воздано кесарю, но Божіе принадлежитъ Богу,— а Божія вся область духа, та область, гдѣ священнодѣйствуетъ духъ человѣка въ своемъ искреннемъ стремленіи къ истинѣ. Эта область должна быть совершенно изъята отъ полицейской опеки,—кѣмъ бы ни была налагаема эта опека: свѣтскимъ ли, или хоть бы даже самимъ церковнымъ правительствомъ.

Церковь унизила бы себя, уронила бы значеніе истины, наложила бы сама оковы на свободу Христову, еслибъ вздумала, чрезъ посредство государства, накладывать оковы на совѣсть людей, на ихъ убѣжденія, на дѣятельность разума и на его свободное выраженіе,—еслибъ, напримѣръ, подчинила своей цензурѣ литературу—хотя бы только такъ называемую «духовную». Къ литературѣ вполнѣ прилагается то, что сказалъ Хомяковъ въ одной изъ своихъ статей о свободѣ преподаванія наукъ и что было бы очень полезно запомнить разъ навсегда нашимъ оффиціальнымъ охранителямъ истины: «Ученіе православной церкви, говоритъ онъ, какъ высочайшее духовное благо, какъ завѣтъ высшей свободы въ отношеніи къ разуму, свободно принимающему свѣтъ откровенія, и въ отношеніи къ волѣ, свободно подчиняющей себя законамъ безконечной любви, не только не противно свободѣ въ преподаваніи наукъ (разумѣется публичномъ), но еще требуетъ этой свободы. Всякая наука должна выговаривать свои современные выводы прямо и открыто безъ унизительной лжи, безъ смѣшныхъ натяжекъ, безъ умалчиванья, которое къ тому же слишкомъ легко можетъ быть обличено. Нѣтъ со-

мнѣнія, что показанія нѣкоторыхъ наукъ положительныхъ какъ геологія, фактическихъ какъ исторія, или умозрительныхъ какъ философія, кажутся не вполнѣ согласными съ историческими показаніями Священнаго Писанія или съ его догматическою системой. То же самое было и съ другими науками и иначе быть не могло. Науки не совершили круга своего, и мы еще далеко не достигли до ихъ окончательныхъ выводовъ. Точно также не достигли мы и полнаго разумѣнія Св. Писанія. Сомнѣнія и кажущіяся несогласія *должны* являться; но только смѣлымъ допущеніемъ ихъ и вызовомъ наукъ къ дальнѣйшему развитію можетъ вѣра показать свою твердость и неколебимость. Заставляя другія науки лгать или молчать, она подрываетъ не ихъ авторитетъ, а свой собственный». Таковъ взглядъ истинно православный, вполнѣ примѣнимый и къ отношенію церкви къ свободѣ литературнаго слова; всякой иной взглядъ противорѣчитъ чистому духу православнаго ученія,—есть посторонняя примѣсь, плевелъ, подлежащій исторженію. Всякое внѣшнее полицейское преслѣдованіе не только чуждо духу церкви по своему принципу, но и положительно вредно, потому что обличаетъ въ преслѣдующихъ робость и безвѣріе, которыя даютъ смѣлость злу и заражаютъ безвѣріемъ преслѣдуемыхъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не робость ли, не слабость ли вѣры въ истину, обнаруживаемая тѣми насильственными мѣрами огражденія истины, къ которымъ любятъ иногда прибѣгать оффиціальные представители церкви, не полицейскій ли и вообще чуждый церкви элементъ казенности, не стѣсненіе ли «свободы мнѣнія и сомнѣнія»—поселяютъ въ большей части современнаго молодаго поколѣнія такое непріязненное и невѣжественное отношеніе къ православію, и служатъ главными доводами противъ церкви со стороны такъ называемаго нигилизма? Не можемъ забыть, что только въ нынѣшнее царствованіе, и то весьма недавно, сдѣлалось возможнымъ перевесть и напечатать на Русскомъ языкѣ двѣ изъ брошюръ покойнаго Хомякова. Эти брошюры, содержащія въ себѣ самую могущественную защиту *православнаго* ученія отъ современныхъ нападеній латинской доктрины и протестантскаго раціонализма, составляющія драгоцѣннѣйшее достояніе богословской литературы, не могли быть въ свое время обнародованы въ *православной* Россіи: авторъ былъ вынужденъ издать ихъ въ Парижѣ и Лейпцигѣ. Только теперь онѣ допущены—и то, кажется, не оффиціально—*къ привозу* въ Россію. Спрашивается: кто въ этомъ случаѣ оказался наиусерднѣйшимъ пособникомъ нигилизма? Кто, какъ не маловѣрные блюстители вѣры, требующіе стѣснительныхъ полицейскихъ мѣръ и противъ свободы совѣсти въ дѣлѣ вѣры, и противъ свободнаго слова!..

Всѣ эти соображенія невольно приходятъ намъ въ голову по поводу слуховъ о новомъ проектѣ устава духовной цензуры, которые дошли до

насъ изъ Санктпетербурга. Въ то время, какъ государство, въ своей области, признало нужнымъ расширить просторъ мысли и слова,—духовное правительство, говорятъ намъ, изготовляетъ и свои предположенія о томъ же предметѣ, однакоже на началахъ не только государственныхъ, слѣдовательно чуждыхъ основаніямъ Христовой свободы, но и изъ государственныхъ началъ—на началахъ наименѣе либеральныхъ и даже несогласныхъ съ общимъ характеромъ новѣйшей дѣятельности государственной. Между тѣмъ, по нашему мнѣнію, церковь, даже при настоящемъ устройствѣ ея управленія, не нуждается ни въ какомъ цензурномъ уставѣ. Мы вполнѣ признаемъ, что собственное слово церкви, отъ нея какъ отъ церкви (а не отъ отдѣльныхъ лицъ) исходящее, носящее на себѣ характеръ каноническій, должно подлежать ея собственной, такъ сказать соборной цензурѣ, носить на себѣ печать ея одобренія, дабы не быть смѣшиваемымъ съ словомъ несоборнымъ, словомъ личнымъ: никто не долженъ имѣть права говорить отъ лица церкви, кромѣ самой церкви. Затѣмъ—не стѣсняя ничью личную свободу внѣшними средствами, она всякому не церковному слову, какъ не *ея* слову должна предоставить полный просторъ, ограждаясь отъ лжи не полицейскимъ способомъ, а способомъ проповѣди и обличенія. Она должна отвѣчать, какъ мы уже сказали, только за то слово, которое исходитъ отъ лица самой церкви, а также и за тѣ духовныя сочиненія, авторы которыхъ пожелаютъ напечатать на заглавномъ листѣ: «съ одобренія или съ благословенія Святѣйшаго Синода». Кто хочетъ снабдить свою книгу этимъ авторитетомъ, тому можетъ быть предоставлено право представить ее на разсмотрѣніе Святѣйшаго Синода,—кто издастъ безъ разсмотрѣнія и одобренія синодальнаго, тотъ, стало быть, добровольно относитъ ее къ разряду такихъ книгъ, за которыя представительство церкви не принимаетъ на себя отвѣтственности: книга, такимъ образомъ, въ глазахъ общества и всего народа лишена авторитета церковнаго, имѣетъ значеніе личнаго труда, личнаго мнѣнія. Но, къ сожалѣнію, до насъ доходятъ слухи о совершенно иномъ направленіи, которое стараются будто бы дать дѣлу о духовной цензурѣ...

Будемъ надѣяться, что слухи эти, для блага святой истины православія, для блага церкви и всего нашего общества, окажутся ложными.

По случаю возобновленія газеты «Москва» послѣ запрещенія за статьи о Прибалтійскомъ вопросѣ.

«Москва», 30-го іюня 1867 г.

Слава русскому долготерпѣнію! Послѣ трехмѣсячнаго вынужденнаго молчанія, первымъ словомъ «Москвы» пусть будетъ слово искренней признательности ея подписчикамъ. За исключеніемъ пяти или шести лицъ, никто не потревожилъ насъ требованіемъ возврата подписной суммы или инаго вознагражденія, несмотря на полную нашу готовность дать немедленное удовлетвореніе таковымъ требованіямъ; напротивъ, всѣ наперерывъ спѣшили ободрить насъ выраженіемъ довѣрія и участія. Никто не поставилъ намъ въ вину роковаго третьяго предостереженія; никто не осудилъ насъ за напечатаніе статей, упомянутыхъ въ «предостереженіи» и вызвавшихъ такой сверхобычный долгосрочный запретъ. Напротивъ, помѣщеніе этихъ статей и то, что послѣдовало за помѣщеніемъ, еще тѣснѣе скрѣпило связь между нашими подписчиками и нами. Иначе и быть не можетъ. Не говоря уже о большемъ или меньшемъ единомысліи, редакторъ и его публика соединены между собою общностью самыхъ завѣтныхъ, самыхъ святыхъ интересовъ. Свобода мысли и слова—ихъ общее достояніе, общее дѣло, и всякое административное стѣсненіе этой свободы съ такимъ же чувствомъ принимается редакторомъ, какъ и каждымъ изъ его подписчиковъ. Принятыя противъ насъ мѣры въ немалой степени содѣйствовали успѣху того самаго дѣла, которое мы защищали. Онѣ придали ему извѣстность и гласность, которыхъ именно ему недоставало, и недостатокъ которыхъ составлялъ такъ долго его слабую сторону. Онѣ, быть можетъ, даже преувеличили смыслъ нашихъ словъ и окружили ихъ ореоломъ гонимой правды. Онѣ вопросъ, доселѣ интересовавшій только немногихъ, поставили на степень всеобщаго интереса и вызвали тѣ многочисленныя заявленія сочувствія, которыя были присланы намъ отовсюду,—разумѣется не со стороны остзейскихъ бароновъ и польской шляхты и вообще такъ называемой партіи газеты «Вѣсть». Таковы практическіе результаты системы предостереженій. Превращая цензурную кару въ орудіе неправильной пропаганды, она извращаетъ спокойное, свободное и правдивое отношеніе къ истинѣ и, стѣснительная для періодической литературы, равно невыгодна и для правительства. Такая аномалія продолжаться долго не можетъ. Будемъ надѣяться, что и для русской печати наступитъ скоро свое 19-е февраля—съ «вольнымъ трудомъ» мысли и слова, съ освобожденіемъ ея отъ административной зависимости, а теперь оглянемся назадъ на истекшіе три мѣсяца нашей общественной и поли-

тической жизни. Много въ этотъ долгій срокъ случилось такого, о чемъ было бы важно для насъ замолвить кстати и своевременно свою рѣчь,—но прошлаго не воротишь,—и ограничимся тѣмъ, о чемъ и теперь сказать слово еще не поздно.

О нецѣлесообразности системы предостереженій.

«Москвичъ», 29-го декабря 1867 г.

Ни одинъ независимый органъ русской періодической печати не можетъ, конечно, сочувствовать съ тѣми мѣрами «административнаго произвола» (беремъ выраженіе, освященное оффиціальнымъ употребленіемъ, и ссылаемся на 280 № «Сѣверной Почты»), которыми поражается отъ времени до времени другой подобный же органъ печати, а съ нимъ вмѣстѣ и относительная, и безъ того уже ограниченная, свобода русскаго слова. Ни одно честное изданіе не можетъ не скорбѣть о несчастіи, постигшемъ другое изданіе, хотя бы и противоположнаго направленія, не можетъ не смущаться проявленіемъ вновь той силы, которая, дѣйствуя по личному усмотрѣнію, тяготѣетъ, какъ Дамокловъ мечъ, надъ независимостью убѣжденій и искренностью печатной рѣчи. Но при всемъ томъ,—мы увѣрены,—редакторъ пріостановленной теперь на четыре мѣсяца газеты «Москва» не оскорбится нашимъ замѣчаніемъ, что временная пріостановка его газеты имѣла свою добрую, т. е. полезную сторону. Злоключеніе, постигшее «Москву», вызвало вновь печатное обсужденіе вопроса о пригодности системы предостереженій и, какъ узнаемъ мы изъ самой «Сѣверной Почты», породило «слухи о предполагаемомъ будто бы коренномъ измѣненіи системы предостереженій». Это заявленіе «Сѣверной Почты» очень важно: оно свидѣтельствуетъ о настроеніи общественной совѣсти, очевидно неудовлетворяемой тою «несомнѣнною законностью», которая, по свидѣтельству газеты Министерства внутреннихъ дѣлъ, заключается во всѣхъ предостереженіяхъ Министерства внутреннихъ дѣлъ. Свидѣтельство несомнѣнно полновѣсное... «Много было писано, еще болѣе было говорено о мнимой неправильности тѣхъ предостереженій, которыя состоялись съ 1 сентября 1865 г. Взгляды въ отношеніи къ тексту того или другаго изъ нихъ могутъ быть различны, но *ихъ законность несомнѣнна*», провозглашаетъ «Сѣверная Почта» въ своемъ 280 №. Съ 1-го же сентября 1865 г., слѣдовательно въ теченіе двухъ лѣтъ съ небольшимъ, такихъ актовъ законности, т. е. предостереженій, состоялось, какъ сосчитала одна петербургская газета, двадцать четыре. Мы не признаемъ ни удобнымъ, ни даже нужнымъ входить въ состязаніе съ «Сѣверною Почтой» по вопросу о «законности».

Очевидно, почтенная газета разумѣетъ здѣсь законность въ особомъ, можетъ быть въ какомъ-нибудь высшемъ и болѣе широкомъ смыслѣ,— не ту, которая основана на положительномъ законѣ, ибо существенное, отличительное свойство административныхъ взысканій въ томъ и состоитъ, что имъ законъ не писанъ и что они налагаются «по личному усмотрѣнію». Иначе не зачѣмъ было бы «Сѣверной Почтѣ» и приводить подлинникомъ мнѣніе большинства коммиссіи 1863 года въ оправданіе «административнаго произвола», присущаго системѣ предостереженій, проектъ которой былъ выработанъ этою коммиссіей. Право административныхъ взысканій,—говоритъ большинство этой коммиссіи, возражая на мнѣніе меньшинства,—принадлежитъ къ числу чрезвычайныхъ мѣръ, «и потому совершенно напрасно было бы доказывать (какъ это дѣлаетъ меньшинство), что основаніемъ административнымъ взысканіямъ служитъ *произволъ*, что онъ *противенъ понятію законности* и формальной легальности, и пр. Проектъ (системы предостереженій, составленный большинствомъ коммиссіи) *не только не отрицаетъ справедливости этихъ возраженій*, а напротивъ самъ заявляетъ, на стр. 27, что «*принять за общую систему* такой порядокъ преслѣдованія *было бы несогласно съ понятіями о правильномъ законодательствѣ*» («Сѣв. Почта» № 280). Итакъ, вполнѣ соглашаясь съ мнѣніемъ большинства коммиссіи (съ которымъ соглашается и «Сѣверная Почта», ибо приводитъ его въ защиту системы предостереженій), что начало, лежащее въ основаніи этой системы, *противно* понятію законности, и принимая къ свѣдѣнію заявленіе той же «Сѣверной Почты», въ томъ же №, о «несомнѣнной законности» распоряженій, основанныхъ на этомъ началѣ, «противномъ законности»,—перейдемъ опять къ слухамъ о предполагаемомъ измѣненіи сей системы. Въ этихъ слухахъ сказался говоръ общественнаго мнѣнія; ими утѣшалась общественная совѣсть; въ нихъ выразилась потребность соглашенія дѣйствующихъ законовъ съ общественными «понятіями о правильномъ законодательствѣ», какъ выражается коммиссія 1863 года. Но на этотъ разъ «Сѣверная Почта» не нашла возможнымъ успокоить общественное мнѣніе и удовлетворить, хоть какою-нибудь надеждою, общественную потребность примѣненія къ практикѣ «понятій о правильномъ законодательствѣ». Оффиціальная газета прямо и рѣшительно объявляетъ, въ концѣ своихъ статей, что относительно системы предостереженій ни «отмѣны, ни существеннаго измѣненія теперь не предвидится».

Тѣмъ не менѣе нельзя не поблагодарить «Сѣверную Почту» какъ за оглашеніе мнѣнія коммиссіи 1862 г. и большинства коммиссіи 1863 года, вырабатывавшихъ проектъ о предостереженіяхъ, такъ и за оглашеніе нѣкоторыхъ собственныхъ взглядовъ сей газеты на тотъ же предметъ: этимъ самымъ «Сѣверная Почта» какъ бы приглашаетъ всю періо-

дическую печать къ обсужденію и оцѣнкѣ опубликованныхъ соображеній. Впрочемъ статьи «Сѣверной Почты» служатъ сами косвеннымъ отвѣтомъ на превосходную статью «Современныхъ Извѣстій» и вызваны ею. Эта «маленькая газета», какъ «Современныя Извѣстія» сами себя называютъ, кажется, одна въ литературѣ и подняла голосъ по поводу послѣдняго, третьяго, или шестаго въ теченіе 1867 года, предостереженія, даннаго газетѣ «Москва». «Современныя Извѣстія» справедливо увидѣли въ этомъ частномъ фактѣ вопросъ общій, близкій интересамъ какъ общества, такъ и самого правительства, и не касаясь самаго предостереженія, пріостановившаго изданіе «Москвы», предъявили въ своемъ 7-мъ № споръ «противъ самаго начала административныхъ взысканій, и притомъ въ формѣ, которую усвоило *пока* наше законодательство». Споръ этотъ предъявленъ газетою изъ «желанія блага странѣ, блага правительству,—изъ желанія, чтобы продолжало быть крѣпко довѣріе народа къ правительству». Статья «Современныхъ Извѣстій» доказываетъ далѣе, что «голымъ обнаруженіемъ правительственной силы не созиждется любви, что, напротивъ, любовью созидается самая сила, и что народъ нашъ потому дорожитъ силою своего правительства, что его любитъ и уважаетъ». «А предоставлять первостепеннымъ органамъ власти,—продолжаетъ далѣе газета,—право и обязанность карать по своему усмотрѣнію, возлагать на нихъ отвѣтственность въ произволѣ, значитъ ли пріумножать средства къ воспитанію въ народѣ чувства уваженія, любви, довѣрія къ правительству?» Въ тѣхъ толкованіяхъ, къ которымъ подаетъ поводъ въ публикѣ, а въ площадныхъ крикунахъ въ особенности, административная пріостановка или запрещеніе изданія, не гораздо ли большій,—спрашиваютъ далѣе «Современныя Извѣстія»—«не гораздо ли большій кроется элементъ безпорядка, чѣмъ въ самой невоздержности печати?» Эти слова, чуждыя всякаго раздраженія, проникнутыя самымъ искреннимъ желаніемъ справедливости и мира, самою несомнѣнною благонамѣренностью, и такъ тепло доказывающія вредную сторону системы предостереженій для самого правительства, оставлены «Сѣверною Почтой» безъ опроверженія. Она возразила собственно на то мѣсто статьи, гдѣ редакторъ «Современныхъ Извѣстій» доказываетъ между прочимъ, что хотя «слѣдовало бы ожидать, что административное взысканіе караетъ легче нежели судъ», но «на дѣлѣ, изъ всѣхъ наказаній, налагаемыхъ уголовнымъ закономъ, кромѣ лишенія правъ состоянія, едвали какое тяжеле третьяго административнаго предостереженія». Авторъ статьи, развивая далѣе свою мысль, спрашиваетъ: «есть ли проступокъ или преступленіе, за которое уголовная пеня равнялась бы десяткамъ тысячъ рублей? А такова пеня, налагаемая третьимъ предостереженіемъ, способная разорить издателя. Словомъ, это кара слишкомъ тяжкая, почти всегда болѣе тяжкая, чѣмъ

сама вина», и пр. На это «Сѣверная Почта» ограничилась такимъ возраженіемъ: «нельзя теперь (почему же именно «теперь»?) придавать особенную важность болѣе или менѣе гадательнымъ исчисленіямъ цифры убытковъ, которымъ подвергается пріостановленное изданіе». На какомъ основаніи «Сѣверная Почта» признаетъ исчисленія убытковъ гадательными,—это не объяснено. Оффиціальному органу печати, конечно, такіе убытки невѣдомы, но въ мірѣ неоффиціальной періодической печати эти убытки хорошо извѣстны, особенно когда газета пріостанавливается распоряженіемъ власти въ самый разгаръ подписки,—а это послѣднее обстоятельство, т. е. время подписки, не можетъ же ускользать, да конечно и не ускользаетъ, отъ проницательности начальства...

Редакторъ «Современныхъ Извѣстій», г. Гиляровъ-Платоновъ, въ подтвержденіе своей статьи, помѣстилъ мнѣніе, поданное имъ, въ качествѣ члена упомянутой выше коммиссіи 1863 г. Это мнѣніе меньшинства, т. е. г. Гилярова-Платонова и еще двухъ членовъ, хотя и признаетъ административныя взысканія «неизбѣжнымъ зломъ *на первыхъ порахъ*» (это было высказано еще *до* судебной реформы), но старается, по крайней мѣрѣ, придать системѣ этихъ взысканій характеръ перехода къ болѣе правильной системѣ взысканій по суду, *когда* новый судъ будетъ у насъ устроенъ (что̀, благодареніе Богу, уже совершилось). По мнѣнію меньшинства, Совѣтъ Главнаго Управленія по дѣламъ печати долженъ имѣть голосъ не совѣщательный только (какъ теперь), но рѣшительный, отъ министра независимый, такъ чтобъ административныя предостереженія и взысканія были налагаемы не иначе, какъ «коллегіальнымъ приговоромъ». При противномъ условіи, т. е. при единоличномъ административномъ произволѣ, «нѣтъ сомнѣнія»,—съ какимъ-то зловѣщимъ увлеченіемъ пророчило меньшинство коммиссіи,—«нѣтъ сомнѣнія, произойдетъ не одинъ случай, когда, вслѣдствіе личныхъ соображеній, будутъ даны, вопреки мнѣнію совѣта, замѣчанія періодическимъ изданіямъ, столь же противныя истиннымъ общественнымъ интересамъ, сколько и компрометтирующія правительство». Мы возвратимся въ другой разъ къ этому мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ очень замѣчательному и предлагавшему, конечно, болѣе обезпеченія печатному слову, чѣмъ мнѣніе большинства коммиссіи, а теперь перейдемъ прямо къ возраженію «Сѣверной Почты». Въ двухъ своихъ №№, 279 и 280, почтенная газета проводитъ мысль, что ничего такого, въ современномъ положеніи дѣлъ печати, не произошло, что бы не было заранѣе предусмотрѣно, взвѣшено, соображено коммиссіями 1862 и 1863 годовъ и что бы указывало на необходимость измѣненія въ выработанной тогда системѣ административныхъ взысканій, окончательно формулированной въ законѣ 6 апрѣля 1865 года. Въ подкрѣпленіе своихъ

доводовъ, «Сѣверная Почта» приводитъ, какъ мы уже сказали, подлинное мнѣніе 6-ти членовъ или большинства коммиссіи, возражающее мнѣнію меньшинства. Отлагая до другаго времени подробный разборъ аргументаціи большинства, мы рѣшаемся теперь замѣтить «Сѣверной Почтѣ», что даже самое большинство, представляя свой проектъ, признавало его мѣрою временною, чрезвычайною, сопряженною съ немалыми неудобствами, но обусловленною тогдашнимъ состояніемъ русскихъ судовъ. «Эти неудобства, говоритъ коммиссія, не могутъ быть вполнѣ устранены, *пока* судъ нашъ не получитъ окончательнаго и повсемѣстнаго устройства». Судъ нашъ, какъ извѣстно, получилъ уже окончательное устройство, и именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ сосредоточена литературная дѣятельность Россіи,—слѣдовательно никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ «Сѣверной Почты», будто *все*, что нынѣ заявляется относительно системы предостереженій (стало быть и указаніе на введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ 20 ноября), «было уже въ свое время высказано, взвѣшено и отклонено». Такое обстоятельство, какъ введеніе новаго суда, не только не было и не могло быть «отклонено», но, напротивъ, предуказано, вышеприведенными словами коммиссіи, какъ условіе упраздняющее потребность той «чрезвычайной мѣры», основаніемъ которой, по ея словамъ, «служитъ произволъ, противный понятію законности и формальной легальности». Съ своей стороны, мы позволимъ себѣ напомнить оффиціальной газетѣ подлинное выраженіе высочайшаго указа Правительствующему Сенату, повелѣвавшаго обнародовать законоположеніе о печати 6 апрѣля 1865 г. Указъ начинается слѣдующими достопамятными словами: «Желая дать отечественной печати возможныя облегченія и удобства, Мы признали за благо сдѣлать, въ дѣйствующихъ цензурныхъ постановленіяхъ, *при настоящемъ переходномъ состояніи судебной у насъ части* и впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта, нижеслѣдующія перемѣны и дополненія». Этотъ указъ состоялся *до* введенія судебной реформы; со введеніемъ же судебной реформы прекратилось, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она введена, то переходное состояніе, о которомъ говорится въ указѣ: обстоятельство не малое, которое не мѣшало бы принять хоть въ нѣкоторое соображеніе оффиціальному органу, возвѣщающему, что нѣтъ повода ожидать какихъ-либо измѣненій въ законодательной мѣрѣ, принятой правительствомъ временно и условно. Правда, «Сѣверная Почта», въ своей статьѣ 280 №, опирается болѣе на «указанія опыта», и на эти-то указанія опыта, какъ они представляются «Сѣверной Почтѣ», мы, изъ уваженія къ мнѣнію оффиціальной газеты, обязываемся, въ одномъ изъ слѣдующихъ №№, обратить достодолжное вниманіе.

О томъ же.

«Москвичъ», 31-го декабря 1867 г.

Хотя бы, казалось, и не совсѣмъ прилично говорить подъ Новый Годъ о такомъ предметѣ, какъ «предостереженія», мы однакожъ именно желаемъ покончить въ нынѣшнемъ, старомъ еще году, старые, начатые счеты съ «Сѣверною Почтой», съ тѣмъ чтобы не переводить ихъ на годъ новый и не омрачать первыхъ дней или первыхъ нумеровъ «Москвича» грядущаго лѣта разсужденіями объ административныхъ взысканіяхъ.

Основное положеніе двухъ статей «Сѣверной Почты» (279 и 280 №№) заключается въ томъ, что «ни отмѣны, ни существеннаго измѣненія» дѣйствующей нынѣ системы предостереженій не предвидится. Это положеніе «Сѣверная Почта» подкрѣпляетъ двоякою аргументаціей: во-первыхъ, тѣмъ, что всѣ современныя возраженія на систему предостереженій были уже заранѣе предусмотрѣны и не содержатъ въ себѣ ничего новаго, ничего такого, что могло бы побудить къ отмѣнѣ или измѣненіямъ; во-вторыхъ, ссылкою на указанія опыта. Газета увѣряетъ, что ни къ отмѣнѣ, ни къ измѣненію этой системы не представилось до сихъ поръ, въ теченіе двухъ слишкомъ лѣтъ ея практическаго примѣненія, никакого повода.

О первомъ аргументѣ «Сѣверной Почты» мы уже говорили въ передовой статьѣ 29 декабря, но считаемъ нужнымъ добавить еще нѣсколько словъ. «Когда законъ изданъ,—вѣщаетъ оффиціальный органъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, — изданъ въ недавнемъ времени, и притомъ изданъ послѣ продолжительнаго обсужденія, то можно было бы ожидать, что вниманіе сосредоточится на тѣхъ болѣе или менѣе неудобныхъ его частностяхъ или особенностяхъ, которыя могли не имѣться въ виду при его изданіи. Между тѣмъ все то, что̀ нынѣ заявляется относительно системы предостереженій, было уже въ свое время высказано, взвѣшено и отклонено». Въ доказательство этого «Сѣверная Почта» приводитъ, кромѣ выписокъ изъ мнѣнія коммиссіи 1862 года, подлинное пространное мнѣніе коммиссіи 1863 года, выработавшей проектъ объ административныхъ взысканіяхъ. Въ этомъ мнѣніи изложены подробно побужденія или такъ называемые «мотивы», заставившіе большинство коммиссіи предпочесть систему предостереженій проекту меньшинства и проекту г. Гилярова-Платонова. Хотя это мнѣніе преисполнено софизмовъ въ родѣ того, что нѣтъ разницы между судомъ по дѣламъ печати и личнымъ административнымъ усмотрѣніемъ, на томъ основаніи, что то и другое произволъ: «судъ есть произволъ нѣсколькихъ лицъ, облеченный въ форму», а министерское личное усмотрѣніе есть

произволъ одноличный и неформальный,—тѣмъ не менѣе мы не считаемъ нужнымъ пускаться въ подробный разборъ этихъ софизмовъ. Для насъ важно то, въ какой степени это мнѣніе можетъ служить подкрѣпленіемъ основному положенію «Сѣверной Почты». Что же мы видимъ?—Мы видимъ, что большинство коммиссіи, несмотря на всѣ свои странныя разсужденія, и начинаетъ и заканчиваетъ свой докладъ признаніемъ, что порядокъ административныхъ взысканій, какъ произволъ, «*противенъ законности*», что «*принять его за общую систему было бы несогласно съ понятіями о правильномъ законодательствѣ*»; что предлагаемая проектомъ система предостереженій есть мѣра «чрезвычайная», временная, «переходная», условная, необходимая только до тѣхъ поръ, «*пока судъ нашъ не получитъ окончательнаго устройства*».

Переходное значеніе этой системы впредь до окончательнаго устройства судебной части—выражено и въ словахъ Высочайшаго указа 6-го апрѣля 1865 года, уже приведенныхъ нами третьяго дня.

Судъ окончательно устроенъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ упраздняется и то основное, единственное условіе, которое дѣлало систему предостереженій необходимою и заключало въ себѣ весь raison d'être, смыслъ и оправданіе. Если дальнѣйшее ея существованіе и можетъ быть допущено, то по какимъ-либо инымъ причинамъ, и во всякомъ случаѣ не тѣмъ, которыя изложены въ мнѣніи большинства коммиссіи и на которыя такъ неудачно сослалась «Сѣверная Почта». Почтенной газетѣ слѣдовало бы, по крайней мѣрѣ, опровергнуть, отклонить, разъяснить, если можно, въ свою пользу этотъ условный характеръ законодательной мѣры объ административныхъ взысканіяхъ, но никакъ уже не проходить его молчаніемъ. А «Сѣверная Почта» какъ будто его и не примѣчаетъ, и такимъ образомъ, своимъ увѣреніемъ, что къ отмѣнѣ или измѣненію системы предостереженій не представилось никакого основанія, становится въ прямое, вопіющее противорѣчіе не только съ фактомъ, не только съ мнѣніемъ большинства коммиссіи, на которое ссылается такъ не кстати, но и съ подлинными словами Высочайшаго указа, опредѣлившими за закономъ 6 апрѣля характеръ временный и условный.

Покончивъ съ первою частью аргументаціи «Сѣверной Почты», перейдемъ ко второй. Не будетъ ли она удачнѣе? Здѣсь оффиціальная газета на почвѣ оффиціальной практики: какія же указанія далъ ей опытъ?

Прежде всего то, что «законность всѣхъ до сихъ поръ данныхъ предостереженій несомнѣнна»... На чемъ основано такое положительное и рѣшительное удостовѣреніе газеты Министерства внутреннихъ дѣлъ—не разъяснено. Вѣроятно—на личномъ убѣжденіи самой редакціи или автора статьи, такъ какъ другихъ никакихъ основаній въ статьѣ не предъявлено. Уважая всякое личное убѣжденіе, если оно

искреннее, — а въ искренности оцѣнки, дѣлаемой «Сѣверною Почтой» двадцати четыремъ предостереженіямъ, исшедшимъ, въ теченіе двухъ лѣтъ, изъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, было бы странно и сомнѣваться,—мы пройдемъ мимо этого торжественнаго заявленія почтенной газеты. Мы уже указали въ первой нашей статьѣ на несогласіе выраженія «законность» съ выраженіями коммиссіи, будто «порядокъ административныхъ взысканій противенъ законности»; намъ остается сказать, что это заявленіе «Сѣверной Почты» не можетъ служить ни указаніемъ опыта, ниже какимъ-либо другимъ доказательствомъ. Пойдемъ далѣе.

«Сѣверная Почта» не видитъ основанія къ нападеніямъ (если позволено будетъ такъ выразиться) на систему предостереженій, такъ какъ «никто не былъ въ правѣ предполагать, что эта именно часть закона останется мертвою буквой». Никто этого и не предполагалъ; еслибъ она осталась мертвою буквою, о ней не было бы и рѣчи; но именно потому, что она не осталась мертвою буквою и дала себя знать на практикѣ 24 предостереженіями, пріостановленіемъ многихъ изданій, нравственнымъ и существеннымъ матеріальнымъ ущербомъ для многихъ издателей, — именно потому и раздаются сѣтованія, и волнуется общественное мнѣніе, и ищетъ успокоить себя слухами, общественною же совѣстью порождаемыми, объ отмѣнѣ или измѣненіи системы предостереженій. «Сѣверная Почта» съ нѣкоторою суровостью возвращаетъ общественное мнѣніе изъ области радужныхъ мечтаній въ область современной дѣйствительности и категорически опровергаетъ успокоительные слухи: мы благодарны газетѣ за откровенность ея заявленія и принимаемъ его къ свѣдѣнію, — но не можемъ не признать, что такое заявленіе ни въ какой аргументаціи не нуждается. «Слухи, которыми утѣшается общественное мнѣніе, несправедливы» — этого было бы и довольно, и даже весьма краснорѣчиво. Но, отважившись выйти въ поле аргументаціи и усиливаясь доказать, что нѣтъ ни повода къ подобнымъ слухамъ, ни даже основанія желать измѣненій въ системѣ административныхъ взысканій, «Сѣверная Почта», кажется намъ, ступила на путь невѣрный, трудный, ея обычаю не совсѣмъ свойственный, на которомъ, по крайней мѣрѣ въ настоящемъ случаѣ, ей нѣтъ удачи.

Послѣ неловкаго довода о мертвой буквѣ, почтенная газета говоритъ далѣе слѣдующее: «Никто въ настоящее время, т. е. по изданіи закона 6 апрѣля, не можетъ утверждать, что издатели журналовъ и газетъ, подвергшіеся предостереженіямъ, не были достаточно и въ полной мѣрѣ предупреждены». Чѣмъ предупреждены? Тѣмъ 29 § II отд., который гласитъ, что г. министръ внутреннихъ дѣлъ можетъ дѣлать предостереженія *по личному усмотрѣнію?* Но какъ же можно предусмотрѣть *личное* усмотрѣніе? Кому дано проникнуть въ чужой личный

образъ мыслей и увѣдать безошибочно чужое личное міросозерцаніе? Да и можетъ ли входить въ обязанность литературы соображаться съ личнымъ міросозерцаніемъ кого бы то ни было, особенно же когда тѣ, отъ личнаго усмотрѣнія которыхъ зависитъ дать или не дать предостереженіе, все же въ нѣкоторомъ родѣ простые смертные, способные и сами измѣнять свои воззрѣнія, да и просто смѣняться? Не видимъ мы развѣ совершеннаго измѣненія въ направленіи настоящаго Министерства народнаго просвѣщенія, сравнительно съ направленіемъ предшествовавшимъ въ томъ же Министерствѣ? Не подвергаются ли книги, одобренныя Совѣтомъ учебныхъ заведеній два года тому назадъ, нынѣ положительному порицанію, а книги неодобренныя—одобренію? Не читали ли мы наконецъ всѣ, на дняхъ, отзывъ канцлера Имперіи въ депешѣ, на имя генерала Игнатьева, обнародованной отъ правительства въ числѣ прочихъ, что въ Россіи можно свободно выражать мнѣнія о дѣйствіяхъ даже нашей политики и даже лично самого князя Горчакова? *«Я предпочитаю нападки порабощенію мысли»,*—говоритъ князь Горчаковъ,—порабощенію, которое не соотвѣтствуетъ реформамъ, вводимымъ нашимъ августѣйшимъ Монархомъ. Успѣхъ ихъ весьма много зависитъ отъ сознанія своего собственнаго достоинство тѣми, которые призваны привести указанныя реформы въ исполненіе, *но подобное сознаніе не можетъ возникнуть тамъ, гдѣ подавляется мысль».* И если о канцлерѣ Имперіи, министрѣ иностранныхъ дѣлъ, допускается полная свобода въ выраженіи мнѣнія, то на какомъ же основаніи позволитъ себѣ предположить издатель газеты, что за такой же свободный отзывъ, не только о другихъ министрахъ, но и о лицахъ второстепенныхъ, и не только о дѣйствіяхъ Императорскаго кабинета, но о распоряженіяхъ административныхъ, онъ подвергнется предостереженію и даже вынужденному молчанію? А между тѣмъ это именно и случалось. За примѣромъ ходить не далеко... Какое же общее основаніе, какое же «предупрежденіе» могъ бы извлечь для себя издатель изъ такого положенія дѣлъ? Ничѣмъ, не только въ полной мѣрѣ, но и въ никакой, издатели газетъ и журналовъ не были и не могли быть *предупреждены*, какъ выражается «Сѣверная Почта», въ виду системы «личнаго усмотрѣнія».

Пойдемъ опять далѣе. «Ни одно изданіе не было пріостановлено»,—аргументируетъ никогда не подвергающаяся предостереженіямъ газета, — «безъ собственной и очевидно настойчивой на то рѣшимости издателей». Здѣсь уже сама «Сѣверная Почта» рѣшается проникнуть въ помыслы и душу издателей! Ей данъ спеціальный даръ вѣдать издательскія сердца. Но спеціалистъ-сердцевѣдецъ, авторъ статьи, никакимъ доказательствомъ не подтверждаетъ своей проницательной догадки. Мы даже обращались за справками и къ издателямъ, подвер-

гавшимся злополучію пріостановки, соображались и съ общественнымп впечатлѣніями, предполагая, что «очевидное» для «Сѣверной Почты» должно хоть отчасти, хоть en trois quarts, быть видимо и для публики: мы положительно можемъ завѣрить, что третье предостереженіе, постигшее самую послѣднюю изъ недавно пріостановленныхъ газетъ (да, кажется, кромѣ ея никто въ вынужденномъ безмолвіи и не обрѣтается), послѣдовало вовсе не за ту статью, отъ которой публика ожидала какихъ-либо неблагопріятныхъ для изданія послѣдствій, а за другую, сравнительно ничтожную. Да и какой же разсчетъ для издателя *настойчиво и съ рьяностью* домогаться пріостановки? Всякая пріостановка подвергаетъ его убыткамъ, необходимости возвращать деньги подписчикамъ, содержать контору и весь составъ сложнаго газетнаго механизма—понапрасну. Можетъ быть «Сѣверная Почта» ожидала, что послѣ второго предостереженія издатели газетъ вдругъ понизятъ голосъ, изъ тона мажорнаго перейдутъ въ минорный и будутъ усиливаться идти въ ладъ съ «личнымъ усмотрѣніемъ». Но, предъявляя притязаніе на сердцевѣдѣніе, могла бы «Сѣверная Почта» и сама разсудить, что административная кара, налагаемая безъ допроса и объясненія, еще не порождаетъ въ караемомъ убѣжденія въ ея справедливости и менѣе всего способна, какъ выражается издатель «Современныхъ Извѣстій», воспитывать чувства любви и кротости. Мудрость правительственная должна бы, кажется, избѣгать всего, что безъ всякой нужды вноситъ въ общество и въ особенности въ дѣятельность такого органа общественной жизни, какъ литература, элементъ раздраженія,—а ничто такъ не способно вносить этотъ вредный для общественнаго развитія элементъ, какъ тотъ порядокъ административныхъ взысканій, который, — по тѣмъ словамъ, которыя сама «Сѣверная Почта» цитуетъ въ подкрѣпленіе своихъ мнѣній, —*«противенъ законности и несогласенъ съ понятіями о правильномъ законодательствѣ»*. Спрашиваемъ «Сѣверную Почту», способенъ ли такой порядокъ благотворно и умирительно дѣйствовать на развитіе общественной мысли и слова? Пусть сравнитъ она современное отношеніе народа и общества къ новому, гласному, правильному суду, и ихъ же прежнее отношеніе къ старому судебному порядку и вообще ко всякому проявленію административнаго произвола...

Посмотримъ, не будетъ ли счастливѣе «Сѣверная Почта» въ своихъ дальнѣйшихъ доводахъ. «Когда объявлено предостереженіе», говоритъ она, «всякому изданію предстоитъ выборъ между принятіемъ или непринятіемъ его къ соображенію и руководству на будущее время». Этотъ доводъ уничтожается самъ собою послѣ всего нами выше изложеннаго. Замѣтимъ только, что никакое предостереженіе не можетъ служить руководствомъ на будущее время, ибо поводы къ предостереженіямъ раз-

нообразны и неуловимы. Наконецъ, какое руководство можно извлечь себѣ, напримѣръ, хоть изъ предостереженія, даннаго газетѣ «Голосъ» за неучтивый отзывъ объ императрицѣ Французовъ, когда болѣе чѣмъ неучтивые отзывы о главѣ Оттоманской имперіи сходятъ съ рукъ благополучно, и когда всѣ мы читаемъ сплошь да рядомъ самые лживые и гнусные отзывы во французскихъ и иныхъ чужестранныхъ газетахъ о нашемъ Русскомъ Государѣ?

«Незнаніемъ предѣловъ, продолжаетъ далѣе оффиціальная газета,— гдѣ начинается рискъ предостереженія и гдѣ наступаетъ его достовѣрность — не могутъ отзываться опытные въ дѣлѣ печати издатели». *Рискъ* предостереженія! Этимъ выраженіемъ «Сѣверная Почта» весьма вѣрно характеризуетъ современное положеніе печати. Только едвали понятіе о *рискѣ*, какъ о чемъ-то неопредѣленномъ, неуловимомъ, ошибочномъ, гадательномъ, случайномъ, умѣстно въ отношеніяхъ лица подвластнаго къ власти и можетъ быть признано за основаніе къ обезпеченію лица отъ тяжкой административной кары? Развѣ существуетъ какое-либо внѣшнее, объективное мѣрило *риска*, особенно въ виду системы «личнаго усмотрѣнія»? Нельзя не пожалѣть о положеніи издателей, поставленныхъ, по признанію самого органа Министерства внутреннихъ дѣлъ, между *рискомъ* и достовѣрностью. Такъ какъ *рискъ* предполагаетъ непремѣнно *случайность*, возможность *удачи*, то, стало быть, сама «Сѣверная Почта» допускаетъ въ системѣ административныхъ взысканій начало *случайности* и *удачи*.... Разсужденіе со стороны «Сѣверной Почты» — рискованное и едвали удачное!

Наконецъ, послѣдній аргументъ «Сѣверной Почты», прибереженный ею къ концу, состоитъ въ томъ, что система предостереженій не остановила развитія нашей безцензурной печати, такъ какъ число журналовъ и газетъ безпрестанно возрастаетъ: «стало быть, заключаетъ «Сѣверная Почта», существованіе періодической печати при законѣ 6 апрѣля вполнѣ возможно». Мы позволимъ себѣ замѣтить оффиціальному органу, что даже до появленія закона 6 апрѣля, при условіяхъ прежней невыносимой цензуры, число періодическихъ изданій не уменьшалось, а постоянно возрастало. «Сѣверной Почтѣ» не трудно будетъ навести объ этомъ справку. Что-жь это доказываетъ? Это доказываетъ, что потребность въ печатномъ выраженіи мысли такъ же существенна какъ воздухъ, неутолима и неудержима, по мѣрѣ общественнаго развитія. Это доказываетъ энергію общественнаго духа, не ослабѣвавшаго въ надеждѣ, что авось-либо настанетъ лучшее время и проглянетъ хоть косвенный лучъ свободы мысли и слова. Косвенный лучъ проглянулъ, но общество продолжаетъ жаждать болѣе полнаго свѣта, особенно въ виду заявленныхъ обѣщаній, что законъ 6 апрѣля есть только временная и переходная мѣра. Но, стало быть, замѣтитъ «Сѣверная Почта»,

настоящее положеніе лучше прежняго? Безъ сомнѣнія лучше, изъ чего еще не слѣдуетъ, чтобы оно было совсѣмъ хорошо, по крайней мѣрѣ для насъ, пишущихъ и печатающихъ. Къ этому однакожъ слѣдуетъ добавить, что съ появленіемъ у насъ безцензурной печати, условія стараго цензурнаго порядка естественно измѣнились и стали несравненно тягостнѣе, чѣмъ прежде; это совершилось вполнѣ логически: цензурное одобреніе дѣлаетъ теперь правительство болѣе чѣмъ когда-либо отвѣтственнымъ за одобряемое. Вотъ почему, между прочимъ, при постепенномъ развитіи потребности въ журналахъ и газетахъ, издатели, стремящіеся удовлетворить эту потребность, избѣгаютъ цензуры въ наше время еще ревностнѣе, чѣмъ прежде. Такимъ образомъ и этотъ доводъ «Сѣверной Почты» о возрастаніи числа газетъ и журналовъ, способный свидѣтельствовать съ одинаковою силой въ пользу системы предостереженій, какъ и предварительной цензуры, — оказывается безсильнымъ для оправданія ея основнаго положенія о томъ, что существующій порядокъ административныхъ взысканій не требуетъ существенныхъ измѣненій. Мы остаемся при нашемъ убѣжденіи, что эта система настолько же невыгодна для литературы, какъ и для самого правительства; мы, несмотря на заявленіе оффиціальной газеты, продолжаемъ упорно надѣяться, что рано или поздно эта система измѣнится, и еще упорнѣе вѣримъ въ слова Высочайшаго указа, что законоположеніе 6 апрѣля есть мѣра только временная и переходная.

Журналистика—выраженіе общественнаго мнѣнія, а не какая-нибудь законодательная власть.

«Москва», 6-го апрѣля 1868 года.

Къ числу самыхъ интересныхъ слуховъ, которыми полнятся теперь Москва и Петербургъ, принадлежатъ, безспорно, слухи о преобразованіи Главнаго Управленія по дѣламъ печати. По словамъ петербургскихъ газетъ, въ городѣ разсказываютъ: одни — будто управленіе имѣетъ какъ-то примкнуть къ Сенату; другіе—будто оно организуется въ самостоятельное учрежденіе; третьи наконецъ—будто имѣется въ виду создать новое министерство «полиціи», въ вѣдѣніе котораго отойдетъ и литература. Въ какой степени достовѣрны эти толки—мы не знаемъ, но не въ этомъ покуда дѣло. Довольно уже и того, что они существуютъ, и существуютъ конечно не безъ основанія.

Сегодня ровно три года какъ состоялось Высочайше утвержденное мнѣніе Государственнаго Совѣта 6 апрѣля 1865 г., т. е. нынѣ дѣйствующее законоположеніе о печати. Въ именномъ указѣ, данномъ Прави-

тельствующему Сенату отъ того же числа, сказано, что правила этого новаго законоположенія установляются лишь «впредь до дальнѣйшихъ указаній опыта» и въ виду «переходнаго положенія судебной у насъ части». Послѣднее выраженіе объясняется тѣмъ, что въ то время новые судебные уставы не только не были еще нигдѣ введены въ дѣйствіе, но не были даже и изданы. Очевидно, что законоположеніе, сочиненное, по словамъ самого законодателя, подъ условіемъ «переходнаго состоянія судебной части», тѣмъ уже самымъ признано несоотвѣтствующимъ условіямъ новаго времени, когда судебная часть уже вышла изъ переходнаго состоянія и окончательно опредѣлилась. Такъ какъ слова Высочайшаго указа не могутъ же идти мимо въ русской государственной жизни, то не въ этомъ ли обстоятельствѣ должны мы искать основаніе слухамъ о преобразованіи существующей системы контроля надъ русской печатью?.. Во всякомъ случаѣ, если законъ 6 апрѣля изданъ былъ лишь «впредь до указаній опыта», то не имѣемъ ли мы права заключить изъ упомянутыхъ толковъ, что указанія опыта были не совсѣмъ въ пользу нынѣ дѣйствующаго порядка.

Почему же такъ? Въ чемъ же собственно обличилась его неудовлетворительность? Мы разумѣемъ «неудовлетворительность» въ смыслѣ правительственномъ: мнѣніе же литературы объ этомъ законѣ давно извѣстно, и не оно можетъ интересовать насъ въ настоящую минуту. Всматриваясь въ «указанія опыта», мы прежде всего приходимъ къ слѣдующему выводу: тогда какъ въ Англіи при строгихъ, почти драконовскихъ законахъ, установилась на практикѣ печать вольная какъ воздухъ, на славу и здоровье этой великой страны,—въ Россіи происходитъ явленіе совершенно обратное: какъ ни мало заслуживаютъ названія либеральныхъ законы, установившіе систему предостереженій,—практика у насъ строже закона. Это обстоятельство очень важно. Никакое законоположеніе о печати не можетъ, конечно, обнять всѣхъ случаевъ, всѣхъ разнообразныхъ видовъ воплощенія мысли въ словѣ: неизбѣжная недостаточность внѣшнихъ правилъ естественно восполняется толкованіемъ закона въ его примѣненіи, и нигдѣ, поэтому, практика закона не играетъ такой роли, какъ въ дѣлѣ литературы. По этой-то практикѣ познается настоящее внутреннее отношеніе правительства къ правамъ печати, его взглядъ на свободу слова. Слѣдовательно, все дѣло именно въ этомъ взглядѣ,—и какія бы новыя исправленія ни были сдѣланы въ Положеніи 6 апрѣля, куда бы ни примкнуло Главное Управленіе, для насъ это имѣетъ значеніе второстепенное, если взглядъ правительства остался все тотъ же.

Все зависитъ и будетъ зависѣть именно отъ этого взгляда. Чтобы точнѣе опредѣлить и оцѣнить этотъ взглядъ, постараемся отрѣшиться

отъ нашего личнаго пристрастія къ свободѣ слова и взглянуть на нее—въ интересахъ не столько литературы, сколько самого правительства.

Можно смотрѣть на печать какъ на силу враждебную, отъ которой слѣдуетъ всячески ограждаться и отчураться. Можно ласкать себя надеждою, что достанетъ умѣнья и власти сдавить человѣческую мысль и выраженіе ея въ словѣ, закупорить ее какъ въ сосудѣ и выпускать какъ паръ, по мѣрѣ казенной надобности и черезъ штемпелеванные клапаны. Можно видѣть въ свободѣ слова лишь неизбѣжное зло, но все же зло, и дѣлать уступки этой свободѣ, вынужденныя только крайнею необходимостью, такъ сказать нехотя— de mauvaise grace и de mauvaise humeur, какъ выразился Эмиль Оливье по поводу новѣйшаго закона о печати, изобрѣтеннаго французскимъ правительствомъ.

Можно, напротивъ того, относиться къ печати какъ силѣ союзной, какъ къ вѣрнѣйшему проводнику свободнаго общественнаго мнѣнія,—какъ къ сокровищницѣ мысли и ума милліоновъ, восполняющей неизбѣжную скудость единичнаго ума и мысли въ правителяхъ. Можно признавать свободу слова не только не зломъ, хотя бы и необходимымъ, а величайшимъ вожделѣннымъ благомъ, безъ котораго такъ же немыслимы жизнь духа и нормальное развитіе человѣческихъ обществъ, какъ немыслимы, безъ свѣта и воздуха, жизнь и нормальное развитіе физической природы человѣка...

Различіе взглядовъ ведетъ и къ различію послѣдствій. Взглядъ на литературу, какъ на силу враждебную, создаетъ подъ конецъ дѣйствительно силу враждебную, озлобленную, мятежную, наступательную или, по крайней мѣрѣ, систематически оппозиціонную, неослабную въ борьбѣ за свое существенное право. Попытки сковать и закупорить человѣческую мысль производятъ опасные взрывы, а всякія вынужденныя уступки, роняя достоинство правительства, не удовлетворяютъ тѣхъ, для кого онѣ дѣлаются, не внушаютъ довѣрія и не содѣйствуютъ миру. Чѣмъ отрицательнѣе отношеніе правительства къ печати, чѣмъ оборонительнѣе положеніе, въ которое оно становится къ ней, чѣмъ больше принимаетъ оно мѣръ для своего огражденія,—тѣмъ отрицательнѣе и отношеніе печати къ правительству, тѣмъ труднѣе оборона, тѣмъ недостаточнѣе съ каждымъ днемъ становятся мѣры огражденія, тѣмъ чаще возникаютъ столкновенія, тѣмъ сильнѣе плодятся призрачные страхи, а съ ними заботы и хлопоты администраціи,—тѣмъ неудовлетворительнѣе оказываются всякіе законы о печати. За либеральнымъ закономъ послѣдуютъ неминуемо стѣснительныя дополненія; вмѣстѣ съ развитіемъ литературы обреченъ рости, усложняться и самый контроль. Однимъ словомъ, держась этого взгляда, администрація необходимо попадаетъ въ то, что̀ Французы называютъ un cercle vicieux.

Напротивъ того, чѣмъ благопріятнѣе относится администрація къ

свободѣ слова,—тѣмъ проще, тѣмъ немногосложнѣе и самые законы о печати; чѣмъ меньше администрація расположена пугаться и опасаться литературы, тѣмъ меньше призрачныхъ пугалъ, тѣмъ искреннѣе печатное слово,—а чѣмъ оно искреннѣе и откровеннѣе, тѣмъ оно неопаснѣе. Отъ этихъ общихъ сужденій перейдемъ къ нашей русской практикѣ и ея примѣрами пояснимъ нашу мысль.

Было бы клеветою и ложью утверждать, будто въ отношеніяхъ нашего правительства къ печати существуетъ какая-либо систематическая враждебность. Да и не можетъ быть такой враждебности *по принципу* ни у одного просвѣщеннаго правительства. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что въ отношеніяхъ русскаго правительства къ печати проявляется недовѣрчивость, по нашему мнѣнію, ничѣмъ не оправдываемая. Съ тѣхъ поръ какъ журналистика въ Россіи стала нѣсколько свободнѣе, она успѣла оказать не одну дѣйствительную услугу правительству. Въ теченіе трехлѣтія со дня изданія закона 6 апрѣля 1865 года не произошло, кажется, никакого особеннаго вреда, никакой опасности для государства, и еще менѣе для нравовъ, такъ какъ, съ большею свободою слова, стали свободнѣе и сильнѣе раздаваться здравая мысль и честная критика. Вотъ на эти-то «указанія опыта» смѣемъ совѣтовать правительству обратить свое особенное вниманіе. Но пойдемъ далѣе. Присутствіе начала недовѣрчивости въ законахъ о печати доказывается всѣми тѣми мѣрами предосторожности, которыми обставлено разрѣшеніе и изданіе газетъ и журналовъ, изданіе книгъ не свыше и свыше 10 листовъ, съ нормальнымъ объемомъ печатнаго листа,—цѣлой организаціей контроля надъ литературой и, наконецъ, тѣмъ административнымъ произволомъ», какъ выражается сама «Сѣверная Почта», который нашелъ себѣ выраженіе въ системѣ предостереженій. Но начало недовѣрчивости, однажды положенное въ основаніе, не можетъ, какъ и всякое иное начало, не развиваться послѣдовательно и логически. А потому и самое законоположеніе о печати,—какъ бы, повидимому, ни было оно либерально и немногосложно,—въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, подъ воздѣйствіемъ этого начала, будетъ уклоняться все болѣе и болѣе въ сторону *не* либеральную, будетъ усложняться все болѣе и болѣе новыми дополнительными статьями—въ смыслѣ ограниченія свободы печатнаго слова. Такъ, не можемъ же мы не признать, что именно въ этомъ смыслѣ, а не съ цѣлью дать больщій просторъ слову, состоялись всѣ добавленія къ закону 6 апрѣля въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ. Такъ напримѣръ, если основная мысль учрежденія Главнаго Управленія по дѣламъ печати есть централизація надзора за литературой, то какъ ни дорого стоитъ оно, съ двумя цензурными комитетами и съ отдѣльными цензорами (болѣе 200 тыс. руб. въ годъ), едва ли черезъ нѣсколько лѣтъ не разростется оно въ цѣлое министер-

ство. Теперь вся литературная и журнальная производительность сосредоточена по преимуществу въ столицахъ, но съ развитіемъ мѣстной провинціальной литературы, объемъ занятій, кругъ надзора и вѣдомства Главнаго Управленія долженъ расшириться и, наконецъ, дойти до громаднѣйшихъ размѣровъ. Вообразимъ себѣ только, какова должна быть дѣятельность центральнаго учрежденія, надзирающаго за печатнымъ выраженіемъ мысли 80-ти-милліоннаго населенія, на пространствѣ цѣлой части свѣта, посредствомъ сотни цензурныхъ комитетовъ и тысячи цензоровъ, прочитывающихъ милліоны печатныхъ листовъ? Духъ захватываетъ при одной мысли о колоссальности такого механизма. Но до этого еще далеко, возразятъ намъ: зачѣмъ доводить ad absurdum? Конечно, далеко,—но развѣ администрація не на этомъ пути? и развѣ вѣрность пути не опредѣляется тѣмъ предѣломъ, къ которому онъ доводитъ?

Вообще, въ основаніи нашихъ законовъ о печати лежитъ, кажется, такое разсужденіе: «свобода печати желательна,—слова нѣтъ, но безъ ея излишествъ и увлеченій; надобно въ отношеніи къ ней найти mezzo termine, juste milieu, золотую средину, и устроить дѣло такъ, чтобъ имѣть отъ печати однѣ выгоды и удобства, безъ ея вреда и неудобствъ,—чтобы образовать печать приличную, благонравную, пуще всего благонамѣренную и даже пожалуй либеральную, но поводливую, слушающую указаній и т. п.». Однимъ словомъ, разсужденіе извѣстное, но, къ сожалѣнію, на практикѣ несостоятельное. Условія самой природы этихъ вещей таковы, что выгоды и неудобства, желательныя и даже необходимыя для правительства въ «просвѣщенной» или стремящейся къ просвѣщенію странѣ, не могутъ имѣть мѣсто безъ неудобствъ и невыгодъ,—какъ не можетъ быть плода безъ кожи, огня безъ жару (или, употребляя сравненіе самое убѣдительное по своей пошлости), «розы безъ шиповъ». Что-нибудь одно: или вовсе не признавать никакой словесности, или же признать ее такою, какою она есть, не искажая ея натуры: въ противномъ случаѣ, это будетъ уже не литература, какъ выраженіе мысли и чувствъ страны, а какая-то ложь, нарядившаяся въ ея платье. Если вы хотите искренности въ словѣ, такъ должны допустить каждому право говорить *своимъ* голосомъ, какъ бы даже грубъ или неблагозвученъ онъ ни былъ; гдѣ нельзя говорить *своимъ* голосомъ, тамъ не можетъ быть и искренней рѣчи, и вмѣсто нея будетъ раздаваться одна благонамѣренная фистула. Не доказанная ли уже давно истина, что никакой механизмъ и внѣшній порядокъ не замѣнитъ творчества органической жизни? А если это такъ, если обойтись безъ живыхъ органическихъ силъ нельзя ни государству, ни обществу, то можно ли, признавая по необходимости права жизни, отнять у жизни то, что̀ дѣлаетъ жизнь жизнью, въ чемъ заключается условіе ея твор-

чества? Что лучше: жизнь или подобіе жизни,—жизнь съ своею свободою, со всею кажущеюся нестройностью, разнообразіемъ, разноголосицей своихъ отправленій и проявленій,—или подобіе жизни, т. е. мертвенность и ложь, со внѣшнимъ благоустройствомъ и наружнымъ порядкомъ? Человѣческое же слово только тогда и можетъ быть названо словомъ, когда оно вполнѣ живо, слѣдовательно вполнѣ свободно; тогда только можетъ оно дать добрый плодъ. Слово же сдавленное и стѣсненное въ своей свободѣ, слово неискреннее—гнилой даетъ плодъ.

Такимъ образомъ, та администрація, которая поставитъ себѣ задачею направлять литературу, вести слово на поводахъ, вытягивать его въ струнку, муштровать, подчинять его благообразному однообразію, порождаетъ сама для себя непреодолимыя трудности и неудобства. Угнаться за всѣми уклоненіями печатнаго слова отъ правительственной нормы приличія и порядка, за всѣми безконечно разнообразными, неуловимыми проявленіями общественной мысли—нельзя: подъ тяжелую руку карающей власти попадется всегда только самая откровенная, стало быть, въ извѣстномъ смыслѣ честная рѣчь и ускользнетъ рѣчь лукавая. При усиленіи же надзора, при принятіи болѣе строгихъ мѣръ контроля, убивается неминуемо всякая жизнь слова, а этого результата ни одно просвѣщенное правительство не желаетъ и желать не можетъ. Изъ этой дилеммы выходъ одинъ—отказаться отъ всякой попытки руководствовать словомъ, какъ не только безполезной, но и вредной. Само собою разумѣется, что, говоря о словѣ, мы не имѣемъ въ виду тѣхъ случаевъ, когда слово перестаетъ быть выраженіемъ мысли и переходитъ само въ категорію внѣшняго, противозаконнаго *дѣйствія*. Но для отысканія тонкой черты, разграничивающей слово отъ дѣйствія, нельзя обозначить никакихъ общихъ признаковъ и правилъ: она опредѣляется на самомъ данномъ фактѣ, котораго оцѣнка никоимъ образомъ не можетъ входить въ аттрибуты административной личной власти, а можетъ, по самому существу своему, принадлежать только суду.

Заключимъ нѣсколькими практическими замѣчаніями въ интересахъ и съ точки зрѣнія самого правительства.

Современное положеніе нашей печати ненормально,—въ этомъ нельзя не согласиться. Съ одной стороны, она находится въ тяжкой, унизительной, противной ея призванію, зависимости отъ администраціи, вредной для искренности и правды; съ другой, она производитъ нерѣдко и на администрацію не должное, даже вредное давленіе, связываетъ свободу ея дѣйствій. Съ одной стороны, печатному слову оказывается обидное неуваженіе, чуть не презрѣніе; съ другой — и этому не разъ бывали примѣры—не только общество, но и администрація относятся къ нему чуть не съ подобострастіемъ. Вмѣсто того, чтобы быть выраженіемъ общественнаго мнѣнія, у насъ общественное мнѣніе есть выраженіе пе-

чати, или, лучше сказать, личнаго мнѣнія того или другаго журнала; печать навязывается обществу съ своими воззрѣніями, являясь не только его руководителемъ, но иногда и тираномъ. Однимъ словомъ, печать у насъ, особенно періодическая, не познала еще свои предѣлы,— чему виною, по большей части, существующее законоположеніе. Область дѣйствія и область мнѣнія, область правительства и область литературы—двѣ совершенно различныя области, какъ по природѣ своей, по своему призванію, такъ и по характеру своихъ отправленій. Обращаясь спеціальнѣе къ періодической печати, скажемъ прямо, что мы лично, желая для себя независимости, считаемъ совершенно ненормальнымъ всякое возведеніе журнализма чуть не на степень какой-то государственной дѣятельности. Никакихъ «государственныхъ заслугъ» за частнымъ редакторомъ мы не полагаемъ, не считаемъ его принадлежащимъ къ синклиту или заслуживающимъ особаго мѣста въ ектеніи, вмѣстѣ съ «градоначальниками», «военачальниками» и т. д. Деспотизмъ печати намъ такъ же противенъ, какъ и всякій деспотизмъ,—намъ равно противно стѣсненіе свободы нашего слова, какъ и стѣсненіе нашимъ словомъ свободы чужаго мнѣнія. Въ Россіи же на дѣлѣ видится другое,— видится даже, что иной администраторъ, хотя бы изъ второстепенныхъ, вступая въ должность, паче всего безпокоится о томъ, что скажетъ про него «Москва» или «Московскія Вѣдомости», руководствоваться ли ему требованіемъ редактора А. или редактора К. (которые, надо замѣтить, тянутъ оба въ противоположныя стороны),—и какъ бы, послѣдуя одному, не попасть въ опалу къ другому?.. Жалкое положеніе!

Такое значеніе печати, ненормальное само по себѣ, неудобно и для правительства. Правительство не можетъ его желать, и единственнымъ вѣрнымъ средствомъ понизить это противоестественное значеніе служитъ—какъ можно большій объемъ свободы слова. Чѣмъ свободнѣе печать, тѣмъ легче можетъ высказываться каждое мнѣніе; не два-три голоса, какъ теперь, будутъ раздаваться въ пустынномъ, безмолвномъ пространствѣ, а заголосятъ тысячи голосовъ. При такой многоголосицѣ сама собою поглощается острота печатнаго слова, притупляется его возбудительность (иначе *дискредитируется,*—чего именно и желаютъ нѣкоторые). Чѣмъ свободнѣе слово, тѣмъ шибче разовьется періодическая печать, и чѣмъ больше она разовьется, тѣмъ скорѣе печать сдѣлается тѣмъ, чѣмъ она должна быть—выраженіемъ общественнаго мнѣнія, слѣдовательно подчиненнымъ его орудіемъ, а не насильственнымъ его творцомъ или фабрикантомъ,—не деспотомъ. Возьмемъ въ примѣръ Англію: тамъ имена редакторовъ газетъ—неизвѣстны, и органы періодической печати—*безличны*; редакторы могутъ мѣняться, но до этого нѣтъ дѣла публикѣ: ихъ смѣна не отражается на самихъ изданіяхъ. Каждая газета служитъ органомъ извѣстному направленію или мнѣ-

нію,—ее издаетъ цѣлый кругъ людей единомыслящихъ: тутъ нѣтъ мѣста личности редактора: знаменемъ служитъ не имя, а извѣстная мысль; никто не скажетъ какъ у насъ: такъ требуетъ Матвѣй Сергѣевичъ или Сергѣй Матвѣевичъ; слово перваго или втораго не принимается какъ законъ, со страхомъ и трепетомъ, на пространствѣ всей Россіи... Въ Англіи знаютъ лишь названія газетъ и на каждую газету смотрятъ какъ на одно изъ мнѣній, подлежащихъ свободному выбору.

Если вытравить существованіе періодической печати нельзя (а въ этой невозможности нельзя и сомнѣваться), то не лучше ли поставить ее скорѣе въ тѣ условія, при которыхъ она становится не властью— чуть не переходящею въ сферу правительственную, а дѣйствительнымъ выраженіемъ мысли, мысли не личной, но общественной,—однимъ словомъ при условіяхъ, при которыхъ она перестаетъ быть вредною? И не усиливается ли непомѣрное значеніе личной журналистики въ Россіи именно системою предостереженій,—т. е. тѣмъ вниманіемъ, съ которымъ администрація слѣдитъ за каждымъ печатнымъ словомъ,—тою важностью, которую она придаетъ даже обороту или тону рѣчи,—тѣмъ гоненіемъ, которымъ могучее правительство удостоиваетъ своенравное выраженіе или мнѣніе той или другой единственной личности?

—

О нѣкоторыхъ юридическихъ вопросахъ касательно печати.

«Москва», 11-го октября 1868 г.

Читатели найдутъ въ нынѣшнемъ № отчетъ о вчерашнемъ засѣданіи московской судебной палаты по дѣлу, касавшемуся не только насъ лично, но и всей русской періодической литературы. Мы ни мало не расположены сѣтовать на нашего противника за то, что онъ, считая себя обиженнымъ и правымъ, поискалъ себѣ удовлетворенія путемъ судебнаго процесса и такимъ образомъ привлекъ насъ къ суду; мы нисколько не сожалѣемъ о томъ, что намъ пришлось просидѣть нѣсколько часовъ на скамьѣ подсудимыхъ. Напротивъ, мы всегда охотно готовы отвѣчать предъ гласнымъ судомъ за свою публичную дѣятельность и признаемъ вполнѣ его полноправность и обязанность ограждать интересы частныхъ лицъ отъ злоупотребленій печати. И еслибы даже отсутствіе этихъ злоупотребленій представлялось настолько очевиднымъ (какъ и въ настоящемъ случаѣ), что могло бы заставить усомниться въ необходимости судебнаго преслѣдованія, — то и тогда, думаемъ мы, лучше предоставить частному лицу, полагающему себя оскорбленнымъ, разрѣшить свое недоразумѣніе судомъ, способомъ юридическихъ преній, чѣмъ оставлять его неуспокоеннымъ и невразумлен-

нымъ, съ мыслью о своей беззащитности. Но интересъ вчерашняго дѣла заключается вовсе не въ томъ частномъ случаѣ, что нѣкто жаловался на редактора «Москвы» за несоблюденіе имъ законовъ о печати и нарушеніе правъ частныхъ лицъ, а въ тѣхъ юридическихъ вопросахъ уже общаго свойства, которые были постановлены передъ судомъ и разрѣшеніе которыхъ не безполезно какъ для интересовъ нашей періодической печати, такъ и для интересовъ самого правосудія. Поэтому, оставляя въ сторонѣ всѣ частности нашего процесса (излагаемыя, впрочемъ, подробно ниже, въ отдѣлѣ юридической хроники), мы обратимъ здѣсь вниманіе нашихъ читателей только на упомянутые нами юридическіе вопросы.

Первый вопросъ заключается въ томъ: въ какихъ случаяхъ слѣдуетъ считать *обязательнымъ* для редактора періодическаго изданія напечатаніе возраженія частныхъ лицъ? Къ сожалѣнію, Уложеніе о наказаніяхъ не только не даетъ прямого отвѣта на этотъ вопросъ, но еще способствуетъ недоразумѣнію, — конечно легко разрѣшимому при помощи здраваго смысла, но тѣмъ не менѣе часто повторяющемуся у людей, плохо знакомыхъ съ правами печати... Каждый редакторъ знаетъ, по опыту, какъ чувствительно у насъ самолюбіе частныхъ лицъ ко всякимъ о нихъ журнальнымъ отзывамъ сколько-нибудь непріятнымъ, и какъ часто получаются отъ нихъ настоятельныя требованія: «немедленно напечатать ихъ возраженіе, подъ страхомъ судебнаго преслѣдованія по статьѣ 1033 Уложенія о наказаніяхъ». Статья же эта говоритъ совершенно глухо: «за непомѣщеніе въ повременномъ изданіи... сообщенныхъ какъ отъ правительства, такъ и отъ частныхъ лицъ, опроверженій или исправленій», издатель подвергается денежному штрафу, а иногда и запрещенію изданія.

Такъ какъ въ этой статьѣ нѣтъ указанія — какія именно опроверженія или исправленія ею подразумѣваются, то многіе готовы вообразить и воображаютъ, что въ этомъ отношеніи не положено никакого ограниченія, и что редакція обязана принимать всякое опроверженіе, какое они соблаговолятъ написать,—если только, конечно, опровергаемая ими статья сколько-нибудь и въ какой бы то ни было мѣрѣ касается ихъ личности. На этомъ основаніи всякій неблагопріятный отзывъ объ авторскихъ способностяхъ какого-нибудь писателя или о талантѣ какого-либо художника,—всякая строгая рецензія, разоблачающая бездарность сочинителя книжонки, риемоплетство непризваннаго піиты или безсмыслицу публично произнесенной рѣчи — давала бы право сочинителю, піитѣ, оратору на помѣщеніе ихъ «опроверженій», въ которыхъ имъ угодно было бы доказывать: сочинителю плохой книжки, что книжонка эта отличная, риемоплету, что его стихи не хуже пушкинскихъ и т. д. Практика свидѣтельствуетъ, что возможны даже

притязанія со стороны частныхъ лицъ: печатать на счетъ редактора и противъ его воли, въ издаваемой имъ газетѣ, опроверженіе его личныхъ теоретическихъ мнѣній о нашемъ законодательствѣ! Очевидно, что такое притязаніе — нелѣпость, что подобное право немыслимо, что не могъ же законодатель поставить періодическую печать въ такія условія, при которыхъ газеты служили бы только для выраженія чужихъ, а не своихъ мнѣній, только для дароваго помѣщенія статей посторонняго, нерѣдко плохаго издѣлія, въ направленіи газетѣ несочувственномъ или даже враждебномъ! Такъ какъ трудно высказать о чьемъ-либо произведеніи или публичномъ дѣйствіи такое мнѣніе, которое было бы совершенно согласно съ мнѣніемъ лица о самомъ себѣ, — то никакое выраженіе мнѣнія, никакая критика не были бы возможны. Законодатель, повторяемъ мы, не могъ измыслить такихъ странныхъ условій, да и не измышлялъ, какъ оказывается по справкѣ съ спеціальнымъ законоположеніемъ о печати. Въ § 27 Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта 6 апрѣля 1865 г. сказано: «если въ повременномъ изданіи появится извѣстіе, касающееся частнаго лица, то изданіе сіе не можетъ отказать въ принятіи сообщенныхъ ему тѣмъ лицомъ, въ отвѣтъ, возраженій или поправокъ». Такъ вотъ о какихъ возраженіяхъ или опроверженіяхъ идетъ рѣчь въ 1033 статьѣ Уложенія,—возраженіяхъ на *извѣстія*. Въ этомъ словѣ и заключается ключъ къ разгадкѣ задачи; въ этомъ словѣ весь смыслъ и вся соль закона. Законъ не говоритъ: «извѣстіе, или же мнѣніе, или же оскорбительный отзывъ»: нѣтъ, онъ положительно, съ замѣчательною точностью выраженія ограничиваетъ для редактора обязательность помѣщенія опроверженій категоріею извѣстій,—однихъ извѣстій и ничего болѣе. Это и понятно и вполнѣ разумно. Невѣрное извѣстіе о какомъ-либо лицѣ можетъ и должно быть опровергаемо, ибо извѣстіе есть передача внѣшняго обстоятельства изъ чужой жизни, существующаго какъ бы само по себѣ, независимо отъ воли передающаго. Отношеніе, въ которомъ передающій извѣстіе находится къ передаваемому внѣшнему факту, есть отношеніе объективное. Именно такой характеръ содержанія всякаго «извѣстія» и такой характеръ независимости сообщаемаго факта отъ воли лица его сообщающаго и придаютъ извѣстію, правильно или неправильно, характеръ достовѣрности или реальности, который опровергать частное лицо конечно имѣетъ безусловное право. Тамъ же, гдѣ высказывается только *сужденіе* о лицѣ или его поступкѣ,—такого права опроверженія не предоставляется и не можетъ быть предоставлено закономъ, ибо личное мнѣніе по существу своему свободно и должно быть свободно; оно не предъявляетъ притязаній на несомнѣнность и достовѣрность по тому самому, что оно есть не болѣе какъ личное мнѣніе и выдаетъ себя только за то, что̀ оно есть. Отно-

шеніе лица къ мнѣнію, которое о немъ высказывается, опредѣляется, съ юридической точки зрѣнія, только одною стороною, именно его большею или меньшею *оскорбительностью*,—но и только. На этомъ основаніи лицо, мнѣніемъ оскорбленное, не имѣетъ ни малѣйшаго права навязывать изданію *опроверженіе* самаго *мнѣнія*, какъ бы оно оскорбительно ни было; но пользуется въ то же время полнымъ правомъ преслѣдовать редакцію или того, кому мнѣніе припадлежитъ, судебнымъ порядкомъ—за оскорбленіе, нанесенное въ формѣ печатнаго отзыва.

Дѣлая такое строгое различіе между *извѣстіемъ* и *мнѣніемъ*, и ограничивая право на обязательное даровое помѣщеніе возраженій, опроверженій и поправокъ одною категоріею извѣстій, законъ опредѣляетъ и размѣръ этихъ возраженій, опроверженій и поправокъ—не болѣе какъ вдвое противъ статьи, на которую они служатъ отвѣтомъ. Опредѣлять же такой размѣръ для опроверженія мнѣнія, для антикритики, было бы очевидно невозможно, ибо это значило бы предопредѣлять изложеніе и развитіе мысли и объемъ аргументаціи, слѣдовательно лишать иное опроверженіе всей силы опроверженія... Нельзя не пожалѣть, что въ 1033 статьѣ не сдѣлано въ самомъ текстѣ ссылки на выраженіе 27 § закона 6 апрѣля объ *извѣстіяхъ;* много бы недоразумѣній, хлопотъ и напрасныхъ жалобъ и исковъ было бы тогда предупреждено. Вотъ почему мы и придаемъ важность вчерашнему процессу и сдѣланной на немъ постановкѣ вопроса. Рѣшеніе его судомъ, хоть и въ частномъ случаѣ, не можетъ не послужить примѣромъ, или, какъ выражаются юристы, прецедентомъ для будущихъ судебныхъ рѣшеній.

Другой юридическій вопросъ, не менѣе важный, состоитъ въ томъ: что слѣдуетъ разумѣть подъ *злословіемъ*. Статья 1040 Уложенія о наказаніяхъ исчисляетъ наказанія (до 300 р. штрафа и до 6 мѣсяцевъ тюремнаго заключенія): «за *оскорбительный* отзывъ въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ... выражающій или заключающій въ себѣ *злословіе* или брань»... Относительно «брани» не можетъ быть покуда и спора; отличительное свойство брани есть ея внѣшняя форма, почти не допускающая ошибокъ въ распознаваніи: къ тому же о «брани» не было и рѣчи во вчерашнемъ процессѣ. Несравненно важнѣе для насъ опредѣлить другой юридическій терминъ: *злословіе*, такъ какъ здѣсь преступное свойство опредѣляется не по внѣшнимъ только признакамъ, а и по содержанію.

Обратимся къ тѣмъ же примѣрамъ, которые послужили намъ для разрѣшенія перваго вопроса. Назвать автора бездарнымъ, неспособнымъ писателемъ, непризваннаго піиту плохимъ риѳмоплетомъ, актера никуда негоднымъ и т. д., значитъ безъ сомнѣнія оскорбить ихъ своимъ

отзывомъ, но заключаетъ ли въ себѣ такой оскорбительный отзывъ *злословіе?* Долженъ ли рецензентъ или редакторъ, напечатавшій такой отзывъ, подвергаться за это штрафу до 300 р., или тюремному заключенію до 6 мѣсяцевъ? Конечно нѣтъ, потому что въ противномъ случаѣ не только критика, но и періодическая литература становится невозможностью. Обсужденіе чужихъ дѣйствій и мнѣній составляетъ не только призваніе, но и сущность призванія каждаго повременнаго изданія, въ особенности газеты. Допустить такое широкое толкованіе термина *злословіе* и такое широкое примѣненіе 1040 статьи—значило бы допустить вопіющую несообразность. Не ясно ли отсюда, что оскорбленіе, чтобъ быть злословіемъ, должно касаться чего-либо инаго, кромѣ дарованій, умственныхъ качествъ и способностей человѣка. Чего же именно? *Чести, совѣсти, нравственныхъ свойствъ человѣка*—отвѣчаемъ мы и думаемъ, что опредѣленіе наше вѣрно. Оно согласно, кажется намъ, и съ духомъ нашихъ законовъ. Въ томъ же Уложеніи о наказаніяхъ не въ отдѣлѣ преступленій противъ законовъ о печати, а ниже, въ статьяхъ 1535—1539 исчисляются наказанія «за распространеніе клеветы и оскорбительныхъ для *чести* сочиненій»,—только *для чести*, а ни для чего болѣе; наконецъ самая статья 1040, которая составляетъ теперь предметъ нашего обсужденія, есть только дополненіе статьи 1039-й, которая гласитъ слѣдующее:

«За всякое оглашеніе въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ или обществѣ такого **обстоятельства,** которое можетъ повредить ихъ **чести, достоинству** или **доброму имени,** виновный подвергается» и пр.

Полный же текстъ 1040 статьи слѣдующій:

«За всякій оскорбительный отзывъ въ печати о частномъ или должностномъ лицѣ или обществѣ, или установленіи, выражающій или заключающій въ себѣ *злословіе*, или брань, но **безъ** *указанія опредѣленнаго позорящаго обстоятельства*, виновный подвергается» и пр.

Очевидно, что смыслъ статьи 1040-й дополняется статьею 1039-й: свойства и сила оскорбленія тѣ же самыя, только безъ указанія внѣшняго опредѣленнаго обстоятельства. Честь, доброе имя, достоинство—все это принадлежитъ къ области нравственной; ни честь, ни доброе имя, ни достоинство человѣческое не страждутъ отъ того, что человѣкъ будетъ критикою признанъ бездарнымъ писателемъ, или никуда негоднымъ актеромъ, или дѣятелемъ съ плохими способностями. Можно быть человѣкомъ высокой честности и нравственности, несомнѣннаго духовнаго достоинства —и въ то же время оказаться человѣкомъ мало одареннымъ, лишеннымъ таланта яснаго и быстраго разумѣнія. Указаніе на эти послѣднія его свойства, безъ отрицанія нравственныхъ качествъ, и тѣмъ болѣе съ признаніемъ такихъ качествъ—можетъ быть, конечно, обидно лицу, о комъ говорится, но можетъ ли оно быть на-

звано «оскорбительнымъ отзывомъ, содержащимъ въ себѣ *злословіе?»* Одно ли это и то же,—можетъ ли стоять наряду съ нимъ такое, напримѣръ, выраженіе о лицѣ, что онъ человѣкъ не честный, злой, коварный, корыстный?... Между названіемъ человѣка въ печати—*злымъ, нечестнымъ, корыстнымъ*, и названіемъ его же въ печати — бездарнымъ, «неспособнымъ къ уразумѣнію самыхъ простыхъ понятій» — разница *только ли въ степени* оскорбительнаго злословія, или же разница болѣе глубокая, въ самомъ внутреннемъ существѣ и характерѣ оскорбленія,— разница указывающая на разницу самыхъ сферъ оскорбленія? Такъ: иное дѣло оскорбленіе *чести*,—иное дѣло оскорбленіе *самолюбія*. Первое есть злословіе и даетъ человѣку право подвергать злословящаго дѣйствію 1040 статьи; второе есть просто обида самолюбію, не дающая обидѣвшемуся (если при этомъ не было *брани, клеветы,* лживаго *извѣстія*) никакого права, въ смыслѣ юридическомъ, требовать себѣ удовлетворенія отъ редакціи газеты, гдѣ такой обидный отзывъ былъ напечатанъ.

Вчерашній процессъ представилъ еще третій вопросъ, или вѣрнѣе сказать—не вопросъ, а просто недоразумѣніе, которое кажется не встрѣчалось до сихъ поръ въ нашей судебной практикѣ; но именно для того, чтобъ не возобновляться, оно и требуетъ разъясненія при первомъ своемъ появленіи. Недоразумѣніе состоитъ въ томъ: можетъ ли разборъ, какой бы то ни былъ, состоявшагося о частномъ лицѣ судебнаго опредѣленія — составлять для этого лица фактъ оскорбленія? Напримѣръ — нѣкто NN обвиненъ судомъ въ воровствѣ-мошенничествѣ, газеты же, обсуждавшія рѣшеніе, признаютъ это преступленіе не кражей, а грабежомъ. Дастъ ли такой отзывъ право означенному NN преслѣдовать газеты *за личное оскорбленіе,* на томъ основаніи, что судъ не нашелъ возможнымъ обвинить его въ столь тяжкомъ преступленіи. Конечно нѣтъ. Другой примѣръ: судъ, разсматривая преступленіе, находитъ, что оно совершено не умышленно, безъ сознанія преступности дѣянія: переходитъ ли газета за предѣлы своего права, если, разбирая судебный приговоръ, выразитъ мнѣніе, что преступное дѣяніе было учинено вполнѣ сознательно, а потому и умышленно, и что это доказывается такими-то и такими обстоятельствами дѣла? Если разборъ и обсужденіе судебныхъ рѣшеній допущены закономъ [1]) для газетъ, имѣющихъ у себя, съ разрѣшенія Министерства юстиціи, отдѣлъ юридической хроники, то мы полагаемъ, что таковая дозволенная юридическая оцѣнка судебнаго рѣшенія должна обнимать собою все содержаніе рѣшенія, т. е. весь объемъ преступнаго дѣянія, бывшаго предметомъ судебнаго разсмотрѣнія, со всѣми его объектами и субъектами. Здѣсь газета, печа-

---

[1]) Высочайше утвержд. мнѣніе Госуд. Совѣта 20 октября 1864 г.

тающая таковую юридическую оцѣнку, имѣетъ дѣло не съ лицомъ NN., а съ *подсудимымъ*, и потому никоимъ образомъ сдѣланный ею выводъ, хотя бы и весьма неблагопріятный для подсудимаго, не можетъ составлять личнаго оскорбленія, *если только* юридическая оцѣнка *не выступаетъ* изъ предѣловъ настоящаго судебнаго случая и не ищетъ, для своихъ выводовъ, другихъ основныхъ данныхъ, кромѣ тѣхъ, и только тѣхъ, которыя представило дѣлопроизводство. Только при нарушеніи этого условія можетъ быть предоставлено право подсудимому приносить жалобы на оскорбленіе.

Вотъ тѣ вопросы, которые были возбуждены процессомъ, происходившимъ вчера въ судебной палатѣ; мы сочтемъ себя вполнѣ удовлетворенными за безпокойство, причиненное намъ судебнымъ преслѣдованіемъ, если оно хоть сколько-нибудь послужило къ разъясненію этихъ общихъ вопросовъ для будущаго времени.

По поводу отставки Н. С. Абазы отъ должности Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати.

«Русь», 18-го апрѣля 1881 г.

Только выраженіями искренней признательности можемъ мы помянуть кратковременную, къ сожалѣнію, дѣятельность Н. С. Абазы въ должности Начальника Главнаго Управленія по дѣламъ печати. Таковъ, кажется, единодушный отзывъ и всѣхъ органовъ русскаго періодическаго печатнаго слова, безъ различія направленій; но у газеты «Русь» есть и личный поводъ почтить его доброй памятью. Почти двѣнадцать лѣтъ сряду, за все время управленія Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева и тайнаго совѣтника Макова, при начальствованіи надъ печатью Лонгинова и Григорьева, мы были лишены права имѣть свой органъ. Всѣ наши ходатайства о дозволеніи намъ издавать журналъ и газету оставлялись «безъ уваженія» или «безъ послѣдствій»: послѣднее ходатайство было въ концѣ 1879 и въ началѣ 1880 г., стало быть уже послѣ того, какъ наша такъ называемая революціонная партія заявила себя цѣлымъ рядомъ злодѣйствъ, покушеній на жизнь Царя, взрывами и подкопами. Неизслѣдимы пути мысли, руководившей сими обоими министрами при такомъ, если не особенно мудромъ, то, во всякомъ случаѣ, мудреномъ образѣ дѣйствій; но для ясной мысли новаго министра внутреннихъ дѣлъ, графа М. Т. Лорисъ-Меликова, вопросъ о возвращеніи намъ литературной полноправности наравнѣ съ издателями «Голоса», «Молвы», «Страны», «Слова», «Дѣла», и проч. и проч., не представилъ никакой головоломности. Ему

мы обязаны правомъ изданія нашей газеты, а въ помощникѣ его по дѣламъ печати мы встрѣтили самое радушное и, признаться, вовсе непривычное намъ вниманіе и содѣйствіе.

Нигдѣ вопросъ о печати не представляетъ столько затрудненій для своего рѣшенія, какъ въ Россіи. Съ одной стороны, небольшая часть народа, точнѣе сказать — его верхній слой не только вполнѣ причастенъ умственной и духовной жизни современныхъ европейскихъ обществъ, но даже зараженъ и всѣми ихъ историческими влеченіями и недугами; съ другой стороны, громадное большинство русскаго населенія живетъ еще чуть ли не въ XII вѣкѣ, и при всей природной своей разумности, погружено въ темное невѣжество. Конечно, такъ называемая интеллигенція сильна и у насъ по своему общественному положенію, по своему непосредственному участію въ управленіи страною, но реальная политическая охранительная сила все же въ массахъ народа: историческій инстинктъ, органическая стихія, источникъ здоровья и крѣпости, положительныя національныя начала—блюстителемъ ихъ народъ. Тѣмъ не менѣе нельзя отрицать историческаго права на бытіе и такъ называемой интеллигенціи. Въ виду этихъ-то двухъ различныхъ факторовъ или силъ, съ ихъ различными, нерѣдко взаимно себя исключающими потребностями, приходится дѣйствовать русскому правительству, — и нельзя не сознаться, что задача его не легкая. Такъ напримѣръ, готовое признать законность настоящій «образованной публики» относительно печатнаго слова, оно не можетъ не помнить однако, что для огромнаго большинства русскаго народонаселенія даже и до сихъ поръ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ». Вотъ почему, при сужденіи о дѣятельности правительственныхъ лицъ, завѣдывающихъ судьбами русскаго слова, слѣдуетъ добросовѣстно принимать въ расчетъ трудности ихъ положенія и сложность задачи.

Первымъ дѣломъ графа Лорисъ-Меликова и Н. С. Абазы при вступленіи ихъ въ должность—было прекратить ту монополію, которая, не къ пользѣ дѣла, была предоставлена небольшому числу органовъ печати: иначе какъ монополіей нельзя и назвать странное распоряженіе прежняго Управленія о недопущеніи на русскій божій свѣтъ новыхъ газетъ и журналовъ! По мысли вышеупомянутыхъ лицъ необходимо было, напротивъ, не только допустить, но даже вызвать открытую, *возможно*-свободную литературную борьбу уже существующихъ въ обществѣ взаимно-противоположныхъ мнѣній и направленій. Эту мысль мы признаемъ безусловно вѣрною.

Новому Управленію въ 1880 г. вопросъ о печати могъ представляться въ слѣдующемъ видѣ: или запретить вовсе печатное періодическое слово; или дозволить его въ ограниченномъ числѣ органовъ и только въ извѣстномъ «политически-благонадежномъ» направленіи; или

же, наконецъ, устранить, насколько возможно, прежнія затрудненія къ появленію новыхъ изданій, т. е. разрѣшать ихъ безъ ограниченія числа и безъ строгаго различія направленій, разумѣется, однако, съ соблюденіемъ нѣкоторыхъ условій предосторожности при утвержденіи отвѣтственныхъ редакторовъ. Первое рѣшеніе (т. е. безусловный запретъ всякаго печатнаго періодическаго слова), конечно, немыслимо и останавливаться на немъ было нечего. Равномѣрно немыслимъ, потому что для интересовъ истины положительно вреденъ, и другой или средній выходъ, т. е. допущеніе только ограниченнаго количества органовъ и лишь одного, яко бы благонадежнаго направленія: это имѣло бы видъ опеки надъ обществомъ, словно надъ какимъ-то малолѣткомъ,—опеки вполнѣ обидной, которая дала бы, разумѣется, какъ разъ противоположные результаты. Она только отвратила бы общество отъ привилегированныхъ органовъ и возбудила бы страстный нездоровый аппетитъ ко всему запрещенному, не смѣющему высказаться, —нерѣдко пустому, гнилому само по себѣ, но почерпающему силу и значеніе именно въ недосказанности, именно въ гоненіи и запретѣ. Какъ бы ни было истинно направленіе, но предоставленіе права слова ему одному, но насильственное навязываніе его обществу — способно лишь безвозвратно, или по крайней мѣрѣ надолго, дискредитировать не только литературный органъ, но и самую истину. Все это уже давно доказано нашимъ многолѣтнимъ горькимъ опытомъ за время царствованія Императора Николая. Да и какъ опредѣлить признаки и границы благонадежности направленія? Отъ кого именно должно зависѣть такое опредѣленіе? Вотъ, напримѣръ, въ прошлое царствованіе (впрочемъ и позднѣе, при управленіи Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ генералъ-адъютанта Тимашева) направленіе такъ называемое «славянофильское», т. е. попросту русское народное или національное, признавалось неблагонадежнымъ, да и теперь еще вѣроятно таковымъ признается со стороны многихъ сановныхъ и чиновныхъ петербургскихъ либераловъ-бюрократовъ. Нельзя упускать также изъ виду, что о политической неблагонадежности этого національнаго, т. е. русскаго, направленія не перестаютъ внушать русскимъ властямъ и оффиціозные органы германскаго канцлера. Даже и послѣ 1 марта берлинскія газеты продолжали съ прежнею настойчивостью возглашать о тождественности «славизма» или «московитизма» съ нигилизмомъ, и достойно замѣчанія, что съ таковымъ воззрѣніемъ патріотически поспѣшилъ согласиться старѣйшина, doyen d'âge петербургской «либеральной» и чиновничьей прессы «Голосъ»: онъ *прямодушно* объявилъ, что хотя нигилизмъ и направленіе газеты «Русь» не одно и то же, однакожъ *почти* одно и то же!...

Но мы уклонились въ сторону. Мы хотѣли только ссылкою на нашъ личный опытъ пояснить и оправдать (многими теперь осуждаемую) си-

стему дѣйствій, принятую въ 1880 г. Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати. Очевидно, что изъ трехъ видовъ рѣшенія, допускаемыхъ вопросомъ о печатномъ словѣ въ Россіи, единственно разумнымъ представлялся третій, т. е. допущеніе *возможно*-широкой свободы для періодической печати, какъ относительно числа органовъ, такъ и относительно направленій, которыхъ выраженіемъ они служатъ. Такая система прежде всего удовлетворяла естественной и законной потребности жизни умственной, жизни духа, — той потребности образованныхъ классовъ общества, съ которою не можетъ не считаться никакое, самое могущественное правительство и пренебреженіе къ которой, какъ всѣмъ извѣстно, только плодитъ скрытую и подпольную литературу. Очевидно затѣмъ, что большій просторъ слова, допускаемый новой системой, въ нѣкоторой степени долженъ былъ облагородить и самую нашу печать: т. е. внести въ нее бо́льшую честность, избавить ее отъ той, по выраженію Щедрина, «рабьей манеры писать», въ которой она такъ изловчилась, которая,—междустрочнымъ подразумѣваемымъ смысломъ рѣчей и полунамеками, неуловимыми для цензуры, не поддающимися и прямому литературному обличенію, — умѣла совершенно безнаказанно проводить въ публику все что̀ хотѣла. Наконецъ — и это главное — система, принятая Главнымъ Управленіемъ по дѣламъ печати, открывая бо́льшее удобство для гласнаго проявленія дѣйствующихъ въ обществѣ отрицательныхъ направленій, тѣмъ самымъ будила, вызывала къ борьбѣ, къ бодрой самозащитѣ все то доброе, истинное, что̀, къ несчастію, такъ склонно у насъ къ лѣни и косности: склонно отчасти потому, что легко убаюкивается сознаніемъ своей внутренней правоты, отчасти же потому, что полагается на внѣшнюю оборону (а это ужъ никуда не годится).

Само собою разумѣется, что такая система могла и можетъ держаться только при разумномъ содѣйствіи самой періодической печати, на что̀, сколько намъ извѣстно, и разсчитывало Главное Управленіе. Не трудно было сообразить, что нельзя же вдругъ изъ 1880 г. перескочить въ 1890; что расширеніе свободы печатнаго слова способно еще сильно тревожить непривычный слухъ и щекотливое самолюбіе многихъ; что дѣло вообще обставлено такими подводными камнями, которые созданы исторіей, никѣмъ въ мірѣ тотчасъ же устранены быть не могутъ и плаваніе между которыми требуетъ осторожнаго, искуснаго кормчаго. Нужно было, чтобы свобода слова вошла у насъ постепенно *въ обычай и нравы:* въ этомъ самая существенная ея гарантія, посущественнѣе всякихъ формальныхъ внѣшнихъ законовъ. Но для этого, повторяемъ, необходимо было искреннее содѣйствіе самой печати. Къ сожалѣнію, нѣкоторые органы нашей прессы, въ своемъ отвлеченномъ доктринерскомъ радикализмѣ, проявили съ самаго начала странную несообразитель-

ность и затруднили прочное водвореніе новой системы. Вмѣсто того, чтобы благословлять небо и довольствоваться установившимся statu quo, они дѣтски пренебрегали препятствіями, не вымышленными, а реальными, созданными не прихотью лица, а временемъ и цѣлою совокупностью условій и обстоятельствъ. Забывая французскую пословицу, что иногда le mieux est l'ennemi du bien—или русскую, что отъ добра добра не ищутъ,—нѣкоторыя газеты стали предъявлять такія притязанія на гарантію дарованной имъ относительной свободы, которыя легко могли скомпрометтировать и самую эту долю свободы...

Положеніе дѣла еще болѣе затруднилось и усложнилось 1 марта,—истинно «проклятаго 1 марта», какъ выражаются «Современныя Извѣстія». Иначе и быть не могло. Событіе это такого рода, что—говоря по совѣсти—грѣшно было бы негодовать на какія бы то ни было мѣры строгости, которыя могли бы быть временно приняты правительствомъ въ видахъ огражденія общественной безопасности. Можно было бы только разсуждать объ ихъ цѣлесообразности, но странно было бы не принимать въ расчетъ злобы — подлинно *злобы* нашего историческаго дня! Мы знаемъ, что и въ столицѣ сосѣдней конституціонной Имперіи послѣ двукратныхъ покушеній на жизнь Императора, введено было осадное положеніе и въ нѣсколько дней выпровожено изъ Берлина свыше 8000 «соціалистовъ». Нельзя поэтому не пожалѣть о нѣкоторой безтактности, обнаруженной у насъ кое-какими органами публичнаго слова въ пережитыя и еще переживаемыя нами минуты законнаго общественнаго возбужденія и раздраженія. Положеніе нашей великой страны, созданное событіемъ 1 марта, по-истинѣ возмутительно и унизительно для русскаго чувства: нѣтъ жертвъ, которыхъ Россія не согласилась бы принести, еслибъ только могла этими жертвами возвратить себѣ миръ и свободу органическаго развитія. Тѣмъ болѣе неумѣстно притязаніе нѣкоторыхъ газетъ, страха ради «реакціи»,—какъ бы не замѣчать или умалять значеніе настоящаго историческаго мгновенія,—тѣмъ болѣе удивительно это постоянное глумленіе надъ излишнимъ будто бы опасеніемъ или негодованіемъ общества,—это неумолимое доктринерство, эта непреклонная отвлеченность — въ виду такого реальнаго страшнаго зла!

Мы пишемъ все это именно потому, что горячо, всею душою желаемъ сохраненія той, относительно не малой свободы, которою пользовалась наша печать со времени вступленія въ должность министра внутреннихъ дѣлъ графа Лорисъ-Меликова, и которая, къ несчастію, компрометтируется неосторожными дѣйствіями нѣкоторыхъ органовъ самой печати, увлекаемыхъ, повторяемъ, вовсе не какою-либо злоумышленностью, а дѣтскимъ легкомысленнымъ доктринерствомъ. Оставленіе г. Абазою его служебнаго поприща въ званіи Начальника Глав-

наго Управленія подало естественный поводъ къ толкамъ о перемѣнѣ системы... Хотя имя новаго начальника, князя П. П. Вяземскаго, связаннаго и личною дѣятельностью, и семейными преданіями съ интересами литературы и публицистики, служитъ нѣкоторымъ ручательствомъ, что эти интересы не потерпятъ ущерба, однако же слухи подобнаго рода не могутъ насъ не тревожить. Мы отстаиваемъ свободу слова,—по крайней мѣрѣ въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ она существовала до послѣдней поры,—именно въ интересѣ того, что мы признаемъ истиною, чему всегда служили въ литературѣ и чему служить именно теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, считаемъ «благовременнымъ и благопотребнымъ». Мы дорожимъ возможностью открытой прямой борьбы, а такая борьба возможна и не только возможна, но и способна привести къ торжеству истины лишь въ томъ случаѣ, если борющіеся вполнѣ равноправны, если и противники наши пользуются одинаковою съ нами свободой. Пора же наконецъ убѣдиться въ томъ, что излишнее стѣсненіе свободы слова клонится къ выгодѣ именно лжи, создаетъ ей ретраншементъ, за которымъ она становится неуязвимой. Сила лжи именно въ вынужденной недосказанности, въ ореолѣ «угнетенной невинности», въ возможности обезоруживать честнаго своего противника упрекомъ въ «доносѣ» или въ нападеніи на «лежачаго». Десятки лѣтъ упражняются поборники лжи въ подобномъ пріемѣ,—къ прямому ущербу для истины. Вашъ противникъ, напримѣръ, проповѣдуетъ матеріалистическое ученіе, отвергаетъ бытіе «абсолютной истины», и т. д., но если вы позволите себѣ вывести его на чистую воду и скажете, между прочимъ, что онъ отвергаетъ бытіе Божіе, поднимается крикъ: «доносъ, доносъ!» Другой, разбирая въ журналѣ историческое изслѣдованіе изъ временъ французской революціи, порицаетъ Марата и Робеспьера за излишнюю кротость и излагаетъ теорію терроризма. Попробуйте обличить его — непремѣнно раздастся вопль: «доноситель!» Тысячу примѣровъ могли бы мы привести въ доказательство, что отъ стѣсненія свободы слова «въ неавантажѣ обрѣтается» только сама истина. Да уже и теперь, сбиваемые съ позиціи доводами логики и правды, многіе наши противники спѣшатъ прикинуться, къ счастію еще безъ достаточнаго основанія, гонимыми, жертвами... Этого ореала слѣдуетъ ихъ лишить. Нужно ихъ вызвать на борьбу въ области мысли и слова. Нужно заставить ихъ высказаться, и тогда предстанетъ явно предъ всѣми ихъ безсодержательность, ничтожество и пустота. Нужно неуклонно вѣрить, что истина препобѣдитъ, хотя бы и была предоставлена только себѣ самой, — что помощь внѣшней грубой силы только роняетъ ея достоинство; что искать въ этой силѣ опоры—есть признакъ маловѣрія или даже безвѣрія въ истину, причемъ немыслима и побѣда.

Само собою разумѣется, что есть предѣлы, гдѣ слово становится уже само внѣшнимъ дѣйствіемъ. Газеты въ родѣ газеты Рошфора, или Моста—это уже не свобода слова, а свобода разбоя. Мы понимаемъ всю трудность разграниченія этихъ обѣихъ сферъ,—въ этомъ отношеніи легко могутъ быть допущены и ошибки, не только административнымъ усмотрѣніемъ, но и всякимъ судомъ. Вообще сочиненіе *законовъ* о печати—задача почти неразрѣшимая, даже теоретически,—но мы придаемъ не малое значеніе уже самому успѣху сознанія въ нашихъ правительственныхъ сферахъ, что свобода слова есть цѣль, къ которой необходимо стремиться,—непремѣнное условіе общественнаго развитія, добро, которое надо неуклонно насаждать, холить, беречь, растить непрерывно, хотя бы и неторопливо, воспитывать съ любовью, хотя бы и строгою....

О газетѣ для народа.

«Русь», 25-го іюля 1881 года.

Много толковали въ послѣднее время по поводу слуховъ о предположеніи нѣкоторыхъ лицъ издавать «Народную газету» съ правительственной субсидіей—или иного рода поддержкой, хотя бы въ видѣ, напримѣръ, обязательной для всѣхъ волостныхъ правленій подписки. Напечатанное въ 36 № «Руси» сообщеніе правительства категорически опровергаетъ всѣ эти слухи,—но вопросъ, вызванный ими, самъ по себѣ интересенъ и заслуживаетъ отвѣта. Нужна ли народу газета, доступная ему по цѣнѣ и по языку или способу изложенія? Несомнѣнно нужна *въ наше время,* и правительство поступитъ мудро, если приметъ эту потребность въ соображеніе. Чтó бы ни говорили, а грамотность въ сельскомъ населеніи распространяется довольно успѣшно, и про *газету* вѣдомо стало народу даже въ самой глухой глуши нашего отечества. Послѣдняя война (т. е. война Сербская 1876 г. съ участіемъ добровольцевъ даже изъ среды заволжскихъ крестьянъ, и война 1877 г. за Болгарію—эти два дѣйствія *одной и той же* драмы, которыя раздѣлить въ общественномъ сознаніи невозможно), и такъ, война 1876—77 года была по-истинѣ *народною* войною,—чѣмъ не была до сихъ поръ ни одна война съ Турками, а воевали мы съ ними не мало. Мы объясняемъ себѣ такой необычайный подъемъ народнаго духа, между прочимъ, уничтоженіемъ крѣпостнаго гнёта: то была первая война послѣ освобожденія крестьянъ 19 февраля 1861 года. Но какія бы причины ни были,—фактъ неоспоримъ, что въ эти два-три года военной поры развитіе народное двинулось такъ быстро, какъ въ иное время не движется и въ десятки лѣтъ. Народъ положительно участвовалъ мыслью и

сердцемъ въ этомъ, по понятіямъ недавней старины, казалось бы постороннемъ для него государственномъ дѣлѣ. Его вниманіе было такъ напряжено, интересъ къ малѣйшимъ подробностямъ борьбы былъ такъ великъ, что «газета» и «депеша» стали самыми обиходными понятіями и словами. Селенія подписывались складчиной на полученіе иного періодическаго листка, посылали нарочныхъ на базары и въ уѣздный городъ — добывать вѣстей и купить афишъ съ телеграммами, которыя потомъ кѣмъ-нибудь грамотнымъ читались на площади, вслухъ предъ собравшимися крестьянами. Миновала военная пора, но привычка и вкусъ къ подобному чтенію остались,—да и событія, за войной послѣдовавшія, были не такого рода, чтобъ духу народному погрузиться снова въ дремоту и усыпленіе. Народъ, олицетворяющій себя, сознающій свое политическое бытіе въ царѣ, признаетъ и всякое посягательство на царя посягательствомъ на себя самого, на самую основу своего государственнаго существованія: въ дѣло государственнаго управленія онъ не вмѣшивается и вмѣшиваться не хочетъ, но сохраненіе *основы*— это онъ считаетъ уже *своимъ дѣломъ*. Злодѣйство 1 марта прожгло его душу глубокимъ, надолго неизгладимымъ слѣдомъ, хотя онъ и неохотно это высказываетъ и вообще, какъ народъ ума и нрава серьезнаго, любитъ таить свои думы про себя. Онъ сталъ болѣе прежняго чутокъ, внимателенъ и даже пытливъ. Онъ теперь менѣе, чѣмъ въ старое время, разобщенъ, даже внѣшнимъ образомъ, съ жизнью высшихъ общественныхъ классовъ и не безучастенъ къ тому, что̀ творится около него или надъ нимъ. Онъ даже находитъ нужнымъ, по инстинкту самосохраненія, свойственному ему какъ политическому и историческому организму, и въ виду революціонныхъ, воочію явленныхъ ему коковъ, слѣдить нѣкоторымъ образомъ за тѣмъ, что̀ творится. Однимъ словомъ, онъ читаетъ, гдѣ возможно, газеты, разспрашиваетъ тѣхъ, кто ихъ получаетъ, старается узнать: «что̀ въ нихъ пишутъ»?

Но тутъ-то и опасность. Та степень первоначальнаго образованія, которая доступна народнымъ массамъ вообще и нашему народу въ частности, не можетъ, разумѣется, снабдить народъ достаточнымъ критеріемъ для распознанія плевелъ отъ пшеницы, для того, чтобы умѣть разобраться въ этомъ множествѣ періодическихъ изданій. Школа вселяетъ въ крестьянъ-учениковъ уваженіе къ книгѣ, къ печати, и трудно имъ усвоить себѣ ту высшую точку зрѣнія культурнаго класса, что газеты такого уваженія и вѣры вообще не заслуживаютъ; что онѣ—не болѣе какъ органы разныхъ партій и направленій, а иногда личныхъ мнѣній и интересовъ; что «пресса, это — мысли вслухъ или разговоръ разнаго склада людей,—людей вольныхъ, частныхъ, никѣмъ на то не поставленныхъ и за слова и сужденія свои, кромѣ извѣстныхъ случаевъ, вообще не отвѣтственныхъ. Народу мнится, что все публичное

подлежитъ надзору власти и всякое печатное слово является въ свѣтъ не иначе, какъ съ одобренія правительства. «Напечатано»—это самый сильный аргументъ у народа: «мы сами это въ газетахъ прочли», возражаютъ вамъ, если вы вздумаете опровергать иной вздоръ, вычитанный крестьянами въ какой-нибудь газетѣ. А какъ они читаютъ — образцомъ этому можетъ служить крестьянское толкованіе одной газетной статьи, приведенное ниже, въ этомъ же № «Руси», въ «Письмѣ изъ деревни». Нашъ книжный или литературный языкъ мало понятенъ простому народу, а потому и легко подаетъ поводъ къ недоразумѣніямъ, подчасъ, пожалуй, и вреднымъ. Винить въ этомъ исключительно русское «народное невѣжество», на что̀ такъ скоры наши газетные борзописцы,—было бы по меньшей мѣрѣ неумно. Нѣтъ страны въ мірѣ, въ которой языкомъ общимъ для всей народной массы былъ бы языкъ высшаго образованія, языкъ дѣланный, отвлеченный, испещренный латинскими, греческими, вообще иностранными выраженіями и условленными научными терминами, служащій орудіемъ для обмѣна абстрактныхъ понятій въ средѣ, гдѣ почти всѣ предполагаются стоящими на одномъ общемъ, извѣстномъ уровнѣ умственнаго развитія и знанія. У насъ же, сказать по правдѣ, литературная рѣчь, независимо отъ иностранныхъ словъ, преисполнена грамматическихъ и синтаксическихъ формъ и оборотовъ, противныхъ самому духу нашего языка. Вторженіе этой рѣчи въ народное употребленіе съ ея «вліяніями», «преслѣдованіями цѣлей или мыслей», «любопытными вещами» и т. п. даже и не желательно, ибо засоряетъ самый источникъ живаго чистаго русскаго слова, который такъ нуженъ намъ для обновленія и исправленія нашего литературнаго языка. Но было бы совершенно несправедливо порицать и наши газеты за то, что онѣ не пишутъ рѣчью вполнѣ удобопонятною для народа. Во-первыхъ, такая рѣчь, какъ мы уже сказали, вовсе не годится для обмѣна мыслей болѣе или менѣе отвлеченныхъ, свойственнаго средѣ высшаго образованія; во-вторыхъ, задача газетъ (въ томъ числѣ, разумѣется, и нашей) — служить разработкѣ сознанія именно въ такъ называемыхъ «культурныхъ» классахъ. Онѣ вовсе не каѳедра для народной проповѣди. А между тѣмъ, именно это-то значеніе учительной каѳедры, да еще правительствомъ одобренной, присвоиваетъ народъ чуть ли не каждой газетѣ. Нужно бы непремѣнно устранить такое прискорбное недоразумѣніе. Не думаемъ, чтобы даже тѣ журналисты, которые на своихъ летучихъ періодическихъ листкахъ распространяли въ публикѣ новѣйшую *порнократическую* французскую литературу, напримѣръ романъ «Нана» Эмиля Зола, — признавали такое чтеніе для народа, и особенно для крестьянскихъ мальчиковъ (главныхъ *грамотеевъ* въ деревнѣ), *назидательнымъ* и желаннымъ. Если можно утѣшаться тѣмъ, что такія газеты, по своей дорого-

визнѣ, въ народъ не проникаютъ, то нельзя не вспомнить, что есть цѣлый рядъ листковъ очень дешевыхъ, расчитывающихъ на огромное распространеніе и дѣйствительно распространенныхъ, которые можно также причислить къ «порнократической» литературѣ и въ точномъ, и въ *переносномъ* смыслѣ, о чемъ бы они ни толковали [1]). Лишить подобныя изданія той правительственной санкціи, которою они украшаются въ глазахъ народа (чего можетъ быть и сами издатели не подозрѣваютъ), было бы, надо думать, согласно съ интересами самихъ издателей...

Но какъ же этого достигнуть? Для этого-то и нужны, скажутъ намъ, спеціальныя изданія для народа, съ пособіемъ отъ правительства и имъ *нарочито* рекомендуемыя (каковая рекомендація въ сущности равнозначительна обязательной на изданіе подпискѣ). Мы не сочувствуемъ съ такого рода системой, да и самый опытъ свидѣтельствуетъ объ ея безуспѣшности. Оказывая подобную поддержку частному лицу, правительство становится поневолѣ солидарнымъ съ тѣмъ *личнымъ* элементомъ, который не можетъ не вносить издатель въ свою газету, съ его воззрѣніями, съ его пріемами; издатель, съ своей стороны, становясь въ положеніе зависимое, утрачиваетъ искренность въ словѣ, подлаживается, поддѣлывается, — и все это отражается на самомъ изданіи какою-то фальшью, которая инстинктивно чувствуется читателями. Всѣ почти изданія, для *народа предназначаемыя*, страдаютъ у насъ этими недостатками: народъ ихъ не любитъ и не читаетъ. Да у насъ *почти* никто и не умѣетъ писать для народа; народную литературу обыкновенно отождествляютъ у насъ съ литературою *дѣтскою*, и авторы въ той и другой области похожи на людей, которые, играя съ дѣтьми, присаживаются на корточки и умышленно картавятъ какъ дѣти. Бо́льшая часть такихъ писателей старается научить народъ разнымъ нравственнымъ истинамъ (притомъ же ему болѣе или менѣе извѣстнымъ)—языкомъ слащавымъ, искусственно-нѣжнымъ, забывая, что, по понятіямъ народа, языкъ истины — языкъ серьезный и строгій. Народъ вовсе не прочь поломать голову надъ читаемымъ, нужно только, чтобы рѣчь была внутренно-живая и по возможности образная, въ формѣ не столько абстрактной, сколько конкретной. Изъ нашихъ же писателей «для народа» многіе являются, по французской пословицѣ, болѣе католиками, чѣмъ самъ папа, отчасти по усердію, отчасти по личному убѣжденію

[1]) Мы должны оговориться, чтобъ не подать повода къ ложнымъ истолкованіямъ. Хотя недавно «Русскій Курьеръ» разослалъ по всѣмъ лавкамъ и магазинамъ печатный циркуляръ, что онъ, «Курьеръ», сталъ *одною изъ самыхъ распространенныхъ* и *любимыхъ* газетъ въ Россіи и *за границей* (?!), а потому-де «въ вашихъ интересахъ» помѣщеніе въ немъ объявленій особенно «выгодно», однако же онъ можетъ успокоиться: мы не его имѣемъ въ виду.

или темпераменту. Мы, кажется, уже приводили однажды остроумное изреченіе французскаго романиста Шербюлье, que Dieu aime mieux ceux qui le renient, que ceux qui le compromettent, т. е. что Господь Богъ охотнѣе терпитъ тѣхъ, которые Его совсѣмъ отрицаютъ, чѣмъ тѣхъ, которые Его *компрометтируютъ*. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего хуже для истины—такъ называемыхъ медвѣжьихъ услугъ. Открытый врагъ менѣе опасенъ: при немъ истина остается въ своей чистотѣ и неприкосновенности; нечистый же союзникъ, кривотолкъ-защитникъ, роняетъ ея достоинство; всякая примѣсь фальши ослабляетъ ея силу. Къ сожалѣнію, нигдѣ правое дѣло не страдаетъ такъ отъ медвѣжьихъ услугъ, какъ у насъ, и не только со стороны какихъ-либо патентованныхъ «писателей для народа», народомъ почти никогда и не читаемыхъ, но и со стороны многихъ церковныхъ проповѣдниковъ. Послѣдніе, напримѣръ, касаясь въ своихъ проповѣдяхъ отношеній подданнаго къ царю, излагаютъ иногда цѣлую доктрину низкаго идолопоклонства, и своими кощунственными сравненіями царскаго достоинства съ свойствами божескими, своею омерзительною лестью — только смущаютъ истинно вѣрующій и истинно вѣрноподданный нашъ народъ. Кстати: мы имѣемъ у себя въ копіи составленное въ двадцатыхъ годахъ, по повелѣнію Государя Александра Павловича, и разосланное по всѣмъ епархіямъ циркулярное предписаніе, чтобы духовенство при встрѣчѣ съ Государемъ не употребляло въ своихъ привѣтственныхъ рѣчахъ и въ произносимыхъ въ его присутствіи проповѣдяхъ выраженій грубой и богохульной лести. Не къ чести нашего высшаго духовенства этотъ историческій документъ, — но, конечно, къ вящшей чести и славѣ Императора Александра I.

Мы должны, впрочемъ, справедливости ради, упомянуть, что былъ одинъ опытъ, начало котораго оказалось, повидимому, удачно. Основатель «Русскихъ Вѣдомостей», извѣстный въ свое время литераторъ и человѣкъ умный, Н. Ф. Павловъ, основалъ эту газету именно съ цѣлью сдѣлать ее листкомъ народнымъ, для чего со стороны правительства и оказана была ему поддержка способомъ «рекомендаціи», а главное, весьма значительнымъ пониженіемъ платы за почтовую пересылку. Газета издавалась просто, умно, безъ всякихъ тенденцій и имѣла положительный успѣхъ. Но Павловъ умеръ; спустя нѣкоторое время по его смерти, газета перемѣнилась и внѣшнимъ и внутреннимъ образомъ, стала исключительно органомъ партіи или одного изъ литературныхъ направленій, однимъ словомъ, стала газетою такою же, какъ «Голосъ», «Порядокъ» и всѣ другія. А между тѣмъ, въ народныхъ понятіяхъ фирма или названіе этой газеты продолжаетъ быть связаннымъ съ воспоминаніемъ о правительственной рекомендаціи, что́, конечно, можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ, да и не должно, полагаемъ, быть

пріятнымъ самому этому «либеральному» органу: подобное двусмысленное положеніе должно, кажется намъ, стѣснять нѣкоторымъ образомъ его собственную свободу. То же самое можетъ случиться и со всѣми этими «Сельскими Бесѣдами», «Народными Чтеніями», «Грамотеями» и т. п.

Для удовлетворенія народной потребности въ газетѣ нужно бы, думаемъ мы согласно съ авторомъ «Письма изъ деревни», издавать газету для народа не другому кому, а самому же правительству. Пусть издается нѣчто въ родѣ маленькаго «Правительственнаго Вѣстника», прямо отъ имени правительства, да непремѣнно съ государственнымъ орломъ: такая газета, какъ органъ самой государственной власти, будетъ самая угодная народу, и онъ отнесется къ ней съ полнымъ вниманіемъ и довѣріемъ. При этомъ народу должно быть, конечно, внушено, что правительство не возбраняетъ никому выписывать и получать всякія другія газеты, но что эти другія газеты — то же что̀ рѣчи на базарѣ: частныя и вольныя, мысли и воли правительственной не выражающія, или на выраженіе ихъ не уполномоченныя, и что правительство за нихъ не отвѣтственно; отвѣчаетъ же оно только за то, что̀ сказано въ его собственной газетѣ. Цѣну ей слѣдовало бы назначить самую дешевую, рубль или два въ годъ, и изданіе поручить человѣку умному и надежному, какъ важное государственное дѣло. Въ ней должны бы быть помѣщаемы всѣ манифесты, указы и правительственныя распоряженія, имѣющіе хоть нѣкоторую связь съ обстоятельствами народнаго быта, промышленности и торговли, — при чемъ самый текстъ законовъ и распоряженій могъ бы сопровождаться яснымъ, простымъ, краткимъ истолкованіемъ. Газета же должна сообщать и свѣдѣнія о царѣ и царскомъ семействѣ, чѣмъ всегда сильно интересуется народъ, а также и свѣдѣнія обо всемъ, что̀ знать для него полезно,—о выставкахъ, конкурсахъ и т. п. Въ ней же могутъ найти мѣсто и полезные совѣты по сельскому хозяйству, по кустарнымъ промысламъ, по народной гигіенѣ, по предохраненію отъ эпизоотій, повальныхъ болѣзней и т. д., и т. д., изложенныя просто, трезво, языкомъ чуждымъ ужимокъ и аффектаціи, какъ говорятъ съ человѣкомъ взрослымъ и умнымъ, но неученымъ. Это будетъ самое правдивое и честное отношеніе власти къ народу, самый лучшій способъ для огражденія народа отъ дѣйствія кривыхъ толковъ и слуховъ, и однимъ изъ добрыхъ, прямыхъ средствъ для поощренія народнаго труда...

По поводу предполагавшагося изданія «Сельскаго Правительственнаго Вѣстника».

«Русь», 29-го августа 1881 года.

По поводу сообщеннаго въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» извѣстія о предполагаемомъ изданіи «Сельскаго Правительственнаго Вѣстника» или вообще откровенно-оффиціальной дешевой правительственной газеты для народа, «Современныя Извѣстія», утверждая, будто такимъ образомъ исполняется программа, предложенная «Русью», передаются скорбнымъ размышленіямъ о роковомъ «китаизмѣ, куда влечетъ Россію неудержимо рокъ», и нѣкоторымъ образомъ привлекаютъ насъ къ отвѣту. Странное недоразумѣніе, которое мы всего менѣе ожидали встрѣтить въ «Современныхъ Извѣстіяхъ»! Вѣдь *никому же* не предполагается возбранить изданіе, *на свой счетъ и страхъ,* какой угодно дешевой газеты для народнаго чтенія; точно такъ же, какъ никому изъ народа, ни сельскимъ, ни волостнымъ правленіямъ, не предполагается запретить (такой и мысли никому и въ голову не приходило) выписывать себѣ какое угодно періодическое изданіе, хоть бы «Дѣло» или «Порядокъ», или «Современныя Извѣстія», или «Русь». Мы именно это оговорили въ нашей статьѣ. Стало быть все остается по старому,—только къ числу періодическихъ газетныхъ листковъ прибавляется новый, правительственный. Во всѣхъ государствахъ Европы, которыя редакторъ «Современныхъ Извѣстій» не считаетъ увлекаемыми рокомъ къ китаизму, признавая это русскою особенностью, существуютъ такіе оффиціальные органы; существуетъ и у насъ «Правительственный Вѣстникъ»,—но онъ слишкомъ дорогъ, тяжеловѣсенъ и не всегда доступенъ по изложенію для громаднаго большинства русскаго населенія; къ тому же наполненъ множествомъ неинтереснаго для него матеріала: движеніемъ по службѣ, судебными и иными объявленіями, и т. п. Дѣло идетъ такимъ образомъ о приспособленіи оффиціальнаго печатнаго органа къ потребности народныхъ массъ, такъ какъ этимъ послѣднимъ вѣдать волю и мысль правительственную и интересно, да, думаемъ, и не безполезно. Мы предпочитаемъ оффиціальность оффиціозности, и не видимъ ничего худаго въ установленіи, хотя бы и въ этой формѣ, непосредственныхъ сношеній государственной власти съ народомъ.

Но не въ этомъ собственно дѣло, а главнымъ образомъ въ томъ, что ни для кого это «мѣропріятіе» такъ не желанно, какъ именно для насъ, т. е. для печати неоффиціальной и неоффиціозной, и вотъ почему:

Редакторъ «Современныхъ Извѣстій», самъ бывшій столько лѣтъ цензоромъ, лучше чѣмъ кто-либо знаетъ, какое главное соображеніе руководитъ цензора и стоитъ поперекъ всѣмъ нашимъ домогатель-

ствамъ большей свободы слова. Соображеніе это такого рода: вслѣдствіе глубокой до неизмѣримости разницы въ образованіи, въ знаніи, въ развитіи, въ основныхъ точкахъ зрѣнія, въ самомъ быту и жизни—высшихъ и среднихъ классовъ общества отъ низшихъ или отъ народныхъ массъ, печатныя рѣчи образованныхъ классовъ, доходя до слуха или вѣдѣнія низшихъ, отражаются тамъ совершенно въ иномъ, большею частью искаженномъ, преломленномъ видѣ: что̀ безвредно въ «культурной» средѣ, то въ средѣ некультурной является нерѣдко положительно вреднымъ и даже опаснымъ, ибо она не обладаетъ надлежащимъ критеріемъ. *Не есть ли это своего рода злоупотребленіе своимъ превосходствомъ, преимуществомъ, своего рода насиліе надъ безоружнымъ, довѣрчивымъ, простодушнымъ народомъ?* Вотъ что̀ случалось намъ слышать отъ нѣкоторыхъ цензоровъ... Въ народѣ, *къ несчастію*, до сихъ поръ «печатный каждый листъ быть кажется святымъ»,—народъ, къ несчастію, вѣритъ каждой печатной строкѣ и предполагая, что все, что пускается—тамъ, вверху, надъ нимъ—въ публичное обращеніе, имѣетъ на то разрѣшеніе власти, а что разрѣшено или допущено властью, то ею, значитъ, *одобрено*,—видитъ въ каждой печатной строкѣ выраженіе мысли и воли правительственной.

Такія qui pro quo бывали; такія недоразумѣнія доводили иногда даже до печальныхъ послѣдствій. Нельзя поэтому отрицать извѣстной доли справедливости въ вышеприведенномъ цензорскомъ соображеніи, которое и доселѣ состоитъ главною виною бытія предварительной и карательной цензуры. Слѣдуетъ ли однакоже изъ этого, что печать должна говорить шопотомъ или постоянно лицемѣрить, примѣняться къ низшему уровню познаній и понятій народной массы? Конечно нѣтъ; при подобномъ условіи немыслимо существованіе собственно того, что̀ называется обществомъ. Общество (при нормальномъ отношеніи къ своей народной основѣ) есть народъ на второй, высшей ступени развитія, народъ выдѣлившійся въ *единицы*. Оно призвано — путемъ личной сознательной, единичной дѣятельности—вырабатывать инстинктивное и стихійное начало, живущее въ народѣ, непосредственную силу его духа—до степени самосознанія, и работа эта должна быть вполнѣ свободна и искренна, съ безпрепятственнымъ обмѣномъ мнѣній, сомнѣній, недоумѣній, съ борьбою мыслей и направленій. Какъ же быть? Намъ необходима свобода умственной жизни, иначе мы не добудемъ самосознанія и не достигнемъ полноты развитія народнаго духа,—слѣдовательно не исполнимъ своего долга,—да и правительство нуждается же, для своей дѣятельности, не въ умственныхъ малолѣткахъ, а въ взрослыхъ, развитыхъ гражданахъ;—съ другой стороны, необходимо также оградить народныя массы отъ опасныхъ недоразумѣній,—не налагать *насильно* на народъ того, чего онъ «еще не можетъ носити нынѣ», не пріобщать его, силою

мнимаго, незаконнаго *авторитета,* къ нашимъ умственнымъ и духовнымъ блужданіямъ.

Для дарованія столь необходимаго намъ, для нашего развитія, простора слову, нужно бы, кажется, прежде всего отнять у печати тотъ незаконный «престижъ» или авторитетъ, какимъ она пользуется въ глазахъ народа и который ее только компрометтируетъ; возвратить печати ея настоящее значеніе—вольныхъ, частныхъ, *не* оффиціальныхъ и *не* оффиціозныхъ рѣчей,—короче: необходимо *дискредитировать* въ его понятіяхъ печать. Это всего лучше достигается, думаемъ мы, такимъ заявленіемъ правительства, что оно *отвѣчаетъ* только за такіе-то органы, а всѣ прочія періодическія изданія—любо—слушай, не любо—не слушай: есть изъ нихъ и хорошія, и дурныя, одни толкуютъ дѣло, другія брешутъ; но да будетъ вѣдомо, что выражать правительственную мысль и волю они не уполномочены, говорятъ отъ себя и на свой страхъ, а мысль и волю свою правительство высказываетъ въ *своихъ* изданіяхъ. Не понимаемъ, въ чемъ же тутъ «китаизмъ»? Нѣчто подобное предлагалъ самъ редакторъ «Современныхъ Извѣстій» для цензуры духовной, ограничивая отвѣтственность Синода только за тѣ изданія, на которыхъ стоитъ его одобреніе, и предоставляя полную свободу печати для всѣхъ прочихъ духовнаго содержанія книгъ, не снабженныхъ таковымъ одобреніемъ и не подвергающимъ, поэтому, Синодъ никакой за нихъ отвѣтственности. Мы также желали бы освободить нашу свѣтскую печать отъ правительственной отвѣтственности за нее въ глазахъ народа,—разумѣется, до извѣстныхъ предѣловъ: свобода слова не значитъ, напримѣръ, свобода сквернословія, и т. д. Не знаемъ, какъ кому, но для насъ нисколько не желательно, чтобъ газета «Русь» считалась въ селахъ и волостяхъ чѣмъ-либо инымъ, какъ только выраженіемъ мнѣнія самой редакціи, никакъ не болѣе, и чтобъ она пользовалась незаконнымъ авторитетомъ. Не можетъ, полагаемъ, этого желать для себя и редакторъ «Современныхъ Извѣстій».

И только тогда, когда правительство освободитъ себя въ народномъ пониманіи отъ отвѣтственности за печать,—можетъ оно даровать (повторяемъ: въ предѣлахъ существующихъ и во всѣхъ такъ называемыхъ цивилизованныхъ государствахъ) тотъ просторъ слову, который такъ намъ желателенъ и такъ нуженъ. Развѣ не печально, развѣ нормально, развѣ здорово для общества, развѣ полезно для самого правительства такое положеніе, при которомъ приходится ему проявлять свою энергію «прихлопываньемъ» въ теченіе одного мѣсяца трехъ большихъ газетъ, изъ коихъ одна прекращена на 4, а другая на цѣлые 6 мѣсяцевъ? Оно не нормально уже потому, что предоставляетъ наложеніе такой чувствительной кары, которая въ нѣкоторомъ родѣ есть посягательство на право имущественной собственности, административному *усмотрѣнію*

одного лица, т. е. министра внутреннихъ дѣлъ. Нѣтъ сомнѣнія, что настоящій министръ вовсе не изъ такихъ, которые бы вкушали сладость подобнаго произвола, и самъ первый имъ тяготится; но дѣйствующая нынѣ система существовала еще до него, заимствованная цѣликомъ у Наполеона III (хорошъ образецъ для подражанія!) и усовершенствованная генералъ-адъютантомъ Тимашевымъ. Она вредна уже тѣмъ, что порождаетъ въ администраціи постоянное вожделѣніе: «подтянуть» прессу, и ошибочную увѣренность, будто ее можно «направлять» и «руководить»—опять-таки по «усмотрѣнію»! Но «усмотрѣнія» мѣняются со смѣною лицъ, и на что была бы годна печать, вертящаяся по всѣмъ такимъ измѣнчивымъ «усмотрѣніямъ»?! Еще за годъ съ небольшимъ тому назадъ господствовало «усмотрѣніе», особенно сурово преслѣдовавшее въ печати направленіе *русское*, національное!.. Никто не терпѣлъ такъ долго, такъ много и, смѣемъ думать, такъ незаслуженно отъ этой системы «усмотрѣній», какъ мы, и каждое примѣненіе теперь, хотя бы къ нашимъ литературнымъ противникамъ, тѣхъ же оскорбительныхъ карательныхъ пріемовъ, какимъ и мы подвергались, заставляетъ насъ содрогаться тѣми же, столько разъ испытанными нами ощущеніями!.. Прежде однако дѣйствовало правило, нѣсколько ограждавшее редакторовъ: нельзя было прекратить существованіе газеты или журнала иначе, какъ съ разрѣшенія I департамента Правительствующаго Сената. Когда бывшій министръ А. Е. Тимашевъ представилъ Правительствующему Сенату о запрещеніи газеты «Москва» по ея крайней зловредности (разумѣется, съ изложеніемъ мотивовъ), мы подали Сенату формальное прошеніе о предъявленіи намъ министерскаго представленія, дабы и мы могли представить свои объясненія, причемъ основывали свое право на извѣстной статьѣ X тома Св. *Гражданскихъ* законовъ, по которой никто не можетъ быть лишенъ своей собственности безъ предварительнаго истребованія отъ него объясненій. Сенатъ призналъ нашу постановку вопроса правильною, велѣлъ предъявить намъ представленіе министра и принялъ отъ насъ объясненіе по каждому пункту министерскаго обвиненія. Мы не выиграли процесса,—газета была все-таки запрещена, въ окончательной уже инстанціи, т. е. въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта; однакожъ нѣкоторые мотивы обвиненія были значительно ослаблены. Мы когда-нибудь познакомимъ читателей съ подробностями этого процесса. Въ настоящее время упомянутое правило не дѣйствуетъ. Сенатъ, по ходатайству А. Е. Тимашева, былъ устраненъ отъ участія въ запрещеніи, и изданія могутъ теперь запрещаться, а издатель можетъ быть лишенъ своего имущества безъ предоставленія ему возможности представить свои оправданія или объясненія.

Такое положеніе дѣлъ, конечно, не можетъ способствовать прав-

ственному оздоровленію общественной атмосферы. При самодержавномъ образѣ правленія, который мы искренно чтимъ со всѣмъ Русскимъ народомъ, только единое лицо Самодержца стоитъ выше закона: всѣ остальныя, безъ исключенія, *подзаконны*; только единой личной волѣ Монарха готовы мы повиноваться вполнѣ охотно, безпрекословно и безропотно,—но зависимость *отъ всякаго инаго личнаго произвола*, зависимость особенно въ области мысли и слова, и отчасти даже имущественная зависимость, вноситъ въ общество то нездоровое чувство раздраженія, которое, въ интересѣ самого правительства, едвали желательно возбуждать. Не склонны развѣ испытывать такое же чувство раздраженія и тѣ двадцать пять тысячъ, если не болѣе, подписчиковъ недавно пріостановленныхъ газетъ, которые, заплативъ въ общей сложности слишкомъ 200 тыс. р., лишены такимъ внезапнымъ образомъ, безъ суда, и своихъ денегъ, и привычнаго чтенія?.. И тѣмъ болѣе напрасно производить такое раздраженіе, что подобная карательная мѣра никакой предположенной себѣ правительствомъ цѣли не достигаетъ, а даетъ, можетъ быть, совершенно противуположные результаты. Отъ того, что направленіе иной пріостановленной газеты лишено возможности выражаться, внутренняя безгласная дѣятельность направленія не останавливается и вліяніе его не ослабѣваетъ. Это доказано печальнымъ опытомъ послѣднихъ пятнадцати лѣтъ. Что предупредила карательная цензура? Предупредила ли она развитіе нигилизма, радикализма, и т. д.? Ничего, нисколько, — только сдѣлала эти направленія скрытнѣе, хитрѣе и ядовитѣе, придавъ имъ прелесть запрещеннаго плода и ложный ореолъ угнетенной правды! Всѣ эти энергическія «подтягиванія прессы», всѣ поползновенія «направлять и руководить» печать, всѣ эти пріемы и преданія старыхъ временъ,—дали ли они хоть когда-либо благіе плоды, вѣнчались ли когда-либо успѣхомъ? Отъ того, что правительство не слышитъ въ данную минуту какихъ-либо непріятныхъ рѣчей, выражавшихся прежде громко, это вовсе не значитъ, что эти рѣчи замолкли, что и само общество заткнуло себѣ покорно уши: къ сожалѣнію (а иногда и не къ сожалѣнію, какъ было съ національнымъ русскимъ направленіемъ), совершенно наоборотъ. Въ результатѣ только одно: что правительство не слышитъ и не видитъ настоящаго настроенія значительной части общества,—да еще другое, самое печальное послѣдствіе. Если направленіе административно прекращенныхъ газетъ вредно, то оно, благодаря такой карѣ, ускользаетъ отъ литературнаго преслѣдованія со стороны направленій противуположныхъ. «Лежачаго не бьютъ»; этого нравственнаго требованія не переступишь. При всякой такой карѣ, постигшей вашего противника и давшей ему положеніе «лежачаго», орудіе само вываливается изъ вашихъ рукъ: администрація, своимъ вмѣшательствомъ въ свободную литера-

турную борьбу, сама, такъ сказать, выдергиваетъ его у васъ и ограждаетъ неприкосновенность наказуемаго, имя котораго иногда — знамя цѣлаго направленія. Однимъ словомъ, кромѣ вреда и для самого правительства, и для общественнаго сознанія, нуждающагося въ свободной борьбѣ мнѣній,—вреда для правды, для истины, мы ничего не усматриваемъ въ системѣ административныхъ «подтяжекъ» печати, — заимствованной нами у Второй Французской Имперіи. Кажется, пришла уже пора ее оставить. Вотъ почему и въ изданіи «Сельскаго Правительственнаго Вѣстника» (если оно точно предполагается), вопреки «Современнымъ Извѣстіямъ», мы усматриваемъ не китаизмъ, а движеніе именно впередъ,—къ освобожденію правительства отъ отвѣтственности въ глазахъ народа за всѣ наши газетные вольные толки и рѣчи, къ тому дискредитированію въ народныхъ понятіяхъ печати, которое, ставя народъ въ правильное къ ней отношеніе, *обезвреживая* печать, въ то же время даетъ ей право на большій просторъ слова.

Наша настоящая предержащая власть заявила, слава Богу, съ самой первой поры такое сознаніе своей силы и независимости, столько притомъ твердости и спокойствія, что мы вполнѣ и искренно вѣримъ, что и въ области печатнаго слова она сумѣетъ устранить неумѣстную административную впечатлительность вмѣстѣ съ произволомъ административныхъ «усмотрѣній» и замѣнить ихъ порядкомъ болѣе законнымъ, разумнымъ и достойнымъ,—короче: такимъ, который бы, чуждаясь всего, что гнететъ, угашаетъ духъ, даровалъ ему необходимую свободу борьбы для вящшаго торжества истины.

О процессѣ газеты «Москва».

«Русь», 28-ноября 1881 года.

Судебный процессъ газеты «Москва», печатаніе котораго мы начали въ 54-мъ и продолженіе котораго читатели найдутъ въ нынѣшнемъ №, не лишенъ, кажется намъ, интереса и для настоящей минуты. Онъ свидѣтельствуетъ самымъ очевиднымъ образомъ о неблагонадежности, о шаткости тѣхъ основаній, на которыхъ построена существующая у насъ система карательной цензуры. Она ставитъ печать въ исключительную зависимость отъ «усмотрѣнія», слѣдовательно отъ личнаго «умоначертанія» министра, отъ степени его воспріимчивости и чувствительности, а не отъ какихъ-либо незыблемыхъ, ясно опредѣленныхъ, точно сознанныхъ руководящихъ правительственныхъ началъ. Мы счастливы, что въ настоящее время высшая цензурная власть не преслѣдуетъ, какъ прежде, національное направленіе въ русской литературѣ,

умѣетъ различать *направленіе* отъ *тона*, и въ самомъ тонѣ выше всего цѣнитъ искренность рѣчи. Но тридцать лѣтъ сряду этого *не умѣли*, искренности не цѣнили, и въ русскомъ литературномъ и научномъ направленіи, окрещенномъ именемъ «славянофильства», усматривали чуть не секту «изъ числа наиболѣе вредныхъ»... Можно ли поручиться, что при смѣнѣ высшихъ, вѣдающихъ нашу литературу лицъ не возобновится и прежній строй мысли, и прежній образъ дѣйствій? Несостоятельность этой системы доказывается уже и тѣмъ, что она не могла совмѣститься съ участіемъ, даже въ исключительныхъ случаяхъ, такого авторитетнаго административнаго судилища, какъ Правительствующій Сенатъ. Только одинъ разъ и пришлось Сенату проявить свое участіе въ судѣ надъ печатью, примѣнить § 30 Отд. II Высочайше утвержденнаго постановленія о печати 6 апрѣля 1865 г.: памятникомъ этого участія и является процессъ газеты «Москва»... Не только настоящій, чисто юридическій, формальный судъ,—даже и высшій административный показался неудобенъ для административнаго произвола. А кажется маститые сановники Правительствующаго Сената не могутъ быть заподозрѣны не только въ сочувствіи къ нигилизму, но и въ увлеченіи моднымъ либерализмомъ,—въ чемъ, какъ извѣстно, наклонны иные обвинять у насъ новые, реформенные суды... Да и самая форма процесса, безъ судоговоренія и адвокатскихъ рѣчей, служила, казалось бы, существенною гарантіей безпристрастнаго и спокойнаго обсужденія... Если бы однако же представлялось неудобнымъ возлагать на самый Правительствующій Сенатъ постоянное рѣшеніе спорныхъ вопросовъ о направленіи литературныхъ произведеній и періодическихъ органовъ,—то почему бы не учредить особаго административнаго суда по дѣламъ печати, который бы разсматривалъ объясненія со стороны обвиняемыхъ?

О проектѣ новыхъ дополненій къ правиламъ о печати 1865 года.

«Русь», 28-го августа 1882 г.

По словамъ петербургскихъ газетъ, въ Министерствѣ внутреннихъ дѣлъ вновь озабочены пересмотромъ и измѣненіемъ законовъ о печати. Такой ужъ это, по истинѣ, «чувствительный предметъ», говоря языкомъ автора «Мертвыхъ Душъ», что онъ не перестаетъ шевелить самыя затаенныя душевныя струны у всѣхъ лицъ власть имѣющихъ, одновременно съ лицами вовсе безвластными, но составляющими такъ называемую публику. Трудно даже рѣшить—на чьей сторонѣ сильнѣе отзывчивость, хотя конечно на каждой—особаго свойства и большою

частью противоположнаго. Еще болѣе «чувствителенъ» сей предметъ для самихъ пишущихъ или печатающихъ, да чувствителенъ онъ и самъ по себѣ, по своей природѣ. Всякое чуть-чуть неосторожное прикосновеніе къ нему не только даетъ ощущеніе грубаго толчка, если не удара, но сопровождается на практикѣ большею частью послѣдствіями ни для кого не желанными. Что тамъ ни говори, какъ ни глумись, а все же вѣдь этотъ предметъ — слово, знаменіе мысли, — самое драгоцѣннѣйшее достояніе, самое неотъемлемое право человѣческое! Нѣтъ сомнѣнія, что — въ принципѣ — слову должна принадлежать полная свобода, что

Надъ вольной мыслью Богу неугодно
Насиліе и гнетъ!...

Это однакоже вовсе не значитъ, чтобъ не могло быть и злоупотребленія словомъ. Напротивъ, оно само можетъ стать орудіемъ дѣйствія или просто дѣйствіемъ (какъ, напримѣръ, воззваніе къ мятежу, къ совершенію убійствъ и т. п.), и съ этой точки зрѣнія понятно стремленіе правительствъ примѣнить и къ области печати, законодательнымъ способомъ, мѣры наказанія и предупрежденія преступленій. Но въ томъ-то и дѣло, что провести теоретически точную юридическую черту между словомъ и дѣйствіемъ оказывается невозможнымъ; обозначить внѣшніе признаки — гдѣ кончается одно и начинается другое, гдѣ рубежъ между «вольной мыслью» и преступнымъ умысломъ, — это не поддается никакому формальному закону. Позволительно сказать, что вопросъ о свободѣ печатнаго слова для положительнаго законодательства теоретически неразрѣшимъ, да и не разрѣшенъ онъ удовлетворительно ни однимъ законодательствомъ въ мірѣ, хотя все-таки наилучшимъ видомъ разрѣшенія является *судъ просвѣщенныхъ присяжныхъ*. Очевидно, что за совершенствомъ формальныхъ законовъ, способныхъ предупреждать и обуздывать злоупотребленія печати, и гнаться особенно нечего. Въ Англіи, гдѣ на практикѣ существуетъ такая свобода слова, какой остальная Европа и не знаетъ, уставы о печати самые драконовскіе! Свобода слова зиждится тамъ на общественныхъ нравахъ и регулируется общественною, такъ сказать самопроизвольною дисциплиною. Обычай переросъ и пересилилъ писанный законъ. Но даже и въ самой Англіи еще недавно, конечно по суду, было прекращено изданіе газеты Моста, проповѣдывавшей цареубійство, а въ Ирландіи, вслѣдствіе аграрныхъ и политическихъ смутъ лишенной парламентомъ, на время, всѣхъ существеннѣйшихъ гарантій британской свободы, печать въ настоящую минуту поставлена почти въ совершенную зависимость отъ «усмотрѣнія» административныхъ властей. Если однако такимъ образомъ доктрина безусловной вольности слова оказывается несостоятельною даже въ Англіи, и злоупотребленій свободою не терпитъ даже и эта, по вы-

раженію Хомякова, «дочь любимая свободы», то столько же нетерпимы тамъ, немыслимы, невозможны злоупотребленія и въ противоположномъ направленіи, т. е. стѣсненія властью того простора, который подобаетъ «вольной мысли» по самому ея существу, по праву естественному. Но эта невозможность гарантируется не внѣшнимъ писаннымъ закономъ, а всѣмъ строемъ британской жизни...

Вотъ мы привели стихъ Хомякова, и теченіе нашей мысли невольно перерѣзалось воспоминаніемъ, которымъ не можемъ не подѣлиться съ читателями, тѣмъ болѣе, что оно не совсѣмъ некстати. Знаютъ ли читатели, что этотъ стихъ: «дочь любимая *свободы*» цѣлыхъ сорокъ пять лѣтъ, до 1881 г., благодаря тупоумію первоначальной цензуры, гулялъ въ печатномъ русскомъ мірѣ въ такомъ видѣ: «дочь любимая *природы»*,—что совершенно безсмысленно! Почему же Англія—любимая дочь природы, а не Италія съ ея благословеннымъ климатомъ?!.. Цѣлыхъ сорокъ пять лѣтъ русское общество, по милости цензуры, вынужденно позорилось повтореніемъ такой безсмыслицы! Да одной ли этой? Не приходится ли теперь вновь перепечатывать всѣхъ нашихъ писателей,—съ тѣмъ, чтобы очистить ихъ отъ безобразнѣйшихъ, нелѣпѣйшихъ цензурныхъ искаженій?.. Всякій драконовскій законъ, если только въ немъ есть смыслъ и логика, способенъ еще мирить съ собою, какъ съ неизбѣжнымъ временнымъ зломъ; если же чрезмѣрная суровость распоряженій власти требуется притомъ явною пользою отечества, то доблестный духъ гражданскаго долга можетъ побудить людей даже съ охотою возложить на себя такое иго. Но иго *глупости*... это и для доблести самое тяжкое испытаніе! Подъ нимъ невольно чувствуешь себя нравственно уничиженнымъ; подъ нимъ душа вянетъ... Но это мимоходомъ.

Мы, очевидно, не Англія, и никакой свободной дисциплины въ нашихъ литературныхъ нравахъ выработаться еще не могло, какъ за недостаткомъ довольнаго простора для печати, такъ еще болѣе потому, что и тотъ относительный просторъ, которымъ мы пользовались въ послѣднее время, подверженъ постоянному колебанію. Это колебаніе кажется намъ вреднымъ даже съ точки зрѣнія правительственной. Вредно именно потому, что не даетъ установиться никакой дисциплинѣ и лишаетъ мысль необходимаго *спокойствія* въ выраженіи. Русское печатное слово, даже когда выражаетъ самую честную и даже по правительственному критеріуму, казалось бы, «благонамѣренную» мысль, никогда не обладаетъ вполнѣ нравственнымъ достоинствомъ искренности и *простоты* (драгоцѣннѣйшее качество!) потому именно, что не чувствуетъ себя свободнымъ; прозвучавъ печатно, оно или какъ будто само дивится и хвалится, что «вотъ-дескать какую я честную правду молвлю», или же тревожно оглядывается: все ли благополучно, не за-

дѣла ли эта правда чувствительность какого-либо вѣдомства или оффиціальнаго лица? А съ этою чувствительностью никто, если бы даже и хотѣлъ, сообразиться не можетъ, ибо ей никакой законъ не писанъ и не можетъ быть писанъ. Но развѣ такое положеніе печати, лишающее самую благую мысль надлежащей нравственной силы, выгодно—уже не говоримъ для общества, а для самой власти? Наконецъ, эти правительственныя колебанія относительно правъ печати вредны уже, по нашему мнѣнію, и потому, что отнимаютъ у правительственнаго критеріума самое существенное достоинство—устойчивость, и, являя болѣе или менѣе тщету административныхъ усилій, роняютъ самый правительственный авторитетъ. Но эти колебанія, разумѣется, неизбѣжны и станутъ безконечно возобновляться, пока правительство не перемѣнитъ своей основной точки зрѣнія и не выяснитъ себѣ существенныхъ свойствъ своей задачи и своего отношенія къ печатной рѣчи. Ни формально-юридическимъ, ни полицейско-усмотрительнымъ путемъ никакое самое могущественное правительство въ мірѣ не въ силахъ достигнуть *той цѣли,* которую многіе у насъ намѣчали и прежде, а повидимому расположены намѣтить, или по крайней мѣрѣ рекомендовать и теперь русской администраціи. Эта цѣль указывается не въ томъ только, чтобъ печатное слово подвергалось заслуженной карѣ, когда перестаетъ быть лишь словомъ, а становится преступнымъ дѣйствіемъ, но главнымъ образомъ въ томъ, чтобъ всѣ въ печати даже мыслили и чувствовали хорошо, правильно, благонамѣренно, выражались въ мѣру, съ тактомъ, не только прилично, но и пріятно, не доставляя никому изъ штата правящихъ ни малѣйшаго ѣдкаго ощущенія. На пути къ подобной цѣли всякая работа будетъ лишь Сизифовой работой, и всякая власть истощится въ напрасныхъ усиліяхъ. Это и представляетъ намъ хроника цензуры и правительственныхъ, въ этомъ смыслѣ направленныхъ мѣропріятій во всѣхъ странахъ, но въ Россіи въ особенности. Въ правилахъ о печати 1865 г. проявилась у насъ, хоть и въ слабой степени, попытка ввести въ область государственныхъ отношеній къ печати участіе формальнаго суда, но администрація тѣмъ не менѣе отъ упомянутой выше цѣли не отказалась. Такъ какъ опредѣлить формальнымъ образомъ внѣшніе признаки «хорошаго, правильнаго, мѣры и такта» съ точки зрѣнія правительственной и возвести ихъ на степень значенія точныхъ юридическихъ положеній оказалось невозможнымъ, то и пришлось, конечно, снова отъ судебнаго разбирательства перейти къ «личному усмотрѣнію» цензоровъ и ихъ начальствъ, расположенныхъ, по выраженію «Новаго Времени», въ трехъ-этажномъ порядкѣ (теперь же проектированъ и 4-й этажъ). Лѣтопись «личнаго усмотрѣнія» или лѣтопись нашей цензуры предварительной и карательной представляетъ такое разнообразіе, такую прихотливость цвѣтовъ и тѣней, умственныхъ кру-

гозоровъ, нравственныхъ мѣрилъ, а также и степеней просвѣщенія усмотрителей, что общіе выводы изъ нея невозможны. Никакихъ опредѣленныхъ правилъ, никакихъ заключеній, пригодныхъ для руководства въ будущемъ, эта лѣтопись не даетъ, кромѣ одного — отрицательнаго. Это самый печальный вкладъ въ исторію русскаго государственнаго и общественнаго развитія, и по нашему личному, глубокому убѣжденію принесшій, въ общемъ своемъ результатѣ, во сто разъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Почему—мы это объяснимъ послѣ, а теперь остановимся пока на проектѣ новыхъ измѣненій или, какъ насъ увѣряютъ, только «дополненій» къ правиламъ 1865 г., сообщаемомъ газетою «Голосъ».

Правила эти, утвержденныя законодательнымъ порядкомъ, потерпѣли впрочемъ уже давно, какъ мы сказали выше, существенное, радикальное измѣненіе, которое однако, если не ошибаемся, произошло *внѣ* законодательнаго порядка, т. е. не восходило на Высочайшее утвержденіе чрезъ Государственный Совѣтъ. На основаніи правилъ 1865 года, впервые обрадовавшихъ русскихъ писателей возможностью выпускать книгу или газету безъ предварительной цензуры (о которой мы *лично* и теперь вспоминаемъ не иначе какъ съ чувствомъ глубоко оскорбленнаго человѣческаго достоинства), книга или газета, отпечатанная безъ цензуры, могла быть задержана цензурнымъ управленіемъ только при непремѣнномъ условіи одновременнаго преданія издателя суду. Точнѣе сказать — дѣло въ такомъ случаѣ поступало на разсмотрѣніе суда и уже отъ послѣдняго зависѣло разрѣшить или запретить изданіе, все ли цѣликомъ или только нѣкоторыя мѣста. Вскорѣ, разумѣется, обнаружилось, что судъ, по самому характеру этого учрежденія, не способенъ обратиться въ послушное гибкое орудіе административнаго усмотрѣнія, при томъ же всегда мѣняющагося съ перемѣною администраторовъ, а потому генералъ Тимашевъ эмансипировался отъ суда, испросивъ разрѣшеніе: задерживать выходъ въ свѣтъ изданій *безъ* судебнаго разбирательства. Такимъ образомъ, дѣло сошло въ сущности опять на ту же безапелляціонную зависимость издателя отъ цензуры, только съ рискомъ бо́льшихъ убытковъ: какъ извѣстно, издателя заставляютъ теперь перепечатывать иногда цѣлыя страницы въ статьѣ, а иногда даже и цѣлую книгу. На дворѣ Басманной части въ Москвѣ совершалось не одно литературное аутодафе,—т. е. истребленіе пламенемъ статей и книгъ въ силу административнаго опредѣленія. Это измѣненіе правилъ 1865 г. такъ вошло въ силу, что потеряло характеръ нововведенія, хотя, сколько мы знаемъ, оно не было утверждено тѣмъ же законодательнымъ порядкомъ, какъ и самыя правила. Въ настоящее время послѣднія обогащаются предоставленіемъ министру новаго права: вмѣсто пріостановки изданія на 6 мѣсяцевъ послѣ третьяго предостере-

женія, сажать издателя на *предварительную* цензуру. По словамъ «Голоса», министръ будетъ имѣть право: «издателя, внесшаго установленный *залогъ* за право изданія безъ предварительной цензуры, обязать, послѣ третьяго предостереженія, доставлять №№ своей газеты въ цензурный комитетъ въ 11 часовъ вечера наканунѣ ихъ выхода въ свѣтъ». Обязательство это не ограничено никакимъ срокомъ; о томъ—возвращается ли при этомъ издателю залогъ, также не упомянуто. Нѣтъ сомнѣнія, что для большихъ ежедневныхъ газетъ, печатающихся всегда позднѣе полуночи, такое обязательство въ высшей степени неудобно. Такъ какъ въ предостереженіяхъ вольно лишь личное усмотрѣніе министра, то отъ него будетъ зависѣть: свести, еслибы онъ того пожелалъ, всѣ газеты, въ срокъ самый короткій, къ предварительной цензурѣ, избѣгая такимъ образомъ и скандала (непріятнаго и для самого правительства), всегда сопряженнаго съ пріостановкой изданія на долгое время. Предварительная же цензура всегда способна, въ рукахъ опытнаго и умнаго цензора, или подчинить газету казенному камертону, или обезцвѣтить ее до ничтожества. Нельзя впрочемъ не замѣтить при этомъ, что, наоборотъ, въ рукахъ цензора неумнаго или неопытнаго предварительная цензура нерѣдко заставляетъ правительство играть самую странную, почти комическую роль, налагая правительственное «дозволеніе» (всегда равнозначительное «одобренію») на такія статьи, гдѣ, при безукоризненности внѣшняго смысла, изловчившійся авторъ проводитъ, а опытный читатель воспринимаетъ—смыслъ внутренній, междустрочный, подчасъ самый злокачественный, ядовитый! Это мы видимъ и сейчасъ. Нельзя винить и цензора: онъ вѣдь не инквизиторъ; доискиваться тайнаго смысла, лазить въ душу автора онъ не уполномоченъ, да такого уполномочія, разумѣется, и дано быть не можетъ,—а въ результатѣ все-таки выходитъ—обманъ, правительственная санкція противоправительственной проповѣди! Спрашивается: служитъ ли такой способъ цензуры къ подъему общественной нравственности? И выгодно ли для правительства то, что̀ содѣйствуетъ ея урону?

Далѣе «Голосъ» сообщаетъ о слѣдующемъ предположенномъ дополненіи къ правиламъ 65 года: вмѣсто 1 департамента Правительствующаго Сената, куда, въ силу этихъ правилъ, министръ внутреннихъ дѣлъ обязанъ былъ вносить представленіе о *совершенномъ прекращеніи изданія*, министръ будетъ вносить таковыя представленія, какъ свои, такъ и всѣхъ министровъ и *главноуправленій* (? кажется, изъ главноуправленій осталось только—коннозаводства, да развѣ тюремъ) въ особо учрежденную «Высшую Коммиссію». Эта «Высшая Коммиссія» будетъ состоять изъ четырехъ членовъ: изъ министровъ внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи, и оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. Такимъ образомъ этотъ административный синклитъ за-

мѣнять отнынѣ собою административный судъ старѣйшаго въ Россійской имперіи учрежденія, личный составъ котораго всегда состоялъ и состоитъ изъ заслуженныхъ сановниковъ имперіи... Впрочемъ, опытъ съ Правительствующимъ Сенатомъ на основаніи правилъ 1865 г. былъ производенъ, въ теченіе 17 лѣтъ, всего только *одинъ* разъ, въ 1868 г., когда министръ внутреннихъ дѣлъ Тимашевъ взошелъ въ Сенатъ съ представленіемъ о прекращеніи газеты «Москва». Правительствующій Сенатъ оказался не на высотѣ административнаго міросозерцанія и административныхъ требованій генерала Тимашева, не оправдалъ его ожиданій. Генералъ предполагалъ, что Сенатъ, получивъ отъ министра представленіе (въ формѣ *рапорта*,—эта старинная особенность, напоминающая былое значеніе Сената, все еще сохраняется), поспѣшитъ принять министерскій «рапортъ» къ безусловному «исполненію», т. е. поспѣшитъ, безъ всякихъ разсужденій, облечь министерскую волю въ форму сенатскаго указа. Можетъ быть оно такъ бы и случилось, еслибъ одно обстоятельство не вызвало въ Сенатѣ сознанія, что одновременно съ административною онъ имѣетъ еще и юридическую или судебную функцію. Узнавши стороною о рапортѣ генерала Тимашева, издатель «Руси», бывшій тогда издателемъ «Москвы», тотчасъ же представилъ 1-му департаменту прошеніе съ такого рода аргументаціей: «Газета есть одинъ изъ видовъ *частной собственности*, составляетъ *имущество* издателя (какъ это разъяснено рѣшеніемъ кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената по такому-то дѣлу). Окончательное запрещеніе изданія, стало быть, тождественно съ упраздненіемъ собственности; но на основаніи русскихъ гражданскихъ законовъ никто не можетъ быть лишенъ собственности безъ предоставленія собственнику надлежащихъ средствъ къ своей защитѣ. Въ мотивахъ Государственнаго Совѣта, послужившихъ основаніемъ статьи 30 Отд. II Высочайше утвержденнаго законоположенія о печати 1865 г. прямо сказано: «Прекращеніе изданія, заключая въ себѣ *конфискацію частной собственности*, должно быть изъято изъ круга текущей единоличной администраціи и предоставлено всецѣло Пр. Сенату».... Въ такомъ случаѣ, сказано далѣе, прекращеніе изданія, исходя отъ высшаго судебно-административнаго учрежденія въ имперіи, будетъ имѣть надлежащее значеніе наказанія опредѣленнаго *съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для охраненія частной собственности формъ и съ устраненіемъ всякаго вида произвола*». Въ силу этого издатель «Москвы» проситъ дозволить ему прочесть рапортъ министра внутреннихъ дѣлъ Тимашева и представить Сенату свое объясненіе». Такова была наша аргументація. Высшее въ имперіи судилище единогласно признало этотъ призывъ къ гражданскимъ законамъ имперіи правильнымъ и уважило наше прошеніе. Но съ этой минуты, безъ сомнѣнія, участь 30 статьи правилъ

1865 г. была уже рѣшена въ умѣ бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, а что затѣмъ послѣдовало—только укрѣпило его рѣшеніе. Въ понятіяхъ многихъ рьяныхъ администраторовъ, Правительствующій Сенатъ окончательно на ту пору скомпрометтировался, такъ какъ даже въ общемъ собраніи трехъ департаментовъ, въ сонмѣ 34-хъ сановниковъ, болѣе или менѣе убѣленныхъ сѣдинами и украшенныхъ знаками высочайшей признательности за государственныя заслуги, не составилось надлежащаго большинства, согласнаго съ мнѣніемъ генерала Тимашева. Дѣло окончательно рѣшилось уже въ Государственномъ Совѣтѣ, къ удовольствію генерала (весь этотъ процессъ напечатанъ въ «Руси» 1881 года), но за то Сенату уже не пришлось въ другой разъ разсматривать подобныя представленія! Аппаратъ судебный оказался слишкомъ тяжеловѣсенъ. Запрещеніе газетъ и журналовъ стало совершаться затѣмъ болѣе сокращеннымъ способомъ, мимо Сената, посредствомъ испрашиванія каждый разъ министромъ внутреннихъ дѣлъ особаго Высочайшаго повелѣнія. Но все же до сихъ поръ признавалось по крайней мѣрѣ необходимымъ испросить Высочайшее повелѣніе, такъ какъ одна Высочайшая воля имѣетъ право рѣшенія сверхзаконнаго. Въ разсматриваемомъ же нами проектѣ (если только вѣрно сообщеніе «Голоса») не признается надобности и въ Высочайшемъ повелѣніи, а прекращеніе изданія будетъ зависѣть всецѣло отъ постановленія «Высшей Коммиссіи»... Но вѣдь вышеизложенная аргументація издателя «Москвы» со ссылкою на мнѣніе Государственнаго Совѣта, обставляющее конфискацію собственности всѣми законными гарантіями для собственника,—аргументація, признанная правильною верховнымъ истолкователемъ закона, Правительствующимъ Сенатомъ, остается и теперь во всей силѣ? Да, во всей силѣ—отвѣтимъ мы—но притомъ въ вопіющемъ противорѣчіи съ новымъ дополненіемъ къ правиламъ о печати 1865 года,—если только, разумѣется, это дополненіе изложено «Голосомъ» съ надлежащею точностью. Затѣмъ въ «Голосѣ» прибавляется, будто «редакторъ прекращеннаго по постановленію Высшей Коммиссіи изданія *лишается навсегда права издавать что-нибудь»*. Этому мы положительно отказываемся вѣрить, до тѣхъ поръ пока не прочтемъ собственными глазами въ оффиціальномъ текстѣ, когда онъ будетъ обнародованъ. Такого права не могъ бы согласиться предоставить себѣ, хотя бы и въ числѣ прочихъ, ни одинъ министръ юстиціи—высшій блюститель закона и генералъ-прокуроръ. Еще право изданія газеты можетъ подлежать нѣкоторымъ ограниченіямъ, такъ какъ на изданіе испрашивается разрѣшеніе, которое правительство властно обставить разными условіями,—но изданіе книги или брошюры есть право каждаго гражданина Русской земли, отъемлемое, какъ мы сказали, лишь по суду или дѣйствіемъ самодержавной власти

Вотъ и всѣ дополненія или измѣненія, вводимыя въ правила 65 года. Все это новыя погудки на старый ладъ. Учрежденіе коммиссіи, этого четвертаго яруса въ ряду надзирающихъ за литературою начальствъ, возникло, полагаемъ мы, лишь изъ желанія министра внутреннихъ дѣлъ раздѣлить съ нѣкоторыми коллегами удручающее его бремя отвѣтственности за печать. Во время оно за печать отвѣчало Министерство народнаго просвѣщенія, а при извѣстной впечатлительности нашихъ вѣдомствъ, кромѣ—отдадимъ имъ полную справедливость—министерствъ военнаго (при Милютинѣ), морскаго (также въ прежнее время) и иностранныхъ дѣлъ, такая отвѣтственность была не легка. Всякое неосторожное, хотя бы и правдивое слово редактора А., всякій отзывъ, хотя бы и несправедливый, но выражающій личное мнѣніе редактора Б., поставлялись въ вину несчастному министру. Стоило ему появиться въ то или другое «высокое собраніе», какъ со всѣхъ сторонъ обрушивались на него возгласы: «что̀, да зачѣмъ, да почему такъ у *васъ* пишутъ, да на что это нужно, да на что похожа *ваша* пресса, да *вы* ее распустили, да *вы* запретите, да я бы печать бы»... и т. д. Словомъ, со всѣхъ сторонъ предъявлялись счета къ уплатѣ за обиды, нанесенныя журналистикой. Наконецъ, министру народнаго просвѣщенія удалось свалить обузу съ своихъ плечъ на плечи министра внутреннихъ дѣлъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ образовалась при послѣднемъ цѣлая коллегія подъ названіемъ Главнаго Управленія. Надзираютъ усердно, надзираютъ сколько возможно, пріостанавливаютъ, прихлопываютъ... Все мало. Избытокъ чувствительности къ отзывамъ печати не убылъ нисколько, а въ послѣднее время,—вслѣдствіе ли общаго подъема нервовъ, вслѣдствіе ли проступающаго все яснѣе и яснѣе въ самой бюрократической средѣ внутренняго сознанія своего безсилія,—онъ сталъ переходить въ раздражительность. И для графа Лорисъ-Меликова, и для графа Игнатьева одну изъ самыхъ тяжкихъ заботъ причиняла печать, но не столько печать сама по себѣ, сколько впечатлительность правительственныхъ сферъ. Понятно, что привлеченіе къ отвѣтственности за печать и другихъ министровъ облегчитъ значительно положеніе министра внутреннихъ дѣлъ, и въ этомъ именно смыслѣ мы и разумѣемъ учрежденіе Высшей Коммиссіи.

Выводъ изъ сообщеній «Голоса» для насъ одинъ: что въ коренномъ воззрѣніи правительства на его отношеніе къ печати не произошло никакой перемѣны и что положеніе ея остается также мало обезпеченнымъ отъ случайностей, зависящихъ отъ личнаго состава надзирающихъ за нею, отъ чувствительности и впечатлительности вѣдомствъ, какъ и прежде. А пора бы, очень бы пора взглянуть на печать нѣсколько шире, съ высоты историческаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ и государственнаго созерцанія; установить на печать точку зрѣнія твердую, на которой и удержи-

ваться мужественно, не впадая лихорадочно ни въ ту, ни въ другую крайность,—ни въ потворство совершенно излишнее, ни въ репрессію болѣе или менѣе недостигающую цѣли и деморализующую общество,—ни въ погоню за популярностью, ни въ презрѣніе къ обществу. Пора отказаться отъ притязанія регулировать путемъ предостереженій, пріостановокъ, прекращеній и иными орудіями предварительной и карательной цензуры—теченіе общественной мысли; пора уже прямо поставить себѣ вопросы: что̀ невыгоднѣе для государства—лишній гнетъ или лишній просторъ печати? Что̀ безвкуснѣе и потому менѣе опасно: плодъ дозволенный или плодъ запрещенный? Что вреднѣе: ядъ ли выступившій изнутри наружу, или ядъ вогнанный внутрь? Что̀ желательнѣе для правительства: прозрачность и гласность со всѣми ея подчасъ неизбѣжными неудобствами или совершенная темь, глушь и безмолвіе? Что̀ согласнѣе съ интересами власти: вѣдать, или не вѣдать ходъ и развитіе мысли въ разныхъ слояхъ русскаго общества? имѣть дѣло съ явнымъ, или тайнымъ врагомъ? вовсе не признавать никакого общественнаго мнѣнія, или имѣть опору въ здоровомъ общественномъ мнѣніи страны, которое только тогда вѣдь и годно, т. е. тогда лишь и способно сослужить полезную службу правительству и странѣ, когда слову вообще предоставлена возможность выражаться свободно и искренно? На всѣ эти вопросы отвѣтъ подсказывается самъ собою,—онъ подсказывается и опытомъ послѣднихъ двухъ слишкомъ лѣтъ, — но объ этомъ до другаго раза.

— —

Не есть ли вредная сторона печати необходимое зло, которое приходится терпѣть ради ея полезной стороны?

«Русь», 4-го сентября 1882 г.

Возвращаемся къ вопросу о печати, или точнѣе: о правительственномъ надъ печатью надзорѣ. Мы вовсе не настаиваемъ на упраздненіи всякаго надзора; мы хотимъ только доказать, что этотъ надзоръ долженъ быть совершенно видоизмѣненъ, не только формально, во внѣшнихъ своихъ пріемахъ, но и качественно, а это возможно конечно только тогда, когда измѣнится самая точка зрѣнія правительства на значеніе печати и на свои отношенія къ ней. Печатное слово, особенно въ формѣ газетной или журнальной—орудіе обоюдуострое: оно можетъ стать проводникомъ правды и проводникомъ лжи; производить благотворное дѣйствіе въ той же мѣрѣ, какъ и гибельное, растлѣвающее; служить столько же къ утвержденію истины, сколько и къ подрыву нравственныхъ основъ общественнаго бытія. Вопросъ слѣдовательно въ томъ: имѣется

ли способъ устроить такъ, чтобъ отъ печати была лишь одна польза и никакого вреда? Возможно ли пресѣчь вредное ея дѣйствіе—не стѣсняя, не парализуя въ то же время дѣйствія благаго? Не есть ли вредная сторона печати неизбѣжное зло, которое приходится поневолѣ терпѣть ради ея полезной стороны, ради того многаго добра, которое одновременно способна дать обществу та же печать при условіи совершенной искренности, т. е. свободы публичнаго слова? И какія мыслимы полицейскія или вообще внѣшнія мѣры вполнѣ надежныя и цѣлесообразныя—къ предупрежденію или къ устраненію дурныхъ послѣдствій печати? (Мы конечно разумѣемъ здѣсь не какія-либо явныя злоупотребленія, которыя входятъ въ составъ преступнаго *дѣянія*, о которыхъ не можетъ быть поэтому ни спора, ни рѣчи, напр. воззванія къ бунту, оскорбленія человѣческой личности, и т. п.; мы разумѣемъ здѣсь направленіе мыслей, пропаганду ученій, область дѣйствія нравственнаго). Что́ же свидѣтельствуетъ опытъ? Долгій русскій опытъ свидѣтельствуетъ, что всѣ когда-либо принимавшіяся у нась полицейскія или цензурныя мѣры не только не достигали цѣли, но служили лишь къ вящшему ущербу благотворнаго вліянія печати, были только помѣхой для успѣшнаго противодѣйствія злу, для насажденія и утвержденія въ обществѣ оздоровляющихъ, спасительныхъ воззрѣній. Развѣ нашей цензурѣ удалось сколько-нибудь воспрепятствовать широкому распространенію въ Россіи «превратныхъ» идей? Развѣ царствованіе Императора Николая, которое, конечно, ни чей языкъ въ мірѣ не попрекнетъ въ погонѣ за популярностью, въ либеральничаньѣ, въ слабосердечіи (власть была и крѣпка, и грозна и—главное—вполнѣ самоувѣренна), развѣ оно, при всей наистрожайшей цензурѣ не только печати, но и *нравовъ,* оградило русскую молодежь отъ заразы западныхъ доктринъ самаго радикальнаго характера? Что́ же было пользы въ томъ, что зараза проникала не черезъ посредство газетъ, а тайно, невѣдомо для самой власти? При правительственной системѣ, господствовавшей въ тридцатилѣтіе съ конца 1825 по начало 55 года, политической русской печати и не существовало: сверху раздавались лишь слова команды, снизу большею частью *слышалось* только молчаніе... Все «обстояло благополучно», вездѣ красовался «порядокъ»; воздухъ былъ, кажется, пропитанъ испареніями «благонамѣренности». Но какой же и результатъ вышелъ? Подъ конецъ тридцатилѣтія задыхались уже всѣ, не то что дурные, а именно хорошіе, благомыслящіе люди, преданные и государю и государству. Когда при началѣ Крымской войны потребно стало содѣйствіе всѣхъ духовныхъ общественныхъ силъ, оказалось, что всѣ силы здоровыя, добрыя, умныя были парализованы—изъ опасенія возможныхъ болѣзней, страха ради злыхъ, предпочтенія ради неумнымъ, какъ най-

менѣе подозрительнымъ. Система пала сама собою подъ тяжестью всеобщаго, повальнаго осужденія; ее осудилъ самый ея виновникъ, который безъ сомнѣнія мыслилъ только благое, а потому и не вынесъ ужасныхъ мукъ слишкомъ поздняго разочарованія. И вотъ, именно эта-то система и разрыхлила почву для восприятія сѣмянъ гибельныхъ лжеученій, да такъ ее уготовила, что при первомъ, еще легкомъ вѣяніи вольнаго воздуха, тотчасъ же пахнувшаго вслѣдъ за паденіемъ системы,—ростки отъ сѣмянъ взвились изъ земли наружу съ быстротою необычайною.

Скажутъ: вотъ этому и не слѣдовало бы быть, этого и не могло бы случиться при *разумныхъ* исполнителяхъ правительственной задачи, умѣющихъ избѣгать крайностей, держаться во всемъ мѣры и искусно отдѣлять овецъ отъ козлищъ, доброе отъ злаго, и т. п. Но сегодня неумные исполнители, вчера неумные, тридцать лѣтъ сряду неумные: что за рокъ такой? Не спросить ли себя: умна ли сама задача? Представляется ли какая возможность для правительства замѣщать свободное творчество жизни казеннымъ строемъ, производить канцелярскимъ порядкомъ раздѣленіе между овцами и козлищами, между добрымъ и злымъ, и полицейско-бюрократическимъ способомъ регулировать духовныя стихіи міра? Если ужъ пошло на сравненіе, такъ не лучше ли вспомнить преподанное Евангеліемъ слово мудрости,—ту притчу о господинѣ поля, который, когда на засѣянномъ имъ доброю пшеницею полѣ взошли, вмѣстѣ съ пшеницей, и плевелы, посѣянныя вражескою рукою, запретилъ рабамъ исторгать плевелы—«да не исторгните *купно* съ ними и пшеницу: оставите расти обое купно до жатвы». Въ этой притчѣ указана между прочимъ опасность слишкомъ ревностнаго преждевременнаго очищенія.... Наконецъ, государство по самой природѣ своей служитъ выраженіемъ только внѣшней правды, а внѣшняя правда, формулуясь въ законѣ, не способна выразить съ надлежащею опредѣленностью тѣ тончайшіе, неуловимые оттѣнки и черты, которые характеризуютъ добро и зло въ сферѣ мысли и слова. Слѣдовательно, ошибочно не примѣненіе системы къ практикѣ, а самое ея основаніе, ошибочна самая задача.

Цензура, да и вся система вышеупомянутаго тридцатилѣтія именно усердствовала, вопреки слову Евангелія, въ искорененіи плевелъ ранѣе жатвы, и разумѣется—исторгала главнымъ образомъ пшеницу, обрушивалась всѣмъ своимъ гнетомъ на людей истинно просвѣщенныхъ и честныхъ: иначе и быть не могло. Она губила, гасила самый духъ жизни. Это было ужасное время. Мы его помнимъ, мы его пережили. Но много было молодаго преувеличенія въ слѣдующихъ стихахъ, относящихся къ 1850 году:

И слово правды оробѣло,
И рѣже шепотъ честныхъ думъ!
И сердце въ насъ одебелѣло,
Порывовъ нѣтъ, въ забвеньѣ дѣло,
Спугнули мысль, сталъ правденъ умъ!

Система привела наконецъ къ Севастопольскому разгрому и Парижскому миру. Реакція была неизбѣжна. Легко теперь разсуждать о томъ, что реакцію слѣдовало бы произвести умѣренную, въ должныхъ предѣлахъ, и т. п.! Въ жизни народовъ, какъ и въ частной жизни, бываютъ такіе психологическіе моменты, которые регулировать внѣ человѣческой власти, съ которыми необходимо считаться. Чѣмъ сильнѣе запретъ, нажимъ, тѣмъ сильнѣе бываетъ и взрывъ, а съ нимъ и наплывъ всего запретнаго. Чѣмъ строже, до чудовищной нелѣпости, была цензура, тѣмъ сильнѣе послѣ 1855 года отозвалось на литературѣ даже неполное послабленіе. Тутъ не кого и не за что винить: таковъ роковой нравственный законъ. И это не мѣшало бы помнить тѣмъ, которые и въ наше время постоянно науськиваютъ правительство на печать и готовы ему совѣтовать: «взять да и запретить безъ дальнихъ околичностей чуть не всю періодическую печать» (есть таковые совѣтники!). Злой совѣтъ. Не желательно было бы, чтобъ правительство покусилось на такой *опасный* опытъ, даже и въ нѣсколько смягченной формѣ, т. е. оставивъ жить на свѣтѣ два-три изданія по своему выбору (другими словами: заклеймивъ ихъ привилегіей и уронивъ ихъ авторитетъ)! Ибо при подобномъ запретѣ (не говоря уже о дальнѣйшихъ его послѣдствіяхъ въ близкомъ будущемъ) удержаться немыслимо, разъ наши правящія сферы претендуютъ на почетное для Россіи мѣсто въ Европѣ, на духовную съ нею равноправность, и сами имѣютъ притязаніе на «ревность къ благому просвѣщенію»; не только атонія общественнаго организма напугала бы вскорѣ самихъ совѣтчиковъ, но не вытерпѣли бы они даже и насмѣшки иноземцевъ: вѣдь не устояли они даже противъ фальшивой, искусственной агитаціи заграничнаго общественнаго мнѣнія относительно Евреевъ, а тутъ и подавно не выдержали бы, потому что презрѣніе къ Россіи было бы вполнѣ ею заслужено. Къ тому же подобный опытъ *теперь,* въ нашу пору, когда злыя сѣмена уже глубоко внѣдрилися въ общественную почву, былъ бы во сто разъ опаснѣе, чѣмъ послѣ 1855 года: страшно подумать, какая бы вслѣдъ за такою мѣрой наступила реакція!.. Сохрани насъ Богъ отъ такого безумства!

Но объ этомъ и толковать не стоитъ, и если мы упомянули о такомъ совѣтѣ, то болѣе въ видѣ примѣра, до чего способно доходить въ наше печальное время нервное раздраженіе людей серьезныхъ и даже умныхъ. А вотъ о чемъ стоитъ толковать и твердить, — это именно о томъ, что никакіе цензурные запреты, заставы и рогатки никогда у насъ не дости-

гали и не достигают цѣли. Сѣмена того зла, которое разъѣдает русское общество, сѣмена нигилистическаго отрицанія религіознаго, нравственнаго, гражданскаго, политическаго, пали—как мы уже сказали—на разрыхленную тридцатилѣтнею системою, благодарную почву. Видимым же образом (независимо от других способов пропаганды) сѣялись они во второй половинѣ 50-х и в началѣ 60-х годов: сначала посредством заграничной газеты Герцена «Колокол» (проходившей массою экземпляров в Россію несмотря ни на какіе замки и затворы), затѣм с наибольшим успѣхом, посредством періодических изданій Чернышевскаго, Писарева и К°,—изданій *подцензурных*. Правда, в началѣ 60-х годов реакція предшествовавшей системѣ доходила до своего апогея, и реакціонное увлеченіе далеко перегнало, в средѣ самих правящих сфер, органическій рост и развитіе политическаго *сознанія*. Оставаясь на почвѣ все того же принципа полицейско-бюрократической опеки, многіе люди иже во власти щеголяли не столько разумным либерализмом, сколько либеральничаньем,—что на практикѣ сказывалось слабостью и потворством; однако же у нас не достанет и духа осудить это увлеченіе в виду памятных еще в то время дѣйствительно невыносимых пріемов предшествовавшаго тридцатилѣтія: *его* должно винить прежде всего,—безплодно пройти оно не могло. И от потворства ли только цензуры завиcѣл успѣх нигилизма в средѣ молодых поколѣній? Неужели трех-четырех лѣт *подцензурной* пропаганды было достаточно для прочнаго насажденія зла?

С 1866 года, послѣ выстрѣла Каракозова, всякое либеральничанье рѣзко прекратилось, но от реакціи перешли к реакціи же, и—замѣчательное дѣло—с торжеством лжеконсерватизма, т. е. принципа бюрократической опеки, взяло верх и антинаціональное во внѣшней и внутренней политикѣ направленіе! Печать *подтянули*. Кто же, спрашивается, от того выиграл? Только один генерал Потапов, о дѣйствіях котораго в Сѣверо-Западном краѣ, гдѣ он был генерал-губернатором, запрещено было писать, да разнородные хищники казенных земель и прочаго государственнаго добра. На ком пуще всего проявилась цензурная строгость? На издателѣ «Москвы», которому, вслѣд за ея запрещеніем, благодаря двум консервативным министрам, в теченіе двѣнадцати лѣт отказывалось в правѣ на изданіе газеты... Что же касается до «зловреднаго направленія», то оно просачивалось сквозь всѣ поры цензурнаго бревна, давившаго печать; оно неуловимым, но краснорѣчивым намеком звучало из каждой одобренной, тщательно цензурою процѣженной строки, встрѣчало отзвук, продолжало воспитывать молодежь по прежнему. В 14 лѣт с 1866 г., несмотря на усердную дѣятельность графа Шувалова и его преемни-

ковъ, зло нигилизма не только не искоренилось, но шло crescendo и возросло до ужасающихъ размѣровъ.

Въ 1880 году, съ наступленіемъ такъ называемой диктатуры графа Лорисъ-Меликова, настало снова облегченіе для печати (благодаря которому только и сдѣлалось возможнымъ изданіе «Руси»). Болѣе ли зла приключилось отъ этого послабленія цензуры? Кто же рѣшится утверждать, что въ катастрофѣ 1 марта виновно снисхожденіе министра къ газетамъ? вѣдь четыре или пять покушеній на жизнь Царя-мученика произошли именно тогда, когда бразды цензуры находились въ твердой рукѣ генерала Тимашева и процвѣтало III Отдѣленіе! Хуже ли пошли дѣла отъ предоставленной печати нѣсколько большей свободы слова? Конечно не хуже—да ужъ они и дошли до крайней степени худа,-только не по винѣ печати. Если же нѣкоторымъ кажется, что положеніе еще сильнѣе ухудшилось, то только лишь отъ того, что вѣдь печать (хоть нѣсколько свободная) то же зеркало: обществу и было подставлено зеркало, въ которомъ отразившійся его ликъ справедливо привелъ нашъ духъ въ смятеніе. А вѣдь извѣстна пословица, что на зеркало нечего пенять, коли... и т. д. Не лучше ли намъ вѣдать, каковы мы на самомъ дѣлѣ?.. Къ тому же, съ бо́льшимъ просторомъ печатной рѣчи, получилась возможность громче охать и жаловаться,—но забываютъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ явилась и большая возможность прямаго, искренняго противодѣйствія, возможность откровенной литературной борьбы. Этой возможности прежде не было, ибо всякое литературное обличеніе давало вашему противнику поводъ прикидываться лежачимъ, котораго бьютъ, кричать о доносѣ, объ инсинуаціи, избѣгать на этомъ основаніи спора и наклонять вѣсы общественной симпатіи въ свою пользу — яко гонимаго!.. Почему же именно теперь, когда началъ становиться намъ ясенъ нашъ общественный сумбуръ, стали выдѣляться направленія, группироваться «дѣятели», стали мы опознаваться въ этой сумятицѣ и закипѣла было спасительная борьба, — опять заговорили о новой, кажется уже четвертой по счету съ 1855 года, реакціи, т. е. о новыхъ стѣсненіяхъ печати? Хвататься теперь вновь за цензуру собственно съ цѣлью искорененія зла—это значило бы возвращаться къ старымъ, испытаннымъ въ своей непригодности мѣрамъ, значило бы — не умѣть цѣнить всей глубины зла и средствъ, коими оно располагаетъ, — значило бы, другими словами, сознаться въ своей несостоятельности для борьбы.

Какъ ни велика важность періодической печати у насъ, не однимъ ея путемъ, однакоже, разливался по Россіи ядъ зловредныхъ ученій. Извѣстно, что прежде всего дѣло началось съ проповѣди матеріализма и главнымъ орудіемъ пропаганды были книжонки съ плохимъ изложеніемъ доводомъ Бюхнера и Молешотта: наши вѣдь юноши не взыскательны, когда рѣчь идетъ о «послѣднемъ словѣ науки»; въ глубь его

не входятъ, довольствуются кое-чѣмъ и принимаютъ науку больше на вѣру. Да педагоги тогда, по большей части, такому нраву молодежи не препятствовали... Такъ что же? слѣдуетъ ли изъ того, что надлежало запретить Бюхнера и Молешотта? а затѣмъ и Дарвина? а затѣмъ и Гексли, и всѣ ученыя сочиненія, въ которыхъ отражается современное движеніе науки и современное историческое соціальное броженіе въ Европѣ? Возможно ли это? Да и къ чему послужило бы запрещеніе, когда иногда до 70 т. паспортовъ въ годъ выдавалось ѣдущимъ за границу? Кто не перебывалъ за границей, особенно въ первое десятилѣтіе послѣ Парижскаго мира? Кто не имѣлъ удобнаго случая погрузиться по уши въ самый источникъ превратныхъ доктринъ и всякихъ зловредныхъ *измовъ* и возвратиться оттуда совсѣмъ готовымъ устнымъ пропагандистомъ? Государь Николай Павловичъ былъ послѣдовательнѣе. При немъ заграничныя путешествія были почти что запрещены. И это было логично,—такъ что тѣ, которые въ наши дни совѣтуютъ запрещеніе всѣхъ русскихъ газетъ, должны посовѣтовать возвратъ и къ этой послѣдней мѣрѣ. А въ такомъ случаѣ не лучше ли просто оградиться Китайской стѣной отъ всего остальнаго міра?

Но вѣдь есть немыслимости, несообразности, нравственныя невозможности, которыя сильнѣе физическихъ; къ нимъ принадлежитъ и возвращеніе къ разнымъ «мѣропріятіямъ» временъ Императора Николая. Мы впрочемъ не касаемся здѣсь причинъ—ни нашихъ мѣстныхъ, ни такъ сказать общихъ, вселенскихъ — обусловливающихъ разливъ нигилистическихъ ученій у насъ въ Россіи; для нашей цѣли достаточно указать, что русская печать играла тутъ вовсе не главную роль. Противодѣйствовать какой бы то ни было нравственной общественной эпидеміи посредствомъ внѣшнихъ полицейскихъ и собственно цензурныхъ способовъ, это все равно, что задерживать стремящійся потокъ руками. Тутъ нужны мѣры противодѣйствія органическія, лѣченіе радикальное. И изо всѣхъ мѣръ противодѣйствія, принятыхъ у насъ, была только всего одна вполнѣ цѣлесообразная,—это преобразованіе нашей прежней школы съ ея традиціоннымъ Пушкинскимъ «чему-нибудь и какъ-нибудь» и столь же традиціоннымъ Грибоѣдовскимъ «взглядъ и нѣчто»—въ школу серьезную и строгую. Пусть реформа эта во многомъ несовершенна, пусть способъ проведенія ея въ жизнь былъ во многихъ отношеніяхъ ошибоченъ, слишкомъ крутъ и лютъ, но мы думаемъ, что въ концѣ-концовъ ея добрые плоды все-таки скажутся, хотя, конечно, она одна, сама по себѣ, не въ силахъ будетъ излѣчить русское общество отъ разъѣдающаго его недуга. Впрочемъ, задача наша вовсе не изслѣдованіе всѣхъ средствъ, пригодныхъ для врачеванія современныхъ общественныхъ золъ; мы имѣемъ въ виду собственно лишь оцѣнку, по отношенію къ борьбѣ съ нигилизмомъ, практикующейся такъ

долго въ Россіи цензурно-полицейской политики. И полагаемъ, что къ числу успѣшнѣйшихъ и цѣлесообразныхъ мѣръ для противодѣйствія вредному направленію нашей журналистики принадлежитъ именно не сокращеніе простора, а большій просторъ печатнаго слова, большая свобода борьбы.

И въ самомъ дѣлѣ, когда уже мы дошли до настоящаго, постыднаго во многихъ отношеніяхъ положенія, когда для выхода изъ него такъ необходимъ подъемъ въ русскомъ обществѣ гражданскаго духа, и само правительство призываетъ общество къ содѣйствію для врачеванія общественнаго недуга,—возможно ли продолжать держать этихъ «гражданъ» въ малолѣткахъ, на цензурныхъ помочахъ, подъ ферулой чиновника-цензора, въ зависимости отъ капризной впечатлительности разныхъ оффиціальныхъ вѣдомствъ и лицъ? Одно изъ главнѣйшихъ орудій «содѣйствія», котораго ожидаетъ отъ всѣхъ честныхъ, серьезныхъ гражданъ высшая власть, это, разумѣется, слово, и по преимуществу слово печатное; но мудрено совершиться истинному подъему гражданскаго духа въ этой области, когда вамъ приходится напередъ изощриться въ искусствѣ иносказанія, когда споря, напримѣръ, противъ конституціи въ западно-европейскомъ смыслѣ, вы вынуждены путать понятія и называть ее «правовымъ порядкомъ»,—да мало ли что? когда,—какъ случилось съ нами надняхъ, — зайдя въ иностранный книжный магазинъ и спросивъ Карлейля «Исторію французской революціи» на *англійскомъ языкѣ* вы получаете отъ иностранца-книгопродавца отвѣтъ, что она *запрещена*, и вдругъ очутитесь предъ нимъ какъ пристыженный школьникъ, какъ малолѣтокъ, такъ что даже и въ уши не лѣзетъ его примѣчаніе, что подайте дескать прошеніе въ Главное Управленіе, авось-либо *вамъ* разрѣшатъ... А вотъ какая-нибудь «Нана», даже во многихъ мѣстахъ Европы запрещенная (теперь и во Франціи приняты строгія мѣры противъ порнографіи)—у насъ не запрещена и порнографія процвѣтаетъ, вмѣстѣ съ порнографіею въ лицахъ и дѣйствіяхъ, т. е. кафешантанами съ каскадными пѣвицами и шансонетками!... «Это вѣдь развращаетъ только *нравы*, но въ политическомъ отношеніи не вредитъ» — разсуждаютъ нѣкоторые наши государственные педагоги: будь развратенъ, но «благонамѣренъ»...

Есть одно замѣчаніе, на которое не можемъ не отозваться. Печать періодическая, говорятъ намъ, есть каѳедра, да еще съ такою аудиторіей, которой не имѣетъ ни одинъ профессоръ, которой дѣйствіе простирается на сотни тысячъ людей... Это справедливо,—газета даже болѣе чѣмъ каѳедра, это — трибуна, и мы вовсе не отрицаемъ того зла, которое можетъ поселить въ незрѣлыхъ умахъ и душахъ иной трибунный ораторъ; мы указываемъ, во-первыхъ, только на несостоятельность тѣхъ мѣръ, которыя принимались до сихъ поръ для противодѣйствія

этому злу; во-вторыхъ, на необходимость свободной борьбы со зломъ, слѣдовательно равноправныхъ условій для обѣихъ борющихся между собою сторонъ. Но мы вполнѣ готовы присоединиться къ мысли редактора «Современныхъ Извѣстій». Уподобляя періодическую печать каѳедрѣ, г. Гиляровъ-Платоновъ напоминаетъ, что для занятія каждой каѳедры требуется извѣстный образовательный цензъ. Почему же не требовать ценза и отъ всякаго, желающаго стать редакторомъ? Мы, съ своей стороны, прибавили бы къ цензу образовательному (разумѣется высшему) цензъ возрастный, на подобіе тому, какъ это требуется во всѣхъ европейскихъ «правовыхъ порядкахъ» для занятія, напримѣръ, депутатскаго въ парламентахъ званія (это должно понравиться нашимъ либераламъ»)... Когда говорится о «свободѣ печатнаго, газетнаго слова», о каѳедрѣ или трибунѣ, никто конечно не имѣетъ въ виду ни гимназистовъ, ни ссущихъ младенцевъ. Впрочемъ, никто и имъ не мѣшаетъ «сотрудничать» подъ покровомъ отвѣтственнаго редактора!.. Конечно, ни университетскій дипломъ, ни 30-лѣтній, положимъ, возрастъ отвѣтственнаго редактора не застраховываютъ еще правительство и общество отъ злоупотребленія словомъ, но все же представляютъ нѣкоторое ручательство въ большей серьезности и осмотрительности изданія... Затѣмъ, рано или поздно, а придется установить судебное по дѣламъ печати разбирательство со спеціальными присяжными, подъ условіемъ также извѣстнаго для послѣднихъ ценза,—но эта мысль требуетъ особой тщательной разработки. Вообще же теперь мы ратуемъ не въ пользу внезапнаго уничтоженія всякой цензуры, но въ пользу бо̀льшаго облегченія, и противъ бо̀льшаго стѣсненія печати. А главное, что̀, по нашему мнѣнію, желательно, это совершенное отреченіе правительства отъ мысли — *заставить* періодическую печать, всю безъ исключенія, вѣщать рѣчи только «благонамѣренныя»... Благонамѣренности истинной оно не добьется, а притворства, лжи, подлаго лицемѣрія, стало быть новыхъ нравственныхъ міазмовъ, наплодитъ не мало, къ крайнему вреду для нашей и безъ того нездоровой общественной атмосферы. Мы и такъ ужъ изолгались и исподличались до мозга костей!.. Намъ нужна теперь правда, правда и правда — вездѣ и во всемъ,—нужно, чтобъ и самая ложь, самый недугъ нашъ, самыя язвы наши предстали предъ нами во всей правдѣ, т. е. во всей наготѣ своей. Поэтому и незачѣмъ смущаться тѣми откровеніями правды, хотя бы горькой и безобразной, которыми обогатилъ насъ еще не великій, но все же большій противъ старыхъ временъ просторъ печати въ такъ называемыхъ «либеральныхъ» (!) ея органахъ... Не запрещать, не запугивать слѣдуетъ эти органы, а поощрять ихъ къ искренности. Пусть они явятся предъ нами во всей красѣ своего внутренняго содержанія... Съ этой точки зрѣнія и «Русскій Курьеръ», и всѣ эти развязные фелье-

тонисты «Голоса» и одностаничныхъ съ нимъ газетъ и журналовъ, всѣ эти гг. Старины, Арсеніи Введенскіе, Эртели, Венгеровы, со всею фалангою подобныхъ имъ глубокихъ мыслителей, могутъ заслуживать только благодарности, чуть не медалей со стороны правительства (одинъ «Русскій Курьеръ» съ его ненавистью къ русской народной самобытности чего стоитъ! медали мало!)... Но къ этой темѣ мы еще возвратимся.

— —

Въ отвѣтъ на статью «Гражданина» о печати.

«Русь», 2-го октября 1882 г.

«Гражданинъ» въ длинной статьѣ 76-го № рѣзко выступилъ противъ нашихъ мнѣній, высказанныхъ въ цѣломъ рядѣ статей по поводу новѣйшихъ дополнительныхъ законоположеній о печати. Статья «Гражданина» заслуживаетъ вниманія. Она какъ въ зеркалѣ отражаетъ то направленіе мыслей, которое господствуетъ, въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ петербургскихъ, болѣе или менѣе высшихъ или властныхъ кругахъ, или даже не направленіе, а какъ бы (да проститъ намъ почтенный редакторъ это выраженіе и послѣдующее сравненіе) сумятицу мыслей, разомъ поднимающуюся отъ одного слова «свобода печати» — подобно стаѣ испуганныхъ птицъ, внезапно завидѣвшихъ чучело на огородѣ. Эта сумятица мѣшаетъ мятущимся даже вникнуть внимательно въ смыслъ рѣчей ихъ противниковъ,—да и извѣстно, что у страха глаза велики.

Начать съ того, что, ратуя въ пользу свободнаго слова, мы никогда не требовали «необузданной свободы» для всякаго слова, какое бы оно ни было, и даже прямо оговорились, что «свобода слова не значитъ свобода *сквернословія*» и что бываютъ случаи, когда слово имѣетъ характеръ *дѣйствія*. Далѣе мы замѣтили, что наилучшей гарантіей противъ злоупотребленій свободы печатной рѣчи служитъ, разумѣется, та самопроизвольная дисциплина общественныхъ нравовъ, образцомъ которой мы указали Англію, и которая въ этой странѣ упразднила примѣненіе формальнаго о печати законодательства; но что при отсутствіи этой общественной дисциплины (которая и не можетъ всюду такъ скоро выработаться), изъ всѣхъ существующихъ формъ огражденія по отношенію къ печати наилучшею представляется судебное разбирательство съ просвѣщенными присяжными. Мы даже выразили согласіе съ мыслью г. Гилярова-Платонова о пользѣ установленія образовательнаго и возрастнаго ценза для полученія права на изданіе газеты или журнала. Мы сами впрочемъ и не поднимали теперь вопроса о новыхъ

расширительныхъ для печати законахъ, а возстали лишь противъ новыхъ стѣсненій; мы признавали, позволяемъ себѣ признавать и теперь недавно изданныя законоположенія излишними и чрезмѣрно суровыми: предоставлять же право четыремъ министрамъ на основаніи лишь *личнаго* усмотрѣнія лишать человѣка права на вѣки вѣчные что-либо издавать и печатать — съ этимъ ни умъ, ни чувство наше помириться не могутъ.

Но за то мы, кажется, достаточно выяснили, что нашъ цензурный порядокъ—такой чудодѣйственный снарядъ, который бьетъ тяжолымъ концомъ всегда по тѣмъ, которыхъ и бить не слѣдуетъ, а другимъ концомъ даетъ лишь нѣкоторую *аппретуру* вредному товару, сообщаетъ ему соблазнительную приправу запрещенности. Такъ по крайней мѣрѣ было всегда до сихъ поръ. Мы, сдается намъ, неопровержимо доказали, на основаніи свидѣтельствъ историческаго опыта, что наша цензура никогда ничего вреднаго (въ широкомъ смыслѣ слова) не остановила, не предупредила, никакому пагубному дѣйствію мысли и слова не помѣшала, а только, нехотя, усугубляла его пагубность и содѣйствовала распространенію злотворной лжи въ самомъ ядовитомъ ея видѣ, т. е. въ формѣ междустрочнаго смысла и вообще въ формѣ запрещеннаго плода. А такое распространеніе тѣмъ опаснѣе, что оно происходитъ *внѣ-критики* гласной, громкой, возможной лишь при достаточной свободѣ обсужденія. Наконецъ, мы указали до очевидности, что наибольшій разливъ превратныхъ ученій въ русскомъ обществѣ совершился главнымъ образомъ не посредствомъ печати, а другими путями, помимо ея, въ эпоху русской вящшей цензурной суровости. И такъ какъ система подобной напряженной суровости никогда слишкомъ долго практиковаться не можетъ—такое воинственное отношеніе къ жизни слишкомъ ненормально и вызываетъ вскорѣ страстную потребность отдыха,—то вслѣдъ за періодомъ суровости необходимо всегда настаетъ реакція, при которой, разумѣется, проносится въ общество (что̀ и было у насъ), какъ весной чрезъ плотину, много сору, много грязи, много лжи и вреда. При всемъ томъ, наивысшаго своего развитія и практическаго примѣненія въ нашемъ обществѣ пагубныя ученія достигли уже во времена новой, обратной реакціи, когда на всѣхъ высшихъ административныхъ постахъ красовался девизъ *подтянуть,* и когда на практикѣ подтянутымъ оказалось только національное и патріотическое направленіе въ литературѣ.

Общіе выводы наши слѣдующіе:

Печатное слово—оружіе обоюдуострое, производитъ дѣйствіе и благое, и вредное. Съ послѣднимъ необходима борьба,—но устранить вовсе возможность вредныхъ явленій печати и необходимость борьбы съ нею немыслимо. Это зло неизбѣжное; его приходится допустить ради

благой стороны печатнаго слова, въ которой заключается наилучшее, наимогущественнѣйшее орудіе борьбы съ вредной и лживой ея стороной. Успѣхъ этой борьбы возможенъ лишь при извѣстной свободѣ слова. Цензурныя стѣсненія этой свободы ослабляютъ, а иногда и совсѣмъ упраздняютъ спасительное дѣйствіе благой стороны печати, слѣдовательно ослабляютъ или упраздняютъ наилучшее орудіе борьбы со зломъ,—сами же никогда вполнѣ не достигаютъ своей цѣли и въ окончательномъ результатѣ приносятъ болѣе вреда чѣмъ пользы. Было бы величайшею, опасною ошибкою предположить, будто съ недугами общественными нравственнаго и духовнаго свойства можно бороться одними запретительными или отрицательными мѣрами, въ томъ числѣ усугубленною цензурною строгостью. Нужно, напротивъ, помнить, что цѣленіе таковыхъ недуговъ должно главнымъ образомъ происходить отъ прилива въ общественный организмъ свѣжихъ, свободныхъ, положительныхъ, здоровыхъ силъ духа. Слѣдуя же только и единственно системѣ запрещеній, нельзя логически не придти къ безсмыслицѣ: къ необходимости сооруженія Китайской стѣны между Россіей и всѣмъ Западнымъ міромъ.

Въ самомъ дѣлѣ, ничего кромѣ Китайской стѣны нельзя и измыслить, читая статью редактора «Гражданина» и соображаясь съ ея направленіемъ. Какъ иначе оградиться отъ тлетворныхъ вліяній? Возьмемъ какой-нибудь примѣръ. Случилась, на грѣхъ, французская революція еще почти за сто лѣтъ тому назадъ. Событіе міровое. Однакожъ о немъ ни слышать, ни вѣдать не надлежало бы русскому населенію, дабы не обольститься ея духомъ—и не только простонародью, не только получающимъ «аттестатъ зрѣлости», но и дѣйствительно зрѣлымъ годами и умомъ русскимъ людямъ; если ужъ этому помѣшать нельзя, то нужно бы принудить всѣхъ вѣдать и судить о ней непремѣнно такъ,—а не иначе,—какъ почтенный г. редакторъ «Гражданина» (составившій впрочемъ себѣ о революціи свое особенное понятіе также вѣдь не безъ помощи запрещенныхъ книжекъ: ему вѣрно удалось прочесть и Тьера, и Мишеле, и Карлейля!). Но вотъ, подите же! Былъ и у насъ вѣкъ Екатерины, когда распространеніе идей Руссо, Вольтера, Дидро чуть не покровительствовалось самимъ правительствомъ; помимо всякой русской печати цѣлыя поколѣнія, здравствовавшія до половины нашего столѣтія, жили и мыслили въ «духѣ идей XVIII столѣтія» и воспитывали въ семъ духѣ дѣтей и внуковъ! Прибавьте къ этому сотни тысячъ русскихъ путешественниковъ всѣхъ званій и состояній, не переводящіяся за границей, сотни тысячъ иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи... Какая цензура могла бы воспрепятствовать при этихъ условіяхъ заразѣ тлетворнаго вольнодумства, религіознаго и политическаго, проникающаго изъ Франціи? И можно ли уберечься отъ этой заразы внѣшними сред-

ствами? Можно и должно обличать злую сторону революціи, но такому обличенію никто не повѣритъ, если не покажутъ явленія со *всѣхъ* сторонъ. Слѣдовательно нужна *правда* о революціи; нужно здѣсь, какъ и для всякой лжи, живое противодѣйствіе, безъ котораго никакіе запреты не спасутъ и не помогутъ, а живое искреннее противодѣйствіе можетъ возникнуть и стать плодотворнымъ только въ атмосферѣ, гдѣ совѣсть не чувствуетъ надъ собою насилія, гдѣ не обрѣзаны крылья духу или, по выраженію апостольскому,—гдѣ «не угашается духъ».

Что извѣстный разрядъ печати не возбуждаетъ нашего сочувствія и вызываетъ съ нашей стороны жесткій отпоръ,—это всѣмъ вѣдомо; именно ради возможности этого отпора мы и дорожимъ тѣмъ относительнымъ просторомъ, который de facto еще существуетъ для печатнаго слова. Но какъ бы ни было ложно направленіе многихъ газетъ и журналовъ, совершенно несправедливо сваливать на нихъ всю вину за наше настоящее, дѣлать ихъ отвѣтственными за чужіе грѣхи! Редакторъ «Гражданина» пишетъ напримѣръ, что печать «научаетъ народъ быть недовольнымъ всѣмъ и *искать* и *желать иного*»... Но развѣ печать повинна въ возникновеніи въ народѣ штунды и иныхъ разныхъ сектъ, свидѣтельствующихъ о недовольствѣ народа нашею церковною казенщиной, формализмомъ церковнаго пастырства и т. д. и объ исканіи народомъ дѣйствительно инаго, лучшаго въ области религіозной?! Однимъ запретомъ, однимъ сажаніемъ штундистовъ въ тюрьму развѣ помогли дѣлу? И при чемъ же тутъ печать? Едвали также есть надобность «научать народъ быть недовольнымъ» грабежомъ волостныхъ писарей и тою неравномѣрностью несомыхъ имъ тягостей, объ устраненіи которыхъ не даромъ же такъ заботится настоящее правительство? По мнѣнію «Гражданина», мужикъ только изъ печати узнаетъ, когда онъ выложитъ послѣдній грошъ изъ кармана на взятку чиновнику, или когда вмѣсто чернозема ему отмежуютъ песокъ! Но князя Мещерскаго едвали убѣдятъ даже и эти доводы. Съ паѳосомъ негодованія восклицаетъ онъ, что *«эпидемія семейныхъ у крестьянъ раздѣловъ*, страшное увеличеніе (?) преступленій, кражи и убійствъ съ цѣлью грабежа, *недовѣріе крестьянъ къ барину*, охлажденіе его чувствъ къ священнику»—все это «есть прямое послѣдствіе такой (т. е. существующей) свободы печати»... Такъ можетъ восклицать только человѣкъ совсѣмъ зажившійся въ Петербургѣ! Эпидемія семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ вызвана печатью!! Это даже совѣстно и читать... Вотъ до чего, до какой, съ позволенія сказать, нелѣпости способно доходить упоеніе «консерватизмомъ»! А о двухсотлѣтнемъ крѣпостномъ рабствѣ, воспитавшемъ неизгладимое до сихъ поръ недовѣріе крестьянина къ барину, «Гражданинъ» и не помнитъ?... Коротка же у него памяты!... Чего же хочетъ редакторъ? Уничтожить всякую *гласность*, такъ чтобы печать не сообщала ни о

какихъ злоупотребленіяхъ, ни о какихъ фактахъ жизни? чтобы всякій, читая газету, выносилъ убѣжденіе, что «все обстоитъ благополучно», хотя бы на практикѣ ежочасно испытывалъ противное? Однимъ словомъ, чтобъ водворилась вновь та темь и глушь, подъ покровомъ которыхъ производились бы безгласно хищенія государственныхъ земель и денегъ, и вся та вопіющая кривда, которой такъ было вольготно въ старое время, въ пору безмолвія и торжества казенной благонамѣренности»?...

Признаемся откровенно, наши статьи о печати были написаны отчасти подъ впечатлѣніемъ выраженія «Гражданина»: «печать слѣдуетъ заставить быть *благонамѣренною*»... «Благонамѣренность»! Жестоко слово сіе. Слово печальной памяти. Жутко становится, когда его слышишь. Въ виду этого выраженія мы и напомнили въ одной изъ своихъ статей о томъ времени (съ 1825 по 19 февраля 1855 г.), «когда самый воздухъ былъ напоенъ, повидимому, испареніями «благонамѣренности». О ней кричалъ Аракчеевъ; только *это* слово и было на устахъ въ ту тридцатилѣтнюю пору, когда пытались (конечно не вполнѣ удачно) взять въ казну совѣсть, душу, мысль, вѣру, и отпускать ихъ, на пользованіе, казенными размѣренными, патентованными пайками... увы! пайками этими раздавались только пошлость и подлость!... когда богохульно печаталось въ оффиціальной инструкціи казеннымъ учебнымъ заведеніямъ, что «Государь есть верховная совѣсть», т. е. искажалось истинное высокое значеніе царской власти, упразднялся авторитетъ Божій, упразднялось слово Божіе, начертанное, по выраженію Апостола, «на сердцахъ человѣческихъ»... Все это миновало, слава Богу, со вступленіемъ на престолъ Александра II. Ужасное зло нигилизма, растлѣвающее теперь русское общество и покрывшее скорбью и позоромъ Русскую землю, откуда оно взялось между прочимъ? вдумайтесь пристально. Не окажется ли, пожалуй, что его настоящій, законный родитель—именно мертвечина казенщины, что нигилистъ—это злая реакція казенному «благонамѣренному человѣку»? Не приходится ли намъ теперь только расплачиваться за старое?

Въ томъ-то и опасность казеннаго формальнаго вторженія въ область духа, что оно, при малѣйшей безтактности, способно опошлить, обездушить, обезсилить всякую истину, все прекрасное, достойное благоговѣнія и хвалы, и даже вызвать опасное противодѣйствіе, а порою и ненависть къ тому, что само въ себѣ добро и благо... Да и кому въ мірѣ чиновно-бюрократическомъ, при нашихъ полицейско-канцелярскихъ порядкахъ, можетъ быть врученъ критеріумъ «вреднаго направленія» съ одной стороны и «благонамѣренности» съ другой?..

Но довольно. Въ заключеніе замѣтимъ «Гражданину», что онъ совершенно напрасно уподобляетъ Христу и Апостоламъ цензоровъ и полицію, утверждая въ своей защитѣ суровыхъ цензурно-полицейскихъ

мѣръ, что вѣдь «Христосъ и Апостолы преподавали же самыя строгія заповѣди въ огражденіе свободы слова отъ сквернословія и хулы на Духа Святаго»! Что же тутъ общаго съ полиціей и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ? Если подражать указанному примѣру, такъ и слѣдуетъ ограничиться однимъ заповѣдываніемъ; полицейскихъ мѣръ никакимъ Евангеліемъ не рекомендовано. Христосъ вѣдь причисляетъ къ смертнымъ грѣхамъ и гордость... Слѣдуетъ ли изъ этого, что всякаго гордаго человѣка нужно сажать на съѣзжую?.. Однимъ словомъ, хотя редакторъ «Гражданина» и объявляетъ о себѣ, въ одномъ изъ №№ своего журнала (въ обращеніи къ г. Гилярову-Платонову), что вѣдь онъ, редакторъ, «человѣкъ глубоко вѣрующій въ Бога» (блаженъ кто можетъ такъ о себѣ выразиться, взирая на текстъ евангельскій о зернѣ вѣры *горушномъ,* и другой: «вѣрую, Господи, помози моему невѣрію!») однако, въ виду такого избытка его благочестивой ревности, мы бы не пожелали поручить ни ему, ни его послѣдователямъ или единомышленникамъ судъ и расправу надъ литературою...

Съ достодолжнымъ уваженіемъ къ почтенному редактору позволимъ себѣ, съ своей стороны, напомнить ему, во-первыхъ, завѣтъ Апостола: «не угашайте духа», а во-вторыхъ, остроумно шутливое изреченіе французскаго романиста Шербюлье (уже цитованное нами однажды), что le bon Dieu aime mieux ceux qui le renient que ceux qui le compromettent...

СУДЕБНЫЙ ВОПРОСЪ.

СТАТЬИ

ИЗЪ «ДНЯ», «МОСКВЫ», «МОСКВИЧА» И «РУСИ».

О правѣ обычномъ, игнорируемомъ нашими юристами.

«День», 16-го декабря 1861 г.

Знаютъ ли наши читатели, что въ Россіи милліоновъ сорокъ Русскаго народа существуютъ *внѣ* положительнаго закона (разумѣется, не въ смыслѣ Французскаго выраженія: hors la loi)? Знаютъ ли они, что Сводъ Законовъ Россійской имперіи съ его постановленіями о малолѣтныхъ, объ опекахъ, о разныхъ имущественныхъ отношеніяхъ, наконецъ о наслѣдствѣ—этомъ краеугольномъ камнѣ всякаго гражданскаго законодательства, имѣетъ силу только для двухъ-трехъ милліоновъ Русскихъ людей, и ровно никакой для быта сорока милліоновъ остальныхъ Русскихъ?

Окажется, безъ сомнѣнія, что «всѣ знаютъ, что это вещь извѣстная, и что мы не сказали ничего новаго»... И дѣйствительно: есть много житейскихъ и бытовыхъ явленій, которыя ежедневно и сотни лѣтъ совершаются предъ нашими глазами, слѣдовательно знакомы всѣмъ, а въ то же время однако никому неизвѣстны, потому что не были до сихъ поръ предметомъ ни изученія, ни наблюденія, ни анализа, ни оцѣнки; не обращали на себя сосредоточеннаго мыслящаго вниманія. Не исторгнутыя изъ массы прочихъ случайныхъ явленій, не возведенныя на степень сознаннаго бытоваго закона, они переживаются, но не отражаются въ нашей мысли, они—фактъ вѣдѣнія, но не фактъ сознанія.

Почти всѣ наши крестьяне живутъ подъ закономъ общиннаго быта, создавшимъ совершенно особенныя поземельныя и имущественныя отношенія. Опека надъ малолѣтными, наслѣдство, дѣлежъ имущества, судъ и примѣненіе наказаній, все это въ нашемъ простонародномъ быту совершается на основаніи коренныхъ древнихъ обычаевъ, вполнѣ вѣдомыхъ народу и вполнѣ невѣдомыхъ нашему образованному обществу. Такова сила отвлеченности въ нашемъ духовномъ развитіи, что самое ближайшее къ намъ, «просвѣщеннымъ» Русскимъ людямъ,—

Русскій простой народъ,—почти до сихъ поръ продолжаетъ пребывать для насъ какою-то terra incognita, землею, лежащею гдѣ-то за тридевять земель и тридевять морей, о которой мы знаемъ только по слуху. Наше вниманіе обращалось, обращается отчасти и теперь, только на поверхность почвы, а не на самую почву: два-три милліона людей съ своею отвлеченною искуственною жизнью, съ своими отвлеченными искусственными потребностями,—выдавая себя за Россію,—заслоняли и заслоняютъ еще, отъ Европы и отъ насъ самихъ,—бытъ и потребности сорокамилліоннаго населенія. Мы могли бы доказать это примѣромъ изъ нашего промышленнаго міра, съ его неестественнымъ развитіемъ, примѣрами изо всѣхъ отраслей нашей общественной жизни, но ограничиваемся теперь одною ея юридическою стороною.

Если община и ея экономическое устройство и были, въ послѣднее время, предметомъ изслѣдованія и изученія, и наконецъ признаны, какъ существующій фактъ, при разрѣшеніи вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ,—то вспомнимъ однако, что это явленіе еще далеко не получило правъ гражданства въ нашей наукѣ. Наши отдаленные потомки едвали повѣрятъ, что было время, когда въ Россіи Русскіе люди «прогрессисты» и «либералы», «представители Западнаго просвѣщенія», «ратоборцы науки», съ легкомысленною дерзостью хотѣли не признавать законовъ экономическаго тысячелѣтняго народнаго быта и готовы были насильно навязывать народу устройство, взятое изъ сочиненій Западныхъ экономистовъ. Оправдывая насиліе тѣмъ, что въ отношеніи грубаго, неразвитаго народа будто бы позволительно прибѣгать иногда къ «просвѣщенному»... произволу, забывая, что призваніе науки — отыскивать законы во всѣхъ явленіяхъ жизни, — они, во имя науки, презирали самую жизнь и отвергали самыя права ея, права быта у сорока милліоновъ людей! Нѣтъ, не такъ бы отнеслись къ жизни наши Западные учители, эти хозяева науки,—если бы явленія, о которыхъ мы говоримъ, были доступны ихъ изученію! Они сдѣлали бы эти явленія предметомъ анализа и возвели бы въ стройную научную систему,—они строго бы осудили легкомысліе, вѣтреность и раболѣпную покорность своихъ Русскихъ адептовъ, не захотѣвшихъ даже и знать того, чего не имѣли возможности узнать добросовѣстные ученые Запада!

Какъ бы то ни было, если законъ общинный и не удостоился еще цеховаго штемпеля «научнаго факта», то тѣмъ не менѣе, выдвинутый жизнью, онъ сталъ предметомъ изслѣдованія и изученія. Но прочія явленія нашего народнаго быта, именно его юридическая сторона, до сихъ поръ еще упорно «игнорируются» Русскими учеными. Мы утверждаемъ смѣло, что ни одинъ изъ такъ называемыхъ Русскихъ юристовъ, ни одинъ профессоръ права въ юридическихъ факультетахъ всѣхъ нашихъ университетовъ безъ исключенія, — не въ состояніи объяснить,

да и положительно не знаетъ — законовъ о порядкѣ наслѣдства, объ опекѣ и имуществѣ малолѣтныхъ, и другихъ многочисленныхъ законовъ, которыми тысячу лѣтъ руководится, въ его отечествѣ, его же народъ, — сорокъ милліоновъ его Русскихъ братій! Неужели эти законы не заслуживаютъ вниманія Русскихъ ученыхъ? Неужели мы дождемся того, чтобъ къ намъ пожаловалъ какой-нибудь любознательный Нѣмецъ, и сталъ бы самъ Нѣмецъ—насъ самихъ учить нашему Русскому common law, и духовной независимости отъ Нѣмцевъ!

Мы нисколько не обвиняемъ лично нашихъ ученыхъ профессоровъ: ихъ невѣжество въ этомъ отношеніи объясняется всѣмъ историческимъ ходомъ нашего развитія; но теперь, когда вопросъ уже поставленъ и вниманіе ихъ возбуждено, они были бы виноваты предъ самою наукою, о которой они всегда говорятъ съ такимъ похвальнымъ благоговѣніемъ, еслибъ продолжали упорствовать въ невѣдѣніи Русской жизни и подъ именемъ науки разумѣть только ту сумму истинъ, какая передана имъ ихъ Западными наставниками.

Намъ могутъ возразить, что предметомъ науки права можетъ быть только право положительное, заявившее себя въ опредѣленныхъ законодательныхъ формулахъ, выработанное яснымъ общественнымъ сознаніемъ, жившее историческою жизнью. Конечно, въ настоящее время, науки народнаго обычнаго Русскаго права еще не существуетъ, но мы рѣшительно не видимъ причины, почему бы она не могла возникнуть. Развѣ Англійское common law не есть предметъ научнаго изслѣдованія, систематизированія и обработки? Развѣ ученое знаніе этого обычнаго права не является необходимою потребностью Англійской общественной жизни? намъ скажутъ, что Англійское common law есть все-таки законъ писанный, все же lex scripta, а не живой обычай, подлежащій свободному измѣненію... Это правда,—хотя можетъ быть вѣрнѣе было бы назвать Англійскій common law закономъ *записаннымъ;* правда и то, что записанный обычай потерялъ тамъ живую подвижность обычая, застылъ и кристаллизировался въ формулѣ; но мы вовсе и не предлагаемъ такого законодательнаго отношенія къ Русскимъ народнымъ юридическимъ обычаямъ. Мы нисколько не желаемъ распространенія Свода Законовъ на бытъ Русскаго народа, и въ этомъ отношеніи воздаемъ должную честь мудрой воздержности законодателя, ограничившаго кругъ дѣйствія упомянутыхъ законовъ — бытомъ верхнихъ классовъ общества. Но точно также сочли бы мы вреднымъ возведеніе живаго обычая на степень неизмѣннаго законодательнаго правила, или какое бы то ни было регламентированіе народнаго быта внѣшнею силою.

Нѣтъ: наши народные юридическіе обычаи должны быть записаны наукою, собраны въ систему и возведены на степень научнаго факта;

однимъ словомъ, наука изъ отрывочныхъ данныхъ должна построить цѣльную систему, раскрыть юридическое созерцаніе народа, опредѣлить его юридическія начала и провести ихъ въ общественное сознаніе. Тогда и законодательство, проникаясь невольно этими, живущими въ общемъ сознаніи, народными началами, не будетъ чуждо народной жизни, не будетъ стремиться къ ея регламентированію по иноземнымъ образцамъ, не станетъ прилагать къ быту милліоновъ людей—теоремы Римскаго права, возникшаго на совершенно иныхъ основахъ. Если наши фанатическіе поклонники теоріи и науки возразятъ намъ, что истины, добытыя наукою права, истины общечеловѣческія, то, не пускаясь съ ними теперь въ споръ о томъ, что̀ такое вообще истины формальнаго права и внѣшней правды, и не находятся ли онѣ въ подчиненномъ отношеніи къ идеѣ высшей, внутренней, нравственной справедливости, — мы замѣтимъ имъ только, что даже и въ Европѣ, въ основѣ нынѣ дѣйствующаго, положительнаго права, вмѣстѣ съ Римскимъ правомъ, лежатъ и племенные мѣстные обычаи. Отчего же Русскіе народные обычаи, бытовые законы 10 милл. людей, не имѣютъ права въ глазахъ нашихъ юристовъ на значеніе еще болѣе самостоятельное, въ законодательныхъ системахъ, издаваемыхъ для той земли, которая вовсе не есть наслѣдница Римскаго міра, какъ Западная Европа? Отчего частная истина Западнаго міра, налагаемая Русскому народу, должна быть для него истиною общечеловѣческою, а истина *его* быта не есть истина общечеловѣческая, потому только, что еще не признана авторитетомъ Западныхъ ученыхъ?

Мы не станемъ исчислять теперь тѣ данныя, которыя даютъ поводъ предполагать возможнымъ построеніе цѣлой новой системы права въ мірѣ Славянскомъ вообще и въ Русскомъ мірѣ въ особенности,—но мы указываемъ на существующее явленіе нашего невѣжества относительно *обычнаго права Русскаго народа* съ слѣдующею цѣлью:

Во 1-хъ, мы надѣемся побудить нашихъ ученыхъ «юристовъ» къ внимательному изученію юридической стороны быта Русскихъ крестьянъ на основаніи тѣхъ данныхъ, какія уже имѣются, а также къ тщательному собиранію и изслѣдованію новыхъ.

Во 2-хъ, мы думаемъ, что мировые посредники могли бы, ставъ на нашу точку зрѣнія, воспользоваться своимъ положеніемъ и постояннымъ столкновеніемъ съ народомъ, съ тѣмъ, чтобы подмѣчать, собирать, записывать народные обычаи, какъ по самоуправленію, такъ и по отношенію къ имущественному народному праву.

Въ 3-хъ,—и это главное—мы желали бы остановить пылкое усердіе нашихъ прогрессистовъ-преобразователей, которые, гордясь знаніемъ Римскаго права или казуистическою опытностью чиновника, готовы были бы, съ самоувѣренною опрометчивостью, примѣнять въ Рус-

ской землѣ то или другое юридическое учрежденіе. Намъ привелось недавно слышать мнѣніе о *заведеніи* въ Россіи сословія юристовъ и объ учрежденіи суда присяжныхъ... Завести сословіе юристовъ, *на манеръ* того, какое существуетъ въ Германіи и во Франціи! Такая смѣлая мысль можетъ родиться только у «образованнаго» Русскаго, и объясняется крайнею отвлеченностью нашего развитія. Какъ будто сословіе ученыхъ спеціалистовъ можетъ быть заведено извнѣ, *по указу!* какъ будто оно можетъ не быть органическимъ произведеніемъ самой исторической жизни! Юристы! Да гдѣ они? у насъ нѣтъ Русскихъ юристовъ: у насъ есть чиновники, хорошо знающіе Сводъ Законовъ, знающіе всѣ судейскіе ходы и выходы, и ученые доктора Римскаго права, столько же Русскіе въ области юридической науки, сколько ихъ учителя — Нѣмцы. Народныхъ юридическихъ обычаевъ и воззрѣній ни одинъ Русскій ученый юристъ не вѣдаетъ, а опытность чиновника, знающаго наизусть Сводъ Законовъ и умѣющаго прилагать его къ нашей судебной практикѣ, не даетъ ему никакого права называть себя юристомъ въ ученомъ смыслѣ слова: онъ не выноситъ изъ этого знанія и изъ этой опытности никакого цѣльнаго юридическаго созерцанія уже потому, что строгой органической системы нѣтъ и не можетъ быть въ самомъ предметѣ его изученія и казуистической опытности, по самому свойству происхожденія этого предмета. Бо́льшая часть нашихъ Русскихъ, такъ называемыхъ юридическихъ вопросовъ зависитъ не отъ неясности началъ, а отъ случайной неловкости редакціи закона!.. При нашей отчужденности отъ народа, и по другимъ причинамъ, не только нельзя и думать о какомъ-либо цехѣ юристовъ, но искусственное заведеніе такихъ цеховыхъ юристовъ было бы крайне вредно для нашей не вполнѣ сложившейся гражданской жизни.

Что же касается до суда присяжныхъ, то мы чрезвычайно опасаемся, чтобъ это единственное учрежденіе, сколько нибудь восполняющее несовершенство человѣческаго правосудія, учрежденіе въ добавокъ древняго Славянскаго происхожденія, являющееся какимъ-то противорѣчіемъ, аномаліей на почвѣ Римскаго формальнаго права въ Западной континентальной Европѣ, — мы боимся, говоримъ мы, чтобъ это прекрасное явленіе не было у насъ искажено неуклюжимъ, искусственнымъ насажденіемъ. Такъ въ слышанномъ нами мнѣніи указывается на слѣдующій *составъ* присяжныхъ: они должны быть изъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ! Въ Англіи, въ которой это учрежденіе представляется намъ во всей своей живучести и благодѣтельности, — присяжные берутся просто изъ честныхъ людей, какого бы званія они ни были, и гдѣ бы и какъ бы ни учились, если бы даже и мало учились, такъ это не помѣшало бы человѣку, снискавшему уваженіе своею честною жизнью, быть выбраннымъ въ присяж-

ные. Какъ будто для пониманія общихъ живыхъ явленій жизни, для нравственной оцѣнки человѣческихъ дѣяній, для разрѣшенія вопросовъ совѣсти, для разумѣнія грѣха, нужно внѣшнее просвѣщеніе, нужно что-либо другое, кромѣ чистой совѣсти, просвѣщенной христіанской вѣрою и умудренной подвигомъ честной жизни; какъ будто аттестатъ инженернаго или межеваго училища сообщаетъ человѣку даръ сердцевѣдѣнія, опытъ жизни, и всѣ тѣ нравственныя высокія свойства, которыя необходимы присяжному! Если, при существующихъ у насъ сословныхъ перегородкахъ, при неоконченности крестьянскаго и сословнаго вопроса, было бы, можетъ быть, неразумно теперь, у насъ, подвергать вопросъ о чести и имуществѣ дворянскомъ — обсужденію ремесленниковъ и крестьянъ, разрозненныхъ еще, вслѣдствіе историческихъ причинъ, съ сословіемъ высшимъ, то было бы также несправедливо, напримѣръ, преступленіе, случай изъ крестьянскаго быта, подвергать оцѣнкѣ прапорщиковъ и дѣйствительныхъ студентовъ, не знакомыхъ ни съ жизнью вообще, ни съ крестьянскимъ бытомъ въ особенности... Мы бы не остановились на этомъ мнѣніи, еслибъ оно не было пущено въ ходъ въ нашемъ обществѣ...

Въ виду возстающаго къ жизни Русскаго народа послѣ событія 19 Февраля, мы должны съ величайшею осторожностью допускать коренныя преобразованія или новыя созиданія, потому что, въ случаѣ несогласія ихъ съ требованіями народности, еще не вполнѣ заявленными,—они могутъ только стѣснить въ будущемъ свободу и самостоятельность нашего народнаго развитія, а въ настоящемъ осуждены оставаться шаткими и непрочными... Пусть же наука, обратившись къ Русской жизни и Русской народности, готовитъ заранѣе отвѣты на запросы пробуждающагося народнаго самосознанія!.. Дѣла много, а дѣлателей мало!

По поводу обнародованія основныхъ положеній судебной реформы отъ 1 окт. 1862 года.

«День», 27-го октября 1862 г.

1862 года октября 1-го дня Россія, къ великой для себя неожиданности, увидала себя произведенною, однимъ разомъ, безъ всякихъ замедляющихъ дѣло проволочекъ, на степень цивилизованнѣйшихъ и благоустроеннѣйшихъ Европейскихъ государствъ. Телеграфическія нити всюду, куда только простираются онѣ, разнесли по Россіи извѣстіе, что ей ассигнованы самыя новѣйшія либеральныя судебныя учрежденія, что старой судебной кривдѣ, полтораста лѣтъ въѣдавшейся и наконецъ

въѣвшейся въ народную жизнь, сказанъ конецъ, и что неуклюжій судебный порядокъ, клейменный Нѣмецкимъ штемпелемъ, довольно низкой пробы, смѣненъ порядкомъ высшаго качества, аттестованнымъ за наилучшій всею Европою. Нельзя, конечно, не изумиться быстротѣ нашего развитія, дѣятельности администраціи, — и отчасти рѣзкости такихъ переходовъ отъ долговременной нищеты къ внезапному, неслыханному изобилію. Съ будущаго года получаемъ мы вдругъ — и адвокатовъ, и судъ присяжныхъ, и публичность суда, и «кассацію», и несмѣняемость судей, и обвинительный процессъ, и присяжныхъ повѣренныхъ, и наконецъ цѣлый рядъ новыхъ «земскихъ» учрежденій, изготовленныхъ Министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, но еще не вполнѣ обнародованныхъ. Такимъ образомъ то, что стоило нашимъ Западнымъ сосѣдямъ столько духовнаго и жизненнаго самостоятельнаго труда, жертвъ, мучительныхъ всенародныхъ напряженій, совокупныхъ усилій милліоновъ умовъ, цѣлыхъ сотенъ лѣтъ медленной органической работы, — досталось или достается намъ не дорогою цѣною, не долговременными заботами, не постепенно, а одновременно, разомъ, такъ сказать въ нѣсколько дней, усиліями и попеченіями немногихъ избранныхъ въ Петербургѣ, безъ всякихъ хлопотъ и безпокойствъ со стороны остальнаго народонаселенія. По мнѣнію большей части нашихъ газетъ, такая ширь и гладь пути для прогресса дѣлаетъ нашъ жребій завиднымъ, и Европѣ, въ скоромъ времени, малымъ чѣмъ останется преимуществовать предъ нашимъ отечествомъ...

Мы вполнѣ цѣнимъ благія побужденія, даровавшія Россіи новое судебное устройство, и вполнѣ сочувствуемъ искренности добрыхъ намѣреній, одушевлявшей составителей проекта. Но, не раздѣляя общаго увлеченія нашей печати и даже считая его въ данномъ случаѣ неумѣстнымъ, мы признаемъ нравственною обязанностью отнестись къ проекту съ тѣмъ строгимъ вниманіемъ, котораго вполнѣ заслуживаетъ дѣло такой громадной, жизненной важности.

Преобразованіе судебнаго устройства въ Россіи есть неотразимое послѣдствіе недавняго освобожденія крестьянъ отъ помѣщичьей зависимости.

Какъ въ поѣздѣ желѣзной дороги, соскочившемъ съ рельсовъ, вагоны, сшибаясь и громоздясь другъ на друга, ломятся и летятъ вдребезги, — такъ трещитъ и рушится старый бытъ, сложившійся послѣ Петровскаго погрома и сдвинутый съ своей основы уничтоженіемъ крѣпостнаго права. Но еще не очищена почва отъ щепъ и осколковъ, еще не освобождены изъ-подъ нихъ ея произрастительныя силы, а уже задвигается она новыми, совсѣмъ готовыми, извнѣ принесенными чуждыми формами. Жизнь, возбужденная къ сознанію и дѣятельности событіемъ 19 Февраля 61 года, еще не успѣла сказать свое слово и явиться въ

могуществѣ свободныхъ органическихъ отправленій, какъ ей приходится снова становиться въ пассивное отношеніе къ внѣшнимъ формамъ, принимать, а не производить, освоиваться съ чужимъ, а не отдѣлять свое отъ чужаго, улаживаться, принаравливаться, вообще тратить силы на работу въ извѣстномъ, заданномъ извнѣ направленіи, а не на трудъ самостоятельнаго созданія. Вопросъ, слѣдовательно, будетъ заключаться именно въ томъ, въ какой степени новыя формы лучше старыхъ или, вѣрнѣе сказать, менѣе чужды, менѣе старыхъ жмутъ и тѣснятъ свободу народной жизни, въ какой степени допускаютъ просторъ для ея органической производительности.

Новое преобразованіе суда и расправы имѣетъ характеръ совершеннаго переворота. Въ немъ двѣ стороны: отрицательная и положительная. Разрушая съ одной стороны прежній порядокъ, — съ другой стороны оно возсоздаетъ новый. Новый порядокъ не вытекаетъ изъ стараго, не есть его дальнѣйшее движеніе, или логическое развитіе, причемъ не было бы и переворота, ни такой ломки быта, какая должна произойти при введеніи въ дѣйствіе проектированныхъ правилъ судоустройства и судопроизводства. Напротивъ: новая и прежняя система творить судъ и правду на Руси — это два противоположныхъ полюса двѣ крайности, два начала, одно другое исключающихъ. Что же это за старый порядокъ, который отмѣняется, жалѣть ли объ немъ и въ какомъ отношеніи состоялъ онъ къ народному быту?

Это старый порядокъ въ сущности вовсе не старый, а новый, новый въ смыслѣ *ново*введенія, навязаннаго Русской жизни реформою Петра I-го. Онъ вполнѣ чуждъ Русской народности и не связанъ съ нею никакими органическими нитями, хотя, разумѣется, довольно плотно присталъ къ гражданскому быту не только общества, но и народа. Болѣе полутораста лѣтъ прошло съ того времени, какъ Русь, въ лицѣ Петра и верхнихъ классовъ общества, измѣнила *старинѣ*, и въ этотъ долгій промежутокъ времени, въ дѣлѣ Петровскаго преобразованія, успѣла уже, конечно, наростп *своя старина* и даже покрыться почетною плѣсенью. Можетъ быть эта новая старина и способна возбудить сочувствіе нѣкоторыхъ историковъ и старыхъ людей нашего общества, будучи близка имъ по привычкамъ и воспоминаніямъ, но нисколько не дорога для народа. Если народъ и пожалѣетъ о старомъ порядкѣ, то только потому, что кое-какъ стерпѣлся съ нимъ, сжился, какъ съ акклиматизованною болѣзнью, примѣнился, привыкъ къ нему и принялъ противъ него свои мѣры для огражденія своей домашней самобытности; между тѣмъ какъ теперь ему предстоитъ новый трудъ знакомиться съ новымъ и также ему чуждымъ порядкомъ, узнавать всѣ его ходы и выходы.

Нельзя не замѣтить также слѣдующаго. Отмѣняемый нынѣ судеб-

ный порядокъ, будучи безусловно чуждымъ насажденіемъ, насаждался однако людьми, которые, сами того не замѣчая, еще не вполнѣ отрѣшились отъ бытовыхъ воззрѣній, еще не успѣли вытравить въ себѣ залоговъ Русской народности, еще не претворили началъ Западной цивилизаціи въ плоть и кровь, были болѣе обезьянами, чѣмъ выродившимися Русскими. Отъ этого, въ судебномъ законодательствѣ, нынѣ отмѣняемомъ, какъ ни чуждо оно нашей народности, прорываются мѣстами слѣды древнихъ народныхъ обычаевъ, какіе-то отголоски старины, смягчавшіе, можетъ быть, его противорѣчіе съ общимъ строемъ Русской жизни. Читая проектъ новаго судебнаго преобразованія, мы—не говоря теперь объ его внутреннемъ, безотносительномъ достоинствѣ, можемъ сказать прямо, что оно совершенно свободно ото всякой Русской органической примѣси, не связано ни съ преданіями древней до-Петровской Руси, ни съ современнымъ народнымъ созерцаніемъ, ни даже съ прежнимъ, отставляемымъ порядкомъ. Это еще не значитъ, чтобъ оно ни въ чемъ не совпадало съ народными взглядами и желаніями, но это совпаденіе носитъ характеръ совершенно случайный. Вообще вы не слышите въ проектѣ присутствія не только народной мысли, но даже и мысли о народности, о ея бытовыхъ воззрѣніяхъ и требованіяхъ. Если и встрѣчаются иногда выраженія, напоминающія древніе юридическіе термины (въ родѣ «судебные пристава, понятые» и проч.), за то рядомъ съ ними помѣщаются и такіе, какъ *кассація, кассаціонный судъ,* вполнѣ непонятныя для народа и дико звучащія въ Русской рѣчи.

Тѣмъ не менѣе, мы думаемъ, что еслибы какая ошибка и лежала въ позднѣйшемъ нововведеніи, она ни въ какомъ случаѣ не можетъ получить теперь тѣхъ прочныхъ основъ, на которыхъ такъ долго и твердо стояло зло стараго нововведенія. Пробужденное общественное сознаніе, неутомимо повѣряя всѣ явленія жизни, выражаясь болѣе или менѣе свободно, само собою подрываетъ тѣ силы, содѣйствіемъ которыхъ нововведеніе легко укореняется и получаетъ права гражданства въ обществѣ. Всего труднѣе сломить старое, крѣпко углубившееся въ почву, и вотъ почему мы полагаемъ, что новыя учрежденія окажутъ намъ дѣйствительную услугу въ томъ, что помогутъ сдвинуть съ мѣста крѣпкія насажденія старины Петровской, а съ новыми — жизнь, надѣемся мы, сама справится.

Не разсматривая проекта судебной реформы въ существѣ, мы указываемъ въ немъ на тѣ начала, которыя могутъ служить врачеваніемъ противъ зла, если оно въ немъ находится, и проводникомъ для дѣятельности народнаго самосознанія. Эти начала: публичность и гласность суда и свобода (къ сожалѣнію, нѣсколько ограниченная) обсужденія судебныхъ рѣшеній. Мы бы указали также на принципъ суда присяж-

ныхъ, но, къ сожалѣнію, это превосходное англійское учрежденіе въ нашемъ проектѣ является во французскомъ исправленномъ переводѣ.

Итакъ, не касаясь еще подробнаго разсмотрѣнія проекта, мы приходимъ къ слѣдующему заключенію:

Старое *новое* смѣняется новымъ *новымъ:* и то и другое по происхожденію своему—равно чуждо народу.

Мы радуемся ударамъ, наносимымъ старымъ Петровскимъ нововведеніямъ, пораженію стараго врага, обжившагося у насъ, какъ дома, но наша радость была бы полнѣе, еслибъ въ одно время съ паденіемъ прежняго порядка измѣнилась и самая система Петра въ дѣлѣ преобразованій.

Система остается та же, т. е. старый порядокъ, заимствованный извнѣ, но уже приложенный кое-какъ къ быту, внезапно отмѣняется, а новый порядокъ получаетъ право господства въ русской жизни,—также внезапно, безъ ея спроса и вѣдома: слѣдовательно не безъ стѣсненія ея свободы.

Тѣмъ не менѣе мы привѣтствуемъ въ новомъ порядкѣ тѣ начала, которыя, даруя большій просторъ общественной самодѣятельности, даютъ тѣмъ самымъ возможность народной русской стихіи выработать свои юридическія основы и пересоздать, или претворить, или свободно усвоить то, что въ новомъ порядкѣ есть общечеловѣческаго и истиннаго.

Прежде чѣмъ перейти къ самому проекту, мы считаемъ не лишнимъ напомнить читателямъ способы, которыми совершались и вводились въ общественное вѣдѣніе и сознаніе — два главныя законодательныя дѣйствія въ Россіи: Уложеніе царя Алексѣя Михайловича и отмѣна крѣпостнаго права. Читатели сами увидятъ существенное различіе между законодательнымъ пріемомъ, сопровождавшимъ составленіе судебнаго проекта, и пріемами, употребленными для этихъ двухъ актовъ. Укажемъ на нихъ вкратцѣ:

Составленіе Уложенія царя Алексѣя Михайловича, или, говоря нынѣшнимъ бюрократическимъ языкомъ, составленіе *проекта* Уложенія было поручено *коммиссіи*, состоявшей, подъ предсѣдательствомъ боярина князя Никиты Одоевскаго, изъ боярина князя Прозоровскаго, окольничаго князя Волконскаго и двухъ дьяковъ. Независимо отъ сего указалъ Государь, какъ сказано во вступленіи къ Уложенію, «для того своего государева и земскаго великаго царственнаго дѣла... выбрать изъ стольниковъ и изъ стряпчихъ, и изъ дворянъ Московскихъ и изъ жильцовъ чину по два человѣка, также всѣхъ городовъ изъ дворянъ и изъ дѣтей боярскихъ взять изъ большихъ городовъ, опричь Новагорода, по два человѣка, а изъ Новгородцевъ съ пятины по человѣку, а изъ меншихъ городовъ по человѣку; а изъ гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостинной и

изъ суконной сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ съ посадовъ по человѣку добрыхъ и смышленыхъ людей, чтобъ его государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми *утвердити и на мѣрѣ поставити*, чтобы тѣ всѣ великія дѣла по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенью, впредь были ни въ чемъ нерушимы».

Выборные люди, явившись, выражали свои желанія и мнѣнія въ формѣ челобитныхъ, на что есть указаніе въ самомъ Уложеніи. Коммиссія во время своихъ работъ была съ ними, какъ видно, въ постоянныхъ совѣщаніяхъ и докладывала государю отдѣльно о всякой вновь проектируемой статьѣ закона. Затѣмъ, проектированное Уложеніе было доложено въ полномъ его составѣ государю въ присутствіи тогдашняго государственнаго совѣта или боярской думы, а потомъ всѣмъ «выборнымъ людямъ, которые къ тому общему совѣту выбраны на Москвѣ и изъ городовъ, чтено, чтобы все то Уложеніе впредь было прочно и неподвижно»... «И указалъ государь то все Уложеніе написати на списокъ и закрѣпить тотъ списокъ», кромѣ высшихъ оффиціальныхъ лицъ, «выборнымъ дворянамъ, и дѣтямъ боярскимъ, и гостямъ, и торговымъ, и посадскимъ людямъ Московскаго государства и всѣхъ городовъ Россійскаго царства».

Такой законодательный порядокъ, свидѣтельствующій о взаимной довѣренности власти и земства, о единствѣ и цѣльности всего общественнаго организма, вскорѣ сдѣлался невозможенъ благодаря цивилизаторскимъ операціямъ Петра Перваго. Послѣ совершеннаго имъ духовнаго разрыва высшихъ слоевъ общества съ простымъ народомъ, Русь распалась на два стана, не враждебныхъ, но чуждыхъ одинъ другому, непонимающихъ другъ друга, лишенныхъ всякой возможности «споразумленія», какъ выражаются Сербы. По крайней мѣрѣ такъ было еще очень недавно. Только тогда, когда путемъ самосознанія съ одной стороны и нравственнаго подъема съ другой, черезъ возрожденіе народности въ обществѣ и свободную дѣятельность народной жизни, совершится сближеніе обѣихъ оторванныхъ другъ отъ друга половинъ, возможно будетъ и ихъ общее совмѣстное дружное участіе въ земскомъ дѣлѣ. Но и не въ первой только формѣ можетъ проявляться содѣйствіе, нужное для власти въ ея законодательныхъ предпріятіяхъ. Такъ въ крестьянскомъ дѣлѣ если и не все земство, то, по крайней мѣрѣ, образованное общество было призвано къ участію (въ первое время), и это имѣло самыя благодѣтельныя послѣдствія для всего дѣла, несмотря на тѣсные предѣлы, положенные этому участію. Крестьянскій вопросъ въ теченіе двухъ лѣтъ былъ довольно свободно обсуждаемъ въ литературѣ и въ 42-хъ губернскихъ комитетахъ, составленныхъ изъ выборныхъ отъ дворянъ. Все это содѣйствовало ознакомленію общества съ положе-

ніемъ, съ трудностями вопроса, развитію и воспитанію общественному, наконецъ, самому разрѣшенію задачи. Мы жалѣемъ, что это система была оставлена при окончательномъ завершеніи дѣла, но все же, благодарные и за то, что было дано, придаемъ большое значеніе именно тому способу, которымъ первоначально было поведено крестьянское дѣло.

Намъ неизвѣстны соображенія, побудившія правительство избрать другой путь для осуществленія судебной реформы. Порядокъ суда и правды такъ близко соприкасается съ гражданскимъ бытіемъ всего народа, что всякое существенное въ немъ измѣненіе, а тѣмъ болѣе совершенное преобразованіе живо ощущаются всѣмъ общественнымъ организмомъ, не рѣдко съ болью и во всякомъ случаѣ не безъ нѣкотораго временнаго разстройства. Настоящій проектъ застаетъ, такъ сказать, наше общество врасплохъ, общественное сознаніе не приготовленнымъ, почву не очищенною и не распаханною. Теперь приходится ломать то, что, при возбужденной дѣятельности общественной мысли, было бы само собою постепенно подломлено; созидать вновь, навязывать извнѣ то, для чего, можетъ быть, нашлись бы свои созидательныя силы, наконецъ, можетъ быть вводить насильственно въ жизнь такія противорѣчія, которыя могли бы быть предусмотрѣны общественнымъ вниманіемъ, обсужденіемъ литературнымъ. Мы надѣемся, что по крайней мѣрѣ теперь дозволено будетъ литературѣ свободно и безпрепятственно отнестись къ дѣлу, которое, по выраженію до-Петровской Руси, необходимо «утвердить и на мѣрѣ поставить», и которое во времена царя Алексѣя Михайловича непремѣнно было бы названо «великимъ государевымъ царственнымъ и земскимъ дѣломъ».

Въ слѣдующей статьѣ мы постараемся сообщить нѣкоторыя частныя замѣчанія.

О судебной реформѣ.

«День», 20-го октября 1862 г.

Двѣ точки зрѣнія, или, вѣрнѣе сказать, два мѣрила оцѣнки существуютъ у насъ для всякаго законодательнаго распоряженія, точно такъ же, какъ и для совершаемой нынѣ судебной реформы. Всякое проектируемое преобразованіе можетъ быть разсматриваемо само по себѣ, съ точки зрѣнія отвлеченной теоріи, внѣ условій мѣста и времени,—и съ точки зрѣнія современной, настоящей Русской дѣйствительности. Оно можетъ соотвѣтствовать вполнѣ всѣмъ доселѣ извѣстнымъ требованіямъ науки, явиться вполнѣ безукоризненнымъ предъ судомъ чи-

стой, абстрактной мысли, — и въ то же время оказаться несостоятельнымъ, непригоднымъ въ примѣненіи къ дѣлу, неспособнымъ выдержать состязанія съ жизнью. «Этимъ смущаться нечего, возразятъ намъ,—это несогласіе только мнимое, наружное и временное: видимая неприготовленность почвы къ принятію предлагаемаго насажденія еще не можетъ служить доказательствомъ ея неспособности возростить насаждаемое, точно также, какъ и не разрѣшаетъ вопроса о томъ—пригодна ли или непригодна предлагаемая законодательная мѣра: подобнаго рода отношеніе между теоріею и практикою встрѣчается не у насъ однихъ, но и во всякой странѣ; жизнь всегда ниже идеала, а образованное общество стоитъ всегда впереди народа, и потому всегда опережаетъ мыслію медленное и тугое развитіе массъ, не становясь чрезъ это нисколько въ противорѣчіе съ основной идеей народнаго развитія».

Все это истины, конечно, извѣстныя, но мы позволимъ себѣ замѣтить, что такая несоотвѣтственность теоріи съ жизнью не всегда удобно объясняется одною неразвитостью народной массы: упорство послѣдней свидѣтельствуетъ иногда о присутствіи въ ней такихъ требованій, которыя только не поняты теоретиками, еще не получили правъ гражданства въ наукѣ—апробованной цеховою ученостью. И именно это неравновѣсіе нигдѣ не является въ такихъ крупныхъ размѣрахъ, какъ у насъ дома, въ Россіи. На Западѣ самая теорія выростаетъ органически изъ жизненной почвы; она всегда сродни общественной средѣ; она, при всей своей видимой отвлеченности, коренится въ характерѣ и умственномъ складѣ народа, въ его нравахъ, въ его исторіи. Если она является неприложимою и безобразною въ дѣйствительности, все же она есть аномалія *той же* жизни, *ея* выродокъ, болѣзнь *своя*, а не чужая. Мы же поставлены исторіей въ условія совершенно иныя...

Послѣ реформы Петра, уровень образованія нашего общества сталъ до такой степени отличенъ отъ уровня народнаго, умственнаго и духовнаго развитія,—что *верхъ* и *низъ*, въ этомъ смыслѣ, не только не представляютъ того согласія, о которомъ возмечтали уже нѣкоторые Петербургскіе журналисты, но въ большей части случаевъ совершенно не понимаютъ и лишены всякой возможности понимать себя взаимно, какъ два міра, развившіеся въ обратномъ другъ къ другу отношеніи, по законамъ совершенно противоположнымъ. Самая горячая благонамѣренность нашихъ высшихъ классовъ, палящая своими лучами сверху внизъ, способна, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, вмѣсто живительной теплоты, производить на народную почву дѣйствіе сорокаградуснаго мороза. Мы говоримъ «въ нѣкоторыхъ случаяхъ»,—но, при нашемъ отчужденіи отъ народа, мы почти лишены возможности заранѣе, a priori, опредѣлить эти случаи, или предугадать—чѣмъ именно отзовется онъ на обращенное къ нему слово, что выростетъ изъ посѣяннаго — пше-

ница или репейникъ? Возьмите бо́льшую часть явленій административной и законодательной дѣятельности Петровскаго періода нашей исторіи, разсмотрите ихъ по отношенію къ жизни,—что̀ представится вамъ? Съ одной стороны результаты самаго *утонченнаго* развитія, — жизни, жившей всею полнотою своихъ средствъ, во всемогуществѣ свободныхъ органическихъ отправленій, — позднѣйшія порожденія сѣдой цивилизаціи, долговременнаго, многосложнаго историческаго опыта; а съ другой — жизнь, похожая иногда, вслѣдствіе неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій, на прозябаніе; жизнь — слышащая въ себѣ присутствіе невѣдомыхъ силъ, но еще не приложившая ихъ къ дѣлу; почва — почти не початая, почти цѣлина, о которую сплошь да рядомъ ломятся самыя лучшія, перваго сорта, иноземныя сохи, успѣвающія только кое-какъ сверху поразрыхлить землю; гражданскій бытъ — еще простой и однообразный; невѣжество, неразвитость, отсутствіе даже органовъ — необходимыхъ для уразумѣнія противоположнаго развитія. Съ одной стороны — *все готовое*, извнѣ вносимое, предлагаемое организму; съ другой — организмъ, трудно принимающій готовое, потому что оно не прошло путемъ его органическаго процесса. Съ одной стороны—*чужое*, принадлежащее національности Французской, Нѣмецкой, Англійской, вообще Германо-Романской, съ другой *свое*, принадлежащее народности Русской, Славянской, своеобразной...

Вотъ при какихъ условіяхъ совершается со временъ Петра наше гражданское развитіе. Въ послѣднія полтораста лѣтъ образованные классы общества привѣтствовали столько «просвѣтительныхъ и цивилизаціонныхъ» начинаній, и столько разъ были потомъ разочаровываемы опытомъ, что Россія, такъ сказать, съ недовѣріемъ относится къ пользѣ и добру законодательныхъ предпріятій, даже и тогда, когда польза и добро, кажется, очевидны. Безъ всякаго сомнѣнія, передовые люди общества временъ Екатерины ликовали и радовались ея губернскимъ и земскимъ учрежденіямъ, ея либеральнымъ нововведеніямъ не меньше, если не больше, прогрессистовъ нашего времени, радующихся, напримѣръ, судебной реформѣ; мы не хотимъ сказать, чтобы радость послѣднихъ не была основательна, но мы заявляемъ только, что она еще не служитъ совершеннымъ ручательствомъ во внутреннемъ достоинствѣ какой-либо законодательной мѣры. Здѣсь мѣриломъ достоинства можетъ явиться только сама жизнь; но какъ быть, когда жизнь еще молчитъ, еще не сказалась въ несомнѣнномъ опытѣ? гдѣ критеріумъ для оцѣнки? гдѣ точка опоры для законодателя?—Во всякой другой странѣ, при нормальномъ развитіи своихъ народныхъ началъ, самый вопросъ былъ бы неумѣстенъ; законодательный органъ, будучи самъ естественнымъ, простымъ выраженіемъ народнаго сознанія, творилъ бы свободно, безъ всякихъ заботъ и безпокойствъ о своемъ согласіи съ основами быта, безъ

всякихъ поисковъ за народностью. У насъ же этотъ, поистинѣ мучительный, вопросъ прежде всего неизбѣжно представляется уму каждаго — для кого народъ не есть tabula rasa... Можно было бы утвердительно сказать, что нигдѣ въ мірѣ такъ не затруднительно положеніе законодателей, какъ у насъ въ Россіи...

Мы убѣждены (какъ мы однажды сказали), что пока не возстановится цѣльность нашего общественнаго организма, пока то, что живетъ на степени началъ и смутныхъ потребностей, не найдетъ себѣ полнаго и сознательнаго выраженія въ обществѣ,—до тѣхъ поръ никакая личная изобрѣтательность, никакое мастерство въ сочетаніи и выводѣ отвлеченныхъ понятій, не восполнятъ ощущаемаго нынѣ недостатка доморощеннаго матеріала, котораго жизнь еще не успѣла выработать и безъ котораго трудно себѣ представить совершенно самостоятельное органическое законодательство... Но что же дѣлать законодателю, при отсутствіи этого необходимаго органическаго матеріала? По настоящему—ждать, пока этотъ матеріалъ выработается жизнію, а до того времени направить свою дѣятельность къ облегченію для жизни ея производительнаго труда—устраненіемъ всего того, что ее жметъ и тѣснитъ. Ждать! Но если время не ждетъ, если почему-либо преобразованіе представляется неотложною необходимостью, что—тогда? Если, напримѣръ, старый судебный порядокъ, развившись до безобразія (хотя въ свое время казался, вѣроятно, очень красивымъ), долѣе терпимъ быть не можетъ,—какъ о томъ, по крайней мѣрѣ, гласно и настойчиво заявлено обществомъ? Что дѣлать законодателю, если онъ не находитъ возможнымъ отсрочить реформу? Откуда взять *новое*? Своего готоваго нѣтъ, и если даже признать присутствіе въ народѣ своеобразнаго юридическаго созерцанія (что впрочемъ наши юристы положительно отрицаютъ), то оно еще такъ невыяснено, что полагать его въ основу какого-нибудь законодательнаго зданія, какъ готовый матеріалъ, невозможно. Взять *готовое чужое*?... Мы знаемъ, что большая часть нашихъ молодыхъ поборниковъ преобразованія не смущаются такими сомнѣніями,—соблазняемые мнимою пассивностью, безжизненностью, покорностью Русской почвы,—но предположимъ, что было и смущеніе и колебаніе, и что взято готовое и чужое. Какъ оцѣнить достоинство подобнаго нововведенія? По чему судить—хорошо ли оно или дурно? Возможно ли, при недостаткѣ жизненнаго опыта, дѣлать заключеніе о пригодности или непригодности новой законодательной мѣры?

Намъ кажется, что въ такомъ крайнемъ случаѣ—необходимо требовать отъ всякаго новаго законодательнаго преобразованія, если оно касается народнаго быта:

Во 1-хъ, чтобъ оно какъ можно менѣе стѣсняло дѣятельность самой жизни, не лишало ее свободы движеній и давало ей достаточно простора

для ея органической производительности; это самое главное и необходимое условіе, заключающее въ себѣ врачеваніе противъ тѣхъ недостатковъ, какіе могли бы находиться въ нововводимомъ законѣ.

Во 2-хъ, чтобъ оно не противорѣчило, по крайней мѣрѣ, тѣмъ коренным народнымъ началамъ, которыя заявлены довольно вразумительно тысячелѣтнею жизнью Русскаго народа.

Если же, наконецъ, въ данномъ—спеціальномъ такъ сказать,—случаѣ, нѣтъ въ виду положительнаго народнаго воззрѣнія, если оно не уяснено, или еще даже не успѣло составиться, то единственнымъ въ такомъ случаѣ оселкомъ достоинства и пригодности можетъ служить—согласіе началъ, положенныхъ въ основу новой законодательной мѣры—не съ такъ называемыми общечеловѣческими истинами (ибо это слово ничего здѣсь не выражаетъ), а съ высшими требованіями безусловной справедливости, съ нравственною истиною христіанства, какъ бы идеальна, непрактична она ни казалась. Идеалъ собственно-Русской жизни есть идеалъ соціальнаго христіанства, христіанскаго гражданскаго общества,—но объ этомъ мы поговоримъ какъ-нибудь особо, а теперь замѣтимъ, что въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ народное воззрѣніе себя еще не высказало, и гдѣ приходится однако предлагать народной жизни нѣчто новое, ею еще не выработанное,—слѣдуетъ всячески остерегаться, чтобъ подъ именемъ «общечеловѣческихъ истинъ» не навязать Русской жизни—того, что представляется истиною только съ точки зрѣнія Французской, Нѣмецкой, Англійской, и что Русскими учеными жалуется немедленно въ чинъ «общечеловѣческой» истины. Напримѣръ: если бы, при разрѣшеніи нашего крестьянскаго вопроса, кому-нибудь оставалось неизвѣстнымъ наше народное воззрѣніе на поземельное право и если бы онъ захотѣлъ руководствоваться въ этомъ случаѣ тѣмъ, что Западная наука считаетъ возведеннымъ на степень *общечеловѣческой* истины, т. е. ученіемъ ея о поземельной *собственности*,—онъ бы сдѣлалъ величайшую ошибку и покусился бы на древній народный Русскій бытъ, не безъ опасности для общаго спокойствія. Но если бы онъ, восходя къ требованіямъ не формальнаго права, а внутренней правды, поступилъ въ этомъ отношеніи согласно съ указаніями христіанской совѣсти,—онъ могъ бы быть увѣренъ, что обрѣлъ именно тотъ путь, который приличенъ Русскому народному развитію, тотъ элементъ жизни, который не станетъ въ противорѣчіе съ основами Русской народности.

Обратимся же теперь къ судебной реформѣ. Она, исторгая съ корнемъ Европейскія нововведенія прежняго времени, смѣняетъ ихъ Европейскими нововведеніями, признанными теперь за лучшія, и вноситъ къ намъ, вмѣстѣ съ заимствованнымъ извнѣ Европейскимъ уголовнымъ и гражданскимъ процессомъ,—публичность и гласность суда, судъ присяжныхъ, учрежденіе мировыхъ судей, адвокатовъ, присяжныхъ повѣ-

ренныхъ, несмѣняемость судей, «кассацію» и проч. Примѣнимъ же къ новому судебному преобразованію тотъ способъ оцѣнки, о которомъ мы сейчасъ говорили; взглянемъ на нихъ съ поставленной нами выше точки зрѣнія, т. е. посмотримъ, въ какомъ отношеніи состоитъ оно къ свободѣ жизни, къ народнымъ кореннымъ началамъ, къ требованіямъ высшей нравственной правды?

Новыя судебныя учрежденія окажутъ намъ дѣйствительную услугу уже въ томъ, что помогутъ сдвинуть съ мѣста крѣпкія насажденія старины Петровской. Но этого мало. На вопросъ нашъ, въ какой степени эта реформа благопріятствуетъ дѣятельности общественной мысли и, слѣдовательно, свободному развитію самой жизни, мы можемъ отвѣчать положительно и указать на публичность и гласность суда, какъ на лучшую, самую жизненную и плодотворную сторону преобразованія. Если въ послѣднемъ и содержатся нѣкоторыя противорѣчія съ требованіями народнаго духа, то, при публичности и гласности суда, при свободномъ обмѣнѣ мыслей въ печати, съ этими недостатками жизнь, вѣримъ мы, можетъ и сама справиться...

Открытость и гласность суда—это такой переворотъ въ нашемъ общественномъ быту, что трудно даже обхватить мыслію весь объемъ его послѣдствій. Возьмите Сборникъ Русскихъ пословицъ Даля, прочтите тамъ всѣ отмѣтины, которыми зарублена въ народной памяти исторія нашихъ судебныхъ учрежденій, вглядитесь въ черты, которыми охарактеризовалъ онъ этотъ міръ судей, дьяковъ, подъячихъ и приказныхъ; вспомните тѣ заклинанія или заговоры, къ которымъ прибѣгаютъ суевѣрные люди въ народѣ, «чтобы не довелось имѣть дѣло съ судомъ ни правому, ни виноватому»—вотъ что значилъ и значитъ нашъ судъ для народа! Съ трудомъ вѣрится, что весь этотъ замкнутый, заколдованный судебный міръ, весь этотъ страхъ суда и судей—весь этотъ значительный элементъ нашей общественной жизни можетъ скоро сдѣлаться диковиннымъ преданіемъ и уйти въ такую даль народнаго воспоминанія, гдѣ все облекается въ какой-то баснословный или сказочный призракъ...

Это *отношеніе народа къ суду* составляетъ главную язву нашего гражданскаго порядка, и поэтому заслуживало бы особеннаго вниманія нашего общества. Что было причиной такого отношенія? Чуждое ли происхожденіе всего нашего судоустройства и судопроизводства? Одна ли подкупность судей? или еще другія причины?

По совѣсти мы не можемъ объяснять этого народнаго воззрѣнія на судъ только чуждымъ происхожденіемъ настоящаго судебнаго порядка. Большая часть народныхъ пословицъ о судѣ древнѣе Петровской реформы. На Московскую волокиту, считая ее разорительнѣе для себя всякой войны съ Турками, жаловались гости, посадскіе и черныхъ сло-

бодъ тягловые люди еще на Земскомъ Соборѣ, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ. Самыя названія: дьякъ, подъячій, приказный, наслѣдованы нами отъ древняго государственнаго *наряда*.—Если такъ, то ужели одна только подкупность судей внушала народу такое къ суду отвращеніе? Мы не думаемъ, чтобы только одна подкупность; не одни судьи подкупны; не изъ этой только боязни избѣгаетъ у насъ суда человѣкъ невинный, даже призываемый въ качествѣ свидѣтеля. Съ подкупностью властей, если она не слишкомъ неумѣренна, нашъ народъ, къ сожалѣнію, уживается легко... Намъ кажется, что тутъ, кромѣ подкупности, есть еще и другая причина. Всѣ эти пословицы, обличающія народное воззрѣніе на судъ, говорятъ только о судѣ приказномъ или воеводскомъ, но не о судѣ народномъ, мірскихъ сходокъ, третейскомъ, или даже древнемъ княжескомъ. Не слѣдуетъ ли видѣть въ этомъ—особенное несочувствіе народное къ суду *формальному*, основанному на одной формальной, внѣшней, а не на живой, нравственной правдѣ? Въ Русскомъ народѣ, вмѣстѣ съ признаніемъ необходимости внѣшняго закона, есть именно то, что многіе ставятъ ему въ упрекъ, а нѣкоторые готовы во многихъ случаяхъ поставить ему въ достоинство: недостатокъ *чувства* легальности или законности (разумѣя законъ внѣшній). Въ народѣ постоянно живутъ требованія высшей нравственной справедливости. Summa injuria — высшая неправда, до которой логически развивается всякое summum jus — внѣшнее право, немыслима въ развитіи правды по понятіямъ Русскаго народа,—и если онъ еще не выработалъ въ своей исторіи такой гражданской правды, гдѣ бы не было мѣста столкновенію или, какъ выражаются Нѣмцы, коллизіи между нравственностью и закономъ, то все же не утратилъ еще въ себѣ стремленія къ этому идеалу. А при такомъ стремленіи, существовавшій до сихъ поръ формальный, внѣшній порядокъ, мертвящій живое дѣло суда и убивающій въ немъ духъ истинной правды, естественно возбуждалъ въ народѣ одно отвращеніе. Посмотримъ же теперь, въ какой степени новыя судебныя учрежденія способны удовлетворить этому требованію народа; вполнѣ ли можетъ устраниться это несочувствіе или отчужденность—гласностью и открытостью суда; какое участіе дано въ новомъ судебномъ устройствѣ элементу нравственному—началу совѣсти? Мы видимъ въ новой реформѣ учрежденіе мировыхъ судей (juge de paix) и присяжныхъ засѣдателей: разберемъ же его поподробнѣе. Но наша статья и безъ того длинна, а потому отлагаемъ этотъ разборъ до слѣдующаго раза.

О мировомъ судѣ.

«День», 3-го ноября 1862 г.

Въ послѣдній разъ мы обѣщали читателямъ заняться болѣе подробнымъ разборомъ нашего судебнаго преобразованія, но, приступивъ къ дѣлу, мы встрѣтились съ такими вопросами, на которыя «Основныя Положенія», въ томъ видѣ, въ какомъ они обнародованы, еще не могутъ дать положительнаго отвѣта. Такъ, напримѣръ, въ ряду судебныхъ нововведеній довольно видное мѣсто занимаетъ учрежденіе мировыхъ судей и съѣздовъ; по крайней мѣрѣ всѣ органы нашей публицистики согласились смотрѣть на него, какъ на новый *элементъ*,— но на какой именно—этого еще никто навѣрное не знаетъ. «Сѣверная Почта» объявила, что это элементъ нравственный, что нашъ мировой судъ есть судъ по совѣсти, нѣчто въ родѣ Англійской Equity. «Современная Лѣтопись», напротивъ того, доказываетъ, что нашъ мировой судъ, во-первыхъ, вовсе не похожъ на Англійскую Equity, во-вторыхъ, вовсе не есть судъ по совѣсти, а судъ по закону. Странное разнорѣчіе! Странное изложеніе, которое допускаетъ двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія. Судъ по совѣсти, или по закону,—это два начала, исключающія одно другое; ошибиться въ ихъ признакахъ, кажется, такъ трудно, что не должно бы быть и мѣста для спора. Если же, однако, этотъ странный споръ оказывается возможнымъ, то слѣдуетъ предположить одно изъ двухъ: или, что идея мировыхъ судебныхъ учрежденій не выяснилась для самихъ составителей проекта; или, что подробное изложеніе въ формѣ законодательной, такъ называемая кодификація, устранитъ сама собою всякій поводъ къ недоумѣніямъ,— касающимся не какихъ-либо частностей, не мелкихъ подробностей, а самой основной мысли преобразованія.

Посмотримъ однако, что̀ говорятъ изданныя «Положенія» объ этомъ учрежденіи мировыхъ судей и съѣздовъ. Предупреждаемъ читателей, что мы на этотъ разъ хотимъ избѣгнуть упрека въ томъ, будто наши сужденія о судебной реформѣ держатся постоянно заоблачныхъ высотъ теоріи и отвлеченной мысли, и не сходятъ въ область практики и современной дѣйствительности. Постараемся прежде всего разгадать идею законодателя по тѣмъ даннымъ, какія заключаются въ I и II отдѣлахъ 1-й части, во II и III 2-й части и въ I-мъ отдѣлѣ 3-ей.

На основаніи этихъ данныхъ —мировое судебное учрежденіе является въ слѣдующемъ видѣ:

Каждый уѣздъ, вмѣстѣ съ находящимися въ немъ городами, составляетъ мировой округъ; каждый округъ раздѣляется на мировые участки; въ каждомъ участкѣ учреждается мировой судья, избираемый

всѣми сословіями изъ мѣстныхъ жителей, получившихъ образованіе въ высшихъ или среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, или же прослужившихъ преимущественно по судебной части, не менѣе трехъ лѣтъ,—сверхъ того владѣющихъ недвижимою собственностью, приносящею чистый годовой доходъ въ извѣстномъ размѣрѣ.—Вотъ главныя условія, требуемыя отъ мироваго судьи. Количество размѣра дохода и порядокъ избранія еще не опредѣлены. Судьи утверждаются въ своемъ званіи Сенатомъ. Эти судьи называются *участковыми*. Кромѣ того дозволяется избирать *почетныхъ* мировыхъ судей, которые не получаютъ ни жалованья, ни денегъ на канцелярскіе расходы, только содѣйствуютъ участковымъ, заступаютъ ихъ должность въ случаѣ отсутствія, и наконецъ имѣютъ право (но не обязанность), по желанію обѣихъ тяжущихся сторонъ, разбирать всѣ тѣ дѣла, которыя предоставлены разбору участковыхъ судей.

Далѣе: мировые судьи, участковые и почетные, собираются въ назначенные сроки въ *съѣздъ мировыхъ судей*, для *окончательнаго* рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ мировому разбирательству. На рѣшеніе мировыхъ съѣздовъ нѣтъ аппелляцій; онъ самъ есть вторая и послѣдняя инстанція въ предѣлахъ мироваго разбирательства: первую же инстанцію составляетъ судъ мироваго судьи, котораго власть названа «единоличною», въ отличіе отъ власти коллегіальной.

Не останавливаясь на этихъ чертахъ учрежденія, пойдемъ далѣе, поищемъ отвѣта на естественно возбуждающійся вопросъ: въ чемъ же именно заключается и какой объемъ судейскихъ правъ захватываетъ «мировое разбирательство»?

Въ сферѣ уголовнаго судопроизводства, оно вѣдаетъ дѣла о такихъ преступленіяхъ и проступкахъ, за которые въ законахъ опредѣлены только: выговоры, замѣчанія, внушенія, денежныя взысканія не свыше 300 р., арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ, или замѣняющія оный наказанія, дѣла о кражѣ, мошенничествѣ, и «другихъ преступленіяхъ сего рода, совершенныхъ лицами, подлежащими за эти дѣянія заключенію въ рабочемъ домѣ».—Въ предѣлахъ этого пространства подсудности есть своя постепенность: рѣшенія мироваго судьи могутъ быть обжалованы и перерѣшены на мировомъ съѣздѣ, если они приговариваютъ къ денежному взысканію *свыше* 15 р., или къ аресту *свыше* 3-хъ дней: ниже этой мѣры мировой судья рѣшаетъ *безаппелляціонно*.

Такимъ образомъ, вся судебная система—съ присяжными, адвокатами, прокурорами, оффиціальными обвинителями и защитниками, стоитъ *внѣ* учрежденія мироваго суда, вѣдаетъ только тѣ дѣла, которыя не подсудны послѣднему, начинается только тамъ, гдѣ оканчивается, куда не досягаетъ мировое разбирательство. Рѣшенія мировыхъ съѣздовъ не подлежатъ ревизіи *окружнаго* суда, который составляетъ пер-

вую инстанцію уже въ системѣ *общихъ* судовъ. По крайней мѣрѣ IV отдѣлъ 2-й части, начинающійся послѣ отдѣла о мировомъ разбирательствѣ и содержащій въ себѣ постановленія о слѣдствіяхъ, о преданіи суду и пр., носитъ заглавіе «*судопроизводства въ общихъ судахъ*».

Въ области гражданскаго судопроизводства—мировому разбирательству подлежатъ дѣла о возстановленіи нарушеннаго владѣнія (если нѣтъ спора, основаннаго на формальномъ актѣ, о самомъ правѣ на владѣніе), иски о личныхъ обидахъ и оскорбленіяхъ, и вообще иски на сумму не *свыше* 500 р. сер.: «30 рублей» составляетъ грань двухъ инстанцій: мироваго судьи и съѣзда, который названъ второю аппелляціонною и *окончательною* инстанціею — въ предѣлахъ, положенныхъ гражданскому мировому разбирательству. Сфера *общихъ* судовъ начинается съ 501 рубля иска, т. е. начинается тамъ, гдѣ кончается пространство подсудности, отведенное гражданскому мировому суду.

Итакъ, что же такое мировой судъ въ общей связи судебныхъ установленій? Онъ не составляетъ инстанціи, потому что его рѣшенія не подлежатъ ни аппелляціи, ни ревизіи, ни кассаціи; онъ не есть вообще особый видъ суда — положимъ — для сравненія только — какъ бывало «судъ по формѣ», или третейскій судъ, который, рядомъ съ существующимъ порядкомъ судопроизводства, могъ, по желанію обѣихъ сторонъ, прилагаться къ гражданскимъ искамъ всякаго качества и цѣнности. Нѣтъ; *общіе* суды не могутъ разбирать дѣлъ, подсудныхъ *мировому*, и *мировой* ни въ какомъ случаѣ не касается дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію *общихъ* судовъ. Что же служитъ основаніемъ различію? Не составляетъ ли именно попытка окончить дѣло *миромъ*—особенности, существенной принадлежности мироваго суда? Нѣтъ, потому что право *мирить* не простирается далѣе цѣнности иска въ 500 руб.

Не принято ли въ соображеніе: различіе между преступленіемъ и проступкомъ, спорнымъ и безспорнымъ искомъ, то наконецъ, какое отдѣляло до сихъ поръ полицейское разбирательство отъ суда?

Нѣтъ. Относительно гражданскихъ дѣлъ — все внѣшнее различіе въ цифрѣ, а въ спорахъ о владѣніи — въ томъ, опираются ли они или нѣтъ—на формальномъ актѣ. Внѣшнимъ же признакомъ дѣленія уголовной юрисдикціи *мировыхъ* и *общихъ* судовъ, по новому проекту, служитъ, такъ сказать, не самое званіе, не качество преступнаго дѣйствія, а наказаніе. Остановимся здѣсь и выскажемъ наше замѣчаніе. Такое дѣленіе совершенно недостаточно, неясно и сбивчиво. Только по разсмотрѣніи и обсужденіи дѣла въ его существѣ—можно рѣшить, какому наказанію долженъ подлежать обвиняемый,— подвергаетъ ли его преступное дѣйствіе—наказанію въ рабочемъ домѣ отъ двухъ до трехъ лѣтъ (къ чему присудить имѣетъ право мировой судъ) или же въ смирительномъ домѣ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ

(къ чему приговорить мировой судъ не имѣетъ права). Напримѣръ: по 2238 ст. Уложенія, за простую кражу—предмета, стоющаго не свыше 30 р. сер., полагается наказаніемъ заключеніе въ рабочемъ домѣ; но если кража учинена была ночью, или со взломомъ, или изъ повозки, или живущимъ въ домѣ, или слугою, то мѣра наказанія, опредѣляемая закономъ, превышаетъ право наказанія, предоставленное мировому суду. Между тѣмъ всякій опытный практикъ знаетъ, что всѣ эти обстоятельства трудно усмотрѣть заранѣе и большею частью они раскрываются только при формальномъ слѣдствіи, или при судебномъ допросѣ. Однакоже, по новымъ правиламъ, формальное слѣдствіе, производимое судебными слѣдователями, принадлежитъ уже къ системѣ общихъ судовъ, и мировой судья обязанъ приступать къ разбирательству безъ предварительнаго формальнаго изслѣдованія, даже по одному сообщенію полиціи, слѣдовательно даже лишенъ возможности заранѣе опредѣлить всѣ обстоятельства преступнаго дѣйствія.

Въ 17 § 2 части Основныхъ Положеній сказано, что *«различіе подсудности по сословіямъ отмѣняется»*, но тутъ же, въ 19 §, встрѣчаемъ этому явное противорѣчіе. Именно, на основаніи 19 §, мировому разбирательству подчинены дѣла о кражѣ и «другихъ преступленіяхъ *сего* рода, совершенныхъ лицами, подлежащими за эти дѣянія заключенію въ рабочемъ домѣ». Объяснимъ это примѣромъ: по статьямъ Уложенія 2238 и 2253 за воровство-кражу на сумму не свыше 30 руб., или за присвоеніе себѣ чужой собственности воровствомъ-мошенничествомъ (подъ ложнымъ именемъ), лица, *изъятыя по закону отъ тѣлесныхъ наказаній,* подлежатъ лишенію всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ отдаленныя губерніи, и даже заключенію въ мѣстѣ ссылки до одного года; лица же *податныхъ сословій,* или *неизъятыя отъ тѣлесныхъ наказаній,* подвергаются отдачѣ въ рабочій домъ—до *двухъ* лѣтъ. Представимъ же себѣ подобный случай воровства-кражи или мошенничества, учиненнаго вмѣстѣ мѣщаниномъ и сыномъ отставнаго коллежскаго регистратора, слѣдовательно личнымъ почетнымъ гражданиномъ. Оба, по происхожденію своему, подлежатъ совершенно разнымъ наказаніямъ и вслѣдствіе этого—разной подсудности: мѣщанинъ будетъ судиться мировымъ судомъ, сынъ коллежскаго регистратора—окружнымъ: мировой судья или съѣздъ можетъ найти перваго виновнымъ и посадить его на два года въ рабочій домъ; а окружный судъ съ присяжными засѣдателями можетъ найти своего подсудимаго совершенно невиннымъ и наконецъ отвергнуть самый фактъ преступленія. Такимъ образомъ выходитъ, что одно и то же дѣло можетъ быть рѣшено совершенно различно. Намъ могутъ замѣтить, что это раздѣленіе скоро уничтожится, вмѣстѣ съ отмѣною тѣлеснаго наказанія. Но оно покуда еще не отмѣ-

нено, и мы еще не знаемъ—будутъ ли виновные въ воровствѣ-кражѣ и мошенничествѣ изъ податныхъ сословій удостоены одного наказанія съ дворянами и купцами: т. е. повысятъ ли ихъ въ мѣрѣ наказанія, и вмѣсто рабочаго дома станутъ, съ лишеніемъ извѣстныхъ правъ, ссылать на житье, напр., изъ Подольской губерніи въ Пермскую и тамъ выдерживать въ тюрьмѣ годъ времени,—или же наоборотъ — дворянство, провинившееся въ кражѣ, станутъ содержать въ рабочемъ домѣ? Къ тому же это раздѣленіе наказанія по происхожденію не только вошло въ новое судебное преобразованіе, но даже стоитъ межевою гранью между вѣдомствомъ мироваго и общихъ судовъ.

Всѣ исчисленныя нами данныя представляютъ намъ до сихъ поръ только внѣшнее отличіе мироваго суда отъ судовъ общихъ, основанное на цифрѣ иска и па размѣрѣ наказанія. Мысли законодателя мы еще до сихъ поръ не уловили. Слѣдовательно, все дѣло — въ самомъ порядкѣ суда мировыхъ учрежденій: въ немъ должны мы искать самую *душу живу* этого нововведенія.

Но изданныя «Положенія» говорятъ объ этомъ существенномъ предметѣ чрезвычайно кратко. Вотъ все, что мы находимъ:

1) Мировой судья приступаетъ къ разбору уголовныхъ дѣлъ — по жалобамъ, по сообщеніямъ полиціи и другихъ властей, а также «*непосредственно по лично усмотрѣннымъ судьею преступленіямъ и проступкамъ ему подвѣдомымъ, нарушающимъ общественный порядокъ или благочиніе*».

По нашему мнѣнію, это послѣднее право—очень опасное право: оно превращаетъ мироваго судью въ полицеймейстера, придаетъ его судебному дѣйствію характеръ административнаго распоряженія. Ему нельзя будетъ въ праздничный день спокойно пройтись по улицѣ своего уѣзднаго города (если городъ находится въ его участкѣ), потому что всякое нарушеніе общественнаго благочинія должно побуждать его къ немедленной расправѣ, лежитъ на его совѣсти, на его оффиціальной отвѣтственности. При совершенной неопредѣленности, что именно считать нарушеніемъ общественнаго благочинія и порядка, можно заранѣе предвидѣть, что чѣмъ усерднѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе станетъ судья относиться къ своему долгу, тѣмъ тяжелѣе будетъ онъ для своего участка, тѣмъ двусмысленнѣе будетъ его собственное положеніе.

Можетъ быть, законодатель и имѣлъ въ виду облечь мироваго судью такимъ административнымъ характеромъ,—но едвали вполнѣ основательно совмѣщать въ одномъ лицѣ, рядомъ съ административною властью, такое право, какъ напр. право—заключить обвиняемаго въ рабочій домъ на два года (если онъ почему-либо не успѣетъ подать жалобу мировому съѣзду въ краткій положенный срокъ)...

Вообще, при предстоящемъ трудѣ коммиссіи, занимающейся технической законодательной отдѣлкою Основныхъ Положеній, не мѣшало бы, кажется намъ, обратить особенное вниманіе на отношеніе института мировыхъ судей къ институту городской и земской полиціи.

Далѣе. II) Мировой судья при разборѣ дѣлъ по жалобамъ частныхъ лицъ (если только эти дѣла могутъ быть прекращены примиреніемъ, т. е. если нѣтъ въ нихъ уголовнаго преступленія) старается примирить обѣ стороны, «а въ случаѣ неуспѣха, постановляетъ приговоръ, основывая оный *только на тѣхъ доказательствахъ, которыя указаны сторонами*».

III) Мировой судья разбираетъ всѣ дѣла *словесно*, внося приговоры въ особенную книгу.—Это сказано въ отдѣлѣ уголовнаго судопроизводства. Въ отдѣлѣ гражданскаго прибавлено, что производство у мироваго судьи освобождается отъ употребленія гербовой бумаги и пошлинъ, и происходитъ *публично*, на словахъ, съ разспросомъ тяжущихся и свидѣтелей.

IV) «Мировой судья опредѣляетъ наказаніе виновнымъ *на основаніи существующихъ законовъ*, но имѣетъ право уменьшать наказаніе одною или двумя степенями, если преступленіе или проступокъ учинены въ первый разъ».—О судопроизводствѣ на мировыхъ съѣздахъ ничего не сказано.

Вотъ всѣ данныя рѣшенія спорнаго вопроса—что такое мировой судъ: судъ ли по совѣсти или по закону?

На это можно отвѣчать такимъ образомъ.

Въ сферѣ гражданскаго судопроизводства мировой судья дѣйствуетъ независимо отъ закона только тогда, когда ему удается склонить тяжущихся къ примиренію, для чего онъ въ правѣ изыскать такое среднее рѣшеніе, которое можетъ и не быть согласно съ буквою закона,—но все это *въ такомъ только случаѣ*, если цѣна иска не выше 500 рублей. Если выше, такъ онъ не можетъ приступать къ разбирательству въ качествѣ судьи,—хотя бы обѣ стороны его и просили.

Казалось бы, что въ такомъ случаѣ, гдѣ рѣшеніе постановляется съ согласія тяжущихся, нѣтъ никакого основанія ограничивать цѣну иска. Если обѣ стороны, довѣряя судьѣ, предоставляютъ ему разборъ своей тяжбы, цѣнностью на цѣлый милліонъ, и соглашаются принять его примирительное предложеніе, то не странно ли лишать ихъ возможности кончить дѣло миромъ, потому именно, что цѣна иска превышаетъ 500 р., предѣлъ—его же не прейдеши мироваго примирительнаго разбирательства?

Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ возможности примирить тяжущихся, мировой судья дѣйствуетъ *на основаніи закона*. Этого прямо не сказано, но самое умолчаніе проекта о такомъ важномъ обстоятельствѣ

не можетъ быть иначе растолковано, да это и согласно со всѣмъ духомъ Основныхъ Положеній.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, подсудныхъ мировому разбирательству, *наказаніе* опредѣляется по закону: это выражено ясно; но спрашивается: на чемъ обязанъ основывать судья самое сужденіе о виновности или невинности подсудимаго, или о вмѣняомости или невмѣняемости въ вину подсудимому совершеннаго имъ преступнаго дѣйствія? На законѣ или на внутреннемъ убѣжденіи? Напр. сынъ умирающаго съ голоду сташилъ у хлѣбника изъ лавки фунтъ хлѣба для спасенія своего отца: по закону это воровство-кража, за которое слѣдуетъ виновнаго заключить въ рабочій домъ срокомъ до 6 мѣсяцевъ: наказаніе для крестьянина разорительное. Еслибъ дѣло разсматривалось въ высшей инстанціи, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, то, безъ сомнѣнія, они бы признали его невиннымъ или заслуживающимъ самаго легкаго взысканія. Но дѣло подлежитъ разбору мироваго судьи: долженъ ли онъ въ этомъ случаѣ непремѣнно признать подсудимаго виновнымъ, и тогда подвергнуть его наказанію по закону, хотя бы и съ нѣкоторымъ смягченіемъ, или же имѣетъ право объявить его вовсе незаслуживающимъ наказанія? Этого права ему, очевидно, не предоставлено: мѣра смягченія опредѣлена только двумя *степенями;* слѣдовательно онъ при судѣ руководствуется закономъ.

Итакъ вотъ въ чемъ состоитъ институтъ мировыхъ судебныхъ учрежденій. Въ томъ видѣ, въ какомъ онъ является въ Основныхъ Положеніяхъ, онъ не можетъ быть названъ удовлетворительнымъ,—хотя, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ все же важное пріобрѣтеніе для жизни. Форма есть, и форма недурная; оставалось бы дать ей содержаніе, или, вѣрнѣе, предоставить самой жизни вложить въ нее содержаніе; но, къ сожалѣнію, въ этомъ отношеніи, жизни предоставлено очень мало свободы. «Современная Лѣтопись», называя мировой судъ судомъ по закону, сравниваетъ мировыхъ судей съ *посредниками,* — но это едвали справедливо. Посредникъ вовсе не руководствуется формальнымъ закономъ, и въ свои дѣйствія вноситъ участіе личнаго разума и личной совѣсти; законъ полагаетъ только ему границы, внутри которыхъ онъ движется свободно. Точно такимъ же характеромъ облеченъ и *съѣздъ* мировыхъ посредниковъ. Напротивъ того—мировой *судья* и съѣздъ мировыхъ *судей* олицетворяютъ собою законъ внѣшній, формальный, только приспособленный для удобства къ гражданскимъ потребностямъ населенія, т. е. только упрощенный и сокращенный порядокъ судопроизводства. Конечно, мы еще не знаемъ, чѣмъ представится мировой судъ въ подробномъ законодательномъ изложеніи, — но во всякомъ случаѣ выскажемъ теперь же нѣкоторыя замѣчанія и желанія:

1) У насъ уже существуютъ теперь волостные суды, которые, по

общему отзыву, за немногими исключеніями, «идутъ хорошо». Эти суды не стѣснены никакимъ формальнымъ закономъ, въ тѣхъ предѣлахъ власти, которые имъ предоставлены. Болѣе 20 милліоновъ народа подсудны этимъ судамъ; съ ожидаемымъ уравненіемъ такъ называемыхъ казенныхъ крестьянъ съ временно-обязанными, еще 10 милліоновъ будутъ вѣдаться этою формою суда; волостные суды и теперь разсматриваютъ бóльшую часть тѣхъ же дѣлъ, какія по новому проекту предоставлено разбирать мировому суду (исключая болѣе крупные иски и болѣе важные проступки). Куда все это дѣнется, при учрежденіи мировыхъ судовъ? Мы дорожимъ «волостными судами», какъ бы ни были они несовершенны, потому что видимъ въ нихъ залогъ развитія живаго народнаго права, юридическаго народнаго обычая. По нашему мнѣнію, слѣдуетъ, при новой судебной реформѣ, не уничтожать волостные суды, а дать имъ еще большее значеніе, сдѣлавъ подсудными имъ всѣхъ живущихъ въ волости и предоставивъ волости права избирать въ судьи— всѣхъ имѣющихъ въ ней осѣдлость, безъ различія званія.

2) Во всякомъ случаѣ мы думаемъ, что *одноличная* власть мироваго судьи въ области уголовнаго права должна ограничиваться только тѣми предѣлами, какіе Основными Положеніями назначены для окончательныхъ рѣшеній судьи, не подлежащихъ обжалованію. Въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ по Основнымъ Положеніямъ предоставлено подсудимому жаловаться въ мировой съѣздъ, мы полагаемъ — слѣдовало бы постановить правиломъ, что дѣла подобнаго рода *сами собой* восходятъ на разсмотрѣніе съѣзда (если только подсудимый не объявилъ себя тутъ же положительно удовлетвореннымъ рѣшеніемъ). Это ограниченіе необходимо именно потому, что власть судьи есть власть одноличная; что онъ не есть *третья*, избираемый именно для даннаго случая,—добровольно обѣими сторонами, что онъ судитъ одинъ, а не *съ товарищи*, по древнему выраженію. Въ этихъ предѣлахъ онъ долженъ руководствоваться единственно *разумомъ и совѣстью*.

Съѣздъ, полагаемъ мы, въ тѣхъ предѣлахъ, какіе назначены (и даже съ нѣкоторымъ расширеніемъ, принимая основаніемъ различіе мировыхъ отъ окружныхъ судовъ по самому качеству преступленій)—долженъ разбирать дѣла *по разуму и по совѣсти*, руководствуясь закономъ только для опредѣленія вида наказанія. Рѣшеніе съѣзда должно быть постановляемо единственно на основаніи *единогласія*, такъ какъ это судъ совѣсти, а не формальнаго закона, и такъ какъ единогласіе въ этомъ случаѣ служитъ лучшею гарантіею для подсудимаго, не имѣющаго на мировомъ судѣ адвоката. При единогласномъ обвиненіи всѣми членами—можно имѣть достаточную увѣренность, что обвиняемый *точно* виновенъ; для удобства же суда, съѣздъ можетъ составляться изъ шести членовъ, съѣзжающихся по очереди. Впрочемъ, въ

подробности мы не входимъ, а о значеніи единогласія будемъ еще имѣть случай говорить при разсмотрѣніи новаго учрежденія присяжныхъ; здѣсь же замѣтимъ странную особенность судебной реформы: за одно и то же преступленіе (напримѣръ, за кражу) виновный купецъ или дворянинъ подлежитъ суду, огражденному участіемъ присяжныхъ, всѣми средствами защиты для обвиняемаго; крестьянинъ—суду формальному, закону внѣшнему, безъ пособія присяжныхъ и защитниковъ. Разорить крестьянина долговременнымъ заключеніемъ въ рабочемъ домѣ—можно безпрепятственно, въ силу печальной обязанности, налагаемой формальнымъ закономъ; для заключенія въ смирительный домъ съ лишеніемъ нѣкоторыхъ весьма несущественныхъ правъ и преимуществъ, законъ признаетъ себя недостаточнымъ и прибѣгаетъ къ помощи разума и совѣсти.

Вообще участіе нравственнаго начала въ дѣлѣ суда—понято составителями проекта, кажется, слѣдующимъ образомъ: основнымъ элементомъ суда признанъ вообще формальный законъ и внѣшняя правда; но въ нѣкоторыхъ важныхъ случаяхъ приспособленъ къ формальному суду элементъ нравственный, въ видѣ особаго снаряда, по образцу Французскаго (съ малымъ измѣненіемъ, но не Англійскаго) института присяжныхъ. Мы же понимаемъ эти отношенія совершенно наоборотъ: по нашему взгляду, основной элементъ суда—элементъ нравственный. Судъ есть выраженіе общественной нравственности, это голосъ бытовой совѣсти. Судъ вообще долженъ твориться по разуму и по совѣсти, и только, уже при невозможности примѣнить совѣсть ко всѣмъ условнымъ явленіямъ гражданской жизни, или въ средѣ чисто условныхъ отношеній, — общество прибѣгаетъ къ опорѣ внѣшняго закона. Ходъ общественнаго нравственнаго развитія и отношенія живаго и формальнаго закона, правды внѣшней и внутренней, таковы, что не формальный законъ дѣлаетъ уступку нравственному, не внѣшняя правда внутренней, а наоборотъ: нравственная правда даетъ мѣсто, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, по необходимости, внѣшней правдѣ. Живой обычай выше мертвой буквы закона, совѣсть выше справедливости внѣшней. Таковъ принципъ, который долженъ господствовать въ судопроизводствѣ. Повидимому, Основныя Положенія стоятъ на этой же точкѣ зрѣнія, но, всматриваясь ближе, вы увидите, что все проектируемое ими судоустройство построено на обратномъ отношеніи закона къ совѣсти: участіе послѣдней допущено въ видѣ уступки, и то только въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ случаяхъ.

Итакъ, руководствуясь указанной нами точкой зрѣнія на основную стихію суда, мы считали бы возможнымъ: въ проступкахъ легкихъ ограничиться разумомъ и совѣстью «единоличной» судейской власти; въ случаяхъ болѣе важныхъ прибѣгать къ коллективному разуму нѣсколь-

кихъ судей (на мировомъ съѣздѣ), а въ преступленіяхъ наиболѣе важныхъ, сопровождающихся самыми тяжкими послѣдствіями для обвиняемаго, изыскивать еще большія гарантіи, даруя обвиняемому особеннаго защитника, прибѣгая къ формѣ суда присяжныхъ.

Замѣтимъ еще, что мировому судьѣ и съѣзду должно быть предоставлено право входить въ разсмотрѣніе всѣхъ гражданскихъ исковъ и тяжбъ, *на какую бы сумму* они ни простирались, если обѣ стороны обращаются къ ихъ посредничеству. Это право очень важно, и конечно сократило бы на половину число дѣлъ въ окружномъ судѣ, — да и вообще бы дало широкое развитіе началу третейскаго разбирательства.

О необходимости постепеннаго введенія судебной реформы.

«День», 8-го мая 1865 г.

Если слухи вѣрны, вопросъ о судебной реформѣ получитъ наконецъ скоро практическое разрѣшеніе и, переставъ быть «вопросомъ», станетъ «дѣломъ» судебнаго преобразованія. Въ Высочайшемъ указѣ 20 ноября 1864 года, обнародованномъ одновременно съ новыми судебными уставами, сказано, что «порядокъ приведенія ихъ въ дѣйствіе будетъ неотложно за симъ указанъ». Публика съ нетерпѣніемъ ожидала этого указанія, но—надо сказать правду—вмѣстѣ съ этимъ, весьма понятнымъ, нетерпѣніемъ имѣть скорѣе судъ скорый и правый, обнаруживалось нерѣдко—крайне легкомысленное отношеніе къ дѣлу и неразумѣніе его практическихъ трудностей. Немногіе понимали, что едвали не легче было начертать, составить, сообразить—процессомъ отвлеченной умозрительной работы — идеалъ судоустройства и судопроизводства въ формѣ законодательнаго проекта, чѣмъ приводить его въ дѣйствіе, т. е. переводить съ бумаги на языкъ практической жизни и облекать общія идеи, принципы, начала — въ живую плоть современныхъ явленій. При сочиненіи уставовъ могло быть еще умѣстно спорить о томъ, какія формы суда предпочтительнѣе, англійскія или французскія, вводить ли единогласіе или большинство въ судъ присяжныхъ и т. д; но какъ скоро насталъ чередъ исполненія, то вступаетъ въ свои права сама Русская дѣйствительность и волей-неволей приходится съ нею считаться; нужно, по крайней мѣрѣ,—и этого требованія обойти нельзя, какъ бы ни горячились нетерпѣливые ревнители реформы—хоть оглядѣть, ощупать почву, на которой предстоитъ класть фундаментъ новаго проектированнаго зданія—такихъ великолѣпныхъ, громадныхъ и тяжеловѣсныхъ размѣровъ.

Вообще въ характерѣ нашего общества замѣчаются два направленія, повидимому противоположныя, въ сущности же истекающія изъ одного источника и нерѣдко уживающіяся вмѣстѣ въ одномъ и томъ же лицѣ. При очевидномъ расположеніи къ скептицизму — т. е. недовѣрію и мнительности въ дѣлѣ всякихъ нововведеній и преобразованій, мы же (и самые либеральнѣйшіе изъ насъ) отличаемся особеннымъ расположеніемъ къ мѣрамъ радикальнымъ и вообще деспотическими наклонностями по отношенію къ жизни. Мы не воспитали въ себѣ уваженія къ ней, уваженія къ ея органическому процессу, къ правамъ народа, какъ живаго организма, и за то, при малѣйшей неудачѣ нашихъ радикальныхъ мѣръ, при малѣйшемъ со стороны жизни протестѣ за безцеремонное съ нею обхожденіе, готовы впасть въ невѣріе и сомнѣніе и махнуть съ отчаяніемъ на все рукою. Большинству нашей публики хотѣлось бы, чтобы, проснувшись утромъ, въ одинъ прекрасный день, она могла себя поздравить съ тѣмъ, что старой судебной кривдѣ, вѣками въѣдавшейся и наконецъ въѣвшейся въ народную жизнь, сказанъ конецъ, что по мановенію магическаго жезла власти — неуклюжій существующій судебный порядокъ смѣненъ вдругъ, на пространствѣ всея Россіи, порядкомъ новымъ, высшаго сорта, самымъ наилучшимъ во всей Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ могло бы быть величественнѣе такого зрѣлища (а мы до подобныхъ зрѣлищъ охотники): сто̀итъ только подавить пружину, и въ одинъ день и часъ, отъ Финскихъ скалъ до Колхиды и отъ Тавриды до Перми—и весь механизмъ новаго суда придетъ въ движеніе! Конечно, мы можемъ назвать похвальною такую вѣру въ Русскій народный организмъ, что какую ни подавай ему работу—онъ все вынесетъ, все въ себѣ переработаетъ, со всѣмъ подъ конецъ управится; что онъ расхлебаетъ всякую кашу, какую ни заваривай, что жерновъ его все перемелетъ. Но, къ сожалѣнію, въ нашей публикѣ замѣчается не столько вѣра въ Русскій организмъ, сколько легковѣріе или легкомысліе, привычка смотрѣть на народъ, какъ на мягкій, ко всему пригодный матеріалъ, и наклонность къ тому, чтобы все дѣлалось какъ въ сказкѣ: «по щучьему велѣнью, по моему прошенью».

Нѣкоторые сравниваютъ дѣло освобожденія крестьянъ съ судебной реформой. Но, по нашему мнѣнію, нѣтъ сравненія болѣе неправильнаго! Въ крестьянскомъ дѣлѣ вся задача со стороны правительства была отрицательнаго свойства: надо было снять оковы съ самой жизни, съ ея существеннѣйшей органической стихіи, воплощенной въ милліонахъ народа; въ этомъ дѣлѣ былъ лично заинтересованъ—и чѣмъ заинтересованъ? вопросомъ быть или не быть — весь Русскій народъ, т. е. цѣлые десятки милліоновъ единицъ, всѣ вмѣстѣ и каждая порознь; здѣсь двигателемъ дѣла, близкаго, кровнаго, понятнаго, яснаго каждому мужику, была та часть населенія Русской земли, которая

одна хранитъ въ себѣ родникъ истинной жизненной силы, которая если приметъ въ чемъ-либо непосредственное участіе, придаетъ каждому дѣлу реальное историческое значеніе. Крестьянская реформа почти не касалась прямо сферы условныхъ отношеній государственнаго строя, а касалась бытоваго склада простонародной и дворянской жизни, и въ этомъ отношеніи, кромѣ свободы и земельнаго надѣла, не организировала, не созидала сама почти ничего новаго, а только нѣсколько формулировала юридически уже существующее (напр. сельское самоуправленіе). Самое существенное, впрочемъ, въ крестьянскомъ дѣлѣ, было и есть — не административное устройство крестьянъ, а самый фактъ уничтоженія неволи, и въ этомъ, повидимому только отрицательномъ, дѣйствіи правительства и лежитъ великая зиждительная сила, несравненно большая, нежели въ какомъ-либо положительномъ административномъ созиданіи. Крестьянское дѣло было личнымъ вопросомъ, вопросомъ существованія для каждаго мужика и каждаго дворянина въ Россіи—бездѣлица! Никакая «кассація» въ сравненіе съ этимъ идти не можетъ! Въ этомъ дѣлѣ не могло быть постепенности, потому что, снявши разъ плотину, вы уже не въ состояніи удержать и направить потокъ, пока не схлынетъ его накопившаяся сила! Судебная же реформа вовсе не есть простое разрѣшеніе узъ, а дѣло положительнаго созиданія,—не жизнью самой производимаго, а налагаемаго на жизнь извнѣ. Еще не очищена почва—уже замѣчали мы однажды—отъ щепъ и осколковъ сокрушеннаго крѣпостнаго быта, еще не освобождены изъ-подъ нихъ ея производительныя силы, а уже задвигается она новыми, совсѣмъ готовыми, извнѣ привнесенными формами. Жизнь, возбужденная къ сознанію и дѣятельности событіемъ 19-го Февраля 1861 года, еще не успѣла сказать свое слово и явиться въ могуществѣ свободныхъ органическихъ отправленій, какъ ей приходится снова становиться въ пассивное отношеніе къ внѣшнимъ формамъ, принимать, а не производить, осваиваться съ чужимъ, улаживаться, принаравливаться, вообще тратить силы на работу въ извѣстномъ заданномъ намъ извнѣ направленіи, а не на трудъ самостоятельнаго созиданія. И если настоитъ въ этомъ неотложная необходимость—въ чемъ никакъ нельзя сомнѣваться — то позволительно желать, по крайней мѣрѣ, чтобъ эти силы не тратились на работу напрасную, чтобъ избавлены онѣ были отъ ненужнаго, излишняго труда, чтобъ осмотрительно и бережно расходовались эти силы—внѣшнею властью...

Мы лично наклонны относиться скорѣе съ недовѣрчивостью ко всѣмъ законодательнымъ предпріятіямъ, имѣющимъ въ виду не столько освобожденіе жизни и ея духа отъ наложенныхъ путъ, сколько новую регуляризацію и организацію жизни извнѣ; мы охотнѣе сочувствуемъ всяческому уничтоженію узъ, нежели положительному созиданію но-

ваго строя—путемъ внѣшней власти. Мы, можетъ быть, ошибаемся, но съ нашей личной точки зрѣнія— нужно во сто разъ менѣе осторожности и осмотрительности въ расширеніи простора печати и вообще свободы слова, нежели во введеніи новыхъ порядковъ суда. Но было бы совершенно ошибочно заключать изъ этого, что мы не желаемъ судебной реформы, или полагаемъ необходимымъ ее отсрочить. Нисколько. Позволяемъ себѣ напомнить то, что̀ уже было сказано нами при первомъ обнародованіи началъ новаго суда, еще въ 1862 году. Въ послѣднія полтораста лѣтъ образованные классы общества привѣтствовали столько «просвѣтительныхъ и цивилизованныхъ» начинаній и столько разъ были потомъ разочаровываемы опытомъ, что понятно — почему съ недовѣріемъ относятся теперь многіе къ пользѣ и добру законодательныхъ предпріятій даже и тогда, когда польза и добро, кажется, очевидны. Сочувствіе съ какою-либо извѣстною мѣрою либеральной части нашего Русскаго общества не всегда можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ во внутреннемъ достоинствѣ этой законодательной мѣры. Здѣсь мѣриломъ достоинства можетъ явиться только сама жизнь, но какъ быть—когда жизнь еще молчитъ, еще не сказалась въ несомнѣнномъ опытѣ, когда нѣтъ у нея ни примѣровъ, ни преданій? гдѣ критеріумъ для оцѣнки? гдѣ точка опоры для законодателя? Во всякой другой странѣ, при нормальномъ развитіи своихъ народныхъ началъ, самый вопросъ былъ бы неумѣстенъ; законодательный органъ, будучи самъ естественнымъ простымъ выраженіемъ народнаго сознанія, творилъ бы свободно, безъ всякихъ заботъ и безпокойствъ о своемъ согласіи съ основами быта, безъ всякихъ поисковъ за народностью. У насъ же этотъ по-истинѣ мучительный вопросъ прежде всего и неизбѣжно представляется уму каждаго, для кого народъ не есть tabula rasa. Можно было бы утвердительно сказать, что нигдѣ такъ не затруднительно положеніе законодателей, какъ у насъ въ Россіи — именно вслѣдствіе самой легкости сочинять законы — при отсутствіи положительныхъ указаній жизни,—такъ сказать въ безвоздушномъ пространствѣ... Мы убѣждены, что пока не возстановится духовная цѣльность нашего расколотаго (въ смыслѣ народности) общественнаго организма, пока то, что живетъ на степени началъ и смутныхъ потребностей въ народѣ, не найдетъ себѣ полнаго и сознательнаго выраженія въ обществѣ,—до тѣхъ поръ никакая личная изобрѣтательность, никакое мастерство въ сочетаніи и выводѣ отвлеченныхъ понятій, не восполнятъ ощущаемаго нынѣ недостатка доморощеннаго матеріала, котораго жизнь еще не успѣла выработать и безъ котораго трудно себѣ представить совершенно самостоятельное органическое законодательство. Но что же дѣлать законодателю при отсутствіи этого необходимаго органическаго матеріала? По настоящему ждать, пока этотъ матеріалъ

выработается жизнью, а до того времени направить свою дѣятельность къ облегченію для жизни ея производительнаго труда — устраненіемъ всего, что ее жметъ и тѣснитъ! Ждать! но если время не ждетъ, если почему-либо преобразованіе представляется неотложною необходимостью? если, напримѣръ, старый судебный порядокъ, развившись до безобразія, долѣе терпимъ быть не можетъ? что дѣлать законодателю, если онъ не находитъ возможнымъ отсрочить реформу? Откуда взять новое? Своего готоваго нѣтъ, потому что старый судебный порядокъ мы даже и своимъ назвать не можемъ, а если даже признать въ народѣ присутствіе своеобразнаго юридическаго созерцанія, то оно еще такъ не выяснено, что полагать его въ основу какого-нибудь законодательнаго зданія, какъ готовый матеріалъ, невозможно. Приходится по необходимости брать готовое чужое и переносить на Русскую почву. Но можно ли при этомъ вынужденномъ способѣ дѣйствія поступать съ рѣшительною самоувѣренностью? Какой мудрый хозяинъ разомъ засѣетъ свои поля зерномъ новаго, не туземнаго хлѣба, не извѣдавъ его предварительно на опытѣ въ одной части своего поля? Можетъ ли онъ довольствоваться опытомъ другихъ странъ, надѣленныхъ совсѣмъ другими климатическими и почвенными условіями?

Намъ возразятъ, по обыкновенію, что новыя начала суда суть общечеловѣческія истины, пригодныя для всѣхъ странъ и народовъ. Все это прекрасно. Мы сами сказали, что при выборѣ готоваго чужаго необходимо требовать отъ законодательнаго преобразованія, если оно касается народнаго быта, чтобы оно какъ можно менѣе стѣсняло дѣятельность самой жизни, не лишало ея свободы движеній и давало ей достаточно простора для ея органической производительности и для проявленія ея протестовъ; чтобы оно не противорѣчило кореннымъ началамъ народной жизни. Дѣйствительно, начала новой судебной реформы не противорѣчатъ имъ: открытость, скорость, гласность, устность суда и участіе совѣсти въ оцѣнкѣ уголовныхъ преступленій — эти начала вполнѣ народны, и въ провозглашеніи этихъ началъ состоитъ великая заслуга новыхъ судебныхъ уставовъ. Другое достоинство реформы въ томъ, что она помогаетъ намъ сдвинуть съ мѣста тотъ судебный порядокъ, которымъ мы до сихъ поръ болѣли. Но отъ признанія общихъ началъ до воплощенія ихъ въ жизни—разстояніе неизмѣримое; формы для этого воплощенія могутъ быть безконечно разнообразны, смотря по условіямъ мѣста и времени, бытовымъ, индивидуальнымъ особенностямъ каждой народности. Принципъ «участія совѣсти» конечно сроденъ Русскому народу, и тѣмъ не менѣе нельзя еще поручиться, чтобъ учрежденіе присяжныхъ засѣдателей удалось вполнѣ при современныхъ условіяхъ народной жизни и быта, чтобы крестьяне увидѣли воплощеніе этого принципа въ томъ моментѣ, когда ихъ будутъ сгонять по наряду

за десятки верстъ въ окружной городъ и заставлять на вопросы, формулируемые судомъ, отвѣчать категорически (какъ во Французскихъ судахъ) «да» и «нѣтъ» въ чемъ же? въ дѣлѣ уголовномъ, при извѣстномъ ихъ опасеніи—«принять напрасно грѣхъ на душу». Кто сколько-нибудь имѣетъ понятіе о судебной практикѣ, знаетъ—какая бездна мелкихъ деталей или подробностей сопровождаетъ въ жизни всякое примѣненіе общихъ юридическихъ началъ, какъ извращается и искажается иногда до вопіющей несправедливости иное, совершенно вѣрное само по себѣ начало, но которому навязаны внѣшнія формы выраженія, противорѣчащія съ современнымъ складомъ мѣстной жизни.

Едвали найдется въ Россіи человѣкъ, который, взвѣсивъ всѣ условія нашей жизни, всю нашу общественную и гражданскую обстановку, могъ бы поручиться за несомнѣнный успѣхъ судебной реформы. А между тѣмъ успѣхъ ея желателенъ, и именно потому, что такъ святы и истинны провозглашенныя ею начала. Мы должны дорожить тѣмъ, чтобъ эти «начала» не были обезславлены, подорваны въ своемъ авторитетѣ прежде чѣмъ будутъ вполнѣ поняты и усвоены народомъ,—какъ уже опошлено многое очень хорошее. При такомъ отношеніи жизни къ дѣлу судебнаго преобразованія, можно ли на него смотрѣть иначе, какъ на «экспериментъ»—колоссальный опытъ въ одной изъ важнѣйшихъ сферъ жизни? А если это экспериментъ, такъ можно ли желать, чтобъ онъ былъ разомъ произведенъ на пространствѣ чуть не цѣлой части свѣта, чтобъ онъ не былъ сначала испытанъ на ограниченномъ пространствѣ, на виду у всѣхъ? Самое уваженіе къ жизни и къ правамъ живаго народнаго организма не дозволяетъ въ этомъ случаѣ дѣйствовать слишкомъ безцеремонно, на авось и какъ-нибудь: этого послѣдняго всегда будетъ довольно и при самомъ строгомъ отношеніи къ дѣлу. Чѣмъ больше вчитываемся и вдумываемся мы въ новые судебные уставы, тѣмъ рѣшительнѣе приходимъ къ признанію необходимости постепеннаго введенія судебной реформы,—т. е. предварительнаго введенія ея въ полномъ составѣ въ одномъ какомъ-либо округѣ (хотя бы даже на пространствѣ нѣсколькихъ губерній, какъ предполагаютъ нѣкоторые). Любопытно разсмотрѣть подробнѣе мнѣнія экспертовъ объ этомъ важномъ предметѣ, что мы и сдѣлаемъ въ слѣдующемъ №, развивши обстоятельнѣе и нашъ собственный взглядъ.

По вопросу о возможности совмѣстнаго существованія мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ или соединеніи ихъ должностей въ одномъ лицѣ.

«День», 15-го мая 1865 г.

Новые уставы судоустройства и судопроизводства представляютъ двѣ категоріи, двѣ системы суда, разграниченныя между собою объемомъ судебной власти и свойствомъ дѣлъ, къ нимъ приписанныхъ. Мы разумѣемъ: 1) учрежденіе такъ называемыхъ общихъ судовъ или судебныхъ мѣстъ (окружныхъ судовъ, палатъ и пр.) и 2) учрежденіе мировыхъ судей съ ихъ съѣздами. Общія судебныя мѣста запечатлѣны характеромъ чисто государственнаго учрежденія; здѣсь судъ является какъ обязанность и право государства, какъ одно изъ отправленій государственной власти. Учрежденіе мировыхъ судей вноситъ въ сферу государственнаго суда иное начало, такъ сказать земское, и присутствіемъ-то этого земскаго начала и обусловливается цѣлый рядъ тѣхъ особенностей, которыми институтъ мировыхъ судей отличается отъ системы «общихъ судовъ». Такъ напр. мировые судьи назначаются по выбору земства или всѣхъ сословій (на земскихъ собраніяхъ), тогда какъ члены окружныхъ судовъ и палатъ служатъ по назначенію отъ правительства; жалованье мировымъ судьямъ и самое одобреніе дается имъ земствомъ, которое избираетъ ихъ на извѣстный срокъ (три года) и въ правѣ подтвердить этотъ выборъ и на слѣдующее трехлѣтіе. Судебные же чины государственнаго суда подчинены, за нѣкоторыми изъятіями, дѣйствію общихъ законовъ о государственной службѣ. Власть мировыхъ судей единоличная; власть общихъ судовъ — коллегіальная. Мировой судья полагаетъ рѣшеніе, руководствуясь «внутреннимъ своимъ убѣжденіемъ, основаннымъ на совокупности обстоятельствъ» (ст. 119 уст. угол. судопр.); окружные суды и палаты—«по точному разуму существующихъ законовъ», предоставляя рѣшеніе вопроса о виновности и невинности въ дѣлахъ уголовныхъ—внутреннему убѣжденію и совѣсти лицъ посторонннихъ суду и не принадлежащихъ къ его личному составу (т. е. присяжныхъ). Мировой судья, живя на мѣстѣ, завѣдывая небольшимъ пространствомъ, стоитъ, такъ сказать, лицомъ къ лицу съ мѣстною жизнью, видитъ дѣло во всей его живой обстановкѣ, знаетъ всѣхъ и знаемъ всѣми въ своемъ участкѣ, и если намъ нѣтъ дѣла до личныхъ свойствъ предсѣдателя и членовъ судебныхъ мѣстъ, какъ скоро они обладаютъ гражданскими качествами, необходимыми для ихъ званія, — то напротивъ—личность мироваго судьи имѣетъ великое значеніе для всего его околотка. Личному его вліянію данъ широкій просторъ, и когда мы сообразимъ, какой немалый объемъ власти предоставленъ мировому судьѣ и ввѣренъ его личной совѣсти и внутреннему убѣжденію (кото-

рыя, на этой ступени суда, замѣняютъ ему и общественное мнѣніе и соборную совѣсть, выражаемую въ лицѣ присяжныхъ—въ высшей сферѣ суда государственнаго), мы поймемъ всю важность учрежденія мировыхъ судей,—важность, какъ намъ кажется, недостаточно у насъ оцѣненную. Оно именно тѣмъ и важно, что соприкасается непосредственно съ жизнью, захватываетъ область тѣхъ ежедневныхъ житейскихъ отношеній, тѣхъ мелочныхъ жизненныхъ отправленій, изъ которыхъ собственно и сплетается ткань общественной гражданской жизни. Для народа мировой судъ, по нашему мнѣнію, едвали не важнѣе окружнаго суда, и кредитъ судебной реформы едвали не всего болѣе будетъ зависѣть отъ успѣшнаго введенія въ дѣйствіе института мировыхъ судей. Неудача въ этомъ послѣднемъ отношеніи можетъ имѣть послѣдствія самыя невыгодныя, — и на нашъ взглядъ несравненно легче устроить, властію правительственною, порядочные окружные суды и палаты даже на пространствѣ всей Россіи, нежели ввести повсемѣстно съ надлежащимъ успѣхомъ мировыя судебныя установленія, съ тремя или четырьмя тысячами мировыхъ судей.—Между тѣмъ нашимъ экспертамъ это дѣло представляется едвали не самымъ легкимъ, и преобладающее между ними мнѣніе клонится, кажется, именно къ тому, чтобы осуществленіе судебной реформы начать съ немедленнаго повсемѣстнаго введенія мировыхъ установленій — этихъ «первыхъ ступеней суда», какъ они ихъ называютъ, не въ смыслѣ первенства, а въ смыслѣ малозначимости. Поводомъ къ такому соображенію служитъ, главнѣйшимъ образомъ, то, что выборъ мировыхъ судей (а равно и содержаніе ихъ) предоставлены земству, что учрежденіе это не повлечетъ за собою никакихъ новыхъ расходовъ для государственнаго казначейства и что правительство, провозглашеніемъ принципа «всесословнаго избранія» гарантируя правильность выбора, въ то же время слагаетъ съ себя нравственную отвѣтственность за успѣхъ этой части реформы—на само общество или земство.

Мы охотно готовы были бы и сами присоединиться къ этому мнѣнію, еслибъ жизнь земства совершалась у насъ вполнѣ нормально и правильно, еслибъ были убѣждены, что достаточно одного правительственнаго провозглашенія принципа, для того чтобъ этотъ принципъ зажилъ полною могучею жизнью. Дѣйствительно, въ такомъ случаѣ самый просторъ, даруемый земской жизни, самое уже предоставленіе земству новыхъ правъ и расширеніе его власти—вполнѣ обезпечивали бы успѣхъ и дѣлали бы совершенно излишнею всякую постепенность, всякое ограниченіе территоріи при введеніи этой части судебной реформы. Правительству оставалось бы только ввѣрить это дѣло контролю и опекѣ самого земства—и сосредоточить свое вниманіе на устройствѣ «общихъ судебныхъ мѣстъ». Но, къ сожалѣнію, наша земская жизнь еще не нахо-

дится въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ дѣло реформы, и именно на первыхъ ея ступеняхъ, можетъ быть ей безоглядочно ввѣрено. И именно потому, что институтъ мировыхъ судей захватываетъ непосредственно область самой земской жизни,—именно потому, при введеніи его въ дѣйствіе, и возникаютъ тѣ затрудненія, которыя не существуютъ для учрежденія общихъ судебныхъ мѣстъ. Такъ напр. устройство окружнаго суда или палаты можетъ быть произведено въ любомъ округѣ—совершенно независимо отъ соображеній о ходѣ и положеніи нашей крестьянской реформы: ни окружный судъ, ни палата не находятся ни въ какой непосредственной связи съ крестьянскимъ дѣломъ. Не то съ мировыми судебными установленіями: они не только не могутъ находиться внѣ общихъ условій мѣстной жизни, но непремѣнно должны быть поставлены въ гармоническое, согласное съ нею соотношеніе идти съ нею рука объ руку: въ этомъ только и лежитъ залогъ ихъ успѣха. Что же представляетъ теперь наша земская жизнь, что характеризуетъ ее и такъ сказать окрашиваетъ всѣ ея отправленія? Именно крестьянское дѣло,—тотъ соціальный и политическій переворотъ, нами еще не пережитый, а только переживаемый, который измѣнилъ всѣ отношенія сословій между собою, всѣ бытовыя условія нашей внутренней жизни—измѣнилъ и еще продолжаетъ измѣнять, но еще не опредѣлилъ окончательно новыхъ,—все сдвинулъ съ мѣста, но еще ничего новаго не установилъ прочно на мѣстѣ. Крестьянское дѣло—это (по выраженію одного писателя, употребленному въ другомъ случаѣ и по другому поводу)—живая точка начала, къ которому примыкаетъ вся наша дѣятельность, современно являющаяся и имѣющая явиться.

Въ чемъ же затрудненіе, какое же именно отношеніе имѣетъ къ вопросу о мировыхъ судьяхъ—этихъ «первыхъ ступеняхъ судебной реформы»—положеніе крестьянской реформы?

Дѣло въ томъ, что мировыя установленія у насъ уже существуютъ, конечно не судебныя, но не лишенныя въ извѣстной степени и судебной власти: крестьянская реформа уже вызвала у насъ учрежденіе мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ. Имъ ввѣренъ ходъ крестьянскаго дѣла, они были его воспреемниками, такъ сказать;—ими оно начато и до сихъ поръ ведется. Теперь, когда приходится вводить мировыя судебныя установленія согласно уставамъ 1864 года, само собою возникаютъ слѣдующіе вопросы:

1) Можно ли уничтожить должность мировыхъ посредниковъ, какъ уже не требуемую настоящимъ положеніемъ крестьянскаго дѣла? Таково ли положеніе этого дѣла? Если же нельзя, то

2) Можно ли допустить совмѣстное существованіе мировыхъ судей и мировыхъ посредниковъ?

3) Если и этого нельзя, то можно ли произвести «сліяніе мировыхъ

крестьянскихъ учрежденій съ мировыми судебными установленіями» и какимъ образомъ? На теперешнихъ ли мировыхъ посредниковъ возложить обязанности мировыхъ судей или же на будущихъ мировыхъ судей возложить обязанности мировыхъ посредниковъ?

Отвѣтъ на первый вопросъ не затруднителенъ. Если можетъ быть уничтожено званіе мироваго посредника, то самое посредничество, функція, присвоиваемая этому званію, еще настоятельно требуется современнымъ положеніемъ крестьянскаго дѣла. Это такъ очевидно, что даже и спора объ этомъ быть не можетъ, и распространяться объ этомъ было бы совершенно излишне. Что касается до вопроса о сохраненіи мировыхъ посредниковъ рядомъ съ учрежденіемъ мировыхъ судей, то огромный размѣръ тѣхъ расходовъ, которые пали бы на земство при подобномъ параллельномъ существованіи этихъ установленій—дѣлаетъ ужъ самъ собою такое предположеніе несбыточнымъ, не говоря о другихъ неудобствахъ и несообразностяхъ. Затѣмъ естественно возбуждается вопросъ о возможномъ сокращеніи числа посредниковъ, или же и о совершенномъ ихъ «сліяніи» съ мировыми судьями. Мнѣнія юристовъ-практиковъ и экспертовъ, которыя намъ привелось слышать, въ настоящемъ случаѣ раздѣляются.

Одни полагаютъ, что уставы 1864 года должны быть приведены въ дѣйствіе безъ всякаго отступленія отъ установленныхъ въ нихъ началъ. Весь новый судебный порядокъ, говорятъ они, основанъ между прочимъ на слѣдующемъ главномъ, коренномъ началѣ: на отдѣленіи власти судебной отъ административной и исполнительной. Съ передачею же всѣхъ обязанностей по крестьянскому дѣлу мировымъ судебнымъ установленіямъ, это начало не только не осуществится, но будетъ нарушено на первомъ же шагу судебной реформы. Мировыя судебныя установленія обратились бы въ нынѣшнія мировыя крестьянскія учрежденія, но только съ расширеніемъ судебной власти. Дѣла и вопросы, созданные Положеніемъ 19-го Февраля 1861 года, въ видахъ высшей государственной администраціи, не только не могутъ быть разрѣшаемы безъ участія и контроля административныхъ властей, но нерѣдко должны рѣшаться единственно по усмотрѣнію этихъ властей: напр. обязательное разверстаніе угодій, принудительный обмѣнъ ихъ, перенесеніе усадьбъ и т. д. Слѣдовательно мировой судья былъ бы въ то же время и независимъ отъ административной власти въ качествѣ судьи, и зависимъ отъ нея въ качествѣ посредника. Съ одной стороны, въ дисциплинарномъ отношеніи онъ состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства юстиціи,—съ другой: въ вѣдомствѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ; жалоба на мировыя судебныя установленія приносится кассаціонному суду департаментовъ Правительствующаго Сената; жалоба на крестьянскія мировыя установленія — губернскимъ по крестьянскимъ

дѣламъ присутствіямъ и восходитъ, черезъ министра внутреннихъ дѣлъ, до Главнаго Комитета. Въ отношеніи возбужденія дѣлъ, цѣны иска, порядка рѣшенія, размѣра наказаній, способа перехода дѣлъ въ высшую инстанцію, постановленія рѣшеній и самаго надзора за дѣйствіями мировыхъ учрежденій, въ Судебныхъ Уставахъ и Крестьянскихъ положеніяхъ установлены различныя и даже противоположныя правила. Посредникъ—власть преимущественно административная, на ея обязанности лежитъ наблюденіе за общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ, утвержденіе въ должностяхъ лицъ административнаго вѣдомства, взысканіе платежей; дѣла рекрутскія и т. п. Вся эта административная и полицейская часть должна быть, по мнѣнію ревнующихъ о чистотѣ юридическаго начала, строго отдѣлена отъ сферы дѣятельности мироваго судьи которому изъ числа обязанностей мироваго посредника слѣдуетъ передать только обязанности чисто-судейскія, т. е. рѣшеніе дѣлъ судебнаго свойства, возникающихъ изъ обязательныхъ поземельныхъ отношеній, и дѣла нотаріальныя. Всѣ же остальныя обязанности по дѣламъ не судебнымъ должны быть распредѣлены между соотвѣтствующими общими государственными учрежденіями; такъ напр. утвержденіе въ должности лицъ крестьянскаго управленія и вообще надзоръ за послѣднимъ—могли бы быть ввѣрены полиціи и мѣстной административной власти. Впрочемъ, прибавляютъ сторонники этого мнѣнія, для окончанія нѣкоторыхъ дѣлъ по приведенію въ дѣйствіе крестьянскихъ Положеній 19-го Февраля, можно даже сохранить на нѣкоторое время нынѣшнихъ мировыхъ посредниковъ, но на короткій срокъ, въ числѣ значительно уменьшенномъ (по одному на уѣздъ или два уѣзда) и съ подчиненіемъ ихъ прямо губернскимъ присутствіямъ, а не мировымъ съѣздамъ, которые въ такомъ случаѣ подлежали бы совершенному уничтоженію.

Мы съ своей стороны никакъ не можемъ признать такое мнѣніе правильнымъ, и вполнѣ согласны съ тѣми, которые утверждаютъ, что провести ясную черту между предметами вѣдомства крестьянскихъ и судебныхъ мировыхъ учрежденій нѣтъ никакой возможности,—что при совмѣстномъ существованіи мировыхъ посредниковъ и мировыхъ судей непремѣнно возникнутъ между ними споры, пререканія о кругѣ власти и тысячи тысячъ столкновеній и недоразумѣній. Еще болѣе стали бы недоумѣвать частныя лица, въ особенности крестьяне, которые въ большинствѣ случаевъ не знали бы, къ кому имъ слѣдуетъ обратиться, къ мировому посреднику или же судьѣ, а волостныя и сельскія управленія не знали бы, кого имъ слушаться. Что же касается до чистоты принципа (раздѣльности власти судебной и административной), то, по нашему мнѣнію, совершенно справедливо возражаютъ нѣкоторые, что безусловное проведеніе какого бы то ни было отвлеченнаго начала въ дѣлѣ законодательства часто можетъ имѣть гибельныя послѣдствія,

когда общество привыкло къ совсѣмъ иному порядку и когда у него нѣтъ средствъ, необходимыхъ для осуществленія этого начала. Коренная мысль, на которой построено начало отдѣленія судебной власти отъ административной, — объясняютъ они, — есть именно та, чтобъ администрація не рѣшала дѣлъ судебныхъ, но не та, чтобъ ни въ какомъ случаѣ не возлагать на органы судебной власти нѣкоторыхъ обязанностей администраціи, несмотря даже на явную въ томъ необходимость. Съ своей стороны замѣтимъ, что по понятіямъ народныхъ массъ, не только у насъ въ Россіи, но и вездѣ, — тамъ, гдѣ судъ непосредственно соприкасается съ народною жизнью, — обязанность «творить судъ и правду», судить и чинить расправу—соединяется почти всегда въ одномъ лицѣ; наши крестьяне до сихъ поръ постоянно обращаются на судъ къ своимъ сельскимъ старостамъ и начальникамъ, полагая, что лицо, поставленное внѣ общества, надъ обществомъ, уже по самому своему независимому положенію является естественнымъ посредникомъ, т. е. «третьей» между двумя, равно подвластными ему сторонами.

Въ опроверженіе мнѣнія о передачѣ обязанностей мировыхъ посредниковъ, кромѣ судебныхъ, различнымъ органамъ административной власти, или же объ оставленіи мировыхъ посредниковъ въ уменьшенномъ числѣ и по срокъ окончанія спеціальныхъ посредническихъ дѣлъ, другіе юристы представляютъ слѣдующіе основательные доводы. Крестьянское дѣло, утверждаютъ они, еще вовсе не такъ близко къ окончанію, чтобы значительное уменьшеніе посредниковъ не произвело остановки въ его ходѣ; оставленіе же, хотя и сокращеннаго, повидимому, числа посредниковъ отвлекло бы все же многихъ способныхъ людей отъ службы по мировымъ судебнымъ установленіямъ, тогда какъ людей у насъ вовсе не избытокъ. Что же касается до распредѣленія нѣкоторыхъ обязанностей мировыхъ посредниковъ между судебною властью и общею администраціею, то нельзя не признать, что нѣкоторыя дѣла, даже судебнаго свойства, до сихъ поръ не могутъ быть рѣшаемы на общемъ основаніи, по своему собственному временному характеру; передать же обязанности по общественному управленію крестьянъ въ вѣдѣніе полиціи—значило бы парализировать власть и мировыхъ судей, и мировыхъ посредниковъ, присвоить полиціи несвойственныя ей права, сдѣлать ее всесильною въ средѣ крестьянъ и убить ихъ самоуправленіе. На этомъ основаніи многіе юристы—и едвали это мнѣніе не самое распространенное — полагаютъ необходимымъ возложить обязанности мировыхъ посредниковъ и мировыхъ съѣздовъ на мировыхъ судей и ихъ съѣзды, съ тѣмъ, чтобы послѣдніе, т. е. судьи и съѣзды, руководствовались въ отношеніи этихъ посредническихъ дѣлъ—правилами Положенія 19 Февраля 1861 года.

Соображая всѣ эти мнѣнія, мы съ своей стороны находимъ послѣднее несравненно болѣе основательнымъ, но какъ въ немъ, такъ и въ другихъ, представляется намъ нѣкоторый пробѣлъ. Намъ кажется, что главная задача заключается не въ разсортированіи дѣлъ, не въ разграниченіи вѣдомствъ,—а въ личномъ составѣ учрежденія, въ рѣшеніи слѣдующаго вопроса: нынѣшній мировой посредникъ можетъ ли быть обращенъ въ мироваго судью? ожидаемый мировой судья годится ли въ посредники?—Въ чемъ состоитъ существенное между ними различіе? Въ томъ, что посредникъ назначается отъ правительства, судья—выбирается всѣми сословіями. Разница эта вовсе не случайна и обусловливается свойствами дѣятельности, для которой тѣ и другіе предназначаются. Судьи рѣшаютъ вопросъ о правѣ въ примѣненіи къ частнымъ случаямъ. Посредникъ, въ предѣлахъ указанныхъ правомъ, изыскиваетъ формулы сдѣлки между противоположными интересами. Какіе же это интересы? Это интересы, имѣющіе характеръ сословный. Судьи рѣшаютъ споры частныхъ лицъ. Посредникъ—споръ помѣщиковъ и крестьянъ: характеръ этого спора не чисто гражданскій и не уголовный, а соціальный и политическій. Когда такимъ образомъ стоятъ другъ противъ друга цѣлыя сословія, когда ихъ интересы видимо противоположны, когда въ то же время такъ неравномѣрны ихъ общественныя, качественныя такъ сказать силы, тогда выборъ посредника не можетъ быть предоставленъ ни той, ни другой сторонѣ, — тогда обязанность посредника принимаетъ на себя правительство, стоящее выше всѣхъ частныхъ и сословныхъ интересовъ и въ то же время имѣющее въ виду поддержать слабѣйшую или беззащитную сторону и соблюсти высшую, не формальную только, но и нравственную справедливость. Оно одно, въ столкновеніи этихъ непріязненныхъ другъ другу интересовъ, можетъ удержать равновѣсіе между ними. Вотъ почему мировые посредники по крестьянскому дѣлу были съ перваго же раза назначены отъ правительства, хотя и изъ списка мѣстныхъ дворянъ. Спрашивается: могутъ ли и въ настоящее время мировые посредники быть избираемы, а не назначаемы? Можетъ ли правительство ввѣрить судьбу крестьянскаго дѣла и интересы цѣлыхъ сословій случайностямъ выбора и баллотировки? Рѣшился ли бы кто изъ насъ, по совѣсти, еслибъ это могло отъ него зависѣть, вручить попеченіе о выгодахъ крестьянъ исключительно помѣщичьему сословію? Мы, по крайней мѣрѣ, лично никогда бы не дали на это своего совѣта, точно такъ же, какъ и не желали бы видѣть интересы землевладѣльцевъ отданными подъ охрану однихъ крестьянъ. Но можетъ быть, выходомъ изъ этой проблеммы и представляется формула всесословнаго выбора? Положимъ, что такъ; но, по нашему мнѣнію, этотъ всесословный выборъ еще не имѣетъ у насъ

истинной реальности, а представляется чѣмъ-то мнимымъ и призрачнымъ. Производимый на земскихъ собраніяхъ, онъ едвали не будетъ выражать перевѣсъ только одной какой-либо стороны, тогда какъ тутъ ни одна сторона не должна бы имѣть перевѣса. Если еще возможенъ выборъ мироваго судьи всѣми сословіями на земскихъ собраніяхъ (хотя мы и не имѣемъ большаго довѣрія къ такому выбору при нашей современной дѣйствительности), то таковой же выборъ мироваго посредника или, что то же—мироваго судьи съ обязанностями мироваго посредника—по нашему мнѣнію, едвали мыслимъ. Когда прямая выгода крестьянъ, напр., имѣть посредникомъ добряка и лѣнтяя, который бы недоимокъ не взыскивалъ, разверстаній не дѣлалъ, и т. д.—а выгода помѣщиковъ имѣть посредникомъ человѣка совсѣмъ съ другими качествами, то можно ли ожидать, чтобы крестьяне и помѣщики сошлись въ выборѣ!

По нашему мнѣнію, то лицо, которому ввѣрены будутъ дѣла, возникшія изъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній (называйте его судьей или посредникомъ), должно быть назначаемо отъ правительства. Если признано будетъ возможнымъ мировыхъ судей назначать отъ правительства (по крайней мѣрѣ на первыя два трехлѣтія), тогда можно будетъ передать имъ всѣ дѣла посредниковъ, сохранивъ и нынѣшній способъ производства этихъ дѣлъ. Въ назначеніи мировыхъ судей отъ правительства мы не видимъ съ своей стороны никакого особеннаго неудобства, во-первыхъ потому, что въ распоряженіи правительства уже состоитъ наличное число кандидатовъ на эту должность, и оно можетъ сдѣлать изъ нихъ, т. е. изъ теперешнихъ посредниковъ, строгій и тщательный выборъ; во-вторыхъ потому, что по закону мировые судьи должны быть избираемы земскими собраніями по предварительно составленному списку,—но во многихъ губерніяхъ земскія собранія уже были созваны, а къ выборамъ и составленію списковъ приступлено не было; въ-третьихъ потому, что даже и по закону (ст. 38 учр. суд. устан.) правительству предоставлено право назначать мировыхъ судей въ случаѣ недостатка лицъ, которыя могли бы быть избраны въ эту должность. Если бы даже мировые судьи и оставались свободными отъ обязанностей мировыхъ посредниковъ, то и тогда противоположность интересовъ помѣщичьихъ и крестьянскихъ, а равно и остатокъ той бытовой разрозненности, которая существуетъ у насъ между этими сословіями—были бы еще въ наше время не маловажною помѣхою къ безпристрастному совмѣстному общему выбору такого лица, которое, хотя бы даже въ качествѣ мироваго судьи и не было уполномочено на прямое обсужденіе дѣлъ, непосредственно возникшихъ изъ прежнихъ крѣпостныхъ отношеній, все же однако призвано было бы рѣшать споры болѣе или менѣе соприкосновенные съ прежними условіями крѣ-

постнаго быта. Напр. споръ о землѣ, купленной крестьянами на имя помѣщика, подлежалъ бы, вѣроятно, разсмотрѣнію уже не посредника, а судебныхъ установленій на общемъ основаніи, но можно ли отрицать связь этого спора съ прежними сословными отношеніями?—Намъ могутъ замѣтить, что назначеніе мировыхъ судей отъ правительства отниметъ у этого учрежденія его земскій характеръ и обратитъ судей въ чиновниковъ. Но и мировые посредники назначены отъ правительства, однакоже никто не станетъ отрицать ихъ земскаго характера, никто не называлъ и не называетъ ихъ чиновниками. Дѣло въ томъ, что внѣшніе признаки отвлеченнаго принципа не всегда оказываются вѣрными въ жизни, и въ крестьянскомъ преобразованіи само правительство явилось и дѣйствовало какъ народная сила. Англійскіе мировые судьи также назначаются отъ правительства, что̀ однакоже не мѣшаетъ имъ быть независимыми. Впрочемъ мы разумѣемъ назначеніе у насъ мировыхъ судей отъ правительства только какъ временную мѣру, и полагаемъ, что такое назначеніе могло бы быть совмѣщено со всѣми тѣми огражденіями въ дисциплинарномъ отношеніи, какія дарованы этому званію судебными уставами 20 Ноября 1864 года.

Одно возраженіе представляется намъ самимъ, которое мы не можемъ не признать справедливымъ. Именно то, что мировымъ судьямъ дано слишкомъ много власти (право подвергать аресту до 3 мѣсяцевъ, заключенію въ тюрьмѣ на годъ и т. д.): при всесословномъ выборѣ предоставленіе такой значительной власти одному лицу еще возможно, но—при назначеніи отъ правительства — введеніе такого элемента крупной единоличной власти въ сферу общественныхъ отношеній едвали можетъ быть допущено. Съ этимъ мы согласны и полагаемъ, что нѣкоторое ограниченіе этой власти было бы вполнѣ основательно и справедливо обусловливалось бы отсутствіемъ выбора.

Во всякомъ случаѣ читатель видитъ, сколько споровъ и затрудненій представляетъ введеніе въ дѣйствіе самыхъ первыхъ основъ новаго порядка суда. Такъ или иначе будетъ рѣшенъ вопросъ, не естественно ли желать, чтобы мѣстность, на которой будетъ приводиться въ исполненіе принятое рѣшеніе, была ограничена въ своемъ объемѣ и чтобы дѣло, въ которомъ на практикѣ намъ приходится идти только ощупью, не было производимо вдругъ, единовременно, на пространствѣ всей необъятной Россіи?

———

О пользѣ постепеннаго введенія судебной реформы, въ видѣ опыта, на пространствѣ, ограниченномъ нѣсколькими губерніями.

«День», 22-го мая 1865 г.

Въ двухъ предшествовавшихъ статьяхъ, говоря о легкомысленномъ сужденіи нашей публики, мы старались побудить читателей къ болѣе строгой и внимательной оцѣнкѣ всей важности предстоящей судебной реформы; съ этою цѣлью мы указывали имъ на трудности, съ которыми неизбѣжно связано примѣненіе къ жизни, на практикѣ, такого громаднаго теоретическаго творенія, какимъ представляются судебные уставы 20 Ноября. Мы не принадлежимъ ни къ оптимистамъ, ни къ пессимистамъ,—не обольщаемся надеждами на немедленную блистательную удачу, не предаемся меланхолическимъ гаданіямъ о совершеннѣйшемъ неуспѣхѣ. Мы покорно признаемъ ту неотложную историческую необходимость, которая заставляетъ насъ мѣнять спицы въ колесахъ—на ходу, не пріостанавливаясь въ самомъ быстромъ разбѣгѣ,—или же, употребляя другое сравненіе, класть фундаментъ на зыблющейся, неосѣвшей, неорганизовавшейся окончательно почвѣ. Мы скорѣе расположены видѣть въ новой судебной реформѣ много залоговъ положительнаго успѣха,—если... если къ дѣлу ея примѣненія будетъ приступлено съ полною добросовѣстностью, съ полнымъ сознаніемъ трудности такого важнаго и серьезнаго дѣла, съ полнымъ уваженіемъ къ жизни. Выраженіемъ такого отношенія къ дѣлу преобразованія — мы и считаемъ введеніе новыхъ уставовъ въ дѣйствіе сперва въ видѣ опыта на ограниченномъ пространствѣ, въ одномъ или двухъ округахъ, т. е. въ пяти или даже десяти губерніяхъ. Но опытъ этотъ, казалось бы намъ, долженъ быть произведенъ немедленно и безъ отлагательства, какъ для удовлетворенія понятнаго нетерпѣнія публики, такъ и для скорѣйшаго разрѣшенія на практикѣ тѣхъ вопросовъ, сомнѣній, недоумѣній, которыя теперь, на досугѣ, тѣмъ болѣе роятся, чѣмъ внимательнѣе и пристальнѣе всматривается отвлеченная мысль — покуда еще въ мертвое, еще неодушевленное жизнью слово закона. Въ сущности и въ окончательномъ результатѣ, путь предлагаемый нами приводитъ къ цѣли никакъ не позднѣе, чѣмъ прочіе предположенные способы немедленнаго и повсемѣстнаго водворенія новыхъ уставовъ,—но во всякомъ случаѣ несравненно вѣрнѣе. Самые рьяные противники «опыта» и ревностные защитники повсемѣстнаго введенія въ дѣло судебной реформы не считаютъ однакоже возможнымъ осуществить это введеніе вполнѣ—ранѣе трехъ лѣтъ и признаютъ полезнымъ—сначала учредить вездѣ мировыя судебныя установленія, а окружные суды завести только по одному на губернію и въ неполномъ составѣ, и т. д.: предположенія въ этомъ от-

ношеніи довольно разнообразны. Какъ бы кто ни возставалъ противъ постепенности, она, въ томъ или другомъ видѣ, вторгается во всѣ проекты и обусловливается необходимостью покончить съ старыми, прежде возникшими дѣлами и невозможностью допустить параллельное существованіе стараго и новаго судовъ въ ихъ полномъ объемѣ. Намъ кажется, что, ограничивъ введеніе новыхъ уставовъ на первый годъ нѣсколькими губерніями, испытавъ на практикѣ пригодность или непригодность разныхъ употребленныхъ въ дѣло способовъ, можно будетъ, уже съ большею твердостью и точностью пріемовъ, приступить къ распространенію дѣйствія новаго судебнаго законодательства и на всѣ остальныя губерніи,—для чего тогда уже потребуется конечно не болѣе двухъ лѣтъ, если не меньше. Слѣдовательно, при этой послѣдней системѣ введенія, срокъ окончательнаго осуществленія реформы тотъ же самый, что и при всѣхъ другихъ предположенныхъ системахъ,—а между тѣмъ выгода та, что въ теченіе года всѣ остальныя области Россіи поучатся практикѣ новаго судопроизводства у тѣхъ пяти-шести губерній, гдѣ оно будетъ предварительно примѣнено къ жизни, — поучатся, присмотрятся, и когда наступитъ чередъ этихъ областей, онѣ приступятъ къ реформѣ съ бо̀льшимъ знаніемъ дѣла и практическихъ способовъ введенія, съ возможностью избѣгнуть тѣхъ ошибокъ и недоразумѣній, которыя могутъ быть и, вѣроятно, будутъ допущены губерніями—предшественницами въ дѣлѣ реформы. Мы вовсе не раздѣляемъ того мнѣнія, которое, придерживаясь системы опыта, предполагаетъ изъ первоучрежденныхъ судебныхъ установленій сдѣлать родъ разсадника для всѣхъ имѣющихъ учредиться впослѣдствіи,—т. е. усилить личный составъ первыхъ съ тѣмъ, чтобъ впослѣдствіи членовъ этого состава разсылать по губерніямъ, по мѣрѣ введенія въ нихъ реформы. Намъ кажется, что въ этомъ не предстоитъ никакой особенной надобности; эти первоучрежденные суды должны быть не разсадникомъ личнаго состава, а школою для всей остальной Россіи—какъ для будущихъ непосредственныхъ дѣятелей, такъ и для самого общества. Представимъ себѣ, что съ такого-то числа входитъ въ силу, въ пяти-шести губерніяхъ Московскаго округа, новое наше судебное законодательство. Вниманіе публики и всей журналистики, не развлеченное ни количествомъ, ни обширностью опытовъ, сосредоточивается на опредѣленномъ и относительно тѣсномъ пространствѣ. Новизна, свѣжесть, важность интереса побуждаютъ, а ограниченность мѣстности даетъ возможность—слѣдить пристально за всѣми проявленіями, всѣми видоизмѣненіями и фазисами преобразованія. Гласность, приданная процессу водворенія новыхъ уставовъ, обнародованіе малѣйшихъ его подробностей, благодаря дѣятельности корреспондентовъ,—все это сдѣлаетъ опытъ нѣсколькихъ губерній общимъ для всей Россіи,—и, конечно, ни одна затѣмъ изъ остальныхъ губерній

не пожелаетъ стать, въ отношеніи къ преобразованію, ниже предложеннаго первоначальнаго образца. Между тѣмъ, произведенное разомъ по всей Россіи и не въ полномъ своемъ видѣ, а по частямъ (ибо та или другая постепенность оказывается необходимою, при недостаткѣ нашихъ матеріальныхъ средствъ), судебное преобразованіе, особенно въ губерніяхъ отдаленныхъ, можетъ пойти разными, отличными другъ отъ друга путями, и не всегда прямыми. Оно потребуетъ командировки по всей Россіи экспертовъ -для преподанія уроковъ мѣстнымъ дѣятелямъ, для заведенія повсюду новыхъ порядковъ въ единомъ смыслѣ и направленіи. Но и самые эти эксперты, знакомые съ дѣломъ только теоретически, а не на практикѣ (которой и выучиться еще было негдѣ), дѣйствуя разрозненно на громадномъ пространствѣ—не въ состояніи будутъ, несмотря ни на какія усилія центральной власти, ввести того живаго единообразія въ новыхъ порядкахъ суда, которое необходимо. Едва-ли кто станетъ отрицать, что разнообразіе тутъ неумѣстно. Свой судъ, мѣстный общественный самосудъ можетъ, конечно, представлять различіе, смотря по мѣстнымъ особенностямъ,—но судъ государственный долженъ быть одинаковъ для всѣхъ, слѣдовательно повсюду однообразенъ; понятые въ той и другой мѣстности могутъ различно глядѣть на дѣло, но всѣ проявленія судебной власти государства должны быть проникнуты строгимъ единствомъ. Это единство, вовсе не формальное и не мертвое, а живое, дается сколько единствомъ убѣжденій и началъ, столько же и единствомъ традицій или преданій; а такъ какъ преданій судебной практики у насъ еще нѣтъ, то если что можетъ замѣнить ихъ на первое время, такъ это именно единство и цѣльность первыхъ опытовъ,—именно уроки той практической школы, какою явятся непремѣнно, для всей остальной Россіи, въ теченіе года, первоучрежденныя судебныя установленія.

Есть въ Россіи мѣстности, которыхъ не способна пронять никакая гласность (хоть бы все та же напр. губернія Тамбовская, а также и нѣкоторыя другія), гдѣ не только судебная реформа, но даже и свѣтапреставленіе не въ силахъ, кажется, было бы—вызвать мѣстныхъ жителей на сообщенія и корреспонденціи. Нельзя надѣяться, чтобы дѣло судебнаго преобразованія, начинаясь съ этихъ мѣстностей, подверглось той благодѣтельной огласкѣ, которая такъ необходима на первое время для всеобщаго поученія, для того, чтобы новый порядокъ суда былъ во всей полнотѣ и подробностяхъ своихъ началъ усвоенъ общественнымъ сознаніемъ. Поэтому и полезно было бы, кажется намъ, начать дѣло преобразованія съ такихъ мѣстностей, гдѣ гласность возможна, куда она способна проникнуть, или гдѣ ей привольнѣе развернуться, благодаря стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что лежащія около Москвы губерніи, соединенныя большею частью съ ней желѣзными до-

рогами, представляютъ для первыхъ испытаній реформы наиболѣе удобствъ,—и то, что будетъ происходить въ нихъ, будетъ извѣстно по всей Россіи. Впрочемъ, гдѣ бы ни происходилъ первый опытъ примѣненія новыхъ судебныхъ порядковъ къ дѣлу,—если только этотъ опытъ будетъ обнимать собою пространство, доступное наблюденію, онъ будетъ предметомъ всеобщаго напряженнаго вниманія, хотя бы даже для наблюденія представлялось и меньше удобствъ, чѣмъ въ губерніяхъ близъ Московскихъ.

Всего чаще приходилось намъ слышать слѣдующее возраженіе: вводить новый судъ въ дѣйствіе только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, оставляя прочія при старомъ судѣ — это будетъ вопіющею несправедливостью: Тульская губернія станетъ, положимъ, уже пользоваться благодѣяніями судебной реформы, а рядомъ съ нею Орловская будетъ продолжать томиться подъ прежнимъ порядкомъ: чѣмъ же она виновата? и т. д., и т. д. Это возраженіе совершенно неосновательно. Если тутъ есть несправедливость, такъ скорѣе относительно тѣхъ губерній, на которыя прежде всѣхъ легла тяжесть перваго опыта, а не тѣхъ, для которыхъ дѣло введенія реформы, послѣ произведеннаго въ первыхъ губерніяхъ опыта, будетъ уже несравненно легче. Самою счастливою губерніею будетъ послѣдняя изо всѣхъ, въ которой водворится новый судъ, и именно потому, что она будетъ имѣть возможность воспользоваться практическимъ опытомъ всѣхъ прочихъ губерній. Если Самарской и Костромской губерніямъ было очень лестно явиться первыми въ дѣлѣ земскаго самоуправленія, такъ навѣрное тѣ губерніи, въ которыхъ земскія учрежденія открыты были позднѣе, не менѣе довольны тѣмъ, что наученныя опытомъ Костромы и Самары могли избѣжать ихъ ошибокъ. Эти ошибки, по новости интереса, были усердно оглашены журналистикою по всей Россіи, и едвали можно предполагать, чтобъ какая-либо губернія назначила на будущее время своимъ земскимъ чинамъ такое же жалованье, какое сгоряча, на первыхъ порахъ, назначило Самарское земство. Наконецъ, судебная реформа не есть временная или легко измѣняемая мѣра; она есть органическій статутъ, полагаемый на многіе вѣки народной жизни: одинъ-два года могутъ ли во что-нибудь считаться при такомъ масштабѣ пространства и времени?!

Мы же убѣждены, что менѣе чѣмъ въ полгода, въ какіе-нибудь три-четыре мѣсяца, уже окажутся на практикѣ такіе результаты, которые вынудятъ нѣкоторыя необходимыя немедленныя перемѣны въ частностяхъ или дадутъ практическія указанія на наилучшій способъ примѣненія къ жизни новаго законодательства. Особенно ощутительными явятся эти данныя въ дѣлѣ мировыхъ судебныхъ установленій, такъ какъ они всего ближе касаются жизни и захватываютъ область бытовыхъ житейскихъ отношеній. Польза или вредъ совмѣщенія обязанно-

стей мировыхъ посредниковъ съ обязанностями судьи и переименованія посредниковъ въ судьи—окажется тотчасъ живьемъ, на самомъ дѣлѣ. Многихъ этотъ опытъ именно и пугаетъ. Они опасаются, что въ случаѣ неудачи, при нерасположеніи или при неискреннемъ отношеніи къ судебной реформѣ многихъ значительныхъ лицъ, начнется цѣлый рядъ передѣлокъ и исправленій, и дѣло реформы можетъ затянуться надолго. По нашему мнѣнію, что-нибудь одно: если ревнители немедленнаго и повсемѣстнаго введенія судебной реформы вѣрятъ въ ея успѣхъ,—въ такомъ случаѣ имъ нечего опасаться и опыта, производимаго на ограниченномъ пространствѣ; если же они такой вѣры не имѣютъ, то стало быть пускаются на удачу; но производить на удачу преобразованіе на пространствѣ цѣлой части свѣта, такое желаніе по меньшей мѣрѣ—странно... Что же касается до опасеній, будто даже неизбѣжные мелкіе промахи и ошибки и тѣ разныя ничтожныя несовершенства новыхъ уставовъ, какія непремѣнно окажутся при первомъ опытѣ, могутъ послужить поводомъ къ задержкѣ всего дальнѣйшаго хода преобразованія,—то если бы таковая возможность существовала, нечего было бы и предпринимать дѣло реформы: это значило бы, что время для нея не приспѣло!... Но мы рѣшительно не хотимъ допускать этой возможности, да и не въ правѣ допускать ее послѣ торжественныхъ словъ Высочайшаго указа 20 ноября 1864 года. Намъ кажется, что теперь уже не можетъ быть и вопроса о томъ—вводить или не вводить предположенное преобразованіе,—а только о томъ, какъ произвести это преобразованіе. Теперь всѣ усилія должны быть направлены только къ тому, чтобъ изыскать навѣрнѣйшій способъ къ достиженію цѣли, чтобъ полагать фундаментъ не кое-какъ, а осмотрительно и прочно, чтобъ вообще поступить съ дѣломъ реформы какъ можно серьезнѣе, строже и добросовѣстнѣе.

И именно опытъ годичной практики, думаемъ мы, дастъ другой, болѣе дѣльный характеръ какъ самому отношенію нашей публики къ новому суду, такъ и направленію еще приготовляющихся теперь будущихъ дѣятелей. Не одна ложь успѣетъ, въ этотъ срокъ времени, взойти, разцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ, затѣмъ поблекнуть, увясть и исчезнуть безслѣдно. Нѣтъ сомнѣнія, что на первыхъ порахъ многіе наши адвокаты и прокуроры постараются огласить залы судебныхъ собраній—громкими и пышными рѣчами на маneръ французскихъ и будутъ тѣшиться, въ родѣ Гоголева Петрушки, не столько внутреннимъ содержаніемъ своего труда, сколько самимъ процессомъ говоренія. На первое время вообще будетъ предноситься предъ нашими дѣятелями идеалъ французскихъ судовъ, какъ потому, что и въ самыхъ уставахъ многое, слишкомъ многое заимствовано оттуда, такъ еще и потому, что тѣ порядки извѣстнѣе,—а еще болѣе потому, что достиженіе этого француз-

скаго идеала, красиваго и блестящаго,—въ сущности несравненно легче, чѣмъ подражаніе простотѣ, серьезности и дѣльности англійскихъ судовъ. Многіе юноши уже и теперь, въ своемъ кругу, упражняются въ краснорѣчіи, готовя себя въ Русскіе адвокаты; все это естественно и понятно; но мы увѣрены, что черезъ нѣсколько же мѣсяцевъ такое ораторствованіе въ дѣлѣ суда испытаетъ ту же участь, какую вообще испытываетъ у насъ, въ быстромъ ходѣ нашего общественнаго развитія, все ложное, все напыщенное, пустое внутри, все стоящее на ходуляхъ (во сколько оно можетъ подлежать гласной критикѣ): то есть—оно опошлится донельзя и будетъ осмѣяно тѣмъ сильнѣе и язвительнѣе, чѣмъ болѣе, на первыхъ же порахъ, сосредоточитъ на себя общее вниманіе этотъ новый и свѣжій типъ оратора-адвоката. Онъ можетъ зарапѣе примѣнить къ себѣ извѣстные стихи:

Не разцвѣлъ и отцвѣлъ
Въ утрѣ радостныхъ дней!..

и мы думаемъ, что на слѣдующій же годъ, при распространеніи судебной реформы еще на нѣсколько округовъ, эти послѣдніе едвали возымѣютъ охоту щеголять краснорѣчіемъ и дѣйствовать искусствомъ риторскимъ на простыя сердца и здравый умъ бородатыхъ зипунниковъ—присяжныхъ. Очень можетъ быть также, что на первыхъ же порахъ нѣкоторые оффиціальные обвинители и даже предсѣдатели проникнутся тѣмъ же усердіемъ, какъ и французскіе генеральные прокуроры и предсѣдатели, которые, какъ извѣстно, одушевляются какимъ-то дикимъ ожесточеніемъ въ преслѣдованіи подсудимаго, въ стараніи найти непремѣнно какой-нибудь виновный субъектъ и совершить надъ нимъ кару правосудія. Кто бывалъ во французскихъ судахъ, тотъ, безъ сомнѣнія, если онъ Русскій, выносилъ самое тягостное чувство при видѣ этой травли подсудимаго какъ звѣря, при слушаніи этого допроса, похожаго на нравственную пытку, способнаго запутать и сбить всякаго, даже невиннаго человѣка, при слушаніи этихъ обвинительныхъ рѣчей правительственнаго прокурора, полагающаго своимъ непреложнымъ долгомъ обвинить подсудимаго во что бы ни стало: какъ будто интересъ государства состоитъ не въ томъ единственно, чтобъ раскрыть истину, а въ томъ, чтобъ правосудіе неизмѣнно проявлялось грозою и казнью! Этотъ неистовый напоръ обвиненія и такой же неистовый отпоръ защиты, этотъ принципъ условной борьбы между нападающимъ и защищающимъ, это притязаніе довести до механическаго равновѣсія—случайности, отъ которыхъ зависитъ судьба человѣка, случайности гибели и спасенія; это стараніе обоихъ борцовъ перетянуть на свою сторону присяжныхъ,—все это, какъ оно проявляется во французскихъ судахъ, не только не ограждаетъ отъ неправды, но и вообще, по нашему мнѣнію, дѣйствуетъ

вредно на общественную нравственность, превращая священнодѣйствіе суда (какимъ оно должно быть для совѣсти судящаго) въ потѣшное зрѣлище. Мы убѣждены, что жестокость хотя и проявится у насъ сгоряча, на первомъ опытѣ, но никогда у насъ не водворится, и что Русская натура возьметъ свое; надобно желать только, чтобъ она не переходила въ распущенность, къ чему она имѣетъ не малую склонность.

Да, мы полагаемъ, что одинъ годъ практическаго испытанія новыхъ порядковъ суда въ одномъ какомъ-либо округѣ—будетъ служить благодѣтельнымъ наставительнымъ примѣромъ для всей остальной Россіи, и чѣмъ скорѣе будетъ приступлено къ этому первому опыту, тѣмъ лучше, тѣмъ полезнѣе для дѣла, тѣмъ скорѣе положится конецъ всѣмъ безчисленнымъ толкамъ, сомнѣніямъ и недоразумѣніямъ — порождаемымъ теперь ожиданіемъ реформы. Одновременно съ первымъ же опытомъ въ одномъ или двухъ округахъ, было бы необходимо, кажется (оно же такъ легко и возможно), приступить къ сокращенію аппелляціонныхъ сроковъ и упрощенію многихъ обрядовъ существующаго судопроизводства, что было уже подробно указано какъ въ нѣкоторыхъ газетныхъ статьяхъ, такъ и въ спеціальныхъ запискахъ по этому вопросу, которыя намъ удавалось читать. Это бы значительно подвинуло впередъ и облегчило будущую ликвидацію старыхъ дѣлъ. Но такъ или иначе, а приступить къ дѣлу—время, кажется намъ, неотложно приспѣло... Станемъ ждать.

О задачахъ новаго суда и судей.

«Москва», 2-го февраля 1867 г.

Едвали какое преобразованіе, кромѣ уничтоженія крѣпостнаго права, такъ быстро принялось на нашей почвѣ, такъ быстро пустило корни въ народное, именно въ народное и даже простонародное сознаніе, какъ новыя судебныя учрежденія. «Правый судъ»,—судъ самостоятельный, независимый и равный для всѣхъ, призванъ обновить русскую жизнь во всѣхъ ея отправленіяхъ государственныхъ, соціальныхъ, бытовыхъ, и поднять общій уровень народной нравственности. Народъ, который пѣснями и пословицами, въ теченіе долгихъ вѣковъ, свидѣтельствовалъ о неправдѣ и кривдѣ русскаго суда и русскихъ судей, который, казалось, извѣрился въ правду и сжился съ кривдой, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ, — начинаетъ вѣрить въ возможность правды, уже не боится ни суда, ни судей, и не только не пугается новизны, но, такъ сказать, ограждаетъ эту новизну своимъ единодушнымъ сочувствіемъ... Это одно есть уже такое нравственное благо, ко-

тораго нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить и которое должно плодотворно сказаться во всемъ ходѣ нашей гражданской жизни. Поддержать и оправдать эту вѣру въ народныхъ массахъ, дать просторъ и движеніе юридическому разуму въ народѣ, утвердить въ немъ уваженіе къ положительному закону, безъ потрясенія въ немъ вѣры въ законъ нравственный,—въ то же время искоренить закоренѣлыя привычки къ произволу и одолѣть вѣковыя предубѣжденія въ другихъ классахъ, не совсѣмъ мирящихся съ идеей равенства передъ закономъ,—вотъ задача новаго суда и судей—задача громадная и тяжелая. Не сразу и не скоро можно удовлетворить такія ожиданія и запросы и достигнуть желаемой цѣли. Недаромъ сложилась русская пословица, что «терпѣнье и трудъ—все перетрутъ»; но новые дѣятели должны знать заранѣе, что трудъ ихъ будетъ великій и великаго потребуетъ терпѣнія. Такому труду нужны, конечно, не оппозиція и не страхъ; всего этого было на вѣку его довольно,—да и довольно, даже болѣе чѣмъ нужно, осталось еще и въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Ему, напротивъ, нужно ободреніе, доброе наставленіе и общественная поддержка.

Между тѣмъ, нельзя не признать, что, встрѣчая повсемѣстно народное, впрочемъ безмолвное, къ себѣ сочувствіе и радостное упованіе на возможность дѣйствительнаго правосудія, новый нашъ судъ встрѣтилъ на первыхъ же порахъ такія гласныя, печатныя нападенія, которыя стремились, повидимому, не помочь дѣлу, но его подкопать, обезславить и затормозить. Разыскивались почему-то исключительно одни только промахи и ошибки; а гдѣ ихъ не доставало, тамъ они даже и сочинялись; всякая исправимая и вдобавокъ еще спорная погрѣшность вмѣнялась чуть не въ преступленіе, малѣйшая подсмотрѣнная неправильность—въ отъявленную неспособность. Все, что было сдѣлано безукоризненнаго, честнаго или дѣльнаго, того не хотѣли ни знать, ни вѣдать, о томъ молчали или отзывались съ ироническою похвалою. Чтобы воздержаться отъ такихъ пріемовъ, стоило бы, кажется, только сообразить, какіе должны воспослѣдовать результаты, если такую же циническую систему критическихъ отношеній примѣнить ко всѣмъ реформамъ и, между прочимъ, не къ одной новой юстиціи, но и къ неновой администраціи? Но этого не соображали... не соображали до самозабвенія. Само общество начинало, наконецъ, вѣрить, что весьма серьезныя бюрократическія силы желаютъ подорвать довѣріе къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ и тѣмъ поколебать самыя его основы. Прежде всего разнеслись упорно повторяемые слухи о какомъ-то поворотѣ вспять въ дѣлѣ судебнаго преобразованія, о намѣреніи будто бы правительства подчинить новые суды губернаторской власти и такимъ образомъ незамѣтно уничтожить едва лишь появившееся и давно желанное отдѣленіе судебной дѣятельности отъ административной. Затѣмъ иностран-

ныя газеты возвѣстили, что будто даже въ комитетѣ министровъ возбуждался со стороны самого Министерства юстиціи вопросъ объ одномъ изъ коренныхъ началъ новаго судебнаго устава и требовалась отмѣна закона о несмѣщаемости судей,—закона, который никакъ уже не случайно попался въ этотъ уставъ, но внесенъ сознательно и по зрѣломъ обсужденіи въ самыя основныя положенія его, какъ безусловно необходимое огражденіе новаго правосудія въ Россіи, и какъ начало неразрывно связанное съ существеннѣйшею цѣлью Устава: «возвысить судебную власть» и «дать ей надлежащую самостоятельность».

Послѣднее извѣстіе, хотя можетъ быть и вымышленное, но оффиціально не опровергнутое, смутило всѣхъ сторонниковъ новаго судебнаго порядка. Оно послужило неистощимымъ матеріаломъ къ развитію той зловѣщей мысли, что будто даже и высшіе органы самой новой юстиціи не только ей не благопріятствуютъ, но наклонны къ измѣненію самыхъ существенныхъ началъ судебной реформы. Одно уже опасеніе такихъ измѣненій—черезъ какіе-нибудь 3—4 мѣсяца по возникновеніи новой судебной дѣятельности,—измѣненій, повидимому, ничѣмъ рѣшительно не оправдываемыхъ ни въ теоріи, давно уже устоявшейся въ наукѣ, ни въ новой практикѣ, только что у насъ начавшейся,—ослабляло напряженный трудъ дѣятелей и подрывало въ обществѣ спасительную вѣру не только въ прочность новыхъ учрежденій, но и даже въ поддержку ихъ со стороны тѣхъ, которыхъ самъ законъ приставилъ къ нимъ блюстителями и оберегателями.

Все это въ совокупности не могло имѣть никакого инаго вліянія, кромѣ самаго разслабляющаго на нравственный духъ новыхъ судебныхъ дѣятелей, или, по крайней мѣрѣ, весьма мало способствовало къ утвержденію той новой нравственной почвы, на которую наша новая судебная практика едва ступила. Тутъ даже и правдивой, честной критикѣ не оставалось почти никакого мѣста. Она легко могла бы послужить даровымъ лишь матеріаломъ для тѣхъ самыхъ недобросовѣстныхъ порицаній и отрицаній, которыя грозили нѣкоторое время даже существованію новаго суда.

Такая неблагопріятная обстановка, повидимому, измѣняется къ лучшему. Недавно мы читали въ оффиціальномъ органѣ Министерства внутреннихъ дѣлъ, что «благодѣтельныя послѣдствія судебной реформы одинаково признаются всѣми безъ исключенія правительственными вѣдомствами и свидѣтельствуются губернаторами всѣхъ губерній, гдѣ уже введены въ дѣйствіе новыя судебныя установленія». Мы не можемъ не привѣтствовать такого заявленія и нисколько не желаемъ сомнѣваться въ его искренности. Административная власть объявляетъ себя на сторонѣ новаго суда и признаетъ открыто благодѣтельныя послѣдствія реформы. Въ данную минуту это всего болѣе желательно. Оно, во-пер-

выхъ, полагаетъ, наконецъ, преграду злонамѣреннымъ сплетнямъ и всякимъ смущающимъ толкамъ; во-вторыхъ, новому суду дѣйствительно представляется такъ много самаго серьознаго и притомъ совершенно новаго дѣла, что всякая побочная забота объ огражденіи своихъ правъ или неувѣренность въ своей прочности и самостоятельности могла бы только мѣшать его внутренней дѣятельности и неуклонному исполненію его высокаго призванія: служить закону и законности въ Россіи. Закулисная борьба между прочно установившимися и вѣками сложившимися у насъ административными силами и едва возникающею самостоятельностью судовъ не могла обѣщать никакихъ добрыхъ результатовъ. Одно уже предположеніе, что борьба эта существуетъ и ведется неустанно при столь несоразмѣрныхъ средствахъ, грозило немалою опасностью *нравственной* независимости суда, который, въ ожиданіи невѣдомаго исхода этой борьбы, по одному уже чувству самосохраненія легко бы могъ, въ лицѣ единичныхъ своихъ органовъ, увлекаться къ такимъ уступкамъ, какія нисколько несогласны ни съ духомъ новыхъ судебныхъ учрежденій, ни съ самими намѣреніями, выраженными ихъ основателемъ. А этотъ духъ и эти намѣренія—самое дорогое во всемъ судебномъ преобразованіи. Отнимите ихъ отъ новаго суда—и отъ него останется одна мертвая форма, одинъ балаганный спектакль чего-то новаго, что въ сущности, пожалуй, выйдетъ даже хуже разлагающагося стараго.

Наконецъ, для дѣйствительнаго преуспѣянія коренныхъ реформъ, совершаемыхъ въ Россіи, русскимъ людямъ необходимѣе всего на свѣтѣ глубочайшее убѣжденіе въ ихъ несокрушимой прочности,—убѣжденіе въ томъ, что онѣ устоятъ даже при какихъ бы то ни было частныхъ недостаткахъ, уклоненіяхъ или ошибкахъ, и что никто изъ непризванныхъ реакціонеровъ не дерзнетъ посягнуть на чистоту началъ, положенныхъ въ основу этихъ преобразованій. Только подъ сѣнью такого убѣжденія и дѣлается возможнымъ широкое поприще для честной и благонамѣренной критики. Въ такой критикѣ нуждается новый судъ. Такой критикѣ предлежатъ къ разрѣшенію многіе и многіе вопросы, возникающіе дѣйствительно изъ практическаго примѣненія новаго судебнаго устава.

Мы не беремся теперь перечислять эти вопросы, но скажемъ только, что первое мѣсто между ними занимаетъ, безъ всякаго сомнѣнія, осмотрительный выборъ новыхъ судебныхъ дѣятелей, въ связи съ вопросомъ, какія именно условія для сего требуются на практикѣ и можетъ ли нарушеніе этихъ условій падать на отвѣтственность новыхъ судовъ, какъ цѣльнаго органическаго учрежденія, или свидѣтельствовать въ какомъ бы то ни было смыслѣ о несостоятельности самыхъ началъ новаго судебнаго устава или даже о необходимости ихъ малѣйшаго измѣненія? Для дѣйствительнаго успѣха судебнаго преобразованія важно

не столько осуществленіе однѣхъ внѣшнихъ его формъ, сколько важна вѣрность его духу и началамъ; поэтому необходимо возникаетъ вопросъ: что наиболѣе должно содѣйствовать охраненію и правильному развитію именно этихъ началъ,—какія, съ этой точки зрѣнія, отношенія желательно было бы видѣть установившимися между различными элементами новой судебной власти внутри ея самой: между, напримѣръ, новымъ прокурорскимъ надзоромъ и новымъ «судомъ» въ тѣснѣйшемъ значеніи этого слова, между председателями судовъ и судьями, между высшими и низшими судебными инстанціями, между судьями и ихъ канцеляріями? При какихъ именно практическихъ условіяхъ эти послѣднія могутъ не получить того вреднаго вліянія на новое судопроизводство, какое онѣ незамѣтнымъ образомъ получили на старое и которому новый уставъ въ особенности противодѣйствуетъ всѣмъ своимъ положительнымъ содержаніемъ? Какого практическаго, затѣмъ, значенія въ дѣлѣ обновленія русскаго процесса мы имѣемъ право требовать, на основаніи духа новыхъ законовъ о судоустройствѣ, отъ института присяжныхъ повѣренныхъ, и въ какой степени институтъ этотъ въ живой нашей дѣйствительности удовлетворяетъ этимъ требованіямъ? И, наконецъ, каково должно быть отношеніе самого общества къ новымъ судебнымъ учрежденіямъ для того, чтобы они могли, безъ особенной помѣхи, исполнять свое дѣйствительное назначеніе?..

Нужно ли говорить, что серьезное обсужденіе подобныхъ вопросовъ не можетъ имѣть ничего общаго съ какими-либо предвзятыми мыслями въ пользу или во вредъ исключительно судебной или же административной власти—совершенно одинаково необходимыхъ для правильнаго развитія и общественной и государственной жизни?..

Отношеніе московской публики къ гласному судопроизводству.

«Москвичъ», 16-го января 1868 г.

Въ одной изъ губерній, уже воспользовавшихся благодѣяніемъ новой судебной реформы, происходило, въ прошломъ году, засѣданіе окружнаго суда по дѣлу, сходному съ тѣмъ дѣломъ, о которомъ напечатанъ отчетъ въ 14 № «Москвича». Разница состояла въ томъ, что подсудимая была не уроженка Савойи, но молодая русская крестьянская дѣвушка, и что при уликахъ, почти одинаковыхъ, она была предана суду не за сокрытіе только смерти младенца, какъ упомянутая нами несчастная иностранка, но по обвиненію въ самомъ дѣтоубійствѣ. Затѣмъ прочія обстоятельства уголовныхъ процессовъ почти схожи, какъ схожи они, впрочемъ, и въ большей части дѣлъ подобнаго рода. То же

разоблаченіе передъ публикой сокровенныхъ тайнъ женской души, ея увлеченій, паденія, борьбы, страданій; та же выставка наружу предъ жадными глазами толпы—смущенной, пристыженной дѣвушки, уже измученной всѣми муками стыда, раскаянія, угрызеній совѣсти, уже принявшей наказаніе въ самой горечи грѣха и преступленія, сильнѣйшее всякихъ уголовныхъ наказаній, и осужденной выслушивать вновь громкое, обстоятельное воспроизведеніе, перечень и разборъ, съ безпощадною откровенностью судебнаго языка, всѣхъ пережитыхъ ею страшныхъ мгновеній, всѣхъ подробностей ея срама. Почти всегда не окончательно падшая, а только временно увлеченная въ темную бездну зла легкомысліемъ, обольщеніемъ, отчаяніемъ, безвыходнымъ положеніемъ,—что должна чувствовать подсудимая во время подобныхъ гласныхъ и публичныхъ засѣданій? Съ какими старинными пытками преображенскихъ застѣнковъ и петровскаго «медвѣжьяго ящика» могутъ сравниться часы, проведенные ею въ залѣ суда, когда почти обнаженная точнымъ словомъ оффиціальныхъ осмотровъ и допросовъ, подавляемая позоромъ, стоитъ она предъ взорами судей и зрителей,—когда усердный прокуроръ выворачиваетъ и теребитъ ея душу, какъ перчатку, когда толпа нагло вламывается въ тайники ея сердца, перебираетъ, вѣшаетъ, мѣритъ мельчайшія движенія ея внутренняго міра и ея женской природы?... Къ счастію, рѣдко бываетъ, чтобы присяжные произнесли приговоръ обвинительный, и дѣло кончается оправданіемъ, какъ кончилось оно и въ отношеніи къ дѣвицѣ Баронъ, и въ отношеніи къ крестьянкѣ, судившейся въ томъ провинціальномъ окружномъ судѣ, указаніемъ на который начали мы свою статью, и къ которому обратимся снова.—Зала суда и тутъ, какъ и въ столицѣ, была наполнена публикой, но составъ публики былъ нѣсколько иной,—больше виднѣлось нестриженныхъ русскихъ бородъ и долгополыхъ русскихъ кафтановъ: публика не столь цивилизованная, какъ наша московская. Никакой неприличный шумъ или возгласъ не прерывалъ важности засѣданія. Когда предсѣдатель суда, послѣ совѣщанія съ членами, возвратился съ ними въ залу, и всѣ присутствовавшіе встали, проникнутые торжественностью минуты, рѣшающей судьбу человѣка; когда вслѣдъ затѣмъ онъ громко и внятно прочелъ приговоръ: подсудимую *освободить*,—видно было только одно невольное движеніе рукъ: вся сплошная масса присутствовавшихъ благоговѣйно осѣнилась крестомъ...

Не такъ поступила цивилизованная публика въ Москвѣ. Вся сплошная масса присутствовавшихъ захлопала въ ладоши, какъ въ театрѣ, и привѣтствовала рѣшеніе суда криками: «браво! браво!» Справедливо возмущенный такимъ поведеніемъ публики, предсѣдатель приказалъ судебному приставу немедленно очистить залу.

Мы должны съ прискорбіемъ замѣтить, что дѣйствительно съ нѣ-

котораго времени московская публика начинаетъ относиться къ судебнымъ засѣданіямъ, какъ къ какому-то театральному зрѣлищу. Чѣмъ щекотливѣе обстоятельства дѣла, чѣмъ громче имя попавшагося подъ судъ, чѣмъ непристойнѣе подробности преступленія, тѣмъ рьянѣе валитъ и ломится толпа въ залу суда, и тѣмъ возмутительнѣе бываетъ смотрѣть то выпячиванье любопытствующихъ глазъ, то напряженіе жаднаго слуха, въ которыхъ уже не выражается, какъ въ первое время, только одинъ интересъ, возбуждаемый новою формой процесса. Нельзя не признать, напротивъ, что публика, уже привыкшая къ порядкамъ новаго судопроизводства, не столько теперь интересуется самымъ веденіемъ дѣла, его внутреннимъ юридическимъ значеніемъ, сколько скандалезностью содержанія. Ея вкусъ, однажды возбужденный, очевидно требуетъ теперь все бо̀льшихъ и бо̀льшихъ возбужденій и раздражающихъ пряностей. Такое направленіе нельзя не признать опаснымъ какъ для общественной нравственности, такъ и для самого суда. При такомъ направленіи, благодѣяніе гласности можетъ, если не перевѣшиваться, то значительно умаляться вредомъ: слухъ постепенно черствѣетъ, не оскорбляясь болѣе цинизмомъ точности юридическаго языка, — этимъ называніемъ по имени всѣхъ непзрекаемыхъ въ обществѣ обстоятельствъ, предметовъ и положеній; воображеніе привыкаетъ къ картинамъ человѣческаго паденія, — къ картинамъ не вымышленнымъ фантазіей романиста, а дѣйствительнымъ,—къ реализму, къ наготѣ разврата и порока... Найдутся, пожалуй, такіе, которые намъ съ насмѣшкою возразятъ, что мы ищемъ оберечь какую-то нѣжность слуха и воображенія, которой попечительныя родительницы домогаются только для своихъ юныхъ дочерей. Такое возраженіе было бы очевидно недобросовѣстно. Мы бы, конечно, не посовѣтовали юнымъ дѣвицамъ посѣщать залы уголовныхъ судовъ, — но, въ настоящемъ случаѣ, мы имѣемъ въ виду то отношеніе къ судебной гласности, при которомъ человѣческая совѣсть, притупляясь, перестаетъ возмущаться порокомъ и преступленіемъ, перестаетъ негодовать и даже сожалѣть,—то отношеніе, при которомъ посѣтителя начинаетъ занимать только внѣшняя обстановка процесса, и входитъ въ его душу интересъ *театральности*. А если только дать развиться въ отношеніяхъ публики къ суду интересу театральности, то элементъ театральности какъ разъ очутится и въ судейской оградѣ. Онъ прежде всего отразится на адвокатахъ, которые почувствуютъ себя не въ святилищѣ суда, а какъ бы на сценѣ, передъ публикою, и будутъ добиваться однихъ сценическихъ успѣховъ. Далѣе, театральность—начало психическое, легко вкрадывающееся въ душу, разлагающее душевную цѣльность и искренность человѣка, принимающее всякіе виды, способное соблазнить и преступника, даже ведомаго на казнь. Въ послѣднее время во Франціи было почти сряду нѣсколько

процессовъ, гдѣ судились преступники, соблазненные преемственно одинъ другимъ: каждый изъ нихъ былъ обольщенъ или опьяненъ театральною, разыгранною предъ судомъ, наглостью своего предшественника.

Слѣдуетъ ли изъ этого, что гласность излишня? Нисколько. Ею надо дорожить какъ самымъ величайшимъ нашимъ благомъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду ея настоящій смыслъ и цѣль. Не слѣдуетъ забывать, что все назначеніе судебной гласности — служить обезпеченіемъ праваго суда. Посредствомъ гласности, съ одной стороны, судъ подвергается непрестанному общественному контролю; съ другой стороны, въ обществѣ водворяется то довѣріе къ правосудію, безъ котораго невозможна правильность отправленій общественнаго организма.

Но для достиженія этой цѣли нѣтъ, во-первыхъ, никакой надобности устраивать при судахъ обширныхъ помѣщеній для публики. Они должны быть разсчитаны на самое тѣсное число посѣтителей (какъ это, сколько намъ помнится, и соблюдается въ англійскихъ судебныхъ камерахъ). Цѣль гласности вполнѣ достигнута, если хоть десять человѣкъ изъ публики присутствуютъ при засѣданіи. Во-вторыхъ, не только нѣтъ надобности, но и неприлично пускать въ залу публики больше, нежели дозволяетъ помѣщеніе или число мѣстъ, которое, по нашему мнѣнію, должно быть точно опредѣлено. Если на скамьяхъ можетъ помѣститься 50 человѣкъ, то не слѣдуетъ впускать двѣсти, какъ это дѣлается теперь, когда посѣтители чуть не лѣзутъ другъ на друга, чуть не стоятъ другъ на другѣ, и публика невольно обращается въ *толпу* и становится невольно одержима чувствомъ, свойственнымъ людской *толпѣ*. Съ толпою же управиться трудно, и еще труднѣе требовать отъ нея соблюденія приличій и уваженія къ суду. Между тѣмъ необходимо, чтобы посѣтители, находясь въ залѣ суда, были проникнуты чувствомъ глубокаго благоговѣнія, сознаніемъ важности и святости того дѣйствія, при которомъ они присутствуютъ. Рѣшается участь человѣка, напрягаются всѣ усилія, чтобы побѣдить, по возможности, немощь человѣческаго правосудія: минуты торжественныя и важныя! Здѣсь смѣхъ, хохотъ, рукоплесканія и театральные крики *«браво»!* такъ же должны быть немыслимы, какъ немыслимы они и въ церкви. Поэтому гг. предсѣдателямъ слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, относиться къ каждому нарушенію приличія со стороны публики съ безпощадною строгостью и ни подъ какимъ видомъ не терпѣть, чтобы зала суда превращалась въ балаганное позорище, покрываемое, заливаемое громкимъ хохотомъ публики, какъ это было недавно, при обсужденіи дѣла купца Бутикова съ частнымъ приставомъ Гольмомъ. Особенно же возмутителенъ такой хохотъ тогда, когда онъ прерываетъ рѣчь лица прикосновеннаго къ суду, допрашиваемаго и оправдывающагося: такая неумѣстная, грубая

оцѣнка его словъ ставитъ человѣка (смущеннаго уже однимъ тѣмъ, что онъ стоитъ передъ судомъ, на виду у всѣхъ) еще болѣе въ смущенное положеніе.

Итакъ, ограниченное, по возможности, число мѣстъ для посѣтителей и неуклонно-строгое подавленіе всякихъ выраженій посѣтительскихъ чувствъ и мнѣній, могутъ уже сами по себѣ много содѣйствовать къ сохраненію надлежащаго отношенія къ правосудію и къ ослабленію того непристойнаго аппетита, который проявляется съ нѣкоторыхъ поръ въ московской публикѣ. Этой же цѣли должны споспѣшествовать и наши молодые адвокаты, устраняя изъ своей защиты всякіе театральные эффекты, имѣя въ виду только судей и присяжныхъ, а не публику. Наконецъ, мы не видимъ рѣшительно никакой необходимости производить гласно, а не при закрытыхъ дверяхъ, такіе процессы, какъ судъ надъ иностранкой Баронъ, и выставлять на пущій позоръ этихъ несчастныхъ преступницъ. Одна обстановка такого суда, одинъ видъ этой любопытной, нескромной толпы есть уже лишняя пытка для не совсѣмъ испорченныхъ женщинъ: дѣвица Баронъ почти не выходила изъ обморока во все время засѣданія. По крайней мѣрѣ, не полезнѣе ли было бы допускать посѣтителей при подобныхъ процессахъ въ самомъ ограниченномъ числѣ, единственно съ цѣлью, чтобы не отправлять правосудія безъ постороннихъ свидѣтелей, безъ представителей общества,— чтобы дать такимъ образомъ возможность общественному контролю? А въ этомъ-то вся задача гласнаго судопроизводства.

По поводу дѣла о старообрядцѣ Петрѣ Ѳедоровѣ.

«Москвичъ», 18-го января 1868 г.

Одно изъ величайшихъ достоинствъ новаго гласнаго уголовнаго судопроизводства состоитъ въ томъ, что противорѣчіе закона съ нравственными понятіями общества, съ требованіями общественной совѣсти, уже не можетъ, какъ прежде, укрываться во тьмѣ судейскихъ и административныхъ порядковъ, а выступаетъ на свѣтъ дневной, колетъ глаза нестерпимою яркостью правды. Прежде подобное противорѣчіе почти даже и не оскорбляло общественную совѣсть; ни у нея, ни у суда не было никакихъ взаимныхъ притязаній другъ къ другу, ничего общаго, и приговоръ судейскій, равно какъ и все это формальное правосудіе, являлись дѣйствіемъ какой-то посторонней, особой силы, какой-то чуждой, внѣшней, самовластной стихіи, не способной подлежать ни критикѣ, ни повѣркѣ. Но теперь, когда правосудіе отправляется гласно, подъ надзоромъ общества и его контролемъ, когда само общество при-

звано къ участію въ судѣ въ лицѣ присяжныхъ, между уголовнымъ судомъ и обществомъ сама собой утверждается солидарность нравственныхъ интересовъ; правосудіе не можетъ не явиться отраженіемъ общественной совѣсти,—соотвѣтствіе закона высшему уровню общественнаго сознанія о правдѣ и правѣ становится логическою необходимостью. Поэтому всякій разладъ между уголовнымъ закономъ и общественнымъ сознаніемъ, между правдою формальною и внутреннею, при новыхъ условіяхъ, при публичности и торжественности судопроизводства, дѣлается въ настоящее время особенно ощутителенъ для общественнаго нравственнаго чувства, производитъ рѣзкій до невыносимости диссонансъ въ общемъ строѣ общественной жизни.

Такое томительное ощущеніе, — будто кто задѣлъ по больному мѣсту,—испытало московское общество въ засѣданіи суда, отчетъ о которомъ читатели найдутъ ниже. Разсматривалось дѣло о 82-лѣтнемъ старообрядцѣ поповщинскаго толка, крестьянинѣ деревни Селиванихи, Петрѣ Ѳедоровѣ, преданномъ суду, по требованію духовнаго вѣдомства, за сооруженіе на своемъ крестьянскомъ дворѣ часовни или моленной. Петръ Ѳедоровъ не запирался въ постройкѣ часовни: «на старости лѣтъ захотѣлъ почтить Господа Бога молитвой», отвѣчалъ онъ на судѣ: «какая же тутъ вина, судьи милостивые»?.. Не сознавали тутъ вины милостивые судьи, которымъ и сама верховная власть начертала завѣтъ: «правда и милость да царствуютъ въ судѣ»!.. Не сознавали вины и посторонніе посѣтители, наполнявшіе залу. Но духовное вѣдомство обвиняетъ «въ соблазнѣ», бумага за нумеромъ, оффиціальная, требуетъ исполненія: фактъ налицо, и налицо же 206-я статья уголовнаго Уложенія о томъ, чтобы виновныхъ «въ построеніи новыхъ и въ *починкѣ* старыхъ какихъ-либо для службы и моленія по раскольническимъ обрядамъ зданій» подвергать заключенію въ тюрьмѣ, на время отъ 8 мѣсяцевъ до 16-ти, а *«все ими устроенное подвергать сломкѣ* и матеріалы продать въ пользу мѣстнаго приказа общественнаго призрѣнія», т. е. *въ пользу* богоугодныхъ и благотворительныхъ православныхъ заведеній. Судъ дрогнулъ предъ необходимостью явиться правымъ,—правымъ юридически, т. е. примѣнить этотъ вполнѣ подходящій законъ къ дряхлому старику. Такъ какъ все населеніе деревни Селиванихи состоитъ изъ старообрядцевъ, то, очевидно, устроеніе молитвеннаго дома не могло производить на нихъ особеннаго «соблазна», и судъ, подведя всѣ возможныя облегчающія вину обстоятельства, приговорилъ Ѳедорова къ заключенію въ тюрьмѣ только на два мѣсяца; все же имъ построенное рѣшилъ сломать и продать, а иконы передать въ консисторію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ судъ опредѣлилъ: «ходатайствовать, чрезъ министра юстиціи, предъ Его Императорскимъ Величествомъ о замѣнѣ слѣдующаго подсудимому по закону наказанія сдѣланіемъ приличнаго

внушенія»... Но старообрядецъ мало заботился о личной своей участи; онъ просилъ только одного: пощадить часовню: «Вѣдь она у меня давно... Свои ходили. Помолимся и пойдемъ. Кому мы помѣха?... Со мной что хотите. Я съ радостью куда угодно. Для Бога готовъ всѣмъ отвѣчать... Только вы часовню оставьте, судьи милостивые»... молилъ и тосковалъ безпрестанно, и вслухъ и шепотомъ, осьмидесяти-двухлѣтній старикъ.

Участь подсудимаго можетъ быть, конечно, смягчена милосердіемъ Государя, но это уже выступаетъ изъ сферы общественнаго правосудія. Мы имѣемъ дѣло съ положительнымъ закономъ. Законъ примѣненъ. Судейская совѣсть должна бы быть спокойна. Но судьи очевидно совѣстились, примѣняя законъ. Не совѣстились, смущались и невольно краснѣли посѣтители изъ православныхъ, встрѣчаясь взорами съ присутствовавшими между ними старообрядцами. Да и читателю, навѣрное, вгонитъ краску въ лицо чтеніе о судебномъ засѣданіи. Что же это за правосудіе, котораго и судьи, и публика какъ бы стыдятся? Что же это за законъ, который такъ перечитъ и судейской, и общественной совѣсти? Но, можетъ быть, возразятъ намъ, «такое отношеніе къ настоящему дѣлу суда и публики—это все плоды *западныхъ идей*, *прогресса*, *цивилизаціи;* мало ли что этимъ идеямъ противорѣчитъ!» Хотя, конечно, немного странно видѣть, какъ либеральныя формы судопроизводства, выработаннаго современною европейскою цивилизаціей, служатъ примѣненію закона, котораго нельзя назвать ни либеральнымъ, ни тѣмъ менѣе плодомъ новѣйшей цивилизаціи; хотя всѣ эти пріемы и обряды новаго уголовнаго процесса тѣмъ рѣзче выдаютъ внутреннюю противоположность нашего уголовнаго законодательства о расколѣ съ духомъ, вѣющимъ въ судебной реформѣ,—чѣмъ самые пріемы и обряды человѣчнѣе, милосерднѣе и такъ сказать просвѣщеннѣе,—однако при всемъ томъ возражатели остаются неправы. Посадите на мѣсто судей самыхъ простыхъ русскихъ мѣщанъ или мужиковъ, усердныхъ сыновъ православной церкви,—такихъ, которыхъ ужъ никакъ нельзя заподозрить въ «цивилизаціи», не зараженныхъ «западными идеями», непричастныхъ «прогрессу», и нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ они имѣли право судить по совѣсти, они бы оправдали Петра Ѳедорова, они не нашли бы никакой вины въ томъ, что старообрядецъ строитъ или чинитъ для себя моленную. Можно даже навѣрное сказать, что чѣмъ больше было бы мѣста въ судѣ простонародному воззрѣнію, тѣмъ человѣчнѣе или, пожалуй, «либеральнѣе» были бы рѣшенія по всѣмъ такъ называемымъ въ Уложеніи «преступленіямъ противъ вѣры». Недаромъ Русскій народъ славится вѣротерпимостью, при всей своей преданности православной вѣрѣ...

Такимъ образомъ законъ о раскольническихъ зданіяхъ оказывается противорѣчащимъ не только общественному сознанію (разумѣя подъ

обществомъ одну образованную часть народа), но и народному русскому сознанію (принимая слово «народъ» и въ самомъ тѣсномъ, и въ самомъ широкомъ смыслѣ). И это понятно, потому что этотъ законъ, равно какъ и все уголовное законодательство о расколѣ, находится въ совершенномъ разладѣ не только съ требованіями «цивилизаціи», на которую сослался на судѣ защитникъ крестьянина Өедорова, но и со всѣмъ духомъ христіанскаго вѣроученія. На цивилизацію собственно ссылаться было нечего, во-первыхъ потому, что это слово не выражаетъ никакого опредѣленнаго понятія; требованія цивилизаціи неуловимы, не формулированы, ни въ какой кодексъ не собраны и вообще имѣютъ характеръ истинъ относительныхъ, а не безусловныхъ; во-вторыхъ потому, что страны, къ которымъ мы ходимъ справляться о требованіяхъ цивилизаціи, сами понимаютъ и примѣняютъ ихъ различно: такъ Англія еще недавно признала за католическою церковью права гражданства, да и теперь еще не покончила, а еще собирается покончить съ вопросомъ о католической церкви въ предстоящую сессію парламента; Франція до сихъ поръ не признала, законодательнымъ порядкомъ, гражданскихъ правъ православной церкви (хотя и допускаетъ свободу богослуженія), такъ что русскіе православные священники, въ оффиціальныхъ актахъ меріи, причисляются къ *протестантскому* исповѣданію, какъ оффиціально признанному (см. «День», № 1, 1861 г.). О папѣ, о Римѣ и говорить нечего. Недосягаемо выше всевозможныхъ цивилизацій стоитъ идеалъ христіанскій. Свобода совѣсти, духъ кротости въ обличеніи заблуждающихся, слово,—какъ единственный мечъ, духовный мечъ святой истины, не признающій никакого другаго вещественнаго меча,—примѣръ Христовой и апостольской проповѣди,—вотъ что̀ заповѣдано намъ Новымъ Завѣтомъ, вотъ начала, исключающія всякую мысль о насиліи въ дѣлѣ вѣры, которая есть, по существу своему, самое искреннее, самое свободное дѣйствіе духа въ человѣкѣ. Безъ этой искренности и свободы вѣра не есть вѣра, и все обращается въ ложь. Впрочемъ едвали кто рѣшится доказывать, будто воспрещеніе старообрядцамъ устроивать или чинить молельни даже у себя на дворѣ, даже въ крестьянскихъ избахъ—*согласно* съ духомъ евангельскаго ученія! Если кому и придетъ желаніе оправдывать существующій законъ, то конечно не на основаніи Евангелія, а на основаніи другихъ соображеній и побужденій. Оставимъ покуда этотъ вопросъ въ сторонѣ и поспѣшимъ къ выводу.

Итакъ, вотъ законъ, находящійся въ разладѣ съ общественною совѣстью, съ народными воззрѣніями, съ требованіями цивилизаціи (допустимъ и это), съ духомъ и наставленіями христіанскаго ученія. Есть полное основаніе предполагать, что и само правительство стоитъ выше уровня понятій, выражаемыхъ Раздѣломъ II, статьями 176—218 Уло-

женія о наказаніяхъ. Это свидѣтельствуется отчасти разными циркулярными распоряженіями Министерства внутреннихъ дѣлъ; словами самого раскольника Петра Өедорова, которыми онъ оправдывалъ построеніе часовни: «въ тѣ поры легче стало, не такъ строго взыскивали»; наконецъ общимъ духомъ всѣхъ преобразованій, совершенныхъ въ нынѣшнее царствованіе; самымъ правомъ печати говорить о расколѣ и разоблачать его тайны.

Какимъ же образомъ можетъ держаться законъ, отрицаемый, повидимому, и совѣстью современнаго правительства, и совѣстью всѣхъ классовъ народа? На какомъ началѣ онъ зиждется? Если онъ и возникъ въ прежнее время, при другомъ воззрѣніи правительства на отношеніе раскола къ православной церкви и къ государству, то какимъ образомъ *теперь* не упразднился онъ самъ собою, не вышелъ изъ употребленія? Мы найдемъ отвѣтъ на эти вопросы, если вспомнимъ, что есть область нашей общественной жизни, гдѣ уголовное законодательство «о преступленіяхъ противъ вѣры» находитъ главную себѣ поддержку, — что есть одно «*вѣдомство*», по настоянію котораго почти исключительно вчинаются дѣла, подобныя дѣлу о Петрѣ Өедоровѣ. Это—духовное. Мы вовсе не хотимъ этимъ сказать, чтобы духовныя лица, каждое отдѣльно, одушевлены были духомъ гоненія на иновѣрцевъ или отщепенцевъ отъ православія,—но не можемъ не признать, что именно въ такомъ духѣ сложилось издавна и закрѣпилось обычаемъ, преданіемъ и наконецъ закономъ, отношеніе духовныхъ правителей церкви и духовныхъ пастырей въ нашемъ отечествѣ къ расколу. Корень этой системы дѣйствій кроется въ самомъ понятіи объ отношеніяхъ церкви къ государству, которое возведено въ значеніе меча гражданскаго, оберегающаго миръ и покой церковный. Углубляться въ подробную оцѣнку этого воззрѣнія и всѣхъ его внѣшнихъ проявленій въ нашей исторической жизни мы теперь не станемъ,—это завело бы насъ слишкомъ далеко,—но укажемъ только на ближайшія, осязательныя послѣдствія такой круговой поруки церкви и государства. Тамъ, гдѣ въ постоянномъ ходу, въ дѣлахъ вѣры,—мечъ гражданскій, тамъ естественно упраздняется дѣятельность меча духовнаго. Этимъ объясняется отчасти мертвенность нашей проповѣди. За немногими исключеніями, духовенство наше, къ сожалѣнію, особенно сельское, чуждается миссіонерскаго дѣла, не ищетъ вразумлять раскольниковъ словеснымъ обличеніемъ и разумными доводами, и вмѣсто того, чтобы ограждать православныхъ отъ соблазна утвержденіемъ ихъ въ вѣрѣ, предпочитаетъ прибѣгать къ содѣйствію полиціи, охранять ввѣренную имъ паству отъ духовныхъ «волковъ» жандармами и квартальными. Едва появится въ селѣ какой-нибудь раскольникъ-проповѣдникъ, едва провѣдаетъ православный пресвитеръ про какую-нибудь моленную или часовню, сейчасъ доноситъ по своему начальству и

доводитъ до свѣдѣнія исправника; начальство и полиція идутъ выше, не имѣя права положить доносъ подъ сукно, въ виду положительнаго закона,—и дѣло завязывается. Всѣ эти дѣйствія, мы не споримъ, у большей части духовенства внушены «усердіемъ къ церкви», желаніемъ отдалить «соблазнъ» отъ ихъ паствы, но въ результатѣ они послужили и служатъ только къ усиленію раскола, питая раскольническій фанатизмъ гоненіями, создавая ему мучениковъ, и къ усиленію соблазна между православными. Поступая такимъ образомъ, священники оскорбляютъ религіозное чувство своихъ духовныхъ чадъ, являя имъ примѣръ насилія въ дѣлѣ совѣсти и страхомъ гражданскаго наказанія замѣняя силу духовнаго просвѣщенія и вразумленія. Безъ сомнѣнія, для церковныхъ пастырей несравненно покойнѣе и удобнѣе, чтобы твердость вѣры почивала болѣе на бдительности полиціи, чѣмъ на ихъ служеніи истинѣ духомъ и словомъ; но дѣло въ томъ, что такое явное противорѣчіе и буквѣ и разуму христіанскаго ученія вноситъ ложь и фальшь во всѣ отправленія церковнаго организма, посѣляетъ лицемѣріе, безвѣріе, и разлагаетъ, какъ ядъ, цѣлость церкви.

Такое-то именно воззрѣніе церковныхъ правителей и пастырей на отношеніе церкви къ государству и на огражденіе церковной цѣлости и мира внѣшнимъ, грубымъ насиліемъ, или «мечомъ гражданскимъ», породило обратное отношеніе и государства къ церкви, и создало все то законодательство о преступленіяхъ противъ вѣры, которое, въ настоящую пору, такъ затрудняется примѣнять судъ, котораго такъ стыдится и совѣстится общество, и которое само правительство ищетъ смягчить сверхзаконными, частными мѣрами и негласными административными распоряженіями. Пересмотръ этого законодательства, столь противорѣчащаго той вѣротерпимости, которою такъ по справедливости славится Русскій народъ, становится ощутительно необходимымъ. Таково, по крайней мѣрѣ, наше мнѣніе, основанное на томъ искреннемъ убѣжденіи, что одна лишь свобода совѣсти можетъ возвратить православному сѣмени въ нашемъ народѣ и въ нашемъ обществѣ его плодотворную живительную силу и спасти насъ, какъ отъ заразы чуждыхъ религіозныхъ ученій, отъ безвѣрія, отъ лицемѣрія, отъ религіознаго индифферентизма, такъ и отъ разъѣдающаго духовнаго и умственнаго коснѣнія... Мы, по весьма уважительнымъ и понятнымъ причинамъ, только слегка намекнули на законодательный вопросъ о расколѣ, остерегаясь всего, что̀ могло бы раздражить прикосновенныхъ къ дѣлу,—но мы еще не разъ къ нему возвратимся.

Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива (по поводу дѣла о Данковскихъ крестьянахъ).

«Москвичъ», 8-го февраля 1868 г.

«Нечего на зеркало пенять, коли рожа крива», гласитъ извѣстная русская пословица. Грубость этой народной ироніи соотвѣтствуетъ простотѣ выраженной ею правды. Мы далеки отъ мысли задѣвать чье-либо самолюбіе, но рѣшаемся однако сослаться на эту правду въ разъясненіе тѣхъ недоразумѣній, которыя постоянно возникаютъ между полиціей или администраціей и нашимъ новымъ судомъ. Въ самомъ дѣлѣ, не приходится ли каждому изъ насъ слышать и даже читать, напримѣръ хоть въ «Вѣсти», что наша новая форма правосудія роняетъ достоинство полиціи и вообще власти, убавляетъ уваженія къ администраціи, расшатываетъ основы общественнаго благочинія и благоустройства? Но чѣмъ же виноватъ новый судъ, что, при всякомъ соприкосновеніи съ нимъ полиціи и администраціи, онѣ отражаются въ немъ, какъ въ зеркалѣ, во всей своей истинѣ, со всѣми своими пріемами и порядками? Чѣмъ же онъ виноватъ, за что же пенять на судъ, если таковымъ своимъ собственнымъ отраженіемъ недовольны ни полиція, ни администрація,—да не по нраву оно и обществу? Можно ли ставить въ укоръ судьямъ, что на чистомъ фонѣ законности новаго судопроизводства такъ неумолимо-отчетливо рисуется и выдается произволъ тѣхъ или другихъ административныхъ властей—съ такою безпощадною рѣзкостью оттѣняется грубость полицейской расправы и вся эта безцеремонность полицейскаго отношенія къ личности частныхъ лицъ? Упрекать ли Божій день за то, что, совлекая покровы тьмы, онъ обнажаетъ невольно и дѣла тьмы? Сердиться ли на новый преобразованный строй правосудія—зачѣмъ судебное слѣдствіе бросаетъ лучи свѣта въ самые глухіе закоулки и захолустья административной дѣятельности? Винить ли гласность—зачѣмъ, служа къ славѣ инымъ, она служитъ другимъ и къ позору? Судъ ли подлежитъ отвѣту за то, что квартальный надзиратель N или частный приставъ NN—не могутъ никакими пользами службы и усердіемъ къ порядку прикрыть неврачность своихъ полицейскихъ обычаевъ и нравовъ? Рѣдко доводится читать, чтобы во Франціи или Англіи соприкосновеніе полиціи съ судомъ было такъ для нея невыгодно, какъ въ Россіи, гдѣ отраженіе въ судейскомъ зеркалѣ до такой степени возбуждаетъ полицейскую стыдливость, что она готова была бы разбить и самое зеркало, только бы не смотрѣли въ него ни она, ни другіе...

Не въ этомъ ли главный источникъ нападокъ, которымъ подвергается наша судебная реформа? Воздвигаясь среди обломковъ отчасти разрушившагося, отчасти еще разрушающагося соціальнаго быта, встрѣ-

чаясь лицомъ къ лицу каждый день и каждый часъ со старыми, еще живучими, но уже осужденными на смерть порядками и преданіями,—въ самомъ разгарѣ борьбы между отживающимъ и возрождающимся къ жизни,—нашъ новый судъ, созданный уставами 20 ноября, переживаетъ трудное время. Потребна не малая мудрость, не малая стойкость отъ тѣхъ, кому поручено насажденіе новой правды въ Россіи, для разумнаго ухода за нею,—для того, чтобы не тревожиться зловѣщими криками: объ «унпчиженіи достоинства власти», объ «опасности для общественнаго спокойствія», о «невозможности стройнаго управленія» и пр., и пр., и пр. Мы готовы вѣрить, что люди, управляющіе Министерствомъ юстиціи, стоятъ совершенно въ уровень съ своею высокою и многотрудною задачею, но не можемъ не выразить опасенія, чтобы возгласы администраторовъ и нѣкоторыхъ петербургскихъ *консервативныхъ* публицистовъ не поколебали наконецъ прочности той юридической основы, безъ которой самый судъ не есть судъ... Унпчиженіе достоинства власти! Но развѣ самъ судъ не есть одно изъ отправленій государственной власти и развѣ не въ тысячу кратъ выше прежняго вознеслась, и не въ тысячу кратъ тверже прежняго укрѣпилась новая судебная власть? Развѣ не пріобрѣло наконецъ государство, казалось на вѣкъ уже утраченное, довѣріе къ своему суду? Унпчижено не достоинство власти, но отъ блеска истиннаго достоинства нашего обновленнаго правосудія поблекла и посрамилась мишура прежнихъ административныхъ гарантій спокойствія и порядка. Толкуютъ объ опасности! Опасность дѣйствительно грозитъ, но не общественной тишинѣ и благоустройству, а именно новому суду, который хотятъ сдвинуть съ его юридической основы и поставить на зыбкую почву административныхъ, политическихъ и соціалистическихъ соображеній. Стройное управленіе! Но стройное управленіе не только не несовмѣстно съ новою системой судопроизводства, но только при немъ и возможно, чему доказательствомъ служатъ примѣры всѣхъ странъ, гдѣ эта система существуетъ издавна. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ многіе у насъ желали бы удержать за новымъ судомъ свойство судовъ старыхъ, которыхъ назначеніе, какъ извѣстно, состояло не въ томъ, чтобы творить судъ и правду на независимыхъ, твердыхъ, возможныхъ для человѣческаго правосудія началахъ, а въ томъ, чтобъ узаконять, или вѣрнѣе, давать законную, юридическую отдѣлку административному произволу,—быть услужливымъ выраженіемъ и орудіемъ административныхъ, временныхъ, непрестанно видоизмѣняющихся воззрѣній на правду.

Такой взглядъ на призваніе суда выплылъ недавно на верхъ по поводу извѣстнаго дѣла о крестьянахъ Данковскаго уѣзда, отчетъ о которомъ помѣщенъ въ 19, 20 и 21 №№ нашей газеты. Какъ и слѣдовало ожидать, такой взглядъ нашелъ себѣ истолкователя въ газетѣ

«Вѣсть»... «Люди способные не возмущаться приговоромъ суда по дѣлу о данковскихъ крестьянахъ», такъ выражается «Вѣсть» для означенія самаго негоднаго и презрительнаго, по ея мнѣнію, класса людей. Но есть ли тутъ чѣмъ возмущаться? Посмотримъ.

Крестьяне села Хрущовки Данковскаго уѣзда отказались, по недоразумѣнію, отъ отбыванія одной изъ повинностей своему бывшему помѣщику. Они полагали, что право на ихъ сторонѣ, и что Положеніе 19-го февраля, котораго они не могли прочесть сами по своей неграмотности, рѣшаетъ спорный вопросъ въ ихъ пользу. Не убѣдили ихъ и настоятельныя требованія мѣстныхъ властей. Не повинуясь имъ, исполненные къ нимъ недовѣрія, они рѣшили послать ходоковъ въ Петербургъ, къ той верховной власти, которая, по ихъ вѣрному и глубокому убѣжденію, стоитъ одна превыше всякихъ сословныхъ отношеній и интересовъ. Но административная власть воспретила волостному правленію снабжать ходоковъ паспортами, и ходоки не отправились. Какъ водится, крестьяне собираютъ сходки, толкуютъ, крѣпко держатся другъ за друга, не выдаютъ другъ друга,—и тоже, какъ водится и до сихъ поръ, административная власть вводитъ въ село цѣлую военную рать, окружаетъ крестьянъ солдатами, сѣчетъ на удачу человѣкъ десять, а можетъ и больше (*немного* — говоритъ скромно обвинительный актъ): крестьяне волей-неволей, въ виду такого энергическаго аргумента, уступаютъ, просятъ прощенія, даютъ обязательство отбывать спорную повинность,—порядокъ возстановленъ, повинность отбывается снова, начальство взыскало съ нихъ деньги за 200 прогульныхъ дней,—все тихо и смирно, по старинѣ. Казалось бы, тутъ дѣлу и конецъ. Все это остатки тѣхъ старыхъ, гнусной памяти крѣпостныхъ отношеній, которыя, къ несчастію, еще не вездѣ вполнѣ упразднены и которыя логически влекутъ за собой административную расправу, административное сѣченіе, административное личное усмотрѣніе и произволъ. Но если такая административная расправа вызывается логическою необходимостью, созданною крѣпостными отношеніями, то она, эта расправа, не выдерживаетъ и не способна выдержать никакой юридической критики. Тутъ ни о законѣ, ни о судѣ не можетъ быть и рѣчи, тутъ нѣтъ ничего общаго съ областью юридическаго правосудія,—тутъ разные вѣсы и мѣрила,—тутъ двѣ совершенно различныя точки отправленія, которыя приводятъ къ такимъ различнымъ выводамъ, что *по суду* сѣчь нельзя, а *не по суду* можно. Вполнѣ ли въ предѣлахъ административныхъ постановленій дѣйствовала власть, усмиряя то, что она приняла за *бунтъ*, мы изслѣдовать не станемъ,—мѣстная власть воображала себя въ правѣ такъ дѣйствовать для огражденія тишины и порядка. Но этого ей показалось мало. Ей почему-то угодно было дать юридическую санкцію своему произволу—а можетъ быть она руководство-

валась въ этомъ случаѣ примѣромъ прежнихъ порядковъ, гдѣ обыкновенно кончикъ, la pointe, такой административной энергіи завострялся судебнымъ приговоромъ. Такъ или иначе, но послѣ сѣченія, давшаго столь выгодные для администраціи результаты, мѣстная администрація заарестовала 54-хъ крестьянъ и предала суду. Пока тянулось слѣдствіе и пока дѣло, послѣ разныхъ мытарствъ, дошло до судебнаго разсмотрѣнія, прошло *полтора года,* въ теченіе которыхъ одинъ изъ крестьянъ, какъ зачинщикъ, продолжалъ томиться въ тюрьмѣ; прочіе же были выпущены на поруки. На несчастье администраціи, въ этотъ періодъ времени, судебное преобразованіе коснулось и Рязанской губерніи, и дѣло о данковскихъ крестьянахъ было разсматриваемо уже по правиламъ судебныхъ уставовъ 20 Ноября.

Представьте же себѣ, читатель, эту встрѣчу новыхъ формъ правосудія съ тѣмъ административнымъ порядкомъ, который изображенъ нами выше. Долженъ ли былъ судъ, отказавшись отъ своего призванія, отъ своей юридической точки зрѣнія, единственно для него возможной и обязательной,—стать на точку зрѣнія административную, и отзывъ или мнѣніе администраціи принять какъ бы за приговоръ присяжныхъ, за достаточное основаніе къ наложенію наказанія? Не онъ виноватъ, что администраціи вздумалось отдать ему на юридическую повѣрку свою административную оцѣнку фактовъ и выставить свои административные пріемы и дѣйствія во всей ихъ наготѣ, столь невзрачной при свѣтѣ гласности, столь неприличной въ стѣнахъ судилища... Не онъ виноватъ, что ему, по его обязанности, пришлось изыскивать вѣрныхъ и точныхъ доказательствъ тамъ, гдѣ о доказательствахъ, особенно же юридическаго свойства, не въ обычаѣ заботиться; не онъ виноватъ, что уставъ 20 Ноября даетъ защитника подсудимымъ, даже крестьянамъ, даже такого званія, которымъ, по административнымъ преданіямъ, не дозволяется, обыкновенно, молвить слово въ свою защиту, а приказывается, ради достоинства и обаянія власти, только «молчать» и «молчать». Наконецъ, нельзя же винить судъ и въ томъ, что даже самаго ничтожнаго наказанія не можетъ онъ, по закону, наложить безъ достаточныхъ юридическихъ данныхъ, даже и такимъ людямъ, которыхъ, напротивъ, администрація позволяетъ себѣ сѣчь безъ суда, безъ изслѣдованія, безъ допроса... Въ самомъ дѣлѣ, крестьянъ предаютъ суду, какъ за *бунтъ*, какъ виновныхъ въ такомъ преступленіи, за которое слѣдуетъ ссылка въ каторгу на рудники, до 20 лѣтъ. Но можетъ ли судъ не взять во вниманіе, что тутъ не было никакого *возстанія,* о которомъ упоминается въ статьѣ Уложенія, приведенной обвинительнымъ актомъ; что сопротивленіе крестьянъ происходило не просто изъ желанія не слушаться власти, не изъ злаго умысла, не изъ политическихъ или тому подобныхъ причинъ, но изъ недоразумѣнія, изъ глу-

боко вкоренившейся мысли, что самый законъ на ихъ сторонѣ: это доказывалось намѣреніемъ ихъ послать ходоковъ, т. е. узнать правду о законѣ отъ самой законодательной власти. Крестьяне, утверждаетъ административная власть, сопротивлялись вооруженною рукой... Не обязанъ ли былъ судъ изслѣдовать, что̀ это за вооруженіе, точно ли оно можетъ быть названо вооруженіемъ, вѣрно ли это названіе, составляющее такое важное, отягчающее вину обстоятельство, было ли употреблено въ дѣло это вооруженіе? Не долженъ ли былъ судъ, наконецъ, ради вѣрнѣйшей оцѣнки какъ мѣры упорства, такъ и степени искренности въ сопротивленіи, дознать во всей точности: были ли употреблены административною властью всѣ надлежащіе способы увѣщанія и вразумленія? Административная власть продержала одного изъ подсудимыхъ полтора года въ острогѣ, и предавъ суду цѣлую толпу крестьянъ, подвергла ихъ разорительнымъ отлучкамъ для спросовъ при слѣдствіи и судѣ,—и все ради того, что они зачинщики. Но судъ не смѣетъ судить людей гуртомъ; для него они не просто выхваченная на образецъ часть бунтовщиковъ: для него это Филиппъ Матвѣевъ, Сидоръ Карповъ, Андрей Пахомовъ,—онъ судитъ каждаго отдѣльно и для обвиненія каждаго изъ нихъ отдѣльно необходима полнота уликъ и доказательствъ. Судъ *не смѣетъ* основываться въ своемъ сужденіи на личныхъ мнѣніяхъ и соображеніяхъ становаго пристава или инаго представителя администраціи: такой представитель предъ судомъ только свидѣтель, и если его показаніе основано на догадкахъ и умозаключеніяхъ, а не есть свидѣтельство очевидца, то оно не имѣетъ никакой юридической силы. Судъ нарушилъ бы свою обязанность, еслибы не примѣнилъ къ дѣлу о данковскихъ крестьянахъ всѣхъ требованій закона, еслибы отступилъ отъ нихъ хотя на волосъ, ради административныхъ и иныхъ соображеній. И данковскіе судьи поступили честно: они сохранили достоинство новаго суда — праваго и милостиваго, и водворили въ крестьянскомъ населеніи вѣру въ силу и независимость высшаго государственнаго правосудія, установленнаго тою верховною властью, которой крестьяне не переставали повиноваться и на которую не переставали уповать во дни самой лихой своей невзгоды.

Нельзя, однако, отрицать, что весь этотъ уголовный процессъ былъ не совсѣмъ выгоденъ для авторитета мѣстной земской полиціи и вообще мѣстной администраціи. Ея положеніе было весьма неловко и для нея совершенно ново, особенно когда ей приходилось доказывать то, что̀ она доказывать не только не обыкла, но и считала съ достоинствомъ своимъ несовмѣстнымъ. Она не могла не испытывать нѣкотораго смущенія, призванная отдавать отчетъ въ безотчетно-произвольныхъ дѣйствіяхъ,— вынужденная сознаваться въ несостоятельности или неточности своихъ соображеній, или повѣствовать объ административной энергіи или «пор-

кѣ» (да исчезнетъ съ лица русской печати и Русской земли этотъ циническій административный терминъ!). Мы вовсе не принадлежимъ къ числу тѣхъ, которые бы желали умалить значеніе полиціи и администраціи въ государствѣ и ослабить подобающее имъ уваженіе. Мы искренно сожалѣемъ о всякомъ *скандалѣ*, который выпадаетъ на долю нашей полиціи,—чѣмъ такъ богаты, къ прискорбію, наши новѣйшія судебныя лѣтописи. Но этотъ скандалъ неминуемъ до тѣхъ поръ, пока въ соотвѣтствіе судебной реформѣ не произведена будетъ реформа и въ нашихъ полицейскихъ и административныхъ нравахъ, пока не утвердится уваженіе къ полиціи и къ администраціи на иныхъ, прочныхъ основахъ, пока не прекратится эта безцеремонность обращенія съ человѣческою личностью, которая даетъ безнаказанную возможность администраціи засадить крестьянина на полтора года въ тюрьму безъ всякихъ достаточныхъ основаній, или продержать людей въ такъ называемой «кутузкѣ», при полицейской части, за слишкомъ усердное хлопанье артисткѣ г-жѣ Оноре... Пока не совершится этихъ желаемыхъ перемѣнъ, до тѣхъ поръ всякое столкновеніе съ новымъ гласнымъ судомъ будетъ не къ «авантажу» полицейскихъ и административныхъ властей, и уже потому одному не къ авантажу, что въ новомъ судѣ, какъ въ зеркалѣ, отразится, безъ всякихъ подбавочныхъ обличеній, сама собою вся красота ихъ расправы. За что́ же пенять на зеркало, и не лучше ли припомнить пословицу, приведенную нами выше?..

Что же касается до дѣла о молодыхъ людяхъ, хлопавшихъ въ театрѣ (отчетъ объ этомъ дѣлѣ помѣщается нами ниже), то рѣшеніе мироваго судьи не даетъ, кажется, на сей разъ никакого повода полиціи сѣтовать на мировой институтъ. Въ этомъ дѣлѣ не знаешь, чему болѣе удивляться: рѣшенію ли мироваго судьи, или притязаніямъ и поступкамъ полиціи. Мы говоримъ—притязаніямъ, потому что тутъ на первый планъ выступаютъ именно притязанія полиціи опредѣлить мѣру аплодисментовъ и наблюдать за тѣмъ, чтобы представленіе не замедлялось. Любопытно бы знать, чѣмъ руководствуется московская полиція при такихъ соображеніяхъ? Сколько разъ, напримѣръ, дозволительно *вызывать* артистовъ,—а извѣстно, что ничто такъ не замедляетъ представленія, какъ вызовъ. Надняхъ мы прочли въ «Journal de St.-Pétersbourg», при описаніи спектакля въ какомъ-то петербургскомъ театрѣ, что пѣвицу (едвали не г-жу Лукка) вызывали 12 разъ, что ее осыпали не только апплодисментами, но и букетами. Это уже верхъ безчинства! За такой поступокъ слѣдовало бы петербургской полиціи, подражая московской, отвести всю оперную публику прямо изъ театра, во фракахъ, мундирахъ и бѣлыхъ перчаткахъ, на съѣзжую и засадить въ «сибирку» или «кутузку», какъ выражаются оффиціально здѣсь въ Москвѣ. Достойно замѣчанія, что молодые люди, такъ горячо восхищавшіеся опе-

рою «Жизнь за Царя» (кажется, также не возмутительнаго содержанія) и пѣніемъ г-жи Оноре въ роли Вани, даже ни въ какихъ другихъ безпорядкахъ, кромѣ слишкомъ усерднаго и продолжительнаго апплодированья, и не обвиняются. Еще достойнѣе замѣчанія, что полиція (если ужъ дѣйствительно она не считала себя въ правѣ допускать излишняго одобренія таланту г-жи Оноре) не попыталась сначала остановить юный пылъ замѣчаніемъ и предостереженіемъ. Еще болѣе достойно замѣчанія, что, рѣшившись удалить ихъ изъ театра, она не ограничилась тѣмъ, что вывела молодыхъ людей изъ литерной ложи и изъ 5 яруса до окончанія спектакля, но сочла нужнымъ заключить ихъ въ «кутузку». Не менѣе достойно замѣчанія, что это заключеніе въ кутузку, которое по закону составляетъ одинъ изъ видовъ наказанія, произведено вовсе не въ видѣ наказанія, а такъ, ради того, чтобы не розыскивать ихъ мѣстожительства позднимъ вечеромъ и не составлять тотчасъ же полицейскаго обвинительнаго акта. Между тѣмъ всѣ эти молодые люди не только не сопротивлялись при арестованіи, не только объявили тотчасъ свои имена и адресы квартиръ, но не подавали повода полиціи причислять ихъ къ бездомнымъ бродягамъ. Но удивительнѣе всего, что послѣ такого цѣлаго ряда дѣйствій, полиціи захотѣлось еще предать ихъ суду! Невыразимо странное совокупленіе произвольнаго ареста, лишенія свободы, заключенія въ «кутузку» и просвѣщенныхъ формъ новаго мироваго суда!.. Къ счастію для полиціи, мировой судъ оправдалъ на сей разъ ея ожиданія и, признаемся, обманулъ наши. Не принявъ въ соображеніе ни заточенія молодыхъ людей въ «кутузкѣ», ни отсутствія обвиненія въ какихъ бы то ни было безпорядкахъ, о коихъ говорится въ приведенныхъ судьею статьяхъ закона,—побуждаемый, вѣроятно, желаніемъ поддержать авторитетъ полицейской власти (le prestige du pouvoir!),—мировой судья приговорилъ ихъ къ значительному относительно вины денежному штрафу,—въ такомъ однакожъ размѣрѣ, который не даетъ имъ права аппеллировать на его рѣшеніе. Но каковъ бы ни былъ приговоръ судьи, и его приговоръ и дѣйствія полиціи предстоятъ теперь, благодаря гласности судопроизводства, суду общественному, который, конечно, выскажется не въ ихъ пользу и нисколько не будетъ содѣйствовать усиленію авторитета и достоинства полицейской расправы. Кто же въ этомъ виноватъ?

О формулѣ присяги по Своду Законовъ.

«Русь», 6-го ноября 1882 г.

Въ помѣщенныхъ ниже «Замѣткахъ присяжнаго засѣдателя» находится очень вѣрное и полезное указаніе. Оно тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, что принадлежитъ человѣку близкому къ народу и вышедшему изъ народа, выражаетъ не личное только, но народное мнѣніе, которое въ томъ важномъ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь, должно бы, казалось, быть принято въ соображеніе. А рѣчь идетъ о присягѣ, не только судебной, т. е. той, которую приносятъ публично предъ судомъ присяжные засѣдатели и свидѣтели, но и о присягѣ за вѣрноподданство. Г. Морокинъ, впрочемъ, нисколько не касается вопроса о присягѣ вообще, или, какъ принято у насъ говорить, «въ принципѣ», да и мы съ этой стороны подробно разсматривать его не намѣрены. Присяга на судѣ представляется автору «Замѣтокъ» практически полезнымъ и даже необходимымъ нравственнымъ понужденіемъ къ нелицепріятному рѣшенію и къ правому свидѣтельству. Дѣйствительно, судъ—не механическій снарядъ, котораго всѣ дѣйствія могутъ быть разсчитаны и установлены съ математическою точностью. Не только судъ, но и весь наружный формальный строй гражданскаго общежитія стоитъ на нравственномъ грунтѣ, «на вѣрѣ», т. е. на взаимномъ довѣріи, на личномъ свободномъ, руководимомъ совѣстью соизволеніи: разрыхлѣй этотъ грунтъ, огрубѣй совѣсть, — никакими насильственными и искусственными мѣрами не удержится въ цѣлости государственное зданіе, никакою внѣшнею правдою не возмѣстишь правду внутреннюю. Понятны, поэтому, въ торжественныхъ случаяхъ гражданской жизни, особенно при немощности формальнаго правосудія, такое обращеніе къ личной человѣческой совѣсти, такой призывъ ея къ содѣйствію и такое гласное ея отвѣтное заявленіе о согласіи, какія выражаются актомъ присяги. Полезно и необходимо, — особенно тамъ, гдѣ люди исповѣдуютъ Бога, признаютъ себя сынами Свѣта и Истины и совѣсть свою непосредственнымъ органомъ божественной правды, закономъ, самимъ Богомъ начертаннымъ на сердцахъ, — полезно и необходимо бываетъ будить въ человѣкѣ совѣсть, нерѣдко дремлющую по слабости человѣческой, ставить его или, вѣрнѣе сказать, его свободную волю, лицомъ къ лицу съ совѣстью, вводить его въ то, сокровенное въ глубинѣ души, святилище, гдѣ уже не власть гражданская, а самъ Богъ входитъ съ нимъ въ судъ, гдѣ не начальствамъ, не безсильному правосудію земному, а всевидящему и всезнающему правосудію Божію даетъ онъ отвѣтъ. Это не внѣшняя гарантія, а чисто нравственная, свидѣтельствующая, напротивъ, о недостаточности внѣш-

нихъ гарантій. Безъ такого обращенія къ совѣсти и торжественнаго обѣта руководиться совѣстью, очень многіе изъ свидѣтелей, по словамъ А. Ѳ. Морокина, не высказали бы правды на судѣ. Всякій знаетъ, какъ серьезно, какъ благоговѣйно относится Русскій народъ къ присягѣ. Намъ случалось въ жизни не разъ видѣть приведеніе къ присягѣ крестьянъ, вновь принятыхъ на военную службу. Гдѣ бы ни исполнялось это дѣйствіе,—хотя бы въ бѣдной сельской церкви, при посредствѣ вовсе ужъ не сановитаго сельскаго священника, хотя бы въ присутствіи развязныхъ офицеровъ съ «интеллигентнымъ» равнодушіемъ или высокомѣріемъ отбывавшихъ эту церемоніальную повинность,—вездѣ и всюду, всякій разъ, благоговѣніе самихъ присягающихъ, эта ихъ напряженность вниманія, этотъ актъ сознательнаго соизволенія, этотъ не только внѣшній, но и видимо-тайный совершаемый ими договоръ съ Богомъ, договоръ на жизнь и смерть, который сейчасъ же, по выходѣ изъ церкви, присягнувшіе способны и готовы запечатлѣть подвигами безпредѣльнаго самоотверженія,—все это подъ конецъ «церемоніи» сообщало ей такую торжественность, которая невольно покоряла себѣ души всѣхъ присутствующихъ зрителей безъ различія. Но именно потому, что такъ относится къ присягѣ нашъ вѣрующій народъ, и не должна она быть обращаема въ простую формальность, не должна повторяться слишкомъ часто, безъ особенной надобности,—становиться «за обычай». Она должна, напротивъ, быть всегда дѣломъ чрезвычайнымъ, торжественнымъ испытаніемъ души, а не исполненіемъ какого-то гражданскаго, хотя бы и важнаго обряда, который, если разъ къ нему привыкнуть, перестаетъ оказывать на душу всякое дѣйствіе. Между тѣмъ именно такое, можно сказать, злоупотребленіе присягою и творится на нашихъ судахъ, по справедливому замѣчанію А. Ѳ. Морокина.

Присяжные засѣдатели призываются къ присягѣ, т. е. произносятъ ее, клянутся, цѣлуютъ Крестъ и Евангеліе предъ приступомъ къ судебному разбирательству *каждаго* дѣла, такъ что, если дѣла не сложны и разбирательство идетъ быстро,—присяга принимается столько разъ въ одно засѣданіе, сколько успѣетъ судъ рѣшить дѣлъ, иногда четыре и даже пять разъ въ одинъ день! Кромѣ того приводятся къ присягѣ и свидѣтели—новые, или не спрошенные подъ присягой на предварительномъ слѣдствіи, причемъ всякій разъ, когда совершается это дѣйствіе, всѣ присутствующіе и вся публика встаютъ и до окончанія его пребываютъ стоя. При частомъ повтореніи такая процедура становится утомительною и подъ конецъ вызываетъ въ большей части посѣтителей суда небрежное, неприличное къ себѣ отношеніе. Но имя Божіе не должно произноситься всуе. Профанаціи священныхъ словъ и обрядовъ слѣдуетъ всемѣрно избѣгать, и мы полагаемъ вмѣстѣ съ авторомъ «Замѣтокъ», что было бы совершенно достаточно приводить присяжныхъ

засѣдателей къ присягѣ единожды на всю сессію, при ея началѣ. Можно было бы, кажется, и свидѣтелямъ, вызваннымъ къ судебному слѣдствію, предлагать присягу при первой же перекличкѣ... Указаніе г. Морокина вполнѣ совпадаетъ съ дошедшими къ намъ свѣдѣніями изъ провинціи. Тамъ также стали замѣчать, что присяга начинаетъ терять свое значеніе въ народѣ какъ торжественный, необычайный обрядъ, свидѣтельствующій о внутреннемъ душевномъ обѣтѣ, и такой упадокъ значенія объясняютъ также слишкомъ зачастую совершающимся повтореніемъ присяги на судѣ—не только въ Окружномъ, въ его важной, церемоніальной обстановкѣ, и у мировыхъ судей и у судебныхъ слѣдователей.

Не менѣе—если не болѣе—представляетъ важности и самая наша формула присяги, такъ рѣзко противорѣчащая прямому, положительному запрету Евангелія клясться не только именемъ Божіимъ, но и небомъ и землею,—вообще всѣмъ тѣмъ, что̀ отъ человѣка не зависитъ, состоитъ въ волѣ Божіей, а не человѣческой. Прежнія, старинныя формы нашихъ крестоцѣловальныхъ записей не заключали въ себѣ такой оскорбительной для чувства вѣрующихъ клятвы. Наши предки только «цѣловали Крестъ» на томъ-то и томъ-то; иначе—запечатлѣвали искренность своего обѣта цѣлованіемъ Св. Креста. Но Петръ Великій, въ своемъ рьяномъ пристрастіи къ гражданскимъ обычаямъ и формамъ тогдашней Европы, заимствуя, безъ критики, все годное и негодное, не разбирая, что̀ живуче и предназначено къ жизни, и что̀ уже отживаетъ, осуждено на быстрое исчезновеніе, паче же всего чуждый сколько-нибудь почтительнаго отношенія къ завѣтнымъ преданіямъ, къ нравственнымъ требованіямъ своего роднаго народа, ввелъ въ Россію *шведскую*, если не ошибаемся, формулу присяги. Она начинается, какъ извѣстно, такъ: «Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ»... Чуть уже не двѣсти лѣтъ употребляется она (съ малыми измѣненіями въ остальной редакціи), но и двѣсти лѣтъ употребленія не могутъ мѣшать ей оскорблять и доселѣ, по прежнему, слухъ вѣрующаго народа, хотя, конечно, благодаря великому его здравомыслію, не помѣшали и не мѣшаютъ ему признавать для себя присягу, даже и въ этой, не сочувственной ему формѣ, вполнѣ обязательною. Нашъ народъ лютъ въ терпѣніи, способенъ перетерпѣть вѣка, не отрекаясь отъ своихъ чаяній и идеаловъ. Но не слѣдуетъ забывать, что у насъ въ Россіи —нѣсколько милліоновъ старообрядцевъ,— людей по преимуществу крѣпкаго закала, и у которыхъ пристрастіе къ буквѣ и формѣ церковныхъ обрядовъ до Никоновскаго исправленія богослужебныхъ книгъ получило, съ гражданскими, церковными и бытовыми *новшествами* Петра, не малоцѣнное для себя оправданіе и питаніе. Если неграмотный православный людъ мало вникаетъ въ *текстъ*, въ букву присяги, довольствуясь вполнѣ до-

ступнымъ его пониманію общимъ ея значеніемъ какъ сознательнаго обѣта, даваемаго предъ лицомъ самого Господа,—то, напротивъ того, буква и форма обряда присяги имѣютъ для массы старообрядческаго народа первостепенное значеніе.

Вслѣдъ за событіемъ 1 марта, когда объятый горемъ и ужасомъ народъ спѣшилъ, въ отвѣтъ преступному посягательству на самую основу русскаго державнаго строя, дать торжественное свидѣтельство о своей несокрушимой вѣрности этому строю, торопился присягать и подписывать присяжные листы,—посѣтили насъ нѣсколько почтенныхъ лицъ, стоящихъ во главѣ московской старообрядческой, такъ называемой безпоповщинской общины. Извѣстно, что безпоповщинцы строже, радикальнѣе, послѣдовательнѣе въ своихъ теоретическихъ и практическихъ выводахъ, чѣмъ старообрядцы поповщинскаго согласія, все же пріемлющіе бѣглое священство и пользующіеся, хотя и контрабандною, епископскою благодатью отъ отвергаемой ими православной церкви. Безпоповщинцы рѣдко идутъ на какія-либо сдѣлки, аттестуются обыкновенно въ оффиціальныхъ отчетахъ яко бы «упорные», «злые раскольники»,—но тѣмъ не менѣе, какъ истинные русскіе люди, сыны того же Русскаго народа, чьимъ духомъ созиждено и стоитъ Русское государство, они не захотѣли послѣ 1 марта оставить съ своей стороны безъ протеста злостный вызовъ, брошенный въ лицо всему народу. Они рѣшили на этотъ разъ отложить въ сторону свое съ остальными братіями церковное разногласіе, и, какъ ни претила имъ формула присяги, преподанная приложеніемъ къ 34 статьѣ I тома Св. Росс. Законовъ, они, хотя и съ зазрѣніемъ совѣсти, приложили свои руки къ печатнымъ присяжнымъ листамъ. Эта добровольная жертва преданности и любви къ русскому монархическому принципу едвали даже была кѣмъ-нибудь замѣчена и оцѣнена въ нашихъ правящихъ сферахъ,—но не въ томъ и дѣло. Упомянутые старообрядцы, сообщая намъ о своихъ колебаніяхъ, недоумѣніяхъ и о своемъ рѣшеніи, выразили при этомъ мысль, вѣрнѣе сказать — дали практическое указаніе, какимъ образомъ можно было бы измѣнить формулу присяги такимъ образомъ, чтобъ она годилась для всѣхъ русскихъ православныхъ, новаго или стараго обряда безразлично, не насилуя ничьей совѣсти. Развязка недоумѣній оказалась до такой степени простою, что можно было только подивиться, какъ она до сихъ поръ не пришла никому въ голову. Именно, слова: «Обѣщаюсь и клянусь Всемогущимъ Богомъ» замѣнить словами: «Обѣщаюсь и клянусь *предъ* Всемогущимъ Богомъ», — значитъ: вставить только одинъ предлогъ *предъ*. И дѣйствительно, эта повидимому незначительная вставка все исправляетъ и все измѣняетъ. Мы съ своей стороны тотчасъ же сообщили это указаніе нѣкоторымъ представителямъ власти; намъ казалось, что за такое указаніе слѣдовало ухватиться поспѣшно обѣими ру-

ками, обрадоваться такому легкому и удобному способу разрѣшить смущеніе совѣсти въ цѣлыхъ массахъ воистину вѣрнаго населенія, снять гнетъ съ милліоновъ русскихъ богобоязненныхъ душъ... Но намъ отвѣчали—и не безъ основанія—что дѣло это не такъ просто, что формула присяги вошла въ Сводъ Законовъ и можетъ быть измѣнена не иначе какъ законодательнымъ же порядкомъ, и что теперь пока не время этимъ заниматься. Съ тѣхъ поръ прошло уже полтора года; въ настоящую пору собственно къ присягѣ на вѣрноподданство приходится приводить уже рѣдко, въ одиночныхъ случаяхъ; тѣмъ не менѣе,—такъ какъ формула присяги, употребляемая въ судахъ, начинается тѣми же самыми клятвенными словами, — неудобство для совѣсти вѣрующихъ остается все то же, и потребность въ измѣненіи формулы клятвы, хотя бы простою вставкою слова *предъ*, ощущается съ прежнею живостью. О томъ смущеніи, которое производитъ въ душѣ милліоновъ русскихъ людей это «клянусь Всемогущимъ Богомъ», имѣемъ мы теперь новое подтвержденіе въ «Замѣткахъ» А. Ѳ. Морокина. Не пора ли наконецъ отречься отъ шведскаго образца ради русской народной совѣсти и въ видахъ тѣснѣйшаго и плодотворнѣйшаго скрѣпленія ея союза съ Русскимъ государствомъ? не пора ли — соотвѣтственнымъ измѣненіемъ начальнаго текста присяги уважить заповѣдь Господню, сердечное желаніе Русскаго народа и наконецъ даже требованіе здраваго смысла?

О задачахъ коммиссіи, учрежденной для составленія проекта новаго гражданскаго уложенія.

«Русь», 27-го ноября 1882 г.

Въ числѣ многихъ коммиссій, тамъ, на рубежѣ нашего отечества, въ канцелярской сѣни разныхъ вѣдомствъ, исподоволь подготовляющихъ для Россіи рядъ законодательныхъ нечаянностей, состоитъ и коммиссія для пересмотра Х-го тома Свода Законовъ или для составленія проекта новаго Гражданскаго Уложенія. Х-й томъ, какъ извѣстно, кромѣ законовъ о судопроизводствѣ и гражданскихъ взысканіяхъ, заключаетъ въ себѣ весь циклъ частнаго русскаго гражданскаго права, опредѣляетъ и узаконяетъ юридическую сторону отношеній человѣка къ семьѣ и къ имуществу, установляетъ виды и формы владѣнія, перехода имуществъ (напр. по наслѣдству, по завѣщанію, по дару, покупкѣ и продажѣ и т. д.), временнаго отчужденія имуществъ и личныхъ правъ (напр. по найму, въ силу договора) и проч. и проч. Однимъ словомъ— это нашъ дѣйствующій русскій гражданскій кодексъ. Никакая область законодательства не облегаетъ такъ тѣсно всѣ отправленія частной

жизни, не проникаетъ такъ глубоко во всѣ изгибы личнаго, а потому и общественнаго бытія, не оказываетъ такого воздѣйствія на нравственный, экономическій и соціальный строй человѣческаго общежитія, какъ именно область гражданская. Весь ея смыслъ, ея душу — составляетъ именно непосредственная связь съ жизнью и бытомъ, а потому и сама она, первоначально, есть не болѣе какъ отраженіе правоваго міросозерцанія данной страны, какъ записанный, отвержденный, приведенный въ систему, кодифицированный народный обычай. Но разъ этотъ правовой обычай сошелъ съ живой зыбкой почвы, отвлекся отъ жизни и ея случайностей, кристаллизовался и обратился въ формальный законъ, — законъ становится внѣшнею силою, въ свою очередь властительно подчиняетъ себѣ (не только духу, но и буквѣ своей) самую жизнь, направляетъ ея ходъ и развитіе — до тѣхъ поръ, пока жизнь не переростетъ наложенныхъ на нее рамокъ, не станетъ съ закономъ въ противорѣчіе, не выработаетъ новыхъ правовыхъ воззрѣній и обычаевъ, и не почувствуетъ нужды дать и этимъ обычаямъ и воззрѣніямъ, взамѣнъ старыхъ, формулу точнаго закона. Тогда возникаетъ потребность въ пересмотрѣ, въ измѣненіи законодательства, въ новомъ *согласованіи его съ жизнью*, ради сохраненія съ нею непосредственной *органической связи*.

Понятна, поэтому, великая, неизмѣримо великая важность предпринятаго пересмотра гражданскаго уложенія у насъ. Потребность въ такомъ пересмотрѣ не можетъ подлежать и сомнѣнію. Но само собою разумѣется, что и у насъ этотъ пересмотръ не для того же предпринимается, чтобы открыть поприще личнымъ теоретическимъ умозрѣніямъ ученыхъ цивилистовъ, а чтобы открыть доступъ новымъ явленіямъ русской дѣйствительности; не соглашеніе русскихъ законовъ съ «новѣйшими требованіями науки» или съ лучшими иностранными законодательными образцами—имѣетъ или долженъ имѣть въ виду этотъ пересмотръ, а новое соглашеніе ихъ именно съ русскою жизнью. Здѣсь было бы совершенно неумѣстно доходить «собственнымъ умомъ» до отвлеченныхъ юридическихъ понятій и отношеній; здѣсь прежде всего необходимо соблюсти ту непосредственную органическую связь между законодательствомъ и жизнью, о которой мы говорили выше. Менѣе всего требуется знаніе Наполеонова Кодекса (Code Napoléon, къ которому, говорятъ, нѣкоторые петербургскіе высокопоставленные юристы испытываютъ «влеченье—родъ недуга») или же иныхъ чужестранныхъ законодательствъ, а болѣе всего знаніе и главное —*разумѣніе* какъ исторіи русскаго дѣйствующаго гражданскаго права, такъ, въ особенности, настоящаго, неписаннаго юридическаго обычая и воззрѣнія—не въ иностранномъ, а въ *нашемъ*, Русскомъ народѣ.

Задача пересмотра стараго и составленія новаго гражданскаго уло-

женія нигдѣ никогда не легка, но въ Россіи она представляетъ совершенно особенныя трудности, едвали даже одолимыя,—во всякомъ случаѣ трудно одолимыя *теперь*, при современномъ состояніи русскаго знанія Русской земли, при томъ нравственномъ и умственномъ разъединеніи съ Русскимъ народомъ, которое, къ сожалѣнію, такъ упорно и подчасъ такъ рѣзко сказывается даже и въ настоящую пору у большинства русской интеллигенціи. Объ этихъ трудностяхъ мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ.

X-й томъ Свода Законовъ или наше дѣйствующее «гражданское право» зиждется на почвѣ вполнѣ исторической. Это почти единственная отрасль нашего законодательства, которая перешла къ намъ изъ до-Петровской эпохи и наиболѣе избѣгла ломки, произвольныхъ сочиненій и случайныхъ заимствованій изъ Западной Европы, такъ обильно и безостановочно практиковавшихся въ Россіи со временъ «Преобразователя». Что̀ бы ни говорили о реформахъ Петра Великаго, но несомнѣнно одно, что онѣ все еще не утратили своего характера *реформы* и не вошли въ плоть и кровь русскаго общественнаго организма до степени полной ассимиляціи. Всѣ онѣ, такъ сказать, еще подъ вопросомъ или подлежатъ вопросу; до сихъ поръ мы о нихъ еще споримъ и препираемся, и эти споры, эти препирательства никому не кажутся праздными и безплодными. Преобразовательный *процессъ*, начавшійся съ эпохою Петра, еще не законченъ; сорвавъ съ себя старую одежду, мы все еще продолжаемъ примѣривать платья, бросая одно за другимъ. Двинувшись въ путь, мы вотъ уже почти два вѣка все еще бродимъ: думается иногда, что вотъ-вотъ добираемся мы до дому, до постояннаго пристанища: глядишь—это только станція! Скажутъ: это общій «законъ природы», это-то и называется прогрессомъ. Но поступательное движеніе общества впередъ не лишаетъ его чувства осѣдлости и нормальной жизни; мы же какъ будто еще не живемъ, а только все собираемся жить! Вотъ почему на новомъ законодательствѣ нашемъ, не только Петра, но и отъ Петра до послѣдней поры (за исключеніемъ, конечно, нѣкоторыхъ отдѣльныхъ узаконеній) лежитъ неизгладимая печать чего-то чужаго, взятаго *на прокатъ*. Двѣсти лѣтъ, напримѣръ, безъ малаго, существуетъ *табель о рангахъ*, и въ двѣсти лѣтъ не усвоилась она общенародному сознанію, все до сихъ поръ звучитъ и торчитъ въ нашей жизни переводомъ съ нѣмецкаго, глядитъ какимъ-то *аплике*, а не настоящимъ, цѣльнымъ благороднымъ металломъ, да и аплике-то совсѣмъ истершимся! Болѣе полутораста лѣтъ существуетъ въ Россіи Святѣйшій Синодъ, но и въ этотъ продолжительный періодъ времени ему не удалось пріобрѣсти той всезнаемости, того свободнаго всенароднаго авторитета, которымъ пользовался, напримѣръ, патріархатъ съ перваго же года своего учрежденія. Примѣровъ можно было бы подо-

брать великое множество. Признаемъ однако нужнымъ оговориться,— въ предупрежденіе поспѣшныхъ и лживыхъ выводовъ, на которые такъ падко недомысліе нашихъ противниковъ, — что мы вовсе не проповѣдуемъ безусловнаго возвращенія нашего законодательства ко *всѣмъ* юридическимъ формамъ и нормамъ до-Петровской Руси. Многое изъ того, что уничтожено, уничтожилось безвозвратно, потому что уже въ самомъ себѣ осуждено было на смерть (хоть бы, напримѣръ, крѣпостное право); но многое, даже бо̀льшая часть того, что̀ введено къ намъ законодательствомъ въ послѣдніе два вѣка, живетъ у насъ такъ сказать только механически, а не органически, лишено внутреннихъ условій бытія, держится внѣшнею только силою наперекоръ жизни. Конечно, не объ освобожденіи крестьянъ съ землею ведемъ мы здѣсь рѣчь: мы уже имѣли случай довольно пространно объяснить его значеніе и органическую связь со всѣмъ историческимъ процессомъ нашего земскаго сложенія, идущимъ изъ до-Петровской Руси (см. 1 № «Руси» 1880 года). Но и этотъ великій актъ не лишенъ приправъ, носящихъ печать новѣйшаго времени, чужеродныхъ и дѣйствующихъ разлагающимъ образомъ на русскій народный строй (какъ напримѣръ, начало *выкупа*, регламентація крестьянскаго исконнаго самоуправленія и пр.). Сила жизненнаго *творчества*, очевидно, еще отсутствуетъ въ нашемъ современномъ законодательствѣ, и не столько отъ внѣшнихъ способовъ изданія законовъ (хотя и это имѣетъ свою важность), сколько отъ различія, а иногда и противоположности точекъ зрѣнія, юридическихъ понятій и представленій въ нашей законодательной сферѣ и въ Русскомъ народѣ. Всѣ эти обстоятельства складываются неблагопріятно для успѣшной законодательной работы, особенно такого значенія, какъ пересмотръ стараго и составленіе новаго гражданскаго кодекса.

Этотъ старый кодексъ зиждется, какъ мы выразились, на исторической законодательной почвѣ,—не на той зыблющейся, ходенемъ ходящей, на которой стоятъ законоположенія XVIII и XIX вѣка,—на которой приходится стоять и почтеннымъ членамъ коммиссіи,—а на той, которая представляла несравненно бо̀льшую устойчивость, вслѣдствіе большей внутренней, духовной и нравственной цѣльности всѣхъ слоевъ русскаго населенія, при всей ихъ внѣшней бытовой и экономической разрозненности. Всѣ главныя основанія нашего дѣйствующаго гражданскаго права взяты изъ Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича 1649 года. Оно названо «соборнымъ» потому, что хотя и было изготовлено особою коммиссіей, однакоже окончательно составлено и издано— съ вѣдома и утвержденія собора всей Русской земли. «А для того своего Государева и земскаго великаго царственнаго дѣла» (такъ читаемъ мы между прочимъ въ началѣ Уложенія) «указалъ Государь выбрати»—

кромѣ опредѣленнаго числа лицъ изъ служилыхъ людей — «изъ гостей трехъ человѣкъ, а изъ гостиныя и изъ суконныя сотни по два человѣка, а изъ черныхъ сотенъ и изъ слободъ, и изъ городовъ, съ посадовъ по человѣку добрыхъ и смышленныхъ людей, чтобъ Его Государево царственное и земское дѣло съ тѣми со всѣми выборными людьми утвердити и на мѣрѣ поставити, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему Его Государеву указу и Соборному Уложенію впредь были ни въ чемъ нерушимы». Оно было «чтено» всѣмъ «выборнымъ людямъ»; подлинный свитокъ его и до сихъ поръ хранится въ Государственномъ Архивѣ, скрѣпленный (если не ошибаемся въ цифрѣ) болѣе чѣмъ шестью стами подписей. Въ самомъ Уложеніи по нѣкоторымъ статьямъ дѣлается ссылка на челобитныя, поданныя царю отъ имени многихъ служилыхъ, торговыхъ и посадскихъ людей Московскаго государства. Понятно, что оно не упало какъ снѣгъ на голову, а вошло естественно во всеобщее вѣдѣніе и сознаніе. Здѣсь рѣчь идетъ не о внутреннемъ достоинствѣ законовъ самихъ по себѣ; каковы бы они ни были, они соотвѣтствовали своей порѣ, ея нравамъ и требованіямъ. Изъ той части Уложенія, которая содержала въ себѣ законы уголовные или касалась государственнаго устройства—не осталось почти и слѣда,—но такъ называемое вещное право, въ главныхъ своихъ положеніяхъ, не измѣнилось и до сей поры, какъ, напримѣръ, порядокъ наслѣдованія имуществъ и нѣкоторыя другія установленія. Даже попытка могучаго Преобразователя замѣнить порядокъ наслѣдства маіоратомъ осталась безуспѣшною, какъ совершенно противорѣчившая кореннымъ началамъ русскаго общественнаго строя. Въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи гражданское законодательство осложнялось частностями, дополненіями, приспособленіями къ являвшимся новымъ видоизмѣненіямъ этого строя, но сохранило въ сущности, какъ мы уже сказали, свои главныя основы. Эти основы, разумѣется, требовали бы пересмотра, потому что тѣ условія жизни и быта, съ которыми они были въ органическомъ соотвѣтствіи, болѣе или менѣе упразднились, но нельзя не принять во вниманіе, что вѣдь и новыя-то далеко не вполнѣ сложились и опредѣлились! Въ этомъ отношеніи наше отечество представляетъ явленіе совершенно оригинальное, котораго не знаютъ современныя намъ иностранныя европейскія законодательства. Теперь и въ Германіи, и въ Италіи, и въ Бельгіи заняты составленіемъ новыхъ гражданскихъ кодексовъ, но это составленіе не можетъ встрѣтить тѣхъ своеобразныхъ трудностей, которыя поставлены русскому законодателю историческимъ развитіемъ его отечества, неокончившеюся формаціею русскаго общественнаго строя. Тамъ, за границею, для замѣны стараго новымъ имѣется матеріалъ совсѣмъ готовый, указанный мѣстною жизнью; у насъ же этотъ матеріалъ въ жизни трехъ четвертей русскаго населенія—terra incognita!

Дѣло въ томъ, что гражданскіе законы Уложенія царя Алексѣя Михайловича — и именно о правахъ имущественныхъ, о видахъ собственности, формахъ владѣнія и о порядкѣ наслѣдства — писаны и изданы про одинъ верхній, *служилый* классъ, съ строгимъ примѣненіемъ къ понятіямъ о *родѣ*, и вовсе не имѣли въ виду внутренній правовой бытъ тѣхъ сословій, которыя въ тѣ времена отчислялись къ *земщинѣ*, — то есть посадскихъ (съ торговыми людьми), или теперешнихъ мѣщанъ, цеховыхъ и купечество, — и крестьянъ всѣхъ подраздѣленій и именованій. Это не случайное, конечно, упущеніе; вѣроятнѣе всего, это произошло потому, что въ законодательномъ опредѣленіи ихъ внутреннихъ правомѣрныхъ между собою и къ имуществу отношеній, внѣ прямаго отношенія къ государству и при той свободѣ самоуправленія, которою они искони пользовались, не настояло никакой практической надобности. Можетъ быть и историческій вѣрный инстинктъ подсказывалъ законодателямъ, что періодъ сложенія этой земщины далеко еще не совершился: формація крестьянства, съ прикрѣпленіемъ его къ землѣ, только что начиналась. Какъ бы то ни было, но наступившая вскорѣ реформа Петра, всецѣло обрушившаяся на верхніе слои общества, еще глубже прорѣзала грань между ними и земщиной, присоединивъ къ различію юридическому, признанному Уложеніемъ, и существенную рознь свойства умственнаго и нравственнаго, — до того сильную, что эти верхніе образованные классы почти совершенно утратили не только знаніе но даже способность разумѣнія коренныхъ началъ народнаго быта. Къ счастію, однако, ихъ цивилизующая законодательная дѣятельность почти и не пыталась проникнуть въ народныя массы. Этимъ и объясняется, почему, съ Уложенія почти до нашей поры, до половины XIX вѣка, — миллiоновъ чуть не сорокъ *русскаго* населенія жили, существовали, въ гражданскомъ смыслѣ, почти буквально *внѣ закона*, по неписаннымъ *обычаямъ* предковъ: съ этой внутренней бытовой стороны законъ ихъ не вѣдалъ или «игнорировалъ», хотя и признавалъ ихъ общее гражданское бытіе. Такъ продолжается *отчасти* и теперь; но теперь, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, не вѣдать юридической внутренней стороны народнаго крестьянскаго строя становится почти невозможнымъ.

Мы уже говорили и прежде, что сквозь всю нашу исторію проходятъ и параллельно выработались начала — *личное* и *общественное* (т. е. не корпоративное, а общинное, мірское, пожалуй хоровое, какъ выражаются нѣкоторые). Оба начала выразились въ двухъ видахъ собственности — личной и общественной или лучше сказать общинной, мірской, — а также въ двухъ видахъ соціальнаго строя. Носителями перваго начала, *личнаго*, были люди служилые, впослѣдствіи переименовавшіеся въ *дворяне*, никогда не составлявшіе цѣльнаго общества и не знавшіе

органическаго самоуправленія, а только потомъ подчинившіеся наложенному на нихъ Екатериною *корпоративному* устройству: но эта организація—чисто искусственная и не имѣетъ въ себѣ *какъ организація*, особенно теперь, несмотря на важное бытовое значеніе дворянскаго класса, никакихъ задатковъ самостоятельной жизни. Къ дворянамъ и теперь всецѣло прилагается наше дѣйствующее, на Уложеніи основанное, гражданское законодательство, которое сверхъ того распространяется и на примыкающихъ къ дворянству разночинцевъ—личныхъ собственниковъ. Носителями втораго начала, *общественнаго* или мірскаго (во владѣніи землею, во внутреннемъ самоуправленіи), были посадскіе (по нынѣшнему мѣщане и купцы) и крестьяне. Наши посады (пригородные и торговыя поселенія, а теперь города) были въ старину почти то же, что̀ наши села, съ тѣмъ же мірскимъ устройствомъ. При Петрѣ изъ посадскихъ выдѣляется и начинаетъ организоваться классъ купцовъ (зачатки котораго и прежде имѣлись въ гостиной и суконной сотняхъ). Наконецъ, при Екатеринѣ II, Городовая Грамота окончательно уничтожаетъ de jure (хотя de facto уничтоженіе совершилось не вдругъ) мірской видъ владѣнія и пользованія посадскою землею — и вводитъ совершенно новую форму самоуправленія, отчасти заимствованную и изъ Магдебургскаго права и изъ другихъ иностранныхъ образцовъ, отчасти приноровленную, хоть и весьма неудачно, къ мѣстнымъ русскимъ условіямъ; посадскіе назвались мѣщанами. Но не смотря на то, что первоначальная основа у жителей посадовъ и городовъ — основа мірскаго владѣнія и пользованія землею—была выдернута изъ-подъ ногъ и даже внѣшняя организація этихъ сословій была *наложена* на нихъ сверху, они сохранили,—т. е. купцы и мѣщане—(кромѣ прирожденной способности къ сплоченному и сомкнутому самоуправленію, кромѣ привычки и умѣнья дѣйствовать сообща) нѣсколько остатковъ отъ прежняго земскаго строя, признанныхъ за ними и новѣйшимъ гражданскимъ законодательствомъ. Таковы, напримѣръ, усыновленіе, распространеніе на пріемышей правъ наслѣдства и нѣкоторыя другія отличія. Во всей же своей полнотѣ старый земскій строй со всѣми своими правовыми обычаями сохранился у крестьянъ, даже укрѣпился и развился у нихъ въ періодъ крѣпостнаго права. Послѣднее, посягая на личность крестьянина, на его личный трудъ, въ то же время не только оставило неприкосновеннымъ крестьянскій бытъ и весь его внутренній мировой строй, но, ограждая его, словно стекляннымъ колпакомъ, отъ цивилизаторскихъ посягательствъ петербургскаго законодательства, отъ казенной извнѣ регламентаціи благоустроенія, дало ему возможность упрочиться, сложиться и установиться. Рушивъ крѣпостную зависимость крестьянъ, Положеніе 19 февраля 1861 года вмѣстѣ съ тѣмъ обнажило предъ взорами государства цѣлый особый міръ правовыхъ отношеній, невѣдомый нашимъ юристамъ,

не имѣющій ничего общаго съ Сводомъ гражданскихъ законовъ и съ иностранными гражданскими кодексами, съ какими-то *своими* формами владѣнія и пользованія, съ общинною землею и общиннымъ и артельнымъ трудомъ, съ совершенно особымъ видомъ семейнаго союза, съ своеобразными порядками наслѣдства, съ иными, чѣмъ у насъ, началами внутренней дисциплины и управленія, съ иными судебными пріемами и воззрѣніями. Къ счастью, Положеніе, одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ, признало и узаконило и мірское владѣніе, и сельскую сходку или «міръ» (древнее «вѣче»—нисколько не похожее на наши городскія думы и земскія собранія). Оно даже попыталось формуловать крестьянское органическое самоуправленіе, даже развить его до «волостнаго схода» на началѣ «представительства» (почти по типу нашихъ городскихъ и земскихъ «представительствъ»),—но эти попытки, какъ мы это видимъ теперь, не могутъ назваться вполнѣ удачными. Крестьянамъ, кромѣ того, даровано право суда на основаніи ихъ обычаевъ... Въ первый разъ произнесло наше новѣйшее законодательство, по отношенію къ русской народной жизни, слово *обычай* и признало его.

Такъ или иначе, но крестьянскія сельскія единицы получили право гражданства въ нашемъ современномъ государственномъ строѣ. Но признать «обычай» оказывается еще недостаточнымъ; нужно прежде всего *знать* его и узнавши—*согласовать* или уравновѣсить его съ условіями этого строя и всего нашего гражданскаго законодательства, созданнаго на совершенно иныхъ началахъ. Столкновенія, недоразумѣнія не замедлили обнаружиться. Вотъ, для поясненія, нѣсколько примѣровъ.

Общинная форма землевладѣнія признана закономъ; однако же, если вздумаютъ крестьяне пріобрѣсть землю всею общиной, міромъ, ни одинъ нотаріусъ не совершитъ имъ купчей, потому что онъ никакого «міра» въ X-мъ томѣ Свода не знаетъ; онъ, пожалуй, и готовъ бы причислить село къ «юридическимъ личностямъ», но никакого сельскаго «представительства» въ родѣ городскаго или земскаго не вѣдаетъ, а гражданскаго права «сходки» не признаетъ. Ему подавай *именной* списокъ всѣхъ пріобрѣтающихъ (хоть бы пятьсотъ домохозяевъ!)—какъ на дняхъ требовалъ этого нотаріусъ въ Т... губерніи. Такое требованіе заставляетъ крестьянъ отказаться отъ мірской покупки и покупать порознь, въ *личную* собственность или товариществами, во вредъ ихъ общинному строю: здѣсь начало противоположное вытѣсняетъ коренное начало земское.—Умираетъ ли крестьянинъ, имѣющій (при участіи въ мірскомъ землевладѣніи) личную поземельную собственность, превышающую, по стоимости, извѣстную сумму,—дѣлежъ наслѣдства, въ случаѣ спора, долженъ совершаться уже не по обычаю, а

по силѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, которые въ крестьянскомъ быту совершенно непримѣнимы, съ своими выдѣлами седьмой и четырнадцатой доли, съ понятіемъ о родовыхъ и благопріобрѣтенныхъ имуществахъ, съ отстраненіемъ отъ участія въ наслѣдствѣ женщинъ, и т. д.—Волостные писаря въ волостныхъ судахъ большею частью никакихъ народныхъ обычаевъ не знаютъ, а, маракуя кое-что «въ законахъ», навязываютъ крестьянамъ, авторитетомъ «закона», примѣненіе того же X-го тома, во вредъ ихъ интересамъ и къ вящшему уродованію ихъ быта! Мировые судьи также ограничены извѣстною суммою въ примѣненіи обычая и отчасти поэтому, отчасти по невѣдѣнію обычаевъ, вынуждены также подчинять явленія народнаго быта дѣйствію гражданскаго права, вовсе не про этотъ бытъ писаннаго. Начало *семейнаго владѣнія,* такъ сильно развитое въ нашемъ крестьянствѣ, почти искусственно разлагается и уничтожается именно теперь, потому что никакъ не вмѣщается въ юридическія понятія нашихъ судей и въ формы указанныя закономъ... Недостатокъ мѣста не дозволяетъ намъ привести еще болѣе фактовъ въ подтвержденіе этой, подчасъ трагической коллизіи народнаго земскаго обычая (истекающаго изъ совершенно особаго строя жизни и иныхъ правовыхъ воззрѣній) съ дѣйствующимъ нынѣ гражданскимъ правомъ, созданнымъ для служилыхъ людей, для личныхъ собственниковъ, на иныхъ началахъ. Впрочемъ всякому практическому юристу, имѣвшему дѣло съ крестьянами, всякому порядочному участковому уѣздному мировому судьѣ такіе факты извѣстны во множествѣ, и въ этомъ отношеніи несообразность нашего X-го тома ощущается едвали не живѣе, чѣмъ даже устарѣлость нѣкоторыхъ его узаконеній по отношенію къ лицамъ дворянскаго и другихъ сословій.

Итакъ, «какое зрѣлище предъ очи» представила наша настоящая современность почтеннымъ членамъ коммиссіи, собравшимся для составленія новаго гражданскаго уложенія? Если изъ общаго счета населенія исключить нашихъ инородцевъ, то съ одной стороны—20% населенія, живущихъ по началамъ писаннаго, приведеннаго въ систему, утвержденнаго закономъ гражданскаго права, болѣе или менѣе однороднаго въ существенныхъ чертахъ съ общими началами права въ другихъ европейскихъ странахъ; съ другой—по крайней мѣрѣ цѣлыхъ 80% живущихъ *по обычаю* (притомъ весьма разнообразному), по началамъ быта, котораго юридическія условія въ своихъ подробностяхъ закономъ еще не признаны, не записаны, не систематизированы, да и толкомъ еще не узнаны или же не поняты, представляютъ совершенно особый міръ правовыхъ понятій, новыя, и невѣданныя до сихъ поръ юридическія воззрѣнія. Такъ, напримѣръ, наше общинное землевладѣніе, хотя и существовало, положимъ, когда-то въ разныхъ мѣстахъ

Европы, но не просуществовало и не развилось достаточно прочно, чтобы потребовать себѣ признанія и права гражданства. А между тѣмъ оно не подходитъ ни подъ одну, опредѣляемую наукою, юридическую норму, не вмѣщается въ понятіяхъ никакого иностраннаго юриста, точно такъ же какъ и бо́льшая часть видовъ нашего артельнаго устройства, которое никакъ нельзя смѣшивать съ европейскими «ассоціаціями»,—точно такъ же какъ и семейное владѣніе, которое также нельзя приравнять къ опредѣленному юридическому понятію о собственности «коллективной».

Какъ же тутъ быть? Распространить ли на 80 процентовъ населенія блага X-го тома, исправивъ его согласно съ новѣйшими требованіями науки, подчинить ли всѣ эти 80% населенія дѣйствію общихъ гражданскихъ законовъ, одинаковыхъ какъ для нихъ, такъ и для остальныхъ 20%? Другими словами: сочинить ли гражданское уложеніе единое и общее для всей русской Россіи, *безъ изъятій?* Много теперь развелось у насъ юристовъ, которые,—придерживаясь столь ходячаго у нашихъ мнимыхъ либераловъ отрицанія въ Русскомъ народѣ всякаго права на самобытность, между прочимъ и въ сферѣ юридическихъ идей,—съ легкимъ сердцемъ, ничтоже сумняся, готовы были бы порѣшить этотъ вопросъ утвердительно. По ихъ мнѣнію — нечего бы тутъ и голову ломать! Что́ это — мудрствуютъ они — за особое сословіе крестьянское, которое составляетъ какой-то status in statu, съ своею особою, мірскою или общественною формой землевладѣнія? Это остатокъ варварства, это противорѣчитъ началу *всесословности!* Надо разбить эту народную замкнутость, уничтожить эту общину, этотъ міръ, во имя культуры и цивилизаціи,—обратить всѣхъ въ личныхъ собственниковъ, сочинить на всю имперію одинъ гражданскій кодексъ, взявъ въ основаніе Code Napoléon, да и все тутъ! Именно такъ разсуждаютъ многіе изъ юристовъ, которые, по самой ученой природѣ своей, вообще бюргеры, *горожане*. Но да отвратитъ Богъ отъ нашего народа практическое примѣненіе ихъ теорій! Не посягайте на село, господа! Въ немъ хранилище силъ и сокровищъ того духа, который создалъ наше государство, о которомъ стоитъ и держится Россія. Не городомъ стоитъ она, а селомъ. Не городъ спасетъ Россію въ часы предстоящихъ ей испытаній, а село спасетъ и Россію, и городъ, и самую русскую «интеллигенцію»,—село съ своимъ мірскимъ устройствомъ, съ своимъ нетронутымъ еще вашею цивилизаціею обычаемъ,—село, которому, въ союзѣ съ людьми вполнѣ земскими мыслью и духомъ, предстоитъ на Руси еще великая будущность, самостоятельное дальнѣйшее развитіе...

Мы не имѣемъ права предположить въ составѣ коммиссіи присутствіе членовъ съ подобными вожделѣніями. Но во всякомъ случаѣ утѣшительно знать, что въ коммиссіи засѣдаетъ и бывшій профессоръ, а

теперь сенаторъ Пахманъ, которому принадлежитъ опытъ, хотя бы и несовершенный, систематическаго изложенія русскаго современнаго «обычнаго права» на основаніи данныхъ, далеко впрочемъ не полныхъ и не точныхъ, представляемыхъ рѣшеніями волостныхъ судовъ. Въ рѣчи, произнесенной г. Пахманомъ въ Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, проводится мысль о необходимости сообразоваться при составленіи новаго гражданскаго уложенія съ національными элементами права... И то слава Богу!

Но если бы коммиссією и было признано въ принципѣ удѣлить долю вниманія и «обычному праву», то, во-первыхъ, возведеніе обычая въ юридическую норму, особенно такого обычая, который чуждъ самой природѣ существующихъ, общепринятыхъ юридическихъ нормъ—дѣло вовсе не легкое и требующее спеціальной умѣлости. Во-вторыхъ, развѣ юридическіе обычаи нашего народа, которые, замѣтимъ, разнообразятся безконечно по мѣстностямъ, собраны вполнѣ, приведены уже въ систему «обычнаго права»? Странное дѣло! Приступаютъ къ составленію новаго гражданскаго уложенія съ тѣмъ, чтобы подчинить ему 80% населенія, доселѣ изъятаго изъ-подъ дѣйствія Х-го тома Свода Законовъ, и не подумали о томъ, что для согласованія новаго законодательства съ жизнью (безъ чего оно никуда и не годится) необходимо прежде всего *узнать* эту жизнь, ея требованія и условія. А располагаетъ ли коммиссія такимъ матеріаломъ знанія? Кромѣ г. Пахмана, изучавшаго собраніе обычаевъ по книгамъ, кто изъ прочихъ членовъ коммиссіи, если не теоретически, то хотя бы практически знакомъ съ народною жизнью? Безспорно, всякій уѣздный мировой судья въ этомъ дѣлѣ опытнѣе ихъ. Мы не видимъ въ ея средѣ ни г. Матвѣева, извѣстнаго знатока народныхъ юридическихъ обычаевъ, ни другихъ спеціалистовъ по этой части, а они имѣются.

А если такъ, то не представляется ли вся работа, порученная коммиссіи по сочиненію цѣлаго новаго гражданскаго уложенія, нѣсколько преждевременною, и какъ таковая—не грозитъ ли она русской жизни худшею бѣдой, чѣмъ даже отсрочка подобнаго сочиненія, при всей видимой потребности въ немъ? Страшно подумать—чего не способны натворить въ русскомъ народномъ быту теоретики-сочинители законовъ, люди отвлеченной науки и *городскаго* опыта, съ народною жизнью незнакомые, хотя бы самые наиблагонамѣренные! Правда, работа коммиссіи только подготовительная, но вѣдь и современный порядокъ изданія законовъ не тотъ у насъ, который существовалъ въ варварской до-Петровской Руси,—одно упоминаніе о которой производитъ припадки чуть не падучей болѣзни у нашихъ глаголемыхъ либераловъ и вообще бюрократовъ. Уложеніе царя Алексѣя Михайловича было по крайней мѣрѣ соборное, было чтено всѣмъ людямъ Московскаго госу-

дарства; во время составленія онаго поступали челобитныя и принимались въ соображеніе,—челобитныя, которыя, по юридическому міросозерцанію древней Руси, тогда только и получали значеніе въ глазахъ власти, когда подавались отъ достаточнаго множества лицъ, но которыя, по юридическимъ понятіямъ послѣ-Петровской Россіи, непремѣнно были бы отринуты, какъ составленныя «скопомъ и заговоромъ»...

Позволяемъ себѣ выразить мнѣніе, что коммиссіи слѣдовало бы *пока* ограничиться пересмотромъ Х-го тома безъ распространенія его благодѣяній на всѣ тѣ массы русскаго населенія, которыя жили до сихъ поръ внѣ нашего гражданскаго законодательства, и—напротивъ—оградить свободу народнаго обычая чрезъ установленіе нѣкоторыхъ правилъ въ законѣ, въ предотвращеніе указанныхъ нами выше столкновеній. А между тѣмъ, пусть предпримется и доведется до успѣшнаго конца самое полное собраніе и приведеніе въ систему живыхъ юридическихъ обычаевъ Русскаго народа въ области гражданскихъ правовыхъ отношеній... Отрадно было читать, что г. министръ юстиціи призываетъ къ участію въ дѣлѣ сочиненія уложенія юридическія общества и всѣ ученыя силы Россіи. Еще было бы отраднѣе прочесть, что эти общества призываются къ той работѣ по «русскому обычному праву», которую они столько разъ съ малымъ успѣхомъ предпринимали и которую, конечно, безъ могучаго содѣйствія, нравственнаго и матеріальнаго, Министерства юстиціи—довершить едвали въ состояніи...

О двухъ началахъ права, дѣйствующихъ въ русской жизни: писанный законъ и народный обычай.

«Русь», 1-го апрѣля 1883 г.

Еще въ прошломъ году, въ 48 №, разсуждая о задачахъ Коммиссіи для составленія проекта новаго Гражданскаго Уложенія, мы говорили о двухъ разныхъ началахъ права, дѣйствующихъ въ нашей русской жизни и имѣющихъ каждое свою отдѣльную область. Изъ этихъ двухъ областей, одна—область писаннаго гражданскаго закона, включающая въ себя лишь меньшинство русскаго люда, но меньшинство властное и господствующее, во всѣхъ смыслахъ и отношеніяхъ; другая — область народнаго обычая, несоизмѣримо превосходящая первую пространствомъ и численностью населенія, но почти безвластная, безгласная, безоружная. Мы еще тогда указывали на нѣкоторыя столкновенія государственнаго строя съ народнымъ бытомъ и напоминали о необходимости оградить болѣе твердымъ образомъ свободу народнаго обычая. Голосъ нашъ въ то время не вызвалъ ни возраженія, ни сочувствія. Въ

послѣднемъ 6 № «Руси» напечатали мы присланную намъ изъ одной дальней губерніи короткую замѣтку по поводу крестьянскихъ духовныхъ завѣщаній, утверждаемыхъ Окружными судами, которую и озаглавили: «*О разлагающемъ дѣйствіи новой судебной гражданской практики на крестьянскій семейный бытъ*». Признаться сказать, по выходѣ уже №, намъ самимъ показалось это заглавіе слишкомъ категоричнымъ, и мы уже готовы были упрекнуть себя въ нѣсколько поспѣшномъ обобщеніи частныхъ, случайныхъ фактовъ, какъ ознакомились съ новыми данными и прочли новый, уже оффиціальный документъ, изъ другой мѣстности, вполнѣ оправдывающій сдѣланное нами обобщеніе и мысль выраженную въ заглавіи. Предметъ этотъ такъ важенъ, что мы желаемъ остановить на немъ вниманіе читателей и подѣлиться съ ними полученными нами свѣдѣніями.

Документъ, о которомъ мы говоримъ, это докладъ Орловскому земскому собранію коммиссіи изъ семи гласныхъ, избранной въ прошломъ 1882 году для изученія нѣкоторыхъ вопросовъ, относящихся до крестьянскаго землевладѣнія, преимущественно подворнаго. Работы коммиссіи привели ее къ заключенію, что неудовлетворительное положеніе этой формы землевладѣнія въ значительной степени происходитъ отъ того, что практика мировыхъ учрежденій и общихъ судебныхъ мѣстъ очень часто «не согласуется съ *точнымъ смысломъ* имѣющихся узаконеній и вноситъ *непрочность и путаницу въ земельныя отношенія крестьянъ*». По мнѣнію коммиссіи, было бы желательно новое общее законодательное подтвержденіе о непримѣнимости къ крестьянскому имуществу статей X т. Свода Законовъ о порядкѣ наслѣдованія и выдѣлѣ указныхъ частей, равно и правилъ объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства, объ охраненіи имущества послѣ смерти и вводѣ во владѣніе. Сколько намъ извѣстно, Орловское губернское земское собраніе единогласно признало справедливость доводовъ коммиссіи, а потому и опредѣлило: «ходатайствовать предъ г. министромъ юстиціи о разъясненіи судебнымъ мѣстамъ точнаго смысла существующихъ постановленій». Какія же это «постановленія», на точный смыслъ которыхъ ссылается земство? Это 38 статья Общаго Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, о томъ, что крестьяне наслѣдуютъ на основаніи *мѣстныхъ обычаевъ*, и два рѣшенія гражданскаго кассаціоннаго департамента Правительствующаго Сената. Одно изъ нихъ, 1878 г. (№ 225), отмѣняетъ опредѣленіе съѣзда мировыхъ судей именно вслѣдствіе неправильнаго примѣненія къ крестьянскому имуществу общихъ гражданскихъ законовъ о наслѣдствѣ, вопреки вышеупомянутой 38 статьѣ, которой обязательное для всѣхъ судовъ имперіи значеніе тутъ же подробно истолковано Сенатомъ. Другимъ же рѣшеніемъ (1881 г., № 161) Сенатъ призналъ нужнымъ столь же подробно разъ-

яснить, что подворное владѣніе есть *подворное,* а не какое-либо иное, и что при подворномъ владѣніи земля принадлежитъ не домохозяину, а *всѣмъ членамъ двора.*

И несмотря однакожъ на всѣ эти истолкованія, судебная практика не перестаетъ являть и до сихъ поръ,—какъ оказывается изъ доклада и всѣхъ полученныхъ нами сообщеній,—обильный рядъ подобныхъ незаконныхъ вторженій въ жизнь народа—законодательства не для него писаннаго! Почему же это такъ? Для разрѣшенія этого недоумѣнія обратимся къ самимъ фактамъ судебной практики. Въ числѣ доставленныхъ намъ данныхъ есть новое указаніе на утвержденіе Окружными судами духовныхъ завѣщаній крестьянъ (писать которыя побуждаютъ ихъ мѣстные адвокаты, вѣчно снующіе около сельскаго люда, ища наживы): это утвержденіе совершается въ силу того соображенія, что на крестьянъ распространены, по Положенію, «общія гражданскія права»; что правильность завѣщанія разсматривается судомъ только съ формальной стороны и дальнѣйшей повѣркѣ не подлежитъ; что нѣтъ закона, воспрещающаго крестьянамъ писать духовныя завѣщанія; что наконецъ не всегда можно уразумѣть изъ завѣщанія, какой видъ владѣнія или собственности представляетъ имущество, которымъ распорядился завѣщатель. Но и помимо духовныхъ завѣщаній, мѣстные сельскіе адвокаты умудряются обращать въ свою пользу, къ вящшему разору крестьянъ, смутное разумѣніе нашими судьями, воспитанными въ юридическихъ понятіяхъ совсѣмъ особаго порядка, русскихъ народныхъ обычаевъ и вообще всего строя народной жизни. Въ Елецкомъ уѣздѣ былъ такой случай: бездѣтный и домовитый крестьянинъ взялъ къ себѣ пріемыша, выростилъ его, женилъ, дождался отъ него шести сыновей или, по своему понятію, *внучатъ* (въ силу обычая усыновленія), наконецъ умираетъ. У старика—племянники, живущіе совсѣмъ особымъ домомъ. По наученію бродячаго законовѣда, племянники выправляютъ метрическое свидѣтельство о томъ, что у умершаго крестьянина родныхъ дѣтей не было, и обращаются къ мировому судьѣ съ просьбою «о принятіи законныхъ мѣръ къ охраненію имущества». Тотъ усердствуетъ; сейчасъ—судебнаго пристава: опись, публикація, представленіе Окружному суду, и черезъ 6 мѣсяцевъ Окружный судъ утверждаетъ племянниковъ въ правахъ наслѣдства, а несчастное семейство пріемыша, обездоленное, разоренное, пѣшкомъ съ малыми дѣтьми отправилось на переселеніе въ Ставропольскія степи! Казалось бы, слѣдовало и суду, и мировому судьѣ вѣдать, что обычай усыновленія въ крестьянскомъ быту давно признанъ самимъ правительствомъ и принимается въ соображеніе даже уставомъ о воинской повинности,—но, по правдѣ сказать, ихъ и винить трудно: съ одной стороны передъ ними—метрическое свидѣтельство, *документъ,* стало быть формальное основаніе извѣстнаго, положитель-

наго права; съ другой—*никакого* документа, а нѣчто такое, что по самой бытовой природѣ своей трудно поддается строгому внѣшнему, условному опредѣленію и во всякомъ случаѣ потребовало бы, для подобнаго опредѣленія, спеціальнаго разслѣдованія на мѣстѣ и всесторонняго изученія самаго обычая. Очевидно, замѣтимъ мимоходомъ, что такія дѣла общимъ гражданскимъ судамъ, призваннымъ рѣшать и вершить на основаніи формальнаго, писаннаго закона, а не обычаевъ, по существу своему *не подсудны*. Но въ томъ-то и задача законодателя: гдѣ и какъ провести черту *подсудности* и *неподсудности?* Отсутствіе такой черты (нисколько не восполняемое частными, случайными сенатскими рѣшеніями) и служитъ причиною, что эти двѣ области — формально-юридическая и бытовая—постоянно вторгаются одна въ другую, и что Окружные суды принимаютъ иногда къ разсмотрѣнію просьбы объ утвержденіи въ правахъ наслѣдства даже къ землѣ и имуществу въ предѣлахъ крестьянскаго *надѣла*... Особенно же страдаетъ отъ подобнаго благодѣтельнаго распространенія на крестьянскій бытъ «общихъ гражданскихъ правъ»—*подворное владѣніе*.

Понятія объ этой формѣ владѣнія до сихъ поръ совершенно сбивчивы въ средѣ нашихъ юристовъ и такъ мало вяжутся со всѣми юридическими воззрѣніями, преподанными имъ съ университетскихъ каѳедръ, что даже совершенно вѣрное ея истолкованіе Правительствующимъ Сенатомъ (см. выше), но не облеченное въ § закона, плохо врѣзалось въ ихъ память и потонуло для нихъ въ безбрежномъ морѣ кассаціонныхъ рѣшеній. И въ самомъ дѣлѣ, въ ходячемъ представленіи о русскомъ крестьянскомъ землевладѣніи рисуются обыкновенно два вида владѣнія: *общинное* и *личное*, которые и противопоставляются одинъ другому, какъ два полюса. У насъ привыкли думать, напримѣръ, что форма общинной или общественной земельной собственности господствуетъ исключительно среди великорусскихъ крестьянъ, а частной или личной собственности — среди малорусскихъ. Но это мнѣніе неточно и наше общепринятое юридическое понятіе о *личной* поземельной собственности нисколько не согласуется съ воззрѣніемъ самихъ крестьянъ на ихъ участки, находящіеся *внутри* общей сельской межи. Можетъ быть, это крестьянское воззрѣніе и будетъ наконецъ исковеркано судебною практикою и закономъ, навязавшимъ крестьянамъ, чрезъ выкупъ, представленіе о *личной собственности* въ смыслѣ X тома Свода,— но все же до сихъ поръ, даже и въ Малороссіи, земля, состоящая у членовъ общества или домохозяевъ въ *подворномъ владѣніи*, хотя бы и наслѣдственномъ, не перестаетъ, въ принципѣ, признаваться собственностью или, точнѣе сказать, вотчиною *всего* сельскаго общества. Другими словами, это значитъ, что первоначальная форма владѣнія была такъ называемая общинная, но потомъ земля перестала дѣлиться по

душамъ и раздѣлилась на безсрочное время по *дворамъ,* такъ что каждый дворъ владѣетъ своимъ участкомъ наслѣдственно. Однакоже такая вторичная форма (наслѣдственнаго подворнаго владѣнія) не исключаетъ понятія о возможности передѣла подворныхъ участковъ,—какъ это, года два тому назадъ, подтвердилось и самымъ дѣломъ во многихъ мѣстахъ Малороссіи. Поводомъ къ такому передѣлу послужила наличность излишней, никуда не приурочённой земли, образовавшаяся вслѣдствіе разныхъ причинъ. Сообщая въ кіевской «Зарѣ» объ этомъ печальномъ, по его мнѣнію, фактѣ, извѣстный землевладѣлецъ и сельскій хозяинъ г. Тамара воскликнулъ: «Итакъ, мы имѣемъ у себя всѣ невыгоды общиннаго землевладѣнія, не имѣя его выгодъ!» То же самое понятіе о подворномъ владѣніи земельными участками, т. е. о сохраненіи за землею, даже при этой формѣ владѣнія, значенія коллективной, общей собственности, присуще и тѣмъ великорусскимъ мѣстностямъ, гдѣ оно искони существуетъ (напримѣръ, у такъ называемыхъ однодворцевъ) или вновь заводится — при прекращеніи передѣловъ по душамъ. Очевидно, что всякое *отчужденіе* подворнаго участка лицамъ, къ сельскому обществу не принадлежащимъ или не согласнымъ замѣстить убывающаго хозяина въ его обязанностяхъ и прочихъ отношеніяхъ къ сельскому обществу, является нарушеніемъ самой основы сельскаго общежитія и противорѣчитъ народному правовому воззрѣнію. Однакожъ такое отчужденіе сплошь и рядомъ вызывается теперь корыстными происками адвокатовъ и допускается нашею судебною практикою!

Но у подворнаго владѣнія (имѣющаго всѣ наружные признаки *личной собственности* въ смыслѣ X тома Свода Законовъ, что и сбиваетъ съ толку нашихъ ученыхъ юристовъ) есть и другая особенность,—именно та, на которую указалъ и Сенатъ, т. е. что земля подворнаго участка принадлежитъ не домохозяину *лично,* а всѣмъ членамъ *двора,* или всему семейному союзу вообще. Надобно замѣтить при этомъ, что дворъ можетъ вмѣщать въ себѣ и не одну семью, а нѣсколько семей, конечно родственныхъ—по крови или по усыновленію. Общинное владѣніе опредѣляется *уставною грамотою,* а поэтому доказать Окружному суду, что такая-то земля не есть личная собственность крестьянина еще не такъ трудно; но на подворное владѣніе выданы или выдаются крестьянамъ *«владѣнныя записи»*—на *имена* наличныхъ, въ моментъ выдачи, домохозяевъ. Тутъ-то и заключается для судовъ и судей камень преткновенія! Около подворнаго владѣнія преимущественно и бродитъ адвокатъ, «яко левъ рыкая, искій кого поглотити», стережетъ минуту смерти главы двора или семьи, и начинаетъ мутить семью, подбивая старшихъ изъ нихъ къ захвату имущества на основаніи X тома Свода Законовъ. Путемъ этого захвата и служитъ обыкновенно, какъ мы уже сказали, «порядокъ охранительнаго производства», приводимый въ ис-

полненіе мировымъ судьею въ силу формальнаго, поданнаго ему прошенія, настрочоннаго отъ имени «прямаго наслѣдника» адвокатомъ. Въ результатѣ—утвержденіе Окружнымъ судомъ въ правахъ наслѣдства этихъ прямыхъ наслѣдниковъ, напримѣръ сыновей *домохозяина, на имя котораго выдана владѣнная запись,* съ устраненіемъ младшихъ его братьевъ, съ выдачею вдовѣ и дочерямъ 14-ой, 8-ой, 7-ой и 4-ой частей! Можно представить себѣ, какой переполохъ вноситъ въ крестьянскую среду такой взглядъ Окружныхъ судовъ на *обще-семейную* собственность, какъ спутываетъ въ народныхъ понятіяхъ всякое представленіе о правѣ и справедливости. Случалось, что сестры, выданныя изъ двора на чужую сторону въ замужество и совсѣмъ отдѣленныя, предъявляли, по наущенію адвокатовъ, иски къ братьямъ-домохозяевамъ, требуя себѣ выдѣла *указныхъ* частей, и получали таковыя, а дворъ, надъ которымъ была совершена подобная легальная операція, лишался такимъ образомъ рабочей состоятельности и платежной способности. Всѣ эти данныя взяты нами отчасти изъ доклада коммиссіи, отчасти изъ неоффиціальныхъ замѣтокъ одного изъ мировыхъ судей Елецкаго уѣзда.

Но тамъ, гдѣ мировые судьи, вразумясь толкованіемъ Сената (впрочемъ — повторяемъ — частнымъ и мало извѣстнымъ, такъ какъ оно не вошло даже въ частные сборники кассаціонныхъ рѣшеній), перестали примѣнять правила охранительнаго производства къ имуществу крестьянъ, а Окружные суды уклоняются отъ разсмотрѣнія дѣлъ объ утвержденіи крестьянъ въ правахъ наслѣдства, — тамъ мѣстные законовѣды изощрились найти иной способъ вторгнуться «во имя закона» въ беззаконную или внѣзаконную народную среду. Гг. нотаріусы изволятъ упорно признавать подворные участки *личною* собственностью и совершаютъ безпрепятственно купчія и закладныя отъ имени домохозяевъ, при чемъ, если домохозяиномъ старшій братъ, его братья и прочіе совладѣльцы рискуютъ лишиться, да часто и лишаются, всего своего имущества. Или же просто пишется *вексель* (конечно бездонежный) отъ имени крестьянина-домохозяина,—и это способъ самый обыкновенный. По наступленіи срока векселю, въ случаѣ неплатежа, кредитору выдается исполнительный листъ; онъ указываетъ имущество должника, и судебный приставъ, даже безъ всякихъ корыстныхъ побужденій, а вполнѣ «законно», на основаніи владѣнной записи и указаній должника, производитъ имуществу опись, несмотря даже на протесты остальныхъ совладѣльцевъ. Затѣмъ — публикація о продажѣ съ публичнаго торга и самая продажа. Законные совладѣльцы продаваемаго такимъ образомъ имущества обыкновенно люди неграмотные, часто женщины и сироты, которыя нерѣдко узнаютъ о продажѣ только тогда, когда покупатель явился уже вводиться во владѣніе и отбирать ихъ добро при

содѣйствіи власти. Имъ остается или сопротивляться, или же «предъявлять искъ для возвращенія своей собственности», т. е. противопоставлять вексельному праву — обычай или совершенно невѣдомое нашему законодательству, а потому и судьямъ, начало *общесемейной* собственности!

Перечисленныхъ нами случаевъ вполнѣ, полагаемъ, достаточно. Предъ глазами читателя можетъ теперь предстать во всей своей живости картина нашего сельскаго историческаго быта съ своего рода *правовымъ обычаемъ* — осаждаемаго, подрываемаго, тѣснимаго со всѣхъ сторонъ не только происками адвокатовъ, невѣдѣніемъ чиновниковъ, простодушною благонамѣренностью цивилизаторовъ и презрительною надменностью такъ называемыхъ «людей науки», т. е. европейскихъ, даже не всегда новѣйшихъ учебниковъ права, — но и всею тяжестью государственнаго строя, съ которымъ народный бытъ столкнулся теперь непосредственно, лицомъ къ лицу. Было уже не однажды указано на страницахъ «Руси», что до самаго освобожденія крестьянъ изъ-подъ крѣпостной зависимости бытовой строй народный былъ огражденъ отъ прямаго на него воздѣйствія государственной власти — властью помѣщиковъ, которая такимъ образомъ служила этому сельскому бытовому строю какъ бы стекляннымъ колпакомъ, соблюдавшимъ его неприкосновенность. Помѣщикамъ нужна была только готовая рабочая сила и денежный оброкъ. Въ остальное они не вмѣшивались, — и такъ мало вмѣшивались, что, несмотря на внѣшнюю ихъ близость къ народу, существенныя бытовыя основы 80-ти % русскаго населенія оставались имъ, почти до послѣдняго времени, невѣдомы, т. е. не были ни изслѣдованы, ни *сознаны* въ ихъ внутреннемъ значеніи и объемѣ, какъ цѣлая самостоятельная правовая система. А вѣдь между тѣмъ, — вслѣдствіе толчка, даннаго нашему просвѣщенію со времени Петра Великаго, — нравы, обычаи, законы и весь внутренній строй западныхъ Европейскихъ народовъ были имъ извѣстны до тонкости! Только лѣтъ за 20 до освобожденія крестьянъ, небольшой кругъ людей въ Москвѣ, — при хохотѣ и свистѣ всѣхъ тогдашнихъ «либераловъ» и «демократовъ» западно-европейскаго пошиба и несмотря на противодѣйствіе самого правительства, — положилъ почипъ изученію соціальныхъ и экономическихъ началъ народной жизни: благодаря ихъ участію въ составленіи Положенія 19-го февраля, этотъ великій законодательный актъ хоть *отчасти* призналъ и санкціонировалъ право народнаго обычая, народную форму землевладѣнія и народное *мірское* устройство. Говоримъ *отчасти,* потому что рядомъ съ таковымъ признаніемъ вторглись въ Положеніе и многія статьи, подрывающія народный строй въ самомъ его корнѣ... Съ освобожденіемъ крестьянъ, прежній «стеклянный колпакъ» разбился, и народный строй, состоявшій до сихъ поръ *внѣ* писаннаго закона, очутился, недостаточно защи-

щенный, лицомъ къ лицу съ могущественнымъ строемъ гражданскимъ, создавшимся на совершенно иныхъ началахъ. Послѣдній широко раскрылъ ему свои объятія, но того и гляди, *даже не-хотя,* безсознательно, задушитъ его въ своихъ объятіяхъ — особенно съ тѣхъ поръ, какъ уничтоженъ институтъ мировыхъ посредниковъ.

Пусть право крестьянскаго обычая (одновременно съ распространеніемъ на крестьянъ общихъ гражданскихъ правъ по Своду Законовъ) и признано, — но внутренняя *сущность* этого обычая продолжала, да еще и продолжаетъ, оставаться невѣдомою или точнѣе сказать — непонятою, невыясненною, не только для правительства, но и для большей части русскаго образованнаго общества. Эта невыясненность и служитъ главною причиною тѣхъ недоразумѣній, столкновеній и—что печальнѣе всего—того разложенія, которое уже замѣчается въ крестьянскомъ быту и не сулитъ ничего добраго. Да и можетъ ли быть иначе при постоянномъ, упорномъ воздѣйствіи на этотъ бытъ началъ совершенно противоположныхъ? Независимо отъ злоупотребленій со стороны адвокатовъ, на которыя указало Орловское земское собраніе,—независимо отъ эгоистическихъ разсчетовъ и иныхъ соблазновъ, влекущихъ людей изъ простаго народа къ сферѣ писаннаго закона, сферѣ властной и высшей по своему общественному положенію и значенію, — самый духъ нашей цивилизаціи и этого нашего, благожелательнаго, повидимому, либерализма,—онъ-то, главнымъ образомъ, и содѣйствуетъ разложенію того народнаго быта, на основаніи котораго зиждется Русское государство. Что, казалось бы, великодушнѣе и либеральнѣе, напримѣръ, идеи *всесословности* въ примѣненіи къ нашему крестьянству? Но эта идея—на практикѣ—значитъ ни болѣе ни менѣе какъ уничтоженіе обособленности и самостоятельности крестьянства, какъ внесеніе въ его среду юридическихъ началъ, убивающихъ самую душу народнаго самоуправленія; другими словами: разслабленіе внутренней силы и крѣпости народнаго строя.

Дѣло въ томъ, что въ нашей русской жизни понятія о всесословности и равноправности имѣютъ, сверхъ общаго, еще и особое значеніе. Безъ сомнѣнія, не должно быть сословій привилегированныхъ; безъ сомнѣнія, равноправность должна быть достояніемъ всѣхъ гражданъ независимо отъ происхожденія,—но было бы высшею несправедливостью всѣхъ, напримѣръ, чесать подъ одну гребенку, и во имя благъ равноправности и всесословности коверкать и уродовать насильственно самый бытъ народный, пригонять къ строю жизни высшихъ классовъ историческій строй жизни громаднаго большинства. Тѣмъ болѣе, что здѣсь нѣтъ и рѣчи о *преимуществахъ* одного быта передъ другимъ: нужно лишь параллельное сожительство двухъ, полноправныхъ у себя дома, различныхъ бытовъ,—что нисколько не можетъ мѣшать высшему

единству общаго государственнаго права. Всѣ наши сословныя былыя различія сводятся въ настоящее время къ двумъ формамъ быта, выражающимъ собою два противоположныхъ начала: начало *общественное,* общинное или пожалуй, по новѣйшему, модно-ученому выраженію, «коллективное»,—и начало *личное.* Обоимъ началамъ соотвѣтствуютъ и двѣ различныя формы землевладѣнія. Первая изъ нихъ—форма коллективнаго землевладѣнія (включая сюда и подворное)—составляетъ принадлежность 80°/о русскаго населенія, имѣетъ и соотвѣтственное мірское устройство, и весь соотвѣтственный строй, регулируемый *неписаннымъ* обычаемъ. Она составляетъ тотъ базисъ, на которомъ почіетъ бытіе Россіи. Вторая, т. е. форма личнаго землевладѣнія или личная собственность—отличительная черта быта остальныхъ 20°/о. При этомъ не самое происхожденіе и не самая сословность составляетъ отличительный признакъ обѣихъ сферъ даже въ правовомъ отношеніи, — а именно форма землевладѣнія и бытъ. Начало личное, съ личною собственностью, съ писаннымъ закономъ есть начало движущее,—и носителемъ его по преимуществу было въ Россіи служилое сословіе, а теперь — личные землевладѣльцы. Начало общественное, коллективное, съ мірскимъ устройствомъ и неписаннымъ закономъ или обычаемъ—жило въ тѣхъ классахъ народныхъ, которые въ старину носили по преимуществу названіе *земщины.* Эти два начала проходятъ всю нашу исторію, и мы полагаемъ, что гармоническое ихъ сочетаніе и взаимное восполненіе—самыя счастливыя условія для могущественнаго развитія и преуспѣянія Россіи, не только въ экономическомъ, но и въ соціальномъ и въ политическомъ смыслѣ. *Восполненіе*, а не поглощеніе одного другимъ. Ни коллективизмъ не долженъ убивать начало личности, ни послѣднее не должно разрушать начала коллективнаго. Первой опасности намъ бояться нечего, но вторая опасность у насъ въ виду, и нами же безразсудно ускоряется.

Мы распространяемъ на крестьянъ благо писаннаго закона въ ту самую минуту, когда сознали его, во многихъ отношеніяхъ, устарѣлость и непригодность для насъ самихъ. Въ настоящее время, какъ извѣстно, правительство распорядилось составленіемъ новаго гражданскаго уложенія, чѣмъ и занимается особая Коммиссія, при частномъ содѣйствіи ученыхъ юридическихъ обществъ. Самый существенный, безъ сомнѣнія, вопросъ, который впрочемъ Коммиссіей, кажется, еще не рѣшенъ,— это вопросъ объ объемѣ или пространствѣ дѣйствій новаго уложенія. Если вѣрить слухамъ, нѣкоторые члены держатся такого воззрѣнія, что новый гражданскій кодексъ долженъ быть составленъ «на основаніи послѣдняго слова науки и историческаго опыта Европейскихъ странъ», и распространяться на всѣхъ россійскихъ гражданъ безъ исключенія; изъятіе же для крестьянъ относительно порядка на-

слѣдованія, формы землевладѣнія и нѣкоторыхъ юридическихъ обычаевъ можетъ быть допущено лишь въ самомъ тѣсномъ объемѣ и лишь какъ необходимое и *временное* зло — въ надеждѣ, что начало личной собственности, какъ принадлежность высшей культуры, непремѣнно мало-по-малу преодолѣетъ начало общиннаго землевладѣнія, а обычай самъ собою, постепенно, уступитъ мѣсто писанному закону, какъ необходимой принадлежности быта болѣе цивилизованнаго. Демаркаціонную же временную линію между сферой дѣйствія писаннаго закона и сферой обычая предполагалось бы, въ такомъ случаѣ, опредѣлить цифрою суммы гражданскаго иска или иной сдѣлки, не свыше 500 руб. Что ниже—пусть, такъ и быть, вѣдается обычаемъ: что выше—то поступаетъ въ вѣдомство «цивилизаціи», т. е. сочиняемаго учеными юристами уложенія. Самому же этому уложенію главнымъ образомъ долженъ служить Code Napoléon съ новѣйшими усовершенствованіями. Не знаемъ, какою степенью сочувствія пользуются такія предположенія въ средѣ Коммиссіи, но, кажется, большинству ея членовъ и на мысль не вспадаетъ, что въ нашемъ народномъ обычаѣ кроются такія новыя, своеобразныя юридическія начала, которымъ, можетъ быть, суждено въ будущемъ получить высшее и могущественное развитіе и раздвинуть горизонтъ современнаго юридическаго міровоззрѣнія: хоть бы начало *артельное*, которое было бы совсѣмъ ошибочно подводить подъ иностранное понятіе *ассоціаціи*! Правда, сенаторъ Пахманъ въ прошломъ году въ Петербургѣ, въ засѣданіи Юридическаго общества, публично доказывалъ необходимость принимать въ соображеніе, при составленіи гражданскаго кодекса, національные элементы права, но принята ли эта точка зрѣнія Коммиссіей и если принята, то какое получитъ законодательное выраженіе—намъ неизвѣстно.

Недавно, въ засѣданіи того же общества, раздался снова голосъ въ защиту русскихъ народныхъ обычаевъ или за ихъ право на существованіе: докторъ правъ, г-жа Ефименкова прочла пространный рефератъ, въ которомъ попыталась систематизировать главные элементы русскаго обычнаго права на основаніи разныхъ сборниковъ и описаній. Но право народныхъ обычаевъ на существованіе признается почтеннымъ докторомъ условно. Смыслъ обоихъ тезисовъ или положеній ея реферата тотъ, что въ новое гражданское уложеніе «должны быть приняты въ руководство, между прочими, и обслѣдованныя уже въ настоящее время начала обычнаго права, существующаго у русскихъ крестьянъ», а потомъ эти начала, черезъ уложеніе, прогнанныя такъ сказать черезъ реторту науки и философское сознаніе, въ облагороженномъ и очищенномъ видѣ, имѣютъ быть, въ законодательной формулѣ, «распространены и на крестьянъ»,—т. е. имъ вновь октроированы или пожалованы... При всемъ сочувствіи къ труду г-жи Ефименковой, мы не можемъ

согласиться съ ея положеніями, во-первыхъ потому, что «русское обычное право» обслѣдовано очень мало, и что въ дѣлѣ народныхъ мѣстныхъ обычаевъ ничего нѣтъ опаснѣе *обобщенія,* благодаря чему иной мѣстности можетъ быть приписанъ, а потому и навязанъ, обычай сосѣдній, ей совершенно чуждый (примѣръ такого слишкомъ широкаго обобщенія видимъ мы и въ самомъ рефератѣ). Во-вторыхъ, обычай—дѣло живое, связанное не одними внѣшними, правовыми, но и тончайшими нравственными нитями съ міровоззрѣніемъ и нравственнымъ развитіемъ народа; если этотъ обычай записать и возвести въ обязательный законъ, то рискуешь его кристаллизировать и утвердить—можетъ быть наканунѣ его естественной смерти, и во всякомъ случаѣ сковать его живую растяжимость и внутреннюю *свободу видоизмѣненій.* Въ-третьихъ, всего менѣе можно бы ввѣрить коренныя начала народнаго быта *перегону,* посредствомъ западно-европейскихъ ученыхъ (каковы всѣ наши юристы), сквозь реторту отвлеченной юридической науки, исходящей исключительно изъ началъ римскаго права. Сама эта наука должна напередъ совершенно пересоздаться, что, вѣроятно, со временемъ и произойдетъ, но этотъ процессъ очень долгъ и едва начинается. Допустить теперь ученое хозяйничанье въ дѣлѣ творчества народной исторической жизни, дозволить распяливать юридическими формулами живой народный обычай, — это значило бы лишить его нравственной силы и внести въ народный бытъ тучу противорѣчій!.. Рефератъ г-жи Евреиновой оканчивается словами, что если «эти начала обычнаго права, выработанныя самой русской жизнью, найдутъ для насъ несвоевременными (?), то пусть лучше предоставятъ «міру вѣдать его мірскія дѣла!» Это рѣшеніе самое разумное; оно именно и есть на потребу, — ничего другаго мы и не желаемъ...

Но для того, чтобы міръ могъ «свободно и безпрепятственно вѣдать свои дѣла», необходимо признать это право закономъ, необходимо *опознать* ту межу, которою сфера обычая соприкасается со сферою писаннаго права, и не переступая за межу, не стѣсняя свободы обычая никакой регламентаціей, опредѣлить съ точностью *порубежныя* отношенія обѣихъ сферъ, бытовой и государственной, обычая и формальнаго закона. Такое опредѣленіе, разумѣется, возможно только при знакомствѣ съ извѣстными, выдающимися обычаями, что въ значительной степени можетъ быть облегчено указаніями практики судовъ, крестьянскихъ учрежденій и земствъ.

Мы не станемъ распространяться ни о нравственномъ, ни о философскомъ значеніи началъ «русскаго коллективизма». Это предметъ долгихъ споровъ. Мы приглашаемъ правительство стать на утилитарную и консервативную точку зрѣнія (отвергаемую вышеупомянутымъ рефератомъ) и спросить самого себя: желательно ли для правительства

и для Россіи насильственное и искусственное разложеніе того народнаго строя, которымъ продержалась и держится Россія уже тысячу лѣтъ, о которомъ живетъ и соблюдается цѣлыхъ 80% русскаго населенія? Мы разумѣемъ здѣсь общинную форму землевладѣнія и труда (артель), съ ея развѣтвленіями,—и все общественное, мірское или громадское крестьянское устройство, съ его дисциплинирующею, воспитательною, обуздывающею личность, нравственною силою. Если же такое насильственное разложеніе не желательно, то не слѣдуетъ ли рѣшительно отказаться отъ всякаго проведенія въ крестьянскую среду принципа всесословности, а позаботиться пуще всего объ устройствѣ правильнаго modus vivendi, гармоническаго сожительства: начала *общественнаго* съ народнымъ, на обычаѣ основаннымъ строемъ, и начала *личнаго*, съ его личнымъ землевладѣніемъ и формальнымъ гражданскимъ правомъ? Разъ такое воззрѣніе восторжествуетъ въ понятіяхъ нашихъ государственныхъ людей, разграниченіе обѣихъ бытовыхъ и юридическихъ сферъ будетъ незатруднительно, и положится конецъ вредному вторженію въ жизнь народа законодательства, народу чуждаго и не для него писаннаго, а вмѣстѣ и тому разложенію народнаго быта, которое такъ же мало похоже на прогрессъ цивилизаціи, какъ мало куцый пиджакъ съ рубашкой поверхъ сапоговъ на развратномъ фабричномъ рабочемъ можетъ быть признанъ за доказательство высшей культуры.

О старыхъ судахъ (по поводу усилившихся нападеній въ газетахъ и въ обществѣ на новый судъ).

«Русь», 15-го февраля 1884 г.

Поразительно коротка память у нашего русскаго общества, и никогда такъ явно не выступало наружу это неудобное его свойство, какъ въ послѣднюю пору. Мы разумѣемъ здѣсь, конечно, память *историческую*, безъ которой не можетъ быть ни надлежащаго мѣрила для оцѣнки явленій современной общественной жизни, ни правильнаго отношенія къ текущей дѣйствительности. Мы живемъ настоящимъ днемъ, охвачены, заполонены ежедневностью, или же уносимся мыслью въ будущее,—но всего менѣе считаемся съ прошлымъ. Потому и мало обогащаетъ насъ опытъ, и уроки исторіи намъ не въ пользу; развитіе наше совершается какими-то рѣзкими скачками, съ неизбѣжнымъ перерывомъ преданія,—при чемъ не всегда удается скакнуть удачно, случается даже повторять зады, не признавъ ихъ стараго образа въ новомъ нарядѣ. Почему это такъ, почему въ простомъ народѣ память, напротивъ, долга, хотя и не возводится въ предметъ отчетливаго сознанія, а въ

образованныхъ нашихъ слояхъ общественное самосознаніе почти всегда соскакиваетъ съ исторической своей основы,—это вопросъ особый, котораго мы здѣсь касаться не станемъ. Несомнѣнно, что не изъ настоящаго, а только поднявшись надъ нимъ, только съ высоты историческаго созерцанія возможно произнести сколько-нибудь безстрастный и правдивый судъ всему нами переживаемому, уразумѣть логику событій, отвести каждому творящемуся явленію законное, подобающее ему *во времени* мѣсто и не смущаясь нынѣшнимъ днемъ укрѣпляться вѣрою въ будущее. Въ этомъ отношеніи люди старыхъ поколѣній, съ богатымъ запасомъ личныхъ воспоминаній, поставлены въ выгоднѣйшія условія, чѣмъ младшіе, уже потому, что могутъ въ общій оборотъ современной мысли вносить нѣкоторую точку опоры, которой младшія поколѣнія лишены.

На это раздумье наводитъ насъ то странное нравственное положеніе, въ которое, въ настоящую минуту, поставлено въ нашемъ обществѣ цѣлое государственное учрежденіе, — и какое? едвали не самое главное изъ главнѣйшихъ! Нашъ новый судъ, во всей полнотѣ и связи своего устройства, созданнаго Уставами 1864 г., попалъ цѣликомъ подъ опалу, очутился внезапно на скамьѣ подсудимыхъ — предъ судомъ такъ называемаго «общественнаго мнѣнія» или, точнѣе, газетъ и руководимыхъ ими читателей,—судомъ не правымъ уже потому, что ему не предшествуетъ никакое тщательное, добросовѣстное изслѣдованіе вины и ея обстоятельствъ, что онъ не въ мѣру запальчивъ и скоръ, что подсудимый лишенъ даже возможности оправдаться и по своему оффиціальному званію вынужденъ на безмолвіе. Мы очень рады, что государственная власть не вмѣшивается въ это литературное судьбище и разумно предоставляетъ ему полный просторъ и свободу; было бы только желательно, чтобъ она въ подобныхъ случаяхъ не дѣлала различія между судебнымъ и другими высшими административными вѣдомствами (значеніе которыхъ несравненно ниже перваго), такъ какъ различіе въ отношеніяхъ власти могло бы подать поводъ къ ложнымъ и конечно тревожнымъ слухамъ, будто «новый судъ» и у нея подъ опалой, будто Уставамъ 1864 г. дѣйствительно грозитъ чуть не совершенное упраздненіе. Просторъ и свобода общественнаго контроля представляютъ наилучшую гарантію для самой власти въ правильности дѣйствій государственныхъ органовъ. Въ самомъ разнообразіи и противорѣчіи общественныхъ толковъ, власть, вполнѣ независимая, непричастная односторонности литературныхъ направленій, сумѣетъ найти себѣ достаточный матеріалъ для точной оцѣнки достоинствъ и недостатковъ всякаго правительственнаго учрежденія.

«Русь» никогда не раздѣляла мнѣнія тѣхъ защитниковъ новаго судебнаго института, которые хотѣли бы оградить его какою-то непри-

косновенностью, и всякое указаніе на его слабыя стороны, на его уклоненія отъ строгой законности почитають чуть не оскорбленіемъ Величества. При всемъ сочувствіи къ Уставамъ 1864 г. нельзя же отрицать въ нихъ не только несовершенствъ, но и присутствія элементовъ фальши, заимствованныхъ преимущественно отъ французскихъ образцовъ,—а потому и разоблаченіе въ печати этихъ пороковъ и фальши мы находили и находимъ только полезнымъ. Однако невозможно не признать, что въ послѣднее время эти нападенія на судебные приговоры получили уже совсѣмъ иную окраску. Это уже не частныя обличенія, а сплошное, огульное обвиненіе всей дѣятельности, всѣхъ основъ и началъ новыхъ судебныхъ учрежденій, безъ разбора; это уже не критика, а настоящая травля. Если «Московскія Вѣдомости» своимъ спѣшнымъ и страстнымъ обобщеніямъ предпосылаютъ по крайней мѣрѣ, почти всегда, подробный анализъ какого-либо отдѣльнаго судебнаго казуса, то съ ихъ легкой или вѣрнѣе тяжелой руки, прочія газеты и газетки съ публикою вкупѣ, не задаваясь подобной скучною работой, просто ужъ хоромъ ревутъ: «ату его! ату!» глумятся, ругаются, мечутъ грязь, со свистомъ и хохотомъ, во весь судебный персоналъ, не выдѣляя никого, повально, во весь судебный институтъ съ его прошедшимъ и настоящимъ,—какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, не только подорвать въ народѣ довѣріе къ отправленію правосудія въ Россіи, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ... Голоса защиты едва слышны въ этомъ неистовомъ хорѣ; да иначе и быть не можетъ: на противной сторонѣ преимущество скандала, на который всегда такъ падка публика въ ея большинствѣ, и который дѣйствуетъ сильнѣе на ея впечатлительную природу, чѣмъ всякіе спокойные доводы. Издѣваться надъ «нашими судами» стало модой, чуть ли не общимъ мѣстомъ,—дошло до того, что даже въ недавнемъ всеподданнѣйшемъ, дворянскомъ адресѣ, съ тою недодуманностью, которая часто бываетъ удѣломъ общественныхъ собраній, включено выраженіе «о пресѣченіи *неправосудія*», какъ бы о настоятельной потребности нашихъ дней... Пресѣчь неправосудіе! Вотъ ужъ по-истинѣ коротка память! Объ этомъ ходатайствуетъ та самая корпорація, которая не далѣе какъ двадцать лѣтъ тому назадъ была еще законною носительницею и представительницею, палладіумомъ самаго вопіющаго оффиціальнаго неправосудія, какое когда-либо знавала какая страна,—которая почти цѣлый вѣкъ держала у себя въ рукахъ судебныя учрежденія на пространствѣ всей Имперіи, выбирая изъ своей среды засѣдателей и предсѣдателей въ земскіе и уѣздные суды, въ палаты гражданскія и уголовныя—позорной памяти!... Тогда корпорація «о пресѣченіи» не ходатайствовала, да и всякое ходатайство въ этомъ смыслѣ равнялось бы сознанію въ своей несостоятельности,—обвини-

тельному акту, на себя самое направленному. Неужели же въ самомъ дѣлѣ такъ мы забывчивы, что у насъ совсѣмъ уже и изъ памяти вонъ — во что обратился, чѣмъ былъ старый, еще недавній, еще и четвертью вѣка не отдѣленный отъ насъ прежній судъ, ввѣренный Высочайшею властью дворянскому сословному охраненію, поставленный подъ эгиду дворянской *корпоративной* чести?

Старый судъ! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ!.. Мы имѣемъ право такъ говорить. Пишущій эти строки посвятилъ служебной дѣятельности въ старомъ судѣ первые, лучшіе годы своей молодости. Воспитанникъ Училища Правовѣдѣнія, стало быть обязательно поступившій на службу по вѣдомству Министерства юстиціи, еще въ сороковыхъ годахъ,—онъ извѣдалъ вдоль и поперекъ все тогдашнее уголовное правосудіе, въ провинціи и столицѣ, въ канцеляріяхъ и въ составѣ суда (въ послѣднемъ какъ членъ по назначенію отъ правительства). Это было во-истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулся онъ, вмѣстѣ съ своими товарищами по воспитанію, въ неравную борьбу съ судейской неправдой,—и точно такъ же, какъ иногда и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: «вольнодумцы! бунтовщики! революціонеры»!.. Помнимъ, какъ однажды молодой оберъ-секретарь, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью Свода Законовъ, отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ высшемъ обществѣ,— и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе! Помнимъ, какъ рябой нахалъ съ знатнымъ именемъ подавалъ нашему товарищу для доклада Присутствію свое письменное оправданіе, рекомендуясь, что «по милости царской— онъ сынъ барской», и какъ никакими доводами нельзя было предотвратить пристрастнаго въ пользу «барскаго сына» рѣшенія... Предъ нами невольно встаютъ воспоминанія—одно возмутительнѣе другаго. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду сквозь путы и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства! Тамъ внизу—старый крючковѣдъ-слѣдователь снуетъ фальшивую основу, по всѣмъ внѣшнимъ правиламъ закона, для будущаго судебнаго приговора; затѣмъ, въ уѣздной инстанціи, при корыстномъ участіи или при совершенномъ, не менѣе преступномъ, безучастіи выборныхъ дворянъ-судей, взяточникъ-секретарь стряпаетъ изъ дѣла «записку» и подсказываетъ имъ безобразную, не по формѣ, а по существу, резолюцію; вотъ, наконецъ, послѣ многолѣтней иногда проволочки, дѣло—въ уголовной палатѣ, гдѣ ждетъ его та же участь... Но тамъ, въ этомъ дворянскомъ судѣ высшей инстанціи, си-

дитъ, положимъ, уже Правовѣдъ—тоже вѣдь дворянинъ, но по назначенію «отъ короны». «Запиской», конечно, какъ это чинилось прежде, онъ уже руководиться не станетъ, а борется за подлинное дѣло; но тщетно читаетъ его отъ доски до доски, всматривается въ почеркъ, допрашиваетъ настойчиво бумагу, ищетъ какого-нибудь живаго указанія въ живомъ человѣческомъ явленіи, подвергнутомъ его суду: молчитъ бумага,—бездушно, мертвенно оффиціальное изложеніе показаній преступника! Надо бы его допросить, надо бы его видѣть, надо бы войти во всѣ фактическія и психическія подробности совершеннаго преступленія. Надо бы! Но старый судъ не давалъ на это ни права, ни возможности; но юридическія данныя, требуемыя тогдашнимъ закономъ, всѣ налицо, безукоризненны по формѣ,—и какъ бы ни вопіяла внутренняя совѣсть, ничего не остается, какъ сотворить судъ и... неправду! Вотъ, напримѣръ, дѣло объ убіеніи крестьянками помѣщика, Медынскаго, помнится, уѣзда, Х—во, который пятнадцать лѣтъ сряду занимался въ своемъ уѣздѣ систематическимъ обезчещеніемъ (конечно насильственнымъ или подъ угрозою наказанія) всѣхъ лицъ женскаго пола въ своей деревнѣ, по порядку, переходя отъ одной семьи къ другой, по ревизской сказкѣ, не разбирая ни степеней родства, ни возраста. По почину одной молодой осрамленной имъ крестьянки, бабы составили заговоръ и задушили его, когда онъ пріѣхалъ къ нимъ въ поле на барщину и сталъ приставать къ одной изъ нихъ. Преступленіе открылось, произведено слѣдствіе,—причемъ уѣздные дворяне въ письменномъ повальномъ обыскѣ дали такой отзывъ (мы его сами читали), что «убитый помѣщикъ велъ себя какъ прилично благородному россійскому дворянину». Виновныя бабы, отмстившія за поруганную свою честь, которымъ даже не было и способа иного для огражденія чести своихъ подроставшихъ дочерей, были присуждены, въ виду усиливающихъ вину обстоятельствъ (убійство *помѣщика*), къ наказанію ста ударами плетей и къ каторгѣ.

Каково же было подписывать такой приговоръ, формально вполнѣ законный, и утѣшаться впослѣдствіи лишь тѣмъ, что высшею властью число плетей и каторжныхъ работъ нѣсколько поубавлено? Возможно ли было бы такое правосудіе при настоящихъ формахъ судопроизводства и при судѣ присяжныхъ?.. Мы не можемъ отдаться здѣсь нашимъ воспоминаніямъ, но дѣлъ подобныхъ разсказанному, въ теченіе нашего недолголѣтняго судебнаго поприща, было множество. Не всегда, повторяемъ, неправда была послѣдствіемъ грубокорыстныхъ побужденій, но часто и очень часто происходила отъ преступно-небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ выборныхъ судей,—отношенія взлелѣяннаго замкнутостью судилища, гдѣ всѣ были *свои*, гдѣ все было по домашнему, куда не проникалъ глазъ посторонняго наблюдателя, гдѣ все,

даже по закону, ограждалось «канцелярскою тайною» и не опасалось проклятой «гласности». Безъ сомнѣнія, на дворянскихъ выборахъ, для полученія судейскихъ мѣстъ, никому не давалось взятокъ; но дворянская корпорація (это, къ несчастію, не подлежитъ и сомнѣнію) не имѣла въ обычаѣ руководиться сознаніемъ, что званіе судьи требуетъ и опытности, и особыхъ нравственныхъ качествъ, что на дворянахъ лежитъ обязанность всевозможно оберегать публичное правосудіе. Успѣхъ на выборахъ зависѣлъ большею частью отъ кулебякъ и шампанскаго... Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ! Само собою разумѣется, что новый судья не могъ не радѣть, при случаѣ, своему брату дворянину... Пишущій эти строки самъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ выборовъ и имѣлъ честь служить съ однимъ изъ таковыхъ дворянскихъ избранниковъ въ провинціальной уголовной палатѣ, гдѣ не было налицо ни одного взяточника или явнаго мошенника; все—«добрые малые», типы вполнѣ заурядные, а между тѣмъ волей-неволей — творцы или потворщики беззаконія. И это былъ судъ!.. Именно возможность такого беззаконія даже при «добрыхъ малыхъ», дворянскихъ избранникахъ въ составѣ судебнаго персонала,—она-то и вопіяла о необходимости изъять судъ изъ рукъ сословной корпораціи, поставить его подъ контроль, подъ неумолимый бичъ гласности, замѣнить бумажный процессъ живымъ публичнымъ изслѣдованіемъ, поставить обвиняемаго лицомъ къ лицу съ судьей, дать мѣсто, среди внѣшнихъ, условныхъ юридическихъ истинъ, мѣсто *совѣсти*, мѣсто истинѣ нравственной... Но въ то время о судебной реформѣ даже не было и помину. Она стала возможной только съ наступленіемъ новаго царствованія. Никакого просвѣта не было въ этой тьмѣ. Въ судахъ «черна неправдой черной», Россія не смѣла и уповать, что когда-либо убѣлится. Судъ и неправда въ понятіяхъ народа были синонимами; въ заговорахъ отъ всякой напасти — изобрѣтались колдовскія слова, оберегавшія будто бы даже и праваго отъ столкновенія съ судомъ; правила вѣковой народной мудрости гласили: «съ богатымъ не судись, съ сильнымъ не борись»... Неправосудіе представлялось какимъ-то неизбѣжнымъ элементомъ жизни, чуть не основою русскаго общежитія... Какъ ни утѣшались мы усиліями небольшой горсти молодыхъ борцовъ, данныхъ вышеназваннымъ Училищемъ, какъ ни старались мириться сами и мирить своихъ друзей съ тѣмъ скуднымъ поприщемъ добра, которое отводила намъ служба, — какъ ни мечтали о лучшемъ будущемъ, но самыя дерзновенныя наши мечты даже и не досягали до предположенія, что когда-либо станетъ возможенъ въ нашемъ отечествѣ судъ *совсѣмъ безъ взятокъ*, хоть бы только *безъ взятокъ!*..

И такой судъ сталъ возможенъ! Что за чудо? какимъ чародѣйствомъ могло оно совершиться? И не только возможенъ, но онъ существуетъ,—

существуетъ уже цѣлыхъ двадцать лѣтъ! Это не предположеніе, это не сонъ, это наша дѣйствительность, проникшая въ сознаніе *всего* народа! О томъ, что настоящіе русскіе судьи не берутъ взятокъ, что къ судьямъ можно теперь явиться безъ приношеній, что бѣдность въ глазахъ суда не порокъ, что бѣдному и всякому приниженному судъ теперь равенъ съ богатымъ и знатнымъ,— о томъ вѣдаетъ въ настоящее время изъ конца въ конецъ вся Россія, каждый мужикъ на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ нашей земли, -въ этомъ убѣжденіи возрастаютъ теперь юныя поколѣнія цѣлаго стомилліоннаго народа... Какой неисчислимый капиталъ нравственнаго добра перешелъ въ народное обращеніе! О, благословенно имя Того, отъ кого мы получили такое богатство,—сотнями лѣтъ благодарности не расплатиться народу за избавленіе его отъ бытовой заматорѣлой духовной язвы! И мы, мы теперь сами, вдругъ, точно ужаленные, вопимъ, ругаемъ, оплевываемъ, топчемъ въ грязь орудіе нашего нравственнаго перерожденія — то самое учрежденіе, которое вытащило насъ изъ смраднаго болота, гдѣ мы чуть-чуть было не увязли совсѣмъ съ головой, безъ всякихъ протестовъ и адресовъ, — тотъ «новый судъ», который въ теченіе только двухъ десятковъ лѣтъ успѣлъ уже заслонить, даже вышибъ изъ нашей памяти старое безбожное кривосудье... Да, коротка наша память!

Положимъ, поводомъ къ такому внезапному «негодованію» послужило нѣсколько неправильныхъ, даже тенденціозныхъ приговоровъ,— мало того: вполнѣ признаемъ, что въ новыхъ учрежденіяхъ, въ Уставахъ и на практикѣ, обнаружилось много неудобствъ и погрѣшностей... Но что же значатъ всѣ эти частныя уклоненія отъ строгой законности и всѣ эти отдѣльные недостатки — въ сравненіи съ тѣмъ благомъ, которое эти учрежденія намъ принесли, съ тою сплошною мерзостью, которую мы терпѣли такъ долго, даже и не обнаруживая, къ стыду нашему, никакой особенной щекотливости и раздражительности? Заслуги новаго суда таковы, что налагаютъ на насъ обязанность относиться къ нему съ признательностью и уваженіемъ, обличать его промахи или ложное подчасъ направленіе безъ оскорбленій, не колебля авторитета новыхъ учрежденій — по ихъ существу. Слѣдуетъ помнить, какого врага они сломили, отъ какого зла мы спаслись, — и не уподобляться, въ самомъ дѣлѣ, тому мужику въ баснѣ Крылова, который, вмѣсто благодарности работнику, высвободившему его изъ-подъ медвѣдя и заколовшему звѣря рогатиной, напалъ на работника же съ бранью, зачѣмъ-де, спасая его, не сумѣлъ поберечь медвѣжью пушину:

Чего обрадовался сдуру?
Знай колетъ! всю испортилъ шкуру!

Несправедливые приговоры, промахи, недостатки, подчасъ тенденція, ложное направленіе... Да неужели же можно было вообразить, что

мы, послѣ длиннаго ряда вѣковъ безсудья и кривды, такъ прямо и прыгнемъ въ совершенство! Слава Богу уже за то, что есть и что имѣемъ, и на что даже не позволительно было надѣяться. Теперь судъ несомнѣнно, благодаря гласности, тѣснѣе связанъ съ общественнымъ мнѣніемъ чѣмъ прежде. Въ этомъ гарантія для честности и безкорыстія, но есть въ этомъ конечно и опасная сторона: давленіе общественнаго (въ данную минуту) настроенія на судей. Какъ это подчасъ ни прискорбно, но все же въ существѣ своемъ этотъ грѣхъ принадлежитъ къ категоріи нѣсколько высшей въ нравственномъ смыслѣ, чѣмъ подкупъ деньгами или сознательное неправосудіе, творимое надъ бѣднымъ и немощнымъ въ угоду сильному и богатому! Самымъ злосчастнымъ событіемъ для новаго суда было, безъ сомнѣнія, оправданіе Вѣры Засуличъ. Не только вердиктъ присяжныхъ былъ несправедливъ, но и судьи сбились съ толку, повели дѣло неправильно. Однакожъ можно ли, по совѣсти, винить только однихъ присяжныхъ и судей за то, что они невольно смутились въ виду того общаго фальшиваго настроенія, которое пуще всего и не безъ авторитета проявилось въ цѣломъ сонмѣ присутствовавшихъ тутъ генераловъ въ звѣздахъ и лентахъ? Развѣ бывшій тутъ же андреевскій кавалеръ не обратился, по произнесеніи приговора, къ предсѣдателю съ привѣтомъ, что этотъ день — самый свѣтлый въ его жизни и въ жизни Россіи, на что и получилъ отъ предсѣдателя въ отвѣтъ горькое, хотя и позднее признаніе, что «этотъ день, напротивъ, самый печальный въ исторіи русской юстиціи»! Конечно нужно желать, нужно требовать, нужно настаивать, чтобы судъ, независимый отъ администраціи, былъ вполнѣ независимъ и отъ общественныхъ разныхъ теченій, но для этого нужно не ронять, не позорить достоинство суда, а возвышать и укрѣплять его въ сознаніи судей и самого общества.

Никакіе вѣсы, насильственно нагнетенные въ одну сторону и вдругъ освобожденные, не приходятъ тотчасъ въ равновѣсіе, а непремѣнно хватятъ черезъ край въ противоположную сторону и долго колеблются. Точно то же случилось и съ нами при установленіи новаго суда, точно то же бываетъ при всякой сильной реакціи. Эта истина извѣстная. Только люди, обдѣленные всякимъ историческимъ опытомъ и соображеніемъ, могутъ предположить, будто рѣзкое общественное преобразованіе способно немедленно проявиться въ жизни съ надлежащею умѣренностью и аккуратностью. Рабъ отпущенный на волю не можетъ нѣсколько не потѣшиться волей, пока къ ней не навыкнетъ. Послѣ долгой рабской зависимости отъ администраціи, отъ всякихъ начальствъ, сильныхъ и важныхъ или съ толстою казною господъ, вдругъ надѣленный самостоятельностью, судъ во многихъ и многихъ случаяхъ (подтверждаемъ это вполнѣ), не безъ чувства нѣкотораго торжества и зло-

радства, проявляя эту свою самостоятельность именно *надъ тѣми, которые прежде никакого суда надъ собой и знать не хотѣли.* Понятно негодованіе послѣднихъ и клики ихъ, что новые судьи—«властей не признаютъ», но вѣдь понятно же, но естественно и имѣетъ за собой нѣкоторое историческое оправданіе — и это крайнее, одностороннее увлеченіе новыхъ судей своею независимостью. Особенно извинительно оно въ людяхъ молодыхъ, которые, «полные вѣры въ свою миссію», дѣйствительно подчасъ, словно охотники, выслѣживаютъ и бьютъ стараго врага (иногда даже почти лежачаго), не безъ нѣкотораго жестокосердія и самодовольства...

Какъ бы ни неудобно, какъ бы ни предосудительно съ точки зрѣнія строгой правды было подобное увлеченіе, все это серьезный государственный умъ долженъ былъ заранѣе предвидѣть, заранѣе уразумѣть неизбѣжность такого явленія, отвести, какъ мы выразились, подобающее ему мѣсто *во времени* и вѣрить, что оно само собою минуетъ. Не одинъ судъ, но всѣ реформы прошлаго царствованія имѣли тотъ же освободительный характеръ, въ жизни и въ литературѣ: сортировать предварительно элементы добрые отъ злокачественныхъ было невозможно; все разумѣется вмѣстѣ ринулось на волю. Такъ въ водополье, если не поднять плотину—ее снесетъ, а поднять—плотина уцѣлѣетъ, но рѣка все же помчится бурнымъ, мутнымъ потокомъ, затопляя берега, неся на хребтѣ своемъ льдины съ навозомъ, мусоромъ, дрянью. Сколько мусору, сколько дряни! А вольно-жъ было накопить, наворотить ихъ цѣлыя копны! Но смущаться нечего: все это умчится и пронесется, вода сойдетъ и рѣка станетъ въ межевь, спокойная и мирная, какъ и прежде.

Ставятъ въ вину Судебнымъ Уставамъ, что они создали «государство въ государствѣ», силу отъ государственной власти независимую; поднялся оживленный толкъ о пресловутой несмѣняемости судей. Но развѣ мыслится *судъ зависимый* отъ чего-либо инаго, какъ отъ закона, исходящаго отъ верховной законодательной власти? Судъ зависимый есть безсмыслица, contradictio in adjecto, или же чудовищная аномалія: зависимый судъ не есть судъ. Судъ есть функція самой государственной власти; судъ творится именемъ Царскаго Величества, и, точно такъ же какъ оно, ни отъ какой администраціи зависѣть не можетъ. На то онъ и Царскій судъ. Достоинство и задача верховной власти въ томъ и заключается, чтобъ судъ былъ ни отъ кого независимъ, а служилъ бы единственно правосудію—какъ непосредственный ея органъ: отдѣлить судъ отъ Государя, источника всякой власти въ государствѣ, невозможно. Но эта связь порывается и судъ становится въ извѣстномъ смыслѣ независимымъ даже отъ государственной власти именно тогда, когда онъ творитъ беззаконіе. Вотъ, напримѣръ, старые наши суды, *зависимые* отъ богатыхъ и мощныхъ, — тѣ дѣйствительно составляли

силу независимую отъ государства!... Само собою разумѣется, что Царь, источникъ и послѣднее прибѣжище земнаго правосудія, стоитъ, по русскимъ понятіямъ, выше всякой формальной буквенной правды, и ему всегда принадлежитъ право устранить ее ради высшей нравственной истины,—но это будетъ тогда Его *личный* судъ, сверхзаконный, но интересъ самого Царя тѣмъ не менѣе въ томъ, чтобъ учрежденные имъ суды и изданные во всеобщее руководство законы стояли крѣпко и прочно.

Объ отношеніяхъ суда къ Царю и толковать нечего; но неужели же кому желательно, чтобъ судьи состояли въ полномъ подчиненіи у министра юстиціи, который можетъ смѣняться чуть не ежегодно, а съ нимъ мѣняться и личное министерское усмотрѣніе? Чтобъ судьи были поставлены въ необходимость заискивать у начальствъ и человѣкоугодничать?! Что же касается въ частности до «несмѣняемости» самихъ судей, то нельзя даже и отвлеченно измыслить такую фикцію, чтобъ та власть, отъ которой судья получаетъ полномочіе, именемъ которой онъ дѣйствуетъ, была лишена права отнять данное ею полномочіе! Самому отчаянному радикалу, который бы отрицалъ такое право самодержавнаго государя, фикція эта представится въ полной нелѣпости, если задать ему вопросъ: а народъ-государь, le peuple souverain (или что̀ то же: нѣсколько паръ голосовъ, составляющихъ численный перевѣсъ въ палатѣ депутатовъ), лишенъ ли этого права? Конечно нѣтъ, отвѣтитъ онъ, и такимъ отвѣтомъ самъ разобьетъ фикцію несмѣняемости, понятую въ этомъ смыслѣ. О такой несмѣняемости ни слова нѣтъ, разумѣется, и въ нашихъ Уставахъ; но сама самодержавная власть, желая придать болѣе прочности и самостоятельности судейскому званію, нашла нужнымъ, въ видахъ собственной пользы, обставить увольненіе судей нѣкоторыми мѣрами осмотрительности, означенными въ 226 — 230, 292 — 296 ст. Учрежденія Судебныхъ Установленій. Такой же порядокъ увольненія признавался и признается правительствомъ вполнѣ умѣстнымъ даже и не для однихъ членовъ суда, а всякій разъ, когда должностнымъ лицамъ приходилось или приходится сталкиваться съ интересами сильныхъ лицъ. Тою же «несмѣняемостью» или вѣрнѣе тѣмъ же *опредѣленнымъ порядкомъ смѣняемости*, пользовались, напримѣръ, мировые посредники и члены губернскихъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ (по Положенію 19 февраля), и пользуются въ настоящее время предводители дворянства... Неужели же значеніе *судей* ниже значенія всѣхъ послѣднихъ?! Только совершеннымъ незнакомствомъ съ Уставами и можно объяснить весь этотъ газетный задоръ по поводу какой-то *безусловной* несмѣняемости.

Намъ указываютъ на нѣсколько неправильныхъ или «тенденціозныхъ» приговоровъ... Не станемъ разбирать эти приговоры въ подроб-

ности; прямо допустимъ, что таковые приговоры были, что ихъ было даже не нѣсколько, а десятки: больше пока никто не насчитываетъ. Хорошо поступаетъ печать, что не оставляетъ ихъ безъ вниманія. Но что же значатъ эти десятки, хотя бы даже и цѣлая сотня—въ общемъ громадномъ числѣ приговоровъ, ежедневно, безъ всякой тенденціи, на точномъ основаніи закона, произносимыхъ на всемъ томъ великомъ пространствѣ, гдѣ дѣйствуютъ новые Судебные Уставы? Кричатъ и голосятъ о нѣкоторыхъ частныхъ, исключительныхъ или выдающихся неправильностью случаяхъ, и молчатъ о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ, молчатъ о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей, такъ еще недавно неправосудной землѣ! Забываютъ и объ этомъ множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно доблестныхъ тружениковъ (даже плохо, сравнительно съ другими, государствомъ вознаграждаемыхъ), которые неутомимо воспитываютъ въ народѣ сознаніе законности и справедливости,—которые во истину слуги царевы, добросовѣстно творя во имя Его судъ и правду... По послѣднему подробному (только въ 1883 г. изданному) отчету Министерства юстиціи за 1878 г., слѣдовательно за 5 лѣтъ назадъ, всѣхъ уголовныхъ рѣшеній въ однихъ Окружныхъ судахъ Имперіи состоялось въ этомъ году 25,410, изъ нихъ безъ присяжныхъ 6,049, съ присяжными 19,361. Изъ общаго числа приговоровъ 63½% приходится на долю обвинительныхъ, 28% на долю оправдательныхъ и 8½% на «смѣшанные»; изъ общаго числа подсудимыхъ, *осужденныхъ* Окружными судами съ участіемъ присяжныхъ—19,224; *оправданныхъ* присяжными — 11,469. Если, сравнительно съ 1877 г., дѣлъ въ Окружные Суды поступило въ 1878 г. на 5,000 болѣе, то за 1883 г. число приговоровъ можно уже смѣло опредѣлить до 40 тысячъ... И изъ всѣхъ этихъ десятковъ тысячъ приговоровъ—ни одинъ не запятнанъ *корыстью*... Сладкая, благодатная увѣренность! Россія ли отплатитъ за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны: станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость, — все вернется: и взятки, и мошенничество, и всякое кривосудье!...

Могутъ сказать, что число оправдательныхъ приговоровъ слишкомъ велико; но объ этомъ, какъ вообще о присяжныхъ и о другихъ особенностяхъ новаго судопроизводства, равно и о существенныхъ его *недостаткахъ*, поговоримъ подробнѣе въ другой разъ.

О старыхъ судахъ (по поводу статьи, помѣщенной въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ»).

«Русь», 1-го марта 1884 г.

Сильное раздраженіе произвела статья «Руси» о старыхъ судахъ въ нашемъ такъ называемомъ консервативномъ лагерѣ. Казалось бы, задача консерватизма — охранять твердость государственныхъ основъ среди общаго безостановочнаго движенія впередъ государственной жизни, среди безчисленныхъ частныхъ преобразованій, дополненій, нововведеній, которымъ, подъ воздѣйствіемъ обстоятельствъ, неизбѣжно подвергаются различныя отрасли управленія. Но вѣдь для исполненія подобной задачи нужно прежде всего отчетливо сознавать разумъ и значеніе этихъ основъ, не съ одной внѣшней формальной ихъ стороны, но и съ внутренней, по ихъ жизненному *историческому существу;* нужно умѣть различать общее отъ частнаго, коренное отъ случайнаго, неподвижное отъ его видоизмѣняющагося выраженія, — начало, принципъ — отъ его разнообразнаго проявленія, обусловленнаго ходомъ времени... А развѣ таковы наши «консерваторы» (какъ ихъ величаютъ), — по крайней мѣрѣ большая часть изъ тѣхъ, которыхъ мы видимъ въ дѣйствіи въ настоящую пору? Они хромлятъ на оба колѣна; они ни исторической сущности основъ нашего государственнаго строя не вѣдаютъ, или же отождествляютъ ее съ какою-либо наружною, хотя бы и чуждою, несвойственною ей случайною формой; они ни требованія текущей жизни уразумѣть не способны. Лишенные точной руководящей мысли, они знаютъ только одно различіе: «старое» да «новое»; преисполненные искреннѣйшаго испуга при встрѣчѣ лишь съ призракомъ чего-либо «новаго» (хотя бы это новое было само по себѣ очень и очень старо, но только забыто или презрѣно), они въ то же время испытываютъ «влеченіе— родъ недуга» ко всему «старому», —хотя бы это старое было никуда негодно или само, въ свою пору, было незаконнымъ и насильственнымъ новшествомъ! Вотъ почему и правильнѣе называть ихъ, въ pendant къ нашимъ лже-либераламъ — лже-консерваторами. Они ничего не охраняютъ, а развѣ лишь мертвятъ, обрывая у охраняемаго ими корня всякій новый ростокъ, новый стебель; или же, — рьяно загораживая теченіе жизни, — творятъ именно то, что Ю. Ѳ. Самаринымъ такъ мѣтко охарактеризовано словомъ: «революціонный консерватизмъ». Впрочемъ послѣднее предполагаетъ нѣкоторую энергію и строго-очерченную программу; у большей же части нашихъ мнимо-консерваторовъ нѣтъ ни того, ни другаго, а есть только инстинкты и потуги—безсильныя воскресить старое, безсильныя дать рѣзкое направленіе жизни, но успѣ-

вающія однако, порою, создавать неопредѣленное, смутное и колеблющееся положеніе общихъ дѣлъ...

Къ такому разряду консерваторовъ принадлежитъ очевидно и анонимный авторъ передовой статьи въ 53 № «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», направленной противъ статьи 4-го № «Руси» о старыхъ судахъ. Казалось бы, какое дѣло истому консерватору до старыхъ порядковъ, которыхъ пѣсня спѣта, которыхъ воскрешенія онъ, по его словамъ, нисколько не домогается? Мало того: онъ даже какъ бы оскорбляется подобнымъ предположеніемъ и горько жалуется, что людямъ, требующимъ только исправленія нынѣ дѣйствующаго судопроизводства, тотчасъ же бросаютъ въ лицо упрекъ: «ага! вы ретрограды», «хотите стало быть вернуться къ старымъ судамъ!». «Едва не прибавляютъ», — приводимъ подлинныя слова автора, — «стало быть, вы хотите возстановить и крѣпостное право!» Но вѣдь «Русь», какъ знаютъ читатели, ни къ кому съ такимъ упрекомъ и не обращалась; напротивъ, она сама предпослала характеристикѣ старыхъ судовъ слѣдующій отзывъ о новыхъ: «при всемъ сочувствіи къ «Уставамъ 1864 г., нельзя же отрицать въ нихъ не только несовершенствъ, но и присутствія элементовъ фальши, заимствованныхъ преимущественно отъ французскихъ образцовъ,—а потому и разоблаченіе въ печати этихъ пороковъ и фальши только полезно». Кромѣ того: въ концѣ статьи прямо заявлено, что «о существенныхъ недостаткахъ новаго суда «Русь» будетъ говорить въ другой разъ» (что теперь нами и исполняется; см. помѣщаемыя ниже «Замѣчанія о судѣ присяжныхъ»). Слѣдовательно, никакого повода къ негодованію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» на нашу газету повидимому и не представлялось. Но вотъ тутъ-то именно и выглядываютъ черты того современнаго типа консерваторовъ, который охарактеризованъ нами выше: типа нравственныхъ межеумковъ, вѣчно смущающихся шумомъ и движеніемъ жизни, усматривающихъ залогъ мира и тишины только въ рутинѣ, вѣчно воздыхающихъ о старомъ и вѣчно же, не столько по принципу, сколько по инстинкту и духовному безсилію, враждебныхъ всему новому. Автору статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» просто за обиду стало строгое мнѣніе «Руси» о старыхъ судахъ, ея требованіе *уважительнаго* отношенія къ суду новому, признаніе его заслугъ, наконецъ самое это разсужденіе о необходимости обличать недостатки и ошибки новыхъ судныхъ порядковъ не сплошь, не огульно, а съ разборомъ, безъ оскорбленій, безъ колебанія ихъ авторитета въ понятіяхъ народныхъ. Но таковы наши консерваторы! Неуважительный отзывъ о *старыхъ* несуществующихъ судахъ—ихъ раздражаетъ; уважительное же отношеніе къ государственнымъ учрежденіямъ существующимъ, но *новымъ* или недавнимъ—раздражаетъ ихъ еще болѣе! Вотъ еслибы мы отнеслись къ судебной ре-

формѣ съ глумленіемъ, поношеніемъ, хотя бы самымъ грубымъ и съ пѣною у рта, мы бы навѣрное заслужили сочувствіе нашихъ консервативныхъ пессимистовъ, не смотря даже на то, что проекты нынѣ дѣйствующаго судоустройства изготовлены и подписаны такими государственными людьми, которыхъ никто въ ложномъ или шаблонномъ либерализмѣ не заподозритъ, какъ напримѣръ К. П. Побѣдоносцевъ, Н. И. Стояновскій, и другіе...

Кромѣ воздыханій ничего въ сущности и нѣтъ въ статьѣ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей»; никакого ясно очерченнаго довода не противопоставляетъ она статьѣ «Руси»—ни въ защиту старыхъ судовъ, ни въ отрицаніе указанной «Русью» заслуги новыхъ. На воздыханіяхъ далеко не уѣдешь при отсутствіи опредѣленной мысли, и авторъ препростодушно пытается восполнить свое безсиліе колкими выходками по адресу самого редактора «Руси»,—даже, вопреки литературному обычаю относительно неподписанныхъ статей, называя его по имени. По колкаго ничего не выходитъ, а забавнаго безсилія много! Авторъ начинаетъ съ того, что пересаживаетъ редактора «Руси» на разные стулья. «Однажды, говоритъ онъ, г. Аксаковъ, сѣвъ на стулъ восторга, произвелъ благовѣстъ по всей землѣ русской по поводу постановленія московскаго земскаго собранія о выборѣ священниковъ прихожанами. Дѣло вскорѣ оказалось такою дѣтскою мечтою, что восторгъ долженъ былъ замолкнуть»... Почему нужно было, при разсужденіи о судахъ, помянуть это церковное обстоятельство и почему *именно оно* такъ засѣло въ памяти автора, мы... недоумѣваемъ, но на эту его попытку *уязвленія* позволимъ себѣ замѣтить ему слѣдующее: во-первыхъ, такого постановленія никогда не было; было постановленіе земства: *ходатайствовать* о признаніи приходскихъ обществъ юридическими лицами съ предоставленіемъ имъ права выбора священниковъ. Во-вторыхъ, дѣйствительно мы привѣтствовали это постановленіе съ живою, искреннею радостью, и если радости этой, не вскорѣ, а тотчасъ былъ положенъ конецъ, такъ единственно лишь благодаря «Духовному Коллегіуму» или присутственному мѣсту, вѣдающему дѣла Русской церкви, именуемому Св. Синодомъ, а можетъ быть только его канцеляріи... Увы! всѣ попытки къ оживленію истиннаго пастырскаго духа въ пастыряхъ народныхъ, особенно въ селахъ,— къ устраненію изъ нашей церкви того духа казеннослужебнаго, который мертвитъ ея дѣятельность, роняетъ авторитетъ и плодитъ расколъ,—къ возвращенію нашей церкви къ лучшимъ временамъ древняго церковнаго строя,—всѣ эти попытки во истину оказываются «мечтою»!... Да и съ точки зрѣнія канцелярской, хотя бы и духовно-канцелярской, не только попытки, но самыя эти преданія церковныя, эти порядки древлеотческіе, да чуть ли не всякая христіанская доблесть—что же какъ не мечта, пожалуй и дѣтская! Можемъ увѣрить

автора статьи, что въ этомъ отношеніи мы совершенно исправились и уже не возлагаемъ болѣе никакихъ упованій на наше духовное вѣдомство; ждать отъ него болѣе нечего: оно останется строго вѣрно условіямъ своего заматорѣлаго формализма и не дѣтскаго, а взрослаго внутренняго безсилія.

Затѣмъ, авторъ статьи сажаетъ г. Аксакова на «стулъ негодованія», съ котораго будто бы и раздается его «филиппика» противъ старыхъ судовъ, уподобляемая «С.-Петербургскими Вѣдомостями» «героической дуэли Донъ-Кихота съ вѣтряными мельницами»; наконецъ тотъ же остроумный авторъ пересаживаетъ г. Аксакова на «стулъ недоумѣнія» и вспоминаетъ, что редакторъ «Дня» нѣсколько сомнѣвался въ успѣхѣ новыхъ судебныхъ учрежденій передъ самымъ моментомъ ихъ введенія... Вотъ сколько возсѣданій! Но мы все-таки въ болѣе выгодномъ положеніи, чѣмъ неизвѣстный авторъ статьи: мы все-таки на чемъ-нибудь да сидимъ,—онъ же постоянно попадаетъ между двухъ стульевъ! Да, мы не вполнѣ довѣряли полному успѣху новыхъ учрежденій, мы «недоумѣвали»: какъ пойдетъ у насъ это новое, необычное дѣло,—и недоумѣвали не только потому, что оно основано на началахъ въ извѣстномъ смыслѣ иноземныхъ, но и потому еще, что слишкомъ глубоко, казалось, пустила въ насъ корни язва старыхъ судовъ. Но мы и тогда, въ газетѣ «День», съ горячимъ сочувствіемъ отнеслись и къ принципу гласности, и къ принципу суда присяжныхъ, жалѣя только, что образцомъ послѣдняго приняты были французскіе, а не англійскіе порядки. Если же именно теперь нашли мы своевременнымъ разразиться такою «филиппикою заднимъ числомъ» противъ старыхъ судовъ, то потому собственно, что память о нихъ видимо ослабла, и въ литературѣ стали появляться выраженія какихъ-то подозрительныхъ вожделѣній къ возврату на старый путь; потому также, что, при оцѣнкѣ *результата* 20-ти-лѣтней практики новыхъ Судебныхъ Уставовъ необходимо было *сравненіе* съ прежнимъ судебнымъ строемъ. Да и самая эта статья «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», она-то именно и доказываетъ, что филиппика была вовсе не лишняя. Если же послѣдняя—только «Донъ-Кихотова борьба съ мельницами», такъ для чего бы не предоставить редактору «Руси» безъ помѣхи такую невинную забаву, которая никому не вредитъ, а только его же самого подвергаетъ общему смѣху?

Но старые судебные порядки, очевидно, лежатъ близко къ сердцу нашего скорбнаго критика; мало того, составляютъ для него предметъ какъ бы личныхъ и повидимому дорогихъ воспоминаній. Ему вѣдомо и въ какомъ отдѣленіи какого сенатскаго департамента служилъ г. Аксаковъ, и въ какомъ состояніи находилась эта канцелярія сорокъ лѣтъ тому назадъ; онъ упоминаетъ, должно быть по личному опыту, о тѣхъ, которые, не покинувъ сената, успѣли пріобрѣсть въ немъ «мало-по-

малу знаніе канцелярской обрядности» и вынесли много пользы изъ старой сенатской практики. На основаніи этихъ свѣдѣній о службѣ г. Аксакова, загадочный incognito отрицаетъ его право на критическую оцѣнку старыхъ судовъ,—увѣряетъ, что онъ, т. е. редакторъ «Руси», былъ въ 6-мъ департаментѣ въ качествѣ «послѣдней спицы въ колесницѣ», и что у него нѣтъ и не можетъ быть «наблюденія», а только «ощущенія заднимъ числомъ».

Свѣдѣнія автора не совсѣмъ вѣрны. Г. Аксаковъ служилъ въ шестомъ уголовномъ департаментѣ сената и во второмъ, и въ первомъ отдѣленіи, и не одинъ годъ; былъ не только секретаремъ, но и оберъ-секретаремъ,—а крупнѣе спицы въ сенатской канцелярской колесницѣ, какъ оберъ-секретарь, даже и не имѣется (съ чѣмъ не можетъ не согласиться и авторъ). Мало того: г. Аксаковъ имѣетъ, повидимому, нѣкоторое преимущество предъ своимъ оппонентомъ уже потому, что служилъ не только въ столицѣ, но и въ провинціи, не только въ канцеляріи, но и въ составѣ суда—нѣсколько лѣтъ, въ званіи товарища предсѣдателя уголовной палаты по назначенію отъ правительства. Онъ же, наконецъ, состоя при ревизующемъ сенаторѣ, участвовалъ въ теченіе цѣлаго года въ ревизіи присутственныхъ мѣстъ одной губерніи, и онъ же, въ другой губерніи, производилъ уголовное слѣдствіе (въ составѣ коммиссіи) въ теченіе полутора года, стало быть, волей-неволей не могъ не пріобрѣсти хоть нѣкоторой опытности въ уголовной судебной практикѣ. Въ какой же степени способенъ онъ былъ къ «наблюденію», объ этомъ предоставляетъ онъ судить самому автору статьи, если только послѣдній потрудится прочесть «Утро въ уголовной палатѣ»—сцены, составленныя г. Аксаковымъ еще въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ и напечатанныя лѣтъ 20 спустя, кажется, въ журналѣ «Заря». Про это «Утро» ужъ никакъ не приходится сказать, что «ощущенія» въ немъ переданы заднимъ числомъ.

Просимъ извиненія у читателей, что коснулись такихъ личныхъ и вовсе не интересныхъ для нихъ подробностей: намъ хотѣлось только установить отрицаемое у насъ право критики. Мы же съ своей стороны склонны думать, что нашъ оппонентъ едвали даже и знакомъ практически съ старымъ уголовнымъ судопроизводствомъ... Иначе онъ бы не утверждалъ, что главною причиною зла въ старомъ судѣ былъ только «безпорядокъ отправленій, происходящій отъ равнодушія и невѣжества», а не что другое. Равнодушія и невѣжества было, разумѣется, много, но въ статьѣ «Руси» приведены примѣры, доказывающіе, что и при знаніи, и при самомъ неравнодушномъ отношеніи къ дѣлу старыя формы уголовнаго суда тѣмъ не менѣе оказывались совершенно негодными. Приговоръ о наказаніи ста ударами плетей и вѣчною каторгою—крестьянокъ, вынужденныхъ послѣ пятнадцатилѣтняго мучительнаго

терпѣнія, вступиться наконецъ за свою поруганную честь и за огражденіе дочерей отъ неизбѣжно грозившаго имъ поруганія,—крестьянокъ, которыя даже и не имѣли, кромѣ убійства, иного способа избавиться отъ поругателя и насильника—этотъ приговоръ былъ совершенно законенъ по формѣ. Въ томъ именно и дѣло, что,—какъ сказано въ нашей статьѣ,—судья былъ лишенъ возможности и *права* «видѣть преступника *лицомъ къ лицу*, войти во всѣ фактическія и *психическія* подробности преступленія и дать, среди внѣшнихъ, условныхъ юридическихъ истинъ, мѣсто *совѣсти*, мѣсто истинѣ нравственной». Однимъ словомъ, недоставало ни *судебнаго слѣдствія, ни суда присяжныхъ*. Вообще едвали возможно, при нѣкоторой добросовѣстности, признавать статью «Руси» только «лирическимъ» осужденіемъ, лишеннымъ всякаго фактическаго основанія, выражающимъ не выводы опыта, а только субъективныя, случайныя ощущенія...

Но вотъ вопросъ, который мы предложимъ автору разбираемой статьи,—хотя собственно этотъ вопросъ и не нуждался бы въ новой постановкѣ, такъ какъ уже находится въ статьѣ «Руси» 4-го №, но авторомъ почему-то совсѣмъ обойденъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обойденъ имъ и главный или самый яркій аргументъ въ пользу новыхъ Судебныхъ Уставовъ,—самое осязательное доказательство заслугъ и преимуществъ новаго суда предъ старымъ. Если главная причина зла въ старомъ судѣ, по мнѣнію статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», заключалась въ «безпорядкѣ отправленій, происходящемъ отъ равнодушія и невѣжества», то спрашивается: почему же существеннѣйшее зло стараго суда—многовѣковое взяточничество, отъ котораго правительству никакими мѣрами и никакими уголовными карами не удавалось избавить страну,—со введеніемъ новаго суда вдругъ прекратилось, да разомъ, словно ножомъ обрѣзало?!.. Вѣдь тутъ даже постепенности никакой не происходило. Сегодня—«равнодушіе», «невѣжество» и самое безстыжее взяточничество, вызвавшее негодующій стихъ поэта, что Россія

въ судахъ *черна неправдой черной,*

на другой день, не далѣе какъ на другой же день—глядь! ни равнодушія, ни невѣжества,—черную неправду смыло, какъ будто ея и не бывало! Да такъ смыло, что не только новыя поколѣнія и не подозрѣваютъ ея былаго, хотя и очень недавняго, существованія, но—какъ видится—и старыя поколѣнія о ней забыли! Чѣмъ же это объяснить? Когда же это люди успѣли вдругъ переродиться, изъ невѣждъ стать свѣдущими и излѣчиться, именно по отношенію къ суду, отъ той язвы равнодушія, которая, увы! продолжаетъ еще и теперь разъѣдать и наше общество—даже въ сферахъ, предоставленныхъ общественному самоуправленію,—и нашу администрацію—во многихъ, многихъ отрас-

ляхъ государственнаго управленія?.. Очевидно, что причину такой внезапной, необычайной, какъ бы чародѣйственной перемѣны слѣдуетъ искать въ самыхъ формахъ новаго суда, въ его всенародности, въ гласности, въ допущеніи судебнаго слѣдствія, въ учрежденіи присяжныхъ засѣдателей. Значитъ ли это, что и въ новомъ судѣ нѣтъ недостатковъ? Нисколько; есть и въ немъ недостатки своего рода; но признайте же,— казалось бы, для такого признанія и гражданскаго мужества не надо, довольно *гомеопатической* доли добросовѣстности и трезваго смысла,— признайте же, рѣшитесь выговорить, что новый судъ оказалъ Россіи великую услугу... ну хоть уже тѣмъ, что снялъ съ русскаго правосудія позоръ взяточничества и упразднилъ правый укоръ, высказанный вышеприведеннымъ стихомъ поэта!..

Это пустяки, что ли? Это не великое нравственное благо, пущенное въ оборотъ жизни народной? И достанетъ у васъ духу это вымолвить въ то самое время, когда посулы, подкупы, хищенія практикуются въ такомъ громадномъ размѣрѣ почти всюду кромѣ суда,—въ вѣдомствахъ хозяйственныхъ, административныхъ, не исключая и духовнаго, хотя бы и къ сердечному огорченію ихъ начальниковъ? И думаете вы, что этимъ неизбѣжно-присущимъ нашему административному строю, хотя бы преимущественно въ низшихъ его ярусахъ, мздоимствомъ, даже неуловимымъ для судебнаго преслѣдованія, не развращается въ глубинѣ своей общественная совѣсть, не растлѣваются народные нравы?...

Статья «Руси» указываетъ на *десятки тысячъ* судебныхъ уголовныхъ приговоровъ, произносимыхъ ежегодно на точномъ основаніи закона, безъ всякой тенденціи, честно и добросовѣстно,—хотя и не отрицаетъ факта, что были десятки, пожалуй цѣлая сотня, приговоровъ неправильныхъ, тенденціозныхъ (впрочемъ все-таки чуждыхъ побужденіямъ грубой корысти)... Эти сто приговоровъ и осуждайте, изслѣдуйте причины такой неправильности, придумывайте мѣры огражденія, но воздайте же должное за десятки тысячъ честныхъ рѣшеній! Но тутъ-то у васъ языкъ и прилипаетъ къ гортани.

Столь сердобольный къ старымъ судебнымъ порядкамъ, авторъ лишаетъ г. Аксакова всякаго права судить о новомъ судоустройствѣ, утверждая, что относительно новаго суда онъ не имѣетъ опыта, хотя бы и кратковременнаго. Смѣемъ думать, что нашъ критикъ, богатый опытомъ канцелярской сенатской службы и вѣроятно по гражданской лишь части (тогда какъ весь споръ идетъ только объ уголовномъ судоустройствѣ), не имѣлъ даже и того опыта относительно новыхъ судебныхъ порядковъ, какой привелось имѣть г. Аксакову. Послѣдній три раза участвовалъ въ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя и даже старшины присяжныхъ засѣдателей (въ Москвѣ и въ уѣздѣ),—а по званію почетнаго мироваго судьи принималъ даже участіе въ уѣздномъ

временномъ отдѣленіи Окружнаго Суда въ качествѣ члена. Позволяемъ себѣ также предположеніе, что автору статьи «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» не случилось еще ни разу исполнять должность присяжнаго засѣдателя. Не знаемъ, какъ бывало съ другими, но никогда не приходилось намъ видѣть, слышать и испытывать то, о чемъ разсказываетъ брошюра: «Замѣтки присяжнаго засѣдателя» (петербургскаго), разосланная при «Гражданинѣ». Основываясь на своемъ *личномъ* опытѣ, пишущій эти строки свидѣтельствуетъ, что не только онъ, но и всѣ товарищи безъ исключенія, всякій разъ, при обсужденіи каждаго дѣла, относились къ дѣлу съ самымъ серьезнымъ и напряженнымъ участіемъ. Чувство нравственной отвѣтственности невольно охватывало душу даже наиболѣе легкомысленнаго, но особенно сильно овладѣвало оно людьми простаго званія, не изъ разряда такъ называемой интеллигенціи. Надо было видѣть, какъ измѣнялось выраженіе ихъ лицъ по принятіи присяги, какъ крестились они, приступая къ обсужденію вопросовъ или при подписаніи приговора. Такое же впечатлѣніе выносили изъ суда присяжныхъ и всѣ безъ исключенія, кого только намъ случалось разспрашивать. Да опросите старообрядцевъ, спросите крестьянъ: чтò думаютъ они объ этой формѣ суда? *Мы утверждаемъ напередъ, что они отзовутся о ней съ глубокимъ сочувствіемъ.* Негодованіе присяжныхъ не разъ возбуждаютъ поставленные имъ неточные и неразумительные вопросы; они тяготятся обязанностью оставаться только въ тѣхъ узкихъ предѣлахъ, которые вопросами намѣчены, ограничиваться только лаконическими отвѣтами безъ опредѣленія всѣхъ оттѣнковъ своей мысли,—но самый принципъ суда присяжныхъ понятѣнъ и дорогъ народу. Само собою разумѣется, что когда гонятъ мужиковъ въ судъ изъ-за триста и болѣе верстъ, въ рабочее время, или хоть не въ рабочее, а съ явнымъ для нихъ разореніемъ, такъ что присяжному приходится даже голодать въ буквальномъ смыслѣ слова, то отправленіе должности присяжнаго становится тягостною, несносною повинностью,—но въ этомъ виноватъ не принципъ суда присяжныхъ, а Правительствующій Сенатъ, до сихъ поръ не разрѣшающій земствамъ выдавать денежное пособіе крестьянамъ, вызываемымъ въ присяжные изъ-за дальняго разстоянія. Понятно также, что если пригонять въ судъ, въ Самару или Уфу, какихъ-нибудь Черемисовъ, не понимающихъ почти ни слова по-русски, такъ изъ нихъ плохіе присяжные выходятъ, — но вѣдь и примѣнять каждое законоположеніе требуется со смысломъ...

Самое это напряженное чувство нравственной отвѣтственности, охватывающее присяжнаго, естественно склоняетъ русскаго простолюдина скорѣе къ оправданію, чѣмъ къ обвиненію. Для совѣсти все же легче не наказать виновнаго, чѣмъ наказать понапрасну безвиннаго. Въ старомъ уставѣ уголовнаго судопроизводства или въ XV томѣ Свода Законовъ

десятки лѣтъ красовалась статья, взятая изъ Наказа Екатерины II-й пользовавшаяся нѣкогда большимъ сочувствіемъ въ русскомъ обществѣ: судья долженъ памятовать, что *«лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго»*. Вотъ на эту-то законодательную мораль, бывшую, по велѣнію верховной власти, обязательною для уголовныхъ судей въ теченіе чуть не цѣлаго вѣка, пусть и опрокидываются современные антагонисты новыхъ судебныхъ порядковъ, если достанетъ духу! Правда и то, что нравственное воззрѣніе, выраженное этою статьею стараго закона, вполнѣ согласуется и съ нравственными убѣжденіями Русскаго народа, который и уголовнаго преступника, разъ онъ присужденъ къ наказанію, именуетъ не иначе какъ «несчастнымъ»... Что же прикажете дѣлать съ Русскимъ народомъ? Упразднить его совѣсть? или же упразднить самый Русскій народъ? Во сколько же оправданіе виновныхъ зависитъ отъ формальностей, коими обставленъ судъ присяжныхъ, во столько эти формальности подлежатъ исправленію и легко могутъ быть исправлены, какъ это и указывается помѣщаемою ниже статьею г. Тютчева.

Довольно. Деликатно отзываясь о старыхъ судебныхъ порядкахъ, то воздыхая о нихъ, то допуская, какъ бы нехотя, что они все-таки были «плохи», хотя и заслуживаютъ извиненія,—критикъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» менѣе чинится съ судами новыми, называя ихъ, между прочимъ, «машиною, служащею *бременемъ народу и государству*»! Это уже почти смертный приговоръ, и притомъ общій, сплошной, *всему* учрежденію, безъ изъятія той или другой его стороны или части! Вслѣдъ затѣмъ однако авторъ прибавляетъ менѣе грозныя строки: а потому она (машина) и требуетъ «переложенія такъ, чтобъ она служила защитою народныхъ и государственныхъ интересовъ». Съ послѣднимъ можно бы и не спорить, да и вообще мы едвали бы стали и отвѣчать на эту статью, еслибъ не попадали въ ней выраженія, заставляющія предполагать какую-то недоговоренную мысль. «Вопросъ идетъ не о *старомъ* судопроизводствѣ, а о *новомъ*»—внушительно говоритъ намъ авторъ. Въ такомъ случаѣ, казалось бы, незачѣмъ было ему и пускаться съ нами въ препирательство и поднимать перчатку, брошенную нашею газетою охотникамъ до старыхъ судовъ. Однако тутъ же слѣдуетъ такое добавленіе: «Никто и не думалъ проповѣдывать возстановленіе стараго въ его *формальной цѣлости*, да это и невозможно»!... Только въ *формальной цѣлости* невозможно?... Стало быть *въ частности* возможно, и объ этомъ кое-гдѣ думаютъ... Вотъ это-то и интересно. Что же именно можетъ, по мнѣнію автора, подлежать *возстановленію?*

Отъ автора мы не добьемся отвѣта, да едвали даже и обладаетъ онъ точнымъ представленіемъ о томъ, что и какъ слѣдуетъ возстановить и

исправить. Именно къ нему-то и можетъ быть обращенъ упрекъ, что онъ руководится болѣе «ощущеніями», чѣмъ ясными выводами, точнѣе сказать: мятется между безплодными симпатіями къ старой рутинѣ и безплодными же, надо надѣяться, антипатіями ко всему новому и живому. Вся статья его отражаетъ межеумочное состояніе мысли и духа, совершенно свойственное тому современному типу нашихъ мнимыхъ консерваторовъ, про который можно сказать стихами давно умершаго поэта,—что онъ

> Безсиленъ къ смѣлому возврату
> Иль къ шагу смѣлому впередъ
> И по углаженному скату
> Лѣниво подъ гору ползетъ...

Только что отвѣтили мы мнимому консерватору, какъ приходится отвѣтить голосу изъ противоположнаго лагеря,—изъ того самаго, который гордо красуется кличкою «либеральнаго», но который мы не переставали и не перестанемъ называть мнимо-либеральнымъ. Сотрудникъ и вдохновитель газеты «Русскій Курьеръ», графъ Петръ Кутузовъ (не Арсеній) въ 55 № этой газеты выдаетъ намъ похвальный рескриптъ или аттестатъ не только отъ имени своего стана, но и отъ имени (excusez du peu) «всей правомыслящей Россіи» за *«услугу»*, оказанную статьею 4-го № «Руси» «на пользу торжества правды и просвѣщеннаго, гуманнаго правосудія». — Благодарны за сочувствіе, вѣримъ искренности графа Кутузова, жалѣемъ, что онъ выражается слишкомъ ужь многословно и высокопарно, и отвѣтимъ ему въ краткихъ словахъ.

Мы, прежде всего, не понимаемъ, на какомъ основаніи присвоиваетъ почтенный авторъ своему лагерю какую-то монополію сочувствія реформамъ покойнаго Государя. Почему сочувствовавшихъ или сочувствующихъ освобожденію крестьянъ или новымъ судебнымъ уставамъ— причисляетъ онъ къ сонму бывшихъ западниковъ, величающихъ себя теперь въ печати «либералами» или «интеллигенціей» по преимуществу?!... Тѣ, которымъ они же дали кличку «славянофиловъ» и надъ которыми сорокъ лѣтъ глумились, да и понынѣ не перестаютъ издѣваться, были едвали не первыми проповѣдниками необходимѣйшихъ реформъ и во всякомъ случаѣ самыми дѣятельными работниками въ совершеніи многихъ важнѣйшихъ преобразованій прошлаго царствованія — вовсе однакоже не во имя какой-либо западной «либеральной» доктрины, а во имя требованій общечеловѣческой и *русской* народной правды. Сохраненіе, напримѣръ, крестьянской поземельной общины, мірскаго самоуправленія, да и самый надѣлъ земли, равный для всѣхъ безъ различія—вовсе, кажется, не входили въ программу нашихъ «либераловъ», да вѣдь и не преподаны какъ образецъ для подражанія за-

падною цивилизаціей?!... Если же вообще въ реформахъ Александра II оказываются нѣкоторые *элементы фальши*, такъ именно во столько, во сколько въ новые учрежденія и порядки успѣлъ проникнуть духъ доктринерства, духъ чисто-*западныхъ либеральныхъ* теорій. Этого духа развѣ отрѣшились теперь «Курьеръ» и прочіе органы глаголемой «либеральной» печати? Мы этого какъ-то не замѣчали. Воспѣвая гимны дѣяніямъ «Великаго Реформатора», не толковали ли они развѣ и объ «увѣнчаніи зданія», и о «правовомъ порядкѣ» въ такомъ смыслѣ, въ какомъ мы сочувствовать имъ не можемъ? Развѣ не отрицали и не отрицаютъ они въ то же время и чуть не ежедневно право Русскаго народа на «самобытность въ сферѣ политическихъ идей» (sic,—это было напечатано)? Да и вообще русская духовная «самобытность», какъ это довольно извѣстно, претитъ нравственному существу нашихъ мнимыхъ либераловъ горше полыни,—что, впрочемъ, очень понятно и даже извинительно лицамъ, которыхъ всѣ идеалы — тамъ, въ Западной Европѣ; которыхъ весь образъ мыслей, умственный и нравственный строй опредѣляется чуженароднымъ критеріумомъ; для которыхъ вся исторія до-Петровской Россіи есть, по выраженію Хомякова, не болѣе какъ *девятисотлѣтній ростъ будущей обезьяны!*... Есть много и другихъ вопросовъ, раздѣляющихъ насъ съ почтенными ратниками такъ называемаго либерализма. Мы, напримѣръ, нисколько бы не желали, чтобы въ той или другой «либеральной», хотя бы и легальной, формѣ могли они выдавать себя за «Русскій народъ», а свои измышленія за выраженіе его чувствъ, мысли и воли; мы находимъ также, что въ своемъ «демократизмѣ», «гуманизмѣ» и пр., наши мнимые либералы несравненно болѣе придаютъ значенія насущному хлѣбу, чѣмъ тому хлѣбу духовному, который Русскому народу дорогъ паче насущнаго...

Съ нѣкоторыхъ поръ, впрочемъ, «Русскій Курьеръ» сталъ весьма часто на своихъ страницахъ ссылаться на «христіанство» и «христіанское ученіе». Это нововведеніе дѣлаетъ ему или собственно графу Кутузову большую честь и подаетъ добрыя надежды на будущее, но пока... да проститъ насъ гр. Кутузовъ за откровенность — едвали не производитъ оно еще бо́льшую путаницу въ его понятіяхъ. Дошло до того, что «Русскій Курьеръ», во имя христіанской любви, осудилъ Русскій народъ—зачѣмъ-де онъ освободилъ (цѣною своей крови) христіанъ-Болгаръ отъ магометанскаго ига, такъ какъ, по умозаключенію «Курьера», это не согласно-де съ текстомъ Евангелія. Болгаре—разсуждаетъ онъ—обязаны были продолжать платить дань Султану, такъ какъ Султанъ-де «тотъ же Кесарь», а вѣдь «Кесарево—Кесареви»! Освобождать Болгаръ надо было-де мирнымъ способомъ, посредствомъ предварительнаго «насажденія культуры»!... Выходитъ по этому разсужденію, что Россія согрѣшила тѣмъ, что, побивъ Мамая на Куликовомъ полѣ, избавила та-

кимъ способомъ сыновъ своихъ отъ татарскаго ига, и что Святый Сергій, благословившій на подвигъ Пересвѣта и Ослябю, куда какъ ниже разумѣлъ обязанности христіанской нравственности, чѣмъ «Русскій Курьеръ»... Все это, конечно, опроверженія не заслуживаетъ, но не заслуживаетъ и гнѣва, — дѣло для газеты вѣдь новое: дочитается современемъ гр. Кутузовъ и до текста: «больше же сея любве никто же иматъ, да кто душу свою положитъ за други своя»...

Еще два слова. Въ лагерѣ такъ называемомъ консервативномъ есть все же одна сторона, по крайней мѣрѣ у многихъ, которой мы не встрѣчаемъ въ лагерѣ такъ называемомъ либеральномъ и съ которою мы не можемъ не сочувствовать, какъ бы ни расходились въ воззрѣніяхъ: это — любовь къ русской народности и народу, это — живое чувство національнаго достоинства и чести, — чего мы никакъ не усматриваемъ ни въ брошюрахъ гр. Кутузова, ни въ статьяхъ «Р. Курьера» — ну хоть бы по поводу Скобелева...

Впрочемъ, гр. Кутузовъ человѣкъ искренній, а потому и рекомендуемъ ему чтеніе и изученіе сочиненій Хомякова, К. С. Аксакова, Ю. О. Самарина; можетъ быть онъ мало-по-малу и выберется на прямую дорогу.

По поводу назначенія новаго Министра Юстиціи.

«Русь», 16-го ноября 1885 г.

Назначеніе новаго Министра юстиціи въ настоящую пору кризиса, наступившаго для судебныхъ установленій въ русскомъ общественномъ мнѣніи, не можетъ не представляться особенно важнымъ. Такого интереса никогда доселѣ не возбуждала смѣна лицъ, занимавшихъ эту высокую должность. Выборъ палъ на сенатора М. А. Манассеина, и повидимому удовлетворилъ всѣхъ (кромѣ развѣ прибалтійскихъ бароновъ и ихъ русскихъ петербургскихъ пріятелей). Никто не можетъ предположить въ немъ отъявленнаго врага новыхъ судовъ, — въ немъ, нѣкогда дѣятельномъ и грозномъ прокурорѣ, неотступно преслѣдовавшемъ беззаконный произволъ и злоупотребленія администраціи, даже высшей: свидѣтельствуетъ о томъ дѣло бывшаго Рязанскаго губернатора Болдырева. Никто не имѣетъ повода заподозрить его и въ фанатическомъ пристрастіи къ Судебнымъ Уставамъ 1864 года, — въ такомъ рабολѣпномъ доктринерствѣ, для котораго малѣйшее посягательство на какой-либо параграфъ этихъ Уставовъ казалось бы уже чѣмъ-то въ родѣ святотатства. Но такъ какъ Н. А. Манасеинъ принялъ на себя обязанности новаго званія въ то именно время, когда борьба между защитни-

ками и противниками судебныхъ учрежденій достигла крайняго раздраженія; когда, — этого нельзя отрицать, — вслѣдствіе многихъ печальныхъ, широко огласившихся судебныхъ казусовъ, авторитетъ новаго суда нѣсколько пошатнулся въ русскомъ обществѣ, да отчасти и въ народѣ; когда, однимъ словомъ, правительство не могло уже болѣе медлить отвѣтомъ на возбужденный вопросъ,—то стало быть этотъ отвѣтъ и данъ намъ теперь въ лицѣ вновь назначеннаго министра. Смыслъ этого отвѣта намъ кажется ясенъ: никакой радикальной «ломки» Судебныхъ Уставовъ произведено не будетъ, но частныхъ, и притомъ немаловажныхъ, измѣненій слѣдуетъ ожидать непремѣнно. Надо полагать, что и самый споръ между обоими крайними лагерями, въ виду такой перспективы, утратитъ теперь свой запальчивый, страстный характеръ, и что общественная печать окажетъ правительству искреннее и добросовѣстное содѣйствіе въ предпринимаемомъ важномъ трудѣ — не огульнымъ, какъ прежде, подчасъ безшабашнымъ, сплошнымъ порицаніемъ «новаго суда» во имя фальшиво понятаго консерватизма, а тщательною разработкою отдѣльныхъ вопросовъ.

Необходимо однакожъ напередъ совсѣмъ отбросить въ сторону нелѣпый въ смыслѣ принципіальномъ, неумѣстный вопросъ о зависимости или независимости суда отъ администраціи, и отказаться отъ неприличныхъ, ставшихъ столь обычными у насъ, инсинуацій — будто всякое осужденіе «администратора» есть посягательство на прерогативы самодержавія, и т. п. Нельзя же «администрацію» исключительно отождествлять съ лицомъ Государя и усматривать въ царскомъ достоинствѣ только высшую іерархическую административную ступень, а въ каждомъ административномъ чинѣ, даже въ урядникѣ — отраженіе Царскаго Величества! Творить судъ и правду—величайшая изъ функцій самой верховной власти. Судъ совершается отъ имени Царскаго Величества. Онъ есть судъ Царевъ—по принципу; слѣдовательно долженъ быть вполнѣ независимъ по существу, развѣ только отъ установленныхъ Царемъ законовъ, вполнѣ обязательныхъ тамъ, гдѣ судитъ не самъ Царь непосредственно, а судятъ, по препорученію его, избранныя имъ, ему подвластныя лица. Между тѣмъ въ одномъ изъ органовъ такъ называемаго консервативнаго лагеря, наиболѣе искреннемъ, предъявлялось недавно требованіе, чтобы аттестація членовъ суда, представленіе ихъ къ отличіямъ и повышенію были въ каждой губерніи предоставлены губернатору,—такъ чтобы гг. судьи состояли всегда въ нравственной отъ него зависимости! Тамъ же, при назначеніи министромъ сенатора Манасеина, выражалась надежда, что суды познаютъ теперь «идею начальства». Хорошъ былъ бы Царевъ судъ, еслибъ онъ судилъ такъ, какъ начальство прикажетъ,—будь это начальство — не только губернаторъ (а губернаторовъ у насъ чуть не сотня и весьма

разнообразныхъ калибровъ), но и самъ министръ — сегодня назначаемый, завтра смѣняемый. Тотъ же органъ печати въ судебномъ процессѣ и рѣшеніи о кронштадтскомъ полицiймейстерѣ Головачевѣ усматривалъ какое-то пораженіе достоинству власти, тогда какъ наоборотъ—это было истинное торжество Царской судебной власти, карающей гласно неправду недостойныхъ своего званія чиновниковъ, хотя бы и «административныхъ»! Странно было бы и останавливаться на подобныхъ ребяческихъ требованіяхъ, еслибъ они раздавались только въ печати, а не предъявлялись даже въ такъ называемыхъ «высшихъ сферахъ...»

Несомнѣнно однакоже, что личный составъ судебныхъ учрежденій можетъ оказывать почти неуловимое вліяніе на ходъ судебныхъ процессовъ и что дѣйствительно многія рѣшенія нашихъ судовъ были окрашиваемы тенденціозностью. Этой тенденціозности, разумѣется, не должно быть мѣста въ судѣ. Судья не имѣетъ права, и въ юридическомъ смыслѣ — истинный преступникъ, когда позволяетъ себѣ при сужденіи о дѣлѣ становиться на «либеральную» или «консервативную» точку зрѣнія. Но это зло, именно у насъ, присуще или было присуще въ равной степени и администраторамъ различныхъ степеней, не исключая и высшихъ, такъ что оно не составляетъ какой-либо органической принадлежности судебнаго института. Фальшивый либерализмъ и теперь крѣпко еще коренится въ различныхъ канцеляріяхъ, оплачиваемый казенными деньгами и награждаемый чинами и орденами. Есть даже цѣлыя отрасли управленія, которыя какъ-то спеціально имѣли такую, конечно ошибочную, репутацію «либерализма», напримѣръ чиновники по взиманію акциза съ сивухи и иныхъ питій!.. Фальшиво-либеральное направленіе въ русскомъ обществѣ объясняется, какъ мы это часто напоминали, многими историческими условіями нашего развитія, и главнымъ образомъ тою отчужденностью отъ народной жизни, которой въ одинаковой мѣрѣ причастенъ и весь строй русскаго управленія, съ самимъ Петербургомъ во главѣ. Эта болѣзнь, принявъ эпидемическій характеръ и достигнувъ своего апогея въ порожденіи нигилизма и анархизма, начинаетъ уже теперь, и довольно замѣтно, проходить, — и нельзя ставить въ вину исключительно судебному личному составу, что и его не миновалъ общій недугъ: это было нѣчто въ родѣ кори или скарлатины, отъ которой не свободенъ ни одинъ смертный. Но представьте себѣ судебный персоналъ составленнымъ по преимуществу изъ людей вполнѣ серіозныхъ и строго безпристрастныхъ, — и вы убѣдитесь, что зло, на которое наиболѣе указывали противники судебныхъ учрежденій, не состоитъ въ прямой органической связи съ ними. Разъ, что подобное принципіальное заблужденіе будетъ отброшено, легче станетъ распознавать—откуда именно, сквозь какія именно

щели, проходятъ въ нашъ судъ, не безъ торжества иногда, разныя лживыя вѣянія. Все дѣло въ томъ, — и на это, вѣроятно, будетъ обращено особое вниманіе новымъ министромъ, — что необходима строгая разборчивость въ назначеніи личнаго судебнаго состава. Стать судьей или прокуроромъ—это не должно быть какимъ-то натуральнымъ процессомъ выслуги или карьеры, чѣмъ-то роковымъ —какъ переходъ изъ коллежскаго секретаря въ титулярные за столько лѣтъ...

Года два тому назадъ, когда въ русской печати вражда къ новымъ, преимущественно уголовнымъ судамъ дошла до того, что начались воздыханія по судамъ старымъ, дореформеннымъ, «Русь», какъ извѣстно, выступила со статьей, обличавшей всю мерзость прежнихъ уголовно-судебныхъ порядковъ, — отлично, по опыту, извѣстную автору статьи, пишущему и эти строки. Мы указали тогда, что старой формѣ уголовнаго судопроизводства недоставало существенныхъ условій, необходимыхъ для отправленія правосудія, именно *гласности*, — какъ гарантіи правильности судопроизводства; *судебнаго слѣдствія*, ибо немыслимъ правильный въ живомъ уголовномъ дѣлѣ приговоръ, когда судья вовсе не видитъ въ лицо преступника, не слышитъ его голоса, его объясненій, а долженъ полагаться на записанное постороннимъ слѣдователемъ показаніе; наконецъ—*элемента совѣсти*, такъ какъ судъ, имѣя дѣло прежде всего съ нравственною стороною дѣянія, съ внутренними побужденіями человѣка, безконечно разнообразными, не можетъ для опредѣленія истины ограничиваться одними внѣшними, заранѣе предустановленными юридическими признаками. Эти три условія, недостававшія старому уголовному суду, находятся всѣ въ судѣ новомъ, — и въ этомъ состоитъ его существенное преимущество, — но въ самой постановкѣ и обстановкѣ этихъ условій заключаются въ то же время и важные его недостатки, недостатки серіозные, требующіе исправленія. Эта постановка и обстановка почти цѣликомъ заимствованы изъ французскаго, самаго плохаго изъ образцовъ; оттуда же взято и учрежденіе адвокатовъ, или наемныхъ «защитниковъ», которое главнымъ образомъ и скомпрометтировало у насъ новыя судебныя установленія. Не было и нѣтъ у новаго суда болѣе злыхъ враговъ, какъ наши «любодѣи мысли», «софисты XIX вѣка», ораторы, оплачиваемые по стольку-то за каждый цвѣтокъ краснорѣчія. Эта публичная, мерзостная проституція слова безспорно имѣла и имѣетъ самое вредное, деморализующее вліяніе на ходъ русскаго правосудія; она обратила наши судебныя зрѣлища въ безнравственную школу для общества. На этотъ *институтъ* должны быть, по нашему мнѣнію, направлены по преимуществу удары реформы. Мы не замедлимъ вернуться къ вопросу о новомъ судѣ, и именно уголовномъ,—къ чему теперь можно приступить тѣмъ съ боль-

шимъ спокойствіемъ, что о совершенномъ уничтоженіи или радикальной ломкѣ судебныхъ установленій не можетъ уже теперь, слава Богу, быть болѣе и рѣчи...

О вопросахъ, предлагаемыхъ на судѣ защитниками (по поводу статьи: «Перекрестный допросъ»).

«Русь», 6-го декабря 1885 г.

Рекомендуемъ особенному вниманію читателей помѣщаемую ниже, очень дѣльную на нашъ взглядъ, статью: «Перекрестный допросъ», т. е. допросъ свидѣтелей на судѣ прокуроромъ и защитниками. Авторъ убѣдительно доказываетъ,—и мы вполнѣ присоединяемся къ его мнѣнію,—необходимость отнять у «сторонъ» право *непосредственнаго* допроса, взамѣнъ чего предоставить «сторонамъ» предлагать свои вопросы свидѣтелямъ — не иначе какъ черезъ предсѣдателя. Введеніе этой мѣры вынуждается, впрочемъ, не собственно образомъ дѣйствій прокуроровъ: послѣдніе, какъ исполняющіе долгъ государственной службы, держатъ себя вообще при допросахъ съ приличіемъ — обязательнымъ для ихъ званія. Неприличны бываютъ, скажемъ ужъ кстати, ихъ обвинительныя рѣчи, именно когда они пускаются въ элоквенцію. Не знаемъ, какъ смотритъ на эти рѣчи новый Министръ юстиціи, но еслибъ отъ насъ зависѣло, мы бы за каждый цвѣтокъ, за каждый прихотливый извивъ краснорѣчія, награждали прокурора выговоромъ, а за пустозвонную рѣчь съ ругательствами или издѣваніями надъ подсудимымъ, или съ явною цѣлью взволновать, увлечь своимъ паѳосомъ присяжныхъ, подѣйствовать внѣшнимъ образомъ на ихъ нервы—вычитывали бы у него по цѣлому году изъ службы! Рѣчь прокурора должна быть убѣдительна безстрастною, строгою дѣловитостью. Но не объ этихъ «рѣчахъ» теперь наша рѣчь, а собственно о допросахъ, и именно о допросахъ, предлагаемыхъ гг. защитниками. Самая обязанность защиты (особенно когда защита нанята, — а она не нанимается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ) побуждаетъ адвоката лѣзть изъ кожи, чтобы подорвать силу выгоднаго для истины, но невыгоднаго для его интересовъ свидѣтельства. Для этого адвокату и необходимо порой смутить, озадачить, сбить съ толку свидѣтеля,—что и очень удобно при торжественной обстановкѣ суда, когда допросъ обращается къ свидѣтелю-новичку, робкому и смиренному, особенно же къ лицамъ женскаго пола или простаго званія. Мало того: защитнику достаточно иногда набросить (хотя бы вовсе неумѣстнымъ, нейдущимъ къ дѣлу допросомъ) на личность свидѣтеля тонкую, почти неуловимую тѣнь сомнѣнія, одурачить его, выставить

смѣшнымъ, заподозрить вскользь, слегка, его нравственное достоинство, и тому подобными гнусными пріемами ослабить довѣріе къ словамъ допрашиваемаго. Можно по-истинѣ только удивляться долготерпѣнію свидѣтелей и ихъ уваженію къ суду... Бываютъ такіе неумѣстные, неприличные, нахальные вопросы со стороны иного лихача адвокатуры, что если у свидѣтеля не рыбья кровь — отвѣтъ «дѣйствіемъ» былъ бы самый естественный. Показываетъ, напримѣръ, дама-свидѣтельница по дѣлу объ украденной у ея пріятельницы шкатулкѣ, — защитникъ, вмѣсто вопроса: видѣла ли она у потерпѣвшаго лица шкатулку, вдругъ: «а позвольте спросить, свидѣтельница, въ какихъ вы отношеніяхъ находитесь къ вашему мужу?» или: «свидѣтельница, не знакомы ли вы съ г. NN?»... И все это съ такими ужимочками, улыбочками, морганьями, миганьями, которыя досказываютъ остальное... Правда, предсѣдатель имѣетъ право остановить вопрошающаго; часто и останавливаетъ, на что защитникъ обыкновенно съ развязностью отвѣчаетъ: «этого требуетъ интересъ защиты», или же порой, видя, что эффектъ на публику произведенъ: «мнѣ больше ничего и не нужно-съ»... Однимъ словомъ—для свидѣтельствованія истины въ нашемъ судѣ нужно много мужества, такъ какъ защитникъ того и гляди окатитъ васъ, по выраженію даже «либеральнаго» поэта Некрасова, «ушатомъ помой». Право предсѣдателя «останавливать» неумѣстный вопросъ *послѣ* уже того, какъ таковой былъ предложенъ, вовсе не достигаетъ цѣли: не останавливать, а предупреждать подобные вопросы — вотъ что нужно. Нѣтъ сомнѣнія, что *поручать* предсѣдателю дѣлать вопросы подобнаго рода защитникъ отважится не легко, да и предсѣдатель за подобнаго рода порученіе можетъ ему тутъ же сдѣлать строгое и вразумительное внушеніе.

Безстыдной травлѣ защитниками свидѣтелей долженъ быть положенъ конецъ, и въ судѣ должна же когда-нибудь вновь водвориться благопристойность, изгнанная изъ него нашими адвокатами. Почему бы, кажется, къ предлагаемому авторомъ упомянутой статьи видоизмѣненію не приступить тотчасъ же, безъ замедленія?..

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПИТАНІЕ.

СТАТЬИ

ИЗЪ «ДНЯ», «МОСКВЫ» И «РУСИ».

О соотношеніи нашего общественнаго образованія съ табелью о рангахъ.

„День", 6-го іюня 1864 г.

Говоря о воспитаніи и объ отношеніи школы къ жизни въ Россіи, мы пришли — какъ вѣроятно помнятъ читатели — къ такому выводу, что намъ нѣтъ пока другаго выхода изъ нашего положенія, какъ *полной свободы обученія*. Мы выразили мнѣніе, что тогда образуются школы не казенныя, а частныя, или же общественныя, соотвѣтственныя потребностямъ общества; тогда каждая среда создастъ сама себѣ школы — ей въ самомъ дѣлѣ нужныя; тогда само собою уравновѣсится отношеніе — такъ сказать — между предложеніемъ и потребленіемъ, между школьнымъ ученіемъ и дѣйствительными запросами жизни, и опредѣлится настоящій уровень общей цивилизаціи нашего отечества. Но, выступая съ мнѣніемъ о полной свободѣ обученія, мы вовсе не имѣли и не имѣемъ въ виду уничтоженія тѣхъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, которыя открыты и содержатся на счетъ государства. Мы вполнѣ признаемъ, что доставлять обществу всѣ пособія къ высшему образованію лежитъ на прямой обязанности государства, тѣмъ болѣе, что оно располагаетъ такими средствами, какихъ ни частныя лица, ни общество въ своемъ распоряженіи имѣть не могутъ — нигдѣ, а тѣмъ менѣе у насъ, въ Россіи; мы желали бы, напротивъ, поднять значеніе нашихъ государственныхъ учебныхъ заведеній и обратить ихъ въ дѣйствительный разсадникъ знанія и науки, но полагаемъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута только тогда, когда частному обученію будетъ предоставлена полная свобода, и казенное воспитаніе въ вышеупомянутыхъ заведеніяхъ перестанетъ быть обязательнымъ. Намъ могутъ возразить, пожалуй, что вступленіе въ гимназіи или университетъ, напр., нисколько не обязательно, но такое возраженіе нельзя назвать справедливымъ. Конечно, нѣтъ закона, который бы повелѣвалъ учиться въ гимназіи или университетѣ, но за то есть законы, устанавливающіе

за этими учрежденіями такія служебныя привилегіи, что гимназія и университетъ оказываются единственно-возможнымъ выходомъ на служебное гражданское поприще, единственною дверью, открывающею виды на *карьеру*. Подобно тому, какъ въ теплицахъ холоднаго сѣвера умудряются искусственнымъ жаромъ и удобреніемъ выгонять изъ наносной почвы—цвѣты и деревья знойнаго юга, — такъ и просвѣщеніе въ Россіи было возращаемо и вытягиваемо вверхъ—искусственнымъ способомъ правъ, преимуществъ, служебныхъ выгодъ. Это сравненіе старое, всѣмъ извѣстное, но тѣмъ не менѣе поразительно вѣрное. Мы знаемъ всѣ—что такое растеніе тепличное, какъ оно хило, дрябло, не плодотворно, въ сравненіи съ тѣми, здоровыми и могучими, которыя растутъ тамъ у себя дома, на вольномъ воздухѣ, подъ открытымъ небомъ. Мы знаемъ также цѣну и нашему тепличному просвѣщенію, мы видимъ его силу, его плодотворность! Два главные типа — позволимъ себѣ повторить наши недавнія слова—выработаны Русскимъ современнымъ просвѣщеніемъ: чиновники и нигилисты!..

Не обязательно вступленіе въ казенное учебное заведеніе, но обязательна служба для каждаго дворянина, или по крайней мѣрѣ обязательно побывать на службѣ: обязательно получить *офицерскій чинъ*, иначе дворянинъ лишается права служить по выборамъ, а по прежнимъ законамъ—поколѣнія черезъ два неслужащій дворянскій родъ лишался и дворянства. Кромѣ того, весь складъ нашей жизни сложился такъ, что не только гражданская, но почти никакая публичная дѣятельность образованныхъ классовъ общества, еще очень недавно, была невозможна—безъ службы, никакое общественное положеніе было немыслимо безъ «офицерскаго чина». Изо всѣхъ нашихъ писателей, литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ, кажется одинъ Языковъ умеръ безъ сего чина—проживъ весь свой поэтическій вѣкъ въ званіи канцелярскаго служителя въ отставкѣ. Къ *чину* — тянулъ весь строй общественной жизни; съ табелью о рангахъ было соглашено, соображено, комбинировано все бытіе Русскаго общества, начиная съ воспитанія. Даже и такія сферы общественной дѣятельности, которыя повидимому стоятъ совершенно внѣ государственной юрисдикціи, были приравниваемы — едва только касался ихъ духъ оффиціальности—къ таблицѣ о рангахъ: напр. художники, академики, учителя въ семинаріяхъ, различныя степени духовнаго сана (такъ епископъ сравненъ съ генералъ-маіорскимъ чиномъ, архіепископъ съ генералъ-лейтенантскимъ, архимандритъ — съ полковничьимъ и т. д.). Однимъ словомъ, со временъ Петра, все, вездѣ и во всемъ было направлено къ цѣлямъ государственнымъ, все послужило государству какъ средство,—все общество, такъ сказать, поступило *на службу*—и дѣйствительно поступило, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ болѣе, что никакой другой дѣятельности для него и

не было. Для образованія слугъ государству достаточно-обученныхъ и просвѣщенныхъ, все Русское юношество было—при Петрѣ насильственно, а впослѣдствіи искусственно—привлекаемо, притягиваемо, приманиваемо въ казенные питомники просвѣщенія: служить болѣе или менѣе долго, хотя бы только до полученія перваго чина по табели о рангахъ, было необходимостью для каждаго, принадлежавшаго къ сословію неподатному, недуховному и некупеческому; самый ближайшій способъ къ достиженію сего завѣтнаго предѣла, т. е. перваго чина, или къ дальнѣйшему успѣшному прохожденію карьеры—былъ и есть курсъ наукъ въ казенномъ учебномъ заведеніи, дающій воспитаннику разныя служебныя преимущества,—и вотъ такимъ образомъ монополія общественнаго воспитанія сама собою утвердилась за государствомъ. Можно было, конечно, и прежде, какъ и теперь, воспитаться и обучиться дома, и несравненно лучше, чѣмъ въ казенномъ училищѣ, гимназіи или даже иномъ университетѣ,—но безъ университетскаго аттестата, надѣляющаго правами по службѣ I-го разряда, или гимназическаго, дающаго права II-го разряда, юноша, получившій самое блистательное образованіе дома, осужденъ былъ проходить свое служебное поприще по всѣмъ четырнадцати степенямъ табели о рангахъ, раздѣленнымъ между собою, для непривилегированныхъ, такимъ числомъ лѣтъ, что безъ особенныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ — для достиженія послѣдней ступени въ этой лѣстницѣ потребенъ былъ бы Маѳусаиловъ возрастъ.

Покуда казенныя общественныя заведенія будутъ давать своимъ питомцамъ такія значительныя служебныя преимущества, т. е. чины немедленно по окончаніи курса, и право на ускоренное прохожденіе остальныхъ степеней табели о рангахъ, — до тѣхъ поръ нечего и мыслить о полной свободѣ обученія и о развитіи у насъ воспитанія домашняго или общественнаго, неказеннаго. Но возможно ли лишить казенныя учебныя заведенія этихъ правъ и привилегій, покуда существуетъ табель о рангахъ, этотъ краеугольный камень нашего общественнаго зданія? Конечно нѣтъ, но нужны ли эти ранги или чины въ Россіи, нужны ли они, по крайней мѣрѣ, въ наше время—вотъ вопросъ. Едвали этотъ вопросъ уже не разрѣшенъ въ сознаніи всѣхъ просвѣщенныхъ Русскихъ людей —и разрѣшенъ отрицательно. Едвали уже и само правительство не затрудняется иногда этимъ порядкомъ, который лишаетъ государство возможности пользоваться кстати и во-время услугами людей полезныхъ, въ цвѣтѣ ихъ силъ, вполнѣ пригодныхъ и способныхъ, но отстраненныхъ отъ приличнаго ихъ дарованію поприща «неимѣніемъ надлежащаго чина». Въ этихъ видахъ были постепенно придумываемы разные способы для сокращенія длинной служебной дистанціи, разсчитанной, кажется, на самый долгій вѣкъ человѣческій. Изъ четырнадцати ранговъ сдѣлано только двѣнадцать; аттестаты учебныхъ за-

веденій дали возможность начинать службу не съ первой низшей ступени, а со второй, третьей и даже четвертой, т. е. не съ коллежскаго регистратора, а съ губернскаго, съ коллежскаго секретаря и даже съ титулярнаго совѣтника; наконецъ, для занятія нѣкоторыхъ мѣстъ дозволено было шагать разомъ черезъ двѣ и даже три ступени. Въ послѣднее же время, и весьма недавно, мы видѣли, что при замѣщеніи должностей въ Царствѣ Польскомъ, правительство признало для себя выгоднымъ отложить совершенно въ сторону прежнюю систему назначенія лицъ служащихъ,—сообразно ихъ чину, и къ изумленію всѣхъ, кто сжился душою и сердцемъ съ табелью о рангахъ, пригласило людей, неимѣющихъ даже штабъ-офицерскаго чина, — простыхъ титулярныхъ и даже ниже, — къ занятію должностей — приписанныхъ по мундирамъ, по пенсіону, по табели о рангахъ, къ разряду несравненно высшему! Почему же то, что̀ признано удобнымъ въ Польшѣ, не могло бы быть примѣнено и къ Россіи?

Неудобство *чиновъ*, несовмѣстность табели о рангахъ съ пользами самого государства была, какъ мы видѣли, не разъ сознаваема и правительствомъ. Сколько мы знаемъ, даже въ прошлое царствованіе были не однажды учреждаемы комитеты для обсужденія вопроса объ уничтоженіи этого Петровскаго учрежденія, но къ какимъ выводамъ пришли комитеты, намъ неизвѣстно. Можетъ быть, тогда было еще и не время,—но что касается до настоящей поры, то, послѣ всѣхъ совершенныхъ и имѣющихъ совершиться реформъ, отмѣна табели о рангахъ представляется намъ не только благовременною, но настоятельно-нужною. Мы совершенно не согласны съ тѣми, которые полагаютъ существованіе чиновъ въ Россіи неудобствомъ неважнымъ. Мы уже объяснили, что они находятся въ прямой связи съ воспитаніемъ въ Россіи и служатъ могучимъ рычагомъ Россійскаго просвѣщенія. Они,—именно чины,—насильственно и искусственно притягиваютъ юношество въ казенно-учебныя заведенія, придаютъ ученію характеръ обязательный, слѣдовательно не искренній, формальный, оффиціальный и такъ сказать централизуютъ въ рукахъ государства дѣло общественнаго воспитанія и просвѣщенія. Свобода обученія, какъ мы уже сказали, несовмѣстима съ обязательностью ранговъ, немыслима при существованіи нашей четырнадцатиступенной чиновной лѣстницы. Едвали какое другое учрежденіе, наложенное на Россію Петромъ I-мъ, имѣло такое громадное дѣйствіе на весь строй, складъ, *бытъ* Русскаго общества, какъ эта знаменитая табель о рангахъ! Она до такой степени вошла въ плоть и кровь, и въ душу нашихъ верхнихъ общественныхъ классовъ, такъ перепуталась, сплелась со всѣмъ нашимъ соціальнымъ устройствомъ, съ нашими привычками и понятіями, — что мы даже и не замѣчаемъ той поразительной аномаліи, какую представляетъ въ Русской жизни

эта нерусская система! Нѣтъ сомнѣнія, что нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ правительству угодно будетъ совершить эту реформу, намъ самимъ будетъ казаться страннымъ, какъ могли мы до такой степени слюбиться и сжиться съ этимъ мудренымъ порядкомъ; а будущему историку трудно будетъ даже и понять ту власть надъ сердцами и умами и то значеніе, которыми въ теченіе полутораста лѣтъ пользовалось въ Россіи учрежденіе, такъ сильно противорѣчащее народному разуму?—Конечно, нельзя не замѣтить, что табель о рангахъ,—какъ у себя, на родинѣ, въ Германіи, такъ первоначально и у насъ въ Россіи,—имѣла совершенно не то значеніе, до котораго она низошла впослѣдствіи. Какъ въ Германіи, такъ и у насъ — она не лишена была, прежде, смысла дѣйствительности, и каждый рангъ означалъ въ самомъ дѣлѣ извѣстную должность: коллежскій секретарь былъ дѣйствительно секретаремъ коллегіи, коллежскій совѣтникъ точно и несомнѣнно совѣтовалъ въ коллегіи, - - и какъ ни странны были Нѣмецкія прозванія ранговъ, они все же представлялись чѣмъ-то осязательнымъ, реальнымъ, они вполнѣ отвѣчали странной дѣйствительности—Нѣмецкимъ прозваніямъ дѣйствительно и несомнѣнно существовавшихъ коллегій и прочихъ учрежденій. Но съ постепеннымъ упраздненіемъ и преобразованіемъ какъ этихъ учрежденій, такъ и вообще условій гражданской службы, чины получили смыслъ какой-то отвлеченный, миеическій, какого-то совершенно непонятнаго отголоска неудобопонятнаго преданія. Люди въ Россіи стали аттестоваться Нѣмецкими прозваніями должностей —не существующихъ ни у насъ, ни у Нѣмцевъ! Попробуйте влѣзть въ голову Русскаго мужика и испытать собственнымъ опытомъ то недоумѣніе, которое должно производить въ немъ названіе—хоть бы напр. *надворнаго совѣтника.* Есть ли въ этомъ словѣ хоть что-либо представляющееся дѣйствительнымъ, реальнымъ? Что̀ такое надворный? Чего и кого совѣтникъ? Слова Русскія, но въ своемъ сочетаніи и примѣненіи звучащія его слуху совершенно недоступно для смысла. Въ названіяхъ иностранныхъ —напр. въ словахъ «титулярный», «коллежскій»—крестьянинъ по крайней мѣрѣ можетъ предполагать смыслъ ему неизвѣстный,—но этотъ переводъ Нѣмецкихъ ранговъ на Русскій языкъ, еще болѣе чѣмъ самый оригиналъ, смущаетъ умъ простого Русскаго человѣка, какъ все непонятное, остающееся неразрѣшеннымъ. А между тѣмъ понять смыслъ сихъ названій было бы для него важно, потому что эти Русско-Нѣмецкіе звуки означаютъ право и власть, предъ которыми онъ обязанъ склоняться... Теперь, конечно, народъ болѣе или менѣе привыкъ къ Нѣмецкой номенклатурѣ чиновъ и учрежденій, но можно представить себѣ, чѣмъ должна была она ему показаться лѣтъ за полтораста? какъ долго, съ какимъ напряженіемъ, въ теченіе этихъ полутораста лѣтъ, долженъ онъ былъ свыкаться съ непостижи-

мымъ его уму, но тѣмъ не менѣе весьма знакомымъ для него на практикѣ, Россійскимъ чиновнымъ институтомъ?!!

Мы уже и не говоримъ о томъ, что табель о рангахъ создала у насъ цѣлую массу новыхъ дворянъ, да и до сихъ поръ можетъ назваться питомникомъ или разсадникомъ Россійскаго дворянства. Всякій чинъ дѣлалъ человѣка благорожденнымъ или благороднымъ, чинъ штабъ-офицерскій сообщалъ это званіе и его роду,—и только въ послѣднее время это право отодвинуто на нѣсколько ранговъ выше. Въ настоящую пору, когда правительство стремится къ тому, чтобы сблизить всѣ сословія, и когда единственная завидная привилегія благороднаго званія—владѣть людьми на крѣпостномъ правѣ, пріобрѣтавшаяся недворянами только съ полученіемъ извѣстнаго чина—въ настоящее время уже не существуетъ,—табель о рангахъ могла бы, кажется намъ, быть уничтоженною безъ всякаго неудобства. Почему бы служащимъ не называться по имени своихъ должностей, и отставнымъ по тѣмъ должностямъ, въ которыхъ они служили за послѣднее время, или просто по своему происхожденію или по роду своихъ занятій? Намъ мудрено, конечно, вообразить себѣ Россію безъ титулярныхъ совѣтниковъ, но думаемъ, что она отъ того нисколько не потеряетъ; мы убѣждены, что подобная реформа, не нанося никому матеріальнаго ущерба, произведетъ однако же неизмѣримо важный по своимъ послѣдствіямъ, плодотворный и благодѣтельный переворотъ въ привычкахъ, въ нравахъ, во всемъ складѣ нашего общества и окажетъ полезное непосредственное дѣйствіе на самый ходъ воспитанія и просвѣщенія въ Россіи. Съ отмѣною чиновъ и обязательности табели о рангахъ,—учащихся въ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ убавится тотчасъ на половину; съ уничтоженіемъ формальныхъ привилегій, даруемыхъ аттестатами гимназій и университетовъ,—въ нихъ останутся только тѣ, которые дѣйствительно ищутъ образованія: нравственный уровень учащихся немедленно поднимется, достоинство науки возвысится, отношеніе къ ней станетъ серьезнѣе. Безъ всякаго сомнѣнія, учившійся будетъ всегда пользоваться на государственной службѣ предпочтеніемъ предъ неучившимся, но слово «учившійся» не будетъ означать только того, кто прошелъ по всей лѣстницѣ оффиціальнаго воспитанія. Для того же, чтобъ опредѣлить степень познаній и умственнаго развитія лица, поступающаго на службу, всякое вѣдомство могло бы подвергать такого «аспиранта» спеціальному экзамену по своему усмотрѣнію.—Многіе полагаютъ, что съ уничтоженіемъ чиновъ,—этого могущественнаго, по ихъ выраженію, стимула, общій уровень образованія въ Россіи понизится тотчасъ, и что поэтому поддерживать цивилизацію въ Россіи искусственными средствами—покуда еще необходимо. Но мы уже показали прежде, къ чему привело насъ наше искусственно насажденное и форсированное просвѣ-

щеніе. Дѣло не въ объемѣ знаній, не въ количествѣ, а въ *качествѣ* просвѣщенія. Образованныхъ людей у насъ въ Россіи не мало, а между тѣмъ въ просвѣщеніи нашемъ нѣтъ именно той творческой производительности, той органической силы, которая одна живитъ и оплодотворяетъ. Пусть понижается уровень неестественно поднятый; пусть меркнетъ всякій мишурный блескъ, — пусть только возвратится Россія къ правдѣ жизни, къ свободѣ своихъ естественныхъ органическихъ отправленій!..

Дождемся ли мы того времени, что Россія скажетъ про табель о рангахъ:

Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!

и не будетъ въ Россіи титулярнаго совѣтника?!..

О классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ съ точки зрѣнія современныхъ потребностей образованія въ Россіи.

«День», 19-го декабря 1864 г.

Наконецъ спору о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, такъ долго занимавшему публику или вѣрнѣе — занимавшему столбцы Русскихъ періодическихъ изданій, положенъ конецъ. Вмѣстѣ съ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату 19 Ноября, обнародованъ новый уставъ гимназій и прогимназій, въ силу котораго въ Россіи дается мѣсто какъ классическому, такъ и реальному образованію. «По различію предметовъ, содѣйствующихъ общему образованію, и по различію цѣлей гимназическаго обученія, -сказано въ § 2—гимназіи раздѣляются на *классическія* и *реальныя*». «Учрежденіе гимназій и прогимназій съ классическимъ или реальнымъ курсомъ (а также и преобразованіе нынѣ существующихъ въ классическія или реальныя) предоставляется ближайшему усмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія, смотря по мѣстнымъ потребностямъ и учебнымъ средствамъ, въ томъ числѣ, какое укажетъ опытъ». И въ тѣхъ и въ другихъ гимназіяхъ въ *равномъ* объемѣ преподаются: законъ Божій, Русскій языкъ съ церковно-Славянскимъ и словесность, исторія, географія и чистописаніе. Затѣмъ въ классическихъ гимназіяхъ преобладаютъ, разумѣется, Латинскій и Греческій языки, изъ которыхъ преподаваніе перваго вводится немедленно, а Греческаго постепенно, по мѣрѣ приготовленія учителей этого языка. Въ реальныхъ же гимназіяхъ классическимъ языкамъ вовсе не учатся, но обязательны два языка — Нѣмецкій и Французскій—а не одинъ, какъ въ классическихъ,—и затѣмъ «въ большемъ

сравнительно съ классическими объемѣ» преподаются: математика, естественная исторія, химія, физика, космографія, рисованіе и черченіе. Окончившій съ успѣхомъ курсъ въ классической гимназіи имѣетъ право на поступленіе въ студенты университета, а свидѣтельство объ окончаніи полнаго курса въ гимназіи реальной принимается въ соображеніе при поступленіи въ высшія спеціальныя училища, на основаніи уставовъ сихъ училищъ. Относительно же права на поступленіе въ гражданскую службу ученики и тѣхъ и другихъ гимназій совершенно равны, и въ этомъ отношеніи уставъ не даетъ имъ особенныхъ противъ прежняго преимуществъ, съ тою разницею, что удостоенные при выпускѣ медалями принимаются въ гражданскую службу, безъ различія состоянія, прямо 14-мъ классомъ, а не по выслугѣ опредѣленныхъ закономъ сроковъ. — Штаты гимназій и оклады жалованья значительно увеличены; затѣмъ, кромѣ частностей, удержаны главныя черты прежняго устава, — по крайней мѣрѣ новый уставъ не представляетъ въ отношеніи къ внутреннему управленію какихъ-либо особенно-характеристическихъ нововведеній. Впрочемъ педагогическимъ совѣтамъ предоставлено болѣе автономіи, чѣмъ до сихъ поръ, и самыя денежныя средства гимназій расширены тѣмъ, что вся плата за ученіе поступаетъ въ полное распоряженіе самихъ гимназій. Въ приложеніи есть подробное росписаніе часовъ, назначенныхъ для каждаго учебнаго предмета, — обсуждать которое мы предоставляемъ педагогамъ-спеціалистамъ. Можно было бы замѣтить только, что не положено никакихъ особенныхъ часовъ собственно для *Русской* исторіи, но думаемъ, что учителю всеобщей исторіи, съ разрѣшенія педагогическаго совѣта, можетъ быть предоставлено право сократить программу всеобщей и раздвинуть объемъ преподаванія Русской исторіи.

Такимъ образомъ споръ между защитниками классическаго направленія и поборниками реализма разрѣшенъ въ принципѣ, кажется, самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Теперь все вниманіе общества должно устремиться на «ближайшее усмотрѣніе министра народнаго просвѣщенія», отъ котораго (т. е. отъ ближайшаго усмотрѣнія) будетъ зависѣть дать на практикѣ, въ жизни, преобладаніе тому или другому направленію — чрезъ учрежденіе тѣхъ или другихъ гимназій. Конечно было бы желательно, чтобъ гимназій обоихъ видовъ было всюду достаточно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей, такъ чтобы желающій получить классическое образованіе не былъ вынужденъ непремѣнно воспитываться въ реальной гимназіи по той причинѣ, что въ мѣстности, гдѣ ему приходится жить, нѣтъ гимназіи классической, и наоборотъ, — но въ этомъ отношеніи главное стѣсненіе для Министерства будетъ происходить, вѣроятно, только отъ недостатка денежныхъ средствъ. Впрочемъ никто и ничто не мѣшаетъ самимъ обществамъ — го-

родскимъ или земству—учреждать гимназіи того или другаго курса на свой собственный счетъ, съ подчиненіемъ ли ихъ Министерству или на правахъ частныхъ учебныхъ заведеній.

Нѣтъ никакого однакожъ сомнѣнія, что перевѣсъ въ числѣ будетъ на сторонѣ реальныхъ гимназій, особенно же по мѣрѣ того, какъ кругъ учащихся будетъ становиться все шире и шире и захватывать въ себя и прочія такъ называемыя среднія наши сословія. Въ прежнее время, когда (кромѣ духовенства, шедшаго всегда своимъ отдѣльнымъ путемъ развитія) образованіе было достояніемъ преимущественно аристократическимъ, необходимою принадлежностью собственно-дворянскаго сословія и само возводило въ дворянское достоинство не-дворянина,—когда оно все было пріурочено къ государственнымъ видамъ, и мѣста воспитанія имѣли главнымъ образомъ значеніе какъ разсадники слугъ государственныхъ или чиновниковъ,—въ прежнее время въ высшихъ учебныхъ нашихъ заведеніяхъ учились преимущественно дворяне или тѣ, которые готовились посвятить себя службѣ. Купцы, мѣщане и крестьяне образовывавшіеся въ университетахъ, были всегда рѣдкимъ исключеніемъ, особенно же послѣдніе. Знаніе или университетское образованіе не было само по себѣ цѣлью, а было средствомъ для достиженія цѣли посторонней для науки, для дѣйствованія въ той сферѣ, которая была совершенно чужда сферѣ дѣятельности нашихъ среднихъ классовъ. Оно отрѣшало ихъ отъ родной среды до такой степени, что даже купцы, напр., за немногими исключеніями, боялись отдавать дѣтей въ казенныя учебныя заведенія,—боялись потерять ихъ навсегда для своего сословія или сдѣлать изъ нихъ людей непригодныхъ къ жизни въ купеческомъ званіи. Нужно ли еще разсказывать, къ чему привелъ этотъ порядокъ вещей, въ силу котораго «высшее образованіе» стало въ нѣкоторомъ родѣ обязательнымъ условіемъ служебной карьеры — для цѣлаго многочисленнаго сословія, обязаннаго службой и неимѣющаго или неимѣвшаго почти никакого другаго предъ собой поприща, кромѣ службы? Привилегіи по службѣ устремили въ университеты массы людей, которымъ нечего было бы и помышлять о высшемъ образованіи, которыя вовсе къ нему не призваны и не способны, для которыхъ оно совершенно напрасная излишняя роскошь, которымъ нуженъ только чинъ, чинъ и чинъ. Очевидно, что это «высшее образованіе» должно было ниспасть на степень одной формальности, какъ оно и случилось на дѣлѣ. Нужно было такъ или иначе пройти чрезъ послѣднее мытарство воспитательной карьеры, чтобъ обезпечить себѣ карьеру служебную. Мы видѣли и видимъ, что кандидаты филологическаго факультета напр. поступаютъ на дипломатическое поприще, математики на юридическое, и. т. д.—куда кому открывается дорога,—т. е. *штатное мѣсто*. Само собою разумѣется, что мы говоримъ объ общемъ характерѣ нашего

оффиціальнаго просвѣщенія, о массѣ «учащихся», а не объ исключеніяхъ. И до тѣхъ поръ не поднимется значеніе университетовъ, а вмѣстѣ съ ними и знанія, какъ знанія, а не какъ пригоднаго для службы средства, пока будутъ существовать эти привилегіи. Никакая строгость экзаменовъ не поможетъ дѣлу, не возвыситъ, или по крайней мѣрѣ очень мало возвыситъ уровень истиннаго образованія,—ибо всякій экзаменаторъ сознаетъ, что, ставя дурной баллъ, напр., за ошибки въ Греческомъ языкѣ, онъ не просто оцѣниваетъ степень его знанія и оберегаетъ честь науки, а «лишаетъ молодаго человѣка будущности, успѣшной карьеры», той, на которой ему и вспомнить даже о Греческомъ языкѣ никогда не придется. При такой несоотвѣтственности требованій знанія съ условіями быта и жизни въ Россіи, подобная строгость экзаменатора становится уже жестокостью, на которую рѣдкій способенъ. Намъ говорятъ, что чинъ все же необходимъ, что онъ служитъ могучимъ рычагомъ для подъема уровня образованія въ нашемъ обществѣ. Положимъ, что такъ, но онъ уже и сослужилъ свою службу, думается намъ; время его едвали ужъ не кончилось. Онъ дѣйствительно *привилъ* образованіе въ нашемъ обществѣ, но кто же въ глубинѣ души откажется признать, что корни этого образованія не глубоки, что насажденіе это не прочно, что плоды его крайне тощи, что «высшее» у насъ образованіе, поверхностное, общее энциклопедическое, едвали можетъ идти въ сравненіе даже съ гимназическимъ прочнымъ, основательнымъ образованіемъ въ Германіи. Жизнь не передѣлаешь, она взяла свое вопреки ожиданіямъ, предположеніямъ и всякимъ идеаламъ, и подъ громкимъ названіемъ университетовъ установила тотъ уровень образованія и въ томъ размѣрѣ, къ которому было способно наше тогдашнее общество и который соотвѣтствовалъ *дѣйствительнымъ* его потребностямъ. Государству нужны были чиновники, а не ученые, съ тѣмъ образованіемъ, которое бы вводило чиновниковъ въ міръ Европейской цивилизаціи,—и университеты таковыхъ и дали, да иныхъ и не могли дать, -- да иной результатъ и невозможенъ тамъ, гдѣ ходъ образованія не органическій, а искусственный и налагается—извнѣ... Но въ то же время этотъ порядокъ вещей, обусловленный, можетъ быть, необходимостью и всѣмъ строемъ нашей бытовой и гражданской жизни, съ своей стороны обратно дѣйствовалъ и на самую жизнь невыгоднымъ образомъ. Дипломъ на ученую степень сдѣлался дипломомъ на «благородство»; получавшій высшее образованіе не только отдѣлялся совершенно отъ народа, но поступалъ въ званіе «благороднаго», «барина», «не-Русскаго», какое бы ни было его происхожденіе. Результатомъ такого положенія дѣлъ должно было неминуемо выдти: или отвращеніе низшихъ классовъ отъ того образованія, которое выдѣляло людей изъ родной среды и отчуждало ихъ отъ народности, или устре-

мленіе на тотъ путь, на которомъ такъ удобно и дешево можно было попасть въ привилегированное сословіе... Въ обоихъ случаяхъ, которые всѣ имѣли мѣсто въ нашей жизни, для науки, для Русскаго просвѣщенія тутъ выигрыша было мало, и мы видимъ въ концѣ-концовъ, какъ безплодно наше просвѣщеніе, какъ бѣдно оно самобытною творческою силой. Все это, повторяемъ, было еще не чувствительно прежде, когда запросъ па образованіе предъявлялся только однимъ досужимъ и, благодаря крѣпостному праву, обезпеченнымъ сословіемъ, т. е. дворянскимъ, и правительство, кромѣ его, да духовнаго сословія, почти никого въ виду не имѣло,—но все это представляется аномаліей въ наше время, когда потребность образованія проникла и въ другіе классы, да и само дворянство, какъ сословіе, съ освобожденіемъ крестьянъ, измѣнило первоначальное свое значеніе. Явилась необходимость удовлетворить этой потребности, отнять у образованія его аристократическій или дворянскій характеръ, понизить для большинства мнимо-высокій уровень просвѣщенія,—сдѣлать его доступнымъ массѣ общества.

Съ этой точки зрѣнія мы и смотримъ на реальныя гимназіи, и признаемъ учрежденіе ихъ благодѣтельнымъ. Важно именно то, что онѣ являются съ характеромъ заведеній самостоятельныхъ, а не подготовительныхъ къ университету. Пусть сыновья небогатыхъ купцовъ, ремесленниковъ, мелкихъ землевладѣльцевъ получатъ возможность пріобрѣтать такое образованіе, которое, будучи само по себѣ достаточнымъ, не отчуждало бы ихъ отъ тѣхъ занятій, къ которымъ они призваны. Если же они носятъ въ груди иное призваніе, потребность высшаго знанія, никто не мѣшаетъ имъ вступить и въ классическую гимназію, но тогда это высшее знаніе будетъ свободно-искомымъ благомъ, а не вынужденною необходимостью. Пусть только просвѣщеніе утратитъ свой дворянскій или, вѣрнѣе сказать, свой *служилый* характеръ. Реальныя гимназіи еще скорѣе бы достигли, по нашему мнѣнію, своей цѣли, еслибъ была возможность совершенно устранить изъ этого учрежденія всякую идею о привилегіяхъ служебныхъ, всякое пріуроченіе образованія къ служебной карьерѣ. На дѣлѣ эти привилегіи безъ сомнѣнія всегда будутъ и образованному человѣку отдастся вездѣ преимущество предъ необразованнымъ, но установленныя de jure, служа главнѣйшею оцѣнкою прилежанія и успѣховъ—онѣ предносятся предъ учащимися, какъ конечная цѣль всякаго знанія, а это не можетъ не оказывать вреднаго вліянія и на учащихся, и на ученіе. Смотря на реальныя гимназіи съ той же точки зрѣнія, т. е. какъ на заведенія, предназначенныя для нашихъ среднихъ классовъ, съ характеромъ просвѣщенія въ нѣкоторомъ смыслѣ демократическимъ, мы бы не стали дѣлать иностранные языки обязательными предметами учебнаго курса, а предоставили это на волю желающимъ. Эта роскошь образо-

ванія, налагаемая на средніе классы, можетъ отозваться странными и очень невыгодными послѣдствіями въ ихъ бытовой жизни и придать имъ фальшивый блескъ, мишуру и суетность просвѣщенія. Напротивъ—по нашему мнѣнію—знаніе иностранныхъ языковъ является едвали не необходимостью для учащихся въ классическихъ гимназіяхъ. Объяснимся, или, лучше, укажемъ на то, чѣмъ, сдается намъ, классическія гимназіи будутъ у насъ на практикѣ, въ жизни, при современныхъ условіяхъ нашей дѣйствительности.

Университетское образованіе, или вѣрнѣе университетскій дипломъ—попрежнему остается необходимымъ условіемъ успѣшной служебной карьеры: полученіе чиновъ и штатныхъ мѣстъ по службѣ зависитъ отъ него попрежнему въ сильной степени. Дверь въ университетъ открыта только чрезъ классическія гимназіи. Слѣдовательно учрежденіе реальныхъ гимназій, при настоящихъ условіяхъ, можетъ отвлечь отъ университета или только тѣхъ, которые готовятся въ высшія *спеціальныя* заведенія, или тѣхъ, которыхъ честолюбіе не мечтаетъ о служебной карьерѣ, или же тѣхъ, которые, принадлежа къ классу торговому, ремесленному, намѣрены ограничиться своею скромною долей. Затѣмъ вся масса дворянскаго сословія и вообще людей, по своему происхожденію, общественному положенію и всѣмъ условіямъ жизни не имѣющихъ другаго поприща, кромѣ служебнаго, будетъ попрежнему наполнять наши университеты,—не съ цѣлью доступить высшей области знанія, а съ цѣлью получить дипломъ, обильный правами. Что-жъ, скажутъ намъ, не бѣда: пусть и получаютъ они строгое классическое образованіе! Мы совершенно съ этимъ согласны; пусть получаютъ они строгое классическое образованіе, но есть такія требованія жизни, которыя обойти невозможно, и именно при тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставленъ у насъ университетъ, при томъ служиломъ характерѣ, который имѣетъ у насъ просвѣщеніе. И классическія гимназіи, и университетъ являются у насъ теперь со значеніемъ подготовительныхъ для дѣйствованія въ публичной жизни заведеній, а при такомъ ихъ значеніи—недостатокъ знанія иностранныхъ языковъ или вообще недостаточность общаго образованія, кромѣ сферы чисто классической, являются важнымъ неудобствомъ. Трудно назвать человѣкомъ вполнѣ образованнымъ того, который, обладая богатствомъ міра древняго, въ то же время не владѣетъ ключами отъ міра христіанской цивилизаціи, воспринявшей въ себя богатство древняго міра и воздѣлавшей его сторицею. Если важно изучать Платона и Аристотеля въ подлинникѣ, то для насъ, Русскихъ, позднѣе всѣхъ пришедшихъ къ порогу той «храмины», которая, въ представленіи поэтовъ, прообразуетъ общечеловѣческое просвѣщеніе, не менѣе важно знать и судьбу человѣческой мысли въ теченіе послѣдовавшихъ тысячелѣтій, не менѣе важно изу-

чать и Канта и Шеллинга, и прочихъ мыслителей Западной Европы. Можно возразить на это, во-первыхъ, что преподаваніе одного изъ новѣйшихъ языковъ обязательно и для классическихъ гимназій, и во-вторыхъ, что классическія гимназіи обязаны только заложить основаніе, а дальнѣйшее развитіе и полнота общаго образованія даются университетомъ. Мы отвѣтимъ на первое возраженіе, что если ученики гимназій предпочтутъ всѣмъ иностраннымъ языкамъ Французскій, какъ наидоступнѣйшій, то отъ устраненія Нѣмецкаго языка образованіе въ общемъ своемъ результатѣ не выиграетъ, а потеряетъ. Что же касается до втораго возраженія, то разумѣется все будетъ зависѣть отъ того, какой объемъ и значеніе будутъ приданы въ классическихъ гимназіяхъ *подготовительному* общему образованію. Не можемъ не выразить желанія, чтобъ будущіе педагогическіе совѣты не впадали въ односторонность и не пренебрегали подготовительными элементами общаго образованія, особенно же преподаваніемъ исторіи. Мы не можемъ забывать, что Французъ, Англичанинъ, Нѣмецъ, владѣя своимъ природнымъ языкомъ, уже владѣетъ ключомъ отъ сокровищъ Европейской цивилизаціи, которая поэтому дается ему легко, какъ свое, родное, а намъ, повторяемъ, необходимо владѣть ключами отъ обоихъ міровъ древняго и новѣйшаго просвѣщенія. Можетъ ли университетъ нашъ, при своемъ настоящемъ устройствѣ, при строгомъ дѣленіи студентовъ по факультетамъ и обязательномъ 4-хъ годичномъ курсѣ — приготовить человѣка, напримѣръ хоть, для каѳедры философіи, если послѣдній, пробывъ 7 лѣтъ въ классической гимназіи, не получилъ возможности читать хоть бы только Нѣмецкихъ философовъ въ подлинникѣ, пріобрѣсть основательныя познанія въ математикѣ, физикѣ и т. д.? Классическое образованіе не должно означать односторонность образованія или неполноту общаго образованія, а напротивъ полноту знанія, усвоеніе себѣ всей современной цивилизаціи на крѣпкомъ фундаментѣ классицизма. Поэтому, намъ бы казалось небезполезнымъ, чтобы тѣ, которые избираютъ путь «классическаго гимназическаго образованія» (а этотъ выборъ, какъ мы показали выше, для большей части есть выборъ невольный, вынужденный служилымъ значеніемъ университетскаго курса), не были чрезъ это поставлены въ необходимость лишаться многихъ необходимыхъ знаній. Очевидно, впрочемъ, что полнѣйшее преобразованіе нашихъ университетовъ явится скоро неизбѣжнымъ, и вызывается даже самимъ учрежденіемъ классическихъ гимназій.

Впрочемъ — жизнь и письменный законъ не всегда находятся въ ладу между собою,—и трудно съ точностью предсказать, что̀ именно выйдетъ изъ примѣненія новаго закона на практикѣ. У насъ уже были гимназіи классическія, но не настоящія, говорятъ намъ, а только «въ нѣкоторомъ смыслѣ» классическія; были гимназіи реальныя, но тоже

не настоящія и въ нѣкоторомъ родѣ. Теперь у насъ и реальныя и классическія; будемъ надѣяться, что теперь ужъ онѣ будутъ дѣйствительно «настоящія». Правительство съ своей стороны дѣлаетъ все, что въ его средствахъ: прибавляетъ жалованье, старается избѣгнуть односторонности—учреждая заведенія, рядомъ вмѣстѣ, въ обоихъ направленіяхъ, и тѣмъ удовлетворить высказаннымъ въ обществѣ потребностямъ. Ему остается, казалось бы, только возвратить образованію его самобытное значеніе, отнявъ у него характеръ средства для служебной карьеры, лишивъ гимназіи и университеты служебныхъ привилегій... Но настало ли время? Можетъ ли оно рѣшиться на это, не опасаясь уронить съ такимъ трудомъ добытый уровень просвѣщенія въ обществѣ, — и наводнить штатныя мѣста невѣждами, неразвитыми людьми? Эти опасенія вполнѣ справедливы, особенно въ виду тѣхъ новыхъ преобразованій, которымъ подвергается Русская гражданская жизнь. Намъ впрочемъ кажется, что—«можетъ»; что въ окончательномъ результатѣ мы не будемъ въ проигрышѣ. Но эта мысль требуетъ доказательствъ, которыя мы и постараемся представить въ особой статьѣ.

Во всякомъ случаѣ формы даны, остается вложить въ нихъ плодотворное содержаніе или, лучше сказать, вдохнуть въ нихъ творческій духъ жизни... Дѣло стало за самою Русскою жизнью. Много роскошнаго груза наложено на нее теперь разными благонамѣреннѣйшими правительственными преобразованіями, изданными въ нынѣшнемъ году, много придется ей вывозить на своихъ плечахъ въ будущемъ 1865 году, когда дойдетъ дѣло до исполненія всѣхъ этихъ громадныхъ реформъ...

...Ну, тащися, сивка!..

По поводу слуха о желаніи Волоколамскихъ гражданъ соединить свое городское училище съ духовнымъ.

«Москва», 4-го февраля 1867 г.

По слухамъ, въ достовѣрности которыхъ мы не имѣемъ поводовъ сомнѣваться, волоколамскіе горожане изъявляютъ желаніе, чтобы ихъ городское училище соединено было съ тамошнимъ училищемъ духовнымъ. Это фактъ знаменательный, и особенно онъ знаменателенъ теперь, когда у всѣхъ на языкѣ народное образованіе и когда въ высшихъ государственныхъ сферахъ пересматривается вопросъ о преобразованіи духовныхъ училищъ.

Учебныя заведенія Министерства народнаго просвѣщенія будутъ ли когда училищами вполнѣ народными? Теперь они училища по пре-

имуществу государственныя; при всемъ общеобразовательномъ своемъ характерѣ, они существуютъ главнымъ образомъ для воспитанія юношества, готовящагося на государственную службу. Таково ихъ происхожденіе, такова ихъ современная дѣятельность, таковъ ихъ смыслъ въ глазахъ народа. Предоставленіе служебныхъ правъ воспитанникамъ гимназій и университетовъ могло, съ своей стороны, только содѣйствовать этому направленію, усвоенному сначала и на практикѣ утвердившемуся. Трудно ожидать, чтобъ этотъ характеръ измѣнился и современемъ и чтобы въ эти училища пошли, какъ говорилось въ старину, не одни *служилые*, но и *тяглые* люди. Пусть въ низшихъ классахъ народа разольется грамотность; пусть измѣнится система податей и исчезнетъ теперешнее закрѣпленіе лицъ по сословіямъ. Мѣщанинъ, и въ особенности крестьянинъ, такъ же неохотно пойдетъ за дальнѣйшимъ образованіемъ въ гимназіи и прогимназіи, какъ неохотно обращается онъ за покупками въ магазинъ, предпочитая ему во всякомъ случаѣ лавку. Результатъ не многимъ измѣнится, если сверхъ классическихъ гимназій будутъ устроены реальныя. Дѣло здѣсь не столько въ характерѣ образованія, сколько въ самомъ устройствѣ училищъ и въ бытовыхъ привычкахъ народа. Вѣроятнѣе всего, что народъ или остановится на простой грамотности и не пойдетъ далѣе, какъ большею частію дѣлаетъ онъ это и теперь въ уѣздныхъ училищахъ, или же поищетъ для себя другихъ учебныхъ заведеній, и притомъ общественныхъ скорѣе, чѣмъ казенныхъ. Теперешнее желаніе волоколамскихъ гражданъ отчасти предуказываетъ, что училища духовныя пришлись бы ему въ этомъ случаѣ болѣе по вкусу. Воспитаніе подъ руководствомъ духовнымъ и съ религіозною основой въ своемъ планѣ привлекательнѣе для него, чѣмъ то же воспитаніе, основанное на чисто гуманическомъ началѣ и руководимое, какъ ему кажется, простымъ чиновникомъ. Относительно малая удаленность духовенства отъ простаго быта, и наконецъ самая бѣдность духовныхъ училищъ представляетъ здѣсь тоже своего рода преимущество.

Но что же духовныя училища? Должны ли и сами они оставаться навсегда спеціально духовными? Но они и теперь не таковы. Они суть училища обще-образовательныя, съ тою только особенностію, что содержатся на церковносвѣчные доходы, состоятъ подъ ближайшимъ завѣдываніемъ духовенства, и почти исключительно назначены къ воспитанію дѣтей этого сословія. Въ высшихъ своихъ классахъ духовныя училища содержатъ богословскій курсъ. Это обстоятельство сообщаетъ имъ спеціальный оттѣнокъ, но вмѣстѣ и вноситъ раздвоеніе въ самую задачу воспитанія. Съ одной стороны, это суть заведенія благотворительныя, назначенныя къ общему образованію дѣтей духовенства, изъ которыхъ не всѣ однако поступаютъ въ духовное званіе; съ другой, это

суть заведенія, приготовляющія къ духовному званію, въ которое однако, и по требованію дѣла, и по существующимъ правамъ, должны бы поступать не изъ одного духовенства. Такое смѣшеніе не должно быть терпимо, это понятно; двери клира не должны быть затворяемы ни для кого изъ достойныхъ, это также безспорно. Слѣдовательно, спеціальные курсы духовныхъ училищъ должны быть отдѣлены отъ общеобразовательныхъ, поставлены особо и открыты для всѣхъ желающихъ. Но что тогда дѣлать съ курсами общеобразовательными? Присоединить ихъ къ заведеніямъ Министерства народнаго просвѣщенія? Другими словами: въ угоду простаго единообразія, совершенно уничтожить цѣлый рядъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ свою исторію, свои преданія и свои почтенныя особенности? Это равнялось бы нравственному смертоубійству. Съ другой стороны безчеловѣчно было бы лишать духовенство, — теперешнее или будущее, все равно,—облегченныхъ способовъ къ воспитанію дѣтей, когда оно едва имѣетъ средства къ собственному пропитанію и когда улучшеніе его положенія еще не предвидится. Неблагоразумно было бы и даже прямо несправедливо смѣшивать также два совершенно разнородные источника средствъ, на которыхъ приходится теперь содержаться духовнымъ училищамъ, послѣ помощи, оказанной имъ государственнымъ казначействомъ: средства казенныя и средства церковныя. И наконецъ, въ добавокъ ко всему, не значило ли бы это и вообще замѣщать маловажное неудобство важною опасностью? Замкнутость духовенства есть неудобство, и наполненіе клира лицами изъ всѣхъ сословій всего болѣе желательно. Но когда общеобразовательными заведеніями останутся однѣ гимназіи, не подвергнется ли церковь опасности остаться совсѣмъ безъ образованныхъ пастырей? Мало надежды, чтобы изъ числа оканчивающихъ гимназическій курсъ находилось ежегодно по нѣскольку тысячъ безкорыстныхъ, которые бы соглашались по доброй волѣ предпочесть скромную долю сельскаго священника карьерѣ врача, юриста, учителя гимназіи. Заключеніе прямое: общеобразовательные курсы теперешнихъ духовныхъ училищъ должны быть сохранены, но значеніе ихъ будетъ нѣсколько иное; это будутъ общественныя училища, имѣющія благотворительную цѣль — воспитаніе дѣтей духовенства.

Сопоставимъ оба вывода. Къ дальнѣйшему образованію выходящаго изъ дремоты народа понадобится особый разрядъ общеобразовательныхъ училищъ, независимый отъ училищъ, нынѣ существующихъ, по преимуществу съ характеромъ общественнымъ и даже духовнымъ. Для дальнѣйшаго существованія духовныхъ училищъ, необходимо имъ самимъ обратиться въ училища общественныя. Но не одно ли это и то же? И не лучше ли всего, еслибы общеобразовательные курсы духовенства послужили современемъ таковыми же и для прочихъ сословій? При

этомъ условіи они составили бы изъ себя особый разрядъ общеобразовательныхъ заведеній *земскихъ*, въ параллель съ таковыми же *государственными*. Состоя подъ преимущественнымъ завѣдываніемъ духовенства, содержась на церковносвѣчные доходы, а отчасти и на доходы самого духовенства, они назначались бы главнымъ образомъ для воспитанія дѣтей этого званія, но открывали бы себя и всему земству, при соразмѣрномъ съ его стороны участіи какъ въ содержаніи училищъ, такъ и въ управленіи ими? Не лучшій ли былъ бы въ этомъ устройствѣ залогъ матеріальнаго обезпеченія духовныхъ училищъ и самаго ихъ внутренняго преуспѣянія? Не лучшее ли это было бы средство и къ обезпеченію духовенства вообще, и даже не прямѣйшій ли путь къ облегченію его быта? Не лучшее ли въ этомъ средство развинтить и ту замкнутость, въ которой пребываетъ теперь духовенство и которая справедливо осуждается? Не перестало ли бы тогда оно быть кастой, и не прошли ли бы въ него тогда мало-по-малу новыя силы изъ прочихъ сословій, и не совершилось ли бы это само собою, естественно, безъ малѣйшихъ потрясеній и опасностей? Не въ чистомъ ли выигрышѣ былъ бы тогда и общій ходъ всенароднаго просвѣщенія? Мы разумѣемъ не одно соревнованіе между двумя разрядами училищъ. Оно во всякомъ случаѣ должно будетъ произвести свое дѣйствіе. Но всего болѣе дорого здѣсь то, что есть возможность создать, изъ матеріаловъ вполнѣ къ этому готовыхъ, училища чисто общественныя, а слѣдовательно наиболѣе прочныя, наиболѣе обезпеченныя отъ всевозможныхъ потрясеній, наиболѣе способныя создать и хранить духъ и преданія,—словомъ, изъ всѣхъ родовъ училищъ наиболѣе устойчивыя и нравственно и матеріально. Припомнимъ замѣчаніе Гизо, судьи наиболѣе въ этомъ случаѣ компетентнаго, о томъ вліяніи, въ то же время и мертвящемъ и разрушающемъ, какое произвела централизація учебныхъ заведеній во Франціи.

Мы высказываемъ голое положеніе, предоставляя себѣ впослѣдствіи развить его подробности и рѣшить недоумѣнія, къ которымъ можетъ оно подать поводъ. Но не можемъ, въ заключеніе, не выразить сожалѣнія о томъ, что вопреки примѣрамъ всѣхъ предшествовавшихъ государственныхъ реформъ, оффиціальныя предположенія о реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, составляемыя теперь уже другой разъ, окружаются въ этотъ, какъ и въ первый разъ, нѣкоторою таинственностію. Какая бы могла быть этому причина? Своевременное оглашеніе началъ, на которыхъ предполагается реформа, могло бы повести только къ всестороннему разъясненію дѣла, тогда какъ обсужденіе ихъ въ четырехъ стѣнахъ не обезпечено по меньшей мѣрѣ отъ промаховъ и односторонностей. А въ такомъ обще-государственномъ дѣлѣ и маловажныя, повидимому, недоглядки могутъ повести къ послѣдствіямъ не маловажнымъ. Укажемъ для примѣра нѣсколько вопросовъ. Не легко ли, напримѣръ,

увлечься мыслію, что реформа должна коснуться главнымъ образомъ содержанія наставниковъ и можетъ быть отчасти учебнаго плана и училищнаго устройства? А по всѣмъ признакамъ, повидимому, слѣдуетъ начать съ совершенно противнаго,—съ измѣненія въ самомъ составѣ преподавателей, теперь въ большинствѣ слабо приготовленныхъ и недостаточно знающихъ свое дѣло. Увеличеніе содержанія во многихъ случаяхъ только закрѣпитъ бездарность и невѣжество, и слѣдовательно вмѣсто того чтобы поднять училища, только окончательно остановитъ ихъ на теперешней низкой степени умственнаго и нравственнаго развитія. Точно также, не всего ли повидимому естественнѣе предположить, что для всей Россіи годится одинаковое устройство духовныхъ училищъ, одинаковый для нихъ учебный планъ, и притомъ единовременное его повсюду осуществленіе? Тогда какъ опять по всѣмъ признакамъ, не только въ учебномъ планѣ, но и въ самомъ училищномъ устройствѣ, единообразіе не соотвѣтствовало бы въ настоящемъ случаѣ требованіямъ дѣла, а при единовременномъ осуществленіи преобразованіе оказалось бы произведеннымъ только на бумагѣ. И наконецъ, ужели такъ легко и такъ просто, безъ общенароднаго обсужденія, предотвратить двѣ опасности, одинаково въ настоящемъ случаѣ вредныя: во-первыхъ, опасность содѣйствовать дальнѣйшему продолженію теперешней замкнутости духовенства; и во-вторыхъ—совершенно противоположную, но не менѣе вредную опасность лишить духовенство возможности воспитывать дѣтей, а церковь возможности пріобрѣтать образованныхъ священнослужителей. То и другое, между тѣмъ, почти исключительно зависитъ отъ того, какъ будутъ устроены духовныя училища. Общенародное обсужденіе какъ этихъ, такъ и многихъ другихъ вопросовъ могло бы самымъ благодѣтельнымъ образомъ содѣйствовать здравому ихъ рѣшенію.

О принудительныхъ мѣрахъ въ дѣлѣ народнаго образованія.

«Москва», 6-го сентября 1868 г.

Нигдѣ такъ не податливы на всякую «обязательность», какъ у насъ въ Россіи. «Обязать», «принудить» — кажется и до сихъ поръ у насъ, не только правительству, но и самому обществу, чуть ли не наивѣрнѣйшимъ способомъ къ разрѣшенію самыхъ головоломныхъ задачъ управленія. Теоретическое доброжелательство, въ совокупленіи съ реализмомъ власти, отправляясь отъ самыхъ возвышенныхъ, либеральныхъ, «патріотическихъ» побужденій, не прочь иногда прибѣгнуть и къ мѣрамъ благонамѣреннаго насилія или просвѣщеннаго деспотизма, для того чтобы вколотить въ тупоумнаго русскаго просто-

людина непонимаемое имъ и измышленное за него на досугѣ благо. Особенно соблазнительною представляется многимъ нашимъ новѣйшимъ ревнителямъ о народныхъ пользахъ — теорія обязательнаго обученія. Изо всѣхъ образцовъ европейскаго благоустройства принудительное обученіе является нашимъ либераламъ однимъ изъ самыхъ привлекательныхъ, и особенно потому, что здѣсь принужденіе и насиліе осѣнены авторитетомъ самого просвѣщеннаго Запада. Начните опровергать пригодность такой системы народнаго образованія для Россіи, попробуйте отстаивать свободу естественнаго, органическаго народнаго развитія, доказывать неправду и вредъ насилія въ такомъ дѣлѣ, какъ просвѣщеніе,—вамъ сунуть въ глаза примѣръ Пруссіи и другихъ странъ, вамъ торжествующимъ голосомъ отвѣтятъ: «Что жъ вы хотите быть либеральнѣе Европы?! Ужъ если на Западѣ такія мѣры допущены, то куда ужъ намъ тутъ артачиться!» Противъ аргументовъ такого рода конечно возражать трудно, но нельзя не припомнить извѣстія, недавно сообщеннаго въ нашей газетѣ, что и турецкое правительство также положило ввести въ Турціи систему принудительнаго посѣщенія школъ, и на томъ самомъ основаніи, что «вѣдь и въ Пруссіи дѣйствуетъ такая система»: если турецкіе солдаты,—разсуждаютъ министры султана,— будутъ, «подобно прусскимъ, обладать школьнымъ образованіемъ, то они станутъ одерживать такія же побѣды, какъ Пруссаки подъ Садовой»!.. Логическій выводъ, повидимому, очень вѣренъ, — одна только бездѣлица упущена изъ виду: тому ли же самому будутъ обучаться въ турецкихъ народныхъ школахъ послѣдователи Корана, чему Пруссаки въ своихъ?..

Но, оставивъ въ сторонѣ оттоманскихъ ревнителей просвѣщенія, обратимся къ нашимъ. Мы не станемъ входить въ разборъ прусской или саксонской системы школьнаго обученія, ни въ оцѣнку ея достоинства и нравственнаго дѣйствія на народъ: все это, конечно, не лишено интереса, но завело бы насъ слишкомъ далеко отъ нашей задачи. Мы желаемъ только замѣтить, что прусская или иная европейская обязательность школы въ сущности сводится на обязательность общепринятаго обычая, коренится въ самомъ народномъ сознаніи — пользы и необходимости обученія и, выраженная въ формѣ закона, служитъ только отраженіемъ этого сознанія. Мы замѣтимъ также нашимъ защитникамъ принудительной системы, что намъ въ Россіи приходится имѣть дѣло не съ Нѣмцемъ, а въ нѣкоторомъ родѣ съ Русскимъ; что наконецъ Пруссакъ или Саксонецъ, поставляемый намъ въ примѣръ, не есть только продуктъ школы, а еще и иныхъ нѣкоторыхъ условій, внѣ элементарной школы лежащихъ, — условій національной духовной почвы, исторіи и всей народной, общественной и политической жизни... Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, мы позволимъ себѣ перейти къ тѣмъ оффи-

ціальнымъ заявленіямъ нашихъ русскихъ сторонниковъ прусской обязательности, которыя собственно и послужили поводомъ къ нашей статьѣ. Приведемъ нѣкоторыя изъ заявленій, предоставляя читателямъ провести мысленно параллель не столько между предлагаемыми у насъ способами народнаго обученія и самою прусской системой, — сколько между уровнемъ просвѣщенія самихъ нашихъ ревнителей просвѣщенія и таковыми же ревнителями въ Пруссіи, или гдѣ бы то ни было въ Европѣ.

Предъ нами записка холмскаго (Псковской губ.) уѣзднаго земскаго собранія... Надо знать, что это собраніе не внесло въ смѣту на 1868 г. ни копѣйки на содержаніе народныхъ школъ и отказалось отпустить что-либо на поддержаніе Зезюлинскаго училища, существовавшаго уже 35 лѣтъ и принадлежащаго къ числу тѣхъ штатныхъ училищъ, на которыя средства должны поступать изъ общественнаго сбора. Такъ какъ крестьяне, по неимѣнію средствъ, закрыли это училище, то собраніе и заключило изъ этого, что крестьяне обучать дѣтей грамотѣ не желаютъ: между тѣмъ эти крестьяне признаны крайно бѣдными тѣмъ же самымъ земствомъ! Затѣмъ въ особой запискѣ, представленной въ декабрьскую сессію прошлаго года въ губернское земское собраніе, холмское земство проповѣдуетъ необходимость *обязательнаго* обученія; но, отказываясь отъ спеціальнаго обсужденія этого вопроса, оно упираетъ только вообще на настоятельную потребность въ «подъемѣ народной нравственности»: для этой цѣли оно измышляетъ слѣдующую мѣру, по которой уже можно составить себѣ понятіе о томъ, какія понудительныя мѣры предложило бы оно, еслибы высказалось вполнѣ о народномъ образованіи.

«Холмское уѣздное земское собраніе, — пишетъ оно въ указанной нами запискѣ, —питаетъ положительное нерасположеніе къ строгимъ наказаніямъ и было бы весьма довольно, еслибы имѣло въ виду и могло предложить взысканія и наказанія иного рода, *не столь непріятныя* (sic!), но столь же дѣйствительныя (?!), — но таковыхъ въ виду не имѣетъ»; поэтому оно и полагаетъ необходимымъ ввести вновь *тѣлесное наказаніе* съ цѣлію подпятія народной нравственности.

Предоставляя холмскому земству практически извѣдать вновь степень «непріятности» предлагаемаго имъ наказанія, мы замѣтимъ, что изъ той же Псковской губерніи раздавался другой оффиціальный голосъ, торжественно открывшій, что «народное образованіе есть краеугольный *камень развитія* народа въ нравственномъ и умственномъ отношеніяхъ», и потому предлагавшій «понудить само населеніе къ образованію, соединивъ пользованіе извѣстными гражданскими правами, напримѣръ, вступленіе въ бракъ, съ непремѣннымъ условіемъ грамотности». Должно полагать, что сей почтенный просвѣтитель на-

рода, осуждая такимъ образомъ многомилліонныя массы населенія на безбрачное сожитіе, охотнѣе допускаетъ блудъ, чѣмъ незнаніе азбуки. Не беремся рѣшить, приметъ ли церковь такую поправку къ ея каноническимъ законамъ, но несомнѣнно то, что симъ «камнемъ развитія» бросается камень въ нравственный бытъ народа... На этомъ поприщѣ административныхъ подстегиваній русскихъ крестьянъ во имя азбуки пошелъ еще смѣлѣе и еще далѣе предсѣдатель евпаторійской уѣздной земской управы, г. Колосовъ, который въ запискѣ, представленной имъ таврическому земскому собранію на сессіи минувшаго года, предлагалъ, для распространенія народнаго образованія, установить мѣры поощрительныя и мѣры понудительныя. Хотя земство, въ засѣданіи 15-го декабря, признало ихъ неудобопримѣнимыми, мы однакоже считаемъ нужнымъ познакомить съ ихъ сущностью нашихъ читателей — для удобства сравненія не прусскихъ мужиковъ съ русскими, а прусскихъ просвѣтителей изъ высшаго сословія съ таковыми же русскими.

Поощрительныя мѣры г. Колосова состоятъ въ томъ, чтобы для кончившихъ курсъ въ сельскихъ училищахъ сократить срокъ выслуги для полученія наградъ: медали съ 9 на 8 лѣтъ, почетнаго кафтана съ 6 на 5 лѣтъ; всѣхъ грамотныхъ 45-ти лѣтнихъ хозяевъ освобождать отъ натуральной подводной повинности (не можемъ не спросить при этомъ г. Колосова: ну, ежели, на бѣду, всѣ крестьяне выучатся грамотѣ, — кто же тогда будетъ отбывать подводную повинность?). Къ мѣрамъ понудительнымъ онъ относитъ — запрещеніе «поселянкамъ» (sic!), не кончившимъ курсъ въ сельскомъ училищѣ, вступать въ бракъ до 20-ти лѣтъ и лишеніе права участія на сходкахъ тѣхъ крестьянъ, у которыхъ окажутся неграмотными дѣти отъ 8 до 14-ти лѣтняго возраста, если въ ихъ селеніи имѣется училище...

Читая такія проявленія просвѣтительной ревности, невольно спрашиваешь себя *кого* просвѣщать и образовывать нужно: простой ли народъ, или сихъ пекущихся о народномъ благѣ?

Но не одна евпаторійская, а и многія другія земскія управы (въ томъ числѣ и московская), а также и нѣкоторыя земскія собранія прямо или намекомъ высказывались въ пользу принудительнаго обученія. Не малымъ сочувствіемъ пользуется эта система, какъ и вообще, къ сожалѣнію, всякая обязательность, въ нашемъ духовномъ сословіи. Предъ нами лежатъ постановленія съѣзда бугульминскаго духовенства. Вотъ что̀ постановило оно, между прочимъ, по дѣлу народнаго образованія: «просить гласныхъ (отъ духовенства) особенно заботиться на земскихъ собраніяхъ о томъ, что если нельзя сдѣлать *обязательнымъ* образованіе крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ во всѣхъ участкахъ уѣзда, то нельзя ли допустить эту мѣру, *въ видѣ опыта*, хотя въ одномъ участкѣ уѣзда или въ одной волости».

Прежде всего замѣтимъ, что, вѣроятно, опытомъ, жизнію, наставники народныхъ училищъ—священники—добыли убѣжденія, что нашъ народъ не хочетъ грамотности и не захочетъ ея до тѣхъ поръ, пока не принудятъ его къ ней властію свыше?.. Далѣе: вѣроятно, много потрудившись, они пришли наконецъ къ печальному сознанію своего полнѣйшаго безсилія — вразумить крестьянъ словесными доводами въ пользѣ ученія, а потому и рѣшились обратиться за помощію къ доводамъ иного свойства, къ начальническому приказу, къ внѣшней силѣ?.. Неужели же, и вправду, дѣло образованія въ такомъ плохомъ, безнадежномъ положеніи, что не можетъ и двигаться безъ насилія? Неужели же, въ самомъ дѣлѣ, крестьянство такъ равнодушно къ пользѣ грамотности, что безъ палки или штрафа не станетъ и посылать дѣтей своихъ въ школу? Полно, такъ ли это? Не самимъ ли Русскимъ народомъ сотворена пословица: «ученье—свѣтъ, а неученье—тьма»? Отчего же мы видимъ множество школъ незакрытыми, несмотря на то, что земство ничего не отпускаетъ на ихъ поддержку? Отчего же мы безпрестанно узнаемъ, что тамъ, тутъ, здѣсь—открываются новыя школы, заводятся училища, выстраиваются новыя для нихъ помѣщенія, ибо прежнія оказываются тѣсными? Отчего, напримѣръ, школы Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губерніи, по свидѣтельству специалиста по этой части барона Н. Корфа, переполнены не только малолѣтними, но и взрослыми учениками? Отчего, наконецъ, воскресныя школы, съ такимъ успѣхомъ подвизающіяся въ той же Самарской губерніи, охотно посѣщаются тѣмъ же крестьянствомъ, не подчиняемымъ никакою «обязательностію», никакими мѣрами просвѣщеннаго административнаго натиска? Мы могли бы представить множество фактовъ, несомнѣнно доказывающихъ, что крестьянство наше не откажется и не отказывается посылать дѣтей въ тѣ школы, въ пользѣ которыхъ оно убѣдилось по опыту, и что, наоборотъ, никакою силою не вынудишь его поддерживать тѣ училища, въ которыхъ ученіе безтолково и дѣти только напрасно тратятъ свое время въ долбленіи какихъ-то непонятныхъ и необъясняемыхъ имъ рѣчей и звуковъ, или въ усвоеніи себѣ того, что̀ совершенно разрываетъ ихъ нравственно съ родною и вообще съ народной средой, что̀ не нужно ни имъ, ни ихъ родителямъ. Мы могли бы привести множество фактовъ, подтверждающихъ не разъ высказанное нами замѣчаніе, что хорошая школа съ хорошимъ учителемъ не нуждается въ томъ, чтобы въ нее сгоняли учениковъ: они бѣгутъ въ нее сами. Въ доказательство ссылаемся снова на извѣстный отчетъ по Александровскому уѣзду барона Корфа.

Во сколько удобоисполнимо введеніе въ Россіи обязательнаго обученія?

«Москва», 7-го сентября 1868 г.

Возвращаемся къ вопросу объ обязательномъ обученіи. Мы сказали вчера и повторяемъ опять: дѣло, въ настоящую минуту, не въ *количествѣ* школъ, а въ ихъ *качествѣ*. Устройте одну вполнѣ толковую, хорошую школу, и она сама собой, безъ принужденія, безъ административной опеки, породитъ ихъ десятки. Но, конечно, несравненно легче и покойнѣе, въ дешевой ревности къ просвѣщенію, сваливать на народъ вину нашего собственнаго нерадѣнія, и въ помощь къ нашей лѣни и беспечности призывать «обязательность»! Въ самомъ дѣлѣ, къ чему проповѣдь и вразумленіе въ истинахъ вѣры? Къ чему еще растолковывать пользу грамотности, убѣждать въ благѣ образованія, побѣждать съ упорнымъ терпѣніемъ, доводами чисто духовными, естественное недовѣріе, питаемое крестьянами къ руководству высшихъ классовъ? Будемъ загонять ихъ полиціею въ церковь, будемъ загонять ихъ штрафами и запрещеніемъ сожительства по Божьему закону въ школу,— и всѣ эти головоломныя задачи рѣшатся разомъ! Но каковы же будутъ плоды?..

Не слѣдуетъ забывать, что всѣ укоры нашему народному невѣжеству—обращаются прежде всего на насъ самихъ. Хороша же была та крѣпостная школа, которая, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, не сумѣла не только насадить знаніе грамотности въ народѣ, но даже и воспитать его въ экономическомъ отношеніи! Не самихъ ли себя обвиняютъ и пастыри церковные, когда винятъ народъ въ дикости и грубости,—не свою ли собственную несостоятельность обличаютъ они, когда испрашиваютъ для успѣховъ образованія мѣръ принудительныхъ? Но, по совѣсти, можно ли требовать отъ нашего крестьянства, чтобъ оно, только что выходящее на свѣтъ Божій изъ тьмы крѣпостной неволи, почти никогда ничему не обучавшееся у своихъ помѣщиковъ, — почти никогда не наставлявшееся и доселѣ не наставляемое пастырскою проповѣдью, — чтобы оно, въ тотъ же день когда объявлено ему Положеніе 19-го февраля, мгновенно прозрѣло до яснаго сознанія необходимости просвѣщенія и въ ту же минуту, оставляя заботы о своемъ матеріальномъ устройствѣ, принялось бы за школы?!

Нашимъ ревнителямъ народнаго образованія и изъ памяти вонъ, что даже и тѣ крестьянскія школы, какія существовали по настоящее время, были такъ плохо организованы и съ такими педагогическими пріемами, что могли только отбить охоту отъ ученія, поселить полное отвращеніе къ школѣ, а никакъ не пріохотить къ ней. Наши проворные просвѣтители не знаютъ или не хотятъ знать, что новые порядки, вво-

димые въ Россіи,—земскія учрежденія, гласные суды,—лучше и сильнѣе всякихъ поощрительныхъ и понудительныхъ мѣръ возбудятъ въ народѣ стремленіе къ образованію, докажутъ самымъ убѣдительнымъ и наиболѣе понятнымъ ему способомъ всю выгоду и пользу отъ грамотности и вообще отъ науки. Удивительное дѣло! Прежде крестьянина не учили, или учили неимовѣрно плохо, въ вѣрѣ не наставляли и въ церквахъ не проповѣдывали, а теперь вдругъ на него же съ упрекомъ: зачѣмъ не ученъ, зачѣмъ заблуждаешься въ вѣрѣ? Теперь вдругъ — по щучьему велѣнію, по нашему прошенью, вынь да положь и грамотность, и образованіе, и правильность вѣры!

Любопытнымъ образцомъ такихъ пріемовъ — выгонять усиленно и спѣшно ростъ просвѣщенія, а равно и образцомъ «обязательности», только съ другаго конца,—служитъ извѣстное и не очень давнее распоряженіе по духовному вѣдомству, чтобы были школы по всѣмъ приходамъ, да и только! Извѣстны также и результаты такого распоряженія. Прошло нѣсколько лѣтъ, и просвѣтительная горячка, казалось, нѣсколько поостыла. Но вотъ, по епархіальнымъ отчетамъ за 1866 г., высшее духовное начальство замѣтило, что число приходскихъ школъ уменьшилось. Тотчасъ сдѣлано за это замѣчаніе кому слѣдуетъ и подтверждено, чтобы непремѣнно были училища при каждомъ приходѣ. Замѣчаніе и указаніе пошли рикошетомъ до сельскаго приходскаго духовенства; были высказаны строгости великія: обѣщалось лишеніе мѣста тѣмъ, въ приходѣ которыхъ не будетъ школъ. Школы повыросли, какъ грибы послѣ дождя; въ отчетахъ стали снова красоваться тысячныя цифры учащихся,—но неужели кто-нибудь, прельщенный такою обязательностію заведенія школъ, рѣшится утверждать, что народное образованіе сколько-нибудь отъ того подвинулось?

Мы вообще желали бы, чтобы вопросъ объ обязательности обученія, при обсужденіи его въ земскихъ собраніяхъ, изъ сферы теоріи съѣхалъ бы къ практикѣ, рѣшался бы не вслѣдствіе высокопарныхъ и краснорѣчивыхъ спичей, а при помощи цифръ и простаго сложенія рублей и копѣекъ: можетъ быть тогда защитники его вынуждены были бы иначе взглянуть на дѣло. Мы и сами теперь, для вразумленія нашихъ противниковъ, вмѣсто другихъ отвлеченныхъ и потому, можетъ быть, не вполнѣ для нихъ удобопонятныхъ доказательствъ, прибѣгнемъ къ силѣ ариѳметическаго аргумента.

Допустимъ, что желаніе бугульминскаго духовенства (о которомъ мы говорили вчера) осуществилось: обязательность обученія принята для уѣзда; остается ввести ее въ дѣло, выполнить приказаніе. Задача, повидимому, не трудная; попробуемъ же ее исполнить.

По списку населенныхъ мѣстностей (изд. Министерства внутреннихъ дѣлъ), въ Бугульминскомъ уѣздѣ значится таковыхъ 334. Предполо-

жимъ даже, что обязательность обученія относится до одного православнаго населенія, не касаясь иновѣрческихъ; все-таки останется въ уѣздѣ 233 мѣстности, въ которыхъ должны быть заведены училища. Для одного уѣзда потребуется выстроить 233 зданія для помѣщенія учащихся; мы говоримъ—выстроить, потому что имѣющіяся нынѣ избы для училищъ едва вмѣщаютъ въ себѣ десятка два или три учениковъ, а намъ понадобятся, какъ сейчасъ видимъ, помѣщенія для сотни учениковъ. Гдѣ же средства для этихъ построекъ? Считая, по меньшей мѣрѣ, сто рублей на постройку каждаго, потребуется для одного только уѣзда 23,300 р. Гдѣ ихъ взять земству, обремененному налогами, заваленному расходами? По вѣдь и этимъ числомъ училищъ обойтись нельзя. Возьмемъ для примѣра первое многолюдное селеніе уѣзда, хотя село Борисоглѣбское, третьяго стана; въ немъ числится 1,011 мужескаго населенія и 1,109 женскаго, всего 2,120. Положимъ, что, при обязательности обученія, школу должна будетъ посѣщать только шестая часть населенія (въ нѣмецкихъ южныхъ колоніяхъ ходитъ въ школу почти треть населенія), —это составитъ 353 учащихся. Какое зданіе потребуется для помѣщенія ихъ? Придется или созидать цѣлый дворецъ, или выстроить три, четыре училища; расходъ на постройку, навѣрно, увеличится вдвое, если не болѣе, ибо многолюдныхъ селеній найдется много: въ одномъ Бугульминскомъ уѣздѣ мы насчитали 84 поселенія, въ коихъ болѣе 400 душъ, т. е. такихъ, гдѣ потребуется по два училища; а сколько такихъ, гдѣ понадобится три или четыре, смотря по числу населенія и по растянутости самого села иногда на пять верстъ?! Какой же богачъ снабдитъ насъ громадными деньгами на постройку зданій, равныхъ гимназіямъ и университетамъ? Изъ чьего кошеля возьмемъ мы опять-таки денегъ для покупки всѣхъ учебныхъ принадлежностей? Наконецъ,—самое главное,—гдѣ возьмемъ мы учителей? Ежели для одного Бугульминскаго уѣзда ихъ потребуется около 300, то гдѣ же мы отыщемъ тѣ тысячи, которыя понадобятся для одной Самарской губерніи? Гдѣ наберемъ тѣ десятки тысячъ, которые необходимо будутъ нужны для всей Россіи? Чтобы школы, при обязательности обученія, не обратились въ одну пустую формальность,—нужны хорошіе, дѣльные учителя, которые пойдутъ не иначе какъ за хорошее вознагражденіе. Въ настоящее время, почти вездѣ, меньшее вознагражденіе, получаемое учителями, доходитъ до 150 рублей; на 300 учителей Бугульминскаго уѣзда потребуется такимъ образомъ ежегоднаго обязательнаго расхода 45,000 рублей; прибавимъ сюда расходъ на постройку, на обзаведеніе, и получимъ въ итогѣ до 100,000 рублей на одинъ уѣздъ! но и эти сто тысячъ возрастутъ неимовѣрно, если мы увеличимъ учительское жалованье, какъ оно и слѣдуетъ, потому что вознагражденіе въ 150 рублей, конечно, слишкомъ мало. Передъ такою

крупною цифрой разсыпятся въ пухъ и прахъ всѣ доводы въ пользу обязательности обученія; а между тѣмъ, разъ признавши принципъ обязательности и подчинивъ ему народъ, мы уже и сами обязываемся преподать народу всѣ средства къ исполненію налагаемыхъ нами на него обязательствъ, и не имѣемъ уже никакого права отвращаться отъ потребныхъ расходовъ!

Введите эту обязательность, и вы достигнете одного: подъ опасеніемъ штрафа, дѣти будутъ пригоняться въ школу, но учиться имъ будетъ негдѣ, учить ихъ будетъ некому, учить ихъ будетъ не на что! Сдѣлайте это, и вы, безъ сомнѣнія, добьетесь, что народъ окончательно отвернется отъ школы, потеряетъ всякую въ него вѣру и обязательное обученіе будетъ считать, — и совершенно справедливо, — самою тяжелою повинностью, самымъ безплоднымъ налогомъ...

Повторяемъ опять: заботьтесь не столько о числѣ, сколько о качествѣ школъ; не столько о разведеніи новыхъ, сколько о поддержаніи и улучшеніи уже существующихъ и вновь самими крестьянами открываемыхъ (а таковыхъ не мало). Ограничьте вашу административную инициативу содѣйствіемъ народу въ его стремленіи къ образованію, усовершенствованіемъ методовъ преподаванія и наблюденіемъ, чтобы ученіе въ школахъ было толковое: для этого и имѣются у васъ училищные совѣты, которые въ настоящее время, большею частью, ни о чемъ не совѣщаются и ничего не дѣлаютъ. Будьте увѣрены, что добрая, толковая, хорошая школа будетъ самою лучшею пропагандою просвѣщенія въ народѣ, сама заставитъ крестьянъ, безъ всякаго вашего приказанія, посылать дѣтей въ школу. Хлопочите наконецъ не о новыхъ законодательныхъ мѣрахъ стѣсненія ради распространенія грамотности, а о томъ, чтобы были сняты разные еще остающіеся шлахбаумы на пути народа къ образованію, — о томъ, напримѣръ, чтобы хоть на первый разъ право открытія школъ, читаленъ и библіотекъ въ деревняхъ и на фабрикахъ было такъ же свободно, какъ право открытія кабаковъ; не жалѣйте тѣхъ земскихъ денегъ, которыми можете располагать безъ обремененія народа, и затѣмъ въ земскихъ собраніяхъ не оставляйте этого вопроса «открытымъ», для того, чтобы не порѣшивши закрыть его въ слѣдующую сессію... Есть конечно и другія, особыя причины, внушающія народу недовѣріе къ нашему учительству, — о чемъ мы поговоримъ въ свое время, — но во всякомъ случаѣ, даже ограничивая нашу дѣятельность указанными выше предѣлами, мы несравненно быстрѣе и далѣе подвинемъ дѣло народнаго образованія, чѣмъ измышленіемъ разныхъ принудительныхъ и обязательныхъ мѣръ и неуклюжимъ, рабскимъ подражаніемъ своеобразнымъ историческимъ формамъ западно европейскаго просвѣщенія...

Объ основахъ и типѣ народной школы.

«Русь», 16-го октября 1882 г.

Въ послѣднее время много говорилось въ газетахъ о какомъ-то проектѣ церковно-приходскихъ школъ, разсматриваемомъ и разрабатываемомъ особою специальною коммиссіей при высшемъ церковномъ управленіи въ Петербургѣ! Сущность проекта оставалась еще вполнѣ неизвѣстною, какъ уже образовались двѣ рѣзко противоположныя партіи—какъ и всегда съ третьею, умѣренною, по середкѣ. Защитники проекта понимали его по своему, какъ передачу народной школы въ полное и исключительное вѣдѣніе духовенства, съ устраненіемъ земства отъ всякаго инаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія кромѣ денежнаго, т. е. съ предоставленіемъ ему права и обязанности выдѣлять на школы часть суммъ, собираемыхъ имъ съ народа; при этомъ, конечно, современное положеніе земскихъ училищъ подвергалось самой озлобленной критикѣ—и все сплошь окрашивалось не то красною, не то черною краскою нигилизма. Не меньше озлобленія проявили въ своихъ статьяхъ и противники предполагаемаго проекта, съ ужасомъ усматривая въ немъ зарю якобы восходящаго надъ Россіей *клерикализма*, т. е. политическаго господства церковной іерархіи, подчиненіе всѣхъ отправленій государственной и общественной жизни вліянію и власти лицъ духовнаго званія. Впрочемъ, несмотря на явное, не однажды прежде высказанное сочувствіе къ новому французскому закону о народномъ обученіи (не только къ внѣшней, формальной его сторонѣ, но и внутренней, т. е. къ самой программѣ и духу обученія), эти господа, однакоже, съ благоразумнымъ снисхожденіемъ соглашались на допущеніе духовенства или «батюшекъ» къ преподаванію въ школѣ «Закона Божія»; другими словами, ограничивали отношеніе священника къ школѣ только обученіемъ «катехизису» или «догматикѣ»: на этомъ-де конькѣ, по ихъ мнѣнію, «клерикализмъ» далеко не уѣдетъ! Наконецъ третіе выражали полное удовольствіе настоящею постановкою и ходомъ школьнаго земскаго дѣла, отрицали какую бы то ни было злостную предусмотрительность со стороны земцевъ въ устраненіи отъ учительства мѣстныхъ священниковъ и указывали не безъ основанія, а нѣкоторые и съ искреннимъ соболѣзнованіемъ, на причины слабаго участія духовенства въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Конечно, въ этомъ серединномъ мнѣніи несравненно болѣе правды, чѣмъ въ мнѣніяхъ другихъ двухъ враждующихъ сторонъ; оно свободнѣе отъ предвзятыхъ теорій и опирается большею частью на практическихъ данныхъ, — но на наши глаза оно грѣшитъ нѣкоторымъ оптимизмомъ, слишкомъ обобщаетъ мѣстныя, подчасъ случайныя указанія опыта и какъ бы совсѣмъ

отвергаетъ возможность вредныхъ откуда бы то ни было на школу вліяній и чьихъ-либо недобрыхъ на нее умысловъ. Такъ какъ никакого проекта въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется въ газетныхъ словопреніяхъ, — насколько намъ извѣстно, — не существуетъ, а коммиссія разсуждаетъ лишь о способахъ привлеченія духовенства къ болѣе живому участію въ дѣлѣ народнаго образованія; такъ какъ въ этой коммиссіи, если не ошибаемся, приглашены подать свой голосъ нѣкоторыя лица, принадлежащія къ составу *земства* и стоящія во главѣ ими основанныхъ и ими же руководимыхъ и одушевляемыхъ, прекрасныхъ народныхъ школъ (очевидно, что сами себя, свое участіе и свое право они ужъ никакъ отрицать не станутъ!), то споръ о церковно-приходскихъ школахъ естественно утрачиваетъ свою практическую жгучую сторону и получаетъ значеніе уже нѣсколько теоретическое. Думаемъ однако, что газетная полемика не останется безъ пользы и для синодальной коммиссіи и расширитъ ея кругозоръ, всегда роковымъ образомъ, какъ-то невольно суживающійся въ петербургскомъ бюрократическомъ далекѣ. Скажемъ и мы наше замѣчаніе по поводу всѣхъ трехъ вышеуказанныхъ точекъ зрѣнія.

Намъ представляется несомнѣннымъ, что еслибъ дѣйствительно состоялся законъ о передачѣ всѣхъ существующихъ сельскихъ школъ въ *исключительное* завѣдываніе сельскихъ священниковъ съ устраненіемъ участія земства и всѣхъ такъ называемыхъ «свѣтскихъ» лицъ, то ничего кромѣ крупнаго вреда отъ такого бы закона не вышло. Дѣло народнаго образованія мигомъ бы упало, попятилось бы сильно назадъ, и тогда бы именно возникъ,—не «клерикализмъ», конечно,— а довольно сильный антагонизмъ между «церковью» и обществомъ или въ частности земствомъ, теперь пока, слава Богу, не существующій. О «клерикализмѣ» и толковать нечего: это пугало можетъ мерещиться только печальному невѣжеству нашихъ мнимыхъ либераловъ, которые, отрицая въ русской жизни «всякую самобытность въ сферѣ религіозныхъ идей» (sic), смотрятъ на эту жизнь сквозь призму самобытности французской! Имъ и невдомекъ, что Русское государство лучшими сторонами своего бытія, своимъ внутреннимъ единствомъ, цѣлостью и крѣпостью духовною, обязано именно церкви, что іерархи православные были въ то же время и главными зиждителями нашего государственнаго строя и величія, что политическое властолюбіе противно самому духу православной церкви, и что если въ позднѣйшія времена и явилось у насъ какъ бы уклоненіе отъ нормальныхъ отношеній между церковью и государствомъ, такъ въ смыслѣ совершенно противоположномъ понятію о «клерикализмѣ», т. е. не стремленіе церкви захватить себѣ государственную власть и не вражда духовенства съ государствомъ, а скорѣе наоборотъ: нѣкоторое вторженіе государства въ пре-

дѣлы области церковной и излишняя уступчивость со стороны представителей церкви передъ государственной властью... Но, устраняя этотъ общій вопросъ о церкви и государствѣ, нельзя не видѣть, что исключительное право народнаго обученія, перенесенное государственною властью на духовенство, вышло бы какою-то *сословною* привилегіею, а всѣ прочіе міряне, точно также входящіе въ составъ церкви, оказались бы словно подъ интердиктомъ или подъ отлученіемъ, повально заподозрѣнные въ противоцерковномъ и въ противоевангельскомъ направленіи. Такое взаимное отношеніе мірянъ и духовенства, такая *обособленность* послѣдняго, конечно, никакихъ иныхъ результатовъ дать не можетъ, кромѣ взаимной вражды и разрозненности нравственныхъ силъ, ко вреду для дѣла народной школы и для народнаго воспитанія вообще—въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Кто же по совѣсти станетъ отрицать, что одновременно съ достойнѣйшими сельскими пастырями, способными учить и воспитывать народъ, передавать ему первоначальное необходимое образованіе, выводить его изъ бытовой духовной непосредственности въ область сознанія безъ разрыва съ церковью, въ свѣтѣ истинной вѣры, во всеоружіи заповѣдей Христовыхъ,—одновременно и такъ сказать рядомъ съ подобными, въ полномъ значеніи слова «учительными священниками», имѣется множество и такихъ, которые при всѣхъ своихъ достоинствахъ лишены всякаго педагогическаго умѣнья? Многіе же обременены семействами и потому озабочены хозяйствомъ, приносящимъ болѣе выгодъ или средствъ къ жизни, чѣмъ скудное вознагражденіе за занятія въ школѣ,—многіе въ малочисленныхъ приходахъ отвлечены отъ училищнаго дѣла требами. Есть и такіе, и не мало ихъ, которые уже вовсе не стоятъ на высотѣ пастырскаго призванія и пренебрегаютъ уже не только школой въ буквальномъ смыслѣ, которой пока у нихъ и нѣтъ, но и тою, высшаго значенія школой, въ которой безъ всякихъ внѣшнихъ формъ обученія, посредствомъ лишь одного церковнаго богослуженія, изливается свѣтъ духовный на всѣхъ безъ различія, юныхъ и старыхъ, невѣждъ и ученыхъ,—которая одна и соблюла въ нашемъ народѣ сквозь тысячелѣтіе житейской тьмы и удушья, гнетущихъ нуждъ и всяческихъ испытаній, христіанскую душу. Мы вотъ еще надняхъ получили письмо изъ одного села Ярославской губерніи, гдѣ въ отвѣтъ на призывъ В. С. Соловьева и нашъ (въ 40 №), обращенный къ раскольникамъ о возсоединеніи съ церковью, намъ съ искреннею скорбью указываютъ, что главною помѣхою къ возсоединенію служитъ небреженіе священниковъ къ храму Божію, «разстройство богослужебнаго чина»... Съ другой стороны, кто же, кромѣ самыхъ отчаянныхъ анархистовъ, могъ бы пожелать исчезновенія такого, напримѣръ, училища, какое учреждено и ведется непосредственно самимъ С. А. Рачинскимъ, бывшимъ профес-

соромъ Московскаго университета? Скромный свѣтильникъ, зажженный имъ въ селѣ Татевѣ Смоленской губерніи для крестьянскихъ дѣтей, озарилъ много душъ—не дѣтскихъ, не крестьянскихъ только,—но въ средѣ такъ называемаго образованнаго общества, въ разныхъ концахъ Россіи, возжегъ во многихъ молодыхъ людяхъ доброе пламя, благородную жажду посвятить себя такому же трудному, самоотверженному, мирному, не громкому подвигу школьнаго учительства. И слава Богу! Неужели нужно останавливать, охлаждать такое стремленіе, возбранять людямъ такой благой подвигъ только потому, что они не въ рясѣ?... Но, не говоря уже о С. А. Рачинскомъ и его школѣ, а равно и о тѣхъ, которыхъ его примѣръ подвигнулъ на подражаніе, мы можемъ указать на десятокъ такъ называемыхъ земскихъ школъ, намъ лично извѣстныхъ, гдѣ народное обученіе, благодаря именно попечителямъ и попечительницамъ, идетъ очень и очень порядочно, гдѣ оно происходитъ въ полномъ союзѣ съ церковью, гдѣ учители, учительницы и приходскій священникъ-законоучитель ведутъ совмѣстно, дружно общее школьное дѣло. Тотъ учитель хорошъ, кто *хорошо* учитъ и *добру* учитъ, будь онъ въ сюртукѣ, или въ юбкѣ, или въ рясѣ. Слѣдовательно дѣло не въ званіи или сословіи преподающаго, и не въ одномъ его умѣніи, а въ томъ: *какъ* и *что* преподаютъ; другими словами—задача въ содержаніи и характерѣ преподаванія, въ его основахъ и типѣ.

Можно ли сказать, однако, что основы и типъ первоначальной народной школы вполнѣ опредѣлились въ Россіи и не оставляютъ желать ничего лучшаго? Станутъ ли утверждать, что она застрахована отъ всякихъ вредныхъ случайностей, что ей ни откуда не грозитъ опасность? Если захотимъ отвѣчать по совѣсти,—отстраняясь отъ постороннихъ соображеній: къ какимъ-де послѣдствіямъ, при данныхъ условіяхъ современности, могъ бы повести нашъ отвѣтъ, — мы скажемъ прямо: нѣтъ. Основы народнаго обученія еще не опредѣлились у насъ съ точностью ни на практикѣ, ни даже въ нашемъ общественномъ сознаніи; желанный общій типъ его еще не выработался, не сталъ господствующимъ. Наша школа не только не застрахована отъ случайностей, но, напротивъ, въ ней пока все болѣе или менѣе случайно, и доброе и дурное; все зависитъ отъ личности главныхъ участниковъ школьнаго дѣла. Объ его ходѣ нельзя, конечно, судить по одимъ оффиціальнымъ отчетамъ; можетъ быть, при тщательной повѣркѣ, дѣйствительно бы оказалось, что большинство дѣятелей ведетъ школу въ направленіи самомъ добромъ, — но это лишь «можетъ быть». Можетъ быть, оказалось бы и иное. Намъ укажутъ на училищный совѣтъ съ предводителемъ дворянства во главѣ и съ правительственнымъ инспекторомъ, представляющій достаточныя гарантіи. Но на практикѣ, какъ извѣстно, правительственная инспекція рѣдко гдѣ достигаетъ предна-

значенной ей цѣли, такъ какъ для инспектора, заваленнаго письменною отчетностью, нѣтъ практической возможности даже объѣхать въ теченіе года всѣ школы его округа, — да и не ищутъ ли всѣ земства освободиться отъ этой инспекціи? Въ этомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ сплошь и рядомъ появляются статьи въ газетахъ. Самый «училищный совѣтъ», навязанный земствамъ сверху и выставляемый теперь гарантіей, не возбуждалъ ли онъ въ свое время сильнаго негодованія земствъ и одушевленныхъ протестовъ?..

Мы вовсе не думаемъ подрывать довѣріе правительства къ земству, а желали бы ослабить самодовольное довѣріе къ себѣ въ средѣ самихъ земскихъ людей и убѣдить ихъ самихъ, что вопросъ объ основахъ и типѣ народной школы вовсе нельзя признать вполнѣ разрѣшеннымъ, а, напротивъ, подлежащимъ строгому, съ ихъ стороны, разсмотрѣнію. Оставимъ въ сторонѣ опошленное слово «нигилизмъ»; ни о немъ, ни о политической неблагонадежности не поведемъ здѣсь рѣчи, а обратимся... ну хоть къ тому кочеванью русской мысли въ общественной средѣ, которое всего виднѣе въ періодической печати и преимущественно въ той, что именуетъ себя почетнымъ именемъ будто бы «либеральной» и «прогрессивной». Не можемъ же мы предположить, что направленіе газетъ этого лагеря принадлежитъ лишь тѣсному литературному кружку; сами онѣ хвалятся, что оно распространено въ массѣ публики и въ сильномъ ходу между такъ называемыми «земскими дѣятелями». Если это такъ, то приходится признать, что дѣло народной первоначальной школы покоится еще на непрочномъ основаніи. Спрашиваемъ: возможно ли довѣрить ее такимъ педагогамъ, которые отрицаютъ въ Русскомъ народѣ его духовную личность, всякое право на самобытное развитіе «въ сферѣ политическихъ, религіозныхъ и нравственныхъ идей»? Далѣе: имѣемъ ли мы право вручить воспитаніе крестьянскихъ дѣтей — *малыхъ сихъ* — такимъ педагогамъ, которые гласно выражаютъ сочувствіе программѣ народнаго обученія, деспотически навязанной Франціи послѣднимъ закономъ о народныхъ школахъ, — программѣ насильственнаго систематическаго воспитанія народа въ безбожіи? Конечно нѣтъ, и «Русь» всѣми силами слова будетъ противиться вторженію такихъ учителей въ народную школу. Намъ замѣтятъ, что ни одна русская газета, какого бы она радикальнаго направленія ни держалась, не требовала до сихъ поръ, явно и открыто, исключенія Закона Божія изъ программы преподаванія, — даже всѣ онѣ прямо допускаютъ это преподаваніе. Правда; но французская программа все-таки остается, да и чистосердечно заявлена ихъ идеаломъ. Не могутъ же онѣ обидѣться, если мы предположимъ въ нихъ и нѣкоторую послѣдовательность! Позволительно думать, что поклонникъ какого-либо идеала невольно всегда будетъ стремиться къ его осуществленію. Содѣйствовать однако успѣху таковыхъ

стремленій въ нашемъ отечествѣ мы не желаемъ, — да и не только такимъ рѣзко заявленнымъ поползновеніямъ, но и тому напору «интеллигенціи» проникнуть въ народъ, который выражается въ статьяхъ гг. Введенскихъ, Эртелей и К°. Просимъ у читателя минуту терпѣнія и познакомимъ его съ воззрѣніемъ на воспитаніе народныхъ массъ г. Введенскаго, изложеннымъ въ «серьезномъ» журналѣ—«Вѣстникъ Европы» (за сентябрь мѣсяцъ). Пусть самъ читатель рѣшитъ — годился ли бы для народнаго умственнаго здоровья велемудрый «интеллигентъ», настойчиво домогающійся прежде всего «свободы для интеллигенціи, могущей вносить въ народъ свѣтъ просвѣщенія»? Посмотримъ, какова же эта интеллигенція и каковъ этотъ свѣтъ. Вотъ, напримѣръ, чего требуетъ этотъ писатель (авторъ знаменитаго изреченія «гуманизмъ человѣчности») отъ всѣхъ пекущихся о нашемъ народѣ: «ознакомьте — говоритъ онъ — народъ съ *результатами настоящей всечеловѣческой вѣковой дѣятельности мысли*»... Зачѣмъ—спрашиваетъ онъ съ негодованіемъ—«постоянный отказъ ему (т. е. народу) въ образованіи, въ дѣйствительной возможности *постигнуть истинную суть политическихъ и общественныхъ отношеній*»?.. «Развивайте умъ народа и *знакомьте его съ міровымъ умомъ,* дайте ему знаніе, *возможность оріентироваться въ природѣ и обществѣ*»... «Дайте народу *ознакомиться съ результатами мысли всего человѣчества*» (шутка вымолвить!). Однимъ словомъ: дайте ему «послѣднія слова науки» и всевозможныя гипотезы! И такъ какъ, по мысли г. Введенскаго, свѣтъ просвѣщенія можетъ быть внесенъ въ народъ только «интеллигенціей» (если ей будетъ предоставлена свобода), то стало-быть эта интеллигенція сама вполнѣ уже постигла «*истинную суть общественныхъ и политическихъ отношеній*» (такъ что эта статья выходитъ уже внѣ вопроса,— давно порѣшена, и мучиться надъ ея разрѣшеніемъ, какъ это дѣлаетъ современное человѣчество хоть бы на Западѣ, совершенно нечего: стоитъ только справиться у г. Введенскаго!). Впрочемъ авторъ вѣритъ въ способность Русскаго народа къ развитію и воспитанію, несмотря—говоритъ онъ — на то, что «на всей жизни народной лежитъ печать умственной неподвижности, *отсутствіе развитой умственной жизни* и *истиннаго критическаго отношенія къ окружающей дѣйствительности*»,—несмотря даже и на то, что, по его словамъ, «вѣковыя преданія, упрямое воспоминаніе о протекшихъ дняхъ лежитъ камнемъ на умѣ народа, мало развитомъ и потому не умѣющемъ истинно критически отнестись къ заблужденіямъ своимъ» (это относится, по объясненію самого г. Введенскаго, къ сферѣ «религіозной независимости» народа). «Винить народъ по этому поводу въ умственной несостоятельности—прибавляетъ великодушно авторъ — никто не будетъ», и дѣйствительно извиняетъ народъ... примѣромъ Декарта. Если

даже, говоритъ онъ, «философъ Декартъ, отказавшійся отъ всѣхъ понятій и знаній, данныхъ ему опытомъ и жизнью, и бравшійся построить строго логическій циклъ понятій, все-таки приходитъ въ немъ ко многимъ заблужденіямъ времени» (т. е. къ признанію бытія Божія? это дѣйствительно составляетъ характеристическую черту Декартова ученія), — то — продолжаетъ далѣе сотрудникъ «серьезнаго» журнала, «Вѣстника Европы»,—«нельзя же требовать отъ народа такой умственной свободы и независимости *отъ вѣковыхъ понятій*, насквозь пропитавшихъ всю его жизнь и все его «міровоззрѣніе»!.. Закончимъ всѣ эти цитаты слѣдующимъ афоризмомъ г. Введенскаго: «*Безъ образованнаго народа не будетъ никогда устойчивой образованной интеллигенціи*»... Гдѣ нашелъ въ мірѣ «образованный народъ» г. Введенскій, т. е. «образованныя» массы, ибо инаго смысла здѣсь слово «народъ» и не имѣетъ,— это мы предоставляемъ рѣшить ему самому.

Что же? допустить г. Введенскаго въ русскую народную школу?..

Сдѣланныя нами выписки говорятъ сами за себя. Мы потому и рѣшились утомить вниманіе читателя изреченіями г. Введенскаго, что они служатъ типическимъ образчикомъ многаго множества тѣхъ разглагольствій, которыми наполняются наши газеты и журналы извѣстнаго оттѣнка, пользующіеся, по ихъ же увѣренію, въ публикѣ и въ средѣ земцевъ не малымъ сочувствіемъ. И точно. Десятки тысячъ гг. Введенскихъ проникнуты тѣмъ же умственнымъ сумбуромъ и рвутся всею душой «освобождать народъ отъ вѣковыхъ понятій, насквозь пропитавшихъ его міровоззрѣніе», не хуже чѣмъ французскаго философа Декарта,— сообщить народу «вѣковые результаты человѣческой мысли» и «истинную суть политическихъ и общественныхъ отношеній»... другими словами: просто сбить съ толку крестьянскій умъ, навести на его душу пущую тьму, растлить и умъ и душу его фразой!.. Развѣ не вредно это внесеніе въ міръ крестьянина массы пустопорожнихъ понятій, пустозвонства, фразерства, самодовольства мнимымъ всезнаніемъ, напр. *всѣхъ результатовъ общечеловѣческой мысли* и послѣднихъ словъ «науки» — вообще это превозношеніе «науки»,— которой въ ея полнотѣ никакая, особенно первоначальная народная школа дать не можетъ,—превыше всякаго инаго духовнаго свѣта,—это модное у насъ суевѣріе *науки,* свойственное только жалкой полуобразованности!?

Мы бы, впрочемъ, никогда не кончили, еслибъ стали распространяться о всѣхъ разнообразныхъ видахъ той вздорной педагогіи, которою намѣреваются угощать, а частью уже угощаютъ у насъ простой народъ многіе, даже препрославленные «земскіе дѣятели»... Замѣтимъ теперь только одно. Совершенно недостаточно довольствоваться преподаваніемъ народу одной «нравственной доктрины Евангелія», которая нерѣдко находитъ себѣ мѣсто даже при педагогическихъ системахъ,

имѣющихъ въ виду одну практическую пользу — «утилитаризмъ» и «реальное направленіе». Нравственное ученіе христіанства не отвергается или рѣдко отвергается не только атеистами, но даже и матеріалистами; бóльшая часть ихъ даже предъявляетъ претензію, что они стали выше Евангелія, усовершенствовали его, очистивъ отъ понятія о возмездіи за добро и зло (т. е. отъ понятія о правдѣ и правосудіи), отъ догматической и вообще отъ «мистической» стороны. Было бы неумѣстно пускаться здѣсь съ ними въ споръ и доказывать, что педагогу, совлекшему съ человѣка образъ Божій, уподобившему его скотинѣ, даже прямо провозгласившему его скотомъ, происходящимъ отъ обозьяны, не къ чему прочно прикрѣпить и самое ученіе или точнѣе сказать *вкусъ* къ «гуманизму человѣчности», а въ концѣ-концовъ необходимо дойти, совершенно логически, до положенія: скотъ есмь и ничто скотское мнѣ не чуждо. Да ни къ чему другому и придти нельзя, если желаешь быть строго *послѣдовательнымъ*. Къ такой послѣдовательности человѣкъ, благодареніе Богу, мало способенъ, но на этой благородной неспособности успокоиваться нельзя, особенно же въ дѣлѣ народнаго воспитанія. Ученіе Евангельское не «доктрина» только, а заповѣдь, и именно какъ заповѣдь Божія должна внѣдряться въ сердца учащихся.

Нѣтъ, въ основу народнаго обученія и воспитанія, вмѣстѣ съ сообщеніемъ не проблематическаго знанія, а положительныхъ, простыхъ, такъ сказать аксіоматическихъ, необходимыхъ свѣдѣній, должно быть положено водвореніе въ душу неразрывной живой связи съ Богомъ и Христомъ, не только непосредственно *личной*, но и чрезъ *братскій* союзъ вѣры, единомыслія и любви о Христѣ людей между собою. Другими словами—народъ долженъ быть воспитанъ въ духѣ *церковномъ*, т. е. въ сознаніи и чувствѣ принадлежности своей къ тому великому, святому всецѣлому, къ тому «организму любви» (какъ выразился Ю. Ѳ. Самаринъ, опредѣляя понятіе Хомякова о церкви), объемлющему и воплощеннаго Бога и вѣрующее въ него человѣчество, единому во времени и въ пространствѣ, которое называется *церковью* и котораго внѣшнимъ выраженіемъ, при всей своей земной исторической случайности, является видимый церковный строй. Съ этимъ церковнымъ строемъ крестьянскій мальчикъ находится и безъ того въ привычной бытовой связи посредствомъ обрядовъ, общественнаго въ храмѣ богослуженія и совершенія священныхъ таинствъ,—слѣдовательно школѣ остается только осмыслить и освѣтить для него эти бытовыя узы, укрѣпить ихъ въ его чувствѣ и сознаніи, еще крѣпче связать его съ храмомъ, который для народа былъ и пребываетъ сокровищницею высшихъ нравственныхъ назиданій, святыхъ впечатлѣній и благихъ эстетическихъ наслажденій. Велико значеніе храма и всего богослужебнаго чина въ жизни народной. Вступая въ храмъ, крестьянинъ всту-

паетъ такъ сказать на почву вселенскую, почву всемірнаго братства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на почву національно-историческую, чувствуетъ себя едино не только со всѣми «православными христіанами» вообще, настоящими, прошлыми и будущими, съ призванными и любовно призываемыми, хотя еще и не просвѣтленными,—но и въ частности (что чувствуется имъ еще ощутительнѣе, *реальнѣе*) со всею русскою семьею, настоящею и прошлою, не только съ живущими современниками, но и съ отдаленнѣйшими предками. Внимая въ церкви «глаголы жизни», онъ внемлетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и отеческому преданію. Но теменъ онъ, крестьянинъ, тщетно напрягаетъ слухъ,—смыслъ множества словъ, символическое значеніе обрядовъ, послѣдовательность и полнота Божьяго откровенія отъ него ускользаютъ при богослуженіи — даже и не небрежномъ, какое зачастую бываетъ. И говоритъ онъ себѣ: неученье тьма, а ученье—свѣтъ. И съ радостью встрѣтитъ онъ всякую школу, которая воистину поведетъ его къ свѣту, приподниметъ его въ высшій духовный міръ, сдѣлаетъ ему доступнымъ разумѣніе слова Божія. Напротивъ, съ недовѣрчивостью отнесется онъ къ школѣ, по возвращеніи изъ которой его мальчишка на вопросъ: чему его тамъ научили? разскажетъ ему пустѣйшую побасенку или же такую и подобную ей премудрость, выдаваемую за «науку», что у «овцы есть шерсть», «что у коровы четыре ноги», что «изъ овечьяго мяса можно сдѣлать жаркое и борщъ», что «овечья шкура *часть овцы*» а «сѣно — засушенная трава». А вѣдь этими пустяками, возведенными въ методу, преисполнены, вмѣстѣ съ изображеніями «самки» и «самца», блохи и другихъ, неудобоназываемыхъ въ печати «животныхъ», даже книги такого почтеннаго и горячо преданнаго дѣлу народнаго образованія педагога, какъ баронъ Корфъ! Конечно, въ его руководствахъ есть и хорошія страницы, не все посвящено одной задачѣ «утилитаризма», но и самый идеализмъ, *внѣ* положительной церковной основы, едвали къ чему пригоденъ—именно въ дѣлѣ народнаго обученія. Ну что толковаго дадутъ народной школѣ такія, напримѣръ, фразы, что первою задачею учителя—возбудить превысочайшее, «истинное уваженіе къ *наукѣ*», и что главнѣйшая цѣль обученія: вселить, между прочимъ, въ дѣтяхъ «любовь къ человѣчеству, какъ къ *носителю науки*», т. е. что человѣчество слѣдуетъ любить—не потому что люди братья, а что оно «носитель науки»—и какой еще? той, которой образцы приведены выше!! (См. книгу «Русская начальная школа»).

Но довольно. О томъ, чего *мы* желаемъ отъ школы, читатели знаютъ изъ статей С. А. Рачинскаго, помѣщенныхъ въ «Руси» прошлаго года и въ послѣднихъ трехъ №№ текущаго мѣсяца. Не всѣ училища, конечно, могутъ быть обставлены такъ исключительно счастливо, какъ училище въ Татевѣ, но оно можетъ служить тѣмъ высшимъ образцомъ,

въ духѣ и смыслѣ котораго желательно видѣть всѣ народныя школы и установить общій училищный типъ.

Обращаемся теперь собственно къ мысли о церковно-приходскихъ школахъ. Безъ малѣйшаго сомнѣнія, всѣ наши общія усилія должны направляться къ тому, чтобы въ *каждомъ приходѣ* была своя школа, и если приходовъ въ Россіи 40,000, то стало-быть и школъ должно быть не менѣе. Чего же лучше, какъ пріурочить школу къ приходскому храму! 40 т. школъ — это значитъ 40 т. священниковъ, другими словами: 40 т. готовыхъ (и къ тому еще дешевыхъ) учителей. Вполнѣ ли оно удобно и исполнимо на практикѣ—это вопросъ другой, но въ принципѣ, въ теоріи, это именно то, чего слѣдовало бы желать и достигать всѣми возможными способами. Конечно, званіе учителя только бы возвысилось въ глазахъ народа, еслибъ былъ учитель въ то же время и священнослужитель, и отецъ духовный. Конечно, еслибы даже учителемъ было и иное лицо, эти 40 т. пастырей могли бы быть наилучшими инспекторами училищъ, потому что вѣдь нельзя же ни въ принципѣ, ни на самой практикѣ отрицать у пастыря не только право, но и обязанность: наблюдать надъ тѣмъ, какъ и въ какомъ духѣ воспитываютъ паству, за которую онъ отвѣтственъ предъ Богомъ. Если же священники наши ни къ педагогической дѣятельности, ни даже къ надлежащему за школой контролю въ большинствѣ своемъ, какъ увѣряютъ, неспособны и вообще не обнаруживаютъ достаточно пастырскаго рвенія, не «горяще духомъ»,—то обязанность церковнаго управленія заняться тщательнымъ подготовленіемъ пастырей къ исполненію пастырскаго долга и измѣнить тѣ условія жизни, при которыхъ священники лишены возможности стать и стоять на высотѣ своего призванія.

По измѣненіе этихъ условій, равно какъ и правильное разрѣшеніе вопроса о *церковно-приходскихъ* школахъ, невозможно, немыслимо безъ возсозданія *приходской общины*, какъ ячейки всего церковнаго организма. Только при живомъ воздѣйствіи соборнаго здѣсь начала *вмалѣ*, можно надѣяться и на иную постановку бытовыхъ условій, которыми теперь такъ тяготится духовенство и унижается его значеніе. *Только тогда возможна и правильная постановка школьнаго вопроса*, ибо школа будетъ находиться тогда подъ непосредственнымъ надзоромъ всего прихода: школа станетъ живымъ приходскимъ дѣломъ. Разъ возникнетъ самостоятельное бытіе приходской общины, она, эта община, не замедлитъ сдѣлаться ячейкой и общественнаго или *земскаго организма*. Въ приходской общинѣ самъ собою разрѣшается вопросъ и о *всесословности и равенствѣ*, — разрѣшается въ высшемъ нравственномъ началѣ братства и равенства религіознаго. Можетъ быть приходомъ замѣнится современемъ и настоящая волость, — но сперва слѣдуетъ возстановить приходъ въ смыслѣ чисто церковномъ, а тамъ уже

дѣло само покажетъ — станетъ ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и земскою единицей. И если станетъ, какъ мы на это надѣемся, то отчего же и учрежденіе церковно-приходскихъ школъ не можетъ стать общимъ дѣломъ церкви и земства?—и почему, по общему усмотрѣнію священника, прихожанъ и земства, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ священнику учить неудобно, задача учительства не может быть тогда поручена кому-либо изъ прихожанъ или иному лицу, по ихъ общему выбору?.. Итакъ, вопросъ о «церковно-приходскихъ школахъ», по нашему убѣжденію, тѣсно связанъ съ вопросомъ о самихъ приходахъ, а для содѣйствія къ разрѣшенію этого послѣдняго вопроса мы и начинаемъ съ нынѣшняго № печатанье статей, присланныхъ намъ изъ дальней провинціи и такъ вѣрно и разумно, съ своеобразною выразительностью рѣчи, дополняющихъ «устройствомъ прихода» рядъ статей г. Ив.-П. о церковномъ управленіи, помѣщенныхъ въ «Руси» прошлаго года...

Идеалъ нашей народной школы: союзъ церкви со школою.

«Русь», 1-го іюня 1884 г.

«Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ?.. Отзовися!» Таковъ кличъ, несущійся къ намъ изъ глуши села Глухова, въ письмѣ молодаго кандидата Московскаго университета, Н. М. Горбова (нынѣ сотрудника С. А. Рачинскаго), помѣщенномъ въ этомъ же № ниже и перепечатанномъ изъ «Московскихъ Вѣдомостей»... Есть ли въ нашемъ университетскомъ юношествѣ живая душа, которой опостыли слова, которая томится жаждою дѣла, живаго, благаго дѣла,—подвига—въ мѣру ея молодой дерзновенной мощи?.. Еще бы не быть! Къ чести нашего учащагося юношества должно сказать, что оно менѣе всего своекорыстно, менѣе всего заражено эгоизмомъ и, какъ свидѣтельствуетъ одинъ иностранецъ, цѣломудреннѣе молодежи многихъ другихъ странъ, по крайней мѣрѣ менѣе отдается грубому чувственному распутству, а обуреваемо большею частью стремленіями идеалистическаго свойства. Но подвигъ, на который призываетъ Горбовъ, не всякому изъ русскихъ юныхъ идеалистовъ подъ силу, да и самый идеалъ, служеніе которому онъ предлагаетъ, не всякому и по вкусу. Это не какой-либо идеалъ «вселенскій», «общечеловѣческій», вообще ширины столь необъятной, что при одной мысли о немъ пріятно захватываетъ духъ и щекотитъ юное самолюбіе, хотя при первой же встрѣчѣ съ дѣйствительностью онъ лопается какъ пузырь, обращается въ нуль!.. Это—подвигъ лишенный всякой внѣшней красы и эффекта, такъ подкупающихъ молодежь. Въ немъ ни грома, ни молніи, ни блеска, ни треска; ни борьбы съ вражьей силой, ни главной для юношей

приманки *опасности,*— стало быть не нуждается онъ ни въ удали, ни въ отвагѣ... Удаль, отвага, все это качества, по правдѣ молвить — дешевыя, хотя и нарядныя! Борьба, рискъ, опасность — все это мóлодцу лишь потѣха! тѣмъ пріятнѣе, когда ее удается оправдать въ собственныхъ глазахъ—подбивъ какою-либо идеей о пользѣ всенародной, если ужь не вселенской!.. Добро бы, наконецъ, предлагаемый подвигъ обладалъ прелестью запретнаго плода, былъ бы чѣмъ - то въ родѣ тайнаго заговора на облагодѣтельствованіе человѣчества, съ лозунгами, условными знаками, невидимыми руководителями и тому подобною обстановкою!.. Нѣтъ, этотъ подвигъ чуждъ всякихъ пряныхъ приправъ,— онъ не боится свѣта, онъ вполнѣ законенъ и простъ, но именно потому, что онъ такъ простъ, такъ скроменъ, невзраченъ, черствъ, ежедневенъ, потому-то самому онъ и труднѣе всякихъ иныхъ: порывомъ, сразу, его не одолѣешь, и болѣе чѣмъ какой - либо другой требуетъ онъ отъ юноши не пылкаго, преходящаго, а прочнаго, не знающаго остуды одушевленія, неослабѣвающаго, ровнаго напряженія воли и нравственныхъ силъ.

За то онъ во истину благъ и святъ. Это — подвигъ учительства въ сельской школѣ, начальнаго образованія и воспитанія крестьянскихъ ребятъ въ духѣ Вѣры, въ живомъ единствѣ съ Церковью Христовой, и приготовленія изъ ихъ среды будущихъ сельскихъ учителей... Впрочемъ, можетъ быть не трудно было бы найти охотниковъ даже и для учительства въ школахъ, но только въ направленіи совершенно противоположномъ,— съ цѣлію, болѣе или менѣе затаенною, если не прямой пропаганды атеизма, то все же такъ называемаго «искорененія *предразсудковъ*»: о таковомъ искорененіи много, еще недавно, толковали наши мнимо-либеральные борзописцы, именующіе себя «народниками» и изъ своихъ симпатій къ Русскому народу исключающіе именно то, чтó составляетъ его *душу живу*... Не къ такого рода дѣятелямъ, разумѣется, и обращается г. Горбовъ въ своемъ письмѣ, а къ русской молодежи прямодушной и честной, не порвавшей связи съ историческимъ духовнымъ строемъ своего народа и ищущей себѣ *дѣла жизни*...

Но зачѣмъ же учительство въ сельской школѣ возводить, по нашему выраженію, въ «дѣло жизни» и въ «подвигъ,—зачѣмъ осложнять исключительными условіями, доступными во всякомъ случаѣ для немногихъ, такое дѣло, которое, имѣя предметомъ своимъ милліонныя народныя массы, требуетъ несмѣтнаго множества дѣятелей, а потому, очевидно, должно быть поставлено на самыя простыя, немудреныя и во всѣхъ отношеніяхъ дешевыя основанія? Зачѣмъ? Да для того именно, чтобъ отыскать и опредѣлить эту *простоту* основаній. Дѣйствительно, не только ученый профессоръ (какъ С. А. Рачинскій), но и кандидаты университета (какъ его помощникъ Н. М. Горбовъ и *будущіе съ нимъ*) въ званіи школьныхъ деревенскихъ учителей, — это повидимому какая-то аномалія: вѣдь и

сотой части своихъ знаній примѣнять къ своему дѣлу имъ не понадобится! Но школьнаго сельскаго учителя въ нашу пору въ Россіи приходится еще *создавать*, а для этого надо напередъ познать его трудъ и призваніе, и познавши—возвести его идеальный типъ въ общественное сознаніе: такую задачу могутъ разрѣшить лишь люди съ высшимъ образованіемъ, съ высшимъ развитіемъ умственнымъ и нравственнымъ, и разрѣшить не отвлеченнымъ лишь умозрѣніемъ, но и практическимъ опытомъ,—ясновидѣніемъ просвѣщенной мысли и просвѣщенной любви въ ихъ живомъ, дѣятельномъ сочетаніи. Разъ идеальный типъ найденъ и опредѣленъ и образецъ данъ,— средній типъ деревенскаго учителя, средняя возможная мѣра потребныхъ для него качествъ обозначатся сами собою.

Эти слова требуютъ поясненія. Не всѣ въ равной мѣрѣ отдаютъ себѣ отчетъ — какъ неизмѣримо важенъ и труденъ вопросъ о народномъ образованіи, и притомъ не у насъ однихъ. Напрасно было бы думать, что онъ уже окончательно разрѣшенъ на Западѣ и что намъ ничего болѣе не остается, какъ воспроизвести и у себя опытъ другихъ европейскихъ странъ, хотя бы даже «съ нѣкоторымъ приспособленіемъ къ мѣстнымъ особенностямъ нашего народа».

Въ чемъ же однако трудность задачи, общей и намъ, и Западу? Да именно въ томъ, чтобъ образованіе, проникая въ массы, дѣйствительно служило къ нравственному подъему, а не къ пониженію уровня народной нравственности; чтобъ оно было зиждительнаго, а не разлагающаго свойства, укрѣпляло, а не растлѣвало народный духъ. Трудность эта обусловливается — мало сказать *различіемъ* внѣшнихъ формъ жизни между народными массами и высшими культурными слоями того же народа, но и глубокою *противоположностью* внутренняго, духовнаго строя ихъ существованія и законовъ развитія. Вотъ почему, хотя при рожденіи всѣ дѣти равно невѣжественны, отношеніе *крестьянскихъ* дѣтей или молодаго обучающагося въ школѣ *народа* къ наставнику — представителю сверхнароднаго «образованнаго» класса, вовсе не похоже на отношеніе вообще ребенка къ взрослому или безграмотнаго еще ученика къ учителю. Здѣсь ученики—дѣти народа, а народъ въ тѣсномъ смыслѣ слова (или народныя массы), хотя и состоитъ изъ отдѣльныхъ человѣческихъ единицъ, но не есть только ихъ *совокупное множество*, существующее на основаніи какого-то взаимнаго сознательнаго соглашенія. Народъ болѣе чѣмъ совокупность, это—общность или цѣльность, въ которой *поглощается личность:* это особый, своеобразный организмъ, съ органическимъ ростомъ, развитіемъ и отправленіями, не поддающимися никакому изслѣдованію; это цѣльная-то коллективная единица или лицо, живущее не только въ пространствѣ, но и въ вѣкахъ, руководимое коллективнымъ преданіемъ и обычаемъ, коллективнымъ разумомъ,

который, въ отдѣльныхъ единицахъ, народъ составляющихъ, проявляется въ видѣ повелительнаго инстинкта. Никто, напримѣръ, въ частности въ народѣ не занимался сочиненіемъ языка; въ народномъ творчествѣ, какъ бы богато оно ни было, нѣтъ *личнаго авторства*: оно является, вмѣстѣ съ литературой, же въ *образованномъ* слоѣ, который слагается изъ народныхъ уже единицъ, но выдѣлившихся изъ непосредственности народнаго коллективнаго бытія и вступившихъ на путь *личнаго* самосознанія и развитія. Здѣсь начинается уже область личной сознательной дѣятельности, область культуры и цивилизаціи. Путь этотъ образуетъ разныя стадіи, постепенно ослабляя органическую съ массами связь, такъ что взаимныя отношенія массъ съ крайними культурными сферами доходятъ иногда до роковыхъ грозныхъ недоразумѣній.

Такимъ образомъ въ каждой народной школѣ сталкиваются между собою двѣ совершенно различныя области, два особые міра: міръ народнаго, цѣльнаго коллективнаго бытія, съ его безличнымъ разумомъ и безличнымъ творчествомъ,—и міръ выдѣлившихся изъ массы единицъ, съ его началомъ *личности* и дѣятельностью личнаго самосознанія, съ его наукой и цивилизацiей. Встрѣча этихъ двухъ возрастовъ, двухъ полюсовъ развитія въ школѣ можетъ быть гибельна для перваго изъ нихъ, если образованіе предложится ему, т. е. народу, сразу свыше той мѣры, которую онъ въ состояніи вмѣстить. Въ опредѣленіи этой мѣры и заключается трудность,—мѣры притомъ не количественной только, но и *качественной*. Дѣло не въ передачѣ только меньшей или большей суммы внѣшнихъ свѣдѣній, не въ примѣненіи только этой суммы къ степени пониманія, но и въ томъ, что въ область непосредственнаго коллективнаго бытія вторгается новое, чуждое досслѣ начало личной сознательной дѣятельности и, вторгаясь, можетъ расторгнуть органическій союзъ народныхъ единицъ, сдѣлать обучаемыхъ непригодными для жизни въ этомъ союзѣ, искусственно вытолкнуть ихъ изъ природной среды, не создавая однако для нихъ среды иной, новой. Далѣе, возникаетъ и другой, еще болѣе важный вопросъ: какъ устроить, чтобы, ослабляя силу тѣхъ нравственныхъ элементовъ, которыми держится весь бытъ, которыми опредѣляются и стоятъ народные *нравы*, дать ученику взамѣнъ равносильную нравственную опору и не оставить его совсѣмъ безпомощнымъ, съ вызваннымъ къ дѣятельности, еще слабымъ и неразвитымъ критеріумомъ личнаго сознанія — при очевидной невозможности облечь ученика школы тотчасъ же въ предохранительную броню высшаго знанія и развитія?.. Но вѣдь и это еще подлежитъ вопросу — въ какой мѣрѣ и всегда ли надежно предохранительна самая эта броня, и многимъ ли, даже и внѣ народной среды, доступна *высшая* степень развитія и знанія?! Несомнѣнно, что городскіе нравы мягче и утонченнѣе нравовъ сельскихъ, но послѣдніе хотя и грубѣе, за то строже и чище:

параллель между развратомъ главныхъ центровъ цивилизаціи, т. е. городовъ, особенно большихъ, съ одной стороны, и сельскою прямодушною простотою и цѣломудренностью съ другой—хотя и избитое до пошлости общее мѣсто у всѣхъ писателей, преимущественно иностранныхъ, однако тѣмъ не менѣе—истина. Въ томъ-то и дѣло, что цивилизація и нравственность нисколько не синонимы, хотя, какъ понятія, онѣ вовсе не исключаютъ другъ друга. Мы знаемъ, напримѣръ, что высшій разцвѣтъ цивилизаціи Рима былъ вмѣстѣ и эпохою высшаго въ немъ разврата нравовъ, а вмѣстѣ и паденія... Что же изъ сего слѣдуетъ? Слѣдуетъ то, что кромѣ пріобщенія школьниковъ изъ народа къ такъ называемой цивилизаціи и культурѣ, и кромѣ сообщенія знаній, нужно и еще нѣчто,—нужно, для правильнаго и благотворнаго развитія человѣческихъ единицъ, освобождаемыхъ образованіемъ изъ-подъ непосредственнаго воздѣйствія народнаго быта съ его коллективнымъ разумомъ и обычаемъ, имѣть въ виду, при образованіи народномъ—необходимость, прежде всего, обезпечить нравственную сторону дѣла... Однимъ словомъ, кромѣ науки и цивилизаціи, нужно участіе нѣкоего другаго фактора...

Очень можетъ случиться, что иные изъ россійскихъ «интеллигентовъ», обидѣвшись нашими словами объ образованіи, вступятся за его честь и станутъ доказывать, что кромѣ образованія ничего не нужно, что въ знаніи и наукѣ, въ нихъ однихъ, заключается чародѣйственная спасительная сила. Ну и положимъ что такъ: сила — въ образованіи. Но въ какомъ? вѣдь разумѣется — *полномъ*. Вѣдь самъ же нашъ оппонентъ непремѣнно съ презрѣніемъ относится къ *полуобразованности* и употребляетъ ее чуть не какъ бранное слово. Но развѣ школа можетъ передать крестьянамъ *полноту* образованія, — возможную лишь, и то съ грѣхомъ пополамъ, въ университетахъ да въ академіяхъ? не говоримъ уже о томъ, что умственному желудку крестьянина такой пищи и не переварить, и что результатомъ такого кормленія было бы совершенное разслабленіе, до полной болѣзненности, его духовнаго организма. Не только полноты образованія, но даже и *полу*образованія, даже и четверти образованія не можетъ дать народу школьное обученіе, а слѣдовательно и никакой спасительной силы: извѣстно, что одни вершочки знанія только мутятъ простой здравый смыслъ, и слѣдовательно—хуже невѣжества. Даже сообщеніе однихъ основныхъ, элементарныхъ свѣдѣній есть оружіе обоюдоострое. Хорошее дѣло, напримѣръ, грамотность,—но вѣдь грамотность сама по себѣ не опредѣляетъ человѣку нравственнаго образа дѣйствій или пути въ жизни: она можетъ, конечно, послужить къ добру, но также и къ составленію подложныхъ актовъ...

Очевидно, что образованіе въ народной школѣ не можетъ ограничиваться однимъ сообщеніемъ элементарныхъ свѣдѣній, а должно быть въ то же время и—*воспитаніемъ*. Иначе *ученіе* будетъ—*паденіе;* иначе,

расшатывая цѣльность народнаго быта, растворяя дверь въ область цивилизаціи со всѣми ея приманками, школа обратится лишь въ коварную западню для народа и вмѣсто хлѣба, за которымъ протягиваетъ народъ руку, подсунетъ ему камень... Впрочемъ, противъ пользы воспитанія народа посредствомъ школы едвали кто станетъ и спорить; вопросъ можетъ быть поставленъ лишь о самомъ существѣ воспитанія, его духѣ и направленіи. Къ «воспитанію» же относятся и заботы нѣкоторыхъ нашихъ «интеллигентовъ» объ искорененіи предразсудковъ; за границей предлагаютъ обучать народъ *морали*, одни по усмотрѣнію учителей, другіе по особо изготовленному общему курсу. Но еслибы *преподаваніе морали* предоставить личному усмотрѣнію учителей, то вышло бы, что мораль не одна для всего населенія страны, и даже не одна особая для обучающагося народа, а сколько школъ, столько и моралей. При употребленіи же въ дѣло *курса* морали, хотя бы и получившаго санкцію правительства, можетъ случиться то маленькое неудобство, что таковая курсовая мораль, какъ лишенная высшаго нравственнаго сверхчеловѣческаго авторитета, не будетъ имѣть и нравственно-обязательной силы. Извѣстно, что такой опытъ производится теперь во Франціи, гдѣ съ изгнаніемъ изъ народныхъ школъ уроковъ Закона Божія и съ вытравленіемъ изъ книгъ, рукописей, надписей, самаго имени Божія, введено преподаваніе курса *гражданской морали*, сочиненнаго г. Поль-Беромъ и патентованнаго министерствомъ народнаго просвѣщенія. Ничего, разумѣется, не можетъ быть возмутительнѣе подобной тиранніи *либеральнаго* правительства надъ христіанскимъ народомъ: на собственныя деньги народа, его же дѣтей государственная власть насильственно обучаетъ безбожію, — насильственно потому, что посѣщеніе школъ обязательно подъ страхомъ разныхъ каръ. Ничего въ то же время нельзя себѣ представить наивнѣе и легкомысленнѣе увѣренности французскихъ мыслителей и правителей, будто правила морали, нѣчто въ родѣ того, что̀ находится въ прописяхъ, такъ-таки, по распоряженію министерства, и внѣдрятся въ сердца народныхъ массъ, и свяжутъ ихъ совѣсть, и разобьютъ въ пухъ и прахъ чуть не полутора-тысячелѣтнее исповѣданіе Вѣры! Впрочемъ французскому правительству врядъ ли удастся воспитать Французскій народъ до полнаго безбожія, и мы, вѣроятно, лишены будемъ возможности судить о плодахъ его педагогической системы, такъ какъ на уничтоженіе христіанскаго культа все же правительству недостало духа, а французская церковь не дремлетъ,—церковною проповѣдью и обученіемъ внѣ школы парализуетъ, съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, атеистическія затѣи новаго школьнаго закона! Франція, къ тому же, и не такая страна, которую бы кто рѣшился теперь рекомендовать за образецъ достойный для подражанія. Во всякомъ случаѣ школа въ ней въ прямомъ антагонизмѣ

съ народными преданіями и духовными влеченіями, и не школа воспитываетъ Французскій народъ.

Мы мало знакомы съ ходомъ народнаго германскаго образованія. Не можемъ однако не вспомнить, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ (о чемъ было мимоходомъ сообщено и въ «Руси») съѣздъ школьныхъ учителей гдѣ-то въ Южной Германіи пришелъ къ заключенію, что существующая тамъ система элементарнаго народнаго образованія даетъ въ окончательномъ результатѣ—увеличеніе числа преступленій, приводитъ будто бы къ «одичанію» (Verwilderung)...

Такъ не лучше ли ужъ вовсе не заводить никакихъ школъ, замѣтятъ намъ, а оставить народъ коснѣть въ благодатномъ невѣжествѣ, въ консервативной чистотѣ, въ первобытности нравовъ? и пр. и пр. Лучше во всякомъ случаѣ, чѣмъ учреждать скверную школу и искусственно вести народъ къ цивилизованному разврату или плодить *новую породу цивилизованныхъ дикихъ*. Но это «лучше» будетъ только изъ двухъ золъ меньшее, а все же зло. Все что̀ не движется, не растетъ, нейдетъ впередъ—каменѣетъ, мертвѣетъ, киснетъ, гніетъ. Это во-первыхъ; во-вторыхъ —простой народъ и безъ школы подвергается непрестанному воздѣйствію цивилизаціи, но—самыхъ вредныхъ ея сторонъ,—цивилизаціи трактирной, со всѣми ея соблазнами, оградить отъ которыхъ не можетъ никакая внѣшняя власть въ мірѣ, съ которыми можетъ бороться лишь сила нравственная. Къ тому же знаніе есть благо, на которое каждый имѣетъ право, къ которому всѣ призваны, къ которому стремится и нашъ народъ, сложившій пословицу глубокаго смысла: «ученье—*свѣтъ*; неученье—тьма». Нужно только, чтобъ оно дѣйствительно, во истину было свѣтомъ... Мы горячо стоимъ за народную школу, и именно потому, что такъ высоко цѣнимъ ея призваніе для народа, мы и старались выяснить, въ предѣлахъ возможныхъ для газетной статьи, необходимость самаго серьезнаго, строгаго къ ней отношенія, всю трудность, всю важность правильнаго разрѣшенія народно-педагогической задачи. Предыдущее изложеніе указало намъ на опасности, которыми могутъ грозить народу и всей странѣ системы народнаго обученія неразумныя, и привело къ слѣдующимъ выводамъ, одинаково общимъ для народныхъ школъ какъ Россіи, такъ и Запада:

Во-первыхъ, великое значеніе слѣдуетъ придавать *мѣрѣ* сообщаемыхъ знаній, не только въ количественномъ, но и въ *качественномъ* отношеніи, въ виду того, что почва не воздѣланная предварительнымъ долгимъ трудомъ не способна взращать сѣмена всхожія лишь на обработанной почвѣ, а также и въ виду того, что добрый черноземъ, требующій лишь глубокой борозды, при слишкомъ усердномъ удобреніи можетъ плодить только хилыя, никуда негодныя растенія. Все это кажется общимъ мѣстомъ, но вспомнимъ лишь нашихъ учителей-разви-

вателей, которые подчуютъ русскихъ крестьянскихъ дѣтей сочиненіями Писарова, Бѣлинскаго и иными литературными произведеніями, превосходящими мѣру не только дѣтскаго, но и вообще крестьянскаго разумѣнія. Впрочемъ, это только у насъ: едвали кому-либо на Западѣ, даже во Франціи, придетъ въ голову преподнести деревенскому мальчику Бальзака, Флобера, Зола.

Во-вторыхъ, школа не должна отчуждать учащихся отъ родной среды, отъ труда свойственнаго ихъ быту (кромѣ лицъ, надѣленныхъ исключительными дарованіями) и вообще плодить интеллигентный пролетаріатъ.

Въ-третьихъ, она должна не только обучать, но и *воспитывать*, не только сообщать ученику, въ извѣстной мѣрѣ, сумму внѣшнихъ знаній, но и укрѣплять его нравственно. Однимъ словомъ, школа обязана: ослабляя, болѣе или менѣе, нравственную прирожденную власть народнаго быта, дать ученику взамѣнъ, въ самомъ развитіи его нравственнаго сознанія, надежную, равносильную нравственную опору. По разъ дѣло коснулось воспитанія, вообще стороны нравственной, не можетъ для сколько-нибудь здраваго смысла быть и рѣчи о какомъ-либо *курсѣ гражданской морали*: основою народнаго воспитанія, а потому и образованія, можетъ и должна быть только *религія*,—святая христіанская религія, и конечно не какъ «субъективное чувство» со всею его капризною призрачностью, конечно не въ произвольномъ толкованіи единичныхъ умовъ, а какъ всенародное исповѣданіе, какъ ученіе Церкви.

Только она, святая христіанская Вѣра, подаетъ все что нужно, что на потребу,—не только простолюдину, но и всякому человѣку—во всѣхъ состояніяхъ и на всѣхъ ступеняхъ развитія. Какъ солнечный свѣтъ доступенъ равно всѣмъ и каждому безъ исключенія, такъ и свѣтъ Христовъ изливается въ равной мѣрѣ на богатыхъ и нищихъ, на знатныхъ и незнатныхъ, на ученыхъ и невѣжественныхъ, на мудрыхъ и простецовъ, на культурныхъ и некультурныхъ,—онъ устраняетъ всякое неравенство, всякое различіе между людьми, всякое разстояніе ихъ раздѣляющее,—сословное, бытовое, обусловленное развитіемъ и образованіемъ, созданное разностью временъ, цивилизаціи, культуры. Всѣ тѣ неудобства и вредныя послѣдствія, которыя могутъ происходить отъ встрѣчи въ народной школѣ двухъ разныхъ стихій, двухъ разныхъ міровъ,—коллективнаго или общиннаго народнаго бытія (*массоваго*, какъ любятъ выражаться теперь нѣкоторые публицисты), и личнаго бытія выдѣляющихся изъ народа единицъ, съ дѣятельностью личнаго сознанія,—всѣ эти неудобства и злыя послѣдствія устраняются или замиряются при живомъ воздѣйствіи христіанской религіи: она разрѣшаетъ всѣ противорѣчія, она обезвреживаетъ всякое знаніе, напротивъ—святитъ его и освѣщаетъ истиннымъ свѣтомъ.

И эту-то силу просвѣтительную, примирительную, все ублажающую любовью, подъемлющую и укрѣпляющую духъ, зиждущую высшее равенство—*братство* всечеловѣческое,—ее-то и желали бы иные безумцы исключить изъ области народной школы и народнаго образованія! И какую же силу? Не новую, которую приходилось бы откуда-либо заимствовать, а искони присущую населенію во всѣхъ христіанскихъ странахъ! Не къ язычникамъ обращается школа, а къ народу, исповѣдующему христіанство съ давнихъ временъ, къ народу, котораго весь бытъ, весь годовой кругъ жизни и дѣятельности связанъ съ христіанскимъ культомъ. И вмѣсто того, чтобъ съ нимъ же тѣсно, неразрывно связать и дѣло народнаго образованія, нѣкоторые хотѣли бы поставить ихъ во враждебныя другъ къ другу отношенія,—хотѣли бы, окалѣчивъ народъ нравственно, приставить ему, взамѣнъ, искусственныя ноги и руки своего издѣлія!

Школа въ Россіи—дѣло почти новое. О прежнихъ попыткахъ, начиная со временъ Екатерины II до Александра II, почти не стоитъ и говорить. Церковно-приходскія училища были рѣдки, частныя и казенныя еще рѣже, ученье производилось большею частью по такой методѣ, которая скорѣе отталкивала, чѣмъ привлекала учениковъ, обращалась болѣе къ памяти, чѣмъ къ разумѣнію и не сказывалась ничѣмъ въ народномъ быту. Съ пробужденіемъ общественной русской жизни въ прошлое царствованіе и съ учрежденіемъ земствъ, народное образованіе стало предметомъ возбужденнаго вниманія какъ со стороны общества, такъ и правительства. Министерство народнаго просвѣщенія включило народную школу въ кругъ своего спеціальнаго вѣдѣнія (вслѣдствіе чего церковно-приходскія училища пришли въ совершенный упадокъ), создало для нея программу, указало руководства, устроило во множествѣ педагогическіе классы, учредило и разсадники сельскихъ учителей—учительскія семинаріи. Теперь школъ насчитываются уже десятки тысячъ; наша педагогическая литература, на отсутствіе которой жаловаться вошло въ обычай, представляетъ въ настоящую пору такую массу произведеній, что одинъ перечень ихъ составляетъ большой толстый томъ, и если не качествомъ, то количествомъ свидѣтельствуетъ объ искреннемъ участіи къ школьному дѣлу русскаго общества. Тѣмъ не менѣе нельзя признать, чтобы школьное дѣло было поставлено у насъ хорошо и шло успѣшно. *Общій* типъ народной школы неудовлетворителенъ, не отвѣчаетъ ея призванію; лишь слабые корни пускаетъ въ народную жизнь, не пользуется сочувствіемъ народа,—и именно потому, что школьное ученіе недостаточно согласовано съ условіями и законными требованіями народнаго быта, и состоитъ съ Церковью только въ формальной, внѣшней связи.

Еще хуже было поставлено дѣло учительскихъ семинарій. Мы имѣли

случай лично убѣдиться, что въ одной изъ нихъ крестьянскіе юноши, готовившіеся занять мѣста сельскихъ учителей, питались чтеніемъ старыхъ и новыхъ журналовъ самаго отрицательнаго направленія и иной книжной дребедени, изображающей съ сочувственною игривостію картины легкихъ нравовъ свѣтскаго общества...

Нельзя не принять въ соображеніе, что если вообще задача народной школы представляется трудною повсюду, то эта трудность усложняется у насъ нѣкоторыми особенностями нашего историческаго развитія. На Западѣ Европы такъ называемая европейская цивилизація болѣе *своя* и французскому, и германскому, и англійскому, вообще западно-европейскому простолюдину, чѣмъ русскому; она развивалась одновременно со всею страною; она составляетъ часть народнаго историческаго бытія, да и будучи обще-европейскою — носитъ на себѣ въ каждой странѣ отпечатокъ ея національности. Высшіе культурные классы, какъ бы ни отстояли далеко отъ своего народа по образованію, все же связаны съ нимъ и чувствомъ и сознаніемъ національнаго единства,—все же одного національнаго духа съ нимъ. Въ Россіи не то. Цивилизація, заимствованная нами изъ Европы, еще не настолько акклиматизовалась у насъ, чтобы на каждомъ шагу не выдавалось ея чужеземное происхожденіе. Ученикъ русской народной школы, получая образованіе (особенно по методамъ и программамъ большей части нашихъ патентованныхъ педагоговъ), входитъ не только въ міръ для него высшій, но отчасти и *иностранный*. Надъ каждымъ изъ крестьянъ-школьниковъ совершается, въ миніатюрѣ, нѣчто въ родѣ той операціи, которую Петръ Великій во время оно совершилъ надъ Россіей. Самая наша книжная рѣчь, наша грамматика, синтаксисъ, формы поэзіи, все это запечатлѣно характеромъ болѣе или менѣе чуждымъ, представляющимъ уклоненіе отъ законовъ языка и родныхъ формъ, а иногда даже и прямое искаженіе, чего нѣтъ на Западѣ, или же имѣется въ болѣе слабой степени. Нужно ли говорить о самомъ содержаніи литературы, отражающей въ себѣ бытъ не только верхне-культурный, но къ тому же и мало, а иногда и совсѣмъ не національный? Однимъ словомъ—въ русской народной школѣ, ученикъ (болѣе или менѣе—*Востокъ)* пріобщается не только къ знанію, но и къ Западу. Это пока неизбѣжно; но дѣло школы—всѣми зависящими отъ нея способами облегчать и замирять эту встрѣчу Востока съ Западомъ, отрѣшаться отъ иноплеменной стихіи во сколько это возможно и такъ сказать *русить* науку и цивилизацію или, по крайней мѣрѣ, снимать съ нея чуждую, національную же оболочку. А между тѣмъ для нашихъ патентованныхъ педагоговъ Русскій народъ, русская народная душа — большею частью terra incognita и имъ даже и не въ домекъ -что на потребу народу!

Но есть однакоже не мало и утѣшительныхъ исключеній, завися

щихъ преимущественно отъ личности школьнаго учителя или попечителя, отъ ихъ личнаго дѣятельнаго участія въ обученіи дѣтей, независимо отъ программы, а часто и наперекоръ ей. Въ этихъ школахъ отношеніе и крестьянъ, и въ особенности крестьянскихъ дѣтей въ школѣ совсѣмъ иное, и эти немногія исключенія дали возможность обозначиться дотолѣ почти неизвѣстному, въ высшей степени привлекательному типу русскаго школьника изъ народа, съ его ненасытимой любознательностью, съ его свѣжей воспріимчивостью, чуткою отзывчивостью чистаго сердца и молодымъ еще отпрыскомъ того здравомыслія, которымъ отличается русскій крестьянинъ. По этимъ образцамъ можно уже судить и даже гадать о томъ, чѣмъ могла бы быть и теперь, а современемъ и стать русская народная школа. Но всѣ эти отдѣльныя, случайныя, разрозненныя исключенія были скорѣе намеками, очерками, чѣмъ-то непрочнымъ и кратковременнымъ и не могли еще выяснить общаго идеальнаго типа, пока наконецъ не стала извѣстною, какъ исключеніе изъ исключеній, школа С. А. Рачинскаго.

Бывшій профессоръ ботаники въ Московскомъ университетѣ, человѣкъ съ высшимъ европейскимъ образованіемъ, отличный знатокъ иностранныхъ литературъ, съ замѣчательно-развитымъ эстетическимъ чувствомъ и въ то же время сохранившій живую сыновнюю связь съ родною Православною Церковью, С. А. Рачинскій (да проститъ онъ намъ это посягательство на его скромность) болѣе 10 лѣтъ назадъ, поселившись въ своемъ имѣніи Татевѣ Смоленской губ., Бѣльскаго уѣзда, занялся въ деревенской школѣ обученіемъ крестьянскихъ ребятъ, сблизился лицомъ къ лицу съ этимъ русскимъ, дѣтскимъ крестьянскимъ міромъ,—и отдался дѣлу народнаго воспитанія всею своею душой. Счастливое сочетаніе въ этомъ деревенскомъ учителѣ всѣхъ упомянутыхъ нами качествъ и жизненныхъ условій дало ему возможность не только практически образовывать и воспитывать крестьянскихъ дѣтей, но и возводить практическій опытъ въ теорію и систему,—приложить къ своему труду не только всю полноту сердечнаго сочувствія, но и строгій, свойственный профессору анализъ, и мыслящею любовью уразумѣть истинную задачу и силу народнаго русскаго училища. Школа Рачинскаго вся проникнута дѣйственнымъ духомъ евангельскаго ученія и жизненнымъ единствомъ съ ученіемъ Православной Церкви и православнымъ же народнымъ бытовымъ складомъ,—при всемъ довольно высокомъ, сравнительно съ прочими школами, умственномъ и даже эстетическомъ развитіи учениковъ.

Если, какъ сказали мы выше, дѣло народнаго училища въ Россіи представляетъ, сравнительно съ Западомъ, болѣе усложненій, благодаря историческимъ условіямъ, при которыхъ насаждена у насъ цивилизація, то, съ другой стороны, оно же, это дѣло, значительно облегчается у

насъ *властнымъ* указаніями самой нашей народной жизни, а также и самымъ внутреннимъ и внѣшнимъ строемъ Православной Церкви. Центръ тяжести Русской земли все же въ немъ, въ нашемъ смиренномъ и покорномъ народѣ, и ни въ одной странѣ не имѣетъ народъ того значенія, хотя бы и пассивнаго, какое, въ концѣ концовъ, выпадаетъ на долю нашему—въ видѣ побѣды его долготерпѣнія. Въ Россіи было бы немыслимо зрѣлище выбрасыванія изъ школъ Распятій, иконъ, священныхъ книгъ и вытравливанія изъ учебниковъ имени Божія... Союзъ Церкви со школою *требуется* у насъ самимъ народомъ; безъ этого союза, при всеобщемъ нерасположеніи народа къ школѣ, дѣло образованія народнаго у насъ не пойдетъ и идти не можетъ. Но этотъ союзъ Церкви со школой во Франціи, въ Италіи, напримѣръ, имѣетъ другое значеніе, чѣмъ у насъ, и налагаетъ *клерикальный* характеръ на все обученіе: т. е. содѣйствуетъ усиленію власти *духовенства*, передаетъ народъ въ подчиненіе партіи клерикальной, стремящейся къ преобладающему положенію въ государствѣ. Нашему же православному понятію о Церкви и церковности чуждо всякое понятіе о клерикализмѣ. Православный народъ Святой Руси *самъ* живетъ *въ Церкви*, а не у ея ограды, и каждый изъ народа признаетъ и разумѣетъ себя частью Церкви, сыномъ ея. Духовенство для него—пастыри, а не командиры душъ...

Кто въ отношеніи къ православной христіанской религіи не отдѣляетъ себя отъ народа, для того и задача народной школы обозначается сама собою. Эта задача прежде всего—просвѣтить народную мысль свѣтомъ познанія Вѣры, развить и укрѣпить въ немъ сознательное отношеніе къ религіозной истинѣ и къ Церкви, развить и воспитать въ этомъ обще-народномъ коллективномъ существованіи начало личности, но не языческое и эгоистическое, а христіанское, которое одно можетъ согласовать въ народѣ дѣятельность личнаго сознанія съ мірскимъ или коллективно-безличнымъ строемъ его существованія. Лишь такимъ образомъ освятится для народа наука; лишь утвердясь на этой почвѣ, охотно и плодотворно восприметъ онъ ее...

Впрочемъ читатели «Руси» вполнѣ знакомы со школьною дѣятельностію С. А. Рачинскаго. Послѣ десятилѣтней работы, побѣдивъ наконецъ свое отвращеніе къ газетной гласности, рѣшился онъ передать русскому обществу плоды своихъ наблюденій и практическаго опыта въ извѣстныхъ письмахъ, напечатанныхъ въ «Руси» въ началѣ перваго года нашего изданія (1880—1881 г.). Дѣйствіе этихъ краткихъ писемъ было необычайно сильное. Впослѣдствіи они были отпечатаны особою брошюрою и конечно знакомы всѣмъ, кто любитъ Русскій народъ искреннею душою,—а не—«по принципу», не въ силу модной доктрины демократизма... Одинъ изъ молодыхъ людей, подъ впечатлѣніемъ этихъ писемъ, посѣтилъ Татевскую школу и тогда же рѣшился, по окончаніи

курса въ университетѣ, раздѣлить труды Татевскаго сельскаго учителя,—каковой свой планъ и привелъ въ исполненіе, состоя нынѣ учителемъ учрежденной Рачинскимъ же школы съ живущими въ ней мальчиками, въ 10 верстахъ отъ Татева, въ селѣ Глуховѣ... Но обоихъ ихъ, и Рачинскаго и его новаго сотрудника, Н. М. Горбова, мучительно заботитъ мысль: какъ бы поставить дѣло народнаго просвѣщенія (въ томъ духѣ, въ какомъ оно стоитъ у нихъ въ школахъ) на прочную основу, на которой бы оно могло держаться и широко преуспѣвать—не завися отъ ихъ личныхъ усилій. Другими словами: какъ приготовить себѣ сотрудниковъ и преемниковъ—сельскихъ учителей? Если, какъ говоритъ ниже, въ этомъ же №, г. К. А., Татевская школа съ своими развѣтвленіями рѣшаетъ вопросъ: *какъ и чему* учить, то остается еще неразрѣшеннымъ вопросъ: *кому* учить?

Этотъ вопросъ и пытался разрѣшить С. А. Рачинскій, уже создавъ новый типъ сельскихъ учителей, такъ живо и подробно описанный въ превосходной статьѣ г. Лясковскаго въ 6 № «Руси». Эти учителя—изъ школьныхъ же учениковъ Рачинскаго, которые въ досужное, *каникулярное время*, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получали отъ неутомимаго учителя высшую, сравнительно, мѣру образованія и такимъ образомъ подготовлены имъ къ дѣлу учительства. Успѣхъ превзошелъ ожиданія. Это не полубаричи, какъ бо́льшая часть воспитанниковъ учительскихъ семинарій, это—тѣ же крестьяне, Василій, Романъ и т. д., но это ни мало не ослабляетъ силы ихъ нравственнаго для учениковъ авторитета. Само собою разумѣется, что это—сосуды избранные, которые способны отнестись къ учительству не только какъ къ профессіи, но и какъ къ подвигу...

Но таковыхъ сельскихъ учителей нѣтъ и десятка, да и некогда ихъ готовить, такъ какъ для спеціальныхъ занятій съ ними не имѣется другаго времени кромѣ свободнаго отъ уроковъ въ начальныхъ школахъ. У Рачинскаго и Горбова есть и болѣе смѣлая мысль: учредить учительскую семинарію по новой программѣ и новому образцу,—но вѣдь двоимъ имъ съ такимъ дѣломъ не справиться: нужны помощники или точнѣе сподвижники, одушевленные однимъ съ ними духомъ... И вотъ молодой Горбовъ и отважился кликнуть кличъ къ русской университетской молодежи, въ надеждѣ, что на широкомъ пространствѣ Россіи кто-нибудь да отзовется...

Отзовется ли? «Есть ли въ полѣ живъ человѣкъ»?

Во всякомъ случаѣ пусть эти оба дѣятеля вспомнятъ себѣ на ободреніе слова Евангелія: «Не бойся, малое стадо»!

Рекомендуемъ вниманію читателей письмо г. К. А. Нельзя, кажется, не признать мысль его довольно счастливою; именно онъ предлагаетъ воспользоваться для народнаго образованія нашими монастырями, по

крайней мѣрѣ нѣкоторыми, гдѣ имѣются между монахами люди образованные, и призвать послѣднихъ къ новому виду подвижничества, именно къ учительству въ школахъ, созданныхъ *при монастыряхъ*, по типу Татевскаго училища. Намъ кажется это вполнѣ возможнымъ.

Собственно о церковно-приходскихъ школахъ, мысли о которыхъ нельзя не сочувствовать, поговоримъ въ другой разъ.

Слабость нашего образованія въ томъ, что оно у насъ—не цѣль, а средство.

«Русь», 15-го августа 1884 г.

Какъ ни странно говорить въ Россіи объ «умственномъ пролетаріатѣ», но это печальное явленіе несомнѣнно у насъ существуетъ. Но какъ? Вовсе не въ видѣ избытка людей просвѣщенныхъ, даровитыхъ,— лишенныхъ только возможности добывать себѣ насущный хлѣбъ своими научными познаніями и талантами, а въ видѣ изобилія *развитыхъ посредственностей*, нахватавшихъ кое-какіе вершки «высшаго образованія», высаженныхъ школою изъ своей бытовой природной колеи, отставшихъ отъ одного берега, не приставшихъ къ другому, ни къ чему непригодныхъ,—однимъ словомъ: *никудышекъ*. Тамъ, гдѣ система общественнаго образованія выработалась свободно органически, жизнью самого общества, тамъ и цѣленіе ненормальныхъ явленій, системою порождаемыхъ, подается само собою, естественнымъ ходомъ жизни, тѣсно связано съ самимъ процессомъ общественнаго развитія. Совсѣмъ не то въ странахъ, гдѣ просвѣщеніе насаждается исключительно самимъ правительствомъ, мѣрами искусственными, частью принудительными, частью поощрительными, и ради потребностей государственныхъ. Здѣсь просвѣщеніе какъ бы носитъ на себѣ правительственную санкцію, и правительство какъ бы принимаетъ на себя отвѣтственность за самое направленіе наукъ, преподаваемыхъ въ воздвигнутомъ имъ казенномъ «храмѣ» состоящими на казенной службѣ «жрецами» — юношеству, привлеченному, чуть не насильственно, правительственными же распоряженіями... А такъ какъ правительство не властно надъ направленіями и доктринами, какимъ слѣдуетъ, мѣняя ихъ сплошь да рядомъ, та или другая наука въ своемъ развитіи (разумѣется изъ разряда «неточныхъ»), то, очевидно, ему приходится одно изъ двухъ: либо санкціонировать, порою, преподаваніе принциповъ явно враждебныхъ государственному строю, нравственнымъ и религіознымъ основамъ народнаго бытія,—либо обуздывать внѣшнимъ способомъ самую науку, ставить ее въ указныя рамки, обращать ее въ опредѣленный и процензурованный *учебный предметъ*. И наукѣ плохо, и правительству—задача и заботы

непосильныя! Это во-первыхъ. Во-вторыхъ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ система образованія сочиняется и *налагается* на общество самимъ правительствомъ, дѣйствіе послѣдняго никакъ не состоитъ только въ одномъ «насажденіи просвѣщенія», чѣмъ обыкновенно такъ легко воспламеняется воображеніе правителей, а имѣетъ громадное соціологическое значеніе, измѣняя самый *составъ* общества, внося въ него раздѣленіе по внѣшнимъ степенямъ образованности, внѣдряя въ него разныя, постороннія просвѣщенію, побужденія и потребности, которыя въ жизни государства тотчасъ же принимаютъ формы реальныя, бытовыя. Это послѣднее обстоятельство большею частью и упускается изъ виду при «насажденіи»...

Въ такомъ именно положеніи находится дѣло образованія у насъ въ Россіи. Не будемъ поднимать вопроса, почему это случилось такъ, а не иначе, и могло ли просвѣщеніе водвориться у насъ самостоятельнымъ органическимъ процессомъ общественной жизни; не станемъ тягаться съ историческимъ фактомъ и признаемъ его каковъ онъ есть. А фактъ— тотъ, что со времени преобразованій Петра Великаго свободное творчество самого народнаго духа пріостановилось, правильность органическихъ жизненныхъ отправленій разстроилась, — всякій починъ, роль и обязанности *движущаго* начала, да и самихъ органическихъ функцій, приняла на себя государственная власть, конечно во имя высшей идеи,— общегосударственнаго блага и цивилизаціи. Никогда, конечно, никакой иной власти въ мірѣ не выпадала на долю подобная исполинская обуза! Для исполненія высшихъ задачъ, власти пришлось обратить все, что внѣ ея—въ нѣкотораго рода anima vilis, въ пассивный матеріалъ, надъ которымъ съ конца XVII вѣка и начался рядъ энергическихъ экспериментовъ. Впрочемъ народная масса была изъ этого матеріала выключена, какъ наигрубѣйшая его часть, способная оказать хотя и пассивное, однако все же очень упорное сопротивленіе. Народъ или, точнѣе,— все, что до Петра называлось «земщиной» (т. е. сельское населеніе, посадское или, позднѣе, мѣщанство и купечество), осталось, такъ сказать, по ту сторону цивилизаторской дѣятельности правительства, которая обратилась всецѣло на сословіе служилое, какъ старое, такъ и вновь созидаемое путемъ солдатства и канцелярщины: этотъ пассивный матеріалъ оказался удобенъ, мягокъ и воспріимчивъ. По *ту* сторону продолжала пребывать «тьма невѣжества», т. е. сохранялись, вмѣстѣ съ внѣшнимъ старинымъ обликомъ, старинный бытъ, духъ, преданія и завѣты Руси старой, хотя и осужденные на бездѣйствіе, —однимъ словомъ, самое зерно русской народной, исторической сути и мощи, въ той неприкосновенности и неплодности, въ какой, порою при засухѣ, лежитъ подъ пластами вспаханной земли, словно въ закромахъ, зерно ржаное или пшеничное... По *сю* сторону — новый міръ, новые люди,

пестрый свѣтъ зачавшейся цивилизаціи, — однимъ словомъ — «образованность» (въ переводѣ съ нѣмецкаго Bildung), по преимуществу въ наружныхъ, внѣшнихъ ея проявленіяхъ и начиная съ самыхъ низшихъ ея ступеней. По *ту* сторону — застой, крѣпость старинѣ до суевѣрія; по *сю* — форсированный «прогрессъ» и также суевѣрная, но притомъ раболѣпная и подобострастная духовная крѣпость Европейскому Западу. Россія раздѣлилась на двѣ половины, различавшихся не только внутренно, но и внѣшне, наружнымъ видомъ,—а въ крайнихъ противоположныхъ своихъ полюсахъ—чуть-чуть не языкомъ; раздѣлилась на «необразованныхъ» и «образованныхъ», или на одѣтыхъ въ русское и въ нѣмецкое платье, на небритыхъ и бритыхъ, на битыхъ и небитыхъ, на податныхъ и неплатящихъ никакихъ податей, на опекаемыхъ и опекуновъ, на безправныхъ и привилегированныхъ, на безвластныхъ и болѣе или менѣе властныхъ, на «сѣрыхъ» и «чистыхъ», на *народъ* и *публику*, на простолюдиновъ и *господъ*. Вся эта вторая половина, которую въ отличіе отъ первой слѣдуетъ называть «обществомъ», — которая-то исключительно и стала поприщемъ для просвѣтительнаго дѣйствія правительства, для его упражненій и опытовъ,—приписана была къ табели о четырнадцати рангахъ, по коимъ и распредѣлялась. Само собою разумѣется, очень и очень различны были, внутри ея, степени духовнаго развитія и культуры; но если восходящее солнце цивилизаціи съ ея правами и привилегіями освѣщало сначала, въ этой половинѣ, только вершинки, то все долу пребывающее, отъ низменнѣйшаго чина, какъ подсолнечникъ тянулось и лѣзло къ солнцу...

Все это, конечно, извѣстно, но все это необходимо, однако же, снова припомнить для уразумѣнія той обстановки, тѣхъ условій, среди которыхъ пришлось водворяться у насъ европейскому или «свѣтскому» образованію. (Объ образованіи «духовномъ» и о роли духовнаго сословія мы теперь говорить не станемъ, такъ какъ это завлекло бы насъ слишкомъ далеко). Эти первоначальныя условія, несмотря на множество частныхъ видоизмѣненій, сохраняются и понынѣ, по крайней мѣрѣ наложили свою печать на все дѣло, всю постановку общественнаго образованія въ Россіи, не изгладившуюся и до сихъ поръ. Наука явилась у насъ къ концу XVII вѣка какъ государственная потребность, сознанная прежде всего правительствомъ, а потому и приняла, съ первыхъ же дней, форму служилой повинности и привилегіи, облеклась въ казенный мундиръ и чинъ, подвѣсила шпагу (новую, перенятую у Запада, эмблему «благородства»: должностному купечеству при «національныхъ» мундирныхъ кафтанахъ, предоставлена только лишь сабля...). Да и не одна наука, но и всякое даже искусство изъ разряда изящныхъ... Представленіе объ «образованности» и до сихъ поръ осталось у насъ неразрывно связаннымъ съ представленіемъ о табельномъ ран-

гѣ, казенной службѣ и казенномъ жалованьѣ; попасть въ «образованные» значило съ самаго основанія, de jure и de facto, попасть въ «господа», кормиться на счетъ казны или собственно на счетъ народа,—значитъ почти то же самое и теперь.

Если Петръ силою, или попросту батогами и дубиной дубилъ жесткую поверхность русскаго общества, и наставлялъ своихъ бояръ и дворянъ наукамъ, художествамъ и «комплиментамъ», то, сказать по правдѣ, этотъ грубый пріемъ просвѣтительнаго отесыванія или оболваненія продолжался не слишкомъ долго. Скоро не было въ немъ и надобности. Весь строй жизни, весь бытъ *по сю сторону* народа постепенно сложился такъ, что ничего болѣе никому и не оставалось, даже независимо отъ проникшей въ сознаніе самого общества потребности просвѣщенія, какъ примыкать къ правительственной цивилизаціи не только внѣшностью, но и духомъ, путемъ правительствомъ же указаннымъ, да и прельстительнымъ по своей выгодности. Но какимъ образомъ усвоивалась эта цивилизація? Петру, въ его спѣшной работѣ, въ его стремленіи догнать Западную Европу, поравняться съ нею, скорѣе нужны были готовые *результаты* европейской науки,—нужно было знаніе и умѣнье, которое бы можно было тотчасъ приложить къ дѣлу. Весь этотъ долгій правильный процессъ насажденія и произращенія отъ корня до плода—мало его интересовалъ; некогда было примѣнять его къ русской практикѣ и терпѣливо выжидать послѣдствій,—да и къ чему бы, казалось? подъ рукой на Западѣ такая масса *готоваго!* Надо было только имъ пользоваться, перенимать цѣликомъ, безъ дальнихъ справокъ и недоумѣній, превративъ напередъ русскую почву въ tabula rasa, возложивъ надежды на ея воспріимчивость и способность. Молодые дворяне, безъ всякаго предварительнаго обученія, посылались правительствомъ отрядами на выучку за границу усвоивать себѣ послѣднія данныя науки, вкушать готовыхъ плодовъ знанія. И вкушали они, и, — что и понятно,—плѣнялись и пресыщались ими, и въ обиліи ввозили ихъ въ свое отечество, гдѣ такъ или иначе и потреблялись эти плоды, роняя въ безпорядкѣ свои ядра и зерна на воспріимчивую, хотя и плохо удобренную общественную почву. Вмѣсто всякой разсадки корней и установленія системы правильнаго подготовительнаго образованія, мы, при Петрѣ, начинаемъ прямо съ образованія *высшаго*, которое, такимъ образомъ, предшествуетъ у насъ образованію *среднему*. Вотъ этими двумя чертами, словно раскаленными клеймами, и запечатлѣлось дѣло русскаго просвѣщенія: погоня за *чужимъ готовымъ*, наука заемная, выписная, скорѣе результаты, «послѣднія слова» науки, чѣмъ сама наука, — и слабая, отчасти ошибочная, постановка *средняго* образованія. Намъ подавай для всѣхъ *высшаго*, среднее образованіе не въ чести: даже и въ наши дни оно не имѣетъ *самостоятельнаго* значенія; оно, конечно, то-

перь довольно стройно организовано, но лишь какъ ступень на лѣстницѣ къ высшему,—ступень, на которой и остановиться нельзя, такъ какъ при ней даже и площадки нѣтъ, а можно, если не лѣзть вверхъ, только сорваться...

Конецъ царствованія Петра ознаменованъ учрежденіемъ Императорской Россійской Академіи Наукъ. Но завести Россійскую Академію Наукъ не значило еще завести россійскую науку. Тонъ, характеръ, значеніе, направленіе Академіи давались, разумѣется, выписанными изъ-за границы учеными; даже и до сихъ поръ русскій элементъ является въ ней какъ бы фальшивою нотою, диссонансомъ въ общей гармоніи. Что же это было лѣтъ за полтораста и за сто тому назадъ! «Диво, что и студентовъ изъ-за моря не выписываютъ!» восклицалъ Ломоносовъ,—этотъ воплощенный порывъ народнаго духа къ высшему знанію, порывъ самостоятельный, отъ Петровой реформы даже независимый, но совпавшій съ нею и испытавшій на себѣ, вмѣстѣ съ благомъ, и вредъ ея воздѣйствія... Достойно вниманія, скажемъ кстати, что первый русскій ученый, творецъ новой словесности и современной нашей литературной поэзіи,—которому по личной силѣ, по смѣлости, энергіи и разнообразію почина, не было равнаго изъ послѣдующихъ русскихъ служителей просвѣщенія,—не принадлежалъ ни по происхожденію, ни по первоначальному образованію къ *новой* Россіи: онъ былъ сынъ крестьянина, стало быть родился по *ту*, а не по *сю* сторону, питался сперва церковными книгами, учился въ школѣ, созданной еще до-Петровскою эпохою; «этими стихіями», какъ замѣтилъ еще Хомяковъ, «среди которыхъ выросла молодость Ломоносова, объясняется личная его сила, но вліяніемъ дѣла Петрова, подъ которымъ геній его окончательно развился, объясняется также—почему ни одной изъ этихъ стихій не внесъ онъ въ словесность, почему въ его поэзіи не отразилась ни одна изъ нуждъ, ни одно изъ страданій, ни одна изъ радостей, ни одно изъ повѣрій того народа, изъ коего онъ вышелъ», и напротивъ «легла печать отвлеченности и академизма»...

Наконецъ, обзавелись мы и своими разсадниками науки, упразднившими ироническое удивленіе Ломоносова о невыпискѣ заморскихъ студентовъ. 130 лѣтъ тому назадъ учредился университетъ въ Москвѣ... 130 лѣтъ—не совсѣмъ малый объемъ времени; теперь университетовъ насчитывается въ Россіи семь, скоро, пожалуй, будетъ ихъ восемь,—но русской самостоятельной науки, въ истинномъ смыслѣ слова, нѣтъ и доселѣ, развѣ только въ зачаткахъ,—но и доселѣ наши университеты—въ качествѣ «храмовъ науки»—только лишь пародія на университеты Западной Европы...

Мы вовсе не желаемъ оскорблять наше учащее сословіе,—допускаемъ сколько угодно частныхъ исключеній, охотно признаемъ и уче-

ность отдѣльныхъ лицъ, и добросовѣстное ихъ отношеніе къ своимъ обязанностямъ,—но мы имѣемъ дѣло не съ частностями и исключеніями, а съ общими характеристическими чертами. Общій же типъ русскихъ университетовъ—не свободная лабораторія самой науки, не то святилище ея, гдѣ она совокупными усиліями постоянно движется впередъ, отъ несомнѣннаго знанія переходя къ тщательному изслѣдованію и добыванію новыхъ данныхъ, —гдѣ къ посильному участію въ этомъ высокомъ трудѣ, вмѣстѣ съ усвоеніемъ уже добытыхъ и признанныхъ наукою аксіомъ и положеній, пріобщается въ лицѣ студентовъ молодая любознательность и пытливость. Наши университеты—съ ихъ экзаменами, баллами, отмѣтками, чинами и льготами—просто-напросто учебныя заведенія перваго или высшаго разряда; наука—*учебный предметъ*, а студенты—не новопосвящаемые адепты науки, а школьники или въ положеніи школьниковъ. Но профессора и не студенты въ этомъ виноваты, а такъ поставлено дѣло историческими условіями нашего общественнаго развитія, уже отчасти очерченными нами выше.

Конечно, не ради интерессовъ науки самой по себѣ учреждались русскимъ правительствомъ ея разсадники, а ради правительственной потребности въ *образованныхъ* людяхъ. Въ «образованныхъ», а не въ «ученыхъ». Коли нужда въ «ученыхъ», особенно въ ученыхъ спеціалистахъ, такъ съ этой нуждою правительство всегда имѣло возможность справиться самымъ нехитрымъ способомъ, имѣя таковыхъ готовый ассортиментъ у себя подъ рукою, *за границей*; къ этому способу оно со временъ Петра и обращалось, отчасти по удобству, отчасти по суевѣрію и робости души относительно Европы, свойственнымъ ученику относительно мастера. Да вѣдь оно и справедливо: «нѣсть ученикъ надъ учителя своего», и оригиналъ всегда предпочтительнѣе списка! *Своимъ* «ученымъ» какъ-то плохо вѣрилось,—почерпнуть изъ источника представлялось словно бы понадежнѣе. Не такъ ли оно даже и теперь?.. Что же касается до «образованности», то понятіе объ ней очень относительное и эластичное. Даже въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія, въ эту блистательную эпоху русской словесности, Пушкинъ имѣлъ полное право опредѣлить русское образованіе словами: «мы всѣ учились понемногу, чему нибудь и какъ-нибудь». Для свѣтской «образованности», какая требовалась жизненнымъ обиходомъ, вполнѣ было достаточно, особенно во время оно, и особенно при русской талантливости, обладать одними передами западной науки, оставляя въ покоѣ ея зады; и ужъ за глаза всего этого было достаточно для той образованности, которая была нужна на службѣ. И университетъ вполнѣ достигалъ этой цѣли, снабжая слушателей все же кое-какимъ научнымъ, хотя и не самымъ свѣжимъ, заграничнымъ товаромъ; все же студенты терлись *около науки* и оканчивали курсъ, особенно со второй четверти нынѣшняго столѣтія,

съ возбужденною мыслью и вообще съ болѣе или менѣе развитою способностью логическаго мышленія,—хотя бы съ положительными знаніями болѣе или менѣе скудными и неточными. Для служебной карьеры, повторяемъ, этого было довольно, и университетская «учоба» вся была пригнана—не къ служенію интересамъ русской народности, въ смыслѣ разработки ея внутренняго духовнаго содержанія, а къ русскому служебному строю, внѣ котораго впрочемъ долго, очень долго почти и не мыслилось въ общественной русской средѣ человѣческое бытіе. Университетъ получилъ значеніе корридора, который велъ къ гражданской служебной карьерѣ—въ званіи чиновника, врача и учителя. При самомъ вступленіи своемъ въ университетъ, студентъ уже числился въ XIV классѣ и становился «его благородіе»; успѣшное окончаніе курса наукъ давало счастливцу званіе «губернскаго секретаря» или «коллежскаго», XII или X классъ (докторъ же наукъ, тотъ ужъ прямо переваливалъ черезъ титулярнаго совѣтника и коллежскаго ассессора!). Простой смертный безъ университетскаго аттестата, будь онъ ученѣе Гумбольдта, вступя на службу, долженъ былъ бы чуть не десятокъ лѣтъ дослуживаться до чина, даруемаго кандидатскимъ дипломомъ! Такимъ образомъ участь цѣлой жизненной карьеры рѣшалась (рѣшается и теперь) экзаменомъ, хорошими или дурными баллами: отъ профессора зависѣло отмѣткою своею погубить или спасти молодаго человѣка; для послѣдняго весь интересъ ученія сосредоточивался на тройкѣ или пятеркѣ, на билетѣ, который, прихотью судьбы, попадется ему при экзаменѣ,—этой своего рода лотереѣ. Самое же знаніе предмета опредѣлялось соотвѣтствіемъ отвѣта содержанію профессорскихъ лекцій: недостаточно было знать положительныя аксіомы науки, — нужно еще отвѣчать непремѣнно въ духѣ и смыслѣ профессорскихъ, подчасъ произвольныхъ и вовсе не научныхъ, толкованій, въ *его* вкусѣ... А для большинства — сдать экзаменъ *неудачно* (хотя бы неудача была совершенно случайна, не свидѣтельствовала ни о невѣжествѣ, ни о неспособности) значило, да и значитъ—пропасть, обратиться въ никудышку, въ *изгоя*. Куда же ему въ самомъ дѣлѣ дѣваться?.. Что же тутъ общаго съ германскими студентами, и благопріятно ли такое школьническое и карьеристское отношеніе къ наукѣ для ея благотворнаго возрощенія?

Въ первыя десятилѣтія, даже до конца первой четверти нашего столѣтія, все это выдавалось еще нерѣзко; неудобства почти и не ощущались. Университеты нисколько не страдали переполненіемъ. На службу можно было пробираться и помимо университета, особенно въ судебныя учрежденія, куда столбовое дворянство до 1840 г. (до перваго выпуска изъ Училища Правовѣдѣнія) даже совѣстилось и направляться, и куда шли преимущественно такъ называемые разночинцы. Оно безъ затрудненія находило средства достигать образованія минуя

казенныя учебныя заведенія, и едвали общій уровень, не учености, конечно, а «образованности» въ дворянствѣ въ вѣкъ Александра I стоялъ не выше, чѣмъ въ послѣдующую эпоху. Это объясняется громаднымъ наплывомъ въ Россію, послѣ французской революціи, болѣе или менѣе просвѣщенныхъ эмигрантовъ, которые стали поступать въ дворянскія семейства учителями, открыли множество пансіоновъ, и дѣйствительно давали своимъ ученикамъ лучшее, во всякомъ случаѣ болѣе блестящее, *изъ первыхъ рукъ*, образованіе, чѣмъ въ тогдашнихъ университетахъ. Таково было воспитаніе большей части нашихъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ литературѣ и на службѣ первой половины этого столѣтія. Въ царствованіе Александра I существовали своего рода государственные экзамены въ видѣ коммиссій при университетахъ, гдѣ можно было сдавать экзаменъ для поступленія на службу не слушая лекцій въ университетѣ. Съ уничтоженіемъ же этихъ экзаменаціонныхъ коммиссій приливъ въ университеты сталъ постепенно усиливаться; правительство все менѣе и менѣе благопріятствовало домашнему семейному воспитанію; военная карьера, которая была въ большомъ почетѣ у дворянства, съ теченіемъ времени, вслѣдствіе водворенія болѣе суровой дисциплины и съ учрежденіемъ большаго числа кадетскихъ корпусовъ, стала менѣе привлекать къ себѣ взрослыхъ сыновей дворянскихъ,—и съ тридцатыхъ годовъ, особенно же съ сороковыхъ, съ улучшеніемъ и гимназій и самихъ университетовъ, «университетское образованіе» становится какъ бы принадлежностью дворянскаго быта. (Слѣдуетъ исключить, разумѣется, ту массу дворянъ, которая находила возможность размѣщать своихъ дѣтей по разнымъ казеннымъ же, спеціальнымъ учебнымъ заведеніямъ, также высшаго разряда, въ которыхъ однако комплектъ учащихся, въ противность университетамъ, былъ точно опредѣленъ и крайне ограниченъ). Да и независимо отъ стараго дворянства, контингентъ чающихъ либеральныхъ профессій и чиновной карьеры увеличился самъ собою вслѣдствіе прироста населенія, особенно же вслѣдствіе сильнаго размноженія «разночинцевъ» и чрезвычайно участившагося перехода съ *той* стороны по *сю* сторону, изъ «неблагородной» въ «благородную», изъ низшихъ классовъ въ «господа». Мы нисколько не отрицаемъ при этомъ у многихъ искренняго влеченія къ образованію, но оно было осложнено и иными побужденіями, и во всякомъ случаѣ влекло за собою разрывъ съ прежнимъ, «низшимъ» бытомъ.

Съ водвореніемъ, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, классической системы въ гимназіяхъ, имѣвшимъ цѣлію поднять уровень науки въ самомъ университетѣ, число воспитанниковъ въ гимназіяхъ и студентовъ въ университетахъ стало быстро и рѣзко увеличиваться, до такой степени, что теперь въ гимназіяхъ недостаетъ и мѣстъ, а университеты, несмотря даже на значительный процентъ гимназистовъ, неполу-

чающихъ аттестата зрѣлости, принимаютъ мѣры противъ избытка студентовъ. Про юношество, воспитывающееся по нашей классической системѣ, никакъ ужъ нельзя сказать, что оно учится «чему-нибудь и какъ-нибудь»; но подняла ли она уровень науки въ университетахъ—пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ сами профессора; мы не имѣемъ положительныхъ данныхъ для отрицательнаго отвѣта, и еще менѣе для положительнаго... Несомнѣнно одно: удвойте, утройте число классическихъ гимназій,—онѣ такъ же будутъ полны учениковъ. Служитъ ли это, однако, доказательствомъ потребности въ болѣе основательномъ, строгомъ образованіи, чѣмъ прежде? къ наукѣ ли влеченіе гонитъ въ гимназію всю эту массу учащихся?.. Какъ ни правы защитники классицизма съ отвлеченной точки зрѣнія на воспитаніе и съ точки зрѣнія чистыхъ интересовъ *науки*, но вѣдь условія нашего быта, нашего общественнаго строя и всей внѣшней постановки образованія въ Россіи нисколько не измѣнились.

Настоящій приливъ учениковъ, чающихъ классическаго образованія, объясняется многими посторонними наукѣ причинами, между прочимъ просто невозможностью поступить въ университетъ (поступленіе въ который стало въ дворянскомъ быту уже властительнымъ обычаемъ) иначе какъ съ гимназическимъ аттестатомъ зрѣлости,—при все болѣе и болѣе, между тѣмъ, возрастающей дороговизнѣ домашняго воспитанія и все болѣе и болѣе возрастающемъ обѣднѣніи дворянства, при его почти повальномъ бѣгствѣ изъ деревень и необходимости обезпечить за своими дѣтьми службу или профессію,—т. е. кусокъ хлѣба, право на который дается только и только университетомъ... Но самымъ «могучимъ двигателемъ просвѣщенія» теперь въ Россіи и самою главнѣйшею причиною переполненія гимназій и университетовъ является, сопряженная съ классическимъ университетскимъ образованіемъ, *льгота отъ воинской повинности!* Попробуйте уничтожить эту льготу и мигомъ на половину убавится у васъ и студентовъ, и гимназистовъ (начиная съ Евреевъ)!..

Во всякомъ случаѣ для огромнѣйшей массы учащихся—ученіе теперь болѣе чѣмъ когда-либо — есть только средство для полученія средствъ къ жизни, а потому, съ точки зрѣнія карьеры и хлѣба, введеніе классической системы, *въ настоящей ея обстановкѣ*, является мѣрою одностороннею и принудительною до суровости. Дѣло поставлено такъ: классицизмъ или голодъ,—и волей-неволей ломится въ классическія гимназіи, какъ въ преддверіе университета съ его перспективой хлѣба и карьеры, масса такихъ, которые ни малѣйшаго призванія къ наукѣ не имѣютъ, и которые, промучась въ гимназіи чуть не до 20-лѣтняго возраста и не попавъ въ университетъ, становятся уже неспособными начинать учебный путь сызнова для какого-либо техни

ческаго поприща. Если бы реальныя училища (которыхъ къ тому же очень мало) не были поставлены у насъ преднамѣренно въ черномъ тѣлѣ, еслибъ они обозпечивали учащимся кусокъ хлѣба и нѣкоторое общественное положеніе, и были бы предметомъ такихъ же правительственныхъ попеченій, какъ и классическія, огромный процентъ гимназистовъ-классиковъ перевалилъ бы въ реальныя, не только безъ малѣйшаго ущерба для науки и общественнаго развитія, но и съ великимъ, великимъ благомъ!

Нужды нѣтъ, замѣтятъ нѣкоторые: пусть хоть насильственными, хоть искусственными мѣрами насаждается и распространяется высшее и серьезное образованіе въ Россіи. Но можно ли ожидать какого-либо плодотворнаго добра отъ науки, насаждаемой такимъ способомъ? Противъ наплыва лишнихъ студентовъ въ университеты ратуютъ даже и въ Германіи. Въ запискахъ знаменитаго ученаго юриста Блунчли читаемъ, что будучи профессоромъ университета въ Мюнхенѣ, онъ подалъ королю записку о необходимости сократить число притекающихъ слушать лекціи въ этомъ университетѣ. Баварія считается, или считалась, самою отсталою землею въ Германіи по части науки,—почему водвореніе послѣдней и стало предметомъ особенной заботливости королей Лудвига и Макса: профессора привлекались высокими окладами и разными почестями, студенты—дешевизною ученія и дальнѣйшимъ покровительствомъ. Находя, что среднія учебныя заведенія поставлены въ Баваріи хорошо, а между студентами множество плохихъ и имѣющихъ въ виду вовсе не науку, а выгодную профессію и карьеру, Блунчли признавалъ необходимымъ: высоко поднять денежную плату за университетское образованіе, съ обильнымъ, притомъ, учрежденіемъ стипендій для даровитыхъ бѣдняковъ. Высокая цѣнность высшаго образованія во всѣхъ прочихъ германскихъ университетахъ установилась издавна сама собою, и не вызываетъ, кажется, никакихъ порицаній со стороны населенія; но предлагаемая какъ сознательный, искусственный способъ тормозить приливъ учащихся, она не можетъ не оскорблять нравственнаго чувства, дѣлая науку какъ бы привилегіею капитала. У насъ же подобная мѣра была бы, кажется, особенно неудобною: въ Россіи высшее образованіе искони стало законнымъ достояніемъ и нормальнымъ призваніемъ двухъ классовъ: средняго, теперь большею частью небогатаго дворянства, и совсѣмъ почти бѣднаго—духовнаго сословія: едвали было бы справедливо оттѣснить ихъ отъ университетовъ въ пользу богатыхъ Евреевъ и «буржуазіи» (какъ благоговѣйно величаетъ «Русскій Курьеръ» нашъ торгующій классъ)... Но во всякомъ случаѣ, если эта мѣра предположена въ новомъ университетскомъ уставѣ, то, при сохраненіи нынѣшняго status quo гимназическаго образованія, не значитъ ли это: насильственно или

искусственно загоняя учениковъ въ классическія гимназіи, подводить ихъ—въ чаяніи карьеры и куска хлѣба—къ порогу двери и затѣмъ дверь эту захлопнуть имъ на носъ и запереть? Куда же имъ дѣться? Обезпечены ли для бѣдныхъ обладателей гимназическаго аттестата зрѣлости—другія поприща и способы зарабатыванія хлѣба?..

Мы говорили до сихъ поръ о студентахъ: позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ о «русской наукѣ» и профессорахъ. И въ этомъ отношеніи наши университеты до сихъ поръ—пародія на германскіе. Тамъ наука движется свободной конкурренціей своихъ дѣятелей; профессора какъ бы постоянно подъ контролемъ: профессору нельзя отстать отъ своей науки, потому что въ случаѣ отсталости онъ лишится слушателей, которые тотчасъ перейдутъ къ другому профессору или привать-доценту, стоящему на уровнѣ съ научнымъ прогрессомъ; тамъ профессору нельзя повторять одно и то же, не обновляя своего курса новыми изслѣдованіями; еще менѣе возможно преподавать лишь *чужое,* а не свое. Требуется постоянный *самостоятельный* трудъ. У насъ же до послѣднихъ временъ преподавалось только *чужое* или съ чужихъ словъ; избирался какой-либо знаменитый авторитетъ иностранный, и *по немъ* составлялось изложеніе науки, т. е. «предмета», напримѣръ: римское право *по* Савиньи, уголовное *по* Миттермайеру, политическая экономія *по* Сею и т. п. Такъ дѣлалось въ старину; такъ, можетъ быть, нѣсколько въ иномъ видѣ, дѣлается и теперь (за нѣкоторыми исключеніями). Русская мысль даже и не предъявляла претензіи на самостоятельность, а покорно слѣдовала толчку, заданному ей Петровой реформой. Сначала «читали» науку просто по какому-либо иностранному руководству, и читали десятки лѣтъ, пока наконецъ рѣшались замѣнить его другимъ, болѣе новымъ; потомъ началась командировка молодыхъ кандидатовъ въ профессора за границу для подготовленія. Возвращаясь изъ чужи, съ богатою добычею новѣйшихъ результатовъ чужаго труда, съ «послѣднимъ словомъ науки», опять-таки чужими сказаннымъ, они, — особенно талантливые изъ нихъ, — на первыхъ порахъ сильно оживляли свои каѳедры, возбуждали горячій интересъ въ слушателяхъ. Но затѣмъ, это «послѣднее слово» такъ большею частью и оставалось для нихъ послѣднимъ въ теченіе 25 лѣтъ, т. е. вплоть до окончанія «заслуженной профессуры» и до полученія генеральскаго чина, звѣздъ и лентъ: эти отличія, какъ извѣстно, неотвратимы для нашихъ мужей науки почти какъ рокъ, благодаря привилегіи ученаго званія въ выслугѣ чиновъ. Всякій въ молодыхъ годахъ вступающій на каѳедру вольнодумцемъ, скептикомъ, отрицателемъ, всенепремѣнно съ теченіемъ лѣтъ, даже безъ всякихъ старательствъ, имѣетъ украситься орденами, стать «его превосходительствомъ и кавалеромъ»—за 25-лѣтнее повтореніе одного и того же курса, болѣе или менѣе полинявшаго,

выдохшагося, лишь изрѣдка поновляемаго новыми выдержками изъ вновь выписанныхъ иностранныхъ книжекъ... Да какъ же и быть иначе? Да и къ чему? Конкуррентовъ нѣтъ, а при университетской автономіи нѣтъ и опасности отъ посторонняго начальственнаго контроля; студенты же,—что бы и какъ бы профессоръ ни читалъ, — все-таки *обязаны* сдавать экзаменъ не изъ чего другаго, какъ изъ его же преподаванія; для облегченія же литографируются лекціи, которыя такъ и переходятъ отъ одного поколѣнія къ другому. Такимъ образомъ русскіе профессора (за малыми исключеніями) — только *передатчики* чужой, не творцы и не двигатели русской науки. Знаемъ, что при одномъ этомъ послѣднемъ словѣ они готовы хоромъ воскликнуть, что наука-де «одна», что наука-де «не знаетъ національности» и т. д., и т. д.; однакоже ихъ учителя-Нѣмцы названія «германской науки» нисколько не отвергаютъ, прекрасно разумѣя, что если истины науки и составляютъ общечеловѣческое достояніе, то каждый народъ призванъ въ мѣру и по свойству *своего* генія самостоятельно участвовать въ раскрытіи этихъ истинъ. Конечно, есть научные предметы, по которымъ не имѣется и заграничныхъ образцовъ, хоть бы русская исторія напримѣръ: въ этой области мы и имѣемъ нѣсколько замѣчательныхъ и обширныхъ трудовъ,—но и сюда мысль, пріобыкшая пресмыкаться предъ авторитетомъ западно-европейской науки, умѣла вносить возрѣнія и мѣрила совершенно чуждыя русскому національному духу. Нужно ли пояснять, что такое ученое идолопоклонничество предъ Западомъ не въ состояніи вообще осмыслить себѣ историческія правовыя и бытовыя явленія русской жизни? Оно не можетъ подогнать ихъ подъ извѣстную, заученную еще со школьной скамьи, норму явленій западно-европейскихъ, а потому, большею частью, и относится къ своимъ—съ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Оно не способно питать въ себѣ и даже постигать иныхъ идеаловъ, кромѣ чуждыхъ. Вотъ почему и учащееся въ русскихъ университетахъ юношество большею частью воспитывается въ отрицательномъ отношеніи къ своей землѣ, къ своей народности и лишено всякихъ истинно-національныхъ идеаловъ. А при такомъ отрицательномъ отношеніи, на что же другое роковымъ образомъ и осуждено это юношество, какъ не на вредную отвлеченность, падкую до чужихъ, *готовыхъ*, противонародныхъ идеаловъ, за неимѣніемъ и невѣдѣніемъ своихъ?..

Нельзя видѣть во всемъ этомъ *лично* вины нашихъ ученыхъ профессоровъ: они лишь продуктъ Петербургскаго періода нашей исторіи. Къ оправданію же ихъ не совсѣмъ научнаго отношенія даже и къ западной-то наукѣ можетъ также служить то фальшивое положеніе, въ которомъ вообще поставлена наука въ Россіи. Университетъ нашъ — казенный, правительственный, профессора — на жалованьѣ, чиновники и

сановники отъ науки; слушать профессоровъ для студента обязательно подъ страхомъ лишенія чина, льготъ и правъ, даруемыхъ правительствомъ за успѣшное окончаніе курса. По условіямъ такого положенія слѣдовало бы, повидимому, и наукѣ согласоваться во всемъ съ видами и потребностями правительства,—но наука *казенная*... это уже не наука! Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе, высказанное въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ 179 №, о необходимости для экзаменовъ отдѣлить въ наукѣ обязательное отъ необязательнаго, аксіому отъ гипотезы, и предоставить затѣмъ полную свободу серьезной, добросовѣстной научной пытливости и изслѣдованію. Гораздо ранѣе, еще 30 лѣтъ тому назадъ, заявлялъ то же самое (только не касаясь вопроса объ экзаменахъ) Хомяковъ—въ своей «Запискѣ о воспитаніи въ Россіи», напечатанной въ первый разъ въ «Днѣ» 1861—62 года. «Наукѣ—писалъ онъ—должна принадлежать *свобода мнѣнія и сомнѣнія*», и на этомъ основывалъ отличіе высшаго академическаго курса... Теперь что же выходитъ? Такъ какъ направлять науку, опредѣлять ей рамки правительство не можетъ, да это и выше его компетенціи, то и выходитъ, что наука у него вѣчно *подъ подозрѣніемъ*, и отношенія его къ ней далеко не искренни, исполнены недовѣрія: надзоръ за ея *поведеніемъ* то усиливается, то ослабляется,—и свобода,—этотъ необходимѣйшій элементъ научнаго жизненнаго процесса,—является на каѳедрѣ какъ контрабанда или же съ фальшивою, нездоровою заманчивостью запретнаго плода. Въ то же время этотъ запретный плодъ, эта контрабанда, въ силу казенныхъ же правилъ университетскаго преподаванія, становится для студента предметомъ обязательнаго не только знанія, но и усвоенія. Предположимъ, напримѣръ, что профессоръ-юристъ отрицаетъ существованіе высшей абсолютной нравственной правды и признаетъ за нравственною истиною лишь относительное значеніе. Это — его личное мнѣніе или даже одно изъ новѣйшихъ ученыхъ мнѣній. Прилежный студентъ обязанъ вытвердить это отрицаніе какъ обязательную для него аксіому науки, и если на экзаменѣ плохо отрицалъ безусловность нравственной правды, то ему—двойка; хорошо отрицалъ—награждается за это высшимъ балломъ—пятеркой, а затѣмъ дипломомъ, чиномъ, льготами и правами!

О какой же тутъ наукѣ можетъ, въ серьезномъ смыслѣ слова, идти рѣчь, и не пародія ли, скажемъ снова, наши «храмы науки» на тѣ, гдѣ наука истинно движется и живетъ?

«Это возмутительнѣйшая хула на русскіе университеты, русское просвѣщеніе»—заголосятъ многіе. Постойте. Мы первые утверждаемъ, что наши университеты, каковы бы тамъ они ни были, имѣли огромное и полезное значеніе для развитія русскаго общества; что вполнѣ правы всѣ тѣ, которые съ умиленіемъ и благодарностью вспоминаютъ годы, проведенные въ alma mater. Самое это сборище трехсотъ, пятисотъ и

болѣе юношей разныхъ сословій и положеній, но на равныхъ правахъ и безъ сословныхъ различій, уже не въ видѣ школьниковъ, безъ дядекъ и гувернеровъ,—самый тотъ первый и въ прежнія времена единственный періодъ *общественной* въ Россіи жизни, да еще на самой лучшей порѣ лѣтъ, во имя просвѣщенія и другихъ возвышенныхъ идеаловъ, которымъ такъ легко и хорошо вѣрится въ эти годы, — все это дѣйствовало благотворно-возбудительнымъ образомъ на молодые умы. Двѣ-три блестящія мысли, услышанныя съ каѳедры, кое-какія новыя смѣлыя научныя гипотезы—вызывали работу живаго ума,—хотя плодили, конечно, только общіе «взгляды и нѣчто», нагоняли тучи идеаловъ неясныхъ, неопредѣленныхъ, для Россіи, положимъ, подчасъ никуда негодныхъ и даже вредныхъ, но всегда «возвышенныхъ...» Положительныхъ свѣдѣній получалось мало: *ученыхъ* мужей университетъ не творилъ (ихъ творили германскіе университеты, куда жаждущіе знанія и науки послѣ русскаго университетскаго курса и отправлялись). Но все же онъ облагораживалъ души, вселялъ уваженіе къ наукѣ, около которой, повторяемъ, юноши терлись. *Возбуждалась дѣятельность сознанія*; и этого, на ту пору, для русской талантливости было довольно. «Учили хуже, учились лучше», говоритъ Погодинъ, сравнивая свое университетское время съ позднѣйшимъ. Это едвали не остается истиною и теперь. Прочтите также воспоминаніе объ университетѣ К. С. Аксакова, окончившаго курсъ въ 1835 г. И странно: университетъ какъ бы служилъ только поводомъ, предлогомъ, центромъ, около котораго лишь группировалась умственная жизнь молодыхъ лѣтъ, еще свободная отъ заботъ служебныхъ и иныхъ. Такъ въ половинѣ и концѣ тридцатыхъ годовъ обуяла умами молодежи германская философія, въ особенности Гегель,— а въ университетѣ даже и каѳедры философіи не было, самое имя Гегеля едвали произносилось! Направленіе же народное русское, такъ называемое славянофильское, сложилось уже совершенно внѣ стѣнъ университета... Въ сороковыхъ годахъ появилось въ Московскомъ университетѣ не мало молодыхъ даровитыхъ профессоровъ, учившихся за границей, свѣжепомазанныхъ елеемъ европейской науки. Вліяніе ихъ было громадное,—но именно только вліяніе: они передавали не столько науку, сколько направленія и общія, до науки мало относившіяся воззрѣнія, которыя и породили даже особую кличку: «люди сороковыхъ годовъ...» Все же это была жизнь ума, а не сонъ,—на который безъ университетовъ, какъ они съ точки зрѣнія, напримѣръ, германской ни были плохи, была бы, по всей вѣроятности, осуждена русская мысль. Возбуждалась дѣятельность сознанія, — вотъ что было хорошо, но, говоря по правдѣ, это сознаніе шло большею частью кривыми путями, подъ воздѣйствіемъ иностранныхъ воззрѣній и критеріумовъ, и это уже никуда не годилось. Нынѣ, кажется, эта кривизна дошла уже до своего апогея... Положимъ,

пугаться такой кривизны въ Россіи, гдѣ слава Богу масса народная еще довольно свободна отъ вліянія на нее современныхъ русскихъ университетовъ, особенно нечего; ужъ и поговорка такая русская есть: куда *кривая* не вынесетъ! но это нисколько не избавляетъ насъ отъ обязанности избѣгать ложныхъ путей и выправлять общественное сознаніе...

Новый университетскій уставъ, еще не получившій пока силы закона и не опубликованный, долженъ, повидимому, внести большія измѣненія въ дѣло высшаго образованія въ Россіи... Важность этихъ измѣненій мы усматриваемъ, основываясь на статьѣ «Московскихъ Вѣдомостей», именно въ признаніи принципа свободы научнаго мнѣнія и сомнѣнія,— не знаемъ только — какъ и насколько онъ проведенъ. Вопросу же объ автономіи университетской, объ усиленіи власти попечителя и ректора мы съ своей стороны не придаемъ большаго значенія. По тому образцу, который мы имѣемъ передъ глазами, мы не имѣемъ повода питать особенное сочувствіе къ «автономіи». Если составъ профессоровъ хорошъ, если они, кромѣ учености и талантовъ, вполнѣ добросовѣстны, такъ автономія—хорошее дѣло; но при другомъ составѣ—автономія великое зло, обращается въ клику, партію, котерію, замкнутый кружокъ, всего менѣе допускающій свободу мнѣній въ наукѣ, какъ скоро эти мнѣнія чужды господствующей въ кружкѣ тенденціи. Вообще же, по нашему мнѣнію, автономія замкнутая, негласная, внѣ всякаго общественнаго контроля, вещь ненормальная. Съ другой стороны, усиленіе власти попечителя и ректора можетъ быть и добромъ, можетъ стать и зломъ, смотря по личнымъ качествамъ этихъ лицъ. Присутствіе качествъ непремѣнно добрыхъ ничѣмъ вѣдь не застраховано. Въ самомъ высшемъ правительствѣ, въ министерствѣ напримѣръ, съ перемѣною лицъ могутъ мѣняться и разныя «усмотрѣнія...» Былъ попечителемъ графъ Строгановъ, но можно себѣ представить попечителемъ и графа Закревскаго. Да и самый графъ Строгановъ,—этотъ безспорно благороднѣйшій изъ людей, мужъ непреклоннаго долга и христіанинъ, — боялся какъ огня направленія такъ называемаго славянофильскаго, т. е. русскаго національнаго, признавая его «демократическимъ», и ревниво оберегалъ университетъ отъ вторженія въ число профессоровъ кого-либо изъ представителей этого направленія...

Но какъ бы ни измѣняли университескій уставъ, едвали можно ожидать существенно благихъ послѣдствій отъ этихъ измѣненій, если останется въ силѣ то, что самымъ существеннымъ образомъ обусловливаетъ у насъ весь ходъ общественнаго воспитанія. Мы разумѣемъ: чины, льготы, права и привиллегіи съ перспективою хлѣбныхъ либеральныхъ профессій и казенныхъ служебныхъ мѣстъ, связанныя съ высшимъ образованіемъ или точнѣе съ университетскимъ курсомъ. Высшее образованіе не должно быть искусственно и насильственно отождествлено съ

хлѣбомъ насущнымъ, въ буквальномъ смыслѣ послѣдняго слова. Для того именно, чтобъ насадилась у насъ истинная, серьезная наука, необходимо обезпечить возможность добывать себѣ кусокъ хлѣба и помимо университета, путемъ средняго, не одного классическаго, но и реальнаго или техническаго образованія: тогда только станетъ возможнымъ поднять уровень науки не на словахъ, а на дѣлѣ, не возбуждая никакого ропота, не плодя тысячей несчастныхъ, высаженныхъ изъ своей бытовой колеи и не попавшихъ въ другую,—не заманивая въ университетъ юношей, по своему общественному положенію и личнымъ способностямъ къ высшему образованію вовсе не призванныхъ. Необходимо, прежде всего, перегнуть въ противоположную сторону этотъ пагубный сгибъ общественной жизни, благодаря которому все и всѣ тянутся въ «господа», въ «благородія», къ кормленію на государственный счетъ, и всякое честное ремесло почитаютъ для себя «низкимъ».

Не заставляйте же тянуться массы юношества все вверхъ и вверхъ, черезъ силу, и потомъ вытянувшись надламливаться, когда бы онѣ могли преблагополучно, съ выгодою для своего здоровья физическаго и нравственнаго и съ пользою для страны, удовлетвориться скромнымъ, сравнительно, ростомъ. Откройте имъ перспективу хлѣбнаго поприща помимо классицизма и университетовъ, освободите послѣдніе отъ привилегій и правъ, — и тогда только насадится у насъ и серьезное образованіе, и серьезная наука...